

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКОМЪ АРХИВѢ

1912

9.

Стр.

5. Петръ Великій и царевичъ Алексѣй. Статья Д. И. Иловайскаго.
63. Письмо Князярскаго губернатора П. С. Салтыкова къ А. П. Волынскому. 1719. }
66. Самозванецъ Пугачевъ. Новооткрытыя о немъ показанія. } Сообщилъ
68. Академикъ Гмелинъ. 1774. } П. Л. Юдинъ.
83. Леда. Забытое стихотвореніе Е. А. Варатынскаго. }
85. Изъ писемъ къ издателю Р. Архива: Кн. В. Ф. Одоевскаго, кня- }
гини Е. А. Долгорукой, М. А. Максимовича и К. И. Жензифова. }
102. Письмо Екатерины Великой къ Сенаку-де-Мейлану.
104. Ретивые исполнители. Статья П. Л. Юдина.
113. Указъ графа П. В. Шереметева его служителю Петру Алек-
сандрову.
114. Послъ Берлинскаго конгресса: Письмо полковника Янковскаго
графу Милютину.—Отношеніе князя Цертелева князю Лобанову-
Ростовскому и др.
133. Князь Цертелевъ Гирсу.
133. Воспоминаніе А. И. Васильчиковой о 1812-мъ годѣ. Сообщила
А. А. Милорадовичъ.
136. Передъ Турецкой войной. Князь В. А. Черкасскій. Письмо изъ
Тульской деревни къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой.
141. Письма И. И. Лажечникова къ Ф. А. Кони. Сообщилъ А. Ф. Кони.
152. Изъ Записокъ графа Н. Е. Комаровскаго.
159. Русская Борода 1812 г.
160. А. В. Станкевичъ. Некрологъ.
Внутри сорочки: Замѣтки П. А. Россіева.

Алексѣй Сергѣевичъ СУВОРИНЪ

Вѣчная ему благодарственная память гра-
мотныхъ Русскихъ людей.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

Замѣтки П. А. Россѣва.

I.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Т. I (А—Г). С.-Пб. 1912. 6. 8°. XX + 715 стр.

Составленный В. И. Саитовымъ и изданный по образцу Московскаго, Петербургскій Некрополь является также драгоценнымъ справочникомъ для писателей, ученыхъ и просто для всякаго, кто не равнодушенъ къ родному пепелищу и къ отеческимъ гробамъ. Петербургскій „городъ мертвыхъ“ выполненъ въ большемъ чѣмъ Московскій размѣрѣ, такъ какъ умѣщаетъ не только столичныя, но и кладбища окрестныя, не исключая нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ. Давний „Русскимъ Архивомъ“ 1883 года Петербургскій Некрополь (трудъ того же В. И. Саитова вошелъ въ настоящее изданіе въ исправленномъ видѣ. Да, за сей словарь нельзя не быть благодарнымъ Августѣйшему Издателю, и тѣмъ болѣе, что памятниковъ, надгробныя плиты коихъ въ Петербургѣ больше чѣмъ въ Москвѣ и кресты, исчезаютъ столько же по волѣ времени и стихій, сколько и по человѣческому нерадѣнію. Уже въ первомъ томѣ мы не нашли нѣсколькихъ именъ; напримѣръ, нѣтъ: М. Н. Баккаревича (род. 1775, † д. с. с. 1820), Л. Бакмейстера (род. 1730, † ст. сов. 22 Мая 1806), артистовъ Императорскихъ театровъ, Н. Борцаго (Пустошкина), М. В. Величкина († 23 Января 1848), А. В. Воротникова († 4 Марта 1840). Нѣтъ и Э. И. Губера (род. 1814, † 11 Апрѣля 1847). Между тѣмъ, облаканный Пушкинымъ переводчикъ „Фауста“ былъ погребенъ на Волковомъ кл. Знаемъ, что на Преображенскомъ затерялась могила Александры Алексѣевны Муратовой (рожд. Мошковой, † 1900 г.).

II.

И. Ф. Павловскій. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи съ половины XVIII вѣка. Изданіе Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Полтава. 1912. 8-ка, 2 + VI + 238 стр. Съ приложеніемъ портретовъ.

Неутомимый И. Ф. Павловскій составилъ, а Полтавская Ученая Архивная Комиссія издала словарь достопамятныхъ уроженцевъ Полтавской губерніи, присоединивъ жизнеописанія и тѣхъ лицъ, „которые хотя и не родились въ ней, но, проживъ довольно долго въ ней, посвятили свой досугъ литературному труду, а многіе и до сей поры трудятся на этомъ поприщѣ“.

Вышла книга очень полезная, очень нужная, и хотѣлось бы, чтобы она была заразительна для другихъ архивныхъ комиссій, которыхъ у насъ не одинъ десятокъ, а болѣе. И. Ф. Павловскому помогали: отчасти первоисточники, большей же частью обширная литература. Находить ее въ провинціи не легко: требуется много настойчивости, энергіи и возвышенной любви къ дѣлу. И все это у почтеннаго біографа въ наличности. Онъ представилъ слишкомъ 400 дѣятелей, легко сказать! Конечно, въ условіяхъ провинціального книгопечатанія, Словарь не обошелся безъ типографскихъ (корректорскихъ) погрѣшностей; но эти недосмотры, несомнѣнно, замѣчены уже и самимъ авторомъ, и онъ исправитъ ихъ при второмъ изданіи, куда войдутъ и художникъ Литовченко и, хотя бы, П. А. Кулишъ и Б. Д. Гринченко, дѣятельность которыхъ не менѣе была близка Полтавщинѣ, чѣмъ, скажемъ, Бучневича или Дмитріевскаго, и другіе.

III.

В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакция, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Браилловскаго. Спб. 1912. 8-ка, 434 стр.

Вас. Ив. Туманскій — типичный лирикъ 20-хъ годовъ. Свой поэтический (конечно, не яркій) свѣтъ онъ заимствовалъ у Пушкина, назвавшаго его перо „очаровательнымъ“. То была улыбка бога, подаренная счастливому смертному... Кто теперь знаетъ стихи В. Туманскаго? Онъ написалъ ихъ изъ сотни двѣ, тогда какъ его двоюродный братъ Ѳ. А. Туманскій напечаталъ всего 8 стихотвореній у Дельвига въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, и кто же не заучивалъ въ дѣтствѣ хотя бы „Птички“ („Вчера я растворилъ темницу“...)? Образованный и опытный издатель подготовилъ къ печати наслѣдіе давно угасшаго Парнасца († 23 марта 1860 года), а А. С. Суворинъ издалъ книгу такъ же образцово, какъ издаются теперь Академіей Наукъ Грибоѣдовъ, Кольцовъ, Лермонтовъ. Есть и снимки съ почерка, и портретъ поэта, и виды его дома, и надмогильнаго памятника. Чистая любовь, преклоненіе передъ женщиной и проникновенная любовь къ отчизнѣ—вотъ изъ чего соткана поэзія В. И. Туманскаго. Слѣдовательно, появленіе такой книги вполне кстати. Изъ 66 писемъ—57 писаны двоюродной сестрѣ С. Г. Туманской-Милорадовичъ и по одному: Кюхельбекеру („...охота же тебѣ читать Шихматова и Библию. Какой злой духъ, въ видѣ Грибоѣдова,

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

1912.

III.

РУССКОЙ ЭРМИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

Не брошу плуга, рабъ лѣнливый. Не отойду
я отъ него...

Хомяковъ.

1912.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, домъ № 14.
1912.

Петръ Великій и царевичъ Алексѣй.

Источники и литература предмета.

„Объявленіе розыскаго дѣла и суда, по указу Его Царскаго Величества на царевича Алексѣя Петровича въ Санктъ-Петербургъ отправленнаго“. 1718.—*И. Голицова* „Дѣявія Петра Великаго“. М. 1788—1789.—*Его же* „Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго“. М. 1790—1796.—*Мурзакевича* „Письма царевича Алексѣя Петровича“. Одесса. 1849.—*Устрялова* „Исторія царствованія Петра Великаго“. Томъ IV. Спб. 1863. А главнымъ образомъ томъ VI. Спб. 1859, болѣе чѣмъ наполовину занятый архивными документами.—*Погодина* „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“. Русская Бесѣда. 1860 г.—*Его же* „Царевичъ Алексѣй Петровичъ“, съ прилож. документовъ, найденныхъ. *Г. В. Есиповымъ*.—„Чтенія Общ. Исторіи и Древностей“. 1861. Кн. III.—*Жоржа Верне* Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam, dans les années 1697 et 1717. Utrecht. 1865.—*Соловьева* „Исторія Россіи“. Т. XVII. М. 1867.—*Костомарова* „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“. 2-й отдѣлъ гл. XVII. Спб. 1874.—*Его же* „Царевичъ Алексѣй“. Древняя и Новая Россія. 1875. Январь—февраль.—*Герье* Die Kronprinzessin Charlotte von Russland. Bonn. 1875.—*Его же* „Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница“. Спб. 1873.—*Вебера* Das veränderte Russland. Franckfurt-Leipzig. 1738.—*Уалема* Leben Peters des Grossen. Zweiter Band. Münster-Leipzig. 1804.—*Германа* Geschichte des russ. Staates. IV Band. Hamburg. 1849.—*Его же* Peter der Grosse und Zarewitsch Alexei. Leipzig. 1880.—*Брикнера* Der Zarewitsch Alexei. Heidelberg. 1880.—*Валишевскаго* Pierre le Grand. Paris. 1905. Chapitre VIII.—*Бюшинга* Magazin für die neue Historie und Geographie. Th. IX, XI, XV. Halle 1775—1781.

Ограничиваюсь важнѣйшими источниками и сочиненіями. Не перечисляю менѣе важныхъ матерьяловъ и разныхъ журнальныхъ статей.

I.

Отвергнутая супруга и осиротѣвшій наслѣдникъ престола.

Какъ извѣстно, царь Петръ Алексѣевичъ, узнавъ о новомъ возмущеніи стрѣльцовъ, прервалъ свое продолжительное заграничное пребываніе и поспѣшилъ воротиться въ Москву, чтобы лично и непосредственно заняться кровавымъ стрѣлецкимъ розыскомъ. Въ послѣднихъ числахъ Августа 1698 года онъ поселился въ своемъ загородномъ Преображенскомъ дворцѣ, по сосѣдству съ излюбленной имъ Нѣмецкой слободой. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заграничныхъ обычаевъ, онъ, не теряя времени, наглядно приступилъ къ реформѣ

Русскаго наружнаго обличія, начавъ собственоручно обрѣзывать бороды являвшимся къ нему на поклонъ степеннымъ Московскимъ боярамъ.

Посѣщая Лефорта и другихъ своихъ пріятелей въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ особое вниманіе оказывалъ семейству виноторговца Монса, среди котораго цвѣла тогдашняя царская зазноба, одна изъ дочерей Монса, красавица Анна. Послѣ кончины любящей, заботливой матери, т.-е. Натальи Кирилловны, уже некому было сдерживать бурныя увлеченія молодого царя, съ его ничѣмъ неограниченнымъ самовластіемъ, и защитить отъ гоненія его законную супругу, Евдокію Ѳедоровну Лопухину.

Когда-то Петръ любилъ Евдокію и первенца ихъ „Алешиньку“. Во время частыхъ отлучекъ мужа она писала ему нѣжныя посланія, называя его „лапушка мой“, и слезно жаловалась, если не получала отъ него извѣстій. Но онъ уже давно охладѣлъ къ ней и привыкъ развлекаться на сторонѣ. А во время своего заграничнаго пребыванія рѣшилъ и совсѣмъ отъ нея отдѣлаться. Для этого существовалъ обычный и легкій способъ: монастырь. И вотъ царь изъ Англіи и Голландіи шлетъ дядѣ своему Льву Кирилловичу Нарышкину и близкому боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу неоднократный приказъ: уговорить царицу къ постриженію съ помощью ея духовника. Не зная за собою никакой вины, Евдокія отказалась исполнить волю своего супруга до его возвращенія. А когда онъ возвратился и она продолжала упорствовать, царь съ свойственной ему тиранией употребилъ насиліе. Несчастную Евдокію посадили въ простую колымагу и отправили въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, противъ воли постригли въ монахини, подъ именемъ Елены. При чемъ не было назначено ни служительницъ къ ней, ни денегъ на сколько-нибудь ея приличное содержаніе, такъ что она терпѣла нужду даже въ сѣстныхъ припасахъ и обращалась иногда за помощью къ своимъ родственникамъ Лопухинымъ. Отправляя въ монастырь, отняли отъ матери сына, т.-е. царевича Алексѣя Петровича, по девятому году отъ рожденія, и передали его сестрѣ Петра, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, почему-то питавшей нерасположеніе къ Евдокіи Ѳедоровнѣ.

Напрасно услужливые историческіе писатели старались объяснить такой насильственный поступокъ царя съ своею безвинной супругой разницею ихъ вкусовъ и взглядовъ, несочувствіемъ царицы къ ея родни къ излишнему преклоненію Петра передъ иноземцами и т. п. Нѣтъ, тутъ во всей силѣ сказался его необузданный нравъ, не

признававшій для себя никакихъ нравственныхъ и семейныхъ обязанностей. Этотъ поступокъ и былъ началомъ той трагедіи, которая омрачила знаменитое царствованіе и печальныя слѣдствія которой Россія не перестала испытывать до сихъ поръ *).

На седьмомъ году царевича начали обучать грамотѣ, для чего къ нему былъ приставленъ Никифоръ Вяземскій, человекъ ничтожный и малообразованный. Отнявъ сына отъ матери, Петръ какъ будто озаботился его воспитаніемъ, и нѣкоторое время намѣревался для того отправить его въ Германію. Германская императрица Елеонора, супруга Леопольда, изъявляла желаніе воспитать Русскаго царевича при своемъ дворѣ и впослѣдствіи выдать за него одну изъ своихъ дочерей; но завязавшіеся о томъ переговоры окончились ничѣмъ. Затѣмъ Петръ хотѣлъ отправить сына для воспитанія въ Дрезденъ подъ покровительство своего союзника герцога Саксонскаго и короля Польскаго Августа II. Но отвлеченный начавшейся войною со Шведами, не исполнилъ сего намѣренія. Вмѣсто того онъ поручилъ образованіе сына вступившему въ Русскую службу Нѣмецкому барону Гизену (1703 г.). Баронъ представилъ царю заманчивую, рассчитанную на два года, образовательную программу, въ которую входили религіозно-нравственные предметы, Французскій языкъ, географія, ариметика, геометрія, исторія, политика (по Французскимъ курантамъ и Пуффендорфу) и т. д., до фехтованія, танцевъ и верховой ѣзды включительно. Высшій надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ царскому любимцу, полуграмотному Александру Даниловичу Меньшикову; по современнымъ нашимъ понятіямъ, сей послѣдній сдѣланъ попечителемъ наслѣдника. Въ томъ же году царевичъ впервые участвовалъ въ военномъ походѣ на устьѣ Невы солдатомъ бомбардирской роты и присутствовалъ при взятіи Ніеншанца. По возвращеніи въ Москву, царь торжественно передалъ Гизену, какъ прекрасному, надежному воспитателю, своего сына и будущаго преемника. А въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ царевича съ его воспитателемъ при осадѣ и взятіи Нарвы. По случаю сей побѣды царь обратился къ сыну съ увѣщаніемъ быть ему достойнымъ преемникомъ, подражать его примѣру и не щадить трудовъ для общаго блага; въ противномъ случаѣ грозилъ отречься отъ него,

*) „Не сказавъ никому ни слова, Петръ два раза ѣздилъ въ Ладожскій монастырь, что на Волховѣ, куда перевезена была Царица-монахиня, видѣлся съ нею, часа по два просиживалъ въ келіи, привозилъ ей и денегъ по двѣ тысячи рублей. Въ третій разъ также и туда же пріѣхалъ, остановился у монастырскихъ воротъ, не выходилъ изъ экипажа, призадумался, постоялъ и крикнулъ: назадъ!“ Это записано со словъ В. И. Лопухина. См. Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, стр. 118. П. Б.

т.-е. не признать своимъ сыномъ. Если вѣрить запискѣ Гизена, на эту неожиданную и поспѣшную угрозу четырнадцатилѣтній царевичъ отвѣтилъ умно и съ чувствомъ: онъ со слезами осыпалъ поцѣлуями отцовскую руку, указывалъ на свою крайнюю молодость, общалъ слѣдовать его примѣру и молилъ Бога на многіе годы сохранить здорově знаменитаго родителя.

Повидимому, дѣло воспитанія въ рукахъ Гизена пошло недурно. Но злой рокъ или вѣрнѣе какой-либо недобрый геній царевича, въ родѣ его коварнаго попечителя Александра Меньшикова, поспѣшилъ это дѣло испортить. Уже въ слѣдующемъ 1705 году баронъ Гизенъ былъ отдаленъ отъ царевича; его отправили за границу съ разными неважными порученіями, каковы: въ Берлинѣ присутствовать при погребеніи Прусской королевы, въ Вѣнѣ поздравить императора Иосифа I съ восшествіемъ на престолъ и предложить Польскую корону принцу Евгению Савойскому (послѣ отреченія Августа II) и т. п. Какъ будто никто другой не могъ исполнить сихъ порученій! За границей Гизенъ пробылъ около четырехъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ Петръ обнаружилъ явное равнодушіе къ воспитанію своего наслѣдника, при которомъ оставался наставникомъ ничтожный Вяземскій. Въ тоже время царь пересталъ брать сына съ собой въ походы и вообще замѣтно началъ держать его вдали отъ себя, сохраняя видъ грознаго, недоступнаго судіи. А коварный попечитель, живя въ Петербургѣ, какъ бы намѣренно предоставлялъ осиротѣвшему царевичу свободу проживать подъ Москвою въ Преображенскомъ, проводить время по своему усмотрѣнію, привыкать къ бражничанью и окружать себя по преимуществу лицами чернаго и бѣлаго духовенства, съ духовникомъ его Яковомъ Игнатьевичемъ во главѣ, вообще съ людьми, недружелюбно смотрѣвшими на нововведенія Петра и на его пристрастіе къ иноземцамъ. Въ числѣ такихъ людей находились и царскія сестры (отъ Милославской), между которыми особой приверженностью къ старинѣ, враждой къ брату и недобрými внушеніями племяннику отличалась царевна Марья Алексѣевна. Единоутробная царская сестра Наталья Алексѣевна, очевидно, слѣдившая за поведеніемъ своего племянника, вдругъ извѣстила Петра, что Алексѣй пересылается съ своей матерью при посредствѣ ея родни и даже, о ужасъ, когда узналъ о приключившейся ей болѣзни, тайкомъ ѣздилъ къ ней въ Суздаль на свиданіе! Царь находился тогда (1707 г.) въ Польскихъ владѣніяхъ, въ мѣстечкѣ Жолквѣ. Онъ немедленно вызвалъ къ себѣ сына и гнѣвно обрушился на него за такой проступокъ.

Изъ Жолквы царь послалъ Алексѣя въ Смоленскъ для сбора провіанта и рекрутъ, и царевичъ успѣшно трудился тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще съ этого времени царь началъ занимать сына разными порученіями, относящимися къ Шведской войнѣ, каковы: укрѣпленія Московскаго Кремля, сборъ солдатъ и казаковъ, переписка съ областными воеводами и донесенія государю. Допедашія до насъ отъ сей эпохи многочисленныя письма царевича къ царю отличаются краткостью и толковостью; но въ нихъ постоянно проглядываютъ боязнь и робость передъ грознымъ отцомъ. Между тѣмъ, по донесенію Никифора Вяземскаго, царевичъ занимается исторіей и географіей и началъ учиться Нѣмецкому языку, а съ возвращеніемъ Гизена продолжалъ Французскіе уроки; учился также фортификаціи. Нѣкоторое время между отцомъ и сыномъ какъ будто водворились добрыя отношенія. Царевичъ, по порученію отца, набралъ пять полковъ, обучилъ ихъ и въ началѣ 1709 года лично провелъ ихъ къ нему на Украину, въ городъ Сумы; но дорогою отъ большихъ морозовъ простудился и жестоко занемогъ. Петръ встревожился, задержалъ свой отъѣздъ и назначилъ молебствія. Только когда опасность миновала, онъ выѣхалъ въ Воронежъ, куда потомъ отправился по своему выздоровленію и царевичъ, чтобы присутствовать при спускѣ новыхъ кораблей. Но въ походѣ 1709 года и въ Полтавскомъ бою мы его не встрѣчаемъ. Въ томъ же 1709 году царь впервые отправилъ сына ради образованія за границу, а именно, черезъ Краковъ и Варшаву въ Дрезденъ, гдѣ онъ долженъ былъ изучать языки, геометрію и фортификацію. Сюда онъ прибылъ уже въ слѣдующемъ 1710 году съ небольшою свитою, среди которой находились два его сверстника, сыновья такихъ вельможъ, какъ князь Юрій Трубецкой и графъ Гавріиль Головкинъ. А во главѣ этой свиты стоялъ баронъ Гизень. Изъ Дрездена царевичъ ѣздилъ въ Карлсбадъ, гдѣ лѣчился водами. Повидимому, лѣчить потребовалось не одни только слѣдствія простуды, но также и слѣдствія преждевременной привычки къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ. Извѣстно, что самъ Петръ распространялъ и укоренялъ эту некультурную привычку въ окружающей его средѣ. Царевича не только никто не оберегалъ отъ сего зла; но есть основаніе полагать, что коварный его попечитель Меншиковъ съ затаенными задними цѣлями поощрялъ осиротѣлаго, при живыхъ родителяхъ, юношу предаваться необузданному пьянству. По крайней мѣрѣ самъ царевичъ потомъ указывалъ на него, какъ на главнаго виновника своей пагубной привычки.

Во хмѣлю царевичъ проявлялъ не одинъ веселый нравъ, но также вспыльчивость и, подобно отцу, давалъ волю своимъ рукамъ и своему

языку. Такъ: въ трезвомъ состояніи онъ очень почиталъ и слушался своего духовника, а въ подпитіи случалось жестоко его бранить и даже драть за бороду.

По окончаніи лѣчебнаго курса Алексѣй поѣхалъ изъ Карлсбада обратно въ Дрезденъ и дорогою черезъ Саксонскія рудныя горы обнаружилъ любознательность, осматривая рудокопныя работы, при чемъ спускался въ самыя шахты. Въ Дрезденѣ онъ снова занялся науками и, судя по иностраннымъ свидѣтельствамъ, занимался прилежно. Въ этихъ занятіяхъ провелъ около года и очевидно много читалъ, приобретаая книги на иностранныхъ языкахъ; этими книгами особенно могъ запастись во время своей поѣздки на знаменитую Лейпцигскую ярмарку осенью 1710 года.

Въ 1707 году Меньшиковъ къ своему титулу князя Римской имперіи получилъ еще наименованіе князя Ижорскаго и притомъ „свѣтлѣйшаго“. Въ дипломѣ на сей титулъ царь приводитъ разныя заслуги своего любимца и въ томъ числѣ „воспитаніе сына нашего, по званію высшаго управителя“. Очевидно, царь не зналъ или не желалъ знать, каково было вліяніе сего воспитателя на Русскаго престолонаслѣдника.

Изъ Лейпцига Алексѣй пишетъ въ Москву своему духовнику, что здѣсь сподобился причаститься святыхъ таинъ отъ Греческаго священника, у котораго исповѣдался посредствомъ своего подъячаго и толмача Ѳедора Еварлакова *), такъ какъ священникъ говорилъ съ нимъ по-латыни. Ко времени сего заграничнаго пребыванія вѣроятно относится очень любопытное, но безъ числа и года написанное посланіе его къ своему Московскому духовнику Якову Игнатьеву. Благочестивый, строго преданный православію, царевичъ скорбитъ о томъ, что при немъ нѣтъ Русскаго священника на случай смертнаго часа. Но, запуганный отцомъ, онъ не смѣетъ явно писать о своей нуждѣ; а потому проситъ своего духовника, чтобы тотъ тайно прислалъ къ нему какого-либо нестарога безженнаго попа, который бы переодѣлся въ Нѣмецкое платье, заростилъ гуменце или, совѣмъ обривъ голову, надѣлъ накладные волосы и находился бы при немъ подъ видомъ служителя. Но сей рискованный планъ, повидимому, остался неисполненнымъ.

*) За Василиемъ Еварлаковымъ была сестра князя Меньшикова, Аграфена, мать графовъ Н. и П. Паниныхъ. П. В.

II.

Первый Нѣмецкій бракъ Русскаго престолонаслѣдника.

Во время пребыванія царевича за границей, въ слѣдующемъ 1711 году царь женилъ своего сына.

При всемъ своемъ стремленіи къ брачнымъ союзамъ съ заграничными владѣтельными домами, Петръ лично не воспользовался возможностью вступить въ бракъ съ иностранной принцессою послѣ того, какъ заперъ въ монастырь свою первую супругу. Зато онъ усердно старался родниться съ Нѣмцами посредствомъ членовъ своей фамиліи. Такъ, двухъ своихъ племянницъ выдалъ за Нѣмецкихъ герцоговъ, Анну Іоанновну за Курляндскаго (1710 г.) и Екатерину Іоанновну за Мекленбургскаго (1716), а потомъ родную дочь Анну Петровну успѣлъ помолвить съ герцогомъ Голштинскимъ. Естественно, онъ рѣшилъ также поступить въ отношеніи къ своему единственному сыну и наслѣднику, и, когда Алексѣй Петровичъ сталъ приходить въ возрастъ, царь озаботился найти ему невѣсту въ Германіи. Эту деликатную миссію онъ, повидимому, возложилъ на того же барона Гизена, когда тотъ ѣздилъ по Нѣмецкимъ дворамъ съ разными вышеуказанными порученіями.

Въ 1707 году Гизенъ нашель искомую невѣсту при помощи барона Урбиха, Датскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, перешедшаго въ Русскую службу. То была принцесса Шарлотта, внучка герцога Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго Антона-Ульриха. Старшая ея сестра, красавица Елисавета, въ слѣдующемъ 1708 г., сдѣлалась женою Австрійскаго эрцгерцога Карла, въ то время претендента на Испанскій престолъ, но уже побѣжденнаго своимъ соперникомъ Филиппомъ Анжуйскимъ, внукомъ Людовика XIV. Петръ одобрилъ выборъ и вошелъ въ сношенія съ престарѣлымъ герцогомъ Вольфенбюттельскимъ; но за крайней юностью принцессы рѣшеніе вопроса было пока отложено. Наслѣдникъ Русскаго престола, не смотря на разницу въ культурѣ, представлялъ выгодную партію для *мелкихъ* Нѣмецкихъ дворовъ и, вѣроятно, не одинъ изъ нихъ желалъ брачнаго съ нимъ союза. Партія сдѣлалась еще болѣе выгодною послѣ того, какъ Полтавская побѣда высоко подняла Русскую державу во мнѣніи Западной Европы. Теперь выборъ невѣсты значительно облегчился. Но Вольфенбюттельская фамилія постаралась закрѣпить этотъ выборъ за своей принцессой. Въ ея пользу принялась дѣйствовать и Польская королевская чета, такъ какъ Шарлотта приходилась родственницей супругѣ Авгу-

ста II и воспитывалась при ея Дрезденскомъ дворѣ. Потому-то въ Дрезденъ и былъ направленъ царевичъ во время своего пребыванія за границей. Первая его встрѣча съ принцессой, въ присутствіи Польской королевы, произошла на пути изъ Дрездена въ Карлсбадъ, недалеко отъ послѣдняго, въ городкѣ Шлакенвертѣ, весною 1710 г. Алексѣю шелъ 22 годъ, а Шарлоттѣ 18-й. Женихъ представлялъ собою высокаго худоцаваго молодого человѣка съ открытымъ, довольно красивымъ лицомъ. Невѣста также была высока и худоцава и, хотя оспа значительно попортила ея лицо, однако, судя по портрету, она была недурной наружности. Взаимное впечатлѣніе молодыхъ людей, повидимому, было благопріятное, и если вѣрить ихъ письмамъ, его къ отцу, а ея къ матери, они понравились другъ другу. Однако, вопросъ объ ихъ бракѣ наладился невдругъ.

По Нѣмецкимъ свидѣтельствамъ, Алексѣй Петровичъ все время своего Дрезденскаго пребыванія велъ себя съ Нѣмцами вообще очень сдержанно, а въ особенности былъ застѣнчивъ съ женскимъ поломъ. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ передаетъ слухъ (можетъ быть исходившій отъ служителей царевича), что въ Москвѣ онъ былъ влюбленъ въ сестру своего сверстника князя Трубецкого, который теперь находился въ его свитѣ. Но Петръ выдалъ ее замужъ и тѣмъ положили конецъ дальнѣйшему роману или намѣренію царевича жениться на подданной. Послѣ того молодой князь Трубецкой, если вѣрить означенному свидѣтельству, возненавидѣлъ Нѣмцевъ. А потому едва ли онъ уседно помогалъ своему товарищу, молодому гр. Головкину и другимъ членамъ свиты, которые изъ угожденія Петру старались расположить царевича къ браку съ принцессой Вольфенбюттельской. Но тотъ колебался, не принималъ участія въ начавшихся переговорахъ о брачныхъ условіяхъ и даже сердился, когда Нѣмецкія газеты извѣщали, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, о его предстоящемъ бракѣ съ принцессою. Ея родные и сторонники усердно слѣдили за нимъ; въ своихъ письмахъ они сообщали, что кромѣ наукъ онъ беретъ уроки танцевъ и любитъ посѣщать Французскій театръ, хотя по-французски будто бы не понимаетъ. Въ то же время съ неудовольствіемъ повторяли слухъ, что Дрезденскій намѣстникъ короля Августа князь Фирстенбергъ осыпалъ царевича любезностями и приглашеніями въ надеждѣ склонить его выборъ на свою дочь. Жаловались и на другія интриги, напримѣръ, въ пользу брака съ одной изъ Австрійскихъ эрцгерцогинь или съ дочерью Якова Собѣскаго. Говорили въ своихъ письмахъ также, что царевичъ, желая выиграть время, умышленно оказываетъ большое вниманіе дочери Фирстенберга и принцессѣ Вей-

сенфельской; что онъ просить у отца позволенія познакомиться и съ другими Европейскими принцессами, прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выборъ, а между тѣмъ ищетъ предлога или случая уѣхать обратно въ Москву. Прибавляли, что по отношенію къ наслѣднику престола Русскіе вообще не желаютъ иностраннаго брака, благодаря которому иностранцы, пожалуй, будутъ господствовать въ Россіи, и будто бы сама супруга Русскаго посла въ Дрезденѣ графиня Матвѣева не вѣрила въ бракъ царевича съ Нѣмецкой принцессой.

Но всѣ подобныя слухи и толки не имѣли серьезнаго значенія; ибо царевичъ во всей этой исторіи съ своей женитьбой игралъ жалкую, пассивную роль. Онъ могъ только колебаться и оттягивать окончательное рѣшеніе, но измѣнить его не могъ. Надъ нимъ тяготѣла деспотичная воля грознаго отца, идти противъ которой онъ не смѣлъ и подумать.

Въ Сентябрѣ того же 1710 года Алексѣй изъ Дрездена съ частью своей свиты пріѣхалъ въ Саксонскій городъ Торгау, въ замкѣ котораго тогда проживала Польская королева съ своимъ сыномъ, наслѣднимъ принцемъ, и съ принцессой Шарлоттой. Тутъ оба престолонаслѣдника очень подружились и болѣе недѣли забавлялись охотою. Обѣдалъ царевичъ и проводилъ вечеръ обыкновенно у королевы, при чемъ былъ любезенъ съ принцессою. По ея словамъ, въ сравненіи съ первой встрѣчей были замѣтны его успѣхи въ свѣтскомъ обращеніи. На сей разъ онъ воротился въ Дрезденъ, не сдѣлавъ никакихъ объясненій. Но спустя двѣ недѣли, онъ снова пріѣхалъ въ Торгау и тутъ уже формально просилъ у Польской королевы руки принцессы Шарлотты. Его предложеніе было принято съ явнымъ удовольствіемъ. Однако, вскорѣ онъ опять воротился въ Дрезденъ къ своимъ учебнымъ занятіямъ. Начался довольно частый письменный обмѣнъ любезностями съ его будущей родней и, конечно, на Нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ Алексѣй, очевидно, пользовался помощью своихъ учителей.

Въ тоже время царевичъ велъ дѣятельную переписку съ своими Московскими пріятелями (иногда при помощи тайнописи, т.-е. особо изобрѣтенной азбуки), главнымъ образомъ, съ духовникомъ своимъ Яковомъ Игнатьевымъ. Послѣдній, узнавъ о помолвкѣ духовнаго сына съ невѣстою Лютеранкою, естественно запросилъ его, нельзя ли побудить ее къ принятію православія. На это царевичъ не разъ отвѣчалъ, что принуждать онъ не можетъ; но что жена его, когда будетъ жить въ Россіи, то, видя красоту Русскаго обряда, прекрасныя иконы и церкви, великолѣпное облаченіе духовенства и божественное пѣніе

вмѣсто музыкальнаго органа, можетъ быть, сама обратится въ нашу вѣру.

Межь тѣмъ все еще продолжались переговоры о брачныхъ условіяхъ. Только въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1711 года, во время похода Петра противъ Турокъ, между нимъ и уполномоченнымъ герцога Шлейнищемъ въ Галицкомъ мѣстечкѣ Яворовѣ были намѣчены условія о бракѣ Русскаго престолонаслѣдника Алексѣя Петровича съ внучкою герцога Антона-Ульриха, дочерью его второго сына Людовика-Рудольфа и Христинны Лунзы, Шарлоттою-Христиною-Софією. Последняя въ силу этихъ условій получила право остаться при своемъ Лютеранскомъ исповѣданіи и имѣть для себя и окружающихъ единовѣрныхъ особъ обоюго пола особую каплицу. Вотъ какъ легко отнесся Петръ I къ иновѣрію супруги будущаго Русскаго государя, а слѣдовательно и къ неизбѣжному народному неудовольствію по сему поводу. Въ договорномъ проектѣ царевичъ прямо и ясно именованъ наслѣдникомъ Русскаго престола. Въ семъ договорѣ намѣчалось также денежное обезпеченіе принцессы отчасти со стороны ея дѣда, а главное, со стороны будущаго свекра; но точныя цифры пока не были опредѣлены.

Вслѣдъ затѣмъ Алексѣй, по повелѣнію отца, съ своею свитой отправился въ Вольфенбюттель и здѣсь, преимущественно въ загородномъ замкѣ Зальцталѣ, прожилъ въ семьѣ своей невѣсты все время отцовскаго Прутскаго похода. Когда ея родителямъ былъ представленъ брачный контрактъ, составленный въ Яворовѣ, то они обратили особое вниманіе на ежегодное содержаніе, предложенное царемъ для двора принцессы, именно 40.000 рублей. Царевичъ, исполняя отцовскія инструкціи, отстаивалъ сію цифру. Однако въ концѣ-концовъ согласился на 50.000 р., на что заранѣе былъ уполномоченъ. Точно такъ же родители настояли, чтобы ихъ дочь въ случаѣ преждевременной смерти ея мужа получала не меньшее содержаніе, равно останется ли она въ Москвѣ или выѣдетъ изъ предѣловъ Россійскаго государства. По окончаніи сего вопроса контрактъ былъ подписанъ и размѣненъ обѣими сторонами. О чемъ царевичъ извѣстилъ Петра письмомъ изъ Зальцталя отъ 23 Мая, которое начиналось обычнымъ его обращеніемъ „Милостивѣйшій Государь Батюшка“, а оканчивалось обычною подписью „Всепокорнѣйшій сынъ твой и слуга Алексѣй“. Отецъ же, повидимому, рѣдко и очень сухо отвѣчалъ на письма сына, ограничиваясь формальными извѣщеніями и приказаніями.

Стѣсненный съ этой стороны, царевичъ отводилъ душу въ дѣятельной перепискѣ со своими Московскими знакомцами, въ особен-

ности съ духовникомъ Игнатъевымъ, при чемъ обнаруживаетъ большой интересъ къ ихъ дѣламъ и отношеніямъ, особенно къ перемѣнамъ и назначеніямъ въ церковномъ вѣдомствѣ, но очень скупъ на извѣстія о самомъ себѣ, о своей невѣстѣ и ея роднѣ. Имѣемъ только одно посланіе, гдѣ онъ распространился о празднованіи дня великомученика Евстафія: въ этотъ день, послѣ богослуженія и проповѣди, царевичъ и его свита учинили пиръ, на которомъ, по его выраженію, „не понѣмецки веселились, а по русски“, и здоровье своихъ Московскихъ сердечныхъ любителей подтверждали чарками и стаканами“, въ чемъ рядомъ съ „Алексѣемъ Грѣшнымъ“ подписался „іерей Іоаннъ Слонскій“. Этотъ священникъ незадолго былъ присланъ изъ Москвы въ Дрезденъ, вѣроятно, въ виду предстоящаго бракосочетанія. Изъ писемъ царевича къ духовнику видно, что онъ желалъ прибытія къ себѣ за границу самого Якова Игнатьева, но радъ былъ и Слонскому.

Въ отношеніи къ принцессѣ Шарлоттѣ въ это время Алексѣй, очевидно, былъ настолько внимателенъ и любезенъ, что въ придворныхъ кругахъ поговаривали, будто онъ искренно влюбленъ въ свою невѣсту и съ нетерпѣніемъ ждетъ дня своей свадьбы. Дѣйствительно, имѣется его письмо къ вице-канцлеру Шафирову съ просьбою ускорить этотъ день. Но причина тому могла быть иная: изъ его писемъ къ духовнику мы знаемъ, что оба они и всѣ Московскіе знакомцы мечтали о скорѣйшемъ возвращеніи царевича въ Москву.

Въ Августѣ 1711 года окончился неудачный Прутскій походъ. А въ Сентябрѣ Петръ былъ уже въ Дрезденѣ, откуда направился въ Карлсбадъ поправлять свое растроившееся здоровье. Онъ рѣшилъ не откладывать долѣе свадьбу сына, для чего хотѣлъ вызвать его съ невѣстой и ея родными туда же, въ Карлсбадъ; однако, вѣроятно по желанію Польской королевы, перемѣнилъ намѣреніе и назначилъ мѣстомъ свадьбы помянутый Саксонскій городъ Торгау. Сюда пріѣхалъ онъ 13 Октября, и на слѣдующій день въ королевскомъ замкѣ совершилось бракосочетаніе царевича со всевозможною пышностію въ присутствіи царя, стараго герцога, Польской королевы, родителей принцессы и многочисленныхъ придворныхъ особъ, Нѣмцевъ и Русскихъ. Канцлеръ графъ Головкинъ держалъ вѣнецъ невѣсты. Царь поздравилъ молодыхъ и расцѣловался съ ними. Послѣ свадебнаго пира и бывшихъ затѣмъ танцевъ онъ лично проводилъ новобрачную чету въ отведенные ей покои. А на слѣдующее утро завтракалъ у нея вмѣстѣ со своими министрами. Вообще свадьба принцессы была отпразднована съ обычными въ Германіи увеселеніями, иллюминаціями и поздравительными депутаціями. Не было недостатка и въ стихотворныхъ дивирамбахъ придворныхъ поэтовъ.

Царь послѣ того оставался почти недѣлю въ Торгау, и тутъ произошла его первая (устроенная герцогомъ Антономъ) встрѣча съ знаменитымъ Германскимъ ученымъ Лейбницемъ, съ которымъ онъ совѣтовался о способахъ просвѣтить Россію посредствомъ наукъ и искусствъ. Бракъ Русскаго наслѣдника съ Нѣмецкою принцессою и особенно сохраненіе за нею Лютеранскаго исповѣданія возбудили тогда въ Германіи надежды на распространеніе Евангелическаго ученія въ Россіи. Сему предмету было посвящено цѣлое засѣданіе королевской Берлинской Академіи Наукъ, уже въ слѣдующемъ Ноябрьѣ мѣсяцѣ. Тутъ указывали на книжные интересы царевича; при его содѣйствіи рассчитывали завести въ Россіи Нѣмецкую типографію и книжную торговлю, а также сочинить подходящій къ цѣли Лютеранскій Катихизисъ и перевести его на Русскій языкъ. Однако нашлось возраженіе, отмѣтившее, что Русскіе очень интересуются мірскими науками, особенно историческими и математическими, но весьма щекотливы въ вопросахъ религіозныхъ. Одинъ изъ академикомъ замѣтилъ, что царевичъ Алексѣй даже болѣе преданъ наукамъ, чѣмъ самъ Петръ; а другой простеръ свой скептицизмъ въ отношеніи къ царю, заподозривъ его въ намѣреніи не слишкомъ распространять въ народѣ книжность и ученость изъ опасенія безпокойствъ и мятежей. Въ заключеніе рѣшили обратиться къ отцу Шарлотты, герцогу Людвигу-Рудольфу, съ письменной просьбой помочь проектированной Нѣмецкой миссіи въ Москвѣ вліяніемъ на своего зятя-царевича. Но эта просьба, повидимому, не имѣла серьезныхъ послѣдствій. Помимо несочувствія ей со стороны преданнаго православію царевича, Берлинскіе академики, очевидно, не имѣли точныхъ свѣдѣній о его собственномъ жалкомъ положеніи при отцовскомъ дворѣ.

III.

Жена и мачиха.

Въ эту эпоху на судьбу царевича все болѣе и болѣе стала вліять его мачиха Екатерина Алексѣевна.

Несмотря на обиліе разнаго рода извѣстій и указаній, сопровождавшихъ ея выступленіе на историческую сцену (а отчасти вслѣдствіе именно этого обилія и разнорѣчія), до сихъ поръ не вполне выяснились происхожденіе и первые шаги Екатерины на Русской почвѣ. Рожденная гдѣ-то въ Лифляндіи отъ крѣпостной матери, принадлежавшей къ крестьянской семьѣ Скавронскихъ, повидимому, природныхъ Литвиновъ или Латышей, Марта еще въ дѣтствѣ попала въ домъ

Маріенбургскаго пастора Глюка, и потомъ исполняла роль служанки при его дѣтяхъ. Пасторъ, бывшій самъ ученымъ языковѣдомъ, воспиталъ ее въ правилахъ Лютеранской церкви, но грамотѣ не научилъ. Достигши 17-лѣтняго возраста, Марта, съ согласія Глюка, была помолвлена, а пожалуй, и успѣла обвѣнчаться съ однимъ Шведскимъ драгуномъ, служившимъ въ мѣстномъ гарнизонѣ. Въ это время къ Маріенбургу подошли Русскія войска и осадили его, подѣ начальствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева. Когда послѣдній потребовалъ сдачи города, грозя жестокими карами въ противномъ случаѣ, храбрый комендантъ, въ виду незначительности и крѣпости гарнизона, рѣшилъ лучше взорваться, чѣмъ сдаться. Онъ тайкомъ сообщилъ о своемъ намѣреніи пастору Глюку, совѣтуя ему поскорѣе покинуть городъ вмѣстѣ съ своими прихожанами. Послѣдній такъ и сдѣлалъ: отправился съ семьей и мирными жителями въ Русскій лагерь, держа въ рукахъ Славянскую библію и полагаясь на милость побѣдителей. А отчаянный комендантъ поджогъ пороховой складъ и вмѣстѣ съ гарнизономъ взлетѣлъ на воздухъ (1702 г.). Шереметевъ обласкалъ пастора и отправилъ его съ семьей въ Москву, но приглянувшуюся ему Марту оставилъ у себя. Своимъ веселымъ нравомъ, проворствомъ и услужливостью она завоевала общія симпатіи въ Русскомъ лагерѣ. Молодую плѣнницу увидалъ прибывшій въ лагерь царскій любимецъ Меньшиковъ и заставилъ Шереметева ее уступить. Марта недолго оставалась и во домѣ Меньшикова, гдѣ она водворила лучшей порядокъ и уютность. Тутъ она обратила на себя благосклонное вниманіе самого царя, который взялъ ее во дворецъ (1703), а потомъ помѣстилъ въ число придворныхъ дѣвицъ своей сестры царевны Натальи. Въ то же время она была перекрещена въ православную вѣру и получила имя Екатерины, по отчеству Алексѣевны. Любопытно, что сіе отчество произошло отъ имени юнаго царевича Алексѣя, который былъ записанъ ея крестнымъ отцомъ. Вмѣстѣ съ Екатериной въ Преображенскомъ, при дворѣ царевны Натальи, угождавшей брату, находились и другія фаворитки Петра, а именно: двѣ сестры Александра Меньшикова, Марья и Анна, двѣ сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара, и Анисья Кириловна Толстая. Сохранились нѣкоторыя ихъ коллективныя письма къ царю; напримѣръ, поздравленіе „дорогого капитана“ со взятіемъ Митавскаго замка въ Октябрѣ 1705 года. Тутъ подписалось пять подругъ, въ ихъ числѣ и „Катерина сама-третья“; а въ концѣ письма прибавлено: „Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ“. Оказывается, что въ 1705 году у Екатерины были отъ Петра уже двое сыновей-малютокъ (они жили недолго). Около того времени Петръ покончилъ съ Анною Монсъ, когда Меньшиковъ пред-

ставилъ ему доказательства, что она влюбилась въ Прусскаго посланника Кейзерлинга, который поэтому предложилъ ей свою руку и сердце. Петръ соизволилъ на этотъ бракъ, но приказалъ отобрать подаренныя ей помѣстья и его портретъ, осыпанный брилліантами.

Екатерина Алексѣевна постепенно взяла верхъ надъ своими выше-названными подругами въ царскомъ расположеніи, которое все болѣе и болѣе обращалось въ глубокую сердечную привязанность. Послѣ Анны Монсъ, наиболѣе опасной ея соперницей среди этихъ подругъ являлась одна изъ сестеръ Арсеньевыхъ, именно Дарья Михайловна... Но въ 1706 году Меньшиковъ, непосредственный участникъ царскихъ развлеченій въ этомъ женскомъ обществѣ, вступилъ въ бракъ съ Дарьей Арсеньевой, конечно исполняя царскую волю. Съ выходомъ замужъ Монсъ и Дарьи значеніе Екатерины возросло и упрочилось. Постепенно она становится не только сожительницей Петра, но и его спутницей въ походахъ и путешествіяхъ. Естественнo, что царевичъ Алексѣй при своихъ натянутыхъ отношеніяхъ съ отцомъ началъ прибѣгать къ покровительству и заступничеству своей крестной дочери. О томъ свидѣтельствуотъ нѣсколько сохранившихся его къ ней писемъ изъ эпохи 1708—1711 гг. Екатерина, повидимому, нерѣдко оказывала ему услуги въ этомъ отношеніи.

Въ Февралѣ 1711 года Петръ рѣшилъ закрѣпить свою сердечную привязанность церковнымъ бракомъ *). Но только весной, незадолго до Прутскаго похода, онъ всенародно объявилъ ее своей законной супругой. Короткимъ письмомъ изъ Брауншвейга, отъ 7 Мая сего года, царевичъ (тогда еще женихъ принцессы Шарлотты) поздравляетъ Екатерину съ такимъ радостнымъ событіемъ и проситъ держать его „въ прежней милости“. Съ явнымъ оттѣнкомъ грусти онъ прибавляетъ, что государя-батюшку поздравить не смѣетъ, ибо письменнаго увѣдомленія отъ него не имѣетъ, а только знаетъ о событіи по слуху. Вскорѣ потомъ въ письмахъ своихъ, вмѣсто обычнаго „мадамъ“, онъ уже именуетъ мачиху „Милостивая моя государыня матушка“. Изъ Прутскаго похода Екатерина возвратилась, пріобрѣвъ славу спасительницы царя и арміи отъ величайшей опасности. Извѣстные рассказы о ея находчивости и подкупѣ великаго визиря своими драгоценностями имѣютъ легендарный характеръ; но достовѣрно то, что въ критическую минуту она поддержала духъ и энергію своего царственнаго супруга, за что онъ потомъ выражалъ ей особую благодарность.

*) Покойный И. М. Снегиревъ показывалъ мнѣ гравюру (въ малую четверть листа) съ изображеніемъ этого бракосочетанія. По бокамъ родителей стоятъ двѣ дѣвочки, и на каждой вѣнецъ. П. Б.

Наружно Екатерина относилась благосклонно къ браку царевича съ иностранной принцессой, и онъ попрежнему посылаетъ ей краткія о себѣ извѣстія, точнѣе донесенія. Но въ ея отношеніяхъ къ Алексѣю и его супругѣ теперь явно сквозитъ какая-то холодность или натянутость. Екатерина уже подарила Петру пятерыхъ или шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ къ данному времени оставались въ живыхъ только Анна и Елисавета. Но царица естественно не теряла надежды имѣть еще и сына. Въ качествѣ уже законной и притомъ страстно любимой супруги, она могла мечтать о томъ, чтобы на него перенести право престолонаслѣдія, лишивъ этого права нелюбимаго Петромъ Алексѣя. Такою затаенною мечтою объясняется многое въ дальнѣйшей судьбѣ ея пасынка.

Еще не исполнился медовый мѣсяцъ новобрачныхъ, еще не успѣли они освоиться и привыкнуть другъ къ другу, какъ царевичъ получилъ отцовскій приказъ ѣхать въ Польскій городъ Торунь и заниматься тамъ изготовленіемъ провіанта для Русской арміи, двигавшейся къ Штетину; ибо одинъ изъ главныхъ театровъ войны со Шведами Петръ перенесъ въ Померанію, гдѣ дѣйствовали совокупно со своими союзниками. Недѣль черезъ пять Шарлотта пріѣхала къ мужу въ Торунь. Тутъ пришлось имъ побыть вмѣстѣ около четырехъ мѣсяцевъ, при чемъ они терпѣли нужду въ деньгахъ, такъ какъ жили на свой счетъ; а суммы, назначенныя царемъ на содержаніе принцессы и ея двора, не только были недостаточны, но и получались очень туго. Шарлотта со слезами жаловалась на то Меньшикову, который привезъ царевичу приказъ Петра ѣхать въ Померанію и состоять въ Русскомъ войскѣ, осаждавшемъ Штетинъ подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго. Меньшиковъ далъ принцессѣ взаймы 5000 рублей, и она, разставшись съ мужемъ, поселилась въ городкѣ Эльбингѣ.

Царь и царица, остановясь проѣздомъ въ этомъ городкѣ, облакали Шарлотту, о чемъ она радостно сообщаетъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ. Если вѣрить симъ письмамъ, Екатерина даже отнеслась къ ней съ материнской нѣжностію и передала ей замѣчаніе своего царственного супруга о томъ, что Алексѣй не стѣнитъ такой хорошей жены. Но изъ сего лестнаго для нея отзыва принцесса съ грустью заключила, что царь не любитъ царевича и просила царицу быть его заступницей передъ отцомъ. Та обѣщала. Вообще изъ переписки съ родными видно, что принцесса доселѣ была довольна отношеніемъ къ ней мужа и считала себя счастливой. Но изъ того же источника мы узнаемъ, что уже во время пребыванія молодой четы въ Торунѣ начались и семейныя размолвки. Поводомъ къ нимъ послужило случав-

шееса иногда участіе Алексѣя въ ночныхъ попойкахъ, послѣ которыхъ онъ возвращался домой только въ 3—4 часа утра, чѣмъ немало слезъ причинялъ своей женѣ.

Во время стоянки передъ Штетиномъ, въ Русскомъ лагерѣ тоже нерѣдки были попойки, въ которыхъ участвовалъ Алексѣй Петровичъ, поощряемый къ тому своимъ злымъ гениемъ, т.-е. Меньшиковымъ. Шарлотта, со словъ князя Голицына, описываетъ роднымъ одно крупное столкновение, при которомъ Алексѣй горячо защищалъ свою жену отъ нападокъ Меньшикова. Послѣдній устроилъ у себя пиръ для Алексѣя и высшихъ офицеровъ своего отряда. Тутъ свѣтлѣйшій позволилъ себѣ неблагопріятные отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ, состоявшихъ при супругѣ царевича и нехорошо на нее вліявшихъ. Послѣдній возразилъ, что не боится никакого дурного вліянія, ибо жена его владѣетъ твердымъ характеромъ. А Меньшиковъ на это замѣтилъ, что она тщеславна. Царевичъ вспыхнулъ и потребовалъ не забывать разстоянія, ихъ раздѣлявшаго. Свѣтлѣйшій совѣтовалъ оставить рѣзкій тонъ и напомнилъ, что онъ его воспитатель. Алексѣй громко разсмѣялся и замѣтилъ, что теперь онъ уже не воспитанникъ и заботится самъ о себѣ. Въ дальнѣйшемъ спорѣ Меньшиковъ назвалъ принцессу надменной Нѣмкой, напыщенной своимъ родствомъ съ императоромъ, и сталъ увѣрять царевича, что жена его совсѣмъ не любить. Тотъ съ жаромъ началъ доказывать, что напротивъ она его очень любитъ и что онъ никому не позволитъ порицать его жену. Затѣмъ онъ пригласилъ присутствующихъ офицеровъ выпить за здоровье престолонаслѣдницы, что они охотно исполнили. А князь Меньшиковъ замолчалъ и всталъ изъ-за стола съ сердитымъ лицомъ. Но пріятели князя говорили потомъ, будто бы онъ затѣялъ этотъ споръ съ добрымъ намѣреніемъ: чтобы обнаружилась любовь царевича къ своей супругѣ. Довольная симъ случаемъ, принцесса и эту версію передаетъ роднымъ съ удовольствіемъ и готова ей вѣрить.

Въ данную эпоху, т.-е. въ 1712 году, письма принцессы къ роднымъ исполнены нѣжности въ отношеніи супруга. Она сообщаетъ, что Петръ требуетъ отъ Алексѣя не уклоняться ни отъ какихъ военныхъ опасностей, и что она трепещетъ за его жизнь, въ виду предполагавшейся высадки Русскихъ на островъ Рюгенъ и возможной жестокой битвы со Шведскимъ флотомъ. Но уже въ концѣ года видимъ другое настроеніе. 26-го Ноября она пишетъ, что положеніе ея ужасно, что мужъ совсѣмъ не любитъ ея, что Екатерина ее ненавидитъ и старается вредить ей, что въ глазахъ Русскихъ всѣ Лютеране уподобляются чертямъ. Доходя до отчаянія, принцесса самовольно уѣзжаетъ изъ

Эльбинга къ роднымъ въ Вольфенбюттель. Поэтому, когда въ слѣдующемъ Декабрѣ мѣсяцѣ царевичъ, по волѣ царя, вмѣстѣ съ царицей-мачихой отправился въ Петербургъ и заѣхалъ въ Эльбингъ, онъ уже не засталъ тамъ Шарлотту.

Отсутствіе царевича изъ Россіи и пребываніе его за границей продолжались почти три года и естественно породили немалые толки и опасенія среди Русскихъ людей, несочувственно относившихся къ беспощадной реформаторской дѣятельности его отца и къ безконечной его войнѣ со Шведами. Ихъ настроеніе отразилось между прочимъ въ проповѣди или „казаньѣ“ блюстителя патріаршаго престола Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, которое онъ произнесъ великимъ постомъ 1712 г. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ послѣ литургии. Тутъ онъ громилъ нехраненіе заповѣдей Господнихъ, за что Богъ не даетъ Россіи вождельнаго мира и посѣщаетъ ее разными бѣдствіями; говорилъ противъ клеветниковъ-назирателей (фискаловъ), поставленныхъ выше судей, а въ заключеніе обратился съ молитвою къ св. Алексѣю, чтобы онъ направилъ и защитилъ своего „тезоименника, нашу едину надежду“ отъ всякаго зла и помогъ бы ему, скитающемуся по чужимъ домамъ, вскорѣ и благополучно воротиться на родину. Нѣкоторые сенаторы, присутствовавшіе на семъ казаньѣ, на другой день, пришедъ къ Стефану, начали укорять его, будто онъ возмущаетъ народъ, дерзословно касается царской чести, и грозили донести о томъ царю. Митрополитъ послалъ Петру свое казанье вмѣстѣ съ оправданіемъ, въ которомъ увѣрялъ, что не имѣлъ никакого зла и въ помысленіи, и просилъ разрѣшенія посхимиться въ Донскомъ монастырѣ. Петръ сдѣлалъ нѣкоторыя помѣтки на проповѣди, но не придавалъ ей большого значенія и не рѣшился подвергнуть какому-либо наказанію почтеннаго архипастыря.

Послѣ своего долгаго заграничнаго пребыванія и ученія царевичъ воротился на родину человѣкомъ несомнѣнно до нѣкоторой степени европейски образованнымъ. Но его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, вообще привычки, чувства, убѣжденія остались прежнія. А главнымъ преобладающимъ чувствомъ былъ все тотъ же рабскій страхъ и трепеть передъ грознымъ отцомъ, которые заставляли лгать и изворачиваться для того, чтобы не подвергнуться его гнѣву и побоямъ. Петръ довольно милостиво встрѣтилъ сына, воротившагося изъ чужихъ краевъ, и между прочимъ велѣлъ показать какіе-то учебные чертежи. Сынъ, опасаясь, что отецъ заставитъ его чертить при себѣ и тѣмъ обнаружить его неумѣніе, зарядилъ пистолеть и лѣвой рукой выстрѣлилъ въ правую ладонь. Пулька пролетѣла мимо, и только по-

рохомъ сильно опалило руку. Отецъ увидалъ опаленное мѣсто и спрашивалъ о причинѣ. Сынъ что-то ему солгалъ. Случай весьма характерный для ихъ взаимныхъ отношеній.

Только въ Маѣ 1713 года кронпринцесса Шарлотта со своей Нѣмецкой свитой, предводимой барономъ Левенвольдомъ, прибыла въ Петербургъ, гдѣ ей устроена была торжественная встрѣча. На Красномъ Кабачкѣ встрѣтили ее сенаторы съ кн. Я. Ѳ. Долгорукимъ во главѣ. Черезъ Неву перевезли ее на другую сторону въ сопровожденіи нѣкоторыхъ вельможъ въ шляпкѣ, разукрашенной краснымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ. На правомъ берегу приняли ее другіе вельможи, тоже разодѣтые въ золото и бархатъ. Недалеко отъ дворца ожидала ее царица, окруженная придворными дамами. Принцесса хотѣла поцѣловать ее въ платье, но та не допустила и приняла въ свои объятія, послѣ чего провела въ приготовленное и роскошно убранное помѣщеніе. Но супруга своего она здѣсь не застала. Царь незадолго передъ тѣмъ, взявъ съ собою царевича, пошелъ съ флотомъ на Або, а кавалерію послалъ берегомъ. Хотя, мѣсяць спустя, Алексѣй вернулся изъ похода и свидѣлся съ женой, но вскорѣ былъ снова отправленъ отцомъ въ Ладугу и Старую Русу, чтобы надзирать за рубкой и сборомъ дубоваго лѣса для кораблестроенія. Нельзя не обратить вниманія на то, что Петръ, какъ бы побуждаемый какимъ-то злымъ геніемъ, не давалъ сыну подольше побыть съ женою и поболѣе съ нею свыкнуться.

Не ранѣ Августа воротился царевичъ въ Петербургъ и зажилъ съ женою въ особомъ дворцѣ, построенномъ для нихъ у Скорбященской церкви на лѣвомъ берегу Невы, по сосѣдству съ домами царевны Натальи Алексѣевны и царицы Марѣы Матвѣевны (вдовы царя Ѳедора Алексѣевича).

Первое время своего Петербургскаго сожителства съ мужемъ принцесса писала роднымъ, что онъ очень ее любитъ, а она отвѣчаетъ ему тѣмъ же и что онъ выходитъ изъ себя, когда ей причиняютъ хотя бы малѣйшую непріятность. А непріятности сдѣлались нерѣдки, во-первыхъ, со стороны его сосѣдки и тетки Натальи Алексѣевны, а во-вторыхъ, со стороны самой царицы Екатерины. Послѣдняя съ неудовольствіемъ узнала о беременности принцессы; при своихъ частыхъ родахъ, она страшилась за своихъ дѣтей, когда ихъ участь впоследствии окажется въ рукахъ Алексѣя и его супруги, которыхъ теперь держали почти-что въ черномъ тѣлѣ. Такъ, скромныя суммы, ассигнованныя на ихъ содержаніе, задерживались или выда-

вались не сполна; а потому они терпѣли постоянную нужду въ деньгахъ. Царевичъ имѣлъ въ своемъ личномъ владѣніи нѣкоторое количество сель, деревень и земельныхъ угодій, самъ занимался хозяйствомъ и требовалъ точныхъ отчетовъ отъ управителей своихъ имѣній; однако доходовъ съ нихъ не хватало на покрытіе расходовъ. Выходя замужъ, Шарлотта, съ согласія Алексѣя, отказалась въ пользу матери отъ части своего скромнаго приданаго (простиравшаго только до 20.000 талеровъ). Но теперь, когда она напоминала ему объ этомъ согласіи, онъ не хотѣлъ о немъ помнить. На почвѣ сихъ матеріальныхъ расчетовъ между супругами возникли неизбѣжныя пререканія. А между тѣмъ немалыя средства требовались на содержаніе ихъ двора. При Алексѣѣ попрежнему состояли его бывшіе воспитатели баронъ Гизень и Никифоръ Вяземскій, а затѣмъ порядочное количество камердинеровъ и служителей, каковы: Богдановъ, Аванасьевъ, Эверлаковъ, Носовъ и др. Гораздо пышнѣе и многочисленнѣе былъ придворный штатъ его супруги Шарлотты, и притомъ штатъ чисто Нѣмецкій, устроенный по Германскимъ образцамъ. Во главѣ дамскаго отдѣленія находились принцесса Остѣ-Фрисландская и гофмейстрина де-Сантальеръ; а во главѣ мужского камергеръ Биберштейнъ; къ тому же штату причислялся пользовавшійся наибольшимъ довѣріемъ принцессы гофмейстеръ баронъ Левенвольдъ; далѣе слѣдовали нѣсколько камерюнкеровъ, два Нѣмецкихъ врача, секретарь Кильверъ и Лютеранскій пасторъ Миллеръ.

Само собою разумѣется, Нѣмецкій и Лютеранскій характеръ престолонаслѣдницы и ея придворнаго штата отнюдь не были пріятны Русскому народу, и прежде всего самому Алексѣю Петровичу. Отношенія между супругами становились все холоднѣе, взаимныя упреки и ссоры все чаще. Шарлотта жаловалась на терпимыя ею огорченія (повидимому, въ особенности отъ Натальи Алексѣевны, Екатерины и Меньшикова) и требовала, чтобы мужъ шелъ къ своей теткѣ Натальѣ для объясненій. Тотъ отказывался. А когда она упрекала его тѣмъ, что въ Германіи ни одинъ сапожникъ и портной никому не позволяютъ дурно обращаться съ его женою, и напоминала ему данныя обѣщанія и клятвы, царевичъ отрицался отъ нихъ; говорилъ, что она находится теперь въ Россіи, и если недовольна тѣмъ, что имѣетъ, то пусть убирается назадъ въ свою Германію. Принцесса въ это время писала матери, что болѣе не можетъ скрывать истинный характеръ своего мужа и что она очень несчастна.

Взаимныя отношенія еще болѣе обострялись усилившейся привычкою царевича къ вину, вслѣдствіе чего происходили крайне пе-

чальныя сцены. Такъ, однажды онъ воротился изъ гостей совѣмъ пьяный и отправился на половину жены. Отъ нея вскорѣ пришелъ къ себѣ въ спальню и гнѣвно сталъ говорить своему камердинеру Ивану Большому-Аѳанасьеву: „Вотъ Гаврила Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ на шею чертовку навязали; какъ къ ней ни приду, все сердитуется и не хочетъ со мною говорить; развѣ умру, то ему не отплачу; а сыну его Александру и Трубецкому быть на колѣ: они къ батюшкѣ писали, чтобы на ней жениться“. Слуга замѣтилъ, что худо, если узнаютъ о такихъ его неосторожныхъ словахъ, и не только они, пожалуй, и другіе перестанутъ къ нему ѣздить.

„Плюну на нихъ, молвилъ на это царевичъ, мнѣ бы здорова была чернь. Когда будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а тѣ прихожанамъ“ и т. д. Слуга смутился, слыша такія опасныя рѣчи, и молчалъ. Царевичъ посмотрѣлъ на него и пошелъ молиться въ крестовую или образную комнату. А по утру, призвавъ Аѳанасьева, спрашивалъ о себѣ, не говорилъ ли вчера напрасныхъ словъ; узнавъ, что говорилъ, тужилъ о томъ и просилъ слугу никому этихъ словъ не передавать.

Привычка къ неумѣренному винопитію крайне вредно отзвѣдалась на его здоровьѣ. Алексѣй сталъ очень хворать, и у него заподозрили чахотку. Врачи посоветовали ему ѣхать на воды въ Карлсбадъ. Царь далъ свое согласіе. Отчужденіе супруговъ было уже такъ велико, что царевичъ (если вѣрить иностранному извѣстію) до послѣдняго дня таилъ отъ жены свой близкій отъѣздъ и будто бы объявилъ о немъ только тогда, когда былъ уже поданъ дорожный экипажъ. А затѣмъ во время своего полугодового отсутствія ни разу не писалъ своей супругѣ и не отвѣчалъ на ея письма. Пользуясь водами, онъ однако не терялъ времени даромъ, а пристально читалъ творенія Баронія и дѣлалъ изъ него выписки тѣхъ мѣстъ, которыя казались ему любопытны, въ особенности тѣхъ, которыя имѣли хотя бы неблизкое отношеніе къ его современности. Напримѣръ: „Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій заказывалъ *), и похвала долгому, а короткому сопротивное“. „Иустиніанъ будто писалъ къ женѣ, что онъ—глава всѣмъ (не весьма правда); а хотя бы и писалъ, то намъ его письмо не подтвержденіе“. „Хильперикъ Французскій король убитъ для отъему отъ церкви имѣнія“ и т. п.

*) Т.-е. запрещалъ. П. Б.

IV.

Дѣти, потеря жены и близость развязки.

Продолжительное отсутствіе царевича и Нѣмецкое окруженіе его супруги породили при дворѣ какіе-то неблагопріятные толки насчетъ ея беременности. Подъ вліяніемъ сихъ толковъ Петръ распорядился быть безотлучно при Шарлоттѣ до ея разрѣшенія отъ бремени тремъ Русскимъ боярынямъ: женѣ канцлера графа Головкина, женѣ генерала Брюса и Ржевской, которую царь прозвалъ „князь-игуменьей“. Въ письмѣ къ кронпринцессѣ царь объяснялъ эту мѣру предупрежденіемъ кривыхъ толковъ или „необузданныхъ языковъ“, которые, повидимому, намекали на какую-то фальшь, возможную въ предстоящихъ родахъ. Шарлотта въ письмахъ къ Петру и Екатеринѣ высказала большое огорченіе по поводу такого къ ней недовѣрія и просила только оставить при ней повивальную бабку, привезенную изъ Германіи.

12 Іюля она произвела на свѣтъ дочь, которой дала имя Наталіи, очевидно, въ честь царевны Наталіи Алексѣевны, которую просила быть крестной матерью новорожденной. Судя по ласковому письму, которымъ Петръ поздравилъ свою невѣстку съ благополучнымъ разрѣшеніемъ, можно догадываться, что онъ и Екатерина были довольны именно рожденіемъ внучки, а не внука. А потому, ободренная симъ письмомъ кронпринцесса едва ли доставила имъ удовольствіе тѣмъ, что въ своемъ отвѣтѣ шутя выразила надежду подарить царю также и внука, т.-е. будущаго престолонаслѣдника.

Въ Декабрѣ 1714 года АлексѢй воротился въ Петербургъ. Первые дни по приѣздѣ онъ былъ ласковъ съ принцессою. Но эти дни скоро миновали; царевичъ постепенно воротился къ своему обычному образу жизни, и его все рѣже видали подлѣ жены. Къ вящему ея отчаянію въ это время онъ полюбилъ молодую Чухонку, бывшую крѣпостной дѣвушкой его учителя Никифора Вяземскаго, по имени Евфросинья Ѳедорову, которую взялъ къ себѣ и съ которой не разставался. (Судя по тому, что братъ ея Иванъ Ѳедоровъ, крѣпостной Вяземскаго, отпущенный на волю, называется въ одномъ документѣ „полоннымъ“ челоуѣкомъ, Евфросинья могла быть, подобно Екатеринѣ, полонянкою изъ Лифляндіи). Теперь онъ такъ мало заботился о своей женѣ и своемъ домѣ, что, между прочимъ, не обращалъ вниманіе на ея просьбы исправить ея спальню, въ которую протекалъ дождь. А когда царь сдѣлалъ по сему поводу рѣзкій выговоръ, онъ упрекалъ жену въ попыткѣ подвести его подъ отцовскій гнѣвъ.

Между тѣмъ поправившееся за границей здоровье царевича стало вновь разстраиваться отъ злоупотребленія крѣпкими напитками. По обыкновенію строго соблюдая великій постъ въ отношеніи пищи, онъ въ тоже время ежедневно и неумѣренно пилъ водку.

При подобныхъ условіяхъ онъ дошелъ до такого состоянія, что однажды (въ Апрѣль 1715 года) въ церкви лишился чувствъ и такъ сильно заболѣлъ, что его не рѣшились везти домой черезъ Неву, а на ночь положили въ домъ одного иностранца. На слѣдующій день онъ все еще былъ очень слабъ; кронпринцесса явилась къ больному мужу и два дня ухаживала за нимъ, пока его можно было переправить домой. Въ это время она была уже вторично беременна. Судя по письмамъ къ роднымъ, одно только утѣшало Шарлотту въ ея горестяхъ, что мужъ очень любилъ и ласкалъ малютку Наташу. Онъ уносилъ ее къ себѣ въ комнату, укачивалъ на своихъ рукахъ и всѣхъ спрашивалъ, видали ль гдѣ ребенка красивѣе его дочери.

Вторая беременность кронпринцессы не обошлась безъ несчастнаго случая. Однажды, всходя на лѣстницу, она упала и ушибла себѣ лѣвую сторону, послѣ чего чувствовала постоянную боль, особенно въ лѣвомъ боку, несмотря на мѣры, принятія врачами. 12 Октября она благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который въ честь дѣда былъ названъ Петромъ. Дѣдъ вмѣстѣ со своей любимой сестрой Натальей былъ его воспріемникомъ отъ купели. Первые дни родильница чувствовала себя недурно и сама начала кормить новорожденнаго. Но затѣмъ состояніе ея ухудшилось, а на девятый день было уже такъ плохо, что созвали консиліумъ, на который царь прислалъ своихъ лейбъ-медиковъ Арескина, Блументроста, Поликала и другихъ, вмѣстѣ съ княземъ Меншиковымъ. Самъ онъ былъ тогда очень нездоровъ и не выходилъ изъ комнаты. Екатерина также не могла прибыть, ибо сама ожидала разрѣшенія отъ бремени. Консиліумъ нашелъ родильницу въ безнадежномъ положеніи. Слѣдующимъ утромъ, 21 Октября, Шарлотта, сознавая это положеніе, призвала свое довѣренное лицо барона Левенвольда и сдѣлала послѣднія распоряженія. Главное ея желаніе состояло въ томъ, чтобы воспитаніе ея дѣтей было поручено ея другу принцессѣ Остѣ-Фрисландской, если на сіе будетъ соизволеніе государя; въ противномъ случаѣ просила Левенвольда лично отвезти принцессу на родину. Въ заключеніе просила передать ихъ величествамъ свою благодарность за всѣ ихъ благодѣянія. Въ тотъ же день Петръ, по просьбѣ умирающей, посѣтилъ ее, несмотря на свое нездоровье; она была еще настолько въ памяти, что поручала его отеческому попеченію своихъ дѣтей и его милостивому вниманію своихъ

служащихъ. Ночью на 22 Октября 1715 года она скончалась. По словамъ Австрійскаго резидента (Плейера) Алексѣй не отходилъ отъ постели умирающей; а когда она скончалась, нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Потомъ взялъ на руки обонхъ дѣтей и унесъ ихъ къ себѣ въ комнату.

Въ шестой день по кончинѣ совершились торжественныя похороны въ Петропавловскомъ соборѣ. Царь вмѣстѣ съ царевичемъ между рядами гвардіи шелъ за гробомъ, который подъ балдахинномъ несли офицеры. Въ процессіи участвовали царевна Наталья Алексѣевна, царица Прасковья Ѳеодоровна (вдова Іоанна V) со своею свитою и принцесса Остѣ-Фрисландская.

Такъ печально окончилось четырехлѣтнее супружество двухъ существъ, совершенно несозданныхъ другъ для друга, но связанныхъ неразрывными узами по волѣ и династическимъ расчетамъ Русскаго царя-реформатора. Помимо сихъ расчетовъ, онъ надѣялся, что Нѣмецкая принцесса окажетъ культурное вліяніе на его сына, смягчить его грубыя привычки и облагородитъ его строптивый нравъ. Тщетная надежда. Да едва ли благовоспитанная, но сантиментальная и слишкомъ чуждая по своимъ національнымъ интересамъ, религіи и міровоззрѣнію, Нѣмка могла оказать замѣтное и благотворное вліяніе на своего Русскаго супруга вообще, а тѣмъ менѣе въ случайные мѣсяцы, когда они жили вмѣстѣ; ибо самъ отецъ сумѣлъ такъ распорядиться своимъ сыномъ, что послѣдній изъ четырехъ лѣтъ супружества не болѣе половины сего времени провелъ подлѣ жены.

Напрасно Шарлотта въ первые дни послѣ родовъ утѣшалась тѣмъ, что она дала Русскому государству будущаго наслѣдника престола и такимъ образомъ упрочила династію. Петръ, а тѣмъ естественнѣе Екатерина, не обнаружили никакой особой радости по поводу сего престолонаслѣдника. У нихъ въ то время были иные, свои собственные, расчеты, для осуществленія которыхъ кончина кронпринцессы только развязывала имъ руки. Да и сама эта кончина, можетъ-быть, находилась въ связи съ тѣмъ горькимъ разочарованіемъ, которое постигло кронпринцессу, когда она увидала, что новорожденный царевичъ встрѣтилъ сухой, неласковый пріемъ при царскомъ дворѣ и не принесъ съ собою никакого улучшенія въ отношеніяхъ Петра съ Алексѣемъ.

Екатерина и Меншиковъ, втайнѣ работавшіе надъ обостреніемъ сихъ отношеній, всякими наговорами и воздѣйствіями спѣшили воспользоваться благопріятнымъ для нихъ моментомъ въ смыслѣ устра-

ненія Алексѣя отъ престола. Подстрекаемый ими, великій человѣкъ снизошелъ до явнаго искаженія дѣйствительности и подписалъ своимъ именемъ длинное, многословное и казуистичное письмо, въ которомъ ему принадлежала развѣ только редакція, т.-е. внѣшняя отдѣлка.

Послѣ погребенія Шарлотты придворные чины воротились изъ Петропавловскаго собора въ домъ царевича для обычной поминальной трапезы. И тутъ внезапно, съ напускною торжественностью, въ присутствіи сановниковъ царь вручилъ Алексѣю письмо. Оно было помѣчено 11-мъ Октября, т.-е. кануномъ рожденія внука Петра Алексѣевича, слѣдовательно было написано якобы за 16 дней до его врученія; а послѣднее произошло какъ разъ наканунѣ рожденія сына самой Екатерины. Съ помощью столь явной натяжки царь получилъ возможность обращаться къ Алексѣю какъ бы къ своему единственному сыну.

Письмо озаглавлено: „Объявленіе сыну моему“.

Оно начинается указаніемъ на государственную необходимость войны со Шведами и на сопряженные съ нею наши успѣхи въ военномъ искусствѣ, которое должно составлять главную заботу правителя; а на него глядя и подначальные люди будутъ о томъ же заботиться. Но Алексѣй не показывалъ никакой охоты къ военному дѣлу. Напрасно онъ отговаривался слабостью своего здоровья. Богъ не лишилъ его разума, не совсѣмъ отнялъ и крѣпость тѣлесную. Но онъ исполненъ злого и упрямаго нрава, за который отецъ его не только бранивалъ, но и бивалъ, и сколько лѣтъ уже не говорить съ нимъ, и все напрасно: ему бы только сидѣть дома и ничего не дѣлать. А потому отецъ подождетъ еще немного, и, если сынъ не исправится, то лишитъ его наслѣдства, и пусть не думаетъ, что онъ у него одинъ сынъ. Если царь за отечество живота своего не жалѣлъ, то пожалѣетъ ли „непотребнаго“ сына? „Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный“.

Исправся, иначе лишу тебя престолонаслѣдія — вотъ смыслъ письма. Но въ чемъ и какъ исправиться? Въ небрежномъ воспитаніи царевича и въ его сиротствѣ болѣе всѣхъ виновать самъ Петръ; къ военному дѣлу его не приучалъ какъ слѣдуетъ и въ походы бралъ съ собой рѣдко, а занималъ болѣе порученіями по части военнаго снаряженія и продовольствія, которыя сынъ исполнялъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Никакою воинскою частью онъ не командовалъ, и отецъ какъ бы умышленно отстранялъ его отъ такого командованія. Семейную жизнь устроилъ ему несогласную съ его чувствами и наклон-

ностями. Вредную привычку къ винопитію привилъ собственнымъ примѣромъ; а Меньшиковъ постарался ее развить; потому-то, вѣроятно, о семь порокахъ письмо совершенно умалчиваетъ. Непомѣрною строгостью, побоями и явною холодною оттолкнулъ его отъ себя, запугалъ и въ конецъ испортилъ его характеръ, сдѣлавшійся оттого скрытнымъ, лицемернымъ, робкимъ и, пожалуй, недобримъ. А будто бы отецъ уже нѣсколько лѣтъ съ нимъ не говорилъ, надо замѣнить словами: мало говорилъ; слѣдовательно совсѣмъ не старался своевременно его наставлять и руководить. Природа не обидѣла Алексѣя Петровича умомъ и способностями; при иныхъ условіяхъ юности изъ него могъ выдти достойный преемникъ своему гениальному отцу. Но именно этотъ отецъ и создалъ ему самыя несчастныя условія, а теперь какъ бы вошелъ въ заговоръ со своими приближенными людьми, чтобы окончательно погубить собственного сына.

На слѣдующій же день послѣ врученія письма Екатерина родила сына, которому дано было, такъ же какъ и сыну Алексѣя, имя Петра. Этотъ слѣдующій день тоже возбуждаетъ вопросъ, былъ ли объявленъ дѣйствительный моментъ рожденія? Или Петръ и Екатерина почему-либо надѣялись, что на сей разъ родится не дочь, а сынъ.

Какъ громомъ былъ пораженъ отцовскимъ письмомъ царевичъ; рожденіе брата смутило его еще болѣе. Онъ сталъ совѣтоваться со своими довѣренными лицами. Въ эту Петербургскую эпоху его жизни наиболѣе довѣреннымъ у него лицомъ былъ Александръ Кикинъ, незадолго попавшій въ опалу, но прощенный царемъ по ходатайству Екатерины и теперь состоявшій на службѣ при сестрѣ государя царевнѣ Марѣ Алексѣевнѣ. Другимъ благопріятелемъ Алексѣя является князь Василій Владимировичъ Долгорукій. Третьимъ близкимъ лицомъ—старый его учитель Никифоръ Вяземскій. Всѣ они болѣе или менѣе совѣтовали полное смиреніе предъ волею отца и письменное отреченіе отъ престолонаслѣдія.

„Давай писемъ хоть тысячу, говорилъ князь Долгорукій, вѣдь это не запись съ неустойкою, какъ мы (бояре) прежь сего межъ себя даывали“. Алексѣй просилъ кн. Долгорукаго и графа Федора Матвѣевича Апраксина ходатайствовать передъ царемъ, чтобы тотъ дозволилъ ему спокойно проживать въ своихъ имѣніяхъ. Несчастный думалъ, что отцу нужно только его отреченіе отъ престолонаслѣдія. Въ этомъ смыслѣ онъ, спустя три дня послѣ погребенія жены, подалъ отцу челобитную, въ которой ссылаясь на свою „непотребность“ и слабость, умственную и тѣлесную, а потому отрекался отъ наслѣдія,

и тѣмъ болѣе, что у него, слава Богу, уже есть братъ. Дѣтей своихъ вручалъ въ царскую волю, а себѣ просилъ только пожизненнаго пропитанія. Близкій къ Петру князь Василій Владимировичъ Долгорукій увѣдомилъ Алексѣя, что имѣлъ разговоръ съ царемъ объ отвѣтномъ письмѣ и будто бы тотъ остался имъ доволенъ. Однако князь прибавилъ, что на сей разъ ему удалось спасти царевича: „Я тебя у отца съ плахи снялъ“, загадочно говорилъ Долгорукій.

Послѣ того нѣкоторое время царь какъ бы оставлялъ Алексѣя въ покоѣ. Очевидно онъ раздумывалъ, колебался и не принималъ еще окончательнаго рѣшенія. Въ Ноябрѣ, послѣ слишкомъ усерднаго служенія Бахусу на именинахъ адмирала Апраксина, Петръ такъ опасно заболѣлъ, что 2 Декабря причастился святыхъ таинъ. Министры и сенаторы не отлучались и ночевали во дворцѣ. Но Кикинъ дошелъ до такой подозрительности, что не вѣрилъ въ серьезную болѣзнь и внушалъ царевичу, будто отецъ притворяется, т.-е. преувеличиваетъ опасность. Разумѣется, такое притворство приписывалось намѣренію узнать, какъ будутъ вести себя сынъ и его приверженцы въ виду близкой кончины отца. Какъ бы то ни было, царь оправился и на Рождественскій праздникъ вышелъ въ церковь.

19 Января слѣдующаго 1716 года, Петръ вручилъ сыну второе еще болѣе грозное посланіе, озаглавленное „Послѣднее напоминаніе еще“. Тутъ онъ изъявляетъ неудовольствіе на неудовлетворительный отвѣтъ сына, который ссылается только на свою тѣлесную слабость, а молчитъ о своей неохотѣ. Клятвѣ его вѣрить нельзя; да если бы и захотѣлъ ее хранить, „то возмогутъ склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются“. Затѣмъ идутъ опять упреки, что сынъ не помогаетъ въ печаляхъ и трудахъ отцу, не жалѣющему для народа своего здоровья, и послѣ него, конечно, будетъ „разорителемъ“ его дѣль. Нельзя оставаться „ни рыбою, ни мясомъ“. Или пусть измѣнитъ свой нравъ и будетъ достойнымъ наслѣдникомъ, или да будетъ монахъ. Въ заключеніе царь требовалъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта; въ противномъ случаѣ грозилъ поступить съ сыномъ, „какъ съ злодѣемъ“. Все тѣ же неуловимыя казуистическія требованія; но теперь, по крайней мѣрѣ, ясно высказывалось намѣреніе царя запереть сына въ монастырь и тѣмъ отрѣзать ему путь къ наслѣдію престола. Приверженцы Алексѣя и особенно Кикинъ внушали ему, что „вѣдь клобукъ не гвоздемъ прибить къ головѣ“ и что духовенство („большія бороды“, по выраженію Петра) можетъ впослѣдствіи разрѣшить его отъ монашескихъ обѣтовъ; только надо своевременно предупредить своего

духовника и старшаго архіерея, что постриженіе это невольное. Внушали, что монастырь даже представляетъ безопасное убѣжище, въ которомъ можно укрыться до поры до времени.

Алексѣй на другой же день отвѣтилъ короткой запиской, въ которой изъявилъ желаніе монашескаго чина и просилъ „о семь милостиваго позволенія“. Краткость письма оправдывалъ своею болѣзнію. Покорность сына и готовность исполнить отцовскую волю ставили Петра въ нѣкоторое затрудненіе относительно вопроса, какъ поступить, и тѣмъ болѣе, что въ это время царь собрался во второе свое большое путешествіе за границу. Передъ отъѣздомъ онъ навѣстилъ Алексѣя, лежавшаго въ постели подъ предлогомъ болѣзни, и спрашивалъ объ его „резолуціи“. Царевичъ клялся, что желаетъ постричься. Но постриженіе, повидимому, не удовлетворяло ни царя, ни его подстрекателей, т.-е. Екатерину и Меншикова. Онъ милостиво далъ сыну полугодовой срокъ, чтобы тотъ могъ еще подумать и затѣмъ написать о своемъ окончательномъ рѣшеніи.

Любопытно, что во всѣхъ этихъ переговорахъ отца съ сыномъ не было и помину о новорожденномъ внукѣ, какъ будущемъ возможномъ наслѣдникѣ Русскаго престола. Ясно было, что и сынъ и внукъ устранялись, чтобы перенести наслѣдіе на другого сына, только что рожденнаго отъ второго брака, т.-е. на Петра Петровича. Конечно, въ непосредственной связи съ симъ намѣреніемъ, 15-го Ноября 1715 года изданъ былъ царскій указъ, который всякому отцу предоставлялъ право назначать себѣ наслѣдникомъ любого изъ сыновей, не взирая на старшинство.

V.

Второе большое заграничное пребываніе Петра.

Это второе продолжительное пребываніе имѣло иной характеръ, чѣмъ первое, ибо происходило при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. При первомъ путешествіи въ Западную Европу Петръ имѣлъ въ виду ознакомиться съ Европейской культурой вообще и самому на практикѣ изучить корабельное дѣло въ частности; политика лично для него стояла тогда на второмъ планѣ. Теперь наоборотъ: на первомъ планѣ имѣлись политическія задачи, вытекавшія изъ Великой Сѣверной войны, которая крайне затянулась и осложнилась. Кромѣ старыхъ своихъ союзниковъ, королей Польскаго и Датскаго, Русскій царь сумѣлъ привлечь къ борьбѣ съ Карломъ XII еще короля Прусскаго и герцога Ганноверскаго, занявшаго королевскій престолъ въ Англіи. Но, съ одной стороны, Швеція продолжала вести упорную

оборону и съ напряженіемъ всѣхъ силъ отстаивать свои владѣнія на восточномъ и южномъ побережьи Балтійскаго моря; а съ другой союзники, преслѣдуя каждый свои особые интересы, дѣйствовали вяло и недружно. Царь задумалъ побудить ихъ къ болѣе единому образу дѣйствія и перенести войну на берега самой Швеціи. Онъ явился къ своимъ союзникамъ въ ореолѣ, которымъ осѣнила его Полтавская побѣда, и въ эпоху полнаго развитія своего могущества. Но тамъ онъ скоро убѣдился, что именно это могущество и его притязанія на присвоеніе всѣхъ завоеванныхъ имъ отъ Швеціи областей возбуждали нерасположеніе и подозрительность среди союзниковъ. Особенно непріятно для нихъ было его вооруженное вмѣшательство въ дѣла Сѣверной Германіи и пребываніе тамъ Русскихъ войскъ.

Это вмѣшательство нашло себѣ опору еще и въ новыхъ родственныхъ связяхъ. А именно Петръ устроилъ бракъ своей племянницы Екатерины Ивановны съ герцогомъ Меклембургскимъ Карломъ-Леопольдомъ, который развелся съ своей первой женой. Герцогъ терпѣлъ обиды отъ воюющихъ со Шведами союзниковъ, которые не уважали его нейтралитета и разоряли его страну всякими поборами, въ особенности когда предприняли осаду сосѣдняго города Висмара. Кромѣ того онъ находился въ ссорѣ со своимъ непокорнымъ дворянствомъ, которое искало себѣ поддержки у Германскаго императора и обращалось къ нему съ жалобами на своего герцога. Естественно поэтому, что Карлъ-Леопольдъ пожелалъ породниться съ Русскимъ государемъ въ надеждѣ найти себѣ могущественнаго заступника и покровителя.

Во второмъ большомъ путешествіи за границу Петра сопровождала его супруга Екатерина. 18-го Февраля они прибыли въ Данцигъ, округа котораго была занята Русскими войсками подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева. Первымъ распоряженіемъ царя явился штрафъ, наложенный на жителей за ихъ торговля и другія сношенія со Шведами. Затѣмъ окончены были брачныя условія съ Меклембургскимъ герцогомъ; между прочимъ за Екатериной Ивановной герцогъ оставивъ свободное исповѣданіе Греческой вѣры, предоставлялъ Русскимъ войскамъ свободное передвиженіе по своимъ владѣніямъ, давалъ разныя льготы Русскимъ торговцамъ. Царь съ своей стороны обязался подавать герцогу военную помощь противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, а въ приданое племянницы обѣщалъ присоединить къ его владѣніямъ городъ Висмаръ, конечно, послѣ его взятія. 8-го Апрѣля совершилось торжественное бракосочетаніе въ томъ же Данцигѣ.

Неудовольствіе союзниковъ на дѣйствія царя, между тѣмъ, выразилось по слѣдующему поводу. Висмаръ сдался на капитуляцію Датскимъ, Прусскимъ и Ганноверскимъ войскамъ прежде, нежели Русское войско, предводимое княземъ Репнинымъ, успѣло принять близкое участіе въ осадѣ. А когда это войско прибыло, союзные генералы не впустили его въ городъ. Царь, озабоченный планомъ общей высадки на южные берега Швеции, т.-е. въ Шонію, не захотѣлъ ссориться съ союзниками, и, напротивъ, постарался войти съ ними въ личное соглашеніе. Для того онъ устроилъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ въ Штетинѣ, а съ Датскимъ въ Альтонѣ. Отъ Ганноверскаго курфюрста Георга онъ дипломатическимъ путемъ добивался обѣщанія, чтобы тотъ въ качествѣ Англійскаго короля прислалъ на помощь Англійскую эскадру. Послѣ того Петръ отправился на воды въ Пирмонтъ для поправленія своего здоровья въ виду предстоявшей морской кампаніи. Прошедши на скоро курсъ лѣченія, въ Іюнѣ онъ уже былъ въ Ростокѣ, откуда повелъ свою галерную эскадру съ посаженною на ней Русскою пѣхотой къ Копенгагену; а конница пошла сухимъ путемъ изъ Меклембурга.

Однако всѣ хлопоты Петра о высадкѣ въ Шонію не увѣнчались успѣхомъ по медлительности и нерасположенію союзниковъ. Одно время у береговъ Даніи соединились въ одинъ могучій флотъ четыре эскадры: Русская, Датская, Англійская и даже Голландская, чтобы проводить большой караванъ торговыхъ судовъ до извѣстнаго пункта, для охраны его отъ Шведскихъ пиратовъ. Въ силу своего высокаго положенія, Петръ сталъ во главѣ соединенныхъ эскадръ, поднявъ свой флагъ на кораблѣ *Ингерманландъ*. Нѣсколько дней онъ наслаждался командованіемъ этого великолѣпнаго военнаго флота, состояшаго изъ 80 кораблей.

Дипломатическія интриги продолжались, и за наступленіемъ осени высадка была отложена. Петръ успѣлъ сдѣлать небольшую личную рекогносцировку къ берегамъ Шоніи. Изъ всѣхъ союзниковъ только молодой король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I оказывалъ полную пріязнь и довѣріе Русскому государю, и онъ же зато болѣе другихъ выигралъ отъ этого союза, получивъ значительное приращеніе къ своему королевству изъ Шведской Помераніи. Извѣстна страсть короля къ набору великановъ въ свою гвардію. Петръ подкупилъ его и съ этой стороны; въ разное время онъ подарилъ ему до 250 великорослыхъ солдатъ, взятыхъ изъ Русской арміи.

Въ Октябрѣ 1716 г. царь съ Екатериною воротился изъ Копенгагена въ Меклембургъ; а отсюда одинъ поѣхалъ въ Гавельсбергъ на

свиданіе съ Прусскимъ королемъ. Здѣсь союзъ ихъ былъ утвержденъ новымъ договоромъ, которымъ обѣ стороны обязались взаимною помощью при охраненіи своихъ завоеваній у Швеціи. Изъ Гавельсберга Петръ мимо Гамбурга направился въ любезную ему Голландію. На сей разъ она привлекала его не только своею высоко развитою промышленностью и культурою, а также дорогою памятью о первомъ своемъ путешествіи въ Западную Европу, но и тѣмъ важнымъ международнымъ положеніемъ, которое занимали тогда Голландскіе штаты, благодаря въ особенности своимъ денежнымъ богатствамъ и соединеннымъ съ ними займамъ. Гага служила посредницей и центромъ, куда сходились дипломатическія нити отъ большинства дворовъ сѣверной и средней Европы, т.-е. изъ Германіи, Даніи, Швеціи, Англіи, Франціи и Австріи. Тамъ можно было вести переговоры о достиженіи и условіяхъ столь желаннаго царю выгоднаго мира со Шведами.

6-го Декабря Петръ прибылъ въ Амстердамъ; вслѣдъ за нимъ пріѣхала большая царская свита, во главѣ которой находились канцлеръ графъ Головкинъ, подканцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Петръ Андр. Толстой и князь Василій Владимір. Долгорукій. Царь отказался отъ приготовленнаго ему Штатами роскошнаго помѣщенія, и сначала расположился въ домѣ Русскаго резидента Брандта, а потомъ занялъ квартиру крупнаго Русскаго негоціанта Соловьева *).

Политическія заботы и хлопоты, а также официальные приемы и аудіенціи не мѣшали царю во время его пребыванія въ Амстердамѣ часто отдаваться своимъ любимымъ занятіямъ и развлеченіямъ, т.-е. посѣщать корабельныя верфи, заводы, фабрики, мастерскія художниковъ, и съ особымъ удовольствіемъ совершать по окрестнымъ каналамъ прогулки на яхтахъ и другихъ парусныхъ судахъ, при чемъ самому править рулемъ. Онъ также пользовался всякимъ случаемъ повидать тѣхъ людей, которые чѣмъ-либс были ему полезны или просто вели съ нимъ знакомство во время его перваго пребыванія въ Голландіи. Между прочимъ онъ навѣстилъ своего стараго пріятеля бывшаго бургомистра Витсена, теперь старостью и болѣзнями прикованнаго къ постели. Сдѣлалъ онъ особую поѣздку и въ городокъ Заандамъ, гдѣ побывалъ въ домикѣ, служившемъ когда-

*) Этотъ Соловьевъ, изъ простолюдиновъ, былъ дворецкимъ у Меньшикова. Петръ сдѣлалъ его барономъ. Черезъ него велись въ Голландіи наши денежные дѣла. Онъ такъ разбогатѣлъ, что на его дочери женился обѣдильный Голштейнъ-Бекъ, и отъ нея, говорятъ, пошло богатство князей Барятинскихъ. П. Б.

то ему пріютомъ, и обласкалъ своего бывшаго хозяина Геррита Киста *). (Семейное преданіе послѣдняго говоритъ, что царь подарилъ ему серебряный кубокъ). Мѣстные жители замѣтили, что Петръ въ это второе пребываніе въ Голландію уже не показывалъ такого неудовольствія на собиравшуюся поглазѣть на него толпу, какое обнаруживалъ около 20 лѣтъ назадъ. Иногда онъ во весь свой огромный ростъ выпрямлялся на кормѣ судна и какъ бы хотѣлъ сказать любопытнымъ, слѣдовавшимъ за нимъ на лодкахъ: „Ну, можете смотрѣть на меня сколько вамъ угодно“. Тогда какъ окружавшіе его вельможи щеголяли роскошнымъ одѣяніемъ, ярко-красными суконными плащами и огромными париками, самъ Петръ отличался простотою своего костюма: онъ носилъ полукафтаны сѣраго сукна съ широкимъ кожанымъ поясомъ, къ которому былъ пристегнутъ палашъ, а на головѣ черныи короткій парикъ и грубая войлочная шляпа. Блѣдное лицо, со слѣдами недавней болѣзни (о которой ниже), густые черные усы и пронизательный, метавшій искры взоръ невольно приковывали къ нему общее вниманіе.

Между тѣмъ супруга его Екатерина, остававшаяся въ Мекленбургѣ, отправилась къ нему въ Голландію; но, будучи вновь беременна, она должна была ѣхать неспѣшно и осторожно. Вопреки расчетамъ царя устроить роды въ любезномъ ему Амстердамѣ, царица вслѣдствіе тряски и разныхъ дорожныхъ неудобствъ заболѣла и принуждена была остановиться въ городкѣ Везелѣ, въ Ганноверскихъ владѣніяхъ. Здѣсь 2-го Января 1717 года она разрѣшилась сыномъ Павломъ. Получивъ о томъ извѣстіе, обрадованный Петръ тотчасъ послалъ увѣдомленіе правительству Соединенныхъ Штатовъ и просилъ его членовъ быть крестными отцами новорожденнаго царевича; но на слѣдующій день пришла иная вѣсть: о кончинѣ младенца. Царь былъ такъ опечаленъ, что занемогъ лихорадкой и болѣлъ нѣсколько недѣль. Царица успѣла оправиться прежде него и въ началѣ Февраля прибыла въ Амстердамъ, окруженная большою свитою и торжественно привѣтствуемая депутаціями отъ правительства и города. Она могла, наконецъ, удовлетворить своему любопытству, возбужденному похвалами Голландіи ея царственнаго супруга, ея высокой культуры, цвѣтущему хозяйству, домашнему и общественному.

Появляясь вмѣстѣ съ супругомъ на разныхъ торжествахъ, царица рядомъ съ его простымъ костюмомъ, наоборотъ, обращала на

*) Голландцы предлагали Екатеринѣ Великой купить этотъ домикъ. Она отвѣчала, что пусть собираютъ деньги за показъ посѣтителемъ. При Александрѣ II домикъ купленъ, и содержаніе его теперь стоитъ денегъ нашему правительству. П. Б.

себя вниманіе мѣстныхъ обитателей чрезвычайной роскошью своихъ нарядовъ, въ особенности обиліемъ украшавшихъ ее брильянтовъ, жемчугу и другихъ драгоценныхъ камней. (Очевидно, не даромъ по поводу тяжелаго положенія Русской арміи на Прутѣ сложилась легенда, будто Екатерина подкупила великаго визиря своими драгоценностями).

Само собой разумѣется, что участіе въ торжествахъ, прогулки по каналамъ и поѣздки въ ближніе города не мѣшали Петру зорко слѣдить за политическими сношеніями и переговорами, которые вели уполномоченные имъ при разныхъ дворахъ его министры и резиденты. Болѣе другихъ недовѣрчиво относился къ его противошведскимъ замысламъ и домогательствамъ Англо-ганноверскій дворъ, который настаивалъ на выводѣ Русскихъ войскъ изъ Меклембурга. И вотъ въ томъ же Февралѣ мѣсяцѣ получается извѣстіе, что Шведскій министръ при Лондонскомъ дворѣ Гилленбургъ внезапно арестованъ и бумаги его конфискованы. Изъ этихъ бумагъ открылись тайныя сношенія Карла XII со сторонниками претендента на Англійскій престолъ, Якова III Стюарта: замышлялась даже высадка большого Шведскаго отряда въ Шотландіи для помощи Якобитамъ. Такое открытіе произвело сильное впечатлѣніе на короля Георга и, конечно, должно было побудить его къ сближенію съ Русскимъ царемъ. Послѣдній былъ крайне доволенъ симъ оборотомъ дѣлъ и тѣмъ, что Карль XII своимъ легкомысліемъ оттолкнулъ отъ себя Англійскаго короля. Но онъ радовался недолго. Пришло новое извѣстіе: изъ тѣхъ же бумагъ Гилленбурга Англійскіе министры узнали, будто бы таже интрига въ пользу Стюартовъ проникла въ среду приближенныхъ къ царю, съ его лейбъ-медикомъ Арескинымъ во главѣ. Петръ встревожился и чрезъ своего резидента послалъ Лондонскому кабинету пространную записку, съ увѣреніями въ совершенной непричастности Русскаго двора къ означенной интригѣ и въ явной клеветѣ на Арескина. Англо-ганноверскіе министры отвѣтили резиденту, что король увѣренъ въ лживости и злонамѣренности Шведскихъ внушеній по сему предмету, однако отказывались вступить въ какія-либо соглашенія противъ Швеціи до вывода Русскихъ войскъ изъ Меклембурга. Убѣдясь въ бесплодности переговоровъ съ Лондономъ, Петръ рѣшилъ обратиться въ Парижъ.

Въ Мартѣ 1717 года царь и царица выѣхали изъ Амстердама въ Гагу и остановились въ помѣщеніи Русскаго посла, князя Куракина. Тутъ ихъ привѣтствовала правительственная депутація, съ пансіонаріемъ Гейнзіемъ во главѣ; въ честь ихъ было устроено нѣсколько празднествъ. Отсюда Петръ дѣлалъ поѣздки въ Лейденъ, знаменитый

своимъ университетомъ, въ Дельфтъ и нѣкоторые другіе города. Въ Апрѣлѣ царственная чета переѣхала въ Роттердамъ. Здѣсь Петръ на время разстался съ супругой, которую не взялъ съ собой во Францію въ виду ея очень незнатнаго происхожденія съ одной стороны и предстоявшаго щепетильнаго придворнаго этикета съ другой. Въ свитѣ царя находились князь Куракинъ, Василій Долгорукій, Бутурлинъ, Толстой, Ягужинскій и пр. На Голландскихъ правительственныхъ яхтахъ онъ, съ заѣздомъ въ Дордрехтъ, переправился въ Антверпенъ, т.-е. въ Бельгію, тогда составлявшую Австрійскую провинцію. Здѣсь его привѣтствовали представители императора, и потомъ проводили черезъ Фландрію до гавани Дюнкирхена.

Петръ давно желалъ сближенія Россіи съ Франціей, которая дружила съ враждебными ему сосѣдними державами: на Сѣверѣ съ Швеціей, на Югѣ съ Турціей. Но Людовикъ XIV отчасти по этой именно причинѣ отклонялъ посѣщеніе царя, отчасти и по стѣсненнымъ въ послѣдніе его годы финансамъ, такъ какъ достойный приемъ Русскаго государя, уже пріобрѣвшаго большую славу, требовалъ и большихъ расходовъ. Теперь же Французскій регентъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій не счелъ возможнымъ противиться царскому визиту, тѣмъ болѣе, что около того времени появился проектъ о бракѣ вдоваго царевича Алексѣя съ дочерью герцога. Но самъ Петръ лелеялъ мысль о другомъ будущемъ бракѣ: своей дочери Елисаветы съ королемъ Людовикомъ XV, тогда еще малолѣтнимъ. Регентъ выслалъ навстрѣчу царю придворныя кареты съ маршаломъ Тессе, и Петръ въ одинъ прекрасный Апрѣльскій вечеръ прибылъ въ Парижъ.

Не буду останавливаться на его столь извѣстномъ почти шестинедѣльномъ пребываніи въ столицѣ Франціи, т.-е. на его свиданіяхъ съ регентомъ и маленькимъ королемъ, на его посѣщеніяхъ промышленныхъ и научныхъ учрежденій, дома Инвалидовъ, Сень-Сирской школы съ г-жей Ментенонъ включительно, на разказахъ о томъ, какъ онъ поражалъ Французовъ своею обычною любознательностью, чрезвычайною подвижностію, простотою своихъ привычекъ и вкусовъ. Владѣя языками Нѣмецкимъ и Голландскимъ, онъ не говорилъ по-французски, и переводчикомъ ему служилъ князь Куракинъ. Межъ тѣмъ его министры Головкинъ, Шафировъ и Куракинъ вели переговоры съ Французскими министрами о союзѣ. Переговоры эти окончились только въ Августѣ мѣсяцѣ въ Голландіи. Царь по выѣздѣ изъ Франціи провелъ нѣсколько недѣль въ Спа, гдѣ лѣчился водами, а затѣмъ воротился въ Амстердамъ, гдѣ ожидала его Екатерина и гдѣ былъ заключенъ теперь союзный договоръ между тремя державами: Рос-

сіей, Пруссіей и Франціей. Договоръ отчасти торговый, а отчасти направленный къ утверженію Европейскаго мира и прекращенію Сѣверной войны. Но съ этой стороны Французскіе уполномоченные оставили договоръ такими оговорками, что практическаго значенія онъ почти не имѣлъ. Вышеупомянутые брачныя проекты также не получили никакого движенія. Важна только первая попытка сближенія Россіи съ Франціей.

Въ Амстердамѣ Петръ возобновилъ свои судоходныя прогулки, посѣщенія заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ. На сей разъ онъ особенно посѣщаль мастерскія живописцевъ. Это искусство, какъ извѣстно, достигло тогда большого процвѣтанія въ Голландіи. Сдѣланныя царемъ приобрѣтенія многихъ произведеній Голландской школы послужили основою роскошнаго собранія въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ того Петръ нанялъ въ свою службу нѣсколько мастеровъ, а также оставилъ въ Голландіи для обученія нѣкоторыхъ Русскихъ молодыхъ людей, и тѣмъ вообще положилъ начало пересажденію Европейскихъ искусствъ въ Россію. Въ концѣ Августа онъ еще разъ посѣтилъ незабвенный Заандамъ и обитавшихъ тамъ своихъ старыхъ пріятелей. А въ Сентябрѣ царственная чета покинула возлюбленную Голландію и направилась въ Россію, гдѣ въ то время общественное вниманіе было занято бѣгствомъ царевича Алексѣя.

VI.

Бѣгство царевича Алексѣя.

По отъѣздѣ Петра за границу Алексѣй, явно устранный отъ дѣлъ правительственныхъ, по наружности велъ мирный, спокойный образъ жизни; время отъ времени посылалъ отцу и мачихѣ краткія письма съ поздравленіемъ о днѣ рожденія или именинъ, съ извѣстіями о здоровьѣ ихъ дѣтей, а своихъ „братца и сестрицъ“; занимался хозяйствомъ своихъ имѣній, даже намѣревался прикупить къ нимъ 5000 душъ крестьянъ; очень заботился о своей возлюбленной Чухонкѣ и поручалъ разыскать въ Московскихъ бумагахъ своего учителя Вяземскаго купчія крѣпости на Евфросинію и Ивана Ѳедоровыхъ (но ихъ не оказалось). А между тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что такое затишье въ его жизни непродолжительно, что враги не дремятъ и гроза надвигается; ибо срокъ, данный отцомъ, не за горами. Въ отечествѣ, конечно, не было такого уголка, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ гнѣвнаго отца, а запереть себя въ монастырское уединеніе *) онъ отнюдь не

*) Вблизи Твери, въ Жолтыковомъ монастырѣ, показываютъ приготовленную для царевича келью. П. Б.

желалъ. Сама собою по этому приходила мысль бѣжать и спастись за границу.

Въ 1715 году скончалась любимая сестра Петра, Наталья Алексѣевна. Есть извѣстіе, что передъ смертью она говорила Алексѣю о своихъ ходатайствахъ за него передъ царемъ, но что впредъ онъ уже самъ долженъ о себѣ промышлять, и лучше всего, если отдастъ себя подъ покровительство Германскаго императора. Послѣ того въ кружкѣ лицъ, преданныхъ царевичу, эта мысль продолжала работать. Въ отсутствіе царя сестра его Марья Алексѣевна, сочувствовавшая своему племяннику, отправилась лѣчиться въ Карлсбадъ. Въ ея свитѣ находился Александръ Кикинъ; онъ обѣщаль царевичу поискать для него вѣрное убѣжище въ чужихъ краяхъ, и эти исканія сосредоточилъ около того же Вѣнскаго двора.

Царевичу не доставало только предлога для задуманнаго выѣзда за границу. И вотъ самъ Петръ даетъ ему этотъ предлогъ.

Прошло около семи мѣсяцевъ со времени второго грознаго посланія къ сыну; казалось, что, отвлеченный своимъ вторымъ путешествіемъ и важными политическими заботами, отецъ забылъ о своихъ требованіяхъ. Но очевидно какая-то близкая особа не допускала подобнаго забвенія. Въ концѣ Августа 1717 года Петръ вдругъ изъ Копенгагена шлетъ въ Петербургъ гонца съ третьимъ грознымъ посланіемъ. Онъ пишетъ, что напрасно семь мѣсяцевъ ждалъ отъ сына „резолуціи на извѣстное дѣло“, вмѣсто которой тотъ пишетъ только о здоровьѣ. А потому пусть или немедленно пострижется въ монахи или не мѣшкающая пріѣзжаетъ къ отцу, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣлахъ. И то и другое рѣшеніе представлялось царевичу гибельнымъ; а такъ какъ планъ бѣгства уже созрѣлъ, то онъ поспѣшилъ воспользоваться отцовскимъ вызывомъ и быстро собрался въ дорогу, о чемъ извѣстилъ князя Меншикова. Послѣдній полюбопытствовалъ о его намѣреніи относительно Евфросиніи. Алексѣй отвѣтилъ, что возьметъ ее только до Риги, откуда отпустить въ Петербургъ. „Возьми ее съ собою“, сказалъ Меншиковъ. Конечно царевичъ лгалъ въ томъ, что беретъ возлюбленную только до Риги. Но и Меншиковъ, совѣтующій или, точнѣе, позволяющій съ нею не разставаться, тѣмъ самымъ намекаетъ на существованіе какого-то плана, какихъ-то коварно разставленныхъ сѣтей, въ которыхъ Алексѣй долженъ былъ неминуемо запутаться, все равно, поѣдетъ ли онъ къ отцу или убѣжить. Не такъ были просты Екатерина и Меншиковъ, чтобы имъ не приходилъ въ голову соблазнъ для Алексѣя воспользоваться удобнымъ случаемъ для бѣгства. А разъ онъ имъ воспользуется, то судьба его,

какъ государственнаго преступника, опредѣлялась заранѣе и наследованіе имъ престола навсегда устранилось. Возможно, что назрѣвшая заранѣе мысль о бѣгствѣ не осталась неизвѣстной близко наблюдавшему за нимъ свѣтлѣйшему князю Меньшикову.

Передъ отъѣздомъ Алексѣй побывалъ въ Сенатѣ, чтобы протѣяться съ сенаторами. Среди нихъ была партія, непріязненная свѣтлѣйшему, съ князьями Долгорукими и Голицыными во главѣ, а потому благосклонная опальному царевичу. Но до какой степени вельможи боялись явно обнаружить свои чувства, показываетъ примѣръ извѣстнаго правдолюбца князя Якова Долгорукова. Онъ и прежде просилъ Алексѣя не посѣщать его, потому что за сими посѣщеніями надзирають. А теперь, при прощаньѣ въ Сенатѣ, когда царевичъ сталъ на ухо говорить Якову Ѳедоровичу, чтобы не оставлялъ его, тотъ обѣщаль, но попросилъ прекратить сей разговоръ, такъ какъ „другіе-де смотрятъ на насъ“.

Алексѣй постарался возможно болѣе запасть на дальнюю дорогу денежными суммами. Между прочимъ, Меньшиковъ далъ ему 1000 червонцевъ, Сенатъ ассигновалъ 2000 рублей, да проѣздомъ въ Ригѣ онъ занялъ у оберъ-комиссара Исаева 5000 червонцевъ и на 2000 руб. мелочи. Свой замыселъ онъ, повидимому, тщательно скрывалъ, и только камердинеру Ивану Большому-Аванасьеву открылся, что ѣдетъ не къ отцу, а въ Вѣну къ цесарю или въ Римъ. Кромѣ Евфросины онъ взялъ съ собою ея брата Ивана Ѳедорова и не болѣе трехъ служителей, Носова, Судакова и Меера. Довольный и полный надеждъ, онъ выѣхалъ изъ Петербурга 26 Сентября 1716 года.

По дорогѣ между Ригою и Либавою царевичъ встрѣтилъ свою тетку царевну Марью Алексѣевну, которая возвращалась изъ Карлсбада, и долго съ нею бесѣдовалъ. Тетка пожурила его за то, что онъ почти забылъ о своей матери и даже не писалъ ей, конечно, боясь отца; а насчетъ сего послѣдняго сообщила какія-то пророчества о его будущемъ примиреніи съ первой женой *) и предстоящемъ запустѣніи Петербурга; при чемъ неодобрительно отозвалась объ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Слѣдомъ за царевной ѣхалъ Александръ Кикинъ; царевичъ увидѣлся съ нимъ въ Либавѣ. Послѣдній сообщилъ, что нашель ему убѣжище, при посредствѣ Русскаго резидента въ Вѣнѣ Абрама Веселовскаго: по докладу вице-канцлера Шѣнборна, цесарь обѣщаль при-

*) См. выше, примѣчаніе. П. Б.

нять царевича, какъ свояка по женѣ, и даже назначить ему содержание, вѣроятно, тысячи по три гульденовъ въ мѣсяць.

Алексѣй Петровичъ проѣхалъ Данцигъ; а за тѣмъ вдругъ свернулъ съ прямого пути въ Данію, и тайкомъ направился на Франкфуртъ на Одеръ, оттуда на Бреславль, потомъ на Чешскую Прагу, и, наконецъ, на Вѣну, стараясь по возможности замѣтать слѣды и выдавая себя на почтовыхъ станціяхъ и въ гостиницахъ то за Русскаго подполковника Коханскаго съ женою и служителями, то за Польскаго кавалера Кременецкаго.

9 Ноября бѣглець достигъ Вѣны и остановился въ гостиницѣ. На слѣдующій день поздно вечеромъ имперскій вице-канцлеръ графъ Шёнборнъ уже раздѣлся и собирался лечь въ постель, когда ему доложили, что какой-то незнакомецъ желаетъ съ нимъ говорить. Тщетно графъ отказывался принять его немедленно и откладывалъ объясненіе до утра. Незнакомецъ ломанымъ Нѣмецкимъ языкомъ настаивалъ, ссылаясь на крайне важное дѣло, о которомъ тотчасъ необходимо донести императору. Вице-канцлеръ, наконецъ, уступилъ. Слуга царевича Яковъ Носовъ (это былъ онъ) безъ всякихъ предсловій объявилъ, что Русскій царевичъ Алексѣй Петровичъ прибылъ тайно, хочетъ видѣть графа и ждетъ у подъѣзда. Шёнборнъ поспѣшилъ одѣться и принять гостя наединѣ. Алексѣй казался сильно взволнованнымъ, быстрыми шагами началъ ходить по комнатѣ и разразился потокомъ горькихъ жалобъ. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ умолять своего шурина-императора о покровительствѣ и спасеніи, что отецъ хочетъ лишить его не только престолонаслѣдія, но и самой жизни, тогда какъ онъ передъ отцомъ ни въ чемъ не виноватъ, что отъ него требуютъ немедленнаго постриженія въ монахи, и въ заключеніе просилъ, чтобы его тотчасъ вели къ императору. Шёнборнъ старался его успокоить, увѣрялъ, что здѣсь онъ въ полной безопасности, что въ такое позднее время невозможно беспокоить государя, а вмѣсто того лучше откровенно и точно раскрыть вице-канцлеру всѣ обстоятельства, о которыхъ онъ могъ бы основательно доложить его величеству.

Выпивъ стаканъ мозельвейну и нѣсколько успокоясь, Алексѣй принялся рассказывать свою жизнь и остановился на отношеніяхъ къ нему отца, мачихи и Меньшикова. Хотя онъ не склоненъ къ военному дѣлу, однако отецъ былъ къ нему добръ, пока не пошли у него дѣти и пока царица сама не родила сына. Съ той поры она вмѣстѣ съ Меньшиковымъ всячески стала вооружать противъ него царя; въ тоже время старались его запоить виномъ до смерти; Меньшиковъ

намѣренно далъ ему плохое воспитаніе, обходился съ нимъ грубо, не заставлялъ учиться, окружалъ дурными людьми и глупцами. Хотя онъ и отказался отъ престолонаслѣдія, но вслѣдствіе страха и насилія, и притомъ только за себя, а не за своихъ дѣтей, которыхъ поручаетъ покровительству императора. Старался царевичъ оправдать и свое поведеніе относительно покойной супруги, которая-де много терпѣла отъ царя и царицы. Распространялся о крайнемъ жестокосердіи и кровожадности своего отца, который много пролилъ невинной крови и даже собственноручно; а потому умолялъ не выдавать его царю, что было бы равносильно смертному приговору. Когда вице-канцлеръ заговорилъ о возможности его примиренія съ отцомъ, Алексѣй отвергалъ всякую надежду на примиреніе и съ горькими слезами просилъ открытаго покровительства со стороны цесаря. Шёнборнъ, наоборотъ, убѣдилъ его пока содержать себя втайнѣ. На томъ они разстались.

На слѣдующій день вице-канцлеръ, конечно, доложилъ обо всемъ Карлу VI. Императоръ одобрилъ его дѣйствія и немедля собралъ конференцію изъ министровъ и близкихъ людей для обсужденія вопроса, какъ поступить съ царевичемъ. По докладу сей конференціи императоръ рѣшилъ принять бѣглеца подъ свое покровительство, но держать его въ секретѣ и даже не допускать свиданія его съ ихъ императорскими величествами, и тѣмъ болѣе, что императрица была въ то время беременна. Для скрытаго его пребыванія велѣно было приготовить помѣщеніе въ Тирольскомъ замкѣ Эренбергѣ; а пока укрыли его въ одномъ мѣстечкѣ подъ Вѣной, и тутъ одному изъ министровъ поручено было въ подробностяхъ изслѣдовать его дѣло. Царевичъ еще обстоятельнѣе изложилъ исторію своихъ отношеній къ отцу, а также всѣ тѣ пункты своихъ жалобъ и просьбъ, которые онъ сообщилъ вице-канцлеру при первомъ своемъ свиданіи. Къ просьбамъ о покровительствѣ и невыдачѣ отцу онъ присоединилъ просьбу о присылкѣ къ нему Греческаго священника; ибо, строго наблюдая православные обряды и посты, онъ особенно желалъ имѣть его при наступавшихъ Рождественскихъ праздникахъ. Эта просьба однако не была удовлетворена, такъ какъ не соотвѣтствовала потребности сохранять втайнѣ его пребываніе.

Итакъ, при всей внезапности описанной выше сцены свиданія царевича съ вице-канцлеромъ, въ виду быстрого затѣмъ и благоклоннаго рѣшенія императора, можемъ догадываться, что появленіе Алексѣя въ Вѣнѣ и просьба объ убѣжищѣ не были тамъ полною неожиданностью и что сообщеніе Александра Кикина о предшествующихъ переговорахъ съ Шёнборномъ при посредствѣ Веселовскаго не

было его выдумкою. Нельзя также не отдать справедливости природному уму и наблюдательности царевича, который въ минуту вынужденной откровенности высказалъ столь вѣрный взглядъ на свое собственное положеніе и ярко очертилъ несимпатичныя стороны, пріусущія и ему самому, и главнымъ дѣйствующимъ лицамъ трагедіи.

Между тѣмъ Петръ тщетно ожидалъ царевича. Въ этомъ ожиданіи прошло мѣсяца полтора, и, когда уже не было сомнѣнія въ его бѣгствѣ, царь 2 Декабря отдалъ приказъ командиру Русскимъ войскомъ въ Меклембурѣ генералу Вейде послать надежныхъ людей на развѣдки. Онъ послалъ двухъ офицеровъ изъ Нѣмцевъ, которые ѣздили въ Пруссію и Австрію и ничего положительнаго не узнали. Но въ тоже время Петръ вызвалъ изъ Вѣны своего резидента Абрама Веселовскаго и поручилъ ему тайно развѣдать о мѣстѣ пребыванія сына и арестовать его, при чемъ снабдилъ собственноручнымъ письмомъ къ Карлу VI, гдѣ просилъ прислать къ нему съ резидентомъ царевича, если послѣдній обрѣтается въ цесарскихъ владѣніяхъ. Веселовскій сразу взялъ вѣрное направленіе: онъ началъ свои развѣдки съ дороги между Данцигомъ и Франкфуртомъ на Одерѣ, проѣхалъ отсюда на Бреславль, потомъ на Прагу и наконецъ, на Вѣну, вездѣ собирая свѣдѣнія о проѣзжавшихъ на почтовыхъ дворахъ и въ гостиницахъ; подъ Вѣной слѣды бѣглеца какъ будто затерялись, и пришлось нѣкоторое время ѣздить туда и сюда, чтобы ихъ найти. Но вопросъ разрѣшился очень просто: подкупленный резидентомъ чиновникъ тайной Вѣнской конференціи Дальбергъ открылъ ему, что особа, именовавшая себя Коханскимъ, дѣйствительно находится въ цесарскихъ владѣніяхъ и пребываетъ въ горной глуши, именно въ замкѣ или крѣпостцѣ Эренбергѣ въ Верхнемъ Тиролѣ, гдѣ имѣется очень небольшой гарнизонъ, и, слѣдовательно, нѣсколько Русскихъ офицеровъ легко могутъ захватить его и увезти. Веселовскій, конечно, своевременно посылалъ царю донесенія о своихъ развѣдкахъ. Крайне подозрительна та роль, которую во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ нашъ резидентъ. Онъ, повидимому, подготовилъ царевичу убѣжище во владѣніяхъ императора; онъ же потомъ разыскалъ его въ этихъ владѣніяхъ. Тутъ съ его стороны была какая-то двойная игра, какое-то коварное участіе въ устройствѣ ловушки для несчастнаго царевича. Подозрѣніе историка находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе и въ томъ, что впослѣдствіи Веселовскій не вернулся въ Россію, а скрылся, и Петръ сколько ни старался, никакъ не могъ его разыскать. Онъ бѣжалъ въ Англію, а умеръ въ Женевѣ глубокимъ старцемъ.

Какъ бы то ни было, въ Мартѣ 1717 года царь прислалъ въ Вѣну въ распоряженіе Веселовскаго капитана гвардіи Александра Румян-

цева съ тремя офицерами. Веселовскій отправилъ Румянцева въ Тироль на развѣдки о царевичѣ. Воротясь, Румянцевъ подтвердилъ, что царевичъ дѣйствительно пребываетъ въ замкѣ Эренбергѣ, расположенномъ на высокой горѣ и охраняемомъ всего двадцатью солдатами. Веселовскій, на основаніи царскихъ инструкцій, вступилъ въ переговоры съ цесарскими министрами, особенно съ принцемъ Евгениемъ Савойскимъ, и потребовалъ выдачи мнимаго Коханскаго. 8 Апрѣля онъ добился аудіенціи у императора и представилъ ему собственноручное письмо царя. Карлъ VI отговорился тѣмъ, что не получалъ еще донесенія о пребываніи извѣстной особы въ его владѣніяхъ и что самъ будетъ отвѣчать Русскому царю. И дѣйствительно отвѣтилъ потомъ, но въ уклончивыхъ выраженіяхъ, съ увѣреніями въ дружескихъ чувствахъ. Было ясно, что горное убѣжище царевича открыто; въ окрестностяхъ Эренберга появились подозрительныя лица: то былъ Румянцевъ со своими офицерами. При цесарскомъ дворѣ рѣшено было перевести бѣглецовъ въ болѣе надежное убѣжище. Въ Тироль поскакалъ курьеромъ секретарь Вѣнской конференціи Кейль, чтобы показать Алексѣю Петровичу письмо его отца и спросить его мнѣніе. Прочитавъ письмо, царевичъ пришелъ въ сильное волненіе; онъ плакалъ, рыдалъ и вопилъ, что поѣдетъ куда угодно цесарю, только бы тотъ не выдавалъ его отцу. Секретарь постарался увѣрить несчастнаго въ неизмѣнномъ покровительствѣ императора и предложилъ для болѣе безопасности немедля отправиться въ Неаполь, который со времени войны за Испанское наслѣдство принадлежалъ Австрійскимъ Габсбургамъ. Царевичъ съ радостью согласился и на другой же день раннимъ утромъ подъ видомъ Австрійскаго офицера выѣхалъ въ сопровожденіи секретаря Кейля и переодѣтой пажомъ Евфросиньи. Чрезъ Инспрукъ, Мантую, Флоренцію и Римъ путешественники благополучно 6 Мая достигли Неаполя. Несмотря на свое тяжелое, критическое положеніе, Алексѣй дорогой обнаруживалъ обычную склонность къ неумѣренному винопитію, какъ о томъ доносилъ Кейль графу Шѣнборну. Въ тоже время, несмотря на всѣ предосторожности и принятія мѣры сохранить втайнѣ этотъ долгій переѣздъ по Тиролю и Италіи, Румянцевъ сумѣлъ не потерять изъ виду царевича и прослѣдилъ его до самого Неаполя.

На высокой горѣ, съ которой открывается обширный видъ на море и у подножія которой разстилается Неаполь, стоитъ кафель или замокъ Сантъ-Эльмо. Здѣсь былъ помѣщенъ Русскій царевичъ подъ видомъ нѣкоего Мадыарскаго графа, арестованнаго за государственное преступленіе и порученнаго надзору Неаполитанскаго вице-короля

графа Дауна. Пять мѣсяцевъ слишкомъ Алексѣй прожилъ здѣсь со своею возлюбленною Евфросиньею. Первымъ его дѣломъ было написать благодарственныя посланія цесарю и его вице-канцлеру. Затѣмъ онъ извѣщалъ Петербургскихъ сенаторовъ и своихъ Московскихъ друзей о томъ, что живъ, здоровъ и, Богъ дастъ, при лучшихъ обстоятельствахъ возвратится въ отечество; получалъ и отъ нихъ вѣсти. Но конечно, не вся его переписка, проходившая черезъ руки Австрійскихъ властей, доходила по назначенію. Часть ея сохранилась въ Вѣнскомъ тайномъ государственномъ архивѣ. Тутъ между прочимъ имѣется въ Нѣмецкомъ переводѣ письмо изъ Лондона съ изъявленіемъ своей преданности отъ знаменитаго впоследствии Русскаго канцлера Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, въ то время служившаго камеръ-юнкеромъ при дворѣ Георга I, курфюрста Ганноверскаго и короля Англійскаго. Автора, конечно, спасло то, что письмо его осталось неизвѣстно Петру.

При Вѣнскомъ дворѣ господствовала увѣренность, что переѣздъ царевича въ Неаполь совершился въ глубокой тайнѣ и что его мѣсто-пребываніе теперь вполне скрыто отъ царскихъ агентовъ. Каково же было удивленіе цесарскихъ министровъ, когда, спустя мѣсяца два съ половиною, въ концѣ Іюля въ Вѣну прибыли царскіе посланцы, тайный совѣтникъ П. А. Толстой и капитанъ Румянцевъ. Они вмѣстѣ съ Веселовскимъ получили у цесаря аудіенцію, на которой подали ему письмо отъ своего государя, помѣченное 10-мъ Іюля въ Бельгійскомъ городѣ Спа. Петръ извѣщалъ, что ему извѣстны пребыванія сына сначала въ замкѣ Эренбергѣ, а потомъ въ Неаполѣ. Вѣжливо, но твердо онъ просилъ цесаря отпустить царевича съ его посланцами и никоимъ образомъ не брать на себя роль судьи между отцомъ и сыномъ. Къ письму Толстой, согласно данной ему инструкціи, присоединилъ словесныя убѣжденія выдать ему царевича и не вступаться за него противъ родителя и самодержавнаго государя, который обѣщаетъ принять его милостиво и простить, если онъ раскается и впредь будетъ послушенъ. Въ случаѣ отказа со стороны цесаря, царь протестуетъ, сочтетъ его за тяжкую обиду и явный разрывъ, а сына всенародно предастъ отцовскому и церковному проклятію и будетъ принужденъ требовать его выдачи вооруженною рукою и т. п. Все это Толстой старался высказать въ выраженіяхъ возможно мягкихъ и учтивыхъ. Карлъ благосклонно выслушалъ его и обѣщалъ дать отвѣтъ на царское письмо.

Спустя нѣсколько дней, цесарь назначилъ комиссію изъ трехъ министровъ, чтобы обсудить вопросъ о царевичѣ. Комиссія главнымъ

образомъ высказалась, что дальнѣйшее его укрывательство небезопасно для Австрійской монархіи, ибо царь можетъ двинуть на нее свои войска, расположенныя въ Польшѣ, можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ (Славянская) чернь легко къ нему пристанетъ; а въ то время Австрія вела войну съ Турками. Но какъ ни хлопоталъ Толстой о выдачѣ ему царевича, благодушный и благородный Карлъ VI отказался приневоливать его къ чему-либо и желалъ только примиренія отца съ сыномъ или прощенія сему послѣднему. На этой струнѣ и началъ играть хитрый Толстой. Между прочимъ онъ сумѣлъ къ сему плану примиренія привлечь и тещу царевича герцогиню Вольфенбюттельскую, которая въ такомъ смыслѣ обращалась и къ своему зятю императору и написала посланіе Алексѣю. Наконецъ, царскимъ посланцамъ разрѣшено было ѣхать въ Неаполь и войти въ непосредственныя сношенія съ Алексѣемъ. Вице-король графъ Даунъ получилъ отъ цесаря подробную инструкцію, какъ устраивать ихъ свиданія и какъ поступать въ случаѣ того или другого рѣшенія, которое приметъ бѣглець. При свиданіяхъ ему поручалось наблюдать, чтобы „Москвитяне“ не могли напасть на царевича и лишить его жизни, ибо это люди „отчаянные и на все способные“.

Въ концѣ Сентября Толстой и Румянцевъ добрались до Неаполя, и графъ Даунъ устроилъ имъ первое свиданіе съ царевичемъ въ королевскомъ дворцѣ. Тутъ Толстой вручилъ ему собственноручное письмо царя, помѣченное 10-мъ Іюля 1717 года въ городѣ Спа. Въ этомъ письмѣ Петръ *божился*, что никакого наказанія сыну не будетъ, ежели послушается и возвратится; въ противномъ случаѣ грозилъ предать его вѣчному проклятію. При семъ оба посланца уговаривали его ѣхать съ ними въ отечество. Смущенный царевичъ просилъ времени подумать. Вскорѣ произошло второе свиданіе, также во дворцѣ. Въ присутствіи вице-короля Алексѣй рѣшительно отказался отъ возвращенія къ отцу. Толстой грозилъ, что царь будетъ требовать вооруженною рукою. Успокоенный графомъ Дауномъ, что цесарь противъ воли не выдастъ его отцу, Алексѣй не сдавался.

Дальнѣйшія свиданія происходили уже въ замкѣ Сантъ-Эльмо. Царевичъ продолжалъ упорствовать, но чувствовалъ, что почва подъ его ногами заколебалась и никакой твердой опоры нѣтъ. Какъ бы великодушно ни относился къ нему Карлъ VI, однако не могъ онъ простирать свое покровительство до полного разрыва съ могущественнымъ Русскимъ государемъ и до разлада съ собственными министрами, большинство которыхъ и особенно вліятельный принцъ Евгенийъ Савойскій, несочувственно относились къ сему покровительству. Да и

самъ царевичъ своимъ поведеніемъ не могъ внушить большого сочувствія, а связь его съ простой Чухонкой и желаніе вступить съ ней въ бракъ, на что обращалъ особое вниманіе Вѣнскаго двора Толстой, окончательно унижали его въ глазахъ этого двора. Пронырливый Толстой скоро узналъ, что цесарская инструкція предписывала Дауну всѣми мѣрами склонять бѣглеца къ возвращенію въ Россію и примиренію съ отцомъ; а затѣмъ ловко повелъ дѣло къ развязкѣ. Во-первыхъ, онъ подкупилъ вице-королевскаго секретаря Вейнгардта, который якобы подъ секретомъ сообщилъ царевичу, что цесарь никоимъ образомъ не будетъ защищать его оружіемъ. Во-вторыхъ, взялъ несчастнаго за самую чувствительную струну: по уговору съ Толстымъ, Даунъ изъявилъ намѣреніе отлучить отъ Алексѣя его возлюбленную. Въ-третьихъ, чтобы окончательно напугать его, Толстой сообщилъ ему, что отецъ не только собирается двинуть войска, но и самъ хочетъ пріѣхать въ Италію. Наконецъ, въ-четвертыхъ, Толстой сумѣлъ найти себѣ союзницу въ самой Евфросиньѣ, которую тѣми или другими обѣщаніями и убѣженіями склонилъ помочь ему въ его домогательствахъ. Алексѣй уже думалъ бѣжать въ Римъ и отдаться подъ покровительство папѣ; но его отговорила Евфросинья, какъ впоследствии она сама о томъ заявила.

Царевичъ не выдержалъ столькихъ ударовъ и сдался. Онъ просилъ только, чтобы у него не отнимали Евфросиньи и позволили немедленно жениться на ней, такъ какъ она находилась тогда въ періодѣ беременности. Толстой обѣщаль ходатайствовать передъ царемъ объ исполненіи сей просьбы. Прежде чѣмъ покинуть Неаполь, набожный царевичъ, сопровождаемый Толстымъ и Румянцевымъ, сдѣлалъ поѣздку въ городъ Бари и поклонился мощамъ св. Николая Угодника. А въ половинѣ Октября, въ томъ же сопровожденіи, выѣхалъ изъ Неаполя въ Россію. Дорогою онъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ Петръ, довольный его рѣшеніемъ воротиться, снова подтверждалъ обѣщанное ему прощеніе. Въ письмѣ къ Толстому царь поручилъ передать сыну и свое согласіе на бракъ съ Евфросиньей, но только не за границей, а по пріѣздѣ въ Россію. Возлюбленная отправилась отдѣльно, въ сопровожденіи своего брата, и ѣхала медленно по причинѣ своей беременности.

VII.

Возвращеніе въ Россію и царскій розыскъ.

Въ началѣ Декабря 1717 года царевичъ со своими провожатыми поздно ночью прибылъ въ Вѣну, а на другой день раннимъ утромъ поѣхалъ далѣе и направился въ Брюнъ, тогда какъ въ своемъ послѣднемъ благодарственномъ письмѣ изъ Неаполя онъ извѣщалъ цесаря, что благодарность свою за покровительство лично принесетъ ему въ Вѣнѣ. Карль VI и его совѣтники, узнавъ о семъ поспѣшномъ, таинственномъ проѣздѣ, естественно догадались, что это продѣлка Толстого, который боялся, какъ бы свиданіе съ императоромъ и разговоры съ разными лицами не поколебали рѣшимости царевича возвратиться къ отцу. Тотчасъ въ Брюнъ къ Моравскому генераль-губернатору графу Колоредо былъ отправленъ курьеръ съ императорскимъ приказомъ задержать царевича подъ благовиднымъ предлогомъ, постараться видѣть его наединѣ и спросить отъ имени цесаря, дѣйствительно ли онъ возвращается добровольно, безъ принужденія и безъ страха за свою участь; въ противномъ случаѣ вновь предложить ему покровительство и пребываніе въ цесарскихъ владѣніяхъ. Но Толстой подъ разными предлогами не допустилъ графа Колоредо къ свиданію съ царевичемъ, котораго убѣдилъ также отказать въ этомъ свиданіи и спѣшить выѣздомъ изъ Брюна. А такъ какъ Колоредо заявилъ, что не отпустить ихъ до полученія новаго приказа изъ Вѣны, Толстой протестовалъ противъ задержки и написалъ въ Вѣну Веселовскому, чтобы тотъ хлопоталъ о разрѣшеніи отпуска. Карль, получивъ донесеніе Колоредо, отдалъ его на обсужденіе своимъ министрамъ. Въ ихъ совѣтѣ явно преобладало желаніе избавиться отъ царевича, отъ котораго нельзя ожидать никакой пользы (для Австріи); но чтобы соблюсти императорское достоинство, графъ Колоредо долженъ видѣть царевича и сказать ему привѣтствіе. Такъ и было поступлено. Согласно полученному приказу, графъ потребовалъ личнаго свиданія съ царевичемъ. Толстой грубо въ этомъ отказывалъ, и только послѣ угрозы войти силою въ ихъ помѣщеніе, онъ допустилъ свиданіе, но отнюдь не наединѣ, а въ присутствіи своемъ, капитана Румянцева и еще какого-то Нѣмца изъ ихъ свиты. Колоредо могъ только обмѣняться нѣсколькими любезностями отъ имени цесаря. Затѣмъ путешественники поспѣшно уѣхали изъ Брюна. Карль VI послалъ Петру I жалобу на грубость Толстого; а въ послѣдствіи получилъ отъ царя отвѣтъ, что Толстой нисколько не виноватъ, ибо склонялъ царевича къ свиданію,

но будто бы сей послѣдній самъ тому противился. Вотъ до какой степени неправды во всемъ этомъ дѣлѣ доходилъ тогда великій Преобразователь Россіи!

Межъ тѣмъ Алексѣй Петровичъ все время обратнаго пути главную свою заботу обращалъ на страстно любимую имъ Евфросинію, и они взаимно обмѣнивались самыми нѣжными письмами. Въ Венеціи ея свита увеличилась: здѣсь поджидали ее три извѣстные намъ служителя, которые остались въ Эренбергѣ. Алексѣй пишетъ, что зѣло тому радъ, понеже ей теперь нескучно одной; да и кушанья ей по вкусу можетъ приготовить Яковъ (Носовъ), который, повидимому, былъ и поваромъ. Успокоенный клятвенными отцовскими обѣщаніями помилванія и поданною ему надеждою на бракъ съ своею возлюбленною, царевичъ уже обращается къ ней какъ къ будущей женѣ и матери своего ребенка, имѣющаго вскорѣ появиться на свѣтъ. Поэтому по пріѣздѣ въ Россію первымъ его дѣломъ было послать женщину для прислуги; а повивальную бабку онъ отправилъ къ ней ранѣе, изъ Данцига въ Берлинъ, гдѣ Евфросинія остановилась для отдыха. Алексѣй Петровичъ сообщалъ ей свои мечты объ ихъ будущемъ семейномъ счастіи гдѣ-либо вдали отъ двора, въ сельскомъ уединеніи, а въ это время близкіе ему люди и его приверженцы съ горестію встрѣтили вѣсть объ его возвращеніи и повѣряли другъ другу опасенія великихъ бѣдъ какъ для него, такъ и для нихъ самихъ.

Въ первыхъ числахъ Января 1718 года царевичъ достигъ предѣловъ новозавоеванной Петромъ Лифляндіи. Теперь жертва уже не могла ускользнуть изъ рукъ палачей; а потому Толстой въ Ригѣ покинулъ царевича и поскакалъ впередъ къ государю съ подробными донесеніями. Алексѣй чрезъ Новгородъ и Тверь въ послѣдній день Января прибылъ въ Москву, гдѣ тогда находились царь и царица.

Тутъ пронзошла полная перемяна декорацій.

Спустя два дня, царевича безъ шпаги, какъ арестанта, привели въ аудіенцъ-залу Кремлевскаго дворца, охраняемаго нѣсколькими батальонами гвардіи съ заряженными ружьями. Самъ царь, окруженный высшими духовными и гражданскими лицами, обратился къ Алексѣю съ суровымъ словомъ, упрекая его въ дурномъ поведеніи и преступномъ бѣгствѣ. Тотъ упалъ на колѣни и слезно просилъ прощенія. Царь, забывъ о своемъ прощеніи, уже данномъ и скрѣпленномъ клятвою, вновь обѣщалъ его, но теперь подъ условіемъ отказа отъ престолонаслѣдія и выдачи всѣхъ своихъ сообщниковъ въ совер-

пеніи бѣгства. Несчастнѣйшій, какъ звѣрокъ, затравленный и пойманный въ ловушку, потерялъ всякое самообладаніе и машинально исполнялъ все, чего отъ него требовали. Онъ назвалъ имена сообщниковъ и подписалъ клятвенное отреченіе отъ наслѣдія престола въ пользу маленькаго брата своего, сына Екатерины, царевича Петра Петровича. Въ тотъ же день, 9 Февраля, изданъ былъ обширный царскій манифестъ. Здѣсь излагались вѣны и пороки Алексѣя, въ которыхъ онъ закоренѣлъ, несмотря на всѣ (якобы) старанія дать ему хорошее воспитаніе, приличное наслѣднику престола; вступивъ въ бракъ съ дочерью владѣтельнаго герцога, онъ не только жилъ съ нею „въ крайнемъ несогласіи“, но еще при ея жизни началъ явную связь съ „бездѣльною и работною дѣвкой“. Далѣе говорилось о напрасныхъ родительскихъ увѣщаніяхъ и трудахъ исправить сына и „обратить его на путь добродѣтели“. Манифестъ особенно останавливается на преступномъ бѣгствѣ царевича къ цесарю, котораго онъ всячески возбуждалъ противъ своего отца и едва не довелъ ихъ до войны.

Хотя за такія свои преступленія царевичъ „достоинъ былъ лишенія живота“, однако царь „его прощаетъ и отъ всякаго наказанія освобождаетъ“ (?); но „для пользы государственной“ и ради сохраненія какъ завоеванныхъ „провинцій“, такъ и всего совершеннаго „неусыпными трудами нашими“, государь лишаетъ сына своего, Алексѣя, наслѣдства престола; а „наслѣдникомъ опредѣляетъ другаго сына, Петра“, и тѣ, которые „будутъ считать Алексѣя за наслѣдника“, объявляются измѣнниками отечеству и государю.

Несмотря на вторичное письменное объявленное прощеніе, вслѣдъ затѣмъ и начался жестокой судный розыскъ надъ Алексѣемъ и его сторонниками. Ему были предложены вопросныя пункты касательно его бѣгства и пособниковъ. Царевичъ на эти пункты написалъ довольно подробный разсказъ съ указаніемъ на роль главнаго пособника, т.-е. Александра Кикина, потомъ на Никифора Вяземскаго, на Московскаго своего духовника протопопа Якова Игнатѣева и Петербургскаго протопопа Георгія, камердинера своего Ивана Большого-Аванасьева, Семена Нарышкина, Федора Дубровскаго; упомянулъ о сношеніяхъ своихъ съ кн. Василюмъ Владимировичемъ Долгорукомъ, Федоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, Сибирскимъ царевичемъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ разныя мѣста поскакали курьеры, хватали большую часть оговоренныхъ лицъ и везли ихъ въ Москву на розыскъ. Въ застѣнкахъ Преображенскаго тайнаго приказа засвистали кнуты, неумолчно раздавались удары по голымъ спинамъ вздернутыхъ на дыбу и вымучивались всевозможныя относящіяся къ бѣгству царе-

вича показанія, которыя дьяки тутъ же записывали. Иногда кромѣ того подсудимые писали еще собственноручныя признанія. Болѣе всѣхъ мучили Александра Кикина; его принимались пытать нѣсколько разъ, при чемъ добивались сознанія не только въ дѣлахъ, но и въ рѣчахъ или бесѣдахъ, отдѣльныхъ фразяхъ и даже въ самыхъ мысляхъ. Затѣмъ судъ, наряженный изъ высшихъ чиновъ, приговорилъ Кикина къ смертной казни (колесованію) съ отобраніемъ всего его имущества на государя *). Такому же розыску, а впослѣдствіи и смертному приговору подвергся камердинеръ царевича Иванъ Большой-Аѳанасьевъ; тому же подвергся оговоренный Аѳанасьевымъ дьякъ Ѳедоръ Вороновъ, который повторялъ слова кн. Василія Долгорукаго, сказанныя при возвращеніи Алексѣя: „Ѣдетъ сюда дуракъ царевичъ для того, что отецъ ему посулилъ жениться на Афросинѣ; жолвъ ему, не женитьба будетъ“. Служители царевича Иванъ Меньшой Аѳанасьевъ (братъ предыдущаго), Ѳедоръ Еверлаковъ и нѣкоторые другіе подсудимые послѣ пытокъ биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Учитель царевича Никифоръ Вяземскій былъ пытанъ и потомъ сосланъ въ Архангельскъ. Пытанные оговаривали еще разныхъ лицъ, которыхъ хватили и подвергали разспросу, и все за разговоры или словесные отзвывы о дѣлѣ царевича. Однако знатнымъ лицамъ оказывалось большее или меньшее снисхожденіе. Такъ, генераль-лейтенантъ князь Василій Долгорукій былъ привезенъ въ Москву въ кандалахъ и подвергнутъ допросу, хотя и безъ пытки; но за него вступился его родственникъ, столь извѣстный, князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій и написалъ царю челобитную о милосердіи; самъ кн. Василій подаль повинную грамоту. Наказаніе ему ограничилось ссылкой въ Соликамскъ (откуда впослѣдствіи былъ возвращенъ).

Царевна Марья Алексѣевна также была подвергнута допросу, конечно, безъ пытки. Но такъ какъ открылись ея тайныя сношенія съ пнокиней Еленю (Евдокіей Ѳеодоровной изъ рода Лопухиныхъ), то за бывшею царицей въ Суздальскій Покровскій монастырь поскакали Преображенскій капитанъ Скорняковъ-Писаревъ. Войдя неожиданно въ ея келью, онъ засталъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ; перерылъ ея сундуки и нашелъ нѣсколько подозрительныхъ бумагъ, а на жертвенникѣ въ Благовѣщенской церкви писанную ектенью, которая поминала о здравіи „благочестивѣйшую великую государыню Евдокію Ѳеодоровну“. Привлеченіе къ суду Евдокин-Елены широко распространило и усложнило судный процессъ, ибо повело

*) Преданіе увѣряетъ, что Кикинъ сказалъ Петру: Русскій умъ любить просторъ, а при тебѣ ему тѣсно. П. В.

за собою арестъ многихъ связанныхъ съ нею лицъ, каковы: братъ ея Авраамъ Лопухинъ, князь Семень Щербатый, Суздальскій протопопъ Андрей Пустынный, ключарь Ѳеодоръ Пустынный, старица - казначея Маремьяна, старица Каптелина и т. д. Изъ показаній старицъ Маремьяны и Каптелины открылась любовная связь Евдокіи Ѳеодоровны съ генераломъ Степаномъ Богдановымъ Глѣбовымъ, съ которымъ она познакомилась во время его прїѣзда въ Суздаль для рекрутскаго набора. Разумѣется, Глѣбовъ былъ немедля схваченъ. Онъ сознался въ означенной любовной связи и въ полученіи отъ нея писемъ, писанныхъ старицей Каптелиной *). Сознаніе однако не спасло его отъ пытокъ, посредствомъ которыхъ тщетно вымучивали показанія о прикосновенности его и бывшей царицы къ бѣгству царевича. Изъ розыска между прочимъ открылись дружба и сношенія Евдокіи и Глѣбова съ епископомъ Ростовскимъ Досифеемъ, прежде бывшимъ архимандритомъ Спасскаго Евфимьева монастыря. Оказалось, что именно онъ поощрилъ Евдокію снять монашеское платье, покровительствовалъ ея связи съ Глѣбовымъ, поминалъ ее царицею и пророчествовалъ, что государь опять возьметъ ее къ себѣ. Арестованный Досифей былъ собранъ лишенъ архіерейскаго сана и названъ просто разстригою Демидомъ, а затѣмъ подвергнутъ розыску и неоднократнымъ пыткамъ. Одновременно съ нимъ такимъ же пыткамъ подвергли и брата Евдокіи Авраама Лопухина. Пытали также и князя Семена Щербатаго. Не перечисляемъ разныхъ второстепенныхъ лицъ, привлеченныхъ къ розыску по такъ-наз. Суздальскому дѣлу, т.-е. за сношенія съ бывшей царицей или услуги ей оказанныя. Въ срединѣ Марта 1718 года послѣдовалъ по сему дѣлу приговоръ: Степанъ Глѣбовъ былъ посаженъ на колъ, бывший епископъ Досифей колесованъ, ключарь Ѳеодоръ Пустынный и пѣвчій царевны Маріи Ѳеодоръ Журавскій также казнены смертию. На Кремлевской площади поставили каменный четырехугольный столбъ, на которомъ положили трупы казненныхъ, и головы ихъ воткнули на желѣзные шпиги, утвержденные по сторонамъ столба. Авраамъ Лопухинъ, подобно Ивану Аѳанасьеву, пока не казненъ и отосланъ въ Петербургъ для продолженія розыска. Остальные биты кнутомъ и сосланы, при чемъ нѣкоторые, какъ князь Семень Щербатовъ, съ урѣзаніемъ языка и вырваніемъ ноздрей. Въ числѣ осужденныхъ женщинъ были княгиня Настасья Голицына, которую наказали батогами и сослали на прядильный дворъ, и княгиня Настасья Троекурова (сестра Авраама Лопухина), которая „по жестокомъ наказаніи“ (бита кнутомъ) сослана въ дальній монастырь.

*) Имѣются показанія о томъ, что все это выдуманно, и письма—поддѣльныя. П. Б.

Сама бывшая царица Евдокія-Елена Ѳедоровна отправлена въ заточеніе въ Ладожскій дѣвичій монастырь, а царевна Марія Алексѣевна въ Шлиссельбургъ (въ слѣдующемъ году возвращена въ Петербургъ, гдѣ скончалась въ 1723 г.).

Во второй половинѣ Марта Петръ съ дворомъ и царевичемъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и тамъ продолжалъ розыскъ по дѣлу Алексѣя Петровича, который былъ совершенно подавленъ этимъ розыскомъ и думалъ утопить горе въ винѣ. Въ Апрѣлѣ воротилась Евфросинья съ братомъ Иваномъ и служителями царевича. Послѣдній, въ день Святой Пасхи, на колѣняхъ умолялъ Екатерину исходатайствовать ему бракъ съ возлюбленной, но тщетно. Очевидно, несчастный все еще надѣялся на отцовское помилованіе. Служители его немедля подверглись пыткамъ и разспросамъ. Вмѣстѣ съ другими арестованными лицами посаженная въ Петропавловскую крѣпость, Евфросинія разрѣшилась отъ бремени. Тогда ее также привлекли къ розыску, но безъ пытокъ: во-первыхъ, ей были обязаны возвращеніемъ царевича, а во-вторыхъ, она почти ни въ чемъ не запералась и давала на все откровенныя показанія, нисколько не жалѣя своего обожателя.

Допросы касались, конечно, главнымъ образомъ бѣгства, заграничнаго пребыванія и письменныхъ сношеній его какъ съ иноземными покровителями, такъ и со своими сторонниками въ Россіи. Евфросинія передала даже интимные разговоры, которые царевичъ иногда велъ съ нею объ отцѣ, о своихъ сторонникахъ, о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ. Напримѣръ, онъ выражалъ намѣреніе, когда станетъ государемъ, то будетъ жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ, Петербургъ же оставить простымъ городомъ, также и кораблей держать не будетъ, а войско только для обороны, ибо войны ни съ кѣмъ не хотѣлъ и т. п. По поводу воли Петра учинить наслѣдникомъ сына-младенца, говорилъ: „надѣется отецъ мой, что жена его, а моя мачиха умна, а когда учиня сіе умереть, то будетъ бабѣ царство! И добра не будетъ, а будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, иные за меня“. Показанія Евфросиніи повели за собою новыя большею частью письменныя допросныя пункты самому Алексѣю; въ отпискахъ своихъ онъ отчасти сознался, отчасти заперался.

Домогательства враговъ царевича добыть уничтожающія его показанія такимъ образомъ увѣнчались успѣхомъ. На ихъ основаніи установлено было, что онъ неискренно отказывался отъ престолонаслѣдія, а въ дѣйствительности очень желалъ наслѣдовать и не прочь

былъ искать для того иноземной помощи, напимѣрь, цесарской; разсчитывалъ и на внутреннюю смуту, т.-е. на массу недовольныхъ Петровскими жестокостями и преобразованиями, особенно на духовенство и даже на армію, и хотя никакого злодѣянія не замышлялъ противъ отца, но ожидалъ скорой его смерти, на основаніи разныхъ соображеній, напимѣрь, частыхъ недомоганій, видѣній и прорицаній.

Великій преобразователь съ свойственной ему плодовитостью въ Маѣ и Іюнѣ сочинилъ по сему поводу нѣсколько обращеній къ народу, къ духовнымъ и гражданскимъ чинамъ. Главный смыслъ сихъ обращеній заключался въ томъ, что хотя онъ и обѣщалъ царевичу прощеніе, но будто бы подъ условіемъ чистосердечнаго и полного во всемъ признанія и раскаянія; а такъ какъ Алексѣй не исполнилъ сего условія, то прощеніе ему не въ прощеніе. 14 Іюня онъ былъ взятъ подъ караулъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, въ Трубецкой раскатъ, гдѣ устроенъ былъ и пыточный застѣнокъ. Призванные дать свое мнѣніе архіереи и другія духовныя лица, съ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ во главѣ, на сей разъ дали достойный духовенства отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: если государь захочетъ наказать сына, то найдетъ соотвѣтствующіе тому примѣры въ Ветхомъ Завѣтѣ, а если соблаговолитъ помиловать, то имѣетъ тому образецъ въ самомъ Христѣ, который сказалъ; „Милости хочу, а не жертвы“. Чины гражданскіе и военные, прежде нежели дать отвѣтъ, рѣшили непосредственно допросить въ Сенатѣ какъ самого царевича, такъ и другихъ подсудимыхъ, т.-е. Абрама Лопухина, Ѳедора Дубровскаго, Никифора Вяземскаго, кн. Вас. Долгорукаго и протопопа Якова Игнатьева. Лопухинъ, Дубровскій, Игнатьевъ допрашивались подъ жестокими пытками. Ничего новаго отъ нихъ не узнали; повторялись все тѣже слухи и разговоры.

Кажется, розысками Московскимъ и Петербургскимъ, пыточный матеріалъ для обвиненій былъ уже собранъ въ достаточномъ количествѣ. Но врагамъ Алексѣя Петровича этого было мало; ни его постриженіе въ монахи, ни его заключеніе ихъ не удовлетворяли; имъ нужно было извести его, чтобы впослѣдствіи онъ никоимъ образомъ не могъ явиться претендентомъ на престоль. И они рѣшили извести его простымъ способомъ: пытками. Хотя царевичъ въ концѣ-концовъ сознался почти во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, тѣмъ не менѣе, по приказу царя, 19 Іюня 1718 года его привели въ застѣнокъ и стали спрашивать: правду ли онъ показалъ на многихъ людей, т.-е. собственно на сказанныя тѣмъ или другимъ слова, не поклепалъ ли кого? Напимѣрь, правда-ли, что „царевна Марья вѣдала о его побѣгѣ

и говорила, что (въ народѣ) осуждаютъ отца, будто онъ мясо ѣсть въ посты и мать (Алексѣя) оставилъ“ Или: правда ли, что кн. Василій Долгорукій говорилъ: „Давай-де отцу писемъ хоть тысячу, когда-де чтò будетъ“ Или: правда ли, что на исповѣди онъ сказалъ своему духовнику Якову Игнатѣеву, что желаетъ отцу смерти, а тотъ отвѣтилъ: „Богъ тебя проститъ; мы-де и всѣ желаемъ ему смерти“. И такія „правда ли?“ повторяются почти о всѣхъ оговоренныхъ лицахъ. Несчастнаго царевича вздернули на дыбу и отсчитали ему 25 ударовъ, чтобы получить отъ него подтвержденіе всѣхъ его показаній. Не довольствуясь тѣмъ, Петръ, спустя три дня, посылаетъ въ крѣпость Толстого допросить царевича, по какой причинѣ онъ не слушался отца и не боялся за то наказанія, а наслѣдія престола добивался „не послушаніемъ, но иною дорогою“. Какъ ни странны были подобные вопросы послѣ столькихъ розысковъ и пытокъ, Алексѣй Петровичъ пишетъ на нихъ отвѣтъ со ссылками на дурное вліяніе поповъ и чернецовъ, на свое злонравіе и на свою преступную надежду получить вооруженную помощь отъ цесаря. Очевидно, если записи показаній вѣрны дѣйствительности, царевичъ съ отчаянія или по принужденію самъ писалъ на себя все, чтò отъ него требовали его враги, только бы его болѣе не мучили. Тщетная надежда. 24 Іюня его опять повели въ застѣнокъ и дали 15 ударовъ, снова поставивъ вопросы: „Все ли написалъ правду, не поклепалъ ли кого, не утаилъ ли чего?“

Между тѣмъ Петръ назначилъ для него верховный судъ изъ 127 человекъ. Сюда вошли знатнѣйшіе чины, начиная съ князя Меншикова, генералъ-адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, кончая капитанами и поручиками, изъ коихъ нѣкоторые были совсѣмъ неграмотные. Верховный судъ 24 Іюня единогласно приговорилъ царевича къ смертной казни, чтò согласовалось, конечно, съ волею самого царя.

Казалось бы, Петру оставалось или всѣмъ завѣдомо исполнить смертный приговоръ, или смягчить наказаніе, или совсѣмъ помиловать. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, ни третьяго. Спустя два дня послѣ приговора, а именно 26 Іюня въ 7-мъ часу пополудни царевичъ скончался. Таково было официальное извѣстіе. Но какъ и почему скончался, о томъ строго сохранялась непроницаемая тайна. А вслѣдствіе тайны дано было широкое поприще для всякаго рода слуховъ и догадокъ. Поэтому и явилось такое разнообразіе въ извѣстіяхъ современниковъ и ближайшаго потомства о смерти царевича. Такъ, Ганноверскій резидентъ Веберъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ (*Das*

Veränderte Russland) даетъ сентиментальный разсказъ о томъ, что объявленіе смертнаго приговора вызвало у царевича апоплексическій ударъ, что царь посѣтилъ умирающаго сына, снисходя къ его мольбамъ, далъ ему прощеніе и благословеніе и ушелъ, заливаясь слезами. Австрійскій резидентъ Плеіеръ доносилъ своему начальнику, что царевичу отрубили голову мечомъ или топоромъ. Голландскій резидентъ Яковъ де-Би доносилъ своему правительству, что Алексѣй Петровичъ умеръ отъ растворенія жилъ. Англійскія записки Генриха Брюса сообщаютъ, что ему поднесенъ былъ напитокъ съ ядомъ. Сомнительное письмо Александра Румянцева къ Д. Н. Титову повѣствуетъ, какъ онъ, Румянцевъ, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ, Толстымъ и Ушаковымъ задушили подушкою царевича по приказу царя. Наконецъ, въ одномъ Французскомъ изданіи XVIII столѣтія приведено извѣстіе, будто самъ царь топоромъ отрубилъ голову сыну.

Всѣ приведенныя сейчасъ извѣстія о смерти Алексѣя болѣе или менѣе недостоверны. Настоящій свѣтъ на эту трагическую кончину проливаетъ „Записная книга С.-Петербургской гарнизонной канцеляріи“. Она лаконически отмѣчаетъ, что 26 Іюня въ 8-мъ часу пополудни въ крѣпости собрались самъ царь, кн. Меншиковъ, кн. Долгорукій, Головкинъ, Апраксинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ, Толстой, Шафировъ и Бутурлинъ. „И учиненъ былъ застѣнокъ“. Въ 11 часовъ власти разѣхались, а „въ 6-мъ часу пополудни царевичъ, Алексѣй Петровичъ, преставился“. Въ полномъ согласіи съ симъ извѣстіемъ находятся „Поденныя записки дѣламъ князя Меншикова“, которыя говорятъ о томъ, какъ этотъ день провелъ свѣтлѣйшій, однако безъ упоминанія о застѣнкѣ. Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно: царевичъ подвергся третьему пыточному розыску, и на сей разъ смертельному. Чего еще, какихъ признаній отъ него могли добиваться его судьи и палачи, хотя и придумали новые вопросныя пункты по поводу его выписокъ изъ Баронія? Конечно, добивались уже не признаній, а самой смерти. Только эта смерть могла упрочить наслѣдіе престола за маленькимъ сыномъ Екатерины и успокоитъ опасенія за свою будущую судьбу какъ Екатерины, такъ и Меншикова. Тогда какъ первая показывала видъ печали, послѣдній даже не скрывалъ своего удовольствія послѣ кончины царевича. Самъ Петръ по наружности оставался равнодушнымъ, а на слѣдующій день 27 Іюня, день Полтавской побѣды, праздновалъ дневнымъ пиромъ и вечерними увеселеніями. Тѣло царевича 28 числа вынесли изъ крѣпости въ ближайшій деревянный Троицкій соборъ. А 29-го Петръ праздновалъ свои именины спускомъ новаго корабля и широмъ до

поздней ночи. 30-го, наконецъ, торжественно похоронили Алексѣя въ крѣпостномъ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ его супругой Шарлоттой *).

Розыскъ, т.-е. допросы и пытки, и послѣ смерти царевича продолжался съ неослабной энергіей и закончился только въ Декабрѣ. Одни изъ подсудимыхъ (Абрамъ Лопухинъ, Вороновъ, Яковъ Игнатьевъ, Иванъ Афанасьевъ, Дубровский) были казнены, и отрубленныя головы ихъ воткнуты на желѣзныхъ спицахъ вокругъ каменнаго столба. Другіе биты кнутомъ съ урѣзаніемъ языка и рваніемъ ноздрей.

Евфросинья за ея предательство получила свободу вмѣстѣ съ частью Алексѣева имущества, удостоилась милостей и, если вѣрится одному извѣстію, вышла замужъ за офицера, служившаго въ томъ же Петропавловскомъ гарнизонѣ.

VIII.

Заключеніе.

Само собою разумѣется, что такое сложное событіе, какъ дѣло царевича Алексѣя, вызывало разнообразныя взгляды, сужденія и отношенія въ исторической литературѣ.

Академикъ Устряловъ посвятилъ сему дѣлу большой томъ съ приложеніемъ свыше 200 документовъ, извлеченныхъ изъ Русскихъ государственныхъ архивовъ, а также изъ Вѣнскаго Тайнаго Архива, и большею частію впервые обнародованныхъ. Но, преслѣдуя чисто-фактическую сторону сего дѣла, онъ воздержался отъ какихъ-либо положительныхъ выводовъ и даже отъ догадокъ относительно закулисной его стороны, а тѣмъ менѣе коснулся его государственнаго значенія. За то другой академикъ, Погодинъ, въ своемъ Отчетѣ объ изданномъ Устряловымъ дѣлѣ царевича, проникнуть явною симпатіей къ послѣднему и близко подходитъ къ истинѣ, заподозривъ въ гоненіи на него интригу нѣкоторыхъ близкихъ къ царю лицъ, главнымъ образомъ, Егатерины и Меньшикова. Третій академикъ, Соловьевъ, наоборотъ, съ явнымъ несочувствіемъ относится къ Алексѣю, видитъ въ немъ опасное орудіе Московской реакціи противъ Петровскихъ преобразованій и склоняется на сторону того мнѣнія (оно же высказано самимъ Петромъ), которое полагаетъ, что царь пожертвовалъ сыномъ для спа-

*) Лишь въ прошломъ году найдено тѣло царевича Алексѣя Петровича въ колокольнѣ Петропавловской крѣпости. П. В.

сенія своихъ реформъ, т.-е. ради блага государственнаго. Почти той же точки зрѣнія держится Костомаровъ. Четвертый академикъ, В. О. Ключевскій, въ IV выпускѣ своего „Курса Русской исторіи“, посвященномъ по преимуществу Петру Великому, совсѣмъ пропустилъ дѣло царевича, и только въ параграфѣ о „престолонаслѣдіи Петра I“ онъ замѣтилъ: „Спасая свое дѣло, отецъ во имя его пожертвовалъ и сыномъ“, слѣдовательно, безъ всякихъ разсужденій, примкнулъ къ мнѣнію Соловьева. Къ тому же мнѣнію, конечно, присоединились писавшіе специально объ этомъ дѣлѣ историки-Нѣмцы, именно: Марбургскій профессоръ Эрнестъ Германъ и въ особенности Дерптскій профессоръ А. Брикнеръ; послѣдствія показали, что устраненіе Алексѣя Петровича отъ престола болѣе всего принесло пользу Нѣмецкимъ интересамъ. Брикнеръ не безъ паѳоса ставитъ Петра передъ задачей: или пожертвовать сыномъ, или поставить на карту свои реформы, судьбу своихъ жены и рожденныхъ отъ нея дѣтей, интересы государства, народа и, можетъ быть, судьбу всей Россіи. Упомяну еще Польско-французскаго писателя К. Валишевскаго, который въ большемъ томѣ, посвященномъ Петру Великому, съ обычною своею развязностью и болтливостью передаетъ подробности по дѣлу царевича и даже приводитъ неблагопріятный для Петра отзывъ объ этомъ дѣлѣ Вольтера; но, оставаясь равнодушнымъ къ его трагической развязкѣ, онъ не даетъ ему историческихъ объясненій и выводовъ.

Никто, однако, изъ названныхъ историковъ не остановился на этой развязкѣ съ точки зрѣнія ея дѣйствительныхъ послѣдствій, не попытался дать всему дѣлу настоящее мѣсто въ Русской исторіи и не оцѣнилъ всей его важности по отношенію къ дальнѣйшимъ судьбамъ Русскаго народа и государства. Почти у всѣхъ оно является какимъ-то неприятнымъ эпизодомъ въ знаменитомъ царствованіи, и только.

Что же такого таинственнаго и неожиданнаго узналъ Петръ вслѣдствіе варварскихъ истязаній сына, его близкихъ и его сторонниковъ? Да почти все то же, что доходило до него и изъ другихъ источниковъ. А именно: что многіе Русскіе люди сѣтовали на крайнюю жестокость и деспотичность царя, на страшную тяжесть безконечной Шведской войны, на его пристрастіе къ иноземцамъ, на его рѣзкое неуваженіе къ старымъ Русскимъ обычаямъ и преданіямъ, на его презрительное отношеніе къ церковной іерархіи и т. п. Естественно, эти люди питали надежду, что послѣ Петра произойдутъ перемѣны, когда на престолъ взойдетъ наслѣдникъ его Алексѣй Петровичъ, обнаружившій приверженность къ Русской старинѣ вообще и особую

привязанность къ православнои церковности; а потому втайнѣ желали, чтобы перемѣна царствованія наступила возможно скорѣе. Самъ Алексѣй, пренебрегаемый, гонимый, угрожаемый лишеніемъ свободы и даже жизни, конечно въ сердцѣ своемъ питаль тоже желаніе. Но всѣ старанія розыска обвинить его въ попыткахъ устроить заговоры и мятежи противъ отца являлись совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительности. Всѣ подобныя обвиненія основывались только на разговорахъ людей недовольныхъ, на слухахъ, случайно сказанныхъ фразахъ и т. п. Алексѣй до того былъ забить и такъ боялся отца, что не представлялъ для него ровно никакой опасности и дрожаль только за собственное существованіе. Карать же его за то, что онъ былъ плохо воспитанъ, что у него былъ другой характеръ, чѣмъ у отца, иныя наклонности и привычки и даже нѣсколько иное міровоззрѣніе, такая кара является величайшею несправедливостью. Въ плохомъ воспитаніи, въ устраненіи отъ государственныхъ дѣлъ и отчужденіи отъ отца прежде всего и болѣе всего виновать самъ отецъ, рано лишившій сына и материнскихъ попеченій, и собственной родительской любви и оставившій его въ извѣстномъ окруженіи людьми старорусскаго закала. А кто же привиль ему пагубную привычку къ черемѣрному винопитію, какъ не самъ царь собственнымъ примѣромъ и не главный его наперсникъ Меньшиковъ, намѣреннo спаивавшій порученнаго его руководителству царевича? Затѣмъ, выдвинутыя главнымъ основаніемъ казни, пресловутыя опасенія за судьбу Петровскихъ преобразованій въ случаѣ воцаренія Алексѣя не выдерживаютъ исторической критики. Полный возвратъ къ старинѣ отнюдь не былъ возможенъ: такъ далеко продвинулась Русь и въ политическомъ, и въ географическомъ отношеніи. Отмѣна регулярной арміи прямо была немислима; а высказанное намѣреніе упразднить флотъ было пустою фразою, брошеною въ интимномъ разговорѣ съ возлюбленною въ горькія минуты, когда человѣкъ способенъ заговариваться и нести всякій вздоръ; отрезвленіе не замедлитъ, какъ скоро тотъ же человѣкъ станеть лицомъ къ лицу съ желѣзной дѣйствительностью и вопіющими потребностями своей страны. Вспомнимъ, что къ Балтійскому морю и заведенію тамъ флота стремился уже дѣдъ царевича высокочтимый имъ Алексѣй Михайловичъ. Итакъ, всѣ выставленныя выше причины нисколько не оправдываютъ Петра въ его варварской казни царевича и въ попраніи имъ клятвенно даннаго и подписаннаго царскаго слова помиловать сына, если тотъ вернется въ отечество. Ясно, что не эти причины руководили окончательнымъ царскимъ рѣшеніемъ; а тутъ дѣйствовала интрига такихъ близкихъ и заинтересованныхъ лицъ, какъ Меньшиковъ и Екатерина, которые не считали

свое будущее положеніе обезпеченнымъ, пока оставался въ живыхъ царевичъ Алексѣй.

И великіи человѣкъ легко поддавался этимъ интригамъ противъ его нелюбимаго сына отъ перваго брака, въ пользу другого,—отъ любимой второй супруги.

Историческая Немезида не замедлила поразить Петра въ самое сердце: въ 1719 году умеръ объявленный имъ наслѣдникомъ престола маленькій царевичъ Петръ Петровичъ. Хотя наслѣдство по всѣмъ правиламъ должно было перейти опять къ внуку, Петру Алексѣевичу, но сынъ опальнаго казненнаго царевича Алексѣя, очевидно, не пользовался расположеніемъ дѣда, и царь въ 1722 году издалъ указъ о томъ, что Русскій государь, въ силу своей неограниченности, можетъ назначить себѣ преемникомъ кого угодно. Но, какъ извѣстно, Петръ скончался, не успѣвъ никого назначить, и Русскій престолъ сдѣлался игрищемъ въ рукахъ придворныхъ партій и петербургской гвардіи; о желаніи Русскаго народа въ такихъ случаяхъ Петербургъ уже не спрашивалъ. Какъ, уважаемый Петромъ и сродный ему по жестокости и кровопійству, Иванъ Грозный убійствомъ старшаго сына прекратилъ династію Св. Владимира и тѣмъ вызвалъ смутное время на Руси, такъ и Петръ убійствомъ своего первенца прекратилъ династію Романовыхъ (т.-е. ея мужескую линію), и за нимъ послѣдовало подобіе смутнаго времени, пока престолъ не укрѣпился за потомствомъ его дочери, Анны. Подобно Грозному, онъ своими пытками и казнями сломилъ всѣ попытки къ отпору его нововведеніямъ и довелъ царскую власть до ничѣмъ неограниченнаго самовластія; вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе испортилъ народный характеръ, усиливая въ немъ раблѣпіе. А главное, своимъ пристрастіемъ къ иноземцамъ, полнымъ униженіемъ родовой Русской аристократіи, отгнѣною Боярской думы (разумѣя вмѣстѣ съ нею и Освященный соборъ) и водвореніемъ бюрократіи, переполненной на верхнихъ ступеняхъ Нѣмцами, онъ приготовилъ Нѣмецкое господство на Руси. Онъ устранилъ сына, и вмѣсто послѣдняго, спустя только 5—6 лѣтъ послѣ кончины царя, управленіе Россіей захватила группа Нѣмецкихъ дѣльцовъ, съ проходимцемъ-Бирономъ во главѣ. Этотъ проходимецъ, какъ правитель Россіи, есть всецѣло слѣдствіе Петровскихъ преобразовательныхъ крайностей: послѣ Алексѣя Михайловича онъ былъ невозможенъ, а послѣ Петра сдѣлался не только возможностью, но и дѣйствительностью. Нѣмецкое господство воспользовалось именно указанными сторонами Петровой дѣятельности, чтобы легко устранить всякое себѣ противодѣйствіе, т.-е. воспользовалось всею полнотою неограниченной верховной власти,

униженіемъ родовой знати и церковной іерархіи, а также раболѣпными привычками, ввѣдренными Русскому обществу при помощи застѣпка и топора.

Наступившее вслѣдъ за кончиной Преобразователя подобіе смутнаго времени не уничтожило его главныхъ преобразованій, военныхъ, правительственныхъ и общественныхъ, и ясно показало, какъ неосновательны были его опасенія на случай перехода власти въ руки царевича Алексѣя. Наоборотъ, послѣдствія сыноубійства создали именно ту политическую атмосферу, которая постоянно ослабляла дальнѣйшее дѣйствіе произведенныхъ реформъ и мѣшала Русскому государству, т.-е. Восточной Европѣ, стать на равную ногу съ Западной въ смыслѣ Европейской культуры. Прошло 200 лѣтъ со времени этихъ реформъ, а Россія не догнала Европу и является почти такою же отсталою по культурѣ какъ и въ его время. Петръ страстно стремился къ морю и завоевалъ Балтійскіе берега; но, и 200 лѣтъ спустя, эти берега остаются не-Русскими. Основанный имъ на Чухонской окраинѣ, удаленный отъ Русскаго центра, Петербургъ не только ихъ не обрусилъ, но въ семь отношеній даже сдѣлалъ шагъ назадъ, подаривъ Чухонцамъ завоеванную Петромъ и его дочерью Елисаветою Выборгскую губернію и поставивъ Русскую народность ниже Чухонской въ правахъ гражданства. Однимъ словомъ, недостатокъ національной политики въ теченіе Петербургскаго періода имѣетъ своимъ началомъ излишнее преклоненіе Преобразователя передъ иноземщиной и крайне неуважительное отношеніе къ своей коренной народности, къ ея вѣковымъ преданіямъ и обычаямъ, многіе изъ коихъ заслуживали болѣе бережнаго съ ними обращенія, а не жестокихъ пытокъ и казней, или глумленія надъ ними всепьянѣйшаго собора, безпощаднаго бранобритія и т. п. Петръ далеко не оцѣнилъ громаднхъ жертвъ, принесенныхъ народомъ ради завоеванія Балтійскихъ береговъ, не оцѣнилъ преданнаго, даровитаго Русскаго племени, которое сумѣло бы безъ особаго принужденія усвоить себѣ дѣйствительно нужныя и полезныя преобразованія, и только страстная натура царя, его нетерпѣливость, тираннія и не всегда присущее умѣнье отличить необходимыя реформы отъ несущественныхъ вызывали въ народной средѣ ропотъ и духъ противорѣчія, доходившій иногда до явнаго неповиновенія, особенно со стороны приверженцевъ стараго церковнаго обряда, которые видѣли въ немъ даже Антихриста. Культурный разрывъ наружно европеизованныхъ высшихъ классовъ съ народною массою, а также недостатокъ единенія царя съ кореннымъ Русскимъ народомъ начались именно съ Петра Великаго. Этотъ недостатокъ единенія поддерживался и

усиливался, благодаря въ особенности Нѣмецкимъ бракамъ, каковые явились одною изъ наиболѣе упрочившихся Петровскихъ реформъ.

Повторяю, никто другой какъ Петръ приготовилъ наступившее вслѣдъ за нимъ подобіе извѣстной смутной эпохи начала XVII вѣка. Жалкій, забитый царевичъ Алексѣй обнаружилъ не малую наблюдательность и даже недюженный природный умъ нѣкоторыми своими сужденіями (конечно, въ близкой ему средѣ), объ отцовскихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ. Между прочимъ, онъ мѣтко предсказалъ скорое наступленіе *бабьяго царства* и предчувствовалъ грядущее господство на Руси Нѣмцевъ. Насильственное устраненіе его отъ престола болѣе всего принесло пользу симъ послѣднимъ, а для Русскаго народа отнюдь не было благодѣяніемъ. Конечно, безпримѣрная дѣятельность и гениальность Петра навсегда стяжали ему наименованіе *Великаго* и провели рѣзкую грань между старымъ, Московскимъ, и новымъ, Петербургскимъ, періодами Русской исторіи. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ Петровская эпоха послужила переходною ступенью отъ патриархальнаго и національнаго Московскаго самодержавія къ бюрократичному и космополитичному Петербургскому абсолютизму.

Исторія оцѣниваетъ такіа богатырскія личности не только по ихъ задачамъ, стремленіямъ и побѣжденнымъ препятствіямъ, но также и по важнѣйшимъ послѣдствіямъ ихъ дѣятельности. И наше поколѣніе, когда почти всѣ таковыя послѣдствія достаточно выяснились, съ большею основательностью и безпристрастіемъ, чѣмъ предыдущія поколѣнія, можетъ подводить историческіе итоги дѣяніямъ великаго Преобразователя земли Русской и указывать не только лицевую, но и оборотную ихъ сторону.

Д. Иловайскій.

Съ позволенія глубокоуважаемаго маститаго историка, заимствуемъ эту статью изъ 45—47 листовъ его „Кремля“. Читатели цѣнятъ въ ней и обширную ученость, и трезвость сужденій, и благородное изящество безыскусственной рѣчи. П. В.

ПИСЬМО П. С. САЛТЫКОВА КЪ А. П. ВОЛЫНСКОМУ *).

1719 г.

Превосходительный господинъ и высокоповелительный губернаторъ. Мой государь Артемій Петровичъ. Уже я вашему превосходительству давно извѣстилъ, что указъ царскаго величества изъ Сената о бытности вашему превосходительству въ Астраханской губерніи губернаторомъ я получилъ и давно объ отдачѣ надлежащія по указомъ вѣдомости отъ Казанской [губерніи чинилъ, По тому царскаго величества указу, неотмѣнно отъ меня въ Казани писано тако жъ, что и въ Казанскую губернію. Опредѣленъ на мое мѣсто губернаторомъ же бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ и что канцеляріи и подъячихъ и прочіе служители отъ меня ему отданы, въ ономъ письмѣ упомянуто, которое письмо, надѣюсь, до рукъ вашего превосходительства уже дошло. А сего Іюля 6 дня получилъ я Великаго Государя грамоту изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о вспоможеніи съ Терка Кумыцкому владѣльцу Алдигирею-Шевкалу, и понеже Терекъ опредѣленъ быть подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства въ Астраханской губерніи, того ради оную грамоту при семъ письмѣ къ вашему превосходительству (прилагаю ?) и о приѣмѣ той грамоты и объ опредѣленіи по ней благоволите ваше превосходительство учинить по указу Царскаго Величества.

вашего превосходительства нижайшій слуга

Петръ Салтыковъ.

Іюля 19 дня
л. 1719.

Къ письму приложена нижеслѣдующая подлинная грамота **).

*) Письмо это отыскано мною въ разрозненныхъ бумагахъ Астраханскаго губернскаго архива. Оно точно устанавливаетъ начало дѣятельности А. П. Волынскаго въ званіи „царскаго генераль-адъютанта“ и губернатора вновь учрежденной Астраханской губерніи, входившей до 1719 г. въ составъ губерніи Казанской. Очевидно, Волынскій уже тогда пользуется большою силою: „ближній бояринъ“ Казанскій губернаторъ Салтыковъ относится къ нему съ особливимъ почитаніемъ. П. Ю.

**) Эта грамота впервые появляется въ печати: ея нѣтъ ни въ Актахъ Историческихъ, ни въ Полномъ Собраніи Законовъ. П. Ю.

Отъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца въ нашу отчину въ Казань ближнему боярину и губернатору нашему Казанскому Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищи.

Указали мы великій государь по прошенію подданнаго нашего Кумыцкаго владѣльца Алдигирея Шаэкала, чрезъ посланнаго его Мамета Алапхачеева къ намъ учиненному, когда на него будутъ приходить войною какія орды и онъ Кумыцкій владѣлецъ будетъ отъ себя писать на Терекъ къ коменданту нашему и требовать себѣ отъ пришедшихъ на него орды о вспоможеніи войски нашими, и дабы онъ Терскій комендантъ ему въ такомъ случаѣ войски нашими Яицкимъ, такожъ и казаками Терскими и Гребенскими, по возможности помогаль и ни до какого раззоренія не допускаль, по его, яко въ подданствѣ нашемъ и въ вѣрности быть обѣщающагося, охраняль; тако жъ и впредь сего обыкновенію къ нему пѣхотный карауль съ пушками и съ потребнымъ числомъ на оныхъ аммуниціи и пушкарей посылать и въ потребной случай тотъ карауль и умножать. И тебѣ, ближнему боярину нашему и губернатору, послать отъ себя къ нему Терскому коменданту нашъ великаго государя указъ, чтобъ онъ о томъ вспоможеніи ему Алдигирею чинилъ противъ вышеписаннаго нашего великаго государя указу. А что у него Терскаго коменданта въ томъ чинится будетъ, о томъ бы къ намъ великому государю писалъ, а отписки свои велѣль подавать въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, государственному нашему канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину, да государственному подканцлеру тайному совѣтнику барону Петру Павловичу Шаѣирову. Писано на Котлинѣ островѣ при Кроншлотѣ, лѣта 5190 (1719) году, Іюня въ день. Баронъ Петръ Шафировъ. Иванъ Губинъ. Секретарь Иванъ Абрамовъ.

Сообщилъ П. Л. Юдинъ

САМОЗВАНЕЦЪ ПУГАЧОВЪ.

Новооткрытыя о немъ показанія.

Немногимъ, навѣрно, извѣстно, что Пугачовъ побывалъ на Кавказѣ, среди Терскихъ казаковъ, прежде чѣмъ стать во главѣ Яицкаго мятежа. Объ этомъ обстоятельстве, очевидно, не вѣдали ни кн. Щербатовъ, ни Пушкинъ, ни Дубровинъ, ни другіе изслѣдователи Пугачовщины, такъ какъ нижеслѣдующія показанія о немъ находятся въ Ставропольскомъ и въ особенности въ Кизлярскомъ архивахъ. Хотя эти показанія отрывочны, однако они проливаютъ иной свѣтъ на жизнь самозванца.

Вышепоименованные изслѣдователи Яицкаго мятежа называютъ Пугачова Донцомъ. Даже въ появившихся современно оглашеніяхъ къ народу, въ манифестѣ 13 Декабря 1773 года и изданной, спустя два года, сентенціи 10 Января, именуется онъ „бѣглымъ казакомъ съ Дона, скитавшимся предъ симъ въ Польшѣ“. Въ дѣйствительности же Емелька отнюдь не бѣгалъ съ Дона (въ настоящемъ смыслѣ слова), а въ Польшѣ едва ли когда-нибудь и бывалъ. Въ началѣ своей дѣятельности онъ даже не состоялъ въ числѣ Донцовъ, а числился въ Терскомъ *семейномъ* войскѣ ¹⁾.

При устройствѣ въ 1770 г. на Кавказѣ Моздокской линіи, было повелѣно переселить туда 517 казачьихъ семей съ Волги ²⁾, которыя были устроены на Терекѣ пятью станицами. Кромѣ того для стрѣлянія изъ пушекъ туда перевели 250 такъ называемыхъ „сказочныхъ“ казаковъ съ Дона, поселивъ ихъ по 50 семей въ каждую новозаведенную станицу. Желавшихъ идти въ новый благодатный край оказалось однако больше, чѣмъ было назначено Сенатскимъ указомъ.

Вслѣдствіе этого 21 человекъ перешли въ Терское семейное войско, гдѣ и размѣстились въ трехъ его станицахъ: Бородинской, Дубов-

¹⁾ На Кавказѣ было два Терскихъ войска—Семейное и Кизлярское.

²⁾ См. нашу статью „Съ Волги на Терекъ“ („Русскій Архивъ“, 1901, вып. 9-й).

ской и Каргалинской, возбудивъ предъ войсковымъ атаманомъ Павломъ Татаринцевымъ ходатайство о зачисленіи ихъ въ служилые казаки этого войска. Но атаманъ, не имѣя власти сдѣлать просимаго, представилъ 12 Января 1772 года донесенія станичныхъ атамановъ на утвержденіе Кизлярскому коменданту полковнику Фёдору Ивановичу Паркеру. Первымъ въ доставленномъ списокѣ былъ показанъ „не имѣющій письменнаго вида“ Емельянъ Ивановъ, прибывшій съ Дона ¹⁾. Всѣхъ ихъ потребовали въ Кизляръ, гдѣ 16 Января подвергли въ комендантской канцеляріи допросу. Въ сохранившихся распросныхъ сказкахъ о Емелькѣ сказано такъ:

„Донского войска Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачовъ, отъ роду ему тридцать лѣтъ, уроженецъ Донского войска, въ Зимовейской станицѣ, изъ казачьихъ дѣтей, а отецъ его родной, бывшій Донского войска казакомъ, Иванъ Михайловъ, сынъ Пугачовъ, по возвращеніи Россійской арміи изъ Пруссіи ²⁾ и будучи при домѣ своемъ, назадъ тому лѣтъ съ семь ³⁾, волею Божіею умре, а онъ, Емельянъ, въ прошломъ 771 году, съ выкомандированными по указу Государственной Военной Коллегіи изъ Донского войска въ Моздокскій край къ поселенію сказочными казаками, имѣя родственника изъ числа тѣхъ сказочныхъ, племянника двоюроднаго Харитона Малахчеева, обще съ нимъ перешедъ, жительствомъ по сіе время находился въ Терскомъ семейномъ войскѣ, въ которомъ и нынѣ въ казаки опредѣленнымъ быть желаетъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что комендантъ Паркеръ удовлетворилъ просьбу Пугачова. Въ списокѣ, составленномъ Терской войсковою канцеляріей 1 Января 1773 года на полученіе денежнаго и хлѣбнаго жалованія, въ числѣ рядовыхъ казаковъ войска этого подъ № 129 значится „Емельянъ Ивановъ“ съ своей женой Прасковьей Фоминишной. Дѣтей не показано. По существующему положенію, полагалось ему на годъ: деньгами 12 руб., муки 6 четвертей, и столько же овса, крупъ 3 четверика.

О дальнѣйшей судьбѣ Пугачова Кизлярскіе архивы молчатъ. Но по словамъ покойнаго генерала Попко, пользовавшагося, для составленія книги „Терское войско съ стародавнихъ временъ“, Ставрополь-

¹⁾ Кизлярскій архивъ 1772 г., вяз. 205, зак. 7.

²⁾ Изъ сего явствуетъ, что въ Польшѣ былъ не Емельянъ, а его отецъ Иванъ Пугачовъ.

³⁾ Значить, приблизительно въ 1764 году.

скимъ старымъ архивомъ, Емелька еще на Терекъ хотѣлъ „учинить“ возмущеніе и главенствовать тамошними казаками.

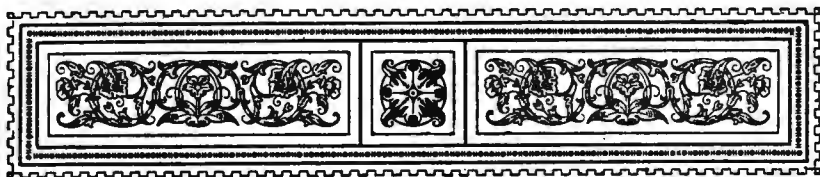
Казачество Терское было недовольно управленіемъ тогдашняго войскового своего атамана Татаринцева. На мѣсто его недовольные хотѣли избрать атаманомъ Емельку съ тѣмъ, чтобы онъ отправился немедля въ Петербургъ и исходатайствовалъ утраченныя войскомъ привилегіи. Пугачовъ поѣхалъ, но по дорогѣ приверженцы Татаринцева схватили его и представили коменданту Моздокской крѣпости, полковнику Иванову. Обвиненный въ смуть и нарушеніи войскового порядка Емелька былъ посаженъ въ тюрьму, откуда, при помощи своихъ избирателей, ему удалось бѣжать вмѣстѣ съ бывшимъ на часахъ солдатомъ Венедиктомъ Лаптевымъ. Онъ пробрался на Янкъ, гдѣ и учинилъ возмущеніе.

Павель Юдинъ.

Въ Саратовѣ у господина Покровскаго (управлявшаго отдѣленіемъ Волжско-камскаго банка) хранилась медаль Пугачева и нынѣ у его вдовы, въ Рыбинскѣ. Выдавшій ее П. Л. Юдинъ пишетъ намъ о ней слѣдующее: Пугачевская медаль величиною въ обыкновенный полтинникъ, серебрянный; на лицевой сторонѣ осьмиконечный старобрядческій крестъ и вокругъ него подпись церковно-славянскими буквами: Божіею милостію мы Петръ „Г.“; на обратной сторонѣ въ срединѣ такими же буквами прямо надпись. „Жалую сію полтину за вѣрность“.

Кто выбилъ Самозванцу эту медаль?

АКАДЕМИКЪ ГМЕЛИНЪ.

Гмелинъ Самуиль-Готлибъ-Георгъ, сынъ лѣкаря, родился въ Тюбингенѣ 23 Іюня 1745 года и обучался въ тамошнемъ Университетѣ. Приобрѣтеныя имъ свѣдѣнія въ наукахъ, особенно въ Естественной Исторіи, доставили ему званіе профессора. Въ 1767 году онъ былъ вызванъ въ Россію С.-Петербургскою Академіею Наукъ, а въ слѣдующемъ *) отправленъ императрицею Екатериною II съ четырьмя студентами, аптекаремъ и живописцемъ въ южныя губерніи для физическаго описанія тѣхъ мѣстъ.

Гмелинъ поѣхалъ въ Астрахань черезъ Москву, Воронежъ и Азовъ. Осматривалъ (1770 и 1771 г.) пристани Каспійскаго моря и сосѣдственныя Персидскія провинціи, подробно описалъ ихъ; желая сдѣлать новыя открытія, углубился въ западную часть Персіи, наполненную разбойниками. Съ великимъ трудомъ и опасностію совершилъ онъ изъ Энзели (небольшаго городка Гилянской провинціи) путешествіе къ южному берегу Каспійскаго моря; едва въ Декабрѣ 1773 года пробрался къ Сальану, городу, лежащему на устьѣ рѣки Куры. Оттуда поѣхалъ онъ въ Баку и Кубу, гдѣ принять былъ очень хорошо Али-Фецъ-ханомъ Ширванскимъ. Тамъ, дождавшись провожатыхъ, двадцати Терскихъ казаковъ, онъ отправился съ ними въ Кизляръ и уже находился отъ сего города не далѣе пяти дней ѣзды, какъ захваченъ былъ въ плѣнъ (5 Февраля) горскимъ владѣльцемъ Умей-Ханомъ. Жестокое обращеніе, худая пища, несносный климатъ и утрата нѣсколькихъ путевыхъ записокъ, равно собранныхъ рѣдкихъ естественныхъ произведеній, привели въ уныніе духъ несчастнаго плѣнника, совершенно разстроили здоровье, ослабленное и безъ того странствованіемъ утомительнымъ: Гмелинъ скончался въ неволѣ 27 Іюня 1774 года, на тридцатомъ году отъ рожденія. Товарищи его бѣдствія успѣли переслать въ Кизляръ нѣсколько рукописей сего неустрашимаго путешественника; остальные тетради съ великимъ трудомъ были исторгнуты изъ рукъ варваровъ.

*) Т.-е. въ годъ, когда началась первая война Екатерины Великой съ Турціей.
П. В.

Записки путешествій Гмелина для изслѣдованія трехъ Царствъ Естества изданы Академіею Наукъ съ 1770 по 1784 годъ, въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Русскій переводъ напечатанъ въ 1771—1785 годахъ съ рисунками. (Изъ Словаря Историческаго преосвященнаго митрополита Кіевскаго Евгенія о писателяхъ Россійскихъ и чужестранныхъ, въ Россіи водворившихся).

*

№ 185, получ. 22 Генваря 1774 года.

**Въ Кизлярскую коммендантскую канцелярію
сообщеніе ¹⁾.**

По прибытіи моемъ въ Кизляръ, долженъ буду я въ семь мѣстъ съ своею экспедиціею на нѣсколько времени пребываніе имѣть. Итакъ Кизлярскую комендантскую канцелярію покорно прошу назначить для моей свиты четыре удобныя квартиры, а для меня самого прошу пятую ту, на которой прежде сего стоялъ господинъ профессоръ Гильденштетъ ²⁾.

Самуель Гмелинъ.

Изъ Баки, 1774 Генваря 5 дня.

* *

*

№ 24, получ. 23 Января 1774 г.

**Въ Кизлярскую коммендантскую канцелярію
сообщеніе.**

Должность, на меня положенная, требуетъ, чтобъ я, окончивъ по восточному берегу Каспійскаго моря путешествіе, сухимъ путемъ чрезъ Персію въ Россію возвратился. Но какъ путь мой, предлежащій между Дербентомъ и Кизляромъ, опасенъ и безъ довольноаго числа военныхъ людей едва возможенъ, того ради Кизлярскую коммендантскую канцелярію всепокорнѣйше прошу благоволить прислать команду вооруженныхъ людей, коихъ я въ Дербентѣ ожидать буду. Въ прочемъ я не осмѣливаюсь опредѣлять числа людей для сего препровожденія за тѣмъ, что Кизлярская коммендантская канцелярія лучше, нежели я, знаетъ, чего великость опасности требуетъ, и сколько числомъ людей надобно у тѣхъ народовъ, чрезъ коихъ области мнѣ ѣхать должно будетъ. О семь только я всепокорно прошу, чтобъ въ сколько возможной прислать скорости, дабы я безъ нужды, а особливо въ зимнее время, очень долго ихъ въ Дербентѣ ожидать принужденъ не былъ.

¹⁾ Это сообщеніе и нижеприводимыя бумаги извлечены П. Л. Юдинымъ изъ Кизлярскаго комендантскаго архива. П. В.

²⁾ Проф. Гильденштетъ былъ одновременно командированъ отъ Академіи Наукъ для описанія Сѣвернаго Кавказа. По приказанію Кизлярскаго коменданта Штендера, его сопровождали два Кизлярскихъ казака. П. Ю.

Сіе сообщеніе посылаю я изъ Бакинскаго порта съ нарочнымъ для сего дѣла Кизлярскимъ Армяниномъ Рустаномъ.

Самуель Гмелинь.

1774 Генваря 5 дня.

*

№ 45, получ. 13 Февраля 1774 г.

Отъ ген.-маіора Демедема Кизлярскому коменданту Штендеру отъ 12 Февраля изъ Щедрина.

Государь мой! На рапортъ вашего высокоблагородія, сего числа ко мнѣ присланной, въ отвѣтъ изъясняюсь. По причинѣ задержанія слѣдующаго изъ Персіи господина доктора и профессора Гмелина Хаидацкимъ владѣльцемъ Уцміемъ-Амиръ-Амзою, Андреевскимъ, Аксайскимъ и прочимъ подданнымъ, наистрожайше подтвердя, запретить, чтобъ на помощь къ Кубинскому Феть-Али хану и къ Аварскому хану не ѣздили, для чего и съ моей стороны къ тѣмъ Андреевцамъ и Аксайцамъ писано. Шамхалу жъ то самое написать изволите, что имъ позволенія дать теперь по причинѣ сдѣланнаго захвата не можно, о чемъ и отъ меня такъ же соотвѣтствовано, по пріѣздѣ-жъ Андреевскихъ владѣльцовъ, сколько возможно принуждая ихъ, чтобъ они совершенно его профессора и съ находящимися при немъ людьми, какъ онъ за нихъ задержанъ, выручили, а равно и къ нему Уцмію написать претендателно, чтобъ онъ неотмѣнно онаго профессора отправилъ сюда со всѣмъ, что при немъ есть, а есть ли ослушенъ будетъ, то и сіе включить, что конечно Россійской дворъ сего его Уцмія противнаго поступка совершенно не оставитъ безъ изысканія, о чемъ и отъ меня къ нему писано. Однако жъ наиболѣе въ семъ случаѣ стараться вамъ долженствуетъ. Что жъ по пріѣздѣ къ вамъ тѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ произойдетъ, меня увѣдомить, во ожиданіи чего пребываю съ своимъ къ вамъ почтеніемъ.

Вашего высокоблагородія, государя моего, покорный
слуга Иванъ де-Медемъ.

*

№ 80. Получено 11 Марта 1774 года.

Указъ Ея Императорскаго Величества изъ Астраханской губернской канцеляріи по иностранной экспедиціи г-ну полковнику, кавалеру и Кизлярскому коменданту Штендеру.

Минувшаго Февраля 22 числа сего года Нѣжинской мѣщанинъ Николай Ренталь поданнымъ въ губернскую канцелярію рапортомъ представилъ, что получилъ ояъ письменное извѣстіе отъ находящагося

въ Кизлярскихъ батальонахъ секундъ-маіора Храблева, яко отправлен-
ный отсюда, по Высочайшему соизволенію, по Каспійскому морю Физиче-
ской экспедиціи гд-нъ проеессоръ, а его Ренталя зять, Гмелинъ взятъ
въ горы на баранту владѣльцомъ Уцміемъ, что подтвердилъ ему Рен-
талю и пріѣхавшій нынѣ изъ Кизляра корпуса его высокопревосхо-
дительства гд-на генераль поручика и кавалера Ивана Ѳедоровича Де-
медема присланной отъ него капитанъ Луксъ. Того ради, по указу Ея
И. В. и по опредѣленію Астраханской губернской канцеляріи, велѣно
ко упоминаемому владѣльцу Уцмію подѣ приличными видами писать,
и писано, съ требованіемъ, чтобы онъ благоволилъ, по его къ Россій-
ской сторонѣ доброжелательству, помянутаго проеессора Гмелина, какъ
посланнаго туда по Высочайшему соизволенію, изъ удержанія со всею
свитою высвободить, и приказаль, буде онъ профессоръ еще свою ко-
миссію не докончилъ, то и оную ко окончанію привести ему дозволилъ
и имѣлъ всякое вспоможеніе, для чего подѣ видомъ того здѣшняго
къ нему дружелюбія послано къ нему алаго сукна восемь аршинъ,
штофу золотого восемь аршинъ, да ближнимъ его узденямъ тремъ чело-
вѣкамъ по четыре аршина. А чтобъ во исходатайствованіи его профес-
сора изъ рукъ того Уцмія просьбами своими приложили все усердныя
старанія свойственникомъ его Уцмія доброжелательной къ здѣшней сто-
ронѣ Кубинской и Дербентской Ѳетхъ-Али-ханъ да, по дружелюбію съ
нимъ Уцміемъ, горской владѣлецъ Тиссіясъ Бамотамъ, а ихъ поощрили
бы Тарковской шемхаль и горской владѣлецъ Буинагъ Бамать, для
чего и къ нимъ подѣ претекстами таковыя жъ просительныя письма от-
правлены, а находящемуся въ Кабардѣ съ корпусомъ его в. пр-ву
гд-ну генераль-поручику и кавалеру Ивану Ѳедоровичу Демедему
сообщить, а къ вамъ послать указъ и требовать, по ближайшему ва-
шему къ Уцмію пребыванію, о высвобожденіи его профессора и съ
своей стороны, по благому вашему разсужденію, всеусильней той къ
нему Уцмію употребить просьбы, къ чему какіе есть ему Уцмію свой-
ственники и дружелюбцы свѣдущіе есть, пристойнымъ образомъ скло-
нить, для чего по часту, какъ ему Уцмію, его родственникамъ и дру-
желюбцамъ напоминать, и какія на то отъ кого отзывы быть могутъ,
въ губернскую канцелярію давать знать. Какого-жъ содержанія помя-
нутыя письма, съ нихъ для вашего свѣдѣнія при семъ прилагаются
копіи, съ чемъ совѣмъ ради скорѣйшаго доставленія отправленъ
отсюда нарочной, и когда оной въ Кизляръ прибудетъ, то, принявъ
вамъ отъ него депешы и подарки, и со оными, а при томъ буде слу-
чится къ кому просительныя о профессорѣ письма, и отправить все
оное, по надлежащему порядку, для доставленія каждому своего безъ
всякаго время продолженія изъ дворянъ или жъ изъ горскихъ кня-

зей кого вы за способнаго признать можете, съ надежнымъ къ тому человѣкомъ, а лучше-бъ кто изъ князей былъ познатнѣе, и съ достаточнымъ наставленіемъ, предписавъ ему во ономъ во первыхъ ѣхать ему ко владѣльцу Уцмію, которому какъ письмо и подарки и узденямъ его доставить вѣрно, ежели жъ чрезъ то онъ Уцмію ко освободѣ профессора Гмелина окажется склоннымъ и дѣйствительно отпустить, въ такомъ случаѣ къ прочимъ ханамъ посланныхъ писемъ уже не отвозить, а привести ему оныя въ Кизляръ, откуда и сюда доставить, а буде онъ Уцмію на увольненіе не согласится, въ такомъ уже случаѣ по адресу кому которое слѣдуетъ доставить вѣрно, безъ всякаго продолженія времени, и гд-ну полковнику, кавалеру и Кизлярскому коменданту учинить о томъ по сему Ея И. В-ва указу, а къ гд-ну генераль-поручику и кавалеру Демедему объ ономъ сообщено. Марта 7 дня 1774 года.

Михаилъ Барановъ.

(Губернаторскій товарищъ Астраханскаго губернатора).

Регистраторъ подканцеляристъ Иванъ Бакаевъ.

Копія.

Высокодостойный и высокопочтенный гп-динъ Дербенской и Кубинской Оетхъ-Али-ханъ.

На сихъ дняхъ здѣшнему правительству извѣстно быть стало, что свѣдущій вашему высокопочтенству находившейся въ Персіи посланной туда по Высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества, Всеавгустѣйшей Монархини Всероссийской, Всемилоствѣйшей Государыни нашей отъ Императорской академіи наукъ къ прибавленію надобности натуральной исторіи знающей и ученой человѣкъ, гд-нъ профессоръ Гмелинъ свойственникомъ вашего высокопочтенства почтеннымъ гд-номъ Тарковскимъ владѣльцемъ Уцміемъ захваченъ въ баранту и содержится при немъ безъ всякой причины; а какъ онъ гд-нъ профессоръ въ ваши и Тарковскіе предѣлы отправленъ по всевысочайшей волѣ Ея И. В-ва, въ такомъ случаѣ, вѣдая вашего высокопочтенства къ сторонѣ всемилоствѣйшей нашей Государыни оказуемое издревле добросердіе и благоугожденіе, дабы онъ гд-нъ профессоръ, яко отправленной, по Ея Императорскому соизволенію, на дальнѣйшее время въ предудержаніи не оставался, а какъ неискорѣе желаемое Ея И-мъ В-мъ исполнено и сюда доставлено было, здѣшнее правителство принужденнымъ нашлось вашего высокопочтенства дружески просить объявленному гд-ну профессору Гмелину у свойственника вашего почтеннаго гд-на Тарковскаго владѣльца Уцмія свободу нсходатайствовать, и ежели чего

имъ гд-номъ профессоромъ, по возложенной на него комисіи, въ предѣлахъ его почтеннаго владѣльца Уцмія не окончено, приказано бѣ было докончить и спросить съ тѣмъ, чтобъ ему почтенному гд-ну профессору, какъ и отъ вашего высокостепенства происходило вспоможеніе чинено было, за кое отъ него опредѣляемымъ его почтеннаго владѣльца людямъ и заплачено быть имѣеть, чемъ ваше высокопочтенство паче перваго доказать можете Ея Величеству свою усердность, за каковую во исполненіе всевысочайшей Ея И. В-ва воли оказанную вами и свойственникомъ вашимъ почтеннымъ владѣльцемъ Уцміемъ по дружбѣ къ нашей сторонѣ изъ благоусердія услугу всемилостивѣйшая наша великая государыня соизволить принять за благое угожденіе и не оставитъ оказать высочайшее свое снисхожденіе, о чемъ изъ здѣшняго правительства къ нему почтенному господину Уцмію, такъ же и Тарковскому шемхалу и брату вашего высокопочтенства почтенному владѣльцу Буйнагъ-Баматову писано. Ожидаемъ всякаго отъ вашего высокопочтенства удовольствія. Со особливѣйшимъ нашимъ къ вамъ почтеніемъ навсегда пребываемъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской всемилостивѣйшей великой Государыни нашей Императрицы губернаторскіе товарищи коллежскій совѣтникъ Михаилъ Барановъ, князь Николай Долгоруковъ.

28 Февраля 1774 года.

*

Письмо ген.-поручика Демедема Кизлярскому коменданту Штендеру отъ 3 Апрѣля 1774 г. изъ Моздока.

На рапортъ вашего высокоблагородія, вчерашній день ко мнѣ присланный, въ наставленіе предписывается.

Нѣтъ другого способа во освобожденіи задержаннаго профессора Гмелина съ командою, какъ только употребить къ тому Андреевскихъ владѣльцевъ, а особливо Темира Хамзина, которыхъ ваше высокородіе извольте съ полученія сего немедленно, не доводя вдаль, къ нимъ послать и призвать въ Кизляръ, употребя къ сему дѣйствительному исполненію мой совѣтъ: по пріѣздѣ тѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ въ Кизляръ, объявить имъ, чтобъ они совершенно того профессора старались выручить, какъ онъ особливо изъ-за нихъ, а ни за что другое и задержанъ, ибо они способъ къ сему освобожденію достаточный имѣютъ, яко то, чтобъ они употребляли въ сіе особливо Тарков-

скаго шемхала, брата Беззубова, который ему, Темиру, довольный другъ, а ему, Беззубому, объявленный Уцмій, сей послѣдній, ничего безъ него не можетъ въ прочихъ дѣлахъ дѣлать. А безъ того въ выручкѣ онаго бесполезно. Если Темиръ посылкою своею къ нему не согласить шемхалова брата и не выручить профессора, задержать его и еще хотя одного съ нимъ владѣльца въ Кизлярѣ, а чрезъ то скорѣе можно желаемое въ пользу получить, объявя между прочимъ имъ: есть ли они къ сему употребятъ дѣйствительность и высвободятъ профессора, то за то получаютъ высочайшую милость и награжденіе, нежели ему, Уцмію, какъ варвару, тридцать тысячъ давать денегъ, и что вы по сему предъуспѣете, меня увѣдомить, однакожь, сіе дѣло дѣлать какъ скоро можно, не отлагая далѣе.

Иванъ Де-Медемъ.

*

Письмо Гмелина, полученное 24 Апрѣля 1774 г.

Его высокоблагородію господину полковнику и кавалеру и Кизлярскому коменданту Иванъ Ивановичу фонъ-Штендеру.

Казанищенскій владѣлецъ Дисисъ-Магметъ, при отъѣздѣ своемъ отъ Усмея, призвавъ меня, объявилъ, что онъ у Усмея меня выпросилъ и чтобы я точно былъ увѣренъ, что онъ черезъ десять дней пріѣдетъ опять сюда, и меня непременно возьметъ, а между тѣмъ временемъ долженъ онъ поговорить съ Темиръ-Булатъ Черкасскимъ и есть ли то готово, что ему Темиръ-Булатъ обѣщалъ, то онъ немедленно меня возьметъ; при томъ меня просилъ, чтобъ я объ этомъ къ вамъ и Темиръ-Булату Черкасскому написалъ, что я и учинилъ, прося ваше высокоблагородіе, чтобы вы его удовольствовали обѣщаніями, какихъ обстоятельства потребуютъ и какія безъ дальнихъ слѣдствій учинить можно. А Уцмей на представленіе словесное дворянина Филатова отвѣтствовалъ, что ему отпустить меня не можно прежде, нежели судъ съ Андреевцами по ихъ законамъ и обычаямъ отъ вашего высокоблагородія учиненъ будетъ, а о деньгахъ сказалъ, что онъ это представилъ для того, что, можетъ-быть, Андреевцамъ легче покажется деньги отдать вмѣсто Терекеменискихъ Татаръ. Когда же ему Филатовъ представилъ, что Темиръ Андреевскій ему братъ, и что они по дружбѣ и братству могутъ между собою разобратъ безъ дальнихъ ссоръ и захватовъ Россійскихъ людей, Уцмей на то сказалъ, что это правда, что онъ ему братъ, но онъ много захватывалъ ихъ людей за баранту, однако не получилъ своихъ Терекеменицовъ, а какъ

недавно увѣдомился, что Андреевцы наши подданные, то онъ нашихъ Россійскихъ людей захватилъ, надѣясь, что Россія принудитъ Андреевцевъ его удовольствовать. О всемъ семъ Филатовъ и студентъ Михайловъ вамъ обстоятельнѣе донесутъ. Чтожъ до меня касается, я не могу понять, для чего Уцмей отъ Россіи требуетъ то, что находится у его брата, и не знаю, который меня обманываетъ, Уцмей или Дисисъ-Магметъ. Есть ли сей послѣдній правду мнѣ обѣщаль, то ваше высокоблагородіе покорнѣйше прошу его обѣщаніями удовольствовать и склонить къ тому, чтобы онъ меня немедленно взялъ, ибо время медленности не требуетъ. На Уцмея Феть-Али ханъ войною идетъ, и Уцмей уже по лѣсамъ ночуетъ, со дня на день непріятеля ожидая. Я опасуюсь, чтобъ въ этомъ смятеніи, отъ Уцмея въ отчаяніи, или отъ сборищнаго варварскаго, изъ разныхъ народовъ состоящаго, Феть-Али ханова войска какого зла мнѣ съ людьми не причинилось. При томъ разсудите, какая остановка во всѣхъ дѣлахъ, до должности моей касающихся, отъ долговременнаго моего здѣсь пребыванія происходитъ. Есть ли же на Дисисъ-Магмета надежды нѣтъ, то паки принуждать усильнѣйшимъ образомъ Андреевцевъ, всему моему несчастью виновныхъ, чтобы меня выручили. Многіе Андреевцы сюда пріѣзжаютъ, и не знаю для чего ложные слухи распускаютъ, будто Крымъ у насъ отнять, Моздокъ и Кизляръ и Казань взяты; также извѣстно, что многіе изъ Терекменцовъ, въ Андрееву деревню ушедшихъ, хотятъ паки къ Уцмію возвратиться; такъ же изъ Андреевой деревни слухъ палъ, будто вы просили Шамхала и Феть-Али-хана, чтобы или украсть, или силою взять, что Уцмей самъ Филатову объявилъ. При томъ Темиръ Андреевскій Уцмею другъ, а Шамхаль непріятель, да и Шамхаль радъ, что меня задержали и не выпускаютъ. Всѣ сіи обстоятельства вашему высокоблагородію извѣстнѣе, нежели мнѣ; мнѣ только остается въ заключеніе васъ покорнѣйше просить, чтобы какимъ-нибудь образомъ скорѣе меня выручить для вышесписанныхъ обстоятельствъ.

Профессоръ Гмелинъ.

Изъ Берекея 20 дня Апрѣля 1774 года.

*

Извѣстно вашему высокоблагородію, что я въ началѣ сего года изъ города Баку приличнымъ сообщеніемъ просилъ васъ, дабы благоволили, какъ мнѣ въ силу инструкціи моей изъ Дербента въ Кизляръ сухимъ путемъ ѣхать непремѣнно должно, прислать мнѣ въ Дербентъ такую военную команду, какую довольною разсудить для безопаснаго меня провозженія отъ Дербента до Кизляра, при томъ я

упомянулъ, не получивши такой команды или отвѣта, что сухимъ путемъ ѣхать опасно, изъ Дербента не выѣду. На мою просьбу вы согласились, прислали мнѣ команду, въ 25-ти человекѣхъ состоящую, и при ней отвѣтъ на мое сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, о Уцмѣѣ писали, чтобы я его, по причинѣ его отъѣздовъ, приласкалъ подарками. Отъѣздъ на Россійскомъ языкѣ значить отвѣтъ или отказъ; а какіе эти отъѣзды были, того не упомянуто; а о опасности ни слова также не было упомянуто. Такимъ образомъ, положась на ваше знаніе, команду и мурзъ, отъ васъ присланныхъ, отправился я изъ Дербента и Хайдатскимъ Уцмеемъ пойманъ и ограбленъ, конвой почти весь и мурзы отпущены, а я удержанъ за баранту, о чемъ Уцмей и писалъ тогда къ вамъ. Хотя отъ Уцмеева владѣнія до Кизляра въ 8 дней удобно взадъ и впередъ съѣздить можно, однако отъ васъ черезъ семнадцать дней письмо къ Уцмею прислано, которымъ вы требовали, чтобы онъ меня немедленно отпустилъ, писано такъ же было и отъ его превосходительства господина генераль-поручика и кавалера Ивана Федоровича де-Медема о томъ же но Уцмей совсѣмъ отказалъ и письменно вамъ объявилъ, что не токмо меня не отпустить, но и всякихъ Россійскихъ людей, черезъ его владѣніе проѣзжающихъ, ловить и удерживать будетъ, пока двухсотъ семей Терекменцовъ и осмидесяти Жидовъ, за тридцать предъ симъ или болѣе лѣтъ отъ него въ Андрееву деревню бѣжавшихъ, не получить. При томъ и я къ вашему высокоблагородію писалъ, изъяснивъ вамъ бѣдность моего состоянія и прося о скоромъ избавленіи, но въ три недѣли никакого отъ васъ отвѣта не получилъ. Между тѣмъ Уцмей мнѣ объявилъ, что онъ за Терекменцовъ своихъ можетъ деньги взять, и тридцатью тысячами рублевъ доволенъ будетъ; при томъ требовалъ, чтобы я объ этомъ написалъ, и самъ отъ себя письмо о томъ же къ вамъ послать обѣщавъ, что и учинено; и я послалъ къ вамъ студента моей экспедиціи Ивана Михайлова, чтобы словесно вамъ все состояніе дѣла изъяснилъ; при томъ и письменно вамъ требованіе Уцмеево объяснилъ, прося такъ же, чтобы вы, по благоразумію вашему, меня освободить постарались. Какъ я ожидалъ Михайлова возвращенія, пріѣхавъ къ Уцмею посланный отъ Андреевскихъ владѣльцовъ Казанищенскій владѣлецъ Дисисъ-Магметъ требовать меня отъ Уцмея и ему объявилъ, что онъ за мною только пріѣхавъ и не отъѣдетъ, пока меня не выпросить. Въ тотъ день, когда онъ отъ Усмея поѣхавъ, по утру онъ Дисисъ - Магметъ меня позвалъ и мнѣ чистосердечно, повидимому, объявилъ, что онъ съ Уцмеемъ дѣло о моей свободѣ окончилъ, что черезъ десять дней назадъ пріѣдетъ и меня возьметъ. Черезъ восемь дней потомъ Михайловъ пріѣхавъ, и съ нимъ дворянинъ Филатьевъ,

съ письмами отъ васъ къ Уцмею посланной, но оба они никакой помощи мнѣ не привезли, выключая малое число провіанта и обстоятельное извѣстіе о состояніи дѣла моего. Ибо Уцмей дворянину о выпускѣ моемъ, именовъ вашимъ просящему, отказалъ и требовалъ, чтобы люди его ему были отданы. По приѣздѣ дворянина на другой день, т. е. 21 Апрѣля, Уцмей въ горы меня отвести приказалъ, въ деревню Маджались, гдѣ я и теперь нахожусь въ крайней бѣдности, и шестую уже недѣлю ожидаю вашего вспоможенія, но тщетно, а что впредь послѣдуетъ, не знаю. Между тѣмъ должность моя и дѣла государственныя, мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества порученныя, понуждаютъ меня объявить вамъ слѣдующее. Хотя всѣ Академическія, Астрономическія и Физическія экспедиціи особливимъ благоволеніемъ наслаждаются отъ ея Императорскаго Величества и всѣ имяннымъ высочайшимъ ея повелѣніемъ учреждены и отправлены по государству; однако мнѣ порученная особливую милость и матернее попеченіе Ея Императорскаго Величества чувствовать счастье имѣлъ; ибо кромѣ онаго общаго о всѣхъ экспедиціяхъ имяннаго повелѣнія, во всѣ губерніи посланнаго, Ея Императорское Величество о моей экспедиціи два особливыхъ имянныхъ указа къ бывшему Астраханскому губернатору Бекетову послать благоволила; первый о отправленіи меня въ Персію, а другой,—чтобы меня отправить на восточный берегъ моря Каспійскаго, въ которомъ Ея Императорское Величество бѣдльшее, нежели матернее, къ моей экспедиціи благоволеніе оказать изволила; ибо, между прочимъ, Астраханскому губернатору повелѣла, дабы онъ мнѣ объявилъ, чтобы въ бытность мою на восточномъ берегу далѣе отъ берега не удалялся; дабы хотя я и попадусь въ варварскія руки, можно было меня возвратить. Но тамъ стараніемъ Астраханскаго губернатора и губернской канцеляріи не токмо никакого несчастія мнѣ не приключилось, но и великая честь во всѣхъ мѣстахъ оказана. Изъ сего слѣдуетъ, что когда Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая самодержица наша, Астраханскій губернаторъ и губернская канцелярія толикое попеченіе о безопасности, предосторожности и выгодахъ моей экспедиціи приложили, то правда требуетъ, чтобы всякій Россійскій комендантъ равное стараніе возымѣлъ, а особливо ваше высокоблагородіе, потому что вы приняли на себя изъ Дербента въ Кизляръ препроводить. Но вмѣсто того, чтобы мнѣ теперь быть въ Кизлярѣ или Петербургѣ, сию четвертый уже мѣсяць въ крайней бѣдности, нищетѣ и отчаяніи за препровожденіемъ и стараніемъ вашимъ. Ибо есть ли бы вы въ Дербентъ ко мнѣ команды оной малой не прислали и написали, что ѣхать опасно сухимъ путемъ, я бы обратно въ Баку отправился на судно мое и

теперь давно бы былъ въ Россіи. Но понеже такъ сдѣлалось, и я пойманъ отъ Уцмея, отъ первыхъ дней Февраля мѣсяца, по сіе время можно бы изыскать способъ къ моему освобожденію, и вы имѣли изрядный, но не знаю для чего его упустили, а именно: Андреевскихъ владѣльцевъ задержать и по тѣхъ поръ не пускать, пока бы я возвратился. Ибо за нихъ я задержанъ, и такъ праведно было за меня ихъ задержать. Но какъ прошедшаго возвратить не можно, и что уже сдѣлано, того передѣлать нельзя, то я ваше высокоблагородіе покорно прошу отъ сего времени больше обо мнѣ попеченіе возымѣть, нежели прежде, и мое дѣло причестъ къ другимъ вашимъ дѣламъ, которыя поважнѣе обыкновенныхъ, и наконецъ исторгнуть меня изъ рукъ непріятельскихъ, въ чемъ, дабы вы успѣть могли, предложу вамъ способъ, который самъ Уцмей, въ ужасъ отъ Фетъ-Али-хана и шамхала приведенный, мнѣ подаль. За десять дней предъ симъ прислалъ онъ ко мнѣ Андреевскаго у него для обученія дѣтей живущаго попа объявить, что онъ отъ Андреевцевъ ни людей своихъ, ни денегъ не требуетъ, а только хочетъ, чтобы они съ нимъ попрежнему въ союзѣ жили, и въ случаѣ нужды вспоможеніе давали; что ежели Андреевцамъ Россія дозволить, онъ обѣщаетъ меня отпустить. И такъ мнѣ предложилъ, чтобы я отъ себя человѣка съ письмами послалъ къ вамъ и самъ своего послать обѣщаль; но прежде хотѣлъ послать къ Дисисъ-Магмету просить совѣта. Посланный отъ Дисисъ - Магмета третьяго дня пріѣхалъ и объявилъ, чтобы Уцмей на Андреевцевъ не надѣялся. И такъ онъ послать людей къ вамъ отказалъ. Но какъ я его просилъ, чтобы онъ мнѣ дозволилъ своего человѣка послать и дать знать вамъ о его требованіи; онъ согласился. Сей случай я употребилъ въ пользу и послалъ къ вамъ того же студента Ивана Михайлова, который вамъ всѣ обстоятельства изъяснить. Впрочемъ, мое мнѣніе есть слѣдующее. Изъ всѣхъ рѣчей и обстоятельствъ видно, что Андреевцы хотятъ съ нимъ въ дружбѣ жить и вспоможеніе давать; такимъ образомъ можно имъ дозволить, чтобы они въ этихъ дѣлахъ сами между собою разбирались, какъ вы о Терекменцахъ къ Уцмею писали; есть ли же не хотятъ подлинно, какъ Уцмей сказалъ, то ничего другого не остается, какъ ихъ усиленно принудить, чтобы меня возвратили; понеже я за нихъ содержусь въ плѣну. Впрочемъ все на ваше разсужденіе оставляю; только васъ увѣряю, что каждая недѣля моего здѣсь пребыванія великія препятствія въ дѣлахъ моей экспедиціи причиняетъ, или, лучше сказать, совсѣмъ оныя остановила; отъ чего коликкой ущербъ казнѣ государственной, а особливо Академіи Императорской, сами вы разсудить можете. Наконецъ, ваше высокоблагородіе прошу, дабы вы благоволили такія мнѣ вспоможенія въ

сей крайней бѣдности оказать, какихъ студентъ Михайловъ моимъ именемъ отъ васъ просить будетъ, а особливо посылать ко мнѣ всякую недѣлю извѣстія и нужнѣйшій провіантъ, ибо Уцмей посланныхъ не задерживаетъ; при томъ есть ли что темно вамъ въ сообщеніи семь попадется, онъ вамъ изъяснить, и все, о чемъ онъ васъ словесно или письменно просить будетъ, за мою истинную просьбу почитайте, а особливо извѣстія частыя и провіантъ посылать, есть ли мнѣ избавленіе не скоро послѣдуетъ, ибо нѣтъ ничего бѣднѣе, какъ сидѣть у непріятеля въ гладъ и отчаяніи. А вамъ никакого труда не состоитъ дворянина сюда послать съ нужными вещами.

Самуель Гмелинъ.

Изъ Маджалиса съ Кавказскихъ горъ.

23 Мая 1774 года.

*

При указѣ отъ 24 Іюня 1774 г. Астраханская губернская канцелярія прислала Кизлярскому коменданту Штендеру, адресованное на его имя, письмо отъ графа Никиты Ивановича Панина.

№ 209. Получено 1 Іюля 1774 года въ Кизлярѣ.

Государь мой Иванъ Ивановичъ!

Задержаніе, учиненное совсѣмъ неожиданнымъ образомъ профессору Гмелину на проѣздѣ его изъ Персіи владѣльцемъ Хайдатскимъ Уцмиемъ, хотя и неизвѣстно теперь здѣсь въ какихъ обстоятельствахъ остается, но по принятымъ къ выроченію его со стороны вашей мѣрамъ, о которыхъ вы донесли сюда совокупно какъ и о самомъ семъ случаѣ, чаятельно долженъ былъ уже сей варварскій владѣлецъ требованіи ваши о томъ принять въ достойное уваженіе.

Такимъ образомъ и ожидается вскорѣ отъ васъ извѣстіе, что захваченный профессоръ, о изторженіи котораго изъ рукъ варварскихъ и уничтоженіи тѣмъ происшедшаго въ сосѣднихъ вашего края народахъ соблазна, вы по долгу вашего званія все возможное стараніе по нынѣ употребили, дѣйствительно уже получилъ свободу, или же по крайней мѣрѣ вскорѣ освобожденъ будетъ, въ противномъ же случаѣ, еслибъ Хайдатскій владѣлецъ еще, ни на что несмотря, непреклоннымъ былъ, вы находитесь въ подвигѣ къ тому его убѣдить и принудить продолжаемыми сильными увѣщаніями или посредствомъ владѣльцевъ Кумыцкихъ, которые должны о томъ стараться, какъ здѣшніе подданные и какъ относящіеся къ нимъ единственно Хайдатскаго владѣльца претензіи и поводъ ему подавшіе къ тому насильному поступку.

Между тѣмъ приложенное при семъ письмо къ помянутому профессору препоручаю я вамъ, государь мой, гдѣ бѣ онъ нынѣ ни находился, доставить къ нему навѣрнѣйшимъ образомъ, употребля къ тому такое средство, какое наилучше за благо изобрѣтете по вашему на мѣстѣ усмотрѣнію.

Я пребуду въ прочемъ съ особливимъ къ вамъ уваженіемъ и доброжелательствомъ, государь мой, вашего высокоблагородія графъ Н. Панинъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ
4 Іюня 1774 года.

*

Въ Кизлярскую комендантскую канцелярію.

Какъ я больше уже года нахожусь въ чужихъ краяхъ и съ перваго дня Октября 1774 года со всею моею экспедиціею жалованья не получалъ, того ради Кизлярскую комендантскую канцелярію покорно прошу, дабы благоволила въ силу приложеннаго при семъ изъ статей-конторы указа на всю мою экспедицію за двѣ трети, то-есть съ перваго дня Октября 1773 года по первый день Іюня нынѣшняго, выдать жалованіе, кое я поручилъ принять студенту моей экспедиціи Ивану Михайлову, который въ пріемъ оныхъ денегъ и распишется, а двутретнее всѣхъ чиновъ, въ экспедиціи моей находящихся, жалованье составляетъ сумму тысячу четыреста семь рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ, которое число и прошу выдать оному студенту. Изъ деревни Маджалиса Маія 28 дня 1774 года. Профессоръ Гмелинъ.

*

Коменданту Штендеру.

Уцмей на ваши ласковыя письма не склоняется, но еще больше гордится и грозитъ, какъ вы изъ письма его увидите, и дворянинъ Тарасовъ вамъ расскажетъ. Чего онъ требуетъ, я не знаю, только думаю, что лучше его удовлетворить поскорѣе и меня взять; есть ли онъ только требуетъ, чтобы Андреевцы къ нему на помощь пришли, то можно имъ сіе позволить съ тѣмъ, чтобы я немедленно былъ отданъ, и въ Петербургъ отписать, что для сей нужды это имъ дозволено. Я нахожусь при смерти, а Уцмей грозитъ не знаю что сдѣлать надо мною, а дѣлать ему осталось двѣ крайности: или умертвить меня гладомъ, либо оружіемъ или продать. Обо всѣмъ васъ обстоятельно увѣдомить дворянинъ Тарасовъ; я вамъ только напоминаю, чтобы полезное было для Россіи, чтобы варвары воевали противъ варваровъ, и другъ друга погубили, нежели, чтобы я пропалъ. Итакъ я думаю лучше бы позволить или приказать Андреевцамъ идти на помощь къ Уцмею, нежели приказывать имъ отказываться отъ дружбы Диснсъ-

Магмета и Али-Султана, чего Уцмей не бонется; ибо знаетъ, что они за Россію не стануть съ нимъ воевать и, можетъ-быть, Андреевцы притворно съ ними подружились, а внутреннѣ въ томъ же союзѣ находятся, и будутъ тайно помощь посылать. Всего бы лучше было всѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ и лучшихъ узденей, зазвавъ въ Кизляръ, посадить въ аманатный дворъ съ такимъ объявленіемъ, что по тѣхъ поръ выпущены не будутъ, пока я не приѣду въ Кизляръ, и приказать имъ посылать своихъ лучшихъ людей къ Уцмею разбираться по своимъ законамъ и его удовольствовать или деньгами, или людей его отдавъ, или трактаты съ нимъ заключа; а имъ сказать, что Россія за нихъ тридцать тысячъ денегъ не отдасть.

Профессоръ Гмелинъ.

Изъ Ахметъ-Кенпса,
11 дня Іюля 1774 года.

*

Г. полковнику и Кизлярскому коменданту Ив. Ив. Штендеру отъ оставшейся господина профессора экспедиціи физической, сообщеніе.

По кончинѣ господина профессора Гмелина, какъ я со всею находящеюся тамъ командою выпущенъ былъ, дошедши до Тарху ¹⁾, понеже казаки пѣшкомъ идти болѣе силы не имѣли, принужденъ я былъ нанять девять лошадей за двадцать пять рублей со всѣмъ и съ проводниками, съ такимъ условіемъ, чтобы имъ въ тотъ же день, какъ приѣдемъ, отдать помянутое число денегъ. А какъ оныя лошади для казаковъ единственно наняты, и я никакихъ денегъ не имѣю; того ради ваше высокородіе покорно прошу, дабы благоволили приказать объявленное число денегъ выдать Тарковскимъ онымъ людямъ, коихъ при семъ вашему высокоблагородію представляю ²⁾.

Академинъ наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 1 дня
1774 года.

¹⁾ Тарки, резиденція шамхала Тарховскаго, нынѣ находится въ Дагестанской области. П. Ю.

²⁾ О выдачѣ просимыхъ денегъ комендантская канцелярія обратилась (1 Іюля) въ воеводскую канцелярію; но послѣдняя выдать ихъ отказалась, потому якобы, что въ наличности такой суммы въ „рентеріи“ нѣтъ, а если есть серебряною монетою 850 руб. конфискованныхъ денегъ, то оныхъ воеводская канцелярія „къ отпуску учинить безъ позволенія главной команды не можетъ“ а „у здѣшнихъ купцовъ заимообразно сыскать не у кого“. За всѣмъ тѣмъ, разсуждала канцелярія, „рѣченному студенту въ пріемъ и роспискѣ въ шнуровой книгѣ должно имѣть у себя отъ профессора вѣрующее письмо, кое должно сообщено быть въ документъ“ Вслѣдствіе этого Кизлярскій воевода адресовался въ Астрахань. Указъ изъ губернской канцелярія немедленно о выдачѣ денегъ съ строгимъ выговоромъ воеводѣ полученъ въ Кизлярѣ уже тогда, когда Гмелина не было уже въ живыхъ. П. Ю.

*

Какъ съ начала плѣненія господина профессора Гмелина до самой кончины его разные способы употреблены были освобожденію его, и между тѣмъ разные денежные расходы потребны были, и при томъ и Астраханская губернская канцелярія прислала нѣкоторые подарки для вырученія его, и хотя ваше высокоблагородіе сами отпѣшите обо всемъ семъ въ Императорскую Академію Наукъ и въ другія пристойныя мѣста, однако должность требуетъ, чтобы и оставшаяся теперь безъ предводителя Академическая физическая экспедиція рапортомъ представила въ Академію о кончинѣ господина профессора и о всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ до экспедиціи касающихся, такъ же и о денежныхъ расходахъ, кои ваше высокоблагородіе употребили для вырученія его на счетъ его экспедиціи. Того ради ваше высокоблагородіе покорно прошу, дабы благоволили приказать дать къ намъ въ экспедицію извѣстіе, сколько денегъ для вырученія господина профессора употреблено на счетъ экспедиціи, и въ какихъ вещахъ состоятъ оныя подарки изъ губернской канцеляріи присланные, и какой цѣны они стоятъ, чтобы можно было безъ ошибки рапортомъ отъ экспедиціи представить о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ въ Императорскую Академію Наукъ.

Академіи Наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 2 дня 1774 года.

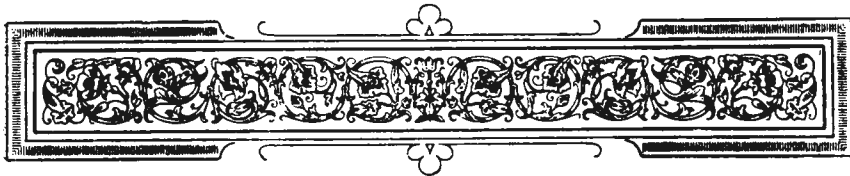
*

Понеже два только человекъ насъ до экспедиціи покойнаго господина профессора Гмелина принадлежащихъ находится, а именно: я студентъ и рисовальщикъ Бауръ, и дѣла здѣсь никакого болѣе не имѣемъ; того ради прошу покорнѣйше ваше высокоблагородіе отправить насъ въ будущую недѣлю въ Астрахань, и для того дать намъ одну двуконную арбу за казенные прогоны, кои прошу здѣсь подводчикамъ заплатить, и сверхъ сего приказать для провожанія и безопасности опредѣлить намъ надлежащій конвой до Астрахани.

Академіи Наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 2 дня 1774 года.

Л Е Д А *).

Забытое стихотвореніе Е. А. Баратынскаго.

Въ странѣ роскошной, благодатной,
Гдѣ Евротейскій древній токъ
Среди долины ароматной
Катится свѣтель и широкъ,
Вдоль берега Леда молодая,
Еще не мысля, не мечтая,
Стопами тихими брела.

*

Ужъ близокъ полдень; небо знойно.
Кругомъ все пусто, все спокойно,
Рѣка прохладна и свѣтла;
Брега стрегутъ кусты густые..
Покровы пали на цвѣты,
И Леды прелести нагія
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользить по нимъ она;
Роскошно пѣнясь, перси полны
Лобзаеть жадная волна.

*

Но зашумѣлъ тростникъ прибрежный,
И лебедь стройный, бѣлоснѣжный
Изъ-за него явился ей.
Сначала онъ, чуть зримый окомъ,
Блуждаетъ въ оплывѣ широкомъ
Кругомъ возлюбленной своей;
Въ пучинѣ часто исчезаетъ,
Но сокрываясь отъ глазъ
Изъ водъ глубокихъ выплываетъ
Все ближе къ милой каждый разъ.

*) Подражаніе стихамъ Парви Léda.

*

И вот плыветъ онъ рядомъ съ нею,
 Ей смѣлость лебеда мила:
 Рукою нѣжною своею
 Его осанистую шею
 Младая дѣва обняла.
 Онъ жметъ къ дѣвѣ, онъ украдкой
 Ей перси нѣжныя клюетъ;
 Онъ въ пѣснѣ радостной и сладкой
 Какъ бы красѣ ея поетъ,
 Какъ бы поетъ живую нѣгу!
 Межъ тѣмъ влечетъ ее ко берегу.

*

Выходить на берегъ она.
 Уставъ, въ тѣни густого древа
 На мураву ложится дѣва,
 На длань главою склонена.
 Межъ тѣмъ не дремлетъ лебедь страстной.
 Онъ на колѣняхъ у прекрасной
 Напелъ убѣжище свое;
 Онъ сладкозвучно воздыхаетъ,
 Онъ влажнымъ клевоиъ вопрошаетъ
 Уста невинныя ея...

*

Въ изнемогающую дѣву
 Огонь желанія проникъ:
 Уста раскрылись; томну клеви
 Уже отвѣтствуетъ языкъ;
 Ужъ на глаза съ живымъ томленьемъ
 Набросивъ пышныя власы,
 Она нечаяннымъ движенъемъ
 Раскрыла всѣ свои красы...
 Пріютъ свой прежній покидаетъ
 Тогда нескромный лебедь мой;
 Онъ томно шею обвиваетъ
 Вкругъ шеи дѣвы молодой;
 Его напрасно отклоняетъ
 Она дрожащею рукой;
 Онъ завладѣлъ—
 Затрепеталъ крылами онъ,
 И вырывается у Леды
 И дѣтства крикъ, и нѣги стонъ.

(Мнемозина 1825 г.). Сообщено В. Я. Брюсовымъ.

П. Б

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ИЗДАТЕЛЮ „РУССКАГО АРХИВА“.

I. Князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Пришлите мнѣ, сдѣлайте милость, если можно, съ симъ почталіономъ десяточекъ экземпляровъ бѣлыхъ „Старинной пѣсни“¹⁾. Добрые люди шлютъ мнѣ книги со всѣхъ сторонъ—надобно отдаривать.

Кто такой Прохоровъ, сочинитель драмы „Мастеровой“? Если это первый опытъ молодого человѣка, то мы можемъ поздравить себя съ приобрѣтеніемъ огромнаго таланта.

Вамъ душевно преданный.

Кн. В. Одоевскій.

Вторникъ, 9 Апрѣля 1863 г.

*

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, корректура „съ приличною вашему изданію начинкою“. Извините, что задержалъ: для многаго надобно было рыться въ моей памяти; особенно затруднила меня хронологія писемъ Гоголя.

За нѣкоторыя исключенія не посѣтуйте; они были необходимы... еще бы бѣсъ не радовался и песь хвостомъ не вертѣлъ. О живыхъ нельзя говорить какъ о мертвыхъ.

По причинѣ начинки, усерднѣйше прошу о корректурѣ уже въ страницахъ. Душѣ моей противно являться въ публику неряхою: вѣдь она, какъ справедливо называлъ инвалидъ Скобелевъ, „матушка-командирша“. Ненависть моя къ опечаткамъ такова, что я ихъ поправляю вездѣ, гдѣ ни попадутся, даже въ книгахъ; но рука моя утомилась въ одной недавно отпечатанной въ типографіи Чуксина въ

¹⁾ Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г. кн. Одоевскій помѣстилъ съ своими замѣчаніями старинную пѣсню, относящуюся къ насильственному постриженію царицы Евдокіи Лукьяновны. П. Б.

Москвѣ: „Книга чудесъ“, перев. Хотинскаго. Посмотрите курьеза ради, напр., на стр. 16, 17, 21, 29 и проч., гдѣ внесены въ текстъ даже примѣчанія корректора для наборщика; а ужъ техническія, вообще иностранныя слова, безъ милосердія. Эту книгу стоитъ купить для сохраненія.

Всегда душевно уважающій кн. В. Одоевскій.

6 Апрѣля 1864.

*

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, податель сихъ строкъ нашъ извѣстный синологъ Константинъ Андріановичъ Скачковъ. Какъ увидите изъ его записки, у него есть собраніе Китайскихъ книгъ, кои онъ желалъ бы сбыть. Въ Москвѣ нѣтъ Китайскихъ книгъ. Не купить ли ихъ ваша Библіотека? ¹⁾ Цѣна ихъ небольшая и, вѣроятно, владѣлецъ согласится и на разсрочку. Достойно было бы Библіотекѣ Чертковской ввести и эту новость въ ручей нашего просвѣщенія. Какъ бы то ни было, вамъ вѣроятно будетъ пріятно познакомиться съ Константиномъ Андріановичемъ.

Вамъ душевно преданный кн. В. Одоевскій.

24 Сентября 1864.

Парижъ 1863. 20/8 Января.

II. Княгини Е. А. Долгорукой ²⁾.

Долго я не могла собраться въ свою очередь отвѣтомъ на письмо ваше, Петръ Ивановичъ, но не по какой-нибудь прихотливости нрава; а просто потому, что какъ-то особенно не здоровилось; тяжело и грустно было на душѣ все это время. Праздники всегда возбуждаютъ воспоминаніе о всемъ утраченномъ, о всемъ быломъ, чего ужъ нѣтъ, а на

¹⁾ Т.-е. библіотека Чертковская, которою тогда я завѣдывалъ. Конечно предложеніе не могло быть принято; но было пріятно знакомство съ К. А. Скачковымъ (товарищемъ М. Н. Каткова по Московскому университету). Онъ прожилъ много лѣтъ въ Китаѣ и, подобно Іакинфу Бичурину, сдѣлался лицомъ вылитый Китаецъ. Такъ сильная народность претворяетъ въ себя пришельцевъ. Изъ Китайской письменности въ Чертковской библіотекѣ имѣется Новый Завѣтъ въ Китайскомъ переводѣ. Его подарилъ библіотекѣ преосвященный Гурій Симферопольскій, бывшій настоятелемъ нашей Пекинской миссіи. П. Б.

²⁾ Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая (род. 19 Февраля 1811, † 14 Августа 1872 г.), единственная дочь Алексѣя Ѳеодоровича Малиновскаго. Мать ея, родственница и воспитанница княгини Дашковой, была родомъ Исленьева, а дѣдъ по отцу протоіерей и катихизаторъ Московскаго университета Ѳеодоръ Авксентьевичъ. Княгиня походила на него не только умомъ, но и наружностью, крайне невзрачною (какъ видно по гравированному портрету его). Княгиня получила отличное книжное образованіе и еще въ 1818 г. отецъ напечаталъ и издалъ въ Москвѣ переведенную ею на Нѣмецкій языкъ статью свою о памятникѣ Минину и Пожарскому. Впослѣдствіи она подружилась съ Лермонтовымъ, товарищемъ ея мужа князя Рос-

чужой странѣ, между совершенно чуждыми людьми, одиночество въ старости едва ли не чувствительнѣе. Просто, хандра нашла. Спасибо вамъ за доброе и любезное писаніе и за вѣсти о Москвѣ. Если вѣрить слухамъ и газетнымъ статьямъ, то у насъ на Руси все просіяло лучемъ надежды, спокойствія и благоденствія. Дай Богъ! А какъ посмотришь здѣсь на существующій порядокъ послѣ всѣхъ переворотовъ, благородныхъ стремлений и сумасбродныхъ низверженій: то право перестаешь вѣрить въ осуществленіе прогресса. Свѣтло, чисто на улицѣ, обѣды отличныя, квартиры разукрашенныя, библіотеки, музеи доступны всѣмъ; но вездѣ виднѣется страшная нищета и развратъ рядомъ съ роскошью и фразами о добродѣтели, учтивость вмѣсто чувства, алчность и зависть, общіе двигатели всѣхъ дѣйствій. Нѣтъ, Парижъ мнѣ не по нутру, Германія во сто разъ лучше. Мѣсяца черезъ полтора собираюсь выѣхать посмотрѣть на Италію, главное на Римъ. На-дняхъ происходило здѣсь торжественное *Ouverture des chambres*: кареты, напудренные кучера и лакеи въ атласныхъ кафтанахъ, а солдатовъ неисчисленное число. Умеръ *l'évêque de Paris*; *calamité religieuse* ¹⁾ просто привратили всю въ какую-то театральную; даже покойника нарумянили. Было бы смѣшно, если не было бы такъ грустно и пошло. Но я ужасно разворчалась, извините.

Скажу вамъ лучше про себя. Живемъ мы тихо и покойно, цѣлое утро занимаемся въ лабораторіи и посѣщаемъ лекціи, дочь рисуетъ, а я по утрамъ хожу въ древнія зданія и церкви; по вечерамъ чаще сидимъ дома въ троемъ, а иногда бываемъ въ театрѣ. Вотъ театръ, такъ правда, что прелесть! Наша квартира тоже въ двухъ шагахъ. Гулять есть гдѣ, и гулять можно всю зиму. Погода стоитъ все теплая, много кустарниковъ покрытыхъ листьями, букеты фіалокъ продаютъ на улицахъ. Въ концѣ Юлія ожидаю сюда старшаго сына съ семьей ²⁾. Вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ Алѣшѣ; надѣюсь, что Софья Даниловна здорова, совершенно оправилась и пополнила, поклонитесь ей

тислава Алексѣевича по службѣ ихъ въ Царскосельскомъ лейбъ-гусарскомъ полку, и съ Пушкинымъ, супруга котораго была Московскою подругою ея молодости. Лермонтовъ раскрывалъ передъ нею тайны души своей, а отъ умиравшаго Пушкина не отходила она по цѣлымъ часамъ и, стоя на колѣняхъ у его ложа, слышала его послѣдніе завѣты женѣ и друзьямъ. Повятно, какъ дорого мнѣ было знакомство ея, обратившееся въ дружбу. Подъ очарованіемъ ея бесѣды пропадало впечатлѣніе внѣшней неварачности, и съ нею можно было проводить цѣлый рядъ часовъ достопамятныхъ. Живучи въ Швейцаріи, она перевела по французски повѣсть Коханской „Кирилъ Петровъ и Настасья Дмитрова“ и напечатала въ какомъ-то журналѣ. П. Б.

¹⁾ Скорбь благочестія.

²⁾ Князя Владимира Ростиславича съ первою его супругою Полторацкою. П. Б.

отъ насъ, мы часто васъ вспоминаемъ. Увидимся ли еще разъ на бѣломъ свѣтѣ, а все-таки не забывайте и пишите. Что Елагины? Потрудитесь переслать мое письмо Авд. Петровнѣ. Расскажите, что дѣлается у васъ и около васъ. Желаю блестящаго успѣха „Русскому Архиву“. *) Прощайте, будьте въ теченіе новаго года счастливы и здоровы, сколько вамъ того желалось.

Ек. Долгорукая.

III. М. А. Максимовича.

29 Марта 1863 г. М. Гора.

Письмо ваше отъ 9 Генваря, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, давно уже у насъ на Горѣ и порадовало насъ обоихъ извѣстіемъ объ успѣхахъ вашей жизни.

Библиотечарство и редакторство ваше также меня повеселило о васъ, зане вы теперь въ своей тарелкѣ, а это имѣетъ первостепенную важность въ нашей жизни; потому желаю душевно, чтобы вы и оставались на этомъ даже до послѣдней возможности. Говорю это вслѣдствіе опыта надъ собственной жизнію, которую, оторвавши отъ Ботаническаго Сада за Сухаревой, гдѣ бы и быть ей, не улажу даже до нынѣ, даже и на прекрасной Горѣ моей, и все порываюсь ежегодно въ Бѣлокаменную, чтобы тамъ и дожить вѣку.

Объявительнымъ листкомъ о „Русскомъ Архивѣ“ я даже полюбавался; но самага Архива еще не получалъ, а дожидаю съ нетерпѣніемъ. Буду непремѣнно вашимъ сотрудникомъ и вкладчикомъ, вотъ только съ наступленіемъ весны прикоснусь къ моимъ бумагамъ, покрытымъ такимъ слоемъ пыли, что и взглянуть противно, не только братья руками. Такъ именно есть, безъ преувеличенія. Ваши воспоминанія о Пушкинѣ я читалъ съ удовольствіемъ еще въ „Русской Рѣчи“. Не знаю, написать-ли мнѣ о немъ для васъ тутъ, а пока что, не хотите ли взять у М. Н. Лонгинова то мое воспоминаніе о Мицкевичѣ, что я читалъ въ засѣданіи Общества Л. Р. Сл., да и напечатать въ Архивѣ, если годится? Но я все таки напишу или отыщу чтонибудь и здѣсь для вашего изданія, которое я радъ буду получать. Кромѣ „Чтеній“ и „Дня“ ничего современнаго не получаю, уже и не вижу давно. Да еще попросилъ бы я васъ, какъ участника въ Обществѣ Л. Р. Сл., выслать мнѣ его изданія, особенно пѣсни И. В. Кирѣевского, которыхъ имѣю только 4-ый дополнительный выпускъ, по

*) Это былъ первый годъ „Русскаго Архива“.

милости О. Э. Кошелевой дошедшей до меня, вмѣстѣ съ сочиненіями И. В. Кирѣевского, въ подарокъ къ нынѣшнему 1863 году. А что Общество, даетъ ли что и глаголетъ-ли?... Желалъ бы знать.

Вотъ какой я—судите, какъ хотите; и напишу, да не отсылаю... И такихъ непосланныхъ писемъ набралось бы многое множество, еслибъ ежегодно я не предавалъ ихъ уничтоженію.

Уже и весна кончается, а я не дотрогивался до моихъ запыленныхъ бумагъ и книгъ. Раза три принимался писать для васъ о Пушкинѣ, да не клеится, а потому все таки предлагаю вышепомянутую статейку о Мицкевичѣ. Да что же вы не пришлете мнѣ „Архива“ своего?... Можетъ быть, чтеніе его и подвинуло бы меня немедленно посотрудничать, въ знакъ благодарности за него. А когда бы вы взглянули теперь на Днѣпровскую панораму съ Михайловой Горы... Такъ бы и задремали сладко подъ сѣнью облитыхъ, какъ молокомъ, и благоухающихъ акацій, подъ жужжаніемъ пчель, шмелей и всей родни ихъ, берущихъ обильную медовую дань съ этихъ прекрасныхъ и уже большихъ деревьевъ, монми руками насаженныхъ.

Обнимаю васъ крѣпко.

IV. К. И. Жензифова *).

Въ первую мою поѣздку за границу, жилъ я въ Ноябрьѣ 1858 года въ Прагѣ, гдѣ познакомился съ Шафарикомъ и Эрбеномъ, ходилъ къ Палацкому (одинъ только разъ, такъ какъ онъ держалъ себя высокомерно и увѣрялъ меня, будто наше Запорожское казачество есть учрежденіе Чешское), но сблизился съ Ганкою, который остался для меня до сихъ поръ образцовымъ дѣятелемъ по освобожденію народнаго духа отъ чужеземщины, и по его примѣру старался я потомъ работать въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ. Мнѣ довелось быть однимъ изъ учредителей Славянскаго Благотворительнаго Общества, и самое разрѣшеніе собираться, подписанное тогдашнимъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа Н. В. Исаковымъ, сохранилось въ моихъ бумагахъ. По вызову Общества стали пріѣзжать въ Москву Болгарки и Болгаре, и въ числѣ сихъ послѣднихъ изъ Битоле поступили въ Московскій Университетъ математикъ Константинъ Никочъ Станишевъ и словесникъ Константинъ Ивановичъ Жензифовъ.

П. Б.

*

Повторять ли мнѣ, добрый Петръ Ивановичъ, то, что не разъ я высказалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ? Увѣрять ли васъ въ томъ, что я люблю и уважаю васъ всѣхъ „отъ мала до велика“ искренно и

*) Помѣщаются не въ хронологическомъ порядкѣ, а по отысканію въ старыхъ бумагахъ.

П. Б.

отъ глубины моей души? Я вамъ благодаренъ за многое, которое я только чувствую, но высказать не умѣю. При нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ, при нашемъ короткомъ знакомствѣ, видя, что вы меня принимаете въ вашемъ домѣ не какъ знакомаго, а какъ близкаго родственника, безъ малѣйшихъ опасеній относительно моей честности и пр., и пр., все вышесказанное кажется лишнимъ. Однакожь, я думаю, что вамъ неизвѣстно одно обстоятельство. Это то, что я васъ боюсь. Съ перваго разу моего вступленія въ вашъ домъ я почувствовалъ какую-то боязнь, которая до сихъ поръ не отказалась отъ меня. Но вы не подумайте, именемъ любезнаго Алеши ¹⁾ заклинаю васъ, что это обыкновенная боязнь—т.-е. не принимайте это слово въ дурномъ смыслѣ, потому что эта моя боязнь не разрушающая, а напротивъ, укрѣпляющая мою нравственность, и многіе мои недостатки исчезли подъ вашимъ вліяніемъ. А именно я боюсь въ томъ, заслуживаю ли я вашего вниманія. Не оскорбилъ ли и не оскорблялъ ли чѣмъ нибудь какъ васъ, такъ и душевно уважаемую мною С. Д.? Ей я обязанъ черезъ васъ передать мою глубокую признательность за нѣкоторыя чрезвычайно мѣткія и умныя замѣчанія и совѣты данныя мнѣ ею... Сегодня Иванъ Сергѣевичъ ²⁾ по поводу одного моего выраженія, сказалъ мнѣ, что я скорѣе воспитанникъ вашъ, а не другого... Такъ будьте же моимъ воспитателемъ, моимъ наставникомъ. Представьте себѣ, что у васъ есть племянникъ, который нуждается въ вашихъ совѣтахъ и наставленіяхъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что у насъ существуютъ особенныя отношенія младшаго къ старшему, сына къ отцу, племянника къ дядѣ, и т. д. Я желаю узнать отъ васъ, гожусь ли я къ чему-нибудь, или я негодный человѣкъ и пропадашій? Могу ли я и годенъ ли я быть знакомымъ и съ другимъ домомъ, извѣстнымъ вамъ (для моего развитія), если представится случай, или нѣтъ? Вы не щадите меня ради Бога, но просто-за-просто браните меня, когда вы замѣчаете, что я отступаю отъ прямой дороги обязанностей, и не думайте ради Бога, что разсержусь на ваши замѣчанія, да и вообще я не способенъ сердиться. Я убѣжденъ, что человѣка можно исправить, изъ нечестнаго сдѣлать его честнымъ, изъ злого сдѣлать добраго и пр., пока онъ молодъ, а юношеская моя возрастъ еще не прошла. Я довольно дико смотрю на этотъ Божій свѣтъ. Не можете ли вы указать почвы, болѣе для меня благопріятной, болѣе крѣпкой? Мнѣ нужно работать, и работать безъ отдыха, если я хочу успокоить мой раздраженный мозгъ,

¹⁾ Это старшій мой сынъ, умершій 20 Ноября 1864 г. Стихи къ нему Жензифова напечатаны въ одномъ изъ Болгарскихъ изданій. П. В.

²⁾ Аксаковъ.

П. В.

въ которомъ вертятся разные черви. Нѣтъ ли въ вашей библиотекѣ Славянскихъ книгъ, изъ которыхъ можно будетъ извлекать разныя свѣдѣнія неизвѣстныя Русской библіографіи?¹⁾ Вотъ я бы занялся этимъ дѣломъ нешуточно. Впрочемъ, и то сказать, у меня такъ много работы, такъ много, что можно и повредить себѣ. Однакожь, Петръ Ивановичъ, слову и конца нѣтъ, и поэтому остальное доскажу на словахъ когда-нибудь, потому что я странный человѣкъ, чуть ли не чудакъ въ глазахъ другихъ; но, оканчивая письмо, чувствую, что мнѣ легче...

Весь вашъ К. Жензифовъ.

1863 г. Января 25. Москва.

*

Село Васильевское. 1863. Юня 20-го ²⁾.

Немного поздно я принимаюсь за перо отвѣтить на ваше короткое, но многоговорящее письмо. Во-первыхъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, я вамъ очень и очень благодаренъ, что вы такъ немедленно исполнили мою просьбу, отправивъ мое письмо къ Іезберу, присовокупивъ къ нему, что слѣдовало, и вѣроятно вы заплатили за него на почту; ибо такимъ образомъ оно вѣрнѣе достигло своего назначенія. Изъ газетъ я узналъ, что уже вышелъ 4-ый № Славѣнина. О, какъ бы вы обязали меня, если бы вамъ можно будетъ достать его; потомъ съ Яковомъ послали бы его къ Ивану Сергѣевичу, а онъ вмѣстѣ съ „Днемъ“ прислалъ бы ко мнѣ. Ворѣпановъ опять расхвалилъ вашъ Архивъ въ „Голосѣ“, который такъ прекрасно и такъ кстати отдѣланъ „Днемъ“. Вашъ Катковъ торжествуетъ, и должно быть онъ находился на вершинѣ своего счастья, удостоившись обѣда въ Англійскомъ клубѣ. Прекрасна его статья о Польшѣ въ „Русск. Вѣстн.“, и вообще его статьи въ настоящее время идутъ „какъ езда ко щамъ“... Теперь перехожу передать вамъ много и лишнее, между которыми, быть можетъ, вкрадется и не лишнее, т.-е. вопреки совѣта даннаго мнѣ вашими домашними не писать и не дѣлать глупостей, я надѣлалъ уже кучу глупостей, и если угодно вашимъ пусть выслушаютъ ихъ, а если не угодно пусть уничтожатъ мое глупое письмо, но вы своимъ письмомъ сказали мнѣ, что ваши такъ и ждутъ описанія моего житья-бытья. Итакъ начинаю. Вы и всѣ ваши уже знаете кое-что о немъ изъ втораго моего письма, и поэтому нечего мнѣ повторять сказанное, т.-е. часы и звонки для чая,

¹⁾ По-моему совѣту Жензифовъ началъ составлять Бѣлорусскій словарь. П. В.

²⁾ Жензифовъ жилъ тамъ для обученія дѣтей графини А. А. Барановой. П. В.

завтрака, обѣда, опять чая тѣже самыя, и погода у насъ таже самая т.-е. прескверная, что ни день, то и переменна. Такъ какъ въ продолженіи двухъ и болѣе недѣль главнаго моего хозяина*), съ которымъ вы безъ сомнѣнія видѣлись, не было при насъ, то я имѣлъ нѣкоторую возможность жить по возможности по моимъ понятіямъ, другими словами, я имѣлъ возможность нападать и возражать на все то, что мнѣ казалось гадкостію, внѣшнею полировкой т.-е. образованностію по нынѣшнему понятію, которая, сколько я понимаю, ужъ рушилась, но все-таки не совершенно, еще не искоренилась. Во-первыхъ, меня бѣситъ эта глупая привычка говорить на иностранномъ языкѣ, и то не съ иностранцами, а со своими домашними, съ сестрою, съ дѣтьми и пр. безъ всякой необходимой надобности, такъ что, говоря по русски приходится слушать, извѣстное лицо, коренное Русское затрудняется, даже хуже меня, при передачѣ мыслей, и спрашиваетъ какъ по русски перевести такое-то Французское или Нѣмецкое слово. Еще существуетъ какое-то пренебреженіе своимъ роднымъ языкомъ, какое-то неотчетливое, бессознательное хладнокровіе къ своему родному языку. Мои хозяева до того хохочутъ, когда я возражаю противъ всякой иностранной привычки говорить или ѣсть, или сидѣть, или быть съ головою, по образу такого-то образованнаго общества. Вѣдь пріѣхалъ же къ намъ какой-то знаменитый Англичанинъ Лонгъ (по моему обыкновенный человѣкъ какъ и всѣ люди), и ему все позволяется; т.-е. онъ ѣсть и пьетъ, какъ ему угодно, спитъ, какъ ему угодно, одѣтъ, какъ ему хочется, съ галстукомъ или безъ него, съ рубашкою или безъ нея—все равно. А сдѣлай кто-нибудь изъ насъ тому подобное, т.-е. явись къ обѣду безъ галстука, и то безъ всякаго умышленія, и бѣдный удостоится разныхъ замѣчаній и пр. и пр... Меня тревожитъ мысль: почему этотъ Англичанинъ говоритъ только на своемъ родномъ языкѣ и заставляетъ трехъ изъ моихъ хозяевъ совершенно отказаться отъ своего? Почему этотъ мистеръ Лонгъ не выучился другому какому-нибудь Европейскому языку, отставляя въ сторону грубый неотесанный нашъ мужицкій языкъ? Или если онъ знаетъ кромѣ своего Англійскаго и другіе языки, извѣстные и моимъ хозяевамъ, то почему этотъ господинъ Лонгъ, и знать не хочетъ о нихъ, а хочешь не хочешь долженъ говорить съ нимъ по англійски, конечно, зная его?.. Но что тутъ толковать объ этомъ, пусть дѣлаетъ каждый какъ ему заблагоразсудится, а когда мнѣ заблагоразсудится не такъ, а иначе, то почему это будетъ глупостію? Всѣ люди глупы, сказалъ Грекъ, кто въ большей, кто въ меньшей степени, вотъ и вся

*) Т.-е. князя Черкаскаго.

разница между умными и глупыми людьми. Уже заранѣе было приказано прислугѣ, что пріѣдетъ гость, что онъ Англичанинъ, что онъ чистоплотный, чтобы не подумали, чтобы, чтобы... дорисуйте сами вы остальное. Пріѣхалъ онъ... но вотъ и вспомнилъ я въ эту минуту Пальмерстона и Редклифа и Турцію и Сербію и Черногорію, и его послѣдній ультиматумъ къ намъ т.-е. къ вамъ о Польшѣ, и сердце мое кипитъ злостію, ненавистію, местію и гнѣвомъ, на всякаго Лонга и прочихъ Англичанъ. Чортъ бы ихъ побралъ, этихъ всѣхъ, подлыхъ и преподлыхъ государственныхъ мужей Англии, которые ничто иное, какъ ханжи въ отношеніи къ политикѣ, ханжи въ дипломатіи, ложно-религіозные, ложно-либеральные, ложно-гуманные, ложно-человѣколюбивые, ложно-сострадательные, до высшей степени эгоисты... Чортъ съ ними! Я не хочу писать вамъ объ нашемъ Англичанинѣ, хотя онъ совершенно невинный въ этомъ отношеніи...

Вы знаете, что теперь Петровскій постъ. При началѣ его, поднять былъ вопросъ объ этомъ постѣ, и я какъ-то выразился въ пользу поста, и поэтому мы пользуемся постною пищею по Середамъ и по Пятницамъ. Одна изъ здѣшнихъ гувернантокъ, къ несчастію Русская, особа, для которой не могу найти опредѣленія, ибо она не то умная, не то что глупая, не то что хитра, не то дура, однимъ словомъ ни рыба ни мясо, ни къ селу ни къ городу,—удивилась, услышавъ мое согласіе на постное кушанье и мою защиту относительно поста; но она успокоилась, узнавъ, что я сынъ священника, и такимъ образомъ эта гувернантка, которая Богъ знаетъ чему учить дѣтей, т.-е. она ничему не учить ихъ, по моей милости ѣсть постное два раза въ недѣлѣ. Я вамъ уже писалъ, что мои хозяева—люди прекрасные, умные и даже ученые, въ особенности младшая, которую я называю старшей въ первомъ письмѣ моемъ къ вамъ. Есть у моей хозяйки прекрасныя дѣти.

*

Я очень сожалѣю, Петръ Ивановичъ, что вы не оставались вчера вечеромъ подольше у Ивана Сергѣевича; ибо я увѣренъ, что вы бы вывели меня и моего товарища отъ невыгоднаго для меня затрудненія, которое я долженъ былъ скрывать сердца вытерпѣть въ присутствіи N. N., человѣка, сидѣвшаго за ужиномъ, гдѣ Болгарское имя никогда еще не было опозорено такъ безчеловѣчно, какъ теперь, и все же, по милости Погодина, и... къ несчастію того лица, передъ именемъ котораго, какъ вамъ извѣстно, я благоговѣю. Я не въ состояніи описать

вамъ все то, что я вчера вечеромъ долженъ былъ перечувствовать. Всю прошедшую ночь провелъ какъ сумасшедшій и теперь еще не успокоился. Вамъ случалось ли когда-нибудь видѣть—какъ не женщины, а мужчины? Я сегодня послалъ письмо Погодину, во что бы то ни стало избавить насъ отъ этого незаслуженнаго нами позора, напечатать письмо въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ своего имени, что въ этомъ дѣлѣ совершенно невинно страдаетъ имя Болгарь. Въ противномъ случаѣ, я самъ непременно напечатаю и разъясню все какъ было, хотя я этого не хотѣлъ. Но, что же дѣлать, когда иначе нельзя избавиться отъ позора? Вы бы меня чрезвычайно одолжили, если вамъ возможно, поѣхать къ Погодину и поговорить ему, что онъ долженъ непременно взять назадъ у извѣстнаго ему негодяя бумаги, скрѣпленные его подписью и подписью Аксакова, въ силу которыхъ онъ позорить насъ... Вчера этотъ негодяй былъ у Кошелева и у Ю. С. Самарина, а сегодня онъ собирается къ Елагину. Вчера за ужиномъ и Кошелевъ и Самаринъ объявили объ этомъ всѣмъ присутствующимъ. Само собою разумѣется, что ни Кошелевъ, ни Самаринъ не виноваты, объ этомъ и рѣчь не можетъ быть. Я самъ принесъ это мое письмо къ вамъ, а силъ не хватило зайти къ вамъ.

Вашъ Жензифовъ.

1863 г. Декабря 7. Москва.

*

Пятница (28 Февраля) 2 ч. пополудни. Москва. 1864 годъ.

Я не знаю, успѣла ли крылатая молва долетѣть до Петербурга и сообщить вамъ новую Московскую новость, которая произвела разнаго шуму и толковъ въ Московскихъ гостинныхъ. Ясно, вы еще не знали объ этой новости, то позвольте мнѣ передать ее вамъ. Въ Середу, т.-е. 26 Февраля въ Петровскомъ паркѣ происходила въ 8 час. утра слѣдующая сцена. Соредакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и профессоръ Московскаго Университета П. М. Леонтьевъ имѣлъ поединокъ съ г. Гончаровымъ. Поводомъ этого поединка была извѣстная вамъ исторія, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о Московской Городской Думѣ. Катковъ, не знаю, чѣмъ и какъ оскорбленный, послалъ къ Гончарову г. Щербальскаго вызвать перваго на поединокъ; этотъ, со своей стороны, принялъ предложеніе. Дрались же на пистолетахъ Гончаровъ и Леонтьевъ. Секундантомъ Леонтьева былъ Щербальскій, а Гончарова—Пушкинъ-сынъ (т.-е. Пушкина). Итакъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ 8 часовъ утра, отмѣривъ 15 шаговъ разстоянія, стали враги другъ противъ друга. Стрѣлялъ первый Гончаровъ, котораго выстрѣлъ вышелъ невѣренъ, т.-е. промахнулся; пришла оче-

редь Леонтьеву, котораго оружіе не выстрѣлило, т.-е. пистолетъ осѣкся. Въ это время секунданы предложили враждующимъ сторонамъ примириться; предложеніе было принято и тѣмъ и другимъ, и такимъ образомъ оба они остались въ живыхъ и возвратились во свояси невредимыми... Вчера же Катковъ напечаталъ, что онъ совершенно удовлетворенъ, но не сказалъ, что и другая сторона удовлетворена, вслѣдствіе чего надобно ожидать новаго объясненія въ Московскихъ газетахъ объ исторіи дуэли и всего происшествія... Можетъ быть, поединокъ дѣло хорошее, но, по моему мнѣнію, онъ ясный признакъ и свидѣтельство того, что онъ самъ себя обманываетъ, говоря, что у насъ (въ Европѣ) есть просвѣщеніе, когда я рѣшаюсь лишиться жизни другого, лишь бы мнѣ не сознаться въ чемъ-нибудь... Но я не хочу больше распространяться объ этомъ, ибо я ушелъ бы слишкомъ далеко. Все таки меня удивляетъ дружба Леонтьева съ Катковымъ: она достойна, или лучше сказать, выше всякой похвалы, и велика...

Вчера же похоронили брѣнное тѣло покойной Вѣры Сергѣевны ¹⁾. Эта процессія тянулась съ 10 час. утра до 3 час. пополудни. О, если бы вы видѣли старушку Великую Аксакію, въ церкви при послѣднемъ цѣлованіи съ безчувственнымъ тѣломъ, то нельзя было не поплакать. Я провожалъ тѣло до самой гробницы; сидѣлъ же со Станишевымъ и съ Иванъ Сергѣевичемъ въ одной каретѣ и когда проѣзжали мимо Кремля, то вдругъ отъ куда ни возмись явился Гильфердингъ. Тутъ я и Станицевъ вышли изъ кареты, пересѣли въ сани Гильфердинга, а этотъ сѣлъ въ карету съ Аксаковымъ. Такимъ образомъ мы доѣхали до Симоновскаго монастыря. Послѣ окончанія всего обряда, когда Великая Аксакія уѣзжала, то приказала одной изъ дочерей своихъ сказать Ивану Сергѣевичу, чтобы онъ непременно взялъ меня съ собой въ своей каретѣ, что и было исполнено. Это меня до того тронуло, что я ея не забуду до послѣдняго моего дыханія. Я за это мысленно отъ всей души молился Богу, чтобы Онъ ниспослалъ облегченіе и утѣшеніе. Повѣрьте мнѣ, что это такъ. Больше я ничего не могъ пожелать ей. Прибавлю еще, что я бы другому не сообщилъ эти подробности...

*

1864. Юня 10 ²⁾. Москва.

Теперь мое Діогенское жилище (я сравниваю его съ прошлогоднимъ жилищемъ въ Васильевскомъ) находится на Спиридоновкѣ, въ

¹⁾ Старшей дочери въ семьѣ Аксаковыхъ.

П. Б.

²⁾ Я проводилъ лѣто 1864 года въ Порѣчѣ, гдѣ занимался бумагами графа Сергія Семеновича Уварова. Живо и благодарственно помню про гостепрѣимство, ко-

домъ Клевезаль, рядомъ съ жилищемъ предоброй матери предобраго сына, т.-е. Аксаковыхъ, которые сегодня перебрались въ свою деревню по желѣзной дорогѣ къ Троицкой Лаврѣ (имя деревни не припомню, но вы знаете ее), и разумѣется Иванъ Сергѣевичъ часто будетъ возвращаться въ Москву, по дѣламъ „Дня“. Хотя я часто видался съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но обѣдать къ нимъ не ходилъ съ извѣстнаго вамъ времени, и вотъ наша Великая Аксакія удивилась, такъ-сказать, моему упрямству. Разумѣется, какъ только узналъ я, что мое отсутствіе... нѣтъ не то хотѣлъ сказать я, а вотъ это, какъ только узналъ, что Великая Аксакія уже духомъ бодрѣе и сравнительно немного веселѣе, третьяго дня я обѣдалъ у нихъ. Весело было мнѣ смотрѣть на эту мать-старуху посреди четырехъ дочерей и сына, молодца-богатыря, но зачѣмъ этотъ богатырь Русской маски и Русскаго ума, какъ-то не намѣренъ оставить по себѣ такого же богатыря для Русской маски и ума? Его добрѣйшая мать-старуха, которую я уважаю (да кто можетъ или способенъ бы былъ не уважать ее!) отъ всего сердца и души, велѣла мнѣ ѣздить къ нимъ въ деревню какъ можно почаще. Да врядь ли я поѣду; впрочемъ, быть можетъ, я поѣду разъ или два, ибо въ продолженіи почти-что 6 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я живу въ Москвѣ, я еще не сподобился видѣть Троицкой Лавры. Чтò за лѣнивая или, справедливѣе сказать, чтò за странная натура у Славянина вообще: онъ или останется равнодушнымъ ко всему, въ томъ числѣ и къ тому, чтò для него родное и близкое, или же онъ совершенно отдатся чужому, заморскому, и всетаки о своемъ и знать не хочетъ...

Если тамъ, въ вашей деревнѣ, получается „День“, то вы безъ сомнѣнія прочли передовыя статьи Ивана Сергѣевича о Нѣмцахъ, Туркахъ, Грекахъ, Болгарахъ и проч. Какъ ни страшны для меня теперь и Турки, и Греки, какъ ни черными кажутся мнѣ и сами мои Болгары, но меня что-то тянетъ туда, какой-то таинственный голосъ все твердитъ да твердитъ мнѣ, что надо ѣхать на родину, несмотря на то, что я напередъ знаю, какого рода жизнь дожидается тамъ меня. Невольное ли это влеченіе, или голосъ совѣсти и мой долгъ этого требуетъ? Всего вѣроятнѣе второе. Такъ и быть. Какъ только сброшу съ себя своего рода Университетское иго, то въ одинъ изъ осеннихъ ненастныхъ дней скажу вамъ прощайте... Да, хотя и говорятъ, что будущее челоуѣка покрыто мракомъ неизвѣстности, но

торое было оказываемо какъ мнѣ, такъ и семьѣ моей въ прекрасномъ Порѣчѣ. Въ Москвѣ дѣла по Чертковской библиотекѣ были мною переданы К. И. Женифому.

П. Б.

я предвижу напередъ свою будущую жизнь въ Болгаріи или въ Македоніи, потому что Болгарская земля вся черная, и вся наполнена всякой мерзости — плодъ вѣковѣчнаго ига, и то, что сказалъ великій Русскій человекъ Хомяковъ о Россіи, то я скажу о Болгаріи, разумѣется съ извѣстными измѣненіями, но ни на волосъ не измѣняя стихотворенія Хомякова. Но кто намъ дастъ очистительнаго сна?.. Но обо всемъ этомъ мы потолкуемъ еще впереди, и я вамъ напишу въ другой разъ, потому что не сейчасъ же я ѣду въ Болгарію или въ Венгрію, а если уѣду, то уѣду осенью, и между тѣмъ мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Московской Семинаріи... Вообще говоря, изъ насъ должны ѣхать на родину трое: я, Караковскій и Боньевъ.

Кстати нѣсколько словъ о Боньевѣ. Вамъ извѣстно, что Боньевъ воспитанникъ графа Уварова. Вчера Боньевъ являлся къ управляющему графа г. Лазаревскому съ просьбой, чтобы Лазаревскій далъ ему деньги въ послѣдній разъ, т.е. деньги для отъѣзда. Лазаревскій сказалъ Боньеву, что онъ не можетъ дать ему деньги безъ разрѣшенія графа; Боньевъ написалъ объ этомъ графу и письмо для доставленія отдалъ Лазаревскому, который сегодня ѣдетъ къ графу. Нѣтъ сомнѣнія, что благородный графъ прикажетъ Лазаревскому выдать Боньеву денегъ въ послѣдній разъ, сколько заблагоразсудится графу. Но я желалъ бы, Петръ Ивановичъ, чтобы вы замолвили словцо графу объ этомъ дѣлѣ при удобномъ случаѣ, потому что очень можетъ быть, что графъ забудетъ распорядиться объ этомъ, а между тѣмъ Боньевъ не можетъ обратиться къ Славянскому Комитету, потому что касса его у добраго Ивана Сергѣевича почти что окончательно опорожнилась, между тѣмъ какъ Ивану Сергѣевичу приходится двоихъ (Желѣзкова и Христовича), окончившихъ курсъ въ Военномъ Училищѣ, въ Москвѣ, отправить черезъ недѣлю на Кавказъ, другого (Карапаевского) въ концѣ этого мѣсяца въ Болгарію, а тамъ черезъ три мѣсяца наступитъ очередь и мнѣ; словомъ сказать, Иванъ Сергѣевичъ рѣшительно не можетъ выдать денегъ послѣднему воспитаннику графа Уварова. Благородный графъ, истратившій слишкомъ 5,000 руб. сер. для воспитанія четырехъ Болгаръ, безъ сомнѣнія не откажетъ пожертвовать въ послѣдній разъ какихъ-нибудь 150 или 200 рублей. Изъ четырехъ питомцевъ графа одинъ—Поподовичъ находится въ Бѣлградѣ учителемъ Болгарскаго и Русскаго языка; другой—Камбуровъ, юноша съ отличными способностями, въ прошломъ году окончилъ свою жизнь въ Туринѣ, куда былъ отправленъ графомъ для излеченія. Третій—Тодоровичъ (Федоровичъ), годъ тому назадъ отправился въ Болгарію, гдѣ, потерпѣвъ разныя гоненія и неприятели,

бѣжалъ въ Бѣлградъ же, гдѣ и занимаетъ мѣсто учителя, разумѣется въ Болгарскомъ училищѣ; четвертый—это Боньевъ, которому настаетъ очередь уѣхать на родину... Итакъ, несмотря на то, что благородный графъ прикажетъ Лазаревскому снабдить Боньева золотыми или серебряными бумажками, но все-таки ваше слово не будетъ лишнимъ въ этомъ дѣлѣ, при удобномъ только случаѣ. Въ знакъ же благодарности и признательности, какъ его питомецъ, такъ и я, сумѣемъ сдѣлать его имя извѣстнымъ среди Болгаръ; больше нечѣмъ, Петръ Ивановичъ, выражать свою признательность Русскому Славянину-графу...

П. П. Въ прошлое воскресенье, 7-го Іюня, въ церкви Вдовьяго дома освящено было брачное сочетаніе дочери Даля съ Дмидовымъ; шаферомъ былъ Станишевъ ¹⁾.

*

„Вашъ хорошій знакомецъ и образованный человѣкъ“, т.-е. я вчера вечеромъ былъ у Вальгарда ²⁾, съ которымъ побесѣдовалъ не больше 20 минутъ. Такъ какъ вамъ опять придется быть посредникомъ между ними и мною, то я считаю, что необходимо и полезно для той и другой стороны сказать вамъ слѣдующее. Во-первыхъ, онъ читалъ только первую половину вашего рекомендательнаго письма; во-вторыхъ, разговоръ былъ большею частію о моемъ воспитаніи и знаніи. Я ему сказалъ всю правду, т.-е. я до сихъ поръ занимался съ болѣе взрослыми; что я не знаю ни аза изъ новыхъ языковъ; относительно моего нравственнаго поведенія, я сослался на васъ и на Аксакова; относительно знаній, я сослался на нѣкоторыхъ изъ моихъ профессоровъ; я желаю чтобы всѣ вечера Пятницъ и Воскресеній были моими и 4 часа ежедневно посѣщать университетъ, да еще разъ или два раза въ мѣсяцъ побывать въ театрѣ. На вопросъ его „люблю ли я Русскій театръ“, у меня языкъ не вытерпѣлъ, и я ему сказалъ, что я объ этой оперѣ не имѣю и понятія. Вѣдь ему я сказалъ правду. На вопросъ его ходить ли мнѣ къ нему или жить въ домѣ его, отвѣчалъ, какъ онъ считаетъ полезнѣе для своихъ дѣтей. О цѣнѣ не было ни слова, и только мнѣ показалъ дѣтей (ихъ трое) и что съ ними придется заниматься по 6 часовъ въ день. Вотъ и вся сущность моего разговора съ господиномъ Вальгардомъ. Сказавъ мнѣ, что ему на-

¹⁾ Который поодвѣ женился на другой дочери В. И. Даля.

П. Б.

²⁾ Александръ Осиповичъ Вальгардъ, знакомый мнѣ по родному моему городу Липецку (гдѣ отецъ его былъ докторомъ при минеральныхъ водахъ), въ это время богатый Тамбовскій помѣщикъ.

П. Б.

добно повидаться съ вами, я распростился съ нимъ. Слѣдовательно, если онъ явится къ вамъ, то я прошу васъ убѣдительно вотъ что. Такъ какъ никто меня не знаетъ такъ хорошо, какъ вы, я васъ прошу рассказать ему весь мой характеръ, всѣ мои привычки, наклонности, образъ мысли, словомъ весь мой нравъ, развѣ только..., впрочемъ онъ самъ увидитъ, что я изъ трезвыхъ людей? Не могу скрывать отъ васъ, что я не могу ограничиться только однимъ формальнымъ преподаваніемъ уроковъ, а буду стараться, по возможности, развить въ нихъ мысли народности, тоже любовь къ Славянамъ, словомъ, быть, можетъ, они сдѣлаются маленькими Славянолюбцами. Я видѣлъ возрастъ дѣтей, и поэтому скажу вамъ, что я смѣло берусь за это дѣло, и не краснѣя буду преподавать имъ все нужное; что же касается математическихъ наукъ, то я могу преподавать имъ чтò требуется до 6 кл. гимназіи, т.-е. первоначальную математику...

Итакъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, я желаю имѣть это мѣсто по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я желаю отказаться отъ Славянскаго Комитета не потому, что этого требуетъ моя гордость, а потому, что мысль тревожить мой духъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ исчезнетъ и займется другою болѣе отрадною и спасительною. Я хочу сказать слѣдующее. Мнѣ было 17 лѣтъ, когда мой отецъ былъ принужденъ бросить свое семейство и оставить его на моихъ рукахъ безъ ничего, и я могъ на родинѣ не оставить безъ куса хлѣба мать, сестру и меньшого брата. Теперь же скоро стукнетъ мнѣ 24 годъ, и меня другой одѣваетъ, кормитъ и воспитываетъ; вѣдь... это немного тяжело, тѣмъ болѣе, что еще не извѣстно... ли выдавать мнѣ пособіе отъ Славянскаго комитета, но это дѣло еще впереди, и если только обстоятельства позволятъ мнѣ жить, то тогда убѣдятся мои благодѣтели, стоилъ ли я 1,200 руб. сер., которыя потребуются для моего образованія.

Во-вторыхъ, мнѣ необходимо сберечь какую-нибудь деньгу на черный день, а этотъ черный день ни за горами. Скоро мнѣ придется разстаться съ Москвою и уѣхать въ Турцію, гдѣ у меня нѣтъ ничего. Отецъ мой постоянно твердилъ правило: „если ты умный, то ты самъ себя приобрѣтешь денегъ, средство для жизни, а если ты выйдешь негодяемъ, то нѣсколько не поможетъ тебѣ твое наслѣдство, оставленное тебѣ мною“... Такое и подобное тому правила, спикуреизмъ и цинизмъ его заставляли его не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Такъ что не только меня онъ оставилъ нищимъ (я не краснѣе говорю это всѣмъ), но и все семейство, а чтò печальнѣе, единственную свою дочь, мою же сестру... Такимъ образомъ, когда я уѣду, мнѣ необхо-

димо имѣть въ карманѣ путевыхъ издержекъ еще, по крайней мѣрѣ, 200 руб. сер., пока я тамъ найду себѣ мѣсто или въ случаѣ опасности (которая съ каждымъ годомъ въ Турціи увеличивается), я съ ними могъ бы бѣжать. Какъ вы видите, Петръ Ивановичъ, въ этихъ короткихъ словахъ заканчивается цѣлая исторія. Да, кромѣ того, мысль, что мы Болгаре, не имѣемъ литературы, убійственна для меня. Ну и буду издавать какую-нибудь Краледворскую рукопись, какой-нибудь Братскій Трудъ, на трудовыхъ деньгахъ. Понятно вамъ теперь почему я желаю найти себѣ мѣсто. Если вы замѣчали какъ дитя радуется, когда ему покупаютъ игрушку или дѣлаютъ ему обновку, такъ и я вчера радовался при полученіи вашей записки, хотя это признакъ не очень твердаго характера. Вѣдь это бываетъ, я думаю, со многими. Итакъ, распростившись съ помѣщикомъ, я пошелъ прямо въ театръ, гдѣ смотрѣлъ Долгорукова и Пушкина не хорошо выполненныхъ да еще „Крестницу“—очень, очень милое произведеніе Плещеева, котораго зрители вызывали 3 раза съ продолжительными рукоплесканіями. До свиданія, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, и будьте увѣрены въ моей къ вамъ признательности.

Весь вашъ К. Жинзифовъ.

1862 г. Мая 18.

Москва.

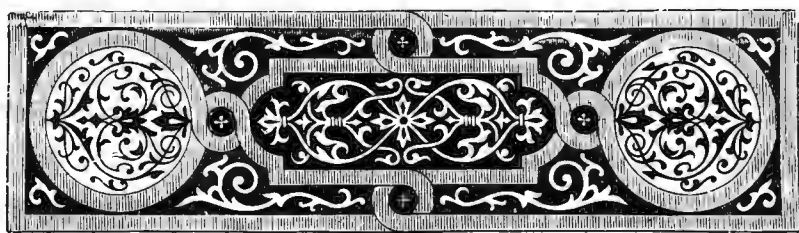
•

Петръ Ивановичъ!

Пишу къ вамъ подѣ влияніемъ извѣстнаго вамъ настроенія души моей, но сперва скажу вамъ на счетъ Библиотеки, что она находится въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ вы ея оставили, стало быть вамъ нечего беспокоится съ этой стороны, потому что, я думаю, что вы увѣрены въ томъ, что я честно исполняю все, что вы мнѣ поручили. Вчера принесли пожарную трубу, которая поставлена, гдѣ слѣдовало. Взявши расписку, я отдалъ принесшему трубу 30 р. с. Ни одинъ ни другой изъ переплетчиковъ пока еще не явился. Я обыкновенно встаю въ 7 час. утра и съ 8 до 2 постоянно нахожусь въ Библиотекѣ, потомъ уже, заперши окна и двери, ухожу, а возвращаюсь въ 10 ч. веч.; по крайней мѣрѣ эти два дня такъ. Разумѣется, что окна отпираются только при хорошей погодѣ, которая вчера была непостоянна, какъ женщина образованнаго Парижа. А если вы находите, что нужно мнѣ побольше сидѣть въ Библиотекѣ, то пожалуйста вы мнѣ напишите. Итакъ, повторяю, будьте покойны на счетъ Библиотеки, о которой я буду писать къ вамъ два раза въ недѣлю. Теперь позвольте мнѣ описать вамъ въ короткихъ словахъ, какъ провожу я остальную часть дня.

Выходя изъ великолѣпнаго дома, я отправляюсь обѣдать, а потомъ прогуливаюсь съ намѣреніемъ изучать „цивилизацию“ XIX в. и „прогрессъ“ женщинъ. Наблюдая надъ разными явленіями городской жизни и разсуждая долго, я вывожу невольное заключеніе, что нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ прогресса, а есть... (сдѣлайте филол. переходъ буквы *ц* въ *с* и *в* въ *ф*). Ужасно, но, по моему, это на самомъ дѣлѣ такъ. Сижу я на скамейкѣ, и вотъ проходитъ Гарибальди съ пѣтушьими перьями, другія съ гусиными, другія не знаю съ какими еще перьями разнаго цвѣта, доходящими до смѣшнаго, одѣтыя въ платья всевозможнаго покроя, произведеніе, доходящее до безобразія, образованнаго Парижа. Вотъ двѣ обхватили своими руками одного, а ихъ головы-Гарибальди опираются на грудь его; вотъ двое провожаютъ подъ руку одну, которой говорятъ разныя любезности; вотъ и маменька вывела своихъ дочерей воспользоваться свѣжимъ воздухомъ и строить воздушные замки, вотъ и красавица, захватившая своимъ кринолиномъ цѣлую скамейку, курить папиросу съ улыбкою, въ которой такъ и видна пошлость, а по другимъ пріятность и любезность, вотъ къ ней подходитъ ея знакомая и освѣдомляется на счетъ ея наряда, сколько стоитъ и у кого заказано, а въ результатъ оно выходитъ, что это подарокъ милаго и добраго N. N.

Письмо Екатерины Великой къ Сенану-де-Мейлану ¹⁾.

Mai 1791. Mercredi au matin. Je vous renvoie, Monsieur, la feuille et une copie de la comparaison de l'Eglise de Saint-Pierre ²⁾, etc., que vous avez eu la complaisance de me laisser hier.

Voici à peu-près mon portrait. Je ne me suis jamais cru l'esprit créateur, j'ai rencontré quantité de monde auquel j'ai vu sans envie ni jalousie beaucoup plus d'esprit qu' en moi. Il a été toujours très facile de me mener, parce que pour y parvenir il ne fallait que me présenter toujours des idées infiniment meilleures et plus solides que les miennes; alors j'étais docile comme un agneau. La raison de ceci siégeait dans l'extrême désir que j'ai toujours eu que le bien de l'Empire se fit; j'ai eu le bonheur de rencontrer les bons et vrais principes, ce qui fait qu'il s'en sont suivis des fautes auxquelles je n'ai eu aucune part et peut être parce qu' on n'avait pas exécuté avec exactitude ce que j'avais prescrit. Malgré une flexibilité naturelle j'ai su être opiniatre ou ferme, comme on voudra, quand il m'a paru que cela a été nécessaire; je n'ai jamais eu de la rancune, la Providence m'ayant placé de telle manière qu' il n'y avait pas de quoi en avoir contre les individus et que je ne trouvais pas la partie égale de tout peser avec justice.

J'aime en général la justice, mais je suis de l'opinion que stricte justice n'est pas justice et qu'il n'y a que l'équité qui soit supportable à la Faiblesse de l'homme. Mais dans tous les cas j'ai préféré l'humanité et l'indulgence pour la nature humaine aux règles d'une sévérité qui m'a parue souvent mal entendue; à ceci j'ai été menée par mon propre coeur que je crois doux et bon. Quand les vieillards me prêchaient la sévérité, je leur avouais, en fondant en larmes, ma faiblesse et j'en ai vu qui se rangeaient de mon avis la larme à l'oeil aussi. Mon naturel est gai et franc, mais j'ai trop vécu dans le monde pour ignorer qu'il y a des esprits atrabilaires qui n'aiment pas la gaité, et tous les esprits ne sauront comporter la vérité et la franchise. Adieu?

Catherine.

(Сообщилъ С. Фарфоровскій).

¹⁾ Отецъ Сенанка-де-Мейлана былъ главнымъ врачомъ у Людовика XV.

²⁾ Archives du ministère des Affaires Etrangères, Correspondance inédite de Russie
Tome CXXXV.

П Е Р Е В О Д Ъ.

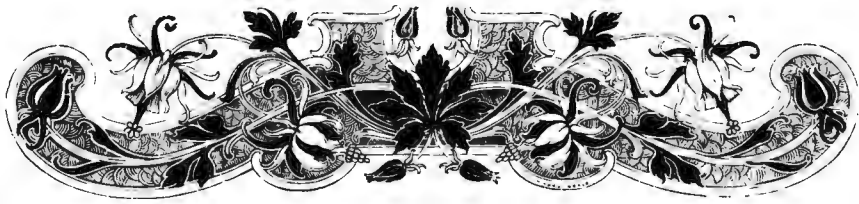
Май 1791. Среда поутру.

Милостивый государь, возвращаю вамъ листъ и копию сравненія церкви святого Петра, и т. д., которые вы были такъ любезны оставить мнѣ вчера.

Вотъ приблизительно, мой портретъ. Я никогда не воображала въ себѣ творческаго ума; я встрѣчала пропасть людей, у которыхъ безъ зависти и ревности замѣчала гораздо больше ума, чѣмъ въ себѣ самой. Руководить мною было всегда очень легко; для этого нужно было только постоянно предлагать мнѣ мысли безконечно лучшія и болѣе основательныя, чѣмъ мои собственныя. Въ такихъ случаяхъ я бывала послушна, какъ ягненокъ. Причина тому лежала во всегдашнемъ моемъ сильнѣйшемъ желаніи блага для государства; я имѣла счастье напасть на добрыя, истинныя начала; поэтому проистекли отъ нихъ ошибки, въ которыхъ я не принимала никакого участія; произошли же онѣ, можетъ-быть, оттого, что мои предписанія не были исполнены въ точности. Несмотря на прирожденную податливость, я умѣла быть упрямой или настойчивой, назовите, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это было необходимо; я никогда не была злопамятной, ибо Провидѣніе поставило меня въ такія условія, что мнѣ не изъза чего было помнить зла противъ отдѣльныхъ лицъ, и я находила, что взвѣсивъ все по справедливости, стороны не равны. Я вообще люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что строгая справедливость не есть справедливость и только милосердіе подѣ силу человѣческой слабости. Но во всѣхъ случаяхъ я отдавала предпочтеніе челоѣчности и снисходительности къ челоѣческой природѣ передъ правилами, суровость коихъ мнѣ часто казалась недоразумѣніемъ; къ этому приводило меня мое собственное сердце, которое считаю кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдовали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, признавалась имъ въ своей слабости и выдывала такихъ изъ нихъ, которые со слезою въ глазу присоединялись къ моему мнѣнію. По природѣ я весела и откровенна, но я слишкомъ много прожила на свѣтѣ, чтобы не знать, что существуютъ люди мрачнаго настроенія духа, нелюбящіе веселья и что не всѣ умы могутъ совмѣстить правду съ откровенностью. Прощайте!

Екатерина.

РЕТИВЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ.

Въ царствованіе Императора Павла.

I.

Современники ¹⁾ и позднѣйшіе изслѣдователи Павловскаго времени увѣряютъ, что кратковременное суровое это царствованіе тяжело отзывалось лишь на приближенныхъ въ столицѣ и совсѣмъ-де не имѣло вліянія на прочее населеніе въ имперіи. Между тѣмъ въ архивахъ найдется немало бумагъ, которыя, наоборотъ, показываютъ, что это страшное правленіе ложилось непосильнымъ гнетомъ на жителей Россіи, особенно глухихъ городовъ, гдѣ власть имущіе, пользуясь случаемъ и отдаленностью отъ Петербурга, какъ говорится, подъ шумокъ, производили всевозможныя самоуправства и насилія, иногда, впрочемъ, и не по собственному вчинанію.

Въ Январѣ 1798 г., по высоч. повелѣнію, ген.-прокуроръ кн. А. Б. Куракинъ прислалъ Астраханскому губернатору т. с. Аршеневскому ²⁾ „примѣрное положеніе издержкамъ на полковныя надобности“, по которому должно было „приступить къ удовлетворенію требованій воинскихъ командъ“, предписывая при этомъ, чтобы губернаторъ, „не упущая времени, учинилъ расчисленіе, сколько слѣдовало таковыхъ суммъ собрать со всѣхъ обывателей, въ городахъ Астраханской губерніи обитающихъ, соразмѣрно числу войскъ, на непремѣнныхъ квартирахъ въ той губерніи расположенныхъ ³⁾. По сдѣланному „расчисленію“ причиталось съ жителей г. Астрахани — „Россійскихъ“ 49,106 руб. 2 коп. и со всѣхъ прочихъ „незаписавшихся по городовому положенію“ обывателей, большинство изъ коихъ были Армяне, 12,320 руб. 11 коп. Деньги эти губернаторъ предписалъ (5 Апрѣля) городовому магистрату и „общему суду Азіянъ“ доставить „непремѣнно

¹⁾ Какъ, напримѣръ, декабристъ Фонвизинъ въ своихъ „Запискахъ“, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1859 г.

²⁾ Николай Яковлевичъ Аршеневскій, бывшій до того Нижегородскимъ губернаторомъ, правилъ Астраханской губерніей съ 1796 г. по Іюль 1798 г.

³⁾ Изъ дѣлъ Астрах. Губерн. архива за 1798 г., № 44/80.

въ двѣ недѣли“, сообщивъ въ тоже время о „понужденіи ихъ къ тому“ коменданту генераль-маіору Геденову. Но, конечно, въ короткій срокъ невозможно было произвести столь большой сборъ. „Въ облегченіе городскихъ жителей“ князь Куракинъ въ концѣ Мая разрѣшилъ „расположить“ сборъ помѣсячно, начиная съ 1 Апрѣля. По этому расчету жившіе въ Астрахани Армяне должны были вносить каждый мѣсяць 1110 руб. 1 коп., и къ 1 Августа, согласно требованія Аршеневскаго, представить въ Астраханское уѣздное казначейство 4440 р. 4 к. Къ Іюню Армяне собрали 2,000 руб. и, навѣрно, въ назначенный срокъ успѣли бы собрать остальныя деньги; но губернаторъ, не дождавшись имъ же назначеннаго времени, по прибытіи въ Астрахань новаго коменданта генераль-лейтенанта Николая Федоровича Ртищева, 5 Іюня, увѣдомилъ послѣдняго, что на Астраханскихъ жителей положенъ сборъ и что онъ, Аршеневскій, „за истеченіемъ срока никакого въ томъ сборѣ успѣха не усматриваетъ, а между тѣмъ всевысочайшая Его Императорскаго Величества воля остается неисполненною“, почему и просилъ „понудить Астраханскій магистратъ и общій Азіанъ судъ къ немедленному сбору причитающихся на каждое общество суммъ, и объ успѣхѣ его увѣдомить“. Получивъ такое отношеніе, комендантъ „почелъ должностію выполнить его въ точности“. 8 Іюня онъ призвалъ къ себѣ членовъ городского магистрата и Азіатскаго суда и настойчиво требовалъ взноса денегъ. Члены, хотя считали себя обязанными уплатить слѣдующія съ ихъ обществъ суммы, но, зная распоряженіе князя Куракина и разрѣшенную отсрочку до Августа, были въ нерѣшительности, какъ поступить и чтѣ Ртищеву отвѣчать. Страннымъ казалось, что губернаторъ имъ предписывалъ одно, а коменданту „предлагалъ“ другое. Денегъ собрано не было, и городскіе выборные просили отсрочки; но комендантъ рѣшительно заявилъ:

„Мой долгъ взыскивать, вашъ долгъ платить. Даю вамъ сроку недѣлю. Ежели послѣ того исполненія не увижу, то донесу Государю Императору“.

Недѣля протекла быстро. За это время городъ, конечно, не успѣлъ собрать или хотя бы занять всю сумму. Тогда комендантъ самъ явился въ магистратъ съ требованіемъ денегъ, но такъ какъ ихъ не было въ наличности, то онъ въ своемъ присутствіи „велѣлъ“ свое „требованіе записать въ журналъ“. Потомъ поѣхалъ въ общій Азіатскій судъ „и тамъ учинилъ тоже“.

„Желаете вы платить сіи деньги?“ грубо обратился онъ къ судьямъ. „Всеусердно желаемъ, ваше превосходительство, и имѣемъ

уже въ готовности 2,000 рубл., но не знаемъ куда ихъ дѣвать, ибо до сихъ поръ не получили на то соотвѣтствующаго повелѣнія“.

„Я знать ничего не хочу“, отрѣзалъ комендантъ, чтобы къ четыремъ часамъ всѣ деньги мнѣ были представлены.

Ртищевъ уѣхалъ. Армяне, посовѣтовавшись между собой, рѣшили отвезти собранныя 2,000 рубл. ему на домъ, но комендантъ ихъ не принялъ и приказалъ отдать губернатору, а самъ „ту же минуту донесъ рапортомъ Государю Императору все происшествіе въ подробности“.

Это было 15 Іюня. Губернаторъ хотя взялъ принесенныя ему Армянами деньги, однако черезъ два дня отослалъ ихъ обратно въ судъ, предписавъ сдать ихъ въ Казенную Палату (что и было исполнено 22 числа).

Между тѣмъ „черезъ обыкновенное оборота почты время“ на имя Ртищева послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣвалось „расположить полкъ въ дома ослушниковъ“. Комендантъ исполнилъ это повелѣніе съ замѣчательной жестокостью.

„19 Іюля въ 4 часа пополуночи“, когда весь городъ покоился сномъ безмятежнымъ, въ дома богатыхъ купцовъ Русскихъ и Армянскихъ явились вооруженные солдаты, подъ начальствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и начали ломиться въ двери, неистово стучали въ окна, „производя необычайный шумъ“. Солдаты кричали и безобразничали, а офицеры надрывались еще больше своихъ подчиненныхъ. Жители перепугались до невозможности.

„Когда я,—разсказываетъ одинъ изъ пострадавшихъ, Армянинъ Калустовъ *), разбуженный шумомъ многочисленныхъ голосовъ, придя въ робость, открылъ окно, то увидѣлъ на своемъ дворѣ маіора Булыгина съ ротой вооруженныхъ солдатъ. Маіоръ кричалъ: „Отворяй двери отъ покоевъ!“ Увидя такое „множество солдатъ“, дѣти мои „испугались почти до полусмерти и съ плачемъ и воплемъ бѣжали въ другіе покои“; моя сноха, „которая три мѣсяца была больна“, „пришла въ отчаяніе жизни“; самъ я перепугался до того, что „чуть парализъ меня не ударилъ“.

Не зная за собой никакой вины, Калустовъ „возымѣлъ смѣлость“ спросить маіора, зачѣмъ онъ пришелъ?

„Такъ комендантъ приказалъ, грубо отвѣтилъ Булыгинъ“.

*) См. въ дѣлѣ 44/80 его прошеніе на имя генераль-прокурора, 27 Іюля 1798 г.

„Ежели солдаты присланы для постоя“, продолжалъ Калустовъ, я имѣю „три хорошихъ каменныхъ постоялыхъ дома и одну казарму; ведите ихъ туда“. Но маіоръ одно кричалъ: „Отворяй двери!“ Полураздѣтый, въ одной рубашкѣ, хозяинъ принужденъ былъ исполнить строгое приказаніе. „Веди, гдѣ у тебя лучшія комнаты!“ Калустовъ, ничего не понимая, указалъ „большую залу, коя вся мебельми была убрана на немалую сумму“. Маіоръ въ сопровожденіи тридцати девяти солдатъ ввалился туда.

„Позвольте!“ „съ учтивостью“ обратился къ Булыгину Калустовъ, „зачѣмъ же ихъ ведете въ „горницы?“

„А затѣмъ, что ты долженъ въ казну деньги и до сей поры не заплатилъ“.

„Но я не долженъ ни казнѣ и никому другому“.

„Покажи квитанцію!“ заоралъ на него маіоръ.—„Ваше Армянское общество должно платить казнѣ 12,320 руб.“.

„Что слѣдуетъ съ меня я заплатилъ, только не успѣлъ еще получить росписки, какъ и многіе нашего общества люди“.

„До тѣхъ поръ пока ты мнѣ не представишь квитанціи, я тебѣ не повѣрю и постоя съ твоего дома не сниму“, отвѣтилъ Булыгинъ и велѣлъ солдатамъ составлять въ залѣ ружья „и сѣсть на канапѣ“.

Тридцать девять человѣкъ остались въ этомъ домѣ, а съ тридцатью другими маіоръ отправился въ находившійся противъ домъ брата Калустова, гдѣ, не взирая на то, что хозяинъ только за двѣ недѣли передъ тѣмъ перенесъ тяжкую болѣзнь, „учинилъ“ тоже самое“.

Можно судить, что испытала въ это время семья сего послѣдняго, вновь заболѣвшаго отъ такой неожиданности „ослушника“; и вообразите, какой переполохъ надѣлала столь крутая мѣра выбиванія денегъ. „Астрахань,— говоритъ современникъ *),— въ это время представляла видъ плѣннаго города, гдѣ воины, разсыпаясь по домамъ, все наполняли ужасомъ; ибо здѣсь даже того хозяину не позволяли, чтобъ онъ перешелъ въ другой покой, но велѣно жить вмѣстѣ съ солдатами. Охальничество и поведеніе солдатское по симъ хорошо убраннымъ мебелированнымъ комнатамъ производило ужасъ и содроганіе. Вотъ

*) Протоіерей Ник. Скопичъ. См. его „Записки дневныя“ въ „Саратовскомъ Историческомъ сборникѣ“.

какъ вынуждаютъ контрибуцію! И по неволѣ отдашь то, что имѣешь, послѣднее. Отъ сего по всему городу разсѣялось уныніе. Такая строгость приводитъ въ недоумѣніе всѣ умы“.

На другой день купцы внесли въ казначейство часть денегъ, а 24 Іюня уплатили всѣ остальные. Однако, когда коменданту были представлены въ этой уплатѣ квитанціи, онъ не принялъ ихъ „въ резонъ“, а отослалъ губернатору, который также не счелъ нужнымъ удостовѣриться, дѣйствительно ли деньги внесены сполна, и не освободилъ горожанъ отъ тягостнаго постоя“.

„И солдаты по нынѣ въ домахъ нашихъ и въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ мы бываемъ и дѣла свои отправляемъ, съ нами живутъ вмѣстѣ“, жаловались потомъ горожане. Дома приведены въ безобразность, какъ-то: иные (солдаты) на полахъ моются, другіе трубку курятъ и горѣлый табакъ на полъ высыпаютъ, иные сѣмена и корки дынь и арбузовъ бросаютъ, гдѣ хотятъ, и разными неприличностями поступаютъ и несносное притѣсненіе чинятъ, чего всего въ подробности и описать не можно, а натура человѣческая не можетъ такового притѣсненія и непристойности видѣть и терпѣть“ ¹⁾.

Прибывшій въ Астрахань (28 Іюля) новый губернаторъ, д. с. с. И. С. Захаровъ ²⁾, хотя „облегчилъ“ положеніе гражданъ, но также окончательно „не освободилъ ихъ отъ постоя“. Тогда члены Азіатскаго суда принесли новому ген.-прокурору жалобу. П. В. Лопухинъ потребовалъ отъ Захарова объясненія. Въ огражденіе себя и Ртищева, губернаторъ ³⁾ представилъ дѣло въ иномъ видѣ, чѣмъ о томъ писали Астраханцы, обвинивъ во всемъ Городовой Магистратъ и Азіатскій Судъ и при этомъ увѣривъ Лопухина, что, какъ только „всѣ суммы собраны и внесены въ Казначейство, послѣ сего, нимало не медля, экзекуція была снята и каждый гражданинъ остался спокоенъ, кромѣ обыкновенныхъ солдатскихъ постоевъ, которые, по неимѣнію здѣсь казармъ, и до нынѣ въ домахъ ихъ, по распоряженію коменданта, остаются“.

Можетъ быть, по обыкновенію, и это дѣло кончилось бы ничѣмъ, но за своихъ единовѣрцевъ вступился архіепископъ Русскихъ Армянъ, извѣстный Іосифъ, князь Аргутинскій-Долгорукиѣ ⁴⁾, пользовавшійся

¹⁾ Изъ прошенія Калустова генераль-прокурору.

²⁾ Изъ Бѣлорусскихъ вице-губернаторовъ, назначенъ въ Астрахань указомъ 22 Апрѣля 1798 г.

³⁾ Письмомъ отъ 26 Октября 1798 г., за № 1275.

⁴⁾ Впослѣдствіи Католикосъ Эчмиадзинскій.

большимъ расположеніемъ императора Павла. Будучи въ Петербургѣ, при удобномъ случаѣ онъ доложилъ всѣ подробности Астраханской экзекуціи Государю, и Ртищевъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто 15 Ноября былъ присланъ генераль Талызинъ ¹⁾, человекъ, однако, тоже мало отличившійся мягкосердечіемъ. О немъ, напримѣръ, рассказываютъ ²⁾ такой характерный случай.

Одинъ офицеръ позволилъ смѣнившемуся съ часовъ и перезябшему отъ мороза солдату выпить рюмку вина. Талызинъ, прійдя въ казарму и обойдя всѣхъ солдатъ, замѣтилъ офицеру: „У васъ одинъ солдатъ пьянъ“. Капитанъ, зная о комъ идетъ рѣчь, прямо на чистоту рассказалъ коменданту „всю исторію, какъ она была“. Талызинъ всплилъ сильнымъ гнѣвомъ, видя въ этомъ поступкѣ нарушение закона: тотчасъ же приказалъ капитана арестовать, а солдата на другой же день прогналъ сквозь строй.

Такова была тогда строгость, граничившая съ безчеловѣчіемъ. Однако и въ это суровое время не могъ быть терпимъ такой рьяный исполнитель закона: черезъ три мѣсяца Талызинъ былъ смѣненъ ³⁾ и на его мѣсто въ Февралѣ слѣдующаго года прибылъ въ Астрахань болѣе мягкій человекъ генераль-маіоръ князь Николай Юрьевичъ Урусовъ.

II.

Смѣна ненавистныхъ комендантовъ, навѣрно, была пріятна многимъ Астраханцамъ, хотя далеко не облегчила ихъ участи, такъ какъ дома горожанъ попрежнему разрушались безобразнымъ солдатскимъ постоемъ. Чтобы избавить жителей отъ этого непосильнаго ига, высочайше было повелѣно построить въ Астрахани каменные казармы. Обсуждая эту благодѣтельную монаршую волю, городская дума, вмѣстѣ съ выборными отъ купцовъ и мѣщанъ, въ Февралѣ 1799 года рѣшила, до выстройки „оныхъ“, нанять подъ постой воинскихъ чиновъ „партикулярные“ дома, на что предложила ассигновывать ежегодно по 10,000 руб. Но потомъ, въ засѣданіи 23 Марта, „имѣла иное разсужденіе“. Въ виду того, что „вѣрнаго свѣдѣнія нѣтъ“ о томъ, когда „начнутся стройкою“ тѣ казармы, „по не отводу отъ Астраханскаго губернатора д. с. с. Захарова и коменданта князя Урусова удобныхъ подъ нихъ мѣстъ“, да ежели и будутъ отведены мѣста, то врядъ ли

¹⁾ Впослѣдствіи командиръ Преображенскаго полка, участвовавшій въ заговорѣ противъ Павла I.

²⁾ Въ „Дневныхъ запискахъ“ протоіерея Н. Скопина.

³⁾ Не это ли обстоятельство было причиной сильной ненависти Талызина къ Павлу, что онъ явился однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ противъ него?

въ два года могутъ быть выстроены зданія, а между тѣмъ городъ долженъ нести расходы и на постройку казармъ и одновременно на наемъ помѣщеній для воинскаго поста, и поэтому „на гражданство неминуемо“ ляжетъ „сугубое отягощеніе“, то, дабы избѣжать двойныхъ поборовъ съ общества, дума постановила: купить у именитаго гражданина Никиты Калустова каменный гостинный, называемый „*Милліонщиковымъ*“ и рядомъ съ нимъ деревянный, бывший купца Волковойникова дома, которые Калустовъ продавалъ за 65,000 руб., для чего поручить городскому головѣ заключить съ владѣльцемъ условіе.

На покупку назначены были деньги, вырученныя отъ бывшихъ на откупѣ у князей Куракиныхъ рыбныхъ промысловъ, и ассигнованная на постройку казармъ сумма. На „обдѣлку“ же и содержаніе сихъ домовъ произвести сборъ: „росписать оный въ два срока... на гражданство самымъ вѣрнымъ и одному противъ другого необходимымъ росчисленіемъ, которыя немедленно собрать“. По приѣмкѣ домовъ, если окажутся въ нихъ „годные къ помѣщенію покои; то въ нихъ немедленно перевести военнотружущихъ и гражданъ отъ поста облегчить“; „неспособные же покои“ „обстроить“ подъ наблюденіемъ городского головы „и потомъ ужъ въ оныя военнотружущихъ помѣстить, однакожъ наблюдая въ семь переводѣ порядокъ: если кто по раскладкѣ внесетъ деньги впередъ, у того „и постояльцевъ свезть всѣхъ, а кто будетъ платить по третямъ, у такихъ и постояльцевъ сводить противъ платежа, дабы всякъ, желая облегчить себя отъ поста, могъ скорѣе положенныя деньги отдавать, исключая изъ сего побора самыхъ бѣдныхъ вдовъ, сиротъ и мѣщанъ...“ „Когда же покупка законнымъ порядкомъ къ концу приведена и обдѣлка совершенно кончится, то о ввѣдѣ военнотружущихъ по узаконеніямъ, равно что высочайшее повелѣніе въ построеніи казармъ Россійскимъ купечествомъ выполнено, дума имѣетъ куда слѣдуетъ учинить донесеніе“.

Казалось бы, что, ради скорѣйшаго исполненія высочайшей воли, мѣстная власть сочувственно отнесется къ затѣи городской думы; однако, вышло наоборотъ. Губернаторъ Захаровъ, по свойственной ему подъяческой привычкѣ все порицать, усмотрѣлъ въ приговорѣ городского общества нарушеніе „правилъ, начертанныхъ въ высочайшемъ о городахъ положеніи“. Придравшись къ тому, что дума составила собраніе „безъ позволенія начальства“ и не донесла ему „о подписаніи горожанами приговора“, а также и на то, что городской голова Сергѣй Сѣдовъ, „не давъ ему ни малѣйшаго свѣдѣнія о началѣ и движеніи сего дѣла, уже заключилъ съ Калустовымъ торгъ, давъ по-

слѣдному въ задатокъ пять тысячъ руб.“, онъ потребоваль къ себѣ составленный обществомъ приговоръ, изъ котораго, „увидѣль нѣкоторыя черты (неизвѣстно только какія), заключающія причину сей таинственности“. Вслѣдствіе этого Захаровъ „предложилъ думѣ учинить новое собраніе“, на которое 4 Апрѣля явился самъ въ сопровожденіи губернскаго прокурора и совѣтника Губернскаго Правленія. Тутъ онъ обратился къ общественникамъ съ вопросомъ:

— Всѣмъ ли вамъ извѣстно о покупкѣ дома для поста военскыхъ чиновъ и желаете ли купить оный на „прописанномъ въ приговорѣ основаніи“

Всеобщимъ отвѣтомъ были желаніе и согласіе.

— Истинно, намѣреніе общества благоразумно и не подлежитъ никакому противорѣчію, больше ничего не могъ сказать губернаторъ, но только „не соблюденъ законный порядокъ какъ въ собраніи общества, такъ и въ самой покупкѣ дома“; и „предлагаль“ выборнымъ „средства къ поправленію того положенія, въ коихъ порядокъ закона соблюлъ бы и общественную пользу“.

„На сіе все общество изъявило во-первыхъ, извиненіе, а потомъ благодарность и согласіе привести дѣло въ законный порядокъ новымъ приговоромъ“. Но тому воспротивился городской голова Сѣдовъ, который, по уходѣ губернатора, склонилъ общественниковъ утвердить составленный 23 Марта приговоръ и „остаться при своихъ намѣреніяхъ“.

Узнавъ объ этомъ поступкѣ Сѣдова, Захаровъ „многократно призывалъ городского голову и нѣкоторыхъ почетныхъ гражданъ“ къ себѣ, „какъ представляль имъ незаконность поступка, склоняль къ поправленію онаго и убѣждалъ къ тому правилами закона. Но при всемъ томъ одинъ голова остался непреклоненъ, отзываясь тѣмъ, что такъ обществу угодно“, а въ томъ, „что собраніе и покупка дома были скрыты“ отъ губернатора, „представляль такія отговорки, которыя доказывали только, что есть въ семъ дѣлѣ чей либо интересъ, или упрямство противостоятъ начальству“, какъ потомъ жаловался Захаровъ генераль-прокурору *).

„Испытавъ такимъ образомъ всѣ средства убѣжденія и не получивъ успѣха“, губернаторъ возвратилъ приговоръ въ Думу и, „не приступая ни къ какому подвигу во огорченіе общества, рѣшилъ обстоятельство сіе предать благоуваженію“ его свѣтлости князя Лопухина,

*) Письмомъ отъ 12 Апрѣля 1799 г., № 735 въ дѣлѣ Астрахан. губерн. архива за тотъ же годъ № 76.

настроивъ и губернскаго прокурора Тарасова донести генераль-прокурору „подробнѣйшія объясненія дѣла“.

„Имѣя данное мнѣ законами право,—говорилъ Захаровъ въ своей жалобѣ,—могъ бы я отослать виновныхъ къ суду; но дабы не явить свѣту, что въ личной моей обидѣ учиняюсь истцемъ и судією, признаю за приличнѣйшее предать себя защитѣ высшей власти, а поступокъ общества, наипаче же городского головы Сѣдова, правосудному разсмотрѣнію оной“.

На самомъ же дѣлѣ, какъ увѣряетъ современникъ протоіерей Скопинъ, цѣль этой придирки губернатора къ городскому обществу была иная и не имѣвшая въ основѣ отстаиванія существовавшихъ правилъ и узаконеній. Захаровъ „воспылалъ гнѣвомъ на купеческое сословіе потому, что, благодаря этому случаю, хотѣлъ взять съ него себѣ въ даръ 10,000 руб. Какими побужденіями руководствовался онъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ, мы не знаемъ, ибо слово и сердце у такихъ людей почти всегда не согласны“ (между собой). „Онъ бралъ на себя слишкомъ много и говорилъ такія слова, которыя оказывали въ немъ очень великаго самохвала. Въ городѣ его называли „старымъ подъячимъ“, ибо происходилъ онъ изъ низкихъ людей; но, имѣвши случай научиться приказнымъ дѣламъ, а также и другимъ свѣдѣніямъ, обратилъ сіе въ худую сторону. Одна корысть была предметомъ всѣхъ его начинаній и дѣлъ. Имѣя покровителемъ свояка своего, любимца и гардеробмейстера Государева, графа Кутайсова, онъ не боялся все предпринимать и дѣлать...“ (противозаконно).

Однако не такъ взглянулъ на его происки генераль-прокуроръ Лопухинъ. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 20 Іюня того же года, князь счелъ обязанностью отозваться: „буде вы, милостивый государь мой, усматриваете, что Городская Дума не повинуется законной власти и выходитъ изъ предѣловъ, ей законами предначертанныхъ, въ такомъ случаѣ имѣете власть отослать присутствующихъ въ оной къ суду по законамъ“.

Но Захаровъ, видимо, не хотѣлъ затѣвать такой огласки, гдѣ онъ могъ бы изъ обвинителя обратиться въ отвѣтчика. Поэтому онъ началъ дѣйствовать, мимо Лопухина, чрезъ Кутайсова, писалъ въ Петербургъ „разные несправедливые доносы“, дѣлалъ различныя злобныя о городскомъ головѣ представленія, „склоняя свои рѣчи къ тому, что онъ (Сѣдовъ) возмущаетъ общество“. „Слѣдствіемъ этого было то, что весь городъ остался въ порицаніи, а голова (въ Декабрѣ 1799 г.) взять въ Петербургъ къ отвѣту“. Въ Мартѣ слѣдующаго года были

потребованы къ Государю Императору еще пять человѣкъ изъ городскихъ депутатовъ Русскихъ и Армянъ. Послѣдніе, впрочемъ, вскорѣ возвратились въ Астрахань, но голову посадили на мѣсяць въ Петербургскую крѣпость „на хлѣбъ и на воду“, и, кромѣ того, „въ прекращеніе ссоръ его велѣно смѣнить“. Захаровъ же, черезъ нѣсколько дней послѣ того, получилъ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, неизвѣстно только за это ли событіе или за какія другія подобныя же заслуги...

П. Юдинъ.

УКАЗЪ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВУ ОТЪ ГРАФА П. Б. ШЕРЕТЕВА.

Просилъ меня графъ Романъ Ларивоновичъ Воронцовъ, чтобы позволено ему было отъ меня ѣздить въ дачахъ Копорскихъ моихъ мызъ съ собаками; но какъ я всегда обязанъ дружбою Романа Ларионыча, ѣздить ему дозволилъ, о чемъ къ нему писалъ, а притомъ послалъ къ тамошнему прикащику и указъ. Того ради тамошнему прикащику подтвердить, чтобы въ силу указа моего онъ бы съ нимъ обходился учтивѣе, а притомъ можетъ быть ему случится въ моихъ мызахъ ночевать, чтобы какое можно ему старался сдѣлать удовольствіе.

Г. Петръ Шереметевъ.

Въ Москвѣ 20 Марта 1777 г.

*

Петръ Александровъ отписываетъ въ отвѣтъ.

Присланное отъ вашего сіятельства письмо его сіятельству графу Роману Ларивоновичу отнесено мною самимъ и вручено персонально сего Марта 25 числа, на что отъ его сіятельства приказано вашему сіятельству отписать нижайшее почтеніе и благодарность. Не оставить же и самъ къ вашему сіятельству писать.

Въ С.-ПБ. 27 Марта 1777 г.

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

I.

Копія съ письма полковника Янковскаго отъ 19 Января 1879 г. изъ Филиппополя къ военному министру.

Еще разъ позволяю себѣ сдѣлать докладъ вашему сіятельству, руководясь побужденіемъ хотя сколько-нибудь содѣйствовать къ уясненію положенія дѣлъ въ Восточной Румелии.

Въ концѣ Ноября и Декабря минувшаго года я сдѣлалъ объѣздъ изъ Ямбола въ Сливенъ, Кизиль-Агачъ, Карнабатъ, Айдосъ, Бургасъ.-Акіолу и Ени-Загру.

Главная цѣль объѣзда состояла въ томъ, чтобы примѣнить къ дѣлу возможно-прочно писанныя правила о полиціи.

Въ числѣ жандармовъ, кромѣ Болгаръ, есть Греки и нѣсколько Турокъ. Приставá всѣ Болгары: народъ большею частью способный, здоровый и трезвый. Но почти всѣмъ чинамъ здѣшней полиціи присущи два порока: приниманіе отъ жителей подачекъ, въ видѣ жизненныхъ продуктовъ, фуража и даже денегъ, и грубое обращеніе.

Пороки эти, составляя прямое наслѣдіе Турецкихъ временъ, до такой степени вкоренены, что даже сами жители, повидимому, не усматривали въ нихъ ничего дурного, и мнѣ приходилось выслушивать отъ сравнительно-интеллигентныхъ Болгаръ убѣжденіе, что принятіе подачекъ не можетъ ослабить энергіи чиновъ полиціи и что здѣшній народъ настолько привыкъ видѣть полицейскихъ съ калянками (нагайками), что только съ помощью ихъ жандармы будутъ въ состояніи добиваться исполненія ихъ законныхъ требованій. Я старался убѣдительно внушить чинамъ полиціи, что должна существовать большая разница между Турецкимъ заптіемъ и Болгарскимъ жандармомъ, такъ какъ первый бывалъ обыкновенно притѣснителемъ, а послѣдній назначается для охраны и защиты общества. вмѣстѣ съ тѣмъ реко-

мендовалъ окружнымъ начальникамъ и приставамъ принять самыя серьезныя мѣры для возможнаго устраненія этихъ пороковъ.

Замѣчательно, что Болгары съ особенною охотою поступаютъ на службу въ полицію. Хотя здѣсь еще нѣтъ куда способныхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, которыми со временемъ будетъ по преимуществу пополняться полиція, тѣмъ не менѣе, за малыми исключеніями, во всѣхъ округахъ комплектъ жандармовъ полный. Казеннаго оружія полиція еще не получила; но мнѣ почти не случалось встрѣтить жандарма, который бы не имѣлъ собственнаго ружья (большею частью Мартини) и какой-нибудь сабли или ятагана.

Кромѣ полиціи здѣсь, въ послѣднее время, принимаетъ широкіе размѣры устройство сельскихъ вооруженныхъ карауловъ.

Я уже имѣлъ честь доложить вашему сіятельству тѣ главныя основанія, на которыхъ учреждаются здѣсь караулы. Розданныхъ для этой цѣли 2,500 ружей въ Восточной Румелии признается весьма недостаточно. Въ настоящее время генераль-губернаторъ, съ разрѣшенія Императорскаго комиссара, предполагаетъ выдать изъ существующихъ складовъ нѣсколько десятковъ тысячъ винтовокъ Кренкока съ патронами, для вооруженія, почти поголовно, Болгарскихъ селеній въ Родопскихъ горахъ и для устройства сельскихъ карауловъ въ частяхъ округовъ: Карнобатскаго, Адоескаго, а также и Ахіоскаго, лежащихъ въ Балканскихъ горахъ и у ихъ подножія.

Такая мѣра признана вполне необходимою въ виду полученныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что Турки поспѣшно вооружаютъ и обучаютъ поголовно все Магометанское населеніе Родопскихъ горъ.

Устройство же сельскихъ карауловъ въ Балканахъ послужитъ къ самозащитѣ тѣхъ Болгарскихъ селеній, которые лежатъ или въ предѣлахъ бывшей демаркаціонной линіи, или вблизи ея, такъ какъ въ той мѣстности находится много Турецкихъ деревень, у жителей которыхъ, по всей вѣроятности, хранится спрятанное оружіе.

О намѣреніи вооружить жителей Родопскихъ горъ генераль-лейтенантъ Столыпинъ сообщилъ Европейскимъ комиссарамъ и доложилъ главнокомандующему дѣйствующею арміею.

Обученіе людей карауловъ обращенію съ ружьемъ и стрѣльбѣ по распоряженію генерала Столыпина производится унтеръ-офицерами отъ частей пѣхоты, при чемъ жители съ особенною охотою относятся

къ дѣлу *). Въ городѣ Ени-Загрѣ мнѣ случилось видѣть, какъ съ разрѣшенія унтеръ-офицера обучалъ селянъ, въ присутствіи множества зрителей, мѣстный табачный фабрикантъ, въ длинномъ кафтанѣ, служившій прежде въ Болгарскомъ ополченіи. Интересно было видѣть, съ какою, можно сказать, яростью онъ произносилъ командныя слова и поправлялъ прикладку и съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ относились къ его наставленіямъ стоявшіе въ шеренгѣ поселяне.

Переходя за симъ къ описанію положенія страны въ политическомъ отношеніи, я, прежде всего, долженъ повторить, что, по крайнему моему убѣжденію, Болгары вообще народъ добрый, нравственный, честный и безпредѣльно и вполнѣ искренно преданный Государю Императору и нелицеприятно любящій Россію и Русскихъ.

Я стараюсь изучить здѣшнюю страну не только въ городахъ и на большой дорогѣ, но и въ деревняхъ, лежащихъ совсѣмъ въ сторонѣ. Мнѣ часто приходилось и приходится слышать порицанія Болгарскаго народа за его несообщительность и недружелюбныя къ намъ отношенія.

Такое обвиненіе едва ли вполнѣ основательно. Тяжкое прошлое, пережитое Болгарами, испытанныя разочарованія и разбитыя надежды не могли конечно выработать въ нихъ довѣрчиваго и особенно веселаго характера. Кромѣ того, самыя климатическія условія не содѣйствовали ли въ теченіе продолжительнаго времени созданію характера Болгарина, во многомъ сходнаго съ нашимъ Малороссомъ? Тамъ и здѣсь замѣчается сосредоченность, недовѣрчивость и неохотная общительность. Наконецъ, въ случаѣ неизбѣжности, движеніе усиленное войскъ чрезъ всякую страну служить къ нѣкоторому ея обремененію, причемъ трудно ожидать, особенно отъ малоразвитыхъ жителей, наружныхъ проявленій радости и удовольствія.

Народный характеръ Болгаръ и ихъ политическія убѣжденія обрисовываются болѣе важными общими проявленіями, изъ коихъ нѣкоторыя позволяю себѣ привести.

Дорога изъ Ямболя въ Бургось была вѣроятно въ прежнее время поссирована, но теперь, особенно въ распутицу, она возможна для проѣзда только съ величайшими трудностями. Въ концѣ Ноября и въ началѣ Декабря минувшаго года грязь чернозѣма, доходящая до сту-

*) Въ одномъ только Хаскіоскомъ округѣ было нѣсколько случаевъ отказа жителей брать раздаваемое оружіе. Явленіе это, полагаю, слѣдуетъ отнести къ безтактности начальника округа.

пиць колесъ, составляла обыкновенное явленіе. Мѣстами дорога была усыпана крупнымъ неукатаннымъ щебнемъ, и на ней часто попадались большіе булыжные камни.

По пути я встрѣчалъ обозы, погонщики которыхъ жестоко били замороженныхъ лошадей и бросали нѣкоторыхъ на дорогѣ, оставляя ихъ околѣвать отъ изнуренія и голода. У самой дороги можно было видѣть падаль, пожираемую воронами и собаками, благодаря которымъ и холодному времени, воздухъ казался не зараженъ смрадомъ *).

Дорога эта, послѣ Берлинскаго договора, получила особенное значеніе, движеніе по ней усилилось, и представилась настоятельная необходимость привести ее въ возможно лучшее состояніе.

Это было косвенною причиною разоренію придорожныхъ мѣстностей.

Количество рабочаго скота въ Восточной Румеліи весьма значительно уменьшилось вслѣдствіе большой войны, но и остающійся скотъ у придорожныхъ жителей окончательно изнуряется непосильною подводною повинностью. Безъ сомнѣнія, нужды нашей арміи должны быть прежде всего удовлетворены, и во что бы то ни стало; но нельзя не входить и въ положеніе жителей, вынужденныхъ истощать послѣднія силы своего скота, составляющаго главный источникъ ихъ благосостоянія.

При такомъ положеніи мнѣ ни разу не приходилось слышать ропота или нареканій, несмотря еще на то, что, по заявленіямъ нѣкоторыхъ начальниковъ округовъ, бывали случаи, когда войска вынуждались необходимостью подводы, взятые на одинъ переходъ, задерживать на дальнѣйшій путь, что приводило къ окончательному изнуренію и даже смерти рабочаго скота.

Не могу также не доложить вашему сіятельству одной изъ подробностей происшествія 30 Ноября въ г. Ени-Загрѣ, куда главный директоръ финансовъ Восточной Румеліи Шмидтъ, Австрійскій комиссаръ Калай и второй Англійскій комиссаръ Донмаръ прибыли для приѣма казначейства.

Наши недоброжелатели хотѣли придать дѣлу значеніе сопротивленія, чуть даже не насилія со стороны мѣстнаго населенія, противъ

*) Ген.-лейт. Столыпинъ донесъ главнокомандующему о состояніи дороги. Ген.-ад. Тотлебенъ, признавъ свѣдѣнія о дорогѣ вѣрными, рѣшился принять энергичныя мѣры для возможнаго ея исправленія.

Европейскихъ комиссаровъ. Въ дѣйствительности же оказалось, что ежели бы со стороны г. Калая было высказано болѣе такта, то, несмотря на всю ненависть, которую здѣшніе жители питають къ Европейской Комиссіи и ея работамъ, а въ особенности къ г. Шмидту (замѣчательному Туркофилу), все окончилось бы благополучно, хотя, впрочемъ, и такъ Европейскіе делегаты не подверглись никакимъ оскорбленіямъ. Но когда г. Калай началъ объяснять жителямъ, что комиссія имѣетъ въ виду улучшить ихъ бытъ, дать имъ зерно для обсемененія полей и рабочій скотъ, то Енизагрскіе Болгары, которымъ дѣйствительно угрожаетъ голодъ *), отвѣтили, что принять отъ Комиссіи не желаютъ ничего, что постараются безъ ея помощи перенести угрожающій имъ голодъ, что когда въ прошломъ году ихъ рѣзали Турки, то они обращались къ консуламъ въ Адрианополѣ, прося защиты, но просьбы ихъ были отвергнуты и что они знаютъ своихъ друзей и недруговъ, что одинъ лишь Русскій Царь и его народъ сочувствуютъ Болгарамъ, и въ заключеніе толпа возгласила „да живе Царь Александръ!“

Такіе возгласы были, конечно, не на руку г. Калаю и его спутникамъ, почему они и поспѣшили представить происшествіе едва не въ видѣ бунта.

Замѣчательное самообладаніе и политическій тактъ, съ которымъ до сего времени держали себя жители Восточной Румелии въ виду настоящихъ событій.

Извѣстна ненависть здѣшняго народа къ Европейской комиссіи, почему, при подобныхъ обстоятельствахъ, даже и въ странѣ болѣе цивилизованной, возможны были бы печальныя столкновенія. Здѣсь же, несмотря на то, что господа комиссары нерѣдко подають поводъ къ беспорядкамъ, таковыхъ почти не случается. И точно, Англійскіе делегаты посылають своихъ подчиненныхъ производить дознанія въ деревни, и народъ, имѣя устроенную нами полицію, не оскорбляетъ и не задерживаетъ производящихъ дознаніе. Кавасы комиссаровъ свободно ходятъ по городу въ фескахъ и нѣкоторые при оружіи. Недавно первый Англійскій комиссаръ Друммондъ Вольфъ, не обращаясь къ

*) Голодъ угрожаетъ не только Ени-Загрскому округу, но и нѣкоторымъ другимъ, въ которыхъ недостаетъ хлѣба до новаго урожая, особенно въ случаѣ ожидаемаго наплыва бѣженцевъ изъ мѣстностей, которыя будутъ оставлены нашими войсками. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, озабочиваясь предотвращеніемъ бѣдствій, полагаетъ перевезти для раздачи нуждающимся въ Восточной Румелии изъ Болгаріи хлѣбъ, взятый въ Турецкихъ складахъ и собранный съ оставленныхъ Турками полей.

мѣстной полиціи, послалъ своихъ кавасовъ для приведенія водовоза, позваннаго въ другой дворъ.

Но особенно ярко Болгары выразили политическій тактъ 4 Января, въ день празднованія годовщины занятія нашими войсками Филиппополя, который чрезъ это былъ спасенъ отъ разграбленія. Никакой предосудительной выпадки, никакой враждебной Туркамъ демонстраціи и вообще ни малѣйшаго безпорядка не было произведено Болгарами. Наружное спокойствіе не исключаетъ однако возбужденія и броженія умовъ, которыя здѣсь усиливаются съ каждымъ днемъ. До послѣдняго времени Болгары твердо вѣровали, что прежде ухода нашихъ войскъ состоится сліяніе Восточной Румеліи съ Болгаріею, благодаря усиліямъ нашего правительства. Такое убѣжденіе они основывали между прочимъ и на томъ, что вводимыя нами учрежденія были тождественны для Румеліи и Болгаріи и что земское войско формировалось на однихъ началахъ и имѣло общее начальство.

Въ настоящее время, особенно послѣ передачи Европейской Комиссіи, финансовъ страны здѣшніе Болгары начинаютъ думать, что, не смотря на самое искреннее желаніе, наше правительство, въ силу сложившихся политическихъ обстоятельствъ, не въ состояніи будетъ провести дѣло сліянія частей Болгаріи.

Но снова попасть подъ власть султана большинство Болгаръ считаетъ положительно невысказаннымъ. „Кто послѣ жестокаго рабства“, говорятъ они, „испыталъ въ теченіе года блага свободы и хорошаго управленія, тотъ не можетъ добровольно положить шею подъ ярмо“. Султану они не вѣрятъ и считаютъ его бессильнымъ. Они выражаютъ, что на основаніи ст. XVI Берлинскаго договора, генераль-губернатору предоставляется право призвать въ страну Оттоманскія войска, причемъ Порты обязана поставить лишь въ извѣстность представителей державъ въ Константинополь о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ его вызвавшихъ. Такимъ образомъ, еще прежде сообщенія Порты, войска ея внесутъ въ страну убійство и разореніе.

Когда въ здѣшней газетѣ „Марица“ начали печатать выработываемый Комиссіею проектъ Устава для устройства Восточной Румеліи, то немедленно въ той же газетѣ появилось отъ жителей Казалинскаго и Татаро-Базарджикскаго округовъ телеграммы, въ которыхъ высказывается рѣшимость скорѣе умереть до послѣдняго человѣка, нежели снова подпасть подъ власть султана. Полагаю, что съ уходомъ нашихъ войскъ здѣсь легко можетъ вспыхнуть возстаніе, что, повидимому, тѣмъ болѣе вѣроятно, что, во время моихъ поѣздокъ, я могъ убѣ-

даться въ существованіи въ рукахъ Болгаръ большого числа исправнаго оружія и большого количества патроновъ.

Въ послѣднее время здѣсь стали ходить слухи, что именитые Болгары, на предстоящемъ собраніи въ Тырновѣ, откажутся разсматривать органическій Уставъ, который имъ будетъ представленъ Императорскимъ комиссаромъ на томъ основаніи, что будутъ считать себя неуполномоченными безъ присутствія представителей другихъ частей Болгаріи: Фракіи и Македоніи.

Кромѣ того въ Болгаріи появилась печатная прокламація (каково трѣба да са прави“ (какъ нужно дѣйствовать). Въ прокламаціи этой совѣтуютъ именитымъ гражданамъ Болгаріи, по заявленію на собраніи въ Тырновѣ о томъ, что они не могутъ разсматривать органическаго Устава, разойтись по домамъ. Сверхъ того прокламація рекомендуетъ предупредить Турокъ занятіемъ охотниками Балканскихъ проходовъ.

Нужно полагать, что князь Дондуковъ-Корсаковъ, которому извѣстны и слухи, и прокламаціи, устроить дѣло такъ, что въ Тырновѣ безпрепятственно будутъ происходить предполагаемыя занятія.

Въ заключеніе имѣю честь доложить, что изъ разныхъ частей Восточной Румелии собираются также депутаты отправиться на собраніе въ Тырново. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я говорилъ и объяснялъ, что они не будутъ допущены на собраніе. На это мнѣ отвѣчали, что почти увѣрены, что ихъ не допустятъ, но, что, явившись въ Тырново, ни исполнять свой политическій долгъ.

II.

Копія съ конфиденціального отношенія генераль-губернатора Восточной Румелии г. послу въ Константинополь отъ 10 Марта 1879 г. № 460.

Уѣзжая въ Адрианополь 20 Февраля, я наканунѣ моего отъѣзда узналъ, почти случайно, что директоръ финансовъ г. Шмидтъ собирается совершить объѣздъ окружныхъ казначействъ Сливенской губерніи и части Филиппопольской.

Не имѣя времени до отъѣзда принять мѣры къ обезпеченію этой поѣздки, я немедленно послалъ мѣстнаго полицеймейстера Соколовскаго къ Французскому делегату Кутули и просилъ его отклонить поѣздку г. Шмидта впредь до моего возвращенія. Мнѣ казалось это тѣмъ возможнѣе, что директоръ финансовъ почти два мѣсяца какъ собирался объѣхать окружныя казначейства, къ исполненію чего я

его даже вначалѣ поощрялъ, считая его ознакомленіе на мѣстѣ съ финансами страны далеко не бесполезнымъ и находя, что въ то время спокойное настроеніе жителей обезпечивало безопасность этого путешествія.

Къ сожалѣнію не таковы были взгляды г. Шмидта и его руководителя Австрійскаго делегата Каллая; имъ нужно было для объѣзда страны болѣе возбужденное время; имъ, какъ видно, желательно было дожидаться Тырновскаго собранія и Адрианопольской эмиграціи, чтобы заручиться такимъ настроеніемъ умовъ, которое служило бы порукою того, что беспорядки будутъ и что удастся доказать безсиліе Русской власти къ подавленію оныхъ.

Тѣмъ не менѣе я могъ уѣхать спокойно въ Адрианополь, такъ какъ полицеймейстеръ принесъ мнѣ отъ г. Кутули совершенно успокоительный отвѣтъ: поѣздка Шмидта видимо отлагалась до моего возвращенія.

Послѣдовавшее, за время моего отсутствія, засѣданіе международной комиссіи совершенно измѣнило первоначальныя предположенія. Отъ Шмидта нѣкоторые изъ делегатовъ потребовали, чтобы онъ ѣхалъ немедленно; г. Кутули не удалось отстоять даннаго мнѣ имъ обѣщанія; отъѣздъ директора финансовъ былъ рѣшенъ, причемъ опять-таки совершенно противно моимъ неоднократнымъ просьбамъ: объездъ Сливенской губерніи долженъ бы начать быть г. Шмидтомъ не съ города Сливны, а съ округовъ.

Получивъ это извѣстіе въ Адрианополѣ, я немедленно телеграфировалъ временному предсѣдателю Европейской комиссіи барону Рингу и просилъ его либо отложить, согласно данному мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ обѣщанію, поѣздку Шмидта до моего возвращенія, либо во всякомъ случаѣ направить ее прямо въ городъ Сливну, гдѣ онъ могъ бы предварительно сговориться съ губернаторомъ и получить отъ него надлежащія инструкціи и предписанія.

Въ помянутой телеграммѣ я указывалъ барону Рингу на послѣдовавшее по настоящему дѣлу совершенное пренебреженіе моими совѣтами и просьбами и слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія подобнаго рода образа дѣйствій.

Какъ имѣлъ честь уже сообщить вашему сіятельству въ предпослѣднемъ моемъ донесеніи отъ 27 Февраля, съ перваго шага директора финансовъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Болгаръ. Въ

Хаскію толпа окружила зданіе казначейства и потребовала отъѣзда нежеланнаго гостя.

Отправившійся немедленно на мѣсто происшествія Филиппопольскій губернаторъ принялъ энергическія мѣры къ подавленію беспорядковъ, арестовалъ предполагаемыхъ зачинщиковъ и доставилъ г. Шмидту возможность произвести ревизію казначейства. Въ Хаскію мною была въ наказаніе назначена экзекуція, т.-е. распредѣлена въ городѣ на постой и на полное содержаніе жителей войсковая часть.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я отправилъ въ распоряженіе г. Шмидта, для охраны его личности, двухъ вполне надежныхъ Русскихъ жандармовъ.

Съ легкой руки города Хаскію, дальнѣйшая поѣздка г. Шмидта вызывала все сильнѣйшіе беспорядки. Въ Ямболѣ толпа гораздо уже многочисленнѣе и грознѣе окружила домъ, въ которомъ остановился директоръ финансовъ, и требовала немедленнаго выѣзда его изъ города.

Впереди толпы стояли женщины и дѣти, за ними мужчины, и масса эта занимала не только пространство передъ домомъ, но и крыши сосѣднихъ домовъ; всѣ увѣщанія окружнаго начальника, уговаривавшаго толпу разойтись, оказались тщетными; смѣльчаки стали пытаться вломиться въ двери, отдѣлявшія толпу отъ помещенія, занимаемаго Шмидтомъ, и жандармы съ большимъ лишь трудомъ могли сдержать напоръ толпы.

Старшій въ городѣ по чину генераль-маіоръ Маркозовъ, узнавъ о происходящемъ, вышелъ къ толпѣ и старался вразумить ее на счетъ дѣйствительнаго положенія г. Шмидта и его дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль Маркозовъ потребовалъ роту сапѣръ и полусотню казаковъ. Сапѣры и казаки, оцѣпивъ толпу, заставили ее разойтись. Лишь тогда были допущены депутаты для переговоровъ съ директоромъ финансовъ. Г. Шмидтъ, обратясь къ депутатамъ, объявилъ имъ, что онъ не Турокъ и не Англичанинъ, что работа его не имѣетъ ничего общаго съ политикою, что назначенъ онъ на занимаемую имъ должность по волѣ, между прочимъ, и Русскаго Государя; что онъ любитъ Болгарскій народъ и т. п. При этомъ г. Шмидтъ прибавилъ, что его совершенно искреннее желаніе видѣть Восточную Румелію скорѣе слившеюся съ Сѣвѣрною Болгарією. Депутаты благодарили его, пожимали ему руки, приговаривая: „это все очень хорошо, но ты-то все-таки уѣзжай отъ насъ сейчасъ же, мы тебѣ желаемъ счастливаго пути“. „Нельзя было“,—пишетъ генераль Маркозовъ,— „внутренно не смѣяться, слушая эту любезность депутатовъ; невольно

какъ-то вспоминалось извѣстное: „bona sero—Don Basilio“, изъ „Сивильскаго Цирюльника“.

Видя безуспѣшность своихъ переговоровъ съ депутатами и опасаясь сильнѣйшихъ беспорядковъ, директоръ финансовъ 28 Февраля выѣхалъ по дорогѣ въ Сливну, сопровождаемый конвоемъ изъ десяти казаковъ.

Въ то время, какъ происходили вышеназложенныя волненія въ Ямболѣ, въ народѣ Сливнѣ съ утра 28 Февраля заволновался и зашумѣлъ, провѣдавъ о предстоящемъ приѣздѣ г. Шмидта.

Десятитысячная народная масса, собравшаяся въ городѣ наканунѣ для привѣтствованія проѣзжавшаго въ тотъ день черезъ Сливну главнокомандующаго, стала сходить къ зданію, занимаемому присутственными мѣстами. Губернаторъ вышелъ къ толпѣ и спросилъ о цѣли сборища. Ему отвѣчали одни, что въ Сливну ѣдетъ какой-то паша съ Турецкими войсками; другіе, что желаютъ видѣть г. Шмидта. Разъяснивъ народу дѣйствительную цѣль приѣзда Шмидта, губернаторъ приказалъ сборищу немедленно разойтись, что и было исполнено. Въмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о командированіи навстрѣчу г. Шмидту вице-губернатора и полицеймейстера съ жандармами и казаками.

Нѣсколько часовъ спустя, губернаторъ лично выѣхалъ по дорогѣ въ Ямболи. Близъ города онъ встрѣчалъ ежеминутно кучки народа, съ которыми говорилъ и которымъ приказывалъ расходиться. Народъ сходилъ съ дороги; но, какъ стало извѣстно лишь потомъ, не расходился домой, а прятался по канавамъ вдоль шоссе. На случай новыхъ беспорядковъ были вызваны 2 роты расположеннаго въ городѣ 4-го резервнаго баталіона. Около 4 часовъ дня прискакали вице-губернаторъ и полицеймейстеръ и доложили губернатору, что г. Шмидтъ, будучи остановленъ по дорогѣ толпою, состоявшею почти исключительно изъ женщинъ, заявившихъ ему на Турецкомъ языкѣ, что населеніе города не желаетъ его видѣть, не рѣшился продолжать своего путешествія и вернулся назадъ въ Ямболи.

Губернаторъ немедленно командировалъ вице-губернатора догнать г. Шмидта и уговорить его вернуться въ Сливну. Въ томъ же смыслѣ вечеромъ была послана губернаторомъ телеграмма г. Шмидту въ Ямболу.

Но все убѣжденія оказались тщетными: директоръ финансовъ не рѣшился ѣхать въ Сливну, такъ какъ бывшій въ Ямболи началь-

никъ этаповъ генераль Тихменевъ не далъ ему ручательства въ безопасности поѣздки, какъ того требовалъ отъ него Шмидтъ и, переночевавъ въ Ямболи на станціи желѣзной дороги, онъ на другой день, т.-е. 1 Марта, вернулся въ Филиппополь.

Получивъ извѣстіе о происходившемъ и узнавъ о возвращеніи въ Филиппополь г. Шмидта, я немедленно рѣшилъ ѣхать лично въ Сливну и предложилъ директору финансовъ сопровождать меня въ этой поѣздкѣ. вмѣстѣ съ Шмидтомъ вызвался ѣхать со мной и 2-й Французскій делегатъ г. Кутули, докладчикъ финансоваго комитета.

По пріѣздѣ моемъ въ Ямболи, господствовалъ полнѣйшій порядокъ. Народъ привѣтствовалъ меня восторженными кликами въ честь Россіи, Русскаго Царя, и одновременно, провѣдавъ, что со мною ѣдетъ Французскій делегатъ г. Кутули, выразилъ свое сочувствіе къ Франціи и ея политикѣ самыми искренними и единодушными привѣтствіями.

Я не счелъ возможнымъ принять въ Ямболи строгихъ карательныхъ мѣръ. Я ограничился лишь вызовомъ къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ жителей города, разъяснивъ имъ совершенную неумѣстность произведенныхъ демонстрацій. вмѣстѣ съ тѣмъ я удалилъ отъ должности окружнаго начальника, который выказалъ себя, при бывшихъ въ Ямболѣ беспорядкахъ, непредусмотрительнымъ и весьма нераспорядительнымъ. Наблюденіе за порядкомъ въ городѣ возложено было мною *на мѣстное гимнастическое дружество*.

3 Марта утромъ я выѣхалъ въ Сливну въ сопровожденіи г. Кутули и Шмидта. Встрѣченный у вѣзда въ городъ почти всѣмъ народонаселеніемъ, я продолжалъ путь среди громкихъ криковъ восторженной толпы. Кидали цвѣты, кричали да здравствуетъ Русскій Царь! да здравствуетъ Русскій народъ и Русское войско! Вдоль улицы были разставлены шпалерами члены гимнастическаго дружества, числомъ до двухъ тысячъ человекъ.

Въ 5 часовъ дня большая толпа собралась у зданія конака, въ которомъ помѣщается касса, и у дома занимаемаго губернаторомъ, въ которомъ я остановился. Раздались громкія требованія о немедленномъ выѣздѣ изъ города г. Шмидта, непріязненные ему восклицанія перемѣшивались съ восторженными привѣтствіями намъ, Русскимъ и Франціи, въ лицѣ ея симпатичнаго представителя г. Кутули. Стремясь разсѣять толпу, я выслалъ къ ней губернатора и полковника Кисякова. Затѣмъ я вышелъ и самъ къ толпѣ. Головы обнажились,

раздались обчныя восклицанія, женщины кидались на меня, цѣловали мнѣ руки и ноги и слезно молили не выдавать ихъ Туркамъ. „Бей насъ, кричали онѣ, убей насъ, если хочешь, но не дадимъ мы кассы Шмидту“. Я приказалъ арестовать наиболѣе выдававшихся крикуновъ и подвергнулъ ихъ административному взысканію.

Требовать рѣшительно удаленія толпы я не считъ нужнымъ, такъ какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь 80 человекъ резервнаго баталіона и неопытанную еще мною дружину, мое требованіе вѣроятно не было бы исполнено, что меня компрометировало бы.

Въ это самое время толпа старухъ и вдовъ, мужья коихъ были убиты Турками, собралась у крыльца конака и выражала рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ допустить Шмидта къ кассѣ. Возбужденіе и ненависть къ возвращенію Турецкихъ порядковъ особенно сильны между женщинами. Причину этого мы находимъ въ тѣхъ словахъ, съ которыми одна изъ матерей-Болгарокъ обратилась къ Шмидту въ тотъ же день 3 Марта, когда онъ, въ сопровожденіи воинскаго начальника, вышелъ гулять по городу: „я потому не люблю Турокъ“,— кричала одна женщина, обращаясь къ г. Шмидту и смотря ему прямо въ лицо,—„что у меня было пять такихъ же какъ ты рослыхъ болвановъ-сыновей, и всѣ они пали въ борьбѣ съ Турками“.

Желая доказать толпѣ, что не боюсь ея и считая въ тоже время необходимымъ показать иностранцамъ, что созданныя нами гимнастическія дружества не производятъ беспорядковъ и приучены къ дисциплинѣ, я приказалъ поставить какъ къ двери моей квартиры, такъ и къ дверямъ конака караулъ изъ членовъ дружества. Одновременно я сдѣлалъ секретное распоряженіе о ввѣдѣ въ Сливну Шуйскаго полка, стоявшаго въ двухъ переходахъ отъ Сливны.

Къ вечеру 3 Марта народъ сталъ расходиться, но, къ сожалѣнію, лишь для того, чтобы на другой день, т.е. 4 Марта, съ утра собраться еще въ большихъ размѣрахъ. Стекался народъ изъ окрестныхъ ближайшихъ къ Балканамъ селеній, и всѣ выражали одну упорную, мрачную ненависть къ Шмидту, какъ предвѣстнику возвращающагося Турецкаго управленія. Толпа пыталась окружить и занять домъ, въ которомъ помѣщались начальникъ Румелійской милиціи, полковникъ Кисяковъ и гг. Кутули и Шмидтъ, но натискъ ея былъ блистательно отбитъ Болгарскою дружиною, которою я рискнулъ воспользоваться, не имѣя другой части. Это молодое войско, славное созданіе Императорскаго комиссара, выказало стойкость и дисциплину, достойную Русской гвардіи. Милиціонерамъ, охранявшимъ помѣщеніе гг. Шмидте

и Кутули, было предписано удерживать натискъ толпы, держа ружья на перевѣсь. Въ это время стали пускать изъ толпы въ милиціонеровъ камнями. Одинъ камень попалъ въ лицо молодого солдата и разбилъ ему челюсть. Раненый спокойно оставался на своемъ посту, держа ружье на перевѣсь. Лишь потомъ, видя, что одного пассивнаго противодѣйствія оказывалось недостаточно, полковникъ Кисяковъ приказалъ дружинникамъ разогнать толпу прикладами, что и было ими немедленно исполнено.

Не могу не обратить особаго вниманія вашего сіятельства на поведеніе въ этомъ случаѣ Румелійской милиціи. Она положительно и безусловно необходима для поддержанія порядка въ странѣ. Ея организація оказывается превосходною, а потому я позволяю себѣ повторить сказанное мной въ донесеніи отъ 27 Февраля. Всякое измѣненіе, на основаніи предположеній Европейской комиссіи, въ организаціи земскаго войска страны будетъ положительно вредно и можетъ обратить милицію противъ мѣстной администраціи, тогда какъ нынѣ она является вполнѣ покорнымъ и твердымъ орудіемъ въ рукахъ этой администраціи. Подводя итогъ подъ все сказанное мной по этому предмету, какъ приличномъ вамъ докладѣ, такъ и въ предшествующихъ моихъ донесеніяхъ, я прихожу къ твердому убѣжденію, что принятая нашими комиссарами организація (по мысли комиссіи и по увѣренію совершенно незнающихъ края гг. Диксона и Торси) громадной жандармеріи и ничтожной милиціи, окончательно подорветъ автономію Румеліи. При семъ я нахожу совершенно невозможнымъ оставить наши кадры и нашихъ офицеровъ, такъ какъ имъ во главѣ дружинъ, образованныхъ на новый ладъ, предстоятъ лишь два исхода: или принять сторону Турецкаго правительства въ неуспѣшномъ подавленіи неминуемаго народнаго возстанія, чѣмъ подорвется наше нравственное вліяніе, или участвовать въ самомъ возстаніи, что запятнаетъ Русскій мундиръ.

Возвращаюсь къ Сливенскимъ происшествіямъ. Вечеромъ 4 Марта я хотѣлъ воспользоваться прибытіемъ перваго эшелона Шуйскаго полка, состоящаго изъ трехъ ротъ, чтобы внезапно занять конакъ и кассу. Но при видѣ движенія войскъ, народъ сильно заволновался, ударили въ набатъ. Полковникъ Кисяковъ, собравъ дружину, стремился разогнать толпу и готовъ былъ стрѣлять. Къ счастью, я успѣлъ предупредить и на этотъ разъ кровопролитіе, приказавъ войскамъ оставаться на мѣстѣ и оставить толпу въ покоѣ; это кажущееся съ моей стороны послабленіе было вызвано тѣмъ общимъ направленіемъ, котораго я не переставалъ держаться.

Какъ я говорилъ уже выше, безпорядки были, если не подготовлены, то во всякомъ случаѣ желаемы партіей международной комиссіи, намъ враждебной. Ходятъ даже слухи, за достовѣрность которыхъ впрочемъ не ручаюсь, что подстрекателями народа являются агенты Австро-Венгерскаго делегата. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ спора, что благоразумные Болгары, дѣйствительные и серьезные народные вожаки, были не только чужды, но даже враждебны Сливенскимъ безпорядкамъ. Было ясно, что народъ сорвался съ той цѣпи, на которой вожаки эти думали его держать, и нѣтъ спора, что въ народѣ дѣйствовали вожаки другого рода, работавшіе по наущенію изъ Филиппополя. Работа ихъ была, конечно, значительно облегчена тою подготовленною и возбужденною почвою, которую они нашли въ населеніи Сливенской губерніи; но полный успѣхъ ихъ трудовъ былъ бы достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если бы я стрѣлялъ и если бы братская тѣсная связь Русскаго народа съ Болгарскимъ была бы, быть-можетъ, разорвана на вѣки пролитіемъ Болгарской крови Русскимъ солдатомъ и Русскимъ ружьемъ.

5 Марта, около двухъ часовъ дня, къ гг. Кутули и Шмидту являлась депутація отъ жителей и поднесла имъ обоимъ адресъ. Адресъ г. Кутули заключалъ почти исключительно выраженія благодарности за сочувственную къ Румелійскому вопросу политику его и перваго делегата барона Ринга; въ адресѣ Шмидту депутаты просили его не трогать кассы. Они не хотятъ и не могутъ признать Берлинскаго трактата; сдавъ кассу Шмидту, они тѣмъ самымъ покоряются одной изъ статей трактата и боятся подать поводъ къ тому, чтобы въ послѣдствіи не укорили въ подчиненіи основаніямъ готовящагося для Румеліи положенія и въ недостаткѣ своевременныхъ противъ онаго протестовъ. Депутація хотѣла явиться и ко мнѣ, но я отказался принять ее и ограничился высылкою къ депутатамъ полковника Кисякова, которому поручилъ выразить депутатамъ мое полнѣйшее неудовольствіе за происшедшіе безпорядки и настоятельное требованіе, чтобы они всѣми силами повліяли на толпу и побудили ее разойтись.

6 Марта съ утра наплывъ народа все увеличивался. Толпа окружила конакъ и домъ, занимаемый губернаторомъ. Г. Шмидтъ, съ разрѣшенія моего, вышелъ къ толпѣ и старался убѣдить ее, что онъ не врагъ Болгарамъ, что его распоряженія клонятся къ благу страны. Его слушали вѣжливо, но крайне при томъ неохотно, и отвѣчали лишь однимъ—просьбою ему поскорѣе уѣхать.

Видя, что убѣжденія тутъ ровно ни къ чему не поведутъ и зная о предстоящемъ въ тотъ день по маршруту прохожденіи черезъ Сливну Эстляндскаго полка, а равно и объ ожидаемомъ прибытіи Шуйскаго полка, я не трогалъ уже толпы и, выжидая войсковыя части, составилъ планъ маневра, по которому оба полка могли бы окружить народъ и заставить его разойтись по домамъ.

Приказъ мой состоялъ въ слѣдующемъ. Проходящій Эстляндскій полкъ расположить въ двухъ отдаленныхъ кварталахъ и не выпускать оттуда жителей; Шуйскому же полку идти церемоніальнымъ маршемъ во всю ширину трехъ улицъ, ведущихъ къ занятой народомъ площади и этимъ безостановочнымъ маршемъ очистить ее.

Въ два часа вступилъ въ городъ Эстляндскій полкъ, въ четыре часа Шуйскій. Движеніе произошло вполне правильно; масса народная была окружена, стиснута и, увидя себя захваченною въ ловушку, разошлась. Ни штыками, ни прикладами дѣйствовать не приходилось, нѣсколько человѣкъ изъ толпы были ушиблены во время натиска.

Вслѣдъ за разгономъ толпы, я объявилъ городъ на военномъ положеніи, такъ что никто вечеромъ не смѣлъ выходить на улицу безъ фонаря подъ страхомъ штрафа.

Спокойствіе было восстановлено, и вечеромъ г. Шмидту могли уже безопасно принести кассовыя книги, которыя были имъ просмотрѣны и найдены въ совершенномъ порядкѣ. При этомъ г. Шмидтъ заявилъ, что онъ не считаетъ необходимымъ провѣрить кассу, и въ 1 часу ночи, закончивъ свое дѣло, онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ г. Кутули обратно въ Ямболи, а оттуда въ Филиппополь.

Таково совершенно точное и подробное описаніе грустныхъ Сливенскихъ событій. Въ донесеніи моемъ отъ 8 сего Марта я имѣлъ честь изложить вашему сіятельству тѣ общіе выводы, къ которымъ меня привели происшествія послѣднихъ дней. Я сообщилъ вамъ также копію съ моего приказа за № 400, изъ коего ваше сіятельство соблагovolите усмотрѣть о принятыхъ мною, по отношенію къ Сливенскому населенію, карательныхъ мѣрахъ.

Помимо этихъ мѣръ я поручилъ губернатору произвести дополнительное тщательное дознаніе и обнаружить зачинщиковъ беспорядковъ, какъ въ Ямболѣ, такъ и въ Сливнѣ.

Но приходится сознаться, что розыски эти, по всей вѣроятности, ни къ чему не поведутъ: виновны всѣ безъ исключенія, такъ что

принятіе какихъ-либо карательныхъ мѣръ, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, немислимо.

Что же касается до зачинщиковъ, то они, во-первыхъ, тщательно прячутся за толпою, ею бдительно охраняются и не были и не будутъ выданы. Еще труднѣе было бы розыскать ихъ, если дѣйствительно они, какъ я полагаю и какъ я имѣлъ честь выразить выше, агенты намъ враждебныхъ делегатовъ Европейской комиссіи. Въ послѣднемъ случаѣ даже самый фактъ розыска ихъ едва ли желателенъ; найденные и приговоренные къ наказанію, они едва ли понесутъ послѣдствія онаго, ибо за нихъ всегда будутъ сильные тому ходатаи.

Грустнымъ подтвержденіемъ моихъ словъ можетъ служить извѣстное вашему сіятельству дѣло Османъ-бея. Османъ-бей, какъ ясно обнаружено предварительнымъ слѣдствіемъ, совершилъ подлогъ по наущенію, и даже говорятъ, по подкупу, одного изъ лицъ, близкихъ къ сэру Генри-Друмонду Вольфу. Судъ приговорилъ его за подлогъ къ наказанію, котораго онъ, ввиду послѣдовавшаго за него заступничества, вѣроятно не понесетъ.

Не та ли же судьба ожидала бы, въ случаѣ ихъ розыска, дѣйствительныхъ зачинщиковъ Сливенскихъ беспорядковъ и не могло ли бы случиться, что рядомъ съ ихъ оправданіемъ, потерпѣли бы лица менѣе виновныя, но дѣйствовавшія не по наущенію, а по своему, правда опрометчивому, но совершенно искреннему разумѣнію?

Какъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, возбужденіе Болгарскаго народа становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе мы удаляемся въ глубь страны. Я не стану утомлять вашего сіятельства передачею всѣхъ тѣхъ единичныхъ случаевъ, о которыхъ мнѣ говорили и которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Не могу не сообщить вамъ однако характеристичнаго отвѣта Болгарки на вопросъ: посылаетъ ли она своего сына въ гимнастическое дружество. „Да“,—отвѣчала мать,—„я посылаю его, пусть учится умирать“.

Эта фраза яснѣе всего представляетъ настроеніе Болгарскаго населенія; они учатся умирать, и умрутъ, отстаивая добытую Русскою кровью свободу.

Я былъ бы крайне счастливъ, если бы мои предположенія не оправдались въ будущемъ, но, къ сожалѣнію, нынѣ я могу лишь вновь подтвердить, что цѣною однихъ дѣйствительныхъ и крупныхъ уступокъ можетъ быть, по отходѣ нашихъ войскъ, поддержанъ порядокъ въ Восточной Румеліи. Стремленіе и желанія Румеліотовъ вовсе

не направлены исключительно къ соединенію этой провинціи съ Сѣверною Болгаріею. Это ихъ мечта, правда; но они не требуютъ ея немедленнаго осуществленія. Они просятъ теперь однѣхъ лишь дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ гарантій ихъ автономіи и видятъ эти гарантіи въ двухъ основныхъ пунктахъ:

- 1) Въ недопущеніи Турецкихъ гарнизоновъ въ Балканы, и
- 2) Въ назначеніи, съ согласія державъ и утвержденія Порты, Христіанина-Европейца генераль-губернаторомъ Румелии.

Лишь при этихъ двухъ уступкахъ можно было бы, по моему мнѣнію, оставить нашихъ офицеровъ въ милиціи, но при непремѣнномъ также условіи, чтобы милиція осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ нынѣ.

Въ заключеніе вопроса о милиціи, ввиду преобразованія ея, прошу ваше сіятельство почтить меня разъясненіемъ по двумъ вопросамъ, которыхъ я уже касался въ донесеніи отъ 27 Февраля.

1) Стоитъ ли еще нынѣ пополнить составъ милиціи призывомъ Турокъ и Грековъ, и

2) Нужно ли на остающееся короткое время пригласить иностранныхъ офицеровъ? По моему мнѣнію, на эти двѣ мѣры, какъ и на оставленіе въ кадрахъ нашихъ офицеровъ, можно только согласиться въ томъ случаѣ, если коммиссія согласится временно, хотя бы на годъ, впредь до умиротворенія края, оставить милицію и жандармерію въ настоящемъ ихъ численномъ составѣ и предложенной мною организаціи.

Если Европейскія правительства дѣйствительно желаютъ мира, они должны на это согласиться.

III.

Копія съ конфиденціального отношенія генераль-губернатора Восточной Румелии послу въ Константинополь, отъ 22 Апрѣля 1879 г., за № 875.

Вашему сіятельству уже извѣстно изъ моихъ предыдущихъ сообщеній о существованіи повсемѣстно почти въ Восточной Румелии Комитетовъ, руководящихъ народнымъ движеніемъ.

Комитеты эти за послѣднее время весьма часто мѣняли характеръ своей дѣятельности. То, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о вѣроятномъ удовлетвореніи завѣтныхъ желаній Румелиотовъ, брала въ нихъ верхъ партія умѣренная, считающая во главѣ своей эчарха, то одновре-

менно съ мрачными извѣстіями о вступленіи Турокъ въ страну, одерживала верхъ партія либеральная или, другими словами, партія возстанія.

Я хорошо зналъ о дѣятельности этихъ Комитетовъ, зналъ лично наиболѣе вліятельныхъ членовъ оныхъ и потому предпочелъ установить отношенія мои къ нимъ на почвѣ взаимнаго довѣрія безцѣльному, вѣроятно, принятію рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ прикрытію.

Тактика эта мнѣ до сихъ поръ удалась, и подтвержденіемъ тому можетъ служить то обстоятельство, что до сего времени, не смотря на крайнее возбужденіе умовъ, я могъ сдержать народную массу въ предѣлахъ благоразумія, и достигъ того, что вожаки движенія ходятъ ко мнѣ за полученіемъ имъ пужнаго *mot-d'ordre* руководства.

На сихъ дняхъ, между прочимъ, узнавъ, что въ Филипполѣ собрались депутаты отъ Комитетовъ для обсужденія мѣръ, которыя должны быть приняты при новомъ положеніи дѣлъ, и для составленія мемуара къ представителямъ великихъ державъ въ Константинополь, мемуара при томъ крайне рѣзкаго, я призвалъ къ себѣ депутатовъ самой радикальной партіи и имѣлъ съ ними довольно продолжительную бесѣду.

Вамъ извѣстно, господа, началъ я, что Государю Императору угодно поддержаніе мира и что, слѣдовательно, предпринявъ какія либо дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію этого мира, вы возстановите противъ себя не только остальные Европейскія державы, но и Россію и ея Государя.

Становясь на эту безусловно необходимую мирную почву, я не одобряю послѣднихъ прокламацій, пущенныхъ въ народъ Комитетами; особенно не одобряю и той формы, которою вы вводите народъ въ заблужденіе, обѣщая ему помощь 80 милліоновъ Славянъ. Это положительно неправда:—вамъ никто не поможетъ, и вы рѣшительно должны отказаться отъ надежды вовлечь Россію въ новую изъ-за васъ войну.

Мнѣ также прискорбно, прибавилъ я, что вы, не смотря на ваши обѣщанія не дѣлать ни шага помимо меня, издали эти прокламаціи безъ моего вѣдома и согласія.

Депутаты мнѣ отвѣчали, что прокламація была напечатана въ Сливнѣ и преждевременно распространена тамъ помимо ихъ воли; что написана была эта прокламація въ то время, пока я былъ въ Тырновѣ, что мнѣ они намѣревались ее показать по моемъ возвращеніи и что въ Филипполѣ ее не распространяли и распространять не будутъ.

Послѣ этого я передалъ моимъ собесѣдникамъ сущность послѣднихъ инструкцій, полученныхъ мною какъ отъ вашего сіятельства, такъ и отъ статсъ-секретаря Гирса.

На вашемъ мѣстѣ, сказалъ я, я въ настоящее время оставилъ бы въ сторонѣ всякую мысль о соединеніи съ Сѣверной Болгаріею.

Да и притомъ, продолжалъ я, переходя уже на почву совершенно частнаго конфиденціального разговора, управление Болгаріи чрезвычайно, по моему мнѣнію, дорогое, выработанная конституція черезчуръ либеральна и пригодна развѣ для государства вродѣ Бельгіи, а отнюдь не для Славянскаго народа, которому еще нуженъ опытный и твердый руководитель. Вамъ же, по настоянію Государя Императора, дали въ генераль-губернаторы челоуѣка опытнаго и Болгарина родомъ. Издержки по управленію Румелиею, не смотря на то, что страна богаче Болгаріи, гораздо ограниченнѣе Болгарскихъ; чего же вамъ болѣе?

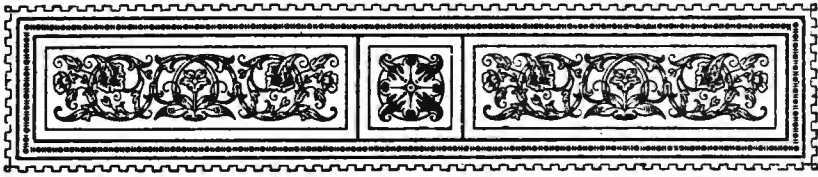
Словами своими я, какъ видно, затронулъ самую почти чувствительную струну Болгарскаго сердца, а именно струну денежную.

Депутаты всѣ въ одинъ голосъ согласились съ моими доводами. Мы согласились уже, сказали они, оставить въ сторонѣ мысль о соединеніи съ Болгаріею, мы хотимъ прежде всего лишь одного,—это чтобы дали ручательство, что Турецкіе гарнизоны не вступятъ въ Балканы.—Гарнизоны и не вступятъ, перебилъ я ихъ, ибо Турція, даже и при всемъ ея желаніи послать свои войска въ Балканы, не въ состояніи этого сдѣлать; если вы хотите представить мемуаръ по этому вопросу, то оставьте это намѣреніе. Теперь между державами идутъ переговоры о томъ, какъ бы обойти этотъ пунктъ Берлинскаго трактата, не оскорбляя самолюбія Султана. Вы же своимъ мемуаромъ, противнымъ постановленіямъ трактата, только можете испортить все дѣло: Султанъ можетъ заупрямиться, въ опасеніи, чтобы не подумали, что онъ поддался вашимъ настояніямъ и дѣйствуетъ подъ вашимъ давленіемъ.

„Вообще, господа, вы не должны задѣвать Берлинскаго трактата; не забывайте, что актъ этотъ скрѣпленъ подписью и представителей Государя Императора: идя противъ трактата, вы идете противъ вашего же Освободителя.

Теперь, повторяю, гарнизоновъ въ Балканахъ не будетъ, а если, чего не дай Богъ и что невѣроятно, Султанъ пожелалъ бы черезъ годъ-другой воспользоваться своимъ на это правомъ, то не успѣете ли вы возстать тогда?

КНЯЗЬ ЦЕРТЕЛЕВЪ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ГИРСУ.

Филиппополь, 31 Октября 1878.

Вслѣдствіе распоряженія нашихъ властей о передачѣ кассы и финансоваго управленія въ руки комиссіи ¹⁾ въ городѣ волненіе. Лавки заперты. Собраніе гражданъ протестовало, едва согласилось подчиниться и объявило, что если комиссія смѣнитъ выборныхъ казначеевъ, народъ не признаетъ новыхъ. Къ пріѣзду князя Дондукова готовятся демонстраціи ²⁾.

ВОСПОМИНАНІЯ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВОЙ.

О 1812 годѣ ³⁾.

Я провела первые годы своей молодости въ Москвѣ, гдѣ мы тогда постоянно жили, переѣзжая ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ подмосковную (село Иславское, нынѣ принадлежащее г-ну Лорису-Мелцкову), намъ очень любимую, и гдѣ намъ было такъ хорошо, что мы ничего лучшаго желать не могли. Казалось, ничто никогда не смѣнитъ порядка нашей жизни, когда насталъ двѣнадцатый годъ. Я помню печаль моего отца, когда онъ получилъ неожиданное извѣстіе, что Наполеонъ взошелъ въ Вильну. Съ тѣхъ поръ угрожающая опасность тревожила всѣхъ насъ. 11-го Іюля отецъ мой получилъ письмо отъ Московскаго главнокомандующаго, графа Раstopчина, приглашав-

¹⁾ Т. е. Европейской. П. Б.

²⁾ Это донесеніе, какъ и предъидущія бумаги („Послѣ Берлинскаго конгресса“) сообщено въ „Русскій Архивъ“ Марією Сергіевною Татищевой. П. Б.

³⁾ Со словъ ея записаны ея сыномъ Александромъ Алексѣвичемъ Васильчиковымъ, авторомъ превосходной книги „Семейство Разумовскихъ“. А. И. Васильчикова, рожд. Архарова, въ 1812 г. была еще дѣвцею. П. Б.

шее его прибыть въ Москву по поводу прїѣзда Государя Императора. Мы все поѣхали. Видѣли 12-го Іюля въ Успенскомъ соборѣ Государя печальнаго и смиренно молящагося; слышали о его воззваніи къ дворянству Московскому; слѣдили за всемъ, что происходило въ это время. Чувство любви къ отечеству было сильно и выражалось во многихъ: графъ Салтыковъ, князь Гагаринъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ жертвуютъ частью крестьянъ своихъ, формируютъ изъ нихъ полки, снабжаютъ ихъ всемъ и сами назначаются ихъ начальниками.

По отѣздѣ Императора все занялись исполненіемъ новыхъ своихъ обязанностей. Отецъ мой, Петръ Хрисанфовичъ Оболяниновъ *) и Степанъ Степановичъ Апраксинъ назначены членами комитета для снабженія Московской милиціи. Родные и знакомые посѣщали насъ ежедневно. Графъ Растопчинъ часто къ намъ прїѣзжалъ для того, чтобы насъ успокоивать. Онъ самъ былъ вполне увѣренъ, что Французы не возьмутъ Москвы. Всеми извѣстны его замѣчательныя воззванія къ народу, но не все знаютъ, что они были писаны Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою. Съ каждымъ днемъ опасность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безпокойство увеличивались. Слухи объ измѣнѣ Барклай-де-Толли тревожили всехъ. Все молились, ходили пѣшкомъ въ соборы и къ чудотворнымъ иконамъ, надѣялись, что угодники Московскіе защитятъ столицу. Послѣ взятія Смоленска Смоленская Божія Матерь, какъ изгнанница, на рукахъ народа перенесена въ Москву. Какъ молились ей!

Истѣнные Французы тянулись къ Москвѣ. Привозили нашихъ раненыхъ. Ихъ встрѣчали съ благороднымъ участіемъ. Многие помѣщали ихъ въ свои дома, во всемъ помогали имъ. Москва начинала пустѣть. Предусмотрительные помѣщики нанимали барки для отправки престарѣлыхъ и малолѣтнихъ; укладывали и увозили съ собою дорогія вещи или же зарывали ихъ въ землю. Шестьдесятъ лошадей тояло на нашемъ дворѣ. Людей наскоро вооружали для отѣзда.

26-го Августа весь городъ былъ въ смятеніи. Гулъ Бородинскихъ пушекъ былъ ясно слышенъ. Вечеромъ у насъ былъ съѣздъ; мы узнали, что два сына Алексѣя Николаевича Оленина пали отъ одного ядра, что генерала Тучкова не стало, что молодой Бибиковъ лишился руки. Я только говорю о родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Отечество оплакивало многихъ другихъ вѣрныхъ сыновъ своихъ. Многие, теряя надежду, рѣшились выѣзжать изъ Москвы. Мать моя долго не хотѣла оставлять Москву, но, убѣжденная совѣтами С. С. Апраксина, выѣхала съ нами, съ нѣкоторыми родными и со всемъ домою 30-го Августа.

*) Губерскій предводитель Московскаго дворянства.

Мнѣ было очень грустно разставаться съ моею мамушкою, 80-лѣтнею старушкою, съ которою я тутъ простилась навсегда.

Отъѣздъ жителей Московскихъ, особенно же мужчинъ, возбуждалъ сильный ропотъ въ народѣ; мы старались въ каретѣ скрывать доктора Гибальтиса и слышали многіе упреки. Говорили вокругъ кареты: „всѣ насъ покидаютъ безъ защиты“. Намъ было страшно и тяжело это слышать; каково же было несчастнымъ, не имѣвшимъ возможности спасать себя и семейства свои!..

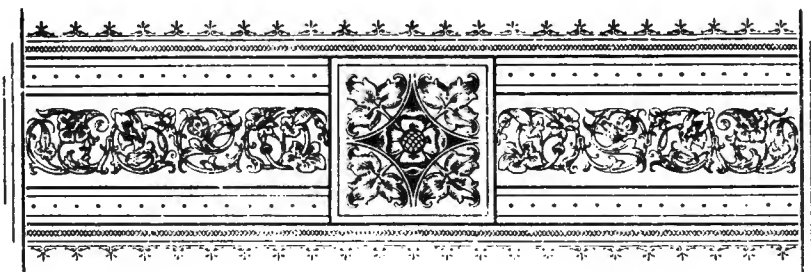
Мы ѣхали во Владимиръ и остановились въ городѣ Покровѣ въ ожиданіи извѣстій отъ отца моего, который, будучи занятъ службою, выѣхалъ только 1-го Сентября, наканунѣ взятія Москвы. Горестно было свиданіе съ нимъ; еще горестнѣе извѣстіе о сдачѣ Москвы безъ боя. Зарево ея пожаровъ сопровождало насъ. Ничего не могло быть поразительнѣе зрѣлища этого общаго бѣгства. Вся дорога отъ Москвы до Владимира была тѣсно установлена экипажами всѣхъ родовъ. Множество семействъ, въ телѣгахъ и пѣшкомъ, спасались отъ непріятеля. Счастливы тѣ, которые могли получить пріютъ въ деревняхъ своихъ, у родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Многимъ суждено было гибнуть въ лѣсахъ отъ рукъ Французскихъ мародѣровъ. Дворовые люди толпами слѣдовали за господами: но многіе еще оставались въ Москвѣ, гдѣ претерпѣли самую горькую участь.

Все Московское общество собралось во Владимирѣ, потомъ всѣ поѣхали въ Нижній-Новгородъ, гдѣ мы были приняты съ радушіемъ и гостепримствомъ, какія свойственны однимъ только Русскимъ.

Скоро получено радостное извѣстіе о выходѣ непріятеля изъ любезнаго отечества нашего.

(Сообщено А. А. Мвлорадовичъ, рожд. Васильчиковой).

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАССКІЙ.

Его письмо изъ Тульской губерніи въ Петербургъ къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой.

Письмо это (сообщенное намъ въ списокѣ получившею его) цѣнно и для жизнеописанія такого государственнаго въ царствѣ Польскомъ и въ Болгаріи дѣятеля, какимъ былъ князь Владимиръ Александровичъ Черкасскій, и какъ историческое свидѣтельство о настроеніи представителей Русскаго общества передъ послѣднею войною нашею съ Турціею. Вынужденный оставить должность головы Московской Городской Думы, князь жилъ въ имѣніи супруги своей, княгини Екатерины Алексѣевны (которое нынѣ принадлежитъ ея племянницѣ, графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Хрептовичъ-Бутеневоу), а между тѣмъ военное движеніе уже начиналось въ Сербіи. Въ лицѣ князя Черкаскаго Тульская деревня заговорила съ княгинею Трубецкою, проводившею по цѣлымъ мѣсяцамъ за границую и бывшею въ близкихъ сношеніяхъ съ Гамбетою, съ Тьеремъ, съ кн. Горчаковымъ и съ другими Европейскими политиками. Въ исходѣ 1877 г., послѣ Кремлевской рѣчи Александра II, князь предложилъ себя на службу и получилъ назначеніе въ Болгарію. Ея устройству посвятилъ онъ неутомимый трудъ свой, отъ котораго изнемогъ. Онъ работалъ почти до послѣднихъ часовъ жизни. Князь Дондуковъ-Корсаковъ говорилъ мнѣ, что оставшіяся послѣ князя Черкаскаго бумаги были драгоцѣнностью и что онѣ, вопреки его настоянію, были увезены въ Петербургъ. Любопытно, что доклады князя Черкаскаго главнокомандующему, т.-е. великому князю Николаю Николаевичу, происходили не иначе, какъ въ присутствіи Поляковъ, Непокойчицкаго и Левитскаго. П. Б.

*

Le 16 Juin 1876.

Selo Wasslilefskoyé 6-ment de Toula, distr. de Venef.

Vous possédez mille talents, chère Princesse, dont le moindre, mais celui que je Vous envie le plus, est de savoir tout dire sans initier personne au fond de Votre pensée. Vous ne seriez pas tout-à-fait correcte dans Vos opinions que bien fin serait celui qui saurait Vous prendre sur le fait.

Aussi ai-je bien ri des naïfs efforts des agents de la poste, qui m'ont fait parvenir Votre lettre à demi-ouverte, sans même dissimuler les effets de leur vaine curiosité.

Je manque de presque tout ce que Vous possédez en si grande abondance Vous ne Vous étonnez donc pas, chère Princesse, si un vieux gentilhomme-campagnard ne se tire pas aussi bien que Vous de cette correspondance à trois D'ailleurs la solitude et le grand air prédisposent, comme Vous le savez, à la franchise; et la vue des misères, qui nous entourent à la campagne et que la perspective d'une mauvaise récolte ne paraît pas devoir adoucir, excuse jusqu'à un certain point ce grain de défiance pour l'avenir.

Hé bien oui, chère Princesse, la défiance d'un avenir plus ou moins rapproché, voilà le sentiment qui m'obsède en ce moment bien plus encore, qu'il ne m'a toujours dominé depuis 5 ou 6 ans.

J'ai dû faire cet hiver de grands efforts pour dissimuler ce sentiment aux étrangers avec lesquels il m'arrivait de causer à Paris.

En Russie nous pouvons être moins discrets et exprimer plus ouvertement nos craintes et nos regrets.

Hé bien oui, l'avenir me paraît peu rassurant; et telle est, ce me semble, l'impression générale dans le pays. Je me sentirais heureux de pouvoir attribuer ce sentiment de malaise involontaire, mais malheureusement assez commun, rien qu'à la conscience de l'impuissance dans laquelle on se trouve de contribuer à y porter remède, voir même à un effet d'imagination surexcitée ou de maussade bouderie; il n'en est rien pourtant, et le mal paraît avoir de plus profondes et de bien redoutables racines.

D'ailleurs l'Europe entière partage, à un point de vue quelconque, ces mêmes angoisses. Vous, qui en revenez et qui y passez Votre vie, qui savez très bien combien l'on y est disposé dans les régions sérieuses à ne pas favoriser l'écllosion de la question d'Orient, à la traiter de chimères irréalisables et à chercher à en remettre la solution à une échéance lointaine, Vous ignorez moins que d'autres que là aussi, en dépit de toutes ces dispositions traditionnelles, on croit les choses bien avancées. C'est bien là ce qui explique la faveur que rencontre à Paris la politique Anglaise. On y espère, comme on l'a toujours pensé du temps de Lord Palmerston, que des démonstrations menaçantes et formidables de l'Angleterre sont la seule garantie effective de la paix, le plus sûr moyen de nous amener à la réflexion et de nous faire sacrifier nos intérêts en Orient. On espère par là en France gagner assez de temps pour la laisser réorganiser son armée et lui permettre d'assurer plus tard sa part dans les éventualités de l'avenir. Et malgré cette confiance de l'Europe dans l'efficacité de la force brutale de l'Angleterre et dans notre modération, que d'autres désigneraient peut-être plus impertinemment d'un autre mot, malgré l'espoir qui en résulte d'un replâtrage transitoire, le monde entier semble

comprendre que le jour de l'épreuve décisive de toutes les fictions et de tous les rêves avance rapidement. Aussi soit que l'heure de cette épreuve sonne bientôt, soit qu'elle soit remise à peu de temps, le danger reste à peu près le même pour la Russie; les gens peu informés, les honnêtes provinciaux, comme moi, se demandent avec anxiété: la diplomatie besogneuse et la vaniteuse jactance dont elle a fait preuve ont-elles amélioré ou amoindri notre position depuis un an? Avons-nous su conserver cette immense liberté d'action et d'alliances, que nous avait procurée notre longue et sage modération, jointe à l'heureux effondrement de l'Europe du traité de Paris?

En avons-nous suffisamment profité? N'avons-nous pas donné à la Turquie, à l'Angleterre, à l'Autriche, peut-être même à d'autres puissances, le temps de renoncer une coalition hostile, d'armer, d'écraser les Slaves et de nous imposer leurs volontés? Ne les avons nous pas naïvement aidés à nous rendre impuissants, en enchaînant nous mêmes le concours qu'aurait pu dès les premiers jours prêter à notre diplomatie l'explosion subite et simultanée de tous les éléments Slaves de l'Orient vis-à-vis de la Turquie prise au dépourvu?

Bref enfin, n'avons-nous pas été ou trop timides ou beaucoup trop besogneux, si nous voulions en effet rester aussi pacifiques que nous le disions? Je suis loin d'avoir l'humeur très belliqueuse; j'apprécie à leur juste valeur les bienfaits que la Russie doit à une paix sage et toute l'utilité qu'elle en pourrait encore retirer et je ne voudrais pas qu'elle se lançât aussi impuissante, qu'elle paraît l'être, dans les hasardeuses péripéties d'une guerre d'Orient; mais la voie qu'on a suivie est-elle bien celle qui conduisait à une paix sûre et honorable? A-t-elle servi les intérêts de notre avenir politique? Nous a-t-elle concilié les esprits, ne fut ce qu'en Orient, au prix de notre rupture avec l'Angleterre et peut-être avec tant d'autres encore?

Voilà bien des questions, chère Princesse, et ce n'est pas moi qui me chargerai de les résoudre. Laissons donc l'avenir se prononcer et espérons que tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes. Mais ne soyons pas non plus trop sévères pour ces pauvres Anglais qui persistent à croire que les vieilles traditions diplomatiques d'égoïsme national ne sont pas toujours inférieures aux naïvetés humanitaires du Congrès de Bruxelles ou à la sensibilité d'inaltérable et pieuse gratitude dont la triple-Alliance offre d'un certain côté quelques curieux échantillons; et disons nous qu'un jour viendra peut être, où nous ne croirons ni inutile, ni honteux de suivre leur odieux exemple.

Telle est ma confession politique, chère Princesse: je Vous l'ai faite, comme Vous voyez—pleine et entière, sans sous-entendu et sans réticence. Elle est aussi complète qu'oiseuse et ne s'explique que par mon désir de Vous être agréable et de satisfaire Votre curiosité à sonder les courants d'opinion les plus divers,

quand même ils seraient les plus modestes et les moins importants. Il serait inutile de Vous dire que la nouvelle de Votre prochaine arrivée à Pétersbourg m'a fait un véritable plaisir. Ce sera une raison de plus pour moi de chercher à m'y rendre dans le courant de l'été; et je me fais d'avance une fête de Vous y rencontrer, ainsi que la charmante Princesse Nini, que je prie d'agréer les hommages d'un vieil admirateur. Cette lettre ne Vous trouverait probablement plus à Paris. Je prend donc bravement le parti de Vous l'expédier à Pétersbourg, dans la maison de Votre frère. Puisse-elle Vous dire mieux que je ne le ferais de vive voix, combien je sais, chère Princesse, apprécier Votre brillante intelligence, et combien je fais de vœux sincères pour Votre bonheur et Votre prospérité.

Veuillez me mettre aux pieds de Madame la Princesse Hélène, Votre mère. Je suis... etc...

П Е Р Е В О Д Ъ.

16 Юня 1876.

Село Васильевское, Тульской губ., Веневского уѣзда.

Дорогая княгиня, вы обладаете множествомъ талантовъ; наименьшій изъ нихъ, но которому я всего болѣе завидую,—ваше умѣние все сказать, никого не посвящая въ глубь своей мысли. Въ случаѣ даже, если бы вы были не совсѣмъ правы въ вашихъ мнѣнiяхъ, нужно быть весьма проникательнымъ, чтобы сумѣть васъ въ этомъ уличить. И посмѣялся же я поэтому надъ нехитростными усилiями почтовыхъ чиновниковъ, которые доставили мнѣ ваше письмо на половину вскрытымъ, не постаравшись даже скрыть послѣдствiй своего тщетнаго любопытства.

Я лишенъ почти всего, чѣмъ вы обладаете въ такомъ изобилiи. Поэтому не удивляйтесь, дорогая княгиня, если старый дворянинъ, деревенскiй житель, не сумѣетъ такъ же хорошо, какъ вы, справиться съ этой перепиской при участiи третьяго лица. Кромѣ того, одиночество и чистый воздухъ предрасполагаютъ, какъ вы знаете, къ откровенности; окружающая же насъ въ деревнѣ крайняя бѣдность, которую виды на плохой урожай не смогутъ, кажется, уменьшить, извиняетъ до нѣкоторой степени это недовѣрiе къ будущему.

Да, дорогая княгиня, недовѣрiе къ болѣе или менѣе близкому будущему—вотъ чувство, которое беспокоитъ меня въ настоящую минуту еще гораздо сильнѣе, чѣмъ оно владѣло мною постоянно въ теченiе 5 или 6 лѣтъ. Нынѣшней зимою я долженъ былъ дѣлать большiя усилiя, чтобы скрывать это чувство отъ чужеземцевъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать въ Парижѣ. Въ Россiи мы можемъ быть менѣе скромны и откровеннѣе выражать свои опасенiя и сожалѣнiя.

Такъ вотъ, будущее кажется мнѣ малютъшительнымъ; таково же, мнѣ думается, и общее у насъ настроенiе. Я чувствовалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ приписать это невольное, но, къ несчастiю, довольно распространенное чувство безпокойства исключительно сознанию всѣми своего безсилiя найти противъ него средства, или хотя бы дѣйствию слишкомъ возбужденнаго воображенiя или угрюмой досады; однако, ничего этого нѣтъ, и зло, повидимому, имѣетъ болѣе глубокие и гораздо болѣе опасныя корни.

Впрочемъ, и вся Европа, съ той или иной точки зрѣнія, раздѣляетъ тѣ же тревоги.

Вы, возвращающаяся оттуда и живавшая тамъ, отлично знаете какъ тамъ, въ серьёзныхъ кругахъ, мало расположены содѣйствовать слишкомъ дѣятельному возбужденію Восточнаго вопроса; какъ склонны видѣть въ немъ несбыточные мечтанія и какъ охотно на долго бы отложили его разрѣшеніе. Лучше другихъ вамъ извѣстно, что тамъ же, вопреки вышеуказанному настроенію, считаютъ дѣло весьма назрѣвшимъ. Этимъ и объясняется то расположеніе, какое Англійская политика встрѣчаетъ въ Парижѣ. Тамъ надѣются, какъ и всегда полагали со временъ лорда Пальмерстона, что только грозное, устрашающее выступленіе Англійи можетъ быть единственнымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ мира, вѣрнѣйшимъ способомъ заставить насъ призадуматься и пожертвовать своими выгодами на Востокѣ. Во Франціи этимъ надѣются выиграть время, достаточное, чтобы преобразовать свою армію и чтобы впоследствии имѣть возможность обезпечить себѣ долю въ случайностяхъ будущаго. И несмотря на вѣру Европы въ дѣйствительность грубой силы Англійи и въ нашу умѣренность (которую другіе, быть можетъ, болѣе дерзко опредѣлили бы другимъ словомъ), несмотря на возникающую съ этимъ надежду на временное неискреннее примиреніе, весь міръ, кажется, понимаетъ, что быстро приближается день рѣшительнаго испытанія всѣхъ предположеній и грѣзъ. Поэтому, скоро ли пробьетъ часъ этого испытанія, или онъ будетъ на нѣкоторое время отложенъ, для Россіи опасность остается почти все та же: люди, мало освѣдомленные, честные сельскіе жители, какъ я, съ душевнымъ безпокойствомъ спрашиваютъ себя: Усердіе нашей дипломатіи и проявленная ею тщеславная похвальба послужили ли на пользу нашему положенію за этотъ годъ или повредили ему? Сумѣли ли мы сохранить широкую свободу дѣйствій и союзовъ, добытую долговременною мудрою умѣренностью въ связи со счастливымъ нарушеніемъ Европою Парижскаго договора?

Достаточно ли мы этимъ воспользовались? Не дали ли мы времени Турціи, Англійи, Австріи, а можетъ быть даже и другимъ державамъ, отказаться отъ враждебнаго союза, вооружиться, раздавить Славянъ и навязать намъ свою волю? Не просто-душно ли мы помогли имъ обезсилить насъ, сами наложивъ цѣпи на содѣйствіе, какое съ первыхъ же дней могъ оказать нашей дипломатіи внезапный одновременный взрывъ всѣхъ Славянскихъ силъ Востока противъ застигнутой въ расплохъ Турціи?

Короче сказать, не были ли мы черезчуръ робки, или ужь слишкомъ слабы, если дѣйствительно желали оставаться столь миролюбивыми, какъ мы о томъ заявляли? У меня духъ далеко не воинственный; я справедливо оцѣниваю благодѣянія, которыми Россія обязана мудрому миру и всю пользу, какую она могла бы еще изъ этого извлечь; я не желалъ бы, чтобъ Россія, столь безсильная, какую она кажется, ринулась въ случайныя неожиданныя перемѣны, возможныя при Восточной войнѣ; но путь, по которому мы слѣдовали, велъ ли къ вѣрному и почетному миру? Служилъ ли онъ интересамъ нашей будущей политикѣ? Примирилъ ли онъ съ нами умы хотя бы на Востокѣ, цѣною нашего разрыва съ Англійей, а можетъ быть и со многими другими?

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА *).

Письма И. И. Лажечникова къ Ѳ. А. Кони.

Славный романистъ Ив. Ив. Лажечниковъ (род. 14 Сент. 1794 г. † 26 Июня 1869) происходилъ изъ зажиточнаго Коломенскаго купечества. Юношею дрался онъ съ Французами. Съ 1819—1858 годъ онъ служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Пензѣ, Казани и Твери, потомъ вице-губернаторомъ въ Твери и Витебскѣ. Послѣдняя кратковременная служба его была цензоромъ въ Петербургѣ. П. Б.

*

С. Коноплино, 15 Мая 1841.

Какъ скоро узнаете, что есть вакансія вице-губернатора въ Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани, Тулѣ, Пензѣ и даже Новгородѣ, тотчасъ доставьте записочку къ доброму Юрію Никитычу Бартеневу и попросите его напомнить обо мнѣ князю Александру Николаевичу Голицыну. Этимъ премного обяжете меня.

Трагедія моя лежитъ у меня: чтó съ нею дѣлать, не знаю. Не найдете ли книгопродавца, который купилъ бы ее? Я отдалъ бы ее въ вѣчное и потомственное владѣніе за 2,000 р., и если это покажется много, такъ за 1,500 р., съ тѣмъ, чтобы деньги заплачены мнѣ были тотчасъ по доставленіи рукописи изъ цензуры.

Сдѣлайте одолженіе, извинитесь отъ меня передъ Юріемъ Никитичемъ, что я написалъ ему чепуху, сущую чепуху въ альбомѣ его передъ отъѣздомъ моимъ: рука была на бумагѣ, а нога на дрожкахъ, чтобы отправиться въ почтовую контору, откуда я долженъ былъ въ путь. Очень добро бы сдѣлано было, если бъ вырѣзаль листокъ съ моимъ мараніемъ. А я осенью написалъ бы что-нибудь подѣльнѣе и поразсудительнѣй.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 (III) и 1911 (т. I).

Вы такъ добры, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, что невольно заставляете обращаться съ вами, какъ съ давнишнимъ пріятелемъ. Есть бумажные люди, которые, какъ государственные сановники, такъ заняты и обременены своими дѣлами, что почитаютъ несомвѣстнымъ съ своимъ саномъ сдѣлать услугу доброму знакомому. Вы не похожи на этихъ людей: тѣмъ болѣе васъ любилъ и уважалъ.

*

Тверь, 2 Апрѣля 1853.

Въ моемъ молчаніи не извиняюсь: меня постигло ужасное несчастіе, которое сокрушило всю мою жизнь. 4 Ноября прошлаго года скончалась моя добрая подруга, подарившая мнѣ 32 года счастья¹⁾. Болѣзнь ея была мучительна; сердце мое изныло, смотря на ея ужасныя страданія, продолжавшіяся нѣсколько мѣсяцевъ. Преданная всю жизнь свою Богу, религіозная, какъ первобытная христіанка, любившая ближняго до самоотверженія, знавшая одну только страсть—страсть къ мужу—эта превосходная, святая женщина кончила жизнь, какъ мученица. Если нѣтъ другой жизни, такъ что и на что добродѣтель въ здѣшней?..

Благодарю васъ за присылку Пантеона на нынѣшній годъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ я въ одинъ присѣсть „Цыганку“²⁾, потому что не могъ отъ нея оторваться. Другой похвалы ей не скажу. А какой тяжелый процессъ чтенія другихъ нашихъ новѣйшихъ повѣстей? То дремлешь надъ ними, то цѣлыя страницы пропускаешь; ни одно лицо не остается живо передъ вами—точно тѣни проходятъ передъ вами или лица изъ какого-то невѣдомаго намъ міра. И теперь, послѣ того, какъ прошло 30 лѣтъ съ того времени, какъ читалъ романы Вальтеръ-Скотта, всѣ лица его рѣзко выступаютъ передъ вами: это ваши родные, ваши друзья, которыхъ черты вы никогда не забудете. Такъ и въ повѣсти „Цыганка“.

Поблагодарите за нее сочинительницу и поклонитесь ей низко, низко за меня.

¹⁾ Повѣсть супруги Ѳ. А. Кови, писавшей подъ своей дѣвической фамиліей—Юрьевой.

²⁾ Это была воспитанница графа А. И. Остермана-Голстога, Евдокія Алексѣева. Щурупова. Вторая супруга Лажечникова—Марья Ивановна Озерова. П. Б.

*

Тверь, 4 Апрѣля 1853.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, и супругу вашу за прекрасныя дамскія наряды. Съ большимъ вкусомъ и лучше нельзя было выбрать. Они очень понравились молодой женѣ моеи, которая также благодаритъ отъ души за нихъ. Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что я, 60-лѣтній старикъ, женился на 22-лѣтней дѣвушкѣ. Кажется, это послѣдній мой романъ. Каковъ будетъ его конецъ, Богу извѣстно!..

Зная, какъ безразсудны союзы при такомъ неравенствѣ лѣтъ, я самъ на него рѣшился. Обстоятельства, устроенныя невидимою рукою Правосудія, романтическая голова, пылъ юноши, несмотря на мои годы, все это привело меня къ этой развязкѣ. Покуда я блаженствую... а тамъ... да будетъ, что угодно Вышнему!..

*

Витебскъ, 22 Ноября 1853.

Вотъ я обстоятельствами перенесенъ въ полурусскій, полупольскій, полужидовскій край! Все здѣсь мнѣ чуждо: одно, что меня утѣшаетъ—такъ это здѣшнее начальство. Генераль-губернаторъ Игнатъевъ достойнѣйшій сановникъ и человѣкъ, губернаторъ Тиличѣевъ тоже человѣкъ прекрасный.

Пришлите мнѣ „Горбуна“ и моего „Новобранца 12 года“. Мнѣ хочется прочесть ихъ въ семействѣ генераль-губернатора, которое интересуется ихъ слышать. Не замѣшайте, чѣмъ меня обяжете. Я не имѣю другихъ экземпляровъ: переписавъ, перешлю къ вамъ снова, если вы думаете что-нибудь съ ними дѣлать.

*

Москва, 7 Сентября 1854.

Вы знаете, конечно, что я вышелъ въ отставку и поселился на своей родинѣ, въ Москвѣ. Теперь снова принялся за перо, какъ земледѣлецъ, который, долго бывъ на чугунно-паяльныхъ заводахъ, принялся опять за соху. Вотъ и первую борозду вывелъ... Въ Августѣ придется написать и комедію „Опричникъ“: я обѣщаль ее для бенефиса Орловой, въ случаѣ, если не пропустятъ моего „Горбуна“, который ей посланъ. Но какъ я писалъ, что сдаю ей комедію въ полное

ея владѣніе, то этимъ хотѣлъ, по неопытности въ театральныхъ дѣлахъ, сказать, что отдаю ее во владѣніе только на ея бенефисъ *). Чтобы она не подумала, что она имѣетъ право распоряжаться ею по своему произволу, то-есть продавши переуступить дирекціи печатать и прочее. Будьте такъ добры, объясните ей это... Я человѣкъ небогатый, долженъ, при небольшой пенсіи, жить литературными трудами, слѣдственно, не могу дѣлать такія жертвы... Надо объяснить это г-жѣ Орловой во-время. Кстати, довершите ваше одолженіе, узнавъ въ театральной цензурѣ или дирекціи, что дѣлаютъ съ моей пьесой: „Новобранецъ 12 года“. Поспектакльныя деньги за нее пожертвовалъ я въ пользу трехъ нижнихъ чиновъ л.-г. Павловскаго полка, которые наиболѣе отличились въ нынѣшнюю кампанію, а если полкъ не будетъ въ дѣлѣ,— такъ въ артель полковую. Гедеоновъ прислалъ мнѣ официальную бумагу, которая увѣдомляетъ меня, что Государь Императоръ приказалъ благодарить меня за это пожертвованіе... Теперь дѣлаютъ мнѣ вопросъ: въ какую артельную сумму,—на улучшеніе пищи или на пособіе нижнимъ чинамъ, я жертвую деньги. Это похоже на рассказъ, что охотники дѣлаютъ шкуру съ медвѣдя, котораго еще собирались убить. Прежде всего, надо получить деньги, а деньги не иначе можно получить, какъ представленіями пьесы. Пьесу же не даютъ. Что съ нею дѣлаютъ, не знаю; а доходы съ нея уже дѣлаютъ.

Пришлите мнѣ 10 экземпляровъ моего портрета (литографіи).

За что вы Тютчева такъ унизили? Позвольте вамъ сказать, что несправедливо. Поэтъ, какихъ у насъ нѣтъ нынѣ.

*

Москва, 27 Сентября 1854.

Что у васъ за сфинксы-лица, отъ которыхъ мнѣ узнать объ участи моего „Новобранца?“ Съ недѣлю или болѣе я получилъ отъ Гедеонова увѣдомленіе, что пьеса, по моему желанію, дана будетъ сначала на Петербургской сценѣ. За чѣмъ же остановка? За пожертвованіе мною поспектакльныхъ денегъ съ представленія этой пьесы въ пользу нижнихъ чиновъ л.-гв. Павловскаго полка получилъ я благодарность Государя Императора. Неужели и это ни во что не считается?

Статейку изъ моихъ помѣстныхъ записокъ: „Знакомство мое съ Пушкинымъ“ я къ вамъ пришлю до новаго года. Думаю, статья бу-

*) Именно только на одинъ бенефисъ отдалъ ей свою пьесу; если же это нельзя по какимъ-либо установленіямъ, то я не могу и пьесы посылать. „Горбувомъ“ же, если цензура его пропустить, можетъ она для театра, но не для печати, пользоваться.

деть интересною, если еще цензура позволить. Это если во всѣхъ моихъ литературныхъ трудахъ стоитъ надо мною, какъ грозное привидѣніе. Буду писать по вашему совѣту; посмотрю, что изъ того будетъ...

За эту услугу, за которую, конечно, вознегодуютъ на меня нѣкоторые журналисты, попрошу отъ васъ еще услуги. Узнайте и уведомите меня поскорѣе, понравилась ли моя пьеса „Окопировался“ бенефицианткѣ Орловой и какая будетъ ея судьба?

Любя васъ, сдѣлаю вамъ слѣдующее замѣчаніе. На 56-й страницѣ „Петерб. Вѣсти“, № 8-й Пантеона, напечатано, что г-жа де-Легранжъ отправилась на Гамбургскія воды, что, пріѣхавъ на Гамбургскія воды, она дала тамъ концертъ, и что наконецъ изъ Гамбурга она поѣхала во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ ей послѣ спектакля устроили такую же серенаду, какъ и въ Гамбургѣ.

Знаемъ, что есть богатый городъ Гамбургъ, но о водахъ его никогда никто и не слыхивалъ. Гдѣ же это вы ихъ открыли? Есть извѣстный городъ Гомбургъ, и Гомбургскія воды давнымъ-давно знаменитыя и ежегодно привлекающія къ себѣ блестящее многолюдное общество. Чтобы не поднесли вамъ ваши собратья на зубокъ, помѣстите эту опечатку, 4 раза повторяющуюся.

*

Москва, 18 Апрѣля 1867.

Читаетъ ли Андрей Александровичъ *) мой романъ? Что онъ объ немъ говорить. Теперь, вѣроятно, не до него, какъ подошелъ праздникъ. Я писалъ къ нему, чтобы онъ во 2-й главѣ выключилъ многоговореніе и что онъ найдетъ лишнимъ.

Гонорарія я просилъ у него 1,200 руб., изъ коихъ 1,000 руб. немедленно по изъявленіи согласія на напечатаніе романа и 600 экз. оттиска на бумагѣ редактора; но я выговариваю, что я согласенъ вычесть по 60 руб. за листъ, если не достанетъ 20 листовъ. Если онъ вздумаетъ много исключить, такъ будетъ большій расчетъ этой суммы. Конечно, я не писатель первой величины, но тѣмъ платятъ по 500 руб. за листъ, какъ заплатилъ Катковъ Тургеневу за „Дымъ“, да еще сверхъ того авторъ получилъ съ книгопродавцевъ за право печатанія повѣсти значительную сумму денегъ, что составитъ за повѣсть въ 10 листовъ чуть не тысячъ 6. Я не такъ самолюбивъ, чтобы посягать даже на приблизительный къ Тургеневскому; но все-таки,

*) Краевскій.

если не ошибаюсь, думаю, что въ моемъ романѣ содержаніе ново и занимательно, читатели прочтутъ его съ удовольствіемъ и прибавятъ подписчиковъ на журналъ. Въ числѣ условій я забылъ помѣстить присылку мнѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на нынѣшній годъ черезъ книгопродавца Н. Г. Соловьева, преемника Глазунова. Краевскій, конечно, не откажетъ мнѣ въ этой даровой присылкѣ.

Читали ли вы „Дымъ?“ Общество генераловъ превосходно описано, какъ и все, что выходитъ изъ подъ пера Тургенева; а, признаться вамъ, вся повѣсть не оправдываетъ ожиданій. Согласенъ съ нимъ на счетъ Роя Кохановской *) и тенденцій Славянофиловъ; но за что такое ожесточеніе противъ всего Русскаго? И Брюловъ, и Глинка похерены однимъ почеркомъ пера изъ списка высокодаровитыхъ національныхъ художниковъ. Къ чему тутъ въ наше время память о сѣченіи помѣщиками своихъ крестьянъ и о зуботычинахъ? Русь живетъ на свѣтѣ 10 вѣковъ; но намъ она ихъ прижила, тотъ образъ жизни еще длится. Мы перенимаемъ у другихъ народовъ, насъ опередившихъ, хорошее и дурное; да развѣ это не участь всѣхъ молодыхъ, и народовъ, и единицъ? Тургеневъ, живя безпрестанно не въ своемъ отечествѣ, дѣлался космополитомъ. Онъ видѣлъ въ немъ зло, да и говоритъ о немъ какъ чужой. Смѣшилъ Гоголь насъ зломъ, но этотъ смѣхъ заставлялъ задумываться, отъ него было горько сердцу, отъ него плакать. Видно было, что въ немъ говоритъ добрый, любящій сынъ о порокахъ своей матери. Не то авторъ „Дыма“. Не говорите только никому, почему я ставлю „Дымъ“ не выше повѣсти Боборыкина: „Чужое поле“, едва я не сказалъ, что не пониже. Можетъ быть, я и ошибаюсь очень!.. Прочту еще и, что добраго, покаюсь.

Москва, 30 Апрѣля 1867.

Почтенный другъ Федоръ Алексѣевичъ!

Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не перекинулись словомъ, но я все-таки помнилъ васъ попрежнему, несмотря на обстоятельства. Надѣясь, что дружескія отношенія наши не прекратились, прибѣгаю къ вамъ съ усерднѣйшею просьбою. Вотъ въ чемъ дѣло. На старости лѣтъ я написалъ романъ изъ послѣдняго Польскаго мятежа: „Внучка Панцырнаго Боярина“. Отдавать его въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ и ждать разрѣшенія отъ него, все равно, что ждать

*) Повѣсть Кохановской „Рой Θεодосій Савичъ на покоѣ“. Тургеневъ звалъ эту повѣсть: „Псой Стихичъ“.

отвѣта съ Алеутскихъ острововъ. Случалось, что они держать рукопись по два года, какъ это случилось съ историческимъ романомъ г-жи Вельтманъ, и потомъ присланъ съ огромными помарками.

И потому я рѣшилъ послать свой романъ въ одну или другую редакцію Петербургскихъ журналовъ. Попытаюсь сначала адресоваться къ Краевскому и, если не удастся, къ Хану. Но мнѣ въ этомъ случаѣ нуженъ посредникъ, и васъ-то прошу быть имъ. Если вы не откажетесь принять на себя это порученіе, то я пришлю къ вамъ свою рукопись въ первыхъ числахъ и при нихъ два письма: одно къ Краевскому, а другое къ Хану, изд. „Всемир. Труды“. Сперва вы потрудитесь отвезти рукопись и письмо мое къ первому и спросить его, когда можете получить отвѣтъ. Если по истеченіи означеннаго срока отвѣтъ будетъ неблагопріятенъ, то отвезите рукопись и письмо къ Хану, но во всякомъ случаѣ, при передачѣ рукописи тому или другому издателю, не забудьте взять отъ того или другого расписки въ полученіи ея. Вотъ коммисія, съ которою прибѣгаю подъ дружеское крыло ваше. Вчера былъ у меня сынъ вашъ Анатолій и сказалъ мнѣ адресъ вашей квартиры.

Жду отъ васъ разрѣшенія моей покорнѣйшей просьбы.

Петербургская актриса Липская, съ мѣсяць тому назадъ пріѣхавшая въ Москву, писала мнѣ записку, которою просила меня поставить въ бенефисъ въ будущій театральнй сезонъ моего „Опричника“. Я далъ ей разрѣшеніе, но какъ посланный съ запискою не могъ сказать мнѣ ни имени ея, ни отчества, то я на простой запискѣ написалъ это разрѣшеніе, и даже вмѣсто выраженія „поставить на сцену“, написалъ „поставить на театр“, чему конечно читавшіе посмѣялись.

P. S. Адресъ мой: въ Москвѣ, близъ Смоленскаго рынка, въ Ружейномъ переулкѣ, въ домѣ Лебедева.

*

Москва, 7 Мая 1867.

Благодарю васъ, почтенный другъ, что вы озабочивались пристроить мой романъ, хотя оное и не удалось. Остается мнѣ просить васъ взять рукопись отъ Краевскаго и переслать ее ко мнѣ. Разборъ возвращаю вамъ. Ручаюсь, что его писалъ какой-нибудь Финнъ или такое лицо, которое знаетъ политическія тайны міра сего получше насъ, людей такихъ, смотрящихъ изъ своей норы на событія уже совершившіяся, а не на гадательныя послѣдствія ихъ, о которыхъ бабушка на-двое сказала. Я Русскій, знаю, пишу и дѣйствую, какъ Рус-

скій; такъ дѣйствуетъ честный Французъ во Франціи, въ Италиі, Нѣмецъ въ Германіи. А какъ мыслятъ псевдорусскіе, великіе міра журнальнаго, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Большая часть дѣйствующихъ въ моемъ романѣ, лица историческія, не включая Зарницыной, Застрембецкаго, Маврушиной, Людвиновича и Леденцовой. Пусть почиваютъ они въ мирѣ. Критикъ придаетъ мнѣ то, чего нѣтъ въ романѣ; онъ говоритъ, что Зарницына выставлена у меня феноменальнаго ума и неслыханной добродѣтели. Это неправда, потому что я этого нигдѣ не высказалъ. Она просто умная и добрая женщина, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ своею экзальтаціей и энергичнымъ характеромъ изъ ряду обыкновенныхъ женщинъ.

Также нечисто поступаетъ онъ со статьею о Ратѣевѣ, будто я одарилъ его всѣми возможными добродѣтелями. У меня онъ только добродушный, благородный человѣкъ. Владиславъ будто бы также выставленъ у меня съ рѣдкими качествами ума и сердца. Это натянутая клевета и пр. и пр., что повело бы меня въ напрасную и бесплодную полемику. Никогда Ратѣевъ не посылалъ сына отстаивать права Россіи; юноша по своей доброй волѣ пошелъ служить. Какъ плохо читалъ мой романъ судья мой, видно уже изъ того, что онъ поселилъ ее въ ея имѣніи въ Бѣлоруссіи, между тѣмъ какъ она живетъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ мужъ ея командуетъ полкомъ. Видно, что разборъ написанъ съ завзятою напередъ мыслью уничтожить его, потому что онъ написанъ не въ духѣ, какъ бы желалось критику. Отправляясь съ этой точки зрѣнія, онъ, конечно, никуда не годится. Въ одномъ я съ нимъ согласенъ, это многоглаголаніе во 2-й главѣ 1-й части, о чемъ я писалъ въ первомъ письмѣ къ Краевскому. Затѣмъ я низко откланиваюсь и господину критику, и господину редактору „Отечественныхъ Записокъ“, пожелавъ имъ побольше Петербургскихъ трущобъ съ кабаками, притонами мошенниковъ, съ свахами извѣстнаго рода, съ трескучими происшествіями, и также художественнаго, какъ описаніе путешествія и смерти одного изъ героевъ въ помойномъ каналѣ, которыхъ никто не видалъ и слѣдственно авторъ не могъ ни отъ кого знать. Нынѣ мертвый подъ землею рассказываетъ авторамъ романовъ свои одиночныя приключенія и свои мысли, когда онъ умиралъ. Вотъ вамъ и правда въ искусствѣ! Когда вы возьмете отъ Краевскаго мою рукопись, пробѣгите ее и сдѣлайте мимолетно карандашикомъ ваши замѣтки. Много обяжете. Буду при деньгахъ, напечатаю на свой счетъ, а если нѣтъ, такъ пусть останется мой романъ посмертнымъ моимъ сочиненіемъ.

*

Почтенный и добрый другъ Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Надѣясь, что наши дружескія отношенія остаются въ положеніи, въ какомъ были и прежде и что неудача моего романа не ослабила ихъ, обращаюсь къ вамъ съ новой усерднѣйшей просьбой.

Вы, конечно, слышали, что я отдалъ артисткѣ Липской, которая должна быть вамъ хорошо извѣстна, моего „Опричника“ на бенефисъ ея. Пройдя благополучно, хотя и не безъ хлопотъ, черезъ огонь Главнаго Управленія по дѣламъ печати, она поступила въ дирекцію Императорскихъ театровъ. Но тутъ набѣжалъ неблагопріятный для бенефициантки шкваль, какъ она пишетъ ко мнѣ. Ей хотѣлось дать мою драму въ первыхъ числахъ Октября, а Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ объявилъ ей, что пьеса назначается на 15 Сентября, отчего Липская, за невозвращеніемъ будто дачниковъ въ городъ, потерпитъ въ сборѣ и потому проситъ меня, чтобы я похлопоталъ о назначеніи дня бенефиса въ первыхъ числахъ Октября, да прибавляетъ еще, что она боится, чтобы не поставили пьесу на Александрійскомъ театрѣ, а не на Маріинскомъ. Это послѣднее обстоятельство меня очень тревожитъ. И потому я просилъ Павла Степановича, чтобы дали „Опричника“ на Маріинскомъ театрѣ, на которомъ давали смерть Грознаго графа Толстого. Почему такое предпочтеніе сіятельному? Это будетъ для меня большимъ оскорбленіемъ. Вы вѣрно знакомы съ Ѳедоровымъ. Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ дружеское одолженіе, попросите его исполнить мое желаніе, которое согласуется и съ выгодами дирекціи. Не бывъ долго въ Петербургѣ и потому не зная достаточно актеровъ, я во всемъ отдался на волю бенефициантки, которой обязанъ уже и за то, что она вызвала въ свѣтъ „Опричника“. Она распредѣлила главныя роли слѣдующимъ образомъ: 1) Іоанна Грознаго—Леонидову который, какъ мнѣ сказалъ Анатолій Ѳедоровичъ, хотя и не создастъ роль, но не испортитъ ея, и артистъ добросовѣстный. Кого я предпочелъ бы—Самойлова, но говорятъ и писали, что онъ и Васильевъ въ смерти Грознаго оказались ниже своей репутаціи, и Грозный вышелъ очень неудачный; 2) роль Морозова, на которой держится нить всей пьесы, отдана Степанову. Вашъ сынъ назвалъ его бездарнымъ, но я никого не знаю, кто бы могъ его замѣнить, и потому волей-неволей долженъ быть согласиться съ выборомъ Липской; 3) Роль молодого Басманова отдана Малышеву, о которомъ хорошо отзывается Анатолій Ѳедоровичъ; 4) Роль Натальи Жемчужиной, хотя не обильная рѣчами, отдана Струйской, тоже очень одобряемой; 5) сама бенефициантка прини-

маеть на себя довольно значительную роль матери Морозовой. Я на нее надѣюсь; 6) Роль боярина Митькова предоставлена Сосницкому. Я зналъ его за артиста высоко даровитаго, но боюсь, не старъ ли онъ для роли боярина Митькова, который хотя и съ просѣдью, но еще бодрый и свѣжій старикъ. Впрочемъ бенефициантка стоитъ за него горой и увѣрена, что онъ выполнитьъ прекрасно свое назначеніе. О распредѣленіи прочихъ не знаю и не хочу знать. Выборъ ихъ зависитъ отъ дирекціи. Да,—забылъ я вамъ сказать, что роль мамки отдана Громовой. О, за успѣхъ ея я самъ ручаюсь. Эта между артистками звѣзда первой величины.

Адресъ мой: на Поварской, въ домѣ Николаева.

Москва.

29 Августа 1867.

*

Москва, 30 Октября 1867.

Вашъ сынъ, почтеннѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, доставилъ мнѣ ваше пріятное письмецо. Очень радъ, что Анатолій Федоровичъ живетъ въ Москвѣ: онъ былъ у насъ 30 Сентября и провелъ почти цѣлый день. Молодой человекъ много общающій. Онъ далъ мнѣ слово насъ навѣщать: умная бесѣда его и для меня, стараго, будетъ очень пріятна. Если я буду жить по близости къ университету, то я перетяну его къ себѣ жить—за малую плату. И ему, и карману его будетъ выгодиѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что Ирина Семеновна *) будетъ скоро здѣсь: мы просимъ ее остановиться непременно у насъ.

Съ того времени, какъ мы не видались, мое семейство умножилось. Вотъ ужъ у меня на старости лѣтъ трое дѣтей: старшей дочери слишкомъ три года, сыну скоро два, меньшей дочери, грудной, 7 мѣсяцевъ. Произвожу и литературныхъ дѣтей. Я написалъ романъ въ 4-хъ частяхъ: „Немного лѣтъ назадъ“. По разнымъ причинамъ я печатаю его отдѣльно. Два листа ужъ отпечатаны, остальные скоро выйдутъ изъ-подъ станковъ непременно къ 1 Ноября. Чего нѣтъ въ этомъ романѣ! И педагогія, и романическія приключенія!

Боюсь на старости лѣтъ шлепнуться лицомъ въ грязь. Послѣ „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева страшно выступать на литературную арену. Критика у насъ нынѣ—кто во что гораздъ. Кто палку взялъ, тотъ и капраль, а солдатики ужъ и выкрикиваютъ его артикуль капраль сказалъ. Мѣщанскій конецъ! Добродѣтель награждена, порокъ наказанъ — и почему всѣ твердятъ одно и то же. Въ свободной области искусства нѣтъ капральства, его нѣтъ въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ пишете не такъ, какъ законы разума и красота вамъ вну-

*) Супруга Ф. А. Кони.

шаютъ не вдохновенію, а такъ какъ наши критики установили. Горе быть Диккенсамъ, если бы въ Англіи были бы такіе критики.

Прочтите князя Серебрянаго, графа Толстого, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Право, мы возвращаемся къ временамъ Зотова и Клятвы при гробѣ Господнемъ.

Еще разъ благодарю за ваше обязательное, дружеское посредничество и прошу васъ окрестить мое дѣтище, которое, именно, должно быть моимъ послѣднимъ произведеніемъ.

Зная, что вы принимаете участіе во всѣхъ моихъ радостяхъ и печальныхъ обстоятельствахъ, долгомъ считаю увѣдомить, что Государь Императоръ, узнавъ о моемъ затруднительномъ положеніи при болѣзненномъ состояніи, приказалъ выдать мнѣ въ единовременное пособіе тысячу рублей въ знакъ вниманія къ литературнымъ моимъ заслугамъ. Эта монаршая милость была неожиданна, я никого не просилъ о пособіи, она тронула меня до слезъ.

Тѣмъ болѣе желалъ бы я, чтобы мой романъ былъ скорѣе отпечатанъ въ-время, когда оно летитъ и горитъ. Нынѣ время не годами, а по недѣлямъ считаютъ. Я, кажется, просилъ васъ узнать, какъ имя артистки Липской. Она просила меня позволить ей дать въ будущей театральній сезонъ моего „Опричника“. Дай Богъ, чтобы его позволили поставить на сцену. Кажется, теперь можно: „Іоаннъ Грозный“ будетъ на сценѣ. Когда увѣдомите меня объ имени и отчествѣ Липской, напишите тутъ же и адресъ ея квартиры. Воображаю, какъ хорошъ будетъ Самойловъ въ роли Грознаго, когда онъ раздираетъ на себѣ ризу.

О ЗАПИСКАХЪ ГРАФА НИКОЛАЯ ЕГОРОВИЧА КОМАРОВСКАГО.

Изданіи Общества ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Москва, 1912. Больш. 8^о, 112 стр., съ превосходнымъ портретомъ.

Графъ Н. Е. Комаровскій родился въ 1845 году. На послѣдней страницѣ его Записокъ означено „25 Марта 1905 г. С.-Петербургъ“, а 8 Августа того же года онъ скончался въ Виллахъ (въ Каринтіи) вслѣдствіе неудачной операціи. Предъ отъѣздомъ въ чужіе края, какъ бы предчувствуя кончину, онъ отдалъ эти Записки въ распоряженіе Общества ревнителей, коего былъ членомъ.

Дѣдомъ его былъ графъ Евграфъ Федотовичъ (котораго Записки помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 и 1877 г.г. и въ первой книгѣ сборника „Оснадцатый Вѣкъ“; отцомъ—другъ И. В. Кирѣевскаго, а матерью—сестра поэта Веневитинова. Въ Запискахъ графа Николая Егоровича много любопытнаго о семьѣ Веневитиновыхъ *). Между прочимъ узнаемъ, что родители поэта, встревоженные пылкою страстію его къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской, перевели его на службу въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ захваченъ и хотя на другой же день выпущенъ на свободу, но ночи, проведенной въ сыромъ казематѣ Петропавловской крѣпости, не выдержало его здоровье и безъ того потрясенное нравственнымъ волненіемъ несчастной любви. Тифъ явился послѣдствіемъ злосчастнаго ареста, и Дмитрій Владимировичъ, всего на 22 году отъ рожденія, скончался 15 Марта 1827 года. Долго, долго потомъ, еще въ нашу молодость, друзья его, Хомяковъ, Шевыревъ, Погодинъ и др. собирались въ Москвѣ на поминальную по немъ трапезу.

На стр. 11 и 12-й читаемъ:

„Въ 1808—1809 году мой дѣдъ Евграфъ Федотовичъ отправился въ Парижъ въ сопровожденіи бабушки Елисаветы Егоровны и своего старшаго сына, моего отца, которому тогда было 6 лѣтъ отъ роду. Не

*) Это выходцы изъ Тульскаго города Венева. Они сдѣлались старожилыми Воронежа, гдѣ одного изъ нихъ приблизилъ къ себѣ и одарилъ Петръ Великій. Точно также и другіе выходцы сохранили въ своемъ имени названія своей родины: Туляковы изъ Тулы, Болховитиновы изъ Болхова, Тверитиновы изъ Твери. П. Б.

вполнѣ установлено, была ли эта поѣздка предпринята для исполненія секретнаго порученія императора Александра Павловича къ Наполеону I; но извѣстно, что дѣдъ былъ принятъ Наполеономъ и вступилъ въ сношенія съ тогдашними Французскими политическими дѣятелями. Дабы не оставлять моего отца одного во время обязательныхъ выѣздовъ и бабушки, къ нему былъ нанятъ молодой Французъ по имени Пелисье, въ качествѣ такъ-называемаго въ тѣ времена *шенип*, т. е. дядьки, обязанность котораго состояла водить гулять отца по садамъ Парижа и показывать ему все, что могло интересовать ребенка его лѣтъ. Когда снова вспыхнула война 1809 года, дѣдъ мой немедленно долженъ былъ оставить Парижъ, и по усиленной просьбѣ этого самаго Пелисье и привычкѣ къ нему моего отца, рѣшилъ взять съ собою 20-лѣтняго Француза, который и отправился въ путь на козлахъ дорожной кареты. Пелисье подлежалъ набору въ военную службу и могъ быть узнанъ и задержанъ по дорогѣ, занятой уже передвиженіемъ Французскихъ войскъ, но благодаря открытому листу, полученному дѣдомъ отъ Наполеона, дѣло обошлось благополучно, и въ Петербургѣ Пелисье снова вступилъ въ исполненіе обязанностей дядьки при отцѣ. Но вскорѣ дѣдъ мой заподозрилъ ментора въ шпионствѣ и отправилъ его обратно во Францію, гдѣ на этотъ разъ онъ и поступилъ на военную службу. Вторично онъ явился уже въ 1854 году въ чинѣ дивизионнаго генерала, а затѣмъ маршала подъ стѣнами Севастополя. Мнѣ извѣстно, что отецъ мой интересовался тогда, что было общаго между бывшимъ дядькою и Французскимъ маршаломъ и какъ оказалось, это было одно и то же лицо. Какъ потомъ говорилъ отецъ, онъ бы охотно упростилъ вторично дѣда не отпускать Пелисье, только на этотъ разъ уже изъ Россіи“.

Мать графа Н. Е. Комаровскаго Софья Владиміровна—сестра поэта, а братъ ея Алексѣй Владимировичъ женился на графинѣ Аполинѣ Михайловнѣ Вельгорской *). Домъ и общество ея родителей и дяди подробно и живо изображены въ Запискахъ нашего графа. Сама собою образовалась цѣлая академія музыки и словесности. Въ числѣ второстепенныхъ лицъ былъ тутъ музыкантъ Ленцъ, написавшій для „Русскаго Архива“ 1878 г. „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“.

„Въ народѣ заходили слухи о томъ, что Государь не хотѣлъ пережить Севастополя и несчастія своей Россіи. Говорили въ то время, что передъ Зимнимъ дворцомъ собралась громадная толпа народа, требовавшая выдачи ей лейбъ-медика Мандта. Говорили также, что для того, чтобы спасти его отъ ярости народа принуждены были от-

*) См. наши строки о ней въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884, вып. 9-й.

править его тайно за границу“. Все это только городскіе слухи. Въ письмѣ къ своей женѣ Мандтѣ изложилъ подробно, какъ умиралъ Николай Павловичъ („Р. Архивъ“ 1884, I) и позднѣе написалъ о томъ особо („Р. Архивъ“. 1905, II).

Письмо доктора Мандта писано къ его супругѣ, находившейся тогда во Франкфуртѣ на Одерѣ. Записка, понудившая его сказать Государю, что смертный часъ его близокъ, писана графинею А. Д. Блудовой. Благодаря ей, Николай Павловичъ съ такимъ достоинствомъ могъ провести послѣдніе часы жизни. Благодаря той же графини Антонины Дмитриевны и 1-го Марта 1881 года Александръ Николаевичъ успѣлъ приобщиться Святыхъ Таинъ), вопреки врачамъ, говорившимъ, что это только встревожить истекавшего кровью Государя. Графиня обратилась къ его любимому сыну, великому князю Владимиру Александровичу, и тотъ немедленно послалъ за протоіереемъ Рождественскимъ. Въ большой дворцовой церкви запасныхъ Св. Даровъ не оказалось. Въ малой церкви, на другомъ концѣ дворца, двери были заперты. Пришлось ломать ихъ, и Рождественскій на дрезинѣ привезъ Св. Дары въ комнаты надъ Салтыковскимъ подъездомъ.

„Помнится, какъ при мнѣ рассказывали, что на одномъ изъ вечеровъ въ Михайловскомъ дворцѣ Великая Княгиня Марія Николаевна, находившая повидимому, что вообще сужденія Милютина напоминали собой образъ мыслей извѣстнаго Марата, замѣтила ему: „Я бы желала быть Шарлотой Корде, чтобы покончить съ вами“. „Но въ такомъ случаѣ я долженъ въ присутствіи Вашего Высочества сѣсть въ ванну“, отвѣтилъ, не смутясь, Николай Алексѣевичъ.

„Слышалъ я и знаменитую Бозію, смерть которой въ Петербургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ ознаменовала начало студенческихъ беспорядковъ. На ея похоронахъ, въ благодарность за участіе во время ея земного существованія на концертахъ въ пользу студентовъ Петербургскаго Университета, толпа изъ нихъ пожелала распорядиться ея похоронами и помѣстить на катафалкѣ, у кистей, избранныхъ изъ своей среды депутатовъ. Это произошло на Невскомъ. Не довольствуясь участіемъ въ процессіи, студенты вздумали насильственно снимать шапки у проѣзжающей мимо процессіи посторонней публики, въ числѣ которой оказался между прочимъ графъ Б. А. Перовскій, воспитатель Великихъ Князей. Полиція вынуждена была вмѣшаться. Произошла уличная свалка, и нѣсколько студентовъ было арестовано.

Отецъ мой не любилъ посѣщенія свѣтскихъ вечеровъ и обѣдовъ, предпочитая имъ тѣсный кружокъ ему близкихъ людей. Исключеніе онъ дѣлалъ лишь для графини Антонины Дмитриевны Блудовой, у которой бывалъ иногда, по четвергамъ вечеромъ, для Анастасіи Никола-

евны Мальцовой и трехъ сестеръ Смирновыхъ, у которыхъ бывали обѣды съ видными представителями дипломатическаго корпуса, туда для разговора обыкновенно приглашался отецъ вмѣстѣ съ Тютчевымъ.

Марію, Александру и Елену Осиповну Смирновыхъ знали весь Петербургъ, и они всѣхъ знали. Жили они по сосѣдству съ нами на Михайловской площади, въ домѣ Крылова, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится еще не застроенное пространство земли, противъ Михайловскаго дворца ¹⁾.

Старшая изъ трехъ сестеръ, Марія Осиповна, носила слѣды когда-то замѣчательной красоты, какъ о томъ гласило преданіе. Я ее помню уже старухой, высокаго роста, царственной осанки, съ большими глазами и правильными чертами лица. Она, казалось, никогда не нагибалась: до того она себя держала прямо и величественно. Какъ и ея сестры, она была очень словоохотлива и любила говорить о впечатлѣніи, производимомъ въ былыя времена ея внѣшностью на безчисленныхъ поклонниковъ. Я никогда собственно не могъ разобратъ, кто особенно былъ ею очарованъ, Императоръ ли Александръ I, или же Армянинъ Лазарь Якимовичъ Лазаревъ, имя котораго связано было почему-то съ легендами о неотразимой красотѣ Маріи Осиповны.

Въ то время, какъ Марія Осиповна Смирнова царила въ своей гостини и принимала за обѣдами чужестранныхъ пословъ и посланниковъ, ея младшая сестра, Александра Осиповна завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ и заказами обѣдовъ, а третья сестра, Елена, поддерживала внѣшнія сношенія семьи со всѣмъ Петербургскимъ свѣтомъ ²⁾. Обѣды и вечера Елена Осиповна постоянно проводила внѣ дома, у своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ. Носила она прическу и нарядъ еще временъ Александра I и говорила басомъ, что не совсѣмъ соответствовало ея сердечной добротѣ. Хотя темою ея разговоровъ были всегда пересуды того, что дѣлалось въ свѣтѣ, но въ нихъ не замѣчалось и слѣда злословія или враждебности. Она замѣняла собой свѣтскую Петербургскую газету, самаго поверхностнаго, но всегда доброжелательнаго содержанія.

¹⁾ Эти Смирновы неосторожно ссужали большими деньгами знаменитую мать Митрофанію. Она, не возвративъ денегъ, разорила гостеприимныхъ сестеръ. Тогда Тютчевъ сказалъ про нихъ: *Elles ont perdu à la baisse*, т. е. онѣ потерпѣли отъ пониженія цѣнности денегъ. (*Abaisse*—игуменья; *baisse*—повиженіе цѣнностей на биржѣ). П. Б.

²⁾ Герценъ писалъ въ своемъ знаменитомъ „Колоколѣ“, что сестры Смирновы были не чужды внушеній со стороны существовавшего тогда 3-го Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи, передававшего впоследствии свое дѣлопроизводство въ нынѣшній Департаментъ Полиціи.

Старшая сестра графа Комаровскаго, гр. Анна Егоровна, поступила во фрейлины къ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, и отсюда сближеніе его съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, съ которымъ онъ учился вмѣстѣ, во дни ихъ отрочества. Графъ не рассказываетъ про его дальнѣйшую судьбу; а про отца его читаемъ:

„Ежедневно днемъ мы ѣздили вмѣстѣ съ Николаемъ Константиновичемъ купаться на море, гдѣ на мелкомъ мѣстѣ была устроена купальня. Но когда на пристани былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, онъ забиралъ насъ въ свою купальню, устроенную на значительной глубинѣ, и поочередно бросалъ въ море, чтобы, какъ онъ говорилъ, улыбаясь, изъ насъ не вышли бабы, и чтобы мы приучились сами выбираться изъ опаснаго положенія, которое заключалось въ этомъ случаѣ въ томъ, что приходилось проплыть нѣсколько сажень ранѣе, чѣмъ добраться до берега. При сильномъ волненіи, намъ кидался спасательный кругъ, и кромѣ этого на плоту купальни находился матросъ, всегда готовый, въ случаѣ нужды, придти къ намъ на помощь. Помню, какъ однажды Константинъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: „Необходимо умѣть плавать; если бы я этого не умѣлъ, то меня давно бы съѣли рыбы“. При этомъ Великій Князь рассказалъ о несчастіи, бывшемъ съ нимъ близъ Кронштадта, когда утонулъ его адъютантъ князь Голицынъ, сынъ того, что завѣдывалъ Комиссіею прошеній, и онъ самъ, оставаясь безпомощно на водѣ въ продолженіи 5 минутъ, спасся лишь потому, что умѣлъ хорошо плавать. Упомянувъ о Голицынѣ, Константинъ Николаевичъ набожно перекрестился, прибавивъ со вздохомъ: „Какъ мнѣ жаль его бѣднаго! Я его хотѣлъ спасти, но онъ какъ ключъ пошелъ ко дну“.

Великій Князь любилъ иногда участвовать и руководить нашими играми, въ которыхъ онъ всегда старался развивать въ насъ извѣстную самостоятельность и находчивость.

*

Вообще въ обращеніи Великаго Князя Константина Николаевича чувствовалась большая сердечная доброта, которую онъ видимо скрывалъ подъ пріемами нѣкоторой внѣшней суровости, а иногда и рѣзкости.

*

Вотъ какъ графъ описываетъ одну изъ пирушекъ Преображенскаго полка, въ который онъ поступилъ на службу. „Всѣ сидятъ полукругомъ; напротивъ помѣстились Цыгане, которые съ какимъ-то изступленіемъ орутъ: „Когда все пируетъ и блещетъ вокругъ“... Неожиданно ихъ перебиваетъ командиръ полка ¹⁾. Онъ

¹⁾ Князь Аватолій Барятинскій. П. В.

встаетъ со стаканомъ въ рукахъ. Водворяется полная тишина. Всѣ офицеры разомъ встаютъ и застегиваются. „Господа, за здоровье дорогого, родного полка“, слышится громкій, симпатичный голосъ князя; ему отвѣчаютъ громкимъ „ура“. Всѣ стаканы осушаются залпомъ и летятъ, какъ одинъ, вдребезги объ полъ. Старыя Цыганки вьзжать отъ испуга, и изъ сосѣдней комнаты слышатся снова звуки полкового марша: „Знаютъ про насъ Шведы“... Не успѣла замолкнуть музыка, какъ зазвенѣли бубны, и гдѣ-то вблизи раздалась удалая солдатская пѣсня: „Посѣю лебеду на берегу...“ Неудержимо срывается со своихъ мѣстъ полковая молодежь и пускается въ родную присядку. „Старики“ подпѣваютъ и хлопаютъ въ ладоши.

Около полуночи командиръ полка уѣхалъ, и его проводилъ дежурный по полку. Виновики торжества, Веловзоръ и Львовъ *), уже безмятежно покоются отъ всѣхъ тревоженій дня на диванахъ, которыми уставлена огромная дежурная комната, а я отъ массы выпитыхъ брудершафтовъ начинаю усматривать нѣкоторые предметы въ двухъ экземплярахъ и постоянно принимать какую-то старую Цыганку за командира полка и почтительно къ ней обращаться со словами: „Ваше сіятельство“. Но кувшинъ холодной воды, вылитый мнѣ на голову, приводитъ меня въ нормальное состояніе.

Между тѣмъ огни тушатся, и посрединѣ залы въ ротномъ котлѣ уже пылаетъ жженка. Надъ пламенемъ на помполахъ лежитъ большой кусокъ сахару, который постоянно обливается коньякомъ и въ растопленномъ видѣ капаетъ въ горячіе коньякъ и Шампанское. Еще тѣснѣе кругомъ пылающаго котла сдвигается семья Преображенцевъ. По командѣ старшаго изъ присутствующихъ сюртуки живо снимаются. Цыгане-пѣвцы удаляются угощаться въ отдѣльное помѣщеніе, а Цыганки разсыпаются между офицерами, какъ стрѣлки по кустамъ. Цыганка Лиза уже не обращаетъ на меня никакого вниманія и лебезитъ со старшими офицерами. Да и мнѣ не до нея. Меня зовутъ для особыхъ порученій мой ротный командиръ, на котораго разъ навсегда была возложена обязанность варенія жженки. Съ растегнутымъ воротникомъ рубашки, подвязанный длиннымъ фартукомъ, съ суповой ложкой на палкѣ въ рукѣ, графъ Николай Петровичъ Клейнмихель съ важностью священнодѣйствуетъ около котла, мѣшая и пробуя варево изъ различныхъ винъ. Его помощники, младшіе въ чинѣ, суетятся около него: одни откупориваютъ бутылки, другіе очищаютъ фрукты, сортируютъ вино и проч. Прислуга въ такихъ случаяхъ уда-

*) Николай Николаевичъ, кончившій жванъ директоромъ Московскаго Вдовьяго дома. П. Б.

ляется. Меня Николай Петровичъ держитъ непосредственно при себѣ, преслѣдуя при этомъ, очевидно, педагогическія цѣли, и то и дѣло отдастъ приказанія: „Лей красное. Сладковато. Пустн. мадеры, посуше, да для аромата еще бутылки двѣ Ямайки. Вали фрукты“. Наконецъ жженка приходится ему по вкусу, достаточной крѣпости, и онъ самодовольно произноситъ: „туши“. Помощники вооружаются бутылками и вливаютъ въ котель вторую дюжину, но уже замороженнаго Шампанскаго. Жженка готова и разливается въ стаканы, которые по офицерскимъ группамъ разносятъ Цыганки. „Знай, Комарь, что во время жженки не принято выражать восторга битьемъ посуды“, на всякій случай, поучаетъ меня, какъ новичка, Николай Петровичъ“.

Веловзоръ и Львовъ, успѣвшіе отойти, уже сидятъ среди товарищей, какъ встрепанные, и дружеская бесѣда, какъ нишутъ въ газетныхъ отчетахъ, „затянулась далеко за полночь“. Ну ужъ и бесѣда!..

У помощниковъ Клейнмихеля давно руки устали наливать, а Цыганки такъ и лѣзутъ съ пустыми стаканами, точно на водопоѣ. Стихійное веселье въ полномъ разгарѣ, душа гуляетъ нараспашку; но все чинно, безъ какого-либо намека на непристойность.

Въ концѣ веселой товарищеской пирушки Веловзоръ и Львовъ поднимаются на руки бывшими товарищами, выносятся наружу и торжественно обносятся почему-то вокругъ небольшого находившагося въ то время передъ главнымъ входомъ круглаго садика.

Музыка на крыльцѣ играла похоронный маршъ Шопена. Всѣ поютъ: „Прощай, прощай, мой генераль...“

Приведенныя выдержки свидѣтельствуютъ о занимательности Записокъ графа Н. Е. Комаровскаго. П. Б.

РУССКАЯ БОРОДА ВЪ 1812 ГОДУ.

Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,

обращался въ 1839 году В. А. Жуковскій (участникъ Бородинской битвы) къ памяти Государя Александра Павловича. Когда Москва была занята, опозорена, разграблена и сожжена, когда и Петербургу грозила опасность и уже сдѣланы были распоряженія объ увозѣ памятника Петру Великому, когда Государь не находилъ себѣ сочувствія ни въ матери, ни въ братѣ и Наполеонъ уже не разъ предлагалъ ему войти въ переговоры о мирѣ, внукъ Екатерины Великой отозвался полковнику Мишю: „Скорѣе уѣду въ дальніе края моего царства и *отрощу себѣ бороду*, но не соглашусь подписать стыдъ моего отечества“. Этотъ отзывъ приведенъ въ любопытнѣйшихъ Запискахъ А. П. Бутенева, выдержки изъ которыхъ, относящіяся къ 1812 г., вышли отдѣльною книжкою. Въ примѣчаніи къ ней читаемъ:

„Любопытно сопоставить эти знаменитыя слова съ отзывомъ Наполеона, который на островѣ Св. Елены говорилъ: будь я Русскимъ царемъ, я *отростилъ бы себѣ бороду* и держалъ бы въ рукахъ всю Европу“. По милости Божіей, намъ не пришлось прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ.

Другое любопытное сопоставленіе по отношенію къ тѣмъ же царскимъ словамъ имѣется въ письмѣ княгини Зинаиды Александровны Волконской къ барону Меріану (*Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, Paris & Carlsruhe, 1865, стр. 231*). Кучеръ Илья, по кончинѣ Государя въ Таганрогѣ, везетъ бранные останки, т.-е. правитъ погребальною колесницей. Поѣздъ выступилъ изъ Таганрога на другой день Рождества Христова и только въ Мартѣ 1826 г. достигъ Петербурга.

За гробомъ сокрушено,
Въ погребальныя слившись ходъ,
Вся Имперія идетъ.

Подъѣзжаютъ къ Москвѣ.

Чудесное слово Ильи одному изъ адъютантовъ Императора. Гофмаршалъ, находившійся со всѣми властями Москвы впереди шествія, оповѣщалъ въ селѣ Коломенскомъ графа Орлова-Денисова *) о соблюденіи церемоніала. Но Илья сказалъ генералу, что „онъ никогда не оставлялъ козелъ и никому не согласится уступить эту честь“. Гофмаршалъ настаиваетъ на томъ, что этикетъ требуетъ кучера въ парадной ливреѣ; но онъ долженъ былъ уступить въ концѣ-концовъ. Адъютантъ идетъ рассказать Ильѣ о томъ, что происходило: „Ты носишь бороду (говоритъ онъ ему) и потому не можешь сидѣть на козлахъ въ Москвѣ“. „Ну что жъ, я побрѣюсь“, отвѣчалъ Илья.

*) Который завѣдывалъ всѣмъ шествіемъ. П. Б.

Вы знаете, какъ Русскому мужику дорогá его борода. Илья ее сохранилъ“.

Княгиня Зинаида Александровна вовсе не вспоминаетъ по этому поводу извѣстныхъ словъ Государя. Но неправда ли, невольно напрашивается сопоставленіе? И сколько взаимной любви въ этихъ будто бы на первый взглядъ несогласныхъ воззрѣніяхъ Царя и крестьянина!

Кн. П. П. В.

А. В. Станкевичъ.

27 Юля 1912 г. въ Воронежской губерніи, въ имѣніи Новый Курлакъ, скончался *Александръ Владимировичъ Станкевичъ*, младшій братъ извѣстнаго любителя философіи, Николая Владимировича Станкевича. Покойный родился въ 1821 г. и высшее образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ. Одно время онъ служилъ членомъ Воронежскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, затѣмъ состоялъ въ Московской городской думѣ и почетнымъ мировымъ судьей въ Москвѣ. Покойный выступилъ на литературное поприще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія съ цѣлымъ рядомъ повѣстей, какъ напримѣръ, „Вечерніе визиты“, „Изъ записокъ дорожнаго человѣка“, „Дурачокъ Федя“ и г. д. Въ пятидесятыхъ годахъ, кромѣ повѣстей: „Идеалистъ“ и „Изъ переписки двухъ барышень“, онъ помѣщалъ критическія статьи и рецензіи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ журналѣ „Атеней“: „О сочиненіяхъ Пушкина“, „Классическій періодъ Нѣмецкой литературы“, „О книгѣ Аксакова—Дѣтскіе годы Вагрова-внука“. Главнымъ же трудомъ А. В. Станкевича слѣдуетъ признать біографическій очеркъ „Т. Н. Грановскій“.

Въ Воронежскомъ помѣстьѣ своемъ скончался въ маститой старости Московскій старожиль Александръ Владимировичъ Стаховичъ, одинъ изъ братьевъ того Николая Стаховича, который воодушевлялъ на все изящное и доброе многихъ своихъ получившихъ общую извѣстность сверстниковъ (и Катковъ и К. С. Аксаковъ съ сердечнымъ сочувствіемъ мѣпроносили его имя). Стаховичи происхожденія Сербскаго. Мать нашихъ современниковъ происхожденія Нѣмецкаго. Они получили отличное образованіе. Имя Александра Владимировича не умретъ въ исторіи Русскаго просвѣщенія, благодаря книгѣ его о Грановскомъ. Это образцовая біографія, вполне безпристрастная. Имъ же изданы двѣ книги писемъ Грановскаго, читая которыя невозможно не полюбить Тимофея Николаевича. Рядомъ съ нимъ теперь положили Стаховича на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ. П. Б.

Павель Васильевичъ ЖУКОВСКІЙ,

родился во Франкфуртѣ на Майнѣ 1-го Января 1845 г.

Скончался въ Веймарѣ 13-го Августа 1912 г.

удаляетъ тебя въ одно время и отъ наслажденій истинной поэзіи, и отъ первоначальныхъ друзей твоихъ? Читай Байрона, Мура и Шиллера"... 1823 г.) Булгарину (послѣ похвалъ за его „умныя статьи“ то въ „очень сухомъ, то въ очень занимательномъ“ Сѣверн. Архивѣ: „кланяйся нашей остроумной сволочи: Гречу, Рылѣву, Бестужеву, Корниловичу...“ 1824 г.). А. Бестужеву (просьба о стихахъ для „Звѣздочки“) и М. П. Погодину (объ успѣхѣ „Московского Вѣстника“ въ Одесскомъ обществѣ. 1827 г.). Три письма къ Пушкину 1827 г. (Они во второмъ томѣ Переписки Пушкина, изд. В. И. Сантова). Исторія Государственнаго Совѣта*), по порученію имп. Николая Павловича, составлена Туманскимъ, который въ 40-хъ годахъ служилъ помощникомъ статсъ-секретаря.

† Л. М. Жемчужниковъ.

24 Іюля скончался въ Царскомъ Селѣ Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, свидѣтель четырехъ царствованій. Онъ отошелъ въ вѣчность въ благословенной старости, такъ какъ родился въ 1828 г. Два брата: Алексѣй и Владимиръ Михайловичи Жемчужниковы владѣли поэтическимъ и сатирическимъ даромъ; вмѣстѣ съ гр. А. К. Толстымъ они писали подъ именемъ *Кузьмы Пруткова*; пережившій ихъ братъ Левъ отличался способностью въ живописи. Онъ и учился въ Академіи Художествъ, изъ которой вышелъ, впрочемъ, до окончания курса, и уѣхалъ въ родную Малороссію. Тамъ, гдѣ —

...Все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
...Гдѣ изъ цвѣтовъ плететь вѣнокъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грлицко...

На Украинѣ Л. М. принялся наблюдать бытъ и изучать краевую старь по сохранившимся памятникамъ и типамъ. Онъ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, а разъѣзжалъ, и въ это время (50-е годы) явно тяготѣлъ къ Тарасу Шевченкѣ. Къ его „Кобзарю“ Жемчужниковъ написалъ немало сценъ и типовъ; онъ же „открылъ“ случайно, на придорожномъ постояломъ дворѣ, и „последняго“ кобзаря, прослав-

леннаго имъ, Кулишомъ и археологами Кіевскаго съѣзда (1874 г.) Остапа Вересая. Академія Художествъ замѣтила Украинское искусство Жемчужникова, но большую, можно сказать, Европейскую извѣстность ему доставила его „Малороссіанка“, выставленная въ 1857 г. въ Парижскомъ салонѣ. Остапъ Вересай отразился на Жемчужниковскомъ „Кобзарѣ съ поводыремъ“. Вся его „Живописная Украина“ (48 листовъ) была приложена къ „Основѣ“ Кулиша и Бѣлозерскаго, и нынѣ — большая рѣдкость (покрайней мѣрѣ, въ полномъ видѣ) и продается рублей по 250.

Отдавъ Малороссію дань живописца, Л. М. Жемчужниковъ почувствовалъ потребность подойти вплотную къ тому новому, живому и плодотворному теченію въ Русской живописи, которое стало извѣстно подъ именемъ передвижничества. Жемчужниковъ переѣхалъ въ Москву и, ставъ членомъ Совѣта Училища Живописи, ваянія и зодчества, оказывалъ вліяніе на ходъ и развитие отечественной живописи впродолженіе десятиковъ лѣтъ. Къ его мнѣніямъ прислушивались Московскіе толстосумы, любители искусствъ, не исключая и братьевъ Третьяковыхъ. Можно сказать, что своимъ подборомъ картинъ, а слѣдовательно образовательнымъ значеніемъ и художественной цѣнностью, Третьяковская галерея обязана столько же собирателямъ, въ особенности П. М. Третьякову, сколько и Жемчужникову, ихъ вдохновлявшему. И въ этомъ заключается наибольшая заслуга Л. М. передъ искусствомъ которой нельзя забывать и забыть, хотя и въ качествѣ художника онъ былъ недюжиннымъ. Въ той же Третьяковской галереѣ можно видѣть его мастерства портретъ Вас. Вас. Верещагина, выжженный по дереву (1888 г.). Кромѣ этого, Жемчужниковъ написалъ портреты: художника П. А. Федотова и историка-этнографа Н. А. Маркевича. Въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1906 годъ Л. М. Жемчужниковъ воспомянулъ свою долгую жизнь, зародившуюся въ дворянскомъ гнѣздѣ Русскаго юга. *) Онъ погребенъ въ Москвѣ, на Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ его сынъ-младенецъ. „Не все текохъ“, можно сказать у свѣжей могилы Льва Михайловича.

П. Россіевъ.

*) Эту исторію напечатали въ „Русскомъ Архивѣ“ 1903 года (9) племянникъ Туманскаго, Григорій Александровичъ Милорадовичъ. П. В.

*) Л. М. Жемчужниковъ по матери своей Перовской былъ правнукомъ гетмана графа К. Г. Разумовскаго, потомки котораго почти все отличались даровитостью.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора „Русскаго Архива“ открыта отъ 9 до 2 часовъ дня и отъ 6 до 9 вечера.

Книгопродавцамъ уступка 20 копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій „Русскаго Архива“.

Нижеслѣдующія годовыя изданія „Русскаго Архива“ разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

Годы 1889, 1890, 1894, 1898—1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909, 1910, 1911 по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платять за эти два года по 6 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартоновъ.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

10.

стр.

161. Еще письма **Екатерины Великой** къ графу Кайзерлингу. 1763.
172. Рескриптъ **Екатерины Великой** Н. А. Татищеву. 1790.
173. Старые годы. **Н. А. Кутлубицнй** и его письма, съ предисловіемъ **И. А. Бронскаго**.
191. Хронологическій списокъ Высочайшихъ особъ, скончавшихся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.
201. Усердіе не по разуму. (Саратовскій губернаторъ Фаддеевъ). **П. Л. Юдина**.
216. Послъ Берлинскаго конгресса. (Тайныя общества въ Восточной Румеліи). Письмо г.-м. **Струкова**.
227. Памятникъ Подьякамъ, навнннмъ за вѣрность Государю. Сообщилъ **И. Г. Попруженно**.
234. Изъ дневника **графа П. А. Валуева**.
245. Изъ хроники нашихъ зрѣлицъ, **П. А. Россіева**.
250. 1812 годъ. Французы въ Архивъ Вотчиннаго Департамента. **Н. Г. Высоцкаго**.
252. Запрещенная при **Екатеринѣ Великой** книги. **Его-же**.
256. Стихи **О. М. Бодянскаго** на **С. П. Шевырева**.
257. Дневникъ словесныхъ повелѣній **императора Павла** графу **Ф. В. Растропчину**.
272. Листки. **П. А. Россіева**.
273. Изъ Воспоминаній **П. И. Щукина**.
291. Адресы **Московскаго дворянства** императору **Александру Николаевичу**.
296. Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».
304. Письмо **Петра Великаго** **И. В. Панину**. 1714.
305. Изъ писемъ **П. А. Плетнева** къ **Н. П. Бартеневу** 1858—1863.
315. Павелъ Васильевичъ **Жуковскій**. Письмо о немъ **графа Хребтовича-Бутенева**.
Внутри обложки: Статья **С. П. Кедрова** о патріархѣ **Гермогенѣ**.—
Петербургскій Некрополь.—Исследование Великаго Князя **Николая Михайловича** объ императорѣ **Александрѣ Первомъ**.—Смоленская Старина (1812).

Открыта подписка на 1913 годъ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1912.

С. КЕДРОВЪ. Жизнеописание святѣйшаго Гермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1912. 8-ка. Стр. 101. Съ рисунками. **ТВОРЕНІЯ святѣйшаго Гермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи.** М. 1912. 8-ка. Стр. 110.

Трехсотлѣтіе со дня кончины патріарха Гермогена вызвало рядъ книгъ и статей, посвященныхъ памяти великаго свѣтлыника земли Русской. Изъ числа ихъ безспорно заслуживаютъ вниманія и сочувствія вышеозначенныя изданія „Церковной Комиссіи по чествованію юбилейныхъ событій 1612, 1613 и 1812 годовъ“.

Изслѣдованіе С. И. Кедрова даетъ сводъ извѣстныхъ данныхъ о личности, жизни и дѣятельности святѣйшаго патріарха. Трудъ дѣловитый, съ любовью и тщаніемъ даровито исполненный. Знаменателенъ выводъ, который самъ напрашивается при созерцаніи подвига Гермогена. Среди заблужденій, вкоренившихся въ разумъ, такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей, есть одно удивительное, касающееся политики: въ политическихъ дѣлахъ, говорятъ, все дозволено, всѣ средства хороши; соображенія морали, нравственности здѣсь не могутъ имѣть мѣсто. Интеллигенція, такъ мыслящая, приходитъ къ требованію отдѣленія церкви отъ государства; между тѣмъ все прошлое человѣчество громко протестуетъ противъ этихъ заблужденій, прошлое нашей родины въ особенности. Яркій, убѣдительный тому примѣръ—святѣйшій Гермогенъ. Въ безгосударное время начальнымъ человѣкомъ явился перво-святитель; глава церкви, естественно стала главою народа и государства; на него обратились глаза всѣхъ сохранившихъ патриотическое чувство. Чѣмъ же онъ спасъ Россію? Чтò дало ему силу для великаго подвига, увѣнчаннаго мученической кончиной? Имен-

но нравственная чистота, съ высоты которой онъ призывалъ Русскихъ людей къ борьбѣ на жизнь и на смерть. Не кривые пути, не криводушные дѣятели-перелеты вывели Русь изъ бѣдственной разрухи, а прямая, не запятанная родною кровью и грабежомъ, (казачьи руки подняли побѣдоносное оружіе) а чистая руки земскихъ людей, вдохновленныхъ церковью и ея святителемъ.

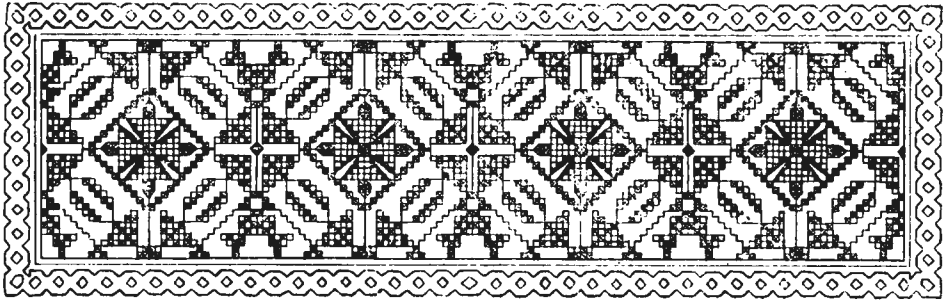
„Творенія святѣйшаго Гермогена“ даютъ матеріалъ для ученаго изслѣдованія. Было бы весьма желательно прослѣдить, на сколько отразился въ нихъ характеръ эпохи и личность ихъ автора, „великаго изъ величайшихъ“ людей своего времени. В. Е.

*

Великій Князь Николай Михайловичъ.

Императоръ Александръ I, опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I. (съ 19 таблицами портретовъ и рисунковъ). Спб. 1912. больш. 8-ка. XIII и 579 стр.

Щедрота, которою обогащаетъ Русскую историографію Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ, не только не изсякаетъ, но умножается: допечатывается подъ завѣдываніемъ неутомимаго В. И. Саитова Петербургскій Некрополь. Онъ выйдетъ чуть ли не вдвое больше Московскаго. Въ Москвѣ престолярное большинство держится еще обычая старообрядцевъ и безпоповцевъ, у которыхъ считалось даже гордынею возвышеніе надъ могилою. В. А. Кокоревъ для семьи своей и для себя самого устроилъ надъ каждою могилою плиту вровень съ землею. Въ Москвѣ также большинство ограничивается простымъ могильнымъ крестомъ. Населеніе же Петербургское богаче Московскаго, и надъ покойниками непремѣнно имѣется надгробіе съ надписью. Же-

Еще письма Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу.

1763 *).

Я получила ваши поздравленія въ вашемъ письмѣ 40, какъ особенный знакъ вашей ко мнѣ привязанности. Какъ только я вернулась въ Петербургъ, я вспомнила вашу просьбу, при прощаніи со мною, разрѣшить вамъ по возвращеніи моемъ сюда пріѣхать повидаться со мною. Поэтому-то я приказала отправить къ вамъ рескриптъ, который вы вѣроятно уже получили. Ходятъ слухи, что вашъ сынъ съ супругою также готовятся къ этой поѣздкѣ; такъ какъ говорятъ, что эта дама очень мила, то мнѣ будетъ пріятно повидать ее. Я начинаю относиться съ большимъ почтеніемъ къ автору замѣтокъ на мемуаръ о Курляндскихъ дѣлахъ, опубликованный вслѣдствіе распоряженія Саксонскаго двора и который вы мнѣ присылаете листами; я желала бы, чтобы онъ скорѣе былъ отпечатанъ; я полагаю, что его можно было бы напечатать отдѣльными листами въ газетахъ. Надѣюсь, что Тиръ уже доставилъ вамъ мое послѣднее письмо; я обращаю ваше особенное вниманіе на его содержаніе; сознаюсь, что это для меня крайне важно. Здѣсь все прекрасно, и вездѣ господствуетъ веселіе. Будьте увѣрены во всегдашней моей дружбѣ и передайте мой поклонъ моимъ друзьямъ.

Въ Петергофѣ, 17 Іюня 1763.

*

Настоящимъ письмомъ увѣдомляю васъ о полученіи вашихъ №№ 36, 37, 38 и 39, которые достигли до меня въ разное время. Съ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпускъ 8-й.

14 Мая стараго стилиа я постоянно въ дорогѣ, и потому предоставила себѣ отвѣчать вамъ по возвращеніи сюда, что и исполняю сегодня. Тѣмъ не менѣе, согласно желанію моихъ друзей и въ видахъ воспрепятствованія насиліямъ со стороны Виленскаго трибунала, я послала въ Митаву 4 полка. Надѣюсь, что это распоряженіе усугубило значеніе столь почтенной во всѣхъ отношеніяхъ Русской партіи, предупредило вредныя послѣдствія, которыя могло вызвать (какъ указывается въ вашей докладной запискѣ) бездѣйствіе и произведеть согласное съ нашими видами впечатлѣніе, умножая въ тоже время число искръ подъ пепломъ.

Мои друзья считаютъ необходимою и полезною конфедерацію для искорененія злоупотребленій. Надѣюсь, что они согласятся со мною, что чѣмъ она будетъ менѣе продолжительна, тѣмъ лучше, потому что вызоветъ тѣмъ менѣе затрудненій и расходовъ. Очевидно, что, если трону Польскому суждено не сдѣлаться свободнымъ еще нѣсколько лѣтъ, а конфедерація составитъ теперь же, ее пришлось бы поддерживать все это время, безъ чего я не предвижу возможности достигнуть устраненія злоупотребленій и удовлетворенія нашихъ друзей. При томъ можно ли положиться во всемъ этомъ на графа Брюля и сложить оружіе съ тѣмъ, чтобы потомъ опять приняться за него. Признаюсь, что послѣ раззорительной войны казна моя пуста, и войско мое не можетъ держаться въ полѣ. Поэтому, несмотря на все мое желаніе поддержать своихъ друзей (что составляетъ для меня дѣло чести); прошу васъ увѣрить ихъ, что я не могу и не желаю вовсе ихъ оставлять, но прошу дать мнѣ время собраться съ силами, чтобы оказать имъ дѣйствительную помощь. Впрочемъ, такъ какъ миръ въ Европѣ заключенъ недавно, я не имѣла еще времени укрѣпить себя союзами, что въ настоящее время составляетъ предметъ моихъ заботъ, да при томъ положеніе различныхъ державъ недостаточно еще распуталось. Вышеизложенное можетъ, какъ мнѣ кажется, служить пока отвѣтомъ на предложенія моихъ друзей.

Предложенія королевской принцессы заслуживали бы, какъ мнѣ кажется, вниманія для того, кто не имѣлъ бы предъ собою перспективы престола. Вотъ все, что я могу высказать о нихъ, предоставляя моимъ друзьямъ выборъ между положеніемъ властелина и подданнаго.

Рѣшаюсь на послѣднюю попытку предъ Польскимъ королемъ, и если онъ не приметъ извѣстныхъ вамъ предложеній, то я умою себѣ руки. Это только для вашего личнаго свѣдѣнія.

Я вижу изъ послѣдняго вашего письма, что наши друзья очень разгорячены и совершенно расположены къ конфедераціи, но я не вижу, къ чему она приведетъ, пока Польскій король еще въ живыхъ; безъ порицанія я не буду имѣть возможность допустить, чтобы его свергли съ престола. Я хочу поддержать моихъ друзей, чтобы имъ не сдѣлали зла, чтобы они пользовались своими вольностями, законами и правами, но я также не позволю никакого новшества вреднаго Россіи. Я приказала своимъ министрамъ войти въ переговоры съ Саксонскимъ министромъ, какъ вы увидите изъ прилагаемаго при семъ документа. Я говорю только сущую правду, когда я говорю вамъ, что моя казна пуста и что она будетъ оставаться такою же, пока я не приведу мои финансы въ порядокъ, что не есть дѣло минуты; моя армія не можетъ выйти также въ поле въ этомъ году; поэтому предлагаю вамъ весьма серьезно сократить то, что вы найдете вреднымъ или слишкомъ пылкимъ въ поведеніи моихъ друзей, и въ особенности не давать имъ дѣлать вооруженій безъ моего согласія, дабы я не была вовлечена далѣе того, какъ требуетъ польза моихъ дѣлъ. Я приказала выслушать то, что Англійскій посолъ имѣетъ предложить для дружественнаго договора со мной, и приказала сообщить объ этомъ дворянамъ Вѣнскому и Прусскому. Это только для васъ одного, и подъ величайшимъ секретомъ.

14 Іюля 1763.

*

Я исправно получила чрезъ посредство моего поручика Аргамкова вашу депешу за № 41, адресованную мнѣ въ собственныя руки. Содержаніе ея, равно какъ и приложенныя къ ней записки Пулавской, обнаружили мнѣ какъ настроеніе нашихъ друзей, такъ и то, чего они желаютъ въ своемъ критическомъ положеніи. Эта депеша послужила для меня разъясненіемъ вашихъ реляцій отправленныхъ въ Коллегію съ тѣмъ же поручикомъ. Я признала полезнымъ установить определенную систему, которой я хочу слѣдовать по дѣламъ Польскимъ и коей изложеніе вы найдете въ сегодняшнемъ рескриптѣ собственноручно подписанномъ мною, дабы не могло произойти никакого недоразумѣнія и чтобы мои друзья въ той землѣ знали навѣрное чего держаться, видя, что я не желаю воспользоваться запутанностію ихъ дѣлъ въ пользу какого нибудь частнаго интереса, который могъ бы быть предметомъ мелочной политики. Не нахожу ничего прибавить для вашего руководства къ вышеупомянутому рескрипту, изъ котораго вы усмотрите сами, какимъ образомъ я сохранила тайну нашей частной переписки. Я полагаю всю свою надежду на ваше усердіе, графъ Кейзер-

11*

лингъ, и на ваше искусство въ томъ, что вы приведете эти дѣла къ ихъ цѣли, для славы и пользы моего престола. Не могу достаточно рекомендовать вамъ старанія и бдительности, дабы мои Польскіе друзья оставались въ убѣжденіи въ твердой моей рѣшимости поддерживать ихъ всѣми приличествующими способами при настоящемъ положеніи нашихъ дѣлъ, и на этотъ конецъ я приму мѣры для доставленія вамъ денегъ, которыхъ вы ожидаете, такъ какъ я убѣждена, что, будучи осторожнымъ посланникомъ, вы всегда будете сообразовывать ихъ расходваніе съ важностію цѣлей. Я могу въ настоящее время послать вамъ въ Дрезденъ согласно мысли, которую вы мнѣ предлагаете; я нахожу ваше присутствіе въ Польшѣ необходимымъ для соглашенія дѣлъ обѣихъ партій. Въ этомъ вы убѣдитесь изъ моего рескрипта отъ сего дня. Но, перемѣнивъ моихъ посланниковъ въ Регенсбургъ, я приказала акредитовать при Дрезденскомъ дворѣ г. Симолина, инструкціи коего будутъ вамъ сообщены Коллегією. Когда эта экспедиція была готова, я получила ваши оба письма за 42 и 43 отъ (3) 14 Августа. Я съ удовольствіемъ усмотрѣла изъ нихъ, что вслѣдствіе моего письма, посланнаго съ Тиромъ, вы уже положили начало къ тому, чтобы дать другой оборотъ дѣламъ обѣихъ партій; вновь обращаю васъ къ инструкціямъ заключающимся въ моемъ рескриптѣ изъ Коллегіи: вы найдете въ нихъ достаточно указаній для вашего руководства, и я душевно желаю видѣть возстановленіе дѣла при посредствѣ вашей осмотрительности въ положеніе болѣе соотвѣтственное моимъ интересамъ и согласное означеннымъ инструкціямъ.

*

С. Петербургъ, 25 Августа 1763.

Вы найдете въ моемъ рескриптѣ отъ сего дня выраженіе удовольствія, съ какимъ я усмотрѣла, что вы открыли путь къ примиренію способомъ столь соотвѣтствующимъ моимъ намѣреніямъ. Мнѣ останется только увѣдомить васъ о полученіи вашихъ двухъ писемъ за №№ 44 и 45 отъ 4 Сентября новаго стilia, адресованныхъ ко мнѣ въ собственныя руки. Я очень рада усмотрѣть въ нихъ выраженную вами надежду, что мои миролюбивыя чувства умножатъ мнѣ число друзей въ Польшѣ, и что даже люди противной партіи начинаютъ разочаровываться и отдавать справедливость моимъ намѣреніямъ. Но съ другой стороны изъ записки, которую вы мнѣ прислали при вашемъ № 45 я вижу съ неудовольствіемъ, что мои друзья, повидимому, начинаютъ измѣнять свои взгляды. Увѣрьте ихъ, графъ, отъ моего имени самымъ убѣдительнымъ образомъ, что я не осуждаю все то, что было предпринято ими до сихъ поръ; они увидятъ послѣдствія этого и не будутъ

каяться въ нихъ. Ихъ недруги убѣждены и еще болѣе увѣрятся въ томъ, что покровительство, которое я даровала своимъ друзьямъ и мое уваженіе къ нимъ, неизмѣнны; они всегда найдутъ во мнѣ поддержку ихъ праваго дѣла, и я всегда буду содѣйствовать ихъ интересамъ, будучи убѣждена, что они, какъ люди благородные и честные, не захотятъ компрометировать мою славу и интересы моей имперіи. Посылаю вамъ съ этимъ же курьеромъ 20.000 червонныхъ только что выпущенныхъ съ монетнаго двора; кромѣ того я писала вамъ назначить ежегодную пенсію въ три тысячи червонныхъ стольнику, а сегодня повелѣваю вамъ уплатить его долги въ три срока и въ этихъ видахъ сговориться съ нимъ такъ, чтобы къ концу 1764 г. все было уплачено. Объ этомъ (т. е. о переговорахъ) сообщите мнѣ, дабы я могла принять соотвѣтственные мѣры. Остаюсь какъ всегда съ большимъ расположеніемъ къ вамъ Екатерина.

Я вышлю вамъ столы и Китайскіе товары, о которыхъ вы просите вашимъ 46-мъ.

*

Графъ Кайзерлингъ. Такъ какъ не останется времени, чтобы зашифровать это письмо, скажу вамъ держаться инструкціи, данной вамъ въ Февралѣ для дѣла и той, которая послана вамъ съ Зиновьевымъ для мира. Я назначила Репнина, чтобы дѣйствовать совмѣстно съ вами. Если все обойдется спокойно, тѣмъ лучше. Всѣ мои приготовленія лишь предварительныя. Ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ васъ. Поклонитесь моимъ старымъ друзьямъ и поступайте какъ вамъ указано. Письма, написанныя моею рукою и которыя вамъ обѣщаны, не могли быть зашифрованы. Вы можете смѣло увѣрять, что я никогда не позволю, чтобы нарушали законы, вольности и привилегіи націи, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не касались формы правленія. Прощайте. Ожидаю остальнаго отъ вашей ловкости и опытности, оставаясь всегда искренно благорасположенная къ вамъ.

*

С.-Петербургъ, 8 Октября 1763 г.

Двумя письмами къ вице-канцлеру отъ 3 (14) и 7 (18) Сентября изъ Лондона графъ А. Р. Воронцовъ сообщаетъ о изданной тамъ противъ Русскаго двора газетѣ.

Резолюція: На сіе три способа есть:

1) Зазвать автора куда способно и поколотить его, 2) или деньгами унимать писать, 3) или уничтожить, 4) или писать въ защищеніе;

а у двора, кажется, дѣлать нечего. И тако изъ сего имѣете выбирать, что вамъ приличнѣе кажется, а сіе пишется къ вице-канц.

Помѣта: Получено изъ дворца 15 Октября 1763.

*

Я получила отъ вашего курьера вашъ № 51. Отвѣчаю на него этимъ письмомъ. Мнѣ кажется, что письмо Саксонскаго курфирета примасу написано тономъ будущаго владыки, который ему пока не слѣдовало бы еще принимать; онъ плохо скрываетъ свое желаніе повелѣвать, оно сквозитъ, и все это письмо исполнено духомъ злокачественнаго лукавства графа Брюля. Я была пріятно поражена и думаю, что всякій истинный патріотъ долженъ почувствовать тоже въ высшей мѣрѣ, видя, что онъ рѣшается опирать свои права на престолъ указаніемъ на царствованіе своего предка, тогда какъ основные законы республики предписываютъ свободное избраніе; три короля къ ряду изъ того же рода на Польскомъ престолѣ слишкомъ пріучили бы слабые умы къ мысли о наслѣдственности престола, а слѣдовательно къ подчиненію ведущему къ рабству, къ которому всякій свободный народъ долженъ имѣть большое отвращеніе. Нахожу также страннымъ, что этотъ курфиреть утверждаетъ, что сосѣднія державы будутъ довольны его избраніемъ; это называется разсчитывать, забывая про хозяина. Или онъ ошибается или его обманываютъ или наконецъ онъ самъ хочетъ обмануть. Законы и вольности республики и ея привилегіи и права будутъ вѣроятно поддержаны всякимъ добрымъ патріотомъ; я столько разъ объявляла съ начала своего царствованія, что я буду и есмь ихъ самая крѣпкая опора. Если республика послѣдуетъ моимъ совѣтамъ, она произведетъ избраніе изъ числа достойныхъ гражданъ, которые родились и возросли на ея лонѣ; только между этими желательно было бы чтобы выборъ палъ на одного изъ Пястовъ, котораго лѣта устраняли бы опасеніе видѣть вскорѣ повтореніе того же положенія, въ которомъ въ настоящее время находятся Польша и ея сосѣди; нужно короля прочнаго на долгое время: таковой, будучи воспитанъ въ Польшѣ, вскормленъ въ духѣ ея законовъ, не заставлялъ бы опасаться ни націю, ни ея сосѣдей, что будетъ помышлять ввести измѣненія въ вольностяхъ этого знаменитаго народа, ни одинъ изъ законовъ коего не можетъ быть малѣйше видоизмѣненъ безъ нанесенія вреда всему дѣлу, на которое я никакъ не могу смотрѣть съ равнодушіемъ по чувству собственнаго достоинства, въ виду всѣхъ заявленій, которыя я дѣлала при покойномъ королѣ, лишь только могла усмотрѣть, что его дѣйствія клонились къ выходу изъ границъ указанныхъ законами. При подобныхъ чувствахъ, я, надѣюсь, пріобрѣла право на то, чтобы всякій истинный Полякъ пола-

галь свое довѣріе на меня, подобно тому какъ мои друзья до сихъ поръ это дѣлали неограниченно, и я признаюсь, что они перестали бы быть таковыми, если бы ихъ дѣйствія не вытекали изъ патріотическаго рвенія поддержать ихъ вѣрнѣйшую опору, т. е. законы. Но такъ какъ всегда есть достаточно неблагомыслящихъ людей и такъ какъ всѣ тѣ, которые смотрятъ на меня съ завистью, сильно хлопчатъ, чтобы дурно истолковывать мое прямодушіе и мое безкорыстіе въ особенности въ Польшѣ (чему я имѣла немало доказательствъ, такъ какъ всѣ газеты были переполнены инсинуаціями, произведшими къ несчастію немалое впечатлѣніе) я желала бы, чтобы мои друзья и всѣ тѣ, которые желаютъ изъяснить мнѣ свою преданность, засвидѣтельствовали честность, съ которою я дѣйствую, сдѣлавъ письменную декларацію, которая не будетъ ничего имъ стоить, такъ какъ они уже столько разъ заявляли, что не позволяютъ измѣнить въ чемъ либо настоящую форму республики, ни касаться ея законовъ, вольностей и привилегій. Этимъ самымъ они привлекутъ къ себѣ довѣріе націи и откроютъ мнѣ возможность работать болѣе производительнымъ образомъ въ ихъ пользу, на что я весьма твердо рѣшилась и чему я дамъ имъ самыя несомнѣнныя доказательства какъ теперь, такъ и во всякое другое время. Впрочемъ полагаюсь вполне на ваше усердіе и доказанныя способности, не сомнѣваясь въ томъ, что вы отлично исполните все, чего я отъ васъ ожидаю.

*

С.-Петербургъ, 23 Октября 1763 г.

Я сочла умѣстнымъ написать моимъ друзьямъ прилагаемыя письма; посылаю вамъ ихъ, и вы сдѣлаете изъ нихъ то употребленіе, которое сочтете удобнымъ. Я имѣю всѣ основанія опасаться большихъ противорѣчій со стороны Вѣнскаго двора въ дѣлѣ избранія одного изъ нашихъ кандидатовъ; этотъ дворъ и Версальскій согласились привести къ избранію Саксонскаго курфюрста; поэтому глядите въ оба за ихъ происками. Я видѣла письмо изъ Польши изъ хорошаго источника; въ немъ сказано, что умы такъ расположены, что лишь бы я только объявила въ скоромъ времени и рѣшительно свои желанія, мой кандидатъ будетъ избранъ безпрекословно: до того Поляки боятся вызвать замѣшательство и ужасы междоусобной войны у себя. Особенно предлагаю вамъ не упустить минуты, когда вамъ можно будетъ современно обнаружить мои чувства, дабы не могли впасть въ заблужденіе. Имѣйте въ виду, что то мнѣніе, которое составитъ о моемъ царствованіи, въ настоящее время находится въ вашихъ рукахъ. Я приказала отвѣчать тремъ министрамъ, оскорбившимъ меня, и посылаю

вамъ частное письмо для Весселя. Впрочемъ ссылаюсь на депеши Коллегіи. Остаюсь, какъ всегда, весьма благосклонная къ вамъ.

25 Октября 1763 г.

Я только что получила вашъ № 52. Еще разъ напоминаю вамъ; приложите всѣ старанія, чтобы ничѣмъ не коснулись формы республики. Я совершенно довольна приказаніемъ, которое далъ Прусскій король своему резиденту, дѣйствовать единодушно съ вами. Вотъ что значить имѣть дѣло съ умными королями: всякое дѣло дѣлается легкимъ. Приказъ, подписанный рукою Саксонскаго курфирста о томъ, чтобы довѣряли только приказамъ подписаннымъ рукою его жены, въ эту минуту въ особенности доказываетъ большую неосторожность и покажетъ въ Польшѣ, съ кѣмъ бы пришлось имѣть дѣло. Я получила вчера письмо отъ герцога Курляндскаго, въ которомъ онъ проситъ меня не забыть его при этомъ случаѣ, чтобы заставить республику его признать. Если бы вы, графъ Кайзерлингъ, могли привести примаса къ тому, чтобы послать ему извѣстительную грамоту о смерти короля, въ которой онъ былъ бы названъ герцогомъ Курляндскимъ, дѣло было бы пущено въ ходъ и этимъ былъ бы доказанъ кредитъ, которымъ я пользуюсь въ Польшѣ.

Изъ вашего № 53 я видѣла съ большимъ удовольствіемъ, что примасъ измѣнилъ редакцію 7-го пункта, того, гдѣ онъ спрашивалъ мнѣнія сенаторовъ и что все это сдѣлалось по вашему убѣжденію; конечно ничего не можетъ быть нелѣпѣе какъ вѣрить въ то, что труднѣе заручиться небольшимъ числомъ голосовъ чѣмъ всѣми. Настоящая Шведская конституція достаточно доказываетъ, что злоупотребленія проникаютъ всюду. На сегодня не имѣю болѣе ничего сказать. Посылаю вамъ мѣха, о которыхъ вы просили для примаса; желаю, чтобы они ему понравились. Остаюсь какъ всегда благосклонная къ вамъ.

*

Графъ Кайзерлингъ. Князь Репнинъ, который вручить вамъ это письмо, убѣдительно просилъ меня извѣстить васъ, что вы можете имѣть къ нему довѣріе, на которое даютъ ему право рассчитывать чрезвычайное его рвеніе къ моей службѣ, таланты и преданность мнѣ и моей Имперіи; я ему нарочито приказала дѣйствовать вмѣстѣ съ вами насколько только возможно единодушно; ему извѣстно, какъ высоко я цѣню вашу ловкость и степень моего довѣрія и расположенія къ вамъ; онъ вамъ скажетъ, въ какомъ положеніи находятся мои отношенія къ Прусскому королю, а также о полномъ сближеніи, установившемся

между мною и этимъ монархомъ по нашей частной перепискѣ. Прощайте; у меня было еще нѣсколько приступовъ лихорадки, и я еще довольно слаба.

Такъ какъ все могущее вести къ единенію или разъединенію моихъ друзей въ Польшѣ не можетъ быть разсматриваемо съ моей стороны съ равнодушіемъ, я пишу вамъ сегодня это письмо, чтобы сообщить вамъ, что до меня дошли свѣдѣнія, что Французскій агентъ, въ Варшавѣ, кажется, Генинъ распространялъ слухи, будто графъ Огинскій, зять князя-канцлера, связанный узами тѣсной дружбы съ пребывающимъ здѣсь Датскимъ посланникомъ барономъ Остеномъ, задумалъ собственно имъ принадлежащій планъ возвести на королевскій престолъ графа Огинскаго, что Датскій дворъ сочувствуетъ этому плану, и что г. Остенъ работаетъ, чтобы согласить меня на оный. Все это по истинѣ выдуманно. Правда, что этотъ посланникъ весьма друженъ съ графомъ Огинскимъ; правда также, что онъ писалъ своему двору, что этотъ графъ имѣетъ много друзей и партизановъ въ Литвѣ, но онъ не работалъ здѣсь въ его пользу. Онъ мнѣ говорилъ о путешествіи, которое графъ Огинскій думалъ предпринять сюда, не прибавляя къ тому ничего, кромѣ нѣсколькихъ похвалъ этому графу. Я же думаю, что все остальное въ этой баснѣ изобрѣтено Гениномъ, чтобы разъединить моихъ друзей, и слѣдуетъ ожидать еще болѣе выдумокъ и клеветъ. Это есть оружіе слабыхъ и когда нѣтъ другихъ средствъ, то прибѣгаютъ къ нему. Посовѣтуйте хорошенько моимъ друзьямъ презирать подобныя расказы, держаться твердо и дружно и имѣть твердое и полное довѣріе къ моей помощи и содѣйствію, которое безъ сомнѣнія проявится ни слабо, ни на половину, но разумѣется, своевременно и со всею силою, которую Богъ вложилъ въ мои руки и какъ вы, графъ Кайзерлингъ, можете о томъ засвидѣтельствовать искренно въ виду вашихъ инструкцій. Прошу васъ хорошенько увѣрить въ этомъ моихъ друзей, которые, какъ мнѣ кажется, начинаютъ сомнѣваться въ этомъ. Впрочемъ пребываю какъ всегда съ большимъ расположеніемъ къ вамъ.

18 Ноября 1763 г. С. Петербургъ.

Пакетъ былъ уже запечатанъ, когда я узнала обстоятельство весьма странное: мнѣ говорили за навѣрное, что императрица-королева отправила генерала Понятовскаго къ его семейству сообщить оному, что она не будетъ противиться ничему тому, что могло бы случиться для нихъ счастливаго, а именно избранію кого-либо изъ ихъ рода. Узнайте, что въ этомъ вѣрнаго? Ибо Прусскій король сообщилъ мнѣ чрезъ князя Долгорукаго, что онъ только что получилъ отъ той же

имп. королевы письмо, которымъ она приглашаетъ его къ содѣйствию вмѣстѣ съ нею Саксонскому курфирсту, и кромѣ того сообщаетъ королю, что она писала мнѣ подобное же письмо, котораго однако ея посолъ не передавалъ мнѣ до сихъ поръ, хотя прошло уже добрыхъ 8 дней со времени прибытія къ нему курьера, что заставляетъ меня думать, что, узнавъ что я писала этой владѣтельной особѣ и догадываясь, что это было въ совершенно другомъ родѣ и видахъ, онъ не нашель умѣстнымъ вручить мнѣ это письмо, и ожидаетъ отвѣта на мое письмо, чтобы знать, чего держаться. Если же посылка генерала Понятовскаго дѣйствительно имѣла мѣсто, вотъ доказательство двоедушія Вѣнскаго двора. Я считала необходимымъ, чтобы вы знали объ этомъ обстоятельстве и могли извлечь изъ этого при случаѣ пользу, дабы мои друзья надѣялись только на насъ.

Если для деклараціи, которой желаютъ мои друзья, вы считаете мою подпись совершенно необходимою, я уполномочиваю васъ употребить для этой цѣли одинъ изъ бланковъ, которые вамъ везетъ князь Репнинъ. Я думаю также, что когда вы получите инструкціи, вы, быть можетъ, усилите эту декларацію. Что касается до поясненія къ запискѣ, я не имѣю ничего отвѣтить кромѣ того, чтобы вы увѣряли моихъ друзей въ неизмѣнности моихъ намѣреній и что я употреблю на то все средства, которыя Богъ далъ мнѣ въ руки. Прошу васъ вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Кайзерлингъ, совѣщаться самымъ искреннимъ образомъ съ нашими друзьями обо всемъ, что можетъ быть полезно успѣху моего намѣренія; съ другой стороны вы можете быть увѣрены въ томъ, что ничто не будетъ упущено въ тѣхъ мѣрахъ, которыя будутъ приняты мною совместно съ Прусскимъ королемъ.

Объ Императорскомъ титулѣ вами заявлено такъ какъ нельзя лучше; желать останется только одобреніе республики. По этому предмету я ссылаюсь на то, что вамъ было сообщено Коллегіею. Мнѣ кажется, что Поляки знаютъ, что Англійскій король носить титулъ короля Франціи, не имѣя никакихъ притязаній и ни пяди земли во Франціи. Вы могли судить по приказаніямъ Прусскаго короля господину Бенуа, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ мы находимся теперь. Онъ почерпнулъ данныя имъ инструкціи почти слово въ слово изъ моего письма къ нему (этому королю).

Если родъ Чарторижскихъ не въ состояніи сдѣлать богатымъ кандидата на престолъ, они могутъ по крайней мѣрѣ помочь ему или улучшить его положеніе; онъ вознаградитъ ихъ достаточно староствами и пр. Впрочемъ въ вашихъ инструкціяхъ есть пунктъ, который достаточно ознакомитъ васъ съ моими мыслями.

Замѣчанія по Курляндскимъ дѣламъ, которыя вы требуете, печатаются и будутъ вамъ высланы. Если это письмо покажется вамъ несуразнымъ, не удивляйтесь: теперь пять часовъ утра. Я какъ всегда остаюсь весьма расположенною къ вамъ.

Царское Село, 22 Ноября 1763.

P. S. Посылаю вамъ при семь жалкое письмо, которое написала мнѣ Императрица-королева въ отвѣтъ на то, которое я ей писала, въ виду того, что письмо писанное ею мнѣ по полученіи извѣстія о смерти Польскаго короля не было передано мнѣ ея посломъ, хотя она извѣщала Прусскаго короля, что пишетъ мнѣ также.

Я забыла вамъ сказать, что я не могу согласиться перевести изъ моей службы на службу моихъ друзей 400 гусаръ и ста артиллеристовъ, потому что это надѣлало бы слишкомъ много шума: они всѣ Русскіе. Но когда они перейдутъ границу, ихъ командиръ заставитъ ихъ надѣть, подъ предлогомъ военной хитрости, какой угодно мундиръ, лишь бы они оставались на моей службѣ; впрочемъ побѣги будутъ неизбѣжны, и это посѣтъ смятеніе въ частяхъ на границахъ. Послѣдній бунтъ произошелъ отчасти оттого, что солдаты полагали, что будутъ переведены на Прусскую службу. У насъ есть очень горячія головы, и маленькія причины производятъ болѣе впечатлѣнія чѣмъ большія; въ Смоленскѣ будетъ двѣсти человекъ изъ того самаго гусарскаго полка, который пришелъ такъ кстати въ день моего восшествія на престолъ и сопровождалъ меня въ Петергофъ; это самые смирные люди и которые, лишь бы не опасеніе оставить отечество, сдѣлаютъ все, чего отъ нихъ требуютъ.

Мы оставимъ сеймъ продолжать его занятія; если же мы увидимъ, что онъ дѣйствуетъ противъ нашихъ желаній, мы сорвемъ его во что бы то ни стало, съ большими или малыми расходами, и Биронъ тѣмъ не менѣе останется обладателемъ Курляндіи, а принцъ Карлъ будетъ изгнанъ изъ оной, и дѣло окончательно устроится, когда престолъ сдѣлается вакантнымъ, и тогда мы съ помощію конфедераціи достигнемъ разомъ двухъ цѣлей, вмѣсто того, чтобы быть вынужденными два раза начинать сначала; невозможно допустить, чтобы мои друзья были раздавлены. Между тѣмъ я надѣюсь, что число ихъ вашими стараніями приумножится. Впрочемъ если они полагаютъ, что только конфедерація можетъ ихъ спасти, я поддержу ее, потому что мнѣ кажется, что ихъ спасеніе столько же нужно для меня, какъ и для нихъ самихъ. Я только боюсь, чтобы они не зашли слишкомъ далеко. По этимъ всѣмъ соображеніямъ я признала необходимымъ обезпечить себѣ твердое поло-

женіе четырьмя корпусами; я ожидаю съ нетерпѣніемъ отвѣта Прусскаго короля и не сомнѣваюсь въ томъ, что мы вскорѣ будемъ въ согласіи съ нимъ.

Посылаю вамъ стоимость 50 т. червонныхъ какъ червонцами такъ и имперіалами за неимѣніемъ червонцевъ. Если вы не можете употребить ихъ въ дѣло, возвратите ихъ, и я вамъ пошлю мелкихъ векселей, на которыхъ я потеряю девять тысячъ рублей. Это и побудило меня выслать вамъ деньги натурою. Вы не разрѣшайте выдачу Кіевскаго и Смоленскаго оружія иначе какъ въ случаѣ необходимой надобности. Если бы судъ противъ Бирона состоялся, вамъ и моимъ друзьямъ не слѣдуетъ щадить ни трудовъ, ни денегъ, чтобы привести къ передачѣ дѣло на разсмотрѣніе республики, какъ принадлежащее ея разрѣшенію. Биронъ съ своей стороны будетъ знать, что ему слѣдуетъ дѣлать въ случаѣ подобнаго вызова къ суду.

Рескриптъ Екатерины Великой Н. А. Татищеву.

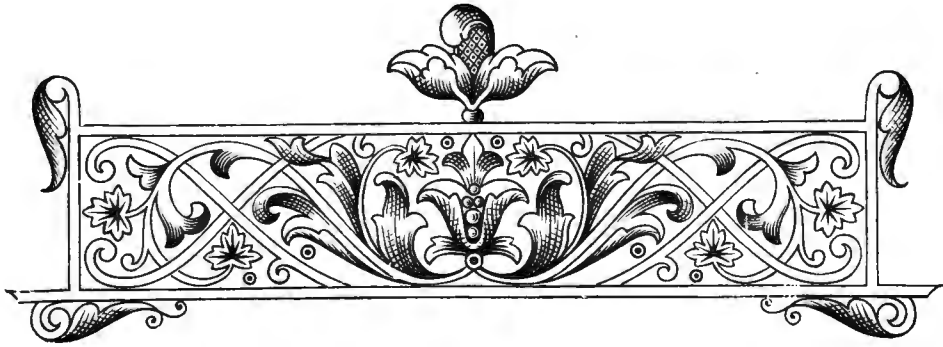
Господинъ Генераль Маиоръ и *Нашей* лейбъ гвардіи Маиоръ Татищевъ! Изъ приложеннаго при семъ рапорта усмотрите вы, сколько нужно поспѣшить въ подобающее устройство лейбъ гвардіи Преображенскаго полка Баталіоны. А потому и желаю я, чтобы вы приняли на себя трудъ на самое короткое время съѣздить на мѣсто пребыванія ихъ и учредя самолично все требующее вашего поправленія возвратиться сюда. Пребываю къ вамъ всегда благосклонна.

Апрѣля 25 дня 1790 года. Въ Царскомъ Селѣ. Екатерина.

Настоящій рескриптъ сохранился у вдовы д. с. с. В. В. Бекмана и нынѣ переданъ ею въ Рукописное Отдѣленіе Библиотеки Имп. Академіи Наукъ при посредствѣ М. И. Шопена. Рескриптъ обращенъ къ Николаю Алексѣевичу Татищеву (род. 1739 † 1823), родоначальнику графской вѣтви рода Татищевыхъ, возведенному въ графское достоинство Россійской Имперіи въ день коронаціи Имп. Александра I-го, 15 Сентября 1801 г., въ бытность его генераломъ-отъ-инфантеріи, командиромъ л.-гв. Преображенскаго полка и инспекторомъ по инфантеріи С.-Петербургской инспекціи *), Въ Преображенскомъ полку Н. А. Татищевъ служилъ съ 22 Февр. 1783 г., когда, произведенный въ генераль-маіора изъ бригадировъ Ново-Троицкаго кирасирскаго полка, былъ назначенъ его командиромъ съ чиномъ премьерь-маіора. Незадолго до полученія рескрипта Татищевъ вернулся изъ Финляндіи, куда въ 1788 г. былъ отправленъ съ баталіонами Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полка и эскадронами Конной гвардіи, для участія въ войнѣ съ Швеціей.

Рапорта, который былъ приложенъ къ рескрипту Императрицы, при немъ не сохранилось. Б. Модзалевскій.

*) См. С. С. Татищевъ. Родъ Татищевыхъ, С.-Пб. 1900 стр. 115--117.

Старые годы.

Въ бумагахъ Н. О. Кутлубицкаго сохранилось много черновыхъ писемъ его къ членамъ Императорской фамилии и болѣе 40 отвѣтовъ на нихъ, изъ которыхъ большинство отъ Императрицы Маріи Ѳедоровны. Сохранились также отвѣты отъ Константина Павловича, Михаила Павловича, Николая Павловича (черезъ Кикина и Лонгинова), отъ великихъ княгинь Маріи Павловны, Ольги Николаевны (черезъ Окулову); отъ великихъ князей Александра и Константина Николаевичей.

17 лѣтнимъ юношей, по выбору Екатерины Великой, Кутлубицкій былъ назначенъ въ 1792 году изъ кадетъ Шляхетнаго корпуса въ батарею Цесаревича Павла Петровича подпоручикомъ. Цесаревичъ приблизилъ его къ себѣ, какъ личнаго адъютанта, хотя официально онъ числился адъютантомъ батареи, которою командовалъ Аракчеевъ.

Въ 1793 г., для обсужденія вопроса о предоставленіи Русскаго престола Александру Павловичу, состоялся негласный совѣтъ Ея Величества, въ составъ котораго входилъ и графъ П. А. Румянцовъ. Павелъ Петровичъ послалъ 18 лѣтняго Кутлубицкаго въ Малороссію съ тайнымъ письмомъ къ графу, подъ видомъ отпуска его къ отцу. Важность и рискованность этого порученія доказывается словами Румянцова, который, вручая Кутлубицкому свой писменный отвѣтъ Цесаревичу, сказалъ: „смотри, я вручаю тебѣ свою съдую голову!“... Чтобъ письма никто не видалъ; если заболѣешь (въ пути), то „спиши его“.

Неизвѣстно, въ чемъ заключалась эта переписка, безъ сомнѣнія немедленно по прочтеніи уничтоженная; но это не умаляетъ заслуги Кутлубицкаго передъ Павломъ Петровичемъ, который не скупился наградить его, оказывая ему полное довѣріе.

Павелъ Петровичъ чисто по отечески относился къ своему юному подчиненному, и Кутлубицкій сталъ называть его „батюшкой“. Этому соотвѣт-

ствовала и семейная обстановка Кутлубицкаго, который рано лишился матери, а отца своего, женившись вторично и проживавшаго въ далекой отъ Петербурга Малороссіи, почти никогда не видалъ; братьевъ-же у него не было. Царственная семья Павла Петровича замѣняла ему родную семью.

5 Ноября 1796 г., двадцати-лѣтнимъ майоромъ, Кутлубицкій сопровождалъ Павла Петровича и Марію Ѳедоровну изъ Гатчины въ Ропшу, слышалъ ихъ разсказъ объ одновременно видѣнномъ ими чудесномъ снѣ, на что графъ Ильинскій, который участвовалъ въ этой прогулкѣ, замѣтилъ: „вѣроятно В. В. скоро будете Императоромъ!“ Кутлубицкій былъ свидѣтелемъ неожиданнаго пріѣзда въ Гатчину графа Н. А. Зубова, и когда Павелъ Петровичъ, узнавъ отъ гусара, что Зубовъ пріѣхалъ одинъ, снявъ шляпу, перекрестился и не стѣсняясь присутствіемъ Кутлубицкаго произнесъ: „ну съ однимъ можно справиться!“¹⁾

Въ ту-же ночь Кутлубицкій вмѣстѣ съ Императоромъ былъ уже въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ умирала Екатерина... Немногимъ приближеннымъ Павла выпала историческая доля, служащая до сего времени темою для псевдо-историческихъ романовъ²⁾...

При первомъ же паролѣ, который отдалъ Императоръ, Кутлубицкій пожалованъ *флигель-адъютантомъ*, черезъ день зачисленъ *подполковникомъ* въ гвардію, черезъ мѣсяць получилъ 1000 душъ въ Нижегородской губерніи. Къ новому году, *минуя чинъ полковника и бригадира*, произведенъ въ *генералъ-майору* съ назначеніемъ *генераль-адъютантомъ къ Е. И. В.* Въ томъ же году на *коронацію* Кутлубицкій сдѣланъ кавалеромъ св. Анны I-го класса, а черезъ годъ произведенъ за отличіе въ генераль-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В., будучи 22 лѣтъ отъ роду...

Немудрено, что Кутлубицкаго многіе спрашивали о причинахъ столь быстраго повышенія; но, будучи и 21 года, онъ всеже не былъ столь наивенъ, чтобъ разсказывать про свои дѣянія и то, что черезъ 70 лѣтъ съ его словъ разсказалъ намъ Ханенко. Живой и остроумный Кутлубицкій умѣлъ хранить тайну и отшучивался по поводу своего генеральства довольно находчиво: „Его Величеству угодно было *обойти меня двумя чинами!*“... Эта острога дорого

¹⁾ Отреченіе Павла Петровича въ это время уже состоялось. Манифестъ о томъ былъ готовъ. Покойный Великій Князь Сергій Александровичъ передавалъ мнѣ, что этотъ манифестъ долженъ былъ выдти либо въ день именинъ Государыни, либо 1 Января 1797 года. Павелъ Петровичъ встревожился пріѣздомъ Николая Зубова, думая, что онъ привезъ въ Гатчину указъ ему о мѣстѣ жительства; полагали, что это будетъ обширный и прекрасный замокъ Лоде подъ Ревелемъ, нѣкогда принадлежавшій князю Г. Г. Орлову, а въ то время его зятю графу Буксгевдену. П. Б.

²⁾ См. *Ясинскаго* „Въ лугахъ звѣзды пламенѣющей“. Историческій Вѣстникъ 1812 г., гдѣ въ лубочно сгущенныхъ краскахъ описывается это событіе, при чемъ не забыть и Н. О. Кутлубицкій, поспѣшающій за Павломъ Петровичемъ.

обошлась Кутлубицкому в послѣдствіи, когда крышка его гроба уже захлопнулась. Вопреки изрѣченію *de mortuis*, въ появившихся въ 1869 г. черезъ князя А. Б. Лобанова воспоминаніяхъ о старинѣ Ростовскаго записано: „*Н. О. Кутлубицкаго*, коего рассказы помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г. князь Лопухинъ *лично не зналъ*, но только *слышалъ* о немъ, что онъ былъ человѣкомъ ума весьма ограниченнаго: *будучи уже генераль-аншефомъ, онъ все еще жаловался, что его обошли двумя чинами!*“ Генераль-аншефомъ, какъ извѣстно, въ царствованіе Павла не было; никогда поэтому не былъ генераль-аншефомъ и Кутлубицкій. *Какими двумя чинами былъ „обойденъ“ генераль-адъютантъ Кутлубицкій*, мы видѣли выше, а о *фельдмаршалствѣ* конечно онъ мечтать не могъ... Но пословица лучше поздно, чѣмъ никогда, справкою формуляра Кутлубицкаго считаемъ необходимымъ опровергнуть сплетню, идущую отъ кн. Павла Петр. Лопухина, который *лично не зналъ Кутлубицкаго*. Къ сожалѣнію эта сплетня *повторена* уже въ монографіяхъ о Павлѣ и въ краткой біографіи Кутлубицкаго, со словъ того-же кн. Лопухина...

Таково обаяніе имени. „*Князь Лопухинъ* сказалъ!“ А какой князь Лопухинъ? Князь Павелъ Петровичъ, *братъ фаворитки* Павла I, Анны Петровны, по мужу Гагаринной; онъ же и *сынъ фаворитки* князя Безбородки—Ек. Ник. рожд. Шетневой... Почему же однако *столь извѣстный* князь не зналъ *лично* генераль-адъютанта Кутлубицкаго? Почему онъ не зналъ, что никакихъ „генераль-аншефовъ“ въ царствованіе Павла не было? Вѣроятно потому, что *въ 1797 году*, когда генераль-адъютантомъ Кутлубицкій *кому-то жаловался*, что его обошли двумя чинами, самому Лопухину *было только девять лѣтъ!*... Возрастъ настолько невинный, когда все прощается; но едвали цѣлесобразно повторять въ зрѣломъ возрастѣ, чтѣ говорится подростками, ибо не всегда же *усташи младенцевъ Господь глаголетъ!*...

Въ некрологѣ объ А. И. Ханенко въ Кіевской Старинѣ 1895 г. между прочимъ записано: „Много разъ убѣждали А. И. (Ханенко), что нибудь записать изъ его воспоминаній; онъ и обѣщаль бывало, но не могъ рѣшиться *записывать* темныя черты изъ жизни своихъ соотчичей... *За то съ любовью записалъ онъ рассказы генерала Кутлубицкаго, любимца Императора Павла, ибо этими рассказами никто не могъ быть обиженъ!*... Кутлубицкій зналъ о Лопухиныхъ несомнѣнно больше, чѣмъ Лопухинъ о Кутлубицкомъ, но *промолчалъ* о нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Записки Лопухина въ 1869 г. явились какъ бы pendant къ запискамъ Ханенки въ „Рус. Арх.“ 1866 года. Жаль, что Лопухинъ не оцѣнилъ какъ слѣдуетъ молчаніе Кутлубицкаго! Это избавило бы его и *отъ клеветы на умершаго*.

Могъ-ли Кутлубицкій оставаться на службѣ въ царствованіе Александра I-го и каковы причины, заставившія его такъ быстро порвать прежнія связи? Можно догадываться, что причины это были прежде всего нравственнаго порядка... Будучи, *по Лопухину*, человѣкомъ *ограниченнаго*, Кутлубицкій

по видимому, не могъ вытерпѣть того, съ чѣмъ легко примиряются люди „неограниченныя“, каковыхъ водилось и водится большинство.

Огношенія Маріи Ѳеодоровны къ Кутлубицкому послѣ кончины Павла не оставляютъ повидимому желать лучшаго; это видно изъ многочисленныхъ ея милостивыхъ рескриптовъ къ нему съ 1801 по 1828-й годъ...

Каковы отношенія къ Кутлубицкому самого Александра Павловича? О нихъ отчасти можно судить по разсказу самого Кутлубицкаго, относящагося къ началу 1797 года.

„Обрадованный донесеніемъ *) Кутлубицкаго, Павелъ надѣлъ на него снятый съ себя орденъ св. Анны (2-го класса), который Императоръ носилъ всегда на шеѣ... Когда Кутлубицкій выходилъ изъ кабинета, камеръ-лакей успѣлъ ему шепнуть, что ему нужно что-то передать ему на единѣ... Кутлубицкій попросилъ тогда Кутайсова перемѣнить орденъ, такъ какъ Государь уже привыкъ къ нему („привѣсилъ“) и дать ему другой изъ орденовъ Государя. По уходѣ Кутайсова, камеръ-лакей сказалъ ему, что Наслѣдникъ престола просилъ его явиться къ нему, когда онъ возвратится изъ Москвы, хотя бы ночью... Кутлубицкій поспѣшилъ къ Наслѣднику. Въ первой комнатѣ сидѣла статсъ-дама и горѣла свѣча; другія комнаты были темны, и только въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ, теплилась лампадка. Узнавъ о приходѣ Кутлубицкаго, Наслѣдникъ позвалъ его къ себѣ и, руководимый свѣтомъ лампы, Кутлубицкій прямо подошелъ къ кровати, на которой подъ одѣяломъ лежалъ Александръ Павловичъ со своей супругой. Замѣтивъ у Кутлубицкаго новый орденъ, онъ и Елисавета Алексѣевна поздравили его, Кутлубицкій поцѣловалъ руку Наслѣдника; обѣжавши кругомъ кровати, поцѣловалъ поданную ему изъ подъ одѣяла руку его супруги. А. П. пригласилъ Кут-го сѣсть и разсказать ему, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Москву... Кутлубицкій отвѣчалъ: „кто-же мнѣ поручится, что В. В. сохраните въ тайнѣ что я скажу?—Какую-же тебѣ нужно поруку. Ну вотъ Богъ тебѣ порукой!“ сказалъ Наслѣдникъ, указывая на икону. Тогда Кутлубицкій разсказалъ ему всѣ подробности своего порученія, сожалѣя внутренно, что онъ не попросилъ такой-же поруки у Елисаветы Алексѣевны...

„Надо было жить въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ, разясняетъ Кутлубицкій, чтобъ поступокъ мой (просьба о порукѣ) не показался страннымъ“.

Несомнѣнно, что эти „обстоятельства“ сознавалъ и самъ Александръ Павловичъ, охотно засвидѣтельствовавшій поруку свою передъ иконою.

Изъ этого разсказа видно, что отношенія Александра Павловича къ Кутлубицкому не были натянутыми, и повидимому не существовало причинъ къ ихъ измѣненію и въ дальнѣйшемъ, пока А. П. было Наслѣдникомъ.

*) О примиреніи Моск. ген. губ. Архарова и Долгорукова передъ коронаціей.

Тѣмъ не менѣе въ бумагахъ Кутлубицкаго черновыхъ писемъ къ Александру Павловичу не находится, за исключеніемъ одного съ офиціознымъ предложеніемъ о сельскихъ магазинахъ. Въ перепискѣ-же Кутлубицкаго съ Мордвиновымъ, говоря о ссылкѣ М. М. Сперанскаго, Кутлубицкій позволяетъ себѣ явно несочувственный отзывъ о высочайшемъ распоряженіи, съ примѣсю ироніи: „оказали ему (Сперанскому) *отеческое милосердіе*; сослали, лишивши всего“...

Во все царствованіе Александра Кутлубицкій не поднимаетъ вопроса и не проситъ объ опредѣленіи его на службу а только за время Отечественной войны онъ играетъ значительную офиціальную роль въ сборѣ и формированіи ополченія отъ Нижегородской губерніи, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2 степени.

Отношенія къ Кутлубицкому Константина Павловича еще менѣе опредѣлены, но о нихъ можно судить по откровенному письму къ нему Кутлубицкаго отъ 16 Января 1829 г. и по безпощадно, сухому отвѣту на него отъ Константина Павловича 30 Января того же года. (См. ниже въ письмахъ).

Что касается Николая и Михаила Павловичей, то извѣстно лишь, что Кутлубицкому приходилось „носить ихъ на своихъ рукахъ“ и быть свидѣтелемъ послѣдняго свиданія ихъ съ ихъ отцомъ въ день 11 Марта 1801 г.

Съ воцареніемъ Николая Павловича у Кутлубицкаго тотчасъ является мысль о возможности возвращенія его на прежнюю службу; но по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, это желаніе не осуществляется. Устарѣвъ и одряхлѣвъ, Кутлубицкій примиряется съ судьбой, но не можетъ порвать той связи, которая случайнымъ выборомъ Екатерины привязала его въ лучшіе годы жизни къ царственному дому Павла Петровича, „единого его по Богѣ отца и благодѣтеля“.

Эта исключительная преданность и привязанность, питаемая воспоминаніями молодости, заставляетъ Кутлубицкаго постоянно возвращаться къ одному и тому же источнику печали и радостей и привѣтствовать во всѣхъ случаяхъ жизни *дѣтей и внуковъ* Императора Павла, которые тѣмъ живѣе и ближе понимаютъ Кутлубицкаго, чѣмъ дальше уноситъ время легендарныя преданія объ ихъ Августѣйшемъ предкѣ и чѣмъ ближе подходитъ Кутлубицкій къ своей могилѣ.

Наиболѣе сердечные по тону отзывы Цесаревича Александра Николаевича, полученные Кутлубицкимъ передъ его смертію, окончательно примиряютъ его съ той продолжительной отверженностью, которую онъ испыталъ на себѣ при Александрѣ Павловичѣ.

Справедливость заставляетъ отмѣтить, что Н. О. Кутлубицкій, получившій земли въ царствованіе Александра I-го не тамъ, гдѣ онъ могъ рассчиты-

вать по высочайшему указу Павла отъ 1 Марта 1801 года, и разстроивъ свое состояніе постройкою великолѣпнаго, но слишкомъ обширнаго для деревни храма во имя своего патрона, временно палъ духомъ и къ сожалѣнію измѣнилъ тому завѣту, которымъ руководствовался въ царствованіе Павла и который онъ получилъ отъ графа Румянцова: „Проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ, но для себя, чтобъ языкъ твой не заикался!“

Какъ видно изъ прилагаемыхъ писемъ, въ 55 лѣтъ Кутлубицкій счелъ себя вынужденнымъ просить за себя передъ императрицей Маріей Ѳеодоровной и Константиномъ Павловичемъ, и эти запоздавшія личныя его просьбы отчасти ступшевывають симпатичный образъ старика, преданнаго и безкорыстнаго служачи Павла Петровича.

И. Бронскій.

Изъ писемъ Н. О. Кутлубицкаго къ членамъ императорской фамиліи.

1812—1848-й годъ.

1.

Къ императору Александру Павловичу отъ 12 Марта 1812 г.

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

Высочайшимъ В. И. В. манифестомъ всенародно объявлено 27 Мая 1810 г. устроить комиссію для погашенія государственныхъ долговъ, назначивъ въ продажу изъ коронныхъ немалое количество земель. А какъ и нынѣ съ обнародованнаго В. И. В. манифеста 11 Февраля 1812 года видно, что погашеніе долговъ еще не пришло къ желаемому В. И. В. удовлетворенію, ибо соблаговолили сдѣлать нѣкоторыя временныя прибавки на разные предметы по всему государству: то въ числѣ исполнителей В. И. В. воли изъ нѣсколькихъ миліоновъ вѣрноподанныхъ дерзаю и я всеподданѣйше представить свою мысль.

Въ настоящее время во всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ хранится въ запасныхъ магазинахъ нѣсколько лѣтъ собранный съ крестьянъ по малому количеству ржаной и яровой хлѣбъ, котораго нынѣ составитъ не болѣе 5¹/₂ четвериковъ на ревизскую мужскую душу, что въ случаѣ неурожая и малаго вспоможенія не сдѣлаетъ: то не угодно-ли будетъ В. И. В. повелѣть весь оный хлѣбъ продать на мѣстѣ въ селеніяхъ тѣмъ-же самымъ крестьянамъ, которые его засы-

пáли, съ убавкой цѣны по 2 р. на четверть ржи, и по 1 руб. на четверть овса, противъ справочныхъ цѣнъ уѣздныхъ городовъ? Черезъ сіе комиссія, учрежденная В. И. В., получить вѣсколько десятковъ миліоновъ рублей для погашенія долговъ, и сверхъ того по мнѣнію моему заготовленіе провіанта для арміи В. И. В. могло бы быть много дешевле и выгоднѣе.

Повергая себя и вѣрноподданическое мое усердіе къ священнымъ стопамъ твоимъ, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ себя сочту, если удостоишь всемилостивѣйшаго воззрѣнія на чувства глубочайшаго благоговѣнія и преданности, съ каковыми пребываю В. И. В. вѣрноподданнѣйшій ген. лейт. Н. Кутлубицкій.

Въ тотъ-же день Кутлубицкій писалъ и Н. С. Мордвинову.

„Зная душу и сердце ваше и что вы расположены ко благу ближняго и пользѣ общественной, почему и удостоены быть предсѣдателемъ въ Государственномъ Совѣтѣ по департаменту экономіи, то и рѣшаюсь утруждать васъ просьбой. Хотя я и живу въ глухой деревнѣ, но вижу изъ манифестовъ, что государственные долги весьма велики, то и осмѣливаюсь представить Государю Императору мою мысль въ прилагаемомъ письмѣ касательно сельскихъ магазиновъ. Если вы съ копіи усмотрите, что мысль эта не принесетъ никакихъ пользъ государству, то предайте все сіе сожженію, а если удостоите апробаціи, то прошу дать настоящей ходъ...“.

2.

Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 19 Ноября 1819 года.

Августѣйшая мать отечества Всемиловѣйшая Государыня!

Имѣя неоцѣненное счастье около 30 лѣтъ носить милости В. И. В., осмѣливаюсь просить принять мое поздравленіе съ наступающимъ днемъ рожденія твоего сына, Августѣйшаго Монарха, Императора и Отца Александра Павловича. Я-же въ столь знаменательный день ничего другого тебѣ посвятить не имѣю, какъ, зная твое материнское сердолобіе ко всѣмъ несчастнымъ, осмѣливаюсь представить вѣрноподданическое мнѣніе мое къ приумноженію суммъ для содержанія птенцовъ подъ крыломъ твоимъ воспитывающихся, такъ равно и удержанія частныхъ капиталовъ, которые большими суммами отправляются безвозвратно изъ Россіи за границу, отчего отечество наше незамѣтно истощается,

Въ бытность мою прошлаго 1818 года въ С.-Петербургѣ для опредѣленія на службу Е. И. В. въ Лейбъ-Гвардіи Конный Полкъ старшаго моего сына Павла (твоего крестника), насчиталъ я по лучшимъ проспектамъ города около 300 домовъ, нанимаемыхъ дорогою цѣной модными лавками, модными торговками¹⁾, которыя не только высасываютъ изъ нашего общества, къ несчастію зараженнаго роскошью, имущества, но и развращаютъ души и сердца, черезъ что неизбѣжно разстраиваются семейства и ослабляются общественныя связи.

Не благоугодно-ли же будетъ В. И. В. всемилостивѣйше повелѣть, хотя бы на первый годъ приговорить нѣсколько порядочныхъ изъ модныхъ торговекъ, назначивъ имъ пристойное жалованье, и помѣститъ ихъ во флигеляхъ обоихъ Воспитательныхъ Домовъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ находились подъ ихъ вѣдѣніемъ, а вырабатываемыя деньги обращать еженедѣльно въ ихъ кассу? Чтоже касается до покупки разныхъ матерій и товаровъ, а равно имѣнія швей и рукодѣльницъ, то въ нихъ конечно не можетъ быть недостатка... Въ теченіи-же одного, много двухъ лѣтъ, помощницы могутъ выучиться и сами наряжать нашу публику по получаемымъ изъ за границы однимъ рисункамъ.

Черезъ это приумножится сумма для твоихъ пенсовъ, а издерживаемые капиталы для модныхъ нарядовъ будутъ оставаться въ Россіи.

Поручая какъ себя, такъ и вѣрноподданческое усердіе мое къ священнѣйшимъ стопамъ твоимъ, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ себя почту и т. д. Вѣрноподданнѣйшій Н. Кутлубицкій.

3.

Къ ней-же, отъ 16 Февраля 1821 года.

Болѣзненное мое состояніе не позволяеть мнѣ пасть лично къ священнѣйшимъ стопамъ твоимъ и принести мою вѣрноподданнѣйшую благодарность за божественныя строки, которыя я имѣлъ счастье получить, а равно и представить вамъ, какъ крестной матери, моего сына Павла, который уже годъ служитъ Е. И. В. офицеромъ въ лейбъ гвардіи конно-егерскомъ полку²⁾, дабы и его не лишить вашихъ милостей, коими я имѣю счастье пользоваться.

¹⁾ При Императорѣ Павлѣ ихъ было въ Петербургѣ только 7 „по числу смертныхъ грѣховъ“. (А. И. Ханенко со словъ Н. О. Кутлубицкаго).

²⁾ Старшій сынъ Н. О. Кутлубицкаго Павелъ, родившійся въ Сентябрѣ 1801 года, въ 1818 г. былъ юнжеромъ конной гвардіи, а 23 Февраля 1820 года произведенъ въ офицера въ Лейбъ Гв. Кон. Егер. полкъ (нынѣ Л. Гв. Драгунскій).

За превеликую для себя отъ Бога милость счелъ-бы, еслибъ сынъ мой былъ такъ счастливъ, что могъ бы лично служить при крестномъ своемъ отцѣ¹⁾ или при васъ... какъ и я имѣлъ счастье находиться при покойномъ моемъ отцѣ-благодѣтелѣ въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Вотъ уже 20 лѣтъ прошло, какъ я лишился по Богѣ единого! Послѣ котораго единственнымъ моимъ утѣшеніемъ создаваемый мною храмъ Божій, во имя его святого патрона! Вотъ все, чѣмъ я могу теперь почитать его священную для меня память...²⁾).

Прости великодушно, что осмѣливаюсь излить передъ вами то, что на сердцѣ у меня хранится со дня лишенія моего отца-благодѣтеля.

Счастливейшимъ изъ смертныхъ себя сочту, если и ты удостоишь меня миниатюрнымъ своимъ портретомъ, подобнымъ полученному мною отъ моего благодѣтеля³⁾. Тогда бы я присоединилъ твой къ нему и хранилъ бы ихъ вмѣстѣ, чтобы они переходили бы изъ роду родовъ, какъ знакъ великихъ вашихъ ко мнѣ милостей и благоволеній.

4.

Къ ней-же, отъ 8 Іюля 1821 г.

Божественныя для всего моего семейства строки, пущенныя В. И. В. отъ 1 Марта касательно вашего материнскаго покрова къ моему сыну, имѣлъ неоцѣненное счастье получить и желалъ бы лично имѣть счастье принести мою вѣрноподанную благодарность за столь милостивое покровительство и принять мое поздравленіе съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела. Но къ несчастію моему приключившаяся вдругъ болѣзнь данной Богомъ мнѣ помощницы повергла мое семейство въ отчаянье и возбраняетъ мнѣ отъ нея отлучиться. Осмѣливаюсь тебѣ, какъ сердобольной матери, поднести домашняго рукодѣлья рабочій

¹⁾ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

²⁾ Церковь во имя Петра и Павла Н. О. Кутлувицкій строилъ въ с. Костянкѣ Арзамасскаго уѣзда (пожалованной ему Императоромъ Павломъ) и истратилъ на нее значительную часть своего состоянія, около 200 тыс. рублей, для чего заложилъ всѣ свои имѣнія въ Нижегородской губерніи.

³⁾ Миниатюрный портретъ императора Павла, подаренный Кутлувицкому 3 Февраля 1801 г., вдѣланный въ золотую табакерку съ надписью „по Богѣ онъ единъ, имъ и существую“, обращавшій на себя вниманіе Императора Николая Павловича и придворныхъ лицъ въ Гатчинѣ (Разказы Ханенки, Рус. Арх. 1866 г.) въ настоящее время хранится у правнучки Н. О. Кут—го, Л. Н. Бр—кой. Кѣмъ нарисованъ этотъ художественный миниатюръ, неизвѣстно.

мѣшокъ, вывязанный бѣдной сиротой, дочерью штабъ-офицера Софьей Соколовской, лишившейся въ младенчествѣ своихъ родителей и найденной моею супругою нечаянно въ бытность ея въ Москвѣ въ прошломъ 1805 году въ Страстномъ монастырѣ дитятей, которая теперь сдѣлалась хорошей помощницей своей второй матери какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ болѣзняхъ. Прости великодушно, что осмѣливаюсь такое малое приношеніе поднести тебѣ въ день Ангела.

Слѣдуютъ подобныя-же поздравленія Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 22 Марта 1822 г. отъ 3 Октября 1823 г. съ поднесеніемъ иконы Покрова Божіей Матери, работы Алексѣевской женской общины въ Арзамасѣ, отъ 9 Января 1824 г. поздравленіе „съ устройствомъ судьбы вел. кн. Михаила Павловича съ вел. кн. Еленой Павловной“, также съ поднесеніемъ иконы „ихъ угодниковъ, дабы употребить ее въ день ихъ бракосочетанія на благословеніе“ 1 Октября 1824 г. съ пожеланіемъ „утѣшиться для дня рожденія прибытіемъ юнѣйшей дочери вел. кн. Анны Павловны“, которую Императоръ Павелъ 11 Марта 1801 г., за нѣсколько часовъ до своей кончины, благословилъ въ своемъ кабинетѣ образомъ Пресвятой Богородицы, который снялъ со стѣны и въ присутствіи Кутлубицкаго положилъ этотъ образъ ей запазуху, послѣ чего отпустилъ въ дѣтскую. Отъ 24 Ноября 1824 г. по случаю прибытія въ Россію вел. кн. Маріи Павловны съ дѣтьми и супругомъ; отъ 8 Юля 1825 г. поздравленіе со днемъ тезоименитства „какъ твоего, такъ и близкихъ сердцу твоему дочери и внучекъ“ и проч.

Императрица Марія Ѳеодоровна обращалась къ Кутлубицкому: „Господинъ генераль-лейтенантъ Кутлубицкій“, а великая княгиня просто: „Николай Осиповичъ“... Росчеркъ Маріи Павловны гораздо тверже чѣмъ у Маріи Ѳеодоровны.

Въ Ноябрь 1826 года Кутлубицкій писалъ: „Не осмѣливался я когда-либо и подумать обременять мою единственную по Богѣ благодѣтельницу моимъ критическимъ положеніемъ... Осмѣливаюсь нынѣ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни обезпочить тебя, какъ чадолюбивую мать, моей недостойной просьбой—испросить себѣ руку помощи!..“.

Далѣе Кутлубицкій сообщаетъ, что онъ имѣетъ до 300 тысячъ тяжелаго для него казеннаго долга, изъ которыхъ болѣе 150 т. потратилъ „на созданіе храма, во имя въ Бозѣ почивающаго патрона Императора Павла I-го, каковой храмъ уже законченъ, но внутреннее его устройство еще не заготовлено...“. *Самъ я 25 лѣтъ безъ службы, крамолами удаленный, но два сына мои оба на службѣ Е. И. В. Несчастные родственники сильно потерпѣли отъ непріятельскаго наше-*

ствія и всѣ требуютъ себѣ пособія... Старшаго сына надо скоро женить, на что и просить „материнскаго благословенія...“.

Въ отвѣтъ на это длинное письмо Императрица М. Ѳ. отвѣчала 23 Декабря 1826 года изъ Петербурга только по поводу послѣдняго сообщенія. Отдавая полную справедливость чувствамъ усердія и приверженности“, она желаетъ Кутлубицкому „насладиться утѣшеніемъ— видѣть своего сына счастливымъ...“.

Императрица писала 9 Августа 1827 г., что законъ о 24 лѣтнихъ займахъ даетъ возможность спасти имѣніе и желаетъ „хорошаго успѣха въ начатомъ благоугодномъ дѣлѣ построенія храма“, но денегъ на него не общаетъ.

Узнавъ о кончинѣ Маріи Ѳеодоровны, Кутлубицкій поспѣшилъ въ Петербургъ больной и разстроенный, чтобы отдать „послѣдній вѣрноподданическій и сыновній долгъ“ усопшей, но засталъ ее уже погребенною.

Изъ Петербурга 16 Янв. 1829 г. онъ написалъ великому князю Константину Павловичу:

Августѣйшаго Монарха возлюбленный братъ, изъ великихъ великій Государь и Цесаревичъ, Всемиловитѣйшій Государь!

Лишившись единой по Богъ моей благодѣтельницы, въ Божѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, какъ твоей, Государь, такъ и всего отечества матери, какъ ни торопился я ѣхать по дурной дорогѣ, но не успѣлъ отдать ей послѣдняго вѣрноподданическаго и сыновняго долгу! Хотя и прибылъ 27 Ноября въ Петербургъ прежде 6 недѣль, но нашель уже къ несчастію моему одинъ наложенный на могилу камень, подъ которымъ сокрыта до втораго пришествія Христа Спасителя моя единая по Богъ благодѣтельница*). Итакъ, омывъ оный камень моими слезами и облобызавъ его несчетно, воздалъ долгъ поминовенія по усопшимъ обоимъ моимъ благодѣтелямъ, кои черезъ 28 лѣтъ по власти Божіей вторично соединились для представленія къ Всевышнему и отданія отчета о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ дѣтяхъ, ихъ правленію отъ него ввѣренныхъ.

*) Императрица Марія Ѳеодоровна была похоронена раньше предполагаемаго. П. Б.

Теперь я собираюсь отправиться къ моему угнетенному семейству, которому кромѣ слезъ и горести ничего привезти въ отраду съ собой не могу.

Нигдѣ, ни въ чемъ, ни въ комъ успѣху не имѣя, къ вящему моему несчастію и тебя, Государь, милостиваго отца и моего всегдашняго покровителя, въ Петербургѣ не засталъ.

Беру смѣлость, испытавъ уже на себѣ твое милосердіе, хотя письменно обременить тебя и испросить себѣ съ семействомъ отцовскаго покровительства.

Не безъизвѣстна тебѣ, Государь, прежняя моя безпорочная и безкорыстная служба, вѣрность къ отечеству и нелицемѣрная преданность къ монаршему престолу и всему Императорскому дому.

Теперь я имѣю почти 300 тысячъ долгу казеннаго; когда-же былъ употребляемъ въ теченіи 4 лѣтняго царствованія, то во многихъ случаяхъ имѣлъ большія суммы и кромѣ розданной тихой милости, легко могъ имѣть 600 тысячъ въ наличности; но тогда я все оное презрѣлъ. Выполняя долгъ свой, остался я съ честнымъ именемъ и въ такое положеніе себя поставилъ, что могу смотрѣть чистыми глазами на весь свѣтъ, безъ зазрѣнія совѣсти, и не страшусь я предстать на судъ Всевышняго Судіи, а бѣдная подушка моя „не вертится у меня подъ головою“!

Лишившись обоихъ своихъ единыхъ по Богѣ благодѣтелей, оставаясь я отъ монаршаго престола разными кознями и проклятой завистью удаленнымъ 28 лѣтъ. Бывъ въ праздности, я употреблялъ время для направленія ввѣренныхъ мнѣ благодѣтельной рукой дѣтей (крестьянъ) и созданіемъ у нихъ храмовъ Божіихъ, ибо ни единаго не было въ пожалованномъ мнѣ имѣніи; заведеніемъ хлѣбопашества и разумной экономіи...

Привыкнувъ съ малыхъ лѣтъ боготворить помазанниковъ Божіихъ и весь священнй ихъ домъ, я рѣшаюсь у ногъ твоихъ предать угнетенную судьбу свою въ твое расположеніе.

Блаженной памяти Государь Императоръ, твой родитель, единственный мой благодѣтель, при восшествіи своемъ на престолъ, вспомнилъ несчастныхъ генералъ-адъютантовъ своего дражайшаго родителя:

онъ произвелъ ихъ изъ генераль-майоровъ въ полные генералы, повелѣлъ выдать имъ за 35 лѣтнее время полное жалованье, наградилъ ихъ орденами св. Александра Невскаго и оставилъ всѣхъ на покоѣ...

Счастливейшимъ изъ смертныхъ себя сочту, если и меня грѣшнаго немного хотя вспомнишь и вручишь Августѣйшему нашему монарху и брату твоему великому князю Михаилу Павловичу, которые меня мало помнятъ и почти совсѣмъ не знаютъ, какъ разными кознями отъ престола и дома ихъ удаленнаго“.

Отвѣтъ Константина Павловича изъ Варшавы отъ 30 Января 1829 г. въ пакетъ „отъ Главнокомандующаго Литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича“ подъ № 66, за печатью Его Высочества, гдѣ надъ орломъ и регаліями значится „за службу и храбрость“, а внизу „Г. К...“, долженъ былъ сильно охладить откровенный пылъ Кутлубицкаго, такъ какъ отвѣтъ этотъ былъ примѣрно сухъ и формалентъ.

Николай Осиповичъ!

Получивъ письмо вашего пр—ва отъ 16 Генваря, я нашелъ невозможнымъ удовлетворить изъясненныхъ въ немъ желаній вашихъ, заключающихся въ испрашиваемомъ вами отъ меня предстательствѣ у Государя Императора объ опредѣленіи васъ на службу и объ исправленіи разстроеннаго вашего положенія по той причинѣ, что подобнаго рода ходатайства, какъ не принадлежащія до высочайше возложенныхъ на меня обязанностей, вовсе ко мнѣ не относятся.

Но если ваше пр—во считаете необходимымъ довести до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія о разстроенномъ вашемъ положеніи и о намѣреніи продолжать вновь службу, то можете войти о томъ по установленному порядку съ всеподданнѣйшимъ къ Его Импер. Вел. прошеніемъ. Поставивъ себѣ за долгъ извѣстить о семъ ваше пр—во, остаюсь къ вамъ съ уваженіемъ Константинъ.

Варшава. 30 Генваря 1829 г.

Кутлубицкій покорно проглотилъ пилюлю, поднесенную ему Его Высочествомъ и письмомъ отъ 27 Февраля 1829 года въ самыхъ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ благодарилъ его „за всемилостивѣйшій рескриптъ“, но болѣе къ Константину Павловичу уже не обращался...

Константину Павловичу не могли понравиться многія выраженія и параллели въ письмѣ Кутлубицкаго отъ 16 Января; но ранѣе того онъ былъ болѣе снисходителенъ къ обращеніямъ къ нему Кутлубицкаго.

Такъ напримѣръ, 18 Августа 1818 года Кутлубицкій писалъ Константину Павловичу.

Ваше Императорское Высочество, Государь Цесаревичъ!

Имѣя счастье 25 лѣтъ нести милости В. И. В., осмѣливаюсь и нынѣ утруждать вѣрноподданнѣйшей просьбой не лишитъ меня оныхъ и принять моего сына-первенца, 17 лѣтняго юношу подъ свое покровительство, желающаго на первый разъ вступить въ службу Е. И. Вел. Лейбъ Гвардіи въ конный полкъ, гдѣ бы онъ могъ подобно мнѣ имѣть счастье нести милости В. И. В. и пользоваться оными“...

На этомъ письмѣ помѣчено Кутлубицкимъ „послано въ Варшаву 18 Сентября 1818 г. изъ Петербурга, и по оному сынъ мой определенъ въ конную гвардію, о чемъ препоручено увѣдомить Беклемишеву“.

Къ Императору Николаю Павловичу.

9 Декабря 1825 года.

Августѣйшій Монархъ Всемилоостивѣйшій Государь!

Болѣзненное состояніе мое возбуждаетъ мнѣ *летѣть къ тебѣ*, Государь, и павъ къ священнѣйшимъ стопамъ твоимъ, принести вѣрноподданнѣйшую благодарность за 30 лѣтнія милости, коими имѣю счастье поднесъ пользоваться, и поздравить тебя, чадолюбивѣйшаго отца отечества, съ восшествіемъ на прародительскій престолъ.

Единое благо осталось мнѣ—молить Всевышняго да услышитъ Онъ наши моленія и да ниспошлетъ тебѣ своего Ангела-Хранителя, который да сохранитъ тебѣ здоровья, невредима и во всемъ благоуспѣшна! И да удобритъ онъ яще твое доброе сердце, и да будешь ты сирыхъ и вдовиць отецъ, защитникъ угнетенныхъ и каратель мздоимцевъ и притѣснителей! Повергая себя и пр.

Поздравляя Николая Павловича со днемъ его рожденія 16 *Іюня* 1826 г. Кутлубицкій писалъ:

„Вотъ уже ровно 30 лѣтъ прошло какъ я имѣлъ неоцѣненное счастье, находясь при въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ

Павлѣ Петровичѣ, твоємъ родителѣ, а моємъ единомъ по Богѣ благо-
дѣтелѣ, облобызатъ твои ручки и имѣть счастье *нѣсколько разъ носить*
Тебя на недостойныхъ рукахъ моихъ.

Вспоминая эти незабвенные въ жизни моей дни, осмѣливаюсь под-
нести тебѣ, Августѣйшій Монархъ, въ день твоего рожденія перстень,
изображающій твоего родителя, академикомъ *Доброхотовымъ* изваян-
ный...“ *).

(Отвѣтъ Николая Павловича на это письмо чрезъ П. Кикина съ
возвращеніемъ перстня былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ 1898).

Однакоже Кутлубицкій повидимому не рѣшался просить Николая
Павловича о принятіи его на службу; покрайней мѣрѣ въ сохранив-
шихся его письмахъ къ Николаю Павловичу указаній на это не имѣется.
Это не помѣшало однако ему въ письмѣ къ Императору отъ 23 Ноября
1827 г. просить у него за дворянъ:

О сбавкѣ 2% со вносимыхъ ими въ Государственный заемный
банкъ и въ опекунскій совѣтъ платежей за имѣнія, „Ты, Государь,
вѣрно не пожелаешь, писалъ Кутлубицкій, чтобы со временемъ боль-
шинство дворянъ, твоихъ вѣрноподанныхъ, *совсѣмъ раззорилось*“.

„Прости великодушно, заканчиваетъ К—ій, что для такого дня
(день тезоименитства) я осмѣлился нарушить этияъ письмомъ *твои едва*
успокоивающіяся мысли“.

На черновикѣ помѣчено: получ. отвѣтъ 27 Дек. 1827 г. *черезъ*
Лонгинова (было сообщ. въ „Рус. Стар.“ 1898), что „Высочайшаго
соизволенія на оное ходатайство *не послѣдовало*“.

Къ Великому князю *Михаилу Павловичу.*

„Слава Всевышнему, что допустилъ меня 73 лѣтняго старца,
родителя вашего слугу, дожить, что и *меньшему* его сыну исполнилось
нынѣ 50 лѣтъ! Котораго я по возвращеніи моємъ изъ 5 мѣсячной

*) А. И. Ханенко въ „Рус. Арх.“ 1866 г. говоритъ о такомъ-же перстнѣ съ изо-
браженіемъ Павла—*работы Мозжечкова*, который по смерти Кутлубицкаго, согласно
его завѣщанію, былъ переданъ въ руки Императору Николаю Павловичу въ 1852 г.
Объ этомъ перстнѣ въ 30-хъ годахъ Императоръ сказалъ Кутлубицкому: „если-бы мнѣ
не жаль было лишить тебя этой вещи, я отнял бы ее у тебя!“

инспекціи *) въ Апрѣлѣ 1798 года по волѣ дражайшаго Родителя вашего, имѣлъ счастье неоднократно носить на моихъ недостойныхъ рукахъ!....“ и пр.

Какъ дополненіе къ этому письму отъ того-же 2 Февраля 1848 г. имѣется другое на имя нѣкоего *Джелли-Брандта*, жительствоващаго въ Петербургѣ по Англійской Набережной въ домѣ Липранди, подъ № 32, съ приложеніемъ 2 сторублевыхъ билетовъ за №№ такими-то..

Милостивый государь!

Прочитавъ въ Инвалидѣ, что вы избраны обществомъ какъ для заготовленія одежды, такъ и раздачи оной бѣднякамъ для прикрытія грѣшнаго ихъ тѣла отъ лютой зимы, прилагаю при семъ двѣ лепты, которыя прошу принять. Одну оставить у себя по своей части, а другую доставить въ общество, гдѣ кормятъ нищую братію, чтобы они всѣ въ одинъ день на общей радости, что исполнилось 50 лѣтъ нашему фельдцехмейстеру молились бы, да сохранить его Всевышній здоровымъ еще хотя бы 25 лѣтъ.

Исполненіемъ этой просьбы много обяжете отставного служаку временъ Екатерины Великой и Павла *Премудраго*, стараго и дряхлаго пушкаря Н. К.

Михаилъ Павловичъ 4 Февраля 1848 г. отвѣчалъ:

Николай Осиповичъ!

Поздравленіе принесенное мнѣ вашимъ пр-вомъ по случаю совершенія 50 лѣтъ съ того времени, когда возложено на меня блаженной памяти Государемъ Павломъ I-мъ званія генер.-фельдцехмейстера, я принимаю съ живѣйшей благодарностью, душевно сожалея, что слабость вашего здоровья лишила меня возможности изъявить вамъ эту признательность лично.

Пользуясь симъ случаемъ, чтобы увѣрить ваше пр-во въ томъ отличномъ уваженіи, которое я постоянно сохраняю къ вашимъ достоинствамъ и неизмѣнной преданности вашей къ блаженной памяти

*) Павелъ рескриптомъ отъ 14 Ноября 1797 года возложилъ на Кутлубицкаго (ему шелъ тогда 21 годъ) инспекторскій смотръ войскамъ ген. фельдмаршала гр. Сазыкова и др. въ Южной Россіи, гдѣ Кутлубицкій и пробылъ въ разъѣздахъ 5 мѣсяцевъ по Апрѣлѣ 1798 г., за что и произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В.

Императора Павла I-го Пребываю къ вамъ искренно доброжелательный Михаилъ.

*

3 Апрѣля того-же 1848 года князь Илья Андреевичъ Долгорукой по порученію великаго князя прислалъ Кутлубицкому миниатюрный портретъ¹⁾ въ дѣтскомъ его возрастѣ.

Въ бумагахъ Кутлубицкаго сохранились письма его къ Маріи Павловнѣ, Аннѣ Павловнѣ, Еленѣ Павловнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Елисаветѣ Михайловнѣ, Маріи Александровнѣ съ различными поздравленіями, иногда съ поднесеніемъ св. иконъ, которыя Кутлубицкій заказывалъ въ Алексѣевской Общинѣ въ г. Арзамасѣ²⁾, славящейся искусствомъ золотого шитья по бархату и рукодѣльными работами....

И внуки, и внучки Императора Павла милостиво отвѣчаютъ старику Кутлубицкому на его многочисленныя поздравленія.

Николай Осиповичъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше отъ 12 Сентября, въ которомъ вы выражаете искреннее привѣтствіе ваше по случаю бракосочетанія моего.

Не сомнѣваясь никогда въ непремѣнныхъ вашихъ чувствованіяхъ ко мнѣ, прошу васъ принять за то искреннюю мою благодарность, какъ свидѣтельство всегдашняго моего расположенія къ вамъ и остаться увѣреннымъ, что я всегда пребываю къ вамъ доброжелательнымъ

Константинъ.

Г. Царское Село 30 Сентября 1848 г.

*

Будущій Императоръ Александръ II-й также не оставлялъ безъ милостивыхъ отвѣтовъ обращенія къ нему Кутлубицкаго, которыя иногда выходили изъ рамокъ обыденныхъ поздравленій. Такъ напри- мѣръ въ одно изъ таковыхъ обращеній (отъ 12 Апр. 1848 г.) Кутлу-

¹⁾ Миниатюръ этотъ сохранился у правнучки Кутлубицкаго.

²⁾ Алексѣевская община въ Арзамасѣ основана царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ память рожденія наслѣдника престола Алексія Михайловича, о чемъ указано грамотой: „Въ 1742 г. (1634), по указу великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, по грамотѣ изъ Новгородскаго приказа воеводѣ князю Никитѣ Шаховскому построить въ Арзамасѣ на посадѣ Царское богомолье, *Новодѣвичь монастырь Алексія чловѣка Божія*“.

бицкій вписаль нижеслѣдующую просьбу, которую Наслѣдникъ Цесаревичъ могъ-бы испросить по его мнѣнію у Государя: „чтобъ для всѣхъ вѣрноподанныхъ повсемѣстно по городамъ продавалась соль не дороже 40 коп. за пудъ: ибо какъ избалованный купчинъ не можетъ прожить безъ сахара, такъ и бѣдный крестьянинъ со своимъ многочисленнымъ семействомъ не можетъ пробыть безъ соли, безъ которой ему менѣе 1 пуду на душу въ годъ не обойтись, а торгующіе за границу, добавляеть Кутлубицкій, какъ были, пусть и останутся...“

Наслѣдникъ Цесаревичъ 24 Апрѣля 1848 году отвѣчалъ ему.

Николай Осиповичъ!

Съ искреннимъ удовольствіемъ получилъ я ваше письмо и благодарю за изъявленныя въ немъ чувствованія.

Относящееся же въ немъ до *продажи соли*, я повелѣлъ *передать министру финансовъ* на зависящее отъ него распоряженіе.

Радуюсь, что временно разстроенное здоровье ваше возстановилось и въ надеждѣ, что Господь продлитъ еще дни ваши, пребываю къ вамъ на всегда

благосклонный Александръ.

*

Всѣ письма Кутлубицкаго числомъ до 50 къ высочайшимъ особамъ съ 1812 по 1848 г. занесены имъ въ особый „*домашній журналъ*“; что касается таковой-же переписки за 1793—1811 гг., то она утрачена за исключеніемъ немногихъ случайно сохранившихся отрывковъ.

Такова напримѣръ записка Александра Павловича (собственноручно).

Господину генераль-маіору, Его Императорскаго величества генераль-адъютанту и кавалеру Кутлубицкому.

Имѣете съ полученіе сего явиться немедленно ко мнѣ въ Петергофъ. Юля 16 дня 1797 года. Александръ.

Его-же рукой написанный приказъ въ царствованіе Павла I-го: „за несохраненіе порядка дисциплины и послушанія отънимается бой у полковъ Завалашина, Мамаева, Седморацкаго, Вязмитикова и Ферзена; у гренадерскихъ батальоновъ Огарева, Ериксона, Веліашова, Осипова, Митюшина и Ландсфорса. Полкъ-же Завалишина потерявъ знамя, оное ему новымъ не замѣняется. Александръ.

Сообщилъ **Ив. А. Бронскій.**

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

въ Божѣ почивающихъ высочайшихъ особъ Россійскаго царствующаго дома, скончавшихся въ теченіе XVIII и въ XIX столѣтій и погребенныхъ:

- I, въ Александроневской Лаврѣ, въ С. Петербургѣ (10),
 II, въ Москвѣ (8),
 III, въ г. Александровѣ, Владимирской губ. (2)
 и IV за границую (6).

I.

Высочайшія особы, погребенныя въ Благовѣщенской церкви Александроневской Лавры въ СПетербургѣ.

Годъ мѣсяцъ и день погребенія.		Въ какой части храма расположены гробницы.
1716. Для опредѣленія мѣсяца и дня не отыскано данныхъ.	1. Великая княжна <i>Наталія Алексѣевна</i> (сестра Государя Императора Петра I). Род. 22 Авг. 1673; сконч. 18 Юня 1716 г. Первоначально погребена была въ Лазаревской церкви Александроневской Лавры. Перенесена въ Благовѣщенскую церковь 24 Октября 1723 г., послѣ погребенія въ этой церкви царицы Параскевы Ѳеодоровны (см. стр. 3).	Надъ особами, поименованными въ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7 ст. настоящаго списка, гробницъ нѣтъ; имѣются только надгробныя плиты, съ надписями, вдѣланныя въ каменный полъ Благовѣщенской церкви. Надгробная плита надъ могилою великой княжны Наталіи Алексѣевны находится на солеѣ, по правую сторону царскихъ вратъ, противъ иконы Спасителя, во 2-мъ отъ нея ряду.
1719, Апрѣля 26.	2. Царевичъ великій князь <i>Петръ Петровичъ</i> (сынъ	Надгробная плита находится также на солеѣ, про-

	<p>Государя Императора Петра I). Род. 29 Октября 1715 г.; сконч. 25 Апрелья 1719 г. Первоначально былъ погребенъ въ вышеупомянутой Лазаревской церкви. Перенесенъ въ Благовѣщенскую церковь 24 Октября 1723.</p>	<p>тивъ той же иконы Спасителя, въ 1 отъ нея ряду.</p>
1723, Окт. 25.	<p>3.</p> <p>Царица <i>Параскеви Теодоровна</i> (супруга Государя царя Иоанна Алексѣевича) Род. 12 Окт. 1664 г., сконч. 13 Октября 1723 г.</p>	<p>Надгробная плита находится на той же солеѣ, противъ царскихъ вратъ, въ 1-мъ отъ нихъ ряду.</p>
1733, Юня 26.	<p>4.</p> <p>Великая княгиня <i>Екатерина Иоанновна</i>, Герцогиня Мекленбургская (дочь Царя Иоанна Алексѣевича, племянница Государя Императора Петра I). Род. 29 Окт. 1691 г., сконч. 14 Юня 1733 г.</p>	<p>Нагробная плита расположена на солеѣ по лѣвую сторону отъ царскихъ вратъ противъ иконы Богоматери.</p>
1746, Марта 21.	<p>5.</p> <p>Правительница <i>Анна Леопольдовна</i>, принцесса Брауншвейгъ - Люнебургская (дочь великой княгини Екатерины Иоанновны). Род. 7 Дек. 1718; сконч. въ г. Холмогорахъ 8 Марта 1746 г.</p>	<p>Надгробная плита находится на солеѣ противъ царскихъ вратъ, во 2-мъ отъ нихъ ряду.</p>
1759, Марта 15.	<p>6.</p> <p>Великая княжна <i>Анна Петровна</i>. (Дочь Государя</p>	<p>Надгробная плата находится въ алтарѣ, между цар-</p>

	<p>Императора Петра III). Род. 8 Мар. 1757 г.; сконч. 8 Марта 1759 г.</p>	<p>скими вратами и св. престоломъ.</p>
<p>1776, Апрель 26.</p>	<p>7. Государыня цесаревна великая княгиня <i>Наталія Алексеевна</i> (первая супруга Императ. Павла I). Род. 14 Юня 1755 г.; сконч. 15 Апрель 1776 г.</p>	<p>Надгробная плита находится въ алтарѣ, у южной его стѣны, близъ южныхъ алтарныхъ дверей.</p>
<p>1795, Января 20.</p>	<p>8. Великая княжна <i>Ольга Павловна</i> (Дочь Государя Императора Павла I). Род. 11 Юля 1792 г.; сконч. 15 Янв. 1795 г.</p>	<p>Гробница, устроенная въ видѣ цилиндрической тумбы, съ иконою на верху, находится въ алтарѣ, у стѣнки между царскими вратами и сѣверными алтарными дверями.</p>
<p>1800, Юля 31.</p>	<p>9. Великая княжна <i>Марія Александровна</i> (Дочь Государя Императора Александра I). Род. 18 Мая 1799 г.; сконч. 27 Юля 1800 г.</p>	<p>Гробница, сдѣланная также въ формѣ тумбы, съ иконою на верху, находится въ алтарѣ, у сѣверной его стѣны, около перваго отъ входа окна.</p>
<p>1808, Мая 5.</p>	<p>10. Великая княжна <i>Елисавета Александровна</i>. (Дочь Государя Императора Александра I). Род. 3 Ноября 1806 г.; сконч. 30 Апрель 1808 г.</p>	<p>Гробница, имѣющая тотъ же видѣ цилиндрической тумбы, съ иконою на верху, находится въ алтарѣ, у стѣнки между царскими вратами и южными алтарными дверями.</p>

II.

Высочайшія особы, скончавшіяся въ XVIII столѣтіи и погребенныя въ Москвѣ.

Годъ, мѣсяцъ и день погребенія.		Гдѣ именно погребены.
1704, Іюля 4.	<p align="center">1.</p> <p>Царевна и великая княжна <i>Софія Алексѣевна</i>, въ монашествѣ Сусанна, въ схимѣ Софія (сестра Государя Императора Петра I). Род. 17 Сент. 1657 г.; сконч. 3 Іюля 1704.</p>	<p>Въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ, въ соборной церкви Смоленской иконы Божіей Матери. Гробница находится въ юго-западномъ углу храма, примыкая одной стороною къ западной церковной стѣнѣ.</p>
1706, Авг. 24.	<p align="center">2.</p> <p>Царевна и великая княжна <i>Татиана Михайловна</i> (Тетка Государя Императора Петра I). Род. въ Янв. 1636 г.; сконч. въ ночь на 24 Авг. 1706 г.</p>	<p>Въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ соборной церкви Вознесенія Господня. Гробница находится у сѣверной стѣны собора, близъ сѣверныхъ дверей, по лѣвую сторону отъ нихъ.</p>
1712, Мая 11.	<p align="center">3.</p> <p>Царевна и великая княжна <i>Евдокія Алексѣевна</i> (сестра Государя Императора Петра I). Род. 17 Февр. 1650 г.; сконч. 10 Мая 1712 г. Первоначально погребена была подъ Софіевскою церковью Новодѣвичьяго Московскаго монастыря.</p>	<p>Въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ, въ вышеупомянутой соборной Смоленской церкви. Гробница находится у южной стѣны храма въ одной линіи съ гробницею Великой Княжны Софіи Алексѣевны (см. ст. I).</p>
1718, въ Маѣ о днѣ погребенія	<p align="center">4.</p> <p>Царевна и великая княжна <i>Екатерины Алек-</i></p>	<p>Въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ той</p>

не имѣется свѣдѣній.

стевна (сестра Государя Императора Петра I). Род. 26 Ноября 1658 г.; сконч. 1 Мая 1718 г. Первоначально погребена была подъ вышеупомянутой Софійевской церковью.

5.

1729, Янв. 20.

Великая Княжна *Наталія Алексѣевна* (Дочь царевича Алексѣя Петровича, сестра Государя Императора Петра II). Род. 12 Юля 1714 г.; сконч. 22 Ноября 1728 г.

6.

1730, Февр. 11.

Государь Императоръ *Петръ II*. Род. 12 Октября 1715 г.; сконч. 19 Января 1730 г.

7.

1731, въ Августѣ
О днѣ погребенія
не имѣется свѣдѣній.

Царица *Евдокія Теодоровна*, въ монашествѣ Елена (первая супруга Государя Императора Петра I). Род. 30 Юля 1669 г.; сконч. 27 Августа 1731 года.

8.

1731, Ноября 1.

Царевна *Парискева Иоанновна* (Дочь Царя Иоанна Алексѣевича, племянница Государя Императора Петра I). Род. 24 Сент. 1695 г.; сконч. 9 Окт. 1731 г.

же соборной Смоленской церкви. Гробница находится въ юговосточномъ углу храма, близь солей.

Въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ соборной церкви Вознесенія Господня. Гробница находится у сѣверной стѣны храма, подлѣ гробницы Царевны Татьяны Михайловны (см. ст. 2).

Въ Кремлѣ, въ Архангельскомъ Соборѣ. Гробница находится на лѣвой сторонѣ собора, у втораго отъ входа столпа, противъ раки св. Царевича Димитрія.

Въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ, въ соборной церкви Смоленской иконы Божіей Матери. Гробница расположена за первымъ отъ входа правымъ столпомъ, параллельно съ гробницей великой княжны Евдокіи Алексѣевны (см. ст. 3), и плотно примыкаетъ къ южной сторонѣ столпа.

Въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ соборной церкви Вознесенія Господня. Гробница находится въ юговосточной части храма, въ придѣлѣ „всѣхъ скорбящихъ Радости“, противъ царскихъ вратъ.

III.

Высочайшія Особы, погребенныя въ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, что въ г. Александровѣ Владимірской губерніи (бывшая Александровская Слобода).

Годъ мѣсяцъ и день погребенія.		Гдѣ именно находятся гробницы.
1707, въ Іюнѣ. О днѣ погребенія не отыскано даты.	<p style="text-align: center;">1.</p> <p>Царевна и великая княжна <i>Марѳа Алексѣевна</i>, въ монашествѣ Маргарита (сестра Государя Императора Петра I). Род. 26 Авг. 1652 г.; сконч. въ Александровской Слободѣ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, 19 Іюня 1707 г.</p>	<p style="text-align: center;">Гробница находится подъ церковью Срѣтенія Господня, въ монастырской усыпальницѣ.</p>
1713, О днѣ погребенія не отыскано даты.	<p style="text-align: center;">2.</p> <p>Царевна и великая княжна <i>Теодосія Алексѣевна</i> (сестра Государя Императора Петра I) Род. 28 Мая 1662 г.; сконч. 14 Дек. 1713 г.; въ Москвѣ. Погребена въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ Александровской Слободы согласно съ предсмертной Ея волей.</p>	<p>Гробница расположена тамъ же, рядомъ съ гробницею царевны Марѳы Алексѣевны.</p>

IV.

Высочайшія Особы, погребенныя за границей.

Годъ, мѣсяцъ и день погребенія.	1.	Гдѣ именно погребены.
1801, Марта 9.	<p>Великая княгиня <i>Александра Павловна</i> (Дочь Государя Императора Павла I, супруга эрцгерцога Австрійскаго, Палатина Венгерскаго Іосифа-Антонна). Род. 26 Іюля 1783 г.; сконч. 4 Марта 1801 г. въ Офенѣ. Сперва гробъ съ тѣломъ ея высочества временно поставленъ былъ въ загородномъ саду Палатина, гдѣ для сего была устроена, въ одномъ изъ зданій, походная православная церковь. Потомъ отнесенъ былъ на Капуцинское кладбище. Наконецъ въ 1803 г. 31 Августа, былъ перенесенъ въ православную надгробную церковь, нарочито сооруженную на кладбищѣ въ с. Иромѣ, загородномъ имѣніи Палатина.</p>	<p>Въ селеніи Иромѣ, близъ г. Офена (въ Венгріи), въ склепѣ надгробной русской церкви, находящейся на общемъ кладбищѣ означеннаго села.</p>
1803, Сент. 29.	<p>2.</p> <p>Великая княгиня <i>Елена Павловна</i> (Дочь Государя Императора Павла I, супруга Наслѣднаго принца Мекленбургскаго-Шверинскаго Фридриха-Людвига). Род. 13 Дек. 1784 г.;</p>	<p>Въ Людвигслюстѣ (въ Мекленбургѣ - Шверинскомъ герцогствѣ), въ велико-герцогскомъ паркѣ, въ мавзолеѣ, надъ которымъ находится православная Русская церковь.</p>

сконч. 17 Сент. 1803 г., въ Людвигслюстѣ, лѣтней велико-герцогской резиденціи. Сперва тѣло ея высочества временно поставлено было въ фамильномъ герцогскомъ склепѣ при Лютеранской церкви въ Людвигслюстѣ, а въ 1804 г. перенесено въ отдѣльный мавзолей, нарочито воздвигнутый въ велико-герцогскомъ паркѣ Людвигслюстскаго замка. Надъ мавзолеемъ устроена православная Русская церковь.

3.

1819, Янв. 2.

Королева Виртембергская *Екатерина Павловна* (дочь Государя Императора Павла I). Род. 10 Мая 1788 г.; сконч. 28 Дек. 1818 г. въ Штутгартѣ. Сперва тѣло ея временно поставлено было въ склепѣ Виртембергской королевской фамилии, въ Протестантской церкви, а въ 1824 году, Мая 24, перенесено въ православную надгробную церковь, построенную на горѣ Ротенбергѣ, близъ Штутгарта.

4.

1845, Февр. 14.

Великая княгиня *Елисавета Михайловна*. (Дочь Великаго князя Михаила Павловича, супруга владѣтельнаго герцога Нас-

Близъ Штутгарта, на Со-тенбергѣ, въ склепѣ подъ православною Русскою церковью.

Въ Висбаденѣ, въ склепѣ подъ православною Русскою церковью на Неробергѣ.

саусскаго Адольфа-Вильгельма - Карла - Августа). Род. 14 Мая 1826 г.; сконч. 16 Янв. 1845 г., въ Висбаденѣ. Тѣло ея высочества поконилось сначала въ городской Евангелической церкви. Во 1850 г., по случаю пожара въ ней, поставлено было въ Католической церкви, а въ 1855 году 13 Мая перенесено въ нарочито построенную православную надгробную церковь на Неробергѣ.

5.

1859, Юня 16.

Великая княгиня *Марія Павловна* (дочь Государя Императора Павла I, супруга герцога Саксенъ-Веймарскаго). Род. 4 Февраля 1786 г., сконч. 11 Юня 1859 г. Тѣло ея покоится на Веймарскомъ Протестанскомъ кладбищѣ, въ склепѣ великогерцогской капеллы. Въ 1862 г., рядомъ съ этой капеллой (стѣна къ стѣнѣ), устроена надъ гробомъ ея православная Русская церковь.

6.

1855, Марта 5.

Королева Нидерландская *Анна Павловна* (дочь Государя Императора Павла I). Род. 7 Января 1795 года, сконч. 17 Февраля 1865 года.

Въ Веймарѣ, на Протестанскомъ кладбищѣ, въ склепѣ великогерцогской капеллы, на которомъ бокъ-о-бокъ съ капеллой, возвышается и Русская надгробная церковь.

Въ г. Дельфтѣ, въ фамильномъ склепѣ Оранскаго царствующаго дома.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

комендантовъ С. Петербургской вѣрѣности, погребенныхъ у Петропавловскаго собора, составленный на основаніи существующихъ надмогильныхъ надписей.

		Годъ кончины и погребенія.
1.	Оберъ-коменданты: генераль-лейтенантъ Р. В. Брюсъ	1717.
2. генераль-маіоръ Г. Д. Есиповъ	1734.
3. генераль-лейтенантъ С. Л. Игнатьевъ	1747.
4. генераль-лейтенантъ, кн. Ѳ. В. Мещерскій . . .	1756.
5. генераль-маіоръ Н. И. Зиновьевъ	1773.
6.	Коменданты: генераль-лейтенантъ П. А. Сафоновъ	1814.
7. генераль отъ инфантеріи А. Я. Сукинъ	1837.
8. генераль-лейтенантъ М. К. Крыжановскій	1839.
9. генераль отъ инфантеріи И. Н. Скобелевъ	1849.
10. генераль-адъютантъ А. И. Набоковъ	1852.
11. инженеръ-генераль А. Ѳ. Сорокинъ	1869.
12. генераль отъ кавалеріи Н. Д. Корсаковъ	1876.
13. генераль - адъютантъ, баронъ Е. И. фонъ-Майдель	1881.

Примѣчаніе. Въ этомъ спискѣ поименованы лишь тѣ погребенные у Петропавловскаго собора коменданты, надъ могилами которыхъ имѣются памятники съ надписями.

3 Октября 1891 г.

У С Е Р Д І Е Н Е П О Р А З У М У .

(Эпизодъ изъ времени управленія Саратовскаго губернатора А. М. Фадѣева).

I.

Въ наше время картофель составляетъ едва ли не самый необходимый продуктъ въ сельскомъ обиходѣ, въ каждой семьѣ. Его можно видѣть и на столѣ богача, а особенно бѣднаго простолюдина. Между тѣмъ еще такъ недавно старовѣры гнушались имъ, какъ „богомерзскимъ зельемъ“, и считали большимъ грѣхомъ „вкушать“ его: ибо, по ихъ мнѣнію, картофель былъ дьявольскимъ произведеніемъ; „чертовымъ яйцомъ“, какъ они его называли.

Такое мнѣніе укрѣпилось среди нихъ потому, что продуктъ этотъ перешелъ къ намъ съ Запада, отъ „поганныхъ Нѣмцевъ“, которыхъ старообрядцы поповщинскаго толка не любятъ до сихъ поръ. Ненависть эта усиливалась еще тѣмъ, что первымъ хотѣлъ распространить картофель въ Россіи императоръ Петръ Великій, причинившій столько зла старообрядчеству наложеніемъ двойного штрафа за ношеніе бородъ и стариннаго Русскаго платья. Слѣдуя завѣтамъ Петра, и мудрая Екатерина II повторила такое распоряженіе, повелѣвъ указомъ 31 Мая 1765 года „повсемѣстно разводить сей родъ земляныхъ яблокъ, которыя и земляными грушами, а въ иныхъ мѣстахъ тартуфелями и картофелями называются“. Медицинской Коллегіей было составлено особое „Наставленіе о разведеніи сихъ яблокъ, потетесь именуемыхъ“. Однако, несмотря на старательныя понужденія со стороны мѣстныхъ властей, затѣя эта не привилась къ Русскимъ землепашцамъ. Рѣдкіе изъ простолюдиновъ центральныхъ областей занялись его посѣвомъ на своихъ огородахъ; а въ губерніяхъ Астраханской, Саратовской и Оренбургской, какъ рассказываютъ современники, даже въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія крестьяне не вѣдали о существованіи картофеля.

Снова возникла мысль о проведеніи въ крестьянскую жизнь такого мѣропріятія въ царствованіе императора Николая Павловича, ради якобы устраненія часто повторяющихся у насъ недородовъ: ибо, говорилось въ указѣ, „сей продуктъ можетъ замѣнить собою хлѣбъ“. Къ сожалѣнію, какъ обыкновенно водится у насъ, старались распространять затѣю эту циркулярами и предписаніями, нисколько не заботясь о томъ, доступно или нѣтъ пониманію неграмотнаго землепашца проектируемое въ области его сельскаго обихода нововведеніе, отчего предписанія эти, толково неразъясненныя, пораждали между властями и крестьянами недоразумѣнія, иногда оканчивавшіяся очень печально для послѣднихъ.

Согласно высочайшаго повелѣнія отъ 8 Августа 1840 года, сначала предполагалось производить посѣвъ картофеля въ тѣхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ имѣлись общественныя запашки, „отдѣливъ на сей предметъ нѣкоторое пространство земли въ каждомъ полѣ такъ, чтобы количество сбора картофеля выходило не болѣе полчетверти или одной осмины на душу“. Въ тѣхъ же поселеніяхъ, гдѣ общественныхъ запашекъ не производилось, было предписано засѣвать картофель при волостныхъ правленіяхъ, „хотя бы по одной десятинѣ, отдѣленной отъ земли, принадлежащей обществу“, подъ наблюденіемъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ, окружныхъ и волостныхъ начальниковъ, и „подъ надзоромъ свѣдущихъ людей или лицъ, знакомыхъ съ сею отраслью хозяйства“. Изданы были и разсланы на „счетъ суммъ общественнаго сбора“ наставленія, какъ и когда производить посадку и уборку картофеля и какъ сохранять оный.

Чтобы скорѣе достигнуть благихъ результатовъ, его величество приказалъ отнюдь не обременять крестьянъ какими либо новыми налогами и повинностями, повелѣвъ закупать картофель для посѣва „на счетъ продовольственнаго капитала, съ возвращеніемъ изъ суммъ, выручаемыхъ продажею излишковъ отъ урожая“; работниковъ для посѣва и уборки нанимать на средства капитала хозяйственнаго, а собранный урожай отдавать крестьянамъ на сѣмена „частію безденежно, съ обязательствомъ непременно посадить его“, или же продавать „дешевою цѣною, дабы распространить между ними различное его употребленіе“. Министру государственныхъ имуществъ было даже указано назначать за разведеніе этого продукта денежныя и другія почетныя награды и отличія, для чего было ассигновано по 25 тыс. руб. ежегодно, срокомъ на три года.

Кажется, все было ясно, толково и опредѣленно. Но власть имущіе, начиная съ министра, повернули царское распоряженіе каждый по своему.

Разсылая 20 Августа высочайшее повелѣніе по губерніямъ, т. е. Гамалѣй настойчиво требовалъ, чтобы „по возможности нынѣшнимъ же лѣтомъ“, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, приготовить земли подъ посѣвъ картофеля.

Какъ ни дико и неудобноисполнимо было такое требованіе, однако управляющій Саратовской Палатой Гос. Имуществовъ Халкіоповъ заставилъ окружныхъ начальниковъ, „не упуская осенняго времени, вспахать и удобрить по одной десятинѣ въ каждомъ селѣ, требуя, въ противность высочайшей волѣ, произвести „сію работу, какъ весьма незначительную, сообщая, преимущественно многорабочими семействами“.

Распоряженіе это было издано 15 Октября, т. е. въ такое время, когда въ сѣверной части губерніи наступали холода, земля застывала, и всковырять ее сохой представлялось трудомъ непомернымъ. Тѣмъ не менѣе нашелся одинъ изъ ретивыхъ исполнителей, окружной начальникъ Кузнецкаго уѣзда Симановскій, который не только заставилъ крестьянъ безъ всякой платы распахать почву глубокою осенью, но и удобрить ее въ теченіи зимы навозомъ (котораго потребовалось на десятину болѣе 200 возовъ) съ тѣмъ, чтобы „независимо осенней парки, перепахать ее еще весной два раза“.

Въ своемъ по этому поводу донесеніи онъ предлагалъ управляющему: „такъ какъ для засѣва одной десятины надобно не менѣе $3\frac{1}{2}$ четвертей картофеля, что, по цѣнѣ отъ 8 до 10 руб. четв., составитъ цифру внушительную, то, дабы не тратить на эту покупку высочайше указанныя суммы продовольственнаго капитала,—купить его на деньги, „поступающія на содержаніе мірскихъ оброчныхъ статей“...

Какъ ни странно однако, Халкіоповъ не только не отвергъ этого шедшаго въ разрѣзъ съ министерскимъ циркуляромъ предложенія, но указалъ и прочимъ окружнымъ начальникамъ Саратовской губерніи сдѣлать такое же распоряженіе.

Для этого былъ установленъ особый сборъ подъ благовидной кличкой „на общественныя надобности“, неодинаковаго впрочемъ размѣра. Такъ въ Петровскомъ уѣздѣ сборъ этотъ былъ назначенъ въ 7 коп. Сердобскій начальникъ Юматовъ установилъ его въ $9\frac{2}{7}$ коп., а Сластуженскій волостной управитель довелъ его до $18\frac{3}{7}$ коп. съ ревизской души.

Такія требованія поселянамъ оказались не подъ силу. Въ губерніи начались броженія, сначала глухо, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе стали раздаваться голоса, что предпріятіе это выдуманно властями съ цѣлію закабалить государственныхъ крестьянъ, дабы поставить ихъ въ одинаковыя условія съ крестьянами помѣщичьими. Слухамъ этимъ

вѣрили не только простолюдины, но и ихъ сельскіе управители. Ропотъ особенно усилился послѣ того, какъ съ наступленіемъ весны, подъ давленіемъ окружныхъ начальниковъ, волостные головы и сельскіе старосты стали выгонять крестьянъ на посѣвъ картофеля, „какъ на барщину“, принимая для того самыя крутыя мѣры. Народъ не выдержалъ, и въ трехъ уѣздахъ вспыхнули волненія.

Въ защиту своихъ правъ первыми выступили крестьяне сель Малой Сердобы, Стараго и Новаго Славкина и Саполчи, Малосердобинской волости, Петровскаго уѣзда *). Толчкомъ къ тому послужилъ кѣмъ-то пущенный слухъ о зачисленіи ихъ за помѣщиковъ, если они „изъявятъ готовность къ посадкѣ картофеля“. Самъ Малосердобинскій старшина Прохоровъ рассказывалъ своимъ односельцамъ, какъ сельскій засѣдатель Ивановъ говорилъ хозяйкѣ взъѣзжей квартиры Власовой, что „ежели Сердобинцы стануть сѣять картофель, то у нихъ заведутъ сахарный заводъ“, чего особенно боялись крестьяне, ибо устройство послѣдняго повело бы къ урѣзкѣ у нихъ доброй половины земельныхъ угодей, далеко и въ то время неудовлетворявшихъ въ полной мѣрѣ нужды сельскихъ жителей. Когда, въ первыхъ числахъ Марта 1841 года, въ село пріѣхалъ волостной голова съ требованіемъ начать приготовленія къ сѣву картофеля, Малосердобинцы встрѣтили его враждебно, „съ шумомъ упрекая волостное начальство въ обремененіи ихъ новыми и бесполезными повинностями“. Часъ отъ часу „упорство крестьянъ дѣлалось болѣе сильнымъ“. Не желая подвергать себя опасности, голова поспѣшилъ уѣхать въ Петровскъ, гдѣ заявилъ о случившемся окружному начальнику.

Тѣмъ временемъ крестьяне собрали сходъ и рѣшили стоять другъ за друга противъ распоряженій губернскихъ властей, предпринятыхъ, какъ они думали, безъ высочайшаго соизволенія, заставивъ помощника головы Страхова составить приговоръ „о злоупотребленіяхъ въ этомъ дѣлѣ волостного писаря“. Однако, когда на мѣсто событія прибыли окружной начальникъ и земскій исправникъ съ чинами полиціи, они смирились, прося дозволенія „пріобъкнуть“ и научиться новому для нихъ дѣлу.

Слѣдователи уѣхали, оставивъ на свободѣ двухъ указанныхъ волостнымъ старшиной зачинщиковъ: означеннаго Страхова и возвратившагося изъ ссылки крестьянина Ягунова.

Настраиваемые сими послѣдними Сердобинцы не приступили и сами къ работѣ и отказали дать, по требованію окружного управленія, платныхъ работниковъ для засѣва картофеля подъ наблюденіемъ при-

*) Изъ дѣла канцеляріи Саратов. губернатора 1841 г., № 709.

сланнаго Нѣмца-колониста. Соединившись 15 Апрѣля съ поселянами Новаго и Стараго Славкина, Саполги, Назимкина и Демкина, они отослали въ волость присланный окружнымъ начальникомъ приказъ о высылкѣ въ Петровскъ подводъ за сѣмяннымъ картофелемъ. Возбужденіе ихъ дошло до того, что даже прибывшій слѣдомъ за уѣздными властями управляющій палатою не могъ успокоить ихъ „мѣрами убѣжденій“. Они никакъ не соглашались разводиться этотъ „овощъ“, отзываясь неимѣніемъ у нихъ лишней земли и находя для себя болѣе выгоднымъ заниматься хлѣбопашествомъ. Хоть повѣсь насъ, хоть въ солдаты отдай, а мы не желаемъ „быть обращенными на барщину“.

Чтобы нѣсколько повліять на толпу, Халкіоповъ распорядился „выхватить изъ нихъ двухъ замѣченныхъ имъ буяновъ“ и посадилъ въ холодную. Это еще больше взбудоражило Сердобинцевъ. Всѣмъ селомъ окружили они его, настойчиво требуя освобожденія арестованныхъ. Если ужъ брать, то бери всѣхъ насъ! Управляющему ничего не оставалось дѣлать болѣе, какъ уѣхать изъ села.

Послѣ него такая же драма разыгралась въ Новомъ Славкинѣ, гдѣ собравшіеся на сходъ крестьяне хотѣли убить писаря за то, что онъ „слушается начальства“. Они отобрали у него печатныя наставленія къ разведенію картофеля и вмѣстѣ съ составленнымъ отставнымъ солдатомъ Федоровымъ приговоромъ отослали ихъ въ волость съ поясненіемъ: „такъ какъ картофель сѣять они не желаютъ, то и наставленія имъ не нужны“.

Вѣсть объ этомъ событіи всполошила въ Саратовѣ начальство. Халкіоповъ наговорилъ губернатору о „небываломъ“ въ Сердобинской волостѣ бунтѣ, донеся о томъ т. с. Гамалѣю. На мѣсто происшествія были командированы тотчасъ же два губернаторскихъ чиновника. Слѣдомъ за ними Фаддѣевъ распорядился выслать нѣсколько десятковъ солдатъ Саратовскаго внутренняго батальона, а потомъ батарею конно-артиллерійскаго резерва. Наконецъ, „для принятія рѣшительныхъ мѣръ“, самъ поѣхалъ туда.

„Бунтовщиковъ“ въ числѣ болѣе тысячи человекъ собрали въ Малую Сердобу, окруживъ вызванными изъ окрестныхъ селъ понятыми и прибывшими командами. Пригласили священника. Въ присутствіи жандармскаго офицера, Фаддѣевъ сначала хотѣлъ подѣйствовать на нихъ „средствами кроткаго убѣжденія и вразумленія“, но видя, что слова его „дѣйствуютъ весьма на немногихъ“, онъ, „на основаніи § общаго наказа губернаторамъ“, приказалъ взять „наиболѣе упорствовавшихъ и дерзкими словами поддерживавшихъ упорство въ толпѣ“, заковалъ ихъ въ кандалы и отправилъ въ Петровскъ „для преданія суду“, а прочихъ „болѣе упорствовавшихъ покориться волѣ начальства“...

„подвергнулъ полицейскому вразумленію“. Мѣра эта произвела желаемое дѣйствіе“. Послѣ „умѣренного наказанія нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ“, крестьяне пали на колѣни и молили о прощеніи, за исключеніемъ немногихъ“, оставшихся, по выраженію Фаддѣева, упорными по какому-то невѣжественному ожесточенію“.

„Бунтъ“ былъ подавленъ. Губернаторъ, повидимому, „остался доволенъ“ столь благопріятнымъ исходомъ. Но вдругъ, въ эту самую минуту, къ нему является изъ с. Саполги депутація, въ составѣ старосты, писаря и 20 выборныхъ, и проситъ его пр—во принять отъ нихъ обратно „Краткія наставленія къ разведенію картофеля“ какъ имъ теперь ненужныя. Фаддѣевъ сначала опѣшилъ отъ такой неожиданности, а потомъ, придя въ себя, всей силой своего гнѣва обрушился на темныхъ и загнанныхъ нуждою простолюдиновъ. „Всѣ эти люди, писалъ онъ 5 Января въ Сенатъ, тутъ же, на мѣстѣ, въ страхъ другимъ, подвергнуты исправительному наказанію розгами, а допустившія сей безпорядокъ должностныя лица заключены подъ стражу и отданы подъ судъ“.

Послѣ этого губернатору не составило большого труда укротить волненіе въ Новомъ и Старомъ Славкинѣ, гдѣ крестьяне „не проявили особеннаго упорства и утраченные рѣшимостью“ его дѣйствій „безъ особенныхъ мѣръ строгости принесли повинную“.

Установивъ такимъ образомъ „нарушенное“ спокойствіе, Фаддѣевъ донесъ о событіи министру внутреннихъ дѣлъ. Конечно, о случившемся было доложено Государю. Но ни министръ вн. дѣлъ, ни тайн. сов. Гамалѣй не потрудились раскрыть предъ Императоромъ истинную причину возникновенія безпорядковъ, умолчавъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ управляющаго Саратовской палатой Государственныхъ Имуществъ и Петровскаго окружнаго начальника. Виновными во всемъ были выставлены только крестьяне. И Николай Павловичъ, въ 9 день Іюня 1842 г., повелѣлъ примѣрно наказать ихъ: „годныхъ отдать въ рекруты, а неспособныхъ отправить на неопредѣленное время въ крѣпостную работу въ Бобруйскъ“.

Подъ предсѣдательствомъ губернскаго чиновника была назначена для разслѣдованія этого дѣла комиссія въ составѣ уѣзднаго стряпчаго съ окружнымъ начальникомъ и земскимъ исправникомъ. Она признала виновными 89 крестьянъ, изъ коихъ 49—заключила въ тюрьму.

Должно быть, изъ желанія выслужиться, Фаддѣевъ такъ торопильсь окончаніемъ слѣдствія, что многіе свидѣтели не были допрошены, другіе допрашивались огуломъ. Всѣ обвиненія были построены на доносахъ сельскихъ властей и по указаніямъ исправника и окружнаго

начальника, 12 Іюля дѣло поступило на разсмотрѣніе уѣзднаго суда, который черезъ 10 дней вынесъ такой приговоръ:

Старшину Прохорова съ пятидесятью Сердобинцами, 19-ть крестьянъ изъ Новаго и двоихъ изъ Стараго Славкина, по наказаніи плетью, сослать въ крѣпостныя работы въ г. Бобруйскъ. Саполгинскаго старосту съ четырьмя выборными и двухъ крестьянъ изъ Малой Сердобы, по учиненіи того же наказанія, отдать въ солдаты; шестеро были присуждены наказанію розгами; четверымъ вмѣнено долговременное тюремное заключеніе и понесенное ими при усмирении безпорядковъ тѣлесное посрамленіе.

Однако Саратовская Уголовная Палата нашла приговоръ такой слишкомъ суровымъ и обвинила лишь 19 участниковъ, изъ коихъ двое фигурировали въ дѣлѣ два раза подъ различными фамиліями. Когда же стали освобождать оправданныхъ, то, вмѣсто 28, оказалось содержащимися изъ числа ихъ въ тюрьмѣ только 19-ть, при чемъ обнаружилось, что главные виновные приговорены къ болѣе легкимъ наказаніямъ, а менѣе упорствовавшіе—къ тяжкимъ. Это обстоятельство вызвало со стороны губернатора пространное въ Сенатъ донесеніе, въ которомъ онъ обвинялъ Палату „въ отступленіи отъ законнаго порядка, что она увлеклась духомъ исключительной склонности на сторону ослушавшихся крестьянъ, усиливаясь только найти окружныхъ начальниковъ виновными“. Палата въ свою очередь принесла жалобу на губернатора. Дѣло въ безплодныхъ пререканіяхъ тянулось почти три года; а обвиняемые все сидѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи своей участи. Лишь въ началѣ 1844 г. Сенатъ сжалился надъ ними и, вмѣнивъ имъ долгое содержаніе подъ стражей, только троихъ предписалъ наказать плетью, не находя въ поступкахъ остальныхъ осужденныхъ не только бунтовщическихъ дѣйствій, но даже простого ослушанія начальству¹⁾.

II.

Въ то суровое время крѣпостнаго права, конечно, трудно было ожидать милостиваго отношенія власть имущихъ къ низшему сословію. Но всетаки можно было предполагать, что, подъ управленіемъ такого губернатора, какъ Фаддѣевъ, который считался однимъ изъ гуманныхъ и образованныхъ людей своего времени²⁾, мѣстное начальство будетъ

¹⁾ Изъ указа Сената Сарат. Угол. Палатѣ 8 Іюня.

²⁾ Послѣ него остались интересныя записки о состояніи Саратовской губерніи, часть коихъ напечатана, а остальные хранятся въ рукопис. отдѣлѣ Саратовс. Учен. архив. Коммиссіи. П. Ю. Обширныя „Воспоминанія Андрея Михайловича Фаддѣева“, прибрѣтенныя отъ его дочери, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 года. П. Б.

болѣе справедливымъ къ нуждамъ и тягостямъ сельскаго населенія. Если бы тамошнія власти хоть разъ потрудились заглянуть въ покорную и любвеобильную душу Русскаго поселенина, понимали бы его языкъ и были бы настроены благою мыслью помогать ему въ несчастіи, чтобы улучшить его незавидное положеніе, то можно сказать съ полной увѣренностью, что картофельныя волненія не могли бы имѣть мѣста въ Саратовской губерніи и особенно въ Сѣверной части ея, населенной преимущественно тихими и мирными племенами Мордвы Чувашь и изрѣдка Татаръ. Скорѣе они должны были произойти въ Южной и Восточной частяхъ, ближайшихъ къ Волгѣ и пристаннымъ поселеніямъ, гдѣ еще не выдохся строптивый духъ прежней Волжской вольницы.

Какъ указано выше, возникновенію безпорядковъ болѣе всего способствовали мѣстныя власти. Изъ подлага желанія выслужиться, самую печальную роль сыграли въ этомъ дѣлѣ окружные начальники, въ большинствѣ случаевъ люди мало образованные и плохо развитые, которые не понимали и сами истинной цѣли проэктированной правительствомъ мѣры, почему предъявляли и къ крестьянамъ такія требованія, которыя расходились и съ здравой логикой, и съ текстомъ изданнаго повелѣнія. На ряду съ ними, желая добиться отличій, усердствовали не въ мѣру волостные правители, которые какъ бы нарочно отдавали такія приказанія, одно другому противорѣчивыя, какія вводили поселянъ въ недоумѣніе.

Почти во всѣхъ селеніяхъ Кузнецкаго уѣзда картофель воздѣлывался въ небольшомъ количествѣ и ранѣе. Объ этомъ знали и окружной начальникъ Симановскій, и управляющій государственными крестьянами Халкіоповъ. Однако не смотря на указаніе высочайшаго повелѣнія разводить его только въ мѣстностяхъ, „незнакомыхъ съ сею отраслью хозяйства“, правители эти заставили и крестьянъ послѣдняго уѣзда дѣлать общественныя поды картофель запашки „собственнымъ трудомъ“. Пять волостей исполнили это распоряженіе, но Мордвинны с. Новой и дер. Старой Экзарки Наскафтимской волости потребовали отъ волостного старшины Иванова показать имъ „царскій указъ“, правда ли обязаны они производить такую работу? Голова не нашелся, что отвѣтить, такъ какъ указъ гласилъ противное и, какъ ни странно, настроилъ Симановскому доносъ, что крестьяне не платятъ податей и отказываются засыпать хлѣбъ въ запасныя магазины. Послѣдній, не убѣдившись лично въ разсказанномъ, поспѣшилъ послать жалобу въ уѣздный судъ, „прося принятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для

прекращенія безпорядковъ съ преданіемъ виновныхъ строгому сужденію по законамъ *).

Въ Новую Экзарку прибыли земскій исправникъ съ приставомъ 1-го стана и уѣздный стряпчій. На другой день, 20 Мая, они собрали жителей обѣихъ деревень и прочитали имъ предписаніе управляющаго Палатой Госуд. Имуществъ „на счетъ разведенія картофеля“, умолчавъ, однако, объ указанныхъ въ высочайшемъ повелѣніи мѣрахъ для облегченія крестьянскаго положенія и о тѣхъ средствахъ, какія на то были ассигнованы.

„Зря только будемъ землю портить“ смиренно отвѣчали Экзарцы, потому послѣ картофеля хлѣбъ не родится. А мы его и безъ того сѣмъ на своихъ огородахъ и впредъ того желаемъ“.

Кажется, въ такомъ отвѣтѣ не было ничего преступнаго или дерзкаго. Однако онъ показался исправнику особенно задирательнымъ. Не долго размышляя, онъ потребовалъ отъ начальника Кузнецкой инвалидной команды присылки унт.-офицера съ 12 рядовыми. Къ счастью, на ту пору въ командѣ „не нашлось, за расходомъ, людей“; а то Богъ знаетъ, что могъ натворить этотъ не въ мѣру усердствовавшій полицейскій чинъ.

Пылъ его охладилъ губернаторъ, сдѣлавъ замѣчаніе въ неумѣстности подобнаго требованія „безъ увѣдомленія губернскаго начальства въ его необходимости“. Фадѣевъ совѣтовалъ исправнику стараться, при содѣйствіи окружнаго начальника, привести крестьянъ въ послушаніе путемъ внушенія имъ выгодъ и пользы отъ предложенной мѣры, „съ предупрежденіемъ, что всякое съ ихъ стороны упорство немедленно будетъ подвергнуто строжайшему наказанію“.—Да съ такими ослушниками, безъ воинской команды, ничего сдѣлать нельзя, оправдывался представитель земской полиціи.

Поэтому изъ Саратовской станицы было выслано 25 конныхъ казаковъ. Приѣхалъ жандармскій штабъ-офицеръ. Для успѣшности умиротворенія пригласили изъ Кузнецка „ученаго проповѣдника“, протоіерея Покровскаго собора, магистра богословія Евфимія Дьяконова.

Казаки прибыли въ Новую Экзарку въ 5 час. дня 18 Іюня. Къ этому времени собрали туда 300 крестьянъ изъ обоихъ селеній. Начальство стало вразумлять ихъ „съ должнымъ увѣщаніемъ“. Они остались непреклонны, „явно обнаруживая духъ неповиновенія“. Тогда исправникъ распорядился заковать въ кандалы 18 указанныхъ волостнымъ головою зачинщиковъ. Но и это мало помогло дѣлу. Напрасно, въ продолженіи всей ночи, съ 18 на 19-е число, о. протоіерей „входилъ

*) Изъ архива Саратовскаго Окружнаго Суда 1841 г. № 1420.

въ толпу народа, почти приходившаго уже въ ожесточеніе, убѣждалъ ослушниковъ силою Слова Божія обратиться на путь истины и правды и со слезами умолялъ заблудшихъ прійти въ раскаяніе“. Крестьяне въ одномъ и томъ же „расположеніи“ встрѣтили слѣдующій день и въ томъ же духѣ дождались его окончанія, „обнаруживъ среди этого дня еще больше свое заблужденіе и впадая постепенно, но быстро въ бѣльшее озлобленіе“.

Когда же на слѣдующее утро сотскіе стали вызывать изъ нихъ по одному для допроса въ присутствіе временнаго земскаго суда, находившагося въ сажняхъ 60-ти отъ мѣста сборища, Экзарцы „всей толпой бросились въ противоположную сторону и побѣжали изъ села въ лѣсъ. Ни сотскіе, ни понятые, ни казаки не могли задержать бѣгущихъ. Посланный въ догонку становой приставъ Миртовскій только къ вечеру съ большимъ трудомъ собралъ 200 человекъ. Но и эти по прежнему отвѣчали упорствомъ, даже послѣ учиненнаго имъ полицейскаго внушенія. Мы до тѣхъ поръ не пойдемъ въ судъ, пока не соберутся всѣ домохозяева“.

Настало утро 20-го Іюня. Утомленные двумя бессонными ночами и голоднымъ стояніемъ въ теченіи двухъ сутокъ, 122 крестьянина изъ Новой Экзарки (за исключеніемъ 23-хъ „оставшихся въ заблужденіи“) тронутые убѣжденіями о. Дьяконова, наконецъ принесли повинную и, въ присутствіи жандармскаго офицера, дали исправнику подписку „навсегда повиноваться правительству, надъ ними поставленному, обязавшись сѣять картофель безъ всякихъ прекословіи и толковъ“. По этому случаю, о. магистръ отслужилъ благодарственный молебенъ съ водосвятиемъ и произнесъ раскаявшимся назидательное слово.

На другой день власти поѣхали въ Старую Экзарку, жители которой „не оказывали ни малѣйшаго признака къ повиновенію“. Сбитые по срединѣ деревни въ кучу, они упорно отмалчивались на всѣ уговоры начальства и о. протоіерея, „съ тою же теплою сердца и вѣры умолявшаго ихъ раскаяться во грѣхѣ своемъ. Увѣщаніе продолжалось съ утра до поздняго вечера, утомило и пуще озлобило крестьянъ. „Не насъ смиряйте, батюшка, а вонъ тѣхъ... отъ Свящ. Писанія, замѣтили о. Дьяконову крестьяне Ивановъ, Николаевъ, Павловъ и Яковлевъ. „явно обнаружившіе при томъ дерзость свою, съ самымъ буйствомъ соединенную“. Исправникъ велѣлъ схватить ихъ. Но вся толпа, какъ одинъ человекъ, бросилась изъ деревни вонъ и скрылась въ ближайшемъ лѣсу. Полицейскіе съ казаками едва могли разыскать первыхъ трехъ „грубіановъ“, а послѣдній пропалъ безслѣдно, точно въ воду канулъ; его не нашли ни во время производства слѣдствія, ни даже послѣ рѣшенія дѣла въ Уголовной Палатѣ.

Видя, что имъ не справиться съ бунтовщиками, власти просили помощи губернатора, который въ это время находился въ г. Петровскѣ. Фадѣевъ не замедлилъ прискакать на мѣсто происшествія, чтобы показать свою силу и власть. 22 Іюня будетъ навсегда памятно Экзарцамъ отъ его усмиренія. Въ деревнѣ не осталось ни одного дома, въ которомъ главу семьи миновала бы нещадная порка розгами. Конечно, крестьяне смирились. Но этого мало: чтобы отбить у нихъ на будущее время всякую охоту къ волненіямъ, помимо преданія суду 12-тъ намѣченныхъ главарей¹⁾, губернаторъ распорядился расквартировать въ этомъ селеніи на „экзакуціонномъ правѣ“²⁾ третью конно-артиллерійскую батарею въ полномъ составѣ.

Произведя съ успѣхомъ расправу здѣсь, губернаторъ отправился въ сосѣднюю Татарскую деревушку Усть-Узы, Петровскаго уѣзда, гдѣ, по донесенію Кузнецкаго исправника, „корень и начало всѣхъ волненій“, распространившихся по губерніи³⁾, хотя въ дѣйствительности ничего подобнаго по слѣдствію не открылось. Весь „учиненный“ Татарами безпорядокъ состоялъ въ томъ, что зимою 1840 г. они посылали въ Саратовъ двухъ ходаковъ просить объ отмѣнѣ „картофельной“ повинности. Возвратились они оттуда ни съ чѣмъ, такъ какъ не подали просьбы. Но о томъ провѣдалъ Захаркинскій голова Синельщиковъ, пріѣхавъ въ деревню и ставъ требовать отъ старосты Анбекова уплаты государственныхъ повинностей за первую половину 1841 г. изъ денегъ, полученныхъ обществомъ за сданные въ аренду сѣнные покосы, 80 рублей. Мы отдать ихъ не можемъ, сказалъ староста, потому что изъ нихъ 50 руб. израсходовали на поѣздку въ Саратовъ уполномоченныхъ.

Старшина началъ браниться. Дальше-больше. Поднялась перебранка; за старосту вступился одинъ изъ ходаковъ Алтовъ и „обругалъ“ голову. Тотъ почелъ себя обиженнымъ и принесъ окружному начальнику жалобу; а послѣдній, не провѣривъ случая, настроилъ губернатору доносъ, прося высылки „войска“ для усмиренія бунтовщиковъ. Фадѣевъ повѣрилъ доносу и, несмотря на полную невиновность Татаръ, примѣнилъ и къ нимъ „мѣры полицейскаго воздѣйствія“, приказавъ отдать подъ судъ не только старосту и обѣихъ ходаковъ, но и возившаго

1) По рѣшенію Саратов. Палаты Уголов. Суда, 29 Ноября 1841 г. одинъ изъ обвиняемыхъ былъ присужденъ на годъ въ крѣпостн. работы, трое къ наказанію 30 ударовъ розогъ при волости; прочимъ вмѣнено исправительное губернаторское наказаніе.

2) „Экзакуція“ представляла собой особый видъ натуральной повинности, по которой виновная деревня должна была поставлять бесплатно разставленной въ ней командѣ кормовое довольствіе какъ для людей, такъ и для лошадей, помимо отвода квартиръ.

3) Изъ дѣла Саратов. палаты Угол. Суда 1841 г., № 1355.

ихъ подводчика, „яко главныхъ подстрекателей къ учиненію волненія“. Къ несчастію, мулла далъ неблагопріятный отзывъ о нихъ, и уѣздный судъ приговорилъ сослать въ крѣпостныя работы: старосту, „во уваженіе его преклонныхъ лѣтъ“, безъ наказанія, на полгода; остальныхъ, по наказаніи плетьюми, на годъ cadaго. Однако Сенать отмѣнилъ это рѣшеніе, предписавъ выдержать ихъ только три мѣсяца въ тюрьмѣ.

III.

Особенную настойчивость для обвиненія крестьянъ проявилъ Фадѣевъ въ двухъ судебныхъ процессахъ, возникшихъ изъ-за безпорядковъ въ Сластужинской волости, Сердобскаго уѣзда и въ волости Козловской, Петровскаго уѣзда.

Первый случай открылся вслѣдствіе того, что окружный начальникъ Юматовъ предъявилъ къ крестьянамъ требованіе о посѣвѣ картофеля не на общественной землѣ, а на душевыхъ надѣлахъ, увеличивъ съ нихъ сборъ на „мірскія надобности“ до $18\frac{3}{7}$ коп. сереб. съ души. Предписаніе его было получено въ Сластужинской волостной конторѣ 29 Мая 1841 г., но писарь Козловъ помѣтилъ приказъ о сборѣ этихъ денегъ 28 числомъ. Крестьяне заподозрили тутъ неладное. Обвиняя волостныхъ заправиль въ вымогательствахъ и притѣсненіи, на сходѣ 10 Іюня они до полусмерти избии писаря и нанесли побой старшинѣ, старостѣ и сборщику податей. Выбрали новаго старосту Тайкова, забрали изъ шкафа сельской расправы всѣ общественныя бумаги и, заперевъ послѣдній своимъ замкомъ, велѣли отставному ун.-офицеру Фодотову переписать всѣхъ, „дабы никто не могъ отказаться отъ участія въ семъ поступкѣ“.

По донесенію о томъ головы Давыдова, въ село пріѣхалъ земскій исправникъ. Крестьяне подали ему записку о лихоимствѣ писаря. Но тотъ, не провѣривъ жалобы, сталъ застрашивать ихъ разными карами за ослушаніе начальству. Бакурцы стояли на своемъ „дѣлая неповиновенія и грубости“. По словамъ Фадѣева, они будто бы выкрикивали: „насъ хотять отдать Хивинскому хану (?!), а мы желаемъ быть въ управленіи начальства по прежнему“...*)

Къ нимъ присоединились общества села Камаровки и дер. Панкратовки и Кручи, также отказавшіяся платить противозаконный сборъ и разводить картофель. Конечно, надъ всѣми ими было произведено „усмирненіе“ по принятой губернаторомъ системѣ. И хотя они „при дѣланіи имъ внушеній, убѣдились въ своихъ ошибкахъ и принесли

*) Въ донесеніи министру вн. д. 29 Августа 1841 г.

раскаяніе, обѣщая на будущее время всѣ распоряженія начальства исполнять безъ малѣйшаго сопротивленія“, однако Фадѣевъ предалъ суду всѣхъ 439 жителей четырехъ селеній: однихъ, въ числѣ 11 человекъ, какъ главныхъ зачинщиковъ, а прочихъ, „какъ участниковъ бунта“. Но даже уѣздный судъ, вполне подчинившійся губернатору, не нашелъ въ ихъ дѣяніяхъ „увеличивающихъ вину обстоятельствъ“ и присудилъ только одного Тайкова къ наказанію плетми съ отдачею въ солдаты. Съ такимъ постановленіемъ Фадѣевъ не согласился, поручивъ приставу 3-й г. Саратова части Гришину дополнить слѣдствіе. Но и сей послѣдній не излекъ ничего выдающагося. Пришлось представить дѣло въ Сенатъ незаконченнымъ. Вслѣдствіе этого вся переписка была передана на заключеніе министра юстиціи, который призналъ виновниками возмущенія не крестьянъ, а ихъ ближайшихъ начальниковъ. 21 Іюня 1842 г. Сенатъ написалъ управляющему Саратовской Палаты Государственныхъ Имуществъ, прося его дать объясненія, „на какомъ правѣ былъ установленъ окр. нач. Юматовымъ сборъ и были ли составлены крестьянами раскладки его, „безъ чего никакія взысканія съ нихъ не допускались“; когда и гдѣ объявлено имъ высочайшее повелѣніе о разведеніи картофеля, о какихъ „табеляхъ“ толковалъ Бакурцамъ кантонистъ Ивановъ и „въ чемъ заключалось причиненное имъ въ умахъ крестьянъ расстройство“, такъ какъ составленный ун.-оф. Федотовымъ списокъ „не указывалъ на какое либо опредѣленное постановленіе схода“.

По этому случаю Уголовной Палатой были подвергнуты допросу Юматовъ съ письмоводителемъ Ивашенковымъ и голова Давыдовъ съ писаремъ Козловымъ. Но они не дали никакихъ опредѣленныхъ указаній. Вступившійся за нихъ Халкіоповъ оправдывался тѣмъ, что сборъ на мірскія надобности существовалъ и ранѣе, и крестьяне „добровольно“ вносили его въ казначейство. „Къ посѣву же картофеля на душевыхъ надѣлахъ ихъ никто не понуждалъ“.

Переписка тянулась еще два года, переходя отъ министра государст. имуществъ къ министру юстиціи, а отсюда въ Сенатъ. Послѣдній указомъ 22 Іюля 1844 г. предписалъ „обвиненіе крестьянъ въ неповиновеніи властямъ считать недоказаннымъ“, признавъ виновными голову Давыдова и писаря Козлова, а потому ихъ велѣно смѣнить „и впредь ни на какія должности не назначать“ *).

*) Изъ крестьянъ приговорены: Тайковъ, за присвоенное ему званіе къ 30 уд. плетей съ отдачей въ солдаты, четверо—къ 25 удар. съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства, а остальнымъ 8 виновнымъ съ старостой дер. Павкратовки назначено по 40 розогъ; сотскихъ и десятскихъ „за слабое смотрѣніе“, велѣно выдержать три мѣсяца въ тюрьмѣ.

товъ, по этому указу, хотя былъ оставленъ безъ преслѣдованія, „за силою манифеста 10 Апрѣля 1841 года“, но еще за долго до рѣшенія дѣла, т. с. Гамалѣй приказалъ уволить его вмѣстѣ съ письмоводителемъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Этими распоряженіями былъ нанесенъ первый ударъ домогательствамъ Саратовскаго губернатора, почему-то всеми мѣрами старавшагося обѣлить крестьянскихъ начальниковъ. Во второмъ процессѣ, хотя тоже точно устанавливались слѣдствіемъ „сребростяжанія“ Козловскаго головы Епифанова и писаря Крупнова, но и тутъ Фадѣевъ пытался выгородить ихъ, сваливая вину на подвѣдомственныхъ имъ поселянъ. Дѣло было такъ.

Получивъ предписаніе объ отводѣ земли подъ посѣвъ картофеля и зная нерасположеніе къ этому мѣропріятію крестьянъ, Крупновъ смекнулъ, что тутъ можно поживиться. Вмѣсто того, чтобы отвести землю поблизости волостного правленія, онъ научилъ присланнаго отъ окружнаго начальника „спеціалиста по разведенію картофеля“, Нѣмца-колонииста „облюбовать“ ее около самыхъ крестьянскихъ гуменъ с. Камаевки. „Великимъ постомъ“ 1841 г. старшина объявилъ объ этомъ выборѣ сотнику, приказавъ поставить караулъ къ отведенному участку. Камаевцы взвыли.

— Теперъ ни намъ, ни скоту выхода нѣтъ!

— Надо подарить писаря, рѣшили старики. Собрали 3 р. 75 к. и поднесли ему съ старшиной.

— Ну, ладно! може дѣло замнется, промолвилъ Епифановъ.

— Только вамъ надо подать бумагу, добавилъ писарь.

Покорные велѣніямъ своихъ наибольшихъ, Камаевцы отправили въ Козловку старосту Иванова, сотскаго и писаря, которыхъ Крупновъ заставилъ написать „отзывъ“ о нежеланіи сѣять картофель, хотя общество и не думало отказываться отъ этой повинности.

Настала пора сѣва. Стали искать облюбованную десятину. Оказалось, крестьяне распахали ее и засѣяли хлѣбомъ. Конечно о пропажѣ пришлось донести. Изъ Саратова было предписано земскому суду арестовать старосту Иванова и сотника Егорова. Но когда полицейскій разсыльный прибылъ въ село, собравшіеся на сходѣ Камаевцы отказали выдать ихъ.—Берите всѣхъ насъ, отвѣтили они.

Такой поступокъ былъ признанъ за ослушаніе, за бунтъ. 10 Мая пріѣхали власти. Старосту и сотскаго посадили въ острогъ. По требованію Фадѣева, были привлечены къ уголовной отвѣтственности всѣ Камаевцы и участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ Старочардымскіе жители, въ числѣ 60 человекъ. Уѣздный судъ, однако, поступилъ съ ними и на этотъ разъ (15 Юля) справедливо, приговоривъ къ болѣе строгому

наказанію „управителей крестьянских“*), чѣмъ опять вызвалъ протестъ со стороны губернатора.

Когда дѣло перешло въ Уголовную Палату, Фадѣевъ напомнилъ ей (отношеніемъ отъ 20 Іюля того же 1841 г.), что „по всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ касательно принятыхъ къ прекращенію возникшихъ между поселянами Кузнецкаго и Сердобскаго округовъ безпорядковъ, Государь Императоръ въ 30 день Іюня повелѣтъ соизволилъ: „силу и дѣйствіе послѣдовавшей 9 Іюня высочайшей воли касательно наказанія виновныхъ въ слушаніи по Петровскому округу распространить и на другія мѣста“.

Палата не вняла этому предупрежденію и значительно смягчила приговоръ уѣзднаго суда. Это очень сильно озадачило Фадѣева. Опять началась длинная процедура возраженій, отписокъ и разъясненій, благодаря чему дѣло протянулось 3½ года, а виновные томились въ неизвѣстности о своей участи. Сенатъ не удовлетворилъ настоянія губернатора. Указомъ 31 Января 1845 г. старшину и старосту велѣно было наказать 50-ю розгами, писаря и сотника—по 40 удар., пятерыхъ крестьянъ къ 30 розгамъ, двоихъ выдержать въ тюрьмѣ отъ 2 недѣль до 2 мѣсяцевъ; остальные были оправданы.

*

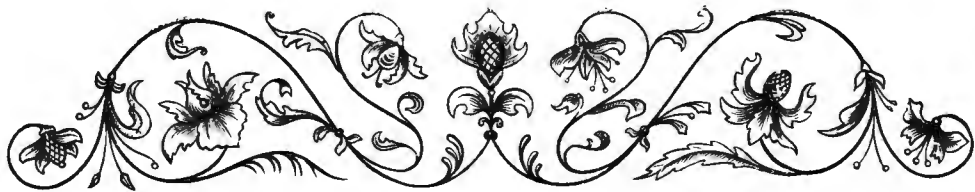
Такъ кончилась эта затѣя правительства, не принеся существенной пользы крестьянству. За то она послужила къ обогащенію тѣхъ, кто вѣдалъ этимъ дѣломъ. Какъ рассказываютъ старожилы, управляющій Саратовской палатой Халкіоповъ, не имѣвшій ранѣе никакого имущества ни за собой, ни за женой, оставилъ своимъ наследникамъ богатое имѣніе близъ Саратова.

Разведеніе картофеля, какъ хлѣбнаго суррогата, стало распространяться среди Русскихъ поселянъ Саратовской губерніи только по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, когда, сдѣлавшись свободными землепашцами, они, по необходимости, за малоземельемъ земли, принуждены были заботиться о развитіи своего немудраго хозяйства.

П. Юдинъ.

*) Старшина Епифановъ, писарь Крупновъ, староста Ивановъ и сотскій Егоровъ были присуждены къ отдачѣ въ солдаты, послѣ наказанія плетьюми; 26 Чардымскихъ и 21 Камаевскихъ крестьянъ наказаны плетьюми безъ ссылки; 13-ть, какъ не бывшіе на сходѣ во время требованія земскимъ судомъ старосты и сотскаго, оправданы.

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА*).

Секретная записка о тайныхъ обществахъ въ Восточной Румелии.

Филиппополь.

Казни, ссылки и аресты образованныхъ Болгарь въ 1876 г. и во все время войны почти уничтожили развитой классъ въ Южной Болгаріи, заставивъ спастись бѣгствомъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ преслѣдованій Турецкаго правительства. Лишь съ вступленіемъ Русскихъ войскъ въ Забалканскую Болгарію стали собираться образованные Болгаре, и большая часть получила мѣста въ гражданскомъ управленіи. Лица эти были разбросаны, жизни общественной Болгарской не было, и о какихъ либо обществахъ или комитетахъ не было и рѣчи.

Собраніе Берлинскаго Конгресса и первыя извѣстія о раздробленіи Болгаріи вызвали опасеніе и волненіе среди образованныхъ Болгарь. Зашла рѣчь о посылкѣ депутатовъ, о протестахъ, объ агитаціи противъ предполагаемыхъ рѣшеній Конгресса. Но такъ какъ народнаго собранія не существовало и законныхъ представителей у Болгарь не было, то явилась потребность сгруппироваться хотя частнымъ образомъ, узнать желанія народа и направить ихъ цѣлесообразно. Для этого, впервые въ Филиппополѣ, а потомъ во всѣхъ окружныхъ городахъ, образовались *благодѣлительныя дружества*.

Первоначальная цѣль этихъ дружествъ была собирать деньги и оказывать помощь тысячамъ вдовъ, сиротъ и разоренныхъ семействъ, оставшихся безъ крова и хлѣба. вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалась и нравственная связь между разными округами. Политическихъ и тайныхъ цѣлей общество не имѣло; главными дѣятелями его въ Филипполѣ были лица, выказавшія потомъ свои консервативныя убѣжденія, какъ-то гг. Начовичъ, бывший редакторъ „Марицы“ (а нынѣ предсѣдатель административнаго совѣта въ Софіи), Тодоръ Икономовъ (нынѣ префектъ въ Сливнѣ), Дмитрій Храновъ (нынѣ драгоманъ Генеральнаго Консульства въ Филиппополѣ).

Вскорѣ по прибытіи международной организаціонной комиссіи въ Филиппополь собрались представители окружныхъ отдѣловъ благотвори-

*) См. выше, стр. 114.

рительныхъ обществъ. Они старались выяснитъ себѣ положеніе дѣлъ и условиться, какъ дѣйствовать на пользу страны; въ то время направленіе трудовъ комиссіи было еще не выяснено: вступленіе Турецкихъ войскъ считалось неминуемымъ. Представители отдѣловъ, передъ тѣмъ, чтобъ разойтись, составили *центральное настоятельство*, которое должно было сообщать имъ точныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, вступать въ сношеніе съ членами комиссіи и указывать отдѣламъ образъ дѣйствія. Предсѣдателемъ этого центрального настоятельства былъ священникъ Тиліевъ, такъ называемый Хаджи-Попъ, изъ Татаръ Базарджика, а главными дѣятелями г.г. Величковъ (тоже изъ Татаръ Базарджика), Люцкановъ (изъ Сѣверной Болгаріи), братья Кесяковы (изъ Филиппополя) и архимандритъ Меѳодій (изъ Македоніи).

Обязанность центрального настоятельства была *исключительно наблюдательная*. Но вскорѣ, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ лицъ, принадлежащихъ къ крайней партіи, а также г-на Цанкова, бывшаго въ то время Тырновскимъ вице-губернаторомъ и командированнаго въ Филиппополь, дѣятельность центрального настоятельства совершенно измѣнилась. Выработавъ новый уставъ, оно обратилось въ политическое *общество единства*, и члены обязались клятвою сохранять тайну своей дѣятельности.

Задачею новаго общества *единства* было поставлено объединеніе Болгаріи, Фракіи и Македоніи, и для выполненія ея—агитація и сборъ денегъ. Комитетъ вступилъ въ связи съ подобными обществами въ Тырновѣ и въ Софіи и притянулъ къ себѣ постепенно все окружные отдѣлы первоначальнаго *благотворительнаго дружества*, ставшіе такимъ образомъ отдѣлами тайнаго общества *единства*. Впрочемъ Филиппопольскій Центральный Комитетъ лишь отчасти выказывалъ свои цѣли отдѣламъ и старался пользоваться отдѣлами какъ своими слѣпными орудіями. Чтобы успѣшнѣе распространять свои мысли и пріобрѣсти вліяніе, комитетъ дѣйствовалъ то именемъ экзарха, то именемъ Русскихъ властей, объясняя, что онъ не только пользуется содѣйствіемъ администраціи, но и покровительствомъ Императорскаго правительства; простой народъ, поселяне, вводимые въ заблужденіе разными слухами, поддавались постепенно безнаказанной дѣятельности Комитета, который оказывалъ свое содѣйствіе вербовкѣ охотниковъ въ Македонскія четы; въ Декабрѣ мѣсяцѣ вербовка производилась въ самыхъ окрестностяхъ Филиппополя. Комитетъ не стѣснялся выборомъ средствъ для сбора денегъ. Лица были обложены весьма значительнымъ сборомъ, согласно рѣшенію комитета и отдѣловъ; для полученія предъявлялись требованія безъ подписи, но съ печатью общества *единства*. Требования эти были слѣдующаго содержанія: „Г-ну..... васъ просятъ выдать столько-то

Дружеству Единства, имѣющему цѣлью дѣйствовать для соединенія Болгаріи“. Въ случаѣ нежеланія уплатить (а такіе случаи бывали нерѣдко) пускались въ ходъ угрозы и насилія. Офицеры милиціи получали приказанія содѣйствовать сборамъ; въ Казанлыкъ были арестованы отказавшіеся платить. Кромѣ того, заявлялось, что лица противодѣйствующія комитету записаны и будутъ казнены, когда онъ станетъ временнымъ правительствомъ.

Разсчитывая напугать своихъ противниковъ, комитетъ ошибся однако въ расчетахъ. Чѣмъ энергичнѣе становилась его дѣятельность, тѣмъ яснѣе выказывалось, въ какія руки попало народное дѣло. Вліятельные Болгаре, какъ то Груевы, Гешовы, Кабашиковъ, Чомаковъ, Вулковичъ и другіе, сочувствовавшіе вообще народному движенію, но отнюдь не радикальному его направленію, обратились къ экзарху, чтобы онъ своимъ вліаніемъ остановилъ комитетъ, увлекающій народъ по столь опасному пуги. Русское Генеральное Консульство не переставало, съ своей стороны, убѣждать его блаженство содѣйствовать успокоенію края. Экзархъ согласился; но, видя, что комитетъ совершенно уклонился отъ его видовъ, рѣшилъ собрать представителей отъ округовъ, т. е. тѣхъ, которыми было выбрано первоначальное центральное настоятельство, обратившееся въ центральный комитетъ.

Совершенно отдѣльно отъ *блготворительныхъ дружествъ* и *общества единства* образовались въ концѣ минувшаго года тоже по всеѣмъ округамъ гимнастическія общества подъ именемъ *Орель*. Они должны были пріучить народъ владѣть оружіемъ и поднять въ немъ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Политическаго характера они не имѣли, и даже была рѣчь пригласить иностранныхъ агентовъ участвовать въ обществѣ. При первыхъ попыткахъ придать гимнастическимъ обществамъ политической характеръ, наши власти угрожали совершенно закрыть ихъ, и въ этомъ смыслѣ былъ отданъ приказъ генералъ-губернаторомъ. Однако это не остановило дѣятельности комитета, и вскорѣ гимнастическія общества безсознательно подчинились вліанію комитета единства. Вліаніе это, конечно, возрасло еще отъ подобнаго подчиненія. Комитеты забрали въ свои руки все дѣло вооруженія и сдѣлали его обязательнымъ. Такъ напр. въ окружныхъ городахъ и селеніяхъ, въ тѣ дни, когда производилось ученіе, всѣ лавки закрывались, и не являвшіеся на ученіе платили штрафъ. Комитеты располагали деньгами; имъ же переданы были значительные запасы провіанта (до 50-ти тысячъ пудовъ сухарей).

Созванные экзархомъ изъ округовъ представители отдѣловъ собрались въ Филиппополь къ 25-му Марту. Въ это собраніе были приглашены и члены Центрального Комитета. Его блаженство обратился къ

предсѣдателю его, священнику Тиліеву (Хаджи-Попъ) и просилъ объяснить дѣятельность комитета и ея цѣль. „Вы ставите меня въ затруднительное положеніе, отвѣчалъ Хаджи-Попъ, и если бы я зналъ, что меня призвали за этимъ, то я не явился бы. Я далъ клятву сохранить тайну нашего общества и не могу отвѣчать вашему блаженству“. Такое возраженіе возмутило большинство присутствующихъ. „Если священникъ такъ отвѣчаетъ экзарху, то чего-же намъ ждать въ будущемъ?“, говорили умѣренные. Опасность отъ комитета, скрывавшаго свои цѣли, стала ясна для всѣхъ. Были избраны новые члены комитета изъ умѣренныхъ въ дополненіе къ прежнимъ, и начались пренія. „Что тутъ обсуждать? говорили Хаджи-Попъ, Люцкановъ и Величковъ: „дѣло возстанія рѣшено; у насъ все готово, даже назначены интенданты“. „Да кто-же васъ на это уполномочилъ?— „Народъ“— „Когда, какимъ образомъ?“ Члены комитета отмалчивались. Чтобы обезпечить умѣренное направленіе, экзархъ самъ предсѣдательствовалъ въ собраніяхъ. Выборные являлись за указаніями въ Русское Генеральное Консульство и, наконецъ, постановили не дѣйствовать, не спросясь Императорскаго правительства. Оставивъ *временный* комитетъ и обезпечивъ въ немъ умѣренное большинство, выборные разъѣхались, и, чтобы успокоить умы въ округахъ, постановили сѣхаться вновь 12-го Апрѣля.

Сѣздъ этотъ состоялся нѣсколько позднѣе и былъ намѣренно продолженъ экзархомъ до прибытія генераль-адъютанта Обручева. Неудовольствіе большинства выборныхъ противъ членовъ Центрального Комитета еще усилилось отъ отказа ихъ представить счета и сдать деньги собранныя, какъ Центральнымъ Комитетомъ, такъ и присланныя нѣкоторыми отдѣлами. Громко заговорили о злоупотребленіяхъ; указывали на гг. Манчова, Матіевскаго и другихъ, которые до того были въ бѣдности, а теперь располагали большими средствами. Наконецъ собраніе окружныхъ представителей послѣ чтенія прокламаціи Государя и объясненій генерала Обручева постановило разойтись, прекратить существованіе комитета и сдать всѣ дѣла и архивъ экзарху. Такъ и было сдѣлано, и *Общество единства*, преобразовавшееся изъ благотворительныхъ дружествъ, само закончило существованіе.

Но бывшій Центральный Комитетъ, т. е. нѣсколько человекъ крайней партіи, получавшіе содержаніе, которое сами себѣ назначили, подъ руководствомъ священника Тиліева не подчинились этому рѣшенію; они не явились въ заключительное засѣданіе, стали агитировать противъ умиротворенія края и благодарственнаго адреса Государю и распространяли выпущенныя еще въ концѣ Марта прокламаціи, побуждающія къ возстанію.

Прокламація эта была составлена Болгариномъ Стамбуловымъ и отпечатана въ Филиппополѣ, въ типографіи Маннова въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. По порученію комитета, одинъ изъ офицеровъ милиціи явился въ Сливно къ губернатору и требовалъ у него переводчика и разрѣшенія напечатать прокламацію по русски, въ чемъ ему было отказано.

Нынѣ, не находя почвы въ Филиппополѣ, бывшіе члены Комитета рѣшили собраться въ Сливнѣ; 17-го текущаго Мая тамъ было тайное засѣданіе, на которое поѣхали нѣсколько человекъ изъ Татаръ Базарджика и Филиппополя.

Таково въ общихъ чертахъ состояніе въ Южной Болгаріи такъ называемыхъ комитетовъ, члены которыхъ сохраняютъ нѣкоторое подпольное вліяніе, пока въ ихъ безотчетномъ распоряженіи останутся значительныя собранныя суммы.

*

18 (30) Мая 1879 г.

Генераль-лейтенантъ Столыпинъ писалъ изъ *Филиппополя*:

22 Марта 1879 г.

Вчера въ Адрианополѣ, въ присутствіи агента желѣзнодорожной компаніи, Реуфъ-Паша, обратясь къ Германскому комиссару Брауншвейгу, спросилъ у него, къ чему поведетъ вступленіе Турокъ въ Румелию, на которое теперь настаиваютъ. Брауншвейгъ отвѣчалъ: вы покорите область не иначе, какъ послѣ страшнаго кровопролитія; я знаю настроеніе и средство Болгарскаго народа. Реуфъ отвѣчалъ Брауншвейгу: я самъ такъ думаю, и въ этомъ смыслѣ доношу.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА СТРУКОВА.

къ директору дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, д. с. с. Хитрово. Пароходъ „Цесаревичъ“, Черное море, 28 Августа 1879.

Вамъ угодно было поставить нѣсколько вопросовъ относительно происходившаго въ авангардѣ настоящей кампаніи и причинъ могущихъ вызвать обвиненіе нашимъ войскамъ и начальникамъ со стороны печати.

Не имѣя своихъ записокъ подъ рукою, я сообщу вамъ въ короткихъ словахъ то, что можетъ быть послужить вамъ въ возложенномъ на васъ порученіи.

Съ минуты перехода войскъ черезъ Балканы, у Шибки, я былъ начальникомъ авангарда кавалерійскаго авангарда арміи и былъ сви-

дѣтелемъ того, что происходило на правомъ пути отъ Шибки до высотъ Чатарджи. Вамъ, какъ очевидцу, извѣстно, что еще лѣтомъ 1877 г. было движеніе Мусульманскаго населенія, а потому скажу только про часть Болгаріи, которой вы не видали. Отъ р. Вида къ Западу до границы я ходилъ съ кавалеріей по направленію къ Бѣлоградчику, Видину и Лому-Паланкъ. Вся эта мѣстность была очищена отъ непріятельскихъ войскъ, а жители Турецкихъ и Черкесскихъ сель поголовно уходили при появленіи нашихъ разъѣздовъ, безъ всякаго сопротивленія. Уходя, жители мало что оставляли въ домахъ; будучи вооружены, они легко давали отпоръ Болгарамъ и уводили скотъ, увозили имущество Болгарское немилосердно. Болгаре тотчасъ за симъ разбирали домъ ушедшихъ и сожигали села Турокъ и Черкесовъ до тла. Въ этой странѣ происходило насиліе только матеріальное, и обвиненія не можетъ быть на наши войска. Тутъ, въ этой части Болгаріи, рѣшался вопросъ историческій, путемъ самымъ простымъ: отдавалась Болгарамъ земельная собственность, отнималась у нихъ вся матеріальная движимость. Это происходило до паденія Плевны. Населеніе скрылось въ Видинъ, до котораго я доходилъ за Бѣлградчикъ въ горы и т. д.

Совершенно иное происходило за Балканами. Съ 1 Января 1878 года началось движеніе всего населенія мѣстнаго и прибывшаго изъ сѣверной Болгаріи и представляетъ совершенно другой характеръ. Тутъ Турки начали сами уничтожать все свое и Болгарское, увозя что можно и сжигая остающееся. Казанлыкъ и другіе города были жертвою, какъ извѣстно. Но это вамъ извѣстно, особенно то, что было на вашемъ пути; тоже, что происходило вправо и влѣво отъ большого пути, себѣ представить нельзя. Тамъ нельзя было удержаться, ибо нельзя было разбрасываться, тамъ шель бой между Болгарами и Мусульманами, и происходили всѣ насилія, кои печати отчасти угодно взводить на войска. Первое время Турки рѣзали и вѣшали, а подъ конецъ, когда мы дали, благодаря наступленію, возможность Болгарамъ вооружиться (не намѣренно), то Болгаре стали тоже неистовствовать, и ронять, такъ сказать, распереть, враждующихъ было невозможно.

Роль авангарда была крайне трудная, и винить за упущеніе нельзя. Извѣстно, что первое время мало войскъ было и, несмотря на это, смѣло скажу и съ спокойною совѣстью, что быстрое и дѣйствительно кавалерійское лихое наступленіе спасло много Турокъ и много Болгаръ. Кровавая драма начинается отъ Тырнова у Семенли, гдѣ встрѣчаешься съ войскомъ и съ вооруженнымъ населеніемъ. Упомяну, что пѣхота авангарда Скобелева, на пути отъ Казанлыка до Чатарджи, не имѣла боя, часть только повернувшаяся на Хаскію имѣла дѣло и какое, я не знаю. Тамъ была полк. Панютинъ. Говорю

это для того, чтобы ниже сильнѣе выставить несправедливость обвиненія въ насиліи войсками. И такъ у Семенли, благодаря табору и до 4 т. вооруженныхъ Турокъ-переселенцевъ, я вынужденъ былъ, рискуя всёмъ для себя, употребить насиліе. Пусть обвинители взвѣсятъ (6 крупновыихъ орудій, таборъ въ 500 челов. низама, 4 т. вооруженныхъ Турокъ), рѣка Марица, мостъ желѣзной дороги изъ Адрианополя на Филиппополь и вѣтвь на Ямболь, все это вмѣстѣ взятое—и одинъ драгунскій полкъ Русскій, Московскіе драгуны Государя! Неужели обвинители найдутъ страннымъ, что деревня атакована ночью, и можно нести отвѣтственность за то, что тутъ было ночью. На мосту была схватка, въ деревнѣ расчищали штыками, результатъ—мостъ сбереженъ, Турки съ семьями бѣжали, побросавъ весь свой обозъ. Обозъ подвергся разграбленію, ночью же Болгаре разобрали оружіе. На мосту снимается висѣлица Турецкаго правительства.

Большое обвиненіе должно пасть на слѣдующій авангардный бой 6-го Января у Германли, узелъ шоссейной дороги Филиппопольско-Адрианополь-Ямбольской. Послѣ короткаго боя съ отступавшимъ таборомъ низама занята станція желѣзной дороги. Изъ Солимановской арміи уже уходили партіями Турецкіе солдаты, присоединяясь къ обозамъ Турецкимъ. Подобный транспортъ наткнулся на драгунъ, завязался бой. Что же оставалось? Оставить ихъ занять Германли, мостъ громадный, каменный, и самимъ не завладѣть Германли? Усиливъ свою часть, мы атаковали и имѣли потери офицеры и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Атакою потеря была и у Турокъ. Въ ночь съ 5 на 6-е въ Германли былъ отрѣзанъ эскадронъ, и Турки заняли мостъ желѣзной дороги. Видя, что Турки сопротивляются, что спасти надо моихъ, что массы все увеличиваются со всѣхъ сторонъ, я атаковалъ Германли. Послѣ сильнаго сопротивленія и 15 человекъ убыли, мостъ былъ взятъ въ темнотѣ ночи, и разгромъ произошелъ въ самой деревнѣ. Онъ былъ вызванъ необходимостью идти далѣе и еще особенно необходимостью навести страхъ на окрестности; ибо разъѣздомъ положительно нельзя было ходить. Правда, Германли представляло къ утру картину ужасную. Должно сказать, что оба боя происходили ночью, ибо я дѣйствовалъ такъ, не будучи довольно силенъ. Будь хоть одно орудіе, то выстрѣлъ по воздуху могъ бы навести страхъ; мнѣ же приходилось дѣйствовать эскадронами противъ тысячъ, поддерживаемыхъ солдатами съ ружьями Пибоди. Я чувствовалъ, что не быть рѣшительнымъ въ первую пору, я нашелъ бы сопротивленіе на каждомъ шагу, беспорядокъ въ Адрианополь, захватъ 54 орудій тамъ, облегченіе участи Болгаръ, на пути отступленія Турецкихъ войскъ. Бѣгство башибузуковъ, наплывъ массы народа, бѣжавшаго отъ драгунъ и уланъ нашихъ въ

Адрианополь заставили дрогнуть всѣхъ и поспѣшно уходить по направлению къ Адрианополю и Константинополю.

Вотъ два случая. Они могли вызвать нареканія, но которыя по существу не имѣють ничего подобнаго, что говорятъ за границу. Обращеніе нашихъ войскъ со всѣми остающимися было примѣрное; начальники обязывались священниками принимать стариковъ, дѣтей и передавали о семъ вновь приходящимъ начальникамъ.

Виновныхъ въ преступленіи башибузуковъ-Турокъ, которыхъ было безъ конца, запирали въ мечети и отдавали подъ присмотръ мѣстнаго населенія до прихода пѣхоты съ записками о числѣ арестованныхъ. За все время не произведено ни одного разстрѣлянія, ни повѣшенія, потому что я считалъ, что это не повело бы ни къ чему, такъ какъ страна богата разбойниками, и остановить ихъ было нельзя; помогать обстоятельствамъ можно было, быстро поступая, наводя панику и заставляя удаляться всѣхъ Мусульманъ.

Если бы отрядъ не имѣлъ задачей спасеніе Турецкаго и христіанскаго населенія, развѣ бы былъ сдержанъ отъ разграбленія Адрианополь? Развѣ было произведено какое-либо насиліе или преступленіе въ огромномъ городѣ? Напротивъ, на пути войскъ защищали Турокъ и Болгаръ. Если же Турки страдали отъ Болгаръ, то мы не въ силѣ были вездѣ удержать эту страшную междоусобицу. Тысячами Болгары шли за отрядомъ и при первомъ случаѣ отнимали у Турокъ, все что Турки отняли и увезли у нихъ. Достаточно было разсмотрѣть имущество Турокъ, чтобы убѣдиться, что половина, а часто и все принадлежало Болгарамъ.

Въ это время вдоль дороги Ямболь-Адрианополь шли 20 т. отряда Керимъ-Паши, спѣша къ Адрианополю. Что происходило на этой дорогѣ, трудно описать; голодныя войска неистовствовали въ Болгарскихъ селахъ и оставляли слѣды разбоя и грабежа. Разумѣется можно себѣ представить что дѣлали Болгары съ остающимися. Слѣды всего этого приписываютъ нашимъ войскамъ. Сдѣлавъ весь походъ и въ минуты особенно послѣднія, гдѣ всѣ страсти были возбуждены, гдѣ дѣйствительно соблазну не было предѣла, гдѣ бросались на полныя лавки вина, гдѣ часто валялось золото по землѣ, брошенное Турками, гдѣ бросались женщины и были беззащитны, я видѣлъ полную сдержанность Русскаго солдата и строгость офицера. Ужасъ картины былъ великъ, и въ голову не приходило злоупотреблять несчастіемъ народа.

Переходя къ дальнѣйшему періоду, когда мною было нагнано до 180 т. жителей и 60 т. подводъ, долженъ сказать, что мы сдѣлали всевозможное, чтобы облегчить судьбу несчастнаго люда, и не знаю, какая строка печати можетъ затемнить поведеніе наше. Предстояло

мнѣ идти дальше, пользоваться успѣхомъ и временемъ, или, для спасенія несчастной массы Турокъ, остановиться и не дать имъ умереть и быть жертвою отъ своихъ же башибузуковъ и отъ Грековъ-Болгаръ. Я чувствовалъ, что слѣдовало обезоружить всю массу, дабы не дать возможности Туркамъ оголить страну, по которой шла наша армія. Сопротивленіе мы вынуждены были подавить, окруживъ на 10 верстъ массы Турокъ, и признаюсь, единственное насиліе, которое я употребилъ, было то, что среди этой массы я поролъ мулловъ и старшинъ, кои возбуждали толпы противъ моего требованія, заставляя старыхъ фанатиковъ приказывать сдавать оружіе, чтò было достигнуто не безъ труда.

Настала трудная минута: надо было рѣшить, куда дѣвать всѣ эти массы. Держать на мѣстѣ, это приговоръ смерти голодной; отправить водворить на мѣстѣ жительства, это было пустить напротивъ наступающей арміи голодную массу и разорять уже оголенный путь; пустить и гнать на Константинополь: разчетъ хорошій, какъ оно и было сдѣлано на Адрианополь, но дорога и всѣ деревни на пути были бы раззорены (не было извѣстно еще, чѣмъ кончится война). Сговорившись съ стариками и убѣдивъ возвращаться желающихъ, почти одна четверть пошла назадъ съ конвоемъ кавалеріи, чтò могутъ засвидѣтельствовать командиры полковъ кавалер.-гвардіи 1-й бригады, 2-й дивизіи, кои встрѣтили массы транспортовъ въ должномъ порядкѣ. Не желающіе пошли на Радосто и, переплывъ на Азіатскій берегъ, вѣроятно жалѣютъ, что не остались. Собирая стариковъ, вотъ что слышалъ отъ нихъ. „Если бы мы знали то, чтò слышимъ отъ тебя, паша, и что падишахъ Русскій такъ великодушень и его войска такъ хорошо будутъ обращаться съ нашими женами, мы бы остались подъ его управленіемъ и не погубили себя“. Распрашивая ихъ-далѣе, я услышалъ: „Проклятіе Сулейману и нашимъ правителямъ, которые приказывали намъ уходить, разорять и жечь свои дома“.

Это показаніе мнѣ дали письменно (Оно было представлено мною). Отпуская тѣхъ, которые не желали возвращаться, говоря, что у нихъ нѣтъ болѣе крови, благодарили, цѣловали руки и ноги; семьямъ которыхъ волы или буйволы падали, давали даромъ, лишь бы они могли спасти дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ другихъ мѣстахъ Болгары-Греки пользовались отсутствіемъ войскъ и грабили подводы, подвергая тѣмъ стариковъ и дѣтей голодной смерти. Скажу въ доказательство, что при всякой возможности офицеры и солдаты подбирали дѣтей, женщинъ и довозили на сѣдлахъ до деревень; впослѣдствіи, разумѣется, уже не было возможности: такъ много бросали по дорогѣ сами Турки.

Желать, чтобы Болгары жестоко не поступали—трудно: безъ преувеличенія, ни одной нераззоренной церкви, не оставалось дѣвушекъ въ деревняхъ, не встрѣчалось поселка, гдѣ бы ни валялись трупы священниковъ, дѣвушекъ и т. д. Приостановленіе массы Турокъ у Люпбургаса спасло отъ раздробленія дальнѣйшіе города и все пространство до Константинополя.

Какъ свидѣтель ужасной драмы, по совѣсти и чести считаю долгомъ сказать, что наши войска на пути къ Адрианополю въ авангардѣ вели себя во славу Государя и Россіи; они чувствовали и понимали все то, что сказано было имъ начальниками; наконецъ, строгость была непомѣрная въ этомъ отрядѣ. Пусть будутъ спрошены свидѣтели и сотрудники мои фл. ад. Языковъ, пол. Балкъ, командиры полковъ, художникъ Верещагинъ, ген. Скобелевъ, который шелъ по слѣдамъ нашимъ. Пусть по совѣсти скажутъ консулы Адрианополя, что всѣ были спасены, что, благодаря одного сборнаго кавалерійскаго полка, умѣвшаго энергично дѣйствовать, спасень 100 тысячный городъ.

Вы мнѣ поставили, Михаилъ Александровичъ вопросъ, а потому я отвѣчаю на него; не осудите, что я говорилъ отчасти про себя. Если я сказалъ нѣсколько разъ, это потому, что въ этомъ были всѣ, кто былъ въ отрядѣ; они чувствовали, какъ и я, заслугу ихъ. Только при такихъ условіяхъ могъ отрядъ исполнить честно то, что было: всѣ вели себя честно, христіански. Я отвѣчаю, что ни единого насилія, ни единой смерти не было безнадобной. Отрядъ былъ все время въ критическомъ положеніи; одинъ въ 150 часто и болѣе верстахъ отъ поддержки, я вѣрилъ, что всякое насиліе, всякій невинный разстрѣлъ или повѣшаніе могли принести несчастіе, и всякій чувствовалъ это. Отрядъ дрался когда нужно было; эскадроны, потерявшіе до 15 человекъ, значить, и насъ били. Спасали мы кого только могли, защищали Турокъ отъ Болгаръ, Болгаръ отъ Турокъ. Вотъ что дѣлалъ отрядъ. Жаль, что никого не было корреспондентовъ, никто изъ нихъ не выдержалъ, офицеры иностранные, никто не вѣдалъ интересы отряда и не пріѣхалъ. Не намъ о себѣ писать; но жаль, что дипломаты не могли отвѣчать въ Берлинъ, какъ слѣдуетъ. На васъ выпала доля; значить вы не отклонитесь дать значеніе всему, что вы отъ меня слышите. Здѣсь нѣтъ преувеличеннаго, напротивъ я мало написалъ; не откажите выбрать то, что вамъ можетъ быть нужно. Пусть знаютъ всѣ, какъ было дѣло. Русскіе, и тѣ не знаютъ, ибо никто не далъ себѣ труда написать. Разумѣется, читая, каждый Русскій скажетъ вамъ доброе спасибо, сохранить добрую память. Прилагаю копію съ одного письма, полученнаго изъ-за границы отъ личности мнѣ неизвѣстной, вѣроятно увлекающейся, извините, что это одно письмо; мнѣ было бы непріятно

давать другія, полученные; изъ Константинополя въ Адрианополь съ чего же нибудь написаны. Не улыбитесь: этой женщины никогда я не видѣлъ и не знаю, кто она.

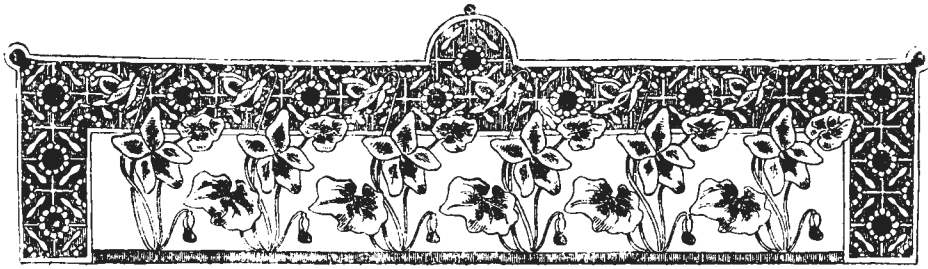
Припоминаю, что, возвратившись въ Петербургъ, я объѣхать у Государя; онъ между прочимъ сказалъ Императрицѣ: Наконецъ я получилъ отвѣтъ отъ Непокойчицкаго о повѣшанныхъ (и съ улыбкой, обращаясь ко мнѣ: коихъ будто-бы повѣсилъ Струковъ). На это я шутилъ Государю отвѣчалъ, что художникъ Верещагинъ убѣждалъ постоянно меня повѣсить двухъ башибузуковъ, дабы нарисовать картину, и что я ему отказалъ, предвидя, что Европа изъ одного сдѣлаетъ сотни.

Прошу извинить за непослѣдовательность письма моего, за небрежность и дурную каллиграфію: писалъ среди шуму и стуку на пароходѣ. Переѣздъ чудный. Завтра, 29, будетъ Севастополь, къ 30 вѣрно поѣдемъ въ Ливадію, садимъ смотрѣ и домой, чего желаю и вамъ. Не мы жестоко поступали, враги Турокъ были Англичане. Когда умный Намыкъ-Паша видѣлъ несчастіе страны, у него вырвалось: „Англичане сдѣлали несчастіе народа, погубили насъ. При покойномъ Николаѣ I я говорилъ, что намъ расчетъ—дружба съ Россіей. Серверъ былъ сдержаннѣе, но сказалъ потурецки: вотъ чего мы ждали и могъ ли ты думать, что этимъ кончится!“ Переводчикъ мой стоялъ у дверей и слышалъ. Не есть ли это все доказательство того, что мы не причемъ въ разгромѣ и несчастіи несчастнаго народонаселенія Турціи. Ну да довольно, будетъ будьте здоровы и извините, совершенно уважающаго васъ Струкова.

PS. Не знаю чтò было въ другихъ отрядахъ и говорю, чтò было въ авангардѣ авангарда. Спросите про Хаскію и Филиппополь, тамъ кто былъ, да еще есть путь до Софіи весь до Германли. По минованіи надобности пожалуйста возвратите письмо; оно мнѣ будетъ нужно. Крайне обяжете. Благодаря малости времени, я многое не могу написать вамъ. Говорятъ, Крестовскій написалъ брошюру объ авангардѣ. Пришлю. Письма не прилагаю, ибо оно вамъ бесполезно; дѣло въ томъ, что хвалятъ человѣческое поведеніе авангарда и поведеніе въ Адрианополѣ.

Секретныя записки и письма генераловъ Столынина и Струкова, равно какъ дагѣе выдержки изъ Дневника графа Валуева, печатаются въ спискахъ, сохранившихся въ бумагахъ С. С. Татищева, и доставлены въ „Русскій Архивъ“ его дочерью. П. Б.

Памятникъ Полякамъ, падшимъ за вѣрность Государю 17 (29) Ноября 1830 г.

Извѣстно, что Польское возстаніе 1830 года вспыхнуло совершенно неожиданно. Великій князь Константинъ Павловичъ ничего не подозрѣвалъ и въ роковой день 17 Ноября находился въ прекраснѣйшемъ настроеніи. За обѣдомъ, въ Бельведерѣ, онъ много шутилъ на счетъ происходившихъ въ Варшавѣ „Cochonneries“, (любимое его выраженіе, когда что-нибудь вызывало его неудовольствіе), а затѣмъ удалился къ себѣ, говоря, что очень усталъ и хочетъ отдохнуть, въ ожиданіи президента г. Варшавы Любовицкаго и генерала Жандра, которые должны были явиться къ нему въ семь часовъ...

А въ семь часовъ уже разыгралась драма. На противоположной отъ Бельведера сторонѣ вспыхнуло огромное зарево, которымъ давался сигналъ возстанія и на которое хотѣли отвлечь общее вниманіе. Затѣмъ послѣдовало нападеніе заговорщиковъ на казармы гвардейскихъ уланъ и кирасиръ, покушеніе на жизнь великаго князя, разграбленіе городской чернью арсенала и т. д.

Среди поднявшейся суматохи, причинъ которой еще никто не зналъ, нѣсколько генераловъ сдѣлали было попытку водворить порядокъ; но они могли дѣйствовать только убѣжденіемъ, которое, конечно, не убѣждало пьяныхъ и впавшихъ въ ярость солдатъ. Бригадный генераль, командиръ 2 бригады, 2 дивизіи, Игнатій Блюмеръ получилъ отъ своихъ же солдатъ 18 пуль въ грудь. Исправл. должность военнаго министра, генераль-квартирмейстеръ, начальникъ корпуса артиллеріи и инженеровъ, сенаторъ и воевода, графъ Маврикій Гауке былъ убитъ въ каретѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба корпуса артиллеріи и инженеровъ, полковникомъ Филиппомъ Мецишевскимъ. Начальникъ пѣхоты, генераль-адъютантъ, сенаторъ и воевода, графъ Станиславъ Потоцкій заколотъ. Бригадный генераль, генеральный секретарь правительственной комиссіи военныхъ дѣлъ Іосифъ Новицкій, спокойно возвращавшійся изъ театра, также убитъ. Бригадный генераль, испр. должн. начальника главнаго штаба Тимофей Сементковскій,

отказавшійся стать во главѣ мятежниковъ, зарѣзанъ ими. Бригадный генераль, состоявшій въ штабѣ великаго князя, Станиславъ Трембицкій, тоже отказавшійся стать во главѣ возстанія, весь исколотъ штыками¹⁾.

Такъ началось возстаніе...

Конечно, вслѣдъ за умиротвореніемъ края, не замедлили вспомнить о первыхъ жертвахъ долга и вѣрности присягѣ. 15 (27) Декабря 1835 года императоръ Николай Павловичъ, между прочимъ, писалъ князю Паскевичу: „въ запискѣ, приложенной къ письму твоему, подчеркнулъ я мысль, которую тебѣ предлагаю: не будетъ ли точно прилично воздвигнуть памятникъ Полякамъ, пребывшимъ вѣрными и падшимъ таковыми? Можно-бъ было воздвигнуть памятникъ сей на Саксонской площади, а надпись на ономъ сдѣлать: „Полякамъ, падшимъ за вѣрность своему Государю 17 (29) Ноября 1830 г.“; на другой же сторонѣ помѣстить имена ихъ. Это докажетъ Полякамъ, что мы чтимъ память вѣрности, какого бы происхожденія ни была и будетъ порицаніемъ измѣнѣ прочихъ“²⁾.

Саксонская площадь, указанная Государемъ кн. Паскевичу какъ наиболѣе подходящее для памятника мѣсто, находится въ самой серединѣ Варшавы. На этой площади великій князь Константинъ Павловичъ ежедневно, въ 9 часовъ утра, во всякую погоду, являлся на разводѣ. Тамъ же происходили парады и смотры. Графъ Моріолль называетъ Саксонскую площадь: „la place, consacrée aux parades militaires“. Одинъ изъ такихъ смотровъ Польскій художникъ Янъ Розенъ воспроизвелъ на своей картинѣ: „Смотръ Польской каваллеріи цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ на Саксонской площади въ 1824 году“. Картина эта находится нынѣ въ императорскомъ дворцѣ³⁾.

Князь Паскевичъ немедленно приступилъ къ выполнению высочайшей воли. Памятникъ, по проекту архитектора Караччи, заказанъ на горныхъ заводахъ Польскаго банка и обошелся въ 302,900 Польскихъ злотыхъ⁴⁾.

1) Mémoires du Comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin (1789—1833), précédés d'une introduction par Frédéric Masson, Paris, 1902. (Русскій переводъ части „Записокъ графа Моріолля“ въ „Историч. Вѣст.“ 1909 г. Июль—Октябрь). Wspomnienia jeneraba Klemensa Kolaczowskiego, księga IV (ad 29 Listopada do konca Lipca 1831 r.) w Krakowie, 1901.

2) Русскій Архивъ, 1910 г., кн. 3.

3) А. А. Сидоровъ. Русскіе и Русская жизнь въ Варшавѣ. Варшава, 1899.

4) Дѣло б. управленія генераль-квартирмейстера дѣйств. арміи, № 88, 1837—1841 г.г. (по 2 отд.) о памятникахъ: въ Варшавѣ—„Полякамъ, падшимъ за вѣрность своему Государю 17 (29) Ноября 1830 г.“ и въ Калишѣ, по случаю пребыванія въ этомъ городѣ въ 1835 году Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III. Описаніе памятника на Саксонской площади, въ Варшавѣ находится въ „Запискѣ г.-адъютанта Отроценки о послѣдователяхъ Конарскаго“, „Русскій Архивъ“, 1869 г., кн. 7 и 8, стр. 1221—1223.

30 Августа 1841 года князь Паскевичъ во всеподданнѣйшей запискѣ, между прочимъ, доносилъ Государю: „Во исполненіе объявленной мнѣ въ прошломъ году въ м. Гомелѣ высочайшей вашего императорскаго величества воли, открытіе этого памятника должно послѣдовать 17 (29) Ноября сего года“.

Затѣмъ, 8 Ноября того же года, у князя Паскевича, въ бывшемъ Королевскомъ замкѣ, происходило особое совѣщаніе „по предмету предстоящаго открытія памятника на Саксонской площади“, а черезъ три дня, то есть 11 Ноября, состоялось второе, „окончательное совѣщаніе о церемоніалѣ открытія памятника“.

На этихъ совѣщаніяхъ присутствовали: ген.-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, ген.-ад. Бергъ, начальникъ главнаго штаба дѣйствующей арміи, ген.-ад., князь Горчаковъ, военный губернаторъ гор. Варшавы, ген.-лейт. Писаревъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа, ген.-маіоръ Окуневъ, начальникъ артиллеріи, ген.-лейт. Гилленшмидтъ, командующій Варшавскимъ гарнизономъ, ген.-маіоръ Лицецкій, испр. должн. генераль-интенданта, 4 класса Погодинъ, Варшавскій комендантъ, ген.-маіоръ Тутчевъ, дежурный генераль арміи, ген.-маіоръ Викинскій и испр. должн. Варшавскаго оберъ-полицеймейстера, ген.-маіоръ Стороженко.

На совѣщаніи 8 Ноября, ген.-ад. Бергъ представилъ кн. Паскевичу письменный докладъ, изъ котораго видно, что въ Апрѣлѣ 1839 г. князь-намѣстникъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе „на счетъ того, какой церемоніалъ соблюсти при открытіи памятника“, и Государь императоръ повелѣтъ соизволилъ, „чтобы при открытіи памятника находились десять баталіоновъ пѣхоты и чтобы всѣ войска, какія при этомъ будутъ, были подъ ружьемъ; чтобы все духовенство, вмѣстѣ съ жителями, выйдя изъ костела Св. Креста, шло процессією къ мѣсту памятника, гдѣ должна быть отслужена Римско-католическая панихида по убиеннымъ; затѣмъ, чтобы, какъ обыкновенно бываетъ при погребеніяхъ, сдѣлано было по три выстрѣла изъ ружей и орудій, а по отходѣ священниковъ, чтобы, въ присутствіи генераль-фельдмаршала, произведенъ былъ церемоніальный маршъ. При этомъ Государю Императорю тоже угодно было отозваться, что по случаю открытія этого памятника можно было бы сдѣлать нѣкоторыя милости для родственниковъ убитыхъ воиновъ*).

*) По послѣднему пункту ген.-ад. Бергъ, на другой же день послѣ перваго совѣщанія, т. е. 9 Ноября, сообщилъ директору канцеляріи намѣстника Еліашевичу о томъ, что ген.-фельдмаршалъ приказалъ распорядиться приглашеніемъ на торжество открытія памятника „родственныхъ убитыхъ семействъ“. При этомъ ген.-ад. Бергъ просилъ Еліашевича самому войти съ докладомъ и „испросить приказанія о томъ, какія именно фамиліи въ Варшавѣ благоудно будетъ князю-намѣстнику пригласить“.

Затѣмъ была доложена „предполагаемая со стороны духовенства программа освященія памятника“.

„Программа“ эта состояла въ слѣдующемъ: 1, 17 (29) Ноября, въ 9 часовъ утра, Римско-католическое духовенство, „свѣтское и монашествующее“, соберется въ костель „визитокъ, и тамъ будетъ совершено соборное, съ музыкою, „богослуженіе за души павшихъ“. 2, По окончаніи этого богослуженія, духовенство, при пѣннн похороннаго гимна „Dies irae“, отправится процессіей на Саксонскую площадь. 3, По прибытіи къ памятнику, будетъ пропѣтъ погребальный кондакъ „Libera me, Domine“; а по окончаніи онаго, когда „священнодѣйствующій“ возгласитъ „Kirje elejzon“ и „Отче нашъ“, воспослѣдуетъ освященіе памятника со всѣхъ четырехъ сторонъ и прочтена будетъ молитва за упокой павшимъ. 4, Потомъ произнесена будетъ „краткая рѣчь, въ которой изобразится безпредѣльная доброта и великодушіе всемилостивѣйшаго Монарха“. 5, Наконецъ, „или спѣтъ будетъ, при акомпаниментѣ музыки, гимнь „Боже Царя храни“, или духовенство возвратится въ костель визитокъ и тамъ пропоетъ гимнь „Тебя Бога хвалимъ“, съ провозглашеніемъ молитвъ за Государа Императора и всѣхъ членовъ царствующаго дома“.

Утвержденный г. генераль-фельдмаршаломъ церемоніаль торжественнаго открытія памятника на Саксонской площади сооруженнаго¹⁾.

„17 (29) Ноября сего 1841 года имѣеть послѣдовать торжественное открытіе памятника, по высочайшей волѣ воздвигнутаго въ честь Поляковъ, павшихъ за вѣрность законному своему Государю.

„На этотъ конецъ имѣеть быть устроено Римско-католическимъ духовенствомъ алтарь между памятникомъ и колоннадою дома Скворцова.

„Всѣ воспитанники учебныхъ заведеній г. Варшавы назначаются для присутствованія при этомъ торжествѣ; они должны быть разчитаны на двѣ равныя части и расположены по обѣимъ сторонамъ алтаря, въ нѣсколько шеренгъ, помѣстивъ въ переднія малолѣтнихъ²⁾).

„Для сего торжественнаго открытія памятника назначается парадъ войскамъ, которыми командовать генераль-маіору Лисецкому.

¹⁾ Этотъ церемоніаль былъ 14 Ноября разосланъ всѣмъ начальствующимъ въ Варшавѣ лицамъ.

²⁾ Изъ письма ген.-маіора Окунева къ ген.-ад. Бергу, отъ 12 (24) Ноября 1841 г., № 8661, видно, что на открытіи памятника должны были присутствовать тысяча воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній г. Варшавы. Распределеніе мѣстъ для нихъ на парадъ было сдѣлано по соглашенію съ оберъ-квартирмейстеромъ 1-го пѣхотнаго корпуса, полковникомъ Тюфевымъ.

„Въ парадѣ семь находятся: одиннадцати батальонамъ¹⁾ Варшавскаго гарнизона, легкой № 3 батарее 2-ой полевой артиллерійской бригады²⁾, дивизиону жандармскаго полка, Сумскому гусарскому полку, двумъ сотнямъ Сборнаго линейнаго казачьяго полка, одной сотнѣ Донскаго подполковника Родіонова, № 36, полка, двумъ сотнямъ Мусульманскаго полка и Донской конной № 3 батарее³⁾.

„Войскамъ симъ, предъ началомъ парада, выстроиться на мѣстахъ для нихъ предназначенныхъ, по указанію оберъ-квартирмейстера 1-го пѣхотнаго корпуса. Для принятія сихъ мѣсть выслать на Саксонскую площадь 15 (27) сего Ноября, въ 8 часовъ утра, отъ пѣхоты—потребное число жалонеровъ, при жалонерныхъ офицерахъ, а отъ кавалеріи и артиллеріи—унтеръ-офицеровъ и фейерверкеровъ, при офицерахъ.

„Къ половинѣ 10 часа утра 17 (29) Ноября собраться въ Римско-католическій костелъ Св. Креста⁴⁾: свѣтскому и монашествующему духовенству означеннаго исповѣданія, консисторіи и семинаріи онаго, а также консисторіи Евангелическаго исповѣданія⁵⁾, гражданскимъ чиновникамъ и гг. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, не состоящимъ при войскахъ.

„Шествіе изъ костела на Саксонскую площадь открывается духовенствомъ со св. крестами, при пѣніи погребальнаго гимна (*Dies irae*). За духовенствомъ слѣдуютъ чины семинаріи и консисторіи Католической и Евангелической, потомъ изволить шествовать его свѣтлость намѣстникъ царства Польскаго, генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій, сопровождаемый гг. сенаторами, гражданскими чиновниками и ненаходящимися въ строю генералами, штабъ и оберъ-офицерами.

При прохожденіи духовенства съ крестами мимо кавалеріи, оная дѣлаетъ на караулъ, а потомъ, при вступленіи процессіи на Саксон-

1) Въ первоначальной редакціи: „двѣнадцать баталіонамъ“. Въ особомъ росписаніи слѣдованія войскъ по улицамъ Варшавы на Саксонскую площадь указаны: Старонингерманландскій полкъ, Великолуцкій егерскій, Эстляндскій егерскій, дивизионъ жандармскаго полка, Сумскій гусарскій полкъ, двѣ сотни сборнаго линейнаго казачьяго полка, двѣ сотни Конно-Мусульманскаго полка, одна сотня Донскаго казачьяго № 36 полка, Донская № 2 батарея и пѣшая № 2 батарея.

Въ дѣлѣ находится иллюминированный красками планъ расположенія на Саксонской площади войскъ, духовенства, алтаря и проч.

2) Въ первоначальной редакціи: „легкой № 2 батарее 1-ой полевой артиллерійской бригады“.

3) Въ виду особаго росписанія слѣдованія войскъ по улицамъ Варшавы на Саксонскую площадь, слѣдуетъ полагать, что эта батарея не участвовала въ парадѣ.

4) Въ первоначальной редакціи: „въ кафедральный Римско-католическій соборъ Св. Іоанна“.

5) Изъ письма ген.-ад. Берга къ военному губернатору г. Варшавы, отъ 9 Ноября 1841 г. № 2338, видно, что кн. Паскевичъ желалъ, чтобы на торжествѣ открытія памятника было и Евангелическое духовенство, „такъ какъ въ день возмущенія пало за вѣрность своему государю и нѣсколько лицъ Евангелическаго исповѣданія“. Въ этомъ же письмѣ указывается, чтобы гражданскіе чиновники имѣли трауръ на лѣвой рукѣ.

скую площадь, всей пѣхотѣ сдѣлать также на караулъ, по общей командѣ генераль-маіора Лисецкаго¹⁾.

„По прибытіи процессіи къ алтарю, начинается отправленіе панихиды; по окончаніи же оной пропѣтъ будетъ погребальный кондакъ „Libera me, Domine“.

„По окончаніи пѣнія кондака, когда священнодѣйствующій возгласитъ „Kirje elejson“ и молитву „Отче Нашъ“, епископъ съ ассистентами освятитъ памятникъ съ четырехъ сторонъ, и тотчасъ, по окончаніи пѣнія и освященія памятника, произведенъ будетъ бѣглый огонь по орудіямъ изъ батарей въ саду²⁾ расположенныхъ, по распоряженію исправляющаго должность начальника 1-ой артиллерійской дивизіи, полковника барона Гольцберга, полагая по три выстрѣла на орудіе, а въ пѣхотѣ—баталіонный огонь, по командѣ начальствующаго парадомъ, генераль-маіора Лисецкаго; для каковаго огня въ пѣхотѣ должно быть предварительно роздано нижнимъ чинамъ по одному холостому патрону на человѣка.

„Потомъ произнесена будетъ проповѣдь, по окончаніи коей костельной музыкѣ, которая участвовать будетъ въ процессіи, играть гимнъ „Боже Царя Храни“; въ то же время играть этотъ гимнъ и всѣмъ полковымъ хорамъ въ пѣхотѣ, оставаясь на своихъ мѣстахъ³⁾.

„По окончаніи гимна, все духовенство съ крестами, семинарія и консисторія возвратятся въ свои дома и монастыри⁴⁾, какъ обыкновенно бываетъ послѣ погребенія, а войска проходятъ одинъ разъ церемоніальнымъ маршемъ мимо г. главнокомандующаго арміею, правымъ плечомъ къ памятнику, между симъ послѣднимъ и Краковскимъ предмѣстьемъ⁵⁾.

¹⁾ Въ первоначальной редакціи: „при прохожденіи духовенства съ крестами мимо пѣхоты и кавалеріи, войска дѣлаютъ на караулъ: въ пѣхотѣ—по-баталіонно, а въ кавалеріи—по-дивизионно. По мѣрѣ того, какъ процессія будетъ проходить мимо войскъ, баталіоны пѣхоты, пропустивъ мимо себя духовенство и всѣхъ чиновъ, слѣдующихъ въ процессіи, строятся во взводныя баталіонныя колонны съ права и слѣдуютъ позади процессіи, баталіонъ за баталіономъ, къ Саксонской площади, на которой располагаются на мѣстахъ, предварительно имъ на оной назначенныхъ; а кавалерія слѣдуетъ къ своимъ мѣстамъ по-полуэскадронно, за пѣхотою. Со вступленіемъ духовенства на Саксонскую площадь, открываются надписи на памятникѣ; находящіяся же на ономъ орлы и львы должны быть открыты съ ранняго утра 17 (29) Ноября“.

²⁾ Подразумѣвается Саксонскій садъ, начинающійся сейчасъ же за колонадою дома Скворцова (нынѣ военного вѣдомства).

³⁾ Въ первоначальной редакціи было сказано, что гимнъ будетъ исполненъ пѣвчими и музыкальными хорами. Изъ дѣла, между прочимъ, видно, что 15 Ноября, по распоряженію ген.-ад. Берга, приглашался во 2-ое отдѣленіе генеральнаго штаба капельмейстеръ Поленсъ, „для нужнаго объясненія касательно пѣнія гимна „Боже царя храни“ на предстоящемъ открытіи памятника на Саксонской площади“.

⁴⁾ Сверху приписано: „безъ конвоя“.

⁵⁾ Въ первоначальной редакціи: „...мимо г. главнокомандующаго арміею, между памятникомъ и домомъ Скворцова, по направленію къ Мазовецкой улицѣ“.

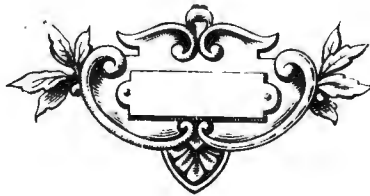
„Войска расходятся по казармамъ съ улицъ Мазовецкой и Королевской“.

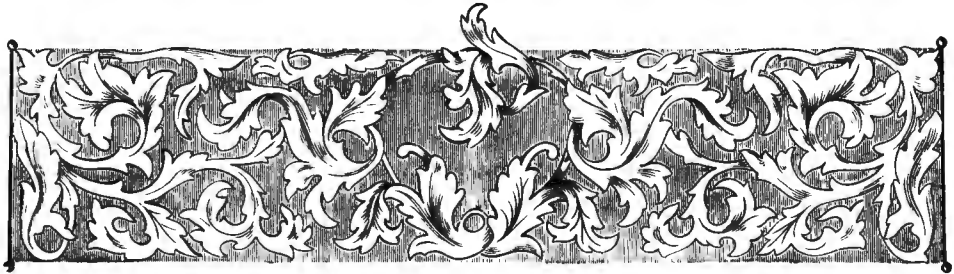
Въ дѣлѣ имѣются краткія свѣдѣнія о томъ, что для высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Варшавскаго и Новогоргеіевскаго, который желалъ видѣть торжество открытія памятника, было отведено помѣщеніе въ квартирѣ камергера Скибицкаго, въ домѣ Скворцова. Въ другомъ же домѣ, тоже выходящемъ на Саксонскую площадь, была отведена, въ помѣщеніи интендантства арміи, одна комната съ балкономъ для воспитанницъ Варшавскаго Александрійскаго института и ихъ директриссы, госпожи Гротенъ.

Во время церемоніальнаго марша, князь Паскевичъ обратилъ вниманіе на то, что кавалерія шла неровнымъ шагомъ, а линейные казаки были не чисто одѣты и при прохожденіи не соблюдали дистанціи; только сотня Донскаго казачьяго № 36 полка проходила особенно хорошо. Генераль-фельдмаршалъ приказалъ объявить отъ его имени благодарность командиру этого полка, подполковнику Родіонову (сообщ. ген.-квартирмейстера ген.-ад. Берга дежурному генералу арміи, ген.-маіору Викинскому отъ 26 Ноября 1841 г., № 2476).

Въ 1897 году, по случаю начавшейся на Саксонской площади постройки новаго православнаго собора, „памятникъ вѣрности“ былъ перенесенъ на Эриванскую площадь.

Сообщилъ И. Г. Попруженко.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА.

2-го Января 1880 г. Пробѣлъ и перемѣна. Я теперъ предсѣдатель Комитета Министровъ и Комиссіи Прошеній, вмѣсто скончавшагося графа Павла Игнатьева. Министерство Государственныхъ Имуществъ сдать князю Ливену.

3-го Января. Сегодня обѣдалъ у Государя съ графомъ Милютинымъ, княземъ Урусовымъ, ген.-лейтенантами Крыжановскимъ, Колпаковскимъ и Горловымъ. Послѣднихъ двухъ видѣлъ, кажется, въ первый разъ. Колпаковский—явно способная личность извѣстной руки. Горловъ произвелъ на меня впечатлѣніе чловѣка разсудительнаго и наблюдательнаго, безъ свѣтскаго лоска; онъ лучше всего заобѣденнаго синклита оцѣниваетъ Англійскія и Американскія дѣла. Въ немъ нѣтъ ни нашего глупаго Америкофильскаго пошиба, ни столь же глупаго пошиба Англофобіи.

Благодарилъ Государя за то, что онъ позволилъ мнѣ отклонить несвоевременно и неразумительно предположенное, по почину министра финансовъ, пожалованіе земли. Мнѣ вовсе не подѣе стать давать поводъ къ нареканіямъ въ ту минуту, когда я сажусь въ предсѣдательское кресло Комитета Министровъ и когда нравственный авторитетъ мнѣ тѣмъ болѣе нуженъ, что ни на какой другой я не могу съ увѣренностью рассчитывать. Починъ Грейга объясняется тѣмъ, что у него осталось, такъ сказать, на совѣсти послѣ нашихъ объясненій (слишкомъ годъ тому назадъ) насчетъ пожалованныхъ ему самому лѣсныхъ дачъ въ Царствѣ Польскомъ. Эти дачи цѣнностью далеко за $\frac{1}{2}$ милліона (какъ говорятъ, до 900 т. р.), и даже пожалованныя т. с. Шамшину, имъ проданы за 350 т. р. То и другое пожалованія испрошены бывшимъ министромъ финансовъ Рейтерномъ, почему и для чего, въ точности не знаю. Мнѣ бы теперъ дали какія нибудь земли въ Уфимской

губерніи, послѣ всѣхъ бывшихъ о такихъ пожалованіяхъ толкахъ. Цѣнность дара была бы т.—70, а криковъ поднялось бы на милліонъ, и я сталъ бы на одну доску съ Грейгомъ, Шамшинымъ, №№; которому я самъ просилъ пожалованія и который съумѣлъ подъ рукою выбрать себѣ участки довольно цѣнные, чегò я конечно не могъ бы ни сдѣлать, ни позволить сдѣлать. *Pas si paif*¹⁾). Я на отрѣзъ отказался.

6-го Января. Здѣшній ген.-губернаторъ въ особенности загадочно бездѣятеленъ. Генераль Дрентельнъ сообщилъ мнѣ весьма замѣчательную работу, исполненную для III-го Отдѣленія неназваннымъ мнѣ лицомъ²⁾): „Очеркъ соціально-демократическаго движенія“. Возвратилъ ее сегодня при запискѣ, въ которой выразилъ свое мнѣніе.

7-го Января. Обѣдалъ у Государя съ Ливеномъ (*son premier Lundi*), Абазою, Деляновымъ, Титовымъ, Кумани (кажется, онъ теперь посланникомъ въ Болгаріи). Государь приказалъ быть у него въ Среду, если не поѣдетъ на охоту. Зачѣмъ? Не моя записка-ли 1863 года получаетъ ходъ? Товарищемъ князю Ливену назначается Куломзинъ. Довольно хорошій выборъ, если педантизмъ и мелочность не помѣшаютъ.

9-го Января. Сегодня былъ у Государя. Дѣло дѣйствительно идетъ о моей запискѣ 1863 года съ ея приложеніями. При этомъ случаѣ Государь прочиталъ *исчезнувшую* съ 1866 года записку Великаго Князя ген.-адмирала (Константина) приблизительно по тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узкость ихъ въ глазахъ Государя составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ княземъ Урусовымъ. Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія, конечно при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, шефѣ жандармовъ и пр. Присутствовавшій Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію *status quo*³⁾ и всякій „конституціонализмъ“ считаетъ гибельнымъ. Явно также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ Имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно-столичными бреднями, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году (1879) высказалъ во всеподданнѣйшей запискѣ: *que le mot „constitution“ ne devait même pas être prononcé*⁴⁾. Государь передалъ Цесаре-

¹⁾ Не настолько простодушенъ.

²⁾ Княземъ Н. Н. Голицынымъ? П. Б.

³⁾ Современнаго строя.

⁴⁾ Что слово конституція даже произносить не надо.

вичу, отчасти по моему предложенію, отчасти *propria motu*, *les pièces des procès*¹⁾). Въ виду настроенія я не входилъ ни въ какія подробности. Всетаки дѣло пошевелилось. Увидимъ, что будетъ далѣе.

11 Января. Вчера послалъ къ Государю часть моей переписки съ княземъ Урусовымъ 1866 г., предварительно спросивъ на то согласіе князя Урусова и съ нимъ объяснившись. Онъ колеблется, не смотря на то, что самъ мнѣ сказалъ за обѣдомъ у Государя, 10-го Декабря, въ тотъ самый день, когда я напомнилъ Его Величеству о моей запискѣ 1863 г., „*qu'il ruminait sans cesse mes idées d'alors*²⁾).

15-го Января. Нездоровъ. Второй день не выѣзжаю. Вчера за мной присылалъ Великій Князь ген.-адмиралъ, и когда я написалъ ему, что не могу быть, то онъ просилъ прислать его записку 1866 г. Слѣдовательно Государь съ нимъ говорилъ. Сегодня ко мнѣ заѣзжалъ Маковъ и сказалъ, что Великій Князь съ нимъ вчера заговорилъ о той же запискѣ. Государь имѣетъ въ виду нѣчто къ 19 Февраля и намекнулъ объ этомъ и Дрентельну, который довольно наивно предложилъ даровать какія-то облегченія полицейскимъ поднадзорнымъ. Государь отозвался, что „пожалуй; но это особо, а дѣло въ другомъ, и онъ насъ соберетъ для совѣщанія“. Сегодня Государь прислалъ меня звать къ обѣду. Вѣроятно, онъ имѣлъ что нибудь и мнѣ сказать по этому предмету; но я извинился. Кое-что непременно сбудется, если рѣчь идетъ о 19 Февраля, и я не безъ основанія на то рассчитывалъ 10-го Декабря. Но что именно? Знаю, что со всѣхъ сторонъ будутъ стараться урѣзывать. Князь Урусовъ мнѣ сказалъ: *qu'il est effrayé de mon courage etc*³⁾. Отвѣчалъ: *que si courage il y avait, c'était dans mes écrits de 1863 et 17 années de silence, mais que pour le moment j'étais simplement at bag*⁴⁾).

18 Января. Вчера былъ у Великаго Князя г.-адм. Разговоръ о моей запискѣ 1863 и его 1866 годовъ. Онъ выпытывалъ, съ чего теперь началось движеніе. Убѣдившись, что отчасти толчекъ данъ былъ мною, онъ очевидно желалъ заключить со мною союзъ на дальнѣйшее дѣйствіе. Я уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указаній Государя и предстоящаго у него совѣщанія.

¹⁾ По собственному побужденію. Бумаги о ходѣ дѣлъ.

²⁾ Что онъ безпрестанно пережевывалъ мои тогдашнія мысли.

³⁾ Что онъ испугался моей отваги и т. д.

⁴⁾ Что если тутъ была отвага, то въ томъ, что я писалъ въ 1863 году и въ 17 годахъ молчанія; теперь же я просто былъ натолкнутъ (*at bag*)—охотничье выраженіе, слово въ слово: къ сумкѣ. П. Б.

Обѣдалъ у Его Величества съ Гурко, Дрентельномъ, Зуровымъ, Павломъ Шуваловымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ*). Государь сказалъ мнѣ, что князь Урусовъ совѣтуетъ ничего не дѣлать. Многого нельзя; малое, по его мнѣнію, не удовлетворитъ. Я отвѣчалъ, что дѣло такъ важно, что всетаки желательно, чтобъ оно было въ присутствіи Его Величества обсуждено. Государь съ этимъ согласился. Я сказалъ ему, что меня къ себѣ требовалъ ген.-адмиралъ, и испросилъ дозволеніе ему сообщить мои записки, что также разрѣшено. Возвратясь домой, послалъ бумаги къ великому князю г.-адмиралу. Кризисъ по этому радикальному вопросу наступаетъ.

19 Января. Государь, возвращая мнѣ нѣкоторыя бумаги, приписалъ, что просить къ себѣ въ Понедѣльникъ. Кризисъ у порога.

20 Января. Ген.-адмиралъ уже вчера возвратилъ мнѣ мои записки и благодарилъ за сообщеніе.

22 Января 1880 г. Вчера совѣщаніе у Государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми коридорными дверьми въ библиотечку. На лицо были: два Великихъ Князя, князь Урусовъ, Дрентельнъ, Маковъ и я. Государь предложилъ общій вопросъ на обсужденіе. В. К. ген.-адмиралъ прочиталъ свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу дѣла; но то и другое въ обычномъ полу-арлекинскомъ тонѣ. Была рѣчь о бессловности, и о реформахъ, и о чисто-Русскихъ, а незаграничныхъ началахъ, и объ Англійской конституціи, и о земствѣ, и о будто бы въ прежнее время раздражившемъ дворянство крестьянскомъ освобожденіи, и пр. и пр. Князь Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что Государь съ самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и предоставляетъ его обсуждать предварительно между нами. Я высказался въ свою очередь, преимущественно съ точки зрѣнія необходимости (въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ) положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція Цесаревича имѣла видимое вліяніе на князя Урусова и

*) Т. е. съ Маковымъ. П. Б.

Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось. Положено вновь быть у Государя 29 Января, въ 11 часовъ, а между тѣмъ намъ собраться у В. К. г.-адмирала завтра 23 Января.

Возвратясь домой, я написалъ Макову и князю Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во 1-хъ потому что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во 2-хъ потому что оно попало въ руки ген.-адмирала. Мнѣ выгодно, для будущаго, отступитъ, чѣмъ быть отбитому. Общее впечатлѣніе тягостное даже для меня, хотя я давно знаю моихъ собесѣдниковъ. Они оказались еще гораздо ниже общаго уровня, кромѣ Дрентельна, который въ такихъ дѣлахъ новъ и отъ котораго я ничего кромѣ инстинктивной робости ожидать не могъ. Въ князѣ Урусовѣ особенно беззащитно обнаружился лакеизмъ, а въ Маковѣ необтесанная ограниченность взгляда. Дивлюсь тому, какъ никто не замѣчаетъ опасности слишкомъ явнаго признанія въ правительственномъ эгоизмѣ. Быть можетъ, это и къ лучшему. При такихъ элементахъ и направленіи дѣла В. К. ген.-адмираломъ, успѣхъ вообще становится невозможнымъ. Судьбы сбываются! Быть можетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ, нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась. Сегодня въ Комитетѣ Министровъ одинъ изъ членовъ говорилъ, рассуждая съ большимъ *arbitrio*¹⁾, какъ столоначальникъ; другой излагалъ *ore rotundo*²⁾ соображенія, къ дѣлу не относившіяся. Обыденныя явленія.

23 Января 1880 года. Утромъ въ Мраморномъ дворцѣ я заявилъ В. Князю, что, въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единомыслія, я считаю мои предположенія неосуществимыми въ настоящее время и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсужденія отказываюсь. При этомъ случаѣ, однако-же, напомнилъ ему, *à propos*³⁾ его руссизмовъ, о вѣчахъ, о соборахъ, о Боярской думѣ, и сказалъ, что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая Русскія начала только со времени Екатерины или кодификаціи графа Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія Европейскія и общечеловѣческія начала (это относилось къ тому, что онъ, г.-а., Русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ никогда не примѣнявшихся статьяхъ Свода Законовъ, о выборѣ депутатовъ на случай и пр.). Маковъ, Дрентельнъ и князь Урусовъ, каждый на свой ладъ, также выразили отрицательное, по

1) Самоувѣренностью.

2) Во всеуслышаніе.

3) Кстати.

главному вопросу, мнѣніе. Тогда *Monseigneur s'est rabattu*¹⁾, опять со всевозможными ему свойственными ужимками и нескладными оборотами рѣчи, на простое распространіе вышеупомянутыхъ статей Свода Законовъ, на земство и, главное, городѣ. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ дѣла нельзя приурочивать къ 19 Февраля, а слѣдуетъ дать ему общій законный ходъ въ законодательномъ порядкѣ. В. К. г.-а. заявилъ, что онъ именно этого и желалъ!! Положено возвратиться ко всему этому послѣ завтра, въ присутствіи Цесаревича, который сегодня быть не могъ. Государыня Императрица сегодня возвратилась въ С.-П.Б. *Donc, elle n'est pas alitée*²⁾.

На лицо было, сверхъ вчерашнихъ, но безъ военнаго министра, графъ Лорисъ-Меликовъ, ген. Гурко, Набоковъ и Черевинъ. Воля Государя объявлена внезапно для всѣхъ. Генераль-губернаторство упраздняется, и ген. Гурко *s'est exécuté*³⁾ съ большимъ достоинствомъ. Неожиданность впечатлѣнія выразилась на всѣхъ лицахъ. *De facto* ступевываается III-е Отдѣленіе, но и генераль Дрентельнъ *s'est exécuté de bonne grâce*⁴⁾. При графѣ Лорисѣ дѣло можетъ пойти. Во всякомъ случаѣ на публику будетъ произведенъ эффектъ.

Само собою разумѣется, что я у Великаго Князя (проэктора адресовъ) не былъ. Весь городъ толкуеть о томъ, что онъ 5-го Февраля⁵⁾ уѣхалъ ночевать въ Кронштадтъ.

25 Января 1880 г. Засѣданіе у В. К. ген.-адмирала привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть не эскамотировалъ на то согласіе Цесаревича, на этотъ разъ присутствовавшего, и промолчаніе другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его *tour de*

1) Его Высочество заговорилъ другое.

2) Стало быть, она не въ постели.—Графъ А. В. Адлербергъ перевезъ больную Государыню изъ Санъ-Ремо въ Петербургъ. По мысли А. Ф. Аксаковой, какъ только поѣздъ выѣхалъ въ Россію, въ церквахъ служили заздравныя молитвы. Съ вокзала до Зимняго дворца карета нагрѣлась особо приспособленною печкою. Страдалица прожила еще до 22 Мая этого 1880 года. П. Б.

3) Покорился.

4) Покорился охотно.

5) День взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, когда погибло около 20 человекъ рабочихъ. 5-е Февраля, обыкновенно Великій князь Константинъ Николаевичъ съ сыновьями ѣздилъ въ Кронштадтъ на какой-то праздникъ. Говорятъ, что утромъ 6-го онъ, созвавъ къ себѣ населеніе Мраморнаго дворца, онъ сказалъ: „ищутъ преступника, преступникъ этотъ—я“; и зарыдалъ. П. Б.

prestidigitation¹⁾). Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Князь Урусовъ, Маковъ, Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю. Забыть главнаго нельзя. Satis²⁾!

27 Января. Не смотря на „satis“, возвращаюсь къ бывшему совѣщанію: не могу *propudore*, отмѣтить одного *dictum* Цесаревича. Онъ самъ, вѣроятно, не желалъ кого бы то ни было обидѣть; но слова, имъ произнесенныя, тѣмъ не менѣе были обидны. А ген.-адмиралъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ нынѣшнее исключительное положеніе дѣлъ въ генераль-губернаторствахъ, отозвался такъ: „конечно, при такой *дичи* все невозможно!“ Но эта „дичь“—мѣры принятыя по высочайшему повелѣнію его державнаго брата! Все невозможно не потому, что въ наше время приняты тѣ или другія исключительныя мѣры, а потому, что во главѣ правительства могутъ происходить такія совѣщанія при такихъ участникахъ.

30 Января 1880. Вчера похоронена вновь (надолго-ли, не угадываю) мысль 1863 года. На совѣщаніи у Государя, на этотъ разъ при участіи министра двора, ей прочитана краткая отходная, съ тѣми же оттѣнками, которые обнаруживались при предшедшихъ совѣщаніяхъ. Вечеромъ видѣлъ Грейга, который рассказывалъ, что военный министръ хотѣлъ вооружить наши крѣпости и учредить нѣчто въ родѣ наблюдательнаго и развѣдочнаго кордона вдоль Прусской границы,—въ ожиданіи внезапнаго Германскаго нападенія. При этомъ уже весьма неосторожно всполошились второстепенные Германофобы, въ родѣ д. т. с. Качалова, полковника ген. шт. Боголюбова и т. п. *Et cela s'appelle un gouvernement*³⁾! Вчера утромъ написалъ въ Берлинъ Сабурову о томъ *déplorable courant qui nous pousse à des complications avec l'Allemagne*⁴⁾. Сегодня, 30 Января 1880 г., получилъ письмо отъ Блейхредера изъ Берлина, который ожидаетъ къ 19 Февраля учрежденія у насъ „*Eines erweiterten Reichsraths mit Representation-system*“⁵⁾. Откуда до него дошли эти вѣсти, впрочемъ, весьма здѣсь распространенныя? Мое имя постоянно къ нимъ приурочивается.

1880 г. Февраль 2. Постоянные толки о предстоящемъ юбилеѣ. Мнѣ все кажется, что вмѣсто празднествъ онъ пахнетъ панихидой. Императрица гаснетъ, и вообще дѣла не имѣютъ юбилейнаго характера.

1) Фокусы.

2) Довольно!

3) И это называется правительствомъ.

4) Прискорбномъ направленіи, толкающемъ насъ къ осложненіямъ съ Германіей.

5) „Расширеннаго Государственнаго Совѣта“ съ системою представительства.

6 Февраля. Взрывъ произведенъ въ Зимнемъ дворцѣ. Полуголовые, въ родѣ *Абазы*, горько глумятся надъ полиціями, какъ будто глумленіе есть дѣйствіе въ критическія минуты, и какъ будто не эти же полуголовые либералы не такъ-то давно сами пѣли диэирамбы великимъ реформамъ, Болгарской войнѣ и давали деньги на нашу революціонную магистратуру, но отказывали въ нихъ полиціи, и старались ее всячески унижить и обезславить. Видѣлъ ген. Дрентельна и Гурко. Оба какъ будто зрители того, что происходитъ. А одинъ—шефъ-жандармовъ, другой полномочный генераль-губернаторъ и командующій войсками.

Безуспѣшность борьбы съ революціонной крамолой лежитъ солидарно на отвѣтственности министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи нар. просвѣщенія и на III-мъ Отд. съ его жандармами. Отвѣтственность за размѣры крамолы и ея глубокіе корни принадлежитъ всему правительству, быть можетъ кромѣ меня одного.

8-го Февраля 1880. Обѣдалъ у Дурновыхъ. Сегодня утромъ продолжительное, но почти безрезультатное совѣщаніе у Государя при Цесаревичѣ (министръ внутреннихъ дѣлъ, военный, двора, шефъ жандармовъ и я). Маковъ довольно опрометчиво затронулъ при своемъ докладѣ, вопросъ объ упраздненіи здѣшняго генераль-губернаторства, т. е. въ существѣ его мысли генерала Гурко, съ которымъ онъ, Маковъ, не справляется. Государь послалъ за нами. Оказалось, что онъ менѣе подался на предположеніе, чѣмъ Маковъ воображалъ. Цесаревичъ предлагалъ невозможную верховную слѣдственную комиссію съ диктаторскими на всю Россію распространенными компетенціями, что было бы равносильно только упраздненію *de facto* III-го Отдѣленія и шефа-жандармовъ и вообще всѣхъ другихъ властей, нынѣ вѣдающихъ политическія дѣла; при томъ *de jure* установилось бы прямое главенство самаго Государя надъ слѣдственнымъ диктаторствомъ Комиссіи и ея предсѣдателя. Вѣроятно подразумевался *Треповъ*, и едва-ли не онъ родоначальникъ мысли. Государь ее отклонилъ.

Маковъ чрезвычайно разстроены. Баласта мало. Легковѣрной увѣренности повидимому было немало.

9 Февраля 1880. Утромъ опять приказаніе быть во дворцѣ. Переѣзжаю во взглядахъ Государя (какъ догадывается графъ Адлербергъ, вслѣдствіе письма, вчера полученнаго отъ Цесаревича). Учреждается здѣсь верховная комиссія, и во главѣ ея графъ Лорисъ-Меликовъ.

11-го Февраля утромъ написалъ и отправилъ къ Государю записку съ краткимъ изложеніемъ основаній устройства Верховной Комиссіи.

Государь прислалъ тотчасъ за мной и въ присутствіи Цесаревича прочиталъ снова мою записку. Она одобрена вполнѣ, и я замѣтилъ, что Цесаревичъ былъ ею удовлетворенъ.

13 Февраля Государь на охотѣ въ Лисинѣ. Утромъ, вслѣдствіе сдѣланнаго вчера въ Комитетѣ Министровъ ген. Дрентельномъ напраснаго предложенія объ отмѣнѣ солянаго налога „для впечатлѣнія на народъ, въ виду взрыва 5 Февраля“ (!), написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ объяснилъ мое вчерашнее молчаніе личнымъ къ нему уваженіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлительно высказался на счетъ системы *правительственнаго подкупи правительствуемыхъ* и старался доказать ея лживость. Я упомянулъ о нашемъ упорномъ побѣдѣ дѣлать Русскій народъ на двѣ части: бѣлый и черный, на тщетность усилій *ему* сулить *копѣйки*, когда газеты и агитаторы ему сулятъ гораздо болѣе, потому что сулятъ чужіе рубли. Я указывалъ на несообразность искать опоры въ тѣхъ самыхъ массахъ, на которыя рассчитываютъ и анархисты. Далѣе окажется, что цѣною этой же самой многомилліонной для государства жертвы г. Абаза купилъ себѣ портфель министра финансовъ при маклерствѣ графа Лорисъ-Меликова. (С.-Пб. 30 Декабря 1881 г.).

16 Февраля 1880. Маковъ сегодня передалъ мнѣ слѣдующій отзывъ Государя о здѣшнемъ губернскомъ предводителѣ, графѣ Бобринскомъ: „Это отродье Шувалова, пустое и фальшивое!“ Гдѣ временно Pierre IV? Problème à résoudre: trouver un compensateur¹⁾.

18 Февраля. Въ Комитетѣ Министровъ родъ сцены по случаю комбинированной атаки Абазы и графа Баранова, *in forma innocentis*²⁾, противъ Посѣта. Къ атакѣ присоединился, не замѣчая бѣлой нитки, (Анненковъ, Нелидова) министръ финансовъ. Предлогомъ къ этому былъ частный вопросъ о пособіи желѣзной дорогѣ. Не безъ труда удалось *vider l'incident*³⁾. Онъ очевидно не входитъ въ свою роль, а видитъ предъ собою другую—устроителя по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

19 Февр. 1880. Мнѣ пожалованъ графскій титулъ.

Перетцу (?!!) Александровская лента!

1) Рѣшить загадку: найти замѣстителя.

2) Въ невинной формѣ.

3) Покончить съ приключеніемъ.

26 Февр. Утромъ въ Аничковомъ дворцѣ. Обычныя явленія и обычное неприличіе завтрака *безъ* хозяевъ.

27-го. Не догадываюсь, кто, кромѣ Каханова lui (Лорису-М.) *souffle certains noms et peut-être certains choses*¹⁾?

23 Февраля 1880.

Передъ обѣдомъ былъ у меня губерн. предводитель графъ Бобринскій. Объясненіе по представленному дворянствомъ письму и по *grieffs*²⁾ противъ Министр. Народнаго Просвѣщ. Цѣлый день дома. Получилъ чрезъ Макова порученіе Государя разобрать втроемъ съ нимъ и графомъ Толстымъ, на сколько основательны жалобы здѣшняго губернскаго предводителя дворянства на министра народнаго просвѣщенія (22 Февраля 1880).

Мысль покойнаго Государя, если ему не подсказанная, то отчасти въ немъ возбужденная нынѣшнимъ Государемъ, заключалась собственно въ учрежденіи высшей и общей слѣдственной и исполнительной комиссіи по дѣламъ государственной охраны. Доказательствомъ служитъ то, что при первоначальномъ объясненіи Маковъ и я предполагали, что имѣлся въ виду для начальства въ комиссіи г.-а. Треповъ. Когда Государь Александръ II-ой, въ совѣщаніи 9-го Февраля, назначилъ графа Лорисъ-Меликова, я тотчасъ созналъ возможность дѣйствительнаго сосредоточенія въ однихъ рукахъ высшаго веденія всѣхъ дѣлъ охраны Государя и государственной безопасности; но дѣло тотчасъ приняло направленіе съ этимъ текстомъ несогласное. Свойственная у насъ многимъ и весьма многимъ умственная лѣнь постоянно предрасполагаетъ къ выбору простыхъ и потому вообще грубыхъ средствъ для достиженія правительственныхъ цѣлей. Ничего нѣтъ проще, какъ положиться на *одну* силу вмѣсто нѣсколькихъ и ожидать отъ одного лица (подъ условіемъ предоставленія ему неопредѣленныхъ и всегда болѣе или менѣе призрачныхъ полномочій) разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя совокупными силами правительственнаго организма не были разрѣшены. Отъ побѣдителя Карса можно было ожидать энергическаго направленія дѣйствій всѣхъ административныхъ властей по части борьбы съ такъ называемой крамолой; но конечно нельзя было въ немъ чаять знатока всѣхъ отраслей государственнаго управленія и энцикло-

¹⁾ Нашептываетъ ему нѣкоторыя имена, а, быть можетъ, и нѣкоторыя вещи?

²⁾ Обидамъ.

педическаго преобразователя современнаго строя Россіи. Тѣмъ не менѣе дѣло было со дня на день поставлено именно на эту почву. Самъ Лорисъ Меликовъ, въ чаду выпавшаго ему на долю случая, подъ вліяніемъ непривычной ему салонной лести и по наущенію своихъ главныхъ эгерій, г.г. Абазы и Каханова, вообразилъ, что энциклопедическая задача ему по плечу и что для разрѣшенія ея нужно было только пріобрѣсти личную популярность, хотя бы и самыми неразборчивыми средствами. Новый начальникъ началъ съ заискиванія лести С.-П.-бургскихъ газетъ, съ дискредитированія того самаго правительства, къ составу котораго онъ принадлежалъ, и съ заботы о поднадзорныхъ участникахъ той крамолы, которую онъ былъ призванъ побороть. Его эгеріи (Абаза и Кахановъ) имѣли свои виды. (С.-П.б. 30 Дек. 1881 г.).

*

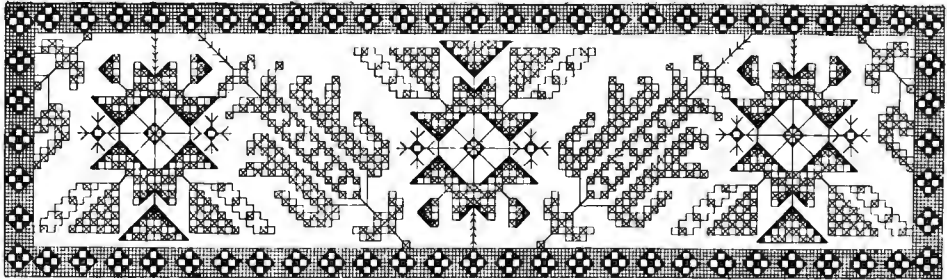
Графъ Валуевъ лицо не только достопамятное, но и необыкновенное въ отношеніи психологическомъ. Онъ внукъ того Кошелева, который жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ, пользуясь милостію Императора Александра Павловича и приводя въ исполненіе негласныя его порученія. Онъ племянникъ той камерфрейлины Валуевой, которая сопровождала Императрицу Елисавету Алексѣевну въ ея путешествіяхъ и на рукахъ которой скончалась Государыня. Валуева привезла изъ Белева Записки Елисаветы Алексѣевны (она не успѣла исполнить своего обѣщанія о доставленіи Карамзину этихъ Записокъ). Очевидно, что это была женщина умная и наблюдательная. На племянника своего она должна была дѣйствовать указаніями и совѣтами. Мать графа была красавица Фелькерзамъ, а первая супруга—княжна Прасковья Петровна Вяземская, которой отношенія къ нему изображены графомъ Л. Н. Толстымъ въ „Аннѣ Карениной“. Тесть вѣроятно дѣйствовалъ на него благотворно. Трудолюбіе и начитанность у графа Валуева были чрезвычайныя, но въ службѣ своей онъ долго не пользовался ни сочувствіями, ни даже уваженіемъ, что проистекало, можетъ быть, отъ его привычки говорить долгія рѣчи; такъ напр. когда, по дѣламъ „Русскаго Архива“, долженъ былъ я ему представляться, продержалъ онъ меня около получаса, говоря про мое изданіе со стороны положительной (при чемъ сказалъ, что Государю Императору угодно, чтобы какъ можно строже смотрѣли за всѣмъ, что будетъ въ печати про Александра Павловича), и со стороны отрицательной. Валуевъ написалъ романъ, который немногими былъ читанъ, и никто не ожидалъ, чтобы онъ могъ вести дневникъ дѣльный, очень разумный и даже съ предвѣщательными замѣтками, какъ напр. въ одномъ изъ отрывковъ его дневника въ „Русской Старинѣ“ онъ прямо пророчествуетъ злосчастную гибель Александра Николаевича.

Мы должны также пѣнить его рѣдкое безкорыстіе. Когда онъ уже былъ въ отставкѣ, привезено было изъ заграницы тѣло его первой тещи княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской; на отпѣваніи онъ смиренно стоялъ все время при самомъ входѣ въ церковь у свѣчнаго ящика и уѣхалъ домой на плохомъ извозчикѣ. Говорили, что онъ вынужденъ былъ даже продавать свои вещи и книги.

Не даромъ С. А. Соболевскій любилъ съ нимъ бесѣдовать и высоко цѣнилъ его.

П. Б.

ИЗЪ ХРОНИКИ НАШИХЪ ЗРѢЛИЩЪ.

Первый исполнитель Хлестакова.

„Ревизоръ сыгранъ... Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова¹⁾, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водеvilныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ Парижскихъ бульваровъ“, такъ писалъ Гоголь вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ (1836 г.).

Какъ видно, Дюръ игралъ Хлестакова въ водеvilномъ тонѣ и, хотя по Воспоминаніямъ Н. И. Куликова²⁾, это былъ „артистъ съ великими способностями во всѣхъ родахъ сценическаго искусства, превосходно игравшій въ комедіяхъ, драмахъ, водевиляхъ и даже въ операхъ“, однакоже конькомъ его надо считать повѣсь и молодыхъ франтовъ въ легкихъ комедіяхъ и водевиляхъ 1830-хъ годовъ.

1-го Ноября 1829 года изъ театральной школы былъ выпущенъ на службу въ дирекцію молодой человекъ, стройный, красивый, но съ такою впалюю грудью и такого болѣзненнаго вида, что драматическое искусство не могло рассчитывать на продолжительное служеніе Николая Осиповича Дюра.

У него была несомнѣнная чахотка, отъ которой умерла на 28-мъ году жизни и сестра его, Любовь Осиповна.

Л. О. Дюрова (незадолго до смерти вышедшая за-мужъ за актера-водевиллиста П. А. Каратыгина), служила въ продолженіи семи лѣтъ на Императорской драматической сценѣ въ Петербургѣ и играла столь разнообразныя роли, что заслужила названіе „перла труппы“. Про нее А. Вольфъ говоритъ въ своей „Хроникѣ Петербургскихъ театровъ“: актриса, счастливо одаренная природою, миловидная, граціозная, живая, у которой была бездна и пыла, и чувства, и

¹⁾ Альнаскарковъ изъ „Воздушныхъ Замковъ“ Хмѣльницкаго.

²⁾ Никол. Ив. Куликовъ, извѣстный сценическій дѣятель и мемуаристъ.

ума. Отъ нея и старцы, и молодые были всё безъ ума. И вотъ, когда сестра уже удалилась въ царство тѣней, на сценѣ появился столь-же счастливо одаренный природою братъ. Обладая значительными драматическими способностями, Н. О. Дюръ обладалъ также музыкальными и превосходно танцеваль“.

Знаменитый балетмейстеръ Дидло, въ чьихъ балетахъ „гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей Французской литературѣ“¹⁾, Дидло, „король и деспотъ“, прочилъ Дюра въ балетъ, но тотъ не захотѣлъ и дебютировалъ ролью Грифьяка въ водевилѣ князя Шаховского: „Фениксъ“, гдѣ ему приходилось танцевать *pas de deux* съ танцовщицею Зубовой, такъ что уроки Дидло тутъ емугодились. Первое время молодой дебютантъ появлялся и въ оперѣ (Дюръ пѣлъ баритономъ). Въ водевиляхъ онъ занялъ роли Рамазанова († 1828 г.). Ловкость, веселая непринужденность, прекрасная манера пѣть куплеты (говорить А. Вольфъ) приобрѣли ему вскорѣ любовь публики.

Уже 16 Декабря 1829 г., т. е., полтора мѣсяца спустя, какъ Дюръ былъ принятъ на службу, директоръ Императорскихъ Петербургскихъ театровъ, князь С. С. Гагаринъ далъ конторѣ театровъ слѣдующее предписаніе:

„Желая наградить актера Россійской труппы Дюра за отличное усердіе его къ службѣ и за частое переучиваніе ролей за другихъ артистовъ, назначилъ я ему въ подарокъ золотыя часы, которые уже и препровождены къ нему черезъ г. инспектора Россійской труппы²⁾. О выдачѣ же 150 рублей за вышеозначенныя часы при семъ прилагается особый ордеръ“³⁾.

Н. О. Дюръ не встрѣтилъ терніевъ съ начала артистическаго пути; не было ихъ и потомъ, но самый путь оказался не дологъ: болѣзнь, очевидно, наследственная, не поддается лѣченію. Дюръ въ отпуску съ 1-го по 15 Августа 1830 г. въ Царскомъ Селѣ, но въ 1834 г. онъ просится, по совѣту доктора Адельсона, въ Гапсаль для морскихъ ваннъ.

3-го Апрѣля онъ подалъ инспектору Россійской труппы слѣдующее прошеніе: „Не безызвѣстна вамъ была тяжкая болѣзнь, которою я страдалъ прошлаго года и послѣ которой я, по сіе время, несмотря на продолжительное леченіе, не могу придти въ прежнее здоровое состояніе. Опытные медики увѣряютъ меня, что для поправленія моего здоровья, нѣтъ другого средства, какъ употребленіе морскихъ ваннъ. Вслѣдствіе чего осмѣливаюсь я просить васъ, м. г., исходатайствовать мнѣ у высшаго начальства позволеніе отлучиться на нынѣшнее лѣто въ Эстляндскую губернію, въ городъ Гапсаль, для пользованія морскими ваннами“⁴⁾.

1) Примѣчанія Пушкина къ „Евгенію Онѣгину“.

2) А. И. Храповицкаго.

3) Архивъ Имп. Двора. Дѣла Дирекціи. Дѣло № 4186.

4) Арх. И. Дв.

Прошеніе заканчивалось просьбою о денежномъ пособіи (Дюръ получалъ въ то время 2600 р. ассигн. въ годъ).

Храповицкій передалъ прошеніе замѣнившему князя Гагарина, въ должности директора Петерб. театровъ, А. М. Геденову, который, въ свою очередь, рапортовалъ министру Императорскаго Двора князю П. М. Волконскому.

По многимъ архивнымъ дѣламъ Геденовъ рисуется доброжелательнымъ и, хотя подчасъ грубымъ, но заботливымъ начальникомъ. Въ отношеніяхъ его къ артистамъ была простота, было и нѣчто отеческое. Онъ докладывалъ министру, что Дюръ „при отличныхъ къ театру способностяхъ съ примѣрнымъ усердіемъ исполняетъ въ точности и съ успѣхомъ всѣ приказанія дирекціи, и тѣмъ доставляя оной значительную пользу, по всей справедливости заслуживаетъ и особеннаго къ нему вниманія“. И Геденовъ просилъ князя удовлетворить просьбу Н. Дюра объ отпускѣ и пособіи, по примѣру Сосницкаго¹⁾.

По докладу князя Волконскаго императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ отпустить Дюра въ Галсаль и приказалъ выдать ему 1500 р. Дюръ пробылъ у Балтійскаго моря съ 1-го Іюня по 1 Сентября 1834 г.

Судьба тѣшилась надъ талантливымъ человѣкомъ, отличавшимся, кромѣ того, честностью и правдолюбіемъ: болѣзнь неумолимо подтачивала его слабыя силы, а сценическіе успѣхи Н. О. Дюра все росли. Публика рукоплескала ему, когда онъ пѣлъ въ операхъ („Сорока-воровка“, „Дон-Жуанъ“ и другихъ), танцевалъ въ дивертисментахъ; въ особенности-же великъ былъ успѣхъ артиста въ комическихъ роляхъ.

Задолго до роли Хлестакова Дюръ вышелъ въ роли Молчалина, въ Январѣ 1830 года, когда Сосницкій поставилъ въ свой бенефисъ два акта изъ Грибоѣдовской комедіи.

По отпѣткѣ Вольфа, Дюръ былъ весьма удовлетворенъ.

Однакожь, никакія иныя, а водевильныя роли прославили его, и видѣть Дюра въ этихъ роляхъ желалъ не одинъ Петербургъ.

8 Іюня 1836 года А. Н. Верстовскій писалъ Дюру: „Душевно порадовало меня благое намѣреніе ваше посѣтить Москву. Я давно пенялъ вамъ, что вы не отвѣчали на вызовъ мой, который я сдѣлалъ черезъ Живокини на счетъ вашего приѣзда весенняго въ Москву. Теперь нашъ Большой театръ перестраивается, и съ нимъ лежатъ всѣ наши оперы, и Цампа въ томъ числѣ. Слѣдовательно мы будемъ жить комедіями и водевилями. Михаилъ Николаевичъ²⁾ очень радъ вашему приѣзду и предлагаетъ вамъ полный бенефисъ на Маломъ театрѣ послѣ семи представленій. Изъ прилагаемаго списка у насъ

¹⁾ И. И. Сосницкій былъ отпущенъ въ 1830 г. для лѣченія въ Одессу и получилъ пособіа 4000 р. ассигн.

²⁾ Загоскинъ. Въ ту пору былъ директоромъ Московск. театровъ.

одного не находится, который вы можете привозить съ собою, если рѣшится подарить насъ приѣздомъ своимъ. Это „Несчастіе красавца“¹⁾. Здѣсь его не играли. Вы во всѣхъ пьесахъ такъ прекрасны, что трудно будетъ изъ нихъ сдѣлать выборъ безъ вашего согласія. Увѣдомьте, когда вы выѣзжаете и согласны ли вы на предложенное условіе. И съ моей стороны еще разъ увѣряю васъ, что приѣздъ вашъ въ Москву принесетъ вамъ пользу, а публикѣ удовольствіе“²⁾.

1-го Іюля Дюръ уѣхалъ въ Москву, отпущенный Гедеоновымъ на 28 дней. Артистъ ѣхалъ поправлять „свои разстроенныя домашнія обстоятельства“. Здѣсь кстати будетъ сказать, что Н. О. Дюръ женился на танцовщицѣ Марьѣ Дмитріевнѣ Новицкой 6-го Февраля 1835 года. Это была красавица; ее прославила роль Нѣмой въ „Фенеллѣ“. А. М. Гедеоновъ засматривался на красавицу-танцовщицу, которая могла стать всесильною фавориткою и плавать въ роскоши и полномъ довольствѣ, но дѣвушка предпочла безчестью и роскоши бракъ съ бѣднымъ актеромъ. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь Марія, а въ годъ смерти отца—вторая дочь Надежда.

Н. И. Куликовъ говорилъ³⁾, будто-бы Дюръ сталъ „нелюбимцемъ директора, когда женился на Новицкой“; но въ чемъ выразалась перемѣна отношенія Гедеонова къ артисту, неизвѣстно, между тѣмъ, какъ видимъ, Дюръ не имѣлъ отказа въ отпускѣ, хотя-бы въ Москву, и вообще директоръ не оставался равнодушнымъ, слыша просьбы угасающаго комика.

А Дюръ угасалъ. 30-го Декабря 1838 года онъ игралъ послѣдній разъ роль Пузина въ водевилѣ Н. Коровкина „Отецъ, какихъ мало“; послѣ того слегъ въ постель и уже не вставалъ.

10 Февраля 1839 года ему было выдано 1500 рублей пособія изъ Кабинета Его Величества.

Умирающаго артиста навѣщали сослуживцы, друзья и поклонники. Разставаясь съ жизнью, Дюръ беспокоился о судьбѣ семьи. Жена его получала 1800 руб. ассигнаціями въ годъ, и съ этимъ ей пришлось-бы вдовствовать. Не задолго до смерти онъ обратился къ Гедеонову, прося „успокоить его въ послѣднія минуты увѣренностью, что жена и дочь его не останутся безъ пенсіона, даруемаго артистамъ отъ щедротъ Монаршихъ“.

Гедеоновъ „принялъ въ уваженіе истинно-горестное положеніе Дюра, не имѣющаго совершенно надежды къ выздоровленію“ и „долгомъ поставилъ

¹⁾ Переводный водевилъ „Les malheurs d'un joli garçon“) П. С. Оедорова и П. Н. Вальберха.

²⁾ Авторъ оперы „Аскольдова Могила“ былъ тогда помощникомъ Загоскина. Арх. И. Дв.

³⁾ Русская Старина, 1892.

о просьбѣ его предварить“ министра, свѣтлѣйшаго князя Волконскаго, „съ тѣмъ, что не позволено-ли будетъ успокоить умирающаго объявленіемъ ему, что семейство его не останется безъ покровительства“¹⁾. Государь Николай Павловичъ выразилъ, что жена и дочери Дюра не будутъ оставлены его милостями.

Вслѣдъ за этимъ Гедеоновъ писалъ Дюру:

„Любезный Николай Осиповичъ! Вслѣдствіе твоей просьбы, я говорилъ съ г. министромъ, а онъ позволилъ мнѣ объявить тебѣ, что безъ сомнѣнія Государь Императоръ не оставитъ своими милостями жены и дочерей твоихъ, въ случаѣ, если-бы мы имѣли горестъ тебя лишиться. Итакъ, съ этой стороны ты долженъ быть совершенно спокоенъ; но я надѣюсь, что Всевышній сохранить тебя для счастья твоего семейства и для славы Русской сцены, и что ты еще самъ много лѣтъ будешь пользоваться милостями Его Императорскаго Величества, чего душевно тебѣ желаю, пребывая съ истиннымъ уваженіемъ²⁾).

Надежды Гедеонова не оправдались. Черезъ 2 дня, 16 Мая 1839 года Н. О. Дюръ скончался (Онъ родился въ 1807 году).

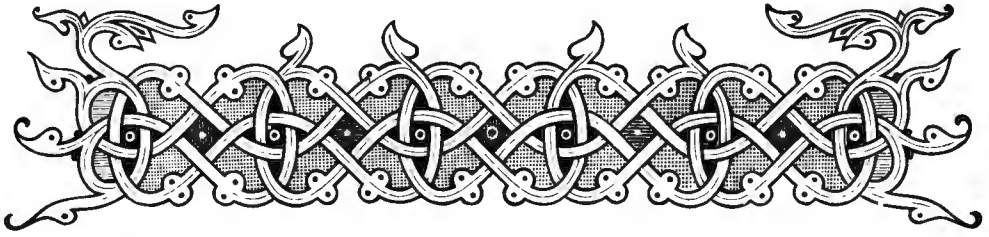
Вдова его получила единовременно годовою окладъ его жалованья (3000 р.), а пенсія Марья Дмитріевна была назначена по 4 тысячи рублей ассигнаціями. Монаршая милость дѣйствительно ярко просіяла.

Павель Россіевъ.

¹⁾ Арх. И. Дв. Дѣло № 4186.

²⁾ „Репертуаръ“ 1839.

1812-й годъ.

Французы въ архивъ Вотчиннаго Департамента.

По занятіи Французами Москвы, главная часть арміи Наполеона была расквартирована въ Кремлѣ. Здѣсь именно была помѣщена его гвардія. Часть ея заняла зданіе Сената, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщался тогда Архивъ Вотчиннаго Департамента. Французы прошли въ Архивъ и здѣсь постарались создать для себя удобную обстановку. Было изъ чего! Древніе документы, заключенные въ объемистыя книги въ кожаныхъ переплетахъ, были очень удобны для устройства изъ нихъ мѣстъ для сидѣнія, постелей и столовъ; они же могли служить и великолѣпнымъ топливомъ. Французскіе солдаты все это учли тотчасъ же при своемъ появленіи въ Архивѣ. Вскорѣ цѣнные древніе акты были сняты съ полокъ и частью разбросаны по полу, а частью свалены въ кучи, изъ которыхъ Наполеоновы гвардейцы устроили себѣ столы, стулья и постели. Тутъ же были сооружены очаги для приготовленія кушанья, что не представляло большой опасности, такъ какъ полъ въ Архивѣ былъ каменный, и держать огонь на немъ можно было свободно.

Французы, конечно, не обращали вниманія на тѣ сокровища, которыми они пользовались какъ какимъ-нибудь хламомъ, и совершенно свободно употребляли ихъ на растопку очаговъ и на другія надобности. Таковы были Французскіе солдаты (въ большинствѣ, конечно). Отдѣльныя же личности иногда и понимали значеніе того, съ чѣмъ они такъ варварски обращались; но предотвратить это варварство они, конечно, были не въ силахъ, и памятники нашей старинной жизни уничтожались безпощадно.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи намъ встрѣтилась книга, которая несомнѣнно перелистывалась какимъ-либо любознательнымъ Французскимъ солдатомъ и которая заключаетъ въ себѣ и доселѣ слѣды Французскаго вниманія. Книга заключаетъ въ себѣ бумаги по земельнымъ спорамъ въ Калужской губерніи, въ царствованіе Петра II-го. Кожанный переплетъ этой книги и доселѣ сохранилъ на себѣ слѣды какой-то высохшей теперь жидкости, которая была разлита по книгѣ. Можетъ быть, на этой книгѣ весе-

лые Французы распивали вино, проливая его на импровизированный столъ. А можетъ быть, эти темныя полосы на кожанномъ переплетѣ представляютъ собою запѣкшіяся, отъ времени уже вытертыя, сгустки крови, и въ такомъ случаѣ, нужно думать, что эта книга валялась гдѣ-либо въ кровяной лужѣ, откуда извлекъ ее какой-то Французскій солдатъ.

Такъ или иначе, но любознательный Французъ заинтересовался книгою и пожелалъ узнать ея содержаніе. Конечно, прочесть написанное онъ не могъ, но онъ хорошо понялъ, что предъ нимъ историческіе документы, важные для исторіи страны. И онъ на минуту вообразилъ себя лѣтописцемъ: взялъ перо и водянистыми чернилами на чистомъ полѣ открывшейся случайно страницы написалъ слѣдующее:

„L'aigle au-dessus la tour de la porte d'entrée du Cremmlin en tenant du côté du quartier des marchands, a été ôté la 19 8-bre 1812 par le mineur de la Garde Impèriale franaises“ *).

Написавъ эти слова, Французскій гвардеецъ не далъ засохнуть черниламъ и поспѣшно продолжалъ перелистывать книгу. Быстро отбрасывая листы цѣлыми пачками, сколько захватывали его пальцы, онъ по временамъ останавливался и дѣлалъ другія мимолетныя замѣтки, разобрать которыя теперь представляется совершенно невозможнымъ. Въ одномъ же мѣстѣ онъ написалъ, повидимому, довольно много, о чемъ свидѣлствуютъ кляксы на противоположномъ листѣ, но затѣмъ вырвалъ этотъ исписанный листъ и на этомъ прекратилъ свои лѣтописныя занятія.

Это напоминаетъ намъ про рассказы Софьи Юрьевны Самариной о 1812 годѣ. Она была тогда еще дѣвушкой и съ родителями своими спасалась въ Вологду. Въ Москвѣ обширный домъ ихъ (въ наши дни Мазуриныхъ) находился на углу Златоустинскаго переулка и проѣзда на нижнюю Лубянскую площадь. На этомъ домѣ еще не такъ давно красовался гербъ Нелединскихъ-Мелецкихъ, представитель которыхъ, получившій образованіе въ Страсбургѣ, умнѣйшій человекъ и писатель Юрій Александровичъ имѣлъ большую бібліотеку. Французы переколотили зеркала, а книгами устлали дворъ, чтобы негрязно ходить по немъ.

Н. Г. Высоцкій.

*) Не совсемъ грамотно составленная фраза въ переводѣ на Русскій языкъ означаетъ: „Орелъ (гербъ) надъ башней входныхъ воротъ Кремля, которые находятся со стороны квартала купцовъ (торговыхъ рядовъ), былъ снятъ 19-го Октября (т. е. 12 Октября) саперомъ императорской Французской гвардіи“.

Запрещенныя при Екатеринѣ Великой книги.

Въ началѣ 1796-го года въ Петербургѣ была напечатана книга неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта“, въ 5-ти частяхъ. Книга была одобрена цензурой. Разсматриваль ее и допустилъ къ печатанію „приставъ“ Петербургской Управы Благочинія, секундъ-маіоръ Шахомій Даниловъ Князевъ. Въ цензурѣ книга не встрѣтила никакихъ препятствій и не вызвала никакихъ недоразумѣній.

Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, эта книга обратила на себя вниманіе правительственной власти и была признана подлежащей немедленному запрещенію и отобрана.

По чьему почину возникло дѣло о запрещеніи этой книги, намъ неизвѣстно. Мы не располагаемъ свѣдѣніями также и о томъ, какъ велось это дѣло въ Петербургѣ. Имѣющіяся у насъ архивныя бумаги говорятъ только о томъ, что происходило по этому дѣлу въ Москвѣ.

7-го Апрѣля 1796 года генераль-прокуроръ графъ А. Н. Самойловъ, въ письмѣ на имя главнокомандующаго въ Москвѣ М. М. Измайлова, писалъ, что до Ея Императорскаго Величества дошли свѣдѣнія о томъ, что вышепоименованная книга содержитъ въ себѣ вольныя мысли и заключаетъ непозволительно-смѣлыя выраженія; поэтому Государыня Императрица изволила приказать запретить продажу этой книги, а самую книгу отобрать отъ книгопродавцевъ и хранить всѣ задержанные экземпляры въ Московской Управѣ Благочинія.

При этомъ „секретномъ“ письмѣ графомъ А. Н. Самойловымъ приложена особая записка, въ которой съ буквальной точностью выписаны всѣ тѣ вольныя мысли и дерзкія выраженія, за которыя книга подвергалась запрещенію и отобранію. А именно:

Стр. 139-я, первой части книги: „Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, умершій бездѣтнымъ, объявилъ наслѣдникомъ коронѣ младшаго брата своего Петра, обойдя старшаго брата его Іоанна въ разсужденіи неспособности его къ правленію по болѣзни и слабодушію“.

Стр. 140-я, той же части: „Петръ Первый самъ, умирая, не нарекъ по себѣ наслѣдника, повидимому, или не рѣшилъ на то, или же предускоренъ былъ въ томъ смертію. Оставалось въ неизвѣстности, кому по немъ царствовать; большая часть народа желала имѣть наслѣдникомъ и государемъ своимъ принца Петра, сына несчастнаго Алексѣя, но сильнѣйшая сторона употребила всѣ мѣры къ возведенію на престолъ Екатерины, супруги Петра Перваго“.

Стр. 243-я, второй части книги: „Кардинала Ришелье, министра Людовика XIII, казалось, единственное стараніе состояло въ томъ, чтобы власть короля увеличить уничтоженіемъ вольности и священныхъ правъ народа; онъ достигъ своей цѣли насиліемъ и происками. Наконецъ, въ правленіе Людовика XIV-го, отъ низости его ласкателей, деспотизмъ возшелъ на высочайшую степень. Людовикъ XV наслѣдовалъ всю неограниченную власть своего предшественника, но какъ не наслѣдовалъ онъ тѣхъ же блистательныхъ дарованій и предался величайшимъ распутствамъ, оставя правленіе своимъ министрамъ и любовницамъ, то подданные его начали скучать таковымъ поноснымъ игомъ, которое въ правленіе Людовика XIV частію сами на себя возложили. Хотя въ его время и менѣе было стихотворцовъ съ прекрасными дарованіями, нежели во время его предшественника, но оное произвело философовъ, которые при свѣтѣ разума открыли права государя и гражданина и доставили всему народу новый оборотъ въ умахъ. Американская война, въ которой Людовикъ XVI, скоро по вступленіи своемъ на престолъ, принялъ участіе, показала подданнымъ его, на самомъ дѣлѣ, тѣ новыя правила, кои проповѣдывали имъ тѣ философы, и возбудила въ нихъ величайшее желаніе вольности и основаннаго на правотѣ постановленія“.

Стр. 259-я, той же части: „17 Іюля того же года имѣлъ славный въѣздъ въ оный городъ Людовикъ XVI и согласился на перемѣну въ прежнемъ образѣ правленія“...

Получивъ означенное „секретное“ письмо отъ А. Н. Самойлова съ присоединеннымъ къ нему приложеніемъ, М. М. Измайловъ немедленно далъ ордеръ Московскому полицімейстеру, полковнику Павлу Каверину съ предписаніемъ отобрать у всѣхъ Московскихъ книгопродавцевъ вышеназванную книгу. Это распоряженіе было дано 13 Апрѣля, а уже 20 Апрѣля полковникъ Каверинъ доносилъ главнокомандующему, что имъ конфисковано въ Московскихъ книжныхъ магазинахъ 395 экземпляровъ этой книги, каковыя экземпляры, запечатанные его печатью, сданы на храненіе въ Управу Благочинія, при чемъ отъ всѣхъ Московскихъ книгопродавцевъ и содержателей типографій имъ, Каверинимъ, отобраны подписки съ обязательствомъ впредь не прода-

вать эту книгу, „яко запрещенную“, и вообще имѣть у себя подъ опасеніемъ строжайшаго взыскапія.

Изъ донесенія Каверина выясняется, что всего въ Москвѣ этой книги было 395 экземпляровъ, 20 экземпляровъ имъ было отобрано у книгопродавцевъ Матвѣя и Василя Глазуновыхъ, 339 онъ нашель у содержателей Университетской типографіи Христіана Ридигера и Христофора Клаудія, а остальные 36 были проданы этими послѣдними неизвѣстно какимъ лицамъ. Прочіе же книгопродавцы въ Москвѣ, а именно: Никита Никифоровъ Курилинъ, Иванъ Васильевъ Ивановъ, Михаилъ Кондратьевъ Овчинниковъ, Иванъ Никитинъ Водопьяновъ, Иванъ Алексѣевъ Луковниковъ, Семень Никифоровъ, Павелъ Аюнасьевъ Вавиловъ, Иванъ Егоровъ Зеленниковъ, Семень Ивановъ Комисаровъ, объявили Каверину, что помянутая книга у нихъ „въ продажѣ не имѣлась и впредь оной имѣть не будутъ“.

На основаніи этого донесенія М. М. Измайловъ представилъ рапортъ генераль-аншефу графу А. Н. Самойлову съ присовокупленіемъ, что такъ какъ вышеупомянутые 36 экземпляровъ кому были проданы неизвѣстно, то и отобрать ихъ было не возможно.

Этимъ дѣло не ограничилось. Правительственная власть задалась вопросами, какимъ образомъ эта книга могла выйти въ свѣтъ съ разрѣшенія цензуры, какъ могъ пропустить ее цензоръ.

Почти одновременно съ предписаніемъ изъять изъ продажи эту книгу М. М. Измайловъ получилъ отъ А. Н. Самойлова сообщеніе съ порученіемъ разыскать и допросить бывшаго „при разсматриваніи книгъ въ Петербургской Управѣ Благочинія приставомъ“ секундъ-маіора Шахомія Данилова Князева, который цензуровалъ эту книгу и который въ это время, находясь уже въ отставкѣ, проживалъ въ Москвѣ: „почему онъ сію книгу съ таковыми выраженіями пропустилъ для напечатанія“. Отвѣтъ Князева надлежало прислать графу Самойлову въ Петербургъ.

Поднялась новая тревога. Въ Москвѣ Князева не оказалось: онъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню, въ Тульскую губернію. Возникла переписка съ Тульскимъ губернаторомъ и съ самимъ Князевымъ. Измайловъ написалъ коротенькое письмо къ Князеву, въ коемъ, не объявляя главной причины, для чего онъ вызываетъ его, просилъ только пріѣхать въ Москву, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, для личнаго съ нимъ объясненія по „нѣкоторымъ надобностямъ“. Письмо это было отправлено Князеву черезъ Тульскаго губернатора А. Лопухина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Измайловъ извѣстилъ о такомъ письмѣ и графа Самойлова.

Вызванный въ Москву Князевъ 1-го Мая явился къ главнокомандующему и представилъ слѣдующее объясненіе на поставленные ему вопросы:

„По поданной мнѣ отъ вашего высокопревосходительства запискѣ, относительно якобы до разсмотрѣнія и пропущенія мною, во время служенія моего въ С.-Петербургской Управѣ Благочинія гражданскимъ приставомъ, нѣкоторыхъ статей въ книгѣ Повѣствовательнаго Землеописанія, честь имѣю вашему высокопревосходительству донести. Разсматриваль-ли я ту книгу, припомнить, по давнопрошедшему времени и множеству входимыхъ къ разсмотрѣнію книгъ, не могу; если же подлинно оной нѣкоторыя части я разсматриваль и статьи, противныя данному наставленію, напечатанными оказались, то сіе послѣдовало не отъ умысленности какой-либо моей, но, можетъ статья, были мною вымараны, а послѣ сочинителемъ поновлены, или не прибавлено-ль послѣ моего подписанія, или отъ неразумѣнія, или недоразсмотрѣнія, по множеству дѣлъ и занятія мыслей другими предметами, во время чтенія той книги. Сколь же рачительно исправляль я должность мою, то засвидѣтельствуетъ господинъ оберъ-полиціймейстеръ и кавалеръ Павелъ Михайловичъ Глазовъ; а сколь осторожно разсматриваль книги, докажутъ то многіе мною разсматриваемые и моею рукою поправляемые оригиналы“.

Какое послѣдствіе имѣло для Князева это объясненіе, въ точности изъ дѣла не видно. Но надо полагать, что оно было признано вполнѣ удовлетворительнымъ и для него вполнѣ благоприятнымъ, такъ какъ того же 1-го Мая Измайловъ писалъ Тульскому губернатору Андрею Ивановичу Лопухину, что Князевъ сего дня былъ у него „и по неимѣнію въ немъ болѣе надобности, возвращается къ своей должности“; и послѣ отъ А. Н. Самойлова не получалось о Князевѣ никакихъ распоряженій.

Немного спустя, 4 Іюня 1796 года, графъ А. Н. Самойловъ снова писалъ къ М. М. Измайлову, увѣдомляя, что Государыня приказала конфискованныя книги передать на храненіе въ Академію Наукъ и просилъ его сдѣлать распоряженіе о доставкѣ всѣхъ отобранныхъ экземпляровъ къ правящему должность директора Академіи Наукъ, камеръ-юнкеру П. Бакунину.

18 Іюля книги, въ количествѣ 359 экземпляровъ, были уже доставлены въ Академію Наукъ и тамъ приняты самимъ Бакунинымъ.

Н. Г. Высоцкій.

Изъ стиховъ О. М. Бодянскаго на С. П. Шевырева.

Врагъ Флетчера, губитель „Чтеній“;
Профессоръ-скоморохъ, лакей,
Прихвостникъ бабъ, Закревской геній,
Нашъ баронетъ, серъ Шеверлей.

Ты не умрешь, ты будешь вѣченъ,
Изъ памяти не выйдешь вонъ;
Одно лишь жаль: никѣмъ не съченъ,
Хотя презрѣнемъ заклеимленъ.

Всегда о честности толкуешь,
И благороднымъ вѣчно радъ;
Ты не Погодинъ, не воруешь,
А между тѣмъ его Пилать.

Горячій патріотъ Славянскій
Вездѣ съ Славянскою семьей
Ты возишься, а гдѣ Бодянскій?
Оттерть, замять, пошелъ съ сумой.

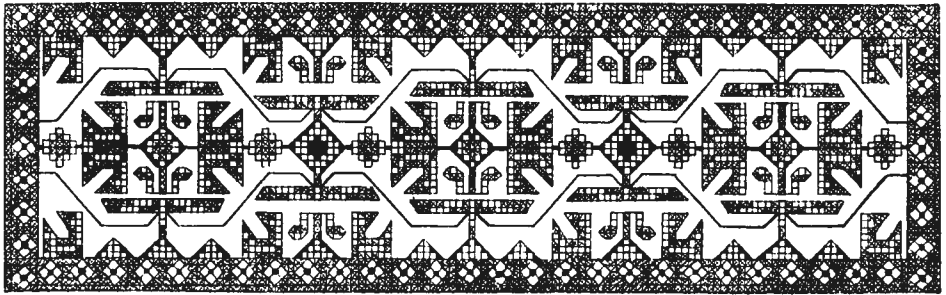
На кафедрѣ профессоръ скуки.
Въ салонѣ враль, фразеръ шальной,
Шпіонъ по службѣ на всѣ руки,
И словомъ, малый препустой!...

1849 г. 31 Марта.

Сообщено А. А. Титовымъ изъ приобрѣтенныхъ имъ по кончинѣ Бодянскаго бумагъ его.

1849 годъ горестно памятенъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Къ этому времени могутъ относиться стихи И. С. Аксакова: „Клеймо домашняго позора мы носимъ славные извнѣ“. Россія спасла Австрію отъ Венгерскаго мятежа. Молодой Францъ-Иосифъ на Варшавской площади благодарственно цѣловалъ руку нашего Николая Павловича. Цензурное вѣдомство у насъ неистовствовало. Забранъ переведенный въ „Чтеніяхъ Общества Россійскихъ Древностей“ Н. В. Калачовымъ переводъ Англійскаго путешественника временъ Іоанна Грбзнаго Флетчера, и издатель „Чтеній“, бѣдный профессоръ лишился мѣста. Бодянскому показалось, будто въ судьбѣ его виновенъ его товарищъ по Университетскому преподаванію Шевыревъ. Позднѣе онъ также чернилъ М. П. Погодина, въ чемъ потомъ въ засѣданіи Общества приносилъ покаяніе. П. Б.

**Дневникъ словесныхъ повелѣній императора Павла графу В. В. Растопчину,
1799—1801.**

Сентябрь 1799.

2-го. Написать Римскому Императору болѣе сухо.

Радуалику отказать въ паспортѣ, по просьбѣ гр. Кобенцеля.

Сообщить королю Шведскому объ отказѣ Лондонскаго Двора платить субсидіи и спросить, какія имъ будутъ приняты мѣры насчетъ предложеннаго союзнаго договора.

4-го. Присоединеніе Имперіей войскъ одного изъ ея князей къ войскамъ Его Величества Императора Всероссийскаго, защищающаго составъ Германской Имперіи, уронило бы достоинство Имперіи.

Что съ Императоромъ хотять обходиться какъ съ пособникомъ, а онъ хочеть и можетъ доказать, что въ состояніи дѣйствовать одинъ.

Что всѣ затрудненія произошли отъ Вѣнскаго Двора, не при-
славнаго даже полномочій своему интернувицію въ Константинополь.
Сообщить обо всемъ сказанномъ гр. Кобенцелю, гр. Разумовскому
и Фельдмаршалу *).

5-го. Свадьба Великой Княжны Елены Павловны 5-го Октября.
Если же полномочія на свадьбу Великой Княжны Александры Павловны
получатся до этого числа, то ея свадьба состоится прежде; въ про-
тивномъ случаѣ она послѣдуетъ за свадьбой Великой Княжны Елены
Павловны.

*) Т. с. Суворову. П. Б.

Кавалеру Витворту¹⁾, что Императоръ очень заинтересованъ въ мирѣ и успокоеніи Европы; что Англія вольна сохранить въ Индіи что желаетъ, и что это ею заслужено ея безкорыстіемъ; что Императору, предложившему конгрессъ, безразлично гдѣ онъ состоится; поэтому могутъ выбирать мѣсто, которое сочтутъ за самое подходящее.

Ему-же: что касательно Нидерландовъ мысль Императора соединить ихъ, но что если это встрѣчаетъ затрудненія, то оставить ихъ Австрійскому Дому, согласно Баварскому договору.

Ему-же: а въ доказательство дать ему прочесть трактатъ о вознагражденіяхъ.

7-го. Изготовить отвѣтъ на письмо Римскаго Императора, въ которомъ онъ жалуется на Суворова, и сказать ему, что дѣйствія Фельдмаршала и приказанія полученные имъ отъ его Повелителя, Императора, говорятъ за него. Къ вѣнчанію Эрцгерцога можно будетъ призвать Митрополита въ Гатчину, а насчетъ имѣющей быть католической церемоніи спросить приказаній Его Высочества.

9-го. Предложить Витворту переночевать здѣсь²⁾ и присутствовать на спектаклѣ. Сказать ему, что Императоръ за миръ и показать ему проектъ о вознагражденіяхъ.

14-го. Гр. Кобенцелю, что Императоръ, вслѣдствіе неудачъ въ Швейцаріи, рѣшается предоставить Австрію ея судьбѣ и будетъ дѣйствовать за одно съ своими союзниками на пользу праваго дѣла, которому Австрійскій Дворъ такъ много вредитъ; о чемъ гр. Кобенцель и долженъ сообщить своему Двору.

15-го. Кочубею передать декларацію къ князьямъ Германской Имперіи здѣшнимъ посланникамъ и послать ее и Струве, для передачи оной на сеймъ въ Ратисбонѣ.

18-го. Гр. Кобенцелю, что православный обрядъ вѣнчанія совершится прежде католическаго.

20-го. Барону Хоггеру. Просить его сообщить официальные увѣдомленія на счетъ успѣховъ въ Голландіи, тотчасъ по полученіи имъ оныхъ.

¹⁾ Англійскому послу. П. Б.

²⁾ Т. е. въ Гатчинѣ. Хотя тамошній дворецъ весьма просторенъ, но, напримѣръ, графу Н. П. Панину однажды привелось ночевать въ каретѣ. П. Б.

Кавалеру Витворту. Сказать ему, что такъ какъ Императоръ намѣренъ перенести дѣйствія князя Фельдмаршала во Францію, онъ желалъ бы того же и со стороны Англійскихъ войскъ (если они достигнутъ до Нидерландовъ) и отъ арміи Германа, въ направленіи къ Нормандіи.

21-го. Что Эрцгерцогъ можетъ поставить въ караулъ внутреннихъ своихъ покоевъ Венгерскихъ Гвардейцевъ своихъ, а въ день церемоніи, по католическому обряду, они могутъ быть представлены и стоять около алтаря.

23-го. Поблагодарить герцога Йоркского.

Кавалеру Витворту сообщить о данномъ Князю Фельдмаршалу приказѣ дѣйствовать самостоятельно и единолично.

Гр. Кобенцелю, что Императоръ не обязанъ поступать по желаніямъ барона Тугута. Предложить Князю Фельдмаршалу выслать ему на встрѣчу корпуса Гудовича и Михельсона, въ случаѣ, что ему не удастся проникнуть въ Швейцарію.

24-го. Крюднеру, чтобъ остановился въ Берлинѣ, до полученія дальнѣйшихъ приказаній.

Гр. Панину: что онъ можетъ переписываться съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и съ гр. Гаугевицемъ.

27-го. Гр. д'Аварай. Написать, что напрасно королева*) жаловалась Императрицѣ на Императора, не отвѣчающаго на ея письма, и что самая эта переписка неумѣстна.

28-го. Быть молебну по случаю взятія Англичанами Серингопотама, послѣ побѣды надъ Типо-Сайбомъ.

30-го. Кавалеру Витворту: что Императоръ не приглашалъ его, не желая его затруднять пріѣздомъ сюда; что дѣла на континентѣ не хороши, но что, тѣмъ не менѣе, былъ молебенъ и пальба изъ пушекъ.

*) Супруга жившаго въ Мятавѣ Людовика XVIII-го. П. Б.

*

Октябрь 1799.

4-го. Эрцгерцогу Іосифу (Послано изъ Гатчины въ Кипень). „Я съ удовольствіемъ жду Вашего сюда пріѣзда, мой дорогой, съ Вами одними желая имѣть дѣло и считая Васъ всегда желаннымъ у меня гостемъ. Пріѣзжайте, пожалуйста, безъ церемоніи ночевать ко мнѣ, и если застанете меня уже спящимъ, не сѣтуйте на меня за это. Вамъ и самому нужно отдохнуть, оставляя мнѣ на завтра расцѣловать Васъ“. (Подписано: Павелъ).

Когда Эрцгерцогъ пріѣдетъ, передать ему содержаніе этого письма и прибавить, что Императоръ рассчитываетъ видѣть въ немъ только сына, который не будетъ ни во что мѣшаться, чѣмъ и докажетъ ему свою любовь.

12-го. Эрцгерцогу Іосифу: что гр. Дитрихштейнъ¹⁾ можетъ присутствовать на торжествахъ, но затѣмъ отлично сдѣлаетъ, возвратясь въ Вѣну, такъ какъ Императоръ не любитъ интригановъ.

13-го. Внушить гр. Разумовскому, что ему слѣдуетъ поѣхать къ отцу, котораго онъ такъ давно не видѣлъ²⁾.

Колычеву, что гр. д'Антрегу³⁾ жалуется двойное содержаніе, противъ получаемаго имъ теперь, и разрѣшается носить мундиръ почтоваго вѣдомства.

17-го. Титуловать Великихъ Княгинь: „Ея Императорское Высочество Великая Княгиня-Эрцгерцогиня Австрійская“, и „Ея Императорское Высочество Великая Княгиня наслѣдная герцогиня Мекленбургъ-Шверинская“.

19-го. Спросить у Эрцгерцога Іосифа, можетъ ли онъ принимать Русскіе ордена, безъ особаго на то дозволенія отъ Римскаго Императора.

23-го. Гр. Воронцову⁴⁾ сжечь письмо Императора къ королю Англійскому, порученное генералу Герману.

¹⁾ Посоль Австрійскій (который женился на гр. Шуваловой). П. Б.

²⁾ Нашему послу въ Вѣнѣ. Онъ и поѣхалъ къ отцу своему гетману въ Батуричь. П. Б.

³⁾ Нашему агенту въ Дрезденѣ. П. Б.

⁴⁾ Послу въ Лондонѣ. П. Б.

Послѣ 27-го дипломатическій корпусъ можетъ вернуться въ Петербургъ.

30-го. Выслать Дюмурье паспортъ на прїѣздъ сюда.

*

Ноябрь 1799.

1-го. Маркизу Де-Галло. Поручить гр. Панину сказать ему, что послѣ того, что его Король повелитель¹⁾ собственноручнымъ письмомъ не призналъ представленной имъ меморіи о вознагражденіяхъ, Императору не угодно его дальнѣйшее пребываніе въ Россіи, и что онъ можетъ уѣхать, даже безъ прощальной аудіенціи.

Переговоры съ Блумомъ отложить до получения Витвортомъ полномочій изъ Лондона.

Отвѣтить королю Неаполитанскому и изложить ему, что побуждаетъ Императора отозвать свое войско.

2-го. Велѣтъ доставить секретныя бумаги изъ Вѣны и копіи съ ихъ депешъ.

Гр. Панину: Аудіенція гр. Горта будетъ дана 20-го, вмѣсто 13-го.

4-го Герцога Беррійскаго²⁾ сдѣлать Великимъ-Пріоромъ Мальтійскаго ордена.

Маркизу Де-Галло: что хотя Императоръ убѣжденъ въ его невиновности, но, по письму короля, не можетъ его оставить, и что онъ долженъ выѣхать.

На другой день послѣ аудіенціи Баварскимъ депутатамъ, собрать совѣтъ и обсудить о соединеніи ордена Св. Лазаря съ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, что должно быть подтверждено актомъ между Императоромъ и его христіанскимъ Величествомъ.

7-го. Когда будетъ рѣчь объ объясненіяхъ съ Дворами, отвѣчать имъ, что за симъ слѣдуетъ.

¹⁾ Сардинскій. П. Б.

²⁾ Единственному наслѣднику Бурбоновъ. П. Б.

Прусскому Двору: что Императору желательно знать, по поводу новаго вступленія Французовъ въ Германію, какія намѣренія Его Королевскаго Величества для сохраненія и защиты Германской Имперіи, дабы мѣры, которыя будутъ приняты со стороны Императора, были въ согласіи съ ними.

Вѣнскому Двору: что послѣ всего происшедшаго между обоими Императорскими Дворами и ихъ генералами, на коалицію невозможно расчитывать. Относительно же дѣлаемаго Императору упрека, что онъ хочетъ распорядиться ею и предписывать законы другимъ, Его Величество, въ доказательство противнаго и для заявленія о своемъ безкорыстїи, выходитъ изъ коалиціи, отзываетъ свои войска и предоставляя каждому поступать какъ ему угодно.

Лондонскому Двору: что послѣ всего происшедшаго въ коалиціи, Императоръ рѣшился выйти изъ нея, доказывая этимъ, какъ мало можно полагаться на командующихъ арміями.

12-го. Депутацію представить послѣ обѣдни и ввести Флакслаудена для возложенія на него ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. А остальнымъ двумъ командирамъ--брилліантовые кресты.

При обсужденіи присоединенія ордена Св. Лазаря къ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго выставить, что первый не можетъ быть приравненъ къ послѣднему, такъ какъ его степень ниже.

13-го. Объявить Витворту, что Императоръ отзываетъ свои войска и эскадру.

— Алопеусу позволить оставаться въ Брауншвейгъ до весны.

Выставить всѣ причины, по которымъ Императоръ не можетъ согласиться ни на одно изъ предложеній Лондонскаго Двора.

Отправить курьера къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Павловичу, чтобъ онъ прямо возвращался сюда, минуя Вѣну.

Сказать графу д'Арко, чтобъ онъ не подписывался болѣе Мальтійскимъ кавалеромъ, а Св. Іоанна.

16-го. Королю Франціи: что Дюмурье прїѣдетъ сюда, и проэктъ его будетъ разсмотрѣнъ; но что поколѣ Вѣвскій Дворъ не измѣнитъ своего теперешняго образа дѣйствій, Императоръ ничего не предприметъ на пользу праваго дѣла. дабы не дать восторжествовать противной сторонѣ.

Принцессѣ Де-Гонзагъ: Отвѣтить, что Императору невозможно предъявлять въ ея пользу требованія ко Двору, съ которымъ у него большіе интересы.

19-го. Изготовить записку о причинахъ, которыми вызваны несогласія между двумя Императорскими Дворами.

22-го. Принцу Де-Конде: увѣдомить его, что если онъ желаетъ имѣть въ своемъ корпусѣ графа Де-Сентъ-Астье, то Государь пошлетъ ему денегъ на дорогу; и спросить у него, что можно пожаловать маркизу Де-Сольгъ и вдовѣ подполковника Герина.

Стедингу: Аудіенція на Воскресенье. Спросить у него подробности обрядовъ принятія въ рыцарское достоинство ордена Серафимовъ и выразить удовольствіе Его Императорскаго Величества по случаю милости, пожалованной барону де-Толю.

Графу де-Виоменилю: чтобъ онъ навелъ самыя точныя справки о томъ, какой приметъ оборотъ революція въ правительствѣ Франціи.

24-го. Крюднеру*): Что если Прусское министерство выкажетъ неудовольствіе входитъ съ нимъ въ переговоры, чтобъ онъ тотчасъ выѣзжалъ сюда.

Аудіенція на Воскресенье, а послѣ введутъ Г-на Мѣленсвердера съ знаками ордена Серафимовъ, который Императоръ возложитъ на Великаго Князя Александра Павловича съ соблюденіемъ установленнаго на это обряда.

Гр. Воронцову: чтобъ онъ ознакомился съ свѣдѣніями, которыя могутъ быть у Виомениля.

Гр. Виоменилю: чтобъ онъ сообщалъ гр. Воронцову свои виды и свѣдѣнія изъ Франціи.

*) Это нашъ посолъ въ Берлинъ, супругъ прославившейся впоследствии баронессы Крюднеръ. П. Б.

25-го. Гр. Пофаму: отвѣтить, что все случившееся въ Голландской экспедиціи было предвидѣно и предсказано Его Величествомъ.

Герцогу Серра-Каприола*): отвѣтить, что Государь Императоръ оставляетъ войска до весны, когда они вернутся, если имъ нечего будетъ больше дѣлать.

*

Декабрь 1799 г.

1-го. Сдѣлать декларацію о всемъ, что было сдѣлано вмѣстѣ съ Вѣнскимъ Дворомъ, съ конца 1798 г. по настоящее время, изложивши всѣ дѣйствія и объяснивши причины. Бумага эта должна быть сообщена Иностраннымъ Дворамъ и представителямъ Императора заграницей и озаглавлена слѣдующимъ образомъ: сообщеніе, вызванное событіями.

Серра-Каприолу: что король можетъ дѣлать что ему угодно съ Русскимъ художникомъ Иваномъ Матвѣевымъ находящимся въ Римѣ, только бы не отсылалъ его въ Россію.

6-го. Что по лукавству Вѣнскаго Двора, Императоръ болѣе чѣмъ когда либо держится своего рѣшенія отозвать свои войска, и что поѣздка генералисимуса въ Вѣну не привела бы ни къ чему.

Кобенцелю—что по секретному договору 1797 г. обязательства должны были быть обоюдными, и что по этому, отказавшись отъ всякихъ пріобрѣтеній, Императоръ ожидалъ подобной же жертвы и со стороны Австріи, а дабы не стѣснять ея, онъ предоставляетъ ей дѣйствовать, какъ она хочетъ.

13-го. Графу де Бальби: что все предпринимаемое въ настоящее время Императоромъ имѣетъ единственной цѣлью помѣшать Австріи въ достиженіи ея цѣлей.

Ему-же: спросить, имѣется-ли у него полномочіе договариваться и самый проэктъ его союзаго трактата.

*) Послу Неаполитанскому. Онъ женился на княжнѣ Вяземской и оставался у насъ многіе годы. П. Б.

15-го. Кобенцелю: Пожаловаться на образъ дѣйствій генераль-лейтенанта Фрѣдиха и объявить, что если Австрійскій Дворъ не перестанетъ поступать какъ теперь, то всякія сношенія съ нимъ будутъ прерваны.

Если Прусскій Дворъ затруднится признать Императора Гросмейстеромъ, то прервать съ нимъ всякія сношенія и не принимать отъ него никакихъ писемъ.

17-го. Витворту: сообщить ему о прибытіи сюда Сентъ-Круа, курьеромъ изъ Лондона.

Гр. Пофаму: что всѣ мѣры приняты, и что не о чемъ съ нимъ договариваться.

18-го. Колычеву: что не было надобности присылать сюда Князя Бельмонте, такъ какъ Императоръ увѣренъ въ расположеніи Короля Сициліи.

Серра-Каприола: выразить удовольствіе Его Императорскаго Величества поступкомъ пріоровъ Мессины и Капуи.

19-го. Серра-Каприола: что Государь съ удовольствіемъ разрѣшаетъ награждать орденомъ св. Януарія тѣхъ изъ его подданныхъ, которыхъ король обѣихъ Сицилій сочтетъ того достойнымъ, и что Императоръ желалъ бы послать Королю Андреевскую ленту, и отъ него получить орденъ Св. Януарія.

20-го. Серра-Каприола и Бальби: дать имъ положительныя увѣренія въ участіи принимаемомъ Его Величествомъ въ судьбѣ ихъ государствъ; сказать имъ, что они сами видѣли, какъ онъ старался устроить ихъ благополучіе, и сообщить имъ о непріятностяхъ причиняемыхъ Государю Вѣнскимъ Дворомъ, которому онъ старается помѣшать въ его видахъ на увеличеніе своихъ владѣній.

Учтиво отвѣтить Нельсону; сообщить ему о содѣйствіи со стороны Кн. Волконскаго, который предназначается въ коменданты Мальты, и спросить у него какіе онъ желаетъ кресты.

21-го. Коссе-Бриссаку назначить аудіенцію на второй день Рождества.

И при выходѣ изъ церкви представить Г-на Молленсвиндера и гр. Ловенгельма.

23-го. Если зайдетъ вопросъ на счетъ выступленія Императора изъ коалиціи, дать тогда понять, что мира всѣ желали, а при распаденіи коалиціи его легче будетъ достигнуть; и что безразлично кто будетъ царствовать во Франціи, лишь бы правленіе было монархическое.

26-го. Если Кобенцель представить планъ кампаніи, отвѣтить ему, что у Государя есть свой, которымъ онъ и будетъ руководствоваться.

Панину: Спросить, въ какихъ выраженіяхъ онъ говорилъ Витворту, относительно негоціаціи порученной Кошелеву?

27-го. Крюднеру: настоятельно рекомендовать блюсти интересы Герцога Людовика Виртембергскаго.

28-го. Допустить герцога де Серра-Каприола къ аудіенціи съ актами изъявленія покорности Великихъ Пріоровъ Капуи, Бюрлеты и Мессины.

Аудіенція на 28-ое Января.

29-го. Когда Дюмурье прибудетъ въ Петербургъ, пригласить его пожаловать ко мнѣ переговорить съ нимъ и сдѣлать объ этомъ докладъ Государю.

30-го. Камергеру Демидову: ордена не для тѣхъ кто, какъ онъ, полагаетъ, что ихъ можно купить.

Приказать Колычеву поддержать все о чемъ его будетъ просить владѣтельный герцогъ Виртембергскій.

*

Январь 1800 г.

1-го. Королямъ Обѣихъ Сицилій и Французскому: что пока Англійскій Дворъ и Вѣнскій будутъ такъ дѣйствовать, Императоръ ничего не предприметъ.

Тотчасъ по назначеніи Лузи посланникомъ при Императорѣ, аккредитировать барона Крюднера.

5-го. Серра-Каприола: что Императоръ отзываетъ свои войска, видя невозможность быть полезнымъ прочимъ государствамъ, продолжая войну съ Франціей; и что этимъ онъ препятствуетъ Австріи приносить вредъ и увеличить свои владѣнія.

Сульцеру: что Императоръ, какъ родственникъ *) и союзникъ Баварскаго Палатинскаго дома, будетъ всѣми средствами поддерживать его права; что Англія ничего такъ не желаетъ, какъ взять Баварскую армію на свои субсидіи, и тогда Римскій Императоръ можетъ ею располагать, такъ какъ воленъ дѣлать какой ему угодно планъ кампаніи.

6-го. Гр. Кобенцелю: отвѣтить, что Анконское дѣло останется въ настоящемъ своемъ положеніи, и что графу не являться ко Двору, пока Вѣнскій Дворъ не дастъ блестящаго удовлетворенія.

8-го. Серра-Каприола: Андреевскую ленту.

10-го. Серра-Каприола: Поблагодарить за сообщеніе о миѣннн его Королевскаго Величества, относительно флага ордена Св. Іоанна.

13-го. Серра-Каприола: чтобъ назначили кого-нибудь постояннымъ членомъ ордена Итальянскаго языка.

Великій князь Константинъ Павловичъ будетъ постояннымъ членомъ ордена Русскаго языка.

21-го. Серра-Каприола: сынъ получить крестъ ордена св. Іоанна, а отецъ поблагодарить въ кабинетѣ Императора.

26-го. Кошелеву: что герцогъ де-Паркъ можетъ пріѣхать сюда подъ вымышленнымъ именемъ, чтобъ договориться о дѣлахъ Испаніи. Королю Франціи: Императору доставить столько же удовольствія получить орденъ Св. Духа, какъ дать Андреевскій. Согласиться на просьбу о крестахъ ордена Св. Іоанна; что никого не называя, представляется Королю награждать своими орденами кого онъ пожелаетъ отличить.

*) По первой супругѣ своей, Наталіѣ Алексѣевнѣ. П. Б.

Гр. Панину: Вернуть письма наслѣднаго маркграфа Баденскаго, вслѣдствіе пропуски въ титулѣ слова „Императорскому“.

28-го. (Написано рукою Императора на депешѣ барона Крюднера, отъ 16 (27) Января): „Относительно принятія необходимыхъ мѣръ, я буду очень радъ дѣйствовать за одно съ королею, при каждомъ возникающемъ случаѣ. Что касается сближенія съ Франціей, то я очень буду радъ ея обращенію ко мнѣ, особенно какъ въ противовѣсъ Австріи.“

Барону Крюднеру: сговориться на счетъ всѣхъ выгодъ Австрійскаго Двора; а касательно дѣлъ Франціи принимать все *ad referendum* отъ Прусскихъ министровъ, не входя въ сношенія съ ея агентами.

Королю Англійскому, что наказаніе Герману наложено за честь мундира, и Государь очень жалѣетъ, что не можетъ уважить просьбу Его Величества.

*

Февраль 1800 г.

1-го. Кавалеру Витворту: поблагодарить за сообщеніе отвѣта даннаго Бонапарту.

Ему-же: что не будетъ надобности задерживать корабли съ войсками изъ Египта, такъ какъ, кажется, они остаются тамъ.

Ему-же: что Императоръ приказалъ гр. Воронцову вернуть сюда отличія, которыя онъ считалъ достойными тѣхъ, которымъ Государь ихъ пожаловалъ.

Королевѣ Сардинской: Отвѣтить въ благосклонномъ тонѣ.

18-го Гр. Бриссаку: что долженъ присутствовать при церемоніи причисленія Великаго Князя къ ордену Св. Лазаря.

*

Мартъ 1800 г.

14-го. Дюмурье: что Императоръ предоставляет генералу Дюмурье полную свободу дѣйствій, не хочетъ принимать никакого дѣятельнаго

участія въ войнѣ. и что посланнику Муравьеву*) нѣтъ надобности просить приказаній.

20-го. Проектъ союзнаго трактата съ Пруссіей одобренъ съ прибавленіемъ гарантіи герцогства Іевернскаго.

Никакихъ отдѣльныхъ, секретныхъ статей.

Трактатъ долженъ быть здѣсь подписанъ.

Вегелину: что Императоръ желаетъ вернуть положеніе вещей къ тому, какъ онѣ были въ 64 и 69 г.г., и что онъ заключаетъ союзъ съ Пруссіей.

Апрѣль 1800 г.

3-го. Если зайдетъ рѣчь о поѣздкѣ гр. де-Шоль въ Парижъ, сказать, что Государь ничего не имѣетъ противъ.

Іюль 1800 г.

15-го. Королю Шведскому: по моему участию ко всему, что касается Вашего Королевскаго Величества, я искренно поздравляю Васъ съ окончаніемъ и закрытіемъ сейма. Признаюсь, что я безпокоился и что у меня отлегло отъ сердца, когда я узналъ чего Ваше Величество теперь достигли. Думаю, что излишне завѣрять Васъ еще болѣе въ чувствахъ, съ которыми я пребываю Вашего Величества вѣрный братъ, другъ, союзникъ и сосѣдь.

Іюль 1800 г.

3-го. Лузи: чтобъ отвѣчать взаимностью на чувства его Величества Короля Прусскаго, Императоръ выкажетъ такое же довѣріе, и что хотя онъ былъ вынужденъ не принимать больше никакого дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Европы, онъ, тѣмъ не менѣе, старается достигъ прежней цѣли. т. е. мира, къ чему онъ приложитъ, заодно съ королемъ, всѣ свои старанія, прося его сообщить ему о своихъ намѣреніяхъ, на которыя онъ будетъ ему отвѣчать откровенно.

27-го. Серра-Каприола: что Императоръ считаетъ возвращеніе Папѣ его владѣній, завоеванныхъ Королемъ Неаполитанскимъ, достой-

*) Ивану Матвѣвичу Муравьеву-Анустолу. П. Б.

нымъ благородной и щедрой души Короля, и поручаетъ герцогу де Серра-Каприола поблагодарить его за это, а вмѣстѣ съ этимъ и поздравить.

Поблагодарить Стединга и Будберга за пріемъ оказанный гардемаринамъ Русскимъ.

*

Августъ 1800 г.

5-го. Кріднеру: чтобъ онъ сообщилъ Берноввилю о перепискѣ Бургуэна съ Муравьевымъ и приступилъ къ возвращенію плѣнныхъ солдатъ изъ Франціи, сказавъ, что Императоръ съ удовольствіемъ приметъ все что по этому сдѣлаютъ.

7-го. Дозволить барону Крюднеру пріобрѣсть бумаги Берноввиля, съ отнесеніемъ на Коллегію иностранныхъ дѣлъ платежа затраченныхъ имъ на это денегъ.

10-го. Отвѣчать на письмо Королевы Неаполитанской въ смыслѣ, что мнѣніе Государя о своихъ союзникахъ должно ей быть достаточно извѣстнымъ, какъ равно и образъ дѣйствій Вѣнскаго Двора, чтобъ она могла быть увѣренной, что онъ никогда не будетъ имѣть съ ней никакихъ сношеній, пока она тамъ пребываетъ.

30-го. Колычеву: что Государь только такого приметъ посла отъ Вѣнскаго Двора, который принесетъ Ему слова его удовлетворяющія.

Что въ трактатѣ Сѣвернаго Союза Государь не допускаетъ никакихъ обсужденій послѣ дѣла о датскомъ Фрегатѣ, и что онъ всегда оставляетъ за собой право слѣдить за торговыми кораблями.

Розенкранцу: выразить довольство Государя образу дѣйствій Датскаго Двора, которому онъ достаточно выказалъ свое участіе къ нему.

*

Сентябрь 1800 г.

12-го. Стедингу: что, все что Государь дѣлалъ за послѣднее время, было на пользу Короля Шведскаго; что если не упоминали о Шведахъ, то потому, что нападеніе было на Данію, и что если назвали Фрею, то потому что это Датскій фрегатъ, а не Шведскій; что Пруссія, почти не имѣя торговаго флота, не въ состояніи оказать поддержку.

30-го. Гр. Гаугевицу: написать ему письмо, что такъ какъ чувства Императора были совершенно согласны съ тѣми, которыя онъ высказывалъ барону Крюднеру, онъ повелѣлъ сообщить ему только

то, что пришло изъ Парижа и копию съ отвѣта посланнаго Императоромъ Курфюрсту.

30-го. Стедингу и Розенкранцу: сообщить подь секретомъ въ какомъ состояніи негоціаціи съ Франціей, дабы развязать руки Швеціи и Даніи, и просить ихъ давать знать Государю все относящееся къ проэктамъ Англіи по Сѣверной торговлѣ, такъ какъ онъ не преминетъ присоединиться къ нимъ, при первомъ случаѣ, когда имъ придется вооружиться противъ Англіи: его намѣреніе положить предѣлъ ея деспотизму.

*

*Октябрь 1800 г. *)*

7-го. Г-ну Грюдеру (послано съ Г-мъ Юдинымъ): Посылаю Вамъ условныя Прусскія шифры. Справьтесь тотчасъ новѣйшія-ли это и примитесь немедленно за дѣло разобранія всего, что пишетъ Лузи. Напишите мнѣ завтра, годятся-ли эти шифры, такъ какъ я боюсь, что онѣ уже были у насъ. Шифры Піэмонта у Васъ есть.

21-го. Г-ну Грюдеру (послано съ курьеромъ Зубковымъ). При семъ имѣю удовольствіе послать Вамъ обѣ шифры Саксонской Миссіи. Вы сдѣлаете изъ нихъ извѣстное Вамъ употребленіе, препровождая документы къ Государю Императору.

*

Декабрь 1800 г.

16-го. Барону Крюднеру. Честь имѣю при семъ послать Вашему Превосходительству футляръ съ печатью клуба на случай, что она Вамъ понадобится.

*

Январь 1801 г.

18-го. Гр. Лузи и Крюднеру: что Императоръ сдѣлаетъ съ своей стороны все возможное въ негоціаціяхъ о полученіи вознагражденій, по заключеніи мира. но что Пруссія должна съ своей стороны закрыть Эльбу и Везеръ.

*

Февраль 1801 г.

11-го. Дюмурье: что онъ увидитъ, что сдѣлаетъ Императоръ; что это будетъ достойно его похвалы.

*) Отсюда до конца уже не самъ Государь, а графъ РаSTOPчинъ. П. Б.

Л и с т к и.

Русскій поэтъ сказалъ про Нѣмецкаго:

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна....

Среди Вотяковъ живетъ вѣрованье, что свой языкъ имѣютъ минералы, деревня, трава, камни; вообще, все въ природѣ. Этотъ языкъ, въ отдѣльныхъ частяхъ, бываетъ извѣстенъ нѣкоторымъ избранникамъ, Божьимъ людямъ, героямъ, богатырямъ. Напримѣръ, Бѣлый Генераль зналъ *свищовый* языкъ: вотъ почему, множество разъ бывъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль, Скобелевъ выходилъ здоровъ и невредимъ.

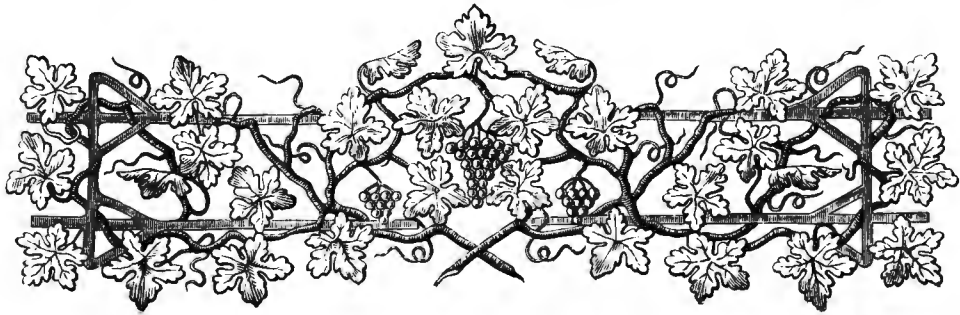
Въ своемъ изслѣдованіи легенды о кончинѣ Императора Александра I, въ Историческомъ Вѣстникѣ 1907 г., Великій Князь Николай Михайловичъ замѣтилъ, что „появленіе брошюръ о Сибирскомъ старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ обратило на себя вниманіе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, который навелъ панику на духовенство, особенно черное, вѣроятно, вслѣдствіе ряда грозныхъ секретныхъ циркуляровъ“... Не только К. П. Побѣдоносцевъ усердствовалъ: природный Сибирякъ А. Н. Неф—въ сказывалъ мнѣ, что въ Сибири строжайше воспрещалось пѣть пѣсню: „Ой, въ Таганрогѣ умиралъ казакъ...“, которая, какъ-бы, на что-то намекала, вызывая смущеніе умовъ*).

Правда или нѣтъ? А. Н. Труворовъ рассказывалъ, что въ поѣздкѣ по Россіи М. П. Погодинъ завернулъ въ Арзамасскій уѣздъ и въ одномъ изъ сельскихъ храмовъ увидѣлъ старинный образъ Николая Чудотворца. Погодинъ такъ и впился глазами въ милую „старинку“. Чѣмъ дальше онъ разсматривалъ, тѣмъ больше плѣнялся; наконецъ, уже не помня себя, восторженно воскликнулъ: „образина-то, нѣтъ, образина-то какая!“

Сѣверо-восточный склонъ Большого Арарата прорѣзанъ сверху внизъ ущельемъ, въ которомъ имѣется источникъ Св. Іакова. Окрестныя женщины приходятъ, даже и издалека, выпить воды Іаковлевскаго источника, которая яко-бы избавляетъ женъ отъ бесплодія. Московскія невѣсты ѣздятъ къ Трифону на Мѣщанскую вымаливать жениховъ.

Павель Россіевъ.

*) Я зналъ двухъ сторожильцовъ Томска, книгопродавца Макушева и старика Ефимова, отмѣнно честнаго и правдиваго человѣка (статья котораго въ „Русскомъ Архивѣ“, а извѣстность по всей Сибири). Оба они относились съ негодованіемъ къ баснѣ о Ѳеодорѣ Козьмичѣ. Эту басню выдумалъ для поправки своихъ дѣлъ Вязниковскій офеня Громовъ. Нынѣ ему доходъ приносятъ панихиды. О таинственномъ старцѣ шушукали съ намеками о томъ, что Александръ Павловичъ ушелъ въ Сибирь по чувству раскаянія, что не далъ конституціи. Чудотворные колодцы, слезоточивыя иконы появлялись и въ наши дни даже въ Тамбовской губерніи. П. Б.

Изъ пятой части Воспоминаній П. И. Щукина.

Отчего Воспоминанія П. И. Щукина читаются такъ легко и такъ занимательны? Оттого, что онъ пишетъ ихъ вполнѣ беззатѣйно. Иной, много видавшій, какъ возьмется за перо, чтобы изложить свой разсказъ о прошломъ, тотчасъ стѣсняется, и ему кажется, что его стануть осуждать. У П. И. Щукина вовсе нѣтъ такой заботы: онъ передаетъ, что видѣлъ, что замѣтилъ, что приобрѣлъ для своего Музея, гдѣ хорошо покупалъ, на какую набрелъ мѣстность, гдѣ нашель удобное помѣщеніе, какое замѣтилъ производство. Чего, чего онъ не видалъ, съ кѣмъ не сходился? Знакомыхъ своихъ изображаетъ онъ такъ, что они и не вздумаютъ обидѣться нехвалебными его отзывами. Притомъ какое разнообразіе! Онъ разсказываетъ какъ учѣлъ подрядчика при постройкѣ своего дома и какъ приобрѣлъ за 3000 рублей „Толковый Псалтырь“ Максима Грека. Въ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ онъ съ опасностью переплываетъ Средиземное море, путешествуетъ по Сѣверному берегу Африки, и затѣмъ у нашего студенаго моря и въ Архангельскѣ.

Мы благодарны П. И. Щукину за дозволеніе знакомить съ его Воспоминаніями (которыя печатаются всего въ 200 экземплярахъ) читателей „Русскаго Архива“. Изъ недавно отпечатанной части ихъ извлекаемъ общедостояпамятное. П. Б.

Постройку Музея началъ я въ Маѣ 1892 года, а окончилъ ее въ Сентябрѣ 1893 года*). Двухъэтажное зданіе Музея выстроено изъ краснаго кирпича, со сводами, цоколь оштукатуренъ Портландскимъ цементомъ въ видѣ граней. При кладкѣ зданія всѣ каменные украшенія тесались изъ кирпича или Мячковскаго камня, какъ это дѣлалось встарину. Въ кокошникѣ главнаго фасада вставлено большое барель-

*) Лѣтомъ 1892 года я ѣздилъ разъ съ архитекторомъ Б. В. Фрейденбергомъ, а другой разъ съ художникомъ О. А. Лѣве, въ Ярославль (съ послѣднимъ ѣздилъ еще и въ Ростовъ-Ярославскій). Фрейденбергъ и Лѣве зарисовали въ тамошнихъ церквахъ нѣкоторыя детали, конми воспользовались при постройкѣ Музея.

ефное изображеніе единорога, сдѣланное изъ Радомскаго песчаника; изъ такого же песчаника сдѣланъ надъ балкономъ бокового фасада меньшій барельефъ, представляющій птицу Сириня. Для большой подвѣски на крыльцѣ моделью послужила подвѣска въ церкви Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. На фризахъ и въ ширинкахъ вставлены пестрые рельефные изразцы, заказанные по рисункамъ Фрейденберга на заводѣ Матвѣя Сидоровича Кузнецова. Въ кокошникѣ, вокругъ барельефа, облицовку сдѣлали изъ разноцвѣтнаго эмальированнаго кирпича. Шатровыя кровли крыльца и башни главнаго входа покрыли зеленой поливной черепицей¹⁾ съ полосатыми, желтаго, краснаго и зеленаго цвѣта, поливными же жгутами по краямъ; куполь и всѣ остальные крыши покрыли шашками изъ листоваго желѣза зеленаго и краснаго цвѣта. Балконъ бокового фасада скопировали съ балкона въ домѣ бояръ Романовыхъ, что въ Москвѣ, на Варваркѣ. Наружная лѣстница, ведущая во второй этажъ, гдѣ помѣщается музейная зала и библиотечная комната, сдѣлана изъ краснаго Финляндскаго гранита; внутренняя лѣстница, ведущая во второй этажъ, изъ зеленовато-сѣраго Эстляндскаго мрамора. Двухстворчатая рѣшетчатая дверь передъ наружной лѣстницей и рѣшетка на внутренней лѣстницѣ—изъ кованаго желѣза, расписаннаго оранжевой, красной, голубой и зеленой красками и золотомъ. Моделью для двери послужила старинная дверь, имѣющаяся въ моемъ собраніи; а для рѣшетки—рѣшетка, находящаяся въ Николо-Мокринской церкви въ Ярославлѣ. Въ музейной залѣ сводчатый потолокъ образовалъ девять восьмигранныхъ куполовъ, поддерживаемыхъ четырьмя чугунными расписными колоннами. Длина залы 21 арш., ширина 18; высота отъ пола до центра куполовъ—10 арш. Куполы расписаны, по бирюзовому и желтому фонамъ, разводами со стилизованными листьями и цвѣтами, бѣлой, желтой, голубой, зеленой и красной красками, а по угламъ куполовъ написаны коричневой и темножелтой красками: грифонъ, китоврасъ и птицы Сиринъ и Алконостъ. Стѣны залы выкрашены темнооранжевой краской. Зала въ два свѣта: съ каждой стороны шесть большихъ оконъ, закрываемыхъ желѣзными ставнями. Подоконники сдѣланы изъ зеленовато-сѣраго Эстляндскаго мрамора, полъ мозаичный (terrazzo). Въ залу ведетъ двухстворчатая желѣзная расписная дверь, украшенная бронзовыми, золочеными, рельефными, прорѣзными двуглавыми орлами, львами и единорогами въ кружкахъ²⁾. Сводчатый потолокъ библиотекы расписанъ

¹⁾ Полива уже черезъ годъ стала съ черепицъ слѣзать, такъ она была непрочно сдѣлана на заводѣ М. С. Кузнецова.

²⁾ Подобныя дворы встрѣчаются въ старинныхъ Русскихъ церквахъ.

на подобіе небеснаго свода синей краской съ золотыми солнцемъ и звѣздами и серебрянымъ полумѣсяцемъ¹⁾. Стѣны бібліотеки выкра-

Хорошо въ теремѣ изукрашено:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря,
 И вся красота поднебесная.

шены въ коричневый цвѣтъ. Въ сводѣ пропустили, какъ это дѣлалось въ старину, двѣ желѣзныя связи. Въ углу сложили печку изъ Русскихъ изразцовъ начала XVIII вѣка, покрытыхъ бѣлой и синей поливой, съ изображеніями людей, звѣрей, птицъ и цвѣтовъ. Входную дверь въ бібліотеку навѣсили дубовую, одностворчатую, глухую; вокругъ нея сдѣлали скульптурный наличникъ свѣтлокофейнаго цвѣта на золотомъ фонѣ, подобный наличнику въ монастырѣ Саввы-Сторожевскаго. Другую дверь, изъ бібліотеки, наполовину стеклянную, сдѣлали выходящую на балконъ бокового фасада. Въ четырехъ окнахъ подоконники изъ краснаго Итальянскаго мрамора. Полъ посланъ паркетный. Своды входа во второй этажъ расписали по свѣтложелтому фону темножелтой, зеленой, голубой, красной и коричневой красками, на подобіе родословнаго древа, съ медальонами въ орнаментальныхъ, золотыхъ съ серебромъ, рамкахъ; въ рамкахъ нарисованы Петровскіе двуглавые орлы, гербы Петербурга, Москвы, уѣздныхъ городовъ Московской губерніи и гербы другихъ губерній. Двуглавые орлы и рамки заимствованы изъ жалованной грамоты, данной въ 1710 году Петромъ Великимъ Якову Брюсу, и находящейся въ моемъ собраніи. Стѣны выкрашены въ свѣтлооранжевый цвѣтъ. Расписной каменный столбъ поддерживаетъ своды входа верхняго этажа. Полъ на площадкѣ сдѣланъ изъ бѣлыхъ мраморныхъ круговъ²⁾ съ мозаичными четырехугольниками между ними. Своды входа въ нижній этажъ выкрашены свѣтложелтой краской, съ каймами изъ разводовъ, со стилизованными цвѣтами и листьями, писанными розовой, красной, голубой, зеленой и темножелтой краской. Стѣны расписаны ввидѣ сѣрыхъ камней. Расписной каменный столбъ поддерживаетъ своды нижняго входа. Полъ сдѣланъ изъ мраморныхъ круговъ съ мозаикой, какъ и въ верхнемъ этажѣ

¹⁾ Встарину на Руси любили росписывать потолки ввидѣ ночного небеснаго свода. По Русскимъ пѣснямъ, и сказочный теремъ Соловья Будиміровича былъ расписанъ подобнымъ же образомъ.

²⁾ Эти мраморные круги получаютъ при выдѣлкѣ въ Москвѣ мраморныхъ умявальниковъ.

входа, на площадкѣ второго этажа. Внизу, направо отъ входной двери, въ низкой комнатѣ своды и стѣны расписаны по свѣтложелтому фону разводами со стилизованными цвѣтами и листьями. Своды надъ пятью окнами и надъ дверью расписаны по голубому фону золотыми разводами съ птицами, цвѣтами и листьями. Рисунокъ амбразуръ взяли со стариннаго, расписнаго, деревяннаго кузова. Въ углу поставили печку изъ изразцовъ конца XVIII вѣка, Мусинь-Пушкинскаго завода, покрытыхъ бѣлой и зеленой поливой, съ изображеніями людей и животныхъ и съ различными надписями: „Весело играю всегда“, „Сие мне угодно“, „Заяць дики“, „Знаю место свое“, „Крепко караю“, и т. п. По стѣнамъ этой комнаты поставлены дубовыя рѣзные лавки. Паркетный полъ настланъ на горячій асфальтъ.

Комнаты, не входяція въ музейное помѣщеніе, предназначилъ я для жилья. Зданіе Музея могло освѣщаться электричествомъ, которое тогда переводили изъ моего дома, такъ какъ бывшая у меня электрическая машина была недостаточно сильна, чтобы освѣщать одновременно и домъ, и Музей. Въ подвалѣ Музея находится духовая печь, которая отапливается пятичетвертовыми еловыми дровами и нагрѣваетъ все зданіе. Двѣ печи, сложенные изъ старинныхъ изразцовъ, также можно топить.

Кирпичная кладка Музея производилась подрядчикомъ Николаемъ Ивановичемъ Силуановымъ, а малярныя и живописныя работы исполнялъ О. А. Лѣве. Всѣ стѣны и потолки въ музейныхъ помѣщеніяхъ выкрашены масляной, матовой, такъ называемой восковой, краской. Скульптурныя работы производились А. С. Козловымъ. Желѣзную рѣшетчатую дверь передъ наружной лѣстницей и рѣшетку на внутренней лѣстницѣ дѣлали въ Петербургѣ, въ мастерской Е. А. Вебера. Чугунныя колонны отливались на сосѣднемъ съ Музеемъ заводѣ Морица Пальма. Желѣзные двери, ставни, замки, дверные и оконные приборы дѣлалъ славный мастеръ А. Шмейль; дубовыя двери, оконныя рамы, шкафы, витрины, столы и стулья—изъ мастерской В. К. Шуберта.

Оба мои младшіе брата Владимиръ и Иванъ, поступившіе въ Московскій университетъ, недолго оставались въ Москвѣ послѣ смерти отца и переѣхали въ 1893-мъ году на жительство въ Парижъ, взявши съ собою свою старушку Эмму Карловну. Братъ Владимиръ былъ горбатый отъ рожденія, и его еще при жизни отца посылали лѣчиться въ Галле, къ профессору Фолькману. Въ Галле Владимиръ жилъ съ Эммой Карловной. Лѣченіе у Фолькмана мало принесло пользы, и

братъ опять вернулся въ Москву. Еще маленькимъ онъ любилъ заниматься дома починкой часовъ и разныхъ другихъ вещей. Поступивши въ университетъ, на медицинскій факультетъ, онъ сталъ усердно заниматься науками. Въмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Владимиръ собиралъ Русскіе гравированные портреты, которые, передъ отъѣздомъ въ Парижъ, они оба подарили мнѣ*). О совмѣстной жизни этихъ двухъ братьевъ въ Парижѣ я знаю мало. Мнѣ рассказывали про Владимира, что, живя въ Парижѣ, онъ захотѣлъ непременно познакомиться съ красивой актрисой *Cécile Sorel*, игравшей въ одномъ изъ Парижскихъ театровъ. Будучи въ этомъ театрѣ, онъ послалъ ей во время антракта, черезъ театральнаго служителя, свою визитную карточку съ приглашеніемъ на ужинъ и съ приложеніемъ банковаго билета въ тысячу франковъ. Г-жа Сорель приглашеніе приняла. Заграницей Владимиръ подружился съ Фѣдоромъ Ефимовичемъ и Ольгой Кирилловной Гучковыми и бывалъ съ ними въ Біаррицѣ. Вообще онъ былъ очень душевный человекъ и въ особенности любилъ брата Ивана, съ которымъ вмѣстѣ росъ, и старушку Эмму Карловну, ходившую за нимъ съ самаго его дѣтства. Недолго пришлось брату Владимиру пожить заграницей; здоровье его было плохое. Въ Біаррицѣ онъ захворалъ, а 30 Августа 1895 года умеръ въ Парижѣ, на 28-мъ году жизни, отъ туберкулознаго воспаленія мозга. Тѣло его было привезено въ Москву и похоронено на кладбищѣ Покровскаго монастыря. Эмма Карловна вернулась въ Москву, а братъ Иванъ остался жить въ Парижѣ.

По Средамъ стали приходять ко мнѣ обѣдать мои братья и пріятель, а по Воскресеньямъ собирались мы у брата Дмитрія къ завтраку. Изъ общихъ пріятелей, бывавшихъ у меня и у брата Дмитрія, назову В. К. Вульфберта и В. С. Абакумова, о которыхъ я уже говорилъ въ третьей части „Воспоминаній“. Владимиръ Карловичъ Вульфбертъ былъ живой и любезный собесѣдникъ, знавшій хорошо Французскій и Нѣмецкій языки и самъ писавшій въ Русскихъ журналахъ. Вульфбертъ любилъ Шампанское, которое было ему запрещено по причинѣ развившейся у него сахарной болѣзни; но онъ все же не переставалъ его пить, и отъ этой болѣзни умеръ 28 Апрѣля 1906 года, въ Москвѣ. В. С. Абакумовъ былъ болѣе серьезнаго нрава и нѣсколько раздражителенъ, но тоже интересный собесѣдникъ.

*) Между этими портретами есть рѣдчайшій герцога Эрнеста Иоганна Бирона, гравированный Иваномъ Соколовымъ. Братъ Иванъ написалъ объ этомъ портретѣ брошюру: „Биронъ въ гравюрѣ Ив. Соколова. Страничка изъ исторіи Русской иконографіи“, изданную въ 1893 году въ Москвѣ П. И. Шибановымъ.

Къ брату Дмитрію приходилъ на Воскресные завтраки Н. С. Мосоловъ. Николай Семеновичъ, одинокій, очень богатый, отличался скупостью. Объ этой скупости у его пріятелей В. К. Вульферта и В. С. Абакумова было нѣсколько разсказовъ. Однажды Н. С. Мосоловъ пригласилъ къ себѣ вечеромъ въ гости Вульферта и Абакумова, и когда они къ нему пришли, то Николай Семеновичъ спросилъ ихъ, чѣмъ угощать: виномъ или чаемъ? Пріятели сказали, что предпочитаютъ вино. Мосоловъ вышелъ изъ комнаты и по возвращеніи объявилъ, что, къ сожалѣнію, угостить ихъ виномъ не можетъ, потому что находившійся по сосѣдству магазинъ Генералова уже запертъ *). Дѣлать было нечего: пришлось удовольствоваться чаемъ. Посидѣвъ нѣкоторое время, Вульфертъ и Абакумовъ отправились домой. Каково же было ихъ удивленіе, когда, выйдя на улицу, они увидели магазинъ Генералова отпертымъ и ярко освѣщеннымъ! Въ другой разъ Мосоловъ пригласилъ Вульферта и Абакумова пріѣхать къ нотаріусу подписать въ качествѣ свидѣтелей духовное завѣщаніе, обѣщавъ угостить ихъ послѣ завтракомъ въ Большой Московской гостинницѣ. Въ назначенное время Вульфертъ и Абакумовъ пріѣхали къ нотаріусу, гдѣ застали Мосолова и подписали завѣщаніе. Какъ только они это сдѣлали, Николай Семеновичъ сказалъ: „господа, извините, я не могу съ вами завтракать, такъ какъ долженъ сейчасъ же ѣхать по дѣлу“. Кто-то изъ пріятелей Мосолова хотѣлъ придти къ нему пообѣдать, но онъ поспѣшилъ предупредить, сказавши, что у него на обѣдъ всего полрябчика. Однажды Н. С. Мосоловъ, уходя послѣ завтрака отъ брата Дмитрія вмѣстѣ съ Вульферткомъ, замѣтилъ: „какъ хорошо, что Дмитрій Ивановичъ устроилъ у себя по Воскресеньямъ завтраки!“ — „А ты бы“, отвѣтилъ Вульфертъ, — „устроилъ у себя завтраки по Четвергамъ!“ Мосоловъ промолчалъ.

Абакумовъ познакомилъ меня съ своимъ родственникомъ, очень почтеннымъ и милымъ старикомъ, архитекторомъ Алекс. Александр. Мартыновымъ, который также сталъ у меня обѣдать по Средамъ. На своемъ вѣку Алексѣй Александровичъ много видѣлъ. Вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ Мартыновъ издалъ нѣсколько прекрасныхъ книгъ по археологіи и исторіи. Мартыновъ между прочимъ разсказывалъ, что Снегиревъ не любилъ, когда ему помогали снимать или надѣвать верхнюю одежду; и чтобы отучить это дѣлать, онъ обыкновенно предупреждалъ говоря: „разорвете“. Мартыновъ передавалъ одинъ эпизодъ, случившійся съ нимъ въ дѣтствѣ. Однажды лѣтомъ, играя на дворѣ и имѣя на себѣ бѣлые канифасовые панталоны, онъ хотѣлъ

*) Н. С. Мосоловъ жилъ тогда въ своемъ домѣ, на Большой Лубянкѣ.

перепрыгнуть через помойную яму; но это ему не удалось, и онъ упалъ въ яму, откуда былъ вытащенъ нянькой; нянька порядкомъ его отшлепала, и это наказаніе показалось Мартынову тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что она била его по мокрому. Мартыновъ еще разсказывалъ, что, будучи въ Шверинѣ, онъ былъ приглашенъ великимъ герцогомъ, которому поднесъ свои изданія, во дворецъ на балъ, гдѣ герцогъ представилъ ему офицера, говорившаго по-русски. Этотъ офицеръ, по словамъ Мартынова, дѣйствительно говорилъ по-русски, но не умѣлъ дѣлать правильныхъ удареній; на примѣръ, говорилъ „замѡкъ“ вмѣсто „замокъ“, или: „посмотрите, какая идетъ красавица“. Жилъ А. А. Мартыновъ между Знаменкой и Воздвиженкой, въ Ваганьковскомъ переулкѣ, въ двухъэтажномъ домикѣ, принадлежащемъ Флорищевой пустыни, у своей дочери Сабуровой. Мартыновъ хорошо разбиралъ Русскія старинныя рукописи. У меня онъ взялъ для разбора пріобрѣтенный мною сундукъ со столбцами Алябьевскаго архива; между этими столбцами Мартыновъ нашелъ нѣсколько интересныхъ: столбецъ 1689 года, подписанный любимцемъ царевны Софіи Алексѣевны, княземъ Василюмъ Васильевичемъ Голицынымъ, и столбцы 1691 и 1692-го годовъ относительно ссыльныхъ князей Алексѣя и Василія Васильевичей Голицыныхъ. Когда я познакомился съ Мартыновымъ, онъ былъ еще бодръ, несмотря на свои преклонные годы; но затѣмъ старость начала брать свое: Алексѣй Александровичъ сталъ глохнуть и плохо видѣть: за обѣдомъ, обыкновенно словоохотливый, онъ сидѣлъ уже грустнымъ и молчаливымъ. Наконецъ онъ совсѣмъ пересталъ бывать у меня и въ 1895-мъ году умеръ.

Еще до моего переѣзда на Малую Грузинскую, ко мнѣ въ Лопухинскій переулокъ неожиданно явился извѣстный художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ, съ которымъ я не былъ знакомъ. Дѣло въ томъ, что онъ тогда замышлялъ писать картины изъ эпохи 1812 года и отъ кого-то узналъ, что у меня имѣются литографіи съ рисунковъ полковника изъ корпуса Нея—Фавръ-дю-Фора и художника Адама, находившагося при корпусѣ вице-короля Итальянскаго Евгенія. Верещагину желательно было познакомиться съ этими литографіями. Поэтому онъ былъ у меня нѣсколько разъ; онъ просилъ дать ему на домъ эти литографіи, но я не далъ. Потомъ я его долгое время не видалъ. Наконецъ, когда былъ выстроенъ и совсѣмъ устроенъ мой Музей, Василій Васильевичъ явился и былъ отъ него въ восторгѣ; хвалилъ мою энергію, сравнивая ее съ Американской. Въ 1894 году онъ уѣхалъ въ Сольвычегодскъ, откуда мнѣ прислалъ нѣсколько писемъ. 25 Мая онъ писалъ: „Обѣщали мнѣ достать хорошую печку

выпуклыхъ изразцовъ, не знаю только достанутъ ли. Коли да, то пошлю вамъ съ наложеннымъ платежемъ. Я кончилъ мою барку и завтра выйду въ Сѣверную Двину, по которой стану смотрѣть старину. Пока написалъ входныя врата въ Строгановскій Сольвычегодскій соборъ—преинтересныя! Лидія Васильевна¹⁾ шлетъ вамъ поклонъ“. Затѣмъ получилъ я отъ Василія Васильевича письмо отъ 2 Іюня изъ Бѣлой Слуды, на Двинѣ, слѣдующаго содержанія: „Вотъ какое обстоятельство: въ мѣстечкѣ Бѣлой Слудѣ на Сѣвер. Двинѣ, есть 2 деревянныя церкви 1620—1640 годовъ; первая, поменьше, передѣлана внутри; но вторая, немного покосившаяся, цѣла, иконостасъ тотъ же, что былъ поставленъ строителями. Зато у этой открылась кое-гдѣ на крышѣ береста и обвалился окружавшій съ трехъ сторонъ портикъ-паперть. Желательно исправить обѣ церкви, т. е. подвести каменный фундаментъ, починить крышу, возстановить портикъ-паперть и, главное, возвратитъ всѣ образа и украшенія взятые въ новую каменную церковь (ужасную!) Причтъ, не довольствуясь тѣмъ, что сломалъ недавно покривившуюся высокую стройную деревянную колокольню, просилъ уже позволенія архіерея сломать всю эту старину, *какъ безобразіе*; но тотъ, настроенный мною, спасибо ему, не дозволилъ. Думаю, что мы могли бы сдѣлать всѣ нужныя поправки и починки тихо, разумно, толково: не прибѣгая ни къ подпискѣ, ни къ огласкѣ, отъ которой, пожалуй, толка не будетъ. Не захотите ли Вы быть возстановителемъ этихъ церквей? Даже колокольню можно снова поставить, такъ какъ сторожка, выстроенная изъ части лѣса, еще очень крѣпкаго, цѣла, да и вся постройка хорошо въ памяти у всѣхъ. На поправку церквей, думаю, потребуется примѣрно 2.000 руб., да на колокольню 1000. Пожалуй, можно обойтись безъ послѣдней, но безъ фундаментовъ нельзя, упадетъ все, подправленное же простоитъ еще доброе столѣтіе. Все то что въ Вашемъ превосходномъ собраніи частями собрано какъ матерьялъ, здѣсь на мѣстѣ у себя дома. Вотъ причина почему я къ вамъ и обращаюсь; сдается, что Вы должны сочувствовать дѣлу. Что за прелестныя вещи, украшенія здѣсь въ постройкахъ! Напр. всѣ крыши оканчиваются не просто досками, а такъ²⁾, а чешуя на крышахъ деревянная же, а капители колоннъ, если онѣ не прототипъ каменныхъ? Колонны есть прелестныя, прямо тесанныя топоромъ. Здѣсь я жалѣю о томъ, что старьевщики-офени вырываютъ ежегодно изъ домовъ и церквей все, что подревнѣе и поцѣвнѣе. Одинъ крестьянинъ напр. хвасталъ, что

1) Жена В. В. Верещагина.

2) В. В. Верещагинъ сдѣлалъ въ письмѣ два рисунка, вродѣ городковъ съ закругленіями.

Московскіе скупщики старыхъ вещей дали ему по 3 руб. за черенокъ къ ножамъ и вилкамъ, украшенный 4-мя красками эмали! Я утѣшилъ его тѣмъ, что въ Москвѣ платилъ за нихъ по 20 руб. Очень интересны старыя церкви и иконостасы. Вспоминая чисто Американскую энергію, съ которою Вы въ 5 лѣтъ собрали вещи и выстроили Музей, я думаю, что Вы не откажетесь помочь дѣлу реставраціи древности? Сдѣлаемъ все ладно, толково и хозяйственно, черезъ того же попа, который будетъ ужъ за себя стараться. Лидія Васильевна, ѣдущая со мной на баркѣ, вмѣстѣ съ малюткой, кланяется Вамъ. Она прислушивается къ пѣснямъ и кое-что уже положила на музыку“.

Вернувшись съ Сѣверной Двины въ Москву, В. В. Верещагинъ написалъ мнѣ 16 Августа слѣдующее: „Вы вѣроятно теперь въ Нижнемъ, почему я откладываю удовольствіе еще разъ посмотрѣть Ваши коллекціи до Сентября, когда, должно быть, Вы будете въ Москвѣ. Представьте себѣ, о чемъ сожалѣю? О томъ, что Музей Вашъ готовъ и что нельзя пустить въ дѣло колонны найденныя мною въ одной деревянной церкви: онѣ какъ нельзя болѣе подходили бы! Это образцы той оригинальной Русской архитектуры, которая развивалась болѣе или менѣе правильно при царяхъ до Петра; была осмѣяна, оплевана и задушена этимъ послѣднимъ. Я набралъ на полотно немало остатковъ прошлаго, отъ которыхъ такъ и вѣетъ родною стариною; какъ-нибудь покажу Вамъ все это“. Это письмо было мнѣ переслано въ Нижній, по возвращеніи откуда я опять получилъ отъ Верещагина письмо отъ 20 Сентября. „Все собираюсь въ Вашъ чудесный Музей“, писалъ мнѣ Василій Васильевичъ, „и таки соберусь наконецъ. Нѣтъ ли у Васъ въ виду молодого человѣка съ брюшкомъ для фигуры Наполеона I-го?“ Молодого человѣка для позированія Наполеона I у меня не нашлось. Вскорѣ послѣ письма отъ 20 Сентября Верещагинъ пришелъ ко мнѣ, завтракалъ и много рассказывалъ о своемъ путешествіи по Сѣверной Двинѣ; какъ его барку принимали за *торговое судно* и какъ бабы спрашивали его, почемъ сахаръ, чай и разные другіе товары, и какъ онъ не могъ ихъ убѣдить въ томъ, что онъ не торговецъ, а путешественникъ. 27 Сентября Верещагинъ опять написалъ мнѣ письмо: „Настаиваю на томъ, что Вамъ, въ такомъ отдаленіи отъ центра города, немислимо ограничиваться брикъ-а-бракомъ. Не слушайте тупиць-рутинистовъ, желающихъ окунуть и Васъ въ рутину.... Я видѣлъ много свѣтлыхъ, разумныхъ примѣровъ того, что совѣтую. Въ Америкѣ, гдѣ, какъ Вамъ извѣстно, инициативы много, а рутины мало.—Что мы за парія, что возможное тамъ невозможно у насъ? Walker, богатый водочный заводчикъ въ Балтиморѣ, конечно не спра-

шиваль мнѣнія нашихъ б..... (простите за выраженіе), когда устраивалъ свой чудесный Музей; въ этомъ собраніи Вы можете пройти въ картинную галерею не иначе какъ осмотрѣвши предварительно нѣсколько залъ образцовъ всесторонняго приложенія искусства, такъ называемаго прикладнаго искусства, и впечатлѣніе получается полное, законченное. Я искренно порадовался, когда узналъ, что нашъ Третьяковъ началъ собирать образъ и высказалъ ему это; еще болѣе порадовался бы, еслибы преддверіемъ его галлеріи служило всестороннее собраніе прикладнаго искусства.... Именно въ виду того, что у Васъ уже есть, Ваше собраніе можетъ быть поучительнѣе Третьяковскаго, если Вы проведете развитіе родного искусства отъ грубѣйшаго орнамента до изображеній въ живописи и скульптурѣ родныхъ людей природы и исторіи ихъ. Совѣтую Вамъ построить еще домъ, на мѣстѣ теперешней изящной оранжереи и непременно, соединить его крытымъ ходомъ съ теперешнимъ музеемъ. Этотъ крытый ходъ дастъ возможность обойтись въ новомъ зданіи безъ многоберущихъ мѣста подъѣзда и прихожихъ и посвятить весь низъ отдѣлу образцовъ, распятій, фигуръ изъ дерева и кости, также аллегорическихъ картинъ, какъ соединительной вѣтви ствола—всего Музея прикладнаго искусства—съ листьями и цвѣтами, свободнымъ искусствомъ въ видѣ картинъ и статуй, разставленныхъ и развѣшанныхъ въ изящно задрапированной галлерей верхняго этажа. Повторяю, собраніе, составленное по такой разумной мысли, будетъ *цѣлою наглядною* школою родного искусства.... Можетъ быть Вы инаго мнѣнія—тогда конечно я Вамъ не буду и заикаться объ этомъ. Японщину, китайщину и проч. какая есть, продайте или вымѣняйте!“ 23 Октября снова получилъ я письмо отъ Верещагина, въ которомъ онъ писалъ: „Продолжая разговоръ нашъ, скажу Вамъ что лѣтъ 10 тому назадъ говорилъ бывшему директору Имп. Эрмитажа, что напрасно они къ произведеніямъ чистаго искусства не добавляютъ прикладнаго, и получилъ въ отвѣтъ: „нѣтъ мѣста!“ Что же Вы думаете, за послѣднее посѣщеніе Петербурга, нашель, что внизу отведено значительное помѣщеніе подъ предметы прикладнаго искусства—перетащенъ Царскосельскій Музей, помѣщена коллекція Базилевскаго и проч. Къ стыду ихъ только Русскій отдѣлъ очень малъ и плохъ“.

Къ себѣ Василій Васильевичъ меня никогда не приглашалъ; слышалъ я только, что онъ жилъ за Серпуховской заставой, близъ деревни Верхніе Котлы, гдѣ выстроилъ себѣ на горѣ домъ съ мастерской и огородилъ его высокимъ заборомъ *). Послѣ послѣдняго посѣще-

*) Меня Верещагинъ тоже навѣщалъ для распроса свѣдѣній о Наполеонѣ въ Москвѣ. Когда я взаимствовалъ ему посѣщеніемъ, онъ жилъ на Кокоревскомъ подворьѣ, окнами на Кремлевскій дворецъ. П. Б.

нія Верещагинымъ моего Музея, продолжительное время я его не видалъ и ничего о немъ не слыхалъ, какъ вдругъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что у него почти готова серія картинъ относящихся до отечественной войны 1812 года, и что онъ проситъ меня увѣдомить его, согласенъ ли я буду ихъ купить и, въ случаѣ моего согласія, онъ пригласитъ меня прїѣхать къ нему ихъ посмотрѣть. Далѣе Верещагинъ писалъ, что при покупкѣ мною этихъ картинъ онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы съ нимъ былъ заключенъ нотаріальный договоръ, по которому онъ получаетъ извѣстную сумму денегъ впередъ, а остальные деньги послѣ того какъ картины будутъ показаны въ Европѣ и Америкѣ, т. е. черезъ 2—3 года. На это письмо я отвѣтилъ Верещагину, что недостаточно интересуюсь современными картинами, относящимися до 1812 года, чтобы ихъ покупать. Не знаю почему, Василий Васильевичъ обидѣлся этимъ отвѣтомъ и написалъ мнѣ настолько рѣзкое письмо, что заставилъ меня послать ему письмо, въ которомъ я написалъ, что никогда не искалъ его знакомства и буду очень радъ, если онъ оставитъ меня въ покоѣ своими предложеніями разныхъ гешетовъ. Послѣ этого я получилъ отъ Верещагина лаконическую телеграмму въ одно слово и безъ подписи: „аминь“. Такъ кончилось мое знакомство съ этимъ талантливымъ художникомъ. Незадолго до отъѣзда В. В. Верещагина въ Портъ-Артуръ, я встрѣтилъ его въ Охотномъ ряду, гдѣ онъ покупалъ рябчиковъ въ лавкѣ Лобачева.

Болѣе счастливыми были мои знакомства съ другими Русскими художниками. Художникъ Митрофановъ, маленькаго роста, горбатый, жилъ на Большой Прѣснѣ, въ домѣ недалеко отъ Бирюковскихъ бань, гдѣ имѣлъ на дворѣ мастерскую. Въ этой мастерской видѣлъ я написанный имъ хорошій масляный портретъ нашего бывшаго покупателя изъ Красноярска (нынѣ покойнаго) Николая Герасимовича Гадалова и начатую картину, изображавшую Іоанна Грознаго у колдуньи. У меня Митрофановъ писалъ масляными красками этюдъ кинжала для этой картины. Только странно мнѣ показалось, что для кинжала Грознаго Митрофановъ выбралъ моделью имѣющійся у меня старинный, сильно изогнутой формы, Персидскій кинжалъ. Какъ я ни объяснялъ Митрофанову, что Персидскій кинжалъ едва ли носилъ Іоаннъ Грозный,— онъ все же изобразилъ его съ этимъ кинжаломъ.

В. И. Суриковъ писалъ у меня на дворѣ зимой этюдъ масляными красками со старинной серебряной стопы, и такъ какъ у него мерзли руки, то онъ часто прибѣгалъ въ комнаты, чтобы согрѣться. Затѣмъ

Суриковъ писалъ у меня въ домѣ этюдъ ковра для своей картины „Стенька Разинъ“, и моделью служилъ Малоазіатскій коверъ XVII в. изъ моего собранія. Художникъ Аполлинарій Михайловичъ Васнецовъ срисовывалъ для своихъ картинъ постройки, изображенныя на имѣющихся у меня планахъ Москвы XVII вѣка, а его братъ, художникъ Викторъ Михайловичъ, прислалъ ко мнѣ молодого человѣка Виктора Дмитріевича Замирайло, который прекрасно скопировалъ акварелью много заставокъ изъ принадлежащихъ мнѣ древнихъ Русскихъ рукописныхъ книгъ. Одну заглавную заставку, срисованную у меня В. Д. Замирайло, изъ синодика Крутицкаго архіерейскаго дома, В. М. Васнецовъ цѣликомъ примѣнилъ для росписи обѣда, даннаго во время коронаціи Императора Николая II въ Кремлевскомъ дворцѣ. Художникъ В. А. Сѣровъ копировалъ акварелью, для занавѣса Дягилевскаго театра въ Парижѣ, старинныя Персидскія миниатюры изъ моего собранія.

Продолжалъ я быть въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми Французскими художниками. Специальностью Helleu было гравированіе портретовъ съ натуры алмазомъ на мѣдныхъ доскахъ, которые потомъ отпечатывались на бумагѣ. Гравюра, сдѣланная такимъ способомъ, у Французовъ называется *pointe-sèche*. Когда я былъ въ Парижѣ у Helleu*), то видѣлъ, какъ онъ гравировалъ алмазомъ, причѣмъ постоянно жаловался, что рука устаетъ отъ этой работы. Писалъ Helleu также масляными красками и пастелью; въ моемъ собраніи имѣются его работы всѣхъ трехъ родовъ, т. е. алмазомъ, кистью и цвѣтными карандашами.

Свое собраніе старинныхъ вещей я не переставалъ пополнять, покупая ихъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Нижегородской ярмаркѣ. Въ Москвѣ покупалъ я у антикваровъ П. М. Иванова (+), С. Т. Большакова (+), И. Л. Силина (+), М. П. Вострякова (+), братьевъ Соловьевыхъ, Ф. В. Веркмейстера, Я. И. Черномордика, Фрумкина, Когана и др. Петръ Марковичъ Ивановъ имѣлъ магазинъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ, а впоследствии переѣхалъ въ Чернышевскій. У него попадались хорошія старинныя вещи, но сбывалъ онъ и поддѣльныя, исполненныя по его заказу или же своего собственнаго издѣлія. Такъ, помню, продавалъ П. М. Ивановъ ожерелье будто бы принадлежавшее Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной. Сергѣй Тихоно-

*) Въ Парижѣ у Helleu я былъ нѣсколько разъ въ 1898 году. Послѣ моего послѣдняго посѣщенія этого художника я совершенно неожиданно получилъ отъ него записку о трагической смерти его маленькой дочери: „En rentrant ce soir“, писалъ мнѣ Helleu, „je trouve ma petite fille morte écrasée par une voiture“.

вичъ Большаковъ, о которомъ я уже говорилъ въ 3-й части „Воспоминаній“, принадлежалъ къ самымъ типичнымъ антикварамъ, какихъ я знавалъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ черномъ поношенномъ скюртукѣ, который носилъ, какъ онъ самъ говорилъ, уже 25 лѣтъ. Сергѣя Тихоновича, несмотря на его почтенные годы, часто можно было встрѣтить на улицѣ съ тяжелымъ мѣшкомъ, перекинутымъ черезъ плечо, въ которомъ онъ несъ какія-нибудь вещи. У С. Т. Большакова, какъ и у его родственника К. Т. Солдатенкова, вмѣстѣ съ коимъ онъ служилъ въ молельнѣ на Мясницкой, была привычка говорить въ носъ, причемъ Сергѣй Тихоновичъ закрывалъ глаза, что отлично копировалъ Дмитрій Висильевичъ Григоровичъ. При продажѣ вещей Сергѣй Тихоновичъ имѣлъ обыкновеніе говорить что-нибудь лестное своему покупателю, на примѣръ, если И. Е. Забѣлинъ торговалъ у Сергѣя Тихоновича какую-либо вещь, то послѣдній говорилъ: „вчера упоминалось ваше святое имячко“, на что Иванъ Егоровичъ шутя отвѣчалъ: „за лестъ прибавляю рубль“. У Ивана Лукича Силина, бывшаго иконописца, можно было найти замѣчательныя старинныя иконы. Павелъ Михайловичъ Третьяковъ былъ однимъ изъ его покупателей. Матвѣй Петровичъ Востряковъ зналъ толкъ въ древнихъ Русскихъ рукописяхъ, и у него я купилъ нѣсколько рѣдчайшихъ рукописныхъ книгъ, между ними Псалтырь толковую преподобнаго Максима Грека, писанную въ 1522 году сотрудниками Максима—Михаиломъ Медоварцовымъ и Селиваномъ инокомъ¹⁾. Яковъ Исаевичъ Черномордикъ торговалъ прежде на Арбатѣ²⁾, откуда потомъ перешелъ въ Леонтьевскій переулочекъ. Главнымъ покупателемъ былъ у него князь Левъ Сергѣевичъ Голицынъ. Между интересными старинными вещами у Черномордика встрѣчались и такія, какъ, на примѣръ, сушеная клешня омара, которую онъ продавалъ какъ рѣдкость. Въ Леонтьевскомъ переулкѣ Черномордика какъ-то обокрали, и онъ рассказывалъ, что воры были „официальные“, желая сказать „профессіональные“. Самого Якова Исаевича рѣдко можно было застать въ магазинѣ, а замѣнявшая его жена никогда не знала цѣнъ вещамъ, и если я заходилъ въ магазинъ, то она мнѣ только говорила: „ничего не было замѣчательнаго“.

У коллекціонера князя Льва Сергѣевича Голицына, большого знатока старинныхъ вещей и въ особенности стариннаго фарфора, не было, кажется, вещи, которую онъ не продалъ бы: все зависѣло лишь

¹⁾ За эту Псалтырь я заплатилъ М. П. Вострякову три тысячи рублей.

²⁾ Главнымъ мѣстомъ антикварной торговли въ Москвѣ былъ прежде Арбатъ, а впоследствии сдѣлался Леонтьевскій переулочекъ.

отъ цѣны. Немало прекрасныхъ вещей купилъ я у него¹⁾, но главными его покупателями были извѣстные антиквары, братья Гамбургеры изъ Амстердама. Князь Л. С. Голицынъ снималъ въ Москвѣ домъ князя Четверинскаго на Поварской²⁾. Кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ, въ этомъ домѣ была одна большая зала, въ которой висѣлъ на стѣнѣ гобеленовый коверъ съ изображеніемъ Теньеровской кермессы, принадлежавшій князю Четвертинскому. Казалось, что домъ былъ выстроенъ для этого гобелена. Въ кабинетѣ у князя Л. С. Голицына находилось много разныхъ рѣдкихъ старинныхъ вещей, а подвальная комната была наполнена цѣннымъ стариннымъ фарфоромъ. Ъздилъ князь Левъ Сергѣевичъ и въ Нижегородскую ярмарку, гдѣ торговалъ своими собственными винами, и при случаѣ покупалъ старинныя вещи. Разъ у торгующей на ярмаркѣ разными старинными вещами Е. П. Маслениковой мнѣ случилось, такъ сказать, передъ самымъ носомъ князя Льва Сергѣевича, купить рѣдкій серебряный ковшъ Яицкаго войска, пожалованный императрицей Елисаветой Петровной. Приди я нѣсколькими минутами позже, ковшъ купилъ бы князь. Андрей Александровичъ Титовъ, познакомившась на ярмаркѣ съ княземъ Л. С. Голицынымъ, сталъ часто заходить къ нему въ лавку, чтобы выпить у него Шампанскаго. Эти посѣщенія Титова въ концѣ концовъ такъ надоѣли князю, что онъ, въ надеждѣ избавиться отъ нихъ, послалъ Титову дюжину бутылокъ Шампанскаго....

Въ Нижегородской ярмаркѣ старьевщики ютились преимущественно въ Ярославскомъ ряду. С. Т. Большаковъ и М. П. Востряковъ торговали старопечатными церковными книгами рядомъ съ трактиромъ Бубнова. Въ Пряничномъ ряду, гдѣ продаютъ дешевые Городецкіе пряники, похожіе вкусомъ и видомъ на мыло, было нѣсколько иконныхъ торговцевъ. Привозили на ярмарку старинныя вещи также Офени, Татары, Армяне и Евреи. На шоссе близъ Ярославскаго ряда торговала и торгуетъ до сихъ поръ Елисавета Петровна Масленикова изъ Ярославля, типичная старушка, вдова, родная сестра покойнаго Николая Петровича Пастухова. Въ прежнее время лавка Е. П. Маслениковой

¹⁾ У кн. Л. С. Голицына я между прочимъ кунилъ слѣдующія вещи: серебряную вызолоченную братинку супруги царя Василія Ивановича Шуйскаго, съ надписью: „Братина государыни царицы и великне княгини Елены Петровны“; серебряный тазикъ, принадлежавшій княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ, женѣ князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, взятаго въ плѣнъ Шведами подъ Нарвой въ 1700 году, и серебряный стаканъ съ гравированными на немъ Василіемъ Андреевымъ, ученикомъ Аванасія Трехменскаго, библейскими сценами.

²⁾ Нѣтъ графини А. А. Олсуфьевой. П. Б.

состояла из двух отдѣленій: мануфактурнаго и разнаго старья; теперь мануфактурное отдѣленіе закрыто. Елисавета Петровна во время ярмарки продаетъ и покупаетъ пухъ, мѣха, шелковые сарафаны, парчевыя душегрѣйки, серебро, золотыя вещи, жемчугъ, брилліанты и т. д. Нищимъ, которые то и дѣло заходятъ къ ней въ лавку, Елисавета Петровна даетъ всегда по копѣйкѣ каждому. Въ Ярославскомъ ряду я бывалъ ежедневно. Покупалъ тамъ вещи у старика-еврея Липскаго (+), который постоянно ходилъ въ собольей шапкѣ, по всей вѣроятности для того, чтобы предохранить ее отъ моли. У Николая Ѳедоровича Дубровина, изъ Ярославля, торгующаго иконами и старопечатными книгами, я между прочими интересными вещами купилъ серебряную чеканную братину съ вырѣзанной на ней надписью: „Братина боярина князя Юрьевы жены Яншѣевича Сулошева княгини Марѣы Михайловны“. Позднѣе я нашелъ у А. О. Карелина серебряную чеканную крышку отъ этой братины. Другой Ярославецъ, старикъ, часовщикъ Борисовъ (+), часто пьяный, имѣлъ въ Ярославскомъ ряду лишь одну витрину съ разными мелкими вещами. Однажды у Борисова я купилъ серебряный четырехъугольный ящичекъ XVIII вѣка. съ наружными черневыми изображеніями на всѣхъ шести сторонахъ ящичка плановъ Сибирскихъ городовъ: Тобольска, Тюмени, Тары, Туринска, Томска и Енисейска, а внутри ящичка, подъ слюдой, миниатюрный портретъ Сибирскаго губернатора Дениса Ивановича Чичерина*). Въ лавкахъ Ярославскаго ряда уже много лѣтъ торгуютъ два крестьянина изъ Городца (Нижегородской губерніи): черноволосый, простоватый Потапъ Степановичъ Кузнецовъ и рыжеволосый, плутоватый Михаилъ Аникіевичъ Косаревъ. Оба они въ былое время скупали вещи на Сѣверѣ, въ особенности въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, и привозили въ Нижегородскую ярмарку. Впослѣдствіи П. С. Кузнецовъ и М. А. Косаревъ стали ѣздить въ Москву и Петербургъ, а послѣдній даже въ Берлинъ и Парижъ, сбывать тамъ Русскія кружева, шелковые сарафаны, парчу и т. д. П. С. Кузнецовъ, наживши деньги, купилъ себѣ буксирный пароходъ, который сталъ сдавать въ аренду. Немало я перекупилъ у этихъ Городецкихъ крестьянъ старинныхъ деревянныхъ предметовъ крестьянскаго быта, сарафановъ, кокошниковъ, церковной

*) Впослѣдствіи купилъ я нѣсколько подобныхъ же серебряныхъ, съ чернью, ящичковъ съ портретами Д. И. Чичерина, а также серебряные, съ чернью, чарки Китайскаго типа и стаканы въ стилѣ Людовика XV съ гербами и шифрами этого губернатора. На одномъ имѣющемся у меня серебряномъ стаканѣ съ чернью и позолотою вырѣзана слѣдующая характерная надпись: „Сеі стаканъ изъ отеческаго милосердія пожалованъ сыну Димітрію на іменина 1776 году сентября 21 дня: господиномъ Сибирскимъ губернаторомъ і ковалеромъ Денисомъ Ивановичемъ Чичеринымъ в Тоболске“.

утвари, священническихъ облаченій и т. п. Но моимъ главнымъ поставщикомъ все же оставался фотографъ Андрей Осиповичъ Карелинъ. Карелинъ пріобрѣталъ вещи большею частію у Нижегородскихъ жителей, но у трехъ изъ нихъ, какъ онъ ни ухаживалъ за ними, никакъ немогъ достать интересовавшихъ меня вещей, а именно: у Архангельскаго серебряный жалованный Петромъ Великимъ ковшъ, у Кутлубицкаго— жалованную императоромъ Павломъ I генераль-адъютанту Н. О. Кутлубицкому золотую табакерку, съ портретомъ этого императора, и у отца пьянистки Вѣры Ивановны Скрыбиной (присяжнаго повѣреннаго Исаковича) фарфоровую Саксонскую тарелку съ изображеніемъ двуглаваго орла и Андреевскаго креста. Въ лавкѣ С. Т. Большакова часто собирались пріѣзжавшіе на ярмарку старообрядцы. Посѣщалъ на ярмаркѣ Сергѣя Тихоновича также Нижегородскій священникъ Александръ Васильевичъ Кармазинскій (+), изъ церкви Воскресенія Христова, что на Ярилѣ. Во время ярмарки Кармазинскій велъ пренія со старообрядцами въ старомъ ярмарочномъ соборѣ. У Кармазинскаго купилъ я рукописный хронографъ XVII в., отчасти касающійся исторіи Нижняго-Новгорода.

Съ 1892 году, въ самомъ началѣ ярмарки, разразилась въ Нижнемъ холера. Въ то время Нижегородскимъ губернаторомъ былъ Николай Михайловичъ Барановъ, благодаря энергичной дѣятельности котораго начавшаяся было паника быстро улеглась. На ярмаркѣ открыли бараки для холерныхъ; на Волгѣ былъ устроенъ пловучій госпиталь, куда буксирные пароходы возили заболѣвшихъ холерой на приспособленныхъ для этого лодкахъ. Когда же не хватило для больныхъ мѣста въ баракахъ и госпиталѣ, то Николай Михайловичъ немедленно распорядился отдать губернаторскій дворецъ въ Кремлѣ подъ госпиталь. Съ его разрѣшенія наша фирма, вмѣстѣ съ мануфактурами Гюбнера, Цинделя и Даниловской, устроила близъ стараго ярмарочнаго собора кухню для насъ, нашихъ служащихъ и служащихъ означенныхъ мануфактуръ¹⁾. Поваровъ выписали изъ Москвы, за провизіей посылали утромъ въ городъ на базаръ одного изъ прикащиковъ съ артельщикомъ; за кухней наблюдалъ приглашенный нами врачъ. Для питья стали прибавлять въ кипяченую воду красное вино²⁾, что у насъ дѣлается и до сихъ поръ. Впослѣдствіи на ярмарочныхъ площадяхъ были поставлены для общаго употребленія баки съ кипяченой водой,

1) Мой братъ Сергѣй ѣздилъ къ Н. М. Баранову просить дозволенія устроить на свой счетъ кухню для нашихъ служащихъ.

2) Захварывали холерою большею частію послѣ питья сырой воды.

смѣшанной съ краснымъ виномъ. Сначала при появленіи холеры было какъ-то жутко: всюду пахло карболкой, часто встрѣчались на улицахъ холерные, которыхъ несли на носилкахъ или везли на извозчикахъ; но потомъ попривыкли и стали относиться къ этой болѣзни хладнокровнѣе. Братъ Сергѣй и я наняли было въ городѣ бывшую квартиру художника Константина Егоровича Маковского, но недолго въ ней прожили: хозяйка, должно быть изъ опасенія, что мы занесемъ съ ярмарки холеру, попросили насъ освободить квартиру. Нечего было дѣлать: мы переселились на Нижній Базаръ, въ Биржевую гостинницу. Съ Николаемъ Михайловичемъ Барановымъ, который былъ Нижегородскимъ губернаторомъ съ 1883 года, ближе познакомился только въ 1895 году; передъ тѣмъ я встрѣчался съ нимъ на обѣдахъ, которые давало ему ярмарочное купечество, причемъ знакомство наше ограничивалось нѣсколькими привѣтственными словами и рукопожатіями. Собственно познакомилъ меня съ Н. М. Барановымъ его другъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, гостившій у него и жившій во время ярмарки 1895 года въ главномъ домѣ¹⁾. У Баранова я былъ съ визитомъ и подарилъ ему свои изданія. Затѣмъ я получилъ отъ него слѣдующее, у меня сохранившееся, письменное приглашеніе: „Многоуважаемый Петръ Ивановичъ. Не сдѣлаете ли честь моему солдатскому обѣду пожаловать сегодня въ 4^{1/2} (въ пиджакѣ)? Обѣщали быть Д. В. Григоровичъ и С. Т. Морозовъ. Сердечно Вашъ Н. Барановъ. 17-го Авг. Четвергъ“. Солдатскій обѣдъ оказался весьма порядочнымъ. Только странно, что на пирожное подали подносъ съ мармеладомъ разныхъ сортовъ. За обѣдомъ присутствовали: Д. В. Григоровичъ, Нижегородскій вице-губернаторъ Фредериксъ, Нижегородскій полиціймейстеръ князь Михайлъ Викторовичъ Волконскій²⁾ и предсѣдатель ярмарочнаго комитета С. Т. Морозовъ. Кромѣ Фредерикса, всѣ остальные были мнѣ уже знакомы. Во время обѣда Николай Михайловичъ много рассказывалъ и не давалъ другимъ говорить. Наконецъ говорливый Григоровичъ не вытерпѣлъ и перебилъ Николая Михайловича, сказавъ: „душенька, вы уже достаточно говорили, позвольте теперъ и мнѣ кое-что рассказать“.

Лѣтомъ 1893 года я предпринялъ путешествіе въ Петрозаводскъ. 1-го Юля выѣхалъ изъ Москвы въ Тверь, гдѣ осмотрѣлъ замѣчательный историко-археологическій музей, помѣщавшійся тогда въ одной изъ большихъ залъ мужской гимназій и, можно сказать, созданный

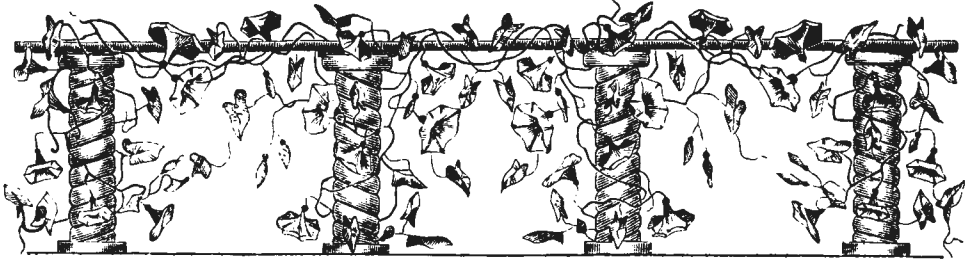
¹⁾ Матери у обоихъ были родомъ француженки. П. Б.

²⁾ Съ княземъ М. В. Волконскимъ я былъ знакомъ еще въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ полиціймейстеромъ.

предсѣдателемъ Тверской казенной палаты Августомъ Казимировичемъ Жизневскимъ. Я рѣдко встрѣчалъ такого неутомимаго и настойчиваго собирателя, какъ Августъ Казимировичъ. По его порученію подчиненные ему чиновники собирали древности во всей Тверской губерніи. У какой-то барыни въ Твери была серебряная коробочка, покрытая расписной финифтью, Русской работы конца XVII вѣка; Жизневскій ухаживалъ двадцать лѣтъ за этой коробочкой, пока барыня не пожертвовала ее въ Тверской Музей. Будучи холостымъ и уже на склонѣ жизни, Августъ Казимировичъ большую часть своихъ небольшихъ средствъ тратилъ на свое любимое дѣтище—Тверской Музей. Настоящимъ блестящимъ состояніемъ Тверской музей всецѣло обязанъ этому замѣчательному и безкорыстному дѣятелю*). Кроме старины, Жизневскій очень любилъ цвѣты: когда я былъ у него, то видѣлъ на письменномъ столѣ вазы съ роскошными букетами. Вечеръ въ Твери я провелъ съ Жизневскимъ, гуляя по набережной Волги, гдѣ выстроены рядъ прекрасныхъ домовъ по повелѣнію императрицы Екатерины II послѣ большого пожара, бывшаго въ 1763-мъ году. Распростившись съ Августомъ Казимировичемъ, я сѣлъ на пароходъ, отходившій въ Рыбинскъ. Въ Кимрахъ верхнюю палубу нашего парохода нагроузили дамскими ботинками и мужскими штиблетами. 3-го Іюля съ утра до вечера я пробылъ въ Угличѣ, гдѣ остановился въ довольно грязной гостинницѣ, такъ какъ лучшей тогда не было. Въ Угличѣ осмотрѣлъ нѣсколько старинныхъ церквей, въ томъ числѣ церковь „Димитрія на крови“, и дворецъ царевича Димитрія, незначительное строеніе изъ краснаго кирпича, реставрированное покойнымъ Николаемъ Владимировичемъ Султановымъ. Музей, помѣщающійся въ этомъ дворцѣ, послѣ замѣчательнаго Тверского, мало представлялъ интереса. 4-го Іюля прибылъ я въ Рыбинскъ и засталъ еще тамъ ярмарку, гдѣ торговалъ иконами и книгами въ миниатюрной лавочкѣ мой знакомый, Николай Ѳедоровичъ Дубровинъ изъ Ярославля. Встрѣтилъ я также на ярмаркѣ Татарина, помощника муллы изъ Костромы, у котораго на Нижегородской ярмаркѣ я купилъ за десять рублей фарфоровую Севрскую тарелку 1785 года, украшенную живописью (цвѣтами) Micaud и позолотой Vincent.

*) Тверской Музей теперь помѣщается въ западной части Императорскаго дворца. Въ 1893-мъ году я пожертвовалъ черезъ А. К. Жизневскаго въ этотъ Музей икону Тверскихъ чудотворцевъ, записанную, какъ мнѣ сообщилъ въ письмѣ отъ 2-го Августа 1893 года Жизневскій, по описи подъ № 7403-мъ.

Московское дворянство Государю Императору Александру Николаевичу.

I.

Намъ неизвѣстно, подавъ ли былъ этотъ адресъ. По поводу такихъ неоднократныхъ заявленій, Ѳ. И. Тютчевъ писалъ Московскимъ дворянамъ:

Куда вамъ въ члены Англійскихъ палатъ?
Вы только члены Англійскаго Клуба.

Московское дворянство, движимое любовью къ Отечеству, имѣло счастье доказывать ее не разъ своими заслугами на пользу государства въ тяжкія минуты испытанія. Въ нашей памяти сохранились еще въ свѣжести незабвенный 1812-ый годъ и пріѣздъ Вашего Августѣйшаго соименника въ первопрестольную столицу при неожиданномъ*) вторженіи непріятели въ предѣлы Имперіи. Увѣренный въ сочувствіи Москвы Императоръ Александръ I обратился тогда къ нашему дворянству, призывая его къ спасенію Отечества. Голосъ Императора проникъ въ сердца вѣрноподанныхъ: въ нѣсколько часовъ явились и деньги, и войско; поднялась Москва, а за ней и остальная Россія. Отечество наше съ блескомъ вышло изъ борьбы, и государство стало сильнѣе, чѣмъ когда нибудь.

Но тогда грозилъ ему внѣшній врагъ; теперь угрожаетъ ему внутренняя, не менѣ сильная опасность. Во всѣхъ слояхъ общества господствуетъ какое-то броженіе, законы не исполняются въ точномъ ихъ смыслѣ; ни личность, ни имущество не ограждены отъ произвола администраціи, сословія возстановлены одно противъ другого, и антогонизмъ между ними растетъ все болѣе и болѣе, вслѣдствіе неудовлетворяющихъ мѣстныхъ распоряженій начальствующихъ лицъ. При этомъ полное безденежье, опасеніе государственнаго финансоваго кризиса, выражающееся шаткостью единицы, полное отсутствіе кредита,

*) Видно, что составитель этого адреса не вѣдалъ исторіи; иначе не назвалъ бы онъ вторженія Наполеона *неожиданнымъ*. П. Б.

и наконецъ бездна ложныхъ слуховъ, волнующихъ умы. Таково, въ нѣсколькихъ словахъ, теперешнее наше положеніе, и Московское дворянство, изъ любви къ отечеству и преданности къ престолу, рѣшается высказать всю правду своему Государю.

Краеугольный камень, на которомъ основывались всѣ злоупотребленія, вынуть, крѣпостное право уничтожено; но много еще остается сдѣлать, чтобы пересоздать на прочныхъ основаніяхъ потрясенное государственное зданіе. Искоренить зло, идти впередъ за своимъ Государемъ путемъ мирныхъ реформъ, удовлетворяющихъ потребностямъ общества, водворить полный порядокъ, отвратить даже въ будущемъ всякую возможность потрясеній: вотъ желанья Московскаго дворянства, и оно съ довѣріемъ обращается къ своему Государю, повергая на Его благоусмотрѣніе слѣдующія мѣры, могущія вывести наше отечество изъ затруднительнаго положенія.

1) Возможно большее разширеніе выборнаго начала въ государственной службѣ, и большій просторъ данный мѣстному самоуправленію; при этомъ строгое исполненіе законовъ, не только подчиненными, но и начальствующими лицами, строгая отчетность и отвѣтъ передъ законами, всѣхъ и cadaго, лично за себя, находящихся въ государственной службѣ.

2) Огражденіе правъ, личныхъ и имущественныхъ всѣхъ гражданъ государства, введеніемъ устнаго и гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ *).

3) Прекращеніе враждебныхъ отношеній между дворянствомъ и крестьянствомъ посредствомъ обязательнаго немедленнаго разверстанія угодій, одновременно съ подачею уставныхъ грамотъ, обезпеченіе правительствомъ оброковъ и выкупа съ гарантіей не 80-ти процентовъ, а полной суммы.

4) Обнародованіе государственныхъ долговъ и смѣтъ, государственнаго бюджета, приходовъ и расходовъ, какъ средство для успокоенія умовъ на счетъ опасенія государственнаго кризиса.

5) Обсужденіе въ печати вопросовъ касающихся преобразованія во всѣхъ отрасляхъ, которыя правительство имѣетъ въ виду при предстоящей административной и экономической реформѣ.

*) Т. е. адвокатовъ. Екатерина же завѣщала своимъ преемникамъ ни за что не допускать въ Россіи адвокатовъ (см. ея письма къ Гримму). П. Б.

Вотъ средства, которыя могутъ сдѣлать благосостояніе нашего отечества. Не разъ Ваше Императорское Величество съ довѣріемъ обращалось къ вашему вѣрному дворянству, и оно всегда съ готовностью откликалось на призывъ своего Государя; не разъ говорили вы, Государь: „Я Вамъ вѣрю, вѣрьте мнѣ“, и всегда дворянство съ довѣріемъ ожидало исполненія благихъ начинаній своего Царя. Въ теперешнюю трудную минуту оно готово еще разъ стать твердою опорой около Русскаго престола и содѣйствовать всѣми силами своему Государю въ исполненіяхъ его благихъ намѣреній.

Съ этой цѣлью Московское дворянство всеподданнѣйше проситъ Ваше Императорское Величество разрѣшить ему избрать изъ среды себя комиссію для обсужденія главныхъ началъ, долженствующихъ лечь въ основаніи будущаго устава о выборахъ, пересмотръ устава о земскихъ повинностяхъ и обсужденіе вопроса о земскомъ кредитѣ и нуждахъ земства съ участіемъ въ ея работахъ (такъ какъ вопросы эти касаются всего земства) депутатовъ отъ другихъ сословій; труды же комиссіи, пересмотрѣнные въ общемъ собраніи призванныхъ изъ губерній выборныхъ людей ото всѣхъ сословій государства въ Москву какъ сердце Россіи, повергнуть на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

II.

Всеподданнѣйшій адресъ, принятый Московскимъ дворянствомъ большинствомъ 270 противъ 30 голосовъ, 11 Января 1865 года.

Всеимлостивѣйшій Государь!

Московское дворянство, въ настоящемъ собраніи своемъ, не можетъ не высказать Вашему Императорскому Величеству чувствъ глубокой признательности и благодарности за ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся ко благу нашего отечества. Мы готовы, Государь, содѣйствовать Вамъ словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути вами избранномъ. Мы убѣждены, Государь, что вы не остановитесь на этомъ пути и что вы пойдете впередъ, опираясь на Ваше вѣрное дворянство, на весь Русскій народъ. Собравъ вашу разъединенную доселѣ Россію въ одно цѣлое, сплотивъ ее твердо и замѣнивъ трехъ отдѣльныхъ ея частей однимъ общимъ правиломъ, вы искорените навѣки возможность мятежа и междоусобій. Призванному вами, Государь, къ новой жизни земству, при постепенномъ развитіи, суждено навѣки упрочить славу и крѣпость Россіи.

Довершите же, Государь, основанное вами государственное здание созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли Русской, для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите вашему вѣрному дворянству, съ этой же цѣлью, избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство всегда было твердою опорою Русскаго Престола.

Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди, по самымъ условіямъ своимъ и государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоценныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства, нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, Государь, вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, вы достигните точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимость ихъ къ нуждамъ страны. Правда будетъ доходить безпрепятственно до вашего престола, внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовію окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть.

Всемилоствѣйшій Государь! Московское Дворянство высказалось предъ вами, повинуваясь священному долгу вѣрноподданныхъ, не имѣя ничего иного въ виду кромѣ государственной пользы. Мы высказались, Государь, въ полной увѣренности, что слова наши соотвѣтствуютъ державной мысли и духу вашихъ великихъ преобразованій.

9 Января (1865).

*

С. С. Татищевъ, на стр. 492-й, въ первой части своей книги объ Александрѣ Второмъ, рассказываетъ слѣдующее:

„Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ Государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный Звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвостовъ, одинъ изъ запальчивѣйшихъ ораторовъ Московскаго дворянскаго собранія, говорившихъ въ пользу адреса, представленнаго Московскимъ дворянствомъ на высочайшее имя за годъ передъ тѣмъ. „Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя“, сказалъ ему Императоръ, „хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться, но я не сержусь и хочу, чтобы ты былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ „опричниковъ“ тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія?...“.

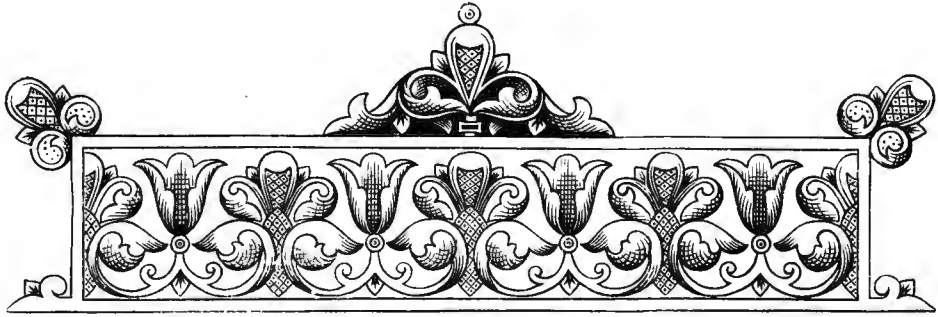
Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе. „Говори правду, я всегда охотно ее слышу“, отвѣтилъ Императоръ. Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ „опричники“ онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все, что, по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ опричь земщины, то есть внѣ или въ сторонѣ отъ народа. „Важно не слово, а дѣло“, замѣтилъ Государь. „Что значила вся эта выходка?.. Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?“ Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Императоръ продолжалъ: „И теперь вы конечно увѣрены, что я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами. Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали“. Слова эти относились къ адресу Московскаго дворянства по поводу Польскаго возстанія.

Отпуская Голохвастова, Государь сказалъ ему: „Главное, не гоняйся за аплодисментами, за успѣхами краснорѣчія, вѣдь, право; не стоитъ того...“ — „Аплодисменты, Государь, относились не ко мнѣ“, возразилъ Голохвастовъ, „ихъ могъ вызвать каждый въ залѣ; стоило васъ назвать— и стѣны дрожали отъ аплодисментовъ“. Свѣтлая улыбка озарила лицо Государя. Да, я знаю, промолвилъ онъ: „Ну, съ Богомъ, прощай!“

*

Почти тоже сказалъ Государь въ Петербургѣ графу Шувалову. П. Б.

Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

По намѣстничествамъ была разослана Екатериною Великою серебряная посуда для торжественныхъ обѣдовъ. Во вторую Турецкую войну, эта посуда взята была назадъ, за оскуднѣиёмъ казны. Державинъ писалъ про намѣстничества:

На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари.

Между Державинымъ и Екатериною, къ концу ея царствованія, наступила ограда вслѣдствіе того, что Державинъ отказался принять участіе въ составленіи манифеста о предоставленіи наслѣдства послѣ Екатерины великому князю Александру Павловичу, и въ его Запискахъ имѣются жестокия про нее страницы. Съ кончиною Потемкина ослабѣла она духомъ.

*

Стихи Ю. С. Аксакова про Екатерину Великую.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ,
Сей маскарадъ, сей вѣкъ мишурной славы.
Переодѣтъ былъ Русскій человѣкъ
Въ чужой костюмъ заемно-величавый.

*

Въ тотъ славный вѣкъ все лгало безъ стыда:
Звалась царицей иноземка,
Холстинные стояли города,
И Русскою прикидывалась Нѣмка.

Проживи Константинъ Сергѣевичъ долѣе, не было бы написано это осмистіише. Его отецъ свидѣтельствуетъ, что даже въ отдаленной Уфѣ, гдѣ протекало его дѣтство, плакали на его памяти, когда пришло

извѣстіе о кончинѣ Екатерины. Впрочемъ, какъ писатели, отецъ и сынъ были вполне разномысленны. Сергій Тимофеевичъ говаривалъ мнѣ, что онъ не читаетъ произведеній своего сына и что они для него слишкомъ мудрены. И дѣйствительно, въ книгѣ Константина Сергѣевича о Ломоносовѣ только слова Русскія, а сама она чисто-нѣмецкая. Подобно ученику своему, историку Н. М. Павлову, Константинъ Сергѣевичъ не хотѣлъ ничего читать о Екатеринѣ; а между тѣмъ, напримѣръ, въ ея „Ангидотѣ“ они нашли бы цѣлыя страницы, въ которыхъ изложены задушевныя ихъ мысли о Россіи, даже съ преувеличеніями. Аксаковъ, конечно, раскаялся бы въ этихъ стихахъ, въ которыхъ каждый—исторіографическая клевета. Но Аксаковъ воспитывался и жилъ въ такое время, когда память о Екатеринѣ Великой была почти что запретною. Подъ воздѣйствіемъ своей матери Николай Павловичъ ненавидѣлъ свою бабушку, и даже у его преемника выпросили позволенія графы Бобринскіе черезъ благодѣтельствованнаго ими канцлера князя Горчакова поставить ей памятникъ въ Петербургѣ. Нынѣ выяснилось, что влюбленная въ Русскій народъ Государыня увлекалась въ его оцѣнкѣ даже пуще самаго Аксакова.

*

Мать Николая Гавриловича Рюмина, извѣстнаго богача-откупщика, добраго попечителя Рязанской гимназіи, прекрасный домъ которой подаренъ его отцомъ, Елисавета Ивановна была дочь того Щекотихина, который при Павлѣ проводилъ Августа Коцебу въ Сибирь. (отъ Ф. Л. Ляликова).

*

О бракѣ графа Николая Петровича Шереметева.

Въ метрической книгѣ 1801 г. Пречистенскаго сѣрока церкви Николая чудотворца, что близъ стараго Каменнаго моста, Ноября мѣсяца 6 дня за № 11, написано: „Женился прихожанинъ его сіятельство господинъ дѣйствительный и тайный совѣтникъ Двора Его Императорскаго Величества Оберъ-Камеръ-Геръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Первымъ бракомъ понялъ за себя дѣвицу Праскевію Ивановну дочь Ковалевскую, о которыхъ надлежащій обыскъ чиненъ былъ съ поруками“.

Тоже подтверждаетъ указъ Святѣйшаго Правительств. Синода № 3194 отъ Октября 29 дни 1803 г. Московской Консисторіи о выдачѣ свидѣтельства объ этомъ бракѣ.

*

Ермоловъ сказывалъ Н. А. Муханову, что въ 1822 г., возвратившись въ Петербургъ, Александръ Павловичъ спрашивалъ его, видѣлся ли онъ со Сперанскимъ и какъ нашелъ его.—Какъ же, мы стоимъ въ одномъ домѣ у Демута. Прежде онъ былъ такъ высокъ, что не зналъ меня; а теперь на досугѣ мы часто бесѣдуемъ.—О чемъ же?—Онъ говорилъ мнѣ и о своей ссылкѣ?—Что же?—Говорилъ онъ много и долго, но я ничего не понималъ.—Ну такъ я тебѣ расскажу.—И Государь, заключилъ Ермоловъ, говорилъ много и долго, но я также ничего не понималъ.

Это напоминаетъ рассказъ князя Н. Г. Репнина, который пріѣхалъ въ Петерб. изъ Малороссіи и долженъ былъ представиться Государю тотчасъ послѣ Ермолова. Когда Ермоловъ выходилъ изъ кабинета, замѣтно было, что онъ плакалъ. Кончивъ свой докладъ, князь Репнинъ засталъ Ермолова еще въ пріемной и обратился къ Ермолову: Чтò у васъ было Алекс. Петровичъ? Я замѣтилъ, что и Государь плакалъ.—Ничего, отвѣчалъ Ермоловъ: другъ друга надували!

*

По поводу статьи Погодина о Сперанскомъ въ „Р. Архивѣ“ гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ вспомнилъ Владим. Алексѣевичу Муханову (въ Теплицѣ въ 1871 г.), что ему князь Любецкій самъ рассказывалъ слѣдующее. Въ 1812 г. Любецкій былъ губернаторомъ въ Гроднѣ. Балашевъ поручилъ ему составить записку о состояніи и направленіи умовъ въ краѣ. Любецкій отвѣчалъ, что онъ знаетъ только свою губернію и дѣйствительно написалъ о ней отчетъ. Но Балашовъ настаивалъ, чтобы подобная же записка была составлена обо всемъ краѣ. Любецкій отпѣкивался. Балашовъ требовалъ. Тогда Любецкій объявилъ, что подобный трудъ уже готовъ, и принесъ Балашову тетрадь на чисто переписанную, отлично переплетенную. На первой страницѣ Балашовъ прочелъ: à Sa Majesté Empereur Napoléon par Miclel Spéransky.

*

Академикъ, славный профессоръ Астрономіи, Дмитрій Матвѣевичъ Перевозчиковъ не любилъ Нѣмцевъ и когда ему указывали на Шиллера, какъ на друга челоувѣчества, сказалъ. Да вѣдь Шиллеръ-то рано умеръ именно отъ того, что созналъ себя Нѣмцемъ.

*

Старикъ графъ Самойловъ говорилъ своему молодому племяннику П. Л. Давыдову: Vous entrez dans le monde. Soyez honnête avec les

hommes et scélérat avec les femmes. (Ты вступаешь въ свѣтъ. Съ мужчинами будь честнымъ человѣкомъ, а съ женщинами злодѣемъ).

*

Мы хотя, городовые,
Но не смѣемъ брать ихъ въ часть:
Ибо ихъ передовья
Укрѣпляютъ нашу власть.

*

Прикащикъ извѣстнаго Московскаго мѣхоторговца Сорокоумовскаго, на пути изъ Москвы въ Лейпцигъ, по желѣзной дорогѣ, сказывалъ мнѣ возрастъ песка:

- 1) Выпердокъ
- 2) Норникъ (норы)
- 3) Крестоватикъ (на спинѣ крестъ)
- 4) Синякъ
- 5) Недопёсокъ
- 6) Песець.

Соболи до сихъ поръ считаются въ сорокъ шкурокъ.

*

Домъ, гдѣ умеръ Пушкинъ, нынѣ, какъ въ 1837 году, принадлежитъ князю Волконскому. Онъ находится на узкомъ берегу Мойки, близъ Пѣвческаго моста. Квартира Пушкина внизу, довольно богатая. Ходъ изъ подъ воротъ дома на лѣво. Сначала небольшая лѣстница, въ нѣсколько ступенекъ, ведущая на право отъ входа и заворачивающая на лѣво (лѣстница продолжается на второй этажъ). Нынѣ (Августъ 1874 г.) тутъ жилъ графъ Клейнмихель, женатый на внучкѣ Карамзина, княжнѣ Мещерской. Они платятъ 3 т. р. Изъ небольшой передней на лѣво ходъ въ кабинетъ, гдѣ страдалъ и умеръ поэтъ. Это большая комната въ 5 оконъ, обращенныхъ къ Мойкѣ, съ узкими между окнами простѣнками и съ каминомъ въ лѣвомъ углу. Изъ нея еще одна дверь въ гостиную съ выступомъ на Мойку о 3 окна, а изъ гостиной двѣ двери: одна прямо противъ кабинетной двери, въ спальную, а другая противъ оконъ въ столовую, изъ которой на лѣво опять дверь въ переднюю, обращенную окномъ на дворъ и имѣющую так. обр. 3 двери: 1) входную съ лѣстницы, 2) противъ нея въ столовую и 3) на лѣво, противъ окна, въ кабинетъ Пушкина. По узости простѣнковъ между окнами П. долженъ былъ помѣстить свои шкапы вдоль кратчайшихъ стѣнъ своего паралелограмма. Одинъ шкафъ или полки стояли у двери, и за ними на диванѣ умеръ поэтъ.

Мойка.

Домъ князя Юрія Владимировича Долгорукова въ Москвѣ посѣщали двѣ сестры Ушаковы, старшая Елисавета и младшая Екатерина. Последняя была въ полномъ смыслѣ красавица: блондинка съ пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста средняго, густыя косы нависли до колѣнъ, выраженіе лица очень умное. Она любила заниматься литературою. Много было у нея жениховъ; но по молодости лѣтъ она не спѣшила за мужъ. Старшая Елисавета вышла за С. Д. Киселева.

Является въ Москву А. С. Пушкинъ, видитъ Екатерину Николавну Ушакову въ благородномъ собраніи, влюбляется и знакомится. Завязывается тѣсная сердечная дружба, и наконецъ послѣ продолжительной переписки Екатерина Ушакова соглашается выйти за него за мужъ. Въ это время въ Москвѣ жила извѣстная гадалщица, у которой нѣкогда былъ или бывалъ даже Государь Александръ Павловичъ. Пушкинъ не разъ высказывалъ желаніе побывать у этой гадалщицы; но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкинъ пришелъ къ Ушаковымъ и въ разговорѣ сообщилъ, что онъ былъ у гадалщицы, которая предсказала ему, что онъ „умретъ отъ своей жены“. Хотя это сказано было какъ бы въ шутку, какъ недѣльное вранье гадалщицы, однако Е. Н. Ушакова взглянула на это предсказаніе заботливо и объявила Пушкину, что такъ какъ онъ не послушался ея и былъ у гадалщицы, то она сомнѣвается въ силѣ его любви къ ней; а съ другой стороны предвѣщаніе хотя бы и несбыточное, все таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человѣка, котораго она безгранично полюбить, если сдѣлается его женою; поэтому она и рѣшается отказать

ему для него же самага. Дѣло разошлось. Пушкинъ впослѣдствіи женился, она же оставалась въ дѣвицахъ. По смерти Пушкина она вышла замужъ за вдовца Дмитрія Николаевича Наумова и имѣла дочь, которая выдана была за Дмитрія Николаевича Обрѣзкова. Дочь этой Обрѣзковой была за княземъ Голицынымъ, недавно умершимъ. Когда бывшая Екатерина Николаевна Ушакова умирала, то приказала дочери подать шкатулку съ письмами Пушкина и сожгла ихъ. Несмотря на просьбы дочери, она никакъ не желала оставить ихъ, говоря: „мы любили другъ друга горячо, это была наша сердечная тайна; пусть она и умретъ съ нами“.

Отъ князя Александра Никитича Волконскаго.

(7 Октября 1873).

Въ тридцатыхъ годахъ, служа въ Дипломатической канцеляріи при князѣ Паскевичѣ въ Варшавѣ, князь А. Н. Волконскій слышалъ отъ Англійскаго консула Лепля (Француза по происхожденію) слѣдующее. Лепля служилъ въ Ганноверской службѣ (Ганноверъ управлялся герцогомъ Кембриджскимъ) въ артиллеріи. Старикъ Бенигсенъ жилъ въ Ганноверѣ слѣпой, окруженный уваженіемъ. Онъ былъ очень любезенъ и словоохотливъ. Друзья убѣдили его диктовать Записки. Для этого онъ призывалъ къ себѣ образованныхъ офицеровъ, сажалъ возлѣ себя и заставлялъ писать, придерживая листъ бумаги. Когда одна сторона листа была исписана, слѣпецъ бралъ его у писавшаго, просилъ удалиться, звалъ другого офицера, который ему прочитывалъ написанное предъидущимъ, за тѣмъ исписывалъ точно также слѣдующій листъ и удалялся, и такимъ образомъ велись Записки. Въ нихъ особенно подробно описана была война 1807 г. О кончинѣ Павла приходилось писать не Леплѣ, но онъ слышалъ подробности отъ своихъ товарищей. Бенигсенъ говорилъ, что, когда они съ Паленомъ стали говорить Александру Павловичу о необходимости добиться отреченія, Великій Князь возразилъ, чтобы они и не обращались къ нему, что это не его дѣло, что онъ и слушать о томъ не можетъ, и ушелъ отъ нихъ въ другую комнату. Они за нимъ. Одно я могу сказать, отозвался Великій Князь: *Pas de violence!* Уходя еще въ другую комнату и затворяя за собою дверь, онъ произнесъ еще: *Pas de violence* *).

О шуткахъ, приписываемыхъ Бенигсену (*omelette*) Бенигсенъ отзывался, что онъ никогда не произносилъ ихъ, что минута была слишкомъ важна, чтобы шутить.

*) Т. е. безъ насилія.

Когда Бенигсенъ умеръ, нашъ Дрезденскій посланникъ Шредеръ нарочно ѣздилъ въ Ганноверъ и предложилъ вдовѣ либо не получать пенсіи, либо отдать Записки. Она отдала ихъ, и Николай Павловичъ, какъ мнѣ сказывалъ гр. Блудовъ, при немъ жегъ ихъ въ каминѣ. Но въ Германіи несомнѣнно остались копіи.

*

Въ 1858 г. будучи посланникомъ въ Саксоніи, князь Волконскій узналъ отъ Бейста, что Герценъ печатаетъ Записки Екатерины, и донесъ о томъ кн. Горчакову. Тотъ, по скупости, отозвался, что хорошо бы воспользоваться агентами Бейста, подкупить наборщиковъ и уничтожить рукопись, но назначалъ на это лишь нѣсколько сотенъ рублей. Князь Волконскій отвѣчалъ, что если пуститься на такой подкупъ, то необходимо имѣть свободныя деньги, сколько потребуется. Горчаковъ не согласился. Тѣмъ и переписка по этому предмету кончилась.

*

Герой „Весты“ Никол. Михайл. Барановъ, по отцу Костромичъ, воспитывался въ Ревелѣ. Мать его была родомъ Ансельмъ-де Жибори. Генералъ адъютантъ Козляиновъ, въ Октябрѣ 1877 года, говорилъ мнѣ: „Легче было крѣпость взять, чѣмъ сказать Государю настоящую правду; до такой степени огородилъ онъ себя отъ правдиваго, искренняго слова“. Барановъ, напротивъ, сказывалъ, что теперь, въ Горномъ Студнѣ, Государь безъ неудовольствія выслушиваетъ горькую правду и самъ у него спрашивалъ о ней, хотя первоначально адъютанты умоляли Баранова не раздражать Государя.

*

12-го Августа выѣхалъ я изъ Москвы, гдѣ пришлось мнѣ провести почти все нынѣшнее лѣто, до того невыносимо жаркое, что, напримѣръ, 11-е Юля въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ слышался зловѣщій трескъ, какой бываетъ въ лютые морозы, и въ тотъ же день вечеромъ, возвращаясь въ Дорогомиловскую заставу съ хутора Воспитательнаго дома, видѣлъ я передъ собою пять пожаровъ. И такъ естественно было желаніе вздохнуть, наконецъ, свѣжимъ воздухомъ.

Путь мой лежалъ чрезъ обгорѣлую Рязань, гдѣ я останавливался на нѣсколько часовъ поглядѣть на опустошенія, произведенныя страшнымъ пожаромъ нынѣшняго года. Бѣдность, беспомощность, напоминающая извѣстные стихи: Всѣ люди такіе, что жаль ихъ обидѣть.

Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ одинъ изъ преосвященныхъ, возвращавшійся изъ Казани съ тамошняго помѣстнаго собора или съѣзда. Быва-

лой архіерейской пышности нѣтъ и помину. Я помню, лѣтъ двадцать тому назадъ, ѣхалъ я изъ Кіева до Москвы, въ поѣздѣ, въ которомъ слѣдовалъ Кіевскій митрополитъ Арсеній на свою чреду въ Петербургъ: его сопровождало сорокъ человѣкъ. Но тѣ времена прошли. Обстановка моего спутника, занимающаго тоже одну изъ значительныхъ кафедръ, была очень скромная: съ нимъ находился всего одинъ служка, во время остановокъ являвшійся къ нему изъ третьяго класса. Преосвященный удостоивалъ меня своей умной и высокообразованной бесѣды, и этотъ переѣздъ заманивалъ мои дорожныя мечты къ разнаго рода сопоставленіямъ и сближеніямъ. Передо мною сидѣлъ представитель нашей тяжеловѣсной старинной жизни, а между тѣмъ мчались мы по 40 верстѣ въ часъ.

Письмо Петра Великаго къ Ивану Васильевичу Панину.

Господинъ комендантъ! Понеже посланы отъ селѣ для приему корабля Перла капитанъ Вагинъ съ поручикомъ Зотовымъ и какъ они въ Перновъ прїѣдутъ, тогда дайте имъ на тотъ корабль солдатъ челоувѣкъ 200 или больше, сколько они будутъ требовать; да къ нимъ въ прибавку гварнизонныхъ пушкарей челоувѣкъ 10 или 12 (которые солдаты отсель паки отпущены будутъ къ вамъ сухимъ путемъ); также, какъ на тѣхъ солдатъ такъ и на матросовъ, которые отсель отправлены, дайте провіанту, сколько потребно, и впрочемъ, въ чемъ надлежитъ, во отправленіи того корабля чинить имъ всякое вспоможеніе.

„Безъ мотчанія. Петръ“.

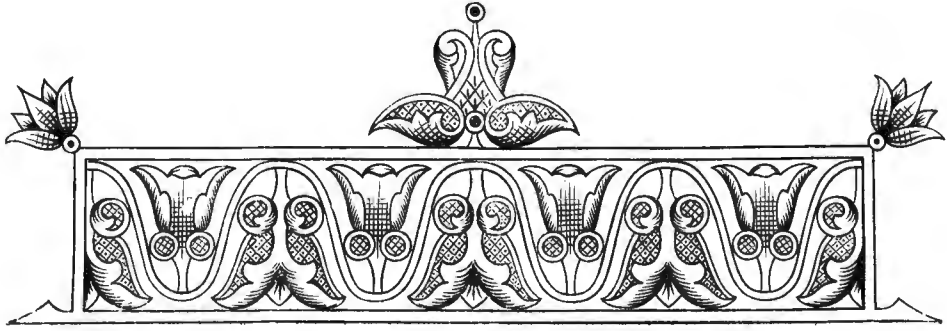
Съ корабля Святой Екатерины стоящаго у Ревеля, въ 16 день Іюня 1714 года.

Было запечатано краснымъ сергучемъ съ изображеніемъ двухглаваго орла и императорской короны.

Надпись: господину коменданту Панину въ Перновѣ.

(Сообщено княгинею М. А. Мещерскою).

Изъ писемъ къ П. И. Бартеневу*)

П. А. Плетнева.

19 Февраля 1858. Спб.

Воображаю, въ какомъ вы недоумѣннiи, милый другъ Петръ Ивановичъ, что аккуратнѣйшiй изъ корреспондентовъ вашихъ оставляетъ васъ такъ долго безъ отвѣта. Но вы забываете, что Январь и Февраль для него самые томительные въ году мѣсяцы. Онъ задавленъ справками и безчисленными изъ официальныхъ дѣлъ выписками, чтобы властямъ своимъ и всей Петербургской публикѣ дать за цѣльный годъ подробные отзывы объ ученой и неученой дѣятельности Университета. Не таково положенiе ректоровъ другихъ университетовъ нашихъ, гдѣ они, по благоразумiю своему, не наложили на себя подобной отвѣтственности.

Все, что описываете вы въ общей картинѣ, говоря о Москвѣ, я понимаю и раздѣляю. Ваше оживленiе и даже увлеченiе при разсказѣ о людяхъ, милыхъ сердцу вашему, также мнѣ понятны, тѣмъ болѣе, что этихъ людей и я привыкъ лелѣять (хотя, увы, только, въ воображенiи) у своего сердца. Пожалуйста передайте это и Аксаковымъ, и Елагиной.

Названныя вами новыя книги и журнальныя статьи я тоже читалъ и вполне сочувствую вамъ. Аксаковъ въ воспоминанiяхъ своихъ неподражаемъ. Это человекъ съ такою впечатлительностiю и съ такою всему прекрасному сочувствующею душою, что вся долгая жизнь его представляется мнѣ праздникомъ, на которомъ онъ присутствуетъ, веселится или страдаетъ (смотря по явленiямъ жизни) и не знаетъ

*) См. выше стр. 606.

различія между прошедшимъ и настоящимъ. Это тотъ полярный день, о которомъ Батюшковъ выразился, что онъ чудесный, безъ ночи и безъ зарь.

О „Русскомъ Вѣстникѣ“ у всѣхъ одно на устахъ, что онъ ни одной книжкой не измѣняетъ высокому своему достоинству. И чтѣ замѣчательнѣе: всѣ его отдѣлы равно превосходны по наукамъ, по критикѣ, политикѣ, изящной словесности и даже по смѣси. За то и влiяніе его на прекрасное развитіе мыслительности и вкуса неотразимо и повсемѣстно.

О Запискахъ Державина могу вамъ прибавить. Одна изъ ближайшихъ родственницъ поэта (сестра Алексѣя Ѳедоровича Львова) вошла со мною и Гротомъ въ нѣкоторое знакомство, упросивъ насъ выслушать рукописныя ея статьи о воспитаніи женщины. Гротъ, узнавъ отъ нея, что она обладаетъ тѣмъ манускриптомъ, который былъ продиктованъ Державинымъ ея отцу въ поясненіе нѣкоторыхъ его стихотвореній, выпросилъ эти Записки на просмотрѣніе и пораженъ былъ сокровищами, какія можно оттуда внести въ новое изданіе Державина, если бы къ нему приступить. Можетъ статься, это удастся ему осуществить.

Когда же выйдетъ обѣщанный вами переводъ вашъ: „Исторіи Германіи“? *).

Я убѣдительно прошу васъ принять на себя роль моего двойника въ Москвѣ. Тамъ столько для меня милыхъ особъ, столько людей, которые, несмотря на оскорбительное молчаніе мое, великодушно и даромъ снабжаютъ меня изданіями своими, что если вы откажетесь спасти въ ихъ глазахъ честь мою, то я прослышу неблагодарнѣйшимъ существомъ и справедливо заслужу отъ всѣхъ презрѣнія. Во 1-ыхъ, скажите въ редакціи „Русской Бесѣды“ и „Сельскаго Благоустройства“, что я не нахожу словъ, какъ благодарить ее за неизмѣнную ко мнѣ дружбу и за аккуратнѣйшую высылку ея журналовъ. Если я ничѣмъ не выразилъ до сихъ поръ къ ней своего сочувствія, причиною роковое положеніе мое въ должности, не допускающее до трудовъ литературныхъ. Тоже самое непременно передайте, во 2-ыхъ, и Миллеру за доставленіе мнѣ „Развлеченія“. Въ 3-хъ, довести до свѣдѣнія „Общества Л. Р. С.“ и въ особенности ея предсѣдателя, что я получилъ лестное для меня приглашеніе ихъ участвовать въ изданіи трудовъ Общества, но теперь у меня ничего пока нѣтъ. Пусть они не

*) Это большая книга Кольрауша была переведена мною по указанію П. В. Кирѣевского на средства „Русской Бесѣды“ и быстро раскупилась. П. Б.

считаютъ меня отрекающимся отъ ихъ благородныхъ занятій, а только замѣшкавшимся. Въ 4-хъ, поблагодарите Соболевскаго за доставленіе мнѣ его портрета. Въ 5-хъ, при свиданіи, дружески отъ меня привѣтствуйте Аксаковыхъ, Елагину, Погодина, Шевырева и всѣхъ кто еще помнитъ меня. Жена моя все еще нуждается въ заграничномъ леченіи. Вѣроятно мы и поѣдемъ въ Юнѣ. П. Плетневъ.

Вы еще не успѣли уѣхать¹⁾, какъ уже и случилась до васъ просьба, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, которая васъ однажды не застала—похлопотать о пенсіи для сиротъ Калайдовича, о коихъ прилагается составленная мною записка, съ разными документами. Попросите отъ всѣхъ насъ графа Дмитрія Николаевича²⁾, которому стѣдуетъ сказать только слово князю Горчакову, да и самъ князь Горчаковъ будетъ радъ сдѣлать доброе дѣло, въ память о заслугахъ покойнаго Калайдовича.

Вмѣсто поклона передайте, прошу васъ, мой вздохъ тѣмъ, кто меня помнитъ и принимаетъ во мнѣ участіе, сказавъ, что я бросилъ все настоящее и принимаюсь, хотя съ трудомъ, за лѣтописи. Для личнаго освѣщенія и вмѣстѣ для доставленія дѣтямъ нѣкоторыхъ средствъ недостающихъ образованія, думаю уѣхать года на два въ Гейдельбергъ и Лозанну³⁾. Досвиданія. Преданный П. Плетневъ.

*

21 Юля (2 Авг.) 1858. С.-П.бургъ. Черная Рѣчка, 71.

Очень меня обрадовало письмо ваше, милый другъ Петръ Ивановичъ. Вы не можете больше одолжить меня, и постоянно продолжая эту переписку. Не покидайте ничего изъ подмѣчаемаго вами безъ отзыва ко мнѣ. Это и мнѣ и вамъ будетъ полезно. Учиться надлежащимъ образомъ только и можно въ путешествіи. Тутъ читаешь книгу съ изображеніями предметовъ, какъ нарисовать ихъ Величайшій Художникъ, а не простой смертный. Другое необходимо еще для истинной пользы, которую можно извлечь изъ путешествія—это спокойствіе и безпристрастіе. Разобрать запутанное дѣло нельзя съ готовою рѣшимостію или въ тревогѣ неудовольствія. Любить по выбору очень естественно, а судить надобно безъ лицепріятія. Отъ чего представилось вамъ, что люди за Балтикою далеко уступаютъ намъ въ дарахъ природы? Скорѣе принять надобно, что они во всемъ превосходятъ насъ, такъ какъ природа у полюсовъ все посылаетъ скуднѣе, нежели у

¹⁾ Выѣдъ въ отставку изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, я уѣхалъ въ чужіе края (въ Юнѣ 1858 г.) и пробылъ тамъ до второй половины Ноября 1858 г.) П. Б.

²⁾ Графъ Д. Н. Блудовъ, тогда президентъ Академіи Наукъ, жилъ лѣтомъ 1858 г. подл Москвою, въ Нескучномъ. П. Б.

³⁾ Намѣреніе не состоявшееся. П. Б.

поворотныхъ круговъ. Вамъ и досадовать на себя не дѣло: нѣтъ физической возможности вѣдрить въ нашихъ краяхъ такія учрежденія и обычія, какими пользуются они безъ малѣйшей натяжки. У нихъ нѣтъ всетерпящей зимы нашей, подъ скипертомъ которой неумѣстны эти благотворные вымыслы Забалтійской цивилизаціи... Пожалуйста, приглядитесь къ этому хорошенько, вдумайтесь во все внимательнѣе и выводите заключеніе съ полнымъ безпристрастіемъ.

Зачѣмъ торопитесь вы въ Прагу? Ужели разсмотрѣніе чудесъ искусства и науки въ Лондонѣ и Парижѣ менѣе для вашей любознательности поучительно, какъ бесѣда съ Глинкою и Шафарикомъ? Чтобы наброситься на спеціальность, необходимо прежде осмотрѣть общее, изъ чего все развилось.

Я не считаю умѣстнымъ говорить вамъ о Швейцаріи и Италіи: можетъ быть, красоты природы не входили въ планъ поѣздки вашей. Но за лекціи Лабулэ и множества равныхъ ему ученыхъ въ Институтѣ Франціи не могу не ходатайствовать. Болѣе же всего умоляю васъ немедленно отыскать въ Остенде моего друга Михаила Матвѣевича Стасюлевича. Эта благороднѣйшая душа, достойный умъ и сердце достойное вашего: болѣе не умѣю похвалить. Онъ такъ боленъ, что я ему совѣтую умудриться еще годъ не пріѣзжать къ должности. Помогите ему совѣтами, какъ бы повѣрнѣе это устроить. Тутъ необходимо оффиціальное вмѣшательство энергическаго доктора и усердное ходатайство какой-нибудь Русской миссіи передъ Министерствомъ Просвѣщенія.

*

14 (26) Сентября 1858. Спб.

Я получилъ письмо ваше, милый другъ Петръ Ивановичъ, еще на дачѣ, въ самый день переѣзда въ городъ, т. е. 6 (18) Сентября. Время на этой недѣлѣ такъ было къ удивленію хорошо, что едва ли и въ Брюсселѣ лучше. Но у васъ занятія конечно пріятнѣе, нежели у меня. Одинъ обзоръ примѣчательностей этого оживленнаго и вѣчно какъ-то особенно сіяющаго города разгонитъ вашу антипатію ко всему не-Русскому. Постарайтесь побывать въ Палатахъ во время преній. Также съѣздите на городское кладбище Лакенъ, гдѣ много трогательно-замѣчательнаго, напр. памятникъ одному благотворителю бѣдныхъ и гробница Малибранъ. Не позабудьте также побывать на Ватерлоо. Брюссель конечно не Парижъ; однакоже всѣ роды дѣятельности въ немъ пробуждены. Ужъ одно то ему дастъ высокое значеніе, что онъ единственный послѣ Лондона уголокъ свободной прессы. Если вы любите

освѣщаться лучшими и самыми дешевыми фруктами, каждый день заглядывайте въ галереи цвѣтовъ и плодовъ... Подобнаго нигдѣ въ Европѣ нѣтъ. Въ церкви Sainte Gudule каеэдра—неописанная рѣдкость. Словомъ, не во гнѣвъ будь сказано: есть чего посмотрѣть и есть чему поучиться въ такомъ городкѣ, какъ Брюссель.

За что вы Прусаковъ называли мизерными? Какъ это не видите вы за Балтійскимъ моремъ здоровыхъ, свѣжихъ лицъ. Не наоборотъ-ли? Вы презираете Западныхъ Европейцевъ, что они задавлены трудомъ? А я былъ отъ этого въ восхищеніи, сравнивая, какъ у насъ-то лѣнятся. Тупоумія нѣтъ тамъ и признаковъ. Еще разъ повторяю, что природа къ нимъ мать, а къ намъ мачиха. Вамъ кажется, это все равно, и что человѣкъ-де вездѣ человѣкъ. На повѣрку же выходитъ наоборотъ у насъ въ Лапландіи онъ чуть не превратился въ звѣря, а въ Испаніи, въ Италиі и въ Греціи онъ развился до идеала. Варнгагенъ *) словами: „вамъ будущее“, отдѣляется отъ состоянія, и долгомъ благодарности считаетъ льстить намъ.

Что касается до негодованія вашего на Западный религиозный индиферентизмъ, лучше не говорить объ этомъ предметѣ. Много ли въ насъ истиннаго жара къ дѣлу религіи? Настоящее Христіанство или отлетѣло, или не прикоснулось до людей. Какіе храмы воздвигаемъ и мы? Да что отъ того? Если захотите преслѣдовать такія выраженія, какъ „пиво, исполненное великолѣпія“, то вамъ придется стерѣть съ лица земли весь Нѣмецкій языкъ, потому что онъ выработался изъ подобныхъ фразъ, и не педантами, а просто націею. Никакое предостереженіе тутъ не поможетъ.

Стасюлевичъ очень благодаренъ вамъ за добрую память. Онъ здѣсь и началъ уже лекціи... Я не перестану сожалѣть, что не удалось мнѣ уговорить его прожить еще годокъ въ благословенныхъ южныхъ краяхъ. Здоровью его я ни на волосъ не вѣрю. Какъ мнѣ пріятно было читать ваши строки о Лондонѣ и Англиі! Прекрасная мысль овладѣть языкомъ, чтобы пожить тамъ подольше. Вы не написали, кто изъ Русскихъ въ Лондонѣ былъ вашимъ Чичероне? Тамъ нашъ священникъ отличныхъ качествъ человѣкъ. Я съ нимъ и съ графомъ Путятинымъ ѣздилъ въ Оксфордъ и никогда не забуду этой поѣздки.

Если въ Брюсселѣ проживете вы мѣсяць, то въ Парижѣ надобно остаться вамъ непременно на четыре мѣсяца, чтобы послушать Лабулѣ въ Collège de France и еще нѣкоторыхъ въ Сорбонѣ. Читаете ли вы

*) Служившій съ Русскими въ 1813 году. По-русски училъ его Катковъ, помѣтившій въ Отечественныхъ Запискахъ переводъ его статьи о Евгеніи Онѣгинѣ. П. Б.

Journal des Débats? Замѣтите ли статьи Ригò? При мнѣ онъ читаль тоже въ Collège de France? Хорошо бы какъ нибудь познакомиться съ нимъ. Еще послушайте лекціи Франка. Побывайте въ Русской церкви и у нашего священника. Сыщите моего пріятеля Миклашевскаго (Rue des beaux-arts 4). Это кандидатъ нашего Университета. Для меня онъ въ огонь бросится, лишь чѣмъ услужить вамъ... Составьте съ нимъ планъ, какъ удобнѣе все осмотрѣть въ Парижѣ и въ окрестностяхъ. Не взять ли вамъ и квартиру въ Quartier latin? Тамъ онъ подешевле. Ради Бога безпристрастно изучите эту сокровищную вселенную. Жена моя вамъ кланяется. Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

*

8 час. веч. 11 (23) Ноября, 1858 г. С.-Пб.

Пишу съ вечера, милый Петръ Ивановичъ, потому что сію минуту подали мнѣ письмо ваше изъ Парижа отъ 13—25 Ноября, а завтра и пойдетъ къ вамъ этотъ мой отвѣтъ. Очень грустно мнѣ будетъ, если онъ уже не застанетъ васъ въ городѣ, гдѣ я такъ счастливо провелъ годъ. Не спорю съ вами, что первенство во всемъ принадлежитъ Лондону и Англичанамъ. Однакоже есть чтò занять и въ Парижѣ, особенно для такихъ бѣдныхъ людей, какъ мы Русскіе. До неба высоко: зачѣмъ же не приглядѣться и къ землѣ хорошей, если на ней попадается сплошь да рядомъ такое, чѣмъ не обзавелись мы въ дому отцовъ нашихъ? Какъ жаль, что вы разбрали Булонь. А мы тамъ провели два мѣсяца какъ у себя въ помѣстьѣ. Чтò за милые люди попадались намъ вездѣ во Франціи! Чтò ни говорите, а Россія родственными узами соединена съ этой землей. Единство языка—великое дѣло. Ужели не осматривали вы ни одного и изъ окрестныхъ достопримѣчательныхъ мѣстъ Парижа? Ктожъ вамъ даже изъ Англичанъ простить, если вы не взглянули на Версаль? Ъдучи туда или оттуда съ А. А. Миклашевскимъ, вы могли бы остановиться въ Бельвю, осмотрѣли бы, гдѣ три мѣсяца мы блаженствовали въ уединеніи. Тамъ Madame Nos приняла бы васъ какъ нашего друга и обворожила бы васъ своею ласковостію. Очень печально было намъ узнать, что Adéline не умѣла сыскать и прислать къ вамъ Оупре. Но всѣ эти столь дорогія для насъ существа—для васъ образы безъ лицъ, а можетъ быть и лицо безъ образа. Но видѣли-ль вы хоть Сен-Дѣни? Не смѣю и спрашивать, видѣли-ль Фонтенбло, Сен-Жермень, Сен-Клу, Медонъ и сотни другихъ историческихъ мѣстъ? О Савостьяновѣ*) я знаю только по журналамъ. Перевезетъ ли онъ въ Россію сокровища свои, или и самъ навѣкъ

*) Извѣстный археологъ. П. Б.

останется съ ними въ Парижъ? Вѣдь остается же тамъ братъ А. И. Тургенева. Ужели и у него не побывали вы?¹⁾ А. М. Микалашевскій укажетъ вамъ его домъ rue de Lille. Не торопитесь въ Прагу. Она не уйдетъ отъ васъ. Примѣчательностей же и людей примѣчательныхъ Парижа надобно непремѣнно отыскать тотчасъ, лишь прибыли вы туда. Это городъ двойственный: онъ ветхъ какъ Европа, и молодъ какъ сегодня родившійся младенецъ. То и другое ежеминутно грозитъ исчезновеніемъ. Вотъ почему, прибывъ туда, нельзя ничего отложить до другаго раза. А Прага... она еще долго останется въ неизмѣнной своей старости. Да, милый Петръ Ивановичъ: я очень буду сожалѣть, если вы, поспѣвая къ Славянамъ, пренебрежете изученіе Кельтовъ. Какія прекрасныя лекціи читаль о нихъ М. М. Стасюлевичъ! Я ни одной не пропускаю. Обнимаю васъ крѣпко. П. П.

Смерть Шеншина²⁾ и здѣсь поразила всѣхъ насъ. Его жена въ отчаяніи; но она только и дѣлаетъ все вокругъ идя видѣть, что напоминаетъ его. Какіе же вы добрые Петръ Ивановичъ, что даже и въ префектурѣ желаете отыскать Олимпіе; ужъ за эту одну готовность я вамъ также благодарна какъ и за исполненіе. Желаю вамъ полного совершеннаго здоровья.

*

2 Марта 1859. Спб.

Недавно я отправилъ къ вамъ письмо, милый другъ Петръ Ивановичъ по тому адресу, который сами вы сообщили мнѣ. Получили ли вы его? Если да, надѣюсь скоро читать отвѣтъ вашъ.

Между тѣмъ напечаталъ отчетъ свой по Университету за 1858 г.; препровождаю экземпляръ его для книжнаго шкапа вашего, такъ какъ, говоря, чистосердечно, читать тутъ нечего, кромѣ общихъ мѣстъ.

При удобномъ случаѣ потрудитесь раздать и остальные пять экземпляровъ слѣдующимъ лицамъ: Шевыреву (съ особой здѣсь же къ нему запиской), Миллеру (тоже съ запиской), Погодину, Соболевскому и Лонгинову.

У меня все идетъ порядочно, кромѣ здоровья жены, которое неудовлетворительно. Увѣдомьте меня, что вы намѣрены сдѣлать съ своею персоною лѣтомъ. П. Плетневъ.

*

Ради Господа Бога, помогите мнѣ, милый другъ Петръ Ивановичъ, выпутаться изъ бѣды. Князь П. А. Вяземскій собрался напеча-

¹⁾ У Н. И. Тургенева я былъ, отвѣчая на его Московское посѣщеніе. П. Б.

²⁾ Николай Васильевичъ. Онъ былъ женатъ на Евгеніи Сергѣевнѣ Арсеньевой. П. Б.

татъ книжку своихъ стихотвореній за границую. Поэтому онъ поручилъ мнѣ собрать его пьесы изъ разныхъ мѣстъ, отдать ихъ для подписи цензору и доставить ему въ Дрезденъ на имя нашего посланника князя Волконскаго. Между тѣмъ и я собрался везти больную жену мою съ дѣтьми за границу же. Такъ какъ мой отъѣздъ послѣдуетъ въ первыхъ числахъ Мая, то мнѣ необходимо кончить всѣ дѣла по порученію Вяземскаго непременно въ остающіеся дни Апрѣля.

Пьесы, которые нужно получить мнѣ изъ Москвы, суть слѣдующія: 1) Прага, 2) Фрейбергъ, съ припискою, 3) Зонненштейнъ, о Батюшковѣ. (Всѣ онѣ были отданы М. А. Максимовичу для Бесѣды. Убѣдите его немедленно вручить вамъ подлинники, или копію съ сихъ стихотвореній для отсылки ко мнѣ), 4) Ломоносовъ, съ припискою о Бѣлинскомъ (и эта пьеса тоже Максимовичу отдана Вяземскимъ) и 5) Слово примиреніе (дана была Н. Ф. Павлову для его предполагаемаго журнала).

Вотъ сколько мнѣ съ вами надѣлалъ этотъ Вяземскій. Но нечего дѣлать; надо послужить ему: очень миль. И такъ выручайте непременно всѣ эти пять стихотвореній и поспѣшите переслать сюда на мое имя, и я брошусь съ ними къ цензору. Обнимаю васъ, милый другъ, и жду отвѣта. Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

*

17 Апрѣля 1859. Спб.

Мнѣ очень хочется быть съ вами въ сношеніи даже и по отъѣздѣ за границу. Устройте, чтобы лѣтомъ изъ Московской квартиры письма на ваше имя были вамъ пересылаемы и въ Липецкъ, а теперь все-таки доставьте вашъ Липецкій адресъ.

Благодарю васъ, милый мой другъ Петръ Ивановичъ, за быстрое исполненіе моего порученія. Лонгинову изъясните, что во 1-ыхъ авторъ, давая свое сочиненіе для печати въ журналъ, никогда, нигдѣ не теряетъ права помѣстить его въ собраніи своихъ сочиненій; во 2-ыхъ, изданіе стихотвореній князя Вяземскаго такъ еще гадательно, такъ невѣроятно, что безъ малѣйшаго опасенія можно отправить къ нему копію съ „Слова примиренія“, не ожидая размолвки.

„Избранныя житія Святыхъ“, о посылкѣ которыхъ вы меня предупѣдомили, еще не дошли до магазина Давыдова (какъ онъ третьяго дня о томъ мнѣ отозвался); но я все-таки благодарю васъ за добрую память обо мнѣ. И Гротъ тоже не получилъ ихъ. Мысль ваша о занятіи мѣста при Университетской типографіи прекрасная. Сегодня же

я пишу объ этомъ къ Исакову. Откладывать я побоялся, во 1-ыхъ потому, чтобы другой кто не успѣшилъ занять мѣсто, а во 2-ыхъ, чтобы и самъ я не уѣхалъ въ ожиданіи нашихъ съ вами предварительныхъ переговоровъ.

Скажу вамъ новость: Некрасовъ и Панаевъ хотѣли еще нынѣшнимъ же годомъ ссадить меня за „Современникъ“ съ 3-хъ т. рублей на одну. Я не поддался, и кажется, съ 1860 года они откроютъ свою подписку на новый собственный журналъ, а я на свой „Современникъ“. Пожалуйста, милый другъ, искренно и безъ обиняковъ скажите мнѣ, что вы объ этомъ думаете. Разумѣется, я принужденъ буду искать (какъ и они и Краевскій всегда дѣлали) своего Чернышевскаго или Бѣлинскаго. Нѣтъ ли на примѣтѣ у васъ такого человѣка? Главное дѣло въ томъ, что я не буду выжимать изъ него сокъ за какія-нибудь три тысячи. Мнѣ легко жить и безъ журнальныхъ доходовъ. Я только не хочу быть игрушкой людей, которые по моей милости долѣзли до аристократіи Англійскаго клуба и за то хотятъ наплевать на меня. Лучшую часть доходовъ я предоставлю сотрудникамъ. Слышалъ я, будто одинъ изъ Коршей покидаетъ какое-то изданіе. Я бы не прочь вступить съ нимъ черезъ васъ въ переговоры. Словомъ, вы докажете истинное благорасположеніе ко мнѣ и къ моему „Современнику“, если отъ души займетесь этимъ дѣломъ.

Въ ожиданіи вашего отзыва. Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

24 Апрѣля 1859. Спб.

Мы ѣдемъ въ первыхъ числахъ Мая сухимъ путемъ.

Виновать передъ вами, добрый и милый Петръ Ивановичъ, что до сихъ поръ еще не отвѣчалъ на ваше послѣднее дружеское письмо. Теперь было бы уже слишкомъ поздно отвѣчать вамъ пасхальное наше привѣтствіе; по крайней мѣрѣ примите за него мое искреннѣйшее спасибо.

*

9 Февр. 1863. Спб.

Ничѣмъ не могли вы одолжить меня болѣе, милый другъ Петръ Ивановичъ, какъ присылкою прекраснаго журнала вашего. Я почувствовалъ себя перенесеннымъ въ жизни моей лѣтъ за тридцать: тоже литературное благородство, таже всеобщая занимательность въ выборѣ пьесъ, таже скромность и основательность въ сужденіяхъ и наконецъ тоже вниманіе къ людямъ, преданнымъ дѣлу литературы въ ея

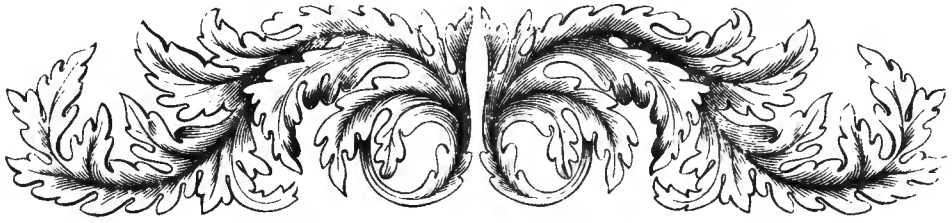
вышемъ понятіи. Я было пересталъ уже и думать обо всемъ этомъ: такъ вытѣснили изъ ума и сердца моего всѣ эти качества нѣкогда столь любимыхъ занятій моихъ новѣйшіе наѣзники прекраснаго поприща, на которое въ лучшее время наше являлись одни достойные и честные дѣятели.

Взятый вами отрывокъ изъ Записокъ Вигеля о Крыловѣ особенно потѣшилъ меня. Я такъ давно читалъ его, что теперь онъ явился мнѣ, какъ что-то новое. Тутъ же я замѣтилъ, что въ моей біографіи Крылова, гдѣ упоминается о Вигелѣ и о пребываніи безсмертнаго баснописца въ деревнѣ Голицына, неправильно показано мѣсто дѣйствія: не знаю почему, я перенесъ все это, вмѣсто Кіевской губерніи, въ Саратовскую, гдѣ впрочемъ дѣйствительно Крыловъ тоже гостилъ у этого вельможи.

Надобно сознаться, что Вигель замѣчательный критикъ, не смотря на его жолчь и вѣчную злость. Пушкина Мадонна-прелестъ да и только. Во всѣхъ редакціяхъ она дышетъ божествомъ. Ваша принадлежитъ къ числу еще первыхъ, а явившаяся въ послѣдующихъ изданіяхъ окончательно исправленная самимъ поэтомъ.

Продолжайте, милый другъ, работать по этой программѣ и въ этомъ же духѣ. У васъ матеріаловъ бездна, изъ которыхъ во всякой вы можете, для подслащенія простой бібліографіи, вносить хоть по капль біографической амброзіи. Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Павелъ Васильевичъ Жуковскій по поводу его кончины.

Письмо къ П. И. Бартеневу.

Многоуважаемый Петръ Ивановичъ!

Въ „Мюнхенскихъ Новѣйшихъ Извѣстіяхъ“ (Münchener Neueste Nachrichten), газетѣ, насколько мнѣ извѣстно, вообще враждебно относящейся ко всему Русскому, появилась слѣдующая симпатичнѣйшая замѣтка о недавно скончавшемся (13 Августа 1912 года), незабвенномъ, Павлѣ Васильевичѣ Жуковскомъ.

Вотъ съ нея буквальный переводъ.

„Всѣ имѣвшіе счастье быть въ близкихъ отношеніяхъ съ Павломъ Жуковскимъ (очень извѣстнымъ въ Вагнеровскихъ кружкахъ) высоко его ставили“.

„Родившійся въ 1845 году въ Саксенгаузенѣ, онъ былъ сыномъ преносходнаго поэта и переводчика Василія Жуковскаго, воспитателя Императора Александра II, отъ матери Нѣмки (Елисаветы фонъ-Рейтернъ) и по своему художественному и свѣтскому образованію принадлежалъ къ тому многочисленному культурному кружку, объединявшемуся въ послѣднія четыре десятилѣтія прошлаго вѣка вокругъ личностей Листа и Вагнера, Ленбаха, Іоахима и Гейзе, часто имѣвшему своимъ средоточіемъ дворъ Великаго Герцога Веймарскаго Карла-Александра“.

„Благодаря своимъ частымъ перемѣнамъ жительства въ Германіи, Италіи, Франціи и Россіи, молодой художникъ, располагавшій уже значительнымъ запасомъ знаній, могъ развить въ себѣ свой собственный тонкій и вѣрный взглядъ во всѣхъ отрасляхъ умственной жизни. Если Жуковскій со своими произведеніями рѣдко появлялся передъ широкой публикой, то причина тому была главнымъ образомъ въ томъ, что картины его большей частью раскупались непосредственно въ его мастерской. Большое значеніе для характеристики его, какъ человѣка и художника, имѣется въ томъ, что онъ всегда употреблялъ заработанныя прилежнымъ трудомъ средства на поддержку молодыхъ нуждающихся художниковъ, и вообще казалось, что онъ избралъ спеціальною цѣлю жизни негласную благотворительность, нравственную и матеріальную“.

„Въ своихъ воззрѣнiяхъ на искусство, а также въ своей собственной художественной дѣятельности онъ стоялъ, разумѣется, въ сторонѣ отъ современныхъ теченiй и направленiй въ живописи и въ архитектурѣ и относился къ нимъ отрицательно. За то онъ себя выказалъ тонкимъ знатокомъ и горячимъ поклонникомъ великаго стариннаго искусства, въ особенности Итальянцевъ ранняго и болѣе поздняго Ренессанса, и онъ поручилъ молодому Русскому художнику списать для него копии съ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ картинъ этой эпохи и украсилъ ими свой домашнiй музей. Прямо трогательна была та радость, съ которой онъ принималъ всякую удавшуюся копию, которою обогащалъ свое прекрасное собранiе, и при этомъ проявлялось все чистое воодушевленiе его тонкой артистической природы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вовсе не былъ равнодушенъ или чуждъ къ явленiямъ современности на художественномъ и умственномъ поприщахъ, но слѣдилъ за ними всегда съ живымъ интересомъ и съ вѣрной оцѣнкой, будь это при постоянныхъ посѣщенiяхъ художественныхъ выставокъ или какъ неутомимый читатель современной Нѣмецкой, Французской и Русской литературы“.

„О себѣ самомъ, о своемъ богатомъ житейскомъ опытѣ, о результатахъ своей художественной дѣятельности, говорилъ онъ рѣдко, хотя часто имѣлъ-бы къ тому полное основанiе. О томъ, что у него на рукахъ скончался Вагнеръ въ Венеціанскомъ дворцѣ, о томъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ при художественной постановкѣ „Парсифаля“ въ Байрейтѣ, что тамъ на почетномъ мѣстѣ висятъ превосходно имъ написанные портреты Вагнера и его семьи; о томъ, что онъ былъ творцемъ большаго памятника Александру II-му въ Московскомъ Кремлѣ, что теперь-же строится по его планамъ большая Русская церковь въ Римѣ на перекресткѣ улицы Тре Крочи *); о томъ, что онъ весьма часто и до послѣдняго времени являлся совѣтникомъ царей по художественнымъ вопросамъ: обо всемъ этомъ узнавалось со стороны, но только не изъ его устъ. И также о его неутомимыхъ работахъ послѣднихъ лѣтъ можно было узнать лишь случайно, увидавъ новое произведенiе на мольбертѣ въ его мастерской“.

Замѣтка эта не подписана, но авторъ ея повидимому одинъ изъ Нѣмецкихъ друзей покойнаго, болѣе знакомый съ его дѣятельностью среди Нѣмцевъ.

Въ этой замѣткѣ очень тепло и вѣрно отмѣчены, кромѣ художественнаго дарованiя Жуковскаго, его выдающаяся скромность, его безграничная доброта. Вотъ у него, дѣйствительно, „не вѣдала шуйца,

*) Любопытно, какъ распространилось это извѣстiе, къ сожалѣнiю ошибочное, равно и названiе улицы въ Римѣ несуществующей. X. B.

что творила десница“, и могу тому привести слѣдующій примѣръ. Не далѣе какъ въ Маѣ я встрѣтился во Флоренціи съ молодымъ, очень талантливымъ живописцемъ, Американцемъ Германскаго происхожденія, г. Карломъ Штраусомъ, и онъ, не подозрѣвая о моихъ отношеніяхъ къ Жуковскому, почти со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что если онъ кому обязанъ въ жизни, то только нѣкому Русскому Жуковскому, что *отецъ родной не могъ бы сдѣлать для него больше, чѣмъ этоъ Жуковский*, живущій въ Веймарѣ, что съ нимъ онъ въ перепискѣ и отъ него на дняхъ имѣлъ добрѣйшее письмо. Воображаю, какъ онъ теперь раздѣляетъ наше горе! Я тогда-же написалъ Павлу Васильевичу объ этой встрѣчѣ, но онъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ ко мнѣ (о чемъ будетъ ниже) ни разу не упомянулъ о Штраусѣ. Видно, что ему было непріятно, что я какъ бы приподнялъ завѣсу, скрывавшую его добрый поступокъ. А сколько такихъ было—извѣстно одному Богу!

Какъ-то въ разговорѣ со мною, лѣтъ шесть тому назадъ въ Москвѣ, онъ какъ-бы нечаянно проговорился, что ему здѣсь жить не по средствамъ, что *слишкомъ много къ нему приближающихся*, и потому съ глубокимъ сожалѣніемъ рѣшилъ перебраться въ болѣе дешевый и тихій Веймаръ. Несомнѣнно тяготился онъ также (какъ говоритъ г-нъ О. Г., авторъ некролога въ „Новомъ Времени“) созданною для него въ Кремлѣ синекурою, но должность его явилась синекурою не по его, Жуковскаго, винѣ, а вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія, не позволявшихъ тратить деньги на художественные замыслы Жуковскаго (изъ которыхъ нѣкоторые были прелестны) при выполненіи почти неразрѣшимой задачи придать стариннаго Русскаго духа Тоновскому произведенію....

О томъ, какъ горячо любилъ онъ Москву, ея живописныя церкви, кривые переулки и особняки, какъ онъ съ нею сросся съ юныхъ лѣтъ, благодаря отцовскимъ связямъ, съ Елагиными, Кирѣевскими, Свербеевыми, скажетъ, надѣюсь, болѣе меня компетентный человекъ; мнѣ же хочется только упомянуть о нашей съ нимъ оживленнѣйшей перепискѣ въ послѣднее полугодіе его жизни.

Началась эта переписка по поводу кончины нашего, общаго съ нимъ, друга, такого-же какъ онъ художника-христіанина, барона Гаймюллера, а съ Апрѣля мѣсяца имѣла исключительно предметомъ проектъ постройки будущей Русской церкви въ Римѣ, вслѣдствіе моего сообщенія оттуда о предполагаемой тогда и съ тѣхъ поръ, кажется,

уже осуществившейся покупке тамъ весьма подходящаго участка земли подъ нашу церковь.

Павелъ Васильевичъ тотчасъ воспламенился этимъ замысломъ и въ письмѣ ко мнѣ отъ 21 Апрѣля (4 Мая) называетъ его „однимъ изъ самыхъ дорогихъ вождѣній своей старости“ („un des plus chers rêves de ma vieillesse“). Въ этомъ же письмѣ, писанномъ на 12 страницахъ, онъ выражаетъ убѣжденіе, что для Православнаго храма въ Римѣ требуется избрать типъ древней базилики первыхъ вѣковъ христіанства, Римскаго образца („une basilique aussi romaine que possible“) и предлагаетъ даже назвать базилику, на примѣръ, въ память Св. Григорія Великаго, Папы Римскаго, и во всякомъ случаѣ упомянуть въ ней всѣхъ тѣхъ Римскихъ святыхъ, которыхъ мы чтимъ наравнѣ съ католиками. „Пусть они увидятъ“, восклицаетъ онъ, „съ чьей стороны исходитъ роковое недоразумѣніе“ („Ils n'ont qu'à voir d'où vient le malentendu néfaste!“).

Такъ-какъ я придерживаюсь совершенно того же взгляда о желательности типа базилики для Православнаго храма въ Римѣ, взгляда тоже раздѣляемаго нѣсколькими мнѣ извѣстными авторитетными людьми, то между Жуковскимъ и мною загорѣлась переписка. Я ему посылалъ свои примитивные наброски, фотографіи, книги и пр., а онъ дѣлился со мною результатами своей работы и уже въ Іюнѣ былъ такъ добръ, что прислалъ мнѣ на просмотръ прелестно составленные имъ акварельные виды и чертежи проектируемой имъ базилики, скромно прося моей критики. Я дѣйствительно предложилъ ему сдѣлать кое-какія измѣненія, онъ съ ними согласился и въ Іюлѣ сталъ снова перечерчивать свой проектъ. Въ послѣднемъ полученномъ мною отъ него письмѣ отъ 15 (28) Іюля онъ мнѣ пишетъ (уже по-русски), „что вышло по моему гораздо лучше перваго фасада“ и что „когда окончу пояснительные разрѣзы, пришлю вамъ все разомъ“. Я ему тотчасъ отвѣтилъ (21 Іюля); но вотъ проходятъ недѣля, другая, третья, четвертая, я посылаю въ Веймаръ вопросительную о здоровьи телеграмму, на которую тоже отвѣта нѣтъ, а черезъ нѣсколько дней получаю отъ графа Бѣлевскаго телеграмму съ горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ его дяди, случившейся 13 (26) Августа! Онъ, какъ видно, умеръ за столь любезной его сердцу работой чертежей Римской базилики, которые, быть можетъ, не успѣлъ вполнѣ докончить! Но мнѣ кажется, что весьма немногаго недостаетъ въ этихъ чертежахъ, чтобы опытный архитекторъ не могъ въ нихъ разобраться. Точность и добросовѣтность въ исполненіи чертежей были у Жуковскаго прямо поразительныя.

Хочется вѣрить, что эти драгоценныя работы сохранились въ цѣлости и что со временемъ удастся ими воспользоваться для обработки проекта постройки и что, наконецъ, если Богъ позволитъ, увидить свѣтъ хоть въ главныхъ чертахъ послѣднее, любимое, дѣтище дорогаго, незабвеннаго, Павла Васильевича. Это было-бы по немъ наилучшею памятью и притомъ въ „вѣчномъ“ городѣ!

Подвигомъ добрымъ подвизавшемуся—вѣчная память!

Графъ Хрептовичъ-Бутеневъ.

Село Щорсы, Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, 3 Сентября 1912 года.

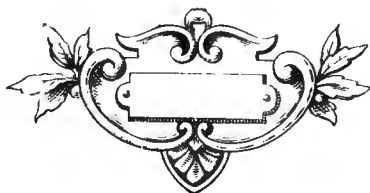
*

Павель Васильевичъ Жуковскій родился 1-го Января 1845 года во Франкфуртѣ на Майнѣ. Это—дитя столь дорогаго Русскому сердцу человѣка, добрыхъ дѣлъ котораго еще больше, чѣмъ произведеній его пера, остающихся на всегда украшеніемъ Русской словесности.

Въ первый разъ увидалъ я Павла Васильевича 15 Августа 1853 г., на Полянкѣ, въ домѣ Поземщикова, гдѣ поселилась его мать Елисавета Алексѣевна, дочь воина-художника Рейтерна *). Осмилѣтній мальчикъ и десятилѣтняя сестра его, Александра Васильевна (баронесса Вѣрманъ) уже говорили по русски, но конечно съ ошибками. Мать ихъ скончалась 21 Ноября 1856 года, и дѣти переѣхали въ Петербургъ къ дядѣ Рейтерну. Много позднѣе имѣлъ я счастье узнать Павла Васильевича. Было въ немъ что-то къ нему влекущее, и въ этомъ отношеніи онъ походилъ на императора Александра Третьяго.

Этихъ глазъ чистосердечье;
Оно всѣхъ демоновъ сильнѣй..

П. Б.

*) Біографія Рейтерна въ „Русскомъ Архивѣ“.

ОБМОЛВКИ, НЕДОСМОТРЫ, ОШИБКИ.

Въ 7-ой книжкѣ 1912 г., въ статьѣ: *изъ Записокъ А. Е. Егорова*, на стр. 446, замѣчена крупная хронологическая ошибка. Авторъ говоритъ, что *въ 1858 году* онъ видѣлъ на сценѣ Московскаго Малаго театра комедію Сухово-Кобылина *Свадьба Кречинскаго*, въ которой роль дочери Муромскаго (Лидочки) исполняла Ѳедотова. Этого не могло быть, такъ какъ Г. Н. Ѳедотова (тогда Познякова) *первые* (будучи еще воспитанницей Театральнаго Училища) появилась на сценѣ 8 Января 1862 года въ пьесѣ П. Д. Боборыкина *Ребенокъ. Петръ Затольскій*. Н.-Новгородъ, 22 Августа 1912 г.

*

Въ 8-й книжкѣ въ оглавленіи пропущена статья П. Л. Юдина о Нижегородскомъ намѣстничествѣ.

Въ 9-й книжкѣ на стр. 160-й перепутаны имена Станкевичей и Стаховичей.

ланіе не пропасть въ памяти людей есть знакъ безсмертія: всякому желательнo „печальный жребій свой прославить“, какъ сказалъ Пушкинъ, и признательность тому, кто содѣйствуетъ удовлетворенію этой благородной потребности. Но отъ несмѣтнаго числа такихъ надгробій затрудняется отыскиваніе лицъ достопамятныхъ, которое иной разъ бываетъ такъ нужно для справокъ.

Недавно, занимающіеся Русскою Исторіею получили отъ Великаго Князя еще драгоцѣнный даръ: это его собственное произведеніе, плодъ настойчиваго труда, предметомъ котораго взятъ внукъ Екатерины Великой, „Сфинксъ неразгаданный отъ вѣка“, всеобщее значеніе котораго покойный Хомяковъ приравнивалъ къ значенію Александра Македонскаго. Какъ тотъ, не будучи самъ Грекомъ, разнесъ Греческое просвѣщеніе по всему міру, такъ и нашъ Александръ Павловичъ, не будучи Европейцемъ, объединилъ одними и тѣми же началами весь Европейскій міръ. Въ пасхальной нашей заутренѣ, отслуженной въ Парижѣ на главной площади, гдѣ казнили Людовика XVI, сказалось всемірное назначеніе Россіи:

Хранить для міра достойные
Высокихъ думъ и чистыхъ дѣлъ.

Но великолѣпная, нынѣ вышедшая книга вовсе не исторія Александра Павловича. Это только личное его жизнеописаніе и тщательный разборъ его нравственности и помышленій. Тутъ имѣемъ мы богатѣйшій запасъ новыхъ для насъ показаній. Авторъ воспользовался для своей цѣли всѣмъ, что было обнаружено до него и богато пополнилъ свои разысканія изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ Западной исторической словесности, всего же болѣе цѣннѣе изъ Государственнаго Архива и изъ Собственной Государевой Биліотеки, богатству которой много содѣйствовала любовь

Императора Николая Павловича къ новой Русской старинѣ: всю свою жизнь занимаясь просебъ судьбою своего родителя, онъ собралъ по пути немало бумагъ, касающихся и старшаго своего брата.

Сочиненіе Великаго Князя необычайно занимательно; оно написано прекраснымъ по простотѣ языкомъ.

Что касается до точекъ зрѣнія, то у насъ накопилось немало возраженій.

П. Б.

*

Смоленская старина. Выпускъ 2-й. Юбилейное изданіе Смоленской Ученой Архивной Комиссіи, подъ редакціей правителя дѣлъ П. В. Михайлова и члена правленія Н. Н. Рѣднова. Смоленскъ, 1912.

Смоленская губернія больше другихъ Русскихъ губерній пострадала въ 1812 г.; жители разбѣжались, и три мѣсяца созданіе Годунова находилось въ рукахъ у Французовъ. Въ этомъ юбилейномъ выпускѣ, между прочимъ, напечатанъ рядъ дѣлъ о Смоленскихъ партизанахъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, сообщаемыя этими дѣлами, всеобщаго характера. Зато богаты подробностями Записки протоіерея І. Мурзакевича объ его отцѣ, протоіереѣ Никифорѣ. Это отецъ и братъ Николая Никифоровича, который втеченіи многихъ лѣтъ былъ душою Археологическаго Общества въ Одессѣ. Оба Мурзакевичи (сынъ въ 1812 г. еще мальчикъ) были свидѣтелями обороны Смоленска, остались въ полуразрушенномъ городѣ и видѣли разныя насилія со стороны Французовъ и страшныя страданія, испытанныя Русскими людьми. Записки Мурзакевича какъ бы дополняются рассказами о 1812 г., занесенными въ Дневникъ А. А. Лесли. Книга украшена рядомъ рисунковъ, между прочимъ снимками съ картинъ художника Мухомея Іова, имѣющихъ своимъ предметомъ событія въ Смоленскѣ 1812 года. А. С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по **три** рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ конторѣ «Русскаго Архива».

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909, 1910 и 1911, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ указателя къ прежнимъ годамъ платять за эти два года по 7 рублей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартепевъ**.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

11.

Стр.

321. Первый опытъ пользы отъ воздухоплаванія: секретное письмо Императора Александра Павловича къ Московскому Губернатору Н. В. Обрѣзкову. Май 1812.
322. О манифестѣ 12 Декабря 1825 года. Своеручныя страницы Императора Николая Павловича.
325. Изъ неожиданныхъ писемъ графа Д. А. Милютина къ князю А. И. Барятинскому 1859—1862. Съ послѣсловіемъ издателя.
332. Письмо В. А. Кокорева къ Великому Князю Владимиру Александровичу. 1887.
334. Изъ записной книжки „Русскаго Архива“: О Герценѣ.—Разсказъ Н. А. Юрекова.—Разсказъ декабриста Ф. Вашмакова.—Художникъ Яхвенко.—Екатерина въ спальнѣ у графа П. В. Шереметева.—Убийца Зыковъ.—Императоръ Николай Павловичъ и князь С. М. Голицынъ.
345. Изъ переписки швейцарца Кристина съ княжной В. И. Туркестановой. 1813.
381. Секретное донесеніе изъ Гамбурга отъ И. М. Муравьева-Апостола. 1799—1800.
401. Императоръ Павелъ графу С. Р. Воронцову (его увольненіе отъ должности посла въ Лондонѣ).
402. Екатерина Великая на родивъ князя Потемкина.
403. Происхожденіе фельдмаршала князя Н. В. Репнина (сообщено его проправукомъ княземъ Н. В. Репнинымъ-Волкозскимъ).
405. Письмо изъ Тобольска Цесаревича Александра Николаевича къ Императору Николаю Павловичу. 1837.
408. Изъ записокъ Д. Д. Голохвастова объ аудіенціи у Императора Александра Николаевича. 1865.
411. Послѣ Берлинскаго конгресса. Рѣчь генераль-адъютанта Обручева Македонскимъ Болгарамъ.
414. Всеподданнѣйшій докладъ принца П. Г. Ольденбургскаго объ учрежденіяхъ вѣдомства императрицы Маріи.
417. Сенаторская ревнѣя 1880 года.
430. Александръ Михайловичъ Тургеневъ. Статья К. Я. Грота.
432. „Судьба“. Автобіографическія записки А. М. Тургенева.
437. „Гимназическія воспоминаванія шестидесятника. Е. В. Коршъ.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 14.

1912.

Ө. И. Тютчевъ.

Полное собраніе сочиненій, изданіе т-ва А. Ф. Марксъ.

На второмъ заглавіи: съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, бібліографическимъ указателемъ, примѣчаніемъ, аvarіантами, факсимиле и портретомъ. Малое 8°, XLVII и 624 стр.

Выходъ въ свѣтъ сочиненій Федора Ивановича Тютчева сугубо знаменателенъ теперь, когда на Балканахъ загорѣлось пламя войны креста съ полумѣсяцемъ. Тютчевъ былъ вдохновеннымъ пророкомъ балканскаго объединенія и сулилъ Россіи вѣнецъ и скипетръ Византіи, какъ награду заступницы гнетомыхъ православныхъ братьевъ. Казалось бы, что изданіе такого поэта должно быть весьма положительнымъ, однако въ книгѣ есть досадныя погрѣшности. Не говоря уже о грубой ошибкѣ (скорѣе опечатки) на первой стр. предисловія, гдѣ говорится, что рукопись поэта привела въ порядокъ его первая супруга, тогда какъ это сдѣлано было второй супругой Тютчева, рожденной баронессой Пфедель, извѣстной кравицей. Во многихъ мѣстахъ чтеніе стиховъ испорчено; въ стихотвореніи къ графинѣ Ростопчиной (какъ надъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни) опущена заключительная строфа, хотя она и упомянута въ примѣчаніи. Къ одному изъ нихъ позволена неумѣстная выходка противъ графа М. Н. Муравьева, отвѣтитъ на которую можно словами самого Тютчева о Муравьевѣ:

„Не много бы было у него враговъ,
Когда бы не твои Россія“.

Книгѣ предпосланъ критико-біографическій очеркъ Брюсова, который нельзя достаточно привѣтствовать, такимъ простымъ и выразительнымъ языкомъ онъ написанъ, такъ много новаго и любопытнаго сообщаетъ онъ о жизни Ө. И. Тютчева. Къ сожалѣнію, вторая часть очерка „Творчество“ нѣсколько туманна, быть можетъ вслѣдствіе художественной зыбкости самого Тютчева, быть можетъ, и оттого также, что Брюсовъ пытался втиснуть пышно-струнный гений Тютчева въ рамки философской школы, чуждыя истинному художеству. П. Ю. В.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ, выпускъ 2-ой: „Письма и дневникъ Александра Ивановича Тургенева (Геттингенскаго періода 1802—1804 гг.) и письма его къ А. С. Кайсарову и братьямъ въ Геттингенъ 1805—1811 гг. съ введеніемъ и примѣчаніями В. М. Истрина“. Изданіе отдѣленія Русскаго языка и словесности Император-

ской Академіи Наукъ. С.-Пб. Большая 8°. 525 стр.

Господинъ Истринъ отличается способностью говорить по многу рѣзъ объ одномъ и томъ же.

Труды Владимірской Ученой Архивной Комиссіи. Суздаль и его достопримѣчательности. 73 стр. 4°.

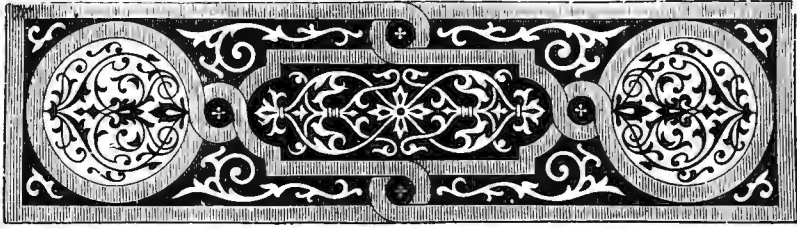
Книга вполне достопамятная. Вторая ея часть посвящена князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и онъ описанъ во всѣхъ подробностяхъ своей дѣятельности и быта, какъ домашняго, такъ и общественнаго. Въ первой части имѣемъ любопытнѣйшія показанія о запретномъ значеніи этого заточенія.

Туда поступали не только ослушныя дѣти, какъ, напримѣръ, графъ Кирилль Алексѣевичъ Разумовскій, просидѣвшій тамъ много лѣтъ и по выходѣ оттуда отупѣвшій, но и такіе государственные преступники, какъ Тамбовскій крестьянинъ Кондратій Селивановъ, провозгласившій себя въ самый годъ кончины Петра Третьяго не только императоромъ, но и Господомъ Богомъ. Покойный Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, въ молодости своей служившій по секретной части, съ недоумѣніемъ услышалъ вопросъ архимандрита, начальника монастыря, можно ли одному заключенному позволить остричь волосы на головѣ и бородѣ. Когда Перфильевъ пріѣхалъ вторично, оказалось, что изъ волосъ заключеннаго подѣланы были ладавки и разобраны многочисленными его почитателями. Сии послѣдніе сумѣли перевести Кондратія въ Петербургъ и помѣстили въ роскошномъ чуть не дворцѣ на Невскомъ проспектѣ (на лѣвой сторонѣ, ближе къ Невской лаврѣ). Поклоненіе ему дошло до того, что одинъ дежурный генераль-адъютантъ, не исполнившій своей должности, оправдался тѣмъ, что ему напередъ надо было сходить на служеніе къ государю и господа. Тогда этого преступника вывели изъ Петербурга въ тотъ же Суздальскій монастырь, но не иначе, какъ въ роскошной каретѣ.

П. В.

Горе отъ ума. Сочиненіе А. С. Грибоедова Текстъ Жандоровской рукописи, хранящейся въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III, въ Москвѣ, съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и 5 снимковъ съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. Х. Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. М. 1912 г. 8°. 151 и нѣсколько нечт. стр.

„Сборники Императорскаго Русскаго Историческаго общества“. Томъ сто тридцать восьмой, изданный въ Юрьевѣ. XXXVI—614 стр. и

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ МОСКОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. В. ОБРЪЗКОВУ.

1812.

Николай Василевичъ. Притчина побудившая меня столь тщательно скрыть отъ Московскаго Главнаго начальства препорученіе возложенное на механика Лепиха, есть докторъ Сальватори. Съ назначеніемъ новаго военнаго Губернатора притчина сія исчезаетъ. Я нахожу полезнымъ для лучшаго успеха дѣла, что бы вы сообщили лично на единѣ Графу Ростопчину, всѣ бумаги отъ меня къ вамъ доставленныя и действовали совокупно съ нимъ, къ довершенію сего предпріятія, продолжая однакожъ сохранять по оному не проницаемую тайну.

Фельдегеръ долженствующій вручить вамъ сіе письмо, везетъ съ собою семь человекъ рабочихъ выписанныхъ по желанію Лепиха. Они имъ будутъ оставлены за городомъ до свиданія вашего съ Гр. Ростопчинимъ и до назначенія послѣ онаго, куды ихъ везти. Пребываю на всегда вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Вильна.
Маія 24-го 1812 года.

Печатается со стариннаго списка. Соблюдено правописаніе подлинника.

Докторъ Сальватори, заподозрѣнный Государемъ, имѣлъ значеніе въ Московскомъ генераль-губернаторскомъ домѣ, гдѣ изнывалъ храбрый нѣкогда и въ чинѣ фельдмаршала графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Онъ перемѣщенъ былъ въ Государственный Совѣтъ.

Императоръ Александръ Павловичъ какъ бы прозрѣвалъ впередъ значеніе воздухоплаванія, которому нынѣ открылась будущность. Первая война покажетъ, во сколько важно это овладѣніе воздухомъ.

Изъ новой книги объ Александрѣ Павловичѣ, написанной его Внуцатнымъ Племянникомъ, узнаемъ, что уже осенью въ 1808 году Государь рѣшилъ бороться съ Наполеономъ, что называется, не на животъ, а на смерть и до конца остался вѣренъ этому рѣшенію. Наполеонъ, живя на островѣ Св. Елены, надѣялся обольстить его. П. В.

Лепиху и семи его рабочимъ отведено было мѣсто за Серпуховскою заставою, въ имѣніи, принадлежавшемъ тогда князю Н. Г. Репнину-Волконскому. Его дочь, княжна Варвара Николаевна, сказывала намъ, что одна изъ служанокъ ея участвовала тайно въ изготовленіи губительнаго шара.

П. В.

О МАНИФЕСТЪ 12 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Писано рукою императора Николая Павловича *)

Когда получено было 27 числа минувшаго Ноября горестное извѣстіе о кончинѣ блаженной и вѣчной славы достойной памяти Госуд. Имп. Александра I, первое стремленіе сердца моего было принести присягу въ вѣрности старшему брату моему, Госуд. Цесаревичу и В. К. Константину Павловичу, какъ законному по первородству Наслѣднику Престола государства Рос., буде другого покойнымъ Императоромъ не назначено, и объявлено не было. Исполнивъ первый такимъ образомъ священный долгъ вѣрноподданнаго, извѣстился я отъ Государствен. Совѣта, что находится въ архивѣ онаго пакетъ, на имя предсѣдателя отъ покойнаго Императора присланный, съ собственноручною надъ онымъ надписью: хранить до собственного Е. И. В. (покойн. Импер.) востребованія, или въ случаѣ кончины Его И. В., прежде всякаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта вскрыть, и что сіе послѣднее повелѣніе Государствен. Совѣтомъ исполнено, и найдено, что пакетъ сей включалъ: 1) Письмо Гос. Цесарев. и В. К. К. П. къ покойному Императору, въ коемъ торжественно просить Его И. Величество согласія на свободное уступленіе въ пользу мою и потомства моего права наслѣдія престола Всероссійскаго, Его Высочеству Цесаревичу принадлежащаго по праву первородства; 2) и въ послѣдствіе сего Манифестъ покойнаго же Императора Александра I отъ 16 Авг. 1823 года, по желанію Его Высочества Цесаревича, торжественно меня назначающій Наслѣдникомъ Всероссійскаго престола и проч.

По объявленіи мнѣ о томъ я остался однакожь вѣренъ присягѣ старшему моему брату, непоколебимъ въ рѣшеніи своемъ и настоялъ,

*) Было тогда же списано для себя Н. М. Карамзинимъ. Помѣщается здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ было найдено въ его бумагахъ.

чтобъ все государство послѣдовало примѣру моему, не въ послушаніе священной для вѣрноподданныхъ волъ покойнаго Государя, общаго нашего отца и благодѣтеля, но дабы неліцемернымъ исполненіемъ долга своего предъ законнымъ наслѣдникомъ Престола, по Манифесту блаженной памяти родителя нашего Имп. Павла I, утвержденному 15 Сент. 1801 года *), и потомъ по коренному закону наслѣдія Всероссійскаго Престола, утвердить навсегда законный порядокъ наслѣдія, что лично Государынею Императрицею, любезнѣйшею родительницею нашею, удостоено благословенія.

Но Его Имп. Высочество Цесаревичъ и В. К. К. П., свято сохранившій слово свое, торжественно имъ данное и утвержденное покойнымъ Императоромъ Александромъ въ 16 день Августа 1823 года, тотчасъ по полученіи имъ 25 Ноября горестнаго извѣстія о кончинѣ покойнаго Государя Императора, тогда же въ письмѣ, привезенномъ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ В. К. Мих. П-мъ къ любезнѣйшей родительницѣ нашей Г-нѣ Им-цѣ М. Ѳ., со включеніемъ копіи съ грамоты Е. И. Величества А-ра I къ Его Высоч. Цесаревичу въ отвѣтъ на его письмо, подтвердилъ вторично торжественное отреченіе въ нашу и потомства нашего пользу, отъ наслѣдія Престола Всероссійскаго и проч., а въ грамотѣ на наше имя признаетъ насъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ и проч., и себѣ предоставляетъ прежній титулъ Цесаревича и называетъ себя намъ вѣрноподданнѣйшимъ.

Но и тогда остановились мы объявить о сей непоколебимой волѣ Е. И. Высочества, доколѣ не получимъ отвѣта на принесенную присягу нами и всѣмъ государствомъ.

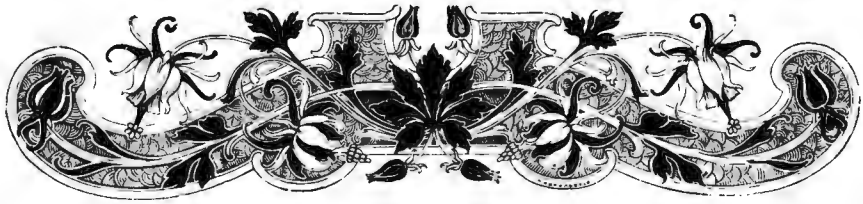
Нынѣ дошла до насъ и на сіе торжественная непоколебимая воля Е. И. Высоч. Цесаревича, которой, повинуваясь съ покорностію и объявляя о томъ всенародно, прилагаетъ при семъ: 1) Грамоту Е. И. Выс. Цесаревича къ Е. И. Величеству, покойному Имп. Александру I, 2) Отвѣтъ на оную Е. И. Величества и 3) Манифестъ Его же Имп. Величества, Наслѣдникомъ насъ назначающій, а равно письмо Е. И. Высочества Цесаревича къ любезнѣйшей родительницѣ нашей, Г-нѣ Им-цѣ М. Ѳ., и грамоту на наше имя, которою мы отъ Его Высоч. Це-

*) Т. е. въ день, когда Императоръ Александръ Павловичъ вѣнчался на царство. Но въ манифестѣ о восшествіи на престолъ (12 Марта 1801 г.) повелѣвалось присягнуть „и наслѣднику нашему, кого мы укажемъ“, слѣд. грамота Императора Павла, написанная еще въ 1788 году, и тайна, хранимая въ Успенскомъ соборѣ нарушились. Знала ли Екатерина объ этой грамотѣ, начинавшейся словами: „Мы Павелъ и Мы Марія“. Московскій митрополитъ Платонъ умѣлъ беречь тайны. П. Б.

саревича удостоены были, и наконецъ объявляетъ: что мы по законному нашему нынѣ праву на наслѣдіе, по волѣ Божіей, любезнѣйшаго брата нашего Цесаревича В. К. К. П. и по силѣ Манифеста блаженной памяти Госуд. Имп. Александра I, вступили на Престоль Всероссійскій 19 Ноября 1825 года, и повелѣваетъ въ подданствѣ намъ и законному, по праву наслѣдія, Наслѣднику нашему Е. И. Высочеству, Государю В-му К-ю Александру Николаевичу, любезнѣйшему нашему сыну учинить присягу.

Да будетъ царствованіе наше царствованіемъ законовъ и правосудія; да наставитъ насъ Всемогущій Творецъ слѣдовать по священнымъ стопамъ предмѣстника нашего, вѣчной славы и благодарности достойнаго Госуд. Имп. Александра I, и да дастъ намъ силы сносить бремя правленія съ твердостью и упованіемъ на Его благодать. Клянемся сохранить всѣ коренные законы Государства нашего и ненарушимость границъ Государства, и да будетъ залогомъ благихъ намѣреній нашихъ нынѣ оказанное нами почтеніе къ первому отечественному коренному закону, обеспечивающему и на будущія времена ненарушимость законнаго наслѣдія Престола Государства Рос-го: въ чемъ да поможетъ намъ Всемогущій и Всемилосердый Богъ!

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ПИСЕМЪ ГРАФА Д. А. МИЛЮТИНА КЪ КНЯЗЮ А. И. БАРЯТИНСКОМУ.

(Сообщено въ „Русскій Архивъ“ біографомъ князя, А. Л. Зиссерманомъ).

25 Декабря 1859 г. Тифлисъ.

Позвольте мнѣ выразить искреннее мое желаніе вашему сіятельству постояннаго здоровья и полнаго успѣха во всѣхъ вашихъ предположеніяхъ, за исключеніемъ однакоже (простите мою смѣлость и откровенность) намѣренія вашего удалить меня изъ здѣшняго чудеснаго климата. Излишнимъ было бы просить ваше сіятельство не сомнѣваться въ искренности тѣхъ чувствъ, которыя привязываютъ меня къ службѣ на Кавказѣ и съ которыми я останусь неизмѣнно.

*

23 Іюня 1860.

Прежде всего позвольте принести глубокую признательность какъ за привезенное кап. Бюнтингомъ письмо ваше отъ 21 числа, такъ и за благосклонное участіе, которое ваше сіятельство принимаете въ состояніи моего здоровья. Въ этомъ отношеніи спѣшу довести до вашего свѣдѣнія, что лихорадочные пароксизмы прекратились, и я совсѣмъ почти поправился. Впрочемъ, ходъ служебныхъ моихъ занятій не прекращался ни на одинъ день: при всей моей покорности вашимъ совѣтамъ, я позволю себѣ на этотъ разъ послушаться и продолжать обычныя свои работы. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо совѣстно было бы мнѣ сидѣть, сложа руки. Собственно же для здоровья занятій я не боюсь, а долженъ только предостерегаться простуды и утомленія физическаго, чтобы неотвязчивая лихорадка не возвращалась безпрестанно.

Ваше сіятельство изволили сообщить мнѣ выписку изъ полученнаго вами письма отъ Государя Императора, и при этомъ вамъ угодно

было спросить меня: въ какомъ смыслѣ я желалъ бы, чтобы вы отвѣчали Его Величеству? Вопросъ этотъ поставляетъ меня въ немалое затрудненіе. Уже много разъ и вполне чистосердечно я выражалъ вамъ, съ какою грустью, даже съ болѣзнью, помышляю я о необходимости перемѣны въ настоящемъ моемъ положеніи. Каждый разъ, когда рѣчь возобновляется о переходѣ въ Петербургъ, сердце мое стѣсняется, какъ-будто отъ какого-то зловѣщаго предчувствія. Еслибъ зависѣло только отъ моей воли, то конечно я пожелалъ бы только одного: не разставаться никогда съ здѣшнимъ краемъ, здѣшнею службою, здѣшнимъ моимъ начальникомъ. Чувство это ваше сіятельство вполне поймете и найдете совершенно естественнымъ. Скажу болѣе: во всей семьѣ моей я ожидаю горькихъ слезъ въ тотъ день, когда придется мнѣ объявить о предстоящемъ переселеніи въ Петербургъ. Но при всемъ этомъ я вижу теперь, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко, что напрасно я льстилъ себя надеждами на какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства, которыя могли бы разстроить предположеніе. Теперь я долженъ покориться судьбѣ и, слѣдуя всегдашнему своему правилу, помимо всѣхъ личныхъ расчетовъ, предоставить высшему рѣшенію направить мою судьбу туда, куда указываетъ единственно польза службы. Повторяю, что я устраняю всякія эгоистическія соображенія, безпрекословно, съ благоговѣніемъ повергаю свою участь волѣ Государя и не имѣю другого желанія, какъ только сохранить еще довольно силъ физическихъ и нравственныхъ, чтобы сколько-нибудь быть полезнымъ. Одно преслѣдуетъ меня: серьезное опасеніе—не оправдать вашего, слишкомъ благосклоннаго мнѣнія обо мнѣ и милостивыхъ ожиданій самого Государя.

Вотъ единственныя мысли, которыя внушены мнѣ строками изъ письма Его Величества. Затѣмъ мнѣ остается просить ваше сіятельство въ отвѣтъ вашему имѣть въ виду болѣе всего пользу службы и неограниченное рвеніе мое служить Государю вѣрою и правдою. Что же касается до моихъ личныхъ интересовъ, то я всегда полагался гораздо болѣе на ваше ко мнѣ благосклонное расположеніе и воспоминаніе, чѣмъ на собственную предусмотрительность. Ваше сіятельство сами показывали постоянную заботливость о томъ, чтобы, при предстоящей мнѣ перемѣнѣ службы, я избѣгнулъ всякаго неловкаго и фальшиваго положенія. И теперь я убѣжденъ, что вы не согласитесь отпустить меня отъ себя прежде, чѣмъ будетъ опредѣлено ясно и положительно будущее мое положеніе.

Изъ письма полковника Лимановскаго и изъ словъ кап. Бюнтинга, я съ радостію узналъ о благопріятномъ состояніи вашего здо-

ровья, несмотря на изнурительное и тяжкое лѣчение, которому вы обрекли себя. Дай Богъ, чтобы настойчивость ваша, терпѣніе, лишеныя принесли существенную пользу*). Жена моя поручаетъ мнѣ выразить глубокую ея признательность за благосклонное ваше вниманіе и искренно желаетъ, чтобы ваше сіятельство возвратились изъ Боржома совершенно здоровымъ. Что касается ея брата Понсэ, то я почти не видалъ его: онъ пріѣхалъ изъ Петербурга съ главною болью, отъ которой и теперь еще лѣчится въ Тифлисѣ. Въ первый разъ, какъ увижусь съ нимъ, заговорю серьезно о намѣреніяхъ и видахъ его относительно службы, и не замедлю откровенно довести до вашего свѣдѣнія о томъ, что вывѣдаю.

*

5 Ноября 1860.

Простите, ваше сіятельство, что я принялъ смѣлость высказывать личныя мои мнѣнія по такому предмету, который нынѣ уже не касается прямо до меня. Но я говорю, какъ бывшій вашъ начальникъ штаба, который привыкъ къ откровенности съ вашимъ сіятельствомъ и который никакъ не можетъ оторваться отъ прежнихъ своихъ служебныхъ обязанностей и заботъ. Впрочемъ, я пользуюсь только въ этомъ случаѣ вашимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ и надѣюсь на прежнее ваше довѣріе къ моему чистосердечію и преданности вашему сіятельству.

*

(С.-ПБ.). 10 Ноября 1860.

Послѣ перваго моего письма къ вашему сіятельству я не имѣю ничего замѣчательнаго сообщить вамъ ни о дѣлахъ общихъ, ни о собственныхъ своихъ. До сихъ поръ я не устроился еще окончательно и живу пока въ гостиницѣ, такъ какъ нанятая мною квартира требовала нѣкоторыхъ перестроекъ. Несмотря на то, я уже погрузился вполне въ океанъ министерской работы и суеты. На-дняхъ видѣлъ Всеволожскаго, который доставилъ намъ свѣжія извѣстія изъ Тифлиса. Каждый пріѣзжающій оттуда радуется насъ, какъ близкій родной.

*

9 Января 1861. С.-П-бургъ.

Относительно награды генералу Филипсону я не могъ рѣшительно ничего сдѣлать, потому что Государь, прочитавъ то мѣсто

*) Князь Бяратинскій тогда лечился въ Дрезденѣ.

вашего письма, гдѣ ваше сіятельство объ этомъ упоминаете, сейчасъ же приказалъ выдать крестъ подполковн. Кольсону и Монтебелло, а о Филипсонѣ умолчалъ, и потомъ уже военный министръ не рѣшился напомнить. Точно также о другихъ лицахъ, которымъ были прежде отказаны награды, мнѣ весьма трудно начать рѣчь. Военный министръ уже и безъ того смотритъ на меня не иначе, какъ на отъявленнаго присяжнаго адвоката Кавказа, и вообще мой голосъ не можетъ имѣть никакого полезнаго вліянія, несмотря на то, что по наружности мы въ самыхъ лучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Поэтому мнѣ крайне тяжело думать, что я не буду въ состояніи быть здѣсь полезнымъ Кавказу, сколько я желалъ бы и сколько ваше сіятельство вѣроятно ожидаете отъ меня. Смѣю однакоже думать, что вы во всякомъ случаѣ не станете въ томъ винить меня.

Между прочимъ меня мучитъ мысль, что Ольшевскій и Карлгофъ, надѣясь на меня, останутся безъ мѣстъ. Относительно перваго я жду съ нетерпѣніемъ отвѣта о томъ, приметъ ли онъ мѣсто окружнаго начальника внутренней стражи: это мѣсто генераль-лейтенантское, и въ настоящее время обращено особенное вниманіе на эту службу. Не изволите ли также найти возможнымъ пощупать генерала Филипсона: не согласится ли онъ, хоть со временемъ, т.-е. по возвращеніи изъ-за границы, принять мѣсто бар. Ливена? Такое назначеніе, какъ мнѣ кажется, не противорѣчило бы домашнимъ его видамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавило бы ваше сіятельство отъ необходимости снова запрашивать для генерала Филипсона новыя милости по увольненіи его отъ настоящей должности.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ Ив. Гр. Колосовскаго въ той надеждѣ, что онъ привезетъ мнѣ на словахъ болѣе подробныя извѣстія о вашемъ здоровьѣ и обо всемъ, что письменю передать было бы неудобно. Всякій пріѣзжающій съ Кавказа для насъ какъ-будто родной. Сегодня я обрадовался, увидѣвъ князя Бориса Голицына. На-дняхъ намѣреваюсь соединить у себя многихъ изъ находящихся здѣсь Кавказцевъ. Жена моя поручаетъ мнѣ выразить вашему сіятельству искреннюю благодарность за благосклонное ваше вниманіе. Она не можетъ до сихъ поръ свыкнуться съ здѣшнимъ климатомъ и жизнію. Дѣти также продолжаютъ горевать по второй своей родинѣ. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что я все больше и больше чувствую, какую понесъ потерю, разставшись съ вашимъ сіятельствомъ и съ благодатнымъ Кавказомъ. Хотя и не имѣю пока никакой при-

чины жаловаться, но все-таки здѣсь не по мнѣ: холодно, очень холодно и очень грустно.

На-дняхъ пріѣхалъ сюда герой Китая—Игнатъевъ; его носятъ на рукахъ.

*

14 Февраля 1861. С.-П.-бургъ.

Государь ведетъ это дѣло съ удивительною твердостью по назначенному пути, несмотря не общее почти противодѣйствіе, на отчаянныя вопли, брани и даже угрозы большинства сановниковъ и всей помѣщичьей партіи. Вы можете себѣ представить, до чего дошло теперь раздраженіе этой партіи. Дай Богъ Государю силъ и здоровья, чтобы довести до конца это великое государственное дѣло.

Постараюсь еще сообщить вашему сіятельству дополнительныя свѣдѣнія съ Ив. Гр. Колосовскимъ; между тѣмъ покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ чувствахъ глубокаго почтенія и душевной преданности.

*

17 (29) Февраля 1864. С.-ПБ.

Если пожелаете знать все подробно, то отъ васъ будетъ зависть вызвать къ себѣ въ Дрезденъ кого угодно: Бутковъ и Харитоновъ уже приговариваются на эту поѣздку къ вамъ на встрѣчу. Здѣсь теперь очень много Кавказцевъ. На-дняхъ былъ у насъ Кавказскій вечеръ, на которомъ собралось до 150 человекъ; всѣ были одушевлены однимъ чувствомъ—привязанности къ Кавказу; съ восторгомъ пили за ваше здоровье при обычныхъ крикахъ ура! Сологубъ, какъ слѣдуетъ, произнесъ длинный спичъ, на который отвѣчалъ почтенный Викентій Михайловичъ, съ свойственнымъ ему одному родомъ краснорѣчія.

На Кавказѣ вообще дѣла идутъ хорошо, хотя многое остановилось въ томъ расчетѣ, что ваше сіятельство скоро возвратитесь туда. Нельзя того же сказать о другихъ дѣлахъ... Но спѣшу извиниться, что я невольно навожу рѣчь на дѣла, когда обѣщалъ не говорить о нихъ. У меня дома все благополучно. Жена моя искренно признательна за любезное воспоминаніе ваше о ней во всякомъ письмѣ вашемъ. Не теряемъ надежды еще разъ увидѣться съ вашимъ сіятельствомъ въ теченіе нынѣшняго года.

*

9 (21) Мая 1862.

Д. ст. сов. Харитоновъ, ожидающій только телеграфическаго приказанія вашего, собирается ежедневно ѣхать за границу, и потому я предоставляю ему лично доложить вашему сіятельству обо всѣхъ дѣлахъ Кавказскихъ, которыя могутъ васъ интересовать.

*

30 Мая 1862.

Хорошія извѣстія о вашемъ здоровьи истинно радуютъ меня. Дай Богъ, чтобы къ осени ваше сіятельство могли возвратиться на Кавказъ, гдѣ ожидаютъ васъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Не можемъ ли и мы надѣяться предъ тѣмъ увидѣть васъ здѣсь? Ваши появленія, хотя и кратковременныя, весьма имѣютъ полезное вліяніе.

Р. С. Государь ожидаетъ обѣщаннаго вами при первомъ вѣрномъ случаѣ отвѣта на письмо Его Величества.

*

5 Декабря 1862. С.-ПБ.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ, получивъ вчера по телеграфу извѣщеніе отъ Государя о предстоящемъ ему назначеніи, отправляется въ Москву завтра за окончательными приказаніями, а по возвращеніи оттуда, кажется, намѣревается еще разъ съѣздить въ Вильно, чтобы переговорить съ вашимъ сіятельствомъ. Всего труднѣе будетъ ему замѣщеніе должностей по гражданскому управленію, изъ коихъ многія уже и теперь вакантныя. По военной части я убѣждалъ его сохранить еще на нѣкоторое время гр. Евдокимова въ Кубанской области: безъ него дѣло тамъ останется недоконченнымъ. Князь Мирскій, уѣхавшій вчера въ Москву, поговаривалъ уже о томъ, чтобы совсѣмъ оставить Кавказъ, куда онъ ѣдетъ теперь только на короткое время (по его словамъ). Вотъ новое подтвержденіе всегдашняго моего мнѣнія о немъ: постоянство и усидчивость не принадлежатъ къ числу его личныхъ достоинствъ. Кажется, Великій Князь, на первое время, никого не беретъ съ собой, и хорошо дѣлаетъ.

Я боюсь часто утруждать ваше сіятельство своими письмами, зная, какъ они бывають не кстати во время болѣзни. Но если бы они не обременяли васъ, то я былъ бы счастливъ получить позволеніе ваше продолжать и на будущее время переписку.

*

Никто не станетъ отрицать великихъ заслугъ, которыя оказалъ графъ Милютинъ: введеніемъ общей воинской повинности, сокращеніемъ срока воинской повинности, расширеніемъ грамотности между солдатами, одолѣніемъ хозяйственнаго хищничества и пр. Но остаются и злополучныя стороны, простиравшіяся, какъ намъ кажется, отъ исключительнаго заимствованія во Французскомъ воинскомъ устройствѣ и отъ самаго происхожденія преобразователя. Онъ не былъ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ, и предокъ его переселился къ намъ изъ какой-то Юго-западной Славянской страны. Прадѣдъ, Калужскій купецъ, былъ человѣкомъ на всѣ руки: у него и ленточное производство, и сѣстные лавки. Его имя осталось въ Москвѣ въ названіи переулка, въ Петербургѣ въ Милютинскихъ лавкахъ. Братъ графа, достопамятѣйшій Николай Алексѣичъ, объяснялъ мнѣ, почему въ гербѣ у нихъ печвая выюшка. Въ 1732 году, когда, по устройствѣ Ладожскаго канала, Анна Ивановна могла переселиться изъ Москвы въ Петербургъ, она заняла небольшой, принадлежавшій адмиралу Апраксину и завѣщанный царямъ домъ, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца. Печки были испорчены, и Милютинъ немедленно ихъ исправилъ. За это Императрица пожаловала ему дворянское достоинство со выюшкою въ гербѣ. Николай Алексѣевичъ сказывалъ, что у брата его сохранились записочки Петра Великаго къ ихъ прадѣду. Купечески-мѣщанское нерасположеніе къ господамъ-дворянамъ проглядывало въ дѣятельности графа Милютина. Служа при князѣ Барятинскомъ на Кавказѣ, онъ ему проговорился: было время, что я васъ ненавиждѣлъ.—За что?—Да за то, что вы князь (см. „Р. Архивъ“ въ біографіи князя Барятинскаго, написанной А. Л. Зиссерманомъ). Мужское поколѣніе Милютиныхъ угасло въ лицѣ Юрія Николаевича, благороднаго дѣятеля нашихъ дней. П. Б.

ПИСЬМО В. А. КОКОРЕВА КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Ваше Императорское Высочество!

Четырехлѣтнія путешествія Вашего Высочества для обозрѣнія войскъ, расположенныхъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, представили Вамъ возможность видѣть народную жизнь, безъ всякихъ прикрасъ, въ ея настоящемъ видѣ.

Изъ этого обзора Ваше Высочество убѣдилось воочію, что не только деревни, но и города Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній представляютъ горестное обнищаніе сѣверныхъ мѣстностей.

Пятидесятилѣтнія воспоминанія мои о нашемъ экономическомъ разстройствѣ изображаютъ множество разныхъ бѣдствій, постигшихъ Русскую жизнь; но послѣ путешествій Вашего Высочества по Сѣверу Россіи изложенныя мною злоключенія не представляются Вамъ невѣроятными, и это соображеніе дало мнѣ смѣлость посвятить мой слабый трудъ *) Вашему Августѣйшему имени.

Мои горестныя воспоминанія ясно доказываютъ, что постигшіе Русскую жизнь провалы не были послѣдствіемъ неотвратимыхъ бѣдствій, а произошли единственно отъ невниманія къ современнымъ сердобольнымъ предупрежденіямъ людей, близко знавшихъ народную жизнь.

Три экономическіе провала неисправимы, и съ ихъ тяжелыми послѣдствіями надо примириться. Это: опозданіе съ постройкою желѣзной дороги къ Черному морю, раззорительныя заграничныя займы и оставленіе втунѣ мысли фельдмаршала князя Барятинскаго о необходимости Россіи участвовать въ Прусской войнѣ съ Австріей въ

*) „Экономическіе провалы“ написаны для „Русскаго Архива“ и вышли потомъ особою книжкою. Они продаются по 5 р. въ пользу студентовъ Академіи Художествъ.
П. Б.

1866 году, съ цѣлью очистить нашъ путь къ Востоку отъ всѣхъ противодѣйствій. Порожденныя прочими провалами разрушительныя послѣдствія могутъ изгладиться, если только укрѣпится сознаніе, что всѣ бѣдствія произошли отъ духоугашенія здравыхъ народныхъ мыслей, безъ которыхъ достиженіе благосостоянія никогда не можетъ осуществиться.

Несомнѣнно, что путешествія Вашего Высочества, проникавшія въ самую глубину народнаго быта, оставили въ Васъ сердечное убѣжденіе въ томъ, что народная мудрость проста, вѣрна и неисчерпаема въ проявленіи средствъ къ возрожденію экономической силы Россіи. Равно нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что только то можетъ развить въ жизни жизнь, что исходитъ прямо изъ самой жизни, а не изъ губительныхъ канцелярскихъ измышлений.

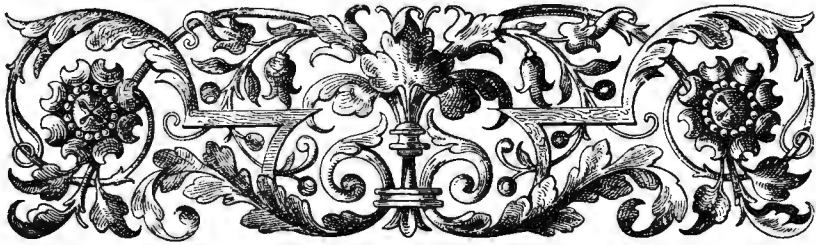
Переживаемое нами время знаменательно тѣмъ, что оно составляетъ подвигъ благоустройства нашей жизни въ чисто-русскомъ смыслѣ, подъ сѣнію Самодержавной Воли и Мудрости. Краеугольнымъ камнемъ этого подвига и залогомъ успѣха можетъ служить одно только согласованіе правительственныхъ мѣропріятій съ общими нуждами и потребностями. Ничего нѣтъ въ мірѣ могущественнѣеладычества сердца надъ сердцами, убѣжденными въ томъ, что ихъ добросовѣстные стремленія вполнѣ доступны воззрѣніямъ Верховной Власти. На этой плодотворной взаимности, составляющей нашу историческую конституцію, создалась сила Россіи, и хотя ложный либерализмъ произвелъ въ недавнее время распатанность силы, но, благодаря Бога, еще не настолько, чтобы народное здравомысліе поколебалось.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Высочества всепреданнѣйшій Василій Кокоревъ.

15 Іюля 1887 года.

Ушаки.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА“.

Въ Карлсбадѣ, подѣ Ригою, сошелся я съ нѣкимъ Р., который съ отцомъ своимъ еще мальчикомъ бывалъ у Герцена, когда тотъ жилъ въ Лондонѣ (уже не въ Путнеѣ слѣд., послѣ 1858 г.). Р. хорошо помнитъ, какъ однажды Герценъ велѣлъ отказывать всѣмъ гостямъ, обыкновенно ему докучавшимъ, и какъ неистово звонилъ къ нему и былъ не принять Стасовъ, въ то время ярый радикаль (котораго, какъ и Бакунина, Герценъ не любилъ), и какъ послѣ обѣда Герценъ подошелъ къ фортепiano и сказалъ бывшему тутъ своему родственнику: „Ну, Сережа, давай вспомнимъ родину“. Тотъ заигралъ „Боже Царя храни!“ Присутствующіе и самъ Герценъ запѣли, и при словѣ „храни!“ Герценъ нѣсколько разъ повторилъ его и у него показались слезы. Онъ говаривалъ многимъ, что предпочелъ бы самую бѣдную жизнь въ Россіи своему изгнанію. Однажды Александръ II-й съ графомъ Адлербергомъ былъ на Невскомъ въ фотографіи Левицкаго и подробно спрашивалъ о Герценѣ. Онъ сказалъ, что цѣнить его дарованія, но „со мною поступилъ онъ подло“. Вѣроятно, относится это къ обѣщанію не дѣйствовать противъ правительства, и Герценъ могъ дать это обѣщаніе въ Вяткѣ въ 1837 году черезъ Жуковскаго, благодаря которому Наслѣдникъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ А. Г. Строгановъ исходатайствовали у Николая Павловича разрѣшеніе Герцену возвратиться въ Москву.

Домашняя жизнь Герцена въ Москвѣ была не радостная, во Власьевскомъ переулкѣ, гдѣ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ держалъ у себя цѣлый гаремъ и гдѣ мать Герцена Луиза (Юлиза, какъ ее звала прислуга) Ивановна терпѣла горе. Такъ называемый сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ (его портретъ въ залѣ Екатерининской, въ Москвѣ, больницы), будучи посланникомъ въ Кассель, сошелся съ

этою Нѣмкою*); но братъ его, Иванъ Алексѣевичъ, тамъ же находившійся, переманилъ ее къ себѣ и увезъ въ Москву, гдѣ 25 Марта 1812 г. родился А. И. Герценъ. Братья между собою весь вѣкъ враждовали. Левъ считалъ, что родившійся ребенокъ принадлежитъ ему, былъ къ нему нѣженъ и оставилъ ему большое состояніе наравнѣ со своими несомнѣнными дѣтьми, Львицкими или Левицкими (сыновьями Сергѣемъ (славнымъ фотографомъ) и Иваномъ и дочерью Софьею (которая была за братомъ Д. В. Полѣнова, Алексѣемъ). По словамъ Р., Иванъ Алексѣевичъ не оставилъ Герцену денегъ, а только имѣніе Костромское, до сихъ поръ находящееся подъ такъ называемымъ секвестромъ, о снятіи котораго Герценъ просилъ въ Парижѣ Свербева похлопотать черезъ его сына Александра Дмитріевича, тогдашняго Костромскаго вице-губернатора. Съ деньгами дяди-отца Герценъ и уѣхалъ за границу въ 1847 году. Сенаторъ жилъ въ своемъ большомъ домѣ на Арбатѣ, у Николы въ Плотникахъ, позднѣе Дребуша (тамъ жили Аксаковы, и оттуда вышла замужъ за Егора Антоновича Томашевскаго единственная замужняя ихъ дочь Марья Сергѣевна), еще позднѣе это былъ домъ Александра Никифоровича Селиванова. Въ этомъ домѣ протекло все дѣтство Левицкихъ, и тамъ же по годамъ жилъ и молодой Герценъ.

Ушедшая отъ Герцена жена его, Наталья Александровна, дочь третьяго Яковлева (который былъ Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ) пережила его и имѣла дѣтей отъ своего второго сожителя. Ея братъ Захарьинъ живетъ гдѣ-то въ Симбирскѣ. Четвертый Яковлевъ, Петръ, владѣлъ домомъ на Тверскомъ бульварѣ (гдѣ позднѣе жили Свербеевы, у которыхъ собиралась умственная Москва). Это такъ называемый химикъ; онъ судился по солянымъ дѣламъ и былъ въ ссылкѣ. Его дочь Татьяна Петровна Пассекъ. Тетки Герцена: Голохвостова, княгини Хованская, Мещерская и г-жа Лопухина, которая владѣла большимъ бывшимъ во владѣніи Лопухиныхъ помѣстьемъ подъ Савинымъ монастыремъ (куплено графомъ С. Д. Шереметевымъ у В. И. Якунчикова, для своей дочери, графини Марьи Сергѣевны Гудовичъ).

Кончившій умоповрежденіемъ Сергій Львовичъ Левицкій прославился своею фотографіею на Невскомъ проспектѣ, нынѣ доставшеюся его сыну. Къ нему ходило все высшее общество, Великіе Князья и нерѣдко самъ Александръ Николаевичъ. Тамъ снимались такія группы и сцены, которыхъ и показать постороннимъ нельзя.

*) А можетъ быть, Еврейкою. (Позднѣйшее замѣчаніе).

Въ Парижѣ живеть живописецъ Чумаковъ, человекъ богатый, который много чего можетъ рассказать про графа А. В. Адлерберга и про разныя похождения въ rue St. Augustin, № 80, у такъ называемой Chatte Blanche.

С. Л. Левицкій къ исходу жизни надѣлалъ много долговъ. Эти долги уплачиваетъ теперь его другой сынъ, тоже Петербургскій фотографъ.

*

Харитонъ Лукичъ Зуевъ (дѣдъ дополнителя Пушкинской Русалки) служилъ губернаторомъ въ Псковѣ, гдѣ говорили: избави насъ отъ огня, меча и Харитона Лукича. Екатерина писала ему письма, подлинники которыхъ остались у И. И. Дмитріева, а копіи цѣлы. Правнукъ его (отъ дочери) Нилъ Александровичъ Юреневъ читалъ эти письма. Они у одного изъ Зуевыхъ. Въ одномъ письмѣ Екатерина заботится о томъ, что въ Псковской губерніи оскудѣли запасы соли.

Х. Л. Зуевъ былъ изъ первыхъ, получившихъ орденъ Св. Владимира (1786). Былъ онъ женатъ на Мордовкѣ, которая отъ него бѣжала въ Парижъ и потомъ играла роль въ обществѣ, и въ домѣ ея въ Петербургѣ на Сергіевской, мальчиками, бывали, напримѣръ, будущій князь Чернышевъ, а когда, бывало, молодежь распалится, лакей сажалъ ихъ въ ларь, и самъ на него садился.

*

Тотъ же Юреневъ рассказываетъ. Его дѣдъ - дядя Юреневъ посланъ былъ изъ Петропавловской крѣпости доложить Екатеринѣ о томъ, что заключеннымъ, а въ числѣ ихъ одной заключенницѣ, грозитъ наводненіе. Государыня выслушала, но ничего не сказала, а только смотрѣла въ сторону и понюхивала изъ табакерки. Черезъ нѣсколько часовъ Юренева опять посылаютъ доложить, что опасность усиливается. Тотъ же пріемъ и молчаніе. Когда же въ третій разъ посланецъ явился съ докладомъ о томъ, что вода затопляетъ казематы, Государыня вскочила, разразилась упреками, швырнула табакерку на полъ и вышла изъ комнаты. Юреневъ поднялъ табакерку и отдалъ ее Марьѣ Савишнѣ для подачи Государынѣ. „Что вы, что вы!“ вскрикнула та, „никакъ нельзя; возьмите ее лучше себѣ“. Табакерка сохранилась у Юреневыхъ; на ней крышка изъ тонкаго камня, треснувшая отъ паденія.

Юренивъ составляетъ подробную родословную своихъ предковъ одинъ изъ которыхъ, Алексѣй, былъ архимандритомъ въ Соловкахъ и постригалъ будущаго митрополита Филиппа. Юренивы старинные Псковичи, Торопецкаго уѣзда. Мать Н. А. Юренива Ю. Болотникова.

Извѣстный путешественникъ Платонъ Чихачевъ служилъ адъютантомъ при кн. М. Д. Горчаковѣ. Въ Петербургѣ князю отводили помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ. Однажды пришелъ къ нему Государь. Чихачевъ немедленно вышелъ въ другую комнату, а по уходѣ Государя нашель князя въ большой тревогѣ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ и повторялъ: „И вотъ самодержецъ!“ Когда онъ успокоился, Чихачевъ спросилъ о причинѣ безпокойства.—„Да какъ же? Принесъ ко мнѣ ассигновку на милліонъ рублей. Я, разумѣется, отказался. Вѣдь это деньги казенныя, а я ничего такого не сдѣлалъ. Вотъ самодержавіе! Государь уговаривалъ принять, я не согласился. Онъ прогнѣвался, взялъ ассигновку, смялъ ее въ рукѣ и быстро отъ меня ушелъ“. Слышано отъ Нила Александровича Юренива, а имъ отъ Чихачева, сыну котораго онъ давалъ уроки въ Висбаденѣ. Юренивъ состоялъ при секретарѣ королевы Ольги въ Штутгардѣ, Вольфѣ, для Русской переписки, а потомъ при консулѣ А. Д. Батуринѣ въ Ниццѣ, гдѣ давалъ уроки сыну герцога Георгія Максимилиановича отъ перваго брака его съ принцессой Ольденбургскою. Юренивъ хвалить герцога и его вторую жену Черногорку. Вѣра Константиновна, по словамъ Юренива, вовсе не такова какъ о ней разгласили. Мать ее преслѣдовала и привезла въ Штутгардъ съ намѣреніемъ лечить отъ сумасшествія; но королева взяла ее къ себѣ, выправила и выдала за наслѣднаго Вюртембергскаго принца, отъ котораго у нея двѣ очень милыя дочери, тоже воспитанныя Ольгою Николаевной. Нѣсколько милліоновъ денегъ королевы Ольги, хранившихся въ Русскомъ Государственномъ Банкѣ, досталось перешедшей въ Лютеранство Вѣрѣ Константиновнѣ.

*

Большой сумбуръ Россійскихъ дѣлъ
Толстой исправить захотѣлъ.
Въ помощники правленья своего
Онъ пригласилъ Заику, Плеве, Дурново.
И что-жъ! Россія не толстѣетъ,
А заикается, плюется и дурнѣетъ.

*

Нѣкто Өоминъ служилъ въ Петербургѣ въ какой-то промышленной компаніи и, скопивъ денегъ, женился на вдовѣ нѣкоего Надсона. Онъ куда-то отлучился изъ Петербурга, и жена его, похитивъ всѣ его деньги, бѣжала съ какимъ-то офицеромъ. Бѣдный Өоминъ застрѣлился

послѣ этого. Это вотчимъ поэта *Надсона*. Его поэзія могла отсюда брать черты свои.

*

Павель Васильевичъ Жуковскій сказывалъ мнѣ вчера (1901, Декабря 4), что Кокоревъ говорилъ министру финансовъ Рейтерну о неobjятности Россіи и въ память этихъ бесѣдъ прислалъ ему двѣ чучелы, превосходно сдѣланныя: бѣлаго медвѣдя (дальній Сѣверъ) и тигра (средняя и восточная наша Азія). Рейтернъ отказался принять этотъ знаменательный даръ.

*

Петръ Ивановичъ Загряжскій оставался въ Москвѣ при Французахъ. Когда у него сгорѣлъ домъ, ему дали другой, потомъ когда и этотъ сгорѣлъ, онъ выпросилъ себѣ жалованную грамоту на Пречистенскій домъ князя С. М. Голицына, откуда потомъ насильно его выгоняли. Онъ вскорѣ умеръ въ деревнѣ. Вдова его (урожд. Мосолова) вышла за адмирала Шушукова и владѣла домами у Никола Толмачей (что нынѣ графини Сологубъ *). Она была извѣстна дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій (Слышано отъ Д. Н. Свербеева).

*

Намъ прислали нижеслѣдующую выдержку изъ „Тобольскихъ Вѣдомостей“. Разсказъ полковника Ф. Башмакова, одного изъ Декабристовъ записанный въ 1846 г..

Молодой артиллеристъ К. влюбился въ дочь Польскаго магната, проживавшаго въ Петербургѣ, графа Б., и былъ любимъ взаимно. Но незнатному Русскому дворянину добиться руки дочери магната не было надежды. К. задумалъ застрѣлиться, но въ послѣдній моментъ на выручку явился его сослуживецъ, штабсъ-капитанъ Э.; онъ уговорилъ его обвѣнчаться съ дѣвушкою тайно. Уговоръ подѣйствовалъ, и Э. устроилъ въ подгородномъ селѣ вѣнчаніе, при чемъ самъ исправлялъ роль священника. По окончаніи обряда влюбленные уѣхали къ матери молодого. Отецъ бѣглянки пожаловался Императору Павлу, который приказалъ розыскать и доставить бѣглецовъ. Когда Государь разспросилъ молодыхъ, любовь которыхъ его тронула, онъ пожелалъ также узнать имя вѣнчавшаго священника.

— Штабсъ-капитанъ п-й конно-артиллерійской батареи Э., отвѣчалъ блѣдный какъ смерть юноша.

*) Нѣкогда Демидова, потомъ графини Сологубъ, а теперь Шестая гимназія. П. В.

— Штабсъ-капитанъ? переспросилъ нѣсколько повеселѣвшій Государь. Рассказывай, какъ было. Это интересно: вѣнчалъ штабсъ-капитанъ... Говори, не скрывая; иначе помни—Сибирь.

К. рассказалъ все, какъ было. Императоръ изрѣдка поглядывалъ на графа Б., какъ бы желая знать, какое впечатлѣніе производитъ на отца этотъ рассказъ. Когда рассказъ былъ оконченъ, Его Величество, окончательно повеселѣвъ, обратился къ отцу Гедвиги:

— Ну, графъ, что же съ ними дѣлать? Послать ихъ въ Сибирь? Но и тамъ имъ вдвоемъ будетъ тепло и весело. А не лучше ли ихъ оставить здѣсь, тѣмъ болѣе, что и самъ ты, вѣроятно, не захочешь взять къ себѣ дочь въ настоящемъ ея положеніи. Я получилъ наканунѣ справку объ этомъ шалопаѣ (онъ указалъ на К.): оказалось, что онъ кончилъ первымъ въ Шляхетскомъ корпусѣ, а его батарейный командиръ отозвался о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ офицеровъ. Прости же и обвѣнчай ихъ по закону.

Графу оставалось только послѣдовать желанію Государя.

Что касается до вѣнчавшаго офицера, то съ нимъ было поступлено иначе.

— Что побудило тебя сдѣлать такой противозаконный и дерзкій поступокъ? спросилъ его Павелъ.

— Любовь къ ближнему, Ваше Величество! отвѣчалъ Э.

— Ну, проповѣдая такую Евангельскую истину, ты доказалъ, что призваніе твое — не мечъ и не сабля, а крестъ и евангеліе. Такъ съ Богомъ, иди же по этой дорогѣ! И, обратившись къ оберъ-полицеймейстеру, Государь сказалъ: Отвезти сегодня же его къ митрополиту. Пусть дѣлаетъ съ нимъ что хочетъ!

По словамъ рассказчика, офицеръ, позволившій себѣ такой кощунственный поступокъ, какъ переряживанье священникомъ, былъ впоследствии викарнымъ епископомъ.

*

Ген. Вельяминовъ, кончившій жизнь въ Москвѣ начальникомъ Измайловской богадѣльни, нѣкогда служилъ въ 1-мъ батальонѣ Преображенскаго полка и однажды, послѣ долгаго Красносельскаго ученья, онъ находился при Государѣ, который тоже очень усталъ отъ войскового смотра, и пошелъ отдохнуть въ палатку. Стояла прекрасная погода, и Государь былъ въ отличномъ расположеніи духа. „Вотъ, говорилъ онъ, теперь жалуются на тяжесть службы, а что было прежде!

Я былъ дежурнымъ при Государѣ. Носили мы узкое до невозможно-сти платье и уставали страшно. Когда кончилось ученіе въ Красномъ Селѣ, Государь приказываетъ мнѣ садиться съ нимъ прямо въ коляску, такъ что я не успѣлъ ничего захватить съ собою. Скачемъ прямо въ Грузино. Тотчасъ же по приѣздѣ Государь садится за столъ и противъ него Аракчеевъ. Я стою позади Государя, и онъ меня не видитъ, а кашлянуть или чѣмъ инымъ заявить о себѣ я не посмѣлъ“. Аракчеевъ разговаривалъ съ Александромъ, а Николай едва не упалъ отъ усталости, но не смѣлъ сѣсть. И дѣйствительно, военныя строгости при Александрѣ I были много жесточе, нежели позднѣе: внутри строя, въ особой телѣгѣ, держали розги, и тутъ же нещадно пороли провинившихся, но такъ, что проходящимъ было не видно. Русскіе солдаты терпѣли крутыя наказанія даже и въ Парижѣ. Но за то они прошли до предѣловъ Европы, не обижая жителей.

*

А. П. Ермоловъ, узнавъ на балѣ у князя Д. В. Голицына отъ графа П. А. Толстого, что Паскевичу пожаловано фельдмаршалство, внезапно сказалъ: „Нечего говорить, ослу жить (а служить) хорошо у царя!“

*

Про кого-то говорили, что онъ беретъ взятки. „Какой вздоръ, воскликнулъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Оброкъ беретъ! (а Брокъ—министръ финансовъ)“.

*

Старая мама рассказывала А. П. Елагиной (род. 1789 года), какъ набожна была Государыня Елисавета Петровна: отправится на богомолье къ Троицѣ пѣшкомъ, а сама ножку все нарочно въ песокъ, чтобъ больше потрудиться. А песочекъ-то въ башмачки такъ и засыпаетъ.

*

Однажды при мнѣ пришелъ къ Кокореву нѣкто Яхненко и былъ имъ очень ласково принятъ. По его уходѣ Кокоревъ сказалъ мнѣ, что это сынъ художника, оставившаго по себѣ, между прочимъ, большую картину „Вознесенія Божьей Матери“ въ Московской Школѣ живописи и ваянія. Кокоревъ былъ большой любитель живописи (свою картинную галерею, когда дѣла его пришли въ разстройство, онъ

долженъ былъ продать, и многія изъ нея картины приобрѣтены Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ). Кокоревъ былъ друженъ съ Яхненко, участникомъ его кутежей: такъ однажды они отправились за городъ совершенно нагіе въ лѣтній жаркій день, уславъ напередъ запасы напитковъ и закусокъ. Яхненко вздумалъ сказать, что онъ покажетъ себя Императору Николаю въ полной своей наготѣ. Ему не повѣрили, и былъ предложенъ закладъ, что ему выплатятъ три тысячи рублей, если онъ выполнитъ сказанное. Николай Павловичъ имѣлъ обычай послѣ завтрака навѣщать старшую дочь свою Марію Николаевну и очень часто ходилъ къ ней въ ея дворецъ у Синяго моста, гдѣ теперь Государственный Совѣтъ. Ходилъ онъ всегда по правой (съ Невскаго) сторонѣ Морской. Яхненко нанялъ себѣ помѣщеніе на лѣвой сторонѣ этой улицы, съ балкономъ, на который поставилъ статую во весь ростъ и окружилъ ее растеніями. Николаю Павловичу до всего бывало дѣло, и онъ спросилъ полицейскаго: „Кто это тамъ помѣстился?“—„Художникъ, Ваше Императорское Величество.“ Прошло нѣсколько дней, наблюдательный взоръ Государя уже привыкъ видѣть на балконѣ по лѣвой сторонѣ Морской большую статую. Яхненко пригласилъ къ себѣ пріятелей, раздѣлся до нага и сталъ на мѣсто статуи, такъ что Государь уже не обратилъ на него вниманія. Такимъ образомъ онъ выигралъ закладъ.

*

Наполеонъ Александру въ 1804 г. послѣ убіенія герцога Энгіенскаго.

(Изъ официальной депеши.)

La plainte que la Russie élève aujourd'hui, conduit à demander si, lorsque l'Angleterre médita l'assassinat de Paul 1-er, on eût eu connaissance que les auteurs du complot se trouvaient à une lieue des frontières, on n'eût pas été empressé de les faire saisir?

(Histoire de France par Bignon, Paris, 1830, III, 439).

П Е Р Е В О Д Ъ.

Предъявляемую нынѣ отъ Россіи жалобою возбуждается вопросъ: Англія замыслила убіеніе Павла I. Если бы стало извѣстно, что подосланныя для того лица находятся въ одной милѣ отъ границы, неужели не послѣдили бы приказаніемъ захватить ихъ?

*

Великая Княгиня Анна Федоровна сказывала князю П. А. Вяземскому, что въ первую ночь царствованія Александра Павловича импе-

ратрица Елисавета пришла къ ней просить, чтобы она уговорила ея мужа выдти къ публикѣ, такъ какъ ея онъ не слушается, а для Анны Ѳедоровны выйдеть, Великая Княгиня нашла Государя метавшимся отъ происшедшаго на диванѣ, въ мундирѣ, горько плачущимъ. По ея настоянію онъ вышелъ изъ кабинета.

*

У Потемкина было небольшое наслѣдственное имѣніе Коломенскаго уѣзда, рядомъ съ селомъ Мещериновымъ, гдѣ богато жилъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, къ которому свѣтлѣйшій всегда относился дружелюбно.

Въ 1775 году Екатерина изъ Москвы ѣзжала въ окрестныя мѣста. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ ей пришлось заночевать у графа Шереметева, который, разумѣется, угостилъ ея на славу. Позднею ночью, когда все кончилось, графъ ушелъ къ себѣ спать и уже лежалъ въ постели, какъ вдругъ дверь растворилась и къ нему вошла Государыня. Тотъ вскочилъ. „Ничего, ничего, сказала Екатерина: я не хотѣла засыпать, не убѣдившись въ томъ, что старикъ-хозяинъ успокоился отъ заботъ и хлопотъ приѣма“. (Слышано отъ графа С. Д. Шереметева).

*

По словамъ знавшихъ лично Зыкова, убійцу княгини Голицыной и отравителя графини Шереметевой, привлекавшаго къ себѣ богомольныхъ барынь, въ длинной одеждѣ монастырскаго послушника, былъ красавецъ. Помню, какъ Шевыревъ говорилъ мнѣ въ профессорской, что онъ; ѣдучи въ университетъ, проѣзжалъ сквозь густую толпу народа, собравшагося глядѣть на Зыкова, котораго, по тогдашнему обыкновенію, везли по улицамъ привязаннаго на высокихъ подмосткахъ, и какъ одинъ простолоудинъ умиллилъ Шевырева, сказавъ ему, при взглядѣ на преступника: „такъ подобаетъ совершиться всякой правдѣ“.

Говорятъ, что дамы кидали везомому Зыкову цвѣты, а онъ бросалъ имъ раздушенные платки, которые рвались на клочки и берегались поклонницами. Не даромъ Ермоловъ, бывшій въ церкви на похоронахъ убіенной Зыковымъ княгини Голицыной (вдовы его друга) сказалъ, когда выносили гробъ, обратившись къ барынямъ: вѣдь это, сударыни, ваше дѣло.

Убіенная княгиня была очень молода и хороша собою. Она воспитывалась у тещи графа С. Г. Строганова въ Петербургѣ.

Сынъ убиенной, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, жена-тый на Елисаветѣ Александровнѣ Чертковой, не задолго до гибели своей матери похоронившій своего отца, сказывалъ мнѣ, что онъ съ Г. А. Чертковымъ, когда Зыковъ возвращался къ себѣ въ монастырь съ бутылкою лампаднаго масла и шелъ къ Каменному мосту по улицѣ Лѣвннкѣ, толкнули его, какъ будто нечаянно, такъ, что бутылка съ масломъ разлилась и облила его нарядное послушническое платье.

Говорять, Зыковъ въ Сибири оставилъ Записки, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ: за графиню ничего, а за княгиню сослали.

Митрополитъ Филаретъ въ письмѣ къ архимандриту Антонію (напечатанномъ) въ Юнѣ 1849 г. увѣдомляетъ его, что онъ еще при жизни графини Шереметевой видѣлъ во снѣ о неестественной ея кончинѣ.

*

Въ Егорьевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 8 отъ Горянской волости (имѣнія А. П. Крюкова), близъ рѣки Клязьмы, есть озеро, довольно большое, плотина изъ бѣлаго камня, иногда заливаемая водою. Преданіе относитъ ее ко временамъ Грознаго, и говорить, что на берегу стоялъ дворецъ его.

*

Въ 1823 году Александръ Павловичъ былъ на смотру въ Западномъ краѣ, куда пріѣхалъ и будущій императоръ Германскій, второй братъ тогдашней великой княгини Александры Федоровны. При ея имени, въ Прусскомъ Придворномъ Календарѣ уже нѣсколько лѣтъ означалось, что супругъ ея наслѣдникъ Русскаго престола (Thronfolger von Russland). Катаясь съ нимъ, Государь жаловался на упадокъ силъ, говорилъ, что умереть отъ водяной и въ доказательство указывалъ на свою кожу, которая стала до того рыхла, что если подавить на рукѣ пальцемъ, то остается слѣдъ. „Наслѣдникомъ послѣ меня будетъ братъ Николай“.—„Могу ли я объ этомъ говорить?“—„Я нарочно съ вами завелъ о томъ рѣчь, чтобы вы о томъ пересказали вашему отцу“. Съ маневровъ принцъ пріѣхалъ въ Петербургъ и ни слова не сказалъ своей сестрѣ, ни ея мужу, но возвратившись въ Берлинъ передалъ отцу своему. Все это онъ самъ передавалъ графу В. Ѳ. Адлербергу въ Эмсѣ, въ 1872 году, а сей послѣдній разсказалъ мнѣ въ Петербургѣ 13 Февраля 1878 г.

По словамъ графа В. Ѳ. Адлерберга, послѣ 27 Ноября 1825 г. и до 14 Декабря, Николай Павловичъ рѣшительно ни съ кѣмъ не совѣтовался относительно образа своихъ дѣйствій, а руководился собственными соображеніями.

Отецъ Н. К. Шильдера, выучившій Тотлебена инженерному искусству, страдалъ сумасшествіемъ. Біографъ Александра Павловича тоже подверженъ былъ этому: онъ до того вѣрилъ въ Федора Кузьмича, что по его словамъ Федоръ Кузьмичъ являлся ему и излѣчивалъ его отъ головной боли. Въ 4-й книгѣ своего труда объ Александрѣ I-мъ Шильдеръ помѣстилъ портретъ Федора Кузьмича. Нѣкто сказалъ по этому поводу: хороша похвала Государю, о которомъ напечатано, что онъ заварилъ кашу, а когда пришлось ее расхлебывать, ушелъ въ Сибирь!

*

Въ 1849 году Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву на освященіе Кремлевскаго дворца. Будучи на балу у князя Сергѣя Михайловича Голицына онъ зашелъ во внутреннія комнаты Голицына и сказалъ ему: „Голицынъ, ты помнишь моего отца?“—„Какъ же, Ваше Величество, я былъ тогда уже женатъ“.—„Вѣдь онъ спасалъ Австрію, и я спасу ее теперь. Похожъ ли я на него?“—„Ваше Величество, какъ можно говорить такъ!“—„А что?“—„Вѣдь онъ же былъ сумасшедшій“. Государь всталъ, не прощаясь ушелъ и уѣхалъ съ бала. Князь Голицынъ, какъ попечитель Воспитательнаго Дома, обязанъ былъ въ 12 часовъ являться во дворецъ на случай, не пожелаетъ ли Государь поѣхать осматривать учебныя заведенія. Князь пріѣзжаетъ разъ, другой, нѣсколько разъ, его все не принимаютъ. Наконецъ Государь говоритъ: „Голицынъ, ѣдемъ“. Ёдутъ. Государь осматриваетъ и все молчитъ. Когда они вернулись во дворецъ, Государь, по обыкновенію, легъ отдохнуть и велѣлъ князю Голицыну лечь съ собою. Тогда Государь говоритъ ему: „Голицынъ, какъ ты меня оскорбилъ!“—„Ваше Величество, я заболѣлъ съ горя отъ вашей немилости, но не знаю, чѣмъ я могъ прогнѣвить Ваше Величество“.—„Ты назвалъ моего отца сумасшедшимъ“.—„Ваше Величество, и теперь я это повторяю“.

Слышано отъ графа С. Г. Строганова, которому самъ князь Голицынъ это рассказывалъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КРИСТИНА СЪ КНЯЖНОЮ ТУРКЕСТАНОВОЙ.

1813.

Французскіе подлинники этой переписки (безъ перевода и примѣчаній), продолжавшейся сряду шесть лѣтъ, между умудреннымъ жизнію Швейцарцемъ и красавицею-фрейлиною, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882—1883 гг. Тамъ же появилась (тоже по-французски) прекрасная біографія Кристина, составленная барономъ Будбергомъ (бывшимъ нашимъ посломъ въ Парижѣ). Но о жизни княжны Варвары Ильинишны знаямъ очень немного. Она принадлежала къ высшему обществу. Мать ея, рожд. Еропкина, была родная племянница Сергѣя Васильевича Салтыкова, столь извѣстнаго при дворѣ Елисаветы Петровны до 1755 г. Княжна рано лишилась отца, а по кончинѣ матери (1808) стала жить у родственниковъ своихъ князей Голицыныхъ въ Москвѣ, на Малой Никитской. Послѣ Московскаго разоренія въ 1812 году Императоръ Александръ Павловичъ взялъ ее во фрейльны, конечно зная про ея родство съ Салтыковыми. Ей было уже подъ сорокъ лѣтъ, но красота ея не увядала, а прекрасный нравъ и большая начитанность были привлекательны. П. Б.

Московскія записочки за Мартъ, Апрѣль, Май и Іюнь.

1.

Вчера я обѣдала у Растопчиной и вашъ пакетъ получила только по возвращеніи отъ нея довольно поздно. Благодарю васъ, что помните обо мнѣ. Третьяго дня я получила отъ жены князя Бориса *) письмо, почти одинаковаго содержанія съ письмомъ г-жи де-Ноазевиль (относительно политическихъ новостей, конечно). Въ домѣ, гдѣ я вчера была, кажется сомнѣваются въ томъ, чтобъ Австрія была за насъ; мнѣ даже по этому поводу поразсказали многое, но событія покажутъ, какъ судить. Прощайте, милостивый государь; комплиментъ вашъ берите обратно, такъ какъ я не говѣла за весь постъ. Надѣюсь, что вы скоро доставите мнѣ удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ.

*) Это князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, отецъ Татьяны Борисовны Подемкиной. П. Б.

2.

Брошюрку получила и благодарю васъ за нее. Не могу понять, что могъ натворить бѣдный Коппъ, такъ неожиданно сосланный въ Сибирь безъ всякаго суда. Поговорите непременно объ немъ съ графомъ Растопчинымъ, не опуская ни одной подробности. Я нахожу, что вы поступили, какъ христiанинъ, согласившись взять отъ него оставленное имъ вамъ на храненіе, и вашъ долгъ оправдать довѣріе, оказанное вамъ человѣкомъ, во время постигшаго его несчастія; что ни случилось бы, не слѣдуетъ его выдавать. Впрочемъ, вы будете сегодня ужинать у Растопчина и должны съ нимъ поговорить: это необходимо. Въ нашемъ молчаніи вы можете быть увѣрены.

3.

Посылаю вамъ деньги княгини Анны Александровны Голицинои; потрудитесь запечатать сами и передать ихъ Маркову, предупрежденному уже мною о нихъ. Вы уже вчера узнали правду на счетъ новости, о которой я вамъ говорила. Событіе очень прискорбное, и несмотря на то, что оно дошло до насъ черезъ побѣду Витгенштейна, его вліяніе скажется во многомъ. Но что за человѣкъ Бонапартъ, какая смѣлость, какіе всегда замыслы! Злодѣй онъ ужасный, но вмѣстѣ съ этимъ... Не вздумайте, однако, донести на меня полиціи. Прощайте, приходите потолковать. Толстой я не писала; мнѣ частенько это надѣдается, и я дѣлаюсь страшно лѣнлива.

4.

Только что получила письмо отъ княгини Анны Александровны Голицинои, съ новостями, болѣе чѣмъ радужными. Очень бы хотѣлось, чтобъ ваши проклятые купцы заговорили въ духъ нашей доброй княгини; перестали бы они тогда портить кровь слушающимъ. А дѣйствительно, союзъ Австріи объявленъ уже намъ торжественно, какъ вы это увидите; и если искренно протянуть другъ другу руки, то было бы право странно, чтобъ союзъ ея отошелъ отъ насъ. Пожалуйста, подѣлитесь со мной извѣстіями о графѣ Марковѣ, если уже получили ихъ; онъ долженъ былъ пріѣхать 15-го; а можетъ нѣтъ... я что-то спутала числа и не знаю уже, въ какой день онъ уѣхалъ. Прощайте, и не оставляйте меня прозябать въ немилости. Кажется, алармисты еще въ дорогѣ.

5.

Вотъ мое письмо къ графинѣ Толстой *); будьте добры переслать его; я забыла сказать ей о назначеніи генерала Бенингсена командую-

*) Графини Марьи Алексѣевны. У нея сестры Софья за графомъ Сень-При и Елизавета за графомъ Остерманомъ-Толстымъ.

щимъ резервами и всѣми ополченіями; сообщите ей это и добавьте, что Нижегородское ополченіе, которое набиралъ въ 1812 году графъ П. А. Толстой специально входитъ въ его вѣдѣніе. Графъ Растопчинъ говорить, что у него полученъ указъ объ этомъ. Я вчера у него обѣдала и не слышала ни единого противъ васъ слова; не думайте, что я хочу что-нибудь скрыть отъ васъ; завѣряю васъ,—ни единого. Мнѣ кажется, впрочемъ, что при мнѣ воздержались бы, такъ какъ у губернатора знаютъ, что я съ вами часто вижу и всегда съ удовольствіемъ. Вѣрьте мнѣ, оставьте говорить, что хотятъ, и считайте все пустыми толками. Въ наши годы, если наша совѣсть за насъ, на всѣ несправедливости нечего и обращать вниманія. Нѣтъ, я не вѣрю ни въ смерть Наполеона, ни въ болѣзни, которыя ему приписываются; я увѣрена, что онъ себя чувствуетъ отлично и весь въ злокозненныхъ планахъ, которымъ Провидѣніе не дастъ, надѣюсь, осуществиться. Приходите ко мнѣ, и я вамъ тогда скажу, какую комнату я занимала въ Архангельскомъ подь Москвою у Юсуповыхъ.

6.

Чрезвычайно довольна, что дѣла Толстого такъ устраиваются и благодарю васъ за письмо Жиле. Въ свою очередь, честь имѣю изложить вамъ все полученное мною съ вчерашней Петербургской почтой. Во-первыхъ, письмо, конецъ котораго вы забудете тотчасъ по его прочтеніи; затѣмъ, бюллетень,—какъ говорятъ уже напечатанный сегодня утромъ,—и выдержку изъ письма Ожаровскаго. У меня голова кружится отъ множества курьеровъ, видѣнныхъ первымъ и принятымъ вторымъ. Не забудьте, что Пушкинъ *) говорить, будто онъ видѣлъ курьера отъ 8-го числа, тогда какъ самъ выѣхалъ изъ Петербурга 17-го, а означенный курьеръ прибылъ туда только 19-го, какъ вы это увидите изъ письма княгини А. А. Голицыной; потомъ, какъ могло это быть, чтобъ курьеръ этотъ, пріѣхавшій къ графу Растопчину третьяго дня и оставившій главную квартиру 13-го, ничего не сообщилъ о дѣлѣ Баркляя? Какъ Балашевъ, писавшій графу съ этимъ же курьеромъ отъ 13-го, не упомянулъ объ этомъ вице-королѣ? Пашкова, которую я обвиняла во лжи, оказалась, однако, правою относительно кончины князя Кутузова, и, можетъ, ея извѣстія изъ Дерпта окажутся настоящими. Однимъ словомъ, я совѣмъ не могу разобраться во всѣхъ нелѣпницахъ, которыя несутъ; понимаю только, что Австрійцы остаются такими же, какими привыкли быть: называйте

*) Графъ Мусиятъ-Пушкинъ, котораго сынъ убитъ подь Лейпцигомъ.

ихъ, какъ вамъ угодно! Поняли ли вы хитрости княгини А. А. Голицыной? Мнѣ такъ и хочется разъяснить вамъ ея слова.

7.

Большое спасибо за ваши письма, а вы, въ свою очередь, прочтете мое письмо. Я обѣдаю сегодня у Ростопчина въ большомъ обществѣ. Князь Куракинъ, какъ мнѣ кажется, очень доволенъ перемиремъ и прямо говоритъ, что надѣется, что за нимъ послѣдуетъ миръ. Я не понимаю, какъ можно ему радоваться, какъ бы миръ ни былъ выгоденъ въ настоящее время, если помнить, что его заключаютъ съ Бонапартомъ! Господи, какъ много дураковъ на свѣтѣ! Мы получили отъ сестеръ письмо изъ Нейса, что около Ольмюнца.

8.

Я отлично разбираю почеркъ графини Толстой, о чемъ вы могли бы судить, если бъ мы прочитали ея письмо вмѣстѣ. Что касается до моего портрета, не забывайте, что онъ сдѣланъ личностью, очень меня любящей, такъ что очень естественно, что, по своему пристрастію, она польстила мнѣ въ немъ. Впрочемъ (всякое униженіе въ сторону, мнѣ дѣйствительно кажется, что я только выигрываю въ глазахъ тѣхъ, которые узнаютъ меня короче, такъ какъ Господь надѣлилъ меня, по Своей милости, способностью сдѣлать сразу мое общество пріятнымъ. Но въ этомъ, увѣряю васъ, нѣтъ никакой моей заслуги, а все дано мнѣ свыше. Прощайте, перехожу къ чтенію прозы, адресованной мнѣ графиней Толстой.

9.

Итакъ, будемте молиться объ успѣшной войнѣ, если она есть въ дѣйствительности. Моя голова, хотя и моложе головы господина Маркова, но такъ же находитъ, какъ и онъ, что это самое лучшее изъ того, что могло быть. Княгиня А. А. Голицына мнѣ не писала, такъ же какъ вамъ г-жа Ноазевиль, изъ чего я склонна думать, что онъ уже, въ Муринѣ. Колики мои уменьшились; я ѣла только бульонъ съ рисомъ, проспала часокъ, что меня освѣжило, и надѣюсь, что завтра все забудется. Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе о желудкѣ, что въ немъ корень всѣхъ недуговъ; поэтому я такъ и оберегаю его и прямо удивляюсь, откуда взялись мои колики. Вы увидите, что меня хотѣлъ отравить губернаторъ Ростопчинъ за мою любовь къ людямъ страшно опаснымъ; но какъ онъ ни гнѣвайся, я не перемѣнюсь уже.

Доброй ночи! Вамъ бы слѣдовало пожаловать сюда къ обѣду, если не завтра, то хоть въ Пятницу.

10.

Я только что вернулась домой, пробывши почти весь вечер съ Ростопчиной въ деревнѣ. Письмо ваше поэтому прочла только сейчас, т.-е. въ 11 ч. Благодарю васъ за него, но я бы предпочла прочесть его утромъ, такъ какъ мнѣ угрожаютъ дурные сны. Впрочемъ, можно бы перекреститься, ограничѣся дѣло дурными снами, но я боюсь дѣйствительности, чувствуя, какъ сожженные и ограбленные жертвы! Нужно положиться на Господа, вотъ и все. Выражаю вамъ мои чувства сожалѣнія по случаю прибытія семьи Потоцкихъ, какъ дѣлаю это и относительно самой себя, такъ какъ изъ-за этого возвращенія, я впадаю снова въ немилость. Вы имъ предложите каши и вафель, я буду ѣсть стерлядь, а васъ не увижу больше! Прощайте.

11.

29 Іюня 1813 г.

Я была у обѣдни, когда принесли вашу записочку; кромѣ того, что мнѣ писалъ третьяго дня вечеромъ Булгаковъ, я ничего не знаю, т.-е., что сражались 10-го и 11-го, что Австрійцы дѣлали страшное избиеніе на лѣвомъ флангѣ, что Барклай атаковалъ лѣвое крыло, а Витгенштейнъ центръ. Больше ничего. Я видѣла Ростопчина; онъ очень печалень; думаю, что тревожится за сына. Павелъ Ивановичъ благодарить васъ за подарокъ, а m-elle Бридель за это любезное вниманіе. Онъ такъ доволенъ полученнымъ сегодня подаркомъ, что, если есть счастье, которому можно позавидовать, то это его сегодняшнему. Прощайте. Приходите же поскорѣ повидать меня.

12.

Были ли у васъ вчера какія-нибудь извѣстія? Вамъ слѣдовало бы сообщить ихъ мнѣ, но лично. Я только получила письмо отъ княгини А. А. Голициной, въ которомъ нѣтъ ничего, но оно грустное, слѣдовательно и въ Петербургѣ нѣтъ чему бы радоваться. Надъ нами окончательно насмѣялись относительно больного въ Дрезденѣ; теперь увѣряютъ, что это было тѣло Дюрока! Собираюсь выѣхать въ Четвергъ, а сегодня напишу графинѣ Толстой; если вы зайдете ко мнѣ, я вамъ передамъ это письмо.

13.

Вы ошибаетесь: я прочла статьи, о которыхъ рѣчь, и пожалѣла, что васъ не было, чтобы прочитать ихъ вмѣстѣ. Все это чудесно, и

газета эта дѣйствительно драгоценная. Арсеньевъ будетъ вамъ пересылать ее постоянно. Думаю выѣхать завтра вечеромъ. Впрочемъ, поджидаю почту; что касается коляски, то она у меня и именно та, хорошая. Очень мнѣ неприятно знать, что вамъ нездоровится, это дѣло дряннѣе. Я же, послѣ бывшихъ коликъ, ничего не чувствую. Доброй ночи!

*

Я собиралась передъ отъѣздомъ написать вамъ записочку, но признаюсь, я такъ была взволнована весь день, такъ было тяжело на сердцѣ отъ сожалѣнія разстаться съ бѣдной тетей, что я не была въ состояніи связать двухъ словъ. Я поручу m-elle Бридель передать вамъ отъ меня тысячу привѣтствій.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 10 Юля 1813 г.

Берусь за перо, чтобы увѣрить васъ, милостивый государь, что ваше пребываніе въ Москвѣ служило одной изъ причинъ моего сожалѣнія покидать ее. Я очень благодарна г-жѣ Ноазевиль ¹⁾, что она доставила мнѣ знакомство съ вами; конечно, это одно изъ тѣхъ, которое я охотно буду продолжать, гдѣ бы я ни была, и мнѣ пріятно думать, что разстояніе, отдѣляющее насъ, не помѣшаетъ вамъ думать иногда обо мнѣ и извѣщать меня о себѣ, что мнѣ всегда доставитъ очень большое удовольствіе.

Я ѣхала настоящимъ курьеромъ день и ночь. Всѣ жаловались и до сихъ поръ жалуются на дороги; я же не нашла, чтобы онѣ были такъ дурны, и потомъ, развѣ у насъ шоссе, чтобы роптать? По моему эта дорога отъ Москвы до Петербурга еще самая сносная, по крайней мѣрѣ есть гдѣ остановиться. Городъ пусть, а мое помѣщеніе произвело на меня впечатлѣніе тюрьмы: при входѣ въ него я не встрѣтила ни одной собаки. Я съ трудомъ взобралась на мои 119 ступенекъ и, войдя къ себѣ въ комнату, не испытала и половины удовольствія, какъ прежде, когда сюда пріѣзжала (не говорите этого у моей тетушки). Я не буду жить въ этомъ одиночествѣ и черезъ 4 или 5 дней переѣду на Каменный Островъ, къ княгинѣ Юсуповой, которую вы, можетъ, не знаете: очень достойная особа, дружески расположен-

¹⁾ Это была наставница въ домѣ князя Бориса Андреевича Голицина. Позднѣе она жила у его дочери Полторацкой въ Ярославлѣ. Тамъ съ нею познакомился и почтительно потомъ мнѣ отзывался о ней Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ.

ная ко мнѣ. Княгиня Борисъ ¹⁾ посѣтила меня на другой же день моего приѣзда. Она одна въ городѣ; дочери ея уже въ Муринѣ; вчера я въ свою очередь провела у нея день; сегодня вечеромъ увижу графиню Строганову.

Здѣсь довольно мало знаютъ объ арміи. Берлинская газета говоритъ о продолженіи перемирія до Сентября, это какъ бы предположеніе, которое бросаютъ публикѣ, чтобы ея подготовить. Мы съ вами, кажется, уже были подготовлены, какъ только прочли извѣстныя статьи. Съ другой стороны, г-жа Литта пишетъ изъ Царскаго Села своей сестрѣ княгинѣ Юсуповой, что получено извѣстіе о тройственномъ союзѣ Австріи, Пруссіи и Россіи для наступательной и оборонительной войны. Г-да Балашовъ, Бубна и Штейнъ подписались за эти три двора. Вы умнѣе меня: можете вы угадаете, куда это насъ поведетъ. Милая княгиня Борисъ, любящая пофантазировать, занимается вычисленіемъ нашихъ силъ, а я на все это затыкаю уши. Когда я припоминаю, что въ прошломъ году не было ни одного игральнаго стола, на которомъ бы не дѣлалось вычисленія нашихъ войскъ, количество котораго, говорятъ, доходило до 600000 человекъ, и что все-таки на насъ всегда нападало войско еще бѣльшее, то думаю, что или у насъ никогда не было столько людей, или у Французовъ были милліоны солдатъ. Изъ этого вы можете видѣть, какъ мало меня успокаиваетъ ариеметика княгини Голициной.

Сегодня я пококетничаю съ Марковымъ ²⁾, отошлю ему его книги: хочу ему написать, чтобы спросить объ его здоровьи.

Крестинъ.

Москва, 21 Іюля 1813 г.

Какъ вы любезны и внимательны, княжна, что извѣстили меня о Вашемъ благополучномъ приѣздѣ. Я былъ чрезвычайно огорченъ

¹⁾ Французскій обычай называть женщину именемъ ея супруга: свидѣтельство того безправія, которое до нашихъ дней испытывала замужняя Француженка. Отсюда женскій вопросъ, бывшій ни къ селу, ни къ городу, у насъ въ ходу, благодаря, между прочимъ, писаніямъ графини Сальясъ-де-Турнемиръ. Княгиня Борисъ, Анна Александровна, сестра князя Егора Александровича (roi de Volga) Грузинскаго, красавица, какъ и княжна Туркестанова.

²⁾ Съ графомъ Аркадіемъ Ивановичемъ Марковымъ (написанную нами его біографію см. въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857 года) Крестинъ сблизился, находясь при немъ въ Парижѣ, когда тотъ былъ представителемъ Россіи при первомъ консулѣ, которымъ и былъ преслѣдуемъ. Въ Москвѣ Крестинъ жилъ въ домѣ графа Маркова, на углу Газетнаго переулка и Большой Никитской (вынѣ застроенъ съ улицы и принадлежитъ г-жѣ Селезневой).

въ день вашего отъѣзда тѣмъ, что не могъ прійти проститься съ вами. Грусть моя усилилась, когда я узналъ, что моя прощальная записка пришла слишкомъ поздно; я проклиналъ Польшу и Поляковъ, вредящихъ вездѣ, всѣмъ вообще и по отдѣльности: въ поѣздкахъ, которыя мнѣ пришлось дѣлать ради г-жи Потоцкой, я думалъ о вашемъ путешествіи и мысленно посылалъ вамъ тысячу пожеланій, хотя и неопредѣленныхъ, не зная навѣрное, на что ихъ направить, тѣмъ не менѣе живыхъ, горячихъ и искреннихъ. Судите по этому, какъ я польщенъ извѣстіемъ, что я отчасти былъ предметомъ вашихъ воспоминаній и что вы позволите мнѣ изрѣдка выражать вамъ грусть, возникающую по вашему отъѣздѣ у всѣхъ, кто имѣлъ преимущество узнать васъ и оцѣнить. Познакомиться съ вами можно просто по счастливой случайности; но вѣрно судить про васъ можетъ только человѣкъ со свѣтлымъ умомъ и вѣрнымъ и деликатнымъ чувствомъ. Вы видите, что при случаѣ я умѣю дѣлать себѣ комплименты. Не считайте меня поэтому самонадѣяннымъ и тщеславнымъ; чувство правды на этотъ разъ пересиливаетъ врожденную мнѣ скромность. Мамзель Bridal рассказывала мнѣ, какъ вы носъ съ носомъ встрѣтились съ Рибопьеромъ и не замѣтили его; вотъ что значить день и ночь скакать какъ курьеръ, вмѣсто того, чтобы ѣхать какъ подобаетъ фрейлинѣ. Я вполне понимаю, что ваши 119 ступенекъ и обширный пустой домъ возбудили въ васъ желаніе скорѣе уѣхать на Каменный Островъ или въ Мурино; одна-одинехонька въ огромныхъ покояхъ вы бы имѣли видъ заблудившейся голубки, и я поздравляю княгиню Голицину и Юсупову, что обстоятельства и время года привели васъ къ нимъ на нѣкоторое время. Я имѣлъ честь только разъ или два видѣть княгиню Голицину и говорить съ нею, но я отлично знаю ея достоинства: г-жа Ноазевиль уже давно говоритъ мнѣ о ней при всякомъ удобномъ случаѣ, а она, безъ сомнѣнія, прекрасный судья.

Не знаю что и думать о перемиріи и о томъ, что говорить по этому поводу Берлинская газета. Если, какъ всѣ думаютъ, союзъ съ Австріей крѣпокъ, не знаю, чего ждуть, чтобы возобновить военныя дѣйствія разомъ и произвести сильный ударъ какъ отголосокъ побѣды Веллингтона. Эта побѣда должна стѣснять Наполеона, если онъ еще живъ, или смущать его представителя, спрятаннаго подъ огромной шляпой, которою насъ занимаетъ и манитъ „Инвалидъ“. Такое глубокое молчанье изъ главной квартиры не можетъ долго продолжаться, скоро мы должны получить какое-нибудь объясненіе. Я его жду съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ когда-либо; но, слава Богу, съ меньшимъ безпокойствомъ, потому что союзъ съ Австріей и побѣда въ

Испаніи поневолю возрождають надежду въ моемъ сердцѣ. Я не вѣрю въ 600000 союзную армію, и съ 400000, которую приписываютъ не-пріятелю, я также очень сбавляю. Очень боюсь его способности выступить массою и нашей привычки растягивать силы по линіи на слишкомъ далекое пространство. Искусные люди увѣряють, что эта давняя привычка Австрійцевъ и Русскихъ была причиной небывалыхъ успѣховъ непріятеля за послѣднія 20 лѣтъ. Если бы передъ Люценомъ мы собрали всѣ свои силы, Саксонія была бы еще наша. Правда, что Гамбургъ не былъ бы внезапно освобожденъ, но тогда бы не только Ганзейскіе города, но и вся Германія была бы избавлена отъ послѣдствій войны. Впрочемъ, я разсуждаю обо всемъ этомъ, не зная ничего, со словъ другихъ; но все, въ чемъ меня увѣряли по этому поводу, согласуется со здравымъ смысломъ, которымъ я руководствуюсь, насколько могу, тамъ, гдѣ мнѣ недостаетъ свѣдѣній.

Мнѣ не терпится узнать про успѣхъ вашего кокетства въ отношеніи къ Маркову; онъ очень любезенъ, несмотря на свои 67 лѣтъ, и я надѣюсь, что вопреки преклоннымъ лѣтамъ, онъ любезно отвѣчалъ на вашъ такой нѣжный и милый первый шагъ. Я убѣжденъ, что его умъ и глубокое знаніе въ политикѣ не помогутъ ему узнать причину такой предупредительности, и я готовъ держать пари, что онъ скорѣе припишетъ ее своимъ прекраснымъ, хотя и больнымъ, глазамъ, чѣмъ...

Я бы желалъ, чтобы вы были для него его библіотекой и чтобы его дочь имѣла такого друга какъ, вы, княжна. Меня очень занимаетъ судьба этой молодой дѣвушки; если она до замужества будетъ имѣть несчастье потерять своего отца, она будетъ подвержена разнаго рода опасностямъ и огорченіямъ. Тогда-то она будетъ нуждаться въ покровителяхъ противъ враговъ, завидующихъ ея богатству, и въ вѣрныхъ друзьяхъ, чтобы направлять ее неопытную.

Написавъ это, я получилъ отъ Маркова записку въ четыре строчки, гдѣ онъ извѣщаетъ, что лихорадка возобновилась у него въ 3-й разъ и прибавляетъ: „по своемъ пріѣздѣ княжна Туркестанова написала мнѣ очень любезную записку, я ей отвѣтилъ, но лихорадка не дала мнѣ ее увидѣть“. Вотъ дурацкая-то болѣзнь! затягивается совсѣмъ не кстатіи. Немного дальше онъ прибавляетъ: „теперь еще сильнѣе надѣются, что Австрійцы будутъ скорѣе за насъ, чѣмъ противъ насъ“. Все-таки эта надежда—не подписанный трактатъ.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 26 Юля 1813.

Я поселилась на Каменномъ Острову въ очень хорошенькой дачѣ у особы, дружески расположенной ко мнѣ, образъ жизни прекрасно подходитъ къ моему обычному расположенію духа, уже давно не очень веселому, которое я во все мое пребываніе въ Москвѣ почти постоянно должна была скрывать, чтобы не возбуждать разныхъ мыслей у лицъ, окружающихъ меня, мнѣ же надлежало развлекать ихъ своимъ присутствіемъ. Здѣсь этого нѣтъ, и я гораздо менѣе стѣснена. Княжна Юсупова никого не видитъ, кромѣ княгини Борисъ Голициною, къ тому же съ нею очень легко жить, и она мнѣ даетъ полную свободу во времени и въ дѣйствіяхъ. Я этимъ пользуюсь и часто одна ухожу гулять, или остаюсь у себя въ комнатахъ по 3 по 4 часа, и ни одна собака не вбѣгаетъ ко мнѣ. Я читаю книги очень сухія, такъ какъ только такія мнѣ нравятся. Я получила много приглашеній; г-жа Гурьева *), живущая напротивъ насъ, очень звала меня проводить вечера у нея; княгиня Долгорукая также. Я постаралась имъ наговорить о своемъ дурномъ расположеніи духа, чтобы онѣ меня оставляли въ покоѣ; однако пойду къ Гурьевой для прекрасныхъ глазъ (были ли они когда-нибудь таковыми) г-на Маркова. Я уже вамъ говорила, что пококетничала съ нимъ и написала ему, чтобы узнать о здоровьѣ; онъ не остался въ долгу и отвѣтилъ мнѣ премилой запиской; жалуется, что все боленъ, но я слышу, что онъ дѣлаетъ глупости какъ молоденькій, онъ выходитъ, когда долженъ спокойно сидѣть у себя, и потомъ ѣстъ клубнику и фрукты, которые ему запрещены, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ рассказывала г-жа Гурьева. Кстати, мнѣ невозможно къ нему поѣхать, такъ какъ княгиня Голицина у него совсѣмъ не бываетъ; значить, все зависитъ отъ встрѣчи.

Если вы хотите новостей, то я вамъ укажу на „Сына Отечества“, „Инвалида“ и газету Козодавлева; кромѣ этого почти ничего нѣтъ. Пріѣхалъ курьеръ отъ 12-го, который ничего не привезъ; дѣлаютъ видъ, что переговариваются о мирѣ; перемиріе продлится до 10 Августа новаго стиля.

Крестинъ.

Москва, 4 Августа 1813.

Я очень радъ, что вы бываете у г-жи Гурьевой, потому что очень желаю, чтобы ея сынъ женился на молодой Марковой, а вы.

*) Супруга министра финансовъ.

конечно, не будете противъ этого. Сознаюсь вамъ, что зачастую мнѣ было пренепріятно, когда графиня Толстая высказывала при этомъ молодымъ человѣкомъ, какъ ужасны для нея подобнаго рода супружества. Она не намекала ни на что, но эти общія слова уничтожать первыя слабыя желанія, потому что она даже говорила, что для нея лучше бы было видѣть сына мертвымъ, нежели женатымъ такимъ образомъ. Это материнское преувеличеніе, которое, во всякомъ случаѣ, не нужно высказывать. Впрочемъ, графъ Марковъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ мнѣніи; я тщательно отъ него это скрывалъ, потому что онъ уважаетъ графиню Толстую (чего она и заслуживаетъ по своимъ высокимъ качествамъ) и больше всего желаетъ сдѣлать ее покровительницей своего дитяти. Поэтому я бы его слишкомъ и понапрасну огорчилъ, рассказавъ объ этой отрыжкѣ Голицинской гордыни. Называю это заблужденіемъ, такъ какъ все-таки неправильность рожденія была исправлена, насколько это могло быть сдѣлано закономъ, и потому эта молодая дѣвушка можетъ обладать положительными качествами, уничтожающими прошлое, что въ связи съ богатствомъ можетъ составить счастье честнаго человѣка, каковъ молодой Гурьевъ. Согласны ли вы со мной? Развѣ неправильность, покрытая закономъ и образованіемъ, должна исключать изъ общества молодую дѣвушку, прекрасную и завлекательную во всѣхъ отношеніяхъ? Развѣ мы не видѣли, какъ князь Г-нъ женился на Vabet, особѣ безъ имени, незаконной дочери графа Сергѣя Румянцева? Вы, съ вашимъ здравымъ смысломъ и вѣрными сужденіями, воспользуйтесь случаемъ, когда нужно замолвить словечко, чтобы усмирить умы и уничтожить то, что ревностныя матери стараются произвести, съ цѣлью устранить соперницу ихъ дочерей (все это между нами). Если бы какъ я, вы знали, какъ велика отеческая нѣжность въ сердцѣ графа Маркова, вы бы раздѣлили со мной чрезвычайное желаніе способствовать такому естественному и своемѣстному желанію.

Письмо графа Маркова отъ 28 Іюля заставляетъ меня думать, что положительно все приготовилось къ войнѣ. Такъ хочетъ Богъ! Наполеонъ, говорятъ, бьетъ посуду Мачсолини, когда получаетъ извѣстія изъ Испаніи. Кто-то прочелъ въ „Лондонскомъ Курьерѣ“ (котораго я послѣ васъ не видѣлъ), что Іосифъ, чтобы спасти себѣ жизнь, долженъ былъ выскочить изъ своей кареты съ драгоценностями и бумагами и бѣжать на одной изъ лошадей своей гвардіи. Читали ли вы это? Получается ли въ Петербургѣ этотъ „Лондонскій Курьеръ“? Не можете ли вы его стащить для меня? Съ газетами это можно: онѣ, по своей природѣ, суть публичное достояніе. Я ихъ уподобляю общимъ

пастбищамъ для нашего вьючнаго скота, и когда меня ихъ лишаютъ, я нахожусь въ такомъ же положеніи, какъ лошади, которыхъ безжалостно треножатъ и пускаютъ по бесплодной дорогѣ, гдѣ они проклинаютъ путы, мѣшающія имъ перескочить оврагъ и свободно пастись на лугу.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 31 Іюля 1813.

Я очень грущу по Москвѣ. Думаю, что я слишкомъ поторопилась уѣхать отсюда. Она развила во мнѣ особенное состояніе ума и сердца, не дѣлающее меня очень пріятною для общества; потому-то я только одинъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь на Каменномъ Острову, т. е. въ большомъ свѣтѣ, рѣшилась провести вечеръ у г-жи Гурьевой; тамъ тѣ же лица, тѣ же разговоры, и все довольно скучно. Я бы желала, чтобы тамъ менѣе старались быть любезными и были бы менѣе веселы. Если это вамъ кажется страннымъ, простите мнѣ; но я васъ увѣряю, что внутренняя моя жизнь совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что я нашла въ обществѣ. Общество княгини Владимиръ*), живущей у своей дочери Строгановой, болѣе подходит къ моему настроенію.

Новостью дня, привлекающею всеобщее вниманіе, служить теперь пріѣздъ Моро въ главный штабъ на главную военную квартиру, отчего не будетъ ни холодно, ни жарко; я не считаю это важнымъ: мнѣ кажется, что это просто маленькая интрижка Шведскаго наслѣднаго принца или, какъ увѣряетъ г-жа Ноазевиль, что г-жа Моро соскучилась въ Америкѣ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ получить командованіе: довольно съ насъ и Бернадотта, командующаго Русскими, нечего еще другому мѣшаться. Эмигранты, питающіеся надеждами въ продолженіе 23 лѣтъ, увѣряли меня вчера, что появленіе Моро произведетъ очень сильное дѣйствіе на Французскую армію, что многіе дезертируютъ и т. д. и т. д. Я взяла на себя смѣлость замѣтить имъ, что врядъ ли есть еще солдаты въ этой арміи, знающіе фамилію Моро и что разстрѣливаніе, которое въ настоящее время въ ходу у Наполеона, сильное средство противъ бѣгства. Впрочемъ, заниматься споромъ съ этими господами—все равно, что метать бисеръ передъ свиньями. Говорятъ, что перемиріе кончилось, и Австрія за насъ; но еще нѣтъ ничего официального. Впрочемъ, черезъ недѣлю будетъ яснѣе видно; я лично дрожу при мысли о всѣхъ опасностяхъ, которыя намъ еще могутъ предстоять. У Наполеона 350 тыс. противъ

*) Княжна Наталья Петровна Голицына, усатая (monstuche).

насъ, и было бы больше, если бы онъ не переправилъ цѣлый отрядъ черезъ Рейнъ занять южныя провинціи, которымъ серьезно угрожаютъ Англичане и Испанцы. Это можетъ послужить для насъ счастливымъ началомъ. Однимъ словомъ, нельзя не сознаться, что у насъ въ перспективѣ борьба на жизнь и на смерть.

Мнѣ удалось видѣть г-фа Маркова въ каретѣ: на дняхъ мы встрѣтились, узнали другъ друга и разъѣхались. Я была для него въ городѣ два дня подъ-рядъ; онъ обѣщалъ княгинѣ Голицыной быть у нея вечеромъ, и не былъ. Дамъ 14 оспариваютъ у меня его сердце, и я увѣрена, что должна больше бояться этихъ соперницъ, чѣмъ когда-либо прелестей г-жи Гюсъ. Жившая у г-фа Маркова французская актриса, произведшая для него дочь (впослѣдствіи княгиней Голицыной): такъ какъ онъ съ утра до вечера играетъ у Попова и нѣкоей Карадыгиной, пріятельницы сего послѣдняго. Лихорадка у него прошла, я это знаю отъ г-жи Гурьевой; а такъ какъ вы любите молодую Маркову, то я вамъ скажу, что она ей очень понравилась. Она ее находитъ красивой и милой, но судя по тому, какъ она выразилась объ ея матери, мнѣ кажется, что они не разъ подумаютъ, прежде чѣмъ рѣшатся на подобное супружество. Если бы эта женщина заботилась о счастіи своей дочери, она бы поспѣшила ее оставить. Эта жертва была бы достойна передъ Богомъ и людьми; но я думаю, она не способна на подобный поступокъ, и такъ-то она отравляетъ жизнь своего дитяти! О чемъ думаетъ аббатъ Макаръ? Онъ долженъ бы былъ ее убѣдить въ этомъ.

Кристинъ.

Москва, 11 Августа 1813.

Я не думаю, чтобы пріѣздъ Моро былъ намъ совсѣмъ безразличенъ; Французская армія, не зная его, любитъ его по воспоминанію, какъ начальника, который любилъ и жалѣлъ солдатъ; офицеры и генералы его знаютъ, и на нихъ можетъ подѣйствовать его примѣръ. Зачастую людей удерживаетъ мнѣніе другихъ; самыхъ недовольныхъ удерживаетъ то, что перебѣжка считается позорною, но если они вслѣдствіе этого соединятся съ Моро, съ начальникомъ, котораго армія больше всего любила, то будутъ считать себя въ правѣ на то, что безъ этого примѣра считалось бы невозможнымъ. Къ этому я могу прибавить, что совѣты такого знающаго свое дѣло человѣка могутъ быть полезны, если только ихъ не заглушить или не разрушить національное самолюбіе.

Ради Бога сообщите мнѣ что-нибудь объ Австріи. Могу ли я въ своемъ сердцѣ совершить союзъ съ Францомъ II, или я долженъ его ненавидѣть? Какую прекрасную роль онъ могъ бы играть! Неужели онъ этимъ не воспользуется!

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 8 Августа 1813.

Наконецъ я увидѣлась съ графомъ Марковымъ. Мы провели съ нимъ вечеръ у г-жи Гурьевой, и онъ былъ со мной очень любезенъ. Мнѣ даже кажется, что благодаря ему меня особенно чествовали въ этомъ домѣ. Вы знаете, есть люди, которые всегда соображаются съ мнѣніемъ другихъ; здѣсь это нѣсколько водится. Впрочемъ, мнѣ совершенно все равно: если меня всегда такъ хорошо будутъ принимать, я чаще буду бывать въ этомъ домѣ и отъ времени до времени буду доставлять себѣ удовольствіе поговорить съ вашимъ старикомъ, который, несмотря на свои 67 лѣтъ, издерживается, когда ему придетъ фантазія. Я въ самомъ дѣлѣ жалѣю, что онъ не чиновникъ, потому что такая голова стоитъ многихъ другихъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, что онъ вамъ говоритъ о Моро и что онъ думаетъ объ его приѣздѣ. Что до меня, то кровь у меня закипаетъ, когда подумаю, какъ радуются тому, что Русскіе могутъ смотрѣть на иностранца, какъ будто на освободителя Россіи. Должно быть, я изрядно горда, потому что мнѣ это буквально бываетъ больно. Впрочемъ, я еще очень склонна думать, что отъ этого приѣзда намъ не будетъ ни холодно, ни жарко. А? Что вы на это скажете? Увѣряютъ, что Балашовъ уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ маленькое волненіе; это былъ бы подарокъ во вкусъ Наполеона, который въ два мѣсяца перемирія занимался возмущеніемъ этихъ людей противъ насъ и Австріи, которая уже завѣдомо за насъ. Если эти Турки не захотятъ быть покойны, это намъ надѣлаетъ хлопотъ. Мы ничего не знаемъ съ приѣзда курьера отъ 22; а надо сознаться, время возбуждающее. Къ тому же я совсѣмъ не знаю, что съ моими княжнами и съ ихъ графиней. Гдѣ онѣ бывають? Что дѣлають? Получилъ ли Остерманъ опять командованіе, я не имѣю понятія, но читала въ газетахъ, что ему назначаютъ адъютантовъ. Напишите мнѣ что-нибудь о Толстомъ; не получали ли вы писемъ отъ Жилэ? Не можете ли вы мнѣ также сказать, зачѣмъ и кто отправилъ сына г-жи Сталь на тотъ свѣтъ?

Крестинъ.

Москва, 18 Августа 1813.

Я бы съ вами поговорилъ о Моро, если бы не думалъ, что сдѣлалъ это въ моемъ послѣднемъ посланіи. Мнѣ кажется, что вы обращаете вниманіе на его прїѣздъ въ отношеніи только для Россіи. Не Россія въ опасности, а вся Европа. Моро послужить не Россіи, а Европейскимъ цѣлямъ, которымъ всякій Европейецъ имѣетъ право содѣйствовать всѣми силами. Вотъ какъ я смотрю на это дѣло; и если Моро обращается къ императору Александру, то потому, что онъ во главѣ всеобщаго дѣла или готовящагося сдѣлаться всеобщимъ. Затѣмъ, вы соглашаетесь со мной, что во Франціи и ея арміи тысячи недовольныхъ, которыхъ удерживаетъ только общее понятіе, что всякая измѣна позорна, а примѣръ Моро способенъ уничтожить или ослабить это понятіе. Всякій генераль или офицеръ, удерживаемый въ продолженіе десяти лѣтъ подъ знаменами тирана своего отечества боязнью людскаго мнѣнія, будетъ считать себя достаточно вправѣ пойти по стопамъ челоуѣка, котораго Франція и армія больше всего любили и уважали. Къ тому же, какое вліяніе можетъ имѣть Моро на границѣ Франціи, если предположить, что мы подойдемъ къ Рейну? На что можно надѣяться, благодаря позднему объявленію Австріи? Какъ вы думаете? Вѣдь народъ съ большимъ довѣріемъ позволитъ войти ему, нежели какому-нибудь иностранцу. Развѣ вы считаете невозможнымъ, чтобы Французы, уставъ отъ гнета завоевателя, лишающаго ихъ покоя, присоединились къ Моро и сказали ему: „управляйте нами!“ Можетъ быть, авторитетъ Бонапарта поддерживается только до тѣхъ поръ, пока не знаютъ, кѣмъ его замѣнить? Нѣтъ, дорогая княжна, я не думаю, чтобы пріобрѣтеніе этого челоуѣка не имѣло значенія. Правда, дѣла могутъ принять такой оборотъ, что оно ничему не будетъ способствовать; но они могутъ также быть въ такомъ положеніи, въ которомъ его присутствіе и поддержка будутъ очень важны.

Я не имѣю никакихъ извѣстій отъ Жилэ, такъ же какъ и отъ Нарышкина. Г-жа Толстая *) извѣщаетъ меня, что ея мужъ должно быть переѣхалъ границу и соединился съ Бенингсеномъ. Увѣряютъ, что декларация Австріи возобновила враждебныя отношенія.

*) Княгиня Марія Андреевна супруга графа Петра Андреевича Толстого. Съ обширнымъ семействомъ своимъ занимала она въ Леонтьевскомъ переулкѣ домъ, гдѣ нынѣ типографія Мамонтова.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 16 Августа 1813.

Послѣдній прїѣзжій изъ арміи, молодой Воронцовъ, только что вышелъ отсюда. Удивительно, что онъ рассказываетъ о нашей арміи! Не говоря о хорошей выдержкѣ, умъ положительно совершенный. Каждый Пруссакъ, герой, говоритъ онъ. Король всей душой намъ; положительно достовѣрно, что онъ и его страна не будутъ въ состояніи оправиться; это его послѣдняя ставка: онъ останется королемъ или не будетъ имъ. Австрійцы также стоятъ твердо, и у нихъ прекрасная армія. Соединенная армія состоитъ изъ 500 тысячъ, не считая нашихъ и ихъ резервовъ. „Злодѣи“ также сильны, но если можно полагаться на человѣческій расчетъ, то успѣхъ на нашей сторонѣ, потому что исторію въ Испаніи произведено большое отвлеченіе. Очень можетъ быть, Франція волнуется потому, что Марія-Луиза не возвращается въ Парижъ, а ѣдетъ въ Брюссель, и въ продолженіе этихъ переѣздовъ ни слова о Римскомъ королѣ, точно будто его нѣтъ на свѣтѣ. Гдѣ онъ? Вы ничего не знаете?

Скоро каждая минута будетъ дорога; первый курьеръ расскажетъ намъ только о свиданіи союзныхъ государей, но второй навѣрное принесетъ извѣстіе о какомъ-нибудь дѣлѣ. Особенно желательно, чтобы начало было намъ благопріятно. Графъ Воронцовъ описывалъ мнѣ сраженіе при Люценѣ; оно было такое, какъ мы съ вами и думали въ Москвѣ, и колокола звонили почти что къ гибели. Витгенштейнъ сдѣлалъ ошибку, открывъ правый флангъ; но постоянное присутствіе Императора, окончательно пренебрегающаго бомбами и пулями, помутило ему рассудокъ. Отъ всей души желаю, чтобы подобное не повторялось и чтобы Государь удержался показывать свою доблесть, которую уже видѣли. Въ этомъ случаѣ это доказываетъ маленькое самолюбіе, и я думаю, что для общаго блага можно бы было имъ пожертвовать. Какъ вы объ этомъ думаете?

Не могу скрыть отъ васъ, что я почувствовала досаду, когда Воронцовъ, между прочимъ, мнѣ рассказалъ объ общей радости по поводу прибытія Моро; напрасно будутъ мнѣ золотить эту пилюлю: я всегда буду чувствовать ея дурной вкусъ. Не понимаю, какъ могутъ переходить такъ скоро отъ безпримѣрнаго чванства къ такому смѣшному подобострастію. Мнѣ кажется, такъ странно быть принужденной смотрѣть на Моро, какъ на спасителя трехъ монархій, что я никогда этого не постигну.

Она же.

Петербургъ, 28 Августа 1813.

Слушайте хорошенько, милостивый государь! Послѣдній курьеръ отъ 13-го, прїѣхавшій сегодня изъ главнаго штаба въ Нейдлицъ (въ 3 верстахъ отъ Дрездена), привезъ извѣстіе, что Витгенштейнъ прогналъ Французовъ съ ихъ укрѣпленія въ Пирнѣ, взявъ много плѣнниковъ и пушки. Кудашевъ, зять покойнаго фельдмаршала Кутузова, очень отличился и взялъ одно крыло. Завладѣли знаменами, изъ которыхъ одно, Польское, привезъ этотъ самый курьеръ. Бернадоттъ отослалъ виконта Ноалья къ Императору въ главную квартиру съ подробнымъ описаніемъ одержанныхъ побѣдъ 21-го, 22-го и 23-го. Французы отступаютъ на всѣхъ пунктахъ и, кажется, хотятъ соединиться по ту сторону Эльбы. Казаки и легкая кавалерія преслѣдуютъ ихъ во многихъ мѣстахъ, и отъ этого ожидается добрыхъ послѣдствій, т.-е. плѣнниковъ, артиллеріи, багажа и т. д. Бенингсенъ со своей арміей подошелъ къ Кролену и идетъ дальше. Отряды главной Русско-Австрійско-Прусской арміи счастливо и безъ усилій заняли укрѣпленныя Хемницкія ущелья въ Саксоніи, а нашъ авангардъ уже въ Лейпцигѣ. Говорятъ даже, что Австрійскій генераль графъ Нейпергъ уже вошелъ туда. Частныя письма изъ Риги извѣщаютъ, что союзники опять заняли Гамбургъ. Графъ Вальмоденъ, принужденный отступить въ Мекленбургъ, получилъ укрѣпленія со всѣхъ сторонъ, перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и двигается впередъ. Наполеонъ хочетъ замѣнить несуществующій для него болше иностранный сборъ конфискаціями и выпускомъ ассигнаціи. Вотъ что должно хорошо подѣйствовать на нашъ курсъ.

Крестинъ.

Москва, 28 Августа 1813 г.

Пожалуйста, скажите мнѣ все, что вы знаете о нѣкомъ г-нѣ Сакенѣ, заставляющемъ родить свою жену при помощи выстрѣловъ изъ пистолета. Эта исторія здѣсь ходитъ въ сотнѣ разнорѣчій, и графиня Толстая, родственница бѣдной жертвы, спрашиваетъ меня о подробностяхъ, которыхъ я не знаю. Невозможно, чтобы подобная супружеская грубость не надѣлала шуму въ Петербургѣ. Каковы были послѣдствія ея для палача и его жертвы? Я боюсь молчанія во время войны; я люблю, чтобы говорили то, что есть. Увѣряютъ, что „Мониторъ“ ни слова не сказалъ о дѣлѣ Викторіи; это молчаніе еще

значительнѣе, такъ какъ всѣ узнаютъ сущность дѣла и будутъ преувеличены подробности, смотря по боязни и по ненависти къ тирану. У меня не воинственная душа, но я не могу не быть очень доволенъ, что нѣкоторыя Французскія провинціи по опыту узнаютъ ужасы, испытанныя нами годъ тому назадъ; это имъ ясно покажетъ, каково имъ находится подъ надзоромъ *ихъ кроткаго хозяина*.

Правительница Франціи Марія-Луиза, уѣзжающая изъ Парижа въ Брюссель и его величество король Римскій, спрятанный въ своихъ пеленкахъ, неизвѣстно гдѣ, доставляютъ мнѣ такое удовольствіе, которое я больше чувствую, чѣмъ умѣю выразить. Барбансоны всегда любили Австрійскихъ принцессъ; потому-то, должно быть, имъ эту и поручаютъ.

Неужели Жомини, извѣстный тактикъ Жомини слѣдуетъ примѣру Моро? Я вамъ говорю, что этотъ Моро опровергаетъ мнѣніе, которое Наполеонъ старается укрѣпить по поводу его перебѣжки. Ни одинъ Французъ не будетъ себя считать опозореннымъ, поступая такъ, какъ Моро счелъ возможнымъ и нужнымъ поступить. Правда, что Жомини только Швейцарецъ, но (на мой взглядъ) тѣмъ онъ больше стѣдитъ. Правда ли, что Любекъ опять взять и что Датчане намъ дадутъ 25 тысячъ своихъ солдатъ? Это немного поздно, но тутъ можно сказать: *лучше поздно, чѣмъ никогда*.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 8 Сентября 1813 г.

Насъ извѣстили о смерти Моро; сожалѣнія всеобщія; восклицаютъ о странности его судьбы, заставившей его столько лѣтъ спокойно прожить въ Америкѣ, въ кругу своей семьи, и уѣхать оттуда, чтобы быть поражену этой ужасной пулей и найти могилу въ Петербургѣ, куда его привезутъ похоронить. Я во всемъ этомъ вижу только одно. Доколѣ будетъ простираться самонадѣянность ума человѣческаго! Доколѣ не перестанетъ онъ дѣлать предположенія, строить на пескѣ! Наконецъ, доколѣ будетъ онъ жить только въ себѣ, а не въ Богѣ! Неужели его не смутитъ это событіе? Мнѣ кажется, что Провидѣніе очевидно рѣшилось насъ унижить... А мы думали, что васъ спасетъ князь Кутузовъ; ну такъ у васъ его не будетъ. А вы въ своей безумной гордости думали, что это сдѣлаетъ Моро; такъ нѣтъ: Я его возьму, чтобы показать, что весь вашъ умъ, вся ваша предвзятость ничто.

А пока Блюхеръ съ своей стороны поступаетъ очень хорошо; увѣряютъ, что войско въ 80 тыс., бывшее противъ него, доведено до 35 тысячъ. Ему послали св. Андрея. Австрійскій императоръ просилъ нашего принять орденъ Маріи-Терезіи перваго класса. Онъ далъ тотъ же орденъ втораго класса Витгенштейну, графу Остерману. Кноррингу и еще одному, имя я забыла. Всѣ эти ленты, пожалованныя съ той и другой стороны, а еще больше письма, получаемыя оттуда, убѣждаютъ въ томъ, что между соединенными партіями господствуетъ самое крѣпкое согласіе. Графъ Остерманъ здоровъ, онъ выдержалъ сдѣланную ему операцію съ большимъ мужествомъ, и Вилье увѣряетъ, что черезъ нѣсколько недѣль онъ будетъ въ состояніи опять служить, почему я его и ожидаю со дня на день во время, когда менѣе всего объ этомъ будутъ думать. Это онъ командовалъ гвардіей въ дѣлѣ 17-го. Болѣе 12 часовъ четыре его полка сражались противъ 42 тысячъ непріятеля и буквально покрылись славой. Остерманъ всѣхъ возбуждалъ своимъ примѣромъ. Бросаясь всюду, гдѣ ему казалось наиболѣе опаснымъ, онъ поддерживалъ наилучшій порядокъ, и всѣ его офицеры дѣлали чудеса. Когда ему оторвало ногу, баронъ Розенъ, командиръ Преображенскаго полка, замѣнилъ его. Сегодня утромъ я получила списокъ убитыхъ и раненыхъ; ихъ изрядное количество, но большинство раненыхъ. Ефимовичъ, шурина Руничя, раненъ очень сильно; сомнѣваются, чтобы онъ остался живъ. Андрей Голицинъ также, но очень легко. Всѣ, кого можно было перенести, перенесены въ Прагу. Благодарю Бога, тѣ молодые люди, которыхъ я люблю, избѣжали этого. Каждый приѣзжающій курьеръ причиняетъ смертельную тревогу: хочешь имѣть извѣстія и боишься ихъ спрашивать. Сегодня утромъ кто-то приѣхавшій изъ города увѣрялъ, что говорятъ еще объ одномъ дѣлѣ Витгенштейна.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, отослать васъ къ моей тетушкѣ по поводу исторіи Сакена. Я ей рассказала отъ начала до конца; избавьте меня отъ повторенія и знайте, что молодая дама теперь отлично себя чувствуетъ. Ея мужъ просто сумасшедшій, и думаютъ, что голова у него давно уже не въ порядкѣ.

Крестинъ.

Москва, 8 Сентября 1813 г.

Вамъ пишетъ бѣдный хромой, дорогая княжна, по правдѣ сказать, бѣдный подагрикъ съ третьяго дня не ѣстъ, не пьетъ. Вы скажете, что подагра не бываетъ въ цвѣтѣ лѣтъ; но вѣдь этому цвѣту

будетъ въ Четвергъ, 11 числа, ровно 50 лѣтъ. Если бы я могъ скрыть отъ себя эту истину, я бы сдѣлалъ изъ этого передъ вами тайну; но такъ какъ я долженъ это знать и переваривать горечь этого, то я и въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, открою вамъ мое сердце. Итакъ, у меня полстолѣтіе на плечахъ, со всѣми его пріятностями: лысой головой, лбомъ въ морщинахъ, распухшей и болящей ногой... избавляю васъ отъ всего, чтó могъ прибавить. Всѣ эти немощи могутъ конечно измѣнять внѣшность; но я съ благодарностью замѣчаю, что они портятъ только поверхность и оставляютъ во мнѣ нѣжное и любящее сердце, могущее поспорить съ самыми молодыми; а такъ какъ эта способность—источникъ и основаніе счастья, то я не жалѣю всего остального, чтó могутъ погубить года.

Я отлично зналъ, что вы кокетничали съ графомъ Марковымъ; онъ мнѣ очень занимательно это рассказывалъ. Онъ мнѣ говорилъ, что вы его открыто преслѣдуете, но что онъ, къ несчастью, *чувствуетъ себя въ состояніи противустоять вамъ*. Я ему отвѣчалъ съ послѣдней почтой: „Очень радъ, счастливъ, что вы видаетесь съ княжной Туркестановой и желалъ бы, чтобы видались почаще: она одна изъ вашихъ друзей; у нея твердый умъ и надежный характеръ; я бы желалъ, чтобы вы испробовали вѣрность ея сужденій, переходя иногда отъ болтовни къ дѣльному; она могла бы вамъ разъяснить многое, чтó для васъ непонятно, такъ какъ съ нею довольно откровенно говорено о томъ, что составляетъ предметъ всей вашей любви“. По отправкѣ моего письма, я подумалъ, что онъ вѣрно будетъ вамъ дѣлать вопросы, которые вы не очень-то поймете, если я васъ не предупрежу (между нами), что онъ имѣлъ причины думать, что Гурьевы желаютъ брака, а теперь ему кажется, что они больше не идутъ на эту удочку. Онъ мнѣ объ этомъ написалъ довольно просто, а я не могъ ему отвѣчать по почтѣ иначе, какъ очень неопредѣленно. Итакъ, если онъ обратится къ вамъ, дорогая княжна, за разъясненіями, поговорите съ нимъ откровенно о существующемъ препятствіи, но пощадите все-таки его дружбу къ г-жѣ Гюсъ и свойства этой женщины: она, увѣряю васъ, по своимъ хорошимъ сторонамъ заслуживаетъ мѣста гораздо выше своей сферы. Если вы увидите, что онъ хочетъ быть откровененъ, скажите ему, чтó я вамъ писалъ по этому поводу и если онъ захочетъ узнать, чтó я вамъ объ этомъ говорилъ, прочтите ему въ моемъ письмѣ отъ 11 Августа все, что относится къ его дочери: это средство—внушить ему полное довѣріе; дипломатическое поприще сдѣлало его очень недовѣрчивымъ; я всегда уничтожалъ это недовѣріе полною откровенностью. Онъ будетъ польщенъ,

что имъ занимаются такъ благородно и безкорыстно, и вы сдѣлаете себѣ изъ него надежнаго друга, которому, я увѣренъ, вы будете чрезвычайно полезны. Его сердце можно только взять приступомъ, такъ какъ онъ не имѣетъ счастья вѣрить въ великодушіе; онъ съ трудомъ соглашается, чтобы можно было что-нибудь любить безкорыстно, и иногда приходится дѣлать ему услуги мимо его. Но когда удастся заслужить его расположеніе, онъ обнаруживаетъ очень пріятный умъ и благодарное сердце.

Хорошія вѣсти о войнѣ мнѣ невыразимо пріятны... Значить, кровь человѣческая перестанетъ литься, и для насъ настанутъ счастливые и спокойные дни. Все, что я слышалъ объ Австрійскомъ манифестѣ, возбуждаетъ во мнѣ сильное желаніе прочесть его: онъ самага хорошаго направленія.

Боже! какъ довѣрчиво я съ вами говорю! Почему я незнакомъ съ вами 4 года или 5 лѣтъ? Я бы не могъ васъ больше любить, но я бы имѣлъ больше права быть съ вами откровененъ; не такъ, какъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства, когда я вамъ долженъ казаться чисто по-швейцарски добродушенъ и наивенъ... Что ни дѣлай, никогда не утратишь духа своей земли.

Онъ же.

Москва, 18 Сентября 1813 г.

Ваши размышленія по поводу смерти Моро очень основательныя и христіанскія; но до тѣхъ поръ, пока Провидѣнію угодно будетъ скрывать отъ людей свои пути, люди естественно будутъ прибѣгать къ человѣческимъ доводамъ. Итакъ, мы должны были надѣяться на Кутузова, на Моро, такъ же, какъ еще надѣмся по ихъ смерти на союзъ властей, которыя, можетъ быть, разойдутся прежде, чѣмъ достигнуть своей цѣли. Моисей держалъ цѣлый день руки воздѣтыми къ Небу, чтобы испрашивать Его помощь; но во весь этотъ день Израильскій народъ бился съ наибольшей храбростью и, повѣрьте, эта храбрость не вредила молитвамъ начальника.

Я поспѣшилъ сообщить графинѣ Толстой хорошія новости объ Остерманѣ. Это удивительный человѣкъ: онъ похожъ на ходячаго призрака. Кажется будто онъ чуть дышетъ, а между тѣмъ на полѣ битвы дѣлается львомъ: его рѣжутъ, рубятъ, а онъ еще лучше чувствуетъ себя и еще болѣе расположенъ опять драться. Такой человѣкъ очень цѣненъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Курьеръ, отправленный

изъ арміи 5 Сентября, говорилъ мнѣ сегодня утромъ, что Наполеонъ въ Парижѣ, нашъ Императоръ въ Дрезденѣ, что Французы были побиты въ 30 миляхъ отъ Вѣны, отступаютъ на всѣхъ путяхъ, и мы подвигаемся. Я бы былъ на верху счастья, если бы могъ вѣрить всему этому; но такъ какъ этотъ курьеръ видѣлъ графа Ростопчина, а онъ не говоритъ ни объ одномъ изъ этихъ извѣстій, то я считаю ихъ по меньшей мѣрѣ сомнительными. Жду почты съ нетерпѣніемъ. Чтò можетъ Наполеонъ дѣлать въ Парижѣ? Дадутъ ему послѣдніе остатки Франціи? Во всякомъ случаѣ это будетъ еще не обученная молодежь, армія безъ кавалеріи.

Князь Юсуповъ давалъ мнѣ читать письмо молодого Потемкина къ матери; это письмо доставило мнѣ большое удовольствіе простотою и скромностью, съ которою онъ описываетъ битву, гдѣ участвовалъ въ продолженіе 12 часовъ: такъ много молодыхъ людей хвастались бы, выставлялись на показъ... а этотъ какъ будто бы смотрѣлъ на все изъ логи; это рѣдкостно и прекрасно! Я нашелъ, что этотъ рассказъ такъ хорошъ по своей простотѣ, что я его списалъ, чтобы послать Толстой; мнѣ больше нравятся такого рода описанія, чѣмъ тѣ, которыя читаешь въ газетахъ.

Получилъ письмо отъ Жилэ; онъ съ графомъ Толстымъ на границѣ Силезіи, въ мѣстечкѣ, называемомъ Сокольники; не знаю, чтò это такое. Здѣсь увѣряютъ, что генераль Беннингсенъ умеръ. Всѣ эти генералы не очень задерживаются; просто невѣроятно, сколько на моихъ глазахъ ихъ померло въ Россіи за 15 лѣтъ, начиная съ Румянцева и Суворова; правда, что такіе не часто умираютъ. Живите долго, хотя вы и не генераль! Живите тысячу лѣтъ, какъ говорятъ Испанцы!

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 18 Сентября 1813.

Вы въ подагрѣ, вы страдаете, и это очень непріятно; все-таки, милостивый государь, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ пожалѣть, выбрать васъ хорошенько. Это неправда, что вамъ 50 лѣтъ: вамъ только 15, потому что вы поступили такъ, какъ можно только поступить въ эти лѣта, когда зачастую слишкомъ спѣшатъ говорить. Къ чему было передавать Маркову все, чтò я вамъ писала по поводу моего разговора съ Гурьевой? Зачѣмъ рассказывать, тó чтò я пишу вамъ одному? Зная, какъ вы интересуетесь молодой дѣвушкой и услышавъ отъ васъ о возможности выдать ее замужъ въ семью Гурьевыхъ, я просто вамъ сказала, что мнѣ кажется, будто это не такъ легко сдѣлать, потому

что Гурьева почти такого же мнѣнія, какъ и Толстая, по поводу столь щекотливаго дѣла. Правда, что Гурьева говорила со мной объ этомъ не подъ секретомъ, и я не должна была умалчивать объ этомъ, но, кто знаетъ? можетъ она будетъ сердиться за то, что я вамъ рассказала. Передавая этотъ разговоръ Маркову, вы его уполномочиваете или, вѣрнѣе сказать, предлагаете ему дѣлать мнѣ вопросы, а для чего? Чтобы я была принуждена поставить Гурьеву въ неловкое положеніе, иначе это не можетъ быть. Вертите это какъ угодно, а всегда будетъ казаться, что я сплетничаю, что я кумушка, хоть мнѣ все это безразлично. Я думаю, что вы предполагаете во мнѣ обожаніе къ вашему старику, но этого нѣтъ: просто я люблю его, какъ любятъ всѣхъ пріятныхъ людей въ обществѣ, и мнѣ никогда въ голову не придетъ сдѣлать себѣ изъ него *друга*. Я всегда очень рада услужить, но это желаніе не простирается до того, чтобы я стала мѣшаться въ дѣла, которыя совсѣмъ до меня не касаются и изъ которыхъ, какъ знаю, очень неловко сѣмъ выпутаться. Чтò вамъ за охота впутывать меня въ этотъ бракъ, который можетъ совершиться безъ меня или не совершиться также безъ моего участія. Согласитесь, что все, чтò вы выдумали, очень неумѣстно, что вы были неправы, не должны были писать Маркову и что я справедливо васъ браню.

Я уже не на дачѣ; третьяго дня мы уѣхали съ Каменнаго Острова; такъ какъ мои комнаты во дворцѣ еще не исправлены, то я должна была поселиться у доброй и любезной княгини Борисъ Голицыной, и она мнѣ отвела прелестныя комнаты внизу, гдѣ я удобно и очень тепло помѣстилась; но мнѣ нельзя будетъ долго здѣсь оставаться, такъ какъ сегодня Императрица Елисавета возвратилась въ городъ и всѣ должны быть на своемъ мѣстѣ. Около 4 или 5 Октября я водворюсь на своемъ чердакѣ. Не смогу передать вамъ всѣ ласковыя слова, которыя мнѣ говорила княгиня Юсупова на прощаньи; я совсѣмъ ими растрогалась. Она была со мной безукоризненно хороша за все время моего пребыванія на дачѣ, и если бы вы были съ нею знакомы, вы бы знали, какъ надо въ ней цѣнить малѣйшій намекъ на вниманіе, она обыкновенно холодна. Два года мы видались и не говорили другъ съ другомъ, я даже начала ее избѣгать, такъ она мнѣ казалась непріятна. Бракъ ея дочери съ моимъ двоюроднымъ братомъ сблизилъ насъ, и съ тѣхъ поръ мы познакомились. Вообще, я не знаю какимъ чарамъ это приписать, но я замѣтила, что со времени моего возвращенія изъ Москвы многіе стали относиться ко мнѣ гораздо лучше. Во всемъ, чтò я вижу, нахожу удивительную пріятность. Сладко быть немного любимой, но какъ это мѣшаетъ спасенію! Всегда

надо быть на сторожѣ, чтобы не слишкомъ предаться этой сладости. Стоить только отдаться этому, и можно начать любить только тѣлесно, но не духовно. Особенно я! Ахъ, какъ я люблю плоть! И какъ бы я желала не любить ея! Какъ вы думаете, достигну ли я этого когда-нибудь? Впрочемъ, будучи вполне увѣрена, что люблю васъ, я не осуждаю себя на погибель, прошу вѣрить, что я это дѣлаю, несмотря на ваше 15-лѣтнее безразсудство. Прощайте и не помните зла.

Я послала Толстой письма моихъ сестеръ, которыя я недавно получила; онѣ въ Прагѣ. Остерманъ не знаетъ, что ея мужъ безъ руки; она совершенно счастлива, что онъ послѣ этого ужаснаго дѣла остался живъ. Графъ написалъ ей два слова на другой день операціи, но въ то же время послалъ къ моимъ сестрамъ своего адъютанта, чтобы сказать имъ всю правду, но умолялъ ихъ не говорить ничего графинѣ, пока онъ самъ къ намъ не пріѣдетъ.

Она же.

Петербургъ, 28 Сентября 1813.

Все, что вы говорите о Вандамѣ, прелестно. Особенно мнѣ нравится: онъ говорилъ Вандаму, какъ будто Готентоту, Негру и т. п. Я все это передала Строгановой, зная, какое удовольствіе это ей доставить. Итакъ, мы съ нею вмѣстѣ читали это письмо, а потомъ она захотѣла, чтобы я его еще перечла у княгини Вольдемаръ, которая также была отъ него въ восторгѣ. Чтеніе этого письма доставило мнѣ случай говорить о томъ, кто его писалъ и, конечно, весь этотъ вечеръ вы были въ хорошихъ рукахъ. Когда я люблю кого-нибудь, мнѣ такъ хочется, чтобы тѣ, кого я уважаю, также любили этого человѣка; потому-то я и говорила много о васъ этимъ дамамъ, съ своей стороны, очень достойнымъ. Я часто досажаю, что вы не въ Петербургѣ, какъ изъ-за себя, такъ и изъ-за васъ; мнѣ кажется, что вамъ не отдають должное въ Москвѣ и не достаточно цѣнятъ. Не то, что тамъ нѣтъ хорошихъ людей или что у нихъ нѣтъ сужденія; но я въ нихъ отрицаю извѣстную тонкость вкуса. Вы понимаете? Я не знаю, хорошо ли я выражаюсь, но еще разъ скажу: у нихъ нѣтъ тонкаго вкуса. Я склонна думать, что я плохо объяснила все, что касается Моро. Я не утверждаю, что надо сидѣть сложа руки и ждать дѣйствій Провидѣнія; но я хотѣла вамъ сказать, что человѣческій умъ слишкомъ самонадѣянъ и охотно имѣетъ извѣстные замыслы, какъ будто бы не могущіе разстроиться, если онъ ихъ заранѣе предвидѣлъ и устроилъ. Я бы желала, чтобы не со слишкомъ большою увѣренностью опирались на

этотъ умъ и чтобы все подчиняли волѣ и могуществу Всевышняго. Если бы это была господствующая мысль, тогда бы не гордились никакимъ успѣхомъ и не отчаявались бы при неудачѣ. Чтѣ вы мнѣ говорите про Моисея—хорошо, но сознаться ли вамъ? Я думаю, что именно поднятыя руки и дѣлали Израиля храбрымъ и побѣдителемъ.

Тѣло Моро прибыло; его положили въ Царскомъ Селѣ, въ Католической церкви: въ здѣшней работаютъ надъ катафалкомъ, который дѣлаетъ Гваренги; когда это будетъ кончено, его перевезутъ; будетъ торжественная служба, торжественная музыка. Отецъ Розавень, Езуитъ, взялся говорить надгробную рѣчь; онъ ученъ, очень краснорѣчивъ. Посмотримъ, чтѣ онъ скажетъ. Если я отправлюсь на эту службу, то только изъ-за этой рѣчи. Думаю, что Моро будетъ погребенъ противъ Польскаго короля; не знаю, куда еще его могутъ положить. Его адъютантъ, полковникъ Рапатель, пріѣхалъ съ тѣломъ; онъ былъ къ нему очень привязанъ, сопутствовалъ ему во всѣхъ его походахъ, жилъ съ нимъ въ Америкѣ, словомъ, никогда съ нимъ не разставался. Онъ сильно огорченъ и все, чтѣ онъ говоритъ о потерѣ, которую онъ понесъ, доказываетъ чувствительнаго человѣка. Императоръ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ.

Наши дѣла идутъ хорошо; Шведскій наслѣдннй принцъ подвигается большими шагами. Этотъ Рапатель съ увлеченіемъ говоритъ о немъ. Онъ также спокоенъ относительно Блюхера; кажется, онъ меньше рассчитываетъ на Шварценберга. Положительно увѣряютъ, что Наполеонъ оставляетъ Дрезденъ и отступаетъ. Здѣсь получены свѣжія письма изъ арміи Беннингсена, который, чтѣ называется, подаетъ руку Блюхеру; графъ Толстой долженъ двинуться къ Одеру. Съ другой стороны мы имѣемъ извѣстіе, что заняли Триестъ, что Баварія переходитъ подъ наши знамена и Вюртембергъ подаетъ ту же надежду. Это приблизительно вся Германія; говоря по-человѣчески, дѣйствительно кажется, что дѣло не можетъ не удасться. Я еще не на своемъ чердакѣ; буду взбираться послѣ завтра 1 Октября. Какъ только тамъ устроюсь, обѣщаю вамъ прислать росписаніе моихъ дѣйствій. Вы правы, что я не буду больше ходить гулять, потому что одна мысль о четырехстахъ ступенькахъ лишаетъ всякой охоты. Ограничусь садомъ „Эрмитаяка“, закрытымъ со всѣхъ сторонъ, который я называю садомъ Одалисокъ; тѣмъ болѣе, что мнѣ нуженъ только моціонъ. Что же касается до людей, то я ихъ буду видать по вечерамъ. Княгиня Голицина возобновила свои Пятницы и Понедѣльники; въ первый день было только около двадцати человѣкъ: я сыграла партію трикъ-трака съ герцогомъ Полиньякомъ и пошла спать въ двѣнадцать часовъ.

Если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣдаетъ многочисленное общество! До такой степени, что я не могу достаточно сильно передать вамъ это выраженіе. ни малѣйшаго желанія стараться понравиться, говорить; однимъ словомъ, необходимость быть въ немъ—для меня маленькій крестъ. Ахъ, если бы Богу угодно было меня удалить отъ всего этого!

Кристинъ.

Москва, 9 Октября 1813 г.

Я нахожу, что вы такъ хороши и любезны, что я желать бы, чтобы вы обо мнѣ судили совершенно сознательно, и иногда мнѣ хочется единственно для васъ возобновить свой трудъ, который уже далеко подвинулся, но погибъ во время Московскаго разгрома, частью отъ пожара, частью отъ грабежа. Это былъ послѣдовательный рассказъ довольно необыкновенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я находился со времени моего вступленія въ свѣтъ. Я сохранилъ только первую часть, единственную, переписанную на-бѣло, потому, что она была въ моихъ портфеляхъ; огромный черновикъ, оставленный въ чемоданѣ съ ненужными вещами, погибъ. Этотъ рассказъ могъ бы быть любопытенъ (за исключеніемъ того, что меня касается), благодаря тѣмъ событіямъ, которымъ я былъ свидѣтелемъ. Тѣмъ не менѣе, я никому его не читалъ и рѣшительно никому не говорилъ о его существованіи. Теперь мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы его прочли; но составлять опять очень трудно и скучно. Если вы это сочтете нужнымъ, ободрите меня, и я потружусь. Изъ этого чтенія вы узнаете меня также хорошо, какъ я самъ, и познакомитесь съ любопытными и совершенно неизвѣстными анекдотами изъ революціи и разныхъ общественныхъ событій.

Меня сильно радуетъ что вы мнѣ сообщаете объ арміяхъ; но я согласенъ съ Рапателемъ относительно Шварценберга; я думаю, что Австрійцы не позволяютъ доканать Наполеона, и что они, какъ только увидятъ, что онъ доведенъ до положенія, удобнаго для ихъ политики, заключать съ нимъ выгодный для себя миръ, не заботясь о другихъ. Моя твердая надежда въ характерѣ Бонапарта: онъ не захочетъ слышать ни о какомъ соглашеніи, какъ только ему нужно будетъ уступить хоть вершокъ его прежнихъ завоеваній.

Вотъ вы и помѣстились въ вашемъ возвышенномъ жилищѣ; мнѣ говорила ваша тетушка, что вамъ устроили тамъ прелестное помѣщеніе и что васъ балуетъ гр. Литта. Нахожу, что онъ очень счастливъ, если можетъ легко вамъ услуживать.

Счастливъ у кого хорошее помѣщеніе, и я этимъ вполнѣ пользуюсь, такъ какъ у меня одна изъ лучшихъ квартиръ въ Москвѣ, чистая, хорошо меблированная и старательно содержимая. Поэтому прошу вѣрить, что меня навѣщаютъ дамы и что легкое нездоровье, удерживавшее меня дома, послужило поводомъ къ тому, что третьяго дня у меня обѣдали Лобкова *) и еще другія дамы. Между нами, я думаю, что скучно облекаться въ челоуѣколюбіе; но я вѣжливо и не показываю виду, что узнаю ее.

У насъ въ Москвѣ новая красавица, о которой довольно много кричатъ. Это молодая жена Валуева-сына; она Лифляндка, свѣжая, съ розовыми щеками, прекрасными глазами, нѣжнымъ говоромъ и большою наивностью; но она скучаетъ здѣсь, потому что не любитъ ни грань-пасьянсовъ, ни вязанья. Скажите пожалуйста, какой образъ жизни вы бы себѣ выбрали, если бы вамъ было вольно устраивать себѣ судьбу. Общество въ 20 челоуѣкъ и трикъ-тракъ съ добрымъ, старымъ герцогомъ Полиньякомъ вамъ кажутся слишкомъ шумными? Вы такъ хорошо созданы для общества, что стараться лишать его васъ—настоящее преступленіе. Правда, днемъ одиночество, чтеніе и сосредоточеніе мыслей составляютъ счастье; но вечеромъ маленькое общество въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ полезно тѣмъ, что, возобновляя мысли, освѣжаетъ умъ и поддерживаетъ его въ настроеніи, нужномъ для жизненныхъ сношеній.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 6 Октября 1813 г.

Зачѣмъ разумъ вашъ захотѣлъ предписать извѣстныя границы чувству, которыя я къ вамъ питаю? Не слѣдовало заставлять его работать надъ этимъ, а просто вполнѣ увѣриться, что я васъ очень люблю и самымъ хорошимъ образомъ. Итакъ, не играйте словами, милостивый государь, и не заставляйте меня вамъ объяснять то, что вамъ захочется понимать въ обратномъ смыслѣ: я никогда не съумѣю вамъ отвѣтить, просто потому, что я не такъ умна, какъ вы, и увѣрена, что если напишу цѣлые томы, вы съ двухъ словъ меня побьете. Въ письмѣ, 29-го полученномъ, опять затронуть предметъ, который навлекъ на васъ мою брань. Право же мнѣ нельзя было васъ понять иначе; страхъ при мысли о томъ, что меня будетъ спрашивать Марковъ и увѣренность въ томъ, что я ему неловко отвѣчу, можетъ быть, разсердила больше, чѣмъ слѣдуетъ, и я, обыкновенно откровенная, почувствовала потребность высказать вамъ,

*) Анна Ивановна, рожд. Игнатъева, мать С. А. Соболевскаго.

какъ я все это приняла. Если я немного черезчуръ разсердилась, соблаговолите простить мнѣ это, и сдѣлаемъ, какъ-будто ничего не было.

Мое помѣщеніе, состоящее изъ трехъ комнатъ, приняло видъ свѣжести, ласкающей глаза, благодаря новому паркету, исправленному камину, вновь окрашенной обивкѣ и вывернутому зеленому казимиру на мебели; мои сотоварки смотрятъ на него особенно, съ настоящей завистью. Господствующая въ немъ чрезвычайная чистота, извѣстный порядокъ въ моихъ вещахъ, все это прелестно. Я себѣ устроила маленькій уголокъ, гдѣ поставила очень удобное Вольтеровское кресло, напротивъ маленькій столикъ и сбоку этажерку, на которой стоятъ мои книги; это очень комфортабельно, какъ говорятъ Англичане. Тутъ провожу я каждое утро.

Я отказалась отъ прогулокъ: конечно, невозможно нѣсколько разъ на день взбираться на эти ужасныя лѣстницы; надо ограничиться галлереями Эрмитажа, тѣмъ болѣе, что вотъ точное распредѣленіе всей недѣли. Въ Понедѣльникъ обѣдаю у себя небольшимъ количествомъ супа, котлетой, яйцами и стаканчикомъ портвейна; затѣмъ почти цѣлый день занимаюсь писаньемъ; вечеромъ, т.-е. въ 9 часовъ, ѣду къ княгинѣ Борисъ. Еще ничего не рѣшено относительно обѣда во Вторникъ: я могу пообѣдать гдѣ-нибудь, гдѣ не часто бываю; вечеромъ я возвращаюсь къ себѣ. Въ Среду обѣдаю у графини Строгановой и ужинаю у ея матери. Въ Четвергъ обѣдъ у княгини Юсуповой и вечеръ у Гурьевой. Въ Пятницу обѣдъ у княгини Борисъ, а такъ какъ этотъ день она опять принимаетъ вечеромъ, то норовлю улизнуть къ себѣ въ мой уголокъ. Въ Субботу я обѣдаю у господъ Литта, играю тамъ въ бостонъ и вечеромъ отправляюсь къ княгинѣ Владимиръ. Въ Воскресенье опять обѣдъ у княгини Борисъ, а вечеромъ у Гурьевой. Слышите ли, Гурьевой; потому что это не столько относится до нея самой, сколько до нѣкоторыхъ добрыхъ друзей, которыхъ я тамъ встрѣчаю.

Въ Петербургѣ утро не такое, какъ въ Москвѣ: выѣзжаютъ въ 4 часа къ обѣду, такъ что тому, кто встаетъ въ 8 часовъ, какъ я это дѣлаю, достаточно времени для того, чтобы читать, размышлять, отстоять обѣдню, научиться, удовлетворять свое любопытство и вышивать фестоны. Если такъ добры, что придутъ навѣстить меня, я очень рада; если нѣтъ, то я безъ притязаній.

Вчера у Гурьевой говорили, что при выступленіи изъ Дрездена, Саксонскій король былъ окруженъ отрядомъ соединенной арміи и со всей своей семьей отвезенъ въ окрестность Хемница. Правда ли это,

не берусь васъ увѣрять. Но чтò вѣрно, такъ это то, что съ Саксонскаго короля ничего, кромѣ его самого, взять нельзя, такъ какъ достовѣрно, что Наполеонъ завладѣлъ его богатствомъ: онъ заставилъ отдать себѣ даже приданое княжны Августы и удовольствовался тѣмъ, что записалъ все въ большую книгу. Долгорукій сообщаетъ это своей матери изъ Вѣны. Мнѣ кажется, что это потерянные или, по меньшей мѣрѣ, очень невѣрныя деньги.

Нѣсколько дней назадъ похоронили Моро; я не пошла на похороны. Очень хулятъ надгробную рѣчь, но бѣдный преподобный самъ не хотѣлъ говорить и такъ былъ увѣренъ въ неудачѣ, что ожидалъ такой критики. Этотъ умный человѣкъ, но я не удивляюсь, что рѣчь ему не удалась, такъ какъ предметъ былъ трудный. Полковникъ Рапателъ былъ у меня; онъ плачетъ, говоритъ очень трогательныя вещи по поводу своей привязанности къ Моро, но также странныя о томъ, чтò творится въ арміяхъ. Кажется, онъ не предвидитъ всему этому скорого конца.

Она же.

Петербургъ, 20 Октября 1813.

Я не въ Понедѣльникъ остаюсь дома, а во Вторникъ, оттого что я приняла должность въ Дамскомъ Благотворительномъ Обществѣ. Я помощница г-жи Новосильцовой (урожденной Орловой); такъ какъ случилось, что у нея бѣдные въ двухъ довольно отдаленныхъ одна отъ другой частяхъ, то она мнѣ поручила одну изъ нихъ. Эти поѣздки должны совершаться въ Понедѣльникъ, такъ же какъ и представленіе моего отчета г-жѣ Новосильцовой; она, въ свою очередь, передаетъ его каждую Среду въ Совѣтъ. Я устроилась такъ, что буду имѣть карету г-жи Новосильцовой, которая просила меня въ эти дни обѣдать у нея. Она хорошая женщина, видитъ мало людей, живетъ у Езуитовъ, изъ-за сына, и принимаетъ у себя только нѣкоторыхъ духовныхъ, или людей того же сорта, какъ, напримѣръ, Местра *). Итакъ, я туда ѣду сегодня, а вечеромъ вернусь домой, чтобы докончить свои письма.

Вчера я была у Маркова, узнавъ, что онъ немного боленъ. Графъ сказалъ у Гурьевой, что онъ былъ въ постели, и мы поспѣшили къ нему пріѣхать. Онъ насъ превосходно принялъ. Просидѣли около двухъ часовъ. Онъ только что всталъ. Это былъ лишь легкій насморкъ. Я нашла, что у него хорошій видъ, а главное, онъ очень любезенъ,

*) Замѣну имъ искала она, утративъ единственнаго сына и не живя съ мужемъ, въ Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. П. Б.

даже очарователенъ. Смѣялся надо мной, сравнивалъ меня съ Амбруазой де Ламелѣ, но все это дѣлалось такъ, что только заставляло смѣяться. Я попросила повидаться съ его дочерью. Она тотчасъ же пришла. Я была съ нею очень ласкова, и отецъ мнѣ былъ благодаренъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать завтра или въ Среду. Онъ старается привлечь Гурьеву; не знаю, что онъ будетъ въ этихъ случаяхъ дѣлать съ г-жею Гюсъ, она вчера не вышла и не показывается, когда Гурьева тамъ бываетъ. Я очень люблю вашего старика и отъ всего сердца желаю, чтобы онъ могъ повѣрить въ Иисуса Христа. Боже мой, Боже мой, какой онъ еще философъ!

Кристинъ.

Москва, 30 Октября 1813.

Такъ вамъ очень опротивѣло общество, княжна! Это ужасно; это значитъ находить удовольствіе въ неблагодарности, ибо это отвращеніе—зло, которымъ вамъ общество отвѣтитъ. Это я вамъ говорю съ увѣренностью и умоляю васъ позволить себѣ немного любить тѣхъ, кто васъ любитъ. Я совсѣмъ не за большое шумное общество, гдѣ сердце почти какъ въ одиночествѣ, но очень за маленькія собранія друзей или близкихъ знакомыхъ, съ которыми безъ стѣсненія можно поболтать вечеромъ часокъ-другой послѣ дня, проведеннаго въ занятіи и одиночествѣ: тогда отдыхаетъ умъ, является веселость, и мысли обновляются обмѣномъ другихъ мыслей. Можетъ быть, ваши выѣзды въ обѣденное время уничтожаютъ то удовольствіе, которое вы получили бы отъ общества, если бы оно для васъ начиналось съ 9 часовъ вечера; можетъ быть, оно для васъ стало бы необходимо, а вслѣдствіе этого пріятно, какъ говоритъ пословица: настоящія удовольствія испытываются только при настоящей нуждѣ.

Если бы вы цѣлый день оставались однѣ съ вашими книгами и въ полной тишинѣ, вы бы увидѣли, что въ концѣ дня, въ опредѣленный часъ, васъ бы потянуло къ нѣкоторымъ друзьямъ. Говорите, что хотите, а вы созданы для этого, и утверждать противное, значитъ идти противъ своей природы. Что касается до образованности, за которую вы не слишкомъ стоите, это также богохульство, ересь, въ которой нужно лучше раньше, чѣмъ позже, покаяться. Подумайте только, что безъ этой людскости мы бы не пользовались вашимъ умомъ, а вы бы не пользовались умомъ столькихъ извѣстныхъ и знаменитыхъ людей, произведенія которыхъ доставляютъ и вамъ и намъ наслажденіе. Вы думаете, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Расинъ и высокіе

геніи XVII вѣка написали бы свои образцовыя произведенія, если бы не родились какъ разъ въ эпоху самаго высокаго развитія образованности? Потому что послѣ нихъ она очень пала, и мы это чувствуемъ. Представить вамъ живые примѣры? Взгляните на тотъ слой общества, гдѣ недостатокъ образованія мѣшаетъ развитію: конечно, вы тамъ встрѣтите людей честныхъ, иногда съ природнымъ умомъ, но какъ этотъ умъ стѣсненъ мелкими помышленіями, на которыя онъ обращается; какое множество мыслей, которыми мы имѣемъ счастье обладать, никогда не дѣлается имъ доступно и не возвыситъ ихъ душу до извѣстной высоты! Но (если я хорошо понимаю ваше письмо) именно это множество идей васъ смущаетъ, и вы завидуете людямъ другого положенія именно въ этомъ недостаткѣ ихъ. На это мнѣ нечего отвѣчать, развѣ только что большое богатство всякаго рода пресыщаетъ того, кто имъ обладаетъ. Неужели вы рѣшитесь взаправду жаловаться на то, что составляетъ ваше лучшее достоинство въ глазахъ всѣхъ людей съ пониманіемъ; я говорю о тѣхъ блестящихъ и тонкихъ мысляхъ, такъ же обильныхъ какъ и легкихъ, которыя васъ отличаютъ въ высшей степени. Ахъ, вѣрьте мнѣ: цѣните больше свои дарованія и благодарите природу за полученные отъ нея дары, они рѣдки и драгоцѣнны; благодарите воспитаніе за блестящій лакъ, надъ всѣмъ этимъ проведенный, и наслаждайтесь собою съ чувствомъ удовлетворенія, которое естественно испытываешь, когда видишь, что тебя цѣнятъ и судятъ по заслугамъ. Не всякому это дается; надо точно отыскать свое мѣсто, чтобы пользоваться этимъ преимуществомъ. Надо, чтобы и мѣсто, и обстоятельства соотвѣтствовали и согласовались другъ съ другомъ, а это бываетъ очень рѣдко. Все-таки мнѣ кажется, что когда сознаешь, что тебя несправедливо судятъ, что-то мѣшаетъ внутреннему удовлетворенію, потому что несправедливость всегда немного уязвляетъ, какъ бы ни былъ человѣкъ лишенъ самолюбія и тщеславія.

Вотъ вы и благотворительная дама; я увѣренъ, что это вамъ очаровательно пристало. Я не читаль объявленія объ этомъ учрежденіи; когда оно появилось, меня непріятно поразило въ немъ подражаніе Парижу. Но мнѣ кажется, что я былъ неправъ:—не все ли равно откуда взята мысль, лишь бы дѣлалось добро? Графиня Толстая будетъ смертельно беспокоиться, когда прочтетъ въ отчетахъ изъ арміи, какое участіе армія Бенингсена принимала въ большой битвѣ при Лейпцигѣ. Третьяго дня я ей написалъ такъ, чтобы она могла подумать, что графъ Строгановъ видѣлъ Алексѣя уже послѣ этой битвы. Я сказалъ такъ: главный штабъ въ Лейпцигѣ, откуда уже есть

письма. А кстати о письмахъ изъ главнаго штаба, спѣшу вамъ сообщить отъ княжны Туркестановой, что графъ Строгановъ видѣлъ Алексѣя и нашель, что онъ очень милъ, и что онъ писалъ о немъ много хорошаго своей женѣ. Она у меня будетъ спрашивать точныхъ подробностей и побранить меня за то, что я повѣриѣ не узналъ числа, а въ это время откроется правда, она получитъ письма отъ своего мужа и, надѣюсь, не прольетъ ни одной слезы. Я дрожу при мысли о количествѣ жертвъ, которыхъ придется оплакивать. Мы съ часу на часъ ожидаемъ писемъ отъ 24-го числа, изъ которыхъ мы можемъ многое узнать, такъ какъ приближаемся къ катастрофѣ, и каждый курьеръ можетъ намъ привезти извѣстіе о гибели Чудовища. Вандамъ думалъ вначалѣ, что ему лгутъ относительно нашихъ побѣдъ, но прочтя списокъ генераловъ, 24-го убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ подъ Лейпцигомъ, онъ сказалъ, что если все это правда, онъ не сомнѣвается, что Бонапартъ застрѣлится еще до Рейна. Да будетъ Вандамъ пророкомъ! Негодяи должны знать и понимать другъ друга, и предположеніе нашего плѣнника доставило мнѣ удовольствіе.

Не терпится мнѣ узнать объ обѣдѣ, на которомъ вы были у Маркова. Неужели г-жа Гюсъ тамъ была? Я въ восторгѣ, что дѣвочка вамъ понравилась; что касается до отца, то у него прекрасныя основы и великія достоинства, которыя, въ концѣ-концовъ, привязываютъ, потому что чѣмъ опытнѣе становишься, тѣмъ узнаешь больше, видя, что они рѣдки. Я не говорю, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ не приходилось на него жаловаться, но онъ это чувствуетъ и послѣдовательно и методично, при всякомъ удобномъ случаѣ заглаживаетъ это, никогда объ этомъ не говоря. Вы увидите все это, если мнѣ когда-нибудь удастся возстановить въ памяти ворохъ бумагъ, по моей глупости сгорѣвшихъ. Хочу надъ этимъ поработать, но этого долго ждать, потому что я 20 лѣтъ велъ дѣятельную жизнь, и въ какое время! Однимъ словомъ, я хочу побѣдить свою лѣнь, какъ она мнѣ ни дорога.

Читали ли вы въ газетахъ, что Французскіе принцы присутствовали на панихидѣ, которую служила въ Лондонѣ г-жа Моро по мужѣ? Это обстоятельство мнѣ доставило удовольствіе побѣды. Послѣдуетъ ли, наконецъ, возвратъ къ настоящимъ основнымъ началамъ, единственнѣмъ могущимъ возстановить твердый миръ, потому что они опираются на справедливости? Если земные цари хотятъ царствовать въ мирѣ, надо, чтобы они перестали освящать похищеніе престоловъ и чтобы они пользовались возвратомъ минуты своей власти и возможностью исполнять свою волю, чтобы доказать, что только сила обстоя-

тельство принудила ихъ на время покинуть домъ Бурбоновъ. Людовикъ XVIII такой же законный король Франціи, какъ Фридрихъ, король Пруссіи, и нельзя чувствовать надобности поддерживать сего послѣдняго на его тронѣ, если не вспомнить причину, которою онъ чуть было не былъ опрокинутъ. Если бы святой союзъ королевъ составился за Людовика Шестнадцатаго въ 1792 году, война ограничилась бы Франціей и не опустошала бы всю Европу въ продолженіе 20 лѣтъ. Основное начало было потеряно изъ виду, и все рухнуло. Нужны были утомленіе и отчаяніе народовъ, чтобы вернуть государей на прямую дорогу; это замѣчательная истина, о ней исторія будетъ упоминать, какъ объ одномъ изъ самыхъ необычайныхъ случаевъ, котораго свѣтъ былъ свидѣтелемъ.

Вотъ и почта, подтверждающая прекрасныя извѣстія, которыя обезпечиваютъ свободу Европы и всего свѣта. Я считаю Бонапарта безвозвратно погибшимъ и слишкомъ полною счастья, чтобы быть въ состояніи радоваться; мнѣ кажется, будто это прекрасный сонъ. Впрочемъ, среди этого счастья я немного беспокоюсь относительно васъ, дорогая княжна, и беспокойство это основано на боязни, какъ бы визитъ, сдѣланный вамъ графомъ Марковымъ, не доставилъ вамъ затрудненія. Вотъ, что онъ мнѣ объ этомъ пишетъ отъ 24-го (я описываю слово въ слово). „Вчера я былъ у княжны Туркестановой и такъ какъ она была одна, я на свободѣ поговорилъ съ ней о томъ, что вы мнѣ совѣтовали въ одномъ изъ вашихъ предшествующихъ писемъ. Мы еще очень далеки отъ того, чтобы приступить къ разрѣшенію того вопроса между всѣми, до кого онъ касается. Несмотря на то, что я, благодаря моимъ преклоннымъ лѣтамъ, очень спѣшу, я не думаю, чтобы было умно что-либо ускорять въ обстоятельствахъ, которое можетъ очень подѣйствовать на благосостояніе того, кто мнѣ дорого такъ же, какъ и той, о комъ идетъ рѣчь. Эта княжна Туркестанова дѣйствительно такая, какъ вы мнѣ ее описываете, и ее нельзя видѣть и знать безъ того, чтобы не любить и не чувствовать довѣрія“.

Онъ же.

Москва, 5 Ноября 1813 г.

Побѣда дѣлаетъ насъ совсѣмъ великодушными. Этотъ Вандамъ, котораго мы сначала считали за разбойника, вдругъ сдѣлался очень пріятнымъ человѣкомъ: съ нимъ видаются, его принимаютъ, приглашаютъ и чествуютъ. Только и говорю о томъ, что онъ сказалъ у того-то, а на другой день у другого; онъ говоритъ, какъ книга, ѣсть, какъ

голодалый, и составляетъ все удовольствія нашихъ добрыхъ Москвитянь. Меня приглашали обѣдать съ нимъ вмѣстѣ; я отказался, и признаюсь, не чувствую въ себѣ столь нѣжнаго сердца, какъ у тѣхъ, которые такъ легко прощаютъ все бѣдствія и несчастья, причиненныя этой проклятой Богомъ ордою, а къ ней Вандамъ принадлежить. Чтò я буду дѣлать рядомъ съ такимъ человѣкомъ? Слушать молча восхваленія подвиговъ его властелина; я бы не могъ. Сказать ему, что этотъ властелинъ и все служащiе ему висѣльники, было бы съ моей стороны подлостью относительно плѣнника, который не въ состоянiи отвѣтить или отомстить мнѣ. Значить, нужно его избѣгать, чтò я и буду старательно дѣлать. Впрочемъ, я вчера написалъ графинѣ Толстой, что если, вернувшись, она ему дастъ пообѣдать, я буду тамъ же; думаете ли, что есть вѣроятность, что я его тамъ увижу?

Четвергъ, 6 Ноября.

Вчера вечеромъ я горячо говорилъ противъ Вандама съ людьми, которые упрекаютъ меня въ оригинальничаньи по поводу того, что я отказываюсь его видѣть. Знаете ли вы, говорилъ мнѣ одинъ богачъ, что у него полмилліона годового дохода? У него было бы гораздо больше, отвѣчалъ я, если бы ему позволили дѣлать въ Россiи то же, чтò онъ дѣлалъ въ другихъ государствахъ: это богатство, добытое только преступленіемъ, въ ущербъ истиннымъ людямъ, и это въ моихъ глазахъ дѣлаетъ его въ тысячу разъ гнуснѣе. Удивительный человѣкъ! отвѣтили мнѣ, только пожимая плечами. Можно ли подумать, чтобы богатство разбойника внушало къ нему почтеніе? Не тотъ же ли онъ остается разбойникомъ, если онъ и былъ счастливъ? Пугачевъ былъ бы также очень богатъ, если бы его не удалось схватить. Нравственность нѣкоторыхъ людей поистинѣ плачевна; въ устахъ умныхъ и положительныхъ людей она была бы возмутительна, но тутъ этого нѣтъ. Вы виноваты въ томъ, что я въ дурномъ расположенiи духа и, не подозревая того, вы были причиною моихъ ѣдкихъ словъ противъ Вандама.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 4 Ноября 1813 г.

Не знаю, говорила ли вамъ г-жа де-Ноазевиль о выходѣ С. Сира изъ Дрездена. Говорятъ, Толстой сдѣлалъ ошибку и выпустилъ его, тогда какъ могъ бы его задержать. Одна Берлинская газета не-

много удовлетворяетъ любопытство. Эта послѣдняя намъ описываетъ позицію армій и предполагаетъ, что Бонапартъ отправился въ Парижъ и что онъ это сдѣлалъ по просьбѣ Сената. Я ничему этому не вѣрю, да и письмо, на которое ссылается, можетъ быть хитростью плута. Впрочемъ, я готова держать пари, что онъ заберетъ послѣдняго человѣка и послѣднюю копѣйку и будетъ продолжать свое чертовское дѣло. Англійскія газеты говорятъ, что Веллингтонъ пробился черезъ линію войскъ Сульта и прошелъ во Французскія владѣнія во главѣ ста десяти тысячъ человѣкъ; но до какихъ мѣстъ онъ дошелъ? Вотъ этого не говорятъ.

Кристинь.

Москва, 13 Ноября 1813 г.

Я могу повѣрить безпорядкамъ, заставившимъ Сенатъ вызвать его. Эта дура Марія-Терезія разглагольствовала какъ олухъ въ присутствіи презрѣннаго и проданнаго тирану Сената; но чтò сдѣлаютъ 280 тысячъ дѣтей, которыхъ ему отдаютъ въ жертву, если союзники будутъ согласны между собой и не будетъ ни отдыху, ни сроку. Будьте увѣрены, они ничего не сдѣлаютъ; въ основаніи каждаго отряда необходимы старые солдаты, а этого не будетъ у новой арміи. И потомъ еще посмотримъ, какъ наберутъ это новое ополченіе? Будетъ ли это безъ затрудненій, ропота и возмущеній? А мятежники будутъ имѣть поддержку въ Англійской арміи или на Рейнѣ, гдѣ постоянно будутъ находиться союзники. Мнѣ кажется, что настоящее положеніе вещей очень успокоительно. Англичане могутъ распространять во Франціи прокламаціи и открыть глаза этимъ милліонамъ преданныхъ жертвъ. Очень скоро мы увидимъ какую-нибудь перемѣну, которая произойдетъ къ великому смущенію Бонапарта; мнѣ кажется, это неизбежно.

Москва, 16 Ноября 1813 г.

Вчера и сегодня я былъ на большихъ обѣдахъ; они меня утомили. Ихъ дѣлаютъ для князя Барятинскаго, привезшаго намъ довольно красивую жену, которая, кажется, кротка, любезна и очень хорошаго общества. Что касается до него, то я его не видалъ 18 лѣтъ и съ трудомъ его узналъ, а такъ какъ я видѣлъ, что это взаимно, то и порывался ему сказать стихъ Пирона: „Парка втихомолку чертовски напряла“. Но для чего напоминать людямъ, что они были моложе и красивѣе, чѣмъ теперъ? Надо обра-

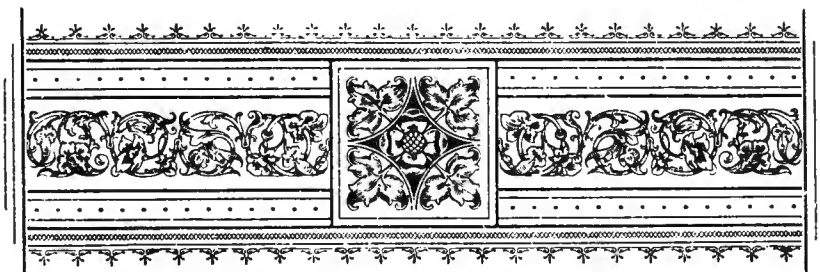
щаться съ другими, какъ съ самимъ собою, воображать себя въ 50 лѣтъ такимъ, какъ былъ въ 30, и быть какъ ни въ чемъ не бывало. По правдѣ сказать, князь Барятинскій имѣеть видъ прекраснаго Клеона. Онъ проживеть зиму здѣсь; его жена Нѣмка и племянница Витгенштейна.

Сегодня вечеромъ вся Москва на представленіи у Познякова *); я вамъ говорилъ было, что также поѣду туда, но теперь мнѣ не хочется, я не нуждаюсь въ развлеченіи, остаюсь сегодня вечеромъ дома и беру ванну, чтобы уничтожить эту крапивную лихорадку, которая постоянно возвращается. Когда бываешь доволенъ, всегда хочется быть совсѣмъ здоровымъ; вотъ почему я купаюсь въ то время какъ поють Дерево Діаны на другомъ концѣ улицы.

Говорятъ о новой побѣдѣ Блюхера, ея подробнаго описанія ожидаютъ съ сегодняшней почтой.

*) Теперь на Большой Никитской.

ДОНЕСЕНІЯ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ПЕРВОМУ ОТЪ НАШЕГО ГАМБУРГСКАГО РЕЗИДЕНТА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА ¹⁾.

1799-1800.

Государь!

Со времени послѣдняго нарочнаго, прилагаемые 13 документовъ клуба доставлялись мнѣ послѣдовательно за исключеніемъ №№ 8 и 12, только что мною полученныхъ. Уже извѣстно Вашему Величеству изъ предъидущихъ моихъ донесеній все наиболѣе важное для Вашего Величества въ остальныхъ бумагахъ.

Адская дѣятельность этихъ злодѣевъ ужасна. Ихъ не останавливаютъ ни трудность предпріятія, ни сопряженныя съ нимъ опасности, свидѣтелями чего шпіоны Латуръ и особенно же подлець Сень-Круа, коего ненависть и страшныя проклятія противъ Колычева ²⁾ столь почѣтны для этого посланника. Въ свое время я извѣстилъ его, точно такъ же, какъ князя Суворова, обо всемъ, касающемся Латура.

Не знаю, вслѣдствіе ли моихъ сообщеній, этотъ послѣдній былъ потревоженъ въ Прагѣ, на что онъ жалуется въ своемъ письмѣ за № 12; если же это такъ, онъ, по счастью, введенъ въ обманъ, воображая, что предали его Альтонскіе Якобинцы и главнымъ образомъ Унцеръ: ибо нужно знать, что между Альтонскими и Гамбургскими негодями существуетъ полный разрывъ: одни—чистые республиканцы, другіе—чистые Якобинцы и, подобно всѣмъ раскольникамъ, они взаимно считаютъ одни другихъ нечистыми. Датское правительство могло бы повернуть эту распрю въ свою пользу и я, кажется, имѣю основаніе

¹⁾ Сохранились въ спискахъ, въ бумагахъ С. С. Татищева. Переведены съ Французскаго. При Екатеринѣ заграничныя наши уполномоченные писали и переписывались по-русски, что содѣйствуетъ къ негласности. Эта перемѣна произошла по кончинѣ князя Безбородки (Апрѣль 1799). П. Б.

²⁾ Нашего посла въ Вѣнѣ.

полагать, что принцъ Карль Гессенскій занятъ извлеченіемъ изъ этого пользы для себя.

Но не на этомъ должно мнѣ останавливать вниманіе Вашего Величества; я подхожу къ гораздо болѣе важному дѣлу. Будучи уже давно извѣщенъ о томъ, что нѣкій Мерсье, братъ презрѣннаго писака того же имени, употребляется здѣсь Французскимъ правительствомъ (въ частности г. Парандье), и именно по Польской корреспонденціи, я приставилъ къ нему одного изъ своихъ повѣренныхъ, по фамиліи Косилье́. Этотъ ловкій и способный человекъ умудрился войти съ нимъ въ дружбу, и съ его помощью я раздобылъ многія извѣстія, кои уже доведены мною до свѣдѣнія Вашего Величества; напримѣръ, о существованіи въ Парижѣ Польскаго Комитета, о повѣдкѣ Шамбарляка. Недавняя его продѣлка съ нимъ какъ нельзя болѣе остроумна. Мерсье охотникъ пить, а Косилье́ имѣетъ отъ меня приказаніе не жалѣть хорошаго вина. Придя къ нему вчера и заставъ его уже готовымъ говорить правду, онъ сумѣлъ сдѣлать такъ, чтобы Мерсье вышелъ въ другую комнату, гдѣ онъ нашелъ человекъ, нарочно туда подосланнаго, чтобы заставить его поболтать. Между тѣмъ, мой агентъ, пользуясь этимъ отсутствіемъ, подходитъ къ конторкѣ, находитъ тамъ бумаги Парандье, прочитываетъ изъ нихъ, насколько это было возможно въ теченіе десяти минутъ, и списываетъ изъ подлинниковъ собственныя имена. Вотъ точная копія съ бумаги, которую онъ мнѣ принесъ сегодня утромъ.

„Нѣкій Французъ, по имени Жуберъ, пріѣхалъ въ прошлую Пятницу изъ Парижа въ Альтону и уѣхалъ во Вторникъ, направляясь въ Польшу съ порученными ему важными письмами. Въ Альтонѣ этотъ Жуберъ повидалъ многихъ: Фергюсона, Линдемана, Хейлигенштадта и купцовъ Роде и Тейфера. Имъ было сдѣлано все, что только возможно, дабы склонить Фергюсона, Роде и Тейфера взять на себя поставку оружія, которое Франція хочетъ переправить Полякамъ; расходы же по покупкѣ его будутъ лежать на обязанности Французскаго правительства. Но купцы эти, чувствуя всю опасность подобнаго предпріятія, колеблются брать его на себя; однако, несмотря на ихъ отвращеніе, надѣются съ помощью членовъ Альтонскаго республиканскаго клуба возобновить это дѣло въ угоду Республикѣ. Вслѣдъ за Жуберомъ долженъ немедленно выѣхать Отто младшій, направляющийся къ тому же мѣсту назначенія. Первый изъ нихъ имѣетъ большія средства, обольстительную наружность, имѣлъ много тайныхъ порученій; въ 1790 онъ редактировалъ „Версальскій Вѣстникъ“ въ Парижѣ“.

Вотъ списокъ агентовъ Франціи, предназначенныхъ для Польши (эти фамиліи были списаны съ подлинныхъ бумагъ):

„Парандье, Нокицвиць, секретарь, Ле-брѣнь, инженеръ, Дюфуръ, тоже, Гутаръ, наставникъ, Майерфаль, тоже, Небельсъ, тоже, Шестцвиць, Либовиць, Родо, Шамбарлякъ, Жуберъ (отъ 35 до 36 лѣтъ, лицо длинное, ростъ—5 футовъ, 7 дюймовъ, очень хорошо сложенъ), Отто, младшій, Менсковъ (приблизительно 40 лѣтъ, ростъ 5 фут. 6 дюйм., волосы темнорусые, лицо круглое, носъ курносый, кожа довольно бѣлая, но въ веснушкахъ и рябая. Говорить плохо по-французски, немного по-испански и по-итальянски, за то хорошо по-нѣмецки и по-польски. Онъ былъ 18 числа прошлаго Октября въ Гамбургъ, гдѣ его принимали за Русскаго, чему я, однако, не вѣрю. Оттуда онъ уѣхалъ въ Шафгаузенъ.

За этими именами слѣдуютъ маршруты, которыхъ агенты должны были держаться въ точности. Они должны быть снабжены и Прусскими паспортами. Парандье отправляется прямо въ Варшаву и проѣдетъ, какъ и нѣкоторые подчиненные, черезъ Пруссію. Остальные направятся въ Польшу черезъ Австрію и Моравію. Графъ Лобковичъ будетъ управлять дѣлами вмѣстѣ съ Парандье до того времени, когда Костюшко сможетъ присоединиться къ образующейся партіи.

Консулы обѣщаютъ всякаго рода помощь; рассчитываютъ на успѣхъ, особливо, если Парандье удастся, какъ онъ обѣщаль, заставить данниковъ Порты, князей Валахіи и Молдавіи, присоединиться къ Польскимъ повстанцамъ.

Будучи въ восторгѣ отъ этого открытія, я поощрилъ усердіе Косильѣ, давъ ему надежду на щедрое вознагражденіе въ томъ случаѣ, если ему удастся узнать еще больше, а особенно, если, какъ онъ увѣряетъ, онъ добьется, чтобы назначили его самого Французскимъ агентомъ въ Польшу. Безспорно, то было бы самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ способомъ имѣть связь съ этимъ революціоннымъ лабиринтомъ.

Принцъ Людвигъ Прусскій все еще тутъ. Поведеніе его все то же. Стонуть, видя, какъ природныя качества и достоинство имъ унижены. Всѣ вечера его видятъ либо въ театрѣ, либо на балу въ отвратительномъ состояніи опьяненія. Ужъ онъ съ повѣсами имѣлъ нѣсколько дракъ, при которыхъ самъ давалъ и получалъ удары кулакомъ. Однимъ словомъ, онъ служитъ предметомъ общаго презрѣнія и удивленія. Нельзя постигнуть ни его поведенія, ни того равнодушія, съ какимъ на это смотрять въ Берлинѣ.

Согласно приказанію вашего Императорскаго Величества, прилагаю при семъ счетъ моихъ секретныхъ издержекъ.

Счетъ моихъ секретныхъ издержекъ.

Голландск.
дукаты.

Моимъ агентамъ, на жалованіи, по 24 дукат. въ мѣсяцъ, считая съ 1 Марта по Октябрь того же года включительно. . . 192

Агенту, посланному въ Лейпцигъ въ Апрѣлѣ 1799 года для выслѣживанія Поляковъ, мнѣ указанныхъ изъ Парижа и переписки о нихъ со мною 100

Редактору Гамбургской газеты за корреспонденцію, имъ доставляемую въ Парижъ, по 10 дук. по четвертямъ за 1799 г. 40

Экспедитору Шюлеру по 90 дук. въ мѣсяцъ (включая сюда 24 дук. въ мѣс., назначенные моимъ агентамъ на жалованіе) съ 1 Ноября по Январь включительно. 270

Награды и другія мелкія порученія, данныя въ различное время 29

Итого 631

Мною получено изъ Кабинета В-го В-ства въ разное время за 1799 годъ, и съ 1 Января по 13 Февраля 1800 года, 450 дук., за вычетомъ коихъ изъ общей суммы въ 631 дук. мнѣ приходится дополчить 181 дук.

*

Полученное 28 Января 1800.

Ваше Величество!

Господа де-Круа и Мезюаръ просили меня повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, какъ великаго магистра верховнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, ихъ согласіе и почтительнѣйшую преданность. Исполняя этотъ долгъ, долженъ, Ваше Величество, прибавить, что эти господа, коихъ имѣю честь знать лично, безупречнаго поведенія, пользуются всеобщимъ заслуженнымъ уваженіемъ и были мнѣ рекомендованы самыми почтенными и знатными среди здѣшнихъ Французскихъ эмигрантовъ.

Гамбургъ.
12/23 Января 1800.

*

Шифрованное.

Государь!

Снабженный предписаніями относительно Польши, Парандье долженъ покинуть Парижъ въ теченіе этой недѣли и отправиться на мѣсто своего назначенія черезъ Гамбургъ и Берлинъ. Въ послѣднемъ городѣ онъ долженъ повидаться съ нѣкимъ Шамбарльякомъ, военнымъ Французскимъ инженеромъ, который недѣлю тому назадъ проѣхалъ черезъ Альтону и оставался тамъ лишь нѣсколько часовъ у Фергюсона. Въ числѣ прочихъ лицъ съ Парандье долженъ быть Полякъ Новицкій.

Гамбургъ.
3/14 Января 1800.

*

Государь!

На этихъ дняхъ произошелъ случай, чуть-чуть не лишившій меня пріобрѣтенныхъ мною способовъ узнавать обо всемъ, что происходитъ въ Кружкѣ*). Я поручилъ нѣкому Мозеру условиться съ экспедиторомъ; черезъ его посредство я и узнавалъ о всѣхъ дѣйствіяхъ Кружкѣ, о чемъ по сіе время послѣдовательно доводилъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Въ то время, когда мнѣ удалось его обрѣсти, онъ служилъ у лорда Гренвиля, котораго извѣщаль обо всемъ, что могло непосредственно касаться Англіи; такимъ образомъ, употребляя его для своихъ дѣлъ, я, такъ сказать, приводилъ въ дѣйствіе машину на общій счетъ съ Британскимъ правительствомъ. Теперь, когда онъ менѣ всего ожидалъ, этотъ Мозеръ получаетъ изъ Лондона отъ статсъ-секретаря Гаммонда письмо, въ которомъ послѣдній, поблагодаривъ за важныя услуги, имъ оказанныя обнаруженіемъ переписки, коей подлинность подтвердилась на дѣлѣ, объявляетъ, что Англійское правительство больше не можетъ пользоваться его услугами, ибо получаетъ тѣ же бумаги, и еще быстрее черезъ одного министра - резидента въ Лондонѣ. Не понимаю, какимъ образомъ кто-либо кромѣ него могъ посылать тѣ же документы въ Англію; одно только знаю, что не я, ибо я говорилъ о нихъ только Вашему Императорскому Величеству. По моему, единственно возможное рѣшеніе этой загадки, это, что Мозеру измѣнилъ одинъ

*) Въ подлинникѣ cercle. Это клубъ.

изъ его переписчиковъ, который, возимъвъ намѣреніе его замѣстить, постарался отправлять въ Лондонъ эти же бумаги наискорѣйшимъ способомъ, такъ что лордъ Гренвиль, получая ихъ раньше, чѣмъ отъ Мозера, отдалъ предпочтеніе ему. Но въ этомъ ошибутся, и Англія ничего больше не получитъ, если только не постарается возобновить условіе съ Мозеромъ. Одинъ онъ въ состояніи продолжать эту драгоцѣнную переписку, во-первыхъ, благодаря довѣрію, которое сумѣлъ внушить тѣмъ, съ кѣмъ вошелъ въ сдѣлку, во-вторыхъ, по удивительному лукавству при обнаруженіи самыхъ темныхъ заговоровъ. Когда онъ вчера пришелъ рассказать мнѣ свое приключеніе, я очутился въ необходимости либо потерять ключъ къ Кружку, либо взять на себя одного издержки, которыхъ требуетъ это дѣло. Но такъ какъ я считаю, что оно имѣетъ слишкомъ большое значеніе, чтобы возможно было колебаться въ выборѣ рѣшенія, я согласился, если только Ваше Величество не изволите приказать иного, на 130 дукатовъ въ мѣсяцъ, вмѣсто 90, какъ было условлено, включая сюда все остальные тайные расходы. По заключеніи этого договора, прекратившіяся было на три дня отношенія съ Кружкомъ возобновились, и сегодня же мнѣ были доставлены бумаги, которыя я при семъ препровождаю Вашему Императорскому Величеству.

По поводу снятія запрещенія на выходъ Гамбургскихъ судовъ изъ Французскихъ гаваней, здѣшній Прусскій министръ - резидентъ, потребовавъ къ себѣ депутацію отъ Сената, напыщенно объявилъ, что мѣрою этой обязаны ходатайству его повелителя, короля. Талебранъ въ своемъ письмѣ приводитъ иную причину (прилож. № 3); она, кажется, болѣе правдоподобно.

Нѣсколько недѣль, какъ здѣсь министръ-резидентъ Сардинскаго короля. Вѣроятно, баронъ Крюденеръ уже довелъ до свѣдѣнія Вашего Величества о причинахъ, заставившихъ этого министра отлучиться отъ своего поста. Онъ рассчитывалъ остановиться въ Гамбургѣ, но за то время, что онъ здѣсь, ему уже намекнули изъ Вѣны, что баронъ Тутгутъ не перестанетъ его беспокоить, пока ему будетъ извѣстно, что онъ въ городѣ, гдѣ находится Русскій министръ. Послѣ такого уведомленія Кастель-Альферъ рѣшилъ покинуть Гамбургъ, чтобы на нѣсколько мѣсяцевъ поселиться въ Шлезвигѣ. За короткое время, имъ проведенное здѣсь, мнѣ посчастливилось внушить ему нѣкоторое довѣріе, чему онъ далъ лестное доказательство, сообщивъ мнѣ выписку изъ депеши Сардинскаго министерства, копію съ которой при семъ прилагаю (литера А) вмѣстѣ съ его письмомъ по этому предмету ко мнѣ.

Гамбургъ.
19/30 Января 1800.

*

Ваше Величество!

При семь прилагаю двѣ только что мною полученныя бумаги Кружка: одна отъ Сень-Круа изъ Вѣны, другая изъ Берлина отъ Американскаго доктора Эллисона, друга Англійскаго Якобинца Бересфорда.

Меня недавно извѣстили изъ Парижа, что если что-нибудь можетъ еще уронить довѣріе къ существующему правительству, то достаточно для этого одного упраздненія газетъ, чтобы окончательно лишить консуловъ народной любви. Эта мѣра, столь же неразумная въ политическомъ отношеніи, какъ въ финансовомъ, заставитъ тридцать тысячъ человѣкъ умереть съ голоду. Рабочіе-типографщики ропщутъ; благодаря этому упраздненію, сократятся гербовый и почтовый доходы, а это тѣмъ начестѣе, что остальные статьи общественнаго дохода уже ничего не приносятъ. И это прекрасное дѣло есть послѣдствіе гнѣва Бонапарта противъ газетъ, выпустившихъ въ свѣтъ его переписку съ Англіей и письмо одного Вандейскаго начальника, гдѣ его называли авантюристомъ, Корсиканцемъ и тираномъ. Изъ ста и болѣе существовавшихъ газетъ осталось всего тринадцать на жалованіи отъ консуловъ: поэтому онѣ и стараются снискать къ себѣ благосклонность Бонапарта самыми ужасными богохульствами противъ вѣры. Особенно „Газета свободныхъ людей“ говоритъ о вѣрѣ такія возмутительныя богохульства, что этого одного было бы достаточно, чтобы возбудить негодованіе этихъ несчастныхъ заблудшихъ, настолько простосердечныхъ, чтобы вѣрить въ искренность правительства въ прекрасныхъ его фразахъ въ пользу вѣроисповѣданій.

Единственный бичъ, недостававшій для переполненія мѣры бѣдствій, разоряющихъ Францію, чума, только что появилась въ этой несчастной странѣ. Изъ Ниццы она перешла въ Гренобль, а оттуда въ Лионъ, гдѣ уже было нѣсколько смертныхъ случаевъ. Страшная эта болѣзнь начинается съ прыща на языкѣ и больше передается черезъ одежду, чѣмъ черезъ прикосновеніе къ больнымъ. Увѣряютъ что и въ Страсбургѣ открыли признаки этой эпидеміи.

Гамбургъ.

21 Января/1 Февраля 1800.

*

Государь!

Послѣ упраздненія газетъ въ Парижѣ, о войнѣ Шуановъ имѣются только противорѣчивыя свѣдѣнія. Частныя письма не согласуются съ тѣмъ, что правительство заставляеть печатать на счетъ этого въ газетахъ, состоящихъ на жалованіи у Бонапарта. Въ то время, какъ эти газеты объявляютъ о трехъ-четырехъ сраженіяхъ ежедневно, въ которыхъ побѣда всегда за республиканскими войсками, а Шуаны постоянно побиты, отъ путешественниковъ и изъ писемъ, приходящихъ изъ департаментовъ, гдѣ ведется война, знаютъ, что главные начальники Вандеи далеко отъ того, чтобы положить оружіе, и что вѣрно они еще очень много дадутъ дѣла Брюну, если онъ считаетъ нужнымъ употребить противъ нихъ пятьдесятъ тысячъ войска. Но набрать такое число въ мѣстностяхъ, гдѣ ведется война, не легкая задача. Жители многихъ городовъ отказались идти противъ своихъ братьевъ и дѣтей, и еще недавно одна подвижная колонна изъ Динау, вмѣсто того, чтобы вступить въ бой, перешла съ барабаннымъ боемъ на сторону недовольныхъ.

Здѣсь видно ежедневно возвращающихся во Францію эмигрантовъ, или готовящихся къ этому. Послѣ того, что Бонапартъ далъ имъ возможность легко быть вычеркнутыми изъ списка эмигрантовъ, нѣтъ ничего смѣшнѣе ослѣпленія, съ которымъ они сами бѣгутъ въ разставленную имъ ловушку. Если они непослѣдовательны, то Бонапартъ не въ нихъ. Онъ чувствуетъ, что ему необходимо поселять раздоры, чтобы царствовать, и что только ставя одну партію противъ другой, онъ сможетъ справиться съ ними. Иначе, какъ этою системою Бонапарта нельзя себѣ объяснить его примирительныя дѣйствія одновременно и съ эмигрантами, и съ террористами, ни согласить его приглашеніе эмигрантамъ вернуться во Францію, съ разрѣшеніемъ Анжерскимъ Якобинцамъ отпраздновать годовщину убійства Людовика XVI. Но многіе изъ эмигрантовъ не принимаютъ сего въ расчетъ и возвращаются: иные для того, чтобы имъ вернули ихъ имущества, другіе отъ отвращенія къ настоящему ихъ положенію, считая, что никакая перемѣна не сдѣлаетъ ихъ болѣе несчастными, чѣмъ они теперь. Однако, и тѣ и другіе могутъ ошибиться: Бонапартъ не имѣетъ въ виду ни возвращенія имѣній, ни смягченія, а главнымъ образомъ рассчитываетъ уменьшить во всей Европѣ шумъ, поднятый жертвами революціи, призвавъ достаточное ихъ число во Францію и черезъ это

имѣть тогда общественное мнѣніе въ своей власти, а послѣ предложить имъ на выборъ или измѣнить своей присягѣ, принявши клятву вѣрности конституціи, или быть изгнанными навсегда, съ конфискаціей ихъ имѣній, но уже формально облеченнымъ постановленіемъ. Если найдутся настолько низкія души, чтобъ согласиться на послѣднее, предпочтя родину чести, Бонапартъ пріобрѣтетъ въ нихъ новыхъ приверженцевъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобъ поддерживать власть хищника.

Меня сейчасъ увѣряютъ, будто въ Парижѣ получено извѣстіе, министерскимъ путемъ, что Бонапартъ третій уже разъ предлагаетъ Англій миръ. Чтобъ выяснить этотъ слухъ, ждуть Англійскую почту, задержанную противнымъ вѣтромъ. На завтра ждуть въ Шверинѣ Ея Императорское Высочество наслѣдную принцессу Мекленбургъ-Шверинскую. Я отправляюсь туда, чтобъ засвидѣтельствовать Ея Высочеству мое нижайшее почтеніе. Шверинѣ отстоятъ отъ Гамбурга всего на одинъ день пути, такъ что мое отсутствіе на нѣсколько дней не принесетъ ущерба ни моимъ письменнымъ сношеніямъ, ни дѣламъ по моей домности.

Гамбургъ.
3/14 Февраля 1800.

*

Государь!

Я вернулся сюда изъ Шверина третьяго дня, пробывъ тамъ 6 дней, и бывъ свидѣтелемъ зрѣлища, прелестнаго для всѣхъ, но для Русскаго особенно: всеобщаго восторга при появленіи Ея Императорскаго Высочества наслѣдной принцессы Мекленбургъ-Шверинской. Мнѣ невозможно описать впечатлѣніе, произведенное ею на Дворъ, на весь городъ и на массу собравшихся для встрѣчи ея Мекленбуржцевъ и иностранцевъ. Ея величественный видъ и красота вызвали всеобщее удивленіе, а своею привѣтливостію она плѣнила всѣ сердца, такъ что только и слышно было: это ангель, сошедшій съ неба! Весь Шверинѣ, начиная съ великокняжескаго дворца, въ упоеніи и радости. Одно пышное празднество смѣняетъ другое. За мое краткое тамъ пребываніе я былъ преисполненъ милостію Ея Императорскаго Высочества и ихъ свѣтлостей. По моемъ сюда возвращеніи я получилъ отъ Его Высочества наслѣднаго принца его портретъ, осыпанный брилліантами, который онъ соблаговолилъ мнѣ прислать по случаю передачи мною его свѣтлости 250 тысячъ рублей, составляющихъ часть приданаго Ея Императорскаго Высочества. Для принятія сего дара

осмѣливаюсь просить всемилостивѣйшаго позволенія Вашего Величества.

Частныя письма изъ Франціи продолжаютъ быть въ противорѣчій съ отчетами о войнѣ на ея Западѣ, печатаемыми въ газетахъ Бонапарта. Въ письмахъ нѣтъ ни слова ни о всеобщемъ умиротвореніи, ни о пораженіи Шуановъ. Напротивъ, республиканцы, какъ видно, скрѣпя сердце сражаются противъ своихъ соотечественниковъ, а ихъ генералы не перестаютъ просить о подкрѣпленіяхъ. Въ одномъ изъ ихъ писемъ, перехваченномъ недовольными, Лефевръ говоритъ Брюну: „у насъ нѣтъ въ настоящую минуту свободныхъ войскъ; если же они вамъ крайне необходимы, возьмите изъ Нанта, но только при послѣдней крайности“. Я получилъ это извѣстіе изъ Парижа отъ 16 Февраля, слѣдовательно, послѣ того, что всѣ официальныя газеты помѣстили о побѣдахъ республиканцевъ и о полномъ истребленіи королевскихъ войскъ.

Гамбургъ.
14/25 Февраля 1800.

*

Получено 7 Марта 1800.

№ 8. Шифровано.

Государь!

Лаутъ былъ еще въ Петербургѣ 10 Февраля н. ст. подъ вымышленнымъ именемъ: у меня его письмо отъ этого числа къ Аббема, Батавскому посланнику въ Гамбургѣ. Онъ пишетъ о своемъ затруднительномъ и тяжеломъ положеніи и о томъ, что послѣ приѣзда курьера, посланнаго мною отсюда, Петербургская полиція ведетъ такіе строгіе розыски, что онъ самъ вынужденъ скрываться у двоюроднаго брата Аббема, гдѣ и останется, пока кружокъ не заблагоразсудитъ отозвать его. Затѣмъ онъ сообщаетъ о своихъ тревогахъ за судьбу Брюнеля, „тогдашъ по отъѣздѣ котораго изъ Петербурга (пишетъ онъ) былъ сдѣланъ обыскъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ у нашего друга, считаемаго за имперіалиста. Я черезъ одного консула досталъ ему необходимые для отъѣзда паспорта“. Брюнель уже проѣхалъ черезъ Гамбургъ. Кромѣ этого письма у меня еще много писемъ въ такомъ же родѣ, но въ нихъ нѣтъ ничего важнаго, развѣ то, что какой-то Руперти прибылъ сюда изъ Россіи черезъ Лейпцигъ, привезъ Кружку депеши и отправился въ Парижъ, гдѣ его рекомендуютъ, какъ человѣка пригоднаго къ дѣлу. Черезъ три дня я жду новыхъ бумагъ, только что привезеннымъ курьеромъ отъ Талейрана.

Принцъ Генрихъ Виртембергскій собирается выѣхать отсюда въ Лондонъ. Здѣсь напечатанъ и тайно распространенъ Нѣмецкій памфлетъ на Бреславльское регенство, гнусно досаждавшее этому принцу. Если считать позволительнымъ такой способъ удовлетворенія, тѣмъ не менѣе желательны были бы болѣе осторожныя выраженія о политикѣ Берлинскаго кабинета. Все, что говорится въ памфлетѣ, какъ о немъ, такъ даже и объ особѣ короля, очень рѣзко.

Безъ шифра.

Каждый правительственный шагъ Бонапарта доказываетъ, какъ его роль не по силамъ ему. Довѣріе, которое онъ сумѣлъ внушить въ первое время своего захвата у нѣкоторой части населенія, видимо уменьшается. Послѣдовавшій за восторгами холодный разсудокъ заставляетъ сравнивать прошедшее съ настоящимъ и предвѣщать изъ этого сравненія будущее, совсѣмъ для Бонапарта неблагоприятное. Дабы лучше скрывать свое усиленіе, онъ обѣщалъ Франціи миръ, единственно чего она желала; поэтому большинство населенія и радовалось перевороту 18-го Брюмера. Въ настоящее время, когда всѣ его способы, о которыхъ онъ говорилъ такъ увѣренно, низвелись къ бесполезному и глупому шагу передъ Англійскимъ правительствомъ, Французы, хотя и обиженные отказомъ Великобританскаго министра, досадуютъ на того, кто ихъ довелъ до подобнаго оскорбленія. На материкѣ тоже нѣтъ больше рѣчи о мирѣ, и можно ожидать, что при первомъ испытанномъ Французскими войсками пораженіи, идола низвергнутъ и даже разобьютъ, вопреки прежнихъ дѣйствительныхъ его заслугъ во главѣ войскъ.

Приготовленій къ близкой кампаніи видно во Франціи очень мало. Итальянская армія продолжаетъ терпѣть во всемъ недостатокъ. Бонапартъ обѣщалъ Массенѣ, что въ Ліонѣ онъ получитъ 3 милліона, а по приѣздѣ въ Ліонъ Массена не нашелъ ни копѣйки, вынужденъ былъ отправиться въ Марсель раздобывать денегъ насильственнымъ путемъ, такъ какъ добровольно никто не давалъ и гроша.

Это служить вѣрнымъ доказательствомъ, что нѣтъ никакого довѣрія къ нынѣшнему правительству, а если добавить къ этому, что 12-милліонный заемъ не могъ состояться, что билеты на лотерею (этотъ новый способъ выпутываться изъ затрудненій) не расходятся, получится вѣрная картина финансовъ Республики и степени кредита Бонапарта у капиталистовъ.

Съ другой стороны, рекруты и новобранцы, за которыми жандармы охотятся, какъ за дичью, не способствуютъ тому, чтобъ сдѣлать похитителя пріятнымъ народу. Но чѣмъ онъ себѣ окончательно повредилъ—это смѣшнымъ переѣздомъ въ Тюльери. Самый злѣйшій врагъ Бонапарта не могъ дать ему совѣта болѣе коварнаго и болѣе способнаго лишить его общаго сочувствія. Такъ говорятъ республиканцы, сидя на развалинахъ конституціи. Роялисты въ негодованіи, что Бонапартъ занялъ дворецъ королей; а рабочіе, украшавшіе его новое жилище, ропщутъ, не получивъ еще заплаты. Короче сказать, его выходка возстановила противъ него всѣ партіи, и даже преклоняющіеся передъ нимъ не находятъ извиненія его мелкому тщеславію. Говорятъ, правда, что онъ самъ станетъ во главѣ Рейнской арміи; но хорошо освѣдомленные люди увѣряютъ, что этого никогда не будетъ: онъ побойтся оставить столицу, гдѣ его отсутствіе было бы на руку его врагамъ, чтобъ отправиться къ арміи, потерявшей и бодрость, и вѣру, и готовой идти за тѣмъ, кто больше дастъ. Таково положеніе вещей въ настоящей Франціи по конфиденціальному письму изъ Парижа, только что мною полученному самымъ удивительнымъ образомъ.

Герцогъ Саксенъ-Веймарскій нѣсколько уже дней здѣсь, прибывъ изъ Шверина, а архіепископъ Любекскій пріѣхалъ сегодня и завтра выѣдетъ въ Этинъ, откуда отправится въ Шверинъ на поклонъ къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ наслѣдной принцессѣ Мекленбургъ-Шверинской.

Гамбургъ.

21 Февраля/4 Марта 1800.

*

Получено 18 Марта 1800.

№ 10.

Государь!

Я пользуюсь отъѣздомъ лѣкаря Рюля, имѣвшаго честь сопровождать въ Шверинъ Ея Императорское Высочество Великую Княгиню наслѣдную принцессу Мекленбургъ-Шверинскую, чтобъ положить къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества четырнадцать при семь прилагаемыхъ бумагъ, которыя были мнѣ послѣдовательно доставлены изъ Кружка послѣ послѣдняго нарочнаго курьера.

Памфлетъ на Бреславльское регенство, о которомъ я поминалъ въ моемъ послѣднемъ донесеніи и который я осмѣливаюсь при семь приложить, возбудилъ здѣсь кое-какіе толки, вслѣдствіе чего Прус-

скій посланникъ счелъ нужнымъ доискаться имени сочинителя. Когда это дошло до свѣдѣнія герцога Виртембергскаго, его свѣтлость повелѣлъ заявить сказанному посланнику, черезъ барона Вольцогена (камергера герцога Веймарскаго), что не онъ авторъ этой брошюрки, о которой не имѣетъ никакого понятія. Повидимому, это заявленіе удовлетворило г-на фонъ-Шульца, сказавшаго, что онъ принимаетъ его за официальное и не преминетъ написать о немъ своему Двору, чтобъ уничтожить невыгодное впечатлѣніе, которое могла тамъ про- извести посланная уже туда брошюрка.

Гамбургъ.
27 Февраля/10 Марта 1800.

*

№ 11. Шифровано.

Государь!

Курьеръ изъ Париза, о которомъ я заявлялъ въ моей депешѣ отъ 4 Марта н. ст., привезъ мнѣ, между прочимъ, письмо Талейрана къ посланнику Батавской республики, копія съ котораго находится у меня въ рукахъ. Талейранъ сообщаетъ ему свои опасенія на счетъ новой попытки Англии и Россіи противъ Голландіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ его, что приняты всѣ мѣры для отраженія нападенія. „Войска (пишетъ онъ), бывшія въ Вандеѣ противъ роялистовъ, уже въ дорогѣ, чтобъ встрѣтить Англо-русовъ и отправляютъ даже на почтовыхъ, дабы скорѣе прибыть на мѣсто. Но больше всего пугаютъ Французское правительство намѣренія Пруссіи относительно Голландіи. Признаюсь, пишетъ Талейранъ, что я не безъ тревоги жду возвращенія курьера изъ Берлина, который или успокоитъ меня, или подтвердитъ мои опасенія“. Это письмо, часть котораго написана рукою самого Талейрана, онъ кончаетъ сообщеніемъ, что Рейнгардтъ, посланникъ Республики въ Швейцаріи, съ успѣхомъ дѣйствуетъ въ настоящее время, подкупая своихъ соотечественниковъ. Извѣстно, что этотъ негодяй изъ Виртемберга.

По послѣднимъ запросамъ изъ Париза въ Кружкѣ, которые привезъ тотъ же курьеръ, видно, что Талейрану очень хочется узнать, насколько новый союзъ Россіи съ Швеціей можетъ вредить Республикѣ, и послѣдуетъ ли Данія блужданіямъ своего сосѣда. Онъ спрашиваетъ по этому поводу, сохранилъ ли кружокъ свои отношенія въ Швеціи съ П., способны ли посылаемая имъ черезъ Гамбургъ въ Стокгольмъ личности выполнить важное порученіе, на нихъ возлагае-

мое, и дана ли имъ возможность по коммерческимъ ихъ сношеніямъ прожить тамъ во все время сейма въ Нордкѳпингѳ. Отвѣты на эти вопросы объяснять намъ на счетъ послѣдней статьи, и все, что я узнаю, я тотчасъ сообщу въ Стокгольмъ послу Вашего Императорскаго Величества.

Гамбургъ.

28 Февраля/11 Марта 1800 г.

*

Свѣдѣнія о разныхъ личностяхъ, употребляемыхъ для дѣятельности въ Россіи.

Блесигъ шуринъ негоціанта Гамбургера, фамилію котораго и носить, проѣздомъ изъ Петербурга былъ 18 Декабря въ Ратисбонѳ, отправляясь въ Парижъ курьеромъ.

Брюнель (имя вымышленное), выѣхавшій 27 Брюмера (18 Ноября 1799 г.) изъ Травемюнде на Ригу, Митаву и Петербургъ. Примѣты его: очень невысокъ, скорѣе худъ, чѣмъ полонъ, на видъ слабый, около 27 лѣтъ, въ кругломъ, очень бѣлокуромъ парикѣ. Корабль, на которомъ онъ отплылъ въ Ригу, „Аархустъ“, а капитанъ онаго И. К. Кантель; выѣхалъ изъ Петербурга около Января или Февраля 1800 г. съ паспортомъ отъ консула-друга (должно быть Прусскаго или Вегелина); въ домѣ друга дѣлали обыскъ, онъ жилъ тамъ тотчасъ по его отъѣздѣ.

Клеркъ. 6 Февраля Клерка ждали изъ Риги въ Гамбургъ.

Сентъ-Круа назначался для Петербурга, а послѣ отправился въ Вѣну; изъ письма Кружка видно, что въ Петербургѣ онъ долженъ былъ переговорить съ дѣвицей Нитардъ. Въ Россію онъ долженъ былъ пріѣхать съ курьеромъ Вендтомъ 25 или 26 Декабря; но затѣмъ это приказаніе отмѣнено.

Эрманъ въ Петербургѣ повидимому, пользовался довѣріемъ агентовъ пропаганды.

Лихтенбергеръ, мелочной торговецъ желѣзомъ въ Петербургѣ, вель переписку съ Парижемъ; но его подозрѣвали въ сношеніяхъ съ правительствомъ, за которымъ онъ долженъ былъ слѣдить.

Лаутъ былъ въ Петербургѣ 8 Января, должно быть, характера трусливаго и легко приводимаго въ замѣшательство; онъ былъ въ Петербургѣ еще и 10 Февраля н. ст., но подъ другимъ именемъ.

Руперти проѣзжалъ изъ Россіи черезъ Лейпцигъ, приблизительно въ Февралѣ 1800 г.

Вейсъ (изъ Лейпцига) ѣздилъ по Россіи съ письмами изъ Лейпцига, Риги и Петербурга; проѣхалъ черезъ Гамбургъ 23 Января 1800 года. Письмо въ Кружокъ изъ Парижа предлагаетъ ему отправить въ Петербургъ брата Клементія; но нѣтъ указаній на то, что онъ былъ тамъ.

*

№ 13.

Государь!

Повергаю при семь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества бумаги Кружка, числомъ 13, поступившія ко мнѣ съ отъѣзда Рюля изъ Шверина.

Американецъ Эллисонъ въ настоящее время въ Гамбургѣ и очень гордится тѣмъ, что, какъ онъ говорить, не побоялся Берлинской коалиціи. Если сочли нужнымъ удалить его изъ этого города, мнѣ непонятно, какъ тамъ могутъ терпѣть такого человѣка, какъ Бересфордъ, а еще менѣе могу я постичь, какъ этотъ ярый Якобинецъ могъ добраться до королевы и принцевъ, такъ какъ увѣряютъ, что онъ имъ преподаетъ Англійскій языкъ.

Бургуэнь, назначенный посланникомъ Республики въ Копенгагенъ, нѣсколько уже дней здѣсь и остановился у Окарица, Испанскаго посланника. Не знаю, съ чего увѣряютъ, что онъ останется здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Всякій другой, болѣе совѣстливый, чѣмъ онъ, почувствовалъ бы себя не по себѣ въ городѣ, гдѣ онъ былъ прежде представителемъ Людовика XVI; но Бургуэнь, не имѣющій собственнаго мнѣнія, выпутывается изъ неловкаго положенія, лаская одной рукой сторонниковъ Республики, а другою эмигрантовъ, которыхъ онъ зналъ когда-то и которые тайно посѣтили его. Мнѣ извѣстно, что онъ до такой степени довель свое расположеніе къ нимъ, что привезъ имъ письма отъ ихъ родственниковъ; но это нисколько не говоритъ въ пользу его ума, а, напротивъ, доказываетъ непоследовательность безнравственнаго и пустаго человѣка, желающаго быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми. Люди, знающіе его отлично и могущіе сдѣлать ему оцѣнку, увѣряютъ меня, что посредствомъ ласкательства, золота и угрозъ, его можно завести далеко. Его намѣреніе провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Гамбургъ объясняютъ якобы даннымъ ему отъ перваго консула порученіемъ достать тутъ 5 милліоновъ. Я еще не говорилъ объ этомъ съ синдикомъ, поэтому принимаю это какъ городской слухъ; оправдается ли онъ или нѣтъ, но не думаю, чтобъ магистратъ былъ расположенъ удовлетворить подобную просьбу.

Число возвращающихся эмигрантовъ постоянно увеличивается. На прошлой недѣлѣ ихъ уѣзжало по 25—30 каждый день, и не преувеличивая можно сказать, что, съ переворота 18-го Брюмера, число ихъ усилилось на двѣ трети противъ прежняго. Я не сомнѣваюсь въ ихъ вѣрности своимъ убѣжденіямъ (о конституціоналистахъ я умалчиваю); непостижимо только ихъ увлеченіе Бонапартомъ, отъѣздъ коего въ Дижонскій лагерь они объясняютъ его намѣреніемъ провозгласить тамъ королемъ Людовика XVIII. Это заблужденіе (хорошо бы ему не быть таковымъ) раздѣляютъ многіе ихъ родственники, которые писали мнѣ, что теперешняя минута благоприятна для ихъ возвращенія, такъ какъ не идетъ въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями. Но если еще можно ожидать чего-нибудь отъ Бонапарта, то какъ согласить это намѣреніе съ низкимъ предательствомъ при захватѣ Фроте и съ ненужнымъ его убійствомъ, столь возмутившимъ всѣ партіи? (Точный объ этомъ отчетъ, который я позволяю себѣ при семъ приложить, мнѣ присланъ изъ Парижа, гдѣ онъ былъ напечатанъ и распространенъ). Можно ли предаваться какой-нибудь надеждѣ, когда видишь Фуше изъ Нанта министромъ полиціи, какого-то Камиля Журдана въ Парижѣ и другихъ, подобныхъ симъ корифеямъ Революціи, на высокихъ постахъ правительства. Все это не очень-то располагаетъ къ какой-либо надеждѣ.

Въ отвѣтахъ на запросы изъ Парижа, приложенныхъ къ настоящей депешѣ, говорится въ статьѣ, касающейся Нордкѡпинга, объ нѣкіемъ Шарльѣ, Французскомъ миссіонерѣ. Имя это, какъ и всѣ имена, употребляемая Кругомъ, вымышленное; но я узналъ, что подъ нимъ подразумѣвается Абердѡрнъ, родомъ Шведъ и родственникъ извѣстнаго Горна, изгнаннаго изъ отечества своего. Онъ долго прожилъ въ Парижѣ, а за время своего годоваго здѣсь пребыванія посѣщалъ всѣ собранія, а Кругокъ избралъ его въ свои члены и поддерживаетъ черезъ него сношенія съ Швеціей. Я не премину довести это открытіе до свѣдѣнія г. Будберга въ Норкѡпингъ.

Такъ какъ я только сегодня имѣю въ рукахъ письмо Абема (приложеніе 13-ое), то еще не могъ узнать содержаніе донесенія Лаута, о которомъ онъ упоминаетъ; но я надѣюсь получить его на дняхъ и открыть также, кого подразумѣваютъ въ Петербургѣ подъ именемъ двоюроднаго брата Абема.

Гамбургъ.
16/28 Марта 1800 г.

*

№ 15.

Государь!

По возвращеніи посланнаго Кружкомъ человѣка, я получилъ двѣ бумаги, которыя и повергаю къ стопамъ Вашего Величества. Лаутъ—агентъ Республики, бывший въ Петербургѣ, пять дней какъ находится здѣсь. Талейранъ желаетъ его повидать, чтобы переговорить съ нимъ, о чемъ онъ и пишетъ Абему въ письмѣ (№ 2 прибавленій). Казалось бы, что этимъ выказывается ему довѣріе; но я знаю съ другой стороны, что Лаутъ очень недоволенъ сдѣланнымъ ему приѣмомъ здѣшнихъ друзей, и нисколько не удивлюсь, если онъ, судя по этому приѣму, не ожидаетъ лучшаго и въ Парижѣ. Я не пропущу случая воспользоваться этой размолвкой, если только будетъ на то возможность.

Одинъ изъ моихъ агентовъ, Мозеръ, знакомъ съ Лаутомъ и часто его видитъ. Они оба изъ Эльзаса и вмѣстѣ служили въ Страсбургѣ, что и объясняетъ установившуюся между ними близость. Я настоятельно наказывалъ Мозеру добиться отъ Лаута, кого Кружокъ подразумеваетъ въ Петербургѣ подъ именемъ двоюроднаго брата Абема. Но Лаутъ до сихъ поръ еще не разъяснилъ этого. Онъ еще не настолько поссорился и не такъ еще брезгаетъ своимъ ремесломъ, чтобы не опасаться выдать себя какою-нибудь нескромностію. Однако о менѣе важныхъ вещахъ онъ говорилъ свободно. Такъ, напр., онъ называлъ какого-то Вальтера и Лихтенбергера, коммерсанта, Нѣмца-художника, пишущаго пастелью, по имени Грау или Фрау, и Эльзасца Флѣри, какъ лицъ поддерживающихъ сношенія съ Французскими агентами. На послѣдняго слѣдуетъ особенно обратить вниманіе, такъ какъ я имѣлъ уже о немъ отзывы изъ совершенно другого источника, чѣмъ настоящий, о чемъ и доводилъ уже до свѣдѣнія Вашего Величества въ моей депешѣ № 59, 1799 г. Первое полученное мною о немъ понятіе въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что сообщаетъ мнѣ о немъ Мозеръ.

Бургуэнь не дѣлалъ еще никакого шага передъ Сенатомъ, и я полагаю, что не сдѣлаетъ вовсе. Онъ заранѣе знаетъ, что всякія предложенія о займѣ будутъ отвергнуты, и не хочетъ себя ставить въ неловкое положеніе. Но очень удивительно, что Прусскій посланникъ ничего еще не заявлялъ по этому предмету. Синдикъ Дворманъ довѣрилъ мнѣ вчера, что г. фонъ-Шульцъ говорилъ съ нимъ объ этомъ

случайно, вслѣдствіе его вопроса о томъ, правда ли, что Прусскій Дворъ заявилъ, что сочтетъ за нарушение нейтралитета всякую попытку Французовъ силой вынудить денегъ у города Гамбурга? Посланникъ дѣйствительно подтвердилъ это, но еще далеко отъ частнаго разговора до формальнаго заявленіи, которое онъ долженъ былъ сдѣлать по приказанію своего министра, какъ мнѣ въ свое время было указано барономъ Крюднеромъ.

Если подобный образъ дѣйствій г. Шульца удивителенъ, то не менѣе сего кажется страннымъ, какъ относится къ Бургуэню посланникъ его императорскаго и королевскаго величества. г. де-Бюоль, увѣрявшій, что онъ не переноситъ вида трехцвѣтной кокарды, не стѣсняется въ настоящее время встрѣчаться съ посланникомъ Республики на нейтральной почвѣ. Они часто обѣдали вмѣстѣ, и мнѣ известно, что многіе негоціанты, приглашавшіе ихъ обоихъ, спрашивали предварительно у г. де-Бюоля, хочетъ ли онъ быть вмѣстѣ съ Бургуэнемъ, и что онъ отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ противъ встрѣчи съ нимъ.

Де-Бюоль могъ быть вынужденъ къ подобной встрѣчѣ при Дворѣ по этикету; но въ Гамбургѣ, гдѣ можно выбирать подходящее себѣ общество, такія встрѣчи дѣлаются только по доброму желанію, а такъ какъ до революціи Бургуэнь и де-Бюоль не были знакомы, то встрѣчи эти тѣмъ болѣе удивительны.

Заговоръ противъ перваго консула, приписываемый, по обыкновенію, Парижскими газетами агентамъ Питта, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ Франціи заключался въ слѣдующемъ. На парадѣ или другомъ подобномъ случаѣ часть солдатъ должна была стрѣлять въ Бонапарта, Фуше, министра полиціи, и Роже-дю-Ко были замѣшаны въ это, и послѣдній даже раздавалъ солдатамъ деньги, чтобъ возмутить ихъ, дѣлая это по усердію къ Сіесу или по дружбѣ къ Массенѣ. Бонапартъ былъ предупрежденъ о заговорѣ офицерами того корпуса, въ которомъ подстрекали солдатъ къ возмущенію, и вслѣдствіе этого рѣшился не ѣхать въ Дижонъ. Онъ хочетъ остаться въ Парижѣ, чтобъ встрѣтить враговъ лицомъ къ лицу. Къ ихъ числу онъ относитъ своего брата Люсьена, главу Якобинцевъ; а врагъ этотъ довольно опасенъ, такъ какъ осторожное съ нимъ обращеніе показываетъ, насколько его партія еще страшна во Франціи.

Увѣряютъ, что для смягченія его отрѣшенія отъ должности Бонапартъ предложилъ ему Стокгольмское посольство; но Люсьень не согласился. Подозрѣвая весь свѣтъ, дрожа за свою жизнь, Бонапартъ

проводить все время въ страхѣ смерти. На парадахъ онъ волнуется, выказываетъ смущеніе; если онъ ѣдетъ въ театръ, его экипажъ сопровождаетъ конная гвардія, обнажающая сабли, пока онъ выходитъ; если онъ видитъ толпу, собравшуюся посмотрѣть на него, онъ быстро скрывается въ подъѣздъ, выражая своимъ взглядомъ страшное безпокойство.

Гамбургъ.
6/18 Апрѣля 1800.

*

Получено 4 Августа.

№ 24.

Гамбургъ 20 Іюля (1 Августа) 1800.

Государь!

Въ Понедѣльникъ утромъ, 16 (28) Іюля, какой-то человекъ передалъ моему привратнику письмо (копія съ онаго приложена здѣсь подъ № 1), не сказавъ, отъ кого онъ пришелъ. Я крайне удивился, увидя, по вскрытіи сего письма, подпись Бургуэня.

Безъ дозволенія Вашего Императорскаго Величества я не рѣшусь ни на какой шагъ, а тѣмъ болѣе не соглашусь на сношенія подобнаго рода. Полное молчаніе, вотъ что мнѣ приличествовало въ семь случаевъ; поэтому, безъ всякаго колебанія я принялъ слѣдующія мѣры. Я приказалъ моимъ людямъ, если придутъ за письмомъ на имя г. Лакруа, отвѣчать, что никакого письма нѣтъ; а за тѣмъ, во избѣжаніе повторенія чего-либо подобнаго, я не велѣлъ принимать писемъ, если ихъ податель не дастъ своего имени и не скажетъ кѣмъ онъ посланъ. Въ 9 час. вечера приходили за отвѣтомъ и, не получивъ онаго, нѣсколько разъ приходили снова съ письмомъ для меня; но привратникъ не соглашался его принять иначе, какъ при соблюденіи предписанныхъ мною условій. Не видя возможности доставить мнѣ свое письмо такимъ способомъ, Бургуэнь прибѣгъ къ другому пути, гдѣ ему и удалось. Онъ послалъ свое письмо съ человекомъ, который сказалъ привратнику, что онъ отъ де-Стівена, редактора „Гамбургскихъ Извѣстій“. Люди мои, зная, что де-Стівень ежедневно присылаетъ мнѣ бюллетени, приняли безъ смущенія принесенный пакетъ, полагая, что онъ него. Пакетъ у меня, а копію съ него (подъ № 2) прилагаю при семъ Вашему Величеству.

Однако, чтобъ положить конецъ этимъ проискамъ, я рѣшилъ велѣть написать одному изъ секретарей моихъ записочку, которую

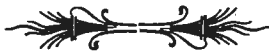
отправилъ въ Альтону, къ часовщику Рюбигеру, на котораго Бургуэнь указывалъ во второмъ письмѣ своемъ. Вотъ подлинныя слова записки.

„Не имѣя возможности входить въ переговоры съ г. де-ла-Круа безъ особаго на то разрѣшенія, тѣмъ менѣе могу я принять письмо, какого бы оно ни было содержанія. Больше ничего другого не имѣю отвѣчать“.

Послѣ этого покушались еще раза два передать мнѣ письмо, но я нарочно три дня сидѣлъ дома, приказавъ, чтобъ всѣ приносимыя письма передавали мнѣ въ собственныя руки, чѣмъ и отбилъ у Бургуэня охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ. Больше я ничего о немъ не слышалъ, но знаю, что вчера, въ 3 часа дня, онъ отправилъ своего курьера обратно.

*

Подполковникъ Михаилъ Даниловичъ Апостоль, прогнавъ отъ себя жену свою Елисавету Николаевну (рожд. Чорбу), передалъ 6 Апрѣля 1801 года свое имя и имущество Ивану Матвѣевичу Муравьеву (род. 1762 г., † 12 Марта 1851 г.), конечно въ виду его успѣховъ. Это человекъ даровитый и ученый, о чемъ свидѣтельствуютъ переведенныя имъ Аристофановы „Облака“. Первая его супруга была родомъ изъ Сербіи, Анна Семеновна Черноевичъ. К. А. Коссовичъ рассказывалъ, что когда она прибыла изъ Франціи (гдѣ воспитывала дѣтей, пока мужъ ея былъ нашимъ министромъ въ Испаніи) въ Кронштадтъ, то стала цѣловать Русскую землю. Она скончалась въ 1810 году, а супругъ ея въ 1812 году женился на Прасковѣ Васильевнѣ Грушецкой. Ея три сына стали Декабристами. Въ Парижѣ Муравьевъ-Апостоль бывалъ, когда Наполеонъ былъ еще первымъ консуломъ и познакомился съ его матерью Летицею, у которой потомъ во Флоренціи былъ, какъ свой, и съ Русскими пріятелями игрывалъ у нея въ проферансъ. Гдѣ его бумаги?

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ГРАФУ С. Р. ВОРОНЦОВУ.

(Копія съ писемъ къ графу Воронцову отправляемыхъ.)

С.-ПБ. Февраля 1 дня 1800 г.

Г. генераль-отъ-инфантеріи гр. Воронцову.

Имѣя давно уже причину быть недовольнымъ поведеніемъ кавалера Витворта, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, когда нужны между государей миръ и согласіе, дабы избѣгнуть отъ неприятныхъ слѣдствій, какія могутъ произойти отъ пребыванія при моемъ дворѣ живыхъ министровъ, желаю, дабы кавалеръ Витвортъ былъ отдаленъ, о чемъ вы, сообщая Англійскому министерству, требуйте назначенія другого министра, и коль скоръ выборъ воспослѣдуетъ, то мнѣ о семъ дайте знать.

*

Его Императорское Величество, усмотря изъ донесеній вашихъ чрезъ ассессора Пизанія полученныхъ, что вы находите затрудненія въ исполненіи его повелѣній, откладывая отправленіе войскъ въ Россію, соизволилъ указать, если вы затрудняетесь и службою, что отъ оной, когда хотите, просить можете увольненія.

Рукою Павла I, карандашомъ:

Его Величество, усматривая изъ неоднократныхъ донесеній вашихъ разныя представленія вопреки волѣ его, приказалъ вамъ сказать, что если исполненіе оной вамъ въ тягость, то невозбранно вамъ просить увольненія отъ службы.

Апрѣля 4 дня 1800 г. С.-ПБ.

Отправлено въ Лондонъ на нарочной эстафетѣ.

(Пароль).

Voilà toute la lettre comme elle doit être écrite. Adieu.

*

С.-ПБ. 13 Апрѣля 1800 г.

Г. генераль-отъ-инфантеріи гр. Воронцову.

Находя по малому числу настоящихъ дѣлъ, что присутствіе ваше въ Англіи не совсѣмъ можетъ быть нужно, позволяю вамъ употребить сіе время на поправленіе здоровья вашего, для чего и отправитесь вы къ водамъ на континентъ, оставя на время отсутствія вашего при Великобританскомъ дворѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ старшаго дѣйств. сов. Лизакевича.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ НА РОДИНѢ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Изъ статьи Н. Энгельгардта („Историческій Вѣстникъ“ 1911 г. Май. „Потемкинскіе милліоны“).

Въ описаніи герба города Духовщины сказано, что символомъ сего герольдическаго изображенія является „въ бѣломъ полѣ кустъ розъ, производящій пріятный духъ“. Такой поэтической символъ для герба Духовщины избранъ самой императрицей Екатериной, когда въ 1776 году городъ Касимъ былъ разжалованъ въ село, а на степень уѣзднаго города возведено дворцовое село Духовщина, конечно, получившее такое названіе отъ храма Св. Духа. Но Императрица предпочла иную игру словъ, съ улыбкой замѣтивъ: „Духовито сіе мѣсто, конечно, потому, что находится близко отъ Чижева, родины Григорія Александровича Потемкина, гдѣ весьма, по словамъ его, въ садахъ множество розъ произрастаетъ, и между ними цвѣтутъ розами прелестныя его племянницы...“

Есть преданіе, весьма вѣроятное, что въ проѣздъ свой черезъ Смоленскую губернію въ 1780 году императрица Екатерина посѣтила Чижево, тогда уже достаточно отстроенное и благоустроенное, чтобы принять столь высокую гостью.

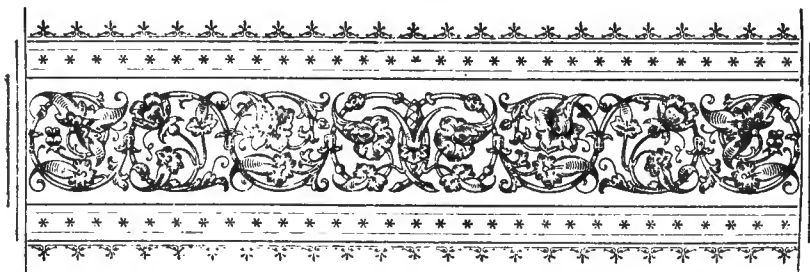
Она желала видѣть усадьбу, гдѣ родился въ 1739 (или 1736?) году Григорій Александровичъ, гдѣ обиталъ (до смерти своей въ 1746 году) его отецъ, небогатый Смоленскій шляхтичъ, отставной майоръ, потомъ вдовствовала его матушка Дарья Васильевна, а потомъ проживала и вдовая сестра его Марѳа Александровна Энгельгардтъ (мужъ ея еще до возвышенія шурина своего умеръ майоромъ) съ сыномъ Василиемъ и пятью дочерьми.

Дорога на Чижево отъ Порѣчскаго большака до сихъ поръ называется „царской дорогой“ и, по объясненію мѣстныхъ старожиловъ потому, что по этой дорогѣ Матушка-императрица изволила въ золотой каретѣ въ гости къ свѣтлѣйшему ѣхать. Впрочемъ, изъ записокъ С. Н. Глинки извѣстно, что въ 1781 году *) Екатерина посѣтила имѣніе его родителей, Сутоки; оно же находится всего въ шести верстахъ отъ Чижева.

Отецъ князя Григорія Александровича въ 1703 году, какъ это видно изъ приходскихъ книгъ, документовъ и „Чижевской лѣтописи“, совместно съ вѣкинмъ ротмистромъ Смоленской шляхты Иваномъ Шевичемъ, построилъ въ Чижевѣ скромный деревянный храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, съ деревянной же оградой и безъ колокольни (колокола висѣли подъ особымъ навѣсомъ на столбахъ). Въ этой церкви Григорій Александровичъ былъ крещенъ, а дьячокъ Семенъ Карцевъ, начавшій службу въ немъ съ 1742 г. и воспѣвавшій Богу до самой смерти своей въ 1806 г., училъ будущаго фаворита и всемогущаго вельможу букварю, псалтырю и часослову. Извѣстенъ рассказъ о посѣщеніи дьячкомъ Карцевымъ своего ученика въ Петербургѣ уже во дни могущества послѣдняго. Рассказъ этотъ находится въ „Чижевской лѣтописи“.

*) Т.-е. въ 1780 г., когда въ Могилевѣ послѣдовало свиданіе съ Императоромъ Иосифомъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ Н. В. РЕПНИНА ПО МАТЕРИ.

РОСПИСЬ

изъ родословной книги Эзельскаго дворянства.

Гансъ фонъ-Полль.

Владѣлецъ имѣнія Полль въ Эстляндіи. Купиль въ 1498 году имѣніе Кэльнь на островѣ Эзелѣ.

Іоганнь фонъ-Полль.

Владѣлецъ имѣнія Полль въ Эстляндіи.

Супруга: Доротея Оверлакеръ, имѣніе Лауценъ, въ Курляндіи.

Юргенъ фонъ-Полль.

Владѣлецъ имѣнія Ильзензее, въ Курляндіи. Былъ взятъ въ плѣнь Русскими, но послѣ освобожденія возвратился въ Курляндію во время царствованія герцога Фридриха Кетлера.

Супруга: Софія Цеге, имѣніе Катцдалгенъ.

Керстенъ фонъ-Полль.

Владѣлецъ имѣнія Ильзензее въ Курляндіи.

Супруга: Гедвига фонъ-Тиленъ, имѣніе Дзеннегаль.

Христьянъ фонъ-Полль р. 1617 † 1693.

Манрихтеръ и предводитель дворянства (Ritterschaftshauptmann.) на островѣ Эзелѣ, владѣлецъ имѣній Кизелехтъ, Вексгольмъ, Пихтендалъ и Теллисть на островѣ Эзелѣ.

1-я супруга: Анна Тайзъ.

2-я супруга: Адельгейда Катарина Будде.

Имѣніе Теллисть и Пихтендалъ. Изъ второго брака.

Іоаганнъ Фридрихъ фонъ-Полль.

Владѣлецъ имѣнія Пихтендаль на островѣ Эзелѣ. Былъ взятъ 1702 года Русскими въ плѣнъ.

1-я супруга: женился 13 Октября 1696 года на Катаринѣ Веттбергъ (?).

2-я супруга: Н. Капренгорстъ.

Безъ мужескаго потомства, изъ второго брака.

Доротеа фонъ-Полль.

Владѣтельница по наслѣдству имѣнія Пихтендаль на островѣ Эзелѣ.

Супругъ: Князь Василій Никитичъ Репнинъ (отецъ фельдмаршала *).

*

Вѣрность настоящей выписи симъ удостовѣряется.

Городъ Аренсбургъ, дворянскій домъ.

24 Марта 1900 года. № 208.

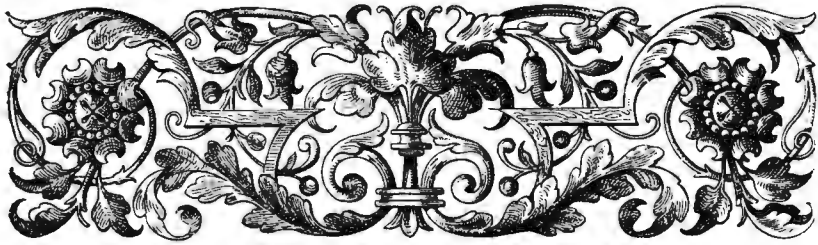
Очередной ландратъ г. баронъ Нолькенъ. Секретарь дворянства Баронъ Фрейтгеръ фонъ-Лерингеренъ.

Примѣчаніе: Іоаганнъ Фридрихъ фонъ-Полль былъ капитаномъ; чинъ этотъ полученъ въ военной службѣ—въ Швеціи.

Сообщено въ „Русскій Архивъ“ праправнукомъ фельдмаршала, княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ-Волконскимъ *).

*) Правнука фельдмаршала княжна В. Н. Репнина-Волконская намъ сказывала, что князь Василій Никитичъ ухаживалъ за Доротеєю фонъ-Полль; но отецъ приказалъ ему жениться на ней, вопреки неравенству въ общественномъ положеніи. П. Б.

**ПИСЬМО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА
ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ИМПЕРАТОРУ НИКО-
ЛАЮ ПАВЛОВИЧУ ОТЪ 3 ЮНЯ 1837 ГОДА ИЗЪ ТОБОЛЬСКА.**

Начну съ того,—писалъ онъ отцу, Императору Николаю,—чтобы благодарить тебя за мысль твою послать меня въ этотъ отдаленный, любопытный край, который никого изъ насъ еще не видѣлъ и въ настоящемъ случаѣ чувствуетъ съ благодарностью высокое вниманіе своего Государя, котораго Сибиряки настоящіе (коренные) умѣютъ цѣнить.

Восторгъ, съ которымъ меня здѣсь вездѣ принимали, меня точно поразилъ; радость была искренняя, во всѣхъ лицахъ видно было чувство благодарности своему Государю за то, что онъ не забылъ отдаленныхъ своихъ подданныхъ, душевно ему привязанныхъ, и прислалъ къ нимъ сына своего, который также умѣетъ цѣнить счастье дѣлать счастливыми другихъ. Я точно не знаю, какъ благодарить тебя, милый папа, за то, что ты меня прислалъ сюда, ибо пребываніе мое здѣсь принесло и жителямъ и мнѣ душевную радость. Они говорятъ, что доселѣ Сибирь была особенная страна, а теперь сдѣлалась Россіей.

Сибирскій край чрезвычайно любопытный, и мнѣ очень жаль, что въ этотъ разъ не удалось далѣе съѣздить; надѣюсь при томъ, что, если Богъ дастъ, со временемъ и туда попасть. Я видѣлъ многихъ пріѣзжихъ оттуда, и всѣ очень сожалѣютъ, что я не могу къ нимъ заѣхать. Здѣшнее населеніе надобно раздѣлить совершенно на (двѣ) отдѣльныя части: старожилы или коренные Сибиряки, народъ чисто-Русскій, привязанный къ своему Государю и ко всей нашей семьѣ, нравственные, живущіе спокойно и во благоденствіи, ибо земля у нихъ удивительная,—все черноземъ; народъ собою видный.

Другая же часть населенія Сибири совершенно другого рода и пагубная для сего края,—это суть поселенцы или сосланные на посе-

леніе, которые больше ничего не дѣлають, какъ бродячь по большимъ дорогамъ, грабять, обижаютъ жителей, и для нихъ настоящее бремя. Присмотръ за ними не возможенъ. Мы заходили въ нѣсколько избъ, и крестьяне намъ говорили, что когда они на работу уходятъ, то ставятъ на окошки хлѣбъ, соль и квасъ для бродягъ ссыльныхъ, а не то зажгутъ имъ деревню или разграбятъ домъ ¹⁾. Нечего сказать, незавидное положеніе, которому, весьма трудно пособить...

Горчаковъ ²⁾, пользуясь моимъ прибытіемъ сюда, осмѣливается ходатайствовать за испрошеніе нѣкоторымъ несчастнымъ, того истинно заслуживающимъ; онъ вѣрно за недостойныхъ не сталъ бы просить. Во-первыхъ, онъ проситъ позволенія произвести изъ рядовыхъ 1-го линейнаго Сибирскаго баталіона Чижова въ унтеръ-офицеры, свидѣтельствуя его усердную и ревностную службу и тихое, скромное поведеніе. Онъ объ этомъ вошелъ съ представленіемъ къ графу Чернышеву. Помянутый Чижовъ, за принадлежаніе тайному обществу и знаніе цѣли его, лишень лейтенантскаго чина и дворянства 10 Іюля 1826 года и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; но по Высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ Бенкендорфомъ 24 Іюня 1833 года, опредѣлень на службу рядовымъ въ 1-й линейный Сибирскій баталіонъ.—Кромѣ того, онъ еще проситъ о прощеніи лишенныхъ чиновъ и дворянства и сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе Павла Рукина, Льва Кузнецова и жены его, достойныхъ всемилостивѣйшаго милосердія по скромной жизни и хорошему поведенію. Просьбы ихъ пересылаю въ особенномъ пакетѣ. Осмѣливаюсь присовокупить къ этому и мое ходатайство: мнѣ бы чрезвычайно пріятно было, милый и безцѣнный папа, если это возможно, чтобы пріѣздъ мой принесъ этимъ несчастнымъ облегченіе въ ихъ судьбѣ.

По утру я выслушалъ обѣдню въ соборѣ въ Курганѣ, — писалъ Великій Князь-Наслѣдникъ въ другомъ письмѣ отъ 6 Іюня 1837 года— Тамъ находятся нѣкоторые изъ причастныхъ къ дѣлу 14-го числа (Декабря), именно Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ (бывшій коннопіонеръ), Нарышкинъ, Розень, Фохтъ и Фурманъ. Я нарочно справлялся о нихъ и узналъ, что какъ они, такъ и живущіе въ Ялуторовскѣ и въ другихъ мѣстахъ, ведутъ себя чрезвычайно тихо и точно-чистосердечно раскаялись въ своемъ преступленіи; ихъ раскаянію можно повѣрить.

¹⁾ Это не вѣрно: не въ Сибирскихъ только губерніяхъ кормятъ проходящихъ ссыльныхъ. Не далось Цесаревичу узнать про сердоболіе нашего простонародія. П. В.

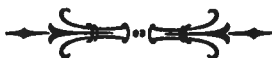
²⁾ Князь Петръ Дмятріевичъ.

П. В.

Мой Назимовъ заходилъ къ своему однофамильцу, его дальнему родственнику и говоритъ, что онъ его совершенно разстроилъ своимъ раскаяніемъ. Онъ ему говорилъ, что если даже Государь насъ проститъ, то мы всю жизнь сами себѣ не простимъ наше преступленіе: это пятно неизгладимое. Я ихъ всѣхъ почти видѣлъ въ церкви; въ особенности хвалятъ Нарышкина. Онъ благодѣтель всего города; жена его, почтенная женщина, написала мнѣ письмо, которое я тебѣ пересылаю тоже. Она проситъ, послѣ 10 лѣтъ разлуки, повидаться съ матерью*), посовѣтоваться съ докторами на счетъ своей болѣзни и потомъ опять воротиться къ своему мужу.

Еще Фохтъ писалъ письмо В. А. Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ исходатайствовать ему позволеніе ѣхать въ Tobольскъ полѣчиться. Онъ проситъ, нельзя ли старшему сыну его, живущему въ Россіи, позволить пріѣхать повидаться съ матерью.

Осмѣливаюсь и я, съ своей стороны, ходатайствовать передъ тобою за сихъ несчастныхъ, вполнѣ раскаявшихся въ своемъ преступленіи и готовыхъ пролить послѣднюю каплю крови за своего Государя, уже облегчившаго ихъ судьбу, на которую они не думаютъ роптать.

*) Елисаветою Петровною, рожденною графинею Коновницинной. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Д. Д. ГОЛОХВАСТОВА ¹⁾.

— „Это ничего,—сказаль князь В. Долгоруковъ ²⁾,—я теперь пойду во дворець, доложу объ вась, а вы одѣньтесь, приходите и подождите меня въ залѣ. Я, конечно, ничего не могу сказать вамъ напередъ, но думаю, что Государь приметъ вась милостиво; главное, будьте какъ можно смѣлѣе, говорите прямо и откровенно: онъ это любить и цѣнить“.

Ждать въ залѣ мнѣ пришлось не долго; князь вышелъ изъ кабинета и знакомъ пригласилъ меня войти. Государь стоялъ среди комнаты не вполне одѣтый, безъ галстука, въ лѣтнемъ пальто и курилъ сигару.

— Я вызваль тебя, какъ здѣшняго предводителя, хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться, но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ опричниковъ тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія?

Такъ какъ это былъ вопросъ, то я хотѣлъ отвѣтить, но Государь продолжалъ:

— Я знаю, что ты скажешь, ты ихъ не уважаешь; да этого я не требую, но ты долженъ уважать въ нихъ меня, мое довѣріе.

— Государь, позвольте мнѣ сказать слово, не въ оправданіе, а только для уясненія простого недоразумѣнія.

— Говори правду, я всегда охотно ее слышу.

— Я, Государь, глубоко сожалѣю, что это слово сорвалось у меня съ языка, но не потому, что я хотѣлъ бы взять назадъ мысль, а потому, что выраженіе было понято не такъ, какъ понималъ его я.

¹⁾ Нашлось въ бумагахъ С. С. Татищева, къ сожалѣнію, въ недоконченномъ обрывкѣ. П. В.

²⁾ Московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгорукой. П. В.

— Это какъ?

— Въ этомъ словѣ, Государь, всё увидали прямой намекъ на ту шайку, которую организовалъ Иоаннъ Грозный; но если такъ, то прежде всего—это крайняя глупость. Возможно ли допустить, что человѣкъ въ здоровомъ умѣ, не въ бреду, хотѣлъ серьезно сравнить, ну, хоть, князя В. А. Долгорукова съ Малютой Скуратовымъ?

Государь громко и весело засмѣялся.

— Да, дѣйствительно, но какъ же ты понималъ это слово?

— Каждое слово, Государь, можетъ существовать только тогда, когда существуетъ самый предметъ или понятіе, которому оно соответствуетъ. Слово опричина,—старинное Русское и на много вѣковъ древнѣе Иоанна и его шайки. Имѣло же оно и прежде значеніе, и это-то и есть его настоящій коренной, а не переносный смыслъ. Подъ этимъ словомъ всегда разумѣлось все то, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ опричь земщины или опричь народа. Можно быть добрымъ, хорошимъ, честнымъ человѣкомъ, но по своимъ понятіямъ, по воспитанію, быть совершенно чуждымъ народу. Я слишкомъ поздно спохватился, что тотъ нелѣпый восторгъ, который вызвало это слово, былъ просто недоразумѣніе, и хотѣлъ объясниться предъ собраніемъ, но князь Гагаринъ *) настойчиво просилъ этого не дѣлать; какъ предсѣдатель, онъ находилъ, что гораздо лучше не возбуждать вторично этотъ инцидентъ.

— Ну, впрочемъ, важно не слово, а дѣло; что значила вся эта выходка? Чего вы добивались? Вы хотѣли отомстить мнѣ за уничтоженіе крѣпостного права!..

Это было сказано громко и съ нѣкоторымъ чувствомъ гнѣва и негодованія. Я былъ тогда молодъ, горячъ и легко увлекался; тутъ я просто забылъ, что Государя не только нельзя прерывать, но и говорить вообще можно только или отвѣчая на прямой вопросъ, или получивъ на то позволеніе. Я горячо сказалъ:

— Ради Бога, Государь, неужели, вы могли этому повѣрить? Въдь это клевета! Правда, на-дняхъ у меня въ рукахъ былъ всеподданнѣйшій отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ эти слова напечатаны, но я головой готовъ ручаться, что ни у кого въ залѣ не было этой мысли, да и если бы у кого была, то онъ не посмѣлъ бы ее высказать дворянству.

*) Тогдашній предводитель Московскаго дворянства, князь Левъ Николаевичъ по матери своей, графиня Бобринская, внучка Екатерины Великой. П. Б.

Этотъ горячій протестъ въ первую минуту, кажется, удивилъ, но вовсе не разгнѣвалъ Государя. Онъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ:

— Нѣтъ, я этому не повѣрилъ... да и не то я хотѣлъ сказать. Что же это было, чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?

— Да, Государь, и мы честно сказали вамъ правду.

— И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи; но я знаю, что, сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски; а вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали.

Это былъ намекъ на адресъ Московскаго дворянства по случаю вмѣшательства иностранныхъ державъ въ дѣло усмиренія Польскаго мятежа.

Потомъ Государь сталъ говорить спокойно, не останавливаясь и глядя мимо меня, что онъ считаетъ себя первымъ дворяниномъ и именно Московскимъ; что при Императорѣ Николаѣ онъ гордился тѣмъ, что былъ первымъ вѣрноподаннымъ, вспомнилъ моего отца, котораго онъ лично зналъ и любилъ, говорилъ о его безграничной преданности и проч. Я стоялъ молча и слушалъ. Вдругъ онъ самъ себя прервалъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

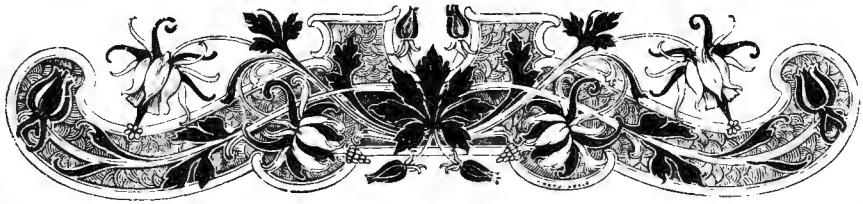
— Итакъ, ты даешь мнѣ слово, что на слѣдующемъ собраніи ничего такого не будетъ?

— Отъ меня, Государь, не зависѣло бы сдержать такое слово: въ залѣ до 300 голосовъ, а у меня одинъ.

— Да, но ты ведешь залу.

— Нѣтъ, Государь, я веду только одинъ уѣздъ, но и за него отвѣчать не могу: каждый дворянинъ подаетъ голосъ независимо отъ предводителя.

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

1879.

На обычномъ пути моемъ къ Ревельскимъ морскимъ купаньямъ, останавливался я въ Петербургѣ, на Большой Конюшенной (гдѣ бани Волкова). 29 Іюня 1878 года зашелъ ко мнѣ неожиданно-негаданно, тогдашній Петербургскій градоначальникъ Николай Михайловичъ Барановъ. Я зналъ его съ Москвы, гдѣ участвовалъ въ устройствѣ ему почетнаго обѣда въ Англійскомъ клубѣ, въ благодарность за геройскій захватъ Турецкаго парохода „Весты“. По своей словоохотливости (мать его Француженка Жилберъ-де-Жибори) онъ рассказалъ мнѣ, что въ это самое утро, когда онъ ѣздилъ съ докладомъ въ Царское Село, на вопросъ Государя, каково въ Петербургѣ настроеніе умовъ, онъ отвѣчалъ, что отъ вѣстей изъ Берлина (гдѣ тогда творился Конгрессъ) у всѣхъ головы повисли. „Какой вздоръ! замѣтилъ Государь. Все еще въ моихъ рукахъ!“ Не прошло и четырехъ дней, какъ Конгрессъ кончился торжествомъ Западныхъ Европейцевъ и позоромъ для Россіи, а у Русскихъ людей наступила полная ошуда къ Александру Николаевичу. Мнѣ позднѣе сказывали, что, получивъ донесеніе объ исходѣ совѣщаній, вызванныхъ его же миролюбіемъ, онъ воскликнулъ: *Je suis totalement dupé* (я кругомъ одураченъ).

Это выразилъ И. С. Аксаковъ *) въ знаменитой рѣчи своей, произнесенной въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, въ большомъ домѣ военнаго вѣдомства, и съ самаго дня произнесенія разнесшейся по всей Россіи, и вскорѣ появившейся въ переводѣ въ Англійскихъ газетахъ. П. Б.

Освобожденные нами Болгаре были умышленно расчленены, и восточная часть ихъ населенія подвергалась возможности Турецкаго захвата, какъ это явствуетъ изъ помѣщенныхъ выше въ „Русскомъ Архивѣ“ статей. Для предотвращенія новыхъ кровопролитій Государь послалъ къ Болгарамъ Восточной Румелии Обручева умиротворить ихъ, и нижеслѣдующая рѣчь Русскаго генералъ-адъютанта достигла, слава Богу, своей цѣли.

Печатаемъ ее по списку, сохранившемуся въ бумагахъ С. С. Татищева. П. Б.

*) Аксаковъ былъ высланъ изъ Москвы и поселился въ имѣніи своей свояченицы Е. Ѳ. Тютчевой, селѣ Варваринѣ, Юрьевъ-Польскаго уѣзда. Но эта высылка произошла лишь черезъ нѣсколько недѣль послѣ обличительной рѣчи. Сдѣлаю это было по совѣту Австрійскаго правительства, о чемъ немногіе знаютъ. П. Б.

Рѣчь генераль-адъютанта Обручева

Слышали-ли и уразумѣли-ли вы слова Государя Императора Александра? Ясно-ли вамъ, чего Онъ желаетъ? Онъ надѣется, что вы честно и мирно исполните все то, что на васъ возлагается трактатомъ воздержитесь отъ всякихъ безпорядковъ.

Русскою кровью и пожертвованіями Русскаго народа вамъ доставлены права, обеспечивающія ваше благосостояніе.

Не всѣ надежды ваши осуществились; но и то, что вамъ дано, есть великое благо. Вы теперь полноправные граждане, полные хозяева своего дѣла и своего труда. Отнынѣ отъ васъ самихъ будетъ зависѣть подготовить себѣ цвѣтущую будущность.

Но помните, что это можетъ быть достигнуто мирнымъ путемъ. Ни Россія, ни Европа не желаютъ пролитія и капли новой крови. Вы должны доказать Европѣ, что способны къ мирному развитію; и тогда къ сочувствію, постоянно питаемому къ вамъ Россіей, присоединится и расположеніе къ вамъ всей Европы.

Заботьтесь прежде всего не утратить то, что вамъ дано; не давайте сами повода къ вмѣшательству въ ваши дѣла, и вамъ тогда нечего будетъ опасаться.

Посылая меня къ вамъ, Государь Императоръ поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ передать собственноручное Его письмо Султану, въ которомъ Онъ выразилъ надежду, что е.-в. Султанъ, вѣрно оцѣнивъ какъ свои собственные, такъ и общіе Европейскіе, интересы также поставитъ себѣ цѣлью сохраненіе мира и спокойствія въ вашей странѣ и упроченіе ея благосостоянія.

Изъ свиданія съ е.-в. Султаномъ и бесѣдъ съ его министрами, я вынесъ положительное убѣжденіе, что Порта воодушевлена относительно васъ вполне честными и благими намѣреніями. Кромѣ ген. губернатора назначеннаго Портой съ согласіемъ великихъ державъ изъ вашихъ-же родичей, вы не увидите въ вашей странѣ никакихъ Турецкихъ властей. Вамъ нечего опасаться и Турецкихъ войскъ: страна ваша ограждена отъ нихъ трактатомъ, и Порта менѣе всего расположена искать какихъ бы то ни было поводовъ къ нарушенію вашего спокойствія. Порта

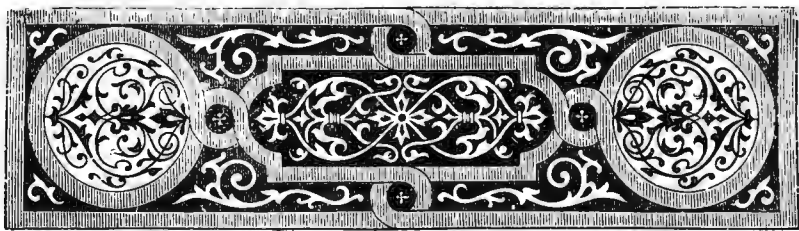
не думаетъ спѣшить даже занятіемъ Балкановъ. Сохраняя за собою во всей неприкосновенности право пограничныхъ гарнизоновъ, она въ настоящее время не видитъ безотлагательной необходимости воспользоваться этимъ правомъ, и я увѣренъ, что ваше поведеніе можетъ имѣть огромное вліяніе на практическій исходъ этого вопроса. Комбинація о гарнизонахъ въ Балканахъ, порожденная недовѣріемъ державъ къ новому порядку вещей на Балканскомъ полуостровѣ, падеть, вѣроятно, сама собою, когда разсѣются напрасныя опасенія, возбужденныя послѣдней войной. Стратегическія достоинства этой комбинаціи, кажется, уже никѣмъ не защищаются: отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы точно также была признана и политическая ея бесполезность. Только держите себя смирно; не вызывайте сами необходимости присутствія въ вашей странѣ Турецкихъ войскъ.

Порта сдержитъ регулярныя свои силы; противъ вторженія-же башни-бузуковъ у васъ есть оружіе; на то оно вамъ дано, чтобъ вы могли защищать отъ злодѣевъ ваши дома, вашихъ женъ и дѣтей, и чтобъ въ вашей странѣ не могли уже повторяться тѣ ужасы, отъ которыхъ она страдала въ теченіе многихъ вѣковъ.

Отнынѣ ваше положеніе прочно; пользуйтесь его благами безъ всякихъ опасеній; благодарите за нихъ Творца, благодарите Русскій народъ и храните на всегда неизгладимую благодарность къ Великому Царю, Освободителю вашему.

Помолимся-же о сохраненіи и продленіи драгоцѣннѣйшихъ дней Его!

ВСПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ ПРИНЦА ПЕТРА ГЕОРГІЕВИЧА ОЛЬДЕНБУРГСКАГО ОТЪ 18 ФЕВРАЛЯ 1880 ГОДА.

(Его Величеству благоугодно было разсматривать 25 Февраля 1880 года).

Имѣю счастье всеподданнѣйше повергнуть на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества Обзорнѣе учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи за первыя 25 лѣтъ достославнаго царствованія Вашего.

Не осмѣливаясь утруждать державное вниманіе Ваше, Всемило-стивѣйшій Государь, подробностями послѣдовательнаго изложенія со-вершившихся въ Вѣдомствѣ за упомянутое время реформъ, я приѣмлю долгъ предпослать сказанному Обзорнѣю общіе изъ его содержанія выводы, представляющіе современное состояніе Учрежденій Вѣдом-ства въ краткихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ:

Число учрежденій, которое въ началѣ царствованія Вашего Импе-раторскаго Величества простиралось въ семь вѣдомствъ до 190, нынѣ достигло 459.

Въ истекшее 25-лѣтіе вновь учреждены: 5 больницъ, 12 богадѣ-лень, 36 пріютовъ, 2 института, 33 гимназін *), 175 низшихъ учи-лищъ, 1 высшее мужское учебное заведеніе и до 5 частныхъ благо-творительныхъ и другихъ обществъ.

Въ 1879 г. Воспитательные Дома приняли подъ свой кровъ 21.072 незаконныхъ и 542 законныхъ младенца (болѣе 1854 года пер-выхъ на 3.981, послѣднихъ на 474); въ 1880 году состояло въ при-рѣннн сихъ домовъ питомцевъ 62.251, законныхъ дѣтей 518 (болѣе чѣмъ къ 1855 году первыхъ на 12.299, послѣднихъ на 315).

Въ 22 больницахъ находилось 6.727 кроватей (болѣе 1854 года на 2.943), въ нихъ лечилось 69.161 человекъ (болѣе 1854 года на

*) Въ томъ числѣ педагогическіе курсы и прогимназія одна.

31.552); больничныя амбулаторіи посѣтило 121.226 лицъ (болѣе 1854 г. на 67.841).

Въ 38 богадѣльняхъ призрѣвалось 5.731 лицо (болѣе 1854 года на 2.964); въ томъ числѣ бесплатно 3406 человекъ.

Въ 113 дѣтскихъ пріютахъ нашли убѣжище 12.463 обоого пола дѣтей (болѣе 1854 года на 44.871), въ томъ числѣ 3.559 въ ночлежныхъ и сиротскихъ отдѣленіяхъ на полномъ содержаніи отъ заведеній.

Въ 30 институтахъ воспитывалось 7.566 дѣвицъ (болѣе 1854 года на 2.066), въ томъ числѣ на бесплатныхъ вакансіяхъ 2.485.

Въ 31 гимназіи, педагогическихъ курсахъ и одной прогимназіи обучались 11.786 ученицъ, въ томъ числѣ 342 пенсіонерки.

Въ 225 низшихъ училищахъ состояло 10.885 обоого пола учащихся (противъ 1854 года болѣе на 8.022).

Въ 5 мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ обучались 2.275 (болѣе 1854 года на 1.104), въ томъ числѣ 812 на бесплатныхъ вакансіяхъ.

За время съ 1855 по 1880 годъ воспитывались въ институтахъ— 37.694 и обучались въ гимназіяхъ—41.400 дѣвицъ, въ мужскихъ заведеніяхъ получили образованіе 8.807 юношей. Выпущено, по окончаніи курса изъ институтовъ 18.669, или 49%; изъ гимназій 8.844, или 21%, и изъ мужскихъ заведеній 2.566, или 29%.

Матеріальныя средства столь огромнаго состава Учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи заключаются, главнымъ образомъ, въ процентахъ съ основныхъ капиталовъ, образованныхъ въ прежніе годы изъ прибылей бывшихъ Сохранныхъ Казенъ и частныхъ пожертвованій; въ пенсіонерной платѣ, въ пособіи изъ Государственнаго Казначейства, отпускаемомъ въ размѣрѣ до 2½ милліоновъ рублей ежегодно взамѣнъ прибылей Сохранныхъ Казенъ и въ нѣкоторыхъ привилегіяхъ Опекунскаго Совѣта. Въ усердіи частныхъ благотворителей, проявляющемся во всѣ времена, какъ наслѣдственное чувство Русскаго человекъ къ безусловной помощи ближнему, заключается немаловажный источникъ тѣхъ способовъ, которыми содержатся многія благотворительныя заведенія Вѣдомства. Въ больницахъ и богадѣльняхъ, въ пріютахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ категорій въ разсматриваемый періодъ времени открыто болѣе 3.000 стипендій на счетъ пожертвованій Особъ Императорскаго Дома, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ и образованъ капиталъ въ общей сложности

*) Объ исторіи Сохранныхъ Казенъ см. превосходную статью Д. Д. Филимонова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 года. П. Б.

свыше 12 милліоновъ рублей на содержаніе постоянныхъ бесплатныхъ мѣстъ.

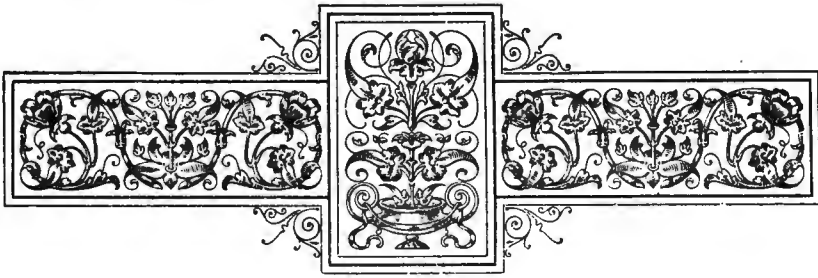
Не взирая на очевидную ограниченность суммы воспособленія со стороны Государственнаго Казначейства, Вѣдомство Императрицы Маріи, вѣрное священному завѣту вѣщеносныхъ предковъ Вашего Императорскаго Величества, продолжало расширять кругъ своей благотворительной дѣятельности до предѣловъ возможнаго: число призываемыхъ въ больницы и богадѣльняхъ за истекшія 25 лѣтъ почти удвоилось; равнымъ образомъ, болѣе чѣмъ удвоилось число воспитывающихся и обучающихся въ его заведеніяхъ, особенно лицъ женскаго пола. Образованіе женщины, первой и естественной воспитательницы будущихъ поколѣній, основанное на правилахъ истинной вѣры и чистой христіанской нравственности, всегда составляло предметъ особенной заботливости вѣдомства; въ немъ оно видѣло надежный залогъ преуспѣянія государства, его нравственную силу.

Въ настоящее время, при обстоятельствахъ, къ общему прискорбію омрачившихъ печальными событіями славные годы царствованія Вашего Императорскаго Величества, усилія Главнаго Управленія Въ-Противъ сего мѣ- домствомъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждаются ста Государю Им- въ помощи свыше къ огражденію вос- ператору благо- питываемыхъ въ его заведеніяхъ отъ угодно было на- разрушительныхъ ученій заблуждаю- чертать: „да“. щихся умовъ. Я твердо уповаю и уповаю вѣ- рую, что усиленные общіе труды всѣхъ призванныхъ на служеніе дѣлу воспитанія юношества въ нашихъ заведеніяхъ, направленные Противъ сего мѣ- къ охраненію его отъ опасности вредныхъ ученій, ста Его Величе- Богъ благословитъ успѣхомъ къ вящему про- ству изволил на- славленію, Всемилостивѣйшій Госу- чертать: „дай даръ, Вашего царствованія. Богъ!“.

(Подп.) Принцъ Петръ Ольденбургскій.

18 Февраля 1880 года.

СЕНАТОРСКІЯ РЕВИЗІИ 1880 ГОДА.

Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ. 11-го Августа 1880 года.

На подлинномъ написано:

„Высочайшее соизволеніе послѣдовало. Царское Село, 11 Августа 1880 г.“.

„Генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ“.

Къ числу самыхъ правильныхъ средствъ къ повѣркѣ дѣйствій мѣстныхъ властей и къ изученію потребностей различныхъ частей обширной Россійской Имперіи принадлежали въ царствованіе въ Божѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича ревизіи губерній особо назначавшимися сенаторами. Ревизіи эти имѣли всегда весьма благотворныя послѣдствія и, содѣйствуя къ оживленію мѣстной жизни, доставляли высшему правительству неоцѣнимые матеріалы какъ для точнаго опредѣленія дѣйствительнаго положенія обревизованныхъ губерній, такъ и для выясненія необходимыхъ мѣръ къ исправленію замѣченныхъ неустройствъ.

Въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества, сенаторскія ревизіи были назначаемы въ губерніяхъ: Калужской и Владимирской—сенаторомъ генераль-лейтенантомъ Капгеромъ, Пензенской—сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ Сафоновымъ и Пермской—сенаторомъ, нынѣ членомъ Государственнаго Совѣта, тайнымъ совѣтникомъ Клушинымъ.

Изыскивая мѣры къ прочному охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, я пришелъ къ убѣжденію, что назначеніе сенаторскихъ ревизій въ нѣкоторыя губерніи различныхъ полосъ Имперіи было бы мѣрою въ высшей степени полезною. Кромѣ тѣхъ выгодъ, кои всегда представляетъ повѣрка дѣйствій мѣстныхъ учреждений, ревизіи эти, при удачномъ выборѣ ревизующихъ лицъ,

послужили бы и къ выясненію разнообразныхъ возрѣній, кои существуютъ нынѣ въ отношеніи настроенія умовъ внѣ столичныхъ центровъ и къ пополненію современными данными имѣющихся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и у шефа жандармовъ свѣдѣній по многимъ весьма существеннымъ вопросамъ, разрѣшеніе коихъ возложено волею Вашего Императорскаго Величества всецѣло на это Министерство. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежатъ: указанное Вашимъ Величествомъ, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, преобразование административныхъ губернскихъ учреждений, сообразно потребностямъ времени; способы къ прочному объединенію полицейскихъ властей, уясненіе степени распространенія соціально-революціонной пропаганды, изученіе вліянія административныхъ высылкоу и нѣкоторыя другія.

Вступивъ нынѣ въ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и обязанный принимать мѣры къ скорѣйшему движенію и разъясненію упомянутыхъ дѣлъ и вопросовъ, всеподданнѣйшимъ долгомъ считаю доложить Вашему Императорскому Величеству, что настоящая минута была бы въ высшей степени удобною для назначенія сенаторскихъ ревизій въ 6 или 7 губерніяхъ различныхъ полосъ Имперіи. Ревизіи эти были бы крайне полезны не только для вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но, безъ сомнѣнія, и для другихъ вѣдомствъ, которыя могли бы также дополнить этимъ путемъ свѣдѣнія свои по многимъ весьма важнымъ предметамъ, какъ, на примѣръ, по предрѣшенному уже Вашимъ Величествомъ вопросу о замѣнѣ подушной подати. Самое назначеніе ревизій не можетъ, по моему убѣжденію, не произвести весьма успокоительнаго впечатлѣнія на общество, какъ новое доказательство Высочайшаго Вашего Величества попеченія о благѣ народномъ.

Повергая на благоусмотрѣніе Вашего Величества общія свои по сему предмету соображенія, имѣю счастье всеподданнѣйше испрашивать соизволеніе Вашего Величества на предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ:

1) Повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Величества списокъ тѣхъ губерній въ разныхъ полосахъ Имперіи, въ коихъ ревизія представлялась бы наиболѣе полезною;

2) войти въ соглашеніе съ министромъ юстиціи объ испрошеніи Высочайшихъ Вашего Величества указаній относительно назначенія сенаторовъ для ревизіи;

и 3) войти въ соглашеніе съ министромъ юстиціи и подлежащими вѣдомствами о составленіи подробной для ревизіи инструкціи въ развитіе существующихъ по сему предмету постановленій закона и примѣнительно къ потребностямъ управленія въ настоящее время съ тѣмъ, чтобы проектъ таковой инструкціи былъ повергнутъ на Высочайшее Вашего Величества утвержденіе.

Подписаль: генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

*

Особое наставленіе сенаторамъ, назначеннымъ по Высочайшему повелѣнію для производства общей ревизіи въ губерніяхъ: Казанской, Костромской, Воронежской, Тамбовской, Кіевской, Черниговской Саратовской и Самарской.

При производствѣ общей ревизіи всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій, сенаторамъ надлежитъ имѣть въ виду нижеизложенныя указанія на предметы и вопросы, ближайшее изслѣдованіе коихъ тѣмъ чрезвычайнымъ способомъ, который представляетъ сенаторская ревизія, должно быть признано особенно важнымъ и желательнымъ. Многочисленность этихъ предметовъ и вопросовъ, самое ихъ свойство и значеніе не допускаютъ конечно возможности изслѣдованія каждаго изъ нихъ по всѣмъ подлежащимъ ревизіи губерніямъ; отъ ближайшаго соображенія сенаторовъ должно зависѣть изъ ряда этихъ предметовъ и вопросовъ избрать и подвергнуть изслѣдованію, а затѣмъ и возможно подробной разработкѣ тѣ, которые по мѣстнымъ условіямъ той или другой губерніи останавятъ наиболѣе ихъ вниманіе и будутъ ими признаны имѣющими предпочтительное значеніе.

А. По вѣдомству внутреннихъ дѣлъ.

1) За существующимъ какъ въ правительственной средѣ, такъ и въ обществѣ, различіемъ возрѣвній относительно степени распространенія въ Россіи соціально-революціонныхъ лжеученій и вліянія ихъ на общественную и народную жизнь, обратить особое вниманіе на тѣ явленія мѣстной жизни, кои имѣютъ связь какъ съ распространеніемъ лжеученій, такъ и съ причинами, содѣйствующими къ болѣе или менѣе легкому ихъ воспріятію, и представить возможно полныя въ семъ отношеніи данныя по ревизуемымъ губерніямъ; при этомъ указать, по возможности, какія мѣры могли бы содѣйствовать ослабленію вліянія соціальныхъ лжеученій.

2) Какое вліяніе на настроеніе умовъ имѣла и имѣеть система административныхъ высылкоу вообще и въ особенности неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи личностей и требуетъ ли система эта какихъ-либо измѣненій и какихъ именно, причемъ обратить вниманіе и на настоящее положеніе поднадзорныхъ лицъ и на существующую на мѣстахъ систему наблюденія за ними.

3) Удостовериться въ настроеніи умовъ крестьянскаго населенія: были ли за послѣднее время волненія, чѣмъ они вызывались и какими мѣрами прекращались и обратить вниманіе, не замѣчается ли въ крестьянахъ ожиданій и толковъ о новомъ надѣленіи земли о такъ называемомъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ „черномъ передѣлѣ“, а въ Малороссіи—„слушномъ часѣ“, причемъ выяснитъ, что могло бы способствовать къ прекращенію этихъ ложныхъ толковъ и къ успокоенію умовъ крестьянъ.

Примѣчанія: а) По Кіевской губерніи, въ виду начавшагося въ 1879 году стремленія мѣстныхъ помѣщиковъ производить коштное межеваніе и постоянныхъ беспорядковъ, возникающихъ между крестьянами почти при каждомъ приступѣ къ этому межеванію, изслѣдовать, отчего произошли эти, проявившіяся пока въ одной губерніи, стремленія помѣщиковъ и волненія крестьянъ, и не вызываетъ ли это дѣло какихъ-либо особыхъ соображеній.

б) По Кіевской же губерніи обратить вниманіе на настоящее положеніе дѣлъ о чиншевикахъ и на правильность отношеній мѣстныхъ властей къ симъ дѣламъ.

и в) По Черниговской губерніи возникнуть въ положеніе вопроса объ обязательномъ размежеваніи земель и выяснитъ встрѣчающіяся на практикѣ затрудненія, а также обратить вниманіе на производящіяся, по особымъ правиламъ, разграниченія крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьихъ одновременно съ общимъ размежеваніемъ дачъ, такъ какъ производство этихъ разграниченій вызываетъ нерѣдко волненія и беспорядки въ средѣ крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ по поводу этихъ беспорядковъ Черниговская межевая Палата пересматривала и исправляла свои прежнія рѣшенія; причемъ выяснитъ причины возникновенія беспорядковъ и войти въ соображеніе, не представляется ли необходимости въ какихъ-либо измѣненіяхъ въ порядкѣ производства сихъ дѣлъ.

4) Собрать, по возможности, свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія, съ указаніемъ главнѣйшихъ причинъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упадка народнаго благосостоя-

нія и нравственности, съ указаніемъ возможныхъ мѣръ къ устраненію сихъ причинъ. При этомъ обратитъ вниманіе на существующую разницу въ экономическомъ положеніи крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ, на причины накопленія недоимокъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на положеніе крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертной надѣль, на средства къ облегченію крестьянамъ пріобрѣтать земли въ полную собственность, на способы къ облегченію и урегулированію переселеній и тому подобныя данныя и предположенія.

5) Въ виду постоянно повторяющихся изъ разныхъ губерній представленій губернскихъ начальствъ и ходатайствъ земствъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 Іюня 1874 года объ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, убѣдиться въ степени удовлетворительности настоящаго устройства сихъ учрежденій и войти въ соображеніе о необходимыхъ въ семь отношеніи мѣрахъ.

Примѣчаніе. По Кіевской губерніи, гдѣ мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія еще не преобразованы, убѣдиться въ степени удовлетворительности дѣятельности мировыхъ посредниковъ и ихъ сѣздовъ и войти въ соображеніе: не своевременно ли, за окончаніемъ поземельнаго устройства крестьянъ, преобразовать мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія Кіевской губерніи, приблизительно къ общему устройству сихъ учрежденій въ Имперіи.

6) Обратитъ вниманіе на положеніе общественнаго управленія крестьянъ, причемъ имѣть въ виду выясненіе правильности назначенія и взиманія съ крестьянъ мірскихъ сборовъ, цѣлесообразности существующаго порядка назначенія жалованья должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія по приговорамъ сѣздовъ и опредѣленія волостныхъ писарей и удовлетворительности разъясненія волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ способовъ исполненія лежащихъ на нихъ и на крестьянскихъ обществахъ обязанностей.

7) Въ виду Высочайшихъ указаній по Государственному Совѣту и неоднократныхъ заявленій земскихъ собраній по вопросу о правѣ сельскихъ обществъ отдавать своихъ порочныхъ членовъ въ распоряженіе Правительства и отказываться отъ принятія обратно въ свою среду людей, отбывшихъ опредѣленные для нихъ судебными приговорами сроки заключенія, обратитъ на этотъ вопросъ вниманіе, выяснивъ, своевременно ли принятіе по оному какихъ-либо мѣръ и не заслуживаютъ ли уваженія заявленія земствъ о желаніи принять, въ

извѣстныхъ случаевъ, на земскій счетъ издержки по удаленію обществами порочныхъ членовъ.

8) Въ виду замѣчаемой несоотвѣтственности результатовъ дѣятельности земскихъ учрежденій тѣмъ ожиданіямъ Правительства и общества, кои сопровождалось ихъ открытіе, обратитъ вниманіе на причины такого явленія и выискнуть въ изысканіе такихъ мѣръ, кои могли бы оживить его дѣятельность и поставить его въ соотвѣтствующее положеніе въ ряду мѣстныхъ учрежденій. Изученіе этого вопроса требуетъ самаго внимательнаго выясненія причинъ какъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго состава земскихъ учрежденій, такъ и успѣха или неуспѣха земской дѣятельности по всѣмъ ея отраслямъ. Сюда относятся важные для народнаго благосостоянія предметы народнаго продовольствія, народнаго здравія, народнаго образованія, благоустройства сель, и по каждому изъ нихъ желательно было бы прослѣдить, что сдѣлано, и если мало или дурно, то почему и какъ этому помочь?

Въ настоящее время, какъ на существенныя причины неуспѣха земской дѣятельности, указывается главнѣйшимъ образомъ: на недостаточность состава земскихъ учрежденій въ качественномъ отношеніи; на несочувственное отношеніе къ земству правительственныхъ лицъ и учрежденій, оставляющихъ будто бы безъ должнаго вниманія ходатайства земства; на ограниченность круга дѣятельности земскихъ учрежденій; на затрудненія дѣйствовать по такимъ предметамъ, кои требовали бы соглашенія земства сосѣднихъ уѣздовъ или губерній; на стѣсненія въ гласности по земской дѣятельности; на недостатокъ въ средствахъ. Степень правильности этихъ и тому подобныхъ указаній требовала бы тщательной повѣрки, которая можетъ указать и на средства къ улучшенію положенія дѣла. Такая повѣрка можетъ выяснитъ: не заключается ли причина недостаточности личнаго состава въ существующемъ порядкѣ земскаго представительства или производства выборовъ. Существуетъ ли въ дѣйствительности систематическое со стороны мѣстныхъ административныхъ властей стремленіе парализовать дѣятельность земскихъ учрежденій? Можетъ ли быть расширенъ кругъ мѣстной дѣятельности земскихъ учрежденій болѣе ширимъ, чѣмъ нынѣ, участіемъ въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей? Можетъ ли быть изыскана удобная форма для совмѣстныхъ сужденій земствъ разныхъ губерній по такимъ вопросамъ, кои требовали бы совокупныхъ мѣръ, какъ напри- мѣръ, по прекращенію эпидемій, или эпизоотій, борьбы съ вредными насѣкомыми, устройства пограничныхъ листовъ и переправъ и тому

подобное? Должна ли быть допущена бóльшая степень гласности въ опубликованіи журналовъ земскихъ собраній? Нѣтъ ли особыхъ и легко устранимыхъ причинъ, вліяющихъ на недостатокъ земскихъ средствъ, какъ, напримѣръ, излишніе расходы на земское управленіе и существующій порядокъ взысканія земскихъ сборовъ? Желательно также обратить вниманіе, насколько выработаны земствомъ основанія къ правильной раскладкѣ сборовъ и не представляется ли необходимость въ принятіи мѣръ къ улучшенію существующихъ отношеній городовъ къ земству.

9) Удостовериться въ степени правильности примѣненія новаго Городоваго Положенія, выяснивъ притомъ, не заключаетъ ли оно въ себѣ такихъ правилъ, кои не соотвѣтствовали бы дѣйствительнымъ потребностямъ городского управленія и составляютъ излишній поводъ къ стѣсненію городского населенія.

10) Въ виду усиливающейся съ каждымъ годомъ необходимости привести къ окончанію Высочайше предуказанное еще въ 1856 году улучшеніе внутренняго управленія въ губерніяхъ, собрать возможно полныя о потребностяхъ управленія данныя, кои могли бы содѣйствовать Правительству въ разрѣшеніи сложной задачи преобразованія губернскаго управленія, съ достиженіемъ при этомъ желательнаго объединенія дѣйствій всѣхъ административныхъ учрежденій, уменьшенія числа отдѣльныхъ учрежденій и присутствій, сокращенія стѣсняющихъ формальностей, усиленія разрѣшающей на мѣстѣ власти и надлежащаго обезпеченія въ сохраненіи и огражденіи государственнаго и общественнаго порядка, правильнаго теченія дѣлъ и интересовъ общественныхъ и частныхъ.

Примѣчаніе. По Кіевской губерніи, въ виду послѣдовавшихъ, по положенію Комитета Министровъ, Высочайшихъ указаній на пользу возможнаго сокращенія административныхъ особенностей по западнымъ губерніямъ, обратить вниманіе на политическое настроеніе различныхъ классовъ населенія польскаго происхожденія, причемъ удостовѣриться въ степени необходимости и пользы сохраненія тѣхъ или другихъ мѣръ, вызванныхъ послѣднимъ Польскимъ мятежомъ.

11) Въ виду указанныхъ за послѣднее время мѣръ къ объединенію дѣйствій полицейскихъ властей различныхъ наименованій войти на мѣстѣ въ обсужденіе какъ вліянія сихъ мѣръ, такъ и практическихъ способовъ къ прочному объединенію этихъ властей на будущее время, въ связи съ предположеніями Правительства объ улучшеніи внутренняго управленія губерній.

12) Обратитъ вниманіе на отношенія между собою чиновъ жандармскихъ управленій и общей полиціи, на введенное въ послѣднее время учрежденіе полицейскихъ урядниковъ и на положеніе уѣздной и городской полиціи вообще, съ указаніемъ мѣръ, возможныхъ по средствамъ Государственнаго казначейства и мѣстнымъ, къ окончательному, сообразно потребностямъ времени, устройству сихъ полицій, причемъ выяснитъ степень необходимости отдѣльнаго существованія жандармскихъ желѣзнодорожныхъ раіоновъ.

13) Обратитъ вниманіе на санитарныя условія городовъ, причемъ провѣритъ, по возможности, мѣры медико-полицейскаго надзора за промышленными заведеніями по предупрежденію и пресѣченію заразныхъ болѣзней и эпизоотій.

14) Вникнуть въ положеніе раскола и выяснитъ степень настоятельности тѣхъ мѣръ, кои могутъ быть приняты въ видахъ облегченія существующихъ относительно раскольниковъ стѣсненій, причемъ обратитъ вниманіе на практическое примѣненіе закона о метрическихъ книгахъ и на причины недостаточности обращенія къ этому способу пріобрѣтенія гражданскихъ правъ.

15) Обратитъ вниманіе на характеръ вліянія еврейскаго элемента и на практическое исполненіе дѣйствующихъ о Евреяхъ законовъ.

Б. По судебному вѣдомству.

16) Обратитъ вниманіе на то, соотвѣтствуютъ ли и въ какой мѣрѣ взаимныя отношенія прокурорскаго надзора къ судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ губерніи тому положенію, которое, со времени отдѣленія обвинительной власти отъ судебной, должны занимать должностныя лица, исключительно облеченныя правами и обязанностями обвинительной власти и въ особенности: а) находятъ ли всѣ государственныя и общественныя интересы достаточную поддержку предъ судебною властью въ дѣятельности прокурорскаго надзора и б) пользуется ли прокурорскій надзоръ при исполненіи этой задачи достаточнымъ авторитетомъ и необходимымъ со стороны подлежащихъ учрежденій и губерній содѣйствіемъ?

17) Выяснитъ, въ какой мѣрѣ обезпчивается нынѣ, при постоянномъ жительствѣ соотвѣтственнаго числа товарищей прокуроровъ Окружныхъ Судовъ въ предѣлахъ уѣздовъ и при настоящемъ количественномъ составѣ прокуратуры, своевременное и успѣшное исполненіе прокурорскимъ надзоромъ возложенныхъ на него обязанностей по наблюденію за производствомъ слѣдствій и за мѣстами заключенія и по участію въ засѣданіяхъ Съѣздовъ Мирowychъ Судей.

18) При осмотрѣ мѣстъ заключенія и повѣркѣ порядка управленія ими, а также пересыльной части и надзора за арестантами, остановиться на вопросѣ о томъ, не представляется ли возможность, безъ усиленія расходовъ казны, установить большее единство въ завѣдываніи мѣстами заключенія и обеспечивается ли правильный надзоръ прокуратуры за арестантами.

19) Изслѣдовать, въ какой мѣрѣ можетъ полиція при настоящемъ ея устройствѣ, оказывать въ дѣйствительности то необходимое содѣйствіе разслѣдованію преступленій, къ коему она призвана по закону и, въ частности, предоставляются ли со стороны полиціи въ распоряженіе чиновъ прокурорскаго надзора и судебныхъ слѣдователей какія-либо сыскныя средства для своевременнаго обнаруженія преступленій и ихъ виновниковъ?

20) Въ виду принятыхъ со стороны Правительствующаго Сената и Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи мѣръ къ устраненію существенныхъ недостатковъ, замѣченныхъ повсемѣстно въ составленіи общихъ и въ особенности очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, удостовѣриться въ томъ, можетъ ли быть достигнуто вполне правильное и цѣлесообразное составленіе сихъ списковъ безъ измѣненія самаго порядка, установленнаго закономъ для составленія оныхъ?

21) Выяснить, въ какой мѣрѣ мировыя судебныя установленія по своему внутреннему устройству, личному составу общимъ условіямъ дѣятельности и порядку замѣщенія должностей удовлетворяютъ своему назначенію и насколько можетъ быть признанъ достаточнымъ и удовлетворительнымъ надзоръ Мировыхъ сѣздовъ за судьями.

22) Ознакомиться съ результатами дѣйствія законоположенія о лицахъ, имѣющихъ право ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, и удостовѣриться въ томъ, не замѣчается ли слишкомъ тягостнаго для частныхъ лицъ стѣсненія въ веденіи дѣлъ исключительно чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ или лицъ, получившихъ установленныя отъ судебныхъ мѣстъ свидѣтельства?

23) Изслѣдовать вопросъ о томъ, возможно ли, на основаніи общаго направленія дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, придти къ заключенію о томъ, что полное примѣненіе къ институту присяжныхъ повѣренныхъ постановленій Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года могло бы быть допущено безъ измѣненій въ установленномъ законами порядкѣ надзора за ними?

24) Обратитъ вниманіе на то, не представляетъ ли установленный законами порядокъ исполненія судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ существенныхъ для населенія неудобствъ.

В. По финансовому вѣдомству.

25) Обратитъ вниманія на удобства и неудобства, представляемыя соединеніемъ управленія акцизными сборами съ казенными палатами и вообще на мѣры, которыя могутъ способствовать упрощенію управленія по завѣдыванію государственными доходами безъ ущерба для правильнаго и успѣшнаго поступленія послѣднихъ.

26) Исслѣдовать, въ чемъ состоятъ существенные недостатки подушной подати въ ревизуемыхъ губерніяхъ, насколько тяжесть этой подати происходитъ отъ ея размѣра, насколько отъ способовъ ея распредѣленія, взиманія и взноса и насколько отъ вкравшихся злоупотребленій.

27) Уяснить причины накопленія недоимокъ какъ постоянныя—недостаточность пространства и недоброкачественность земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, такъ и случайныя—неурожаи, пожары, падежъ скота и проч.

28) Разсмотрѣть, какія мѣры могутъ скорѣе всего и съ меньшими жертвованіями для казначейства, предотвратить накопленіе недоимокъ.

29) Уяснить, составляетъ ли акцизъ съ соли причину, препятствующую употребленію ея на кормъ скоту, и можно ли ожидать значительнаго удешевленія соли отъ сложенія акциза.

30) Обратитъ вниманіе на положеніе ремесленнаго, фабричнаго и заводскаго населенія для уясненія, насколько необходимы законы, опредѣляющіе возрастъ рабочихъ и продолжительность дневной и ночной работы.

31) Выяснить, не ощущается ли въ ревизуемыхъ губерніяхъ, потребности въ техникахъ, неудовлетворяемой существующими у насъ спеціальными учебными заведеніями, и не замѣчается ли, съ другой стороны, чтобы лица, окончившія курсъ въ техническихъ заведеніяхъ, по какимъ-либо общимъ причинамъ, не находили бы себѣ соотвѣстныхъ занятій.

32) Опредѣлить вліянія сельскихъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ и товариществъ на устраненіе ростовщичества въ селеніяхъ, на приобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности, на увеличеніе состоятельности крестьянъ къ уплатѣ податей и вообще на развитіе благосостоянія сельскаго населенія. Если же означенныя

кредитныя учрежденія не имѣютъ благотворнаго вліянія, то указать, какія причины препятствуютъ имъ къ выполненію своего назначенія.

33) Разсмотрѣть положеніе, занимаемое Евреями въ промышленности и торговлѣ; въ частности, участіе Евреевъ въ подрядахъ и поставкахъ, въ торговлѣ, въ снабженіи крестьянъ денежными ссудами и пр. При этомъ уяснить отношенія между Евреями и остальнымъ населеніемъ и разсмотрѣть, не указываетъ ли характеръ промышленной и торговой дѣятельности Евреевъ на необходимость измѣненій въ законодательствѣ.

34) Указать, насколько паспортная система препятствуетъ передвиженію населенія, пугающагося въ заработкахъ на сторонѣ, и насколько велики злоупотребленія и поборы при выдачѣ паспортовъ?

Г. По вѣдомству Государственныхъ Имуществъ.

35) При обзорѣ дѣятельности мѣстныхъ управленій государственными имуществами обратить особое вниманіе на разъясненіе вопроса о томъ, не представляется ли возможности достигнуть упрощенія административнаго механизма и сокращенія расходовъ путемъ болѣе тѣснаго сближенія, или даже сліянія мѣстныхъ органовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ съ общими губернскими учрежденіями.

36) Собрать возможно полныя данныя для сужденія о томъ, удовлетворяетъ ли примѣняемый нынѣ порядокъ сдачи въ арендное содержаніе оброчныхъ статей потребностямъ земледѣльческаго класса и разъяснить по возможности, какими мѣрами, безъ вреда для доходовъ казны, можно устранить отъ арендованія казенныхъ земель посредствующихъ лицъ, не занимающихся за свой счетъ сельскимъ хозяйствомъ. При этомъ особое вниманіе обратить и на примѣненіе постановленій относительно самаго порядка производства торговъ на сдачу оброчныхъ статей и на продажу лѣсныхъ участковъ. До Министерства Государственныхъ Имуществъ неоднократно доходили свѣдѣнія о томъ, что стачками торгующихся наносился серьезный вредъ интересамъ казны, почему крайне важно было бы имѣть практическія указанія о томъ, какими измѣненіями въ порядкѣ производства торговъ возможно было бы устранить подобныя явленія.

37) Собрать на мѣстѣ данныя относительно того, насколько существующія сельскохозяйственныя учебныя заведенія вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ удовлетворяютъ своей цѣли, насколько оканчивающія въ заведеніяхъ сихъ лица приносятъ практическую пользу сельскому хозяйству и хозяевамъ, насколько желательно умноженіе этихъ заведеній высшаго, средняго и низшаго разрядовъ.

38) Изслѣдовать вопросъ о необходимости и причинахъ выселенія изъ ревизуемыхъ губерній въ другія мѣстности Имперіи и выяснитъ, какими мѣрами возможно было бы достигнуть, чтобы выселеніе изъ этихъ губерній совершалось при условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ какъ для самихъ переселенцевъ, такъ и для государства?

39) Собрать необходимыя данныя, практическія указанія и отзывы о томъ, насколько возможно было бы съ успѣхомъ привлечь мѣстныхъ земскія учрежденія, а также частныхъ заинтересованныхъ лицъ къ совокупной съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ дѣятельности по предметамъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ.

40) Въ виду выяснившейся необходимости положить предѣлъ обезлѣсенію Юга и Юго-Восточной Россіи, собрать необходимыя данныя для всесторонняго обсужденія вопроса о томъ, насколько указанная цѣль могла бы быть достигнута законодательными мѣрами, регулирующими лѣсное хозяйство въ частно-владѣльческихъ и общественныхъ лѣсахъ, и какъ отнеслись бы лѣсовладѣльцы къ подобнымъ мѣропріятіямъ.

41) Въ виду повторяющихся сѣтованій на практическія затрудненія, встрѣчаемыя какъ сельскими хозяевами, такъ и рабочими, въ возстановленіи нарушенныхъ другою стороною правъ по взаимнымъ обязательствамъ, выяснитъ какія могли бы быть приняты мѣры къ устраненію означенныхъ затрудненій.

42) Въ виду обилія минеральнаго топлива въ Юго-Восточной Россіи и потребности въ немъ въ южныхъ и центральныхъ губерніяхъ, выяснитъ, какими мѣрами можно было бы содѣйствовать устройству въ этихъ губерніяхъ складовъ каменнаго угля для обезпеченія возможности постояннаго и дешеваго приобрѣтенія онаго.

Д. По вѣдомству Народнаго Просвѣщенія.

43) Обратитъ вниманіе на состояніе университетовъ (Казанскаго и Св. Владимира въ Кіевѣ), выяснивъ отношенія между попечителемъ учебнаго округа и университетомъ, дѣятельность Совѣта университета по отношенію къ университетскимъ дѣламъ, дѣятельность прочихъ составныхъ частей университетскаго управленія, въ томъ числѣ инспекціи надъ студентами и, наконецъ, положеніе, въ которомъ находятся учащіеся въ университетѣ. При этомъ желательно собрать данныя по вопросу о томъ: обезпечиваютъ ли постановленія Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ 18 Іюля 1863 г., съ одной стороны, интересы ученой и учебной дѣятельности университетовъ, а съ другой стороны, интересы государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

44) Выяснить степень удовлетворенія мѣстныхъ потребностей въ среднемъ образованіи. При этомъ надлежитъ обратить вниманіе на дѣйствительное положеніе въ настоящее время реальныхъ училищъ, образованныхъ на основаніи Устава 15 Мая 1872 г., и собрать данныя по вопросу о томъ, насколько удовлетворяетъ предположеннымъ при изданіи сего Устава цѣлямъ то образованіе, которое получаютъ учащіеся въ реальныхъ училищахъ.

45) Обратитъ вниманіе на состояніе учебныхъ заведеній, предназначенныхъ для образованія учителей народныхъ училищъ (учительскихъ семинарій и школъ), и достигаемые дѣятельностью сихъ учебныхъ заведеній результаты.

46) Выяснить настоящее положеніе городскихъ училищъ, образованныхъ по Положенію 31 Мая 1872 г., народныхъ училищъ, образованныхъ по Положенію 25 Мая 1874 года, и сельскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, образованныхъ на основаніи инструкціи Министерства Народнаго Просвѣщенія 4 Іюня 1875 г. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на дѣятельность губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и ея вліянія на развитіе народнаго образованія, собравъ данныя по вопросу о мѣрахъ привлеченія земствъ и городовъ къ болѣе дѣятельному и непосредственному участию, совмѣстно съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ завѣдываніи начальными народными училищами

и Е. По вѣдомству Путей Сообщенія.

47) Разъяснить недоразумѣнія между Министерствомъ Путей Сообщенія и городами и земствами относительно содержанія и распределенія бичевниковъ и пользованія оными, равно какъ степень пользы для городовъ и вреда вообще для судоходства отъ установленія денежныхъ сборовъ съ судовъ за стоянку оныхъ въ городскихъ водахъ и за пользованіе бичевниками въ предѣлахъ городской земли.

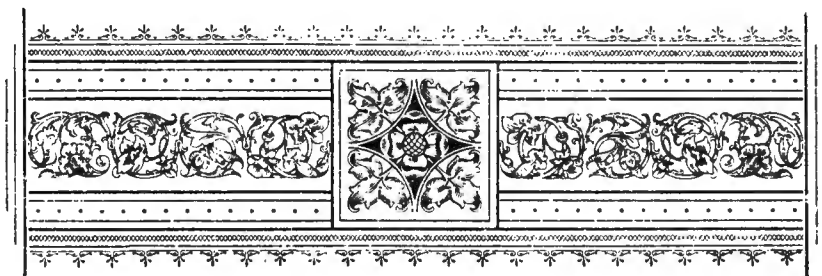
48) Определить цѣлесообразнѣйшій порядокъ завѣдыванія тѣми шоссевыми дорогами, которыя, вслѣдствіе устройства желѣзныхъ дорогъ, утратили государственное значеніе.

49) Указать мѣры для привлеченія земствъ и городовъ къ скорѣйшему устройству подъѣздныхъ путей къ желѣзнымъ дорогамъ и къ судоходнымъ водянымъ путямъ.

Подписалъ министръ юстиціи статсъ-секретарь Д. Набоковъ.

(Изъ бумагъ С. С. Татищева).

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Родился 26 Октября 1772 г., умеръ 18 Юня 1862 г.)

Къ его биографіи ¹⁾.

18 Юня исполнилось 50-лѣтіе со дня кончины А. М. Тургенева, извѣстнаго, сперва военнаго, а затѣмъ гражданскаго дѣятеля и интереснаго бытописателя своего времени, имя котораго связано и съ литературной нашей лѣтописью прошлаго вѣка, особенно съ биографіей его вѣрнаго друга и почитателя В. А. Жуковскаго. А. М. Тургеневъ былъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и какъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ Русскихъ дѣятелей первой половины прошлаго вѣка, истинно свѣтлымъ явленіемъ своей эпохи. Современники высоко цѣнили этого „лучшаго и самаго чистаго изъ людей“, какъ о немъ выражался Жуковский, и съ нимъ были близки не только корифеи нашей литературы, но и такіе крупныя государственныя дѣятели, какъ Сперанскій, гр. Строгановъ, Канкринъ. Все это даетъ ему несомнѣнное право на сочувственное вниманіе потомства, а то, что онъ былъ и героемъ Бородины, является еще лишнимъ поводомъ отмѣтить нынче благодарной памяткой 50-лѣтіе со дня его кончины.

Тургеневъ, проникнутый съ молодыхъ лѣтъ идеями гуманности, правды и истиннаго прогресса и мечтавшій всю жизнь объ освобожденіи крестьянъ, 90-лѣтнимъ старцемъ дожилъ до этого великаго дня, встрѣченнаго имъ съ восторгомъ и умиленіемъ.

Какъ мною было замѣчено однажды при изданіи отрывка изъ его дневника (1837 г.), А. М., переживъ всѣхъ своихъ современниковъ, явился живымъ, связующимъ звеномъ между писателями стараго поколѣнія и литераторами второй половины вѣка, въ средѣ которыхъ онъ поддерживалъ лучшія преданія пережитой старины: въ его домѣ въ 50-хъ годахъ собирались и читали свои произведенія такіе корифеи нашей литературы, какъ И. С. Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, И. А. Гончаровъ, Я. П. Полонскій и другіе.

Родъ А—ра Мих. Тургенева, какъ и Ивана Сергѣевича ²⁾ ведетъ свое начало отъ Мурзы Льва (въ крещеніи Ивана) Тургенева (XV в.), выѣзжавшаго изъ Золотой

¹⁾ Настоящая вступительная биографическая замѣтка была напечатана въ „Новомъ Времени“ 18 Юня сего года. Помѣстивъ тамъ малевскій отрывокъ изъ разсказа А. М. Тургенева, я обѣщаль опубликовать весь разсказъ цѣликомъ въ другомъ мѣстѣ, что и радъ исполнить теперь на страницахъ „Русскаго Архива“. К. Г.

²⁾ Родство съ этимъ родомъ того, изъ котораго произошли извѣстные братья Тургеневы (Александръ Ивановичъ, декабристъ Николай Ивановичъ и друг.) не установлено. К. Г.

Орды къ великому князю Василю Темному. Его потомокъ второй половины XVI в. Никита имѣлъ двухъ сыновей: отъ Петра Никит. (за обличеніе Лжедмитрія пытаннаго и казненнаго въ Москвѣ 1606) происходитъ Алекс. Мих. Тургеневъ, а отъ Василя Никитича—знаменитый нашъ романистъ.

Александръ Михайловичъ родился въ 1772 г. и былъ старшимъ сыномъ надв. сов. Мих. Мих. Тургенева (1796 г.) и Екат. Богд. Умской. Онъ служилъ въ военной службѣ, принималъ доблестное участіе въ Отечественной войнѣ, а вскорѣ послѣ ея окончанія перешелъ въ гражданскую службу, въ министерство финансовъ, по таможенной части. Записки его, веденныя въ разное время,—изъ нихъ многое (какъ и переписка его съ Жуковскимъ) было уже издано (въ „Русской Старинѣ“ за 1880 и 1890 годы),—представляютъ немалый историческій и бытовый интересъ; онѣ писаны съ присущими автору веселымъ юморомъ, прямою, иногда даже рѣзкою, и безыскусственностью—характернымъ Русскимъ слогомъ *). Лѣтъ десять назадъ мною былъ напечатанъ маленький, очень любопытный дневникъ А. М. (съ обращеніемъ къ Жуковскому) о пребываніи поэта въ Москвѣ въ 1837 году („Жуковский въ Москвѣ“ въ акад. сборникѣ „Памяти Жуковскаго и Гоголя“, отд. II), въ которомъ рисуется какъ благодушно-кроткій образъ поэта, такъ и трогательно-нѣжныя отношенія друзей. Въ 1837 г. Тургеневъ уже былъ въ отставкѣ и вдовцомъ жилъ въ Москвѣ, оставивъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ послѣдній свой постъ — директора медицинскаго департамента—изъ-за несправедливаго къ нему отношенія министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго. Къ тому же 1837 году и къ тому же свиданію съ Жуковскимъ относится еще небольшая автобіографическая замѣтка А. М., писанная тоже для поэта-друга, подъ заглавіемъ „Судьба“, гдѣ авторъ рассказываетъ, какъ судьба его свела съ женою, рожденной Литке.

По этому поводу замѣтимъ, что А. М. женился поздно, въ 1835 г., на Паулинѣ (Пелагеѣ Христ.) Литке, сиротѣ, которую онъ принялъ подъ свое попеченіе и которая воспитывалась въ семьѣ его брата (Феодора Мих.). Отъ нея у него была единственная дочь Ольга, рожденіе которой (28 Января 1836 г.) стоило жизни ея матери, скончавшейся 11 Февраля того же года, т.-е. приблизительно за годъ до встрѣчи его съ Жуковскимъ въ 1837 году. Ольга Александровна Тургенева (тоже рано умершая) была замужемъ за С. Н. Сомовымъ (б. управл. госуд. имущ. Херсон. и Бессар. губ.), и прямыми потомками А. М. являются ихъ дѣти: А. С. Сомовъ, нынѣ нашъ дипломатическій представитель въ Бухарѣ, и три дочери, изъ коихъ двѣ — замужнія (г-жа Иловайская и графиня Стенбокъ-Фермеръ).

Печатаемъ здѣсь цѣликомъ упомянутый любопытный автобіографическій набросокъ, ярко рисующій какъ эпоху, такъ и достойнѣйшаго А. М. Тургенева.

К. Гротъ.

*) Онъ любилъ озаглавливать свои замѣтки словомъ „Ермолафія“, семинарскаго происхожденія, означающимъ многословную болтовню, чепуху etc. К. Г.

СУДЬБА.

Автобиографическая записка А. М. Тургенева.

Герцогъ Александръ Виртембергскій *), считая себя самымъ великимъ человѣкомъ и во всѣхъ наукахъ, художествахъ всесвѣдущимъ, учредилъ въ пожалованномъ ему въ Курляндіи имѣніи, принадлежавшемъ герцогу Курляндскому, называемомъ Гриньгофъ, хозяйство, по собственно изобрѣтенной имъ системѣ, которая, въ короткое время управления его, ограничила до того доходы его высочества, что знаменитому изобрѣтателю нечѣмъ было содержать себя, и онъ находился въ затруднительномъ положеніи.

Дружба Императрицы Елисаветы съ герцогинею Антуаннетою, супругою герцога, спасла отъ банкротства его высочество. Елисавета дала герцогинѣ много брилліантовыхъ украшеній для залога въ С.-Петербургскій ломбардъ: въ 150 тыс. руб. были брилліанты заложены. Много стоило труда герцогинѣ убѣдить искуснѣйшаго хозяина, что система его никуда не годится, и онъ ничего въ домоводствѣ не понимаетъ. Но когда дошло до того, что не на что содержать себя, и въ заемъ дать денегъ никто не соглашается, его высочество хотя и не согласился въ томъ, что придуманная имъ система хозяйства не есть лучшая въ цѣломъ мірѣ, однакоже уважилъ убѣжденія супруги своей, отдалъ имѣніе Гриньгофъ въ арендное содержаніе какому-то Мейеру. Арендаторъ платилъ герцогу сто тысячъ рублей серебромъ въ годъ.

Въ концѣ 1811 года Императрица убѣдительнѣйше просила герцогиню выкупить заложенные брилліанты, потому что вдовствующая Императрица провѣдала, гдѣ брилліанты находятся, и требовала или просила Государыню (царскихъ соотношеній не вѣдаю, какъ что между ними водится) этими брилліантами украсить Русскій нарядъ въ маскарадъ шестого Генваря, который въ царствованіе Александра всегда въ этотъ день давали при дворѣ для всѣхъ жителей Петербурга.

Долго арендаторъ герцоговъ медлилъ, не везъ денегъ; его высочество и наиболѣе герцогиня были въ сокрушеніи. Въ Витебскѣ, да

*) Родной братъ Императрицы Маріи Феодоровны (сынъ Фридриха-Евгенія владѣт. герцога Виртембергскаго), род. 1771 г., † 1833 г., былъ съ 1800 г. въ Русской службѣ, состоялъ съ 1811 г. (какъ и послѣ войны 1812—14 гг.) Вѣлорусскимъ генераль-губернаторомъ, участвовалъ въ кампаніяхъ 1812 и 1813 гг. (его корпусъ взялъ Данцигъ), а съ 1822 г. завѣдывалъ управленіемъ путей сообщенія и на этомъ поприщѣ сдѣлалъ много для умноженія и усовершенствованія нашихъ водныхъ и сухихъ путей. К. Г.

и во всей Бѣлоруссіи, высокому начальнику и близкому родственнику царскому, ни одинъ Жидъ не соглашался дать въ займы ста рублей безъ ручного залога, а заложить было нечего!!! Картинную галерею его высочества Жиды даромъ взять не согласились бы. Израильтяне любятъ, что потяжеловѣснѣе, что звучитъ и не боится огня. Народъ практикованный!

Наконецъ, за 24 часа до наступленія новаго, вѣчно для народа Русскаго незабвеннаго 1812 года, явился арендаторъ въ Витебскъ къ герцогу съ деньгами и я былъ отправленъ въ Петербургъ тотчасъ, какъ только герцогъ изволилъ сочинить письма къ Императору и Императрицамъ. Мнѣ было приказано пріѣхать въ Петербургъ въ двое сутокъ, выкупить брилліанты и доставить Императрицѣ. 627 верстъ разстоянія Витебска отъ С.-Петербурга я ѣхалъ 35 часовъ. Императоръ Александръ, когда я имѣлъ счастье поднести Его Величеству въ кабинетѣ письмо герцога, взглянувъ на число, не хотѣлъ вѣрить и изволилъ спросить меня два раза: „когда ты былъ отправленъ“. На докладъ мой: „вчера, Ваше Величество!“ Государь изволилъ сказать стоявшему предъ нимъ оберъ-гофмаршалу графу Н. А. Толстому: „Толстой, это не хуже нашего!“

Я остановился въ Петербургѣ у друга и родственника моего Василя Алексѣевича Плавильщикова *). У него увидѣлъ я и ознакомился съ Нѣмцемъ Литке, славнымъ типографщикомъ, который, по сдѣланному ему предложенію, собирался отправляться въ Астрахань для основанія тамъ типографіи. У г. Литке была 4-лѣтняя дочь, хороша какъ ангелъ, я ее бралъ на руки, игралъ съ нею, и она называла меня женихомъ.

Я поѣхалъ изъ Петербурга съ графомъ П. А. Строгановымъ въ дѣйствующую 1-ю западную армію. Несчастный Литке отправился съ семействомъ въ Астрахань. Казалось, случайная моя встрѣча, минутное мое знакомство съ г. Литке кончилось навсегда.

Я обрекъ себя на поприще военное, быть стрекулистомъ мнѣ никогда не приходило въ помышленіе, а быть мытаремъ, т.-е. служить по части таможенной никогда во снѣ не снилось!

*) В. А. Плавильщиковъ, братъ знаменитаго актера и писателя Петра Алексѣевича Плавильщикова, былъ извѣстный книгопродавецъ и библіографъ († 1823 г.) „Роспись“, библіотека котораго является одной изъ первыхъ у насъ библіограф. работъ. Онъ завѣщалъ свое дѣло (магазинъ и типографію) своему приказчику Смирдину, своему продолжателю.

Но судьбѣ было угодно заставить меня, вопреки желанія моего, поступить въ службу гражданскую и начать ее именно съ таможенной службы.

1817 года начальство, или г. министр финансовъ Гурьевъ, соизволилъ переставить меня въ третье мѣсто. Сначала опредѣлили меня въ Таврической губерніи; таможня Феодосійская, до пріѣзда моего никогда не собиравшая въ годъ пошлинѣ болѣе сорока тысячъ, подъ управленіемъ моимъ доставила пошлиннаго сбора въ годъ девятьсотъ тысячъ рублей! За это меня начали жать и давить съ верху, съ низу и съ обѣихъ сторонъ! Я оттерпчивался, стоялъ твердо, не перемѣняя методы управленія моего. Помнилъ завѣты покойнаго родителя, который, умирая, сказалъ намъ: „Вѣра Богу, вѣрность Царю, честность впереди всего“.— Нечего было дѣлать со мною. Меня министръ вызвалъ въ Петербургъ и по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ опредѣлилъ окружнымъ начальникомъ на Польской границѣ въ Брестъ-Литовскомъ. Здѣсь обличилъ помѣщиковъ Польскихъ въ явномъ ихъ промыслѣ, совокупно съ Жидами, въ потаенномъ провозѣ чрезъ границу товаровъ; обнаружилъ злыя ихъ намѣренія и помыслы къ отторженію отъ Россіи. Довелъ до свѣдѣнія, что всѣ военные начальники на границѣ содѣйствуютъ и споспѣшествуютъ въ тайномъ провозѣ товаровъ.

На ярмаркѣ въ м. Чеславницахъ (?) я самъ видѣлъ, какъ адъютанты генерала Винцегероде увозили запрещенные товары изъ лавокъ Жидовъ; остановить ихъ я не имѣлъ возможности. Герои, увѣнчанные славою и обвѣщенные знаками отличія за мужественные ихъ подвиги на полѣ чести, оградили себя жандармами, чтобы никто не мѣшалъ имъ производить безчестнѣйшее ремесло контрабанды!

Я былъ одинъ съ закономъ въ рукахъ и дозналъ при семъ случаѣ опытомъ, что сила моральная предъ силою физической ничтожна! За это министръ опять вызвалъ меня въ Петербургъ, опредѣлилъ при себѣ чиновникомъ по разнымъ порученіямъ и сказалъ: „вы, сударь, не умѣли ужиться съ прекрасными Польшами“.

Назначили меня въ Парижъ на мѣсто Жерве, я былъ уже совсѣмъ готовъ къ отъѣзду: отмѣнили. Приказали быть готову ѣхать въ Оренбургъ для изслѣдованія происшедшихъ беспорядковъ на заводахъ И. И. Пашкова. Но Пашковъ испугался назначенія моего и съ большими пожертвованіями упросилъ, чтобы вмѣсто меня назначили В. И. Болгарскаго. Ходатайство Пашкова было уважено, и Болгарскій, состоя еще подъ судомъ за грабежъ, произведенный имъ въ Вятской губерніи, когда былъ тамъ губернаторомъ, отправился съ И. И. Пашко-

вымъ въ Оренбургъ на заводы его, прикрылъ всё мерзости плюгаваго Пашкова, обвинилъ страдавшій народъ, возвратился въ Петербургъ съ полными карманами и Оренбургскими грѣхами смылъ грѣхи Вятскіе,—получилъ орденъ!

Меня министръ послалъ въ Астрахань начальникомъ новоучрежденнаго Астраханскаго таможеннаго округа. Я сдѣлался повелителемъ древняго Каспія; ключи отъ мѣдныхъ воротъ, построенныхъ Александромъ Македонскимъ, были мнѣ ввѣрены.

Въ половинѣ Октября 1817 года пріѣхалъ я въ Астрахань, гдѣ неожиданно узналъ, что добрый и честный нѣмецъ Литке доведенъ до крайняго разоренія и даже заключенъ въ тюрьму. По точномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла г. Литке, я узналъ, что онъ былъ обворованъ Армянами. Это ужасное племя! Греки и Жиды, столь славящіеся искусствомъ въ обманахъ и плутовствѣ, ничего не значать въ сравненіи съ Армянами. Въ Астрахани въ народѣ существуетъ пословица или поговорка, что Христось, будучи на землѣ, для сотворенія племени армянскаго, снисходя къ моленію апостоловъ, повелѣлъ девять Грековъ и десять Жидовъ истолочь въ ступѣ, выжать и изъ этихъ выжимковъ вышель Армянинъ!

Армяне у г. Литке обобрали болѣе ста тысячъ рублей капитала, и его же, съ помощью гг. стрекулистовъ, засадили въ тюрьму. Не безъ труда и не безъ пожертвованій было убѣжденіе мое у гг. астраханскихъ стрекулистовъ. Наконецъ, я былъ принужденъ сказать г. губернатору, что я доведу до свѣдѣнія высшаго начальства о превратномъ истолкованіи законовъ въ Астрахани. Это было на обѣдѣ у губернатора; на рыльцѣ у его превосходительства былъ также пушекъ. Онъ встревожился и спросилъ меня: „что это значить, А. М.?“ „То, ваше превосходительство, что въ цѣломъ мірѣ заключаютъ въ тюрьмы тѣхъ людей, которые берутъ деньги въ заемъ и не отдають, а у васъ въ Астрахани это дѣлають наоборотъ—заключаютъ въ тюрьму тѣхъ, которые дали деньги въ заемъ“. „Какъ это? Быть не можетъ!“ Я разсказалъ губернатору дѣло г. Литке. Его превосходительство приказалъ въ ту же минуту освободить несчастнаго, бранилъ секретарей, судей, прокурора, божился, что онъ вовсе не вѣдалъ о такомъ злодѣянніи и пр. и пр.

Г. Литке освободили, но онъ ничего уже, кромѣ сюртука, не имѣлъ! Въ продолженіе содержанія его въ тюрьмѣ несчастная жена его умерла отъ тоски, горя и бѣдности! У него было двое дѣтей, сынъ Петръ 12-ти и дочь Полина 9 лѣтъ. Сына взялъ къ себѣ аптекаръ для наученія его фармацевтикѣ: девятилѣтнюю дочь взялъ я на

мое попеченіе и помѣстилъ ее въ пансіонъ, котораго содержательница была вдова-капитанша, урожденная Итальянка.

Начали въ Астрахани отъ нечего дѣлать говорить и толковать о намѣреніяхъ моихъ относительно Полины. Мнѣ было досадно на подлецовъ, неспособныхъ благородно мыслить и, къ счастью Полины, худо обучали въ пансіонѣ Итальянки; дитя въ шесть мѣсяцевъ не научилось еще читать. Въ это время у брата Федора умерла жена, оставила ему трехъ малолѣтнихъ дочерей. Я написалъ ему о пріѣмышлѣ моемъ и просилъ его, если это не обременитъ его, позволить мнѣ прислать Полину къ нему съ тѣмъ, чтобы она была вмѣстѣ воспитана съ дочерьми его.

Спасибо Федору: онъ съ первою же почтою отвѣчалъ мнѣ, чтобы я прислалъ Полину и что она будетъ воспитана, какъ дочь, вмѣстѣ съ дѣтьми его. Я отослалъ Полину къ Федору въ Москву; онъ, еще спасибо ему, сдержалъ слово. Полина моя была научена Французскому, Англійскому, Нѣмецкому, Русскому языкамъ, писала на всѣхъ языкахъ лучше многихъ нашихъ писателей романовъ, изъяснялась на четырехъ діалектахъ, какъ на природномъ языкѣ; играла мастерски на фортепіано, пѣла прелестно, душу и тѣло имѣла ангельскія.

17 Апрѣля 1835 года я вступилъ съ Полиною въ законное супружество. Черезъ 9 мѣсяцевъ и 11 дней Всемогущій Богъ благословилъ супружество наше благостію: 28 Января 1836 года милая моя Полина разрѣшилась отъ бремени Ольгою моею. 11 Февраля святой волѣ Господа угодно было разлучить меня съ Полиною въ здѣшнемъ мірѣ! Онъ воззвалъ ее въ жилище безконечное!

Судьбы Всемогущаго непсповѣдимы.

А. Т.

1837 года. Ноября 1 дня.
Москва.

Любезному другу В. А. Жуковскому.

Сообщилъ К. Я. Гротъ.

ГИМНАЗИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТНИКА.

Я родился въ Москвѣ въ Октябрѣ 1851 года. Мой отецъ, извѣстный впослѣдствіи редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ, былъ по рожденію тоже Москвичемъ; его отецъ былъ въ свое время извѣстнымъ въ Москвѣ медикомъ и умеръ инспекторомъ Московской врачебной управы. Совершенно обрусѣвшій Нѣмецъ, дѣдъ числился еще лютераниномъ, но женился въ первый разъ на православной, Москвичкѣ, и дѣти отъ этого брака были, по закону, крещены въ православную вѣру. Овдовѣвъ, дѣдъ женился вторично на моей бабкѣ, Московской Нѣмкѣ и лютеранкѣ. Дѣтей отъ этого брака, въ томъ числѣ и моего отца, родители-лютеране уже добровольно крестили также въ православную вѣру, находя, вѣроятно, неудобнымъ имѣть въ одной семьѣ дѣтей разныхъ вѣроисповѣданій.

При поступленіи на государственную медицинскую службу, дѣдъ принялъ Русское подданство, а дослужившись до чина статскаго совѣтника сталъ, по тогдашнимъ законамъ, Русскимъ потомственнымъ дворяниномъ.

Въ первой семьѣ дѣда домашнимъ, роднымъ языкомъ былъ матери, т.-е. Русскій. Такъ оставалось и послѣ второго брака дѣда. И онъ, и моя бабка были плохими Нѣмцами, оба отлично владѣли Русскимъ языкомъ, любили говорить по-русски и считали своихъ дѣтей, какъ родившихся въ Россіи, Русскими, обязанными владѣть въ совершенствѣ языкомъ своей родины.

Дѣдъ умеръ, когда моему отцу едва минуло десять лѣтъ; вдова, оставшаяся безъ большихъ средствъ, начала распахивать сиротъ по учебнымъ заведеніямъ, по возможности на казенный счетъ. Мой отецъ попалъ казеннокоштнымъ пансіонеромъ въ первую Московскую гимназію, гдѣ и прошелъ благополучно весь курсъ средней школы, поступилъ, затѣмъ, въ Московскій университетъ, изъ котораго, вслѣдствіе столкновенія съ своимъ зятемъ, профессоромъ Никитою Крыловымъ, вынужденъ былъ перейти въ Петербургскій университетъ, гдѣ въ 1850 году и окончилъ курсъ кандидатомъ.

Огромное вліяніе имѣлъ на отца, по его словамъ, его старшій (на 20 лѣтъ) братъ, Евгений Ѳедоровичъ, близкій другъ Грановскаго, Герцена, Огарева, Кетчера и другихъ извѣстныхъ „Западниковъ“ того времени. При помощи своихъ многочисленныхъ сестеръ отецъ породнился съ Н. Н. Крыловымъ, К. Д. Кавелинымъ, А. А. Григорьевымъ.

Такая исключительная умственная и нравственная обстановка, окружавшая отца съ юныхъ лѣтъ, имѣла рѣшающее вліяніе на его будущее міросозерцаніе. Онъ постепенно проникался тѣми просвѣщенными идеями западно-европейской науки и культуры, которымъ оставался вѣренъ до конца своихъ дней.

Неудивительно, что, окончивъ университетъ, отецъ не пошелъ въ чиновники, а предпочелъ занять скромное мѣсто помощника редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя издавались тогда университетомъ, подъ редакцію лица, числившагося на государственной службѣ, въ штатѣ университетской типографіи. Такимъ лицомъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка былъ знаменитый потомъ публицистъ Страстнаго бульвара, а тогда ярый Западникъ и Англоманъ М. Н. Катковъ, начавшій свою публицистическую дѣятельность также помощникомъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, которымъ до него былъ мой дядя, Е. Ѳ. Коршъ. Когда послѣдній переѣхалъ на службу въ Петербургъ, на его мѣсто редакторомъ университетской Московской газеты былъ назначенъ Катковъ, пригласившій себя въ помощники, по рекомендаціи дяди, моего отца.

Не знаю точно, въ которомъ году Катковъ, основавшій свой „Русскій Вѣстникъ“, оставилъ мѣсто редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, и его преемникомъ былъ назначенъ мой отецъ, остававшійся редакторомъ университетской газеты до 1 Января 1863 года, когда ему были сданы Академіею Наукъ въ аренду „С.-П.-Б. Вѣд.“, а „Московскія Вѣдомости“ университетъ впервые сдалъ тоже въ аренду М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву.

Моя мать, по происхожденію, была тоже иностранка, Француженка, но, какъ и отецъ, родилась въ Москвѣ и до конца своей жизни ни разу, даже на время, не выѣзжала изъ предѣловъ Россіи. Ея отецъ выѣхалъ съ Юга Франціи съ коммерческими планами еще до нашествія Наполеона, основался въ Москвѣ, гдѣ, вмѣсто капиталовъ, нажилъ большую семью и умеръ отъ апоплексическаго удара, оставивъ жену и дѣтей безъ всякихъ готовыхъ средствъ къ существованію. Къ счастью, старшія дѣти уже были взрослыми и сумѣли воспитать младшихъ. Двѣ старшія сестры основали частную женскую школу, развившуюся впоследствии въ большое учебное заведеніе,

пользовавшееся 50 лѣтъ репутаціей одной изъ лучшихъ частныхъ школъ въ Москвѣ. Со смертью младшей моей тетки, преобразовавшей унаслѣдованный ею отъ сестеръ пансіонъ въ частную женскую гимназію, со всѣми правами правительственныхъ гимназій, наслѣдница ея продала заведеніе, державшееся болѣе полувѣка въ рукахъ одной семьи, въ новыя руки. Гимназія существуетъ и нынѣ, но кому она принадлежитъ теперь, не знаю.

Въ этомъ пансіонѣ воспитывалась и обучалась моя мать, успѣшно выдержавшая потомъ экзамень на домашнюю учительницу въ особомъ испытательномъ комитетѣ при Московскомъ университетѣ.

Мать была нѣсколько старше отца. Красивая брюнетка южнаго типа, съ неизмѣнно добрымъ выраженіемъ большихъ прекрасныхъ черныхъ глазъ, привѣтливою улыбкою на устахъ, роскошными бровями и рѣсницами, чудными черными, какъ смоль, волосами, она производила чарующее впечатлѣніе на каждого кто не былъ лишень пониманія красоты и изящества. Мы, дѣти, боготворили ее; она научила насъ боготворить отца, на котораго только что не молилась.

Отецъ отдавалъ газетѣ все свое время, днемъ и ночью, забывая, что у него есть требующая не однихъ матеріальныхъ заботъ семья.

А семья чуть ни ежегодно увеличивалась. Я былъ первымъ и родился не совсѣмъ своевременно: на одинъ или на два мѣсяца раньше срока; мать боялась потерять своего первенца, держала меня въ ватѣ, сама кормила грудью и всячески обороняла меня отъ всѣхъ случайностей дѣтскаго возраста. Ко мнѣ была приставлена пожилая, опытная няня, очень сердечная женщина, искренно привязавшаяся и ко мнѣ, и къ матери. Эта добрая Василиса усердно помогала матери выходить недоношеннаго ребенка. Я благополучно достигъ годового возраста и продолжалъ хорошо развиваться далѣе: исправно сдѣлалъ зубы, во-время сталъ ходить, говорить и пр., радуя и утѣшая обожавшихъ меня маму и няню понятливостью и проявленіемъ добрыхъ склонностей. „Весъ въ папеньку будетъ“ — лукаво пророчила Василиса. „Только этого и желаю“ — отвѣчала счастливая мать, цѣлуя своего первенца.

Отцу, какъ я уже говорилъ, не было времени заниматься мною. У него, не достигшаго еще 24 лѣтъ, не было и не могло быть никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей. Онъ, какъ сынъ своего времени, незнавшій къ тому же самъ никакихъ особенныхъ заботъ о немъ его родителей, былъ искренно убѣжденъ, что заботы о дѣтяхъ, пока они дома, дѣло матери, а потомъ

тѣхъ учебныхъ заведеній, куда дѣти будутъ отданы для обученія. Отецъ, поглощенный общественными дѣлами и интересами, не можетъ заниматься ни воспитаніемъ, ни обученіемъ дѣтей.

Думая такъ, мой отецъ предоставилъ матери полную свободу воспитывать насъ, какъ ей угодно, требуя лишь одного—чтобы дѣтскій крикъ не мѣшалъ его занятіямъ и чтобы его письменный столъ разъ навсегда считался дѣтски безусловно неприкосновеннымъ. Эти требованія отца исполнялись, какъ законъ; слова: „папа занимается, плакать и шумѣть нельзя“ моментально прекращали нашъ шумъ, крикъ, плачь и неизбѣжные дѣтскіе капризы. Обожавшая отца, наша мать любовно и неустанно берегла его покой и работу, не позволяя не только дѣтямъ, но и прислугѣ прикоснуться къ письменному столу отца, сама стирала съ него пыль, заботливо наблюдая, чтобы ни одна изъ массы разбросанныхъ по столу бумагъ, газетъ, писемъ, книгъ не была случайно перемѣщена, зная, что отецъ не переносилъ, когда на его рабочемъ столѣ наведутъ „порядокъ“. И прислуга, и мы, дѣти, привыкали къ тому, что на отцовскомъ столѣ ничего и никогда трогать нельзя, и не трогали.

Отца мы почти и не видѣли. Мать отстранила отъ него всѣ семейныя заботы, и одна несла всѣ многочисленныя, разнообразныя, скучныя домашнія обязанности, не вмѣшивая занятаго по горло мужа ни въ какія семейныя дѣла и дѣлишки.

Когда настало время начать наше обученіе, мать сама научила насъ Русской грамотѣ, сама, будучи католичкой, выучила съ нами по-Русскому молитвеннику главныя православныя молитвы, обучила насъ читать и писать по-Французски и по-Нѣмецки, старалась приучить насъ и говорить на этихъ двухъ языкахъ, которыми сама владела отлично.

Мы съ братомъ учились охотно. Мать радовалась нашимъ успѣхамъ, а отецъ, видя, что мы не болтаемся безъ дѣла, „учимся“, не находилъ повода вмѣшиваться въ наше обученіе, да мать и не прибѣгала къ его содѣйствію и помощи, основательно не ожидая отъ мужа никакихъ полезныхъ практическихъ педагогическихъ совѣтовъ и указаній.

Такъ я доросъ до десятаго года. Хотя и недоношенный, я не хворалъ никакими болѣзнями, но мамѣ и нянѣ постоянно казалось, что я недостаточно здоровъ, бодръ и веселъ, и онѣ всячески оберегали меня отъ лишннихъ прогулокъ, игръ на воздухѣ, которыя Василиса считала „озорствомъ“, простительнымъ лишь уличнымъ маль-

чишкамъ, а не „благороднымъ“ дѣтямъ. „Еще глазъ, чего добраго, вышибуть,—говорила она, глядя какъ многочисленная дѣтвора слушающихъ университетской типографіи, жившихъ, какъ и мы, въ казенныхъ зданіяхъ, бѣгала по двору, играя въ лапту и другія веселыя игры,—лучше отойди отъ грѣха“, и уводила меня отъ шумной, веселой дѣтской толпы.

Мать видѣла, что я развивался быстро, легко усвоивалъ несложную учебу, хорошо читалъ и писалъ по-Русски, по-Французски и по-Нѣмецки, зналъ четыре правила ариѳметики, могъ и любилъ читать одинъ подаренный мнѣ книжки, зналъ наизусть нѣсколько басенъ Крылова и Лафонтена,—вообще, былъ прилежнымъ и любознательнымъ мальчикомъ,—и не обременяла меня чрезмѣрными учебными занятіями.

Кончалось лѣто 1861 года, которое мы проводили въ подмосковной деревнѣ Давыдково, нанимая просторную крестьянскую избу у кормилицы моего брата.

Отецъ не могъ, конечно, жить на дачѣ, онъ пріѣзжалъ къ намъ каждый день къ обѣду и оставался до утра, поручивъ на лѣто выпускъ газеты своему помощнику, каковымъ былъ извѣстный потомъ общественный дѣятель Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ.

Въ одно изъ воскресеній отецъ неожиданно сказалъ мнѣ, что на утро повезетъ меня въ городъ, а тамъ въ гимназію, на вступительный экзамень.

Для матери это, повидимому, былъ такой же сюрпризъ, какъ и для меня. Какъ теперь помню ея вопросъ, обращенный къ отцу:

— А ты думаешь, что Еню примуть? Вѣдь ему нѣтъ еще десяти лѣтъ.

— Примуть,—отвѣчала мать,—мнѣ обѣщали не придираяться къ мѣсяцамъ, которыхъ ему недостаетъ до десяти лѣтъ, если онъ, по познаніямъ, окажется готовъ въ первый классъ.

Этимъ и кончилась родительская бесѣда о предстоявшемъ мнѣ на другой день испытаніи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Московская третья гимназія.

Въ 1861 году Московская третья гимназія помѣщалась въ томъ же красивомъ зданіи на Лубянкѣ, гдѣ она находится и теперь. Гимназія эта была „реальной“: въ ней не преподавалось древнихъ языковъ, взамѣнъ которыхъ былъ расширенъ курсъ математики и препо-

давалась естественная исторія. Но эта особенность гимназій проявлялась лишь съ 3-го класса, курсъ же первыхъ двухъ классовъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ гимназій съ древними языками, преподаваніе которыхъ, до времени Толстовскаго лже-классицизма, тоже начиналось съ 3-го класса.

Вступительный экзаменъ я выдержалъ успѣшно, и нехватка двухъ мѣсяцевъ до установленнаго пріемнаго возраста не помѣшала моему поступленію въ первый классъ.

Маленькій портной „Василій“ живо соорудилъ мнѣ сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, и я началъ исправно каждое утро бѣгать съ Страшнаго бульвара на Лубянку.

Какое впечатлѣніе произвела на меня общая гимназическая обстановка? Отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ теперь, по прошествіи 49 лѣтъ, не берусь: въ моей, вообще очень хорошей памяти, не сохранилось по этому предмету никакого яснаго воспоминанія, никакой общей картины, помнятся отдѣльныя лица учебнаго персонала, мелькаютъ фигуры товарищей, классныя парты, надзиратели: Французъ и Нѣмецъ, тщетно добивавшіеся, чтобы мы говорили съ ними на иностранныхъ языкахъ, ставившіе насъ на колѣни за классную доску на всю перемену и постоянно грозили намъ розгами, но угрозы эти, въ большинствѣ случаевъ, не осуществлялись, ибо надзиратели сами, безъ разрѣшенія инспектора, не имѣли права примѣнять тѣлеснаго наказанія, а инспекторъ очень рѣдко давалъ это разрѣшеніе, не будучи самъ приверженцемъ розги.

Изъ учителей помню: Зенгбуша (географія), Трусова (арифметика) и Соснецкаго (Русскій языкъ). Припоминается еще законоучитель, котораго мы называли въ глаза — „батьюшка“, а за-глаза — „батька“, и фамиліей его никогда не интересовались и не знали, какъ его зовутъ. Плотная, бритая фигура директора Грифцова въ мундирномъ фракѣ, съ большимъ орденомъ на шеѣ, внушала намъ паническій страхъ, хотя къ этому и не было никакихъ основаній; директоръ былъ человекъ, правда, сухой, но несомнѣнно добрый, онъ никогда не наказывалъ ученика, не выслушавъ его оправданій, никогда не принималъ, помимо инспектора, никакихъ жалобъ отъ классныхъ надзирателей, не любилъ онъ и не поощрялъ жалобъ учениковъ другъ на друга, называлъ это „фискальствомъ“, „предательствомъ“ и прогонялъ жалобщика. Не помню ни одного случая наказанія директоромъ ученика по жалобѣ товарища, или по докладу надзирателя, перваго Грифцовъ прямо прогонялъ, даже не выслушавъ, а втораго отсылалъ къ инспектору.

Инспекторъ, Петръ Александровичъ Александровъ, былъ къ намъ ближе, мы его видѣли чаще директора, онъ былъ для насъ верховнымъ безапелляціоннымъ судьей всѣхъ нашихъ поступковъ и проступковъ. Войдя въ перемѣну въ классъ и увидѣвъ стоявшихъ на колѣняхъ, П. А. непременно допрашивалъ дежурнаго надзирателя— въ чемъ провинились наказанные, и если вина ограничивалась дѣтскою шалостью, просилъ надзирателя простить шалуна. Просьба инспектора, конечно, всегда исполнялась, и шалуны, отвѣсивъ инспектору благодарный поклонъ, стремглавъ бѣжали въ коридоръ, гдѣ толпа гимназистовъ такъ или иначе разминала свои юные члены, въ ожиданіи звонка на слѣдующій урокъ.

Не могу сказать, чтобы мы любили П-ра А-ча, но мы, сами того не сознавая, уважали его за всегда доброжелательное и снисходительное отношеніе къ нашимъ шалостямъ, за защиту насъ отъ розогъ по жалобамъ надзирателей, за ежедневное освобожденіе отъ стоянія на колѣняхъ и отъ сидѣнія въ свѣтломъ и темномъ карцерѣ, куда насъ охотно забирали надзиратели, когда замѣчали, что мы не стоимъ смиренно на колѣняхъ. Чтобы привлечь вниманіе П. А., влекомый въ карцеръ поднималъ громкій плачь и шумъ, ближайшій другъ его спѣшилъ въ коридоръ и старался попасть на глаза инспектору, который неминуемо, слыша крикъ, гулко доносившійся изъ перваго класса, спрашивалъ перваго попадавшаго ему на глаза первоклассника:

— Чтò у васъ случилось? Кто и отчего кричитъ?

— Надзиратель тащитъ Иванова въ карцеръ, — отвѣчалъ другъ Иванова.

И П. А. спѣшилъ въ классъ спасти шалуна отъ заточенія.

Иначе относился инспекторъ къ жалобамъ учителей и къ лѣности учениковъ. Сами учителя рѣдко прибѣгали къ дозволеннымъ имъ наказаніямъ, одинъ священникъ охотно ставилъ насъ на колѣни за доску, приговаривая: „благодарн, мерзавецъ, что не жалуясь инспектору, онъ бы тебя отлично выпоролъ“. И почтенный законоучитель былъ правъ: каждая жалоба учителя влекла за собой неизбѣжную порку. Мы это отлично знали и всячески старались не доводить учителей до жалобъ инспектору. Но иногда учителя хитрили: жаловались, не предупреждая виновнаго, и это обнаруживалось въ ближайшую среду или субботу. Въ эти дни П. А. послѣ втораго урока обходилъ всѣ классы и вызывалъ всѣхъ обреченныхъ на жестокую расправу. Вызванныхъ собиралось иногда чловѣкъ 20, тутъ были не только

ученики первыхъ трехъ классовъ, но и воспитанники 4-го, 5-го, 6-го и 7-го классовъ, съ усиками и пробивающеюся бородкой. Всѣ молчали, знали, что никакія просьбы не измѣнять рѣшенія инспектора, утвержденнаго постановленіемъ педагогическаго совѣта. Обреченные строились по два въ рядъ и молча шли за инспекторомъ мимо всѣхъ классовъ, по главному коридору гимназіи, на главную парадную лѣстницу; позорное шествіе замыкалъ назначенный присутствовать при экзекуціи надзиратель, вмѣсто инспектора, не любившаго этого зрѣлища. Шествіе спускалось внизъ по лѣстницѣ и скрывалось въ швейцарской, за которой имѣлась небольшая, совершенно пустая комнатка, посерединѣ которой стояла широкая скамейка, а у окна—кресло, обитое клеенкой, съ деревянными спинкою и локотниками, на которомъ все время наказанія сидѣлъ надзиратель. У скамейки уже стоялъ сторожъ, а на полу лежало нѣсколько пучковъ розогъ. Жертвы размѣщались вокругъ скамейки, и порка начиналась со старшихъ,— вѣроятно, для большаго воздѣйствія на младшихъ. Спускать штаны наказываемый долженъ былъ самъ, какъ и ложиться на скамью, снабженную подвижными широкими ремнями, изъ которыхъ однимъ прикрѣплялись ноги, а другой пропускался подъ мышками и укрѣплялъ туловище. Мысль введенія этого приспособленія принадлежала нашему гувернеру-Нѣмцу, увѣрявшему, что такія скамейки приняты во всѣхъ Нѣмецкихъ гимназіяхъ и премированы высокою денежною наградою. И мы наглядно убѣждались, что Нѣмецъ не одну „обезьяну“ выдумалъ.

Окончивъ приготовленія, сторожъ вытягивался во весь свой ростъ, лицомъ къ надзирателю, и возглашалъ:

— Готово, ваше высокоблагородіе; позвольте начинать?

Надзиратель окидывалъ бѣглымъ взоромъ скамейку, махалъ рукой и произносилъ: 15 или двадцать.

И позорное наказаніе начиналось и продолжалось, пока всѣ приведенные ученики не получили опредѣленнаго имъ количества ударовъ.

Повторяю, розги примѣнялись почти исключительно по назначенію педагогическаго совѣта, ни директоръ, ни инспекторъ не любили пользоваться своимъ правомъ наказывать учениковъ розгами по своему личному усмотрѣнію и потому это суровое наказаніе не процвѣтало. Неизмѣримо употребительнѣе было другое позорное наказаніе, примѣнявшееся ежедневно по назначенію инспектора: въ большую перемѣну нѣсколько провинившихся воспитанниковъ трехъ младшихъ классовъ выводились на площадку парадной лѣстницы, соединявшую двѣ поло-

вины главнаго гимназическаго коридора, и ставились тамъ на колѣни подъ большими часами на все время перерыва между вторымъ и третьимъ урокомъ, на глазахъ всей отдыхающей гимназiи. Мы называли это „стояніемъ на часахъ“. Къ наказаннымъ запрещалось подходить, останавливаться около нихъ и разговаривать съ ними. Находились, однако, смѣльчаки, умѣвшіе не только бесѣдовать съ наказанными, но и искусно передавать имъ часть своего завтрака. Помню, разъ и я попытка подѣлиться завтракомъ съ стоявшимъ на часахъ моимъ двоюроднымъ братомъ, Петей Григорьевымъ, сыномъ извѣстнаго въ свое время критика Аполлона Александровича Григорьева, но, увы, сдѣлалъ это такъ неудачно, что и самъ остался безъ завтрака: незамѣченный мною надзиратель выхватилъ у меня протянутую Григорьеву булку и отдалъ ее дежурному сторожу, а мнѣ пригрозилъ жалобой инспектору. Но подобныя неудачи случались рѣдко, и надзиратели, въ сущности, смотрѣли на такія передачи сквозь пальцы.

Но довольно о наказанiяхъ. Посмотримъ теперь, чему и какъ насъ учили въ первомъ классѣ.

Намъ преподавались: Законъ Божій (ветхiй завѣтъ), Русскiй языкъ, арифметика, географія, Французскiй и Нѣмецкiй языки, чистописание и рисованіе. О законоучителѣ у меня не сохранилось буквально никакихъ воспоминанiй, даже лица его не помню. Русскiй языкъ преподавалъ неимовѣрный толстякъ Соснецкiй, вѣсившiй, какъ говорили тогда, чуть ли не 11 пудовъ. Кто видѣлъ разъ грузную фигуру невысокаго роста, на короткихъ ногахъ, Соснецкаго, тотъ не могъ не запомнить ее навсегда. И я, черезъ почти 50 лѣтъ, живо помню эту фигуру съ бритымъ небольшимъ лицомъ, бѣгающими темными, добрыми глазами, висящимъ подбородкомъ, огромнымъ ртомъ, изъ котораго торчали большіе желтые зубы. На мясистомъ носу сидѣли большіе черепаховые очки съ совершенно круглыми стеклами; шея была повязана широкимъ атласнымъ шарфомъ, сверхъ котораго красовался большой орденъ, такой же, какъ у директора; другой орденъ висѣлъ въ петлицѣ форменнаго фрака; на огромномъ мизинцѣ лѣвой руки красовался большой золотой перстень съ печаткой. Входилъ Соснецкiй въ классъ медленно, шелъ прямо на кафедру, садился на кресло и сидѣлъ весь урокъ, ни разу не вставая. Уроки его мы любили, въ классѣ не шумѣли, не разговаривали, охотно и внимательно слушали его чтеніе или диктовку. Соснецкiй не душилъ насъ заучиваніемъ на память сухихъ грамматическихъ правилъ и терминовъ. Онъ училъ насъ читать и писать правильно на Русскихъ классическихъ писателяхъ, доступныхъ нашему дѣтскому пониманію. Онъ читалъ намъ

сперва, на примѣръ, басню Крылова самъ всему классу; затѣмъ, подзываетъ кого-нибудь изъ насъ къ себѣ и заставляетъ прочесть вслухъ ту же басню, приговаривая: „читай и замѣчай, какъ прочитанныя слова написаны“. Потомъ диктовалъ ту же басню, заставляя ученика писать подъ диктовку на классной доскѣ, исправлялъ ошибки, объясняя таковыя недостаточно внимательнымъ чтеніемъ; исправленный текстъ басни весь классъ переписывалъ въ свои тетради; на слѣдующій урокъ весь классъ долженъ былъ умѣть прочесть и написать подъ диктовку ту же басню. И это продолжалось до того блаженного дня, когда Соснецкій, не вызывая никого къ доскѣ, диктовалъ всю ту же басню всему классу и отбиралъ у насъ тетради, унося ихъ домой. Такимъ способомъ Соснецкій развивалъ нашу зрительную память, приучая нашъ глазъ къ орфографіи писателя и къ правильному начертанію текста, безъ знанія грамматическихъ формъ, даже названія послѣднихъ.

— Замѣчайте и помните — какъ и когда писали Крыловъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, а почему они писали именно такъ, я расскажу вамъ во второмъ классѣ, когда начнемъ учить скучную и нелегкую родную грамматику, а пока учитесь правильно писать у дѣдушки Крылова и вѣрьте, что онъ пишетъ вѣрно.

Вотъ, что слышали мы отъ Соснецкаго вмѣсто надеждъ, глаголовъ и другой грамматической мудрости. Къ концу учебнаго года мы знали наизусть почти всего Крылова, много стихотвореній Пушкина, Лермонтова, доступныхъ нашему пониманію. Мы могутъ не повѣрить, но я долженъ сказать, что мы такъ набили свои глаза, что писали правильно не одни басни и стихи, заученные въ классѣ, а и всякія другія записи, которыя случалось дѣлать на урокахъ другихъ учителей. Мы невольно привыкли замѣчать начертаніе словъ при всякомъ чтеніи, не только учебномъ, но и вольномъ, когда читали для себя и по собственному почину: книги, газету, письма. Всюду мы замѣчали отступленія отъ памятной намъ орфографіи Крылова или Пушкина, и несли наши находки Соснецкому, который не лѣнился проверять наши сомнѣнія и повторять намъ, что Крыловъ и Пушкинъ всегда правы, и что тотъ, кто пишетъ не такъ, какъ они, не умѣетъ писать по-Русски.

Другимъ любимымъ нашимъ урокомъ былъ урокъ географіи. И. А. Зенгбушъ справедливо считался въ свое время выдающимся преподавателемъ этого предмета; его уроки были всегда занимательны и интересны. Первый годъ онъ посвящалъ свѣдѣніямъ о мірозданіи: рассказывалъ намъ, съ глобусомъ въ рукахъ, о видѣ земли, ея поло-

женіи относительно солнца, луны и пр., знакомилъ насъ съ вращеніемъ земного шара, объяснялъ исчисленіе времени: годъ, мѣсяць, день, ночь; говорилъ о причинахъ холода, тепла, дождя, снѣга, вѣтра и другихъ главныхъ, ежедневно наблюдаемыхъ нами явленіяхъ природы.

Всѣ эти рассказы и объясненія, конечно, живо заинтересовывали насъ, и классъ тихо и внимательно слушалъ занимательные уроки Ивана Александровича, легко усвоивая передаваемые имъ любопытныя свѣдѣнія.

Памятны мнѣ также уроки ариѳметики молодого учителя Трусова, вполнѣдствіи привлеченнаго къ Нечаевскому дѣлу. Трусовъ толково и просто познакомилъ насъ съ именованными числами и дѣйствіями надъ дробями. Весь годъ мы дѣлали, и въ классѣ, и дома задачи изъ забытаго теперь задачника Буссе.

Изъ остальныхъ учителей ясно помню одного: Француза Жузель, настолько хорошо владѣвшаго русскимъ языкомъ, что занимался у моего отца переводами для „Московскихъ Вѣдомостей“,—можетъ быть, я поэтому и помню его.

Учебный годъ прошелъ скоро; весной 1862 года я благополучно выдержалъ переходной экзамень во второй классъ, но мнѣ не было суждено продолжать ученіе въ Москвѣ: лѣтомъ 1862 года отцу удалось выхлопотать сдачу ему въ аренду съ 1-го Января 1863 года на шесть лѣтъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и осенью мы переѣхали на жительство въ Петербургъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

С.-Петербургская Ларинская (4) гимназія.

Арендный договоръ обязывалъ отца печатать „С.-Петербургскія Вѣдомости“ непремѣнно въ типографіи Академіи наукъ, помѣщавшейся, какъ и нынѣ, на Васильевскомъ островѣ. Понятно, и редакція, для удобства сношеній съ типографіей, принуждена была помѣститься или на этомъ же островѣ, или вблизи Николаевского моста. Найти удобную для редакціи и для семьи квартиру на Вас. островѣ отцу сразу не удалось, и первый годъ мы помѣстились въ Галерной улицѣ, близъ Николаевского моста, въ домѣ, принадлежавшемъ тогда графу Стенбокъ-Фермору. Но отецъ находилъ это мѣсто все-таки для редакціи неудобнымъ и рѣшилъ черезъ годъ перебраться непремѣнно на островъ. Поэтому, и меня перевели въ единственную въ то время гимназію, находившуюся на Васильевскомъ островѣ—Ларинскую. Гим-

назія эта считалась четвертою, но носила имя Ларина, пожертвовавшего казнѣ, собственно для гимназіи большой каменный домъ, въ которомъ она и помѣщается и понынѣ, какъ и носить имя щедрого жертвователя. Ларинская гимназія всегда пользовалась репутаціей одной изъ лучшихъ гимназій въ Петербургѣ и совершенно заслуженно. Я пробылъ ея ученикомъ шесть лѣтъ и могу сказать, что за все время моего обученія, съ осени 1862 по весну 1868 года, Ларинская гимназія располагала выдающимся учебнымъ и административнымъ персоналомъ, оставившимъ въ насъ, ученикахъ, самое теплое воспоминаніе. Я не хочу сказать, что наши учителя были идеальными педагогами, но долженъ признать, что среди нихъ не было людей злыхъ, несправедливыхъ, тупо-невѣжественныхъ, грубыхъ, или жестокихъ. Были, конечно, учителя, такъ сказать, второго сорта, были классные надзиратели глупые, но ихъ глупость не приносила намъ ни вреда, ни огорченій. И въ общемъ, получалась атмосфера сносная, доброжелательная, пріятно вспоминаемая.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я учителей: математики и космографіи А. А. Адамова, географіи В. С. Парамонова, исторіи Д. М. Воскресенскаго, латинскаго языка Игн. А. Коссовича, русскаго языка А. В. Михайлова, французскаго языка Жерома Бастена, рисованія художника Чернышева; помню также учителей второго сорта: физики Н. Н. Фусса, нѣмецкаго языка И. А. Леференца, чистописанія В. В. Оттена; помню и нашихъ классныхъ надзирателей: Штадена, братьевъ Ширмахеровъ, Зоммера. Почти о всѣхъ будетъ рѣчь впереди. Сначала скажу нѣсколько словъ о директорахъ и инспекторахъ, которыхъ при мнѣ перебывало нѣсколько.

При моемъ поступленіи директоромъ былъ только что переведенный изъ провинціи А. В. Латышевъ, а инспекторомъ В. В. Григорьевъ. Первый скоро былъ назначенъ на вновь открытую должность помощника попечителя спб. учебнаго округа, такъ что о немъ у меня сохранилось лишь смутное воспоминаніе. Но все-таки мнѣ помнится А. В., какъ человѣкъ мягкій, который гимназистовъ не притѣснялъ, былъ снисходителенъ къ нашимъ шалостямъ и школьничествамъ, не наказывалъ сурово и зря, терпѣливо выслушивалъ наши оправданія, въ общемъ, не былъ директоромъ-пугаломъ.

Объ инспекторѣ, В. В. Григорьевѣ, напротивъ, я храню самое ясное, вполне определенное воспоминаніе. Это былъ на рѣдкость добрый, гуманный человѣкъ, педагогъ по призванію; онъ поощрялъ въ насъ развитіе самостоятельности, любознательности, цѣнилъ и уважалъ проявленіе въ ученикѣ чувства собственного достоинства, раз-

умнаго самолюбія, стремленія къ толковому чтенію, понималъ юношеское влеченіе къ движенію, не преслѣдовалъ безобидныхъ и безвредныхъ шалостей, всегда тепло и участливо относился къ нашимъ горестямъ, избѣгалъ прибѣгать ко всякаго рода наказаніямъ; сдѣлать ученику выговоръ ему было гораздо труднѣе, чѣмъ намъ выслушать десятокъ всякихъ внушеній. Никогда, пока живъ, не забуду характернаго случая, бывшаго со мной:

Помнится, я былъ уже въ пятомъ классѣ. Уроки распредѣлялись у насъ такъ, что три дня было по 4 урока, а другіе три дня по 5. То же было и въ другихъ классахъ, при чемъ дни не совпадали: въ однихъ классахъ 4 урока были назначены по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, а въ другихъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Ученики сейчасъ же сообразили, что отъ пятаго урока можно иногда освободиться, незамѣтно уйдя изъ гимназій съ классами, у которыхъ въ данный день было назначено лишь 4 урока. Разъ какъ-то и мнѣ вздумалось уйти отъ пятаго урока. Прихожу на слѣдующій день, немного опоздалъ, первый урокъ уже начался. Иду по корридору къ своему классу, какъ слышу голосъ идущаго мнѣ навстрѣчу инспектора:

— Коршъ, подождите.

Сходимся. Я раскланиваюсь и жду упрека за опозданіе.

— Вы вчера ушли отъ пятаго урока, не спросившись у меня. Зачѣмъ? Вѣдь вы знаете, что я никогда не отказываю въ разрѣшеніи уйти домой раньше конца классовъ, если для этого есть уважительная причина. Убѣгать тайкомъ нехорошо.

— Виновать, Василій Васильевичъ, у меня сильно разболѣлась голова, я васъ искалъ, чтобы спроситься, но нигдѣ васъ найти не могъ.

— Куда же это я спрятался? Цѣлый день стараюсь быть у васъ на глазахъ. Вѣрно, плохо искали. Ну, идите теперь въ классъ и не убѣгайте больше безъ спроса. Я вчера хотѣлъ поручить вамъ передать вашему батюшкѣ, что умеръ старикъ Востоковъ, хоронить не на-что, не поможетъ ли намъ Литературный фондъ? Вашъ батюшка, помнится, состоитъ членомъ комитета фонда, да, вѣроятно, и русской грамотѣ учился по грамматикѣ покойнаго Востокова. Скажите отцу, что старикъ умеръ нищимъ, и помочь его вдовѣ не грѣхъ.

Этимъ кончилась бесѣда инспектора съ провинившимся гимназистомъ. Толстовскіе гимназисты, пожалуй, не повѣрятъ, что были такіе инспекторы; были, да ихъ смела толстовская метла. Впрочемъ, В. В. оставилъ Ларинскую гимназію одновременно съ введеніемъ по-

выхъ, толстовскихъ порядковъ. Онъ перешелъ на должность инспектора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, занимая которую, кажется, и скончался. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ я встрѣтился съ нимъ на какомъ-то школьномъ праздникѣ въ городской думѣ; онъ былъ еще бодрымъ, живымъ старикомъ, сейчасъ же вспомнилъ меня, и мы весело поболтали, гуляя по думской залѣ.

Латышева смѣнилъ учитель 2-й, или 3-й гимназій В. Л. Радловъ, но онъ скоро сошелъ съ ума и директоромъ Ларинской гимназій былъ назначенъ И. Ѡ. Кноррингъ, при которомъ я и кончилъ курсъ. В. В. Григорьева замѣнилъ нашъ учитель ариѳметики въ младшихъ классахъ Ѡедоръ Александровичъ Постельсъ, сынъ какого-то виднаго чиновника въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Гимназисты старшихъ классовъ и второгодники 3-го и 4-го класса знали Кнорринга: онъ до В. В. Григорьева былъ инспекторомъ въ Ларинской гимназій, откуда былъ назначенъ директоромъ, кажется, вновь открытой тогда шестой гимназій и былъ переведенъ къ намъ для приведенія въ порядокъ Ларинской гимназій, будто бы распущенной послѣ Латышева. И. Ѡ. Кноррингъ не нашелъ, однако, этой мнимой распущенности, ибо никакихъ явныхъ мѣръ къ упорядоченію гимназій не принималъ, относясь съ полнымъ довѣріемъ къ дѣятельности В. В. Григорьева и сохраняя самыя корректныя отношенія со всѣмъ учительскимъ персоналомъ. Ученики, въ свою очередь, не имѣли повода жаловаться на директора: если онъ не былъ такъ мягокъ, какъ инспекторъ, то во всякомъ случаѣ былъ несомнѣнно справедливъ, терпѣливъ и внимателенъ, особенно къ заявленіямъ пансіонеровъ, когда они приходили жаловаться на эконома, не разъ пытавшагося кормить ихъ не совсѣмъ свѣжимъ мясомъ и горькимъ масломъ. Долго Иванъ Ѡедоровичъ ограничивался внушеніями эконому, но видя, что слова не дѣйствуютъ на толстокожаго И. И. Завадскаго, предложилъ послѣдному подать въ отставку, и жалобы пансіонеровъ прекратились.

Обращаюсь къ учителямъ.

Законоучителей у насъ было два: въ первыхъ трехъ классахъ преподавалъ священникъ Борисоглѣбскій, а въ старшихъ—извѣстный по своимъ учебникамъ протоіерей А. Н. Рудаковъ. Первый былъ обыкновенный, мало образованный попикъ, не злой, требовавшій отъ насъ знанія учебника Рудакова, который всегда держалъ передъ своими глазами, когда ученикъ отвѣчалъ ему урокъ, что давало намъ поводъ утверждать, что самъ батька не знаетъ ни ветхаго, ни новаго завѣта, ни катехизиса.

Рудаковъ былъ попъ ученый, его мы трусили, старались не раздражать, пока, впрочемъ, не привыкли къ нему, не убѣдились, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ доброй души и истинно христіанскаго настроенія. Тогда начались школьничества, напрімѣръ: прежде чѣмъ Рудаковъ успѣетъ начать рассказывать новый урокъ, или спрашивать, пѣднимается одинъ мой товарищъ и задаетъ Рудакову слѣдующій вопросъ:

— Позвольте, батюшка, спросить васъ: правда-ли, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны?

— Не знаю,—скромно отвѣчалъ священникъ,—кому угодно, пусть происходитъ отъ обезьяны, а я не согласенъ, и вамъ не совѣтую соглашаться. Займемся лучше нашимъ урокомъ.

И почтенный законоучитель переходилъ или къ разсказу, или вызывалъ кого-либо отвѣчать урокъ. Слушая наши отвѣты, онъ не придирался къ мелочамъ, къ явнымъ обмолвкамъ, но требовалъ, чтобы мы дѣйствительно знали и понимали пройденное, говоря постоянно, что образованный человѣкъ долженъ непремѣнно знать догматы и исторію своей религіи, какъ бы онъ ни былъ равнодушенъ къ ученію церкви. „Учитесь—говорилъ о. Рудаковъ—уваженію къ своей церкви у католиковъ и протестантовъ; они не глупѣе васъ, а ни католикъ, ни протестантъ никогда не позволятъ себѣ, какъ это часто дѣлаемъ мы, Русскіе, глумиться надъ вѣрою своего народа, надъ служителями своей церкви.

Русскій языкъ въ первыхъ трехъ классахъ преподавалъ намъ нѣкій Кравченко, о которомъ у меня не сохранилось буквально никакихъ воспоминаній, ни пріятныхъ, ни непріятныхъ. Въ 4-омъ классѣ на смѣну Кравченко появился А. В. Михайловъ, учитель, оставившій по себѣ самую свѣтлую память. Къ сожалѣнію, онъ былъ боленъ чахоткою, и мы пользовались его прекрасными уроками только два года. А. В. знакомилъ насъ послѣдовательно со всѣми русскими классиками до Некрасова включительно. Тогда это было большой смѣлостью, ибо, по программѣ, русская литература кончалась для гимназистовъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, и то только въ образцахъ, помѣщенныхъ въ хрестоматіяхъ Галахова и Филонова. Въ 4-мъ классѣ мы уже писали, такъ называемыя, „сочиненія“, т. е. переложенія, характеристики, сравненія и пользовались при этомъ статьями Бѣлинскаго и—страшно вымолвить—Писарева. И все по указанію учителя словесности, читавшаго намъ вслухъ сочиненія обоихъ критиковъ. На урокъ словесности узнали гимназисты и объ арестѣ и осужденіи на каторгу Чернышев-

скаго и о судьбѣ поэта М. Л. Михайлова. Незабвенный Александръ Васильевичъ не затруднялся принести въ классъ книжку „Современника“, чтобы прочесть намъ новую поэму Некрасова, или „Русскаго Слова“ съ новой статьей Писарева. Читалъ онъ отлично, сопровождалъ чтеніе интересными поясненіями, и уроки проходили съ постояннымъ оживленіемъ, возбуждали между учениками, и послѣ урока, жаркіе споры, горячій обмѣнъ впечатлѣній, оставленныхъ прочитаннымъ въ классѣ произведеніемъ писателя, поэта или критика. Подъ вліяніемъ Михайлова, въ гимназіи сложился кружокъ юношей, сходившихся другъ у друга по вечерамъ для чтенія и бесѣдъ о прочитанномъ, читались на такихъ кружковыхъ собраніяхъ и приготовленные для Михайлова „сочиненія“, обсуждались его отмѣтки на возвращенныхъ тетрадяхъ.

Результаты такого „свободнаго“ преподаванія не замедлили сказаться: мы приобрѣли живой интересъ къ Русской литературѣ, поняли ея значеніе, задачи и назначеніе, начали сознательно читать и искать въ современной литературѣ отвѣтовъ на многіе зародившіеся въ нашихъ юныхъ головахъ вопросы жизни. Живо помню, какіе горячіе споры вели мы между собой по поводу Тургеневскихъ „Отцовъ и Дѣтей“ и мнѣнія о Базаровѣ, высказаннаго въ „Современникѣ“ Антоновичемъ и въ „Русскомъ Словѣ“ Писаревымъ. Михайловъ на урокахъ прочелъ намъ весь романъ Тургенева; затѣмъ, началъ бесѣду по поводу его содержанія и характеровъ выведенныхъ авторомъ лицъ. Среди учениковъ были уже читавшіе тотъ или другой отзывъ критики. Это сейчасъ же, разумѣется, сказалось въ разсужденіяхъ гимназистовъ. Михайловъ остановитъ рьяного почитателя „Современника“ и спокойно, убѣдительно изложитъ намъ, почему онъ считаетъ Базарова не карриатурой на современную молодежь, а сильнымъ, крайне оригинальнымъ характеромъ, сказавъ, что въ оцѣнкѣ романа, по его мнѣнію, правъ не Антоновичъ, а Писаревъ, критическое чутье котораго подсказало ему, что передъ нимъ не отрицательный, а новый положительный типъ, выросшій на современной почвѣ, художественно воспроизведенный Тургеневымъ. Въ заключеніе своихъ интересныхъ объясненій, Михайловъ предложилъ всѣмъ намъ слѣдующее наше „сочиненіе“ посвятить роману Тургенева, предварительно прочитавъ статьи Антоновича и Писарева и вдумавшись въ доводы обоихъ критиковъ.

Мѣсяць спустя, мы подали ему наши тетради. Понятно, въ нашихъ „сочиненіяхъ“ было мало самостоятельнаго; одни повторяли доводы и выводы Антоновича, другіе слѣпо шли за Писаревымъ, повто-

ря при этомъ слышанное ими въ классѣ отъ Михайлова. Кое-кто пытался помирить критиковъ, но это вышло неудачно: блѣдно, неубѣдительно, такъ что объ этихъ „сочиненіяхъ“ Михайловъ отозвался, какъ о попыткахъ соединить несоединимое, найти точку соприкосновенія тамъ, гдѣ все противорѣчиво, гдѣ одинъ доводъ логически исключаетъ другой, гдѣ нѣтъ мѣста добросовѣстному примиренію.

Въ такихъ работахъ и бесѣдахъ прошелъ весь четвертый классъ, которымъ и суждено было закончиться урокамъ Русской словесности даровитаго учителя. Злой недугъ заставилъ его отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности, и Ларинская гимназія лишилась одного изъ лучшихъ своихъ преподавателей. На его мѣсто былъ назначенъ И. Ѳ. Рашевскій, человекъ совсѣмъ другого склада, иныхъ взглядовъ и пріемовъ преподаванія. Къ намъ Рашевскій явился только въ 6 классѣ, весь учебный годъ пятаго класса мы оставались безъ учителя Русской словесности: Михайловъ болѣлъ, а другого учителя намъ не назначали, въ надеждѣ, что А. В. поправится на столько, что сможетъ посѣщать гимназію и вести дальше начатый имъ классъ. Ожиданія эти, однако, не оправдались, и мы, оставаясь цѣлый учебный годъ безъ уроковъ Русской словесности, перешли въ 6-й классъ съ знаніями 4-го класса; между прочимъ, въ курсъ пятаго класса входило ознакомленіе учениковъ съ церковно-славянскимъ языкомъ. Ученики пятаго класса параллельнаго отдѣленія, гдѣ уроки Русскаго языка преподавалъ А. М. Груздевъ, прошли исправно весь положенный курсъ, такъ что, когда оба отдѣленія, по обыкновенію, соединились вмѣстѣ въ 6 классѣ, не имѣвшемъ параллельнаго отдѣленія, то вновь назначенному учителю представился классъ, состоящій изъ воспитанниковъ неравныхъ познаній. Мы тотчасъ же заявили Рашевскому, что весь предыдущій годъ просидѣли безъ учителя, церковно-славянскому языку не обучались вовсе, просимъ его имѣть это въ виду и теперь, и на предстоящемъ выпускномъ экзаменѣ, если онъ не научитъ насъ тому, что мы должны были пройти въ пятомъ классѣ. Рашевскій отвѣтилъ, что проходить съ нами курсъ пятаго класса онъ не имѣетъ времени, что на выпускномъ экзаменѣ отъ насъ, конечно, не потребуютъ того, чему насъ не учили. Этимъ новый учитель и ограничился, не придавая, очевидно, большого значенія тому факту, что ему данъ сборный по познаніямъ классъ.

Рашевскій былъ старый, опытный учитель Русскаго языка, чуждый какихъ-либо передовыхъ педагогическихъ стремленій. Онъ отлично зналъ и, вѣроятно, прекрасно, не одинъ годъ, преподавалъ Русскую грамматику, слѣдуя учебнику Перевлѣскаго, но послѣ Ми-

хайлова онъ казался намъ узкимъ формалистомъ, сухимъ чиновникомъ и намъ онъ сразу не понравился. Неинтересна показалась намъ и его грамматика „съ объясненіями“, и его разборы, которыми онъ душилъ насъ въ классѣ, и его взглядъ на ученическія „сочиненія“, которыя онъ сводилъ на простой пересказъ своими словами образцовъ Русской литературы, съ казенными характеристиками литературныхъ типовъ, взятыми изъ „Исторіи Русской словесности“ Галахова; извлеченія изъ Бѣлинскаго вызвали ироническое замѣчаніе Рашевскаго, что великій критикъ писалъ не для того, чтобы гимназисты переписывали его въ своихъ письменныхъ работахъ по Русскому языку. Читая наши „сочиненія“, Рашевскій слѣдилъ не за мыслями, выраженными гимназистомъ, а за буквою ѣ и за знаками препинанія, требовалъ прежде всего грамматически правильно построеннаго предложенія, преслѣдовалъ длинные періоды и вообще больше обращалъ вниманіе на правильную внѣшность нашихъ работъ, чѣмъ на ихъ содержаніе. Правда, онъ читалъ намъ иногда вслухъ Гоголя, Тургенева, Пушкинскую прозу, но читалъ плохо, вещи намъ давно извѣстныя, съ которыми насъ познакомилъ еще Михайловъ, въ общемъ, уроки Рашевскаго шли вяло, и мы относились къ новому учителю отрицательно, всячески уклонялись отъ письменныхъ работъ и не беспокоили его никакими вопросами, никакими сомнѣніями. Онъ благополучно довелъ насъ до выпуска.

Учителями арифметики и математики въ мое время въ Ларинской гимназіи были: въ младшихъ классахъ Ѡ. А. Постельсъ (до 4-го класса) и въ старшихъ—А. А. Адамовъ. Первый былъ аккуратный, придирчивый Нѣмецъ, преподававшій толково, ясно и требовавшій отъ насъ дѣйствительнаго знанія его предмета. Ни хорошаго, ни дурного ничего о немъ сказать не могу. Позже, когда онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ, Постельсъ оказался сухимъ педантомъ, не всегда справедливымъ, склоннымъ къ поощренію наущничества, къ мести,—качества, которыхъ онъ, будучи учителемъ, проявить не имѣлъ случая.

Алексѣй Александровичъ Адамовъ пользовался у насъ большою популярностью за свой тихій, скромный характеръ. Знатокъ своего предмета, онъ прекрасно чертилъ и объяснялъ намъ геометрическія тригонометрическія теоремы, понятно дѣлалъ алгебраическія выкладки, ни на кого никогда не кричалъ, никому не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, спокойно или сидѣлъ на кафедрѣ, слушая отвѣтъ ученика, вызваннаго къ доскѣ, или, стоя у доски, объяснялъ новое правило, или рѣшалъ какую-нибудь образцовую задачу. И въ классѣ неизмѣнно

царила полная тишина, безусловный порядокъ, общее вниманіе, единственно изъ уваженія къ смѣрному, любимому учителю. За пять лѣтъ помню только одинъ случай, когда спокойный, невозмутимый Адамовъ измѣнилъ своему обычному безмолвію. Случилось это какъ разъ со мной: урокъ Адамова былъ первымъ; я принесъ съ собою новый номеръ „С.-П.-Б. Вѣд.“ и, пользуясь тѣмъ, что вызванный къ доскѣ товарищъ рѣшалъ какую-то извѣстную мнѣ задачу, я развернулъ газету, разложилъ ее на классномъ столѣ и погрузился въ интересное чтеніе. Вдругъ слышу съ кафедры мягкой, добрый голосъ Адамова:

— Коршъ, вамъ недостаетъ только сигары для полного благополучія. Какъ мнѣ ни грустно огорчать васъ, я долженъ просить васъ убрать газету и прислушаться къ нашимъ занятіямъ.

Я молча сложилъ газету и направилъ свои взоры на доску.

Когда раздался звонокъ, возвѣщавшій конецъ урока, Адамовъ подозвалъ меня и мягко сказалъ мнѣ:

— Вы знаете, что я не люблю дѣлать въ классѣ ученикамъ гувернерскія замѣчанія; и мнѣ было крайне непріятно нарушать мое правило по отношенію къ такому хорошему ученику, какимъ я считаю васъ, но ваше пренебреженіе ко мнѣ, какъ къ учителю, и къ нашимъ занятіямъ просто обидѣло меня и я не выдержалъ. Надѣюсь, вы больше не будете въ классѣ читать газету.

Такъ кончались въ наше время конфликты съ учителями. И могу завѣрить сторонниковъ позднѣйшаго режима, что въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, въ гимназіяхъ возможны были дѣтскія шалости, школьничанье, но въ нихъ не было злыхъ, отвратительныхъ, безнравственныхъ продѣлокъ, ставившихъ втупикъ весь учебный персоналъ, вызывавшихъ массовыя исключенія гимназистовъ, чуть не наканунѣ окончанія курса. Въ наше время учителя гимназій еще не смотрѣли на своихъ учениковъ, какъ на матеріаль для выработки людей, слѣпо „вѣрныхъ Царю и Отечеству“, не думающихъ, не разсуждающихъ, не стремящихся къ общему добру и не ищущихъ никакихъ идеаловъ. Все это пришло позднѣе, вслѣдъ за реформой графа Д. А. Толстого, которую напрасно зовутъ классицизмомъ, съ которымъ Толстовскія гимназіи не имѣли ничего общаго, представляя собою единственно Россійскій „бараній рогъ“ и ничего больше.

Возвратимся къ учителямъ Ларинской гимназіи.

Учителемъ физики былъ у насъ необыкновенно высокой и необыкновенно худой Николай Николаевичъ Фуссъ. Онъ старательно, но, къ сожалѣнію, крайне не интересно, пересказывалъ намъ старыя

учебникъ физики Ленца, раза два водилъ насъ въ бѣдный гимназическій физическій кабинетъ, гдѣ ни одна машина его не слушалась и упорно не подтверждала рассказаннаго имъ въ классѣ. Это, однако, нимало не смущало нашего физика; онъ утѣшался тѣмъ, что машины старыя, плохо дѣйствуютъ, обѣщаль ихъ починить и тогда показать намъ еще разъ, но обѣщаній этихъ такъ и не исполнилъ. Вспоминается одинъ курьезъ:

Фуссъ часто просиживалъ перемѣны въ физическомъ кабинетѣ, говоря, что онъ въ свободное отъ уроковъ время занимается починкою аппаратовъ и приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Разъ какъ-то онъ засидѣлся въ кабинетѣ долѣе обыкновеннаго. Какой-то шутникъ изъ нашего класса пустилъ въ младшихъ классахъ слухъ, что Фуссъ сломался, и его въ кабинетѣ чинять. Мальчуганы подхватили любопытный слухъ и столпились въ библиотекѣ, около двери физическаго кабинета. Когда длинная, худая фигура Фусса показалась въ дверяхъ кабинета, мальчишки встрѣтили его хоромъ: „Фусса починили“ и толпой устремились за нимъ по коридору, вплоть до класса, въ который онъ шель, повторяя нелѣпую фразу: „Фусса починили“. Какъ ни старались классные надзиратели прекратить эту—говоря современнымъ языкомъ—демонстрацію, ничего сдѣлать не могли, пока звонокъ не загналъ „демонстрантовъ“ и зрителей въ классы. И, представьте себѣ, никому и въ голову не пришло разыскивать виновника невинной шутки, породившей шумъ на всю гимназію.

Другой курьезъ, сохранившійся въ моей памяти, вѣроятно, потому, что въ немъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ:

На одномъ изъ первыхъ уроковъ физики Фуссъ повѣдалъ намъ, что водородъ самъ горитъ, а кислородъ поддерживаеъ горѣніе. Когда, затѣмъ, намъ было сказано, что вода состоитъ изъ водорода и кислорода, я рѣшился спросить Фусса:

— Отчего же вода не только не горитъ, но даже тушитъ огонь?

— Этого не знаетъ даже профессоръ Перушевскій, и я прошу мнѣ глупыхъ вопросовъ не задавать. Все, что вамъ нужно знать, я расскажу самъ безъ вашихъ вопросовъ.

Такъ недоумѣніе мое и осталось безъ разъясненія.

Больше о Фуссѣ ничего не помню.

Исторію, всеобщую и Русскую, преподавалъ намъ Дм. Мих. Воскресенскій. О немъ я храню доброе воспоминаніе. Правда, историкъ онъ былъ не важный, не шель дальше Иловайскаго и краткаго

Соловьева, но человекъ былъ несомнѣнно хорошій и учитель полезный. Кружокъ моихъ ближайшихъ товарищей, сидѣвшихъ со мною на одной скамьѣ, пользовался особымъ благоволеніемъ Воскресенскаго, всѣхъ насъ онъ называлъ не иначе, какъ по имени и отчеству, вѣрилъ нашимъ знаніямъ, видѣлъ, что мы кое-что почитываемъ, вообще, занимаемся прилежно и толково, не забываемъ пройденнаго курса, и Дм. Мих. цѣнилъ и былъ внимателенъ къ нашей скамьѣ. Долго мы отвѣчали урокъ, стоя на своемъ мѣстѣ. Это давало возможность отлично подсказывать слабому, или случайно неприготовившему урока товарищу; находились между нами такіе искусные суфлеры, что умѣли, незамѣтно для учителя, суфлировать связно весь урокъ и помогать товарищамъ, не приготовившимъ заданнаго, получать высшій баллъ и одобреніе Воскресенскаго, который, наконецъ, замѣтилъ дошедшее до дерзости подсказываніе и началъ вызывать для отвѣта къ кафедрѣ и прохаживаться между отвѣчающимъ и классомъ все время отвѣта. Подсказывать при этомъ условіи было затруднительно и возможно лишь съ первой скамейки. Воскресенскій торжествовалъ, мы приуныли, но не надолго. Скоро выходъ изъ затрудненія былъ найденъ: суфлеры перемѣстились на первую скамейку, и подсказыванье успѣшно продолжалось, пока Воскресенскій не догадался попытаться прекратить его добрымъ словомъ, рассчитаннымъ на наше самолюбіе:

— Не думайте, что я молчу потому, что ничего не замѣчаю; я молчу потому, что мнѣ стыдно и больно уличать васъ въ недостойномъ порядочныхъ юношей обманѣ. Пора вамъ понимать, что вы учитесь не для меня, а для самихъ себя, что ваши родители прислали васъ въ гимназію для пріобрѣтенія знаній, а не для изошренія въ способахъ надуть учителя. Еще недавно за такія продѣлки гимназистовъ, какъ маленькихъ звѣрковъ, сѣкли розгами; теперь васъ не сѣкутъ, съ вами разговариваютъ, какъ съ юношами, способными понимать слово разумнаго убѣжденія, учиться не изъ подъ палки, а сознательно. Такое отношеніе надо оправдать; вы уже не дѣти, можете понимать, что обманывать другихъ скверно, а самихъ себя глупо. И мнѣ просто обидно, что вы вынуждаете меня говорить вамъ то, что вы должны были бы чувствовать сами, своимъ чистымъ, юнымъ сердцемъ, своимъ молодымъ чуткимъ умомъ. Подумайте о моихъ словахъ, перестаньте огорчать меня и оскорблять себя.

И подсказываніе прекратилось.

Чрезвычайно оригинальный типъ представлялъ нашъ учитель географіи, добрѣйшій Вас. Степ. Парамоновъ. Человекъ мало образованный,

грубо религиозный, но любознательный, падкій до всякихъ новостей, городскихъ происшествій, политическихъ событій, онъ былъ искреннимъ поклонникомъ Англійской королевы Викторіи и не терпѣлъ Наполеона III-го. Онъ охотно проводилъ цѣлые классы, рассказывая намъ о ледоходѣ на Невѣ, о бывшихъ съ нимъ происшествіяхъ, о извѣстныхъ ему чудесахъ различныхъ иконъ и святыхъ, о подлостяхъ Наполеона и мудрости Викторіи, такъ что у насъ образовался особый спортъ—„заговаривать Парамонова“ и тѣмъ избавляться отъ отвѣтовъ по географіи. Въ большинствѣ случаевъ намъ это удавалось, но иногда попытка заговорить болтливаго учителя срывалась и онъ рѣзко обрывалъ заговорщика. Помню, разъ одинъ товарищъ, всегда довольно искусно заговаривавшій Парамонова, спросилъ его:

— А правда, Василій Степановичъ, что мы думаемъ потому, что въ мозгу нашемъ есть фосфоръ?

— Кто еще выдумалъ эту глупость?—отвѣтилъ бывшій не въ духѣ на этотъ разъ Вас. Степ.—Возьми фосфорную спичку, вставь въ з....., какъ ты полагаешь, она начнетъ у тебя думать? Я полагаю, она будетъ продолжать дѣлать свое возложенное на нее Господомъ Богомъ дѣло, и никакой фосфоръ не собьетъ ее съ предначертаннаго ей пути. И говорить объ этомъ больше не хочу.

И обидившійся за Господа Бога учитель географіи предложилъ кому-то перечислить ему рѣки и горы Америки. „Заговоръ“ не удался.

Парамоновъ рабски почиталъ и боялся начальства. Посѣщеніе попечителя приводило его прямо въ трепеть: онъ терялся, начиналъ насъ спрашивать зря, безтолково, не замѣчалъ ошибокъ, суетился, старался вызвать къ картѣ вполне надежнаго ученика, глазами наводилъ его, подсказывалъ, кивкомъ головы останавливалъ движеніе палки, которую вызванный водилъ по картѣ, разыскивая названный ему географическій пунктъ. Очевидно, провести и надуть начальство Вас. Степан. не считалъ грѣхомъ противъ Духа Святого. Напротивъ, находчивость ученика въ этомъ отношеніи онъ очень цѣнилъ, чему нагляднымъ доказательствомъ служить слѣдующій фактъ:

Середина урока. Классъ напряженно, съ великимъ интересомъ слушаетъ какое-то постороннее географіи повѣтствованіе Парамонова. Вдругъ, неожиданно отворяется дверь и показывается армянская фигура попечителя (И. Д. Деянова), въ сопровожденіи директора. Парамоновъ такъ и замеръ, стоитъ и молча смотритъ то на вошедшее начальство, то на насъ. Директоръ подставилъ попечителю учительское кресло, а самъ присѣлъ на первой ученической скамейкѣ. Пара-

моновъ на все это смотритъ молча, безучастно, не видитъ даже протянутой ему руки попечителя.

— Простите, я вамъ помѣшалъ,—обращается къ нему И. Д. Де-ляновъ,—прошу васъ, продолжайте.

Я догадался вывести Парамонова изъ охватившаго его столбняка, всталъ и началъ рассказывать по какимъ губерніямъ протекаетъ Волга. Когда я дошелъ до Астрахани, Парамоновъ, наконецъ, очнулся, понялъ, что я „спасаю“ его, глаза его улыбнулись мнѣ доброй, благодарной улыбкой, онъ похвалилъ мой „отвѣтъ“ и прекрасно аттестовалъ меня попечителю. Съ этого случая я до выпуска неизмѣнно получалъ изъ географіи 5. Правда, и зналъ я всю безконечную географическую номенклатуру, что называется на зубокъ, а дальше этой номенклатуры ничего и не требовалось. Ни забытый давно нашъ „Учебникъ географіи“ Обрдовскаго, ни Парамоновъ не давали намъ ничего, кромѣ неимовѣрнаго количества географическихъ названій, именъ царствующихъ особъ и другихъ главъ государствъ всего міра, среди которыхъ президенты республикъ не пользовались симпатіями нашего географа. „И что это за государство безъ государя“, презрительно говорилъ онъ.

Чтобы покончить съ учительскимъ персоналомъ Ларинской гимназіи, я долженъ посвятить нѣсколько строкъ нашему учителю латинскаго языка, извѣстному въ свое время классику, окончившему свою долгую педагогическую карьеру профессурой въ Варшавскомъ, если не ошибаюсь, университетѣ, Игнатію Андреевичу Коссовичу.

На первомъ же урокѣ латинскаго языка, просматривая списокъ учениковъ, И. А. остановился на моей фамиліи и произнесъ:

— Коршъ, Евгеній, сынъ Валентина?

— Да,—отвѣтилъ я.

— Знай же, что я твоего отца училъ греческому языку въ первой Московской гимназіи. Онъ учился отлично, и я его прекрасно помню, хотя это и было давно, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Очень радъ, что приводится учить второе поколѣніе. Надѣюсь, и ты будешь у меня учиться такъ же хорошо, какъ учился твой отецъ.

Это случайное обстоятельство сразу поставило меня въ исключительное положеніе: Коссовичъ требовалъ, чтобы я все зналъ, понималъ неизвѣстный мнѣ латинскій текстъ, могъ угадывать значеніе словъ, сердился, если я затруднялся, упрекалъ въ отсутствіи „смекалки“. Въ такихъ случаяхъ я неизмѣнно утѣшалъ старика тѣмъ, что порядочно умѣлъ читать гекзаметръ и зналъ наизусть многія

строфы Овидія и Virgilія. И за это мнѣ прощалось многое. Коссовичъ не только отлично зналъ и понималъ латинскихъ авторовъ, онъ прямо любилъ самый звукъ латинской рѣчи, слушалъ стихи Овидія или Virgilія, какъ любимую музыку и добивался отъ насъ толковаго, сознательнаго, выразительнаго чтенія. Переводовъ съ русскаго на латинскій, которыми мучили гимназистовъ, выписанные графомъ Толстымъ чехи, Коссовичъ не переносилъ и никогда не практиковалъ. „Если бы Цицерону показали вашу латынь, онъ вторично умеръ бы отъ обиды за свой изувѣченный языкъ“—говорилъ намъ классикъ сороковыхъ годовъ. И когда министерство распорядилось, чтобы на выпускномъ экзаменѣ ученики обязательно испытывались въ умѣньи переводить съ русскаго на латинскій и рекомендовало для такихъ переводовъ выпущенную Смирновымъ специальную книжку „Упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій“, Коссовичъ поручилъ лучшимъ ученикамъ нашего класса перевести всю „Смирновку“, тщательно выправилъ наши переводы и предложилъ раздѣлить между собой Смирновскіе параграфы на выпускномъ экзаменѣ, составить и передать ему передъ экзаменомъ списокъ, кому какой параграфъ пришлось приготовить. Большаго пренебреженія къ распоряженію классическаго министерства нашъ классикъ оказать не могъ.

Уроки Коссовичъ велъ своеобразно: мы отвѣчали ему сидя на своемъ мѣстѣ. „Будете вставать только тогда, когда въ классѣ находится начальство“,—сказалъ намъ на первомъ урокѣ добрѣйшій Игнатій Андреевичъ.—А передо мной вытягиваться не зачѣмъ.

Входятъ въ классъ попечитель и директоръ (И. Д. Деляновъ часто посѣщалъ нашу гимназію). Коссовичъ съ обычнымъ увлеченіемъ читаетъ и переводитъ намъ вторую книгу Virgilія. Появленіе „начальства“ прерываетъ чтеніе, и Коссовичъ вызываетъ кого-нибудь изъ лучшихъ учениковъ для перевода пройденныхъ строкъ. Ученикъ, по привычкѣ, начинаетъ читать сидя.

— Видишь,—прерываетъ его И. А.—начальство въ классѣ, надо встать. Деляновъ давно знаетъ Коссовича, какъ чудака, маньяка и не удивляется. Ученикъ послушно встаетъ, поднимаетъ книгу, держа ее раскрытою. Коссовичъ, къ ужасу своему, видитъ, что ученикъ читаетъ не по дешевому классному изданію Virgilія, а по французскому изданію, въ которомъ на одной страницѣ напечатанъ латинскій текстъ подъ нимъ французскій литературный переводъ, а на другой страницѣ, раздѣленной на два узкихъ столбца, приведена конструкція текста и параллельно дословный переводъ на французскій языкъ. Коссовичъ злится, но молчитъ. Ученикъ конструируетъ и переводитъ

превосходно. Попечитель выражает Коссовичу свое полное удовольствіе, хвалитъ ученика и удаляется; директоръ слѣдуетъ за нимъ.

Проводивъ начальство, Коссовичъ направляется къ отвѣчавшему ученику, передъ которымъ уже лежитъ законный *Виргилій*.

— Покажи книжку,—обращается къ нему И. А.

Ученикъ протягиваетъ законнаго *Виргилія*.

— Нѣтъ, не эту, а ту, по которой читаль при попечителѣ.

Смущенный ученикъ достаетъ изъ стола преступное изданіе. Коссовичъ отбираетъ книжку, говоря:

— Прекрасное изданіе для лѣнтяевъ, которыхъ маменька научила французскому языку, а гимназія—надувать учителей. Дорого она стоитъ?

— 60 к. каждый авторъ,—отвѣчаетъ ученикъ.

Скажи твоему отцу, что я отобралъ у тебя эту вредную книжонку и прошу его не давать тебѣ больше денегъ на покупку такихъ книгъ. А тебѣ я принесу взаменъ этой книжки въ подарокъ отъ меня хорошее нѣмецкое изданіе *Виргилія*.

Приведу еще одинъ характерный эпизодъ, касающійся Коссовича.

Вскорѣ послѣ выстрѣла Каракозова въ Императора Александра II, Коссовичъ приходитъ въ классъ, вынимаетъ изъ кармана газету и тетрадь писанныхъ стиховъ и говоритъ:

— Вы знаете, что нашелся злодѣй, поднявшій руку на нашего обожаемаго Государя. Наши поэты не могли не откликнуться на это позорное для всей Россіи событіе. Я принесъ вамъ стихи Майкова и другого поэта, менѣе извѣстнаго, котораго я пока не назову вамъ. Прочитавъ стихи Майкова, Коссовичъ открылъ принесенную тетрадь и началъ читать:

Раздался выстрѣлъ,—гдѣ?
Въ тебѣ, о, Петербургъ,
Въ родномъ Царей гвѣздѣ.
(Дальше не помню).

— Ну, какое стихотвореніе лучше?—окончивъ чтеніе, обратился къ намъ И. А.

— Майкова, Майкова, — единодушно отвѣтилъ классъ.—А второе чье?

Каково же было наше удивленіе, когда Коссовичъ отвѣтилъ намъ:

— Мое. Я не въ первый разъ грѣшу стихами. Скоро напечатаю небольшой сборникъ моихъ стиховъ, тогда принесу и буду продавать вамъ по уменьшенной цѣнѣ. Вскорѣ, дѣйствительно, Коссовичъ явился въ классъ со связкой тоненькихъ брошюрокъ, въ желтенькой обложкѣ, заключающихъ въ себѣ 3—4 крупно напечатанныхъ стихотвореній, внушенныхъ Крымскою войною, и въ заключеніе стихи, навѣянные выстрѣломъ Каракозова. Съ насъ за брошюрку Коссовичъ взыскивалъ, помнится, 50 к.; продавалась ли она въ книжныхъ лавкахъ и по какой цѣнѣ, я не знаю. Стихи были на рѣдкость плохи, и надо было удивляться, какъ человѣкъ, несомнѣнно чуткій въ древней поэзіи, не сознавалъ, что въ немъ нѣтъ и признака поэтическаго дарованія, что стихи его грубы, искусственны, вымучены отъ перваго до послѣдняго слова и чужды всякой искренности, не говоря о красотѣ, яркости и другихъ необходимыхъ качествъ сноснаго стихотворенія. Старикъ, однако, искренно считалъ себя поэтомъ и неудержимо мучилъ насъ чтеніемъ своихъ, никуда негодныхъ стиховъ.

Введеніе новыхъ гимназическихъ порядковъ, т.-е. новаго устава о гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, предшествовала ревизія гимназій, черезъ профессоровъ мѣстныхъ университетовъ и членовъ ученаго комитета министерства. Ревизорами Ларинской гимназіи были назначены профессоры: Бугаевъ (математика), Куторга (исторія и географія), Орестъ Миллеръ (русскій языкъ и словесность), Лапшинъ (латинскій языкъ). Ревизоры мѣсяца два посѣщали гимназію ежедневно, присутствовали на урокахъ, задавали намъ изустные вопросы и письменныя работы. Все прошло весьма благополучно, никто изъ учителей не пострадалъ, всѣ ревизоры вынесли, повидимому, хорошее впечатлѣніе отъ учебныхъ занятій и выразили, какъ намъ передали В. С. Парамоновъ и И. А. Коссовичъ, директору и всему учительскому персоналу свое полное удовольствіе.

На насъ, учениковъ, наилучшее впечатлѣніе произвелъ профессоръ Куторга, потомъ Орестъ Миллеръ, за нимъ проф. Бугаевъ, Лапшинъ показался намъ сухимъ педантомъ, и мы его почему-то особенно боялись. Онъ сухо задавалъ вопросъ, выслушивалъ отвѣтъ и отпускалъ ученика на мѣсто, не оцѣнивая громко отвѣта, такъ что мы не знали—доволенъ ли онъ, или нѣтъ. Другіе ревизоры, особенно Куторга, тутъ же одобряли ученика, или поправляли ошибки отвѣта; Лапшинъ же сидѣлъ, какъ воды въ ротъ набралъ.

Наконецъ, ревизія была окончена. Насъ перевели безъ экзамена въ послѣдній, седьмой классъ, курсъ котораго состоялъ въ систематическомъ повтореніи всего, пройденнаго въ предыдущихъ шести

классахъ. Здѣсь насъ встрѣтила неожиданная реформа распредѣленія классныхъ занятій: мудрое начальство рѣшило, что повтореніе пойдетъ успѣшнѣе гуртомъ и объявило намъ слѣдующее росписание уроковъ: въ день назначалось только два предмета, изъ которыхъ одинъ занималъ три, а другой два часа. Такимъ образомъ были дни, въ которые первые три часа сряду сидѣлъ у насъ въ классѣ Коссовичъ, а за нимъ два часа Парамоновъ, или Французъ Ранси, или Нѣмецъ Леференцъ; на другой день три часа предоставлялись Адамову для математики, а два Фуссу—для физики и т. д. Благодаря этой очевидной нелѣпости, которую не могли не сознать лучшіе наши учителя, занятія пошли вяло и явно неуспѣшно: для повторенія намъ задавалась, на примѣръ, чуть не вся древняя, или новая исторія, весь катехизисъ Филарета, вся тригонометрія, цѣлая книга Овидія, или Виргилія и т. д. Учителя ясно видѣли, что идетъ невозможная чепуха, а мы предвидѣли неизбежный провалъ на выпускномъ экзаменѣ, послѣ бесполезно потеряннаго года. Среди приходящихъ учениковъ составилъ небольшой кружокъ товарищей, согласившихся не ходить ежедневно въ гимназію, а приходитъ разъ въ два мѣсяца на каждый предметъ и отвѣчать изъ всего повтореннаго за это время, занимаясь дома по учебнику. Я примкнулъ къ этому кружку. Разъ въ два мѣсяца намъ выставлялись среднія отмѣтки, выдавались бюллетени объ успѣхахъ для родителей, въ которыхъ выставлялась инспекторомъ отмѣтка о поведеніи и отмѣчалось число пропущенныхъ уроковъ. Первый полученный мною бюллетень свидѣтельствовалъ, что я, исправно посѣщая уроки, не былъ однако спрошенъ по нѣсколькимъ предметамъ и не имѣлъ отмѣтокъ по этимъ предметамъ. За то въ поведеніи у меня стояло 5. Слѣдующій бюллетень уже былъ иной: отмѣтки имѣлись по всѣмъ предметамъ, и всѣ хорошія, но въ поведеніи красовалась 3, а количество пропущенныхъ уроковъ опредѣлялось внушительной цифрой—167, которой и оправдывалась скромная отмѣтка за поведеніе. Выдавая мнѣ бюллетень, инспекторъ сказалъ:

— Вы, Коршъ, плохо посѣщаете классы. На первый разъ я вамъ уменьшилъ за это баллъ въ поведеніи. Если это не заставитъ васъ аккуратнѣе посѣщать уроки, будутъ приняты непріятныя принудительныя мѣры, вплоть до недопущенія васъ до выпускнаго экзамена.

— При первой принудительной мѣрѣ, я сейчасъ же выйду изъ гимназій и буду просить о допущеніи меня до экзамена, въ качествѣ экстерна,—не задумываясь отвѣтилъ я на угрозу Ѳ. А. Постельса.

— Смотрите, не ошибитесь; округъ можетъ заинтересоваться причиной, вызвавшей оставленіе вами гимназіи наканунѣ выпускного экзамена и предложить вамъ поучиться еще годъ. Лучше ходите аккуратнo на урокъ.

— Когда я ходилъ въ гимназію каждый день, у меня по многимъ предметамъ не было никакихъ отмѣтокъ, меня по два мѣсяца по этимъ предметамъ ни разу не спрашивали, а теперь я имѣю хорошія отмѣтки по всѣмъ предметамъ, а плохая отмѣтка по поведенію мало огорчаетъ меня, какъ бывало, отмѣтки за чистописаніе и рисованіе.

Инспекторъ умолкъ. Не знаю, подумалъ ли онъ, что я рассчитываю на поддержку И. Д. Деянова, хорошо знавшаго моего отца и всегда интересовавшагося моими успѣхами. Часто посѣщая гимназію и всегда заходя на уроки въ сопровожденіи или директора, или инспектора, попечитель каждый разъ при посѣщеніи нашего класса подходилъ ко мнѣ, спрашивалъ меня о здоровьи отца, поручалъ передать ему поклонъ и вообще не скрывалъ своего добраго ко мнѣ участія. Постельсъ, какъ внимательный чиновникъ, могъ сообразить мои шансы и всю неумѣстность его угрозы.

Я продолжалъ, да и не я одинъ, свою систему повторенія курса дома и благополучно выдержалъ выпускной экзаменъ. Нашъ выпускъ былъ громадный—48 человекъ, и срѣзалось, помнится, не болѣе 3—4 человекъ. Экзамены были строгіе, серьезные, но никто изъ учителей и ассистентовъ не проявлялъ позднѣйшаго злорадства, никто насъ не „ловилъ“, не старался сбить никакими „фокусными“ вопросами, никто не игралъ нашею будущностью, всѣ посильно помогали намъ успѣшно окончить гимназію, никто не находилъ удовольствія въ томъ, чтобы „срѣзать“ юношу, и всѣ мы ушли изъ гимназіи съ добрымъ чувствомъ и всегда вспоминали и вспоминаемъ Ларинскую гимназію съ искренною признательностью. Можетъ быть, теперь и учатъ лучше, но относятся къ ученикамъ несомнѣнно менѣе сердечно, съ большимъ формализмомъ, съ большею сухостью, и въ этомъ люди моей генерации, можетъ быть, справедливо видятъ весь секретъ недостатковъ нашей средней школы.

Педагоги моего времени были проще, менѣе учены, но они были болѣе люди и не смотрѣли на дѣтей свысока, какъ на нѣчто отданное имъ не на воспитаніе, а на суровую, бездушную муштровку.

Е. В. Корнъ.

сто сороковой, изданный въ С.-Петербургѣ. LI+702 стр. Обѣ большія 8°.

Сто тридцать восьмой содержитъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ Анны Іоанновны. Изданы А. Н. Филипповымъ.

Сто сороковой содержитъ въ себѣ дипломатическую переписку французскихъ представителей при дворѣ Екатерины II. Изданы К. А. Губастовымъ.

„Исторія Императора Александра Павловича. Князя С. С. Кудашева. Часть III (Отечественная война). Большая 8°. 441 стр. съ рисунками. М. 1912.

Я. Л. Барскій. „Памятники первыхъ лѣтъ Русскаго старообрядчества“, съ одиннадцатью таблицами и снимками. С.-Пб. Малая 8°. XVI+426 стр.

Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 г. съ 22 рисунками. 8°.

Составилъ Н. Ф. Хованскій. Изданіе Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Саратовъ. 1912.

Московскій Кремль

Въ старину и теперь.

Изданіе Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора. Составлено С. П. Бартевымъ.

Книга первая съ исторической схемой въ краскахъ и 359 рисунками, изъ которыхъ три въ краскахъ и шесть плановъ—на отдѣльныхъ листахъ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени, Вольфъ и др.

Цѣна 12 рублей въ обложкѣ и 25 рублей на крашеной бумагѣ въ переплетѣ.

Полныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ продаются по 5 р. 50 к.

Главные статьи.

1904.

Письма А. Я. Булгакова къ его брату.— Н. Ф. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.— Принцесса Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія князя Всеволода Ивановича Варятинскаго.—Черты изъ домашней жизни императрицы Анны.—Архимандритъ Макарій и Тобольскіе Декабристы.—Воспоминанія Ф. А. Гилярова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.—Двѣ Калмычки.—Переписка графовъ Нессельроде.—Письма А. Ф. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма П. В. Кирѣевскаго.—Хозяйственные записки И. В. Пущечникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—Н. П. Боголѣповъ. Его записки.—Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдовосцева.—Записки архіепископа Никанора.—Государственное засѣданіе 8 марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.—Записки А. П. Хвостовой.—Записки К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексѣя Петровича.—Воцареніе Петра Третьяго.—Воспоминанія Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра III. Записки графа Сегюра въ полномъ переводѣ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора „Русскаго Архива“ открыта отъ 9 до 2 часовъ дня и отъ 6 до 9 вечера.

Книгопродавцамъ уступка 20 копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій „Русскаго Архива“.

Нижеслѣдующія годовыя изданія „Русскаго Архива“ разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайпой и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909, 1910, 1911 по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 6 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

12.

стр.

465. Императоръ Павелъ. Война 1799 года. Незданная статья **С. С. Татищева**.
475. Изъ тайныхъ писемъ **графа Ростопчина**. Въ царствованіе Павла Петровича.
481. Тайное Общество. (Военно-судное дѣло 1831 года). Сообщилъ **Сазоновъ**.
496. Про министровъ внутреннихъ дѣлъ былаго времени. Шуточное стихотвореніе.
497. Изъ переписки **Кристина** съ княжною **Туркестановой**. 1814 годъ.
544. Письмо **митрополита Филарета** къ графу **Н. П. Панину**.
547. Памяти **П. В. Жуковского**. **П. Ю. Б.**
549. Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».
551. Письма къ **П. И. Бартеву**: **И. С. Аксакова**, **прот. М. Я. Морошкина**, **М. А. Максимовича**, **Я. К. Грота**, **К. Жинзифова**.
561. Надъ гробомъ **П. И. Бартева**. **Протоіерея І. И. Соловьева**.
565. Памяти **П. И. Бартева**. **Графа К. А. Хрептовича-Бутенева**.
568. **П. И. Бартевъ**. Некрологъ. **Петра Бартева (младшаго)**.

Въ приложеніи: портретъ **П. И. Бартева**.

МОСКВА.

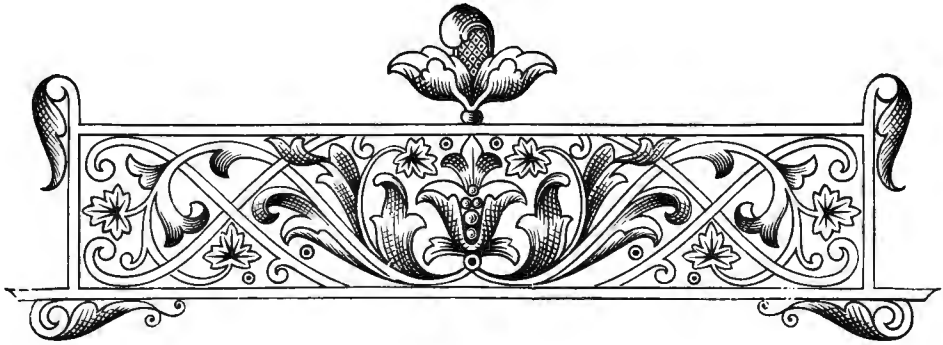
Синодальная Типографія.

1912.

Наслѣдницы покойнаго издателя, вдова и дочери его, желая передать изданіе „Русскаго Архива“ внуку покойнаго, Петру Юрьевичу Бартеневу, приостанавливають изданіе журнала впредь до устраниенія препятствій къ тому.

Кларк Дартемес

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ.

Война 1799 года.

Неизданная статья С. С. Татищева.

Императоръ Павелъ былъ миролюбивъ по природѣ. Страстно любя военное ремесло, посвящая ему большую часть своего времени, онъ не скрывалъ своего отвращенія къ войнѣ. Первымъ дѣломъ его царствованія была отмѣна распоряженій Екатерины относительно дѣятельнаго участія Россіи въ борьбѣ монархій Запада съ республиканскою Франціей: прерваны приготовленія къ заграничному походу сухопутныхъ войскъ, отозваны эскадры изъ Англійскихъ водъ, отмѣненъ рекрутскій наборъ, а союзнымъ дворамъ, Лондонскому и Вѣнскому, объявлено, что новый Государь намѣренъ жить со всѣми державами въ согласіи и мирѣ, по той причинѣ, что Россія, утомленная, изнуренная непрерывными кровопролитными войнами въ продолженіе сорока лѣтъ, нуждается прежде всего въ отдыхѣ и спокойствіи. Рѣшенія эти означали полную перемѣну въ политической системѣ Имперіи, которая, выражаясь словами самого Павла, „изъ соображенной на видахъ пріобрѣтеній обратилась въ удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеванія“ *).

Сынъ Екатерины не менѣе матери преисполненъ былъ ненависти и презрѣнія къ „неистовой“ Французской республикѣ, которую считалъ

*) Въ одѣ „Вельможа“ Державинъ еще при Екатеринѣ говорилъ, что „блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ

Глядитъ на всѣхъ и на царей
Кому въ державу тѣсны міры“.

Но Державинъ и еще менѣе Павелъ Петровичъ были не въ состояніи постигать великихъ государственныхъ мыслей Екатерины и Потомина. П. Б.

„врагомъ Европы, грозящимъ ей совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія“. Онъ признаетъ необходимымъ противоѣствовать исходящимъ отъ нея потрясеніямъ и переворотамъ, но вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ считаетъ не войну, а восстановление всеобщей тишины. Глубокая ненависть его къ революціи сказалась въ цѣломъ рядѣ его правительственныхъ мѣръ и рѣшеній: въ признаніи графа Прованскаго законнымъ королемъ Франціи и въ приглашеніи его поселиться въ Россіи, въ Митавскомъ замкѣ, гдѣ приняли его съ царскими почестями; въ привлеченіи на Русскую службу остатковъ роялистскихъ ополченій корпуса принца Конде, расположеннаго въ окрестностяхъ г. Дубно, Волынской губерніи; въ щедрыхъ милостяхъ излитыхъ на тѣхъ Французовъ-эмигрантовъ, которые пріютились у насъ, кто въ арміи, кто въ Русской гражданской службѣ; въ безусловномъ воспрещеніи ввоза иностранныхъ книгъ и изданій; въ строгомъ преслѣдованіи Парижскихъ обычаевъ, костюмовъ, модъ.

Но когда Директорія сдѣлала первый шагъ къ примиренію, Русскій царь не отвергъ ея исканій и вступилъ съ нею въ мирные переговоры. Переговоры не привели къ миру, единственно по винѣ Русскаго уполномоченнаго, фанатическаго приверженца такъ называемаго „благаго дѣла“, который приступилъ къ нимъ съ предвзятою рѣшимостью, вопреки ясно выраженной волѣ Государя и наставленіямъ полученнымъ изъ министерствъ: не допустить ни за что Россію до постыднаго примиренія съ Французскими цареубійцами. Мало-по-малу и самъ Павелъ, подъ вліяніемъ окружавшей его среды, далъ увлечь себя въ воинственные замыслы и, уступая неотступнымъ мольбамъ союзныхъ державъ, обѣщаль Англіи и Австріи дѣятельную помощь противъ Франціи *).

Но и тутъ намѣренія его были не тѣ, что у другихъ. Дворы Лондонскій и Вѣнскій, Питтъ и Тугутъ, рѣшились продолжать войну потому только, что въ Лиллѣ и Зальцѣ не сторговались съ Директоріей относительно земельныхъ приращеній, которыя должны были уравновѣсить въ ихъ пользу расширеніе предѣловъ Французской республики; а, слѣдовательно, цѣлью войны было для нихъ достиженіе вооруженною рукою тѣхъ результатовъ, что не удалось имъ добыть дипломатическимъ путемъ.

Задача, преслѣдуемая императоромъ Павломъ, была несравненно шире, величественнѣе. Приступая къ коалиціи, онъ имѣлъ въ виду

*) Вспомнимъ, что князь Безбородко какъ Малороссъ, не любилъ, по словамъ Карамзина, Россіи.

ничто иное, какъ возстановленіе престола Бурбоновъ во Франціи и законнаго порядка въ Европѣ. Для достиженія этой цѣли онъ не удовольствовался скрѣпленіемъ союзныхъ связей съ Англіей и Австріей, но усердно (хотя и безрезультатно) старался заручиться содѣйствіемъ Пруссіи, а также привлечь къ союзу второстепенныя государства, наиболѣе пострадавшія отъ Французскихъ захватовъ и насилій. Россія заключила союзные договоры съ Турціею, Неаполемъ, Баваріей, Португаліей, Швеціей и объявила войну союзницѣ Франціи,—Италіи. Сплотивъ, такимъ образомъ, едва не всю Европу противъ общаго врага, ставъ средоточіемъ, душою монархической коалиціи противъ Французской республики, Русскій императоръ естественно считалъ себя ея главою, тѣмъ болѣе, что, въ льстивыхъ до раболѣпства обращеніяхъ къ нему, всѣ Европейскіе Дворы признавали за нимъ это званіе, величая его своимъ защитникомъ, избавителемъ, рѣшителемъ судебъ вселенной.

Такъ писали къ императору Павлу не одни изгнанные Французами изъ своихъ владѣній короли Неаполитанскій и Сардинскій, чаявшіе отъ него возстановленія своего на низверженныхъ престолахъ. Тѣми же выраженіями изобилуютъ письма къ Государю и отъ всѣхъ прочихъ союзныхъ монарховъ, не исключая и самыхъ могущественнѣйшихъ: Георга III Англійскаго и Франца II Австрійскаго. Полагаясь на ихъ увѣренія въ полномъ съ нимъ единомысліи, Русскій царь въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ сущность составленнаго имъ „общаго дѣла“.

„Соединясь съ Римскимъ императоромъ и королемъ Великобританскимъ, вооружаемся и идемъ мы единодушно на врага человечества, противоборника властей, преступника закона Божія и возстаемъ на возставшаго на благоденствіе цѣлаго свѣта. Нанесть повсемѣстно тяжкіе ему удары, прекратить успѣхи, пресѣчь способы къ распространенію власти и заразительнаго начала пагубной вольности, лишить всѣхъ завладѣній, болѣе хитростью чѣмъ силою оружія пріобрѣтенныхъ и, поразивъ страхомъ и ужасомъ тучи опустошающихъ сихъ злодѣевъ, заключить въ прежніе ихъ предѣлы, ожидая междоусобной брани и возстановленія древняго престола отъ Бога постановленныхъ во Франціи государей—есть благое намѣреніе ополчающихся трехъ державъ. Союзъ нашъ есть святыя, ненарушимыя и безкорыстенныя“.

Всѣмъ союзникамъ было заблаговременно объявлено полное и безусловное отреченіе Россіи отъ какихъ бы то ни было пріобрѣтеній въ предстоящей войнѣ. Самая Мальта, достояніе ордена Св. Іоанна

Иерусалимскаго, коего Павелъ Петровичъ провозгласилъ себя Великимъ Магистромъ, не составлялъ исключенія изъ этого правила, такъ какъ Государь „не предполагалъ простирагь владычество свое на этотъ островъ яко принадлежащій имперіи Всероссійской“, но намѣревался, по отвоеваніи отъ Французовъ, возвратить его въ полную собственность и распоряженіе державнаго ордена. Выступая поборникомъ справедливости и права, провозглашая лично свойственныя ему безпристрастіе и безкорыстіе руководящими началами своей политики, Павелъ I не искалъ и не хотѣлъ для себя и для Россіи другой награды кромѣ славы возстановителя алтарей и престоловъ, освободителя, умиротворителя, спасителя Европы.

Увлекаясь тѣмъ, что считалъ своимъ призваніемъ, какъ бы предназначеніемъ своимъ, Государь двинулъ значительныя силы сухопутныя и морскія для содѣйствія союзникамъ въ достиженіи предположенной общей цѣли. 32000 человекъ Русскаго войска присоединились къ Австрійской арміи въ Сѣверной Италіи; столько же направлено въ Швейцарію; 18000 подкрѣпили Англійскій корпусъ, предназначенный къ нападенію на Голландію; небольшой отрядъ высадился даже на Неаполитанскомъ берегу. Кромѣ того, эскадра въ 30 судовъ отправилась изъ Балтійскаго моря въ Нѣмецкое море, другая въ 21 судно изъ Чернаго моря въ Средиземное. Наконецъ, до ста тысячъ стянуто было къ разнымъ границамъ имперіи, гдѣ образовало первую и вторую резервныя арміи, а всѣ прочія сухопутныя силы, составлявшія резервныя арміи; третью и четвертую, расположенныя вокругъ С.-Петербурга и Москвы, получили приказаніе быть всегда готовыми къ выступленію.

Военныя дѣйствія начались на морѣ, осенью 1798 года, и на первыхъ же порахъ ознаменовались блестящими успѣхами: покореніемъ семи Ионическихъ острововъ Черноморскою эскадрою адмирала Ушакова. Слѣдующею весною Русскіе самостоятельныя корпуса примкнули къ Австрійской арміи, расположенной вдоль границы Цисальпійской республики, и во главѣ союзныхъ силъ, Русскій главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій менѣе чѣмъ въ три мѣсяца не только покорилъ Ломбардію и Пьемонтъ, но, разбивъ и разсѣявъ три Французскія арміи въ цѣломъ рядѣ побѣдоносныхъ сраженій, освободилъ главныя крѣпости Италіи такъ, что къ концу Августа 1799 г. на всемъ пространствѣ полуострова Французы держались лишь въ Генуѣ и Анконѣ. За то Русскіе гарнизоны занимали уже Неаполь и самый Римъ.

Въ продолженіе цѣлаго лѣта 1799 года быстро слѣдовали въ Петербургъ одна побѣдоносная вѣсть за другою. Какое радостное чувство возбуждали онѣ въ душѣ Государя, какъ гордился онъ славою, осѣнившею Русскую рать и ея побѣдоноснаго вождя, видно изъ щедрыхъ наградъ, дарованныхъ имъ побѣдителямъ, но едва-ли не болѣе еще изъ восторженныхъ писемъ его къ фельдмаршалу. „Начало благо“, писалъ онъ ему по полученіи извѣстія о первомъ подвигѣ, взятіи Брешии; „дай Богъ, чтобы вездѣ были успѣхи и побѣды. Вы же, умѣя съ нею обходиться, вѣрно и въ службѣ нашей ее изъ рукъ вашихъ не выпустите, въ чемъ поможетъ вамъ успѣть особенная и давнишняя привязанность ея къ вамъ самимъ“. Недѣлю спустя, въ отвѣтъ на донесеніе о пораженіи непріятеля при переходѣ черезъ рѣку Адду, онъ, посылая Суворову брилліантовый перстень со своимъ портретомъ, просилъ носить его „на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго“.

„Въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ“ укорялъ Государь фельдмаршала, узнавъ о занятіи Милана и Турина и завоеваніи всей сѣверной Италіи; въ другой—о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемістно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ“.

Трехдневный бой подъ Требіей и совершенное пораженіе генерала Макдональда, спѣшившаго изъ южной Италіи на соединеніе съ вытѣсеннымъ изъ Ломбардіи и Піемонта генераломъ Моро, доставилъ Суворову осыпанный брилліантами Царскій портретъ, при слѣдующихъ строкахъ: „Портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, имъ же прославляется царствованіе наше“. Благодарственное письмо за взятіе Александрійской цитадели гласило: „Часть отъ часу успѣхи ваши и послѣдствія побѣдъ утверждаются, и вскорѣ Италія вся перестанетъ имѣть въ глазахъ безбожныхъ своихъ завоевателей“. На донесеніе же о паденіи Мантуи Павелъ отвѣчалъ: „Примите воздаяніе за подвиги ваши. Да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ, къ чести ихъ и славѣ Россіи.... Простите, побѣдоносный мой Фельдмаршалъ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій!“ Когда же императоръ Павелъ получилъ вѣсть о блистательной побѣдѣ, одержанной подъ Нови надъ генераломъ Жуберомъ, павшимъ въ сраженіи, побѣдѣ, окончательно упрочившей за союзниками обладаніе Италіей, „не знаю“—написалъ онъ Суворову,—„что пріятнѣе: вамъ-ли побѣждать, мнѣ-ли награждать за побѣды; но мы оба исполняемъ должное: я, какъ

Государь, а вы, какъ первый полководецъ въ Европѣ... Вамъ, не зная что уже и давать, потому что вы поставили себя выше награжденій, опредѣлимъ почеть военную“. Награда состояла въ приказаніи всѣмъ Русскимъ войскамъ отдавать фельдмаршалу, даже въ присутствіи Государя, всѣ воинскія почести „подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества“. Рескриптъ заключался словами: „Прощайте, князь, живите, побѣждайте Французовъ и прочихъ, кои имѣютъ въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушенія онаго“ *).

Кто-же были эти „прочіе“? Подъ ними Павелъ разумѣлъ никого иного, какъ нашихъ же союзниковъ и соратниковъ—Австрійцевъ.

Пока между Петербургомъ и Вѣною шли переговоры о способѣ и размѣрахъ Русской помощи Австрійцамъ противъ Франціи, Вѣнскій Дворъ тщательно избѣгалъ недоразумѣній, соглашался со всѣми предложеніями и требованіями Петербургскаго Двора, ища предупредить всѣ его желанія. Руководило имъ при этомъ сознаніе, что Австрія не можетъ обойтись безъ Россіи, содѣйствіемъ которой нужно заручиться, во что бы то ни стало. Но, какъ только что состоялся уговоръ между обоими правительствами, и Русскія вспомогательныя войска направились къ Австрійской границѣ, поведеніе Австрійцевъ измѣнилось. Еще до вступленія первыхъ нашихъ колоннъ въ Галицію, между начальниками ихъ и Австрійскими комиссарами возникли пререканія изъ за размѣра провіанта отпускаемаго войскамъ. Узнавъ о томъ, Императоръ Павелъ приказалъ всему вспомогательному корпусу не двигаться впередъ, пока Австрійскія власти не удовлетворятъ требованію трехъ фунтовъ хлѣба на человѣка, вмѣсто двухъ, предлагаемыхъ Австрійцами. Вѣнскій Дворъ, разумѣется, поспѣшилъ подчиниться необходимости; за то торопилъ походомъ, настаивая на томъ, чтобы Русскіе, въ суровую зиму 1798—1799 года, безостановочно шли къ Дунаю, а когда они дошли до Кремса, то пріостановилъ ихъ дальнѣйшее движеніе и продержалъ въ бездѣйствіи болѣе двухъ, мѣсяцевъ. По прибытіи Суворова въ Вѣну, за нимъ тамъ ухаживали, льстили ему, обѣщали полную свободу распоряжаться военными дѣйствіями:

*) Въ посланіи къ своему дядкѣ-Итальянцу Баратынскій вспоминалъ:

Именовалъ ты намъ и принцевъ и
Земли, гдѣ зрѣлъ, дивясь, Суворовскихъ солдатъ,
Выходящихъ вопреки тѣхъ пламенныхъ часовъ,
Что по твоимъ словамъ со стогновъ гонять псовъ
Въ густой пыли побѣды, въ грозѣ небритыхъ бородъ,
Рядами стройными въ классическій твой городъ.

но едва принялъ онъ начальство надъ союзными арміями, какъ стали требовать, чтобы о всѣхъ своихъ предположеніяхъ онъ относился предварительно въ Вѣну и ничего не предпринималъ рѣшительнаго безъ соизволенія отсюда. Русскій вождь не стѣснялся, однако, приказаніями гофкригсрата и, не обращая вниманія на наставленія Вѣнскихъ „бештимтраттрегеровъ“, бодро и смѣло шелъ отъ одной побѣды къ другой. Совершенные имъ блестящіе подвиги не только не примирили съ нимъ Тугута и его военныхъ совѣтниковъ, но еще болѣе раздражили ихъ противъ героя-фельдмаршала.

Отсюда печалованіе Австрійскихъ проэкторовъ, что побѣды и завоеванія его происходятъ не по правиламъ. Въмѣсто благодарности рескриптъ къ нему императора Франца заключалъ въ себѣ колкія, а отчасти и рѣзкія замѣчанія, упреки, едва-ли не выговоры. Дошло даже до того, что гофкригсратъ сталъ давать предписанія частнымъ Австрійскимъ начальникамъ помимо главнокомандующаго, а Вѣнскій кабинетъ, укоряя его въ неповиновеніи, принесъ на него жалобу императору Павлу.

Геніальный полководецъ прекрасно понималъ истинныя причины, возбуждавшія враждебное къ нему расположеніе Вѣнскаго Двора. То была прежде всего зависть, порожденная тѣмъ, что Суворовъ мѣтко называлъ „неискоренимою привычкою битымъ быть“; то было также предпочтеніе, которое привыкли отдавать въ Вѣнѣ посредственности надъ дарованіемъ, потому, какъ справедливо замѣчалъ нашъ фельдмаршалъ, что „талантъ не охотникъ до узды“. Отсюда и утвержденіе, встрѣчающееся даже въ рескриптахъ Франца II, что успѣхами своими Суворовъ, главнымъ образомъ, обязанъ своему военному счастью. „Счастіе, говоритъ Римскій императоръ“ (возражалъ фельдмаршалъ въ письмѣ къ Русскому послу въ Вѣнѣ, Разумовскому) „ослиная въ арміи голова тоже говорила мнѣ: слѣпое счастье“. Тому же дипломату старался онъ растолковать всю негѣпость предъявленныхъ къ нему требованій: „Его Римско-императорское Величество желаетъ, чтобы, ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются; по сему дѣлу для нихъ никогда нѣтъ вѣрнаго плана. Я ниже мечталъ быть на Тидонѣ и Треббії по слѣдамъ Ганнибала; ниже въ Туринѣ, какъ одинъ случай далъ намъ пользоваться тамошними сокровищами; ниже въ самомъ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кассано ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинныя висящіе волосы. Летъ ея молніинъ; нехвати за волосы—уже не возвратится...“. И въ другомъ письмѣ:

„Я въ Миланѣ получаю изъ Вѣны отвѣты о прїѣздѣ моемъ въ Верону; я только что въ Туринъ перешелъ—пишутъ мнѣ о Миланѣ“.

Заступаясь за Австрію, за Тугута, напрасно Разумовскій старался успокоить оскорбленнаго фельдмаршала увѣреніемъ, что въ Вѣнѣ цѣнятъ его заслуги, уважаютъ его, почитаютъ, благодарны ему и не будутъ стѣснять его въ военныхъ предпріятіяхъ, опасаясь лишь, какъ бы не были разстроены имъ „политическія расчисленія въ кабинетѣ“.

Непрерывные уколы вывели, наконецъ, Суворова изъ терпѣнія. „Я не мерсенеръ, не наемникъ, который изъ за хлѣба имъ послушенъ“, восклицалъ онъ и рѣшился довести о всемъ до свѣдѣнія Императора Павла. „Робость Вѣнскаго Кабинета писалъ онъ Государю, двѣ недѣли послѣ сраженія на Треббїи, зависть ко мнѣ, какъ къ чужестранцу, и интрига частныхъ двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня, Ваше Императорское Величество, всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не перемѣнится“.

Но сіе не только не перемѣнилось, а отношенія Русскаго главнокомандующаго къ Австрійскому Двору вскорѣ еще болѣе обострились вслѣдствіе именно политическихъ расчисленій послѣдняго. Дѣйствуя сообразно съ гласно провозглашенною цѣлью союза, Суворовъ, при вступленіи въ Піемонтъ, издалъ воззваніе къ населенію, въ которомъ объявлялъ, что предводимая имъ армія пришла для того, чтобъ возстановить законнаго короля на престолъ предковъ. Въ другомъ воззваніи къ Піемонтскимъ воинамъ онъ убѣждалъ ихъ покинуть республиканскія знамена и присоединиться къ союзникамъ, обѣщая офицерамъ и солдатамъ оставить имъ прежнее ихъ званіе и жалованье, а также, что никому другому не будутъ они присягать кромѣ короля Сардинскаго. По занятіи Турина, исполняя въ точности полученное отъ императора Павла повелѣніе, фельдмаршалъ отправилъ къ бывшему въ Калиари на островѣ Сардиніи Карлу-Эммануилу нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ приглашалъ его возвратиться въ свои владѣнія, а между тѣмъ королевскому посланцу, графу де-Сентъ-Андрѣ, ввѣрилъ управление краемъ, въ званіи намѣстника короля. Но лишь только извѣстіе о томъ достигло до Вѣны, какъ послано было главнокомандующему приказаніе отмѣнить всѣ сдѣланныя распоряженія, распустить образованные имъ отряды Пьемонтскихъ войскъ, пригласить графа Сентъ-Андре передать управление Пьемонтомъ Австрійскому комиссару и ни

подъ какимъ видомъ не допуститъ короля вернуться въ свои владѣнія. „О семъ не надобно и упоминать“, пояснялъ въ письмѣ къ Суворову графъ Разумовскій.

Мѣры эти явно обличали Австрійскіе виды на Піемонтъ. Оспаривать ихъ или бороться съ ними зависило не отъ фельдмаршала. Скрѣпя сердце, подчинился онъ всѣмъ требованіямъ императора Франца, напомнимъ ему, при этомъ случаѣ, что обязанность его подчиняться въ точности повелѣніямъ Вѣнскаго Двора, и извѣстилъ короля Эммануила, что отъѣздъ его съ острова Сардиніи долженъ быть отложенъ до болѣе благопріятнаго времени.

Ломбардія и Піемонтъ были уже отвоеваны, когда въ концѣ Мая узнали въ Петербургѣ, что бывший Мальтійскій великій магистръ, Гомпешъ, проживавшій въ Триестѣ, продолжая разыгрывать тамъ роль главы ордена, содержитъ вокругъ себя Дворъ изъ балы и рыцарей, разсылая посольства въ Палермо къ Неаполитанскому Двору и въ самую Мальту. Императоръ Павелъ, принявшій званіе Великаго Магистра Ордена Св. Іоанна, счелъ такіе поступки посягательствомъ на свое достоинство и приказалъ объявить Вѣнскому Двору, что ожидаль большаго къ себѣ уваженія во владѣніяхъ государя, именовавшаго себя его другомъ и союзникомъ. Онъ требовалъ, чтобъ положенъ былъ предѣлъ „глупостямъ“ Гомпеша въ Триестѣ, и чтобы Австрійскія власти дозволили ему оставаться въ этомъ городѣ не иначе, какъ въ качествѣ частнаго лица, а свиту его и Дворъ его разогнали. Пока же Гомпешъ не будетъ уразумленъ, корпусу Римскаго-Корсакова, вступившему уже въ Галицію, было предписано пріостановить дальнѣйшее движеніе. Распоряженіе это испугало Цесарскаго посла при Русскомъ Дворѣ. Не ожидая разрѣшенія изъ Вѣны, гр. Кобенцель успѣшилъ увѣрить Государя, что воля его будетъ исполнена въ точности и, уступая его просьбамъ, Павелъ разрѣшилъ генералу Римскому-Корсакову продолжать походъ; но въ тоже время предписалъ своему представителю въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, зорко наблюдать за немедленнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ обѣщаній Кобенцеля, присовокупивъ, что малѣйшее замедленіе будетъ сочтено имъ за признакъ неискренности Вѣнскаго Двора по отношенію къ нему, которая отразится и на собственномъ его поведеніи относительно Австріи.

Тугутъ остался крайне недоволенъ угодливостію Кобенцеля, по словамъ его навязавшаго своему Двору обязанность тюремщика Русскаго Императора и искалъ какихъ нибудь средствъ „смягчить позоръ“

даннаго имъ обѣщанія. Но посольство настаивало, что удовлетвореніе всѣхъ прихотей Павла въ Мальтійскихъ дѣлахъ—вѣрнѣйшее средство привязать его къ видамъ Австріи, завладѣть имъ совершенно. Соображеніе это побудило, наконецъ, императора Франца отправить въ Петербургъ поздравительную депутацію отъ Великаго Пріорства Богемскаго. Но и тутъ не обошлось безъ недомолвки и „мысленныхъ ограниченій“. Уже былъ назначенъ день для принятія Государемъ въ торжественной аудіенціи депутатовъ, графовъ Коловрата и Сень-Жульена, когда, изъ предварительнаго разсмотрѣнія привѣтствованій ихъ, оказалось, что въ ней Государь ни разу не названъ Великимъ Магистромъ ордена. Обстоятельство это поставлено было на видъ Цесарскому послу, съ предвареніемъ, что, пока упущеніе не будетъ исправлено, Императоръ не приметъ депутацію. И въ этотъ разъ Кобенцель счелъ нужнымъ обезоружить Павла Петровича изъявленіемъ полной покорности.

ИЗЪ ТАЙНЫХЪ ПИСЕМЪ ГРАФА РОСТОПЧИНА.

Въ царствованіе Павла Петровича.

I.

Тайное.

Государь Императоръ указалъ препроводить къ Вашему Сіятельству слѣдующія свѣдѣнія для отысканія по онымъ упоминаемымъ людямъ и донесенія Его Императорскому Величеству.

„Le brave Lucca qui est parti par le Chariot de Poste, par Berlin, Koenigsberg et Mittau à sa destination (Pétersbourg) est remplacé etc.

Signalement de Lucca.

Agé de 45 à 50 ans, taille 5 pieds 7 à 8 pouces, belle figure, cheveux chatain clair, yeux grands et bleus, nez bien fait, la lèvre inférieure plus grosse que l'autre, visage rond, ayant une jambe très enflée, le parler haut et facile. Il a été autrefois officier d'Infanterie en France. Il quitta le service pour dettes et se réfugia en Italie. Il alla en Suisse, il y a 20 ans en Angleterre où il était maître de langues. De Londres il a été chassé au mois de Février 1797. Il parle parfaitement Anglais et Italien, et paroît fort instruit.

„Un nommé *La Tour*, qui fut envoyé à Pétersbourg, y a été logé chez *Lichtenberger*, qui est un marchand quincailler“.

Нѣтъ ли кого нибудь по имени Эрманъ (*Ehrmann*) и естьли есть, то что за человѣкъ?

Г. Р.

1-го Декабря 1799.

Гатчино.

Его сіятельству графу фонъ-деръ-Паллену.

Переводъ.

Государь Императоръ указалъ препроводить къ Вашему Сіятельству слѣдующія свѣдѣнія для отысканія по онымъ упоминаемыхъ людей и донесенія Его Императорскому Величеству.

„Достойный Лукка, уѣхавшій въ почтовой повозкѣ черезъ Берлинъ, Кенигсбергъ и Митаву къ мѣсту своего назначенія (Петербургъ) замѣненъ и т. д. *Примѣты Лукка.*

45—50 лѣтъ, роста 5 футовъ 7—8 дюймовъ, лицомъ красивъ, волоса свѣтло-каштановые, большіе голубые глаза, носъ правильный, нижняя губа толще верхней, лице круглое, одна нога очень опухшая, говоритъ громко и свободно. Бывшій пѣхотный офицеръ во Франціи. Изъ за долговъ оставилъ службу и переселился въ Италію, откуда черезъ 10 лѣтъ отправился въ Англію, гдѣ занялся преподаваніемъ языковъ. Въ Февралѣ 1797 г. былъ изгнанъ изъ Лондона. Отлично говоритъ по Англійски и по Итальянски, и, кажется, очень образованнымъ. Нѣкто, по имени Латуръ, посланный въ Петербургъ, жилъ тамъ у Лихтенбергера, торгующаго желѣзомъ“. Нѣтъ-ли кого нибудь по имени Эрманъ (*Ehrmann*) и естьли есть, то что за человѣкъ? Г. Р. 1-го Декабря 1799. Гатчино.

Его сіятельству графу фонъ-деръ Паллену.

II.

Copie de la lettre du comte de Rostopchin à m. de Mouravieff à Hambourg.

Monsieur.

D'après la lettre ci-jointe, je vous prie de faire parvenir des éclaircissements sur la conduite du Chasseur Wendt; en expliquant les demandes, contenues dans les Communications *P. Général*; Vous pourrez renvoyer le courier porteur de la présente après quelques jours, en prétextant son envoi chez vous de quelques ordres à faire passer à Londres. L'Empereur notre Maître a été très satisfait des découvertes que vous avez fait, et s'attend encore à d'autres; les dépenses que vous aurés à faire dans cette affaire

vous seront passées non par le Collège mais par le Cabinet. Recommencés la bonté d'envoyer vos notes à S. M. Im. par des couriers. J'ai l'honneur etc.

Переводъ.

Милостивый государь, прошу васъ, согласно прилагаемому при семъ письму, доставить разъясненія на счетъ поведенія егеря Вендта; разъяснивши просьбы, заключающіяся въ сообщеніи П-генерала. Вы могли бы отправить курьера, который Вамъ доставитъ настоящее письмо, черезъ нѣсколько дней, объясняя его заѣздъ къ Вамъ надобностію Вашей передать нѣкоторыя приказанія въ Лондонъ. Государь Императоръ остался очень доволенъ добытыми Вами открытіями и ждетъ еще новыхъ; сдѣланные Вами по этому предмету расходы будутъ Вамъ возмѣщены не Коллегіей, а Кабинетомъ. Будьте такъ добры снова посылать Ваши отмѣтки Государю Императору съ курьерами.

III.

Copie d'une lettre du vice-chancelier à M-r le baron de Krüdener en date du 18 Janv. 1800.

Nous venons d'être instruit par une voye très sûre que le nommé *Parandier* qui autrefois était attaché à la Mission française à Berlin doit arriver dans cette ville pour se rendre ensuite en Pologne. Il est muni d'instructions du Consulat et il doit s'aboucher à Berlin avec un certain *Chamborliac* officier du génie français. *Parandier* est accompagné d'un Polonais nommé *Novitzky*.

V. e. fera part de ces notions au Ministère Prussien et ne négligera rien pour lui faire sentir l'importance des mesures les plus promptes et les plus efficaces à l'effet de déjouer les vues criminelles des agens Français et d'assurer la tranquillité de nos possessions démembrées de la Pologne.

Переводъ.

Копія съ письма вице-канцлера къ барону Крюднеру отъ 18-го Января 1800 г. Мы только что узнали очень вѣрнымъ путемъ, что такъ называемый Парандіе, состоявшій прежде при Французской миссіи въ Берлинѣ, ожидается тамъ, проѣздомъ въ Польшу. Онъ снабженъ инструкціями отъ Консульства и долженъ переговорить въ Берлинѣ съ нѣкимъ Шамборліакомъ, Французскимъ инженернымъ офицеромъ. Парандіе сопровождаетъ полякъ Новицкій. Ваше превосходительство не преминете сообщить настоящія свѣдѣнія Прусскому министерству и

сдѣлаете все возможное, чтобъ дать ему понять, какъ важно тотчасъ же принять самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы разрушить всѣ преступныя намѣренія Французскихъ агентовъ и упрочить спокойствіе нашихъ провинцій, присоединенныхъ къ намъ отъ Польши.

IV.

Copie d'une lettre du c-te de Rostopchin, au c-te de Pallen du 13 Mars 1800. S. Petersbourg.

Secret.

J'ai eu l'honneur de vous écrire du 1-er de Decembre de l'année passée de *Gatchino* au sujet d'un nommé *Hermann*, qui d'après la correspondance secrète d'Hambourg devait se trouver ici; aujourd'hui le chargé d'affaires des villes Ganséatiques M-r *Wegggers* demande un passeport pour un marchand de *Lûbeck* nommé *Nicolas Hermann Müller*, qui étant venu pour ses affaires dans ce pays, désire s'en retourner.

Il faudroit prendre des informations sur cet homme et surtout savoir où il a logé et avec qui il a vécu; demain j'espère conférer avec vous à ce sujet dans la matinée.

Переводъ.

Копія съ письма графа Ростопчина къ гр. Палену отъ 13-го Марта 1800 изъ С. Петербурга. 1-го Декабря, прошлаго года я имѣлъ честь писать Вамъ изъ Гатчины по поводу нѣкаго Эрманна, который, по секретной перепискѣ изъ Гамбурга, долженъ былъ быть здѣсь; сегодня повѣренный въ дѣлахъ Ганзейскихъ городовъ, г-нъ Веггерсъ, проситъ паспорта для одного Любекскаго купца, именуемаго Николаемъ Эрманомъ Мюллеромъ, который привѣзжалъ сюда по дѣламъ и возвращается къ себѣ. Нужно бы навести справки объ этомъ человѣкѣ и узнать, главнымъ образомъ, гдѣ онъ проживалъ и съ кѣмъ. Я рассчитываю завтра утромъ потолковать съ Вами на счетъ этого.

V.

Copie d'une lettre du c-te de Rostopchin au c-te de Pahlen du 19 Mars 1800.

D'après la conversation que j'ai eu l'honneur d'avoir avec vous ce matin, il sera nécessaire que vous fassiez prendre des informations sur les personnes suivantes.

Souchay Marchand de Lùbeck qui sur la demande du Banquier Rall a obtenu un passeport pour venir en Russie le 3 d'Oct. 1799.

Rels, Marchand de Berlin qui a obtenu un passeport à la demande de Wegguelin pour venir en Suisse et s'en retourner le 22 déc. 1799.

Ces deux personnages se trouvent ici. Il seroit nécessaire que vous ordonniez de prendre des renseignemens sur leurs liaisons, leurs logemens et que vous m'en donniez connaissance, enfin de parvenir ensemble à découvrir l'homme qui, sous le nom de Lauth, se trouve ici chargé de correspondre avec les Cercles établis en Allemagne par le Directoire.

Переводъ.

Копія съ письма графа Ростопчина къ графу Палену отъ 19 Марта 1800 г. По имѣвшемуся у насъ съ вами сегодня утромъ разговору, нужно будетъ, чтобъ вы смогли навѣсть справки о слѣдующихъ лицахъ:

Сушей. Купецъ изъ Любека, который пріѣхалъ въ Россію 3-го Октября 1799 г. по паспорту, данному ему по просьбѣ банкира Ралля.

Ремъ. Купецъ изъ Берлина, получившій паспортъ по просьбѣ Веггелина, на пріѣздъ и выѣздъ изъ Россіи, 22-го Декабря 1799 г.

Объ эти личности находятся здѣсь. Необходимо, чтобъ вы приказали навѣсти справки объ ихъ связяхъ и мѣстѣ жительства, дабы одновременно добиться найти человѣка, который подъ именемъ Лаута живетъ здѣсь, какъ корреспондентъ Клубовъ, учрежденныхъ Директоріей въ Германіи.

VI.

Копія и записка гр. Ростопчина къ гр. Палену. 26 Марта 1800.

Тайное.

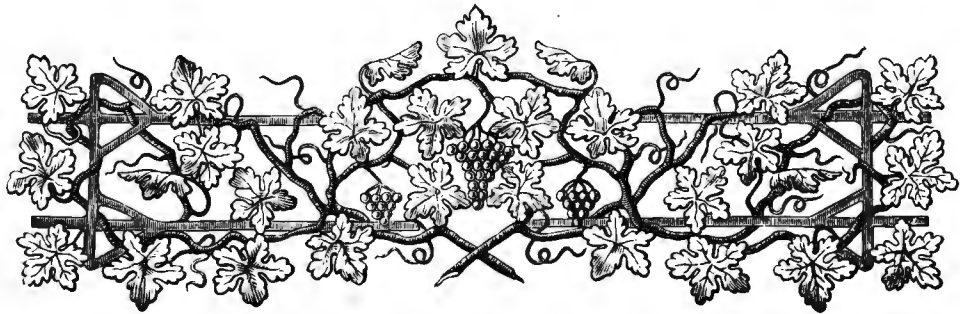
Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство отпрать отъ себя повелѣніе Нарвскому Коменданту, а всего лучше послать двухъ вѣрныхъ чиновниковъ на 2-ю станцію отсюда, для забранія бумагъ у отъѣзжающаго отсюда Любекскаго купца *Германа Миллера* и Француза *Мазо*, дабы оныя разсмотрѣть здѣсь, приказавъ до повелѣнія вашего одному изъ посланныхъ чиновниковъ остаться съ оными иностранцами. Также освѣдомиться, что за человѣкъ и когда сюда пріѣхалъ находящійся здѣсь Любекской купецъ *Христіанъ Шмитъ* (*Christian Schmidt*).

VII.

Копія съ писемъ графа Ростопчина къ г-фу Палену. Отъ
1-го Апрѣля 1800 года.

Возвращая къ вашему сіятельству при семъ приложенныя два письма, въ коихъ ничего не открылось, нахожу, что бумаги возвратить обратно опасно, а то нужно бы было позвать г-на Шольцена, спросить что за странное письмо, имъ писанное изъ Гамбурга отъ 20-го Апрѣля 1800 года, когда онъ въ Петербургѣ. Вашъ преданный.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО.

(Военно-судное дѣло 1831 года).

(По архивнымъ даннымъ).

17 Юня 1831 г. Московскаго университета студентъ Поллонинъ донесъ командующему 2 округомъ корпуса жандармовъ генераль-маіору графу Апраксину, что въ Москвѣ составилось общество злоумышленныхъ людей, стремящихся къ испроверженію существующаго въ Россіи порядка и введенію конституціи.

По этому донесенію составлена была въ Москвѣ слѣдственная коммиссія; подъ предсѣдательствомъ Московскаго военнаго генераль-губернатора,—открытыя ею виновныя и прикосновенныя лица были взяты подъ арестъ и затѣмъ по Высочайшему повелѣнію преданы военному суду.

На слѣдствіи и судѣ выяснилось слѣдующее:

1) Отставной губернской секретарь Николай Сунгуровъ (26 лѣтъ), выдавая себя членомъ тайнаго общества, самъ и посредствомъ жившаго вмѣстѣ съ нимъ отставнаго подпрапорщика Гурова склонилъ Московскаго университета студентовъ: Поллонина, Антоновича, Костенецкаго и подпоручика Сѣдлецкаго вступить въ то общество „обольщая ихъ, что получать большое достоинство и богатство“. Объявилъ имъ, что это общество есть остатокъ отъ 14 Декабря 1825 года, что оно имѣетъ цѣлью введеніе въ Россіи конституціи, что оно весьма сильно, т. к. въ него входятъ генераль Ермоловъ и другія военныя лица, говорилъ также и о средствахъ къ завладѣнію Москвою, для произведенія мятежа.

Средства эти состояли въ томъ, чтобы во время оцѣпленія Москвы отъ холеры возмутить фабричныхъ и чернь, разбить питейные дома, освободить всѣхъ арестантовъ, захватить артиллерійскую роту и арсеналь, раздать солдатамъ и черни деньги, взявъ таковыя изъ присутственныхъ мѣстъ, заставить военнаго генераль-губернатора предписать губернаторамъ смежныхъ съ Москвою губерній выслать депутатовъ къ выслушанію конституціи, повѣсить противящихся, разослать по всѣмъ губерніямъ прокламаціи къ народу для возбужденія ненависти къ Правительству, внушивъ для этого народу, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ шелъ въ Россію съ польскими войсками для того, чтобы отобрать всѣхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, сдѣлать ихъ вольными, не брать съ нихъ и съ мѣщанства никакихъ податей и жить всякому для себя, кто какъ хочетъ, и что за это Императоръ заключилъ Цесаревича въ крѣпость, потомъ, составивъ шайку тысячъ въ пять человѣкъ, пойти въ Тулу и взять орудійный заводъ.

Сунгуровъ содержалъ вмѣстѣ съ Французскимъ подданнымъ Бушаромъ, подъ именемъ послѣдняго, въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, ресторацію, по объясненію одного изъ подсудимыхъ-студента Кольрейфа, съ цѣлью узнавать образъ мыслей посѣтителей и сообразно этому привлекать ихъ въ общество.

Условія на которыхъ принимались различныя лица въ общество Сунгурова заключались, между прочимъ, въ томъ, что каждый членъ долженъ былъ избирать трехъ другихъ, тѣ также каждый по три и такъ далѣе и чтобы „никто изъ членовъ не любопытствовалъ узнавать о другихъ членахъ“.

Сунгуровъ сначала не признавался, что былъ членомъ тайнаго общества для введенія въ Россію конституціи и что произносилъ передъ молодыми людьми „возмутительные разговоры“ объяснивъ, что по распространеннымъ въ Москвѣ не благонамѣреннымъ слухамъ распустилъ онъ о себѣ молву, что принадлежитъ къ тайному обществу съ тою цѣлью, чтобы открывъ что либо противузаконное, донести о томъ правительству, подобно тому, какъ онъ донесъ исправляющему въ Москвѣ должность оберъ-полиціймейстера полковнику Муханову о намѣреніи переведенныхъ изъ бывшаго Литовскаго корпуса офицеровъ къ побѣгу въ Литву для присоединенія къ польскимъ мятежникамъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ Муханову и обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и что онъ о принадлежности своей къ обществу говорилъ тремъ студентамъ, которыхъ называлъ и Муханову. Но оказалось, что Сунгу-

ровъ хотя и объявилъ Муханову о намѣреніи упомянутыхъ офицеровъ въ Литву, но уже тогда, когда они отстали отъ общества Сунгурова и рѣшились бѣжать въ Литву. Такимъ открытіемъ, какъ заключилъ военный судъ, Сунгуровъ старался прикрыть настоящія свои дѣйствія. Полковникъ Мухановъ объяснилъ и подтвердилъ на очной съ Сунгуровымъ ставкѣ, что Сунгуровъ плана дѣйствій своихъ ему не открывалъ и ни о какихъ студентахъ ему не упоминалъ. Сверхъ того Сунгуровъ, будучи уличенъ лицами, которыхъ уговорилъ вступить въ общество, самъ потомъ признался, что говорилъ имъ о тайномъ обществѣ, о конституціи и о планахъ предполагаемаго возмущенія, но остался упорнымъ въ томъ, что обо всемъ этомъ онъ говорилъ только съ цѣлью пріобрѣсть ихъ довѣріе для открытія черезъ нихъ тайныхъ обществъ и донести о томъ правительству.

2) Отставной подпрапорщикъ Федоръ Гуровъ (25 лѣтъ) также выдавалъ себя членомъ тайнаго общества, склонялъ молодыхъ людей вступить въ оное, говоря, что общество это есть остатокъ отъ прежняго и цѣль его ввести конституцію, участвовалъ въ разговорѣ Сунгурова на счетъ мятежа и завладѣнія Москвою. Самъ произносилъ дерзкія противъ Правительства слова, оправдывалъ возстаніе Поляковъ и угрожалъ ядомъ тѣмъ, которые вознамѣряются открыть общество Правительству.

Сперва Гуровъ при слѣдствіи признался, что своими разговорами ввелъ молодыхъ людей въ заблужденіе, употребляя предосудительные способы, объяснивъ, что все это дѣлалъ по внушенію Сунгурова, увѣрившаго его въ своей цѣли—открыть черезъ то другія общества и донести о семъ правительству; потомъ показалъ, что „мятежъ происходилъ у нихъ только въ воображеніи, что Сунгуровъ отклонилъ его, Гурова, отъ Бога и вселилъ мысль о неувѣренности къ верховному промыслу, образовалъ изъ него, Гурова, чудовище“.

Сверхъ того представлены были студентомъ Поллонинымъ „гнусные и въ высшей степени богохульные стихи“, писанные рукою Гурова, о которыхъ, хотя онъ и показалъ, что досталъ ихъ въ 1824 году отъ бывшаго студента Полежаева, но потомъ сознался, что стихи написаны имъ подъ руководствомъ Сунгурова.

Во время производства слѣдствія Гуровъ намѣренъ былъ лишить себя жизни, на судѣ же упорствовалъ въ дачѣ отвѣтовъ, отзываясь полнымъ незнаніемъ.

3) Московскаго университета студентъ Яковъ Костенецкій (20 л.)—слыша отъ Сунгурова и Гурова о тайномъ обществѣ и его цѣляхъ, не только не донесъ о томъ правительству, еще, какъ самъ признался, по легкомыслию своему перемѣнилъ благонамѣренныя мысли о правительствѣ, принявъ участіе въ заговорѣ Сунгурова, сообщалъ обо всемъ студентамъ Кашевскому, Кноблоху и Кольрейфу и вмѣстѣ съ ними „домогался узнать отъ Сунгурова обстоятельно объ обществѣ“.

4) Студентъ Платонъ Антоновичъ (19 лѣтъ), слыша отъ Сунгурова о тайномъ обществѣ, о цѣли его ввести въ Россіи конституцію и о средствахъ къ овладѣнію Москвою, не донесъ о томъ правительству, считая это, какъ показала, нелѣпымъ замысломъ. Впрочемъ признался, что когда Поллонинъ совѣтывалъ ему уклониться отъ общества Сунгурова, то назвалъ его, Поллонина, трусомъ.

5) Студентъ Адольфъ Кноблахъ (21 года)* узналъ сперва отъ Костенецкаго, а потомъ отъ Гурова о тайномъ обществѣ съ цѣлью ввести въ Россіи конституцію и стараясь развѣдать о подробностяхъ онаго, пригласилъ къ себѣ Сунгурова на квартиру и имѣлъ объ обществѣ разговоръ. Кноблахъ показалъ, что не донесъ о слышанномъ правительству, боясь угрозъ Гурова.

При обыскѣ найденъ у Кноблоха писанный имъ дневникъ, въ которомъ были изложены, во первыхъ, дерзкія слова противу особы Его Величества Короля Прусскаго и во вторыхъ мысли, заключающія въ себѣ „восторгъ по случаю возстанія Польши“.

6) Студентъ Павелъ Кашевскій (19 лѣтъ) самъ признался что онъ, прежде нежели узналъ о Сунгуровскомъ обществѣ, имѣя мысли, несоотвѣтственныя существующему порядку вещей, предположилъ составить общество, съ цѣлью ввести въ Россіи конституцію, пригласилъ въ оное подсудимыхъ студентовъ Кольрейфа и Барье и трое они рѣшились начать съ философическаго общества для „лучшаго узнаванія людей“, дабы этимъ способомъ достигъ своей цѣли, но по разнымъ причинамъ это осталось неисполненнымъ; также сообщилъ онъ, Кашевскій, объ обществѣ и подсудимому студенту Сандукелію, но нашель его неспособнымъ быть ихъ сообщникомъ.

*) По показанію его—Прусскій подданный.

У подсудимаго Колрейфа найдено при обыскѣ постановленіе, подписанное имъ и студентами Тессинимъ и Кноблохомъ о томъ, чтобы ежемѣсячно у каждаго члена быть засѣданію для выдержанія экзамена, разрѣшенія вопросовъ, чтенія философическаго сочиненія и для отчета—какія каждый сдѣлаеть успѣхи, какъ человекъ и какъ ученый.

Студенты Тессинъ и Кноблохъ изъяснили, что „предметомъ сего установленія было хорошее употребленіе времени для наукъ“.

Далѣе подсудимый Кашевскій признался, что онъ, узнавъ отъ подсудимаго Костенецкаго о Сунгуровскомъ обществѣ и о цѣли онаго ввести въ Россію конституцію, участвовалъ въ немъ, „имѣя зловредную мысль быть врагомъ Россійскихъ установленій по привязанности своей къ Польшѣ и чтобы узнать подробности относительно общества отъ самого Сунгурова, видѣлся съ нимъ у подсудимаго студента Кноблоха.

При обыскѣ найдены у Кашевскаго писанныя имъ черновыя записки, „содержавшія въ себѣ дерзкія мысли противу правительства и клонящіяся къ перемѣнѣ государственнаго правленія“.

Кашевскій показалъ, что читалъ эти записки и нѣкоторымъ студентамъ.

7) Студентъ Юлій Кольрейфъ (18 лѣтъ)*) признался, что онъ, слыша разговоръ подсудимаго Кашевскаго о томъ, что надобно образовать народъ, чтобы сдѣлать его достойнымъ конституціи, согласился составить философическое общество, чтобы узнавать образъ мыслей ихъ друзей, будучи увѣренъ, что Кашевскій найдетъ ихъ негодными для своего плана.

Потомъ узнавъ отъ подсудимаго Костенецкаго о тайномъ обществѣ, о цѣли его ввести въ Россіи конституцію и что оно есть остатокъ отъ общества 1825 г. онъ, Кольрейфъ отправился съ Костенецкимъ къ Сунгурову для узнанія подробностей объ обществѣ и потомъ былъ на квартирѣ у подсудимаго Кноблоха тогда, когда зналъ, что у него будетъ Сунгуровъ, съ которымъ и имѣлъ тамъ объ обществѣ разговоръ. Кольрейфъ признался въ легкомысліи и въ томъ, что не донесъ

*) По показанію его—Саксонскій подданный.

объ обществѣ правительству потому, что не имѣлъ на то никакихъ доказательствъ.

При обыскѣ найдены у Кольрейфа писанныя имъ бумаги, въ которыхъ, между прочимъ, изложены были мысли его „противныя государственному порядку, какъ на примѣръ, та, что монархическое правленіе не есть древнѣйшее и естественнѣйшее“.

Онъ, Кольрейфъ, на счетъ этихъ мыслей принесъ въ военномъ судѣ чистосердечное раскаяніе.

8) Волонтеръ по медицинской части медико-хирургической академіи Оскаръ Барье (19 лѣтъ)*) оговоренъ студентомъ Кашевскимъ въ томъ, что онъ, Кашевскій, предложилъ ему, Барье, составить общество, главною цѣлью котораго было введеніе въ Россіи конституціи, для чего они и рѣшили начать съ философическаго общества „для лучшаго узнанія людей“, но планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Барье противъ сего оговора Кашевскаго въ отвѣтахъ и на очной съ нимъ ставкѣ ни въ чемъ не признался, показывая, что хотя Кашевскій и намекалъ ему о какомъ то заговорѣ, но весьма темно и какъ бы страшась подробностей заставляя догадываться.

При этомъ подсудимый Барье объявилъ, что Кашевскій, узнавъ объ арестѣ двухъ его знакомыхъ, отдалъ ему, Барье (какъ и Кашевскій признался) свои бумаги, которыя онъ, Барье, по просьбѣ его скрылъ и потомъ разсмотрѣвъ и увидя, что онѣ заключали въ себѣ мнѣнія его, Кашевскаго, о настоящемъ положеніи Европы и Россіи, сжегъ въ то время, когда Кашевскій былъ взятъ подъ арестъ.

Барье въ этомъ поступкѣ своемъ принесъ въ военномъ судѣ чистосердечное раскаяніе.

Ни доноситель студентъ Поллонинъ и никто изъ привлеченныхъ по настоящему дѣлу лицъ не показали того, чтобъ Барье участвовалъ въ тайномъ обществѣ или хотя бы зналъ о немъ.

9) Своекостный студентъ Алексій Топорнинъ (18 лѣтъ). На него показали подсудимые студенты Костенецкій и Кноблохъ, что онъ

*) По показанію его—Французскій подданный.

зналъ о всѣхъ предпріятіяхъ, изъ нихъ Костенецкій добавилъ, что Топорнинъ, по превосходнымъ качествамъ своимъ изъяснилъ презрѣніе къ Сунгурову, о которомъ только слышалъ, уговаривалъ его, Костенецкаго, „не вступать въ низкое Сунгуровское сословіе“, также и другихъ отклонялъ отъ общества съ нимъ и онъ, Костенецкій о своихъ дѣйствіяхъ ему не говорилъ.

Подсудимый Топорнинъ показалъ, что онъ ни о какихъ злонамѣренныхъ замыслахъ къ составленію общества для введенія въ Россіи конституціи ни отъ Кноблоха, ни отъ Костенецкаго не слышалъ и объ ономъ вовсе не зналъ, Сунгурова и Гурова никогда не видалъ, а только слышалъ, какъ Кноблохъ, говоря о знакомствѣ своемъ съ Сунгуровымъ, находилъ таковое сомнительнымъ и для сего предположилъ узнать нѣтъ-ли тутъ чего противу правительства, дабы донести о томъ послѣднему.

10) Студентъ Иванъ Тессинъ (18 л.), котораго доноситель Поллонинъ подозрѣвалъ въ знаніи о тайномъ обществѣ въ виду дружбы его съ Кноблохомъ, оказался виновнымъ, по собственному его признанію, въ томъ, что слышалъ отъ Кноблоха о существованіи мысли перемѣнить образъ правленія, хотя ничего подробнаго и достовѣрнаго не зналъ и на приглашеніе Кноблоха вступить въ общество—отъ этого отказался. Вышеозначенное объявленіе Кноблоха считалъ нелѣпостію, требовалъ рѣшительно, чтобъ Кноблохъ съ нимъ впредь о томъ не говорилъ; не открылъ правительству, ибо ничему не вѣрилъ и объ обществѣ Сунгурова не зналъ.

11) Московскій мѣщанинъ Юліанъ Пуенсардъ (59 лѣтъ). На него возникло подозрѣніе въ виду найденныхъ у Гурова двухъ писемъ Пуенсарда, въ которыхъ онъ упоминалъ о какомъ то секретѣ и о письмахъ отставнаго поручика Рѣдькина, совѣтывалъ быть осторожнѣе, „держатъ подъ величайшимъ секретомъ свои предпріятія, т. к. ничего незначущая бездѣлица можетъ иногда все опровергнуть“. Но изъ отвѣтовъ его, Пуенсарда, Рѣдькина и Гурова согласно открылось, что одно письмо относилось до порученной Гуровымъ Рѣдькину покупки для Пуенсарда дѣвки, а упоминаемая тайна относилась до намѣренія Сунгурова заложить имѣніе свое въ С. Петербургскомъ опекуномъ совѣтѣ, ибо Сунгуровъ опасался, чтобы не узнали его кредиторы и не воспрепятствовали бы этому¹⁾.

¹⁾ Рѣдькинъ по Высочайше утвержденному заключенію слѣдственной комиссіи—освобожденъ.

Впрочемъ Пуенсардъ при спросѣ показалъ, что хотя онъ съ Сунгуровымъ и Гуровымъ знакомъ и даже у перваго жилъ въ домѣ шесть мѣсяцевъ, но какъ въ то время, такъ и послѣ, ходивши къ нему для полученія своихъ денегъ, онъ никакихъ скопищъ не видалъ и о существованіи тайнаго общества не слыхалъ; описывая же нравственность Сунгурова и Гурова съ самой невыгодной стороны и говоря, что нѣтъ преступленія, котораго они не въ состояніи бы были сдѣлать, Пуенсардъ изъяснилъ, что онъ слышалъ отъ сына своего, находившагося въ г. Моршанскѣ помощникомъ въ аптекѣ, что Сунгуровъ предлагалъ ему 6000 рублей за составленіе яда съ намѣреніемъ отравить свою тетку. Но Сунгуровъ въ этомъ не признался.

Сынъ Пуенсарда и на очной съ отцомъ своимъ ставкѣ, равно и аптекарскій ученикъ Петровъ, при которомъ, по показанію Пуенсарда, говорилъ сынъ его объ означенномъ ядѣ, сего не подтвердили.

12) Отставной Надворный совѣтникъ Дмитрій Козловъ (36 лѣтъ). На него донесъ студентъ Поллонинъ, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу, что по его совѣту положено не имѣть въ ономъ никакихъ бумагъ, и что при избраніи въ члены каждый долженъ пріискать таковыхъ по три, а эти также по три и такъ далѣе.

По открытіи въ Москвѣ 20 Іюня 1831 года по настоящему дѣлу слѣдственной комиссіи, сдѣлано было сношеніе о присылкѣ въ нее Козлова изъ имѣнія его, находившагося въ Тверской губерніи. Но онъ, возвращаясь туда изъ Оренбургской губерніи съ Сергіевскихъ водъ, заѣхалъ въ Рязань, гдѣ знакомые его, какъ самъ онъ показалъ, удивлялись, увидя его, ибо былъ слухъ, что онъ взятъ правительствомъ.

Находящійся въ Рязани корпуса жандармовъ полковникъ Приклонскій донесъ шефу жандармовъ, что Козловъ, видѣвшись съ нимъ, рассказывалъ ему, что въ Оренбургской губерніи готовится возмущеніе съ цѣлью завладѣть частью Россіи по рѣку Волгу и составить тамъ отдѣльное конституціонное правленіе и что въ этомъ обществѣ участвуетъ самъ военный губернаторъ генераль-адъютантъ графъ Сухтеленъ.

Потомъ при отобраніи по сему предмету у Козлова объясненій исправляющимъ должность окружного начальника корпуса жандармовъ генераль-маіоромъ графомъ Апраксинымъ, онъ, Козловъ, письменно изъяснилъ, что въ Оренбургской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ готовится возмущеніе, но справедливо ли это—ручаться не могъ за неимѣ-

ніемъ доказательствъ, а рассказывали ему о томъ камеръ-юнкеръ Шалашниковъ и своякъ его отставной полковникъ Левашевъ.

Однако по донесенію командующаго 5 округомъ корпуса жандармовъ полковника Маслова не оказалось никакихъ видовъ возмущенія ни въ Оренбургской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ. При этомъ Масловъ добавлялъ, что едва ли не самъ Козловъ принадлежитъ къ тайному обществу ибо онъ съ апрѣля 1831 г. взятъ на замѣчаніе по дѣлу Ситникова, изболоченнаго въ злонамѣренномъ поступкѣ. Провѣдомъ же черезъ Казанскую губернію заѣзжалъ Козловъ къ нѣкоторымъ помѣщикамъ, совершенно ему незнакомымъ, гдѣ позволялъ себѣ разсуждать въ неприличныхъ выраженіяхъ о правительствѣ, а затѣмъ, по предположенію Маслова, питая къ Шалашникову и Левашеву злобу за причиненные убытки по откупамъ, содержимымъ ими сообца, изъ мщенія показавъ на нихъ будто слышалъ отъ нихъ о партіяхъ.

Послѣ сего, по доставленіи по Высочайшему повелѣнію Козлова въ С. Петербургъ, онъ и въ учрежденной здѣсь слѣдственной комиссіи. повторяя, что слышалъ о вышеупомянутомъ возмущеніи отъ Шалашникова и Левашева при шуринѣ ихъ отставномъ подпоручикѣ Мельгуновѣ, изъяснилъ, что уличить ихъ не можетъ, не имѣя на то никакихъ средствъ.

По доставленіи въ С. Петербургъ Шалашникова и Левашева, они въ отвѣтахъ и на очной съ Козловымъ ставкѣ не признались въ томъ, чтобы говорили ему или знали что либо о возмущеніи, равно и подпоручикъ Мельгуновъ не подтвердилъ показанія Козлова и изъ нихъ Шалашниковъ добавилъ, что содержа вмѣстѣ съ Козловымъ въ Оренбургѣ питейные откупа, онъ вслѣдствіе понесенныхъ въ 1827 году убытковъ, въ общемъ до 300.000 руб. поссорился съ нимъ; послѣднее ихъ свиданіе было на сѣрныхъ водахъ, гдѣ былъ и разговоръ объ откупахъ.

Когда военный судъ приговорилъ Козлова за ложный доносъ къ смертной казни, то Козловъ, по выслушаніи приговора, въ прошеніи своемъ къ Московскому военному генералъ-губернатору изъяснилъ, что онъ по долгу вѣрноподданнаго о слышанномъ имъ возмущеніи передалъ секретно служившему прежде вмѣстѣ съ нимъ Полковнику Приклонскому, прося у того совѣта какъ поступить, ибо не имѣлъ на то доказательствъ, будучи при этомъ увѣренъ, что такое объявленіе не поставится ему, Козлову, въ вину, т. е. „желалъ дать мысль предо-

сторожности для открытія истины къ отвращенію зла“, злобы же на Шалашникова никакой не имѣлъ и ссоры у нихъ никакой не было.

Что же касается до тайнаго общества подсудимаго Сунгурова, то по показанію Козлова объ этомъ обществѣ онъ не слыхалъ и не зналъ; будучи же знакомъ съ Сунгуровымъ и Гуровымъ, видѣлся съ ними въ Москвѣ не болѣе пяти разъ. Сунгуровъ также удостовѣрилъ, что Козловъ къ обществу не принадлежалъ и онъ, Сунгуровъ, ему о томъ обществѣ ничего не говорилъ.

Подсудимый же Гуровъ сперва объявилъ, что онъ не слыхалъ о принадлежности Козлова къ какому либо обществу, видѣлся съ нимъ не болѣе трехъ разъ и хотя желалъ его испытать, но по кратковременному пребыванію Козлова въ Москвѣ не могъ въ томъ успѣть, а затѣмъ показалъ, что Козловъ, узнавъ отъ него, Гурова, также и отъ Сунгурова о тайномъ обществѣ, предложилъ не имѣть въ немъ ничего письменнаго и чтобы каждый членъ имѣлъ нѣсколько своихъ членовъ, а тѣ имѣли бы также своихъ и произносилъ дерзкія слова противу Императорскаго дома. Также читалъ Козловъ на своей квартирѣ ему, Гурову, отрывокъ изъ исторіи фонъ-Галена.

Но Козловъ въ отвѣтахъ и на очной съ Гуровымъ ставкѣ ни въ чемъ не признался, кромѣ того только, что читалъ ему книгу фонъ-Галена и при томъ показалъ, что онъ вовсе не зналъ о Сунгуровскомъ обществѣ, что онъ имѣлъ съ Сунгуровымъ разговоръ касательно состоянія Россіи и Сунгуровъ, двусмысленными словами объяснялся съ нимъ такъ, что сіе ему, Козлову, было чрезвычайно странно; впрочемъ смыслъ клонился къ улучшеніямъ, которыя можно было сдѣлать въ Россіи, что онъ, Козловъ, на таковыя двусмысленныя и непонятныя для него разговоры по легкомыслію и множеству дѣлъ своихъ не обращалъ никакого вниманія, въ чемъ можетъ быть поступилъ неосновательно и неосторожно, но злого умысла не имѣлъ и увѣренъ былъ, что, хотя Сунгуровъ и Гуровъ говорили много лишняго, но далеки отъ преступленія, они же невниманіе его къ тому, что можетъ было дерзко въ словахъ ихъ, сочли знакомъ одинаковаго образа мыслей и соучастія съ ними“.

Впослѣдствіи Козловъ въ прошеніи къ Московскому коменданту изъяснилъ, что Сунгуровъ и Гуровъ, какъ онъ вспомнилъ, говорили довольно дерзко о злоупотребленіяхъ и лихоимствѣ существующихъ во многихъ мѣстахъ, но на счетъ правительства ничего не упоминали.

13) Студентъ Алексѣй Успенскій (21 года). На него показаль бывшій студентъ Шанявскій, что слышалъ отъ него будто въ Московскомъ воспитательномъ домѣ существуетъ „общество“. Но Успенскій и на очной съ Шанявскимъ ставкѣ утверждалъ, что онъ, будучи въ воспитательномъ домѣ у знакомой ему главной надзирательницы-маюрши Геско въ день рожденія ея дочери (какъ и она Геско подтвердила) и выпивъ за столомъ стаканъ шампанскаго вина, когда возвратился въ университетъ въ веселомъ видѣ, то на спросъ Шанявскаго „гдѣ былъ?“—отвѣтилъ—„въ нѣмецкомъ обществѣ“, ибо русскихъ тамъ было только двое, а прочіе всѣ нѣмцы.

Никто изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ не показаль того, чтобы Успенскій участвовалъ въ обществѣ Сунгурова или бы даже зналъ о немъ.

14) Студентъ Викторъ Сандукелій (16 лѣтъ). На него показаль подсудимый Кашевскій, что онъ приглашалъ его вступить въ общество, въ которомъ однако тотъ не участвовалъ; также, что онъ, Кашевскій, читаль ему черновыя записки, содержащія мысли относительно перемѣны государственнаго правленія, но Сандукелій въ томъ не признался и никѣмъ не изобличенъ.

15) Состоящій при Московской губернской гимназіи учитель англійскаго языка иностранецъ Браво (47 лѣтъ). На него показаль студентъ Антоновичъ, что наканунѣ его ареста Браво сказалъ ему, что какая то графиня пожертвовала въ пользу поляковъ 20 милліоновъ рублей и что по предположенію его, Браво, „въ Москвѣ нѣкоторыя за Поляковъ и существуетъ какое нибудь общество“. Но Браво, напротивъ, показаль что о пожертвованіи графинею большой суммы говорилъ ему Антоновичъ, отзывавшійся о полякахъ съ весьма выгодной стороны, почему онъ, Браво, и совѣтывалъ Антоновичу беречься, дабы не отвѣтить за вольныя сужденія.

16) Отставной Коллежскій Регистраторъ Адріанъ Смоленскій (29 лѣтъ) подозрѣвался въ связяхъ съ Сунгуровымъ „по причинѣ управленія его имѣньемъ, но при спросѣ ни въ чемъ противузаконномъ не признался и ни кѣмъ въ томъ не оговоренъ. Подвергъ же себя подозрѣнію по настоящему дѣлу, во первыхъ,—по сбивчивымъ показаніямъ объ уничтоженномъ имъ письмѣ Сунгурова и, во вторыхъ, по показаніямъ служащаго въ Москвѣ во 2 палатѣ уголовного суда коллежскаго регистратора Цвѣткова и Капитанши Плехановой, что Смо-

ленскій при возвращеніи съ ними въ Іюль 1831 г. изъ села Царицина, когда узналъ, что присланъ былъ отъ гражданскаго губернатора жандармъ, просилъ Цвѣткова не говорить, что онъ съ ними ѣздилъ и чтобы Цвѣтковъ при допросѣ о немъ не упоминалъ.

17) Французскій подданный Франсуа Бушаръ подвергся подозрѣнію по дѣлу „по связи его съ подеудимымъ Сунгуровымъ, ибо подъ именемъ его, Бушара, содержали оба они вмѣстѣ ресторацію въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту“.

18) Отставной французской службы поручикъ Люксъ—оговоренъ былъ бывшихъ польскихъ войскъ поручикомъ Жабровскимъ въ связи его съ Сунгуровымъ въ виду того, что однажды онъ, Люксъ, отдалъ въ гостинницѣ Бушару золотые часы для передачи Сунгурову „съ осторожностью“. Изъ этого Жабровскій заключилъ, что тѣ часы отданы были „для нѣкотораго тайнаго знака“.

19) Золотыхъ дѣлъ мастеръ Мурръ, по показанію Пуенсарда, „имѣлъ связь съ Сунгуровымъ“. Самъ Мурръ показалъ, что имѣлъ знакомство съ Сунгуровымъ сначала по своему мастерству, а потомъ Сунгуровъ былъ крестнымъ отцомъ его дочери.

20) Смотритель Московскаго Малаго театра отставной штабсъ-ротмистръ Иванъ Никитинъ (39 лѣтъ). На него показалъ Костенецкій, что видѣлъ его у Сунгурова. Никитинъ же показалъ, что онъ съ Сунгуровымъ, кромѣ знакомства по заемнымъ письмамъ, никакой связи не имѣлъ и ничего противузаконнаго отъ него не слышалъ и по дѣлу это не было установлено.

21) Вольный слушатель лекцій въ Московскомъ университетѣ Адрианъ Егоровъ (17 лѣтъ). На него показалъ Сунгуровъ, что и онъ находился въ числѣ студентовъ, посѣщавшихъ его, Сунгурова, которымъ онъ иногда въ разговорѣ давалъ знать, что принадлежитъ къ обществу, но „понималъ ли сіе Егоровъ или нѣтъ, того онъ, Сунгуровъ, не зналъ“. Егоровъ показалъ, что хотя и бывалъ у Сунгурова, но насчетъ тайнаго общества ничего не зналъ.

22) Кандидатъ Московскаго университета Петръ Гилляревскій (34 лѣтъ); 23) отставной капитанъ Павелъ Петровъ (32 л.) и греческій уроженецъ Петръ Пандази—привлечены были къ дѣлу въ виду зна-

комства ихъ съ Сунгуровымъ, но виновность ихъ ничѣмъ не подтвердилась.

25) Бывшій Архангельскій гражданскій губернаторъ дѣйствит. стат. совѣтникъ Филимоновъ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу, вслѣдствіи доноса Поллонина, что Сунгуровъ и Гуровъ вызывали желающаго изъ студентовъ на службу къ Филимонову говоря, т. к. яко бы имѣлъ нужду въ такомъ человѣкѣ, на котораго могъ возложить дѣла, касающіяся ихъ общества. По словамъ Поллонина Сунгуровъ говорилъ также, что если планы общества не исполнятся, то тогда легко можно бѣжать въ Архангельскъ, гдѣ Филимоновъ, какъ самъ членъ общества, заготовитъ имъ корабль и они могутъ ѣхать за границу.

Однако Сунгуровъ и Гуровъ о принадлежности Филимонова къ обществу доноса Поллонина не подтвердили, при чемъ Гуровъ показавъ, что писалъ къ Филимонову всего одинъ разъ по просьбѣ Козлова— не желаетъ ли онъ, Филимоновъ, купить обратно проданную ему, Козлову, деревню. Изъ числа подсудимыхъ студентъ Костенецкій показавъ, что Гуровъ въ доказательство своего могущества говорилъ будто и губернаторъ Филимоновъ состоитъ въ числѣ членовъ общества.

Дѣйств. Ст. Сов. Филимоновъ не сознался ни въ знаніи о тайномъ обществѣ и ни въ какихъ съ Сунгуровымъ и Гуровымъ сношеніяхъ, показывая, что онъ вовсе и не знакомъ съ Сунгуровымъ, а съ Гуровымъ хотя случайно и познакомился еще въ 1825 г., но „не имѣя съ нимъ никакой короткости, потерялъ его изъ виду“; надобности въ показуемомъ студентѣ не имѣлъ, переписки съ Сунгуровымъ и Гуровымъ не велъ, писалъ же послѣдній къ нему однажды письмо касательно покупки обратно отъ Козлова деревни.

За симъ Гуровъ показавъ, что подсудимый надв. совѣтникъ Козловъ говорилъ у Сунгурова будто Филимоновъ вмѣстѣ съ нимъ, Козловымъ, находился во время происшествія 14 Декабря 1825 года, но оба кое какъ отдѣлались.

Козловъ въ этомъ не признался, а Филимоновъ показавъ, что о принадлежности Козлова къ какимъ либо обществамъ не зналъ, знакомъ съ нимъ по случаю покупки у него, Филимонова, деревни; во время же свиданія ихъ разговоръ иногда касался послѣ происше-

ствія 14 Декабря 1825 г. лицъ въ немъ участвовавшихъ и болѣе или менѣе имъ извѣстныхъ.

При разсмотрѣніи частной переписки Филимонова въ ней не оказалось никакихъ писемъ отъ лицъ, участвующихъ въ Сунгуровскомъ Обществѣ.

26) Къ этому же дѣлу присоединено было въ копіи отношеніе шефа жандармовъ къ Московскому военному генераль-губернатору, что подсудимый Сунгуровъ показаль на отставного поручика Розе—будто онъ въ разговорѣ съ нимъ о польскомъ возмущеніи сказалъ: „это русская штука“ и показаль письмо, на которомъ было написано латинскими буквами имя его, шефа жандармовъ, присовокупляя, что онъ, шефъ жандармовъ, держитъ сторону поляковъ и что возмущеніе ихъ есть дѣйствіе тайныхъ обществъ, существующихъ въ Россіи подъ начальствомъ русскихъ вельможъ. Вслѣдствіе этого были разсмотрѣны бумаги Розе, оказавшіяся вовсе незаслуживающими вниманія. Относительно же упомянутыхъ его рѣчей онъ на допросѣ показаль, что никогда ихъ не говорилъ, почему и былъ освобожденъ изъ подъ ареста и отданъ подъ надзоръ С. Петербургской полиціи.

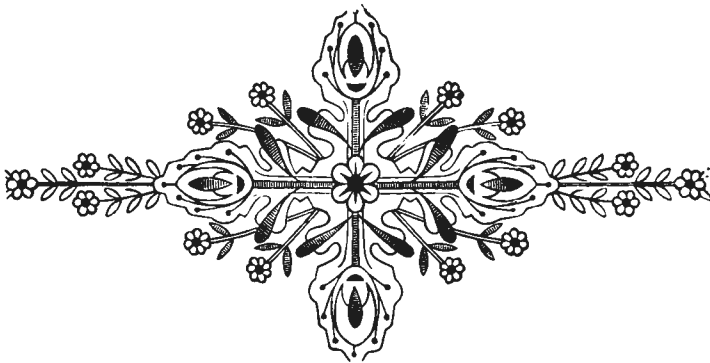
Военный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло постановилъ: подсудимыхъ Сунгурова и Гурова четвертовать, Костенецкаго, Антоновича, Кольрейфа, Кноблоха, Кашевскаго, Барье, Топорнина, Тессина и Пуенсарда—повѣсить, Козлова разстрѣлять, Смоленскаго, Браво, Успенскаго и Сандукелія—предать волѣ Божіей, Гиллеровскаго, Егорова, Никитина, Пандази, Мурра, Люкса, Петрова и Бушара—освободить отъ суда и всякаго подозрѣнія. О дѣйст. ст. совѣт. Филимоновъ никакого постановленія судомъ сдѣлано не было.

Генераль—Аудиторіатъ съ своей стороны полагаль: Сунгурова и Гурова, первого, какъ государственнаго преступника, который прервъ долгъ вѣрноподанической присяги, дерзнулъ приступить къ составленію тайнаго общества съ злобною цѣлью ниспровергнуть государственный порядокъ и ввести въ Россіи Конституцію, второго, какъ лица, содѣйствующаго Сунгурову въ исполненіи преступнаго его предпріятія—сослать въ Сибирь въ каторжныя работы, Студентовъ—Костенецкаго, Кашевскаго, Кольрейфа, Кноблоха—написать рядовыми въ разные отдаленные корпуса. Барье, вмѣня долговременное содержаніе подъ стражей, выдержать еще шесть мѣсяцевъ въ крѣпости въ казематѣ и послѣ отдать подъ особый надзоръ полиціи. Козлова за то,

что по его доносу подверглись преслѣдованію правительства люди, найденные въ послѣдствіи невинными—отправить въ его имѣніе гдѣ жить ему безвыѣздно подъ строгимъ надзоромъ мѣстной полиціи, а предварительно выдержать въ крѣпости въ казематѣ шесть мѣсяцевъ. Прочихъ лицъ всѣхъ отъ суда и взысканія освободить.

На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ генераль—Аудиторіата рукою Императора Николая I-го, 26 Января 1833 г. написано: „быть по сему“.

Сообщилъ Сазоновъ.

ПРО МИНИСТРОВЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ.

Другъ, не вѣрь пустой надеждѣ,
Говорю тебѣ—не вѣрь!
Горемыкали мы прежде,
Горемыкаемъ—теперь!
Графъ Валуевъ горемыкаль,
Мыкаль горе Маковъ цвѣтъ,
Но не долго онъ промыкаль
И увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
Всей Россіей управляя,
Горемыкать Лорисъ сталь;
На чужбинѣ увядая,
Горемыка умеръ тамъ!
Графъ Игнатьевъ изъ-за моря
На Лориса мѣсто сѣлъ,
Повернулся, мыкнулъ горе
И на долго улетѣлъ.
И Игнатьеву на смѣну
Горемыкать сталь Толстой,
Изъ усердья лѣзь на стѣну
И намыкаль ой! ой! ой!
Но Толстой сошелъ въ могилу,
Дурново его смѣнилъ.
Дурно, во! какъ дурно было!
И смѣнили Дурново....
Другъ, не вѣрь пустой надеждѣ, и проч.

Изъ переписки Кристина съ княжною Туркестановой *).

1814-й годъ.

Крестинъ.

Москва, 1 Января 1814 г.

Если наступившій годъ будетъ для Васъ такимъ счастливымъ, какъ я его Вамъ желаю, то, конечно, ничего не будетъ недоставать для полнаго Вашего удовлетворенія. У меня есть нѣсколько человѣкъ, за которыхъ я такъ усердно молюсь Господу, что будь мои молитвы какого-нибудь значенія на небесахъ, люди эти утопали бы въ блаженствѣ. Что Вы во главѣ этихъ лицъ, въ этомъ Вы не можете сомнѣваться; но увы! на дѣйствіе моихъ молитвъ нельзя очень рассчитывать! Ваше письмо отъ 22-го пролежало въ сумгѣ почтальона двое сутокъ, пока онъ справлялъ праздники въ кабакѣ; бѣдняга былъ наказанъ, не смотря на мое заступничество. Но, увидѣвши въ спискѣ полученныхъ на почтѣ писемъ, что два были на мое имя, я вынужденъ былъ заявить, что я ихъ не получилъ, иначе они никогда не дошли бы до меня; конечно, почтальонъ получилъ нагоняй, но я, за это, при первомъ случаѣ дамъ ему хорошо на чай. Возможно ли, что Вамъ показался сухимъ тонъ моего письма отъ 15-го? *Я повинуюсь Вамъ* не было сказано съ сухостию, но съ легкимъ отгѣнкомъ упорства, подразумѣвавшимъ: *но я своего мнѣнія не измѣню!* Это было вѣжливо, прежде всего вѣжливо и больше ничего. Досадовать на Васъ я не могу; у Васъ слишкомъ доброе сердце, чтобъ я могъ себѣ позволить такое дурное чувство и я хочу быть вашимъ другомъ непрестанно. Вы никогда не можете нуждаться въ прощеніи; это несомнѣнно;

*) Переписка Кристина съ кн. Туркестановой была послѣднимъ чтеніемъ Александра II. Доставлена она была ему графиней Софьей Андреевной Бобринской, дочерью гр. Самойловой. За нѣсколько дней до злополучнаго покушенія 1-го Марта Государь читалъ эти письма. П. Б.

но я охотнѣе простилъ бы Васъ десять тысячъ разъ, чѣмъ дуться на Васъ четверть часа. Вы видите, какую я Вамъ предоставлю возможность обижать меня,.... зная, что у Васъ никогда не хватитъ на это духу.

Ахъ! какъ я Васъ жалѣю на Вашей вышгѣ въ такіе холода, какъ были здѣсь. Я понимаю весь ужасъ холодной лѣстницы въ 113 ступеней. Если Вамъ приходится выходить два раза въ день, то это составитъ маленькую пытку ровно 452 степеней. Увы! я въ самомъ дѣлѣ боюсь никогда не быть Вашимъ сосѣдомъ ближе чѣмъ на разстояніе съ Никитской до Коммерческой улицы, да еще еслибъ и это было! Циркуляръ всѣмъ фрейлинамъ, на подобіе разсылаемыхъ Наполеономъ префектамъ, къ чему онъ, спрашиваю Васъ? Въ честь какого же святого эта фантазія собраній? Какъ это займетъ Васъ и увеличить Вашу любовь къ свѣту! Здѣсь, впрочемъ, такъ много покойниковъ, что за тѣхъ людей, которые въ отдаленіи, менѣе беспокоишься.

Въ Понедѣльникъ трое человѣкъ умерло, проболѣвъ 24 часа. Княгиня Горчакова, мать военнаго министра, эта, полагаю, умерла отъ старости; Обуховъ—отъ апоплектического удара, передъ которымъ легко поболѣлъ, а Лаптева отъ самой незначительной простуды. Становится страшно. По поводу страха, я Вамъ расскажу, что случилось съ Вандагомъ. На дняхъ онъ былъ въ одномъ мѣстѣ, которое я не могу Вамъ назвать, но про которое дѣтямъ говорятъ, что туда и царь пѣшкомъ ходитъ; дѣло было вечеромъ, и онъ былъ со свѣчей. Вдругъ, послышался страшный шумъ, и что-то ужасное съ грохотомъ свалилось на голову генералу и потушило свѣчку. Внѣ себя, блѣдный какъ смерть, Вандамъ бросился въ комнату коменданта, въ такомъ беспорядочномъ видѣ, съ какимъ не принято показываться; онъ началъ жаловаться, что ему устроили западню, и требуетъ, чтобъ ему разъяснили, что случилось.

Комендантъ отправляется туда съ часовымъ и двумя лакеями. Оказывается, что виновницей всего шума была несчастная курица, усѣвшаяся подъ крышу сего прелестнаго мѣста и свалившаяся оттуда, ослѣпленная свѣчей генерала, при чемъ она билась и кудахтала. Носпѣшили вернуться къ генералу, чтобъ его успокоить, передавая ему со смѣхомъ о найденной курицѣ, но онъ пришелъ въ такое бѣшенство отъ сожалѣнія о немъ лакеевъ, что велѣлъ принести ему курицу и разорвалъ ее на куски, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ. Происшествіе вполнѣ вѣрное, и Вы можете говорить о немъ, какъ

объ вещи достовѣрной, придавши послѣдній штрихъ этому господину, у котораго, какъ увѣряютъ, на плечѣ есть лилія, быть можетъ вырванная уже имъ изъ сердца *). Англійская газета „Times“, говоритъ, что онъ былъ въ числѣ Марсельскихъ каторжниковъ, прибывшихъ въ Парижъ къ 10-му Августа 1792 г., и что съ этого и пошло его богатство. Это вовсе не мѣшаетъ тому, что здѣсь всѣ добиваются его знакомства, болѣе даже, можетъ быть, чѣмъ искали бы знакомства съ герцогомъ Полиньякомъ, или какимъ другимъ Французомъ въ его родѣ. Такъ-то вѣрно, что богатство, какого бы оно ни было происхожденія, заставляетъ скоро прощать самыя возмутительныя злодѣянія, а бѣдность, подъ конецъ, заставляетъ забыть всѣ дѣйствительныя достоинства человѣка. Вандамъ получилъ 50 тыс. отъ своего банкира; только и говорю, что объ его помѣстьяхъ, замкахъ, и всегда кончаютъ словами, что нельзя же обходиться, какъ съ презрѣннымъ, съ человѣкомъ, у котораго 500 тыс. франковъ дохода!

Всякій разъ, какъ я слышу подобное жалкое разсужденіе, я выхожу изъ себя. Вѣдь это тоже, что восхвалять, даже оправдывать, воровство, убійство и всѣ прочія преступленія, черезъ которыя онъ составилъ себѣ это постыдное богатство, отъ котораго его друзьямъ (такъ какъ они у него есть) слѣдовало бы краснѣть.

Графиня Толстая еще не пріѣхала, но Титовъ у ней въ Троицкомъ, такъ что она больше нашего знаетъ обо всемъ, что тамъ произошло. Она пишетъ мнѣ о немъ такъ кратко, что мнѣ кажется, она не очень-то имъ довольна. „Титовъ провелъ у меня эти три дня; къ половинѣ Января онъ будетъ въ Москвѣ; онъ сообщилъ мнѣ извѣстія о моемъ мужѣ, но они были старыя, такъ какъ мужъ писалъ мнѣ отъ 4-го Ноября“. Вотъ все, что она мнѣ пишетъ о немъ. По ея возвращеніи я не буду ее ни о чемъ больше спрашивать; но признаюсь, мнѣ кажется, что она иначе теперь говоритъ объ этомъ возвращеніи, которое объявляла прежде очень скорымъ, а въ настоящее время оставляетъ не рѣшеннымъ. Сынъ ея поправился, но его удерживаетъ холодъ. Она надѣется вернуться въ началѣ Января и умоляетъ меня продолжать ей писать до новаго извѣщенія. Письмо ея отъ 24-го Декабря. Не видите-ли Вы въ этомъ нѣкоторое противорѣчіе?

Въ числѣ умершихъ я пропустилъ молодаго Тараканова, два мѣсяца тому назадъ женившася на барышнѣ Лобковой. Ее преду-

*) Игра словъ: каторжное клеймо по-французски: fleur de lis, точно такъ же, какъ и эмблема королей Франціи—fleur de lis.

преждали не выходить за него, что онъ чахоточный и скоро умереть; на что она отвѣчала, что предпочитаетъ остаться вдовой, чѣмъ дѣвицей. Если это не эгоизмъ, то какая покорность!

У насъ въ домѣ былъ во Вторникъ большой балъ. Я не могу привыкнуть видѣть домъ такимъ шумнымъ: было 315 человекъ и если бъ комнаты были лучше освѣщены, балъ вышелъ бы прекраснымъ частнымъ баломъ. Къ слѣдующему балу освѣщеніе будетъ увеличено.

Что говорятъ въ Петербургѣ о проэктѣ, выдвигаемомъ Moniteur'омъ относительно возстановленія Папы, коронованія Римскаго короля королемъ Наварскимъ и возвращенія Бурбоновъ въ Испанію? Съ нетерпѣніемъ жду перехода Рейна и какого нибудь большаго дѣйствія мудраго Веллингтона. Миръ съ Даніей объявленъ-ли официально? Даву погибнетъ черезъ это.

Я былъ у Вашей тетушки въ первый день Рождества; она очень сердилась на Пфеллера, не позволившаго ей пойти къ обѣднѣ. Въ Понедѣльникъ я у ней обѣдалъ и нашелъ ее утѣшанной, такъ какъ она была въ церкви. Если я когда буду архіепископомъ Московскимъ, я ей устрою чудную домовую церковь. Я пишу Вамъ урывками, такъ какъ у меня гости; одинъ объявитъ новость, другой ее опровергнетъ, всѣ желаютъ мнѣ счастливаго новаго года, а я готовъ бы имъ отвѣтить: *начните это счастье, оставя меня въ покое*. Дѣло въ томъ, что я вынужденъ кончить мое письмо къ Вамъ; да и нужно сдѣлать нѣсколько обязательныхъ визитовъ. Прощайте, *bonne nuit*. Если при Вашихъ визитахъ въ Понедѣльникъ, или черезъ общество, котораго Вы состоите членомъ, Вы сможете оказать какую нибудь помощь *моей* Софіи, это будетъ дѣйствительно хорошо направленнымъ добрымъ дѣломъ. Она проситъ о вспомоствованіи; это только и могли мнѣ объяснить изъ ея письма; живетъ она у пастора Рейбота, около Анвинской церкви.

Онъ же.

Я не могъ отвѣтить Вамъ со вчерашней почтой и пользуюсь такъ кстати подошедшей безсонницей, чтобъ побесѣдовать съ Вами. Теперь 5 ч. утра; заснулъ я въ 3, а проснулся въ 4 и знаю, что засну только, когда будетъ совсѣмъ свѣтло. Такъ временами бываетъ со мной, и остается только терпѣть. Если мое письмо будетъ глупо, а слоги тяжелы, Вы будете знать къ чему это отнести. Ученые люди,

издавая свои книги, называютъ свои труды *плодами ночныхъ работъ*; по моему подобное выраженіе совершенно невѣрно, такъ какъ я безъ сна теряю способность мыслить. Въ настоящую, напримѣръ, минуту я чувствую себя идіотомъ, и еслибъ я слушался одного моего самолюбія, то бросилъ бы перо и бумагу; но при моемъ образѣ жизни, Богъ знаетъ, когда я еще найду время снова приняться за письмо. Москва стала какимъ то вихремъ, увлекающимъ и меня, хочешь не хочешь. Веселія я не испытываю никакого, но не нахожу отговорокъ, чтобъ не идти вслѣдъ за другими. Главной причиной всей этой суеты, это Собраніе, откуда всегда приходятъ за мной. Вхожу я туда съ лицомъ открытымъ и веселымъ, какъ приличествуетъ мѣсту, а всѣ убѣждены, что меня толпа дѣлаетъ такимъ, и любители оной находятъ меня очень пріятнымъ и заручаются мною на всю недѣлю. А у меня такой скверный характеръ, такъ расположенный къ аккуратности, что если я сказалъ да, это какъ будто я связалъ себя контрактомъ, и я иду на капитуляцію на свою голову.

Не угодно-ли, напр. послѣдовать за мной въ теченіе 48 часовъ. Во Вторникъ, 6-го, былъ большой обѣдъ въ Собраніи, на 50 персонъ, за которымъ, какъ я ни воздержанъ, все же поѣшь больше чѣмъ дома, и гдѣ за разными тостами раздражаешь свою подагру, которой молоко много полезнѣе вина. Обѣдъ продолжается цѣлыхъ два часа, и судите какое удовольствіе сидѣтъ между старикомъ Татищевымъ, мужемъ гн. Гагариной, и какимъ-то голоднымъ незнакомцемъ, не знающимъ даже какъ по-французски хлѣбъ. Послѣ обѣда, 8 роберовъ виста съ великимъ пастельникомъ Калиарши: по брилліанту на каждомъ пальцѣ, облеченъ въ турецкія шали, съ красной ермолкой на головѣ и съ длиннѣйшей черной бородой, которую онъ поминутно гладитъ, чтобъ похвастать блескомъ своихъ колець! Его соотечественникъ Варлаамъ весь въ соболяхъ и пунцовомъ атласѣ, съ сѣдой бородой, но веселаго нрава, и, наконецъ, Булгаковъ, хорошо Вамъ знакомый. По окончаніи этихъ 8-ми роберовъ, я схожу къ себѣ, рассчитывая отдохнуть передъ собраніемъ; но не тутъ то было: эти два Валахскіе боярина рѣшили, что имъ не стоитъ возвращаться домой, а лучше провести время до собранія у меня въ комнатѣ. Какъ четвертаго партнера они привели съ собой какого-то г. Загряжскаго и я опять сыгралъ 8 роберовъ очень тихо, при закрытыхъ дверяхъ, послѣ чего намъ пришли сказать, что всѣ залы уже полны и пора вновь отправляться.

И вотъ я на балѣ, но какъ мои ноги совсѣмъ онѣмѣли отъ такого долгаго сидѣнья за картами, я беру даму и цѣлый часъ прогуливаюсь

съ ней по всѣмъ заламъ: кажется это называется танцовать полонезъ.

Наконецъ, начинаются экосезы, и я присаживаюсь, чтобъ немного поговорить съ моей дамой. Вдругъ, передо мной дама, у которой нѣтъ стула; уступаю ей свой, а самъ продолжаю, стоя, бесѣдовать съ моей сидящей дамой. Какой-то танцоръ, несущійся какъ буря въ бѣшенномъ галопѣ, такъ налетаетъ на меня, что я дѣлаю десять пируэтовъ и, конечно, теряю нить начатой фразы. Въ полночь подають ужинъ, а въ Москвѣ всѣ дамы ужинають, какъ будто съ недѣлю ничего не ѣли. Двѣ дамы просятъ меня сопроводить ихъ къ столу, чтобъ имѣть знакомаго сосѣда за ужиномъ. Сосѣдъ хотя совсѣмъ изнемогаетъ, но исполняетъ ихъ желаніе такъ охотно, что дамы начинаютъ его упрасивать поѣхать послѣ ужина на маскарадъ къ Позднякову. Помилуйте, сударыня! Я тамъ былъ въ Новый Годъ, тамъ такая толпа, такая давка, что я не совѣтую Вамъ туда ѣхать.—Вы говорите, что тамъ толпа?—Да вѣдь это должно быть очень интересно. Поѣдемте же, поѣдемте; Вы только этимъ увеличиваете наше желаніе посмотрѣть маскарадъ. Уже часъ, нужно тотчасъ ѣхать.—Такъ я и попалъ въ маскарадъ, гдѣ ходилъ изъ гостиной въ театръ, изъ партера въ ложи и гдѣ вытерпѣлъ скучнѣйшую болтовню двадцати масокъ. Когда я, наконецъ, по милости Божіей могъ добраться до моей постели, сонъ, не смотря на мое желаніе спать, исчезъ; у меня въ головѣ все Валахи, карты, танцы, маски, и я говорю себѣ: такъ вотъ въ чемъ удовольствіи свѣта! ахъ! какъ бы я предпочелъ имъ сонъ. На другой день, т. е. вчера, я чувствую себя совсѣмъ разбитымъ. А между тѣмъ я общался обѣдать у кн. Барятинскаго; у него всегда опредѣленное число приглашенныхъ и нельзя пропустить его приглашеніе, къ тому же онъ такъ милъ и любезенъ. Выплюсь послѣ обѣда. Какъ же! А концертъ у Апраксиныхъ? Необходимо быть на немъ, разъ я взялъ билетъ и согласился ѣхать туда съ цѣлой кампаніей, которая никогда не проститъ мнѣ, если я ее обману; впрочемъ, концерты меня всегда усыпляютъ, а я нуждаюсь въ наркотическихъ средствахъ. Ёду въ 7 ч. на концертъ, а по окончаніи его, въ 10 ч. вмѣстѣ со всѣми ёду на балъ къ кн. Трубецкой. Балъ очень удачный и кончился онъ ужиномъ на 60 персонъ въ 2 часа ночи.... Остальное Вамъ извѣстно. Иду лечь; письмо кончу, если удастся, передъ званымъ обѣдомъ у кн. Юсупова. Прошу Васъ, помолитесь за меня: есть съ чего умереть, если подобная жизнь продолжится.

Послѣ часоваго отдыха принимаюсь снова за письмо, но о себѣ больше ни слова; пора и честь знать. Я очень посмѣялся надъ Вашей

ночной поѣздкой съ г. Марковымъ и надъ Вашимъ описаніемъ ея, въ которыхъ Вы какъ будто хотите себя оправдать. Отъ меня не ожидайте никогда осужденій: никто болѣе меня не увѣренъ въ томъ, что женщина можетъ бояться только себя самой и что никто, будь то человѣкъ на 40 лѣтъ моложе Маркова, не приступитъ къ ней, иначе какъ съ ея согласія. Какой же мужчина подвергнетъ себя *настоящему* гнѣву женщины? Не дѣйствительная необходимость, а только приличія противъ *tête à tête* овъ въ каретѣ. Что касается г. Дюбура, можетъ онъ и очень любезный человѣкъ, но не особенно хорошо воспитанный, иначе, какъ Вы справедливо замѣчаете, онъ не посмѣлъ бы сдѣлать такой фамильярный комплиментъ, не убѣдившись сперва, что такая короткость допускается. Когда мнѣ было 18 лѣтъ, я воображалъ, что необходимо сказать что нибудь каждой дамѣ. Къ отцу моему пріѣхала дальняя родственница съ своей свѣженькой молоденькой дочерью, которую я еще не зналъ. На другой же день я объявилъ ей при всѣхъ, что нахожу ее прелестной. Барышня покраснѣла, а мать, нисколько не сердясь, сказала моему отцу: „еслибъ я знала, что Вашъ сынъ такъ дурно воспитанъ, я не привезла бы сюда Генріету“. Я совсѣмъ остоленѣлъ и тотчасъ почувствовалъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, все неприличіе моего поведенія, и ужъ за всю мою молодость не повторилъ подобной глупости; но долженъ признаться, что путешествія, вмѣсто того, чтобъ укрѣпить меня въ этомъ отношеніи, напротивъ, испортили меня, такъ какъ чаще встрѣчаются дордой женщины не претендующія на то, чтобъ имъ оказывали уваженіе, чѣмъ требующія онаго. Замѣтите, во всѣхъ столичныхъ городахъ, для иностранцевъ прежде всего открываются дома, хозяйки которыхъ менѣе всего чопорны, а въ лучшее общество они попадаютъ на нѣкоторую короткую ногу только много спустя по ихъ пріѣздѣ. Вашъ Дюбуръ, вѣроятно, встрѣчалъ много княгинь Санта-Кроче и его комплиментъ на счетъ Вашей ноги напомнилъ мнѣ эту Римскую барыню, съ которой начинали знакомство всѣ пріѣзжіе. Мы отправились къ ней съ г. де Калонемъ, который зналъ ее по ея репутаціи. Она приняла насъ во время своего туалета и съ перваго же нашего визита была неудержимо весела. Г. де-Калонъ, чтобъ попасть въ ея тонъ, началъ восхищаться ея прелестями, что по видимому очень ей нравилось и оживляло ее. „Какая у Васъ прелестная ножка!“ говоритъ онъ ей.—Нѣтъ *Вы посмотрите-ка повыше*, отвѣчаетъ ему княгиня, открывая ногу до колѣнъ!—Я при этомъ подумалъ про себя: ну эта княгиня не въ мою скромную кузинучку! Читая Ваше письмо о Дюбурѣ, я и подумалъ, *ужь не прикидываетъ-ли Васъ этотъ болванъ за подобную кн. Санта-Кроче?* Вы совершенно правы, сердясь на Дюбура, но не думайте, что

я стану ему подражать; никто не знает лучше меня, что въ Васъ есть достойнаго похвалы, но никто меньше меня не будетъ Вамъ говорить объ этомъ, такъ какъ скромность Ваша первая добродѣтель и задѣтъ ее, хотя бы и слегка. вѣдь это самому себѣ причинить вредъ. Впрочемъ, мужчинѣ можно и безъ словъ дать понять женщинѣ, что онъ о ней думаетъ; это чувствуется особымъ молчаніемъ, которое выразительнѣе всякаго краснорѣчія.

Говорять, что Титовъ въ Рязани и очень боленъ; надѣюсь, это преувеличено. Семень Ивановичъ пріѣхалъ вчера съ обозомъ и увѣряетъ, что графиня будетъ здѣсь завтра. Значить, я ошибался: тѣмъ лучше.

Вотъ и Рейнъ перейденъ и нашъ Императоръ во Франціи. Вчера весь городъ былъ иллюминированъ; гр. Ростопчинъ выставилъ на своемъ домѣ транспарантъ, гдѣ, подъ именемъ Александра, были слѣдующія слова:

Добродѣтель—его законъ,

Предъ нимъ палъ Наполеонъ.

Теперь самая пора для окончательной кампаніи, и нужно уповать, что Господь поддержитъ насъ до конца!

Мнѣ кажется, я могъ бы Вамъ еще о многомъ написать, но у меня головная боль и, конечно, я знаю чѣмъ она вызвана; а, между тѣмъ, необходимо ѣхать на обѣдъ къ кн. Юсупову. И какимъ же я тамъ буду скучнымъ! Я на Васъ, княжна, потратилъ весь остатокъ моихъ умственныхъ силъ послѣ всѣхъ ужиновъ. Я въ полномъ смыслѣ слова жалкій человѣчекъ, но каковъ я ни на есть, вѣрите моей глубокой преданности. Мнѣ еще нужно написать г-жѣ де Нуазевиль и, чтобъ имѣть на это время, я оставляю Васъ. Кстати, по случаю бала въ собраніи, меня посѣтилъ Вашъ дядюшка. Мнѣ показалось, что онъ не мало удивился моей изящной обстановкѣ, которую нельзя предполагать, глядя на мою фигуру. Но дѣло въ томъ, что изящество вокругъ насъ зависитъ не отъ насъ, а отъ мебели и убранства комнаты, но если-бъ я самъ отдѣлывалъ свое помѣщеніе, оно соотвѣтствовало бы моей фигурѣ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ. 5-е Января 1814 г.

Я еще до вашего письма отъ 25-го знала о вашей исторіи съ кн. Михайломъ; рассказалъ мнѣ ее Марковъ, но я могу Васъ увѣрить,

что онъ менѣе Вашего разстроился этимъ и что подобныя неудачи онъ не принимаетъ близко къ сердцу. Но я понимаю Ваше недовольство, такъ какъ и сама почувствовала бы подобное, такъ справедливо, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ наблюдать за чужими интересами: всегда кажется, что недостаточно соблюлъ ихъ. Я жалѣю, что Руничъ не взялъ этой квартиры; она по близости отъ тетушки, и они могли-бы часто видѣться. Знакомы-ли Вы съ родителями почтдиректора; это мои большіе друзья, чудные люди, а мать совсѣмъ святая. Узнайте мнѣ, въ Москвѣ-ли они и что это за домъ Мясоѣдова, гдѣ они живутъ. Мнѣ хочется это знать опять таки для тетушки. А кстати о ней, знаете-ли Вы, что она Васъ очень любитъ. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ она говоритъ о Васъ: „мой милый *Крстинъ*“, и радуется, что Вы ее часто навѣщаете. Пожалуйста продолжайте посѣщать ее, этимъ Вы и мнѣ дѣлаете пріятное, а тетушка въ свою очередь заслуживаетъ, чтобъ ее любили. При отъѣздѣ царствующей Императрицы, я писала тетушкѣ, что собираюсь этой зимой побывать въ Москвѣ и не назначъ меня на дежурство при себѣ Императрица-мать, я бы тотчасъ и исполнила мое намѣреніе, но теперь невозможно уѣхать послѣ даннаго повелѣнія. Мы уже начали дежурство, и третьяго дня я сопровождала Ея Величество въ больницу и осталась въ восторгѣ отъ ея внутренняго устройства. Она можетъ вмѣстить двѣсти человѣкъ больныхъ, съ чуднымъ за ними уходомъ. Чистота палатъ такая, какъ въ гостиныхъ. Больные пользуются всевозможными удобствами: кресла для выздоравливающихъ; у каждой кровати столигъ и на немъ все, что можетъ понадобиться. Однимъ словомъ, это что-то чудесное, и я высказала Императрицѣ мое впечатлѣніе. Не думаю, что-бы могло существовать что либо подобное въ другомъ мѣстѣ. По оставленіи больницы, заработала моя головушка: я стала думать, какое бы это было счастье удалиться въ какое нибудь помѣстье, устроить тамъ больницу, школу для дѣтей и многое другое, что послужило бы на пользу души и заняло бы умъ! Но увы! мнѣ, не имѣющей ни малѣйшаго клочка земли, нечего и мечтать о чемъ нибудь подобномъ.

Новый годъ я встрѣтила у Гурьевыхъ. У нихъ домовая церковь, гдѣ была служба, послѣ которой мы вернулись въ гостиную, куда пріѣхало нѣсколько человѣкъ. Марковъ пріѣхалъ въ 11 ч. отъ какого-то Хованько, мошенника по профессіи, служившаго въ Интенданствѣ. гдѣ онъ воровалъ во всю. Въ настоящее время, у него огромное состояніе, онъ задаетъ обѣды и ведетъ большую игру. Послѣднее и притягиваетъ нашего старика, который помираетъ со смѣху, рассказывая все, что творится у этого господина, и сознается, что страсть

къ картамъ заставляеть его компрометировать себя, посѣщая подобное общество. Онъ насъ очень позабавилъ разсказами объ этомъ обѣдѣ. Мы расцѣловались съ нимъ отъ всего сердца, и я не могу Вамъ передать до какой степени онъ ко мнѣ благовольт.

Съ прїѣзда князя Бориса, въ домѣ у нихъ что-то не ладно. Мнѣ кажется они не созданы, чтобъ жить подъ одной кровлей. Я его считаю добрякомъ, но только когда онъ одинъ; въ семьѣ же, онъ становится придирчивъ и непрїятенъ. Но тамъ г-жа де Нуазевиль, чтобъ все примирять; но нѣкоторыя уже выходки князя меня порядкомъ удивили! Одно могу сказать положительно, что, за исключеніемъ гр. Толстого, я не видѣла ни одного мужа, что нибудь стоящаго; но гр. Толстой верхъ совершенства.

Знаете-ли Вы, что Титовъ возвращается? Увы! это не подлежитъ сомнѣнію, мнѣ писали объ этомъ сестры. Въ Теплицѣ онъ все время хворалъ и вдругъ ему пришла фантазія вернуться въ Россію. Остерманъ приглашалъ его присоединиться къ нему въ Вѣнѣ, предлагая на весну Италію. И сестра моя, которую онъ обожалъ, также писала ему; онъ никому не отвѣтилъ, и Catherine полагаетъ, что онъ уже уѣхалъ. Я только не могу понять, какъ онъ все это сдѣлалъ необдуманно. Бросилъ-ли онъ службу? Не хочетъ онъ, что-ли, оставаться далѣе при ополченіи. Богъ его знаетъ! Я дрожу при мысли объ его прїѣздѣ. Если онъ оставилъ милицію изъ за неудовольствій съ Толстымъ, это будетъ ужасно: тогда онъ начнетъ одолѣвать насъ своими обычными выходками. Горе ему, если я его услышу: мы разсоримся съ нимъ навсегда.

Я не сообщаю Вамъ никакихъ новостей, потому что Вамъ пишетъ г-жа Нуазевиль. Государь былъ въ Базелѣ; полагаютъ, что въ Женевѣ есть аванпосты и что войдутъ въ Порентруи. Увѣряютъ, что Бонапартъ самъ идетъ противъ Веллингтона. Прокламація Шварценберга хорошо составлена. Вы ее должны были получить съ послѣдней почтой.

Прощайте, будьте здоровы; что холода въ Москвѣ не такъ жестоки? Мы начинаемъ приходить въ себя: сегодня только 13 градусовъ. Три дня тому назадъ чуть не сгорѣла жена Испанскаго посланника г-жа Бардакси. Она стояла около печки и нагнулась, чтобъ поднять что-то, когда ея платье втянуло въ печку, да такъ быстро, что она почувствовала себя всю въ огнѣ, и прежде чѣмъ подоспѣли къ ней на помощь, на ней уже горѣла рубашка. Она страшно теперь страдаетъ, вся въ

ранахъ и можетъ лежать только на одномъ боку. Я послала узнать объ ея состояніи, говорятъ жаръ не такой ужъ сильный.

КРИСТИНЬ.

Москва. Понедѣльникъ 12 Января 1814 г.

У меня буквально только одна минута, чтобъ наскоро сообщить Вамъ, что гр. Толстая пріѣхала. Она здорова, но видъ у ней недовольный, озабоченный; о мужѣ она почти не говоритъ, развѣ только то, что онъ не въ дѣйстви и только по чувству повиновенія ведетъ милицію, и что какія бы ему ни поручили военныя дѣйствія, это ни къ чему, такъ какъ *это только ополченіе, да еще и арьергардное*. О Титовѣ она говоритъ очень мало и совсѣмъ не въ восхищеніи отъ него! А онъ, дѣйствительно, при смерти въ Рязани. Пріѣхали поспѣшно за его братомъ, но графиня, кажется, совсѣмъ не озабочена этимъ. Я подозреваю, что онъ, вѣрно, наговорилъ много лишняго; но воздерживаюсь отъ всякихъ разспросовъ и не буду ни о чемъ спрашивать и впредь. Мы много говорили о Васѣ съ графиней.

Не отвѣчаю теперь на Ваше письмо отъ 5-го, оставляя это до четверга. А я очень жалѣю, что кн. Екатерина отказала Титову пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ; она его почти бы не видѣла, не терпѣла бы никакихъ отъ него безпокойствъ и была бы имъ обезпечена на всю жизнь.

Мнѣ всегда приходится разсуждать подобно скупцу, а между тѣмъ, есть-ли на свѣтѣ человекъ болѣе безкорыстный чѣмъ я? Происходитъ это отъ того, что съ годами я все больше цѣню независимость, а она, увы! пріобрѣтается только деньгами! Мнѣ-же собственно нужны онѣ, чтобъ было только необходимое для существованія, но видитъ Богъ, я не дорожу избыткомъ.

Онъ же.

Москва, 15-ое Января 1814.

Съ послѣдней почтою я Вамъ послалъ коротенькую записку, чтобъ увѣдомить Васъ о пріѣздѣ гр. Толстой и о томъ, какъ произошла, по моимъ догадкамъ, ея встрѣча съ Титовымъ; больше я ничего не знаю; но потому, какъ его болѣзнь мало ее безпокоитъ, полагаю, что она не очень-то имъ довольна. Она ни разу не привела ни одной изъ его фразъ, ни малѣйшаго его слова; она не знаетъ ни одного анекдота

изъ арміи своего мужа. и ничего объ окружающихъ его лицахъ, точно онъ какъ перстъ, одинъ на свѣтѣ. Понятно, что видя ее въ такомъ расположеніи, воздерживаешься отъ всякихъ вопросовъ.

Я хорошо знаю родителей Рунича, видѣвши ихъ въ Нижнемъ; живутъ они недалеко отъ почты, но я не сумѣю Вамъ точно сказать, гдѣ именно домъ Мясоѣдова; во всякомъ случаѣ, это близко отъ Вашей тетушки. Сыновья ихъ тоже очень хорошіе люди; почтамтскій немного самонадѣянъ; онъ вполне увѣренъ и такъ просто говоритъ о томъ, что онъ все изучилъ до корня, поэтому и судить онъ обо всемъ такъ рѣшительно, чѣмъ только вредитъ своимъ сужденіямъ. Но это порокъ молодости; сердце же у него предоброе, что онъ и доказываетъ постоянно. Къ 50-ти годамъ, когда его умъ созрѣетъ, онъ будетъ вполне уважаемымъ человѣкомъ.

Я вѣдь полагаю, что Императрицѣ-матери фрейлины нужны для гостини, а не для посѣщенія больницъ. Я однако увѣренъ, что Вы предпочли это всякимъ баламъ. Подобныя учрежденія были бы дѣйствительно хороши, еслибъ ихъ хватало на каждаго больнаго; но когда знаешь, что туда можно попасть только по протекціи, какъ милость, и что на одного принятаго человѣка, пятидесяти другимъ отказано, это очень охлаждаетъ сердечное удовольствіе, испытываемое при осмотрѣ подобныхъ образцовъ благотворительности. Но удовлетворить всѣхъ больныхъ, этого пожалуй и не достичь никогда. Какъ видно, на это у правительствъ не хватаетъ средствъ, или доброй воли у администраторовъ.

Hôtel-Dieu, въ Парижѣ, громадное зданіе, а я видѣлъ тамъ до четырехъ больныхъ на одной кровати, что, конечно, приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Больница въ Миланѣ тоже одна изъ самыхъ большихъ благотворительныхъ учрежденій, но и въ ней нѣтъ достаточно мѣста для всѣхъ желающихъ туда попасть. То-же самое и въ Римѣ. Всѣ больницы въ Мадридѣ богато обезпечены королями, но къ этому прибавили доходы съ боя быковъ, что приноситъ громадныя суммы; и, не смотря на все это, и въ Мадридѣ нѣтъ достаточно мѣста для всѣхъ больныхъ. Я вывожу изъ всего этого, что самое трудное дѣло достичь удовлетворенія всѣхъ нуждающихся въ леченіи, но говоря такъ, я далеко отъ того, чтобъ осуждать попытки людей, стремящихся къ этой цѣли; самое лучшее самимъ дѣлать возможное, а остальное предоставить промыслу Божьему. Закрытіе всѣхъ монастырей въ католическихъ странахъ всей Европы, для бѣдныхъ потеря незамѣ-

нимая. Множество стариковъ, дѣтей и женщинъ получали тамъ ежедневно пищу. Всѣ средства монастырей поглощены военными нуждами, а разгономъ всѣхъ монаховъ и монахинь думали сдѣлаться болѣе цивилизованными, считая ихъ, по мнѣнію философовъ, учрежденіемъ вреднымъ для народа. Желалъ бы я знать, а что думаютъ эти господа о рекрутскихъ наборахъ, отрывающихъ отъ родного крова, отъ 400 до 500 тысячъ молодыхъ людей, для того, чтобъ ихъ вести на вѣрную смерть? А это результатъ ихъ человѣколюбія.

Радуюсь Вашимъ хорошимъ отношеніямъ съ гр. Марковымъ. Онъ въ состояніи оцѣнить Васъ и хорошо разобрать, а я безконечно благодаренъ тѣмъ, кто видитъ въ Васъ то, что я вижу. И это вовсе не потому, чтобъ мое мнѣніе нуждалось въ поддержкѣ: я останусь при немъ, еслибъ даже было возможно допустить, что никто не замѣчаетъ Васъ; но пріятно видѣть, что воздають должное тѣмъ, кого мы любимъ!

Я отлично зналъ, что кн. Борисъ не отличается любезностью въ семейной обстановкѣ; онъ не созданъ для хорошаго общества; онъ любитъ *свое* общество, а оно немного *subalterne*.

Мнѣ кажется, что М-ше Нуазевиль представляетъ его себѣ въ лучшемъ видѣ чѣмъ тѣ, которые постигли его характеръ и подробности его жизни. Думаю, что денежная часть приводитъ его въ дурное расположение духа, но я не могу жалѣть челоуѣка его званія, который находится въ затрудненіяхъ, сдѣлавшись *главнымъ откупщикомъ*; это такъ недостойно, такъ не соотвѣтствуетъ его имени и даже его большому состоянію, достаточному чтобъ поддержать свое имя, что можно жалѣть только его жену и дѣтей, а никакъ не его, князя Голицына. Какъ это при 13 т. душъ, которые и безъ этихъ мерзкихъ откуповъ приносили бы 200 т. дохода, не устроить себѣ хорошій домъ въ Петербургѣ для семьи и жить прилично, не дѣлая долговъ: это превышаетъ мое пониманіе! И съ такимъ то чудеснымъ состояніемъ ему вдругъ понадобилось запереться на два-три года въ деревню, и вмѣсто того чтобъ воспользоваться такимъ удаленіемъ отъ свѣта, для расплаты съ долгами, ему какъ ребенку, вздумалось купить оркестръ музыкантовъ за 60 т. или свору собакъ за 50.. и содержать цѣлый сераль со всѣми *довѣренными*, необходимыми при немъ. Нѣтъ! это гадко, безразсудно и недостойно. Мнѣ жалка княгиня, у которой по моему только вкусы и потребности ея положенія. Чтѣ тутъ заслуживающаго осужденія въ ея желаніи жить въ городѣ, когда она рождена для этого,

когда у ней дочери, которыхъ нужно пристроить и на все это есть средства. Да если бы княгиня и переѣхала въ Сумы года на два, на три, этимъ не уплатили бы, все равно, ни копѣйки долгу. Быть въ хорошемъ обществѣ на продолжительное время стѣсняеть князя, вѣрьте мнѣ въ этомъ. А къ этому еще, князь съ невѣроятною легкостью поддается вліянію всякихъ дураковъ.

Вы справедливо считаете гр. Толстаго образцовымъ мужемъ; ему подобныхъ мало, и не много женъ такихъ счастливыхъ въ этомъ отношеніи, какъ его жена. Еслибъ ему удалось снова проводить зимы въ Москвѣ, лѣта—въ Троицкомъ, отказаться отъ почестей и пристроить своихъ дочерей, счастье ихъ было бы полное. Евдокія еще выросла и стала очень красивой; Соня умнѣе ея и разсудительнѣе, но я не согласенъ съ ея матерью въ томъ, что она красивѣе своей старшей сестры. Сашу прелестень. Кстати; говорятъ, будто князь Борисъ поссорился съ Минскимъ губернаторомъ и съ полковыми командирами своего ополченія, черезъ что имѣлъ много непріятностей. Если Вы ничего не слышали объ этомъ, пожалуйста, и не говорите ничего, можетъ это неправда, или что нибудь преувеличенное.

Я сдалъ второй этажъ дома въ наймы Бахметеву, а флигель нѣкоей Гурьевой; одинъ флигель еще пустуетъ, но и онъ займется; домъ приноситъ въ настоящее время 13,200, а когда сдастся второй флигель, дойдетъ почти до 15 т. Пока идетъ хорошо, и я очень этимъ доволенъ, такъ какъ я взялъ на себя это дѣло.

Собраніе во вторникъ было очень блестящее; танцовали въ двухъ залахъ, а играли въ пяти или шести комнатахъ; ужинали въ библиотекѣ, т. е. въ комнатѣ предназначаемой на это; когда мнѣ очень жарко, я спускаюсь отдохнуть въ моемъ кабинетѣ, такъ что мнѣ эти вечера въ собраніи очень пріятны. Валахи не приходили ко мнѣ продолжать вистъ, и я провелъ день благоразумно. Въ понедѣльникъ на спектакль у Апраксиныхъ было 620 человекъ; Кокоскинъ, Ильинъ и кн. Долгорукова играли отлично.

Я собирался написать Вамъ еще о многомъ, но мнѣ помѣшали, и я кончаю, чтобъ отвѣтить княгинѣ Голицыной и г-жѣ де Нуазевиль. Прощайте.

Тетушку Вашу я видѣлъ вчера вечеромъ у гр. Толстой.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 12-ое Января 1814 г.

Сегодня утромъ я сдѣлала нѣсколько концевъ, а теперь я должна одѣваться на обѣдъ къ де-Литта, гдѣ празднуютъ именины кн. Юсуповой; Татьяна Голицына тоже именинница сегодня, и я поѣду къ ней вечеромъ, такъ что я не могу писать Вамъ много сегодня, но такъ какъ Вы привыкли получать отъ меня письма каждое воскресенье, я все же пишу, а Вы удовольствуйтесь тѣмъ немногимъ, что я Вамъ сообщу.

Сонѣ Шиллеръ будетъ дано вспомошествованіе; она уже подавала просьбу нашимъ дамамъ, отъ которыхъ и получила немного денегъ, но это не помѣшаетъ ей получить и еще. Я говорила объ ней предсѣдательницѣ и г-жѣ Новосильцевой: обѣ примутъ въ ней участіе. Она не въ моемъ участкѣ, но если я раздобуду карету у кн. Голицыной, я отыщу Вашу protégée у пастора Рейнбота, и воображаю, какъ я ее удивлю моимъ появленіемъ; вѣдь она и не подозреваетъ, что я живу въ Петербургѣ.—Въ настоящее время, у меня другое еще дѣло на рукахъ. Свояченица бывшего оберъ-полицеймейстера, Эртеля, страшно бѣдствуетъ; у ней дочка одиннадцати лѣтъ, прелестная, какъ ангелъ, но которую она не можетъ помѣстить ни въ одно казенное заведеніе, такъ какъ ея мужъ, бывши почтмейстеромъ въ Вольмарѣ, по непростительному легкомыслію, разстратилъ 500 р., что обнаружила ревизія.

Его судили очень строго, но, какъ говорятъ, совершенно по закону, и, какъ иностранца, выслали за предѣлы Россіи. Вотъ это-то несчастное обстоятельство и закрыло для его дочери доступъ въ казенныя заведенія; а мать, получившая сама нѣкоторое воспитаніе, чувствуетъ въ немъ потребность и для дочери. Она была у меня съ ней, и первое что мнѣ пришло на умъ, при видѣ прелестнаго личика дѣвочки, это было взять ее къ себѣ. Но какая отвѣтственность! Но моя кочевая жизнь! Но гнѣвный взглядъ горничной, управляющей мною желѣзнымъ скипетромъ, и взглядъ которой какъ будто говоритъ мнѣ: довольно съ насъ и одной, порядкомъ мнѣ надоѣдающей! Все это остановило меня. Я общала подыскать не очень дорогой пансіонъ, и тотчасъ же примусь за это. Когда найду подходящій, устрою складчину, чтобъ помѣстить туда Луизу Эртель. Собираюсь написать объ этомъ дочери Маркова. Съ трехъ, четырехъ человѣкъ можно собрать 400 р. Вотъ чѣмъ я озабочена послѣдніе дни. Съ Божіею помощью дѣло устроится.

Когда я Вамъ писала о возвращеніи Титова въ Россію, Вы уже извѣщали меня объ его пріѣздѣ въ Троицкое. Я очень рада, что онъ началъ съ этого, такъ какъ это произведетъ хорошее впечатлѣніе въ обществѣ; но, между нами сказать, онъ не иначе вернется, какъ отъ неудовольствій. Если онъ въ Москвѣ, я бы желала, чтобъ онъ тамъ и оставался; не знаю почему, но мнѣ не хочется его присутствія здѣсь. До смерти боюсь его пустыхъ упрековъ. Съ меня довольно сдачи Дрездена, чтобъ обойтись безъ новаго вздора. Ахъ, Ты Господи! да удержите его въ Москвѣ, если это возможно.

Вашимъ разговоромъ о Вандамѣ я угостила гр. Строганову и ея гостей, обѣдая у ней въ среду. Сначала всѣмъ показалось все это приключеніе очень забавнымъ, но трагическій конецъ курицы измѣнилъ настроеніе. „Это чисто по Вандамовски“, вскричали всѣ. Долго-ли будетъ у Васъ эта жалкая личность? Развѣ нельзя его выпроводить куда нибудь подальше? Продолжаетъ-ли онъ бывать у Корсаковой? Москва и большая часть ея обитателей, скажу Вамъ, отвратительны въ этомъ отношеніи. Здѣсь тоже принимаютъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, но, за исключеніемъ жены кн. Михаила, всѣ прочіе чувствуютъ какую-то неловкость, выставляя причины, заставляющія ихъ принимать того или другого изъ этихъ господъ.—Я провела одинъ вечеръ съ Дюбуромъ въ уголочкѣ большой гостиной кн. Голицыной. Было очень много гостей въ этотъ день, и я пріѣхала у камина, куда и онъ прішелъ. Въ этотъ разъ онъ не касался ни рукъ, ни ногъ, и мнѣ было пріятно разговаривать съ нимъ.

Бѣдняга живетъ иллюзіями, но у меня не хватило духу отнять ихъ у него, при его положеніи! Я слушала его съ большимъ интересомъ, и менѣ чѣмъ въ часъ времени г-нъ Дюбуръ возстановилъ Людовика XVIII, казнилъ Бонапарта и очистилъ Европу отъ всѣхъ королей, которыхъ онъ создалъ. Случись тутъ, въ этотъ же вечеръ, г-нъ Мельвиль и любезнѣйшій Крестинъ, часы не пробили бы еще полночи, какъ дѣло казалось бы совсѣмъ уже оконченнымъ. А пока, что скажетъ любезный Крестинъ о нашемъ соглашеніи съ Мюратомъ? Дѣло рѣшенное; самъ Государь писалъ объ этомъ, прибавляя, что сдѣлалось это противъ его воли! Значить, Австрія вмѣшалась тутъ, забывая при этомъ, что Неаполитанскимъ королемъ можетъ быть только супругъ королевы Обѣихъ Сицилій, внучатной тетки и тещи Австрійскаго Императора! Однимъ словомъ ея права, какъ видно, не хотятъ поддерживать. и не долго думая, примиряются съ нарушеніемъ законныхъ правъ. Что до меня, я никогда не стала бы договариваться съ Мюратомъ, и

изъ за 40 тыс. человекъ, которые онъ общаетъ, и которыхъ у него можетъ и не будетъ, я не рѣшилась бы запятнать священный и правый союзъ, какимъ былъ по сіе время союзъ трехъ государей. Лордъ Каслри отправился въ главную квартиру, но неизвѣстно съ какою цѣлью. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ курьера. Онъ долженъ привезти интересныя извѣстія; вѣроятно уже вступили во Францію.

Прощайте; я ужъ ничего не вижу. Если что узнаю въ теченіе дня, то припишу словечко завтра утромъ.

Р. S. Прибылъ курьеръ отъ 23-го Декабря. Нашъ Императоръ былъ еще въ Фрейбургѣ, но собирался въ Базель. Фортъ-Луи *) взятъ, а въ Женевѣ отбито 108 пушекъ. Во Франціи всѣ въ движеніи; изъ провинцій переселяются въ Парижъ, гдѣ, какъ увѣряютъ, начинаютъ уже тоже смущаться. Бонапартъ, чтобъ успокоить народъ, посѣщаетъ театры и часто показывается на улицахъ. Онъ снова говорилъ рѣчь законодательному корпусу, приписывая свои неудачи измѣнѣ всѣхъ своихъ союзниковъ и приводилъ на память свои прежнія побѣды, которымъ вся Европа удивлялась.

M-me de Нуазевиль скажетъ Вамъ обо всемъ прочемъ, такъ какъ она будетъ писать Вамъ. Она рассказала мнѣ исторію Вашей маски; это очень мило и остроумно. Если я когда либо поѣду въ маскарадъ, я поступлю совершенно такъ же. Прощайте.

Крестинъ.

Москва. 22-го Января 1814.

Начну съ благодарности за Соню Шиллеръ, которая подумаетъ, что сами ангелы заботятся о ней, когда увидитъ Васъ у своего пастора; да она и не ошибется въ этомъ. Что касается до племянницы Эртеля, если онъ, при своемъ богатствѣ о ней не заботится, то Вамъ, я увѣренъ, удастся набрать у друзей тѣ 400 или 500 р., которые нужны для платы за ея ученіе. Какъ не устроиться такому доброму дѣлу. Отлично сдѣлали, обратившись къ дочери Маркова; она предобрая и навѣрное выпроситъ у отца *одинъ процентъ съ восьми* въ бостонѣ; это самая малость изъ того, что онъ можетъ сдѣлать и, конечно, онъ не откажетъ ей въ этомъ. Сообщите мнѣ результатъ этого добраго

*) Небольшая крѣпость около Страсбурга, на Нижнемъ Рейнѣ, первоначально воздвигнутая Вобаномъ.

дѣла и какая въ немъ доля Варвары! Мнѣ такъ сдѣлалось смѣшно отъ гнѣвнаго взора Вашей горничной, испугавшейся, какъ-бы Вы не взяли еще другую воспитанницу! У меня былъ лакей, подобный ей, удерживавшій меня въ такихъ же случаяхъ, но я кончилъ тѣмъ, что выпроводилъ его, чтобы поступать, какъ мнѣ хочется. Но, конечно, можно было призадуматься объ отвѣтственности, которую Вы на себя брали, и которую пришлось бы довести до конца, т. е. выдать замужъ Вашу воспитанницу, или дожидаться, что она сама выйдетъ и, какъ это часто случается, выйдетъ неудачно.

Повсюду спрашиваю о Титовѣ; никто ничего объ немъ не знаетъ. Рязань не на краю свѣта, и въ случаѣ, что онъ умеръ, объ этомъ стало бы извѣстно. Я, по одинаковымъ съ Вами причинамъ, боюсь его присутствія въ Москвѣ. Графиня сердита, это ясно; она до сихъ поръ живетъ въ комнатѣ дочерей, что мнѣ мѣшаетъ оставаться у ней по уходѣ гостей, какъ ей это хотѣлось бы, для того, что-бы я ей откровенно высказался на счетъ многоаго; а развѣ мнѣ мыслимо говорить при Евдокии, которая на другой же день разболтала бы все Пушкиной, или какой другой изъ своихъ пріятельницъ, что дало бы поводъ къ сплетнямъ. Меня это стѣсняетъ, признаюсъ Вамъ, и пока графиня не перейдетъ на свою половину, я буду у ней, какъ бы при гостяхъ. У ней привычка постоянно разспрашивать, а я отвѣчаю тогда только, когда знаю, что это не пойдетъ дальше. Она, какъ кажется, считаетъ своихъ дочерей осторожными, но кто же, Господи, остороженъ въ 16—17 лѣтъ? Къ тому же всѣ ея вопросы дѣлаются изъ любопытства, не приправленнаго довѣрjemъ, и мы съ ней расходимся во многихъ существенныхъ пунктахъ, гдѣ я не могу уступить. Такъ, напр., она что-то имѣетъ противъ М-me de Нуазевиль, а я не могу ей простить этого. Она признаетъ за ней умъ; какъ будто все дѣло въ одномъ умѣ, и за эту уступку графиня хочетъ, чтобы я согласился съ ней, что М-me de Нуазевиль увлекаетъ княженъ на неосмотрительные поступки. Я же по совѣсти убѣжденъ въ противномъ и буду отстаивать это противъ всѣхъ. Впрочемъ, что мнѣ и графинѣ до дѣлъ кн. Голицыной и М-me de Нуазевиль, которая была бы совершенствомъ, еслибы проводила всѣ вечера въ гостиной гр. Толстой. Вѣдь графинѣ она не нравится только, пока она въ Петербургѣ. Повторяю, графиня въ досадѣ, въ сильной досадѣ. Надѣюсь, что это пройдетъ, потому что я еще не чувствую себя у ней твердо, по прежнему. Конечно, все это между нами.

Вандама уже нѣтъ въ Москвѣ; онъ мчится на почтовыхъ по Сибирской дорогѣ, по повелѣнію самого Государя, выразившаго при

этомъ свое неудовольствіе, что Вандамъ былъ принять здѣсь въ обществѣ. Досталось и Волкову, который всюду его вводилъ, а теща его будетъ теперь скучать, лишившись такого пріятнаго собесѣдника. Нужна осторожность въ манерѣ, какъ себя держать съ плѣнными, и всего было бы лучше не видѣть ихъ вовсе. Нужно помнить при этомъ, что настоящая война не была обыкновенной войной между двумя цивилизованными народами: это просто разбойники, приведенные другимъ разбойникомъ на грабежъ и расхищеніе, и ихъ можно считать товарищами новаго Пугачева. Нужды нѣтъ, что между ними громкія фамиліи; тѣмъ больше преступны тѣ, которые, принадлежа къ такимъ, забыли свой долгъ передъ предками и законными государями и предались этому гнусному губернатору. Онъ по всѣмъ вѣроятіямъ погибнетъ, какъ послѣдній каторжникъ.

Конечно, трактатъ съ Мюратомъ менѣе почетенъ, чѣмъ политиченъ; но если онъ можетъ послужить для уничтоженія чудовища, поступаютъ хорошо, заключивъ его. Въ концѣ концовъ, и Мюрату не избѣгнуть заслуженной судьбы за одно съ его шуриномъ. Я увѣренъ въ реакціи, которая cadaго изъ этихъ господъ водворитъ на ихъ мѣста, волей или неволей. Рѣчь Наполеона въ законодательномъ корпусѣ похожа на лебединую пѣснь; ему хочется, чтобъ его считали Титомъ или Маркомъ-Авреліемъ, тогда какъ онъ только *Неронъ въ смятеніи*, тщасійся продлить нѣсколькими минутами свое жалкое существованіе. Вы видите, что союзники нигдѣ не встрѣчаютъ сопротивленій, и что послѣдній наборъ не такъ-то легко дѣлается, какъ этого опасались.

Въ Швейцаріи контръ-революція совершилась. Лагарпа это должно было привести въ бѣшенство. Ферье, Бува и старикъ Орнонъ плакали отъ радости, прочитавши въ посланной имъ мною газетѣ, что Женева взята безъ кровопролитія.

Хотите Вы знать, кто была моя маска въ день новаго года? Я Вамъ шепну это: это была наша *doyenne*, давно прозванная Царь-Дѣвица, однимъ словомъ, M-elle Самарина. Можете-ли Вы это понять, что она, въ ея годы, продолжаетъ маскироваться, не подвинувшись нисколько въ искусствѣ интриговать. Не выдавайте ее, пожалуйста; нужно же ей оставить хоть это маленькое удовольствіе, за неимѣніемъ у ней никакихъ другихъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ. 18-е Января 1814 г.

Я получила Ваше письмо отъ 8-го числа, а сегодня и Вашу записочку отъ 12-го; благодарю Васъ за то и другое. Содержание

Вашего письма прелестно: такой любезной бессонницы никто, я думаю и не видывалъ. Исторія Вашихъ 48-ми часовъ такъ и просится въ сборникъ избранныхъ писемъ, а такъ какъ я кокетничаю Вашимъ умомъ на подобіе какой нибудь матери, у которой есть красивая дочь, я не преминула похвастать имъ и угостила гр. Строганову Вашимъ описаніемъ этихъ двухъ сутокъ. Ее очень позабавили оба Валаха, навязавшіеся къ Вамъ на цѣлый день, а также и балъ въ собраніи и, какъ финаль,—маскарадъ. Всѣ очень посмѣялись всему этому. Я же очень пожалѣла Васъ; вѣдь, какъ ни взять, работа была не изъ легкихъ! Но я очень хорошо понимаю, какъ Вы дали себя увлечь: это такъ естественно, когда человѣкъ по натурѣ своей обязателенъ. Я уже потеряла это достоинство, и безъ всякихъ церемоній отстаиваю свои вкусы, и какъ ни упрашивала меня кн. Голицына быть на ея балѣ въ пятницу, я выдержала и на отрѣзъ отказалась. Точно такъ же поступила я съ *Princesse Woldemar*, праздновавшей свои именины большимъ вечеромъ. Страхъ встрѣтить тамъ весь городъ заставилъ меня пренебречь всякими приличіями и ограничиться письменнымъ поздравленіемъ; и я просидѣла весь вечеръ у себя въ уголкѣ. Встрѣтивши ее сегодня за обѣдней у Голицыныхъ, я обмерла со страху, но получила милостивое отпущеніе, такъ какъ она знаетъ, какъ я охотно бываю у нея, когда она одна, что я и доказываю, бывая у нея не менѣе одного раза въ недѣлю. Нѣтъ, милостивый государь, съ меня довольно свѣта. Я не переносу уже болѣе гостинныхъ, освѣщенія, музыки, гуалетовъ! Я устаю подъ часъ отъ 5—6 человѣкъ. Судите же, что бы это было отъ ста! По службѣ я должна являться при Дворѣ, безъ чего ноги моей не было-бы тамъ. Вотъ уже три дня, какъ я въ скверномъ расположеніи: какая-то грусть, на сердцѣ тяжело и все бы я плакала; отчасти, это отъ нервовъ, но мнѣ сдается, что этимъ я и кончу мою жизнь, и, умирая, буду чувствовать то же, что теперь. Я не знаю, какъ назвать такое состояніе: это не болѣзнь, не какое нибудь недомоганіе! Не вздумайте уже оплакивать меня; я можетъ быть еще долго проживу, а главное, не говорите обо всемъ этомъ никому. Если Вы скажете гр. Толстой, что получили отъ меня письмо, она можетъ попросить Васъ показать ей его, и Вамъ будетъ трудно отказать ей въ этомъ; поэтому я предпочитаю, чтобъ Вы вовсе не говорили ей о немъ. Къ четвергу мнѣ будетъ лучше, и тогда я ей непременно напишу. У меня предчувствіе, что Титовъ умретъ; съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что онъ боленъ, я перебираю въ памяти все, о чемъ мы съ нимъ говорили въ послѣдній разъ, что видѣлись. Намъ часто приходилось разставаться, но я никогда не видѣла его такимъ грустнымъ, какъ при послѣднемъ его отъѣздѣ изъ Петербурга.

Онъ прямо отъ меня пустился въ путь, и я не могу забыть его послѣднихъ словъ, его послѣдняго взгляда. Право, мнѣ кажется, что я его уже никогда не увижу. Мнѣ будетъ тяжело, если окажется, что онъ заслужилъ неудовольствіе гр. Толстой, которую онъ такъ сильно любилъ! Вы знаете, какъ онъ былъ привязанъ къ ея мужу, и какъ будетъ ужасно, если это измѣнилось: но увы! столько на свѣтѣ мѣняется!

Сегодня у Голицына была чудная проповѣдь, сказанная замѣчательно краснорѣчивымъ архимандритомъ Филаретомъ. Слушателей было много, и всѣ разошлись растроганными до глубины души. Гр. Бутурлинъ перевелъ уже нѣсколько изъ его проповѣдей; но Французскій языкъ такъ слабъ въ сравненіи съ величественно умиленнымъ Славянскимъ текстомъ! Сегодняшняя проповѣдь была о покаяніи и началась словами: „*гласъ вопіющаго въ пустыни*“. Предметъ былъ хорошо разъясненъ, прослѣдованъ, а конецъ былъ удивительный, какъ что-то новое, такъ какъ Филаретъ закончилъ свое слово вопросомъ, какъ бы вызывавшимъ во всѣхъ слушателяхъ чистосердечный отвѣтъ.

Кстати, о проповѣдяхъ: какъ только наступить постъ, я примусь за Вашего Бурдалу.—Сегодня утромъ прибылъ курьеръ, все еще изъ Лераха. Берлинская газета сообщаетъ коварную рѣчь Фонтана въ Сенатѣ и рѣчь Ласепада съ отвѣтомъ на нее Наполеона, въ которомъ онъ прямо говоритъ, что теперь ужъ не до возврата прежнихъ владѣній, когда нужно прежде всего очистить Французскую территорію отъ занявшихъ ее иноплемениковъ. Онъ призываетъ провинціи на помощь своей семьи т. е. *Французскаго народа*, такъ какъ Брабантъ, Эльзасъ, Франшъ-Конте и Беарнъ уже прорваны. Онъ какъ будто сознается въ своихъ ошибкахъ, но смущаетъ душу, напирая на поведение союзниковъ, противорѣчащее съ проповѣдываемой ими *умиренностью*. Однимъ словомъ, дѣла его плохи. Но я все же повторяю: не нужно Людовика XVIII. Бонапартъ заключить миръ, конечно невыгодный для него миръ, но онъ согласится на него, и миръ будетъ заключенъ ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ нимъ. Давайте держать пари!

M-me de Нуазевиль напишетъ Вамъ подробнѣе обо всемъ, что я пишу, такъ какъ она прочтетъ сегодня вечеромъ у Бутурлина всѣ прокламаціи; она повезла къ нему Дюбура и Латуръ-д'Овернья.—То, что Вы мнѣ пишете о Вашей кузинѣ, какъ противоположность Санта-Кроче, прелестно. Бретонецъ мой, признаюсь, немного провинціалъ, но

я имъ теперь больше довольна; онъ пересталъ дѣлать комплименты, забылъ мои руки и ноги и этимъ пріобрѣлъ мои уши, такъ что я слушаю всѣ мечты его воображенія, и слушаю, какъ нельзя болѣе любезно.

Онъ честный человѣкъ и не виноватъ въ томъ, что ему не дали лучшаго воспитанія. Но я довольна тѣмъ, что Вы меня поняли на счетъ его глупаго комплимента, такъ меня поразившаго. Пора мнѣ и ко сну: я пишу Вамъ въ часъ ночи, такъ что могла бы выставить 19-ое число. Тетушка продолжаетъ писать мнѣ самыя любезныя о Васъ вещи. На маскарадѣ у Позднякова Вы оказали какія то услуги ея племянникамъ, молодымъ кн. Черкасскимъ, очень Вамъ за это благодарнымъ, а тетушка также приняла это къ сердцу. Если почувствую себя лучше завтра, можетъ напишу гр. Толстой.

КРИСТИНЪ.

Москва. 29 Января 1814.

Будьте спокойны, я Вашихъ писемъ не ношу къ гр. Толстой, а когда она спрашиваетъ, писали ли Вы мнѣ, я отвѣчаю да или нѣтъ, смотря по тому, какъ оно есть и передаю ей изъ нихъ только то, что считаю возможнымъ, такъ напр. Ваши похвалы гр. Толстому, какъ мужу, чѣмъ она была очень польщена:

Я кажется, писалъ уже Вамъ, что нахожу графиню слишкомъ много выпрашивающей и не согласную со мной въ нѣкоторыхъ вещахъ, о которыхъ я и избѣгаю говорить. А когда она снова заводитъ о нихъ рѣчь, сильно налегая, я начинаю рѣже бывать у ней. Она догадывается, чтò тому причиной, и въ слѣдующее мое посѣщеніе все сходитъ прекрасно. Она хорошій человѣкъ, но увы! какъ и каждый, имѣетъ свои слабости и несетъ на себѣ печать жалкаго человеческого естества.

Послѣ долгаго молчанія, гр. Толстой написалъ своей женѣ; онъ подъ Гамбургомъ и мнѣ сдается, что онъ очень тяготится своимъ положеніемъ. Но вѣдь нужно же кому нибудь быть въ арьергардѣ! А если ему удастся захватить Даву съ его 20 тыс. разбойниковъ, добыча будетъ важная. У меня было одинаковое съ Вами предчувствіе на счетъ болѣзни Титова, котораго я считалъ приговореннымъ. Слава Богу! мы ошибались: онъ поправляется и хотя выздоровленіе будетъ медленное, но опасность прошла. По всему видно, что онъ дурно разстался съ гр. Толстымъ, но Вы увидите, что по ихъ возвращеніи

графиня все это уладить и что все будетъ скрыто отъ общества, что очень желательно. Она мнѣ прочла письмо своего мужа, и все что онъ пишетъ, можно вывѣсить на улицахъ; за исключеніемъ Алексѣя онъ никого не называетъ изъ окружающихъ его.

Прежняя дерзость Бонапарта менѣ возмущала меня, чѣмъ низость его рѣчи къ Сенату. Сперва онъ вселялъ во мнѣ отвращеніе, теперь я глубоко презираю его. Онъ напоминаетъ преступниковъ, которые дерзки до произнесенія надъ ними приговора и плачутъ, идя на казнь. Не могу допустить, чтобъ миръ былъ заключенъ съ этимъ обнаруженнымъ извергомъ. Чтобъ заслужить прощеніе Франціи, Европы и потомства, его соучастники должны безъ промедленій уничтожить его. Есть еще и другое, почему нельзя заключать съ нимъ мира: вѣдь оставляя его царствовать, этимъ обмануть надежды всѣхъ народовъ, когда такъ легко теперь вычеркнуть его изъ числа государей, которые не жалѣли усилий и жертвъ, чтобы свергнуть иго этого тирана. Увѣряютъ, что его братъ Іосифъ отрекся, и я жду, что онъ послѣдуетъ его примѣру, не сумѣя умереть на тронѣ и предпочитая послѣдовать примѣру короля Θεодора, умершаго въ госпиталѣ, въ Лондонѣ.—А я вѣроятно умру въ *Quinze—Vingts* *), если мои глаза не поправятся скоро. Они у меня, вотъ уже 5 дней, какъ опухли, воспалены, слезаются и слезятся, что очень скучно, такъ какъ мнѣ запрещаютъ читать и писать. Но я не очень-то повинуюсь въ этомъ моему главному доктору. Развѣ можно обойтись безъ книгъ и перьевъ. Когда я былъ лишенъ этого въ продолженіе 18 мѣсяцевъ, сидя въ одиночномъ заключеніи по милости этого милаго Бонапарта, я былъ близокъ къ сумасшествію; и въ какое еще время сидѣлъ я: во время дѣла Моро, убійства герцога Ангіенскаго и Пишегрю, въ это ужасное для воспоминаній время!

И такъ—идеть, княжна, я согласенъ на предлагаемое Вами пари на счетъ Бурбоновъ; т. е. я бьюсь объ закладъ, что Бурбоны будутъ снова призваны на тронъ, какимъ бы то ни было способомъ. Если выиграю я, Вы мнѣ вышлете портфель—золотыя лиліи по чудесному бѣлому атласу; если же я проиграю, я Вамъ поднесу такія же лиліи, но бѣлыя и на черномъ крепѣ. Но Вы увидите, что Вы проиграете!—Простите за краткость моего письма; еслибъ я могъ кому диктовать, я написалъ бы Вамъ цѣлыя тетради, потому что сегодня время у

*) Больница, основанная въ Парижѣ Людовикомъ Святымъ, для 300 дворянъ, которымъ Сарацины выкололи глаза.

меня есть, но глаза не служатъ. Въ общемъ здоровье мое хорошо, только все же сказывается наступающая старость, со всѣми ея прелестями. Пусть пожалуетъ; вѣдь у меня есть средство избѣгнуть ея: умереть, вотъ это средство.

Мнѣ страшно хочется пойти поблагодарить Вашу тетушку за все, что она Вамъ обо мнѣ пишетъ, но меня не выпускають, пока не поправятся глаза; но я подымусь все же къ Бахметеву: это нельзя считать за выѣздъ.

Знакомы-ли Вы съ нимъ? У него одна женская прислуга; за столомъ не видно ни одинаго лакея. Въ Россіи это кажется страннымъ, но такъ какъ въ Швейцаріи у всѣхъ такъ принято, то меня это и не удивляетъ. Говорятъ, что эти дѣвушки (ихъ 12) были красивы десять лѣтъ тому назадъ; но въ настоящее время онѣ посостарились. Одна изъ нихъ съ большими усами; можетъ они у ней оттого, что она исполняетъ мужскую должность.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 26-ое Января 1814 г.

Я чувствую себя сегодня лучше, чѣмъ недѣлю тому назадъ и нервы мои поуспокоились. Утромъ я выѣзжала, а теперь пользуюсь свободнымъ до обѣда часикомъ, чтобъ написать Вамъ нѣсколько словъ. Одновременно съ Вашимъ письмомъ отъ 15 получила отъ гр. Толстой что-то въ родѣ записочки. Она очень груститъ, жалуется, что два мѣсяца не получаетъ никакихъ извѣстій и злѣйшему своему врагу не пожелаетъ быть въ ея настоящемъ положеніи.

Я вполне понимаю и сочувствую ей, но къ сожалѣнію, ничего не могу ей сообщить объ ея мужѣ; объ немъ ничего не слышно, точно будто онъ не въ Германіи на войнѣ, а въ Америкѣ. Объ Титовѣ графиня не обмолвилась ни единымъ словомъ, изъ чего я вижу, что ихъ свиданіе если не было бурнымъ, то все же не изъ пріятныхъ. Я не перестаю сокрушаться объ этомъ миломъ человѣкѣ. Его можетъ не было въ живыхъ, когда я Вамъ писала, что не желаю его видѣть въ Петербургѣ. Увѣряю Васъ, что его кончина очень огорчить меня; онъ былъ очень ко мнѣ привязанъ и я его тоже любила, и не отъ меня зависѣло, чтобъ онъ сдѣлался моимъ зятемъ. Съ нетерпѣніемъ жду писемъ отъ 19-го; можетъ узнаю изъ нихъ объ немъ. Передала-ли Вамъ M-elle Бридель мое порученіе? Я все забывала спросить у Васъ

объ этомъ. Вотъ въ чемъ дѣло: Вы знаете аббата Малерба, пожалуйста поговорите ему о моей старой гувернанткѣ, г-жѣ Еверсъ, живущей во дворѣ католической церкви; попросите, ради Бога, чтобъ не стали ее беспокоить на счетъ ея квартиры, чтобъ не придирались къ ней. Я знаю, что и съ аббатомъ будетъ тоже, что со всякимъ человѣкомъ, поступающимъ на должность: онъ раздѣлитъ съ прочимъ смертнымъ страсть къ нововведеніямъ. Наблюдайте же, пожалуйста, чтобъ при перемѣнахъ, могущихъ произойти въ управленіи церкви, моихъ Еверсъ оставили бы въ ихъ квартирѣ. Я буду Вамъ очень благодарна за малѣйшія Ваши хлопоты по этому дѣлу.

Всѣ новости, привезенныя курьеромъ, отправленнымъ изъ Монбеліара 5-го, Вамъ извѣстны; наши аванпосты въ Труа, что очень близко отъ Парижа. Вѣдь кажется, Господи, такъ легко идти до этой столицы, а между тѣмъ.....! Тѣмъ временемъ здѣсь несутъ всякій вздоръ: одни говорятъ, что Бонапартъ арестованъ Сенатомъ, другіе, — что онъ бѣжалъ въ Америку, а нѣкоторые утверждаютъ что Людовика XVIII просили пожаловать въ главную квартиру. Я ничему изъ этого не вѣрю, но дѣло зашло такъ далеко, что нужно ожидать какого нибудь рѣшенія.

Вы чудесно устраиваете дѣла гр. Маркова, и домъ его, приносящій 15 т. дохода, стоитъ имѣнія. Онъ долженъ быть Вамъ очень благодаренъ. Я его видѣла третьяго дня, но мы объ этомъ не говорили: онъ сидѣлъ въ одномъ уголкѣ за шахматами съ герцогомъ Полиньякомъ, а я, какъ Золушка, въ другомъ, у камина, большую часть времени одна, съ моей работой и съ мыслями. За минуту передъ ужиномъ я присѣла къ нему, онъ предложилъ подвезти меня домой и мы храбро отправились вмѣстѣ.

Въ Петербургѣ, съ новаго года не перестаютъ танцовать, точно будго укушенные тарантуломъ; балы ежедневно; на этой недѣлѣ будетъ что-то особенное, повсюду будутъ Бицы. Въ пятницу балъ у кн. Голицыной по случаю дня рожденія Татьяны, которая затмитъ своимъ появленіемъ всѣхъ здѣшнихъ красавицъ. Я, какъ не танцующая больше, отправлюсь на болѣе спокойный вечеръ къ Гурьевой, а можетъ къ леди Саррѣ Литльтонъ, которая не любитъ засиживаться до глубокой ночи и можетъ быть проводить вечеръ дома. Но знаете-ли Вы эту даму! Говорила-ли я Вамъ о ней; мнѣ кажется, что я называла уже. Во всякомъ случаѣ, Вы ее увидите въ Москвѣ и найдете ее очень пріятной. какъ и ея мужа, вполне порядочнаго человѣка. Оба они

люди хорошаго тона. Прощайте, будьте здоровы, веселитесь, если можете и потрудитесь послать это письмо къ тетускѣ, сердцемъ которой Вы вполнѣ овладѣли.

КРИСТИНЬ.

Москва, Понедѣльникъ 2-ое Февраля 1814 г.

Я только вчера, возвратившись домой очень поздно, получилъ свои письма и въ ихъ числѣ Ваше, отъ 26-го. Я Вамъ отвѣчаю по четвергамъ, но мнѣ необходимо поговорить съ Вами, какъ съ чело-вѣкомъ, который лучше всякаго пойметъ мое огорченіе.

Я Вамъ писалъ, что графиня въ дурномъ расположеніи духа, что перешло отчасти и на меня. 25-го она получила письмо отъ своего мужа, очень ее облегчившее и послѣ котораго она въ продолженіе 3 дней была, какъ прежде бывала. Въ среду 28-го, въ день рожденія Сашу, которому минуло 13 лѣтъ, ему за обѣдней сдѣлалось дурно, а на пятый день, у него открылась сильная горячка, смущающая даже доктора и приведшая бѣдную мать въ ужасное состояніе. Она не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ; ей кажется, что ея любимое дитя будетъ у ней отнято за то, что она его предпочитала всѣмъ прочимъ дѣтямъ, и ее нельзя ничѣмъ утѣшить, такъ ей кажется, что ребенокъ ужъ въ агоніи, тогда какъ крайней опасности еще нѣтъ. Она не отходитъ отъ него ни днемъ, ни ночью; я было предложилъ ей въ часъ ночи посидѣть вмѣсто нея, дабы она хоть немного прилегла, но она не захотѣла и слушать меня; если такъ продлится, она непремѣнно заболѣетъ: только съ желѣзнымъ здоровьемъ можно выдержать все, что она терпитъ. Кибальдичъ очень беспокоится, что каждое утро у Сашу сильное кровотеченіе носомъ, а иногда и горломъ, а къ этому у него судороги, что заставляетъ опасаться нервной горячки. Меня не менѣе доктора смущаетъ блуждающій, тупой взглядъ Сашу, хотя онъ не жалуется на боли ни въ головѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, а только мечется и стонетъ и раздраетъ этимъ сердце матери. Я буду Вамъ сообщать о перемѣнахъ, которыя произойдутъ.—Титовъ, дѣйствительно, на полномъ пути къ выздоровленію.—Объ М-те Евверсъ мнѣ говорила М-ме Бридель, но я не разобралъ, о чемъ нужно было ходатайствовать у патера и забылъ спросить у Васъ объ этомъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Теперь, что я знаю въ чемъ дѣло, я сегодня же поѣду къ аббату Малербу, котораго я мало встрѣчалъ, но который говоритъ всѣмъ, что очень любитъ меня. Я Вамъ могу заранѣе сказать, что онъ и не думаетъ о повышеніи платъ за квартиры, а наоборотъ, онъ одинъ противъ безчеловѣчной, при настоящихъ обстоя-

тельствахъ, мѣры. Я непремѣнно повидѣю его сегодня же и горячо порекомендую ему Еверсовъ.—Леди Сарра Литльтонъ мнѣ известна только по ея прогулкѣ по бульвару въ 29-ти градусный морозъ, отъ котораго она чуть не умерла. Кн. Голицына упоминала объ ней въ своихъ письмахъ, но Вы ни разу. Я буду очень радъ познакомиться съ ней, но зачѣмъ ей понадобилось ѣхать въ Москву.— Не считайте настоящія строки за письмо; я такъ разстроены страданіями бѣдной матери, что мнѣ было необходимо подѣлиться ими съ Вами, только поэтому я и взялся за перо. Вчера гр. Толстая говоритъ мнѣ: „видить Богъ, я даже самому Бонапарту не пожелаю пострадать и четверти часа, какъ я теперь страдаю“. Сейчасъ пришли мнѣ сказать, что Сашу легче. Богу хвала, и пошли онъ намъ, чтобъ такъ и продолжалось! Прощайте, ѣду къ аббату. Весь Вашъ. А какъ интересны всѣ новости теперь, и какъ онѣ съ каждымъ днемъ будутъ еще интереснѣе. Я не въ состояніи выразить, чтѣ я чувствую, ожидая рѣшительнаго момента.

Онъ же.

Москва, вторникъ 3-го Февраля 1814.

Я вамъ писалъ вчера о болѣзни Сашу, у котораго я провелъ весь вечеръ, но представьте себѣ какое новое горе для матери: заболѣла Соня! Вчера она только жаловалась на легкую головную боль, сегодня она уже слегла. Кибальдичъ боится, какъ бы у ней не было того же, что у брата, но до завтра онъ не можетъ ничего опредѣлить точно. А на счетъ Сашу, онъ сегодня при мнѣ объявилъ матери, что у него нервная горячка. Ее такъ сразило это ужасное слово, что я такъ и ожидалъ, что она упадетъ. Я боюсь, она сама заболѣетъ съ этого. Доктора тревожитъ положеніе Сашу, хотя, пока, и не отчаянное, но такъ какъ жаръ у него все увеличивается, а силы слабѣютъ, нельзя ни за что ручаться. Кризисъ наступитъ на 14-ый день, а сегодня только 7-ой. Каково же будетъ выжидать этотъ срокъ. Письмо мое пойдетъ только послѣ завтра въ четвергъ, но такъ какъ я обязанъ сидѣть дома сегодня вечеръ, изъ за этого глупаго собранія, такъ неподходящаго къ настоящимъ обстоятельствамъ, я пользуюсь этимъ временемъ, чтобъ описать Вамъ все происходящее. О графинѣ Толстой я не пишу вамъ; Вы знаете какъ она нѣжно любитъ Сашу и Соню и именно они такъ жестоко заболѣли. Сонѣ поставили мушку; завтра выяснится ея болѣзнь. По несчастью, никого изъ друзей гр. Толстой нѣтъ въ Москвѣ; Кн. Варвара Гагарина больна, у Протасовой боленъ сынъ, а прочіе—обыкновенные знакомые, которыхъ она не принимаетъ, а между тѣмъ ее облегчало-бы дѣлиться съ друзьями своимъ горемъ.

Я только сегодня могъ повидать аббата Малерба, который тутъ только вспомнилъ, что непростительно виновать передъ Вами, княжна, не отвѣтивши еще Вамъ. Онъ ручается, что никто изъ квартирантовъ не будетъ потревоженъ и набавокъ на квартиры не будетъ. Члены совѣта хотѣли набавить, но аббатъ возсталъ противъ этого рѣшительно. Объ Еверсахъ ему говорили съ наилучшей стороны, и онъ готовъ сдѣлать для этихъ старичковъ все отъ него зависящее, чтобъ быть Вамъ пріятнымъ, княжна. Я воспользовался близостью и провѣдалъ Еверсовъ, которыхъ засталъ за обѣдомъ, такъ какъ было 12 часовъ. Мнѣ казалось, что передо мной Филемонъ и Бавкида; я назвалъ себя; Еверсъ переспросилъ у меня мою фамилію, но и это не подвинуло дѣла и только когда я сказалъ, что я по вашему порученію, тогда меня закидали вопросами и были чрезвычайно любезны, но по крайней мѣрѣ полчаса ушло на то, чтобъ они поняли, что я не изъ Петербурга пріѣхалъ, а какъ и они, живу въ Москвѣ и только въ перепискѣ съ Вами. Мы много толковали объ ихъ дѣлахъ, которые далеко не блестящи. Помочь имъ будетъ дѣломъ легкимъ, если Вы мнѣ позволите дѣйствовать отъ Вашего имени; иначе изъ опасенія ихъ обидѣть, я буду чувствовать себя стѣсненнымъ, а дѣлая все отъ Васъ, и я, и они будемъ безъ всякихъ стѣсненій. Они уже сказали мнѣ, что Вы взяли на себя половину ихъ платы за квартиру и за прислугу. Остальное устроится тотчасъ же. Я пошлю имъ запасъ кофе, такъ какъ они изъ экономіи пьютъ только цикорій, присоединю къ этому сахару и разной другой провизіи, и на всякій случай у меня всегда готова для нихъ сотенка рублей; но все это отъ Вашего имени, и *должно остаться между нами*. Что же можетъ быть проще и справедливѣе помощи старымъ людямъ, не имѣющимъ подъ закатъ своихъ дней самаго необходимаго на жизнь: они сами признались мнѣ въ этомъ.

Онъ же.

въ 11 часовъ вечера.

Я пришелъ изъ собранія, гдѣ отъ толпы страшная духота и давка. Я сошелъ къ себѣ, что-бъ немного освѣжиться и послать узнать, что дѣлается у Толстыхъ. Нынѣшняя недѣля настоящая пытка; непрестанные балы, спектакли, маскарады; Въ четвергъ у Апраксина идетъ Мизантропъ, въ переводѣ Кокошкина, и Адольфъ и Клара, тоже переводное. Такъ какъ я въ этотъ день обѣдаю у Апраксина, то придется пойти на спектакль, но я улизну изъ залы, гдѣ уже трудно будетъ замѣтить, кто тамъ есть и кого нѣтъ, и поѣду къ Толстымъ. Алексѣй Пушкинъ, который никогда не устанетъ отъ веселія, придумалъ напроситься ко мнѣ на чай послѣ собранія черезъ своихъ дамъ, а соб-

раніе кончится около двухъ, трехъ часовъ, что приведетъ меня въ кровать только въ 4 ч. Боже мой, какъ смѣшны молодящіеся старики! Пушкинъ бывшій молодой человекъ, такимъ и останется навсегда. Отъ Толстыхъ мнѣ отвѣчаютъ, что не произошло никакихъ перемѣнъ съ утра: Соня ни лучше, ни хуже.

Онъ же.

Среда 4 ч. дня.

Благодареніе Господу, Соня отдѣляется однимъ испугомъ; но я боюсь, что Сашу поплатится за двоихъ; ему сегодня значительно хуже; ему уже даютъ касторки и камфоры, что-бы поддержать его силы; поставили мушки къ икрамъ; онъ начинаетъ бредить, но бредъ отъ слабости, онъ ни на что не жалуется, только нѣкоторое *задержаніе*, отъ раздраженія мушками. Мнѣ еще не удалось поговорить съ Кибальдичемъ безъ графини, а при ней онъ говоритъ, что не теряетъ надежды; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, онъ не можетъ при ней говорить иначе; она еще сегодня говорила мнѣ: если Кибальдичъ сочтетъ необходимымъ сдѣлать консилиумъ, я пойму что это будетъ означать и не переживу этого! При этомъ у ней глаза сухіе и она цѣлый день молится про себя, сдерживая себя при больномъ, котораго докторъ рекомендовалъ не тревожить. Бѣдное дитя! онъ еще сегодня спрашивалъ у меня, можетъ-ли онъ выздороветь? Графиня, подавляя рыданія, не могла произнести ни слова! Евдогія сказала мнѣ такъ искренно, *что пусть лучше Господь ихъ призоветъ всѣхъ, чѣмъ Сашу, любимца матери*. Я сейчасъ опять къ нимъ и завтра утромъ напишу вамъ объ нихъ.

Онъ же.

Четвергъ 5-ое.

Я весь вечеръ провелъ вчера у больного, положеніе котораго очень плохо. Кибальдичъ наказывалъ мнѣ скрывать правду отъ матери до послѣдней возможности, для блага самого ребенка, котораго не нужно пугать: онъ еще не теряетъ надежду спасти Сашу, но не скрываетъ, что опасность увеличилась послѣ того, что онъ обнаружилъ на Сашу красныя пятна, о которыхъ мать и не подозреваетъ. Стараются отдалить отъ больного прочихъ дѣтей, но было бы хорошо удалить и мать. Достаточно Анны Никитичны и Д. которые обладаютъ нужнымъ хладнокровіемъ. Но попробуйте-ка оторвать мать отъ кровати больного! Ему даютъ сильные приемы мускуса, для поддержанія его силъ. Критическій день наступитъ завтра или въ понедѣльникъ. Я жду самаго худшаго, такіе у Сашу странные глаза; онъ почти не бредитъ, но постоянно какъ бы въ забытьѣ. Случившееся сильное кровотеченіе носомъ только увеличило его слабость. Не могу говорить ни о чемъ другомъ.

Въ понедѣльникъ я Вамъ, вѣрно, сообщу уже что нибудь опредѣленное объ немъ. Настоящее мое письмо не поспособствуетъ къ развлеченію Васъ, но я самъ такъ удрученъ ужаснымъ положеніемъ бѣдной матери! Прощайте. До понедѣльника.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 3-го февраля 1814.

Вы мнѣ простите, что я Вамъ мало напишу, если я Вамъ скажу, что я уже написала 3 письма въ Москву и 2 въ Вѣну. Я хочу только сказать Вамъ, что я получила Ваше письмо отъ 22-го Января. Все, что Вы мнѣ пишете о досадѣ гр. Толстой, меня не удивляетъ. Она никогда не сознается, что она сердится и обижена, хотя чувствуетъ это живо. Меня это очень огорчаетъ, но въ непріятномъ положеніи своего мужа, больше всего она сама виновата. Еслибъ она не помѣшала ему итти за всѣми, т.е. оставила бы его отправиться въ 1812 г. въ Вильну проситься на службу, какъ это сдѣлали Остерманъ и Дмитрій Голицынъ, быть можетъ въ настоящее время его имя было бы занесено въ славныя лѣтописи нашей войны. Но она присовѣтывала совсѣмъ другое, и вотъ какіе тому результаты! Я посылаю ей сегодня письмо, переданное мнѣ Бутурлинымъ, но не знаю отъ кого оно, и желаю, что-бы въ немъ были извѣстія объ ея мужѣ и сынѣ. М-те де Нуазевиль сообщитъ Вамъ всѣ извѣстія, получаемыя съ театра военныхъ дѣйствій.

Государь писалъ Императрицѣ изъ Лангра, что народъ просить не заключать мира съ Наполеономъ и что ему легче содержать всѣ иностранныя арміи, чѣмъ поставлять правительству требуемыя имъ реквизиціи. Однимъ словомъ, Государь добавляетъ, что никогда не повѣрилъ бы всему это, если бъ не слышалъ того собственными ушами. Я прочла 5—6 частныхъ писемъ и всѣ такого-же содержанія. Дмитрій Голицынъ пишетъ, что ему все кажется, что онъ видитъ во снѣ, что онъ во Франціи въ чудномъ большомъ замкѣ кн. де Бофремона (котораго онъ знавалъ въ Парижѣ), у пріятнаго огонька камина, съ дамами довольно дурного тона, такъ какъ владѣлецъ замка сдѣлался камергеромъ Бонапарта и кавалеромъ ордена почетнаго легіона, тогда какъ тутъ же въ гостинной портретъ его отца съ орденомъ св. Духа и золотого руна. Голицынъ увѣряетъ, что очень ошибаются, считая что во Франціи установленъ нѣкоторый порядокъ вещей, котораго и держатся; онъ говоритъ, что на всемъ отпечатокъ революціи, а такъ называемый порядокъ держится только терроромъ. Но онъ говоритъ, при этомъ, что точно такъ же ошибаются, говоря объ убыли народонаселенія: онъ ви-

дѣлъ въ деревняхъ очень много молодыхъ людей. Разговаривая съ народомъ, онъ называлъ имъ Людовика XVIII. Но объ герцога Ангулемскомъ говорятъ охотнѣе и увѣряютъ, что сейчасъ же бы составила роялистская армія, еслибъ только нашелся центръ, вокругъ котораго можно бы соединиться. Я не очень-то понимаю Фрейбургскій конгрессъ; отъ имени кого же стали бы договариваться Талейранъ и Бернонвиль? Мнѣ обидно за Васъ, что Вы въ настоящее время не въ Петербургѣ, гдѣ всегда все больше извѣстно, чѣмъ въ Москвѣ, обо всѣхъ этихъ событіяхъ! Вы такъ ими интересуетесь, что проявили бы больше дѣятельности чѣмъ я, побывавши тамъ и самъ и разузнали бы многое, что мнѣ, пожалуй, неизвѣстно.

Прощайте, будьте здоровы. Пожалуйста, перешлите тетушкѣ прилагаемое при семъ письмо отъ моихъ сестеръ.

Она же.

Петербургъ, 9-ое Февраля 1814 г.

Здѣсь получены такія чудесныя новости, что мнѣ только остается приняться за работу портфеля съ золотыми лиліями. Вы почти что выиграли, милостивый государь, Ваше пари. Бонапартъ совершенно разбитъ въ Бриенъ-ле Шато; онъ сталъ во главѣ всего войска, которое у него было въ Шалонѣ, атаковалъ Блюхера 19-го, а 21 въ свою очередь испыталъ нападеніе и вынужденъ былъ отступить по всѣмъ пунктамъ. Генералъ Сакенъ, подошедшій на помощь Блюхеру, рѣшилъ это дѣло, которое въ нѣкоторые самые жаркіе моменты, походило на дѣло подъ Бородинымъ. Сакенъ покрылъ себя славою и получилъ голубую ленту на самомъ полѣ битвы. Васильчиковъ ударилъ со всѣмъ своимъ полкомъ и также надѣлалъ чудеса. Государь подѣзжалъ на самые опасныя пункты, и ядра свистѣли около него близко. Да сохранить его намъ Господь! Всѣ, кто его видятъ или соприкасаются съ нимъ, въ восторгѣ отъ него. Онъ истинно Помазанникъ Божій. Графъ д'Артуа давно уже въ главной квартирѣ, и можетъ быть тамъ уже рѣшены важныя вопросы. Въ Франкфуртѣ видѣли его 23-го Января очень поспѣшающаго ѣхать. Вчера мы всѣ лиговали на торжественномъ молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ. Кн. де Тарантъ, стоявшая со мной рядомъ, заливалась слезами и не въ силахъ была отвѣтить на приносимыя ей поздравленія, но всѣ ее понимали по тому, какъ она брала всѣмъ руку. Полиньякъ въ упоеніи. Третьяго дня у Голицыныхъ, когда пришло это извѣстіе, тотчасъ же рѣшили сообщить его имъ; г-жа де Нуазевиль написала имъ записочку, мы сѣли обѣдать и когда мы

еще сидѣли за столомъ, герцога Полиньякъ и гр. Діана появились, въ такомъ же настроеніи, какъ г-жа де Тарантъ въ соборѣ: и цѣловались, и говорили, и плакали, все вмѣстѣ. — Идутъ на Парижъ и, вѣроятно, уже вступили въ него. Что съ Бонапартомъ? Гдѣ онъ?... „Видѣхъ несчастиваго превозносящася и высящася яко кедры Ливанскія; и мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтесе мѣсто его“.

Вотъ что должно произойти и что можетъ уже совершилось, пока я Вамъ пишу. Всѣ письма, привезенныя послѣднимъ курьеромъ, только и говорятъ о депутаціяхъ, которыя являются просить дать имъ Бурбона. Войска наши встрѣчаютъ съ восторгомъ, и всѣ наши господа пишутъ, что кажется, что они все это видятъ во снѣ. Вы можете говорить что хотите, но во всемъ происходящемъ виденъ перстъ Божій; а кто прожилъ эти два знаменательные года, можетъ громко свидѣтельствовать о видѣнномъ имъ великомъ чудѣ. Я вижу теперь, что проиграла пари: во Франціи будетъ законный государь. Всѣ здѣшніе Англичане, между ними и Сандфордъ, бросились поздравлять всѣхъ эмигрантовъ; ледъ растаялъ, и они теперь такъ же пылки, какъ были сперва холодны. Я бы еще многое могла Вамъ написать на счетъ этого и на счетъ вѣстей изъ арміи, но у меня такая путаница въ головѣ, что мнѣ не справиться. Впрочемъ, г-нъ Марковъ, М-ме де Нуазевиль или княгиня Голицына вѣроятно тоже пишутъ Вамъ. Говорятъ, что наслѣдный принцъ Шведскій написалъ Людовику XVIII прелестное письмо. Говорятъ также, что у послѣдняго апоплектическій ударъ. Если это подтвердится, станетъ очень возможнымъ, что вызывающая къ себѣ общее сочувствіе герцогиня Ангулемская, такъ видимо сохраненная Провидѣніемъ, вернется въ Парижъ королевой, такъ какъ, по словамъ герцога Полиньяка, графъ д' Артуа откажется отъ всѣхъ своихъ правъ. Однимъ словомъ, мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ новаго курьера, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, привезетъ еще болѣе интересныя новости. Гр. Шуваловъ писалъ отъ 17-го, значить до Бриенскаго сраженія, что герцога Виченскій (Коленкуръ) въ Шатильонѣ, дѣлая предложенія мира и абсолютно на все соглашаясь, но что о немъ не хотятъ и слышать. Какъ перемѣнилась сцена: два года и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, этотъ самый Коленкуръ, со всею пышностію проконсула, почти что предписывалъ законы въ Петербургѣ. Какъ не благодарить намъ Государя за выказанныя имъ твердость и терпѣніе въ гибельный 1812 г.! Какъ не считать намъ себя счастливыми, что нашъ Императоръ не такъ себя держалъ, какъ прочіе государи, бывшіе въ такомъ же, какъ онъ, положеніи. А всей этой перемѣнной мы обязаны принесенной въ жертву Москвѣ.

Я получила Ваше письмо отъ 29-го и благодарю Васъ за добрыя вѣсти о Титовѣ, но теперь, что Вы ручаетесь, что онъ будетъ жить, умоляю Васъ, не направляйте его въ Петербургъ, а держите въ Москвѣ, гдѣ онъ будетъ точно также болтать, какъ у насъ. Впрочемъ, я вполне увѣрена, что гр. Толстая сумѣетъ его успокоить. Мужъ ея направляется въ Гамбургъ на мѣсто Строганова, идущаго уже въ Дюсельдорфъ. Можно предполагать, что въ настоящую минуту Гамбургъ уже занятъ нами. Но поговоримте теперь и о себѣ; если Вы только колотья чувствуете въ глазахъ, обратитесь къ тетушкѣ за зеленой водой, которую у ней готовятъ, и спросите у ней, какъ ее употреблять; она излечитъ васъ окончательно. Но во всякомъ случаѣ, когда у Васъ перестанутъ болѣть глаза, употребляйте это легкое предохранительное средство, освѣжающее глаза и укрѣпляющее нервы; я его часто употребляю, а Арсеньевъ всю свою жизнь; Вы увидите, какъ это будетъ полезно Вамъ. Я очень рада, что масляница кончилась. Я слишкомъ уставала отъ этого шума. Всюду настала тишина, и что до меня касается, до будущей субботы я удаляюсь отъ свѣта, но я не буду говѣть, такъ какъ говѣла въ Филипповъ постъ, но я буду ходить на всѣ службы; у насъ при Дворѣ великолѣпное служеніе; чудные пѣвчіе и всѣ удобства для посвѣщенія службъ, особенно для меня, живущей около церкви.

Сообщала-ли я Вамъ, что устроила мою маленькую Эртель. Я нашла чудесный пансіонъ г-жи Фогель. Ея дочь воспитывалась въ Смольномъ, а теперь сама занимается воспитаніемъ дѣтей. Миловидная Луиза понравилась, и матери, и дочери. Я имъ рассказала ея исторію и отчасти положеніе моихъ финансовъ, и они поняли, что я не въ состояніи платить много. Обыкновенная плата въ этомъ пансіонѣ 1000 р., а если безъ танцевъ, музыки и пѣнія—700 р. Цѣны эти пугали меня; но мнѣ удалось помѣстить маленькую Эртель за 500 р. и я рѣшилась тотчасъ внести за полгода впередъ. Нѣсколько добрыхъ людей помогли мнѣ въ этомъ, но дочери Маркова я не писала, оставляя это на будущее время. И вотъ, я успокоена за судьбу этой дѣвочки, а мать, надѣюсь, пристроится и безъ меня. Прощайте. У меня страшная головная боль, и я едва пишу. Что касается до состоянія моего духа, чувствую себя лучше и пишу Вамъ объ этомъ, такъ я увѣрена въ искренности Вашего сочувствія. Я Вамъ безконечно благодарна, что Вы не отвѣчали мнѣ на счетъ моей тоски, на которую я Вамъ жаловалась. Продолжайте и впредь такъ поступать, чтобы я могла изрѣдка себѣ это позволить. Но я буду жаловаться Вамъ только, когда сдѣлается совсѣмъ нестерпимо; меня это облегчить, а затѣмъ

все пойдет по прежнему. Господи, Боже мой, какая я жалкая! Пошлите немедленно это письмо по его адресу; оно изъ арміи отъ молодыхъ сыновей къ ихъ матери, которую Вы такъ порадуете доставкой ихъ письма.

КРИСТИНЪ.

Москва, Пятница, 6 Февраля 1814 г.

Я продолжаю давать Вамъ отчетъ о здоровіи Сашу, но страшно боюсь, что придется его закончить роковымъ сообщеніемъ. Докторъ прислалъ за мной сегодня въ 4 ч. утра, и я подумалъ, что все уже кончено. Приѣзжаю и въ дверяхъ гостиной встрѣчаю графиню, выходящую изъ комнаты больного и обратившуюся ко мнѣ со словами: „У меня нѣтъ больше Сашу“. Евдокія и Соня страшно вскрикнули при этомъ, а я поспѣшилъ къ Сашу, гдѣ Кибальдичъ объявилъ мнѣ, что всякая надежда потеряна, что ребенокъ съ 12-ти ч. ночи въ летаргіи, безъ пульса, и что онъ послалъ за мной, что-бы я удерживалъ мать входить сюда. Чуть настало утро, я послалъ за гр. Наталіей Толстой, за гр. Протасовой и за Наталіей Абрамовной Пушкиной. А тѣмъ временемъ пришелъ священникъ, и Сашу исповѣдался и приобщился въ полной памяти, а летаргіи, какъ не бывало. Я бросился къ матери, чтобъ подкрѣпить ее надеждой, но она просила меня уйти, говоря: „жертва принесена, не призывайте меня къ надеждѣ, сынъ мой умираетъ, я тотчасъ покину этотъ домъ и поѣду черезъ нѣсколько дней въ Вѣну; я покорилась волѣ Божіей, но я сражена такимъ ужаснымъ, внезапнымъ ударомъ!“ Такъ прошло нѣсколько часовъ невыразимой пытки; каждаго входящаго въ гостинную, она вопрошала: „кончено-ли все?“ Такъ какъ она все повторяла свое желаніе перѣѣхать къ Протасовой, я сильно ее поддерживалъ въ этомъ, обѣщая оставаться при больномъ ребенкѣ день и ночь, и наблюдать за всѣмъ, что ему необходимо. Она уѣхала къ Протасовой съ дочерьми, а я приѣхалъ къ себѣ распорядиться кой о чемъ и пишу Вамъ на ходу. Мнѣ кажется, Кибальдичъ ошибся на счетъ этой летаргіи и на счетъ разложенія, о которомъ онъ объявилъ сегодня утромъ. Я нигдѣ не вижу этихъ пятенъ. Но теперь я воспользуюсь отсутствіемъ графини, чтобъ пригласить Пфеллера и узнать его мнѣніе. Прощайте. Если застану ребенка живымъ, проведу ночь около него.

Онъ же.

7-го Суббота, утромъ.

Сашу еще живъ, и Пфеллеръ рассчитываетъ даже спасти его; онъ не нашелъ его въ такой опасности, какъ Кибальдичъ, а въ числѣ

тревожныхъ признаковъ нашелъ только слабость пульса. Однако, несмотря на свою слабость, Сашу все время въ памяти; я провелъ при немъ ночь съ Анной Никитичной, и онъ ни разу не ошибся, обращаясь къ ней по русски, а ко мнѣ по французски; онъ самъ беретъ чашку и глотаетъ порошокъ съ мускусомъ, не морщась; поворачивается безъ чужой помощи, но цѣлый день дремлетъ; говорить,—это хорошо. Мать была сегодня утромъ съ Протасовой, но всего на минуту. Такъ какъ опасность еще не вполне прошла, мы воздержались слишкомъ успокаивать ее. Докторъ при ребенкѣ, а я вернулся поспать часокъ, другой.

Онъ же.

8-го Воскресенье, утромъ.

Я провелъ вчера вечеръ при больномъ, а Кибальдичъ—ночь. Онъ пишетъ мнѣ сейчасъ, что Сашу немного бредилъ, но что пульсъ крѣпче и что онъ самъ начинаетъ, не смотря на все еще опасное положеніе, надѣяться на благополучный исходъ. Феллеръ сказалъ мнѣ вчера, что никакихъ пятенъ и разложенія онъ не видитъ и сильно надѣется на выздоровленіе ребенка. Мать призываетъ его провѣдывать, но ночуетъ у Протасовой, гдѣ и барышни, и это лучше, потому что при ней ничего нельзя дѣлать и нѣтъ возможности отвѣчать на всѣ ея вопросы. Я сейчасъ поѣду туда. Ваше письмо отъ 3-го Февраля я получилъ вчера вечеромъ и тотчасъ же послалъ тетушкѣ Вашей приложенное къ нему письмо. Самъ Ароньевъ боленъ, но я не могъ его навѣстить, такъ какъ отхожу отъ Сашу, только чтобъ поспать немного дома; мать убѣждена, что мое присутствіе приноситъ пользу ребенку... По крайней мѣрѣ, это ее успокаиваетъ, а и это очень важно.

Конечно, совершенно вѣрно, что нельзя полагаться на прислугу, чтобъ давать больному лекарства. Я еще въ Пятницу считалъ его въ агоніи и не нарадуюсь, что сегодня Воскресенье, а онъ живъ. Но кризиса еще не было; сегодня двѣнадцатый день; самый опасный будетъ завтра. Кромѣ какъ о Сашу, ни о чемъ другомъ не могу писать. До завтра. Домъ полонъ скрипокъ, танцевъ, всякаго шума, но я ни въ чемъ не принимаю участія. Слава Богу, завтра все это кончится. Я также теперь жду поста, какъ въ 20 лѣтъ ждалъ масляницы.

Онъ же.

Понедѣльникъ, 9-ое Февраля.

Мнѣ кажется, что теперь мы можемъ успокоиться за Сашу; мушки удивительно хорошо подѣйствовали, такъ что можно считать, что

кризисъ прошелъ. Пфеллеръ находить, что напрасно такъ напугали графиню. Она вернулась къ себѣ, совѣмъ съ другими чувствами, чѣмъ когда выѣхала изъ дома. Вы смѣло можете теперь ее поздравить. „Вотъ теперь и для меня настала масленица!“ сказала она мнѣ сегодня утромъ. Не знаю, что думать о Кибальдичѣ: или онъ круглый невѣжда, или, что еще хуже, отъявленный эгоистъ, хотѣвшій воспользоваться случаемъ получить чинъ или орденъ, до которыхъ онъ очень падокъ, и сильно преувеличившій опасность, что-бъ заставить себя больше цѣнить, хотя при этомъ онъ могъ убить графиню, такъ ужасно имъ напуганную! Онъ все время былъ противъ консилиума и если-бъ я по отъѣздѣ графини къ Протасовой не настоялъ на этомъ, такъ-бы больного никто другой не видѣлъ, и онъ приписалъ бы себѣ одному славу такого невѣроятнаго излеченія. Пфеллеръ побилъ тотчасъ его увѣренія объ опасныхъ признакахъ и сказалъ, что есть надежда на выздоровленіе. И, слава Богу, онъ не ошибся.

Вчера я противъ воли далъ себя увлечь на маскарадъ Позднякова, съ котораго вернулся совѣмъ разбитый. Я спалъ плохо и не могу поэтому высказать Вамъ всѣ мои мысли о чудныхъ политическихъ новостяхъ. Ради Бога, извѣщайте меня обо всемъ и подстерегайте вѣсть объ катастрофѣ, что-бъ не пропустить перваго о ней сообщенія. Прощайте; я постараюсь написать Вамъ болѣе интересныя вещи, чѣмъ сегодня, но теперь прямо не въ силахъ. А Вы теперь заняты милыми грибочками и желтыми поливными горшечками, которые я такъ ненавижу; неужели же, право, ихъ нельзя предлагать въ чемъ нибудь болѣе красивомъ?

Онъ же.

Москва, 16-ое Февраля 1814 г.

Изъ Вашего письма отъ 9-го числа я вижу, что Вы получили мое отъ 29 Января, но Вы ничего не говорите о моемъ письмѣ отъ 2-го Февраля; я надѣюсь, однако, что и оно дошло, какъ и письма отъ 5-го и 9-го, отъ которыхъ я могъ бы Васъ избавить, такъ какъ я Васъ ими только напрасно растревожилъ. Сашу, благодареніе Господу, на пути къ полному выздоровленію; но еще лежить, и аппетитъ не появлялся. Конечно, княжна, начинайте вышивать портфель и знайте, что я его Вамъ не прощу: если удержишь пари, то и платись.

Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, и я плакалъ за одно съ г-жей де Тарантъ. Я жду конца со дня на день: онъ ужъ

недалеко, сомнѣній не можетъ быть никакихъ, и по совершающемуся можно уже судить объ результатахъ. Будетъ-ли Людовикъ XVIII, Карлъ X, или Людовикъ XIX королемъ Франціи, все же это будетъ Бурбонъ!

Такъ много мыслей и чувствъ, что невозможно передать, что происходитъ въ душѣ въ такой важный моментъ. Обыкновенными словами не выскажешь все величіе событій и ихъ значеніе. Потомство взглянетъ на нихъ лучше насъ, такъ какъ будетъ судить хладнокровно, тогда какъ мы судимъ пристрастно. Мнѣ кажется, что во всей исторіи не было момента болѣе знаменательнаго! Такъ много нашумѣвшій Кромвель имѣлъ ареной своего дѣйствія только одинъ изъ Европейскихъ острововъ; а Наполеонъ взволновалъ всю Европу, породнился съ первымъ изъ царствующихъ домовъ и поженилъ всѣхъ своихъ на владѣтельныхъ принцессахъ. Казалось, что этотъ колоссъ могущества утвержденъ на всѣ вѣка; но у его мѣдной головы и желѣзнаго тѣла были глиняныя ноги: съ горы посыпался песокъ, и колоссъ распался. Доживемъ-ли мы, чтобъ читать того Боссюета, котораго явить настоящая эпоха? А что покажется Боссюетъ, это безпорно; всякое великое событіе имѣетъ своего историка, а настоящая эпоха революціи дастъ обильный матеріалъ для краснорѣчія, когда о ней можно будетъ говорить свободно. Но авторъ долженъ обладать умомъ проницательнымъ и въ тоже время религіознымъ, чтобъ доказать, что всѣмъ руководитъ Богъ. За 25 лѣтъ сколько роптали на промыслъ Божій? А Онъ спокойно все вель впередъ, видя исходъ тамъ, гдѣ мы его и не подозрѣвали. Мнѣ пріятно думать, что души Людовика XVI, королевы и М-me Elisabeth видятъ все теперь происходящее. Всѣ погибшіе за нихъ должны тоже радоваться *тамъ* концу всѣхъ бѣдствій, такъ же какъ и мы радуемся этому здѣсь на землѣ, гдѣ мы въ такомъ всегда ослѣпленіи, видя все смутно и превратно. Я снова оплакалъ всю королевскую семью, погибшую 21 годъ тому назадъ. Полагаю, что Парижъ поплатился за всѣ злодѣянія, которыми онъ себя опозорилъ; я не могу допустить, чтобъ справедливый судъ Божій не покаралъ столь преступный городъ. Умоляю Васъ, сообщайте мнѣ обо всемъ; каждый день знаменуется чѣмъ нибудь значительнымъ. Ваше сравненіе съ *Нечестивцемъ* очень вѣрно. И какъ ужасны должны быть размышленія гордыхъ спутниковъ Тирана, видящихъ близость своей гибели и искупленія своихъ преступленій, если не пыткой, то общимъ презрѣніемъ и ненавистью. Какъ бы любопытно посмотрѣть на эту великую перемѣну!

Да, нашъ Императоръ дѣйствительно освободитель Франціи и всей Европы и блестяще вознагражденъ за свою покорность и терпѣніе въ тяжелое испытаніе 1812 г. И нашлись же Русскіе, желавшіе мира, когда врагъ былъ у нихъ въ отечествѣ! Карамзинъ говорилъ мнѣ въ Августѣ 1812 г.: „почему-бы не уступить Наполеону Литву и прочія Польскія губерніи, безъ которыхъ мы можемъ обойтись! Развѣ не видятъ, что бесполезно сопротивляться такому человѣку, и что Пруссія и Австрія обязаны своимъ спасеніемъ подобными уступками?“ И съ такими-то мыслями, съ такимъ отсутствіемъ благородства и энергіи подобный человѣкъ трудится надъ исторіей Россіи! Ахъ! какія предстоятъ Александру преобразованія по его возвращеніи! Надѣюсь, что онъ ужъ не встрѣтитъ сопротивленій и справится со всѣми трудностями. Онъ вернется въ полномъ могуществѣ и покрытый славою; Европа провозгласитъ его своимъ благодѣтелемъ, а его подданные будутъ его просить *не о дарованіи новыхъ законовъ*, но исполненія закона, не о судьяхъ и министрахъ, но о назначеніи людей честныхъ и неподкупныхъ на мѣста, отъ которыхъ зависитъ общественная безопасность. Тогда онъ, помазанникъ Божій и истинное орудіе промысла, сможетъ себѣ сказать: я выполнилъ мое дѣло, вернулъ народамъ миръ, сдѣлалъ моихъ подданныхъ счастливыми и оставляю потомству образецъ, который будутъ благословлять изъ вѣка въ вѣкъ и съ которымъ будутъ сравнивать лучшихъ государей, когда захотятъ восхвалить ихъ добродѣтель и возбудить ихъ соревнованіе. Какъ говорить послѣ всего этого о моихъ глазахъ. Имъ лучше, но я буду употреблять зеленую воду г-жи Арсеньевой. Я ее видѣлъ въ Субботу; мужъ ея все еще слабъ; у него такъ было жарко, что я едва могъ высидѣть 20 минутъ. Письмо къ Олсуфьевой отослано. Поздравляю Васъ съ устройствомъ дѣвочки Эртель. Прощайте. Я думаю, что получу еще въ Среду отъ Васъ письмо. Развѣ. Ваша тетрадь не позволяетъ Вамъ писать? Я на счетъ этого ничего не знаю. Господь позволяетъ думать о друзьяхъ. Вчерашній вечеръ я провелъ съ гр. Толстой въ обществѣ одной старушки, возвратившейся изъ Іерусалима, куда она ходила пѣшкомъ. О Вашемъ письмѣ я ничего не сказалъ, по случаю писаннаго Вами о Титовѣ. Его еще нѣтъ здѣсь: онъ останется въ Рязани, пока не поправится.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 12 Февраля 1814 г.

Послѣ моего послѣдняго къ Вамъ письма въ Понедѣльникъ, я получила Ваше отъ 2-го Февраля. Я не въ состояніи выразить Вамъ,

какъ меня огорчила болѣзнь Сашу; зная, какъ его обожаетъ мать, я такъ понимаю, что должна она испытывать. Сохрани ей его Господь! Но если онъ выздоровѣетъ, вотъ когда будетъ настоящій случай для ея *обращенія*, относительно бѣлокурыхъ. Ужасная мысль, преслѣдующая ее теперь, очень естественна; я удивляюсь только, какъ она не являлась у ней раньше.

Я никогда не могла понять, какъ при ея умѣ и религіозности у ней никогда не появлялся страхъ лишиться своего любимца, которому она оказывала такое предпочтеніе въ ущербъ другимъ дѣтямъ, ни въ чемъ не повиннымъ. Это доказываетъ, что ея воображеніе такъ же мало походить на мое, какъ и наши лица. Меня бы эта мысль преслѣдовала денно и ночью. Когда проникнуть убѣжденіемъ, что подобная исключительная любовь противна Господу, можно-ли оставаться покойной? Если любить, какъ заповѣдуетъ Господь, въ Немъ и для Него, и быть готовой отдать Ему предметъ нашей любви, въ какое бы время Онъ ни потребовалъ его, тогда можно быть спокойной, но развѣ мы умѣемъ такъ любить? Не слишкомъ-ли мы упираемся на эту тлѣнную руку, которая можетъ быть у насъ отнята съ минуты на минуту? Возвращаюсь къ гр. Толстой и серьезно прошу Васъ, поговорите съ ней насчетъ бѣлокурыхъ. Я надѣюсь, что Господь, по своему милосердію, сохранить ей ея дорогое дѣтище. Какъ только ему станетъ лучше, примитесь за нее, напомните ей все выстраданное ею, всѣ угрызенія ея совѣсти и устрашите ее будущностію. Я съ своей стороны, сумѣю написать ей въ такомъ же духѣ. Сегодня я должна получить настоящее письмо отъ Васъ и жду его съ нетерпѣніемъ. Я провела три дня въ полномъ почти одиночествѣ; только вчера пріѣзжала ко мнѣ М-те де Нуазевиль съ Соней и съ Лизой Трубецкой. Онѣ посидѣли не болѣе часа, такъ какъ ѣхали ужинать къ *Princesse Michel*. Какъ я подумаю, что я не сдалась на всѣ приглашенія этой *belle Dame*, не смотря на всѣ ея безчисленныя любезности ко мнѣ, я очень довольна собой за свою твердость. Можно умереть со скуки, когда застанешь у ней *le beau Ténébreux* и *le beau Idéal*; это два плѣнные итальянца, которыхъ она допустила до самаго короткаго съ ней знакомства. А когда случается застать ее одну, она измучить Васъ рассказами, чтеніемъ старыхъ исторій объ ея красотѣ, побѣдахъ и . . . можно умереть съ отчаянія.

Письма изъ Амстердама, требующія однако подтвержденія, говорятъ, что Людовикъ XVIII въ Гагѣ, а герцогъ Ангулемскій въ арміи Веллингтона; значить неправда, что у перваго былъ апоплектический

ударъ. Вы правы, говоря, что извѣстія такъ интересны, что забудешь и о снѣ. Гурьева, съ ея подвижностію и безпокойствомъ, увѣряетъ, что у ней форменная бессонница отъ всѣхъ извѣстій. Я не могу сказать того же: никакіе Бурбоны и Бонапарты не помѣшаютъ мнѣ спать; а если это и случается, то по другимъ причинамъ. Я уже запечатала мое письмо, но вынимаю его, что-бъ сказать, что получила Ваше отъ 5-го. Я теряю всякую надежду за Сашу. Несчастливая мать, какъ ужасно ея положеніе! Какой прелестный ребенокъ и какая жертва! Я ни о чемъ другомъ не могу думать. Пожалуйста, продолжайте давать мнѣ о немъ извѣстія.

Она же.

С.-Петербургъ, 17-ое Февраля 1814 г.

Тысячу благодарностей Вамъ за добрыя вѣсти о Сашу. Послѣ Вашего послѣдняго письма я считала его безнадежнымъ и только и ждала роковаго подтвержденія, что-бъ выѣхать въ Москву. Ничего никому не говоря, я рѣшила, что въ случаѣ несчастья, поѣду къ гр. Толстой, такъ ея положеніе терзало мнѣ сердце. Но Господь удержалъ Свою руку, готовую нанести ударъ, сохранилъ ей ея дорогое дитя. Какъ она должна восхвалять Господа за Его великую милость, и какъ должна благодарить Васъ, такъ хорошо отнесшагося къ ея положенію. Я увѣрена, что она искренно чувствуетъ это; а что касается до меня, я Васъ считаю добрѣйшимъ человѣкомъ и за одно уже это, оставляя въ сторонѣ всѣ Ваши прочія достоинства, люблю Васъ отъ всего сердца и безконечно благодарна М-ше де Нуазевиль, познакомившей насъ. Ваше посѣщеніе стариковъ Еверсовъ меня глубоко тронуло; я никакъ не рассчитывала на это; я считала себя очень Вамъ обязаной и за то, что Вы были у аббата Малерба. Ваше появленіе должно было очень удивить эту славную чету; я такъ и вижу глухую старушку съ ея вопрошающимъ видомъ. Благодарю Васъ горячо за все, что Вы намѣрены сдѣлать для нихъ. Дѣла ихъ, какъ Вы правильно выражаетесь, далеко не блестящи, но все же, какъ никакъ, они живутъ, а съ пособіемъ, которое я имъ даю, имъ теперь легче будетъ существовать. Если Вы будете, время отъ времени, посылать имъ кой-какой провизіи, то больше, полагаю, ничего и не нужно; но надѣюсь, что Вы не допустите, чтобъ благодарность, исключительно Вамъ принадлежащую, получала я. Умоляю Васъ, скажите это Еверсамъ сами; я до Вашего разрѣшенія ничего не буду говорить, даю Вамъ слово; но прошу Васъ убѣдительно, позвольте мнѣ написать имъ объ этомъ. Я хочу, чтобъ мои старички молились и за Васъ, какъ

они молятся за меня. Чистыя молитвы незлобивой старушки принесутъ намъ счастье. Теперь, когда гр. Толстая успокоилась, я снова прошу Васъ поговорить съ ней настоятельнѣе на счетъ бѣлокурыхъ; дайте ей понять всю ея несправедливость, постращайте будущимъ. Заставьте какъ слѣдуетъ ее оцѣнить великую благость Господа, отстранившаго ударъ, который бы сразилъ ея сердце. Я бы ей и сама написала сегодня, но такъ тороплюсь, что могу только написать Вамъ. Вчера весь день тщетно ждали курьера, такъ что новыхъ извѣстій не получали. Дюбуръ, котораго я видѣла вечеромъ, очень встревоженъ этимъ запозданіемъ, но гр. Шуваловъ такъ положительно увѣрялъ насъ, что нельзя ожидать извѣстій раньше сегодняшняго вечера или же завтра утромъ, что я успокоилась. Если что получимъ, я Вамъ сообщу съ Самсоновымъ, сосѣдъ по Симамъ, который выѣзжаетъ завтра въ ночь. Моментъ такой, дѣйствительно, важный, что малѣйшее замедленіе причиняетъ тревогу.

Вчера я сопровождала Императрицу на экзаменъ въ Екатерининскій Институтъ. Мы отправились туда въ половинѣ пятаго, а вернулась ровно въ половинѣ одиннадцатаго: выходитъ минута въ минуту шесть часовъ! Воспитанницы вышли съ честью и славой изъ испытаній, особенно по исторіи. Начальница говорила мнѣ, что въ этомъ выпускѣ есть ученицы на рѣдкость. Все это хорошо, но что будетъ съ этими „*historiennes*“, которымъ суждено прожить всю ихъ жизнь въ глуши самыхъ отдаленныхъ губерній? На пять или шесть барышенъ извѣстныхъ фамилій и призванныхъ жить въ свѣтѣ, придется пятьдесятъ, которыя уѣдутъ въ Тамбовъ, Пензу, Курскъ и Саратовъ. Думаете-ли Вы, что онѣ будутъ счастливы, возвратясь къ своимъ бѣднымъ родителямъ, въ ихъ скромную обстановку жизни, съ одними историческими познаніями, безъ всякихъ свѣдѣній по хозяйству? Я очень сомнѣваюсь въ этомъ и нахожу, что имъ не слѣдовало оставлять родительскаго крова и что они могли бы и не знать о существованіи Грековъ и Римлянъ. Значеніе родного языка и ручныхъ работъ было бы совершенно достаточно для этихъ бѣдныхъ барышенъ. Я очень довольна, что моя очередь дежурства пришлась на вчера, такъ какъ, не смотря на продолжительность экзамена, онъ былъ очень интересенъ. Я обожаю молодежь и дѣтей; мнѣ кажется, что съ ними дѣлаешься чище.

Графа я видѣла на дняхъ; все его лице сіяетъ, лишь только онъ завидитъ меня. Онъ очень подшучивалъ на счетъ поста и говорилъ много глупостей въ этомъ родѣ; между прочимъ спросилъ у меня, будетъ-ли спасенъ Демидовъ, игравшій со мной въ пикетъ! Я ему

отвѣтила, что его какъ и Демидова ждетъ одинаковая участь, такъ какъ онъ знаетъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозъ игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе небесное!

Его позабавилъ мой отвѣтъ, но, конечно, онъ ни на минуту не почувствовалъ истину его. Господь да сжалится надъ нимъ. Мнѣ такъ хочется, чтобъ духъ его позналъ истину. Я слишкомъ люблю его, что-бъ не желать его обращенія.

Прощайте; очень ужъ поздно; меня ждетъ М-те де Нуазевиль; настоящее письмо пойдетъ съ ея письмомъ къ Вамъ. Потрудитесь прилагаемую при семъ записочку послать къ тетускѣ.

КРИСТИНЬ.

Москва, 23 Февраля 1814.

Я долженъ отвѣтить Вамъ на Ваши письма отъ 12-го и 17-го и буду писать по порядку. Вы вполнѣ правы относительно преступнаго предпочтенія графини къ нѣкоторымъ изъ ея дѣтей и брUNETAMъ передъ блондинами. Тяжело на это смотрѣть, особенно при обстоятельствахъ, въ которыхъ она только что была. Но Вы очень ошибаетесь, думаю я, что мое краснорѣчіе можетъ измѣнить ея несправедливость. Только даромъ потратилъ бы слова, да къ тому же, мнѣ какъ-то претитъ взять роль проповѣдника по тому только, что я имѣлъ случай оказать ей незначительную услугу; мнѣ все казалось бы, что я этимъ затрогиваю извѣстную деликатность, которую Вы сами лучше понимаете, чѣмъ могутъ ее опредѣлить мои слова. Тѣмъ не менѣе, я пошелъ бы и на это, если бъ рассчитывалъ на малѣйшій успѣхъ; но будьте увѣрены, что этому злу ничто не поможетъ.

Если легко вселить гр. Толстой какое угодно чувство къ людямъ. къ которымъ она равнодушна, то совершенно невозможно заставить ее измѣнить разъ составленное ею о комъ нибудь мнѣніе. У меня на это много доказательствъ. Она тверда, какъ желѣзо, ни на іоту не измѣнить себѣ, отстаивая свое мнѣніе, и только рискуешь поссориться съ ней, оспаривая его. Вотъ, хоть бы съ Кибальдичемъ, въ настоящее время. Онъ выказалъ себя или ничего не знающимъ или безсердечнымъ эгоистомъ. Середины между этими двумя эпитетами нѣтъ; нужно выбрать одинъ изъ нихъ, а графиня стоитъ на томъ, что онъ на минуту потерялъ голову по своей великой привязанности къ ребенку и ко всей семьѣ, и что она всегда будетъ въ него вѣрить. И съ этого

ее не собьешь. Я разъ двадцать говорилъ ей о бѣдномъ Жоржѣ за время опасной болѣзни Сашу. Его оставили съ M-elle Кюно, и когда мнѣ разъ пришлось войти въ ея комнату, я засталъ Жоржа горько плачущимъ. Онъ бросился ко мнѣ, спрашивая о здоровіи брата, а Володя въ то самое время смѣялся и игралъ; по молодости своей онъ можетъ не могъ еще глубоко чувствовать. При моихъ словахъ объ Жоржѣ, графиня ни разу не выразила довольства, даже не улыбнулась, точно онъ ей чужой. Володя же второй Сашу. Трое младшихъ дѣтей въ деревнѣ у Шереметевой. Очень ужъ была избалована графиня въ дѣтствѣ. Характеръ у ней упрямый, но она похвально тѣмъ, что не мѣняетъ своего характера и сердится, если ей противорѣчатъ. Съ другой стороны у ней пропасть достоинствъ всякаго рода, за которыя и слѣдуетъ ее любить и уважать, отказавшись окончательно отъ мысли передѣлать ее. Поэтому я ничего ей не скажу; но мое молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорить ей многое, и если она захочетъ, то сумѣетъ истолковать себѣ его. Я очень желаю, что-бъ Вы были въ состояніи доказать мнѣ, что я ошибаюсь; но я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Княгиня Michel упрасивала, значить, Васъ бывать у нея и Вы устояли передъ ея искательствами, съ чѣмъ Васъ отъ души поздравляю. Вы не можете себѣ представить сколько неудобствъ отъ такого общества, которое, по моему, совсѣмъ къ Вамъ не подходитъ. Послѣ того, что она 13 лѣтъ совсѣмъ безпричинно поносила меня, ей вдругъ пришло на умъ снова завести со мной переписку и отправиться восхвалять свои отношенія ко мнѣ M-ше Гусъ, прося ее быть посредницей между нами. Это настолько же вѣрно, какъ странно и удивительно, и M-ше де Нуазевиль можетъ Вамъ передать всѣ подробности. Я же только скажу Вамъ, что просилъ Г-жу Гусъ передать княгинѣ на словахъ, что хотя я тронуть ея памятью обо мнѣ, но считаю болѣе благоразумнымъ не пускаться снова по такому бурному морю. Я немножко въ M-ше Гурьеву: сознаюсь Вамъ, что ожиданія и неувѣренность въ исходъ войны лишаютъ меня сна; опасенія мои увеличиваются ежедневно соразмѣрно съ моимъ нетерпѣніемъ. Я болѣе не могу говорить объ этомъ, до прибытія курьера. Я стараюсь отвлечь мое воображеніе отъ моихъ ожиданій, которыя при неизвѣстности чистая пытка. На этихъ дняхъ я два раза видѣлъ Вашу тетужку и переслалъ ей Ваши оба письма. Она снабдила меня по своей добротѣ зеленой водой, которая очень мнѣ помогаетъ. Вы мнѣ запретили хвалить Васъ, а сами хвалите меня; согласитесь, что это несправедливо. Поставимте нашу скромность въ равновѣсіи и будемте вдвоемъ играть въ молчанку, иначе я нарушаю условіе. Относительно стариковъ Эверсовъ я Васъ попрошу не выдавать еще секрета, что необходимо для пользы дѣла.

Вашимъ именемъ я дѣлаю все, что нужно; а со временемъ, когда я приобрѣту нѣкоторыя права и установится нѣкоторая привычка ко мнѣ, тогда Вы можете имъ сказать что угодно. На этихъ старичкахъ я увидѣлъ примѣръ тому положенію, которое всю мою жизнь считалъ самымъ ужаснымъ, т. е. старческіе недуги при стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и страхъ не имѣть необходимаго. Почтенные старички эти живутъ, лишая себя всего, а недостача средствъ вѣчно тутъ, въ отвѣтъ на необходимыя нужды. Старость требуетъ нѣкоторой сладости жизни, чтобъ удалить то, что въ ней самой есть грустнаго. М-ше Эверсъ, видя во мнѣ Васъ, открыла мнѣ, до чего страдаетъ ея сердце отъ жертвъ, которыя приходится дѣлать ея старому мужу для ея здоровья. Я вполне раздѣлилъ съ ней ея чувства и говорилъ съ ней въ ея духъ. А вѣдь мнѣ лично, не дѣйствуя я за Васъ, она никогда не открылась бы и я не могъ бы ничего сдѣлать для нихъ. Здоровье ея очень плохо. Господь привелъ въ Москву на нѣкоторое время доктора, жившаго 5 лѣтъ у гр. Маркова; я его очень люблю и уважаю и располагаю имъ, какъ самимъ собой. Я ѣздилъ съ нимъ къ М-ше Эверсъ, леченіемъ которой онъ занялся, не ручаясь однако за успѣхъ; онъ нашель, что ей грозитъ водянка и что нужно, не теряя времени, предупредить ея появленіе. Недавно она кашляла съ кровью, что дурной признакъ. Докторъ предписалъ ей порошки и будетъ тщательно наблюдать за ея болѣзнію. Вы правы, находя, что молитвы такой чистой души принесутъ счастье, но Вамъ нѣтъ надобности просить ея молитвъ для меня. она не перестаетъ благословлять меня, особенно со дня моего привоза доктора, такъ какъ она мнѣ еще призналась, что ей нечѣмъ платить доктору, а мой докторъ ни ей, ни мнѣ ничего не будетъ стоить. Докторъ Обергъ ангель доброты, не смотря на непріятное, угрюмое лице. Онъ очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ, и гр. Марковъ, который очень любитъ его, можетъ Вамъ засвидѣтельствовать это, такъ какъ онъ всегда былъ очень доволенъ имъ. Сосѣдка Эверсовъ г-жа де Ривъ скончалась, что, понятно, очень огорчило ихъ. Неправда-ли, что нѣтъ ничего трогательнѣе и достойнѣе вниманія, какъ старость почтенныхъ людей, и что никакое счастье не сравнится съ тѣмъ, которое испытываешь при возможности доставить имъ нѣсколько хорошихъ дней именно въ ту пору ихъ жизни, когда они одиноки и болѣе всего нуждаются въ поддержкѣ и заботахъ.

Я не раздѣляю Вашего мнѣнія на счетъ барышень, которыя вернутся въ провинцію съ столичнымъ воспитаніемъ; я считаю, что дворянство во всѣхъ странахъ должно быть образовано, иначе невозможно прожить счастливо: образованіе расширяетъ кругъ мыслей,

не даетъ уму пребывать въ застоѣ, что такъ поражаетъ въ нашихъ деревенскихъ помѣщикахъ, такъ что они дѣлаются хуже мужиковъ. Грубость мужика не удивляетъ, къ нему не предъявляютъ никакихъ требованій; но грубость помѣщика, при его глупомъ чванствѣ своимъ дворянствомъ, вещь нестерпимая. Ничего другаго я не встрѣчалъ въ губерніяхъ и я считаю вполне подходящимъ, чтобъ барышни, въ виду ихъ будущей роли матерей семействъ, сознавали преимущества образованія и старались бы постепенно его распространять. Согласенъ, что успѣха не скоро дожждаться, но что же можно сдѣлать лучшаго. Боюсь же я въ нашихъ губернскихъ городахъ лицеевъ, Академій, Университетовъ съ профессорами мартинистами, масонами, сектантами, какими почти девять десятыхъ профессоровъ въ Дерптѣ, Харьковѣ и др. Вотъ это мнимое просвѣщеніе, оно дѣйствительно приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Увы! долженъ Васъ предупредить, княжна, что Вамъ не добиться обращенія гр. Маркова! Онъ грѣшитъ въ самой основѣ: онъ не вѣритъ. Никакой установленной системы у него нѣтъ, онъ деиствуетъ, вотъ и все. Что касается до откровенія, онъ принаравливаетъ его къ мѣтамъ язычества, и тщетно будете Вы стараться сбить его съ этого, такъ его возмущаетъ отречься отъ своихъ чувствъ, чтобъ вѣрить въ тайну. Демидовъ не зашелъ такъ далеко, но не знаю, спаслись ли ему легче графа Маркова по его богатству, которое, какъ Вы справедливо говорите, по Евангелію большая тому помѣха. Впрочемъ, Демидовъ можетъ рассчитывать на блаженство, обѣщанное нищимъ духа, на что ужъ графъ полагаю ни какъ не можетъ претендовать.

Сейчасъ меня увѣрили, что Апраксинъ получилъ извѣстіе, что главная квартира Русскихъ въ Шато-Тьеро. Если это дѣйствительно такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что три дня спустя вступили уже въ Парижъ.

Меня немного смущаетъ, что примѣру Мюрата не послѣдовали прочіе маршалы. Можетъ они поджидаютъ Людовика XVIII, чтобъ сдать ему? но я не хочу разсуждать объ этомъ до прибытія окончательнаго курьера. Я совсѣмъ схожу съ ума, такъ я ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, въ чемъ я не могу ничего измѣнить.

Прощайте; какъ я росписался съ Вами; теперь придется сократить мою бесѣду съ М-me Нуазевиль, за письмо къ которой перехожу. М-elle Бридель увѣряетъ, что Вы отправляетесь съ Princesse Boris на богомолье въ Тихвинъ. Правда-ли это и долго-ли Вы тамъ пробудете.

Прощайте! Почти все мое утро я посвятилъ Вамъ, не написавши никому другому.

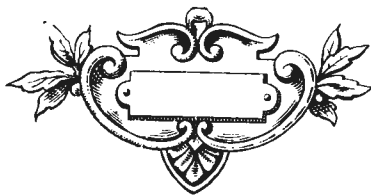
Княжна Туркестанова.

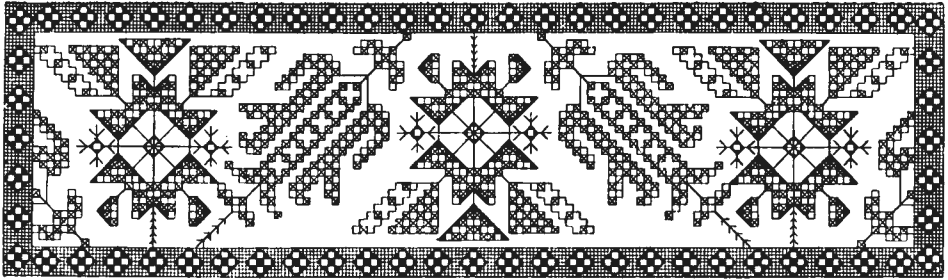
С.-Петербургъ, 24 Февраля 1814 г.

Удивляюсь, какъ это я не извѣстила Васъ о полученіи Вашего письма отъ 2-го числа. Это совсѣмъ не похоже на мою аккуратность. Видно болѣзнь Сашу сильно разстроила меня. Письмо это я получила своевременно. Вчера получила Ваше письмо отъ 16-го, но отложила до сегодня мой отвѣтъ Вамъ, такъ какъ ждуть курьера, и для Васъ я отправилась обѣдать къ М-ше де Литта, гдѣ всѣ новости изъ первыхъ рукъ; но мои ожиданія не оправдались, и мы должны довольствоваться нѣсколькими номерами Франкфуртской газеты, въ которыхъ подробное изложеніе Бріенскаго сраженія и вся рѣчь Лэне въ законодательномъ корпусѣ изъ которой „Conservateur“ приводилъ только отрывки. Лэне выпроводили въ Бордо, куда онъ можетъ никогда и не попадетъ; подобныя вещи не новость. Нужно желать повторенія подобныхъ сценъ, вѣдь внутреннія раздоры стоятъ выигранныхъ сраженій. Я очень желаю, чтобъ Бонапартъ велѣлъ арестовать нѣсколькихъ членовъ, что-бъ возбудить прочихъ. Это былъ-бы способъ заставить говорить объ Бурбонахъ. М-ше де Нуазевиль и я должны опровергнуть многія изъ Вашихъ новостей на счетъ нихъ. Король, напимѣръ, никогда не выѣзжалъ изъ Англіи и не могъ слѣдовательно высадиться во Франціи. Сынъ герцога Полиньякъ писалъ ему, что у короля парализована рука и что его перевезли въ Батъ. Молодые принцы отправились въ армію Веллингтона, это достовѣрно. Графъ д'Артуа долженъ быть въ главной квартирѣ. Исторія конгресса въ Шатильонѣ интригуетъ очень многихъ, но я вѣрю гр. Литта, который увѣряетъ, что изъ него ничего не выйдетъ. Трудно себѣ представить, что всѣ принцы собрались только для того, что-бъ заключить миръ съ Наполеономъ.

Здѣсь очень недовольны Веллингтономъ, который точно застылъ; говорятъ, онъ все возится съ Кортесами. Находящіеся здѣсь Англичане оспариваютъ это, утверждая, что онъ начнетъ дѣйствовать, лишь только пріѣдетъ герцогъ Ангулэмскій. Давай Богъ! А дѣло подъ Бріеномъ было очень горячее; я читала въ Франкфуртской газетѣ, что нѣкоторыя селенія по нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Видите, какъ Французы еще дерутся. Невѣрно и то, что эти провинціи были заняты именемъ Людовика XVIII: ничто не подтверждаетъ этого извѣстія. Однимъ словомъ, простите мнѣ, если мое послѣднее письмо было

полно ложныхъ извѣстій. Но что тутъ подѣлаешь? Когда сообщаютъ подробности, полученныя изъ самой арміи и къ тому же вполне соответствующія нашимъ ожиданіямъ, какъ тутъ не подѣлиться съ ними! Посмотримъ, что у насъ будетъ сообщить Вамъ послѣ первой почты. Я получила отъ старушки Эверсъ письмоце. Она чрезвычайно тронута Вашей добротою; говоритъ объ обѣщанныхъ Вами ей винѣ и кускѣ полотна, однимъ словомъ у ней кружится голова отъ всего, что съ ней происходитъ. Фамилію Вашу она опять запомнила и ограничивается тѣмъ, что называетъ Васъ благодѣтельнымъ Ангеломъ. Я ей все объяснила на счетъ Васъ, и теперь она будетъ знать съ кѣмъ говорить. Если она такъ Вамъ благодарна, то и я не менѣе ей признательна Вамъ; я очень хорошо понимаю, какое чувство руководитъ Вами, и никогда не забуду этого. Чрезвычайно рада, что Сашу на пути къ выздоровленію; воображаю какъ онъ выроститъ за свою болѣзнь. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте меня.

Письмо митрополита Филарета къ графу Н. П. Панину.

Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь!

Письмо вашего сіятельства отъ 11 дня Сентября имѣлъ я честь получить и устный переводъ приложенной при ономъ статьи Нѣмецкаго періодическаго изданія тогда же выслушалъ. Прежде нежели велю сдѣлать себѣ точный переводъ и прочитаю еще разъ, не рѣшаюсь произнести мнѣніе о поступкѣ цензуры, пропустившей листъ. Писатель статьи объявляетъ дерзкое предпріятіе нѣкоторыхъ касательно Священнаго Писанія и основаній вѣры Христіанской, и въ концѣ статьи объявляетъ сіе предпріятіе нелѣпымъ. Статья сія была бы соблазнительна въ листѣ Русскомъ для читателей, которые не слыхивали выражений, въ ней упоминаемыхъ; но та часть Русской публики, до которой доходятъ иностранные Нѣмецкіе листы, думаю, знаетъ, что выраженія сіи, сколько разъ съ новыми прикрасами сдѣланы, столько же разъ съ новою силою опровержены. Христіанство давно предварено, что явится звѣрь съ хульными устами противъ Агнца. Чтò же, если кто скажетъ, что звѣрь показываетъ голову (систему, образъ мыслей) и открываетъ уста? Только бѣ онъ не приглашалъ поклониться звѣрю. Знающіе силу Агнца не смутятся, а, можетъ быть, не безъ пользы сдѣлаются внимательны, не подлинно ли повѣствователь видитъ, или ему только видится. Впрочемъ еще не рѣшаюсь, какъ уже сказалъ, приводить сіи мѣста къ настоящему случаю, прежде нежели первое впечатлѣніе повторю и провѣрю.

Между тѣмъ со вниманіемъ смотрю на расположеніе духа, которое побуждаетъ васъ, милостивый государь, изъ самаго уединенія вашего простирать дѣятельно-заботливые взоры на предметы, относящіеся до охраненія вѣры и спокойствія отечества. Почтенно служеніе отечеству сердцемъ и благонамѣреніемъ, хотя бы кто не призванъ былъ ходить въ видимомъ образѣ сего служенія, по обстоятельствамъ, какъ обыкно-

венно говорятъ, а какъ мнѣ хочется сказать,—по судьбамъ и провидѣнію Божию.

Я долженъ благодарить вашему сіятельству за чувство назиданія, внушенное мнѣ расположеніемъ духа, изъ котораго произошло письмо ваше. Прошу Бога, чтобы въ семъ расположеніи, а вмѣстѣ и въ упованіи на Него сохранялъ Онъ для васъ всегда открытый источникъ внутренняго утѣшенія и мира. Милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ митроп. Московскій.

(Съ подлинника, сообщеннаго покойной внукой графа Панина, Марією Александровной Мещерской).

Это письмо очевидно съ намекомъ, говорящимъ: не въ свое дѣло не мѣшайся. Такъ понимаетъ его и достопочтенный священникъ о. Василій Смирягинъ, села Дугина (Сычевск. у. Смол. г.), гдѣ жилъ и скончался графъ Панинъ. Хорошо помнящій графа Панина, онъ поступилъ въ Дугино въ половинѣ 1833 года, сынъ дьякона изъ сосѣдняго села Липиць и крестникъ Степана Александровича Хомякова. Ему 86-й годъ, но онъ еще хорошо служилъ всенощную и обѣдню 27 и 28 Іюля 1885 г.

Я провелъ въ Дугинѣ 24—29 Іюля 1885 г. Отецъ Смирягинъ мнѣ разсказывалъ слѣдующее:

Въ началѣ 1826 года, когда провозили черезъ Москву изъ Таганрога тѣло императора Александра, графъ Никита Петровичъ пріѣхалъ туда нарочно изъ Дугина и былъ на панихидахъ въ Архангельскомъ Соборѣ, за что имѣлъ неудовольствіе тогдашній Московскій генераль губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, такъ какъ графу Панину воспрещенъ былъ вѣздъ въ столицы. Двоюродный братъ его супруги, Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ появился тогда на политическомъ горизонтѣ и черезъ него графъ Панинъ могъ разсчитывать не только выйти изъ подъ опалы, но даже и вновь вступить въ службу (ему не было и 60 лѣтъ отъ роду). Графъ Д. Н. Блудовъ, пріѣхавшій съ Государемъ на коронацію, сказывалъ мнѣ, что послѣ сцены съ графомъ В. Г. Орловымъ, Государь отозвался Блудову (который высоко цѣнилъ способности графа Панина и искренно желалъ содѣйствовать улучшенію судьбы его), что нельзя дозволить Панину жить въ одномъ городѣ съ нимъ—Государемъ, такъ какъ Панинъ приличенъ въ трехъ заговорахъ. Третьяго изъ этихъ заговоровъ Блудовъ такъ и не могъ разгадать; не къ сверженію ли Александра передъ 1812 годомъ и возведенію на престолъ Екатерины Павловны? Очевидно, что Николай Павловичъ дѣйствовалъ и говорилъ, руководясь словами своей матери, въ которой въ то время (Августъ 1826) онъ еще не успѣлъ разочароваться. Въ Августѣ

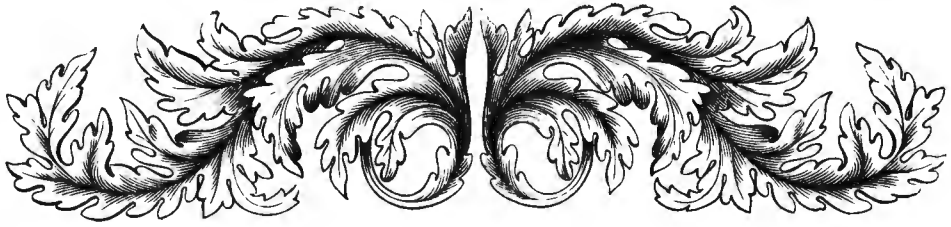
1826 г. графъ Панинъ находился еще въ Москвѣ. Участь его облегчена только тѣмъ, что въ отсутствіе Государя онъ могъ пріѣзжать въ Москву къ супругѣ своей, которая съ дѣтьми жила у своего отца графа В. Г. Орлова, а онъ помѣщался по близости, въ своемъ домѣ въ Газетномъ переулкѣ.

Было ли графу Панину извѣстно отреченіе Павла отъ престола, подписанное имъ при Екатеринѣ? Очевидно, что было и что Александръ Павловичъ много и долго съ нимъ о томъ бесѣдовалъ. Признавая необходимость понудить припадочнаго Государя къ отреченію, оба они исполняли только завѣтъ Екатерины. Бумаги этого отреченія должны же гдѣ нибудь остаться.

Когда Безбородко подносилъ Павлу бумаги объ отреченіи, Павелъ долженъ былъ ихъ уничтожить: иначе какъ же бы онъ расплатился съ большими долгами, въ которые ввели его всякаго рода чашки и въ Гатчинѣ и Павловскѣ и привычка супруги ко всяческой показной роскоши (*la fureur de régner*).

Намъ неизвѣстно, какая Нѣмецкая статья была доставлена графомъ Панинымъ Филарету, который находился съ его свояченицею, Екатериною Владимировной Новосильцевой, въ постоянныхъ по духовной части сношеніяхъ и который не счелъ нужнымъ продолжать переписку съ опальнымъ вельможею. П. Б.

ПАМЯТИ П. В. ЖУКОВСКАГО.

11-го августа 1912 г. въ Веймарѣ перешелъ въ вѣчность Павелъ Васильевичъ Жуковскій, сынъ поэта. Оборвалось еще одно звено, связующее нашу скудную современность со славнымъ временемъ Пушкина, Жуковскаго, Тютчева. Не мнѣ оцѣнивать почившаго: его образъ ждетъ слова мудрости и того чистаго изящества, образцомъ которыхъ онъ самъ былъ. Эти строки—лишь нѣсколько личныхъ воспоминаній, память благодарнаго сердца.

Помню въ Москвѣ обширный кабинетъ Павла Васильевича, рѣдкія картины, ковры по стѣнамъ вродѣ знаменъ, съ вышитыми надписями; одна изъ нихъ запечатлѣлась во мнѣ: „Qui n'est que juste est dur“,—завѣтъ, которому покойный оставался неизмѣнно вѣренъ въ чарующей добротѣ своей. Но не роскошь убранства, не собранныя тамъ сокровища искусства,—привѣтливая ясность хозяина, его незлобное обаяніе влекло и манило къ этому острову красоты. На всемъ лежала печать утонченнаго и строгаго вкуса, создавался особый міръ, описать который нельзя, какъ нельзя описать движеній прекрасныхъ рукъ Павла Васильевича и серебряную свирѣль его, въ души западашаго, голоса...

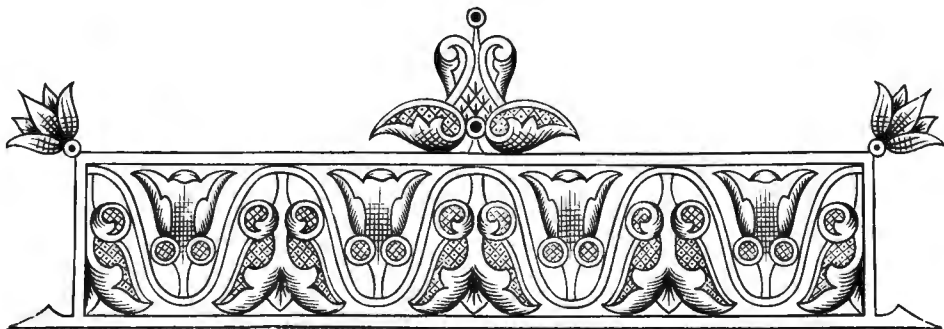
Пронеслись кровавые дни недоброй памяти 1905 г., и Жуковскій переселился въ Веймаръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя болѣе окруженнымъ властительными тѣнями прошлаго. Тамъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, пріѣхавъ въ Германію проститься съ отцомъ моимъ, скончавшимся на рукахъ Павла Васильевича 31-го октября 1908 г. Онъ жилъ, окруженный друзьями усопшими, покинувъ въ Россіи друзей живыхъ. На его письменномъ столѣ портреты: Александра III, Александра Николаевича, покойнаго великаго герцога Веймарскаго, Вагнера, Листа, Пушкина, Тургенева и другихъ вѣнценосныхъ и увѣнчанныхъ друзей Жуковскаго. „Въ ихъ обществѣ я совсѣмъ не оди-

нокъ“,—говорилъ шутя Павелъ Васильевичъ. При отъѣздѣ изъ Веймара онъ перекрестилъ меня и на обычное *до свиданья* сказалъ: „До свиданья—тамъ“, указывая на небо. Слова его оправдались, намъ не суждено было увидѣться. Но никогда не умреть въ душѣ знавшихъ Жуковскаго его ликъ, младенчески чистый и юношески прекрасный, вопреки старости. И дивно звучать о Павлѣ Васильевичѣ Жуковскомъ стихи его отца:

„О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были!“

П. Ю. Б.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА“.

Письма Великаго Князя Константина Николаевича къ А. В. Головинну, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., выписаны мною 27 Юня 1882 въ Петербургѣ, изъ тетради съ копіями писемъ Великаго Князя, которую нежданно-негаданно прислалъ мнѣ для прочтенія А. В. Головиннъ изъ Царскаго Села въ Петербургѣ при письмѣ, въ которомъ онъ говорилъ, что мое сочувственное Великому Князю выраженіе побудило его къ этой присылкѣ. Я же, бывъ у него въ Царскомъ по дѣлу о Воронцовскомъ архивѣ и увидавъ большой портретъ Великаго Князя, вспомнилъ про добрыя его ко мнѣ отношенія во время моихъ хлопотъ съ цензурою по разрѣшенію 2-го тома сочиненій Хомякова, и сказалъ, между прочимъ: „во всемъ причиною Николай Павловичъ“.

*

Ребусъ, еженедѣльный загадочный журналъ, изд. Викторомъ Прибытковымъ, т. II, Спб. 1883. Статьи И. Я. „Правда о Еленѣ Петровнѣ Блаватской“, стр. 357—438.

Она родилась въ 1831 году, бѣжала въ Америку отъ мужа, который былъ втрое старше ея. Изъ Америки она возвратилась въ Англію зимою 1858—1859 года. Мать ея, тоже Елена (р. Өадѣва), печатавшая повѣсти подъ именемъ Зинаиды Р-вой, умерла 27 лѣтъ отъ роду, оставивъ трехъ дѣтей: Блаватскую, Желиховскую (въ первомъ бракѣ Яхонтову, которой супругъ былъ директоромъ гимназій въ Псковѣ) и Леонида (нынѣ адвоката въ Ставрополѣ). Отецъ, Петръ Алексѣевичъ Ганъ, старый артиллеристъ, женился вторично. Дѣти воспитывались у дѣда и бабки Өадѣвыхъ въ Тифлисѣ, гдѣ впоследствии Блаватская вела торговлю краснымъ лѣсомъ. Въ отрочествѣ ея, семья жила въ Астрахани, гдѣ старикъ Өадѣвъ завѣдывалъ Калмыками. Немудрено, что вѣроученіе Калмыковъ, съ ихъ видѣніями и таинственными чуде-

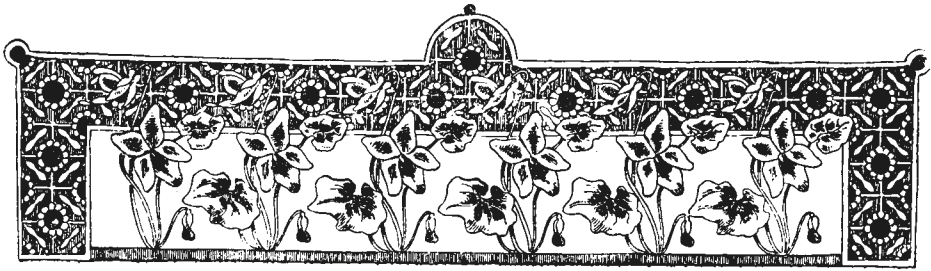
сами, рано запало въ душу даровитой дѣвочки. Въ 1860-хъ годахъ жила она въ Каирѣ; около 1870 г. была въ Одессѣ, а въ 1872 г. совсѣмъ покинула Россію и 7 лѣтъ прожила въ Нью-Йоркѣ. Сочиненіе ея называется Разоблаченная Изида. Нѣкоторое время она дружила съ Всеволодомъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ, сыномъ историка, и они замыслили просить денегъ у нашего правительства, чтобы дѣйствовать въ Индіи противъ Англичанъ, но потомъ перессорились. Желиховская желала помѣстить въ „Русскомъ Архивѣ“ большую біографію сестры, но я отказался. Она рассказывала мнѣ, что въ Псковѣ Блаватская у нея гостила. У нихъ въ то время остановился митрополитъ Исидоръ на пути изъ Тифлиса въ Петербургъ. Желиховская просила сестру, въ присутствіи владыки не выкидывать ея штукъ. Но за утреннимъ завтракомъ чайныя ложечки начали прыгать и попадали прямо въ митрополичью панагію.

*

Про Тертія Ивановича Филиппова.

Подвигаясь въ службѣ быстро,
Онъ товарищемъ министра,
И драгое имя Тертія
Ужъ блеститъ лучемъ безсмертія.

ПИСЬМА КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ.

И. С. Аксакова.

Лучше вамъ прїѣхать, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Изъ нашихъ: Самаринъ проводитъ зиму депутатомъ въ Самарѣ, Кошелевъ въ Рязани, кн. Черкасскій въ Тулѣ, Н. А. Елагинъ въ Тулѣ (выбранъ депутатомъ по Бѣлевскому уѣзду), Ф. П. Чижовъ поглощенъ весь своимъ журналомъ. Такимъ образомъ я остаюсь почти одинъ, взявши на себя редакцію Р. Бесѣды, обязавшись передъ публикой начать изданіе Паруса съ 1 Января. Я непременно печатаю Записки Державина съ 1-ой же книги Бес. 1859 года. Посылаю вамъ сей печатный листъ, циркуляръ, мною сличенный, переведенный на Сербскій, Чешскій, Болгарскій, Польскій языки, и напечатанный на сихъ языкахъ, въ числѣ 300 экземпляровъ *). Онъ производитъ сильный эффектъ между Славянами. Пути мною бол. частью устроены. Если будете проѣзжать черезъ Лейпцигъ, повидаетесь съ Вагнеромъ, объясните ему, въ чемъ дѣло, и скажите ему, чтобы всѣ доставляемыя ему статьи и письма онъ отсылалъ въ наше Дрезденское посольство къ кн. Волконскому, а подъ этимъ адресомъ писать: „А. Н., au Ministère des aff. étrang. St. Pétersbourg“. Изъ Министерства писано къ кн. Волконскому посылать все съ курьерами въ Спб. на имя А. Ф. Гильфердинга. Впрочемъ, я и самъ пишу къ Вагнеру объ этомъ. Прошу васъ устроить, чтобы можно было подписываться на Бесѣду и на Парусъ, также какъ за границей подписываться на Спб. Вѣд. и Сѣв. Пчелу, т. е. чтобы можно было подписываться въ Дрезденскомъ, Берлинскомъ и Франкфуртск. почтамтахъ, которые въ силу почтовыхъ конвенцій, непосредственно сносятся съ другими газетными экспедиціями. Пожалуйста, узнайте, какъ это все дѣлается; прошу васъ съ пустыми руками не прїѣзжать. Если заѣдете въ Вѣну, то получите отъ Раевского статей для Бесѣды и

*) Говорится о посланіи А. С. Хомякова къ Сербамъ. П. Б.

Паруса; вербуйте намъ между Бельгійскими и Германскими учеными постоянныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ за 40 р. сер. (для Нѣмца цѣна неслышанная), а они тамъ всё голодны. Знайте, что у Раевского есть нашъ денежный фондъ для платы за статьи. Другой фондъ и депо учреждается мною въ Триестѣ у агента Общества Пароходства и Торговли. Онъ можетъ получать себѣ за комиссію, что тамъ слѣдуетъ; во всякомъ случаѣ будетъ не въ накладѣ. Посылать письмо не франкированнымъ, чтобы вѣрнѣе дошло.

Прощайте, обнимаю васъ. Мой адресъ—или просто Р. Бесѣда, или въ домъ княгини Голицыной у Никитскихъ воротъ, на Никитской, а адресъ нашихъ на Малой Кисловкѣ, домъ Пуколовой. Батюшкѣ лучше. Лѣто ему помогло; но онъ все же боленъ и на больномъ положеніи. Обнимаю васъ. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Протоіерея М. Я. Морошкина.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Вы промелькнули въ Петербургѣ какимъ-то метеоромъ, такъ что я услышалъ о вашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ уже тогда, когда вы, кажется, были чуть не на подорожѣ къ Москвѣ. А между тѣмъ мнѣ бы очень хотѣлось видѣться съ вами и повторить вамъ ту мою просьбу, которую вы изволили такъ благосклонно выслушать нѣкогда отъ меня въ Публичной Библиотекѣ. Если вы изволите припомнить, то я просилъ васъ о доставленіи мнѣ случая познакомиться съ нѣкоторыми находящимися у васъ документами, относящимися до церковной исторіи царствованія Николая I-го. Вы были такъ обязательны, что сами указали мнѣ на нѣкоторые замѣчательные документы, хранящіеся у васъ, наиримѣръ на письмо миссіонера Макарія и другіе. Позвольте теперь снова просить у васъ позволенія воспользоваться принадлежащими вамъ разными историческими матеріалами, относящимися къ эпохѣ минувшаго царствованія. Я бы почелъ себя чрезвычайно обязаннымъ вами, если бы вы были такъ свисходительно-добры ко мнѣ, что приняли бы на себя трудъ переслать ко мнѣ по почтѣ нѣкоторые изъ историческихъ матеріаловъ вашихъ. Издержки, необходимыя при этой пересылкѣ, безъ сомнѣнія я принимаю на себя.

Адресъ мой: Священнику Казанскаго Собора (въ Петербургѣ) Михаилу Я. Морошкину, въ церковномъ домѣ,

Позвольте надѣяться, Петръ Ивановичъ, что вы не сочтете этой моей просьбы нахальной дерзостію и назойливой напросливостію.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ вашимъ слугою священникъ Казанскаго Собора Михаилъ Морошкинъ.

Декабря 31-го дня 1858-года.

М. А. Максимовича.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Возвращаю съ благодарностію три книги ваши и письмо къ вамъ Плетнева, два стихотворенія, напечатанныя въ „Бесѣдѣ“; третье, Фрейбергъ и Ломоносовъ (составляетъ одно), я выписалъ вмѣстѣ съ тѣми двумя изъ альбома князя Вяземскаго, но оно, самъ не знаю какъ, пропало въ бумагахъ „Бесѣды“ или моихъ, въ прошлогодній Май мѣсяцъ; я давно уже искалъ его вездѣ и не отыскалъ. Слово примиренія вы можете найти у Лонгинова, который, кажется, получилъ уже его отъ Павлова. Будьте здоровы, и когда будете писать къ Петру Ал., передайте ему мой привѣтъ. Вашъ М. Максимовичъ.

1859 г. 20 Апрѣля.

Я. К. Грота.

Поблагодарите отъ меня Аксакова за обѣщаніе позволить мнѣ прочесть рукопись Державина. Постараюсь непременно воспользоваться этимъ позволеніемъ, если найду возможность съѣздить въ Москву. Вы прочтете скоро въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ планъ изданія Державина; я бы былъ вамъ особенно обязанъ, если бы вы сообщили мнѣ на него свои замѣчанія и высказали, если въ чемъ-нибудь не согласны съ нами. Я уже принялся за работу и дошелъ до 1778 года.

За мысль прислать мнѣ вашъ портретъ душевно васъ благодарю. Бланкъ *) здѣсь такъ замѣшкался, что я рѣшилъ взять у него свою фотографію; она теперь у меня, и я думаю отправить вамъ ее вмѣстѣ съ тетрадью, о которой сейчасъ скажу.

Занявшись снова Державинимъ, я нашелъ нужнымъ особо рассмотреть Читалагайскія оды, о которыхъ въ прежнихъ моихъ статьяхъ

*) Григорій Борисовичъ, родственникъ супруги Я. К. Грота. П. Б.

почти ничего не было сказано. Такъ составилаь прилагаемая статья. Прочтите ее и если найдете ее стоящею какого нибудь вниманія, то отдайте ее для напечатанія либо въ „Бесѣду“, либо въ труды „Общ. Люб. Рус. Слов.“ или, можетъ быть, она всего болѣе идетъ въ „Библиографическія Записки“. Однимъ словомъ, вамъ предоставляю я рѣшить судьбу ея; но во всякомъ случаѣ желалъ бы получить хоть полсотни отдѣльныхъ оттисковъ. Хорошо бы также, еслибъ мнѣ прислали одну корректуру; статья эта требуетъ большой точности въ наборѣ, и неприятно было бы увидѣть въ ней невѣрности. А я не задержалъ бы корректуры и выслалъ бы ее хоть на другой же день обратно. Для избѣжанія всякихъ издержекъ по пересылкѣ она могла бы быть адресована въ Академію Наукъ; внутри пакета надо бы сдѣлать особую надпись на мое имя.

Если мнѣ случится быть въ Военномъ Архивѣ, то не забуду вашего желанія относительно реляцій Бибикова.

Недавно я перечиталъ ваши статьи о Морковѣ и Шуваловѣ и былъ чрезвычайно доволенъ обѣими. Какъ много вы можете еще сдѣлать, идя по этому пути! Сбираюсь познакомить Наслѣдника съ этими біографіями. Но я не согласенъ съ вами, чтобы И. И. Шувалова нельзя было назвать необыкновеннымъ человѣкомъ; по способностямъ—такъ, но по образу мысли, благородству характера и дѣйствіямъ онъ былъ въ полномъ смыслѣ необыкновенный человѣкъ между вельможами. Эти рѣдкія свойства на такомъ мѣстѣ стоятъ генія.

Спасибо вамъ за „Избранныя Житія Святыхъ“. Какое ваше въ нихъ участіе? За нѣсколько часовъ до полученія экземпляра, я видѣлъ ихъ въ рукахъ Великаго Князя Александра, который читалъ ихъ съ большимъ увлеченіемъ.

*

Спѣшу поблагодарить васъ, многоуважаемый Петръ Ивановичъ, за содѣйствіе ваше къ моему избранію въ члены О. Л. Сл. Съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода 1-ой книжки „Бесѣды“, въ которой надѣюсь найти продолженіе Записокъ Державина съ вашими интересными примѣчаніями. Главной причиной остановки моихъ статей о немъ было неимѣніе его Записокъ. Какъ скоро онѣ появятся, я по возможности займусь продолженіемъ этого труда. Оригинальная рукопись Львовскихъ объясненій находится съ недавняго времени въ моихъ рукахъ. Я получилъ ее отъ вдовы покойнаго Л. съ правомъ пользоваться ею

при моихъ трудахъ. Что касается до рукописи, находящейся у Капнистовъ, то это вѣроятно подлинникъ Львовскаго текста, который во многомъ измѣненъ противъ первоначальнаго, не говоря уже о перемѣнахъ, произведенныхъ цензурою. По кр. мѣрѣ Е. Н. Львова говорила мнѣ, что съ ея подлинника никогда не было другой копіи. Я сравниваю теперь подлинный текстъ съ Львовскимъ печатнымъ и дополняю послѣдній выписками изъ перваго. У Львова многое смягчено или даже совсѣмъ выпущено, особенно въ отношеніи къ личностямъ, притомъ и самая редакція значительно измѣнена и не всегда къ лучшему. Что касается до хронол. показаній, то до сихъ поръ (а я просмотрѣлъ уже около половины рукописи) я не нашелъ у Львова отступленій отъ оригинала, и потому его свѣдѣнія по этому предмету надежнѣе Остолоповскихъ.

Я послалъ въ редакцію „Атenea“ статью свою и, вообразивъ почему-то, что вы знакомы съ Коршемъ, просилъ его: если онъ ее не помѣститъ въ своемъ журналѣ, доставить вамъ для пересылки при случаѣ ко мнѣ. Это было написано мною уже нѣсколько дней тому назадъ. Продолжаю лѣвой рукой, потому что правая въ слѣдствіе продолжительнаго напряженія опять требуетъ отдыха.

Въ первомъ письмѣ своемъ вы упоминали объ особыхъ оттискахъ Записокъ Державина и хотѣли доставить мнѣ экземпляръ ихъ черезъ книгопродавца Давыдова. До сихъ поръ онъ еще ничего не знаетъ о нихъ. Впрочемъ я, можетъ быть, не такъ понялъ ваши слова и долженъ получить свой экземпляръ только тогда, когда вся рукопись будетъ отпечатана.

Вы спрашивали, П. И., гдѣ гора Чита-Лагай. Объ этомъ я теперь вторично послалъ запросъ къ брату въ Самару. Впрочемъ изъ Львовскихъ объясненій видно, что эта гора въ Саратовскихъ колоніяхъ, а подлинная рукопись означаетъ и имя колоніи: *Шафгаузенъ*, которая (какъ видно изъ словаря Щекатова) основана 1765 въ верховьяхъ рѣки Малаго Карамана, впад. въ Волгу, ниже Иргизовъ, а потомъ переведена ближе къ Волгѣ и къ Иргизу, гдѣ отъ Саратова 93 версты.

11 Марта 1859 г. С.-Пб.

*

Благодарю васъ, многоуважаемый Петръ Ивановичъ, за присылку мнѣ экземпляра особыхъ оттисковъ первой части записокъ Державина. Какъ жаль, что онѣ являются такъ медленно, небольшими отдѣлами,

а не разомъ. Неужели онѣ будутъ продолжаться въ Бесѣдѣ весь годъ? Это составитъ для меня большое препятствіе въ намѣреніи заняться второю половиною дѣятельности Д—а. Скажите, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, гдѣ вы будете лѣтомъ? Если мнѣ можно будетъ урваться на нѣсколько дней въ Москву, имѣете ли вы право дать мнѣ прочесть въ рукописи остальные отдѣлы Записокъ? Мнѣ кажется, это не должно бы встрѣтить препятствія потому, что работа моя никакъ не явилась бы (это условіе, на которое я согласенъ) прежде окончательнаго напечатанія Записокъ.

По двумъ пунктамъ позвольте попросить у васъ объясненія. О рѣчи Д—а вы говорите (2 кн. Р. Б. стр. 61), что она остается въ рукописи. Стало быть, вамъ извѣстно, что она сохранилась, но гдѣ же? Далѣе на стр. 111 сказано, что вы не могли разобрать дѣло о залогѣ Маслова, но не совсѣмъ ясно, пропущено ли что нибудь изъ рукописи въ печатномъ текстѣ или нѣтъ. (Не удивляйтесь перемѣнѣ почерка на этой страницѣ: правая рука устала, и ее смѣнила лѣвая).

Для васъ, конечно, будетъ любопытно узнать, что я предложилъ О-му Отдѣленію Ак. Наукъ издать Державина въ хронологическомъ порядкѣ и что оно поручило мнѣ заняться этимъ изданіемъ. При этомъ мнѣ будутъ очень полезны ваши критическія и другія замѣчанія подѣ текстомъ записокъ. Живущіе здѣсь родственники поэта общали мнѣ всякое содѣйствіе къ доставленію изданію возможной полноты. Позвольте мнѣ, Петръ Ивановичъ, просить и вашей помощи въ этомъ дѣлѣ и по крайней мѣрѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ вашемъ посредничествѣ, если услышите, что въ Москвѣ есть у кого нибудь письма или бумаги Д. Вѣроятно вы вскорѣ прочтете въ печати что-нибудь о нашемъ предпріятіи.

Извѣстный вамъ Г. Б. Бланкъ, который собирается ѣхать отсюда въ Москву, взялся доставить вамъ мой портретъ, но кажется, онъ задержится здѣсь болѣе чѣмъ предполагалъ и уѣдетъ не прежде Оминой недѣли, а между тѣмъ я такъ поторопился отдать ему портретъ, что не успѣлъ сдѣлать и рамки; ужъ не взыщите.

П.б. 8 Апрѣля 1859 г.

*

Очень благодарю васъ, многоуважаемый Петръ Ивановичъ, за отписку Записокъ Державина. Я еще не получилъ его, но поспѣшу

спросить. „Бесѣду“ я читаю всегда во дворцѣ*), но до сихъ поръ ея тамъ еще нѣтъ, и вообще въ Пб. выходъ 1-ой книжки еще не объявленъ. Хронологическій списокъ соч. Державина сообщу я вамъ съ удовольствіемъ и въ доказательство моей готовности скажу вамъ, что я сегодня утромъ, немедленно по полученіи вашего письма, принялся за пересмотръ и переписку этого перечня. Впрочемъ я долженъ васъ предупредить, что онъ далеко отъ окончательной отдѣлки, и вамъ надо будетъ приложить къ нему свою собственную, что вамъ и легче будетъ сдѣлать при помощи автобіографіи Д. Ожидаю ее съ нетерпѣніемъ во всей ея цѣлости; по выходѣ ея, можетъ быть, примусь за продолженіе моихъ статей. А покуда надѣюсь въ скоромъ времени доставить вамъ хронол. списокъ.

Вашъ вызовъ предложить меня въ члены Общества Любителей Р. Словесности очень для меня лестенъ, и конечно избраніе въ его члены почитаю я честью, отъ которой отказать не имѣю причины. Радуюсь возобновенію этого общества, которое составило себѣ прежнюю свою дѣятельностью такое почетное имя въ нашей литературѣ, и желаю ему плодотворнаго и долговѣчнаго существованія.

Если вы видаетесь съ Е. Коршемъ, то потрудитесь сказать ему, что я отвѣтъ его получилъ и занимаюсь теперь окончаніемъ своихъ примѣчаній къ мыслямъ Я. Гримма о Словарѣ. Боюсь только, не будетъ ли эта статья слишкомъ велика и специальна для „Атенея“. Пусть онъ мнѣ откровенно скажетъ свое мнѣніе, когда я пришлю ее, и если она для него не пригодна, я могу со временемъ доставить ему что нибудь другое.

К. Жинзифовъ.

Москва. 26 Іюня 1864.

Искренно отъ всей души благодарю Васъ, Петръ Ивановичъ, за Ваше ко мнѣ письмо, которое доставило мнѣ не малое удовольствіе—словно получилъ письмо отъ родныхъ. Радуюсь, что Вы и всѣ Ваши пользуетесь полнымъ и совершеннымъ здоровьемъ, чего дай Вамъ Богъ и впредь до глубокой старости и непремѣнно дастъ Вамъ Богъ его. Я слава Богу тоже здравствую, припадки головной боли почти что всѣмъ исчезли и вотъ уже мѣсяць какъ пересталъ глотать ежедневно почти по цѣлой коробки пилюль; очень можетъ быть, что голова перестала болѣть и отъ того, что въ продолженіи цѣлаго мѣсяца ничего

*) Куда Я. К. ѣздилъ для уроковъ великимъ князьямъ. П. Б.

не дѣлалъ (приготовилъ только три статьи для Дня; вотъ страсть-то моя, словно блины пекутся у меня онѣ) и велъ жизнь сравнительно трезвую съ прежней, въ умственномъ отношеніи, и нѣсколько похожую на Азіатскую, т.е. нѣсколько изнѣженную; потребляю ежедневно по два и по три кувшина молока, обѣдъ у меня довольно хороший и опрятный и пока гуляю сколько душѣ угодно, но странно, что ни разу не былъ въ увеселительныхъ мѣстахъ, т.е. въ разныхъ эрмитажахъ съ Саксами, пѣвицами, картинами и пр. и пр. Но вотъ опять сегодня—завтра я волею неволею долженъ сѣсть и по цѣлымъ днямъ непрерывно работать, а то иначе не успѣю выѣхать изъ Москвы. Дастъ Богъ наступить и тотъ день, когда я долженъ буду проститься съ Вами. Душа такъ и проситъ перемѣнной жизни. Что-то будетъ дальше? Что будетъ, то будетъ, отъ своей судьбы не уйдешь, говоритъ пословица или поговорка, хоть она и пахнетъ фатализмомъ... Вы говорите, что еслибъ мой почеркъ былъ разборчивъ, то Вы бы меня вызвали такъ, для помощи, что и теперь Вы боитесь разныхъ тонкостей: нѣтъ повода!—говорите Вы. Разумѣется, что я Вамъ весьма благодаренъ за то, что Вы еще разъ хотите доказать мнѣ дѣломъ Вашу любовь ко мнѣ, какъ будто бы мало было доказательствъ съ Вашей стороны, но съ другой стороны, признаться Вамъ, я очень радъ тѣмъ, что не представляется Вамъ повода вызвать меня. Я бы не пріѣхалъ, Петръ Ивановичъ, во первыхъ потому, что садясь за графскій столъ рядомъ съ Нѣмцами и Французами, я не преминулъ бы задѣть ихъ за живое, чѣмъ причинилъ бы неудовольствіе графамъ; во вторыхъ потому, что у меня и такъ много работы, для которой даже времени не достаетъ; въ третьихъ, я бы, пожалуй, усвоилъ нѣкоторыя привычки изъ аристократической жизни, какъ въ прошломъ году, что и весьма не идетъ къ бѣдному человѣку; я едва отвыкъ отъ княжескаго стола, едва забылъ его, свыкнуться же съ графскимъ столомъ и потомъ опять отвыкать, признаться, дѣло-то не совсѣмъ пріятное, да при томъ же въ состояніи ли я являться ежедневно за графскій столъ въ чистой бѣлой сорочкѣ? Если же Вы скажете, что за то у меня въ карманѣ было бы готовыхъ нѣсколько десятковъ руб. сереб., то я Вамъ скажу, что для меня все равно какъ съ ними, такъ и безъ нихъ, ибо они у меня черезъ мѣсяць или два ухнули бы всѣ; я не спорю, что неумѣнье дорожить деньгами дѣло скверное или черта осудительная, но дѣло въ томъ, что 25 руб. въ мѣсяць и 50 руб. въ мѣс. оставляютъ въ моемъ мозгу одинаковый отпечатокъ, если же судьбѣ угодно будетъ познакомить меня когда нибудь, положимъ, съ 2000, или больше руб. сер. ежегоднаго оклада, разумѣется не дарового, то все таки же я ихъ не сберегу, а первымъ и непремѣннымъ долгомъ моимъ будетъ

издавать свои или чужія книги, словомъ помочь чѣмъ только могу, зародышу нашей „книжницы“, отсутствіе которой меня съ ума сводить. И такъ, чтобы не распространяться еще о томъ, что нѣтъ повода вызвать меня, жалѣть не стоитъ ни Вамъ, ни мнѣ. А вотъ объ чемъ нельзя не пожалѣть и не позадуматься: у графа библіотекаръ и докторъ Французы. Неужели Святая Русь не родила еще ни одного библіотекаря и ни одного доктора, людей честныхъ, трудолюбивыхъ, знающихъ свое дѣло, словомъ людей достойныхъ садиться за графскій столъ и заниматься добросовѣстно дѣлами графа? А между тѣмъ былъ у графа докторъ Французъ, который занимался кормленіемъ свиней, отъ которыхъ сало продавалъ его же бывшимъ мужикамъ, и когда пришлось отправить его назадъ во Францію на графскій счетъ, увидѣвъ, что у доктора 7—8 сундуковъ добра, полюбопытствовали узнать заключавшееся въ нихъ добро, открыли сундуки и нашли въ нихъ разной величины и цвѣта бутылки. Правда ли это? Впрочемъ на Святой Руси и цирюльники-Французы бывали докторами, а парикмахеры домашними воспитателями дѣтей. Что садовникъ и скорнякъ садятся за графскій столъ—дѣло хорошее, гуманное, похвальное и т. д. и т. д., но что они Нѣмцы, а не Русскіе—дѣло по моему мнѣнію весьма прискорбное, доказывающее пренебреженіе нашей народностью, чтобы не сказать презрѣніе къ ней; могу себѣ представить какого рода и вида жуки гнѣзятся у этого Нѣмца-садовника, зная, что рядомъ съ нимъ сидитъ Русскій графъ и какими глазами первый смотритъ на Русскаго вообще, не смотря на то, что онъ, безъ сомнѣнія, называетъ графа самымъ образованнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ (въ чемъ не хочу сомнѣваться). Но довольно пока объ этомъ. Графу ненужно говорить ничего на счетъ Боньева (фраза вышла противъ языка, оставляю ее такъ) послѣднее пожертвованіе (100 руб. сер.) получено, но оно дало только возможность ему отдѣлаться отъ кое какихъ неизбѣжныхъ должковъ, и только... Заклинаю Васъ именемъ Вашей любви ко мнѣ ничего не говорить графу объ этомъ, ибо графъ тутъ нисколько не виноватъ. Странно только мнѣ кажется, Петръ Ивановичъ, что ни одному изъ его воспитанниковъ не удалось поблагодарить графа лично (я не думаю, чтобы графу это было противно); какъ ни старался Боньевъ уловить графа, когда онъ нѣсколько дней тому назадъ былъ здѣсь, все же ему не удалось видѣть его очу, но Боньевъ поблагодарилъ графа какъ умѣлъ письменно. Желательно узнать какъ нибудь, дошло ли это письмо до графа, или оно задержано извѣстнымъ лицомъ?....

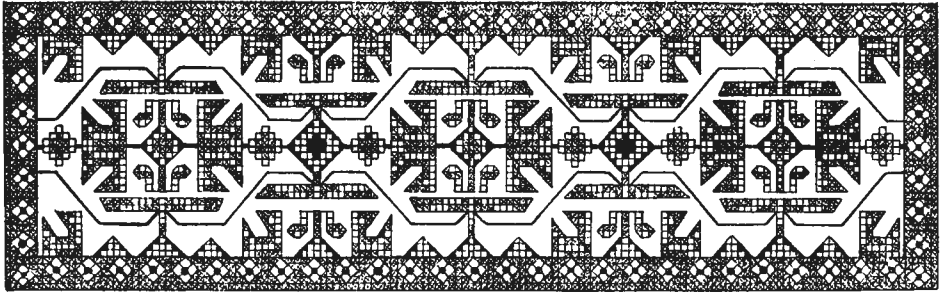
Ящикъ съ сигарами Austria купленъ у Юнкера, доставленъ мною въ библіотеку, а когда Вы его получите, не могу знать, ибо онъ сегодня (сего дня пятница) пойдетъ въ контору графа; дальше не знаю.

Мнѣ бы слѣдовало купить сигары тотчасъ по полученіи вашего письма (въ среду), да что тутъ сдѣлать, когда было затрудненіе въ деньгахъ! Попрошу Пациентова возвратить мнѣ стоимость сигаръ, ибо я бралъ займы....

Аксаковы всѣ здоровы. Это мнѣ говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, который приѣзжаетъ по понедѣльникамъ, а уѣзжаетъ по пятницамъ, передалъ ему Вашъ поклонъ. Если День скучень, то читайте Голосъ, или Петербургскія Вѣдомости, или же Московскія Вѣдомости; неужели эти послѣдніе лучше Дня? Воля Ваша, а не трогайте моего Дня. День не скучень, а серьезень, или онъ скучень, потому что серьезень и специалень. Кстати о газетахъ: если тамъ получается Голосъ, то отыщите № 137 отъ 9 іюня и прочтите замѣтку П. Якушкина. Порядкомъ достается въ ней П. Безсонову, тутъ задѣтъ и Аксаковъ. Ужъ слишкомъ заазартился Якушкинъ, но что если все это правда? Боньевъ что то молчить, онъ можетъ быть еще не замѣтилъ замѣтку. Ну вотъ и забылъ спросить Аксакова, кто этотъ пишущій Ардамонъ Р..... (не Рычковъ ли?). Кохановская Вамъ не нравится и кого бы Вы ни спросили, всѣ Вамъ отвѣчаютъ „не дошли!“ Это говорить въ пользу изрѣченія „привычка вторая натура“. Вѣдь Рой-Саввичъ не то что *les Misérables* или Взбаламученное море, а общество выросло, читая имъ подобные романы. Впрочемъ, сказать Вамъ и то: я на сторонѣ Роя-Саввича, такъ какъ вообще защищаю все, что Русское.

Кажется на все Вамъ отвѣтилъ. И такъ большой поклонъ Софѣ Даниловнѣ, Алешѣ, Ванѣ и Сережѣ братскій поцѣлуй. Старая кормилица торжествуетъ; коли такъ, пускай же она ухаживаетъ за дѣтьми, если хочетъ, чтобы я не ссорился съ ней... Желаю Вамъ здравствовать всѣмъ отъ мала до велика. Вашъ К. Жинзифовъ.

НАДЪ ГРОБОМЪ П. И. БАРТЕНЕВА.

*Въручай въ Мя, аще и умреть,
оживетъ. (Иоан. II, 25).*

Такъ сказалъ Жизнодавецъ Господь нашъ плачущей Марѣ при гробѣ умершаго брата ея Лазаря. И мы всѣ, върующіе въ Него, живемъ этой надеждой, въ ней мирясь съ смертію братій своихъ.

Вотъ и онъ умеръ,—умеръ тотъ, который дѣлалъ дѣло своей жизни уже полвѣка тому назадъ, когда мы, сами уже покрытые пепломъ жизни, еще только явились на свѣтъ Божій. И съ той поры неустанно, ни на шагъ не останавливаясь, шелъ онъ дорогою своей жизни, знакомя насъ съ жизнедѣятельностію нашихъ дѣдовъ и отцовъ, выставляя предъ нами живые образы ихъ въ ихъ словахъ и дѣлахъ. И какое обиліе этихъ живыхъ образовъ собралъ онъ изъ самыхъ разнообразныхъ хранилищъ человѣческой памяти! Съ какимъ искусствомъ, знаніемъ и пониманіемъ дѣла это собранное разбиралъ, распредѣлялъ и заносилъ въ свою „записную книжку“! Какою изумительной точностію въ опредѣленіи времени, мѣста, положенія и взаимныхъ отношеній родовыхъ, бытовыхъ и всякаго другого рода отличались эти собственноручныя отмѣтки и замѣтки его! Какая это была феноменальная память и громадная эрудиція, какой тонкій и глубокий умъ сказывался въ его оцѣнкѣ воспоминаемыхъ имъ лицъ и событій и какое художественное слово, въ какое облакалъ онъ свои мысли и сужденія! А этотъ неустанный и кропотливѣйшій трудъ, безъ отдыха, безъ развлеченій на протяженіи болѣе полувѣка, даже тогда, когда на плечахъ труженника было свыше восьмидесяти лѣтъ! По истинѣ не знаешь, чему въ этомъ Русскомъ архивистѣ нужно было болѣе удивляться—этой ли его необычайной трудоспособности или лучше

выносливости труда, въ наши дни постоянныхъ толковъ „о переутомленіи“, для многихъ непонятной, или обилію, глубинѣ и силѣ его духовныхъ дарованій и талантовъ. Да, покойнаго не обвиняясь можно назвать тѣмъ приточнымъ рабомъ, который надѣленъ отъ Господа не однимъ или двумя, а пятью талантами и который ни одного изъ нихъ не закопалъ въ землю, а всё ихъ употребилъ въ дѣло, дѣло своей долгой жизни, до послѣдняго угасающаго дня ея...

Будемъ ли поэтому плакать объ немъ, подобно Марѣѣ объ Лазарѣ, плакать о томъ, что вотъ и нѣтъ его? Не плакать, что нѣтъ его, а благодарить Бога, что былъ среди насъ—на нашихъ глазахъ жилъ такой трудолюбецъ, который не губилъ и не погубилъ врученные ему отъ Бога таланты, а, употребивъ ихъ въ дѣло, до конца исполнилъ долгъ, завѣщанный отъ Бога! Да, знаменательнымъ мнѣ кажется даже то, что нить его жизни порвалась на послѣдней двѣнадцатой книгѣ пятидесятаго года его Архива! Вѣдь пятидесятый годъ и по Библии есть годъ юбилейный, за которымъ и по Божьему слову достойно и праведно надлежитъ быть награждѣ... Развѣ все это не можетъ для насъ служить залогомъ того, что и почившій, если и умеръ, оживеть?...

Бываютъ люди, которые, говоря слова откровенія св. Іоанна, думаютъ, что они живы, а они мертвы; но бываетъ и наоборотъ; о человѣкѣ говорятъ, что онъ умеръ и мы сами видимъ его во гробѣ, а онъ живъ. Это же самое мы можемъ сказать о почившемъ. Онъ живъ въ томъ самомъ дѣлѣ, которое такъ неустанно дѣлалъ всю свою долгую жизнь; ибо дѣло это не ушло съ нимъ въ гробъ, въ могилу, а осталось съ нами, у насъ и для насъ и само есть дѣло жизни—жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тѣ 600 „выпусковъ“ „Русскаго Архива“ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія, которые собралъ и составилъ почившій, вложивъ въ нихъ свою душу, свою жизнь, хоть въ нѣкоторой части и составляютъ библиографическую рѣдкость, все же цѣлы и, конечно, тщательно будутъ храниться и надолго еще сохранятся въ книгохранилищахъ науки. Хочется вѣрить, что изданія „пѣвца Екатерины“ ея сподвижниковъ и преемниковъ, долго, долго, пока жива Россія, не покроются пылью забвенія и чѣмъ больше и дольше будутъ жить, въ живомъ употребленіи живыхъ людей, тѣмъ цѣннѣе будутъ считаться. Можно смѣло сказать, что безъ этихъ книгъ не обойдется ни одинъ ученый Русскій историкъ въ своихъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ о послѣднихъ двухъ столѣтіяхъ жизни Россіи, общественной, государственной и

даже церковной; потому что въ своемъ „Архивѣ“ почившій не просто собиралъ все, что осталось отъ того времени, безъ всякаго разбора и системы, а изъ собираемаго имъ историческаго матеріала выбиралъ то, что, по его мысли, было важно и существенно, въ своихъ краткихъ, но всегда мѣткихъ и умныхъ примѣчаніяхъ строго и точно опредѣляя цѣнность и значеніе сообщаемого имъ историческаго матеріала. Этими примѣчаніями и еще больше конечно самымъ подборомъ историческаго матеріала своего „Архива“, какъ живой картиной былого, онъ говорилъ о томъ, чему другіе учили насъ, или отвлеченнымъ языкомъ философскихъ и богословскихъ разсужденій, или поэтическими образами фантазіи: Аксаковы, Хомяковы и Кирѣевскіе, М. Филаретъ, Катковъ, Пушкинъ и Достоевскій—вотъ тѣ русскіе орлы, къ стаѣ которыхъ примыкалъ почившій своими идеалами, которыми жилъ онъ и которые оживлялъ предъ нами въ воспроизводимыхъ образахъ былого. „Былое въ сердцѣ воскрешая и въ немъ сокрытаго глубоко духа жизни вопрошая“, почившій въ воспроизведенныхъ имъ образахъ былого оживлялъ предъ нами отцовъ и дѣдовъ нашихъ, ихъ самихъ, какъ живыхъ, заставлялъ говорить о томъ духѣ жизни, которымъ жили они, какъ истинно-Русскіе люди, и которыми, какъ вѣковѣчными устоями, жила и всегда жива была и будетъ Россія... Здѣсь стоитъ отмѣтить, что вѣдь изъ его, покойнаго „Русскаго Архива“ мы впервые узнали о той „философіи общаго дѣла“ мало кому вѣдомаго нашего Русскаго Любомудра, по которой весь смыслъ-то Русской, да и не Русской только жизни, въ томъ, чтобы воскресить отцовъ въ жизни дѣтей ихъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ чудны, какъ глубоко истинны и сердцу Русскому желанны, въ этой „философіи общаго дѣла“ такъ логически несокрушимо и до осязательности живо запечатлѣнныя, мысли о Царѣ, какъ въ Отца и праотцовъ мѣсто поставленномъ и о связи его съ народомъ во имя Бога, какъ Бога отцовъ,—тѣ мысли, которыя какъ нельзя лучше выражаютъ собою основныя устои Русской жизни, въ которыхъ скрытъ духъ этой жизни! Это-то настоящее православно-русское міро—и жизнепониманіе раздѣляя, этимъ-то духомъ Русской жизни, какъ идеаломъ оживляясь, имъ руководясь, и оживлялъ, воскрешалъ къ жизни отцовъ и дѣдовъ нашихъ почившій пѣвецъ старины въ воспроизводимыхъ имъ образахъ былого. Обращая къ усопшимъ отцамъ, къ ихъ словамъ и дѣламъ сердца живыхъ сыновъ ихъ и чрезъ то тѣхъ и другихъ взаимно объединяя, онъ и самъ объединялся съ тѣми и другими, являя чрезъ то въ себѣ настоящаго православно—русскаго челоувѣка. А вѣдь въ этомъ оживленіи усопшихъ, въ воскрешеніи духа ихъ жизни въ жизни живыхъ, въ этомъ объединеніи всѣхъ въ Богѣ, какъ Богѣ отцовъ, и существо православія, какъ дано оно въ пра-

вославленной церкви, въ ея отличіи отъ Западнаго инославія: не даромъ у насъ именно воскресеніе Христова есть праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ...

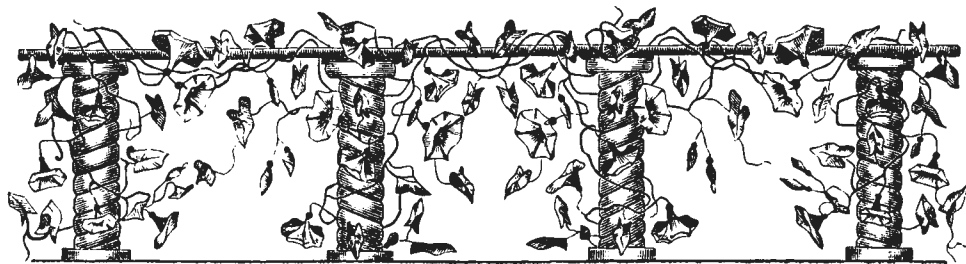
Нужно ли послѣ сказаннаго разъяснять еще слова Господа: *вручай въ Мя, аще и умретъ, оживетъ*, въ ихъ приложеніи ко въ Бозѣ почившему? Нужны ли еще какія свидѣтельства православія его вѣры для надежды на его воскресеніе въ духѣ и силѣ воскресенія Христова? Развѣ, гоня свое слово къ концу, сказать о самомъ концѣ его жизни? Такъ христіански непостыденъ онъ былъ.

Я уже сказалъ выше, что всего лишь за нѣсколько дней до своей кончины закончилъ онъ одиннадцатую и заготовилъ матеріалъ на двѣнадцатую, послѣднюю книжку своего Архива за текущій годъ—пятидесятый годъ его изданія, какъ бы исполнивъ долгъ, завѣщанный отъ Бога какъ дѣло жизни своей,—всего лишь за нѣсколько дней сподобился св. таинствъ покаянія и св. Причащенія, и соединившись чрезъ то со Христомъ, послѣдніе предсмертные дни провелъ, по словамъ Богомъ данной спутницы его жизни, какъ бы въ отрѣшенности отъ этой жизни, отъ всего земного и въ этой безмолвной отрѣшенности отъ житейской суеты, тихо, незамѣтно-тихо скончался, упокоился отъ трудовъ своихъ—сталъ покойникомъ....

Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, со святыми упокой, и дѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная; яко Ты еси воскресеніе и животъ и покой усопшаго раба Твоего Христе Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и пресвятымъ и божіимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, и нынѣ и присно и во вѣки. вѣковъ. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.

ПАМЯТИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАРТЕНЕВА.

† 22 Октября 1912 г.

Я былъ весьма польщенъ предложеніемъ, сдѣланнымъ мнѣ Сергѣемъ Петровичемъ Бартевымъ, присоединиться къ другимъ почитателямъ его покойнаго отца и написать вкратцѣ о моемъ съ нимъ знакомствѣ.

Знакомство это продолжалось болѣе трети столѣтія, такъ какъ еще въ Мартѣ 1878 года меня съ Петромъ Ивановичемъ свелъ покойный мой тестъ Василій Васильевичъ Ильинъ, тогдашній Главный Смотритель Страннопріимнаго Дома графа Шереметева. Петръ Ивановичъ часто вспоминалъ объ этой первой моей съ нимъ встрѣчѣ и о добрыйшемъ моемъ тестѣ. Любилъ онъ также вспоминать и о моемъ покойномъ отцѣ, котораго зналъ только по наслышкѣ отъ членовъ семьи графа Блудова, состоя учителемъ молодыхъ Шевичей, мать которыхъ Лидія Дмитріевна была дочерью знаменитаго графа Д. Н. Блудова. Эти братья Шевичи (нынѣ тоже покойные) приходились моему отцу племянниками по первой его женѣ, сестрѣ ихъ отца. Петръ Ивановичъ былъ глубоко преданъ памяти графа Блудова, а также памяти всѣхъ тѣхъ, которые оказывали ему какую либо поддержку въ года его юности. Такъ, напримѣръ, онъ до конца жизни вспоминалъ съ благодарностью о бабкѣ моей жены Александрѣ Ивановнѣ Васильчиковой, урожденной Архаровой, съ сыновьями которой Петромъ и Александромъ Алексѣевичами Васильчиковыми онъ учился въ Московскомъ Университетѣ, и съ дружескимъ участіемъ всегда относился ко всѣмъ потомкамъ А. И. Васильчиковой.

Въ первые 15 лѣтъ нашего знакомства я бывалъ въ Москвѣ только изрѣдка, всегда однако стараясь имѣть удовольствіе побесѣдовать

съ П. И. Бартеневымъ, но живя въ деревнѣ поддерживалъ съ нимъ переписку, сообщая иногда кое какой матеріалъ въ Русскій Архивъ, какъ напримѣръ воспоминанія моего отца А. П. Бутенева, появившіеся въ Архивѣ въ 1881—84 годахъ въ Русскомъ переводѣ съ Французскаго подлинника. Бесѣды мои, въ уютномъ маленькомъ кабинетѣ Бартенева надъ проѣздными воротами его дома на Садовой, участились съ переѣздомъ на жительство въ Москву и всегда доставляли мнѣ большое удовольствіе. Петръ Ивановичъ, быть можетъ вслѣдствіе семейныхъ связей, о которыхъ упомянуто выше, всегда необыкновенно привѣтливо относился ко мнѣ и я у него долго засиживался. Любя изучать старину и переноситься въ прошлое, Петръ Ивановичъ былъ для меня, какъ и для всѣхъ его знавшихъ, огромной справочной бібліотеккой, особенно по Русской старинѣ и въ частности по любимому имъ вѣку Екатерины II-й. Память Императрицы Екатерины II была для него священна, онъ передъ нею преклонялся и всегда съ воодушевленіемъ говорилъ о ней какъ объ „избранницѣ русскаго народа, котораго она отблагодарила великимъ своимъ царствованіемъ“.

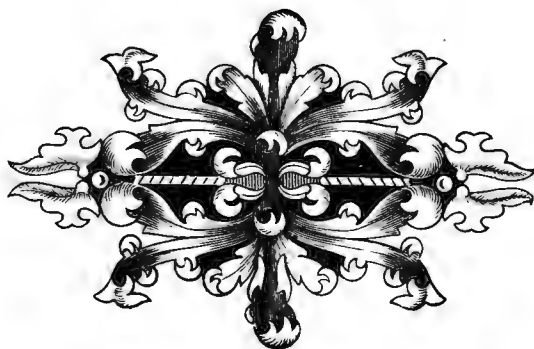
Какъ пріятно было также слушать его рассказы о Пушкинѣ (котораго онъ обожалъ), а также декламированіе имъ стиховъ, которыхъ онъ зналъ наизусть цѣлую бездну, особенно лирическихъ!

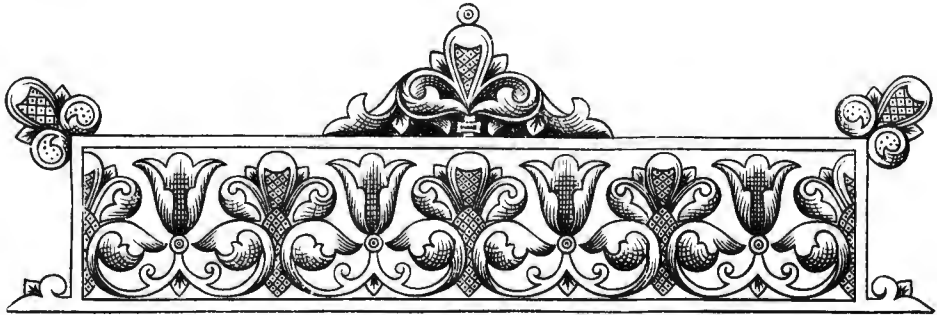
Память его была прямо изумительна. Даже за мѣсяцъ до кончины, въ Октябрьской книжкѣ Архива въ своемъ послѣсловіи къ помѣщенному тамъ моему письму о покойномъ П. В. Жуковскомъ, Петръ Ивановичъ вспоминалъ съ точностью о такихъ подробностяхъ, какъ о томъ, что онъ первый разъ видѣлъ Жуковскаго, осьмилѣтняго мальчика, такого-то числа и года, въ такомъ-то домѣ, на такой-то улицѣ въ Москвѣ и что мать Жуковскаго, Елисавета Алексѣевна, скончалась такого-то числа и года. Съ такою заботливостью къ точности его многочисленные историческіе труды пріобрѣтають особо важное значеніе и нѣтъ сомнѣнія что они оцѣнятся будущими историками. Правильно говоритъ г-нъ С. М. въ своей некрологической замѣткѣ, появившейся въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ что „50 лѣтъ существованія Русскаго Архива будутъ служить вѣчнымъ памятникомъ П. И. Бартеневу. Еще долгіе и долгіе годы историкъ съ благодарностью будетъ обращаться къ этому журналу“. Къ слову сказать, этотъ некрологъ, равно какъ и помѣщенный въ другой Московской, какъ принято тецерь говорить „дѣвой“ газетѣ „Русское Слово“, написаны съ ббльшей теплотой и симпатіей къ покойному, чѣмъ некрологи, появившіеся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Новомъ Времени“, хотя покойный былъ извѣстенъ своими

несомнѣнно консервативными убѣжденіями и сотрудничалъ иногда въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Кромѣ „Русскаго Архива“ онъ сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ Русскую историческую науку своимъ сборникомъ „Осмнадцатый Вѣкъ“ и многотомнымъ Архивомъ князя Воронцова. Не даромъ онъ прожилъ, трудясь безъ устали, столько лѣтъ, и вѣчная ему память отъ любящихъ родину Русскихъ людей!

Графъ Хрептовичъ—Бутеневъ.

Москва, 11 Ноября 1912 года.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРТЕНЕВЪ.

некрологъ.

Петръ Ивановичъ Бартенева, дѣдушка мой родился 1-го Октября 1829 года въ сельцѣ Королевщинѣ Липецкаго уѣзда. Родъ свой Бартенева ведутъ отъ Данилы Бартенева, упоминаемаго въ Волынской лѣтописи XIII-го столѣтія. Отецъ Петра Ивановича служилъ въ конноегерскомъ Арзамасскомъ полку, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и совершилъ походъ въ чужіе края, кончившійся взятіемъ Парижа. Выйдя въ отставку въ чинѣ подполковника, онъ женился на Аполинарии Петровнѣ Бурцевой, сестрѣ знаменитаго Бурцева, воспѣтаго Денисомъ Давыдовымъ, о которомъ говоритъ Гоголь въ „Игрокахъ“ и упоминается у Пушкина. Дѣтство свое Петръ Ивановичъ провелъ въ семьѣ, пользовавшейся доброй славой и всѣми любимой, окруженный тѣмъ благоволеніемъ постороннихъ, которое кладетъ на всю жизнь свой особый отпечатокъ. Ему было 8 лѣтъ, когда въ Липецкѣ пришло извѣстіе о смерти Пушкина, и это такъ поразило его дѣтскую душу, что онъ до старости помнилъ, какъ всѣ надѣли трауръ, и маменька плакала.

Среднее образованіе Петръ Ивановичъ получилъ въ Рязанскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ былъ отъ 1841—1847 г. Объ этомъ времени онъ даетъ любопытныя подробности въ своей автобіографіи, которая со временемъ будетъ напечатана. Въ 1847 году, поступивъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, онъ слушалъ лекціи Грановскаго, Буслаева, Шевырева, всѣхъ тѣхъ, къ которымъ двигалась и одухотворялась Русская наука; и не только слушалъ ихъ лекціи, но былъ съ ними въ живомъ общеніи. Подъ ихъ вліяніемъ Петръ Ивановичъ занялся историческими трудами и еще студентомъ составилъ „Словарь къ памятникамъ Русской письменности до XIII вѣка“ и написалъ изслѣдованія „Объ языкѣ и слогѣ Несторовой Лѣто-

писа“, а также перевелъ съ нѣмецкаго книжку о Гёте. О тогдашней его работѣ, усердной, точной и кропотливой можно сказать словами А. С. Хомякова:

Безвременно родиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

Не легка была юному ученому жизнь въ Первопрестольной, средства приходилось добывать литературнымъ трудомъ и уроками, скудно оплачиваемыми. Такъ на примѣръ, чтобы достать денегъ, дѣдушка перевелъ изъ Риттера „Географическое распространеніе кофейнаго дерева“, но изъ-за заботъ житейскихъ не оставлялъ занятій литературно-историческихъ, выпустивъ въ Москвитянинѣ „Отрывки изъ писемъ Пушкина къ П. В. Нащокину“.

Кончивъ Университетъ со степенью кандидата въ 1851 году, Петръ Ивановичъ поступилъ учителемъ въ семью Шевичъ, жившую въ Петербургѣ. Онъ преподавалъ исторію и словесность двумъ сыновьямъ М. Д. Шевичъ, рожденной графини Блудовой. „Помню, рассказывалъ дѣдушка, какъ пріѣхалъ на домашній экзаменъ графъ Д. Н. Блудовъ*); одинъ изъ учениковъ моихъ прочелъ ему стихотвореніе Огарева; графъ остался очень доволенъ и самимъ стихотвореніемъ и чтеніемъ своего внука, а меня пригласилъ бывать у него“. Расположеніе гр. Блудова имѣло вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу П. И. Графъ много зналъ по исторіи царствованій Екатерины, Павла и Александра, зналъ многое запретное, никому въ то время недоступное. Въ его домѣ П. И. познакомился съ графомъ Рибопьеромъ, помнившимъ Екатерину и тотъ позволилъ дѣдушкѣ приходить къ нему ежедневно для бесѣдъ, но не иначе, какъ въ 7 ч. утра. Объ этихъ разговорахъ дѣдушка всегда любилъ вспоминать. Тутъ же онъ сблизился съ С. А. Соболевскимъ, другомъ Пушкина, кн. Т. Б. Потемкиной и многими другими, рассказы которыхъ были для него живой лѣтописью. Въ краткой статьѣ не слѣдъ перечислять всѣхъ лицъ, съ которыми дѣдушка былъ въ сношеніяхъ, это будетъ сдѣлано впоследствии въ подробномъ жизнеописаніи, для котораго имѣются обильныя данныя.

Послѣ двухъ лѣтъ преподаванія въ семьѣ Шевичъ, П. И. поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ прослужилъ съ 1853—1858 г. На ряду со службой архивной и част-

*) О Блудовѣ Николай Павловичъ говаривалъ, что одинъ онъ, да Блудовъ не братья казны. П. Б. (младшій).

ными уроками онъ не оставлялъ занятій историко-литературныхъ и выпустилъ въ свѣтъ цѣлый рядъ трудовъ: „О сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“¹⁾, „Родъ и дѣтство Пушкина“²⁾, „Матеріалы для біографіи Пушкина“³⁾, „Я. И. Булгаковъ историко-біографическій очеркъ“⁴⁾, „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“⁵⁾, „Исторія Сербіи“ Ранке⁶⁾ (переводъ съ Нѣмецкаго). Также помогаль онъ своему бывшему профессору С. П. Шевыреву въ составленіи „Исторіи и Словаря профессоровъ Московскаго Университета“.

Въ это время онъ написалъ также рядъ жизнеописаній Булгакова, Потемкина, Моркова и Бантыша-Каменскаго, помѣщенныхъ въ „Біографическомъ словарѣ питомцевъ московскаго университета“⁷⁾. Однако со службой въ Архивѣ денежныя затрудненія не исчезли, о чемъ свидѣтельствуегъ переводъ изъ Риттера „Географическое распространеніе верблюда въ Старомъ свѣтѣ“⁸⁾, а къ Риттеру дѣдушка, по его словамъ, прибѣгалъ лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Тогда-то П. И. особенно сблизился съ глаголемыми славянофилами. „Сближеніе съ Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Елагиными и семьею Аксаковыхъ,—писаль онъ—почитаю счастіемъ своей литературной и общественной жизни“. Съ какимъ умиленіемъ рассказываль дѣдушка, какъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ прочель ему свои стихи „Воскресеніе Лазаря“, отправляясь вмѣстѣ къ заутрени въ Лазареву Субботу. За эту преданность онъ едва не поплатился, такъ какъ правительство въ то время косо смотрѣло на славянофиловъ, и полиція вела списки лицъ, посѣщавшихъ Хомякова. Тамъ П. И. встрѣтился и познакомился съ Гоголемъ, но не успѣлъ съ нимъ сблизиться; одинъ разъ только имѣли они продолжительный разговоръ о томъ, что чувствовалъ Одиссей, выброшенный на островъ Оеаковъ, въ связи съ задачами и цѣлями психологіи. Общеніе съ глаголемыми славянофилами побудило П. И. стать помощникомъ А. И. Кошелева по изданію Рус-

1) Московскія Вѣдомости 1853 г. № 18.

2) Отечественныя Записки 1853 г. кн. 11,

3) Московскія Вѣд. 1854 г. №№ 117—119, 1855 г. №№ 142, 144, 145.

4) Моск. Вѣд. 1855 г. №№ 5 и 7.

5) Отдѣльнымъ изданіемъ М. 1856 г.

6) Отд. изд. М. 1857 г.

7) Другое названіе „Біографическая лѣтопись питомцевъ“. Книга эта rarissime хранится въ Университетской бібліотекѣ, о ней любезно сообщилъ мнѣ, пишущему эти строки, Д. Д. Языковъ, за что приношу ему глубокую благодарность. П. Б. (младшій).

8) Магазины Землеводенія 1854 г.

ской Бесѣды, гдѣ были напечатаны имъ два историческихъ очерка: „И. И. Шуваловъ“¹⁾ и „Графъ А. И. Морковъ“²⁾. Тѣмъ временемъ связи дѣдушки ширились и крѣпли, общественное положеніе упрочивалось. Въ 1858 г. П. И. покинувъ службу въ Archivъ Иностранныхъ дѣлъ, поѣхалъ въ чужіе края пополнить образованіе и слушалъ лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ. О его путешествіяхъ пишетъ Плетневъ князю П. А. Вяземскому: „Бартеневъ долго жилъ въ Берлинѣ, два раза ѣздилъ въ Лондонъ, влюбился въ него и въ Англичанъ, теперь онъ въ Парижѣ, гдѣ бранитъ все Французское. Въ началѣ Декабря вѣроятно достигнетъ Праги, главной цѣли его путешествія“.

Въ Прагѣ дѣдушка видѣлся съ В. В. Ганкой и до послѣднихъ дней любилъ вспоминать, какъ тотъ однажды тайнственно заперъ дверь, завелъ спрятанный въ шкафу органчикъ и комната наполнилась величественными звуками: „Боже Царя Храни“. „Приходится таить нашу любовь къ Россіи, сказалъ Ганка, насъ за это сурово караетъ Австрія“. Во время этого путешествія завязались отношенія со многими Славянами, не прерывавшіяся и впоследствии. Вернувшись въ Москву П. И. занялъ мѣсто завѣдующаго Чертковской библіотекой, гдѣ занимался съ 1859—1873 года. Тогда же онъ былъ избранъ въ члены общества Любителей Русской Словесности, для котораго много и ревностно трудился.

Въ 1859 году П. И. женился на Софіи Даниловнѣ Шпигоцкой, но женитьба не помѣшала его трудамъ; напротивъ, въ женѣ своей онъ приобрѣлъ помощницу, которая не только сняла съ него бремя заботъ хозяйственныхъ, но любящимъ сердцемъ умѣла входить въ его историческіе и научные интересы. До конца своей жизни дѣдушка цѣнилъ необыкновенную чуткость бабушки къ Русской рѣчи и всегда читалъ ей свои статьи и замѣтки, прежде чѣмъ ихъ печатать.

Пользуясь историческими сокровищами Чертковской библіотеки П. И. могъ расширить кругъ своихъ научныхъ работъ: такъ онъ выпустилъ въ свѣтъ „Записки Г. Р. Державина“³⁾, снабдивъ ихъ литературными и историческими примѣчаніями, перевелъ съ Нѣмецкаго обширный трудъ Кольрауша „Исторія Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1851 г.“⁴⁾ и наконецъ подъ вліяніемъ бесѣдъ кн. П. А. Вяземскаго, Соболевскаго, Плетнева и Липранди, написалъ изслѣдованіе „Пушкинъ въ южной Россіи“⁵⁾.

1) Русская Бесѣда 1857 г. кн. 1-я и кн. 4-я.

2) Плетневъ, полное собраніе сочиненій СПб. 1885 г. III т. 711 стр.

3) Москва 1860 г.

4) Москва 1860 г.

5) Русская Рѣчь №№ 90—104 и отдѣльно Москва 1862 г.

Въ Чертковской библіотекѣ дѣдушка познакомился и сошелся съ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, для котораго отбиралъ книги, къ 12-му году относящіяся¹⁾.

По мысли А. С. Хомякова П. И. съ 1863 г. началъ издавать „Русскій Архивъ“, который не прекращалъ до самой своей смерти. „Русскій Архивъ“—его дѣтище и славный памятникъ, воздвигнутый полувѣковымъ трудомъ. Съ возникновеніемъ Архива жизнь дѣдушки такъ тѣсно съ нимъ связана, что можно сказать: „Русскій Архивъ“—это Петръ Ивановичъ Бартеневъ, Петръ Ивановичъ Бартеневъ—„Русскій Архивъ“.

Исторія „Русскаго Архива“, иными словами исторія хлопотъ, отношеній, лицъ, съ которыми дѣдушкѣ приходилось имѣть дѣло, принадлежитъ будущему и въ данный очеркъ не входитъ. „Русскій Архивъ“ въ скоромъ времени доставилъ своему издателю и составителю почтенную извѣстность и въ 70-хъ годахъ П. И. получилъ отъ князя Воронцова предложеніе издать его семейный архивъ. Отправляясь для этого въ Одессу, П. И. получилъ напутствіе отъ С. А. Соболевскаго, гдѣ тотъ, писалъ: „Купайтесь въ Черномъ и чернильномъ моряхъ и спрашивайте княгиню, какъ она жила съ Пушкинымъ“. „По моей винѣ, рассказывалъ мнѣ дѣдушка, утеряны письма Пушкина къ княгинѣ Воронцовой; я могъ бы ихъ выпросить, но такъ боялся выразить на лицѣ своемъ смущеніе, что даже не упоминалъ о Пушкинѣ, а княгиня свободно говорила, и о немъ, и о Раевскомъ“. Архивъ князя Воронцова былъ изданъ П. И. въ сорока томахъ и многое оттуда было перепечатано, согласно уговору, въ „Русскомъ Архивѣ“. Продолжая неуклонно издавать свой журналъ, П. И. выпустилъ въ 1868 году 4 книги историческаго сборника подъ заглавіемъ „Осьмнадцатый Вѣкъ“, а за симъ двѣ книги сборника „Девятнадцатый Вѣкъ“. Историческія изысканія въ Архивахъ помогли ему найти „Житіе Преподобнаго Сергія Радонежскаго“, написанное Императрицею Екатериною II-ой, которое было напечатано въ 1887 году. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ П. И. время отъ времени помѣщалъ свои воспоминанія о почившихся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ²⁾; изрѣдка помѣщалъ также и въ другихъ журналахъ, такъ напримѣръ въ 1886 году напечаталъ въ Русскомъ Обзорѣнн отзвѣвъ о романѣ Сенкевича „Камо Грядеши“. Въ 1877 году состоялось избраніе дѣдушки членомъ Императорскаго Историческаго Общества, честь, которую онъ очень цѣнилъ.

1) Подготовительный матеріалъ для „Войны и Мира“.

2) Объ А. П. Львовой (1891 г. № 323), кн. П. Г. Волконскомъ (1896 г. № 254), О. К. Рейтернѣ (1898 г. № 10), кн. М. А. Голицыной-Прозоровской (1901 г. № 124), А. С. Хомяковѣ (1910 г. № 218), Н. И. Пироговѣ (1910 г. № 263).

Въ заключеніе нѣсколько словъ, чтобы выяснитъ образъ П. И. Многіе читатели „Русскаго Архива“ знавали его лично; тотъ, кто разъ съ нимъ бесѣдовалъ, никогда не забудетъ своеобразнаго уклада рѣчи, словно лѣтописной, своеобразнаго взгляда на событія и того выраженія, съ какимъ читалъ онъ излюбленныя творенія Пушкина, Баратынскаго, Жуковскаго. Онъ не любилъ философскихъ обобщеній, строго придерживаясь фактовъ и зная эти факты, какъ никто. Русская исторія послѣднихъ двухъ столѣтій, жила живой жизнью въ головѣ его. Будучи всегда безпристрастнымъ, особливо въ веденіи журнала, П. И. оставался вѣренъ тѣмъ убѣжденіямъ и той живой связи съ землей Русской, которая питала самые корни его существа. Для него „предельная латинская“ не была исторической фразой, а Папу считалъ онъ доподлинно не пастыремъ, а волкомъ.

Когда Л. Н. Толстой началъ свой походъ на церковность, П. И. возразилъ ему: „Вы, графъ, поступаете по Русской пословицѣ: „осердясь на вши, шубу въ печь“. Также велика была преданность П. И. къ семьѣ Царской; съ гр. Толстымъ, послѣ многолѣтней дружбы, онъ порвалъ за то, что Л. Н. позволилъ себѣ при немъ непочтительно выразиться объ Александрѣ III-мъ, передъ которымъ дѣдушка благоговѣлъ. Когда въ злополучную смуту 1905 г., кто-то высказалъ страхъ за Россію, дѣдушка, помню, сказалъ про Державнаго Вождя:

„... Этихъ глазъ чистосердечье
„Оно всѣхъ демоновъ сильнѣй“.

Въ нынѣшнемъ году, уже чувствуя приближеніе кончины, съ трепетомъ слѣдилъ онъ за болѣзнію Наслѣдника и надо было видѣть его радость, когда Августѣйшему больному стало легче. Слабѣющей рукою пытался дѣдушка поздравить Царя съ великой радостью, но смерть заградила уста его и вырвала перо изъ старческихъ пальцевъ.

Петръ Ивановичъ оставался вѣренъ себѣ всегда и во всемъ; заслуживаетъ упоминанія его ненависть къ грамматикамъ, теоріямъ словесности, вообще ко всему, что насилуетъ свободу языка и старается его „обмундирить“ *). Вообще всякая ложь и узость пониманія возбуждала его гнѣвъ; еще нынѣшней осенью писалъ онъ директору Московскаго Лицея А. М. Гуляеву, хлопоча обо мнѣ, и приводя примѣры изъ своей жизни, поминая отношеніе Грановскаго, Шевырева и другихъ, когда не пытались пышной фразой и канцелярскимъ крючкотворствомъ скрывать намѣренія гнусныя и дѣянія неблаговидныя.

*) Подлинное слово П. И. Бартенева въ разговорѣ съ Государемъ Александромъ III.

До послѣдней минуты мысли дѣдушки были объ Архивѣ, смерть подкралась къ нему въ то время, какъ онъ просилъ перенести себя съ постели къ письменному столу. Двухъ мѣсяцевъ не дожилъ онъ до полувѣковой годовщины своего любимаго дѣтища, хотя успѣлъ вполне приготовить настоящую 12-ую книжку „Русскаго Архива“. Всю свою неутомимую жизнь П. И. Бартенева слѣдовалъ завѣту А. С. Хомякова:

„Не брошу плуга рабъ лѣнивый,
„Не отойду я отъ него,
„Покуда не прорѣжу нивы
„Господь для сѣва Твоего“.

Петръ Бартенева (младшій).

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ въ „Русскомъ Архивъ“ 1912 года.

- Абаза III, 244.
Абанумовъ В. С. II, 86, 87, 484; III, 277, 278.
Абельсдорфъ II, 92.
Абемъ III, 395, 396.
Абрамовичъ II, 250.
Абрамовскій II, 85.
Абрамовъ И. А. II, 109; III, 64.
Абрамовъ Н. А. II, 109.
д'Аварай гр. III, 259.
Августинъ преосвящ. II, 134, 212, 215, 216, 420.
Августъ III, II, 481, 482; III, 7, 8, 12.
Аверьяновъ М. I, 326, 327.
Агарковъ II, 70.
Аглие гр. I, 178.
Агѣевъ П. Л. II, 78.
Адамовичъ II, 428.
Адельсонъ док. III, 246.
Адонъ док. I, 97, 100, 236, 244.
Адлербергъ А. В. гр. II, 158; III, 239, 241, 336.
Адлербергъ В. В. гр. I, 633, 634; II, 633, 634.
Адлербергъ В. Ѳ. гр. I, 632, 633; II, 633; III, 343.
Адлербергъ гр. I, 634; II, 450; III, 334.
Азбукина I, 303.
Акимовъ II, 446, 447.
Аксанова А. Ѳ. I, 638; III, 239.
Аксаковъ И. С. I, 293, 305, 306, 629, 631, 638; II, 101, 318, 446; III, 93—97, 256, 411, 551.
Аксаковъ К. С. III, 160, 296, 297.
Аксаковъ С. Т. I, 424; II, 476, 477.
Аксаковъ I, 431, 446, 448, 635, 636, 638; II, 312, 450, 451, 479, 480; III, 305.
Аксаковы II, 282, 318; III, 96, 307.
Алединскій II, 359.
Александра Павловна в. княж. II, 520; III, 197, 257.
Александра Федоровна им. I, 108, 239, 240, 245, 246, 254; II, 633; III, 343.
Александръ I, I, 24, 161, 165, 243, 318, 375, 377, 439, 566—568; II, 61, 70, 158, 205, 214, 215, 254, 350, 407, 417, 438, 441, 453, 476, 492, 493, 499, 515, 517, 528, 532, 535, 569, 579, 589, 618, 630, 636; III, 153, 155, 159, 172, 173, 175—177, 179, 181, 193, 244, 263, 272, 291, 296, 298, 300, 301, 321—324, 341, 343—345, 526—528, 534, 546.
Александръ II-й, I, 243, 247, 298, 309, 314, 315, 450, 451, 467—476, 479, 480, 534; II, 82, 89, 279, 308, 328, 353, 451, 468, 469; III, 35, 150, 154, 173, 177, 189, 190, 243, 244, 291—295, 315, 316, 324, 334, 335, 405, 406, 411.
Александръ III, I, 98, 243, 258, 450; II, 95, 304, 580, 593, 634; III, 319, 341.
Александровъ А. II, 305.
Александровъ Г. А. II, 303.
Александровъ Л. I, 79.

- Александровъ-Крыловъ II, 446.
 Алексѣевъ А. В. II, 78.
 Алексѣевъ Н. А. II, 81, 596.
 Алексѣевъ I, 420, 421.
 Алексѣй Александровичъ в. кн. I, 242, 259.
 Алексѣй Михайловичъ ц. I, 370, 496; III, 189.
 Алексѣй Петровичъ царев. I, 336; II, 9, 11, 12, 295—300; III, 5—62, 195.
 Алексѣй архим. III, 337.
 Алешечкинъ Ф. I, 67, 70—72.
 Алланъ К. К. II, 583.
 Алпатовъ Я. I, 67—79.
 Алфимовъ Н. Ф. II, 330.
 Алчевскій II, 114.
 Альфонскій А. А. I, 125, 279, 425.
 Амвросій мит. II, 356.
 Анановъ И. С. II, 109.
 Андерсонъ II, 35.
 Андреевскій-Синеоковъ II, 445.
 Андреевъ А. I, 66.
 Андреевъ И. II, 428.
 Андріановъ Ф. II, 208.
 Андрониковъ кн. II, 261.
 Андроникъ іером. I, 383.
 Андроновъ Ф. I, 600.
 Аникита архим. I, 571.
 Анна Іоанновна им. I, 136, 137, 311, 329; II, 336, 368, 481; III, 11.
 Анна Леопольдовна принцес. III, 192.
 Анна Петровна в. княж. III, 11, 192.
 Анна Павловна в. княж. I, 163, 176, 184; II, 529; III, 182, 189, 199.
 Анна Фодоровна в. кн. II, 530; III, 341, 342.
 Анненковъ П. В. II, 288.
 Анненковъ II, 402, 403; III, 242.
 Аннинькова А. И. II, 68.
 Антоній архіеп. I, 361; III, 233.
 Антоній архим. III, 343.
 Антоній иг. I, 576.
 Антоновичъ III, 481—495.
 Антонскій А. А. II, 614—616.
 Антонскій В. II, 615.
 Антонскій II, 606.
 д'Антрегъ гр. III, 260.
 Анштедтъ II, 60, 181.
 Апостоль М. Д. III, 400.
 Апраксина гр. I, 185; II, 36; III, 481, 488.
 Апраксинъ С. С. III, 134.
 Апраксинъ Ф. М. адм. 29; III, 30, 50, 331.
 Апраксинъ I, 131; II, 303, 411; III, 55, 56.
 Арабажи А. И. II, 117.
 Аракчеевъ гр. I, 176, 217, 535, 540, 541, 545; II, 42, 44, 45, 132, 252, 253, 341, 342, 348, 387, 405, 410, 427, 511, 512, 525—527, 532, 625; III, 173, 340.
 Арамбергъ I, 312.
 Арапетовъ И. П. II, 569.
 Арбенева Е. Н. I, 584.
 Арбенева Н. П. II, 282.
 Аргамаковъ поруч. III, 163.
 Аргутинскій-Долгорукой кн. III, 108.
 Аревъ II, 225.
 Арескинъ л.-мед. III, 26, 36.
 Арко гр. II, 199; III, 262.
 Арифельдъ А. О. I, 125, 483, 545.
 Арсеній мит. II, 334.
 Арсеньева В. М. III, 17, 18.
 Арсеньева Д. М. III, 17, 18.
 Арсеньева Е. С. III, 311.
 Арсеньевъ В. С. II, 242.
 Арсеньевъ Д. С. ген.-ад. I, 81—124, 235—276.
 Арсеньевъ II, 197, 445; III, 350.
 Арто II, 448.
 Артыганьевъ Н. А. II, 534.
 Архарова Е. А. I, 313.
 Архаровъ И. П. I, 313.
 Архаровъ Н. П. I, 312, 313.
 Архаровъ I, 20; II, 516; III, 176.
 Арцыбашевъ А. И. II, 157.

- Аршеневскій Н. Я. III, 104, 105.
 Ассебургъ Ахаць-Фердинандъ бар. I, 26.
 Астаповъ А. А. II, 588, 589.
 Афанасьевъ А. Н. II, 95, 589.
 Афанасьевъ И. III, 40, 50—52, 57.
 Афанасьевъ II, 23, 24.
 Ашимовъ П. II, 112.
 Ашиновъ I, 446.
 Ашъ II, 486.
- *
- Бабасиновы II, 109.
 Бабининъ II, 239.
 Бабининъ С. II, 236—238.
 Бабеть I, 279, 442.
 Багдасаровы II, 109.
 Багговутъ I, 485, 495, 508, 514, 541;
 II, 429, 485.
 Багратіонъ I, 47, 485—487, 491, 499,
 501—503, 506, 507, 510, 524, 540,
 545, 556; II, 47, 54, 245, 419,
 421, 422, 424, 613, 620.
 Баженовъ Г. II, 498.
 Баженовъ м. I, 463.
 Базилевскій И. II, 612.
 Базуновъ II, 477.
 де-Бай бар. I, 439.
 Байновъ П. Л. II, 588.
 Байлей II, 59.
 Бакаевъ И. III, 72.
 Бакастовъ II, 594.
 Баклановскій II, 7.
 Бакунинъ III, 334.
 Бакунинъ П. кам. юнк. III, 255.
 Бакуринскій А. Я. II, 535, 536.
 Балабина I, 312.
 Балабинъ фл.-ад. II, 527.
 Балашевъ I, 536; II, 131, 540, 541;
 III, 347.
 Балашовъ III, 298, 351, 358.
 Балинскій II, 471.
 Балкъ I, 154.
 Балкъ камерг. 180, 185.
 Балкъ полк. III, 225.
 де-Бальби гр. III, 264, 265.
- Бальмень графиня I, 502, 508, 510; II,
 48; III, 512.
 Банковскій I, 200.
 Банниковъ I, 462, 463.
 Бантышъ-Каменскій II, 473, 474.
 Бараге-Дилье лен. I, 596.
 Баранова А. А. гр. III, 91.
 Барановъ I, 563.
 Барановъ А. А. I, 551.
 Барановъ А. П. II, 124.
 Барановъ гр. III, 242.
 Барановъ Н. М. III, 288, 289, 302,
 411.
 Барановъ М. III, 72, 73.
 Барановъ сен. II, 391, 396.
 Баратынскій II, 306.
 Баратынскій Е. А. I, 372; III, 83.
 Бардакси г-жа III, 506.
 Барклай-де-Толли I, 46, 48, 486, 487,
 492, 495, 501, 522, 535—546; II,
 41, 43, 178, 192, 354, 356, 362,
 363, 419—423, 428, 570, 575, 631;
 III, 134.
 Барсуковъ I, 440.
 Барсуковъ А. П. I, 277.
 Бартенева I, 154, 159.
 Бартенева И. О. I, 377, 378.
 Бартенева П. И. II, 292—294, 306—
 320, 437, 470—477; III, 305—314,
 561—574.
 Бартенева Ю. Н. III, 141.
 Баршевъ Г. Г. II, 458.
 Барышевъ И. И. II, 100.
 Барье III, 484—495.
 Барятинскій А. И. кн. I, 77, 112, 463,
 635; II, 635; III, 34, 156, 325—333,
 379, 380, 502.
 Басмановъ III, 149.
 Баснинъ Н. В. II, 85, 86.
 Бассано герц. II, 434.
 Батуринъ А. Д. III, 337.
 Батуевъ П. И. II, 111.
 Батушновъ II, 438; III, 306, 312.
 Бауръ III, 82.

- Бахметева II, 409.
 Бахметевъ II, 245, 407, 410.
 Бахметевъ А. Н. II, 208.
 Бахметевъ г.-м. I, 499.
 Бахрушинъ В. А. II, 87.
 Бахтуринъ I, 420.
 Башманова В. А. II, 350.
 Башмановъ II, 350.
 Башмановъ И. II, 218.
 Башуцкій I, 332.
 Безанъ губ. II, 105.
 Безбородно II, 535, 536—538; III, 466.
 Безбородно кн. I, 28; II, 336; III, 175, 381.
 Безбородно А. А. кн. I, 44.
 Безбородно И. А. гр. I, 23, 44, 45.
 Безерра кав. I, 499, 525, 534.
 Безобразовъ II, 369.
 Безобразовъ академ. II, 104.
 Безобразовъ В. П. I, 442; II, 104.
 Безсомыкинъ II, 96.
 Безсомыкинъ И. И. II, 441.
 Безсонова II, 208.
 Безсоновъ П. А. II, 476.
 Бекетовъ III, 77.
 Беклемишевъ III, 186.
 Беклемишевъ Н. В. I, 145—147.
 Беклешовъ А. А. I, 19.
 Беклешовъ Н. А. II, 606.
 Бекманъ В. В. III, 172.
 Бекъ ст. сов. I, 537.
 Бельгардъ I, 85, 270.
 Бельгардъ полк. I, 88, 92.
 Бельмонте кн. III, 265.
 Бенатти II, 448.
 Бенигсенъ I, 25, 50 55, 492, 493, 495, 513, 514, 542, 545; II, 41, 43, 44, 47, 51, 57, 198, 354, 356, 429; III, 301, 302, 359, 361, 366, 369, 375.
 Беннендорфъ I, 313, 481; II, 428.
 Беннендорфы III, 369.
 Бентингъ II, 50.
 Бентикъ адм. I, 493, 523; II, 559, 576.
 Бенуа III, 170.
 Бенцъ А. В. I, 41.
 Березовскій I, 524, 533.
 Березовскій фельдег. I, 501.
 Бергъ г.-а. III, 229—233.
 Бернгеймъ бар. II, 375.
 Бернадотъ I, 168, 421, 523, 544; II, 50, 424, 427, 574; III, 356, 361.
 Бернонвиль III, 270.
 Бертье I, 528; II, 37, 42, 61, 191, 574.
 Бессьеръ марш. I, 51; II, 435.
 Бестужевъ М. П. II, 470.
 Бестужевъ Н. I, 568.
 Бестужевъ-Рюминъ А. П. I, 568; II, 484; III, 45.
 Бетанкуръ ген. II, 355. 385, 398
 Бетманъ II, 64.
 Бетневъ кап. II, 197.
 Бехтѣевъ Н. А. I, 348.
 Безръ М. В. I, 409; II, 294.
 Биберштейнъ камерг. III, 23.
 Бибиновъ I, 526; II, 400.
 Бибиновъ А. А. сен. II, 475.
 Бибиновъ А. И. II, 475.
 Бибиновъ ген. II, 233.
 Биронъ Э. I. герц. II, 481, 485; III, 171, 172, 277.
 Бискупскій II, 122.
 Бисмаркъ кн. I, 447, 470, 471, 473, 474, 477, 479, 480.
 Бичуринъ I. III, 86.
 Блавацкая Е. П. III, 549, 550.
 Благоразумовъ Н. В. протіер. I, 379—401.
 Бланкъ А. I, 162.
 Бланкъ Г. Б. III, 553.
 Бловиць I, 476, 477.
 Бломъ II, 64.
 Блудова гр. I, 636, 637; II, 275, 292, 312, 317, 353, 479, 480, 517; III, 154.
 Блудовъ гр. II, 307, 308, 320, 408. 470, 619; III, 302, 307.
 Блудовы II, 312, 315, 471.

- Блументросъ л.-мед. III, 26.
 Блюммеръ И. III, 227.
 Блюхеръ II, 164, 200, 202; III, 363, 369, 380.
 Боборыкинъ П. Д. II, 446; III, 446, 320.
 Боборыкины I, 374.
 Бобринская А. гр. III, 409, 497.
 Бобринскіе гр. III, 297.
 Бобринскій А. В. гр. II, 83; III, 243.
 Богадуръ I, 102.
 Богарне Е. герц. I, 167, 528; II, 65, 175.
 Богдановичъ В. I, 442; II, 434.
 Богдановскій г. м. II, 192, 195, 196.
 Богдановъ Э. кап. I, 79; III, 23.
 Богданчиковъ М. М. II, 220—225.
 Боголюбовъ полк. III, 240.
 Богуславскій II, 428.
 Боде бар. II, 230.
 Бодянскій О. М. I, 126; II, 588; III, 256.
 Боевская Б. Д. II, 208.
 Боженовъ Г. II, 503.
 Болотниковъ Ю. I, 598; III, 337.
 Болховитиновъ М. II, 430.
 Болховскій ст. сек. I, 537.
 Большаковъ С. Т. II, 100, 592; III, 284—286, 288.
 Бонамй ген. I, 502.
 Бонно I, 42.
 Боньевъ III, 97, 98.
 Борель II, 9.
 Борзенко Ф. Я. II, 594.
 Борисовскій М. И. II, 79.
 Борисовъ кап. II, 322.
 Борисъ Федоровичъ ц. I, 616.
 Бородинъ М. II, 304.
 Борхъ II, 327, 331, 332, 486.
 Боссюетъ II, 85.
 Бостанжогло В. М. II, 80.
 Боткина А. II, 90.
 Боткина В. II, 90.
 Боткина Е. II, 90, 129.
 Боткина Н. К. II, 90.
 Боткина С. С. II, 90, 129, 590.
 Боткинъ I, 637.
 Боткинъ В. П. II, 91, 129, 585.
 Боткинъ Д. П. II, 90, 91, 103, 116, 128.
 Боткинъ И. П. II, 129.
 Боткинъ М. П. II, 91, 585, 593.
 Боткинъ Н. П. II, 129.
 Боткинъ П. Д. II, 126.
 Боткинъ П. К. II, 585.
 Боткинъ П. П. II, 89—91.
 Боткинъ С. Д. II, 90, 126.
 Боткинъ С. П. II, 129, 585.
 Боткины II, 128.
 Боттль II, 53.
 Браво III, 491.
 Брамбеусъ I, 420.
 Браницная гр. II, 385.
 Браницкій гр. II, 482, 483.
 Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій герц. III, 11.
 Бревернъ-Делегарди А. А. гр. I, 409.
 Бревернъ-Делагарди М. А. I, 409.
 Брейтнопфъ I, 312.
 Бретель бар. II, 337.
 Бридель III, 349, 350.
 Бриккеръ А. проф. III, 58.
 Бриль гр. II, 328.
 Бриссакъ гр. III, 268.
 Брозинъ II, 200.
 Брониновскій II, 424.
 Бронскій И. А. I, 408; II, 71, 253, 460; III, 178, 190.
 Броунъ ген. II, 327.
 Броунъ гр. II, 232.
 Брунсъ Д. II, 301.
 Брюловъ III, 146.
 Брюль гр. II, 328, 482, 487; III, 162, 166.
 Брюнъ III, 388, 390.
 де-Брюсаскъ гр. I, 209, 224.
 Брюсовъ В. Я. III, 84.
 Брюсовъ Я. III, 275.

- Брюсь Р. В. ген.-лейт. III, 25, 56, 200.
 Брянскій В. Д. II, 81.
 Брянцевъ М. II, 250.
 Бува III, 515.
 Будбергъ III, 270, 345, 396.
 Будде А. К. III, 403.
 Будде О. Э. I, 300.
 Букинскій II, 196.
 Буксгевденъ гр. III, 174.
 Булгакова М. И. 351.
 Булгаковъ I, 520, 620; II, 167, 177, 178, 339, 410; III, 349.
 Булгаковъ А. Я. I, 520.
 Булгаковъ Е. I, 323, 325, 326.
 Булгаковъ К. Я. II, 184.
 Булгаковъ Я. губ. I, 28.
 Булгаковъ Я. И. 351.
 Булгаринъ О. Б. I, 277.
 Булыгинъ М. III, 106, 107.
 Будановъ I, 550.
 Бунина II, 347.
 Бунина М. Г. II, 292.
 Бунинъ I, 304.
 Бунины I, 303.
 Бургузнь III, 270, 395, 397—400.
 Бургъ А. II, 7, 9.
 Буринскій II, 616.
 Буркина А. И. II, 92.
 Буркинъ II, 92.
 Бурмистровъ Д. М. II, 106.
 Бутеневъ А. П. II, 55; III, 159.
 Бутера княг. II, 371.
 Бутины II, 108.
 Бутневичъ еп. I, 532.
 Бутновъ III, 329.
 Бутль В. I, 507.
 Буцевичъ I, 74.
 Бутурлина гр. I, 159.
 Бутурлина Л. П. II, 156.
 Бутурлина М. Р. гр. I, 14.
 Бутурлинъ гр. I, 510; II, 62, 208, 552; III, 37, 56.
 Бутурлинъ М. Д. гр. I, 148—160; 352—370.
 Бутурлинъ Н. И. II, 211.
 Бутырскій Н. И. II, 623.
 Быковскій М. Д. II, 209.
 Быковъ В. II, 498, 499.
 Быковъ Р. II, 611.
 Быстровъ О. Н. I, 381, 382, 385, 391, 393, 397, 401.
 Бюловъ ст.-сек. I, 475.
 Бюнтингъ кап. III, 325, 326.
 де-Бюоль III, 398.
 Бюртонъ П. II, 333.
 Бють гр. II, 484.
 Бѣжецкій I, 444.
 Бѣлевскій гр. III, 318.
 Бѣлинскій I, 294, 433; III, 312, 313.
 Бѣлкинъ II, 420.
 Бѣловъ Е. А. I, 443.
 Бѣлоголовый II, 108.
 Бѣлогужевъ ген.-лейт. II, 632.
 Бѣлозеровъ Т. II, 237.
 Бѣлосельскій-Бѣлозерскій кн. II, 86.
 Бѣлявскій Е. В. I, 293—295, 299.
 Бѣляевъ И. Д. I, 127.
 Бѣляйкинъ I, 78.
 Бѣляковъ П. У. II, 71.
 *
 Вавиловъ Н. I, 67, 70, 79.
 Вавиловъ П. А. III, 254.
 Вагнеръ III, 315, 316, 551.
 Вадбольскій кн. II, 428.
 Вадковскій II, 462.
 Вайбурнь II, 50.
 Ваксель А. II, 459, 460.
 Ваксель Л. II, 459.
 Ваксель Н. II, 250, 459.
 Ваксель С. С. II, 459.
 Валишевскій I, 443; III, 58.
 Валуева II, 353.
 Валуевъ П. А. гр. II, 355; III, 226, 234—244.
 Валуевъ I, 504; II, 636; III, 371.
 Вальберхъ П. И. III, 248.

- Вальгардъ А. О. III, 98.
 Вальмоденъ гр. III, 361,
 Вальполь Л. I, 174; II, 39, 49.
 Вандамъ II, 62; III, 498, 499.
 Ванновскій I, 447.
 Вартановы II, 109.
 Васильковскій кап. II, 197.
 Васильевъ Н. И. II, 107.
 Васильевъ С. II, 70.
 Васильевъ II, 446, 447, 497, 498; III,
 149.
 Васильчикова А. И. I, 313; III, 133,
 134.
 Васильчикова М. кн. I, 275; II, 378.
 Васильчиковъ А. А. III, 133.
 Васильчиковъ В. И. кн. II, 254, 255.
 Васильчиковъ И. В. II, 367.
 Васильчиковъ I, 504; II, 47; III, 527.
 Васнецовъ А. М. III, 284.
 Веберъ Е. А. III, 276,
 Вегелинъ III, 269.
 Ведровъ В. М. II, 439.
 Вейде ген. III, 43.
 Вейдемейеръ Т. С. I, 174; II, 413.
 Вейденгамеръ II, 628.
 Вейсъ III, 395.
 Величковъ III, 217.
 Веліашовъ III, 190.
 Веллингтонъ Л. I, 522, 543; III, 184,
 200, 202; III, 352, 379.
 Вельтманъ А. Ѳ. I, 143, 144, 420;
 III, 147.
 Вельяминова Н. А. I, 416.
 Вельяминовъ II, 618; III, 338.
 Веневитиновъ III, 152.
 Веніаминовъ И. А. II, 314.
 Вергеймеръ II, 593.
 Верещагина Л. В. III, 280, 281.
 Верещагинъ В. В. II, 111, 438; III,
 279—283.
 Верещагинъ I, 605; III, 225, 226.
 Веригина А. Ф. II, 124.
 Веригинъ II, 593.
 Верленъ А. Я. II, 115, 121.
 Верманъ А. В. баронес. III, 319.
 Верстовскій III, 247.
 Верфель I, 251.
 Веркемейстеръ Ф. В. III, 284.
 Веселовскій А. III, 40, 42—45, 48.
 Вессель III, 168.
 Веттбергъ К. III, 404.
 Вивьень М. О. II, 85, 115—118, 589.
 Вигель Ф. Ф. I, 312; II, 228—231,
 307; III, 314.
 Викинскій г.-м. III, 229, 233.
 Викторъ архим. II, 614.
 Викторъ ген. II, 57.
 Викторъ Эммануиль I, I, 161.
 Вилламовъ II, 394.
 Вильгельмъ им. I, 449, 474, 480; II, 14.
 Вильде II, 118, 447.
 Вилье II, 200; III, 363.
 Вильсонъ I, 493, 494, 497, 498, 503,
 504, 506, 511, 513, 518, 520, 529,
 533; II, 43, 44, 50, 51.
 Виніусъ А. Д. II, 8.
 Виноградовъ А. А. II, 95.
 Виноградовъ проф. I, 443.
 Винсперъ полк. II, 359.
 Винценгероде I, 197, 508, 516, 520,
 521, 526, 530, 531, 542; II, 63, 164,
 165, 247, 430, 431.
 Вириландтъ О. С. II, 68.
 Виртембергская графиня II, 53.
 Виртембергскій А. герц. III, 432.
 Виртембергскій Е. гр. II, 432.
 Виртембергскій Е. пр. II, 422.
 Виртембергскій герц. I, 542; II, 44,
 171, 185, 389, 398.
 Висленевъ А. Н. II, 458.
 Виссаріонъ преосвящ. I, 392.
 Виссель док. II, 232.
 Витбергъ А. Л. II, 438.
 Витвортъ I, 40; III, 258, 259, 261, 262,
 265, 266, 268.
 Витгенштейнъ гр. I, 55, 56, 57, 172,
 215, 487, 496, 497, 509, 517, 526—
 530; II, 39, 41, 164, 192, 197, 247,

- 249, 354, 356, 363, 419, 421, 423, 431, 433, 434, 436; III, 346, 349, 360, 361, 363, 380.
- Витте** гр. II, 405.
- Виттъ** I. I, 29, 30.
- Вихляевъ** II, 325.
- Вишневскій** Г. II, 296, 300, 328, 478.
- Віельгорская** А. М. III, 153.
- Віельгорскій-Матюшкинъ** гр. II, 260, 274.
- де-Віомениль** гр. III, 263.
- Владимировъ** В. I, 441.
- Владимировъ** П. Я. II, 206, 207.
- Владимиръ Александровичъ** в. кн. I, 309, 310, 445, 447, 628; II, 108; III, 154.
- Владиславлевъ** А. О. II, 619.
- Власовъ** II, 86.
- Водопьяновъ** И. Н. III, 254.
- Воейкова** Ю. А. II, 129.
- Воейковъ** А. О. I, 409.
- Воейковъ** I, 410, 411, 537, 538; II, 613, 614, 619.
- Воиновъ** II, 434.
- Войновъ** ген. II, 226.
- Войцеховичъ** В. О. II, 494.
- Войцицкій** I, 452, 453.
- Волковъ** И. II, 13.
- Волковъ** академ. II, 22, 35.
- Волковъ** III, 515.
- Волконская** Е. А. кн. II, 399.
- Волконская** Е. М. княж. I, 336.
- Волконская** З. А. кн. III, 159, 160.
- Волконскіе** кн. I, 277.
- Волконскій** А. Н. кн. III, 301.
- Волконскій** М. В. кн. III, 289.
- Волконскій** П. М. кн. I, 632; II, 633; III, 247, 249.
- Волконскій** С. О. кн. I, 312.
- Волконскій** кн. I, 208, 512; II, 61, 186, 200, 344, 347, 353, 356, 357, 385, 399, 400; III, 265, 299, 302, 312.
- Волынский** А. П. III, 63, 64, 368.
- Волынский** I, 369; II, 481.
- Вольскій** сек. I, 27.
- Вольфъ** А. III, 118, 245—247.
- Вольфъ** Ю. И. II, 115.
- Воронинъ** II, 129.
- Воронковскій** II, 619.
- Вороновъ** П. С. I, 376.
- Вороновъ** О. III, 51.
- Вороновъ** III, 57.
- Воронцова** А. М. княж. I, 14.
- Воронцова** Е. гр. I, 508.
- Воронцова** М. Р. гр. I, 369.
- Воронцова** П. И. II, 369.
- Воронцова** П. А. гр. I, 18.
- Воронцовъ** А. Р. гр. I, 5—15, 162; II, 331, 333; III, 165.
- Воронцовъ** И. гр. II, 368, 380, 381.
- Воронцовъ** Л. И. гр. II, 177.
- Воронцовъ** М. гр. II, 40, 334.
- Воронцовъ** М. И. I, 311, 312; II, 337.
- Воронцовъ** М. Л. гр. II, 522, 323, 326.
- Воронцовъ** М. С. гр. I, 5, 506, 516, 533, 606, 609; II, 51, 189.
- Воронцовъ** Р. I, 311.
- Воронцовъ** Р. И. гр. II, 302.
- Воронцовъ** Р. Л. гр. III, 113.
- Воронцовъ** С. М. кн. I, 314; II, 298, 482.
- Воронцовъ** С. Р. гр. I, 12, 14, 61, 481—547, 627; II, 30—65, 142—155, 161—205, 302, 338—416; III, 401.
- Воронцовъ** гр. I, 500, 512; II, 36, 245, 467; III, 260, 263, 268.
- Воронцовъ** канц. II, 337.
- Воронцовъ** кн. I, 465; II, 450, 635.
- Воронцовъ** фельдм. II, 159.
- Воронцовы** гр. I, 311; II, 368.
- Воронцовъ-Дашковъ** И. Л. гр. I, 312.
- Воронцовъ-Дашковъ** гр. II, 51, 126.
- Воропановъ** III, 91.
- Воротынский** I, 321.
- Востряновъ** М. П. III, 284—286.
- Востряновъ** II, 236.
- Врангель** А. Е. бар. II, 284.
- Врангель** бар. I, 260.
- Вреде** ген. I, 497; II, 429.

- Всеволожскій** Е. А. I, 442.
Всеволожскій И. А. I, 442.
Второвъ А. О. II, 108.
Вульфертъ В. К. II, 86—88, 95, 97, 589; III, 277, 278.
Высоцкій Н. Г. II, 300; III, 251, 255.
Вяземская В. О. кн. II, 160; III, 244.
Вяземская М. А. кн. II, 454.
Вяземская П. П. княж. III, 244.
Вяземская княж. III, 264.
Вяземскій Н. III, 8, 9, 23, 25, 29, 50, 51, 54.
Вяземскій П. А. кн. I, 175; II, 196, 287, 288, 424, 583, 602, 603, 636; III, 311, 341.
Вяземскій кн. I, 432, 434; II, 287, 307, 320, 428, 438, 481, 606; III, 312.
Вязмитиновъ I, 186; II, 132; III, 190.
 *
Гаазъ О. П. II, 206—211, 604.
Гаврилова А. И. II, 70.
Гагарина А. П, III, 175.
Гагаринъ Г. кн. I, 113.
Гагаринъ С. С. кн. III, 246.
Гагаринъ кн. II, 124, 178; III, 134, 409.
Гагарины кн. I, 492.
Гагемейстеръ I, 550.
Гадаловъ И. Г. II, 108.
Гадаловъ Н. Г. II, 108; III, 283.
Гаймюллеръ бар. III, 317.
Галахова О. В. II, 126.
Галаховъ Н. Г. I, 304.
Галиновскій I, 289.
Галкинъ Н. А. дирек. I, 441.
Галкинъ-Враскій М. Н. I, 441.
Гальяно О. II, 157.
Гамильтонъ II, 201.
Гаммондъ ст.-сек. III, 385.
Ганфъ Ф. II, 232, 233.
Ганъ П. А. III, 549.
Гать адм. I, 193.
Гаугевицъ гр. III, 259, 270.
Гауке М. гр. II, 227.
Гваренги II, 534; III, 369.
Гедбень II, 10.
Гедеоновъ А. М. III, 247, 249.
Гедеоновъ г.-м. III, 105, 144.
Гедройць княгиня II, 55.
Гейзе III, 315.
Гейнсъ Н. II, 9.
Гейслеръ II, 504, 505.
Гекеръ II, 160.
Гендриковы гр. II, 128.
Генинъ III, 169.
Генрихъ IV, II, 572.
Георгиевъ А. II, 13.
Георгъ I, III, 45.
Георгъ III, III, 467.
Герасимъ архим. II, 216.
Геренъ проф. II, 621, 626, 627.
Геринъ подполк. III, 263.
Германъ Э. III, 58.
Гермогенъ пат. I, 597—602.
Герценъ А. И. I, 171; III, 155, 334, 335.
Гивартовскій А. А. II, 103.
Гижицкій I, 30.
Гизенъ бар. III, 7—9, 11, 23.
Гилленборгъ мин. III, 36.
Гилленшмидтъ г.-л. III, 229.
Гилляревскій П. III, 492.
Гильденштетъ проф. III, 69.
Гильфердингъ III, 95.
Гиляровъ Н. П. II, 312—320.
Гинцбургъ II, 83.
Гирсъ I, 445, 447; II, 479; III, 132, 133.
Глазовъ П. М. III, 255.
Глазуновъ В. III, 254.
Глазуновъ М. III, 254.
Глазуновъ III, 146.
Глинка А. П. I, 423—434.
Глинка Д. Ф. II, 458.
Глинка С. Н. II, 476; III, 134, 402.
Глинка О. Н. I, 423—434; II, 240—242, 424.

- Глинна II, 438; III, 146.
 Глѣбовъ А. ген.-прок. I, 330.
 Глѣбовъ С. Б. ген. III, 52.
 Глѣбовъ II, 195, 488.
 Гмелинъ III, 68—82.
 Гнѣздаревъ А. I, 519; II, 197.
 Гогель ген. I, 467.
 Гоголь I, 294, 312, 427, 438; II, 446, 449, 467; III, 146, 245.
 Годде П. И. II, 157.
 Годлевскій I, 30.
 Годуновъ II, 466.
 Голенищевъ-Кутузовъ И. Л. II, 67.
 Голенищевъ-Кутузовъ М. И. кн. II, 423, 475.
 Голиковъ К. Г. II, 71.
 Голицына А. А. кн. I, 312; III, 346—349, 351, 352.
 Голицына В. кн. II, 68, 69.
 Голицына Л. Т. кн. I, 375.
 Голицына М. А. кн. II, 350.
 Голицына Н. П. княж. III, 356.
 Голицына Н. кн. III, 52.
 Голицына кн. I, 485, 500; II, 350, 474; III, 342, 354, 357, 369.
 Голицына княж. I, 215.
 Голицынъ А. кн. I, 168, 180, 181, 203, 213, 217; III, 363.
 Голицынъ А. Б. кн. I, 507.
 Голицынъ А. В. кн. III, 279.
 Голицынъ А. М. кн. II, 165.
 Голицынъ А. Н. I, 632; II, 625, 633; III, 141, 343.
 Голицынъ А. П. кн. II, 230.
 Голицынъ Б. кн. I, 504; II, 48; III, 328.
 Голицынъ Б. А. кн. III, 345, 350.
 Голицынъ В. кн. II, 229.
 Голицынъ В. В. кн. I, 599; III, 279.
 Голицынъ В. М. кн. II, 81.
 Голицынъ В. С. кн. II, 351.
 Голицынъ Д. кн. II, 330, 332, 349, 361; III, 340, 526.
 Голицынъ Л. С. кн. II, 593; III, 285, 286.
 Голицынъ М. А. кн. II, 83, 84.
 Голицынъ М. М. кн. II, 122.
 Голицынъ Н. Н. кн. III, 235.
 Голицынъ П. П. кн. I, 633; II, 634.
 Голицынъ С. М. I, 312; II, 83, 84; III, 338, 344.
 Голицынъ С. П. кн. II, 534.
 Голицынъ кн. I, 53, 111, 132, 168, 170, 506, 535; II, 31, 85, 164, 168, 197, 201, 326, 329, 350, 353, 355, 362, 375, 387, 400, 563; III, 20, 40, 156, 301, 345, 509, 510.
 Головина гр. II, 455.
 Головинъ А. В. I, 314.
 Головинъ П. В. II, 213.
 Головинъ О. I, 319.
 Головинъ I, 17, 159, 278; II, 31, 355.
 Головкинъ Г. гр. III, 9, 12, 15, 24, 34, 37, 55, 56, 64.
 Головнинъ А. В. II, 415.
 Головнинъ II, 9.
 Голофтѣевъ Н. К. II, 102, 107.
 Голохвастовъ Д. Д. III, 408—410.
 Голохвастовъ III, 295, 355.
 Голубинскій О. А. II, 312—314.
 Голубинскій I, 591, 592.
 Голубцовъ II, 132.
 Гольцбергъ бар. III, 232.
 Гольцъ I, 28, 29; II, 322.
 Гомзяковъ А. О. II, 604.
 Гонѣевскій I, 601.
 Гончаровъ А. А. II, 73—76.
 Гончаровъ Д. Н. I, 357.
 Гончаровъ И. II, 73; III, 430.
 Гончаровъ Н. II, 73.
 Гончаровъ III, 94.
 Горбуновъ И. О. II, 90.
 Горбуновъ Н. П. I, 317.
 Горепекинъ П. I, 463.
 Горленко М. II, 251, 252.
 Горловъ III, 234.
 Горнунгъ I. И. II, 587, 594.
 Горнь III, 396.
 Гортъ гр. III, 261.

- Горчакова кн-ня III, 498.
 Горчаковъ А. М. I, 438.
 Горчаковъ М. Д. кн. III, 337.
 Горчаковъ М. И. I, 380.
 Горчаковъ П. Д. кн. III, 406.
 Горчаковъ кн. I, 28, 449, 471, 472, 474—478, 480, 499, 500, 503, 636; II, 44, 45, 59, 60, 63, 65, 245, 350, 362, 400, 401, 479, 480; III, 136, 229, 297, 302, 307.
 Горяиновъ С. I, 45; III, 481.
 Готье В. И. II, 96.
 Готье II, 593.
 Гоусъ гр. II, 26.
 Гофи Я. I, 137.
 Гофманъ Л. Г. II, 206.
 Гофманъ I, 420.
 Грабовскій I, 29.
 Грабянка Ѳ. гр. I, 33, 36.
 Грановскій Т. Н. I, 446, 610; II, 309; III, 160.
 Грасье Г. I, 434, 435, 438.
 Грачевъ В. Е. II, 101.
 Гречи I, 446.
 Грейгъ I, 483; II, 31, 37, 120, 345, 590; III, 234.
 Грековъ П. Н. II, 95, 98.
 Грембецкій Г. II, 300.
 Гренвиль III, 385, 386.
 Гречъ Н. И. I, 420, 428, 430; II, 290, 291.
 Грибоѣдовъ I, 109; II, 446.
 Григорій преосвящ. I, 580, 581.
 Григоровичъ Д. В. II, 96; III, 285, 289.
 Григорьевъ М. I, 326—330.
 Гриммъ II, 467.
 Грингмутъ В. А. I, 395, 443.
 Гришинъ Р. Н. II, 104, 112.
 Гродековъ Н. И. г.-губ. II, 586.
 Гроздовъ Ф. В. II, 282.
 Громова III, 150.
 Громовъ III, 272.
 Гротенъ III, 233.
 Гротъ К. III, 431.
 Гротъ Я. К. III, 553—557.
 Гротъ III, 312.
 Груберъ I, 202.
 Грудзинская II, 362.
 Грудневъ Г. В. II, 123, 159.
 Грузинскій Г. А. кн. I, 408; II, 456.
 Грузинскій Е. А. кн. III, 351.
 Грушецкая П. В. III, 400.
 Грыбановъ М. II, 72.
 Грюдеръ III, 271.
 Губинъ И. III, 64.
 Губинъ М. П. II, 77.
 Губинины I, 366.
 Гудовичъ И. В. I, 404; III, 321.
 Гудовичъ М. С. гр. III, 335.
 Гудовичъ полк. II, 245.
 Гудовичъ фельдм. II, 132.
 Гудовичъ II, 49; III, 259.
 Гужинъ В. И. II, 127.
 Гуляевъ М. I, 66, 70, 71, 78, 79.
 Гурко И. В. II, 581.
 Гурко III, 237, 241.
 Гуровъ III, 481—495.
 Гуронскій гр. II, 329.
 Гурьева гр. II, 131.
 Гурьева III, 356—358, 372—374.
 Гурьевъ А. Г. II, 475.
 Гурьевъ А. Д. гр. II, 131.
 Гурьевъ Д. А. гр. II, 132.
 Гурьевъ Н. Д. гр. II, 131.
 Гурьевъ гр. I, 171, 224; II, 390—396, 398—407, 454.
 Гурьевъ I, 12, 17, 482, 535; II, 59, 195, 347, 348, 372, 482; III, 354, 355, 366, 367.
 Гурьевы II, 342; III, 364, 366.
 Гурьяновъ В. П. I, 392, 394.
 Густавъ кор. II, 370.
 Густавъ принц. II, 374.
 Густавъ IV, II, 577.
 Гусъ г-жа III, 539.
 Гутмансталь М. Е. II, 292.
 Гучкова А. II, 91.
 Гучкова А. Е. II, 91.

- Гучкова В. Н. II, 91.
 Гучкова Е. II, 91.
 Гучкова К. II. II, 92.
 Гучкова М. II, 91.
 Гучкова М. Н. II, 91.
 Гучкова О. К. II, 92; III, 277.
 Гучкова Ю. II, 91.
 Гучковъ А. II, 91.
 Гучковъ В. Н. II, 91.
 Гучковъ Е. Ф. II, 79.
 Гучковъ И. Е. II, 91.
 Гучковъ К. И. II, 91.
 Гучковъ Н. II, 91.
 Гучковъ Н. И. II, 81, 91, 92.
 Гучковъ Н. Н. II, 91.
 Гучковъ П. II, 91, 92, 107, 115.
 Гучковъ С. II, 91.
 Гучковъ Ф. А. II, 91.
 Гучковъ Ф. Е. III, 277.
 Гучковъ Ф. И. II, 91, 92.
 Гучковъ Ф. Ф. II, 91.
 Гюбнеръ А. О. II, 91, 115, 583.
 Гюльмино ген. II, 432.
 Гюнцбургъ К. М. II, 83—85.
 Гюсъ III, 357, 364, 374, 376.
 *
 Давидовъ II, 431.
 Давись II, 593.
 Даву I, 52, 485, 532; II, 215, 245, 421, 431, 432, 435.
 Давыдова I, 629.
 Давыдовъ II, 447; III, 212, 213.
 Давыдовъ кн. I, 572.
 Давыдовъ В. Н. II, 448.
 Давыдовъ Д. В. II, 428.
 Давыдовъ П. Л. III, 298.
 Давыдовы II, 109.
 Даль I, 366; III, 98.
 Дальбергъ III, 43.
 Данауровъ II, 499.
 Данилевскій А. И. II, 628.
 Данилевскій М. I, 318.
 Дараганъ кап. II, 85.
 Даунъ гр. III, 45—47.
 Дашкова Е. Р. кн. I, 5—20; II, 51, 52, 86, 333, 334, 369, 461—465; III, 86.
 Дашковъ I, 11; II, 181.
 Дашковъ-Воронцовъ кн. II, 51.
 Дашковъ П. Я. II, 181.
 Двигубскій I, 421.
 Дворманъ III, 397.
 Деказъ герц. I, 476.
 Деболи I, 37.
 Дейеръ II, 445.
 Делатръ I, 154.
 Делезеръ марк. I, 537.
 Делла-ди-Карачіолла А. И. II, 157.
 Делане Е. Н. II, 471.
 Деляновъ I, 446—448; III, 235.
 Дельвигъ бар. II, 636.
 Деменковъ М. С. I, 376.
 Деменковъ П. С. I, 371—376.
 Деменковъ С. А. I, 371.
 Демидовъ II, 354, 388; III, 98.
 Демидовъ камерг. III, 266.
 Демидовъ Н. II, 73.
 Демидовъ П. А. II, 74—76.
 Демидовы II, 73.
 Демкинъ I. I. I, 397.
 Демушеронъ Я. II, 10.
 Денисовъ II, 371, 374.
 Державинъ II, 156, 158, 467, 500; III, 296.
 Дери I, 514.
 Дернбергъ полк. II, 576.
 Дерфельденъ I, 115.
 Дерюжинскій док. I, 399.
 Десаксъ пр. II, 518.
 Дехтеревы I, 322.
 Джунковскій I, 150.
 Дибичъ ген.-лейт. II, 198, 389, 400, 428, 436.
 Дивовъ Н. А. I, 152, 354.
 Дидеро II, 547, 553.
 Дидло III, 246.
 Дикгофъ паст. II, 117.
 Диксонъ III, 126.

- Дилекторскій Н. П, 469.
 Дитрихштейнъ гр. III, 260.
 Дмитріевъ сен. I, 279, 536, II, 111, 613.
 Дмитріевъ И. И. III, 336.
 Дмитріевъ Н. Н. II, 123.
 Дмитріевъ М. А. I, 423—433, 638.
 Дмитріевъ-Мамоновъ гр. II, 420; III, 134.
 Дмитріевъ Ѳ. М. I, 125, 281, 445.
 Добровольскій К. Н. I, 467.
 Долговъ А. И. II, 77.
 Долгорукая кн. II, 574; III, 354, 510.
 Долгорукая Е. III, 88.
 Долгорукіе кн. II, 481, 563; III, 40.
 Долгорукій ген. губ. III, 100, 176, 373.
 Долгорукій кн. I, 241; II, 402, 403, 450, 474; III, 56, 169.
 Долгорукій мин. II, 230.
 Долгорукій В. кн. III, 54, 55.
 Долгорукій В. А. кн. I, 363; III, 408.
 Долгорукій В. В. кн. III, 29, 30, 34, 37, 50, 51.
 Долгорукій В. М. кн. II, 473.
 Долгорукій И. А. кн. III, 189.
 Долгорукій П. В. кн. II, 473—475.
 Долгорукій Ю. кн. II, 302, 303.
 Долгорукій Ю. А. кн. II, 473.
 Долгорукій Ю. В. кн. II, 122, 516; III, 300.
 Долгорукій Я. Ѳ. кн. III, 22, 40, 51.
 Долгорукова Е. А. кн. II, 564; III, 86.
 Долгоруковъ В. А. кн. II, 112, 123, 124, 591, 592, 594.
 Долгоруковъ В. Л. кн. II, 22.
 Долгоруковъ Н. кн. III, 73.
 Дохтуровъ I, 495, 538; II, 192, 197, 201, 422.
 Домашневъ I, 16, 18.
 Домбровскій I, 54.
 Доможировъ М. II, 220, 225.
 Донаурова М. Ф. II, 70.
 Донауровъ II, 464, 465.
 Донауровъ М. И. II, 70.
 Дондуковъ кн. III, 133.
 Дондуковъ-Корсаковъ кн. III, 118, 120, 136.
 Дороховъ I, 520; II, 430.
 Дороховъ И. С. II, 421, 428.
 Дороховъ М. I, 508.
 Досифей еп. III, 52.
 Драгомировъ М. И. ген.-ад. I, 260; II, 226, 227.
 Дрезъ П. II, 85.
 Дрентельнъ III, 236—238, 240—242.
 Дружининъ II, 616.
 Дубень I, 41.
 Дубровинъ III, 65, 287, 290.
 Дубровскій III, 57.
 Дубровскій П. II, 270.
 Дубровскій Ѳ. III, 50, 54.
 Дуванинъ Д. Д. II, 81.
 Дудышкинъ В. Г. I, 387, 393, 395.
 Дунмасовъ II, 122.
 Дума ген. II, 435.
 Дуннеръ К. Г. II, 129.
 Дурново I, 631.
 Дурновы III, 241.
 Дурова-Александрова II, 424.
 Дьяченко II, 446.
 Дюбуръ III, 503, 512.
 Дюмурье III, 261, 263, 266, 268, 271.
 Дююи К. К. II, 99.
 Дюрова Л. О. III, 245.
 Дюрокъ марш. I, 61; III, 349.
 Дюръ Н. О. III, 245—249.
 Дюфортъ ген. I, 530, 531.
 Дюфрень марк. II, 323.
 Дюфуръ III, 383.
 *
 Еварланова А. III, 10.
 Еварлановъ В. III, 10.
 Еварлановъ Ѳ. III, 10, 51.
 Евгений еп. I, 33.
 Евдокимовъ гр. III, 330.
 Евдонія Алексѣевна в. княж. III, 194.
 Евдонія Лукъяновна в. княг. I, 614; III, 85.

- Евдокія Федоровна ц. III, 53, 195.
 Евреиновъ I, 254.
 Егоровъ А. Е. II, 439—452; III, 492.
 Егоровъ Д. А. II, 441.
 Егоровъ Н. В. II, 445.
 Егоровъ Н. I. II, 85, 86.
 Егоровъ III, 214, 215.
 Екатерина Алексѣевна в. кн. III, 16, 194.
 Екатерина Іоанновна в. кн. III, 11, 192.
 Екатерина Павловна в. кн. I, 183, 184, 191, 535; II, 168, 171, 184, 188, 205, 420, 427; III, 198.
 Екатерина I, I, 321.
 Екатерина II I, 5, 15, 23, 26, 28, 29, 33, 201, 226, 243, 318, 321, 326, 333, 420, 435, 628, 632; II, 67, 156, 196, 217, 234, 301, 308, 321—337, 378, 417, 464, 466, 467, 481—491, 493, 494, 511, 512, 514, 517, 518, 534, 563, 569, 597, 600, 634; III, 22, 23, 25, 27, 35, 53, 57, 59, 68, 102, 103, 159, 173, 174, 177, 188, 201, 252, 253, 292, 296, 297, 302, 323, 336, 342, 381, 402, 409.
 Елагина А. П. I, 304, II, 307, 310; III, 340.
 Елагина Е. П. I, 303.
 Елагина Ф. И. II, 459.
 Елагина III, 305, 307.
 Елагинъ А. А. II, 636.
 Елагинъ В. А. I, 304.
 Елагинъ Н. А. I, 304; III, 551.
 Елагины I, 629; II, 282, 312, 318; III, 88, 317.
 Елена Павловна в. кн. I, 313, 367, 424, 425; III, 182, 189, 197, 257.
 Еленевъ Ѳ. П. I, 450.
 Елеонора им. III, 7.
 Елеонская Е. I, 624.
 Елецкій Ѳ. М. II, 206.
 Елисавета Александровна в. кн. III, 193.
 Елисавета Алексѣевна им. I, 482; II, 53, 163, 184, 415, 517; III, 176, 244.
 Елисавета Михайловна в. кн. I, 367; III, 189, 198.
 Елисавета Петровна им. I, 26, 27, 311, 318, 332, 369, 486; II, 67, 328, 354, 467, 481, 558, 561, 589; III, 286, 340, 342, 345, 367, 432.
 Елисавета Федоровна в. кн. I, 399, 401.
 Емельяновъ В. Е. II, 77.
 Емельяновъ Г. I, 623.
 Емельяновъ Е. Е. II, 77.
 Емельяновъ М. II, 428.
 Епанешниковъ А. Е. I, 387.
 Епанешниковъ Я. Е. I, 393, 395.
 Епанчиковъ Я. Е. I, 390.
 Епифановъ К. В. II, 103, 110.
 Епифановъ Л. II, 225.
 Епифановъ II, 499; III, 214, 215.
 Еремѣевъ П. II, 197.
 Ермолаевъ прап. II, 504.
 Ермолова Е. С. I, 313.
 Ермоловъ А. П. II, 192, 195—197, 218, 229, 238, 239, 245, 353, 383, 419; III, 298, 340, 342, 481.
 Ермоловъ Р. Д. I, 326.
 Еропкина А. М. II, 475.
 Еропкинь III, 345.
 Ершова II, 442.
 Есиповъ Г. Д. г.-м. III, 200.
 Ефимовичъ III, 363.
 Ефимовъ III, 272.
 Ефремовъ А. П. I, 302, 629, 636; II, 290, 480.
 Ефремовъ полк. II, 428.
 Ефреми мит. I, 601.
 *
 Жандръ ген. III, 227.
 Жариновъ П. П. II, 588.
 Желѣзновъ III, 97.
 Жерве I, 537.
 Живковичъ полк. I, 85, 88, 92, 260, 270.
 Живокини II, 446, 447; III, 247.
 Жигаревъ В. Я. II, 77.
 Жигаревъ I, 125.

- Жизневскій А. К.** I, 444; III, 290.
Жилось II, 115.
Жильберъ-де-Жибори III, 411.
Жилэ III, 347, 358, 359, 366.
Жинзифовъ К. И. I, 292, 293, 295;
 III, 89—101, 558—560.
Жобаръ I, 361.
Жозефъ-де-Местръ гр. II, 205.
Жонвель I, 514.
Жуберъ III, 382, 383, 469.
Жуновская Е. А. II, 307—309.
Жуновскій В. А. I, 304, 313, 409—414,
 416, 418, 419, 427, 431, 443; II,
 282—287, 290—294, 306—308, 310,
 311, 424, 438, 604; III, 159, 315,
 316, 334, 407, 431.
Жуновскій П. В. III, 160, 315—319,
 338, 547, 548.
Жуновъ В. II, 96.
Журавскій II, 472, 473; III, 52.
Жюно́ II, 432.
- *
- Заборовскій I,** 610.
Забѣлинъ И. Е. I, 602; II, 96, 97, 101,
 589, 602; III, 285.
Завадовскій И. В. II, 534.
Завадовскій П. В. гр. II, 534.
Завадовскій I, 16—18, 45, 452, 454,
 535, 536.
Завалашинъ III, 190.
Загорскій А. II, 614.
Загоскинъ М. Н. I, 143; II, 229, 422,
 436; III, 247.
Загряжская Н. К. I, 547.
Загряжская С. И. I, 162.
Загряжскій П. И. III, 338.
Заіонченко ген. II, 432.
Зайцевскій М. М. II, 588, 592—594.
Зайцевъ II, 107.
Закревская Л. А. II, 117.
Закревскіе II, 593.
Закревскій А. А. гр. I, 637, 638; II,
 101, 117, 195, 201, 202, 228, 229,
 346, 400, 415; III, 431.
- Замираило В. Д.** III, 284.
Замыцкій в.-адм. I, 257.
Запольскій П. III, 320.
Заремба С. II, II, 245, 254.
Зарницына III, 148.
Застрембецкій III, 148.
Заустинскій пор. I, 74.
Захаровъ И. И. II, 210.
Захаровъ И. С. губ. III, 108—113.
Захарьинъ III, 335.
Звѣздинъ II, 598.
Звѣревъ I, 352.
Зедергольмъ К. К. II, 309.
Зедергольмъ I, 589.
Зеленниковъ И. Е. III, 254.
Зеленой ген. I, 86, 92.
Зельмира I, 516.
Зензиновы II, 108.
Зеничь II, 196.
Зиловъ Л. II, 603.
Зиновьевъ А. З. III, 350.
Зиновьевъ В. Н. I, 312.
Зиновьевъ И. А. I, 445.
Зиновьевъ М. I, 628.
Зиновьевъ Н. И. г.-м. III, 200.
Зиновьевъ I, 447; III, 165.
Зипаловы II, 110.
Злобинъ I, 539.
Зоборовскій С. II, 6.
Золотаревъ А. М. II, 304.
Золотаревъ М. Е. I, 323—325.
Золотаревъ П. М. I, 323.
Золотаревъ Ѳ. М. II, 612.
Золотаревъ I, 326.
Золотаревы I, 322, 323.
Зонтагъ А. П. II, 292—294, 306.
Зонтагъ Е. И. II, 292.
Зотовъ гр. II, 208.
Зотовъ поруч. III, 304.
Зубовъ В. Г. I, 295, 296.
Зубова III, 246.
Зубовъ Е. гр. II, 342.
Зубовъ Н. А. гр. III, 174.
Зубовъ П. В. II, 587.

- Зубовъ** I, 545; II, 45, 515, 517—519.
Зуевъ X. К. III, 336.
Зуровъ III, 237.
Зыковъ III, 342, 343.
 *
Иванова А. З. II, 104, 108, 123.
Ивановъ А. I, 324; II, 585, 586.
Ивановъ Е. II, 11; III, 66.
Ивановъ И. В. III, 254.
Ивановъ Н. Г. I, 403, 408.
Ивановъ П. II, 428; III, 284.
Ивановъ С. С. II, 156, 157.
Ивановъ I, 504, 627; III, 67, 204, 210, 213—215.
Ивасовъ А. I, 396, 399.
Иваскъ У. Г. I, 142; 320; II, 72, 81, 233, 301.
д'Ивернуа I, 523.
Игнатъевъ С. Л. г.-л. III, 200.
Игнатъевъ Я. III, 10, 13, 15, 50, 54, 55, 57.
Игнатъевъ I, 629, 630; II, 105, 143.
Игумновъ П. А. II, 210.
Измайлова И. И. II, 369.
Измайловъ А. II, 597.
Измайловъ М. М. III, 252—255.
Изыльметъевъ кап.-лейт. I, 257.
Иконниковъ С. М. II, 630—632.
Иловайская III, 431.
Иловайскій Д. III, 62.
Иловайскій г.-м. I, 515; II, 371, 428, 430.
Ильина А. В. II, 157.
Ильинскій I, 330; II, 174, 514.
Ильинъ Н. И. II, 126, 477.
Ильинъ I, 457; II, 505; III, 510.
Имеретинскій кн. I, 121, 122.
Инзовъ II, 409, 410.
Иннокентій архіеп. II, 444.
Ипсиланти кн. II, 353, 377, 380.
Исаевъ I, 330.
Исаевъ об.-комис. 40.
Исановъ Н. В. I, 125; III, 89.
Исановъ I, 125; III, 313.
Исикамэ П. I, 390, 396, 400.
Истоминъ П. И. кап.-лейт. I, 257.
 *
Иаковлевъ А. I, 330.
Иевлевъ Ф. Я. кап. I, 326.
Иедминскій подполк. I, 75.
Иеронимъ кор. I, 516.
Иоаннъ Алексѣевичъ II, 467; III, 192, 195.
Иоаннъ Васильевичъ ц. I, 68; II, 217, 339, 551, 555.
Иоаннъ III, II, 304.
Иоакимъ III, 315.
Ионина I, 304.
Ионинъ А. С. I, 304.
Юркъ ген. II, 436.
Юсафъ мит. II, 296.
Юсифъ им. III, 8, 402.
Юсть А. И. II, 126—128.
 *
Кавелинъ К. Д. II, 97.
Каверинъ III, 253, 254.
Кавуръ I, 162.
Казакъвъ полк. II, 193.
Казанскій Е. С. I, 159, 354.
Казариновъ А. II, 249.
Казариновъ П. I, 623.
Казнаковъ И. Н. II, 458.
Казнаковъ I, 309.
Казначеевъ А. И. I, 500.
Казначеевъ полк. II, 406.
Кайсаровъ А. С. I, 524.
Кайсаровъ II, 388.
Калайдовичъ III, 307.
Калинченко II, 256.
Каллай III, 118, 121.
де-Калонъ III, 503.
Калустовъ ген. прок. III, 106—108, 110.
Кальмейеръ С. С. II, 108.
Камбуровъ III, 97.
Каменская I, 15.
Каменскій М. Ф. I, 19, 20.
Каменскій II, 611, 615, 616.

- Кампенгаузенъ II, 132, 372, 395, 396.
 Кампіонъ II, 209.
 Камынинъ И. С. II, 80.
 Кандиновъ А. Н. I, 290.
 Канингъ I, 498.
 Канкринъ I, 633; II, 390—392, 397, 398; III, 430.
 Каншинъ А. В. II, 123.
 Каншинъ Д. В. II, 121.
 Каннисть И. В. II, 209.
 Каннисть гр. I, 443.
 Каподистрія гр. I, 194, 208, 209, 216, 217, 225; II, 347, 369, 381, 384, 385, 408.
 Капренгорсть III, 404.
 Каптелина III, 52.
 Капустинъ I, 628.
 Капцевичъ II, 512, 514, 517, 532.
 Карабановъ П. Ф. II, 474.
 Карадыгина III, 357.
 Каразинъ II, 616.
 Каранозовъ II, 636.
 Карамзинъ Н. М. I, 444, 627; II, 135, 310, 339, 345, 346, 353, 606; III, 244, 299, 322, 534.
 Карапаевскій III, 97.
 Караповскій III, 97.
 Каратчевъ II, 221.
 Квратыгинъ П. А. III, 245.
 Караулова II, 93.
 Караччи архит. III, 228.
 Каргеръ полицм. II, 108.
 Карелинъ А. П. II, 111; III, 287, 288.
 Карлгофъ В. К. I, 419—422.
 Карлъ VI, III, 42, 44, 46, 48.
 Карлъ IX кор. I, 599.
 Карлъ XII, I, 490; II, 579.
 Кармазинскій А. В. III, 288.
 Каровъ М. С. II, 251.
 Карповъ III, 612.
 Карръ ген. I, 40.
 Карцевъ А. А. II, 458.
 Карцевъ С. III, 402.
 Касаткина-Ростовская княж. II, 121.
 Каспаровъ А. М. II, 109.
 Кастльрэ К. II, 169, 184.
 Касьяновъ Е. А. II, 114.
 Катакази I, 633; II, 409.
 Каткартъ I, 222, 223, 493, 498, 503, 520, 521, 523, 527, 531; II, 36, 37, 39, 44, 51.
 Катковъ М. Н. I, 282, 445—451, 534, 629, 631, 633—635; II, 312, 451, 478, 479; III, 86, 91, 145, 309.
 Катонъ I, 61.
 Каулинъ Н. И. II, 584.
 Качалова Е. С. II, 604.
 Качаловъ II, 32; III, 240.
 Каченовскій М. Т. I, 355.
 Кашевскій III, 484—495.
 Кашнаровъ В. I, 330.
 Кашкинъ I, 19.
 Кахановскій с. сов. I, 252, 253.
 Кахановъ III, 243, 244.
 Каховскій I, 568.
 Кедровъ Н. I, 401.
 Кедровъ С. II, 29.
 Кайзерлингъ II, 322, 327, 328, 331, 481—491; III, 18, 161—171.
 Кейль век. III, 44.
 Келлеръ В. Ф. гр. II, 122.
 Келлеръ И. И. II, 97.
 Кельсиевъ I, 355.
 Кеммереръ II, 449.
 Керестури II, 616.
 Кесяковы III, 217.
 Кетчеръ Н. X. II, 94—99, 101, 118.
 Кибальдичъ д-ръ III, 522, 523, 525, 530—532.
 Кизлярскій II, 224; III, 73.
 Кикинъ А. III, 29, 30, 39, 40, 42, 50, 51.
 Кикинъ П. III, 187.
 Кикинъ III, 173.
 Кильверъ сек. III, 23.
 Кинскій гр. I, 291.
 Кириковъ В. Н. II, 102.
 Кириковъ К. II, 102.

- Кириковъ II, 107.
 Кириковы II, 107.
 Кирпичниковъ А. И. I, 295.
 Кирьяковъ Г. А. II, 77.
 Кирьяковъ К. А. II, 79.
 Кирѣвскій И. В. I, 584—596; II, 282—286, 288, 636; III, 88, 89, 152.
 Кирѣвскій Н. II. I, 603, 604.
 Кирѣвскій П. В. III, 306.
 Кирѣвскій С. И. II, 636, 637.
 Кирѣвскіе I, 303; II, 282, 312; III, 317.
 Кирѣва А. В. II, 229.
 Кирѣвъ А. II, 220.
 Кирѣвъ М. I, 612.
 Кирѣвъ II, 220, 221.
 Киселева II, 346.
 Киселевъ В. В. II, 110.
 Киселевъ С. Д. III, 300.
 Киселевъ I, 315; II, 108.
 Киселевы II, 110.
 Кисяковъ польск. III, 124—127.
 Кишенскій В. Е. II, 456—458.
 Кишенскій Д. Е. II, 456—458.
 Кишенскій Е. В. II, 457.
 Кишенскій Н. Е. II, 456—458.
 Клаповскій В. М. I, 365.
 Кларкъ мин. I, 521.
 Клейнмихель А. I, 315.
 Клейнмихель М. Э. I, 315.
 Клейнмихель Н. II. гр. III, 157, 158.
 Клейнмихель П. А. гр. II, 638.
 Клейнмихель I, 314, 315; II, 129; III, 52, 299.
 Кленкъ II, 9.
 Клиггеръ ген. II, 572.
 Ключевскій III, 58.
 Кноблокъ III, 484—495.
 Князевъ П. Д. III, 252, 254, 255.
 Кобеко Д. II, 284.
 Кобенцель гр. III, 257—259, 266, 267, 473.
 Ковалевская П. И. III, 297.
 Коганъ III, 284.
 Кожевниковъ Ф. И. II, 78.
 Козельскій I, 321.
 Козицкая II, 379.
 Козловская А. М. кн. II, 415.
 Козловскій П. Б. кн. I, 544; II, 289.
 Козловскій II, 180, 190, 223, 224, 488.
 Козловъ А. А. II, 96, 101, 115, 118, 122, 596.
 Козловъ А. С. III, 276.
 Козловъ Д. III, 488—495.
 Козловъ I, 421; III, 213.
 Козляиновъ ад. III, 302.
 Козляиновъ Н. Ф. II, 254.
 Козодавлевъ I, 213, 534; II, 41, 343.
 Кокоревъ В. А. I, 445; II, 81, 590; III, 332, 333, 338, 340.
 Кокошкинъ II, 71, 184; III, 510.
 Коленкуръ I, 164, 165, 174, 532, 538; II, 61, 78, 79, 377, 413, 428; III, 528.
 Коловратъ гр. III, 474.
 Кологривовъ I, 323; II, 52.
 Колокольцова Е. I, 403, 405, 407.
 Колонина Т. II, 237.
 Колонинъ И. II, 237.
 Колонины II, 237.
 Колоредо г.-губ. III, 48.
 Колосовскій И. Г. III, 328, 329.
 Колпаковскій III, 234.
 Колчицкій И. іером. II, 300.
 Кольрейфъ III, 482—495.
 Кольсонъ польск. III, 328.
 Колычевъ III, 265, 266, 270, 381.
 Комаровскій Е. Е. гр. I, 587.
 Комаровскій Н. Е. гр. III, 152—158.
 Комаровскій гр. I, 312.
 Комисаровъ С. И. III, 254.
 де-Канде III, 263.
 Кондратьевъ II, 210.
 Кондыревъ II, 7.
 Кони Ф. А. I, 143, 144, 422; III, 141—151.
 Коновница I, 504.

- Коновницынъ г.-л. I, 512, 514, 542;
 II, 245, 347, 388, 421, 422, 428.
 Конопко ген. 527; II, 429.
 Константинъ Николаевичъ в. кн. I, 257,
 258, 314; III, 156, 173, 239.
 Константинъ Павловичъ в. кн. I, 46,
 200, 201, 204, 206, 229, 493, 566,
 567, 569; II, 180, 350, 351, 362,
 366, 388, 427, 515, 634; III, 173,
 177, 178, 183, 185, 186, 189, 227,
 228, 235, 262, 267, 322, 482.
 Конфланъ марк. I, 41, 42.
 Коншина П. В. II, 82.
 Коншинъ В. В. II, 127, 129.
 Коншинъ В. Д. II, 82, 129.
 Копль III, 346.
 Коптевъ Д. И. II, 210.
 Копьевъ I, 483.
 Корде Ш. III, 154.
 Корзинкинъ А. А. II, 587.
 Коренева С. Г. II, 129.
 Кореневъ Л. Г. II, 129.
 Коробка М. П, адм. I, 548, 549.
 Коробовы I, 322.
 Коровкинъ Н. III, 248.
 Королевъ М. А. II, 80, 584, 585.
 Корсаковъ М. С. I, 313.
 Корсаковъ А. В. I, 313.
 Корсаковъ Н. Д. ген. отъ кав. III, 200.
 Корфъ II, 486.
 Корчагинъ М. I, 67, 70, 71.
 Коршъ Е. О. II, 96, 98.
 Косаговскій полк. I, 85, 98.
 Косаревъ М. А. III, 287.
 Косилье III, 382, 383.
 Косовичъ I, 585, 588.
 Коссе-Бриссанъ III, 265.
 Коссовичъ К. А. II, 470—472; III, 400.
 Костенецкій III, 481—495.
 Костицъ II, 471.
 Костомаровъ III, 58.
 Кохановская III, 146.
 Кохановскій I, 88, 90, 95, 100, 101,
 106, 80, 114, 117, 123, 242; III,
 41, 43.
 Коцебу I, 451; II, 353; III, 297.
 Кочеткова П. I, 458.
 Кочубей Н. В. графин. II, 369,
 Кочубей С. М. II, 532, 533.
 Кочубей гр. I, 483, 488, 492, 536, 538,
 539, 546, 547; II, 32, 59, 131, 369,
 371, 376, 378, 386, 387, 389, 397,
 403; III, 258.
 Кошелева О. О. III, 89.
 Кошелевъ А. И. I, 305; II, 320, 476;
 III, 94, 244, 267, 551.
 Краевскій II, 307, 309; III, 145—148,
 313.
 Краковскій У. II, 295.
 Крамеръ II, 626.
 Крановъ Д. III, 216.
 Красненкинъ I, 606.
 Краснокутскій А. А. I, 467.
 Красовскій И. И. II, 98, 99.
 Красовскій I, 281, II, 195.
 Краузе К. II, 89.
 Кременецкій III, 41.
 Кремеръ I, 199.
 Крестовскій III, 226.
 Кретовъ I, 481, 499, 503,
 Кригеръ II, 472.
 Кристинъ III, 345—380, 497—543.
 Кроткій II, 211.
 Кроткова Е. С. I, 352, 362, 363.
 Кротковъ Л. С. II, 445.
 де-Круа III, 384, 399, 400.
 Круковскій Ф. А. I, 452—454, II, 218.
 Крупновъ III, 214, 215.
 Крушельницкая I, 122.
 Крыжановскій М. К. г.-л. III, 200,
 234.
 Крыжановскій кап. I, 454.
 Крыловъ Н. И. II, 475, 476.
 Крыловъ I, 312; II, 311; III, 314.
 Крюднеръ II, 374, 375, 387; III, 259,
 263, 266—269, 270, 271, 386, 398.

- Крюковъ А. С. II, 458.
 Крюковъ I, 552.
 Ксенія Александровна в. кн. I, 254.
 Кудашевъ кн. I, 428; III, 361.
 Кудрявцева П. II, 225.
 Кузнецовъ И. Г. I, 310; II, 109.
 Кузнецовъ Л. III, 406.
 Кузнецовъ М. С. II, 102, 107; III, 274.
 Кузнецовъ П. С. III, 287.
 Кукинъ К. А. II, 79.
 Кукольникъ I, 420, 421.
 Куликовъ В. Г. II, 584.
 Куликовъ Н. И. III, 245, 248.
 Куломзинъ III, 235.
 Кульневъ Я. П. II, 421.
 Куманинъ А. А. II, 78.
 Куманинъ В. А. II, 78.
 Куманинъ К. А. II, 78.
 Куракина И. I, 440.
 Куракинъ А. Б. кн. I, 538; II, 461;
 III, 104, 105.
 Куракинъ Б. И. кн. II, 5—29.
 Куракинъ кн. I, 45, 520, 535; II, 132,
 400, 402, 418, 462—465, 521, 522,
 532; III, 36, 37, 348.
 Куракины III, 110.
 Курбскій А. М. кн. I, 441.
 Куриленко М. I, 464, 465.
 Курилинъ Н. Н. III, 254.
 Куринъ Г. II, 428.
 Куропатнинъ I, 396.
 Кутайсова II, 346.
 Кутайсовъ гр. 502; II, 230, 245, 512,
 516, 524—526; III, 112.
 Кутлубицкая А. С. I, 403, 404; II, 454,
 458, 459.
 Кутлубицкая М. Н. II, 69.
 Кутлубицкій А. С. II, 250.
 Кутлубицкій Н. О. I, 403—408; II, 67—
 71, 244—253, 453—460, 494—538;
 III, 173—190, 288.
 Кутузова А. В. II, 67.
 Кутузовъ I, 47—56, 58, 62, 415, 483,
 491—496, 499—501, 503—505, 508,
 512, 513, 518, 524, 527—531, 541—
 546; II, 31, 41—46, 49, 50, 56, 62,
 64, 65, 135, 136, 138, 140, 157, 165,
 185, 388, 401, 423—436, 575, 613;
 III, 347, 361, 362, 365.
 Кутули III, 120, 121, 124—128.
 Кушелева II, 403.
 Кушелевъ ген. I, 249.
 Кушелевъ сен. II, 403.
 Кюхельбенеръ К. I, 568, 570; II, 497,
 499, 503.
- *
- Лабзинъ А. Ф. I, 432, 604, 605; II, 387.
 Лаваль графиня II, 49.
 Лаваль гр. I, 218.
 Лаваль II, 386.
 Лаврентьевъ II, 256.
 Лавровъ А. Ф. I, 362.
 Лагарпъ II, 177; III, 515.
 Лагодинъ А. И. II, 129.
 Лагорио худ. II, 101.
 Ладыженскій С. А. II, 80.
 Лажечникова I, 443.
 Лажечниковъ И. И. III, 141—151.
 Лажечниковъ II, 438, 481.
 Лазаревскій III, 97, 98.
 Лазаревъ Л. Я. III, 155.
 Ламбертъ гр. II, 394, 421, 433, 443.
 Ламбины I, 320.
 Ламсдорфъ гр. I, 242, 243, 245.
 Ланге Е. II, 159.
 Лангель I. 526.
 Ландсфорсъ III, 190.
 Ланжеронъ гр. I, 227; II, 192, 197,
 201, 356, 407.
 Ланской В. С. II, 50.
 Ланской ген.-лейт. II, 164, 165, 239.
 Ланчинскій II, 29.
 Лапкскъ К. И. II, 85.
 Лаптевъ В. III, 67.
 Лаптевъ II, 612; III, 498.
 Ларрей док. II, 435.
 Лаутъ III, 394, 397.

- Лебедевъ И. А. II, 81, 254—281.
 Лебедевъ Н. С. II, 261.
 Лебедевъ подполк. II, 277.
 Лебцельтернъ А. II, 49, 377, 379, 386.
 Левашевъ II, 482.
 Лёве О. А. II, 273, 276.
 Левенвольдь бар. III, 22, 23, 26.
 Левенштернъ ад. I, 539.
 Левизъ ген. I, 497.
 Левитскій III, 136.
 Левицкій С. Д. III, 335, 336.
 Левицкіе III, 335.
 де-Легранжъ III, 145.
 Левенцова III, 148.
 Лейбницъ III, 16.
 Лемке М. II, 289.
 Ленбахъ III, 315.
 Ленць III, 153.
 Леонидовъ III, 149.
 Леонидъ архим. I, 352.
 Леонидъ еп. II, 442.
 Леонтьевъ К. Н. I, 305.
 Леонтьевъ П. М. проф. I, 282, 297, 316; III, 94, 95.
 Леонтьевъ I, 424.
 Леопольдъ кор. II, 163; III, 7.
 Лепешкинъ С. Л. II, 79.
 фонъ-Лерингеренъ Ф. бар. III, 404.
 Лермонтовъ I, 281; II, 438.
 Лернеръ Н. II, 291.
 Лессепсъ I, 520, 526.
 Лестокъ ген. II, 625.
 Лефевръ марш. II, 435; III, 390.
 Лецинскій С. II, 14.
 Ливенъ графиня II, 54.
 Ливенъ I, 505, 514, 520; II, 54, 328, 411; III, 234, 235.
 Ливронъ II, 245.
 Лизакевичъ III, 401.
 Лимановскій полк. III, 326.
 Линбергъ А. Л. I, 297.
 Линдеманъ III, 382.
 Лисецкій г.-м. III, 229, 232.
 Листовскій И. С. I, 160.
 Литвиновъ II, 229.
 Литтльтонъ II, 64; III, 521.
 Литта гр. I, 161; II, 60; III, 351, 370.
 Лихаревъ III, 406.
 Лихачевъ II, 83.
 Лихвинскій I, 321.
 Лобановъ кн. I, 484, 504, 505, 542; II, 49, 51, 52, 132, 197, 394, 395, 399—403; III, 121—132, 175.
 Лобановъ-Ростовскій кн. I, 176; II, 137, 246.
 Лобачевъ II, 94.
 Лобкова А. И. III, 371, 499, 500.
 Лобковичъ гр. III, 383.
 Ловенгельмъ гр. III, 266.
 Логиновъ И. В. II, 157.
 Логиновъ И. И. II, 157.
 Логиновъ II, 156, 158.
 Ломоносовъ I, 125, 444; II, 383, 629; III, 312.
 Лонгинова М. А. II, 415.
 Лонгиновъ Н. М. I, 481—546; II, 30—66, 161—205, 338—416, 454, 477, 478; III, 88, 173, 311, 312.
 Лопашинскій Ѳ. архим. II, 300.
 Лопашевъ II, 113.
 Лопухина Е. Ѳ. III, 6, 51, 52.
 Лопухина III, 335.
 Лопухинъ А. III, 52, 54, 57, 254, 255.
 Лопухинъ В. И. III, 7.
 Лопухинъ И. В. II, 614.
 Лопухинъ П. В. III, 108.
 Лопухинъ П. П. кн. III, 175.
 Лопухинъ I, 135, 404, 538; III, 111, 112.
 Лореръ Н. И. II, 473; III, 406.
 Лористонъ I, 513, 518, 519, 537; III, 42, 43, 65, 418, 429.
 Лорисъ-Меликовъ III, 133, 239, 241, 243, 244, 417—419.
 Лошкаревъ II, 499.
 Лубянскій Ѳ. П. III, 7.
 Лужина II, 229.
 Луковниковъ И. А. III, 254.

Луневъ II, 236.
 Лури Ю. I, 304.
 Львова М. Д. I, 376.
 Львовъ А. Ѳ. III, 306.
 Львовъ Н. Н. III, 157, 158.
 Львовъ П. II, 70.
 Львовъ I, 333; II, 24, 230.
 Лѣнивовъ А. Н. II, 587.
 Лѣнивецъ М. А. II, 70.
 Любецкій кн. III, 298.
 Любимовъ Н. А. I, 127, 450.
 Любовицкій III, 227.
 Любомирская кн. I, 486.
 Любомирскій М. I, 40, 44.
 Людвиговичъ III, 148.
 Людовикъ-Рудольфъ герц. III, 14, 16.
 Людовикъ-Филиппъ I, 129.
 Людовикъ XIV, III, 11.
 Людовикъ XV, III, 102, 589.
 Людовикъ XVIII, I, 177; II, 202, 526.
 Люминарскій Е. Е. II, 445.
 Люцкановъ III, 217.
 Ляликовъ Ф. Л. III, 297.
 Ляминъ И. А. II, 80.
 Ляминъ С. И. II, 124.
 Ляпуновъ З. I, 599.
 Ляпуновъ П. I, 600, 601.

*

Мавринъ М. С. II, 456.
 Маврокордато А. И. кн. I, 18.
 Маврушина III, 148.
 Магницкій I, 215, 536—539; II, 347.
 Мадалинскій I, 31.
 Мадатовъ кн. II, 197.
 Мазуринъ А. А. II, 78.
 Мазуринъ А. С. II, 130.
 Мазуринъ К. М. II, 97.
 Мазуринъ Ѳ. А. II, 79.
 Мазуринъ Ѳ. Ѳ. II, 87, 88.
 фонъ-Майдель Е. И. бар. III, 200.
 Майковъ А. Н. II, 603.
 Майковъ Л. Н. I, 443.
 Майковъ П. II, 453.

Майковъ II, 247, 438.
 Макарий іером. I, 584—596, 603, 604.
 Макарий мит. I, 380.
 Макдональдъ ген. I, 54, 487; II, 37.
 Маклаковъ А. Н. II, 96, 119.
 Маклаковъ полк. I, 310.
 Маковскій К. Е. II, 111.
 Маковъ III, 237, 238, 241—243.
 Максимовичъ М. А. III, 88, 312, 552.
 Макушевъ III, 272.
 Малахчеевъ Х. III, 66.
 Малевскій-Малевичъ Н. А. I, 290—308.
 Малербъ аб. III, 521, 522.
 Малиновскій А. Ѳ. III, 86.
 Малышевъ III, 149.
 Мальцева А. Н. III, 155.
 Мальцевъ Н. С. I, 82, 274.
 Малютинъ П. П. II, 102.
 Мамаевъ III, 190.
 Мамоновъ Е. А. I, 313, 434, 491; II, 549.
 Мандтъ л.-мед. III, 153, 154.
 Мансуровъ Н. П. II, 440, 441, 449.
 Манфреди I, 208.
 Манчинковъ II, 428.
 Манчовъ III, 219.
 Мараева II, 595.
 Маремьянъ III, 52.
 Маринъ кап. II, 40, 41, 58.
 Марія Александровна им. I, 118, 275, 309, 432; II, 450, 451; III, 189, 193.
 Марія Алексѣевна им. III, 8, 29, 40, 51—53.
 Марія Михайловна в. княж. I, 367.
 Марія Николаевна в. кн. III, 154, 308, 341.
 Марія Павловна в. кн. I, 183, 206; II, 108, 343; III, 173, 174, 182, 189, 199.
 Марія-Терезія I, 43.
 Марія Ѳеодоровна им. I, 43, 223, 240, 257, 516, 567; II, 514, 517, 518,

- 523, 525, 600, 636; III, 173, 176,
178, 179, 162, 183, 323, 432.
- Маркевичъ** II, 117.
- Маркизио** II, 448.
- Маркова** III, 354, 357.
- Марновъ А. И.** III, 351.
- Марновъ** гр. I, 224; III, 236, 240, 346,
353,—355, 358, 364, 366, 367, 371,
377, 503—505, 509, 541.
- Марнозовъ** ген. III, 122.
- Марлинскій** I, 422.
- Мартенъ-Монто-ди-Беккариа А. И.** II,
157.
- Мартини** II, 104.
- Мартыновъ А. А.** III, 278, 279, 591.
- Мартыновъ И.** I, 316.
- Мартыновъ** II, 368.
- Марченко** II, 200.
- Марса Алексѣевна** в. княж. III, 196.
- Масальскіе** II, 484.
- Масальскій** еп. I, 30.
- Масленикова Е. П.** III, 286.
- Масловъ И. И.** II, 586.
- Масловъ М. В.** I, 158.
- Масловъ С. А.** I, 156; II, 476, 477.
- Масловъ** I, 621; III, 489.
- Массито** марк. I, 172.
- Масъ** посл. II, 7.
- Матвѣва** гр. III, 13.
- Матвѣвъ А. А.** II, 13, 25, 26, 28, 29.
- Матвѣвъ А. С.** I, 620.
- Матвѣвъ П. П.** II, 514.
- Матвѣвъ** бояр. I, 525.
- Матвѣвъ** II, 14, 17, 18, 499; III, 219.
- Мацелевъ** поруч. II, 499, 500, 504,
508.
- Мацѣвичъ А.** I, 362.
- Маюровъ** полк. II, 403.
- фонъ-Мевесъ Р. Т.** ген. II, 226.
- Медвѣдевъ** II, 446, 447.
- де-Медемъ И.** III, 70, 74, 76.
- Медынскій** I, 321.
- Мееръ** III, 40.
- Межовъ** I, 320.
- Мезенцовъ г. м.** II, 197.
- Мезонфоръ** марк. I, 507.
- Мезюаръ** III, 384.
- Мейеръ** полк. I, 465; II, 92, 223, 224,
432.
- Мейендорфы** гр. I, 275.
- Мейендорфъ** бар. II, 383.
- фонъ-Менкъ В. К.** II, 107.
- Мелессино П. И.** II, 494, 511, 532.
- Мельгуновъ** III, 489.
- Мельниковъ К. М.** I, 71.
- Мельниковъ П. И.** I, 360, 365; II, 105.
- Мельниковъ** I, 158.
- Мельхиседенъ** архим. I, 605.
- Меньшикова А.** III, 17—20.
- Меньшикова М.** III, 17.
- Меньшиковъ А. Д.** III, 7, 8, 17, 23.
- Меньшиковъ В.** кн. I, 249.
- Меньшиковъ** кн. II, 356, 385, 399,
400; III, 9, 10, 26, 27, 31, 34,
39—41, 55—57, 59.
- Мерелисъ** II, 207.
- Мерлинъ Ю. В.** II, 591, 592, 594.
- Мерси д'Арманто** гр. I, 318.
- Мерсье** I, 514; III, 382.
- де-Местръ Жозефъ** гр. I, 46—60, 62,
63, 161—234; II, 205; III, 373.
- Меттернихъ** I, 216, 632; II, 61, 173,
190, 379, 384, 386, 411.
- Метлинъ** адм. I, 257.
- Мецишевскій ф.** полк. III, 227.
- Мещаниновъ Д. Д.** II, 77.
- Мещерская М. А.** княг. III, 304.
- Мещерская С. С.** кн. I, 312.
- Мещерская** княж. III, 299, 335.
- Мещерскій Н. П.** кн. I, 298.
- Мещерскій Ѳ. В.** кн. III, 200.
- Мещерскій** I, 15, 525.
- Мещевскій** I, 321.
- Меѳодій** архим. III, 217.
- Миклашевскій А. А.** III, 310.
- Миклашевскій А. М.** III, 311.
- Миклашевскій М. П.** II, 533.
- Милашевичъ** I, 102.

- Миллеръ П. I, 137; II, 287.
 Миллеръ наст. III, 23.
 Миллеръ II, 11; III, 311.
 Милоновъ II, 605, 606.
 Милорадовичъ А. А. III, 135.
 Милорадовичъ М. А. гр. II, 424.
 Милорадовичъ I, 434, 512, 546, 568,
 570; II, 192, 367, 387, 388, 428,
 431, 432, 541, 542.
 Милославскій И. Д. II, 8.
 Милютинъ А. Я. гр. I, 317.
 Милютинъ Д. А. гр. I, 317, 629; II,
 569; III, 325—331.
 Милютинъ Н. А. гр. I, 317.
 Милютинъ I, 627; II, 415, 568; III,
 115—119, 154, 234, 331.
 Миндереръ II, 96.
 Мининъ I, 602, 605; II, 420.
 Мининъ фельдм. II, 322, 470.
 Минцловъ С. Р. I, 318—320.
 Минъ Е. II, 96.
 Мирза-Риза-Канъ посл. I, 248, 250,
 260.
 Мировичъ I, 313.
 Мирскій кн. III, 330.
 Митрофановъ худ. III, 283.
 Митрошкинъ В. II, 221.
 Милюшинъ III, 190.
 Михайль Александровичъ в. кн. I, 244,
 245.
 Михайль Николаевичъ кн. I, 455, 467;
 III, 330.
 Михайль Павловичъ в. кн. I, 223, 374,
 633; II, 158, 359, 366, 410, 634;
 III, 173, 177, 182, 185, 187—189,
 198, 323, 340.
 Михайль Ѳедоровичъ ц. I, 115, 440;
 II, 6, 7, 10, 11, 467; III, 189.
 Михайловскій-Данилевскій I, 440.
 Михайловскій Л. протоіер. I, 453.
 Михайловъ И. III, 75, 76, 78, 79—82.
 Михайловъ I, 169; II, 108.
 Михельсонъ III, 259.
 Мишб полк. I, 516; II, 427; III, 159.
 Мицкевичъ I, 304, 596; III, 88, 89.
 Мнишенъ И. графиня I, 23.
 Мнишенъ М. Ю. гр. I, 23, 601.
 Мнишенъ У. графиня I, 23.
 Мнишки гр. I, 24.
 Модзалевскій Б. III, 172.
 Моеръ И. Ѳ. проф. I, 409.
 Моистевъ Р. I, 601.
 Мозаферъ-Эддинъ пр. I, 88, 97.
 Мозеръ III, 385, 386, 397.
 Можечковъ III, 187.
 Мокрицкій Г. II, 300.
 Молоствовъ А. Т. II, 103, 104.
 Молчановъ Е. В. II, 79.
 Молчановъ М. I, 599.
 Молчановъ ст.-сек. I, 486; II, 373, 403.
 Молчановы II, 403, 404.
 Мольтке гр. I, 471.
 Монастыревъ А. Н. I, 290.
 Монигутъ И. К. II, 115.
 Монтебелло III, 328.
 Монсъ А. III, 6, 17, 18.
 Мордвиновъ Н. С. II, 247, 248, 252,
 454—456; III, 179.
 Мордвиновъ I, 526; II, 171, 340, 355,
 393, 395, 396, 613; III, 177.
 Моренгеймъ I, 447, 449.
 Морковъ А. И. гр. II, 41, 45, 60.
 Морновы II, 171.
 Моро III, 356—360, 362, 365, 368,
 369, 373, 376.
 Морозова II, 473.
 Морозовъ П. II, 289.
 Морозовъ С. I, 329; III, 289.
 Морошкинъ М. Я. III, 552.
 Мортъе марш. II, 430, 435.
 Мосальскій I, 321.
 Мосолова III, 338.
 Мосоловъ Н. С. II, 85, 86; III, 278.
 Мосоловъ П. С. I, 146.
 Мотылевъ И. I, 463.
 Мотылевъ К. I, 464, 465.
 Мочаловъ П. С. I, 144—147.

- Музаферъ-Эдинъ шахъ I, 235, 249, 252, 271.
- Муравьева Е. З. II, 398.
- Муравьевъ И. М. III, 400.
- Муравьевъ М. Н. II, 636.
- Муравьевъ I, 88, 358, 557, 568; II, 157, 383, 394, 409; III, 270.
- Муравьевъ-Апостоль И. М. III, 269, 381—400.
- Мурзакевичъ Н. Н. I, 451.
- Муромцевъ I, 149.
- Мурръ III, 492.
- Мурузи I, 53.
- Мусина-Пушкина Е. В. гр. I, 23.
- Мусинъ-Пушкинъ И. А. гр. II, 296, 299.
- Мусинъ-Пушкинъ I, 363; II, 40, 251, 323, 324; III, 56, 347.
- Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ гр. I, 507.
- Муханова Е. А. I, 279.
- Мухановъ В. А. III, 298.
- Мухановъ Н. А. II, 208; III, 298.
- Мухановъ С. И. II, 355.
- Мухановъ III, 482, 483.
- Мухановы II, 208.
- Мѣшковъ II, 245.
- Мюратъ I, 50, 508, 513, 515, 517; II, 42, 43, 178, 181, 188, 191, 194, 428, 435; III, 515.
- Мякининъ И. И. I, 621.
- Мятлевъ II, 116.
- Мясново А. А. II, 128.
- *
- Набоковъ А. И. ген.-ад. III, 200, 239, 429.
- Нагаевъ К. К. II, 303.
- Надежинъ Н. И. I, 355.
- Надлеръ В. К. II, 434.
- Назаровъ II, 383.
- Назаровъ А. В. I, 128.
- Назаровъ Д. О. I, 294.
- Назимовъ I, 425, 572; III, 406, 407.
- Наполеонъ I, 46—50, 52—57, 59, 129, 130, 163, 165, 167, 168, 172, 178, 421, 438—440, 469, 487—490, 495—497, 501, 504, 505, 509, 513, 515, 516, 518, 520—522, 526, 529—532, 534, 543, 544, 546, 596, 605; II, 34, 41—43, 47, 50, 55, 59, 61, 63, 64, 117, 164—166, 171, 174, 178, 187, 188, 190—196, 200, 202, 245, 246, 254, 419—436, 455, 462, 467, 539—541, 552, 558, 559, 562, 572, 575, 579, 624—626; III, 133, 153, 159, 268, 281, 282, 320, 366, 321, 341, 347, 348, 352, 359, 370, 376, 377, 379, 387—400, 506, 361, 515, 519, 527, 533.
- Нарановичъ док. II, 256—258.
- Нарбонъ I, 484.
- Нарышкина I, 370; II, 187.
- Нарышкина Е. А. I, 516.
- Нарышкина М. А. I, 491; II, 170, 183, 200.
- Нарышкина Н. К. III, 284.
- Нарышкинъ I, 229, 508; II, 41, 399, 430, 431, 524, 525, 564, 565; III, 406, 407.
- Нарышкинъ А. Л. II, 162, 183, 396, 502, 503.
- Нарышкинъ Д. II, 48, 183, 191.
- Нарышкинъ К. А. II, 87.
- Нарышкинъ Л. I, 516, 530, 531, III, 6.
- Нарышкинъ С. III, 50.
- Нарышкины II, 395, 563.
- Насоновъ И. С. II, 77.
- Насръ-Эль-Мулькъ мин. I, 95, 100, 101, 235, 249.
- Наталья Алексѣевна царев. I, 26; III, 8, 22, 23, 25, 27, 39, 191, 193, 195.
- Наталья Кириловна царев. III, 6.
- Наумовъ Д. Н. III, 301.
- Нахимовъ II, 428.
- Нащонинъ II, 287, 288, 505.

- Небельсъ III, 383.
 Невѣровъ II, 7.
 Невѣровскій г.-м. I, 495; II, 422.
 Недѣльковичъ С. И. I, 256.
 Нелидова А. И. фрейл. I, 27, 44.
 Нелидовъ ген. м. I, 24; III, 242.
 Нельсонъ II, 56; III, 265.
 Ней I, 52, 53; II, 432, 435.
 Нейгартъ II, 192.
 Нейпергъ гр. III, 361.
 Неккеръ мин. II, 579.
 Неклюдова I, 633.
 Некрасовъ II, 634, 636; III, 313.
 Неплюевъ И. И. I, 438; II, 336.
 Непокройчицкій III, 136, 226.
 Нессельроде гр. I, 164, 194, 207, 209, 216, 231, 632; II, 60, 131—133, 167, 177, 180, 190, 229, 369, 381, 384, 391, 411.
 Неткачевъ Ѡ. I, 463.
 Нефедьевъ Н. И. II, 458.
 Нечаевъ И. А. II, 206, 210.
 Нечаевъ-Мальцевъ Ю. С. I, 384.
 Никитинъ I, 356; III, 492.
 Никифоровъ II, 124, 446, 447; III, 254.
 Николаевъ г.-лейт. I, 606; III, 210.
 Николаевъ И. К. II, 107.
 Николаевъ Н. П. II, 476, 477.
 Николай архіеп. I, 379—402.
 Николай Александровичъ цар. I, 259, 442, 467; III, 340, 511.
 Николай Константиновичъ в. кн. III, 156.
 Николай Михайловичъ в. кн. I, 440; II, 350; III, 272.
 Николай Николаевичъ в. кн. I, 183, 315, 467, 478; II, 107, 204; III, 136.
 Николай II, 39, 382, 384, 487, 497, 498, 512, 526.
 Николай I, I, 109, 184, 243, 313, 314, 375, 467, 469, 477, 507, 566, 568, 569, 572, 632, 634; II, 127, 158, 159, 230, 279, 308, 350, 353, 385, 472, 509, 510, 590, 633—635; III, 154, 173, 177, 181, 186, 187, 202, 206, 226, 228, 247, 249, 256, 302, 322, 334, 343, 344, 405, 410, 417.
 Никонъ пат. I, 602.
 Никулинъ II, 446.
 де-Ноазевиль III, 345, 348, 350, 352, 356, 378.
 де-Ноайль герц. I, 165, 174, 178, 576.
 Новиковъ II, 355, 604.
 Новиковъ И. А. II, 586.
 Новиковъ Н. И. II, 589.
 Новицкая А. В. II, 633.
 Новицкій И. Н. II, 96; III, 227, 385.
 Новомбергскій Н. Я. I, 611, 619.
 Новосильцова II, 350; III, 373, 546.
 Новосильцовъ I, 213, 492, 497, 498, 538, 593; II, 36, 50, 350, 351.
 Новосильцовы II, 171.
 Нолькенъ бар. III, 404.
 фонъ-дерь-Нонне I, 96, 103.
 Норшинъ Н. А. II, 207.
 Носовъ Я. III, 23, 40, 41, 49.
 *
 Оберъ д-ръ III, 540.
 Облеуховъ I, 589.
 Оболенскій А. П. кн. I, 385.
 Оболенскій В. А. кн. I, 385, 568; II, 336, 515.
 Обольяниновъ П. X. II, 68, 504; III, 134.
 Обручевъ ген.-ад. III, 219, 412.
 Обрѣзовъ I, 44, 172; II, 136, 333; III, 301, 321.
 Обуховъ III, 498.
 Оверъ А. И. II, 209.
 Овсянниковъ Н. Н. I, 441—444.
 Овчинниковъ М. К. III, 254.
 Огаревъ III, 190.
 Огинскій гр. III, 169.
 Одинцовъ губ. II, 87.
 Одоевскій I, 321, 323, 420; III, 85, 86.

- Ожаровскій ген.-ад. II, 194, 385; III, 347.
- Озерова М. И. III, 142.
- Озеровъ губ. II, 342.
- Окуловъ III, 173.
- Окуневъ г.-м. III, 229, 230.
- Олдфильдсъ А. II, 333, 334.
- Оленина А. С. I, 313.
- Оленинъ А. Н. I, 313; II, 387, 388; III, 134.
- Олсуфьевъ гр. II, 122, 180, 308, 326, 330.
- Олсуфьева М. В. II, 330.
- Олсуфьева А. А. гр. III, 286.
- Олсуфьева гр. II, 442.
- Ольга Николаевна в. кн. II, 310; III, 189.
- Ольга Павловна в. кн. III, 173.
- Ольденбургскій герц. I, 176, 191; II, 44, 282—286; III, 414—416.
- Ольшевскій III, 328.
- Оранскій пр. I, 184.
- Орлова кн. I, 312, 637, 638; II, 65, 549, 559; III, 143—145.
- Орловъ I, 18, 366; II, 485.
- Орловъ А. гр. I, 492, 637; III, 545.
- Орловъ В. Г. II, 486.
- Орловъ Г. В. гр. II, 559, 560.
- Орловъ Г. Г. камерг. II, 321, 378, 484; III, 174.
- Орловъ-Денисовъ гр. II, 431; III, 159.
- Орѣшниковъ А. В. II, 587.
- Осипова П. А. II, 289.
- Осиповъ полк. I, 455; II, 107, 108; III, 190.
- Остерманъ гр. I, 218, 495, 504, 512, 514, 516, 540; II, 201, 245, 387; III, 142, 169, 358, 363, 365, 506, 525.
- Остолоповъ II, 350.
- Островскій I, 431; II, 446.
- Остроглазовъ И. М. II, 86, 87.
- Остроуховы Н. II. II, 129.
- Остроуховъ И. С. II, 129, 591.
- Отченашенко I, 462—464.
- Отрощенко ген.-ад. III, 228.
- Оффенбергъ И. П. бар. II, 226.
- Ошанинъ В. Ѳ, I, 296.
- *
- Павель I I, 19, 21—45, 82, 161, 192, 202, 231, 248, 250, 255, 258, 313, 318, 333, 371, 401, 634; II, 58, 60, 67—69, 157, 158, 253, 389, 397, 407, 415, 453, 457, 459, 461, 464, 484, 494—537, 552, 557, 558, 569, 600, 634; III, 104—113, 173—182, 187—189, 193, 197—199, 260, 257—271, 297, 301, 323, 338, 341, 381—401, 465—474.
- Павлицевъ Л. Н. II, 287.
- Павлицевъ О. С. II, 287.
- Павлова К. К. I, 317.
- Павловъ В. I, 615.
- Павловъ Н. М. I, 305; III, 297.
- Павловъ Н. Ф. II, 280; III, 312.
- Павловъ III, 210.
- Пако С. И. проф. II, 211.
- Палень П. II. гр. II, 381, 383.
- Палень гр. I, 487, 546; II, 41, 57, 180, 445, 495, 501, 503, 528, 529, 533.
- Палисадовъ II, 159.
- Палицынъ А. I, 602, 605.
- Палицынъ II, 420.
- Пальмерстонъ III, 140.
- Пальмеръ I, 358.
- Пальфи гр. II, 180.
- Панаевъ II, 307; III, 313.
- Панафидинъ I, 550.
- Панина А. С. гр. I, 589.
- Панинъ И. В. III, 304.
- Панинъ П. И. гр. II, 330, 463; III, 10, 79, 80, 258, 259, 544—546.
- Панинъ П. И. гр. I, 15, 313; II, 321; III, 10.
- Панинъ гр. I, 26, 37, 74; II, 441, 491; III, 261, 266, 268.

- Паншинъ П, 250.
 Панюшинъ Д. I, 403.
 Паниютинъ полк. III, 221.
 Парандье III, 382, 383, 385.
 Парисъ док. I, 312.
 Паркеръ Ф. И. III, 66.
 де-Паркъ герц. III, 267.
 Паскевичъ II, 532; III, 228, 229, 233, 301, 340, 359.
 Пассекъ Т. П. III, 335.
 Пастуховъ Н. П. II, 107; III, 286.
 Паулучи марк. I, 166, 517, 518, 541; III, 375, 376.
 Пахомовъ Р. I, 601.
 Пашкевичъ П, 245.
 Пашковъ П, 350; III, 347.
 Пашенно П. П. II, 532, 533.
 Пелисье III, 153.
 Пелопидасъ А. И. I, 299, 301, 303, 304.
 Пельская В. И. II, 449.
 Пемброкъ леди I, 506; II, 204.
 Перевошиковъ Д. М. III, 298.
 Перевошиковъ П. Д. II, 115, 121.
 Перлова Л. С. II, 92.
 Перловъ В. А. II, 79.
 Перловъ В. С. II, 102, 106—108, 129, 130.
 Перовскіе I, 535.
 Перовскій А. К. гет. I, 535.
 Перовскій Л. А. I, 355.
 Перовскій II, 616.
 Перовскія гр. I, 254.
 Персіановъ Ф. II, 225.
 Перфильева П. Ф. II, 118.
 Перфильевъ В. С. II, 98, 119.
 Перфильевы II, 118.
 Петерсонъ А. П. I, 303.
 Петровъ А. Г. II, 450.
 Петровъ В. I, 327, 328.
 Петровъ И. I, 405.
 Петровъ Ф. В. II, 72.
 Петровъ Я. I, 464.
 Петровъ проф. I, 128, 463, 465; II, 108, 261, 447.
 Петрушкевичъ II, 535.
 Петръ Николаевичъ в. кл. I, 273.
 Петръ Павловичъ в. кн. III, 191.
 Петръ I, I, 24, 134—137, 179, 190, 192, 243, 251, 276, 311, 351, 497, 612, 628; II, 5, 6, 12, 67, 73, 127, 172, 319, 336, 351, 354, 401, 402, 405, 466, 481, 484, 506, 546, 551—557, 564, 568, 569, 579, 587, 595, 597, 635, 638; III, 5—62, 152, 159, 191—196, 201, 253, 275, 288, 304, 331.
 Петръ II, I, 321; III, 50, 195, 250.
 Петръ III, I, 5, 6, 9, 11, 26, 318, 322, 336, 491, 494, 619, 637; III, 193.
 Пестель полк. I, 568.
 Пикулина А. П. II, 93.
 Пикулинскій П. Л. II, 99.
 Пикулинъ П. Л. II, 85, 93—101, 117, 591.
 Пироговъ I, 451.
 Питаньяницъ И. И. II, 109.
 Питтъ II, 353; III, 466.
 Писаревъ А. И. II, 477.
 Писаревъ г.-л. III, 229.
 Писемскій П. А. II, 587.
 Писемскій II, 97, 230.
 Платовъ I, 489, 502, 515, 528; II, 37, 41, 46, 47, 422, 431, 432.
 Платоновъ II, 615.
 Плевано Ф. Н. адвок. II, 87.
 Прейеръ III, 56.
 Плетневъ П. А. III, 305—314.
 Плетневъ I, 278, 312; II, 613.
 Плещеевъ С. И. I, 33.
 Плещеевъ II, 462; III, 100.
 Побѣдоносцевъ I, 254, 442, 445—447, 631; III, 272.
 Погодинъ I, 365, 421; II, 121, 379, 449; III, 57, 94, 152, 229, 256, 272, 298, 307, 311.
 Подолинскій А. И. I, 421; II, 290.

- Пожарская Д. Е. II, 159.
 Пожарскій кн. I, 601, 602, 605.
 Покровскій А. III, 320.
 Покровскій III, 67.
 Полевой I, 421, 422, 433.
 Полевые I, 419—422.
 Полежаевы III, 483.
 Полетика А. И. II, 339.
 Поликарповъ Ѳ. II, 300.
 Полиньякъ герц. III, 369, 371, 527,
 528.
 Политковскій II, 616.
 фонъ-Полль Г. III, 403.
 фонъ-Полль Д. III, 404.
 фонъ-Полль I. Ф. III, 403, 404.
 фонъ-Полль К. III, 403.
 фонъ-Полль X. III, 403.
 фонъ-Полль Ю. III, 403.
 Половцовъ А. А. II, 583.
 Половцевъ I, 449.
 Полозовъ II, 428.
 Полонинъ III, 481—495.
 Полонскій Я. П. III, 430.
 Полочаниновъ Д. II, 249.
 Полтева А. Н. I, 372.
 Полтевъ I, 357.
 Полторацкая III, 87.
 Полуденскій М. П. II, 451.
 Поль А. И. II, 206, 208, 210.
 Поль К. Ѳ. II, 206.
 Полье II, 370, 371, 374.
 Полѣновъ Д. В. III, 335.
 Поляковъ Л. С. II, 85, 87.
 Поляковъ П. I, 458, 459.
 Померанцевъ И. Ѳ. II, 206.
 Пономаревъ II, 221.
 Понятовскій А. I, 22.
 Понятовскій кн. I, 514; II, 65, 351,
 424, 432, 464, 483, 485; III, 169.
 Попко ген. III, 66.
 Попова Е. И. II, 283.
 Поповъ А. А. к.-адм. I, 258.
 Поповъ А. Г. II, 78.
 Поповъ А. М. II, 103.
 Поповъ В. С. II, 492, 493.
 Половъ Д. В. II, 110.
 Поповъ И. В. II, 282.
 Поповъ К. М. II, 109.
 Поповъ П. I, 458, 459.
 Поповъ адм. I, 249; II, 237, 238; III,
 357.
 Поподовичъ III, 97.
 Попруженко И. Г. III, 233.
 Посадовскій А. над. сов. II, 500.
 Посниковъ II, 308, 353.
 Постникова А. И. II, 93, 115.
 Постниковъ Д. А. II, 593.
 Постниковъ З. Н. I, 369, 519.
 Постниковъ И. П. II, 92, 93.
 Постниковъ П, 66, 619.
 Потемкина Т. Б. III, 345.
 Потемкинъ кн. Г. А. I, 30, 114, 226;
 II, 156, 367, 378; III, 342, 366,
 402, 564, 607.
 Потоцкая III, 352.
 Потоцкіе I, 167; III, 349.
 Потоцкій И. гр. I, 23, 31.
 Потоцкій Л. гр. I, 226; II, 131, 186.
 Потоцкій С. гр. III, 227.
 Потоцкій гр. II, 173.
 Потоцкій-Щенскій С. Ф. гр. I, 29.
 Похвисневъ А. А. II, 123.
 Похвисневъ А. Н. II, 449, 450.
 Поццо II, 411.
 Прасковья Ѳедоровна ц. III, 27, 192.
 Прассе II, 328.
 Предимировъ I, 463, 465.
 Пределъ II, 428.
 Пригожевъ II, 104.
 Приклонскій III, 488, 489.
 Прозоровская кн. I, 20; II, 178.
 Пронина Е. А. II, 442.
 Пронинъ А. I, 326.
 Пронинъ О. I, 323—325.
 Протасова А. А. I, 409—418.
 Протасова А. С. гр. II, 177.
 Протасова Е. А. I, 409, 410.
 Протасова А. А. I, 409.

Протасова графиня П, 42.
 Протасовъ А. И. I, 409.
 Протасовъ А. П. I, 426.
 Протасовы I, 303, 409.
 Протопоповъ А. II, 599.
 Протопоповъ II, 259.
 Прохоровъ III, 85, 204, 207.
 Пугачевъ И. М. III, 65—67.
 Пугачевъ I, 15; III, 378.
 Пуенсардъ Ю. III, 487—495.
 Пустовалова М. С. II, 124, 592.
 Пустоваловъ К. А. II, 592.
 Пустынный А. протоп. III, 52.
 Пустынный О. III, 52.
 Путята Н. В. I, 372.
 Путятинъ П. И. II, 606.
 Путятинъ гр. III, 309.
 Пучковъ II, 327, 485—487.
 Пушкинъ Алексѣй III, 524, 525.
 Пушкинъ гр. II, 410.
 Пушкинъ I, 294, 313, 363, 419, 431,
 434, 547, 635; II, 159, 160, 259,
 287—291, 306, 311, 407, 438, 481,
 635; III, 65, 100, 299—301, 314.
 Пущинъ I, 278.
 Переллеръ д-ръ III, 530, 532.
 Пуфль I, 491, 522.

*

Рагоза поруч. II, 258.
 Радищевъ I, 534.
 Радовицъ I, 476.
 Раевская Е. И. II, 157.
 Раевскіе I, 277.
 Раевскій г.-л. I, 495, 502; II, 192,
 197, 201, 421, 423; III, 551.
 Разумовская гр. I, 234.
 Разумовская Г. II, 604.
 Разумовская М. Г. гр. II, 346.
 Разумовскіе I, 27.
 Разумовскій Г. гр. I, 164, 234, 526,
 535, 536; II, 172, 181, 187, 616;
 III, 257, 260, 472, 473.
 Раичъ I, 427.

Рандъ О. Я. II, 626.
 Рапатель полк. III, 369, 370.
 Росковшенко II, 441.
 Расплюевъ II, 447.
 Растеряевъ II, 225.
 Расторгуевъ Д. И. II, 79.
 Рахманиновъ II, 441.
 Рахмановъ II, 130.
 Ратѣевъ III, 148.
 Ратьковъ I, 144.
 Рачинскій С. А. I, 125, 279.
 Рачковъ Н. Е. II, 97, 98.
 Ребиндеръ бар. I, 483; II, 128, 599.
 Рейберти I, 172.
 Рейнботъ II. II, 289.
 Рейнгольдъ Э. И. II, 637, 638.
 фонъ-Рейссъ Н. А. I, 300.
 Рейтернъ III, 234, 315, 319, 338.
 Ремизова Е. II, 225.
 Ремезовъ М. Н. II, 86, 121.
 Реннеръ док. II, 539.
 Ренталь Н. III, 70, 71.
 Ренье I, 488, 497; II 37, 65.
 Репнинъ кн. II, 322, 326, 329, 523,
 532, 533; III, 165, 168, 170.
 Репнинъ В. Н. кн. III, 404.
 Репнинъ Н. В. кн. I, 27, 28, 33; III,
 403, 404.
 Репнинъ-Волконскій Н. Г. кн. III, 298,
 321.
 Ржевская III, 25.
 Ржевскій I, 18.
 Ржевусскій гр. II, 483.
 Ржиго Н. II, 579.
 Ржичевскій II, 328, 482.
 Рибасъ II, 43.
 Рибопьеръ II, 379, 380; III, 352.
 Риза-Ханъ послан. I, 95, 100, 101.
 Рикарь II, 432.
 Рингъ бар. III, 121, 127.
 Рихтеръ А. А. II, 284.
 Риццони II, 101.
 Ришелье герц. I, 217; III, 253.
 Робертъ I, 207.

- Ровиго герц. I, 130.
 Рогожинъ И. И, II, 584.
 Рогожинъ Н. П. II, 87.
 Роде III, 382, 383.
 Родіоновъ полк. III, 231.
 Рождественскій III, 154.
 Розе III, 494.
 Розенбаумъ II, 27.
 Розенкранцъ III, 270, 271.
 Розентауеръ II, 92.
 Розенштраухъ В. И. II, 206.
 Розенштраухъ Ф. В. II, 210.
 Розень бар. I, 607—609; II, 218—224; III, 363, 406.
 Розова Е. С. I, 307.
 Розова М. С. I, 307.
 Розова О. I, 307, 308.
 Розова Ю. О. I, 290, 291, 307.
 Розовъ И. I, 307, 308.
 Розовъ К. А. I, 291.
 Розовъ М. I, 307, 308.
 Розовъ С. И. I, 307, 308.
 Роиновъ II, 112.
 Рокнь II, 579.
 Романовъ М. Ф. I, 599; II, 8, 466.
 Романовъ Ф. Н. I, 600.
 Рославлевъ I, 9.
 Россель I, 474, 475.
 Ростовцевъ гр. II, 157.
 Россіевъ П. III, 249, 272.
 Ростопчина Н. О. гр. II, 44, 48, 229; III, 345.
 Ростопчинъ А. Ф. гр. I, 498.
 Ростопчинъ Ф. гр. II, 48.
 Ростопчинъ гр. I, 505, 520, 524, 528, 538, 543, 604, 605; II, 45—47, 56, 60, 132, 135—138, 141, 172, 212, 216, 257—271, 514, 523, 552, 553, III, 133, 134, 321, 346—349, 366, 475—480, 504.
 Ротшильды II, 391.
 Рошфоръ II, 114.
 Ртищевъ Н. О. г.-л. III, 105, 109.
 Рубцовъ II, 157.
 Рудзевичъ г.-м. I, 457, 458.
 Рукавишникова В. М. II, 106.
 Рукавишникова Ю. М. II, 107.
 Рукавишниковъ И. М. II, 107.
 Рукавишниковъ М. М. II, 107.
 Рукавишниковъ К. В. II, 81.
 Рукавишниковъ Н. М. II, 107.
 Рукинъ П. III, 406.
 Рулье К. Ф. I, 144; II, 96, 477, 478.
 Румянцевъ гр. I, 20, 488, 492, 520, 534, 541; II, 41, 55, 59, 132, 180, 185, 377, 427, 512, 513, 515, 534, 536, 541, 625; III, 178, 366.
 Румянцевъ А. кап. III, 43—48, 56.
 Румянцевъ Н. П. гр. I, 164, 483; II, 632.
 Румянцевъ-Задунайскій П. А. гр. I, 548; II, 415, 494, 632; III, 173.
 Румянцевъ С. гр. III, 355.
 Румянцевъ I, 544, 545, 547; II, 171, 558.
 Руничъ III, 363, 508.
 Руперти III, 394.
 Русиновъ А. П. II, 79.
 Рустейно О. Ф. I, 625, 626.
 Рюбигеръ III, 400.
 Рюль III, 392, 395.
 Рюминъ I, 427; III, 297.
 Рюриковъ II, 466.
 Рюхель ген. I, 24.
 Рябовъ II, 447.
 Рязановъ II, 383.
 Рязанцевъ I, 597.
 Рѣдькинъ III, 487—495.
 Рѣзановъ Ф. Ф. II, 80.
 Рѣшетниковъ В. Т. II, 71.
 Рѣщиковъ II, 191, 197, 379.
 Рыкаловъ II, 446.
 Рылѣва II, 408.
 Рылѣвъ поруч. I, 568; II, 279.
 Рындины К. С. I, 369.

- *
- Сабанѣвъ ген. II, 198, 201.
 Сабурова III, 279.
 Сабуровъ III, 240.
 Сабуровъ А. поруч. II, 303.
 Сабуровъ П. А. I, 468—480.
 Саварй I, 521, 530, 531.
 Савватъевъ С. С. II, 110.
 Савельевъ А. Я. II, 78.
 Савина Т. А. II, 441.
 Савинъ кн. II, 443.
 Савинъ Т. А. II, 442.
 Савостинъ М. М. II, 592.
 Савостьяновъ III, 310.
 Садовскій П. М. II, 124, 446, 447, 587.
 Садразамъ I, 95, 99—102, 108, 113, 114, 235, 242, 245, 248, 252.
 Сазоновъ А. I, 454—456.
 Салтовъ В. И. II, 287, 289.
 Сакенъ I, 54, 450, 529; II, 192, 201, 354, 356, 362, 383, 386, 388, 408; III, 361, 363, 527.
 Салтановъ II, 594.
 Салтыкова гр. II, 65, 475.
 Салтыкова М. П. II, 614.
 Салтыкова Н. Ю. кн. II, 228, 229.
 Салтыковъ фельдм. I, 45, 184, 492; II, 50, 332, 418, 420, 462; III, 134.
 Салтыковъ А. гр. II, 42, 55.
 Салтыковъ В. Ф. II, 473.
 Салтыковъ И. П. гр. II, 156.
 Салтыковъ М. I, 600, 601.
 Салтыковъ С. В. II, 321, 330.
 Салтыковъ Ф. II, 22.
 Салтыковъ Н. И. I, 536.
 Салтыковъ П. С. III, 63, 64.
 Сальватори док. III, 321.
 Сальянсъ-де-Турнемиръ гр. III, 351.
 Самарина д-ца II, 515.
 Самаринъ II, 446—448; III, 551.
 Самаринъ Ю. I, 637; II, 443.
 Самаринъ Ю. С. III, 94.
 Самаринъ Ю. Ф. II, 472, 473.
 Самаринъ Ф. В. II, 211.
 Самбулъ Л. Н. II, 80.
 Самойловъ гр. II, 369, 447, 464, III, 149, 151, 252—254, 298.
 Самойловъ Ф. Н. I, 384.
 Самуровъ II, 428.
 Сандуновъ об.-сек. II, 615.
 Сандфордъ III, 528,
 де-Сангленъ Я. И. II, 67.
 Санта-Кроче кн-ня III, 503.
 Санти А. Л. I, 18.
 де-Сантилеръ III, 23.
 Санъ-Круа I, 42.
 де-Санъ-Марсанъ марк. I, 164, 166.
 Сапожникова II, 157.
 Сапожниковъ В. Г. I, 392, 394, 395.
 Сарычевъ I, 327—329.
 Сафоновъ III, 200, 417.
 Себастиани I, 521, 538; II, 422, 433, 347.
 Севрюговъ П. Ф. II, 109.
 Сегюръ гр. II, 491.
 Селивановъ А. Н. III, 335.
 Сементковскій Т. III, 227.
 Семичевъ II, 428.
 Сенакъ-де-Мейлакъ III, 102.
 Сень-Лё графин. I, 167.
 Сень-Марсанъ марк. I, 171.
 Сень-При гр. I, 486, 507, 529, 538; II, 47, 195, 245, 636; III, 346.
 Сень-Симонъ гер. I, 303.
 Сень-Сиръ марш. II, 429.
 де-Сень-Астье гр. III, 263.
 Сень-Круа III, 394.
 Сень-Жульенъ гр. III, 474.
 Сенявина Е. А. II, 348.
 Сенявина М. А. II, 189.
 Сенявинъ Д. Н. адм. II, 348, 410.
 Сенявины II, 349.
 Сербиновичъ II, 308, 310.
 Сергій схим. I, 383, 548—583, II, 614.

- Сергій Александровичъ в. кн. I, 81, 82, 255, 258, 273. 275; III, 174.
 Сергѣевъ Д. I, 326—331.
 Сердобинъ II, 132.
 де-Серра Напріола герцогиня I, 185, 207, 223, II, 59, 61; III, 264—267, 269, 270.
 Сеславинъ А. Н. II, 428, 430, 431.
 Сестреничевъ Богушъ I, 33, 192, 218.
 Свашевскій М. I, 620, 624.
 Свѣрбеевъ III, 335.
 Свѣрбеевъ Д. Н. III, 338.
 Свѣрбеевы II, 282, III, 317.
 Свиньинъ II, 164.
 Свиткинъ Т. I, 66, 67, 72, 79.
 Свѣтошниковъ II, 11.
 Свѣчина М. Н. I, 416.
 Свѣчинъ губ. I, 111, 115.
 Сиверсъ I, 39.
 Сиверсъ К. Е. гр. II, 122.
 Сиверсъ Я. Е. гр. I, 25, 26.
 Сигизмундъ III, I, 599, 600.
 Сидоровъ А. А. III, 228.
 Силинъ И. Л. III, 284, 285.
 Симаковъ полк. II, 507.
 Симолинъ II, 326, 485.
 Симпсонъ II, 370.
 Симсонъ II, 36.
 Синельниковъ II, 196.
 Сиринъ И. I, 587.
 Ситниковъ С. Д. II, 77; III, 489.
 Скабеевъ I. свящ. II, 428.
 Сквронская А. К. I, 311, 312.
 Сквронскіе III, 16.
 Скалуба Д. II, 300.
 Скаржинскій II, 420.
 Скарятинъ А. II, 157.
 Скарятинъ П. И. II, 156, 157.
 Скарятинъ I, 313.
 Скарятинъ В. I, 132.
 Скарятинъ Г. II, 157.
 Скарятинъ Н. Я. губ. II, 156.
 Сначновъ К. А. III, 86.
 Сиворцовъ Н. I, 443.
 Скобелевъ И. Н. I, 524; III, 200.
 Скобелевъ Л. Н. ген.-губ. II, 586.
 Скобелевъ М. Д. II, 586.
 Скопинъ-Шуйскій М. I, 599.
 Скорняковъ-Писаревъ Б. II, 295, 296, III, 51.
 Скоропадскій I, 131.
 Скопинъ Н. протоіер. III, 107, 109, 113.
 Скугаревскій А. ген. II, 424.
 Слатина М. Н. II, 129.
 Слатины II, 127.
 Случевскій К. К. II, 127.
 Слѣпцовъ Н. П. г.-м. I, 459, 465.
 Смирдинъ I, 422.
 Смирнова А. О. III, 155.
 Смирнова А. О. II, 473.
 Смирнова Е. О. III, 155.
 Смирнова М. О. III, 155.
 Смирнова А. О. II, 158.
 Смирновъ II, II, 381.
 Смирновъ А. М. II, 606.
 Смирновъ И. Л. I, 377.
 Смирновы III, 155.
 Смирягинъ свящ. III, 545.
 Смольяниновъ В. Н. II, 461.
 Снѣгиревъ И. М. II, 134—140, 212, 617; III, 18, 278.
 Собанинскій В. Ф. II, 206.
 Соболевскій I, 432, 621, 638; II, 159, 307, 607, 635, III, 244, 307, 371.
 Собѣссскій Я. III, 12.
 Созоновъ III, 495.
 Соймоновы II, 229.
 Соковнинъ I, 134—136; II, 606.
 Соколовичъ Д. Г. II, 619.
 Соколовская С. III, 182.
 Соколовскій I, 504; III, 120.
 Соколовъ И. М. I, 126; II, 353; III, 277.
 Солдатенковъ В. И. II, 87, 101, 102.
 Солдатенковъ К. Т. II, 98—101, 121, 468, 596; III, 285.
 Солнцевъ I, 365.

- Соловейчикъ II, 587.
 Соловьевъ В. С. II, 126.
 Соловьевъ Н. Г. III, 146.
 Соловьевъ С. I, 279, 316, 381, II, 417, 425, 481, 586, 587, 619; III, 34, 57, 58.
 Соловьевы III, 284.
 де-Сольгъ марк. III, 263.
 Сологубъ С. И. графиня II, 299.
 Солтыкъ еп. I, 39.
 де-Сольданъ-Гамъ I, 217.
 Сомовъ А. С. III, 431.
 Сомовъ С. Н. II, III, 431.
 Сорель III, 277.
 Сорокинъ ген. I, 302; III, 200.
 Сорокоумовскій Д. II, II, 584.
 Сорокоумовскій П. II, II, 584.
 Сосницкій И. И. III, 247.
 Софья Алексѣевна царевна I, 614, III, 194, 279.
 Соць Н. И. I, 290.
 Сперанскій Г. I, 215, 452, 453, 522, 535, 536—538, 540, 543, 547; II, 248, 347, 376, 625; III, 177, 238, 298, 430.
 Спиридоновъ Х. Д. II, 79.
 Срѣтенскій Г. Г. I, 381.
 Стадіонъ гр. II, 48.
 Сталенбергъ I, 440.
 Сталь баронес. II, 539—579; III, 358.
 Стамбуловъ III, 220.
 Станиславъ-Августъ Понятовскій I, 21—45
 Станишевъ III, 95, 98.
 Станишевъ К. Н. III, 89.
 Станіо II, 448, 449.
 Станкевичъ II, 246; III, 340.
 Станкевичъ А. В. II, 94, 96; III, 160.
 Станкевичъ А. И. I, 621; II, 87.
 Станкевичъ Н. В. III, 160.
 Стасовъ III, 334.
 Стасюлевичъ М. М. III, 308, 311.
 Стаховичъ III, 320.
 Стахѣвы II, 108.
 Стедингъ III, 270, 271.
 Стенбокъ-Фермеръ графиня III, 431.
 Степановъ II, 124, 447; III, 149.
 Степановъ К. I, 464, 465.
 Степановъ Н. II, 237—239.
 Степановъ П. I, 464, 465.
 де-Стевень III, 399.
 Столыпинъ А. А. II, 252, 454; III, 115, 117, 220, 226.
 Стороженко г.-м. III, 229.
 Стороженко А. В. I, 277.
 Стороженко В. А. I, 277.
 Страховъ II, 616, III, 204.
 Стрекалова А. Н. II, 121.
 Стрекаловъ С. С. II, 115, 121, 442, 483, 589.
 Строганова Е. I, 102, 484, 485, 503, 504, 507; II, 166, 197, 347—349, 351, 381, 574; III, 351, 356, 372.
 Строгановъ II, 411.
 Строгановъ гр. I, 486, 451, 492, 494, 516, 526, 571, 572; II, 48, 54, 104, 159, 160, 164, 165, 172, 349, 350, 378; III, 298, 334, 375, 376, 430.
 Строгановъ Г. А. бар. I, 507, 554—546, II, 159, 345, 379, 380, 383, 604.
 Строгановъ С. бар. II, 351.
 Строгановъ С. Н. бар. II, 350.
 Строгановъ С. Г. гр. III, 342, 344.
 Строгановъ П. А. гр. II, 350, 416.
 Струве II, 334, 629; III, 258.
 Струковъ г.-м. III, 220, 226.
 Струпская III, 149.
 Стрѣшнева Е. Л. I, 440.
 Стрѣшневъ Т. Н. III, 6, 56.
 Стуловъ II, 428.
 Ступишинъ А. А. II, 598, 599.
 Стурдзе камерг. I, 226.
 Субботинъ Н. И. I, 365.
 Суворинъ А. С. II, 290, 448.
 Суворовъ I, 161, 162, II, 43, 417, 422, 541, 558; III, 257, 258, 366, 381, 468—474.
 Судановъ III, 40.

- Сукинъ А. Я. ген. отъ инф. III, 200.
 Султановъ Н. В. III, 290.
 Сумароковъ II, 629.
 Сунгуровъ Н. III, 481—495.
 Суриновъ В. И. III, 283.
 Суриновъ Д. II, 236, 238.
 Суриновъ М. II, 235, 238.
 Суриковы II, 235.
 Сурмина М. И. II, 303.
 Сурминъ И. II, 302.
 Сурминъ М. И. II, 302, 303.
 Сухаревъ II, 247.
 Сухово-Кобылинъ II, 446.
 Суходольскій II, 220.
 Сухотинъ А. Н. II, 606.
 Сухтеленъ гр. III, 488.
 Сучкинъ II; 580—582.
 Сушковъ Н. В. I, 432; II, 230.
 Сѣдовъ С. III, 110, 112.
 Сѣрановскій архіеп. I, 39.
 Сѣровъ В. А. III, 284.
- *
- Тайковъ III, 212, 213.
 Тайлеранъ I, 531; II, 179; III, 390, 393, 397.
 Талызинъ III, 109.
 фоль-Таль А. Я. ген. II, 582.
 Татаринцовъ К. II, 632.
 Татаринцевъ II. III, 66 67.
 Татищева I, 527, 529.
 Татищева М. С. III, 133.
 Татищева Ю. А. II, 369.
 Татищевъ I, 449, 525, 544, 545; II, 40, 63, 379—381, 383, 384, 386.
 Татищевъ гр. I, 226.
 Татищевъ Д. П. II, 369.
 Татищевъ Н. А. III, 172.
 Татищевъ С. Д. II, 369.
 Татищевъ С. С. III, 172, 226, 294, 381, 408, 411, 465.
 Татищевы I, 277; III, 172.
 Татіана Михайловна в. княж. III, 194.
 Таракановъ III, 499.
 де-Тарантъ кв-на III, 527, 528.
 Тарасовъ I, 74; II, 81, 109; III, 80, 112.
 Тарновскій К. А. II, 89, 107, 115, 117, 118, 126; III, 72, 73.
 Тарховы II, 619.
 Тейферъ III, 382,
 Тенишевъ кв. II, 428.
 Терновскій С. Г. I, 589.
 Тессе марш. III, 37.
 Тессинъ III, 485—495.
 Тизенгаузенъ гр. I, 95, 266; II, 500—502, 504, 505.
 Тизенгаузенъ фрейл. II, 54.
 Тизенгаузенъ Е. М. гр. II, 185.
 Тизенгаузенъ И. А. гр. II, 497, 499.
 фонъ-Тилень Г. III, 403.
 Тиліевъ III, 217, 219.
 Тимновскій Р. Ф. II, 621.
 Тирнонель II, 576.
 Тиръ кап. I, 5, 6, II, 487.
 Титовъ I, 567; II, 606; III, 235, 499, 504, 506, 507, 512, 514, 516, 518, 520.
 Титовъ А. А. II, 103, 588; III, 256, 286.
 Титовъ Д. Н. III, 56.
 Титовъ М. И. II, 78, 235.
 Тихановъ II, 220, 221.
 Тихомировъ Л. А. I, 385—387, 389, 393—395, 399.
 Тихоновъ I, 606, 608.
 Тихонъ еп. I, 347, 348.
 Толозанъ док. I, 101.
 Толмачевъ II, 88.
 Толстая гр. I, 405; III, 349, 355, 365—368, 378, 499—507, 514, 517, 518, 520, 522, 523, 525, 526, 529—531, 535, 537, 538.
 Толстая А. И. гр. I, 162.
 Толстая А. К. III, 17.
 Толстая Е. В. гр. II, 157.
 Толстая М. А. гр. III, 346, 348.
 Толстая П. Ф. гр. II, 98.

- Толстой I, 504, 535; II, 31, 482, 484; III, 37, 56, 346, 347, 378.
- Толстой гр. I, 371, 449, 492, 494; II, 52, 350, 361, 624; III, 151, 243, 366, 529.
- Толстой об.-гофм. I, 176.
- Толстой серж. II, 326.
- Толстой А. гр. II, 125.
- Толстой Д. А. гр. I, 291, 206—298, 446—448; II, 586.
- Толстой Д. Н. гр. I, 148—160, 332—368, 370.
- Толстой Л. гр. I, 294; II, II, 279, 312, 438, 590, 591; III, 244, 430.
- Толстой М. В. гр. II, 158.
- Толстой Н. Л. II, 625.
- Толстой П. С. гр. II, 157, 195, 296, 297, 299; III, 34, 45—49, 340, 347, 358, 359.
- Толстой О. И. гр. I, 336.
- Толь гр. I, 237; II, 200, 419.
- Томашевскій А. Ф. I, 631.
- Томашевскій Е. А. III, 335.
- Тоннъ К. А. II, 438.
- Тоокеръ I, 510.
- Топорнинъ А. III, 486—495.
- Торелли кн. II, 157.
- Тормасовъ I, 485, 487, 488, 497, 543; II, 354, 419, 421, 427, 432.
- Торси III, 126.
- Торсонъ I, 568.
- Торубаевъ И. Г. I, 323—325.
- Тотлебенъ III, 117, 344.
- Траверсе I, 535; II, 378.
- Трамъ I, 65.
- Трембицкій С. III, 228.
- Третьяковъ П. М. III, 285.
- Третьяковъ С. М. II, 80.
- Трещалинъ II, 114.
- Тринклеръ А. II. II, 208.
- Троенурова Н. III, 52.
- Тропининъ худ. I, 303.
- Трощинскій II, 171, 343, 351, 401.
- Трубецкая кн. II, 65, 442; III, 136—140.
- Трубецкой III, 24, 54.
- Трубецкой кн. I, 541; II, 82, 386; III, 12.
- Трубецкой И. Ю. кн. I, 136; III, 286.
- Трубецкой Н. И. кн. II, 451.
- Трубецкой М. П. кн. II, 68.
- Трубецкой П. С. кн. II, 457.
- Трубецкой Ю. кн. III, 9.
- Труворовъ А. П. III, 272.
- Трусевичъ I, 308, 403, 404, 407.
- Трутовской В. К. II, 587.
- Трюбнеръ I, 355.
- Тугенгольдъ А. К. II, 101.
- Тугутъ бар. III, 259, 466, 473.
- Тулаева В. А. I, 450.
- Тулинова II, 231.
- Тулиновъ Н. И. II, 231.
- Тулузь-Лотрекъ гр. II, 443.
- Тумачевскій Г. И. II, 159, 635.
- Тургеневъ III, 145, 146, 311.
- Тургеневъ А. И. I, 409, II, 288, 289, 618; III, 430.
- Тургеневъ А. М. II, 621; III, 430—432.
- Тургеневъ И. С. I, 621; II, 120, 125, 586, 604, 605; III, 430, 431.
- Тургеневъ Н. И. I, 625; II, 122, 604—629; III, 311, 430.
- Тургеневъ П. Н. I, 625, 626; II, 287, 290.
- Тургеневъ С. II, 604, 618.
- Туркевичъ I. II, 300.
- Туркестанова княж. III, 345—380, 497—543.
- Тутолминъ II, 611, 633.
- Тучковъ I, 394, 495, 499, 502, 504; II, 242, 245, 275.
- Тушинскій I, 601.
- Тэнъ И. I, 443.
- Тюиль II, 181, 383.
- Тюлинъ В. I, 394.
- Тюлье П. II. II, 122.

Тюрбертъ II, 632.
 Тютчева фрейл. II, 442; III, 411.
 Тютчевъ I, 467, 470, 477, 635, 638;
 II, 438, 466, 480, 602, 603; III,
 144, 291.
 Тюфяевъ полк. III, 230.
 Тычининъ Д. I, 323, 324.
 Тѣлинъ М. В. I, 392.

*

Уваровъ А. С. гр. I, 443.
 Уваровъ С. С. I, 421; II, 287; III, 95,
 97.
 Уваровъ Ѳ. Е. II, 209.
 Уваровъ I, 361, 508; II, 229.
 Удино ген. I, 57; II, 429, 433.
 Улухановъ М. И. II, 109.
 Ульрихъ А. III, 11, 14.
 Урбихъ бар. III, 11.
 Урусовъ Н. Ю. кн. III, 109.
 Урусовъ С. С. кн. I, 371.
 Урусовъ кн. II, 446; III, 234—238,
 240.
 Урсинъ-Нѣмцевичъ Ю. I, 23.
 Усачева М. К. II, 130.
 Усачевъ А. Д. I, 74.
 Успенскій А. III, 491.
 Успенскій П. архим. II, 472.
 Устиновъ М. А. II, 71.
 Устряловъ I, 278; III, 57.
 Ухтомскій кн. II, 457.
 Ушакова Ек. III, 300.
 Ушакова Ел. III, 300.
 Ушаковъ М. Ѳ. II, 81.
 Ушаковъ С. II, 6.
 Ушаковъ Ѳ. поруч. II, 303.
 Ушаковъ II, 165; III, 56.
 Ушинскій губ. I, 559.

*

Фаддѣевъ А. М. III, 205—207, 209,
 211—215.
 Фаллеръ II, 96.
 Фалѣевъ Д. Ѳ. II, 77.

Фарфоровскій С. I, 130; III, 102.
 Фетъ А. А. II, 95, 126, 590, 591.
 Фетъ М. П. II, 93, 98, 126.
 Ферাপонтовъ I, 584.
 Фердинандъ VII, I, 184.
 Ферзенъ III, 190.
 де ла-Ферронэ гр. II, 52.
 Феруччи II, 448.
 Ферье III, 515.
 Флемингъ II, 485.
 Фленсъ кап. I, 79.
 Флонé I, 446, 449.
 Фиглевъ II, 428.
 Фигнеръ А. С. II, 428, 431.
 Филаретъ мит. I, 170, 358, 362, 368,
 432, 433, 584, 588, 591, 603; II,
 313, 350, 444, 445; III, 343, 373,
 517, 544—546.
 Филатовъ II, 75, 76.
 Филатьевъ II, 12.
 Филимоновъ А. А. II, 102.
 Филимоновъ Д. Д. III, 415.
 Филимоновъ И. I, 408.
 Филимоновъ Ю. Д. II, 121.
 Филимоновъ III, 493, 494.
 Филипповъ I, 159.
 Филиппъ мит. III, 337.
 Филиппъ Орлеанскій герц. III, 37.
 Филиппъ II, II, 5.
 Филиппъ V, I, 184.
 Филипсонъ ген. III, 327, 328.
 Финляндскій Н. Д. I, 385.
 Фирстенбергъ кн. III, 12.
 Фогель г-жа III, 529.
 Фоглеръ II, 11.
 Фоктани архим. II, 462.
 Фолькманъ проф. III, 276.
 Фольцогенъ бар. I, 539.
 Фонвизинъ Д. И. II, 325.
 Фонвизинъ поруч. II, 428.
 Фонвизинъ III, 104.
 Фоссъ графиня I, 314.
 Фохтъ III, 406.
 Франкъ бар. II, 410.

Францъ II, III, 358, 467.
 Фрейдебертъ Б. В. III, 273.
 Фрейденрейхъ II, 614.
 Фредериксъ бар. I, 85, 274.
 Фредерикъ II, II, 621.
 Фрезе ген. I, 111, 113.
 Фрѣлихъ III, 265.
 Фредерина принцес. II, 370.
 Фридрихъ-Вильгельмъ III, I, 24; II, 437.
 438; III, 33.
 Фридрихъ-Карлъ пр. II, 116.
 Фридрихъ Вел. I, 448.
 Фридрихъ II, I, 48, 49; II, 353, 491,
 562.
 Фризе X. I, 21, 22.
 Фроловъ И. I, 70, 78, 79.
 Фуль I, 539, 541.
 Фурманъ III, 406.
 Фуше I, 531.

*

Хворостининъ И. Б. I, 598.
 Хвостовъ А. И. II, 458.
 Хайловъ М. II, 114.
 Халкіоповъ III, 203, 205, 208, 213,
 215.
 Ханенко А. И. I, 403; II, 494, 495,
 509, 538; III, 175, 180, 187.
 Ханенко Н. Д. I, 532.
 Ханенко III, 174.
 Ханьковъ ген. II, 181.
 Харашлеевъ X. X. II, 109.
 Харитоновъ III, 329, 330.
 Херасковъ II, 629.
 Херхеулидзе кн. II, 410.
 Хилковъ А. М. кн. I, 370.
 Хитрова А. М. II, II, 157.
 Хитрово ген. II, 185; III, 220—223.
 Хлопицкій II, 424.
 Хлудова В. А. II, 83.
 Хлудовъ Л. И. II, 584.
 Хлудовъ Г. И. II, 80.
 Хлудовъ М. А. II, 83.
 Хлѣбниковъ I, 552.

Хоботова II, 256, 258.
 Хованская кн. III, 335.
 Хованько III, 505.
 Ховрина II, 229.
 Хоггеръ бар. III, 258.
 Ходовецкій Д. II, 589.
 Хомяковъ А. С. I, 435—438, 477; II,
 318, 470.
 Хомяковъ Ѳ. I, 438.
 Хомяковъ I, 637; II, 312; III, 152.
 Хомяковы II, 282.
 Храблевъ ген.-м. III, 71.
 Храповицкій А. И. III, 246, 247.
 Храповицкій II, 428, 537, 538.
 Хрептовичъ-Бутенева Е. П. гр. III, 136.
 Хрептовичъ-Бутеневъ К. А. гр. II, 55;
 III, 319.
 Христовичъ III, 97.
 Христофоръ іером. I, 580, 582, 583.
 Хрулевъ I, 365.
 Хруцова Н. С. I, 313.
 Хруцовъ И. П. I, 446.
 Хрущовы II, 482.
 Худобашевъ II, 353.

*

Цанковъ III, 217.
 Цвѣтковъ III, 492.
 Цертелевъ кн. III, 121—133.
 Циклеръ оф. 134, 135.
 Циндель Э. Э. II, 115.
 Циціановъ кн. II, 345, 353, 410.
 Цугегеръ м. I, 29.
 Цуриковъ II, 211.
 Цымянскій I, 76.

*

Чаадаевъ I, 355, 361.
 Чаевъ Н. А. I, 305.
 Чайновскій А. И. II, 82.
 Чаплиць ген. I, 56, 529; III, 434.
 Чарторыжскій А. кн. I, 28, 161, 162,
 167, 492; II, 184, 186, 351, 486.

- Чарторыжскіе кн. II, 483, III, 170.
 Чеботаревъ II, 615.
 Чедаевъ II, 211.
 Челышновъ И. И. II, 114.
 ди-Чентуріони С. И. II, 157.
 Черевинъ г-ад. II, 119; III, 239.
 Чередниковъ М. I, 463.
 Черинъ З. I, 67, 70—73, 78.
 Чернасовъ бар. II, 534.
 Чернасская Е. А. II, 473.
 Чернасская кн. II, 230.
 Чернасская княж. II, 157.
 Чернасскій В. А. кн. I, 627; II, 80, III, 136—140.
 Чернасскій кн. III, 51, 551.
 Черноевичъ, А. С. III, 400.
 Чернозубовъ Ѳ. I, 79, 466, 610; II, 225, 428.
 Черномординъ Я. И. III, 284, 285.
 Чернышевскій III, 313.
 Чернышевъ З. Г. II, 321.
 Чернышевъ М. А. II, 87.
 Чернышевъ П. Г. гр. II, 321.
 Чернышевъ I, 530; II, 200, 365, 371, 374, 385.
 Черняевъ М. Г. ген. II, 83.
 Черткова Е. А. III, 343.
 Чертковъ А. Д. I, 370.
 Чертковъ В. И. II, 245.
 Чертковъ Г. А. I, 370; III, 347.
 Четверикова I, 384, 385.
 Четвертинскій Б. А. кн. I, 491; II, 593; III, 286.
 Чековъ I, 316.
 Чижовъ А. Г. II, 80.
 Чижовъ И. В. II, 123.
 Чижовъ Ф. П. III, 551.
 Чижовъ Ѳ. В. II, 533.
 Чижовъ II, 619; III, 406.
 Чириковъ ген.м. I, 133.
 Чихачевъ П. III, 337.
 Чихиринъ К. II, 425.
 Чичеринъ Б. Н. I, 159, 279; II, 81, 83, 96.
 Чичеринъ Д. И. губ. III, 287.
 Чичеринъ ген.-м. II, 488.
 Чичаговъ ад. I, 50—59, 63, 483, 492, 527—530, 543, 545; II, 37, 38, 56, 427, 431, 433, 435.
 Чичулинъ С. Д. I, 5.
 *
 Шабельская Ф. I, 456—458.
 Шалашниковъ III, 489, 490.
 Шайкевичъ С. С. II, 86, 87.
 Шамбарлянь III, 385.
 Шамиль I, 64—68, 74, 457, 460; II, 109, 218, 223, 225.
 Шамсединовъ прап. I, 456—458.
 Шамшинъ III, 234, 235.
 Шанзи ген. II, 108.
 Шанявскій III, 491.
 Шапошниковъ К. К. II, 78.
 Шараповъ С. Ѳ. I, 443.
 Шарлотта принцес. II, 203; III, 13, 15, 57.
 Шарлье III, 396.
 Шатровъ II 476.
 Шаховская А. П. кн. I, 300, 302.
 Шаховская В. А. кн. I, 312.
 Шаховской А. А. кн. I, 629.
 Шаховской В. Л. кн. I, 300, 301.
 Шаховской Л. кн. I, 300, 448.
 Шаховской Н. А. кн. I, 326.
 Шаховской Н. В. кн. I, 299, 448.
 Шаховской Н. кн. I, 300; III, 189.
 Шаховской С. В. кн. I, 300, 446, 450, 629; II, 479, 480.
 Шаховской кн. I, 312, 447, 598, 628, 630, 631, 635, 636; II, 410; III, 246.
 Шаховскіе кн. I, 300.
 Шахъ-Назаровы II, 109.
 Шаевировъ П. П. III, 64.
 Шаевировъ вице-канц. III, 15.
 Шафировъ III, 34, 37, 56.
 Шварценбергъ I, 497, II, 193.
 Шварць полк. II, 366, 367.

- Шверинъ II, 324; III, 389.
 Шевичъ Д. II, 312.
 Шевичъ И. II, 312; III, 402.
 Шевичъ II, 470.
 Шевичи I, 448.
 Шевыревъ С. П. I, 421, 584; II, 308; III, 152, 256, 307, 311, 342.
 Шейнъ М. Б. I, 439.
 Шелаголинъ В. II, 458.
 Шеллапутинъ П. Д. II, 78.
 Шелеръ I, 206.
 Шемякинъ Н. I, 322.
 Шёнборнъ вице-канц. III, 40—42, 44.
 Шеншинъ Н. В. III, 311.
 Шеншинъ мин. I, 596.
 Шеншинъ II, 210.
 Шервудъ чин. I, 569.
 Шереметева Е. Г. гр. II, 160.
 Шереметева М. Б. гр. I, 307.
 Шереметева гр. I, 387; III, 342, 343.
 Шереметевъ А. Д. гр. II, 127.
 Шереметевъ Б. гр. I, 131—133, 318, 319; II, 127; III, 17.
 Шереметевъ Д. Н. гр. II, 159.
 Шереметевъ Н. П. гр. III, 297.
 Шереметевъ П. Б. 113, 342.
 Шереметевъ С. Д. гр. 133, 520; II, 119; III, 335, 342.
 Шереметевъ Ф. И. бояр. I, 440.
 Шереметевъ гр. II, 426.
 Шереметевъ гр. I, 307, 440.
 Шестаковъ адм. I, 86.
 Шестовъ А. П. II, 78.
 Шествиць III, 383.
 Шетнева Е. Н. III, 175.
 Шибановъ П. П. II, 86; III, 277.
 Шиллеръ Софья III, 511.
 Шильденбрандтъ ген. II, 166.
 Шилдеръ Н. К. 509; III, 344.
 Шиповичъ А. Е. II, 229.
 Ширинскій-Шихматовъ А. П. кн. I, 298, 299.
 Ширинскій-Шихматовъ кн. I, 571, 572, 580.
 Ширяевъ С. Д. II, 80.
 Шихматовъ I, 196.
 Шишковъ А. С. II, 420, 437.
 Шишковъ I, 188, 420, 421; II, 31, 131, 171, 205, 347, 629.
 Шкоттъ Н. Я. II, 97—99.
 Шнурановъ Л. I, 325.
 Шлыкова Т. В. II, 160.
 Шмейль III, 276.
 Шметау ген. I, 48.
 Шмидтъ III, 118, 120—127.
 де-Шоль гр. III, 269.
 Шопень М. И. III, 172.
 Шоршоровъ М. Л. II, 109.
 Шостакъ губ. I, 629.
 Шпаковский II, 535.
 Шредеръ III, 302.
 Штакельбергъ I, 30; II, 173, 181, 186.
 Штарембергъ кн. II, 176.
 Штейгель I, 517; II, 388.
 Штейнъ II, 576; III, 351.
 Штеллингъ II, 374.
 Штелинь Я. I, 134.
 Штендеръ И. И. III, 69, 70, 73, 74, 79—81.
 Штофрегень док. II, 353, 375.
 Штюмеръ II, 107.
 Шуазель гр. II, 409.
 Шубертъ В. К. III, 276.
 Шубинъ II, 428.
 Шувалова гр. II, 371; III, 260.
 Шуваловъ А. П. гр. II, 475.
 Шуваловъ И. И. II, 473, 474; III, 554.
 Шуваловъ И. М. II, 473.
 Шуваловъ П. А. I, 449.
 Шуваловъ П. гр. II, 474; III, 237.
 Шуваловъ гр. I, 148, 447, 490, 540; III, 242, 295.
 Шуваловы I, 366; II, 474, 475.
 Шускій В. I, 597—601, II, 6.
 Шульгинъ оберполицим. I, 297.
 Шульцъ И. Ю. II, 107.
 фонъ-Шульцъ III, 393, 397, 398.
 Шумахеръ Д. Д. II, 80.

Шумахеръ П. В. II, 94, 95, 98, 113,
115, 121, 587.
Шумскій II, 446—448.
Шурупова Е. А. III, 142.
Шустова А. Л. II, 93.
Шустовъ II, 237.
Шушеринъ II, 476.
Шушуковъ адм. III, 338.

*

Щебальскій III, 94.
Щеголевъ П. Е. I, 605.
Щедринъ I, 608.
Щенскій-Потоцкій I, 31.
Щепкинъ И. А. II, 79.
Щепкинъ М. П. II, 101.
Щепкинъ II, 446.
Щепкинъ Н. Н. II, 81.
Щербатовъ А. А. II, 80.
Щербатовъ П. П. кн. I, 23.
Щербатовъ кн. II, 11, 434, 518, 519;
III, 65.
Щербатый С. кн. III, 52.
Щербачевъ I, 330.
Щербининъ М. П. сен. II, 416, 440,
441, 449—452.
Щукина А. II, 583, 595.
Щукина О. II, 595.
Щукинъ В. П. II, 595.
Щукинъ Д. II, 583, 595.
Щукинъ И. II, 595:
Щукинъ Н. С. I, 357; II, 82, 98, 583,
595.
Щукинъ П. И. II, 82—130, 211,
583—596; III, 273—290.
Щукинъ С. II, 82, 595.

*

Эверлаковъ III, 23.
Эверсъ III, 522, 524, 536, 539, 540.
Эдлигъ графиня II, 175.
Эларовъ В. А. II, 103, 209, 211.
Эллиссонъ док. III, 387, 395.
Эллисъ В. II, 197.

Эльсницъ I, 28.
Эминъ Н. О. I, 294, 297—299.
Энгельгардтъ М. А. III, 402.
Энгельгартъ II, 428, 504, 534.
Эргартъ К. ген. II, 10.
Эрикъ IV, II, 578.
Эристовъ кн. I, 459, 466.
Эрнстъ-Юаннъ герц. II, 327, 331, 332.
Эртель ген. I, 55.
Эртель III, 511, 529.
Эсмонтъ II, 191.
Эйсенъ I, 484; II, 41, 132, 419.

*

Юдинъ П. Л. I, 460; II, 239, 601; III,
64, 67, 69, 113, 215, 320.
Юматовъ III, 203, 212; 213.
Юрeneuve Н. О. III, 336, 337.
Юрeneuve III, 337.
Юрьевская кн. II, 328.
Юрьевъ С. А. 305, 371.
Юсупова кн. I, 194, 350, 351, 367,
372.
Юсупова княж. III, 354.
Юсуповъ кн. I, 43; II, 354; III, 366.
Юшковы В. А. II, 292.
Юшковы В. Н. II, 292.

*

Яблоковъ К. И. II, 109.
Яворскій С. II, 299; II, 21, 54.
Ягницкій ад. II, 197.
Ягужинскій III, 37,
Ягуновъ III, 204.
Языковъ И. I, 323.
Языковъ фл. ад. III, 225.
Языковъ I, 420, 221, 603; II, 288.
Яковлевъ И. А. III, 334.
Яковлевъ Л. А. сен. III, 334.
Яковлевъ П. I, 326—330.
Яковлевъ II, 279, 429; III, 210.
Якубовскій I, 42.
Якунчиновъ В. И. III, 335.
Якушевъ И. I, 464, 465.

Якушинъ II, 157.

Янковскій полк. III, 114—119.

Яновскій И. И. I, 548.

Яновскій С. И. I, 548.

Яновскій I, 550—552, 555—557, 559,
560, 563, 571, 572, 580.

Ярцовъ И. М. II, 78.

Ястребовъ Р. I, 463—465.

Яхненко III, 340, 341.

Яхонтовъ кап. II, 507.

Яценковы I, 548.

Яшвилъ кн. I, 484; II, 197.

*

Федоровичъ III, 97.

Федоровъ Н. Ф. I, 312.

Федоровъ П. С. III, 149, 249.

Федоровъ II, 441; III, 205.

Федоръ Алексѣевичъ в. кн. I, 612; III,
22.

Федотовъ II, 446, 447; III, 203, 212.

Федюкинъ Н. М. II, 584.

Феодосія Алексѣевна в. княж. III, 196.

Фоктистовъ I, 361.

Фоминъ III, 337.

СО Д Е Р Ж А Н І Е
ТРЕТЬЕЙ КНИГИ
„РУССКАГО АРХИВА“

1912 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

5. Петръ Великій и Царевичъ Алексѣй.
Статья Д. И. Иловайскаго.

63. Письмо Кизлярскаго губернатора П. С. Салтыкова къ А. П. Волынскому. Сообщилъ П. Л. Юдинъ.

304. Письмо Петра Вел. И. В. Панину. 1714.

403. Происхожденіе фельдмаршала князя Н. В. Репнина (сообщено его правнукомъ княземъ Н. В. Репнинымъ-Волконскимъ).

66. Самозванецъ Пугачевъ. Новооткрытыя о немъ показанія. Сообщилъ П. Л. Юдинъ.

68. Академикъ Гмелинъ. 1774.

102. Письмо Екатерины Великой къ Сенакуде-Мейлану.

113. Указъ графа П. Б. Шереметева его служителю Петру Александрову.

161. Еще письма Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу. 1703.

172. Рескриптъ Екатерины Великой Н. А. Татищеву. 1790.

201. Усердіе не по разуму. (Саратовскій губернаторъ Фадѣевъ). П. Л. Юдина.

252. Запрещенныя при Екатеринѣ Великой книги. Н. Г. Высоцкаго.

402. Екатерина Великая на родинѣ князя Потемкина.

104. Ретивые исполнители. Статья П. Л. Юдина.

173. Старые годы. Н. А. Кутлубицкій и его письма. Съ предисловіемъ И. А. Бронскаго.

191. Хронологическій списокъ Высочайшихъ особъ, скончавшихся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

257. Дневникъ словесныхъ повелѣній императора Павла графу Ѳ. В. Ростопчину.

381. Секретное донесеніе изъ Гамбурга отъ И. М. Муравьева-Апостола. 1799—1800.

401. Императоръ Павелъ графу С. Р. Воронцову (его увольненіе отъ должности посла въ Лондонѣ).

465. Императоръ Павелъ. Война 1799 года. Незданная статья С. С. Татищева.

475. Изъ тайныхъ писемъ графа Ростопчина. Въ царствованіе Павла Петровича.

138. Воспоминаніе А. И. Васильчиковой о 1812-мъ годѣ. Сообщила А. А. Милорадовичъ.

152. Изъ Записокъ графа Н. Е. Комаровскаго.

159. Русская Борода 1812 г.

250. 1812 годъ. Французы въ Архивѣ Вотчиннаго Департамента. Н. Г. Высоцкаго.

272. Листки. П. А. Рессіева.

321. Первый опытъ пользы отъ воздухоплаванія: секретное письмо императора Александра Павловича къ Московскому губернатору П. В. Обрѣзкову. Май 1812.

345 и 497. Изъ переписки Швейцарца Кристина съ княжной В. И. Туркестановой. 1813, 1814 гг.

Внутри сорочки: вып. 10-го. Статья С. И. Кедрова о патриархѣ Гермогенѣ.—Петербургскій Некрополь.—Исслѣдованіе Великаго Князя Николая Михайловича объ императорѣ Александрѣ Первомъ.—Смоленская Старина (1812).

141. Письма И. И. Лажечникова къ Ѳ. А. Кони. Сообщилъ А. Ѳ. Кони.

227. Памятникъ Полякамъ, павшимъ за вѣрность Государю. Сообщилъ И. Г. Попруженко.

245. Изъ хроники нашихъ зрѣлищъ. П. А. Россіева.

256. Стихи О. М. Бодянскаго на С. П. Шеврева.

322. О манифестѣ 12 Декабря 1825 года. Своеручныя страницы императора Николая Павловича.

296, 334 и 449. Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива»: О Герценѣ.—Разсказъ Н. А. Юренева—Разсказъ декабриста Ф. Башманова.—Художникъ Яхненко.—Екатерина въ спальнѣ у графа П. В. Шереметева.—Убийца Зыковъ.—Императоръ Николай Павловичъ и князь С. М. Голицынъ.—Стихи К. С. Аксакова про Екатерину Великую.—О бракѣ графа Николая Петровича Шереметева.—Елена Петровна Блаватская.

405. Письмо изъ Тобольска Цесаревича Александра Николаевича къ Императору Николаю Павловичу. 1837.

481. Тайное Общество. (Военно-судное дѣло 1831 года). Сообщилъ Сазоновъ.

544. Письмо митрополита Филарета къ графу Н. П. Панину.

83. Леда. Забытое стихотвореніе Е. А. Баратынскаго.

85. Изъ писемъ къ издателю Р. Архива: Кн. В. Ф. Одоевскаго, княгини Е. А. Долгорукой, Н. А. Максимовича и К. И. Жинзифова.

114. Послѣ Берлинскаго конгресса: Письмо полковника Яниовскаго графу Милютину.—Отношеніе князя Цертелева князю Лобанову-Ростовскому и др.

133. Князь Цертелевъ Гнреу.

136. Передъ Турецкой войной. Князь В. А. Черкасскій. Письмо изъ Тульской деревни къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой.

216. Послѣ Берлинскаго конгресса: (Тайныя общества въ Восточной Румелии). Письмо г.-м. Струкова.

234. Изъ дневника П. А. Валуева.

273. Изъ Воспоминаній П. И. Щукина.

291. Адресы Московскаго дворянства императору Александру Николаевичу.

305. Изъ писемъ П. А. Плетнева къ П. П. Бартеневу 1858—1863.

327. Изъ неизданныхъ писемъ графа Д. А. Милютина къ князю А. П. Барятинскому 1859—1862. Съ послѣсловіемъ издателя.

332. Письмо В. А. Конорева къ Великому Князю Владимиру Александровичу. 1887.

408. Изъ Записокъ Д. Д. Голохвастова объ аудіенціи у Императора Александра Николаевича. 1865.

411. Послѣ Берлинскаго Конгресса: Рѣчь генераль-адыютанта Обручева Македонскимъ Болгарамъ.

414. Всеподданнѣйшій докладъ принца П. Г. Ольденбургскаго объ учрежденіяхъ вѣдомства императрицы Маріи.

417. Сенаторская ревизія 1880 года.

430. Александръ Михайловичъ Тургеневъ. Статья К. Я. Грота.

432. «Судьба». Автобіографическія Записки А. М. Тургенева.

437. «Гимназическія Воспоминанія шестидесятника». Е. В. Корша.

496. Про министровъ внутреннихъ дѣлъ былаго времени. Шуточное стихотвореніе.

551. Письма къ П. П. Бартеневу: И. С. Ансакова, прот. М. Я. Морошкина, М. А. Максимовича, Я. К. Грота, К. Жинзифова.

160. А. Б. Станкевичъ. Некрологъ.

316. Павелъ Васильевичъ Жуковскій. Письмо о немъ графа Хрептовича-Бутенева.

547. Памяти П. В. Жуковскаго. П. Ю. Б.

561. Надъ гробомъ П. П. Бартенева. Протоіерея І. И. Соловьева.

565. Памяти П. П. Бартенева. Графа К. А. Хрептовича-Бутенева.

578. П. П. Бартенева. Некрологъ. Петра Бартенева (младшаго).

Внутри сорочки вып. 9-й: Замѣтки П. А. Россіева.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій „РУССКАГО АРХИВА“.

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ конторѣ «Русскаго Архива».

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909, 1910 и 1911, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Наслѣдницы Петра Бартечева.